РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

Къ отшедшимъ дѣятелямъ Исторіи слѣдуетъ относиться съ тѣмъ же чувствомъ, какое испытываешь при входѣ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ.
(Слова Т. Н. Грановскаго)

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Тетрадь пятая.

МОСКВА.

1874.

(Содержаніе см. на оборотѣ)

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТОЙ ТЕТРАДИ

РУССКАГО АРХИВА

1874 ГОДА.

ПИСЬМА Д. С. ДОХТУРОВА КЪ ЕГО СУПРУГѢ.

1805 — 1814.

Славный воинъ, герой 1812 года, Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ происходилъ отъ нѣкогда переселившагося въ Россію доктора или (по народному произношенію) *дохтура*-Грека, между потомками котораго одинъ былъ воеводою, а другой стрѣлецкимъ полковникомъ. Служа первоначально въ Преображенскомъ полку, Дохтуровъ получилъ шпагу изъ рукъ самой Екатерины за блестящій военный подвигъ, оказанный въ Шведскую войну. Ядро вырвало у него эту шпагу изъ руки въ дѣлѣ подъ Выборгомъ, гдѣ онъ былъ раненъ. Государыня пожаловала ему новую шпагу. При Павлѣ, Дохтуровъ уже былъ шефомъ Софійскаго мушкетерскаго полка; но слава его и главная боевая дѣятельность принадлежатъ преимущественно нынѣшнему столѣтію. Онъ отличился въ дѣлѣ съ генераломъ Мортье въ 1805 при Кремсѣ, и потомъ доблестно участвовалъ въ войнахъ 1807, 1809, 1812—1815 годовъ. Въ особенности памятны его подвиги подъ Аустерлицомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, Малоярославцемъ и Лейпцигомъ. Вѣроятно, изнеможеніе отъ тяжкихъ трудовъ и ранъ и привычка къ службѣ исключительно-боевой и дѣльной отвращали его отъ генеральства мирнаго времени: въ Январѣ 1816 года онъ вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ и поселился въ Москвѣ, съ которою его связывало многочисленное дружное родство супруги его Маріи Петровны, урожденной княжны Оболенской (1771—1852). Не долго пришлось Дохтурову прожить въ отставкѣ: 14 Ноября того же 1816 года онъ скончался. Преосвященный Августинъ на его похоронахъ произнесъ краснорѣчивое слово. Дохтуровъ похороненъ въ Давыдовской пустынѣ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ.

Нижеслѣдующія письма и выдержки изъ писемъ Д. С. Дохтурова сообщены въ Русскій Архивъ дочерью его Екатериною Дмитріевною, при обязательномъ посредствѣ Д. Н. Свербеева. Нѣкоторыя изъ писемъ писаны пофранцузски и помѣщаются здѣсь въ Русскомъ переводѣ.

Записки болѣе или менѣе сочиняются и надумываются. Въ письмахъ, и особливо въ письмахъ семейныхъ, вѣрнѣе выражается человѣкъ и отпечатлѣвается историческая минута его дѣятельности, и тѣмъ самымъ они представляютъ собою источникъ драгоцѣнный для историка. Д. С. Дохтуровъ былъ извѣстенъ искренностью и высокою прямотою характера. Къ тому же, онъ писалъ со всею откровенностью дружбы къ своей достойнѣйшей подругѣ, отчего историческая сторона этихъ писемъ пріобрѣтаетъ еще болѣе вѣсу.—Подробная военная біографія Дохтурова находится въ извѣстномъ изданіи: «Александръ 1-й и его сподвижники». *П. Б.*

1.

7-го Октября 1805. Браунау.

Здравствуй, милый и добрый другъ моего сердца. Мы все еще здѣсь, ничего новаго; что̀-же касается до Австрійцевъ, то армія Мака одержала побѣду надъ Французами, подъ командою маршала Нея, и вчера служили у насъ благодарственный молебенъ въ главной квартирѣ. Дай Богъ, чтобы это чаще случалось. Нѣмцы очень довольны, что мы прибыли и когда мы всѣ будемъ въ

сборѣ, то нашъ корпусъ будетъ состоять изъ 86 батальоновъ пѣхоты и многочисленной кавалеріи. Дай Богъ намъ только удачи; наши солдаты только ждутъ сигнала для наступленія на непріятеля; они исполнены твердой увѣренности въ свое мужество и въ Божью благость. Сейчасъ, милая Маша, я получилъ изъ Москвы письмо, которое при семъ тебѣ посылаю; матушка еще не знаетъ о твоемъ отъѣздѣ заграницу. Воображаю, какъ это ее огорчитъ.

2.

(1805).

Завтра утромъ мы приближаемся къ Ольмюцу, и повидимому мы тамъ займемъ позицію, въ ожиданіи остальныхъ нашихъ войскъ; мы надѣемся, что намъ дадутъ нѣкоторый отдыхъ. Наконецъ, слава Богу, мы среди своихъ; что̀-же касается до Нѣмцевъ, ты не можешь себѣ представить, какіе ужасы они творятъ, какое несчастіе быть въ союзѣ съ такими негодяями. Французы, также какъ и мы, ихъ презираютъ и обращаются съ ними, какъ съ мерзавцами; но они боятся насъ и нашихъ прикладовъ и даже, не взирая на отступленіе, ихъ продолжаютъ бить. Уменя теперь одинъ Французскій офицеръ, взятый въ плѣнъ въ послѣднемъ нашемъ дѣлѣ; онъ умный малый и очень мнѣ нравится; онъ хорошо разсуждаетъ, и чего только онъ не говоритъ о Нѣмцахъ, это ужасъ; а знаетъ онъ ихъ очень хорошо. Въ нашемъ сраженіи при Кремсѣ, я лишился моей хорошенькой лошади: она убѣжала. Но въ замѣнъ ея я получилъ другую, отнятую у Французовъ. Это потеря незначительная, и я всякую минуту молю Бога, чтобы Онъ охранялъ меня. Начинаю надѣяться, что обниму тебя и прижму къ моему сердцу, милый и добрый другъ. Вчера князь Багратіонъ получилъ Св. Георгія 2-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта. Вотъ, мой другъ, награждаютъ тѣхъ, кто имѣетъ протекцію; а намъ, бѣднымъ горемыкамъ, я увѣренъ, немного достанется.

3.

24 Ноября (1805).

О нашемъ несчастномъ дѣлѣ ничего не пишу: до сихъ поръ еще мы не опамятуемся, разбиты совершенно. Богъ меня спасъ твоими молитвами. Я теперь увѣренъ, что Богъ дастъ мнѣ счастье тебя видѣть: одно, чего я желаю на свѣтѣ. Ну, милая Маша, эта жестокая кампанія отучитъ насъ полагаться на Нѣмцовъ, которые гораздо болѣе намъ непріятели, нежели Французы. Но что дѣлать! Одно остается утѣшеніе, что сдѣлано перемиріе, и мы возвратимся въ Россію.

Государь принялъ меня сегодня весьма милостиво и выразилъ мнѣ тысячу любезностей, что я исполняю свой долгъ отлично и что онъ былъ очень мною доволенъ. При первомъ случаѣ я сообщу тебѣ подробности объ этомъ несчастномъ сраженіи. Я командовалъ первою колонною и долженъ былъ играть первую роль; но къ несчастію все произошло иначе. Впрочемъ моя колонна вначалѣ дѣйствовала прекрасно; я вытѣснилъ непріятеля изъ двухъ позицій и, преслѣдуя его, очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ: потому что, когда я совсѣмъ разбилъ отрядъ графа Ланженау, а потомъ другой Пржебишевскаго, непріятель обратилъ всѣ свои силы противъ меня; но Богъ меня спасъ. Я отступилъ въ возможномъ порядкѣ, спасъ много народа, и даже другія колонны примкнули ко мнѣ.

Государь принялъ меня вчера при всѣхъ положительно лестнымъ образомъ; онъ подошелъ ко мнѣ со слезами на глазахъ, взялъ меня за руку и сказалъ, что онъ чрезвычайно мною доволенъ, что я исполнялъ свое дѣло какъ честный человѣкъ и что онъ меня благодаритъ; что онъ давно меня знаетъ, но теперь узналъ еще болѣе и никогда не забудетъ

моихъ заслугъ. Генералъ Волкреденъ, который командуетъ нашими двумя колоннами, моею и Ланжероновскою, увѣряетъ меня, что послѣ сраженія Государь сказалъ ему, что онъ мною доволенъ болѣе другихъ и, еслибы всѣ исполнили свою обязанность, какъ я, то сраженіе было-бы выиграно. Вотъ, мой другъ, что̀ я заслужилъ въ этомъ походѣ; поистинѣ нѣчто весьма драгоцѣнное—репутацію честнаго человѣка. Но сколько я вынесъ неудобствъ, нужды и опасности лишиться жизни тысячу разъ; однако Богу угодно было, какимъ-то чудомъ, сохранить меня.

4.

2 Декабря (1805).

Совѣтую тебѣ, душа моя, не быть такъ близко отъ насъ. Хотя бы и ничего на свѣтѣ ни желалъ какъ сего, но боюсь, чтобъ ты не была испугана. Хотя опасности большой нѣтъ, но когда ты такъ близко отъ насъ, самое малое наше движеніе можетъ тебя испугать. Совѣтую и прошу тебя ради Бога, если ты меня любишь, поѣзжай нѣсколько далѣе, чтобъ ты была спокойна и безопасна; одна мысль, что ты въ опасности, меня убьетъ. Послушай меня, любезной другъ мой: ты одно мое утѣшеніе и блаженство, сохрани себя и залогъ нашей общей любви.

Я совѣтую тебѣ ѣхать въ Тешенъ: тамъ, кажется, можно остаться безопасно. Я, слава Богу, совершенно здоровъ, также и князь Василій (*). Богъ насъ помиловалъ. Я удивляюсь очень, что ты отъ меня не получаешь писемъ; я на другой день послѣ нашего сраженія при Кремсѣ тебѣ писалъ, чтобъ увѣдомить тебя, что мы, слава Богу, здоровы, и послѣ онаго еще писалъ три письма, нѣкоторыя чрезъ почту, а другія чрезъ Родофиникина, иностранныхъ дѣлъ агента при Кутузовѣ, который меня увѣрилъ, что должны необходимо оныя доходить до тебя.

О сраженіи нашемъ скажу тебѣ, мой другъ, что я такъ счастливъ, что себѣ и вообразить не могу: съ малымъ урономъ Богъ намъ помогъ разбить совершенно непріятеля и взять у него въ полонъ слишкомъ *2000* человѣкъ, 5 пушекъ и два знамя. Это не иное какъ Божеское Провидѣніе, которое насъ сохранило и помогло намъ такъ счастливо кончить. Московскій полкъ очень отличился, но никого изъ тѣхъ, кого ты знаешь, убитыхъ и раненыхъ нѣтъ; меня всѣ поздравляютъ, что я буду много награжденъ; но Богъ съ ними: я уже болѣе награжденъ, что остался живъ и не раненъ.

Ну, мой другъ, одно у Бога прошу, чтобъ отсюда вырваться, и естьли только можно, то я употреблю всѣ средства возможныя для сего. Повѣришь, милая Маша, что насъ замучили: *26* дней какъ изъ Браунау и все лагеремъ на воздухѣ. Бѣдные офицеры и солдаты, босикомъ и безъ хлѣба, въ самомъ несчастномъ положеніи; жаль на нихъ смотрѣть. Я же имѣю всегда квартиру, по крайней мѣрѣ теплую комнату, гдѣ могу согрѣться послѣ похода. Мы все по ночамъ ходимъ, но Богъ меня подкрѣпляетъ, и я совершенно здоровъ. Мы сего дня ожидали къ намъ Государя; но, видно, не будетъ. Правда, что на насъ нечего смотрѣть: замарались и почернѣли. Посмотримъ, каково наши пріѣзжіе щеголя послужатъ; ихъ очень много наѣхало, весь дворъ въ арміи Буксгевдена. А насъ бы стариковъ хорошо поберечь; такъ и говоримъ, что намъ дадутъ отдохнуть нѣсколько дней: это намъ очень будетъ нужно.

5.

8 Іюля (1809) Бѣлостокъ.

Я, слава Богу, совершенно здоровъ, и все еще въ Бѣлостокѣ, а скоро ли и куда пойдемъ, еще неизвѣстно. Третьяго дня

(*) Князь В. П. Оболенскій, братъ супруги Д. С. Дохтурова.

сюда пріѣхалъ Петръ Ивановичъ Миллеръ; онъ объѣзжаетъ всю артилерію на границѣ, а завтра отсюда отправляется чрезъ Вильну и Ригу въ Петербургъ. Новаго у насъ нѣтъ ничего, другъ мой. Австрійцы и Французы замолчали; видно, что обои изнурились. Газетъ много, но вѣрить не можно ни однимъ: всѣ лгутъ. И такъ мы вѣрнаго никогда ничего не знаемъ, слѣдствіе скажетъ правду. Князь Лобановъ уже нѣсколько времени какъ пріѣхалъ въ армію князя Голицына; но за чѣмъ это, неизвѣстно, вѣрно не командовать, но играть вторую ролю. Нынѣшній день я смотрю Псковскій полкъ послѣ обѣда, и впередъ увѣренъ, что хорошо учиться будетъ. Миллеръ нѣсколько часовъ здѣсь остается, чтобъ видѣть сей полкъ. Пусть онъ тамъ скажетъ, какова 7 дивизія. Хотя онъ нашей репутаціи не сдѣлаетъ, но все лучше, когда похвалитъ. Я думаю, что на смотрѣ полковникъ Ляпуновъ позоветъ всѣхъ значущихъ въ Бѣлостокъ. Монахтинъ далъ славной балъ. Завтра чѣмъ свѣтъ ѣду въ Саковку къ генералу Запольскому, тамъ смотрѣть буду Екат. гренадерской. Желаю весьма, чтобъ онъ былъ лучше прошлогодняго; кажется и долженъ быть: гораздо болѣе учатся и стараются

6.

28 Августа (1812).

Вчера я къ тебѣ, другъ мой, писалъ чрезъ курьера, отправленнаго Кутузовымъ, гдѣ увѣдомилъ тебя, что у насъ было третьяго дня престрашное сраженіе, вѣрно жесточѣе Прейсъ-Ейлавскаго. Меня Богъ спасъ чудесно; не было мѣста, гдѣ бы можно быть безопасно. Съ семи часовъ утра до вечера поздно сраженіе продолжалось. Я командовалъ центромъ, и у меня началось; но какъ ранили к. Багратіона, то Кутузовъ мнѣ прислалъ повелѣніе взять 2-ю армію въ мою команду, куда я тотчасъ и отправился. Это было на лѣвомъ флангѣ; на семъ пунктѣ непріятель устремилъ всѣ свои силы, для занятія возвышеній и укрѣпленій, нами сдѣланныхъ. По пріѣздѣ моемъ на сей флангъ, я нашелъ, что нѣкоторыя были уже нами уступлены и что мы должны были нѣсколько назадъ податься. Въ семъ положеніи я засталъ вторую армію. Наши дрались отчаянно, непріятель атаковалъ весьма дерзко, но вездѣ его кавалерія была опрокинута нашими кирасирами; однимъ словомъ, сражались съ удивительнымъ мужествомъ и удержали мѣсто до ночи, гдѣ и ночевали, а въ 5 часовъ немного отступили къ Можайску. Не могу представить, какъ я остался безвреденъ. Все побито и ранено возлѣ меня. Монахтинъ раненъ въ брюхо, только не опасно, а бѣдной Нолькенъ убитъ. Новиковъ немного раненъ, и я ему позволилъ ѣхать лѣчиться въ Москву; много раненыхъ генераловъ, и убитыхъ также есть. Благодарю тебя, душа моя, за образъ; я его тотчасъ на себя надѣну. Явно вижу Божію милость ко мнѣ, въ страшной опасности Онъ меня спасъ. Благодарю Всевышняго. Мы очень много потеряли, но непріятель, я думаю, еще болѣе: взято у него два генерала, и много раненыхъ и убитыхъ, какъ говорятъ плѣнные. Бѣдной Лихачевъ взятъ въ полонъ. Благодари, другъ мой, за меня Ивана Антоновича (*) за фрукты.

Отправляя Яшку, я имѣлъ повелѣніе отъ главнокомандующаго пріѣхать къ нему; но не было ничего важнаго, и я теперь назадъ воротился. Ты у меня спрашиваешь, душа моя, остаться ли тебѣ въ Москвѣ; можетъ быть, Богъ намъ и поможетъ злодѣя нашего истребить; но однакоже, чтобъ ты не подверглась опасности, я совѣтую тебѣ ѣхать въ деревню, а я при всякомъ случаѣ буду

(*) Митрофановъ, чиновникъ Кремлевской экспедиціи, другъ князя А. Н. Оболенскаго.

извѣщать тебя о себѣ. Вѣрь, другъ мой, что мнѣ нѣтъ ничего на свѣтѣ васъ дороже. Благодари тысячу разъ за меня Юрія Александровича [1]) за вино и за трубку: я это принимаю за великое одолженіе. Я бы самъ поблагодарилъ; но, право, нѣтъ минуты время; замучили совершенно, и при первомъ случаѣ, когда немного покойнѣе будетъ, то мой первой долгъ будетъ его благодарить.

Пожалуста, дай знать Варварѣ Сергѣевнѣ [2]), ежели она въ Москвѣ, что Дмитрій Николаевичь здоровъ и не раненъ, былъ во все сраженіе при мнѣ. Пожалѣй, другъ мой: бѣдной Пробстъ убитъ.

7.

30 Августа 1812.

Дмитрій Николаевичъ [3]) ѣдитъ сію минуту въ Москву, то я спѣшу, другъ мой, тебя увѣдомить, что я до сихъ поръ здоровъ совершенно. Богъ меня видимо спасъ отъ великой опасности въ послѣднемъ сраженіи. Нелединскаго [4]), Дохтурова и Корсакова я отпустилъ въ Москву до завтрашняго дня и велѣлъ къ тебѣ явиться. Я съ ними не писалъ. Яшку я къ тебѣ отправилъ тотъ же день вечеромъ. Представь себѣ, другъ мой, что я не имѣю почти верховыхъ лошадей: кобыла и гнѣдая ранены; кобыла очень мало, я надѣюсь, что скоро она здорова будетъ, а гнѣдая очень дурно ранена, въ ногу пулею, кость повреждена; я не могу ее съ собою вести, велѣлъ оставить; весьма жаль, а дѣлать нечего. Вино, что̀ Юрій Александровичъ послалъ ко мнѣ, я еще не получилъ; мнѣ сказали, что оно послано съ человѣкомъ князя Вяземскаго; узнай, другъ мой, какъ это случилось. Прощай, душа моя, отъ всей души тебя обнимаю, дай Боже тебѣ здоровья съ милыми нашими малютками [5]), коимъ я посылаю мое благословеніе. Прости, другъ мой сердечной: проси Бога, чтобъ спасъ меня. Скучно, грустно видѣть, какъ дѣла наши идутъ. Это болѣе имѣетъ вліянія надъ физикой, чѣмъ всѣ безпокойства и труды, что̀ мы переносимъ. Какъ бы это ни кончилось, я увѣряю тебя, что это послѣдняя кампанія что̀ я дѣлаю; дай Богъ только благополучно кончиться ей. Ручки твои цалую, твой вѣрной другъ. *Д. Д.*

8.

3 Сентября 1812 г.

Въ эту минуту Грессеръ отправляетъ курьера къ своей женѣ [6]); я весьма доволенъ этимъ случаемъ и возвѣщаю вамъ, что я, слава Богу, совершенно здоровъ, но, я въ отчаяніи, что оставляютъ Москву. Какой ужасъ! Мы уже по сю сторону столицы. Я прилагаю все стараніе, чтобы убѣдить идти врагу на встрѣчу; Бенигсенъ былъ того же мнѣнія; онъ дѣлалъ, что̀ могъ, чтобы увѣрить, что единственнымъ средствомъ не уступать столицы было бы встрѣтить непріятеля и сразиться съ нимъ. Но это отважное мнѣніе не могло подѣйствовать на этихъ малодушныхъ людей; мы отступили черезъ городъ. Какой стыдъ для Русскихъ: покинуть отчизну, безъ малѣйшаго ружейнаго выстрѣла и безъ боя. Я взбѣшенъ, но что̀ же дѣлать? Слѣдуетъ покориться, потому что надъ нами

(1) Нелединскаго, коего старшая дочь была за братомъ М. П. Дохтуровой.

2) Первая супруга Д. Н. Болховскаго.

3) Болховскій, бывшій въ родствѣ съ Дохтуровымъ по первой супругѣ своей, княжнѣ Оболенской.

4) Сергѣя Юрьевича.

5) Двѣ дочери: Екатерина Дмитріевна, фрейлина Высочайшаго Двора, и Варвара Дмитріевна, умершая дѣвицею. Другія дѣти, два сына: Петръ (женатъ на Агаѳьѣ Александровнѣ Столыпиной) и Сергѣй Дмитріевичъ (женатъ на падчерицѣ графа А. И. Гудовича, графинѣ Мантефейль) родились позже.

6) Сестрѣ князя Н. М. Волконскаго.

по видимому тяготѣетъ кара Божія. Не могу думать иначе: не проигравъ сраженія, мы отступили до этого мѣста безъ малѣйшаго сопротивленія. Какой позоръ! Теперь я увѣренъ, что все кончено, и въ такомъ случаѣ ничто не можетъ удержать меня на службѣ; послѣ всѣхъ непріятностей, трудовъ, дурнаго обращенія и безпорядковъ, допущенныхъ по слабости начальниковъ, послѣ всего этого ничто не заставитъ меня служить; — я возмущенъ всѣмъ, что̀ творится!...

Я полагаю, что мы пойдемъ по Калужской дорогѣ; но я боюсь, чтобы сосѣдство Москвы не было для васъ опасно, любезный другъ; если возможно, то переберитесь нѣсколько далѣе.

9.

9 Сентября (1812).

Сей часъ пріѣхалъ ко мнѣ человѣкъ князь Андрея Петровича *); онъ ѣдетъ, мой другъ къ тебѣ, и я спѣшу тебя увѣдомить, что я, слава Богу, здоровъ; а мы вчерась перешли на старую Калужскую дорогу и загородили соединеніе непріятеля съ Смоленскомъ; это самой лучшій маневръ что̀ мы могли сдѣлать послѣ всѣхъ глупостей и нерѣшимостей начальниковъ нашихъ. Дай Боже, чтобъ они сдѣлались благоразумнѣе и пользовались выгодами, которыя злодѣй нашъ имъ кладетъ въ ротъ. Представить не можешь, другъ мой, какой это глупой и мерзкой человѣкъ Барклай: нерѣшимой, вялой и совсѣмъ не сродной къ командованію никакой части, а уже и болѣе арміею. Чортъ его знаетъ что̀ ему сдѣлалось; я замѣчаю уже давно, что меня онъ не любитъ и старается дѣлать неудовольствіе: мнѣ не можетъ сдѣлать вреда, то по моимъ атестатамъ не производитъ.

Я сей часъ ѣду къ нему, чтобъ на сей счетъ имѣть эксплпкацію. Сердце болитъ видѣть безпорядокъ и неустройство во всѣхъ почти частяхъ нашей арміи; все идетъ на выворотъ. Всѣ наши дѣла, гдѣ войска отличались храбростью и гдѣ такъ много потеряно, какую мы имѣли выгоду — на другой день пошли назадъ, оставя много раненыхъ въ руки непріятеля, въ то время, когда мѣсто сраженія было у насъ. Сердце обливается кровью, когда говорю объ этомъ. Я возношу лишь одну мольбу ко Всевышнему, чтобъ окончить удачно эту отвратительную кампанію; даю тебѣ честное слово, что ничто не въ состояніи удержать меня на службѣ, потому что все, что̀ я вижу, внушаетъ мнѣ полнѣйшее отвращеніе. Въ настоящую минуту я вернулся отъ князя Кутузова, котораго ходилъ поздравлять; онъ произведенъ въ фельдмаршалы за сраженіе 26-го Авг. Увидимъ, что̀ мы получимъ; вѣроятно немного. Скажу по чести, я не думаю о наградахъ; дѣло идетъ о спасеніи Отечества; слѣдуетъ жертвовать жизнью, не думая о томъ, что̀ получишь, въ особенности мнѣ, при твердомъ моемъ намѣреніи болѣе не служить.

Мы васъ заслонили, то и нечего опасаться въ Крутомъ. Здѣсь очень много ловятъ Французскихъ мародеровъ, всякой день они около Москвы таскаются по деревнямъ и грабятъ что попалось; а до тебя далеко имъ нельзя туда добраться: то живи, душа моя, покойно въ Крутомъ.

10.

12 Сентября (1812) г.

Какъ я удивился, другъ мой, увидѣвъ князь Сергѣя (*). Онъ былъ посланъ отъ графа Витта а теперь отсюда ѣдетъ и намѣренъ заѣхать къ тебѣ. Онъ самъ

*) Старшій братъ Маріи Петровны Дохтуровой.

(¹) Меньшой братъ Маріи Петровны Дохтуровой.

разскажетъ тебѣ свое намѣреніе, въ случаѣ, ежели еще графъ Толстой о немъ не представилъ. Я, благодаря Бога, здоровъ, и живемъ довольно покойно, сколь можно въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Съ нѣкотораго времени я имѣю сосѣда хорошаго, ген. Маркова. Онъ привелъ сюда Московское ополченіе, которое раздѣлено по арміи, и онъ самъ остался. Всякой день у меня, или у него, бостонъ и другія игры насъ занимаютъ, и такъ проводимъ время. Кутузовъ пожалованъ въ фельдмаршалы за 26 и, кажется, что и всѣмъ будетъ награжденіе сообразно его представленію. Я, право, о семъ очень мало забочусь: теперь не до крестиковъ, когда Отечество въ опасности. Господи сохрани насъ и дай намъ руку помощи, чтобъ низвергнуть злодѣя нашего; онъ такъ далеко забрался, что уже ему трудно и назадъ вырваться. Продовольствіе у него весьма худое, и хотя онъ нашелъ въ Москвѣ много хлѣба, но это все на долго быть не можетъ, и уже теперь мы видимъ слѣдствія: почти всякой день наши разъѣзды по нѣскольку сотъ берутъ мародеровъ и фуражировъ, въ томъ числѣ много офицеровъ и другихъ чиновниковъ. Кутузовъ со мною весьма ласковъ; но, зная его очень хорошо, немного надѣюсь на его дружбу. Впрочемъ Богъ съ нимъ; ты знаешь, что я ничего и ни въ комъ не ищу и дѣло свое дѣлаю какъ должно честному человѣку. У насъ говорятъ, что уже онъ одинъ будетъ главнокомандующимъ, а Барклай поступитъ въ наше число. Это, правду сказать, будетъ очень хорошо: какія двѣ арміи, когда и одной съ нуждою изъ обѣихъ набрать можно. Ты знаешь, душа моя, что я во время послѣдняго сраженія командовалъ 2-ю арміею на мѣсто князя Багратіона, какъ онъ былъ раненъ; послѣ же сраженія, когда Кутузовъ узналъ, что я моложе Милорадовича, то очень передо мною извинялся, что долженъ армію, какъ старшему, препоручить ему.

Я не былъ симъ нимало оскорбленъ, ибо по старшинству сіе слѣдуетъ, и между тѣмъ я командовалъ сею арміею во время страшнаго сего сраженія и увѣренъ, что дѣло свое сдѣлалъ хорошо и заслужилъ уваженіе цѣлой арміи. Мнѣ предоставлено судьбою сдѣлать репутацію гвардіи; прошлую кампанію егаря гвардейскіе въ..... *) отличились, а нынче почти вся гвардія подъ моей командою. Я ее отлично рекомендовалъ, и по истинѣ она сіе заслуживаетъ. Ты не можешь представить, другъ мой, какъ они всѣ на меня смотрятъ, съ какимъ уваженіемъ. Это самое большее награжденіе.

11.

20 Сентября (1812).

Письмо твое, другъ мой, чрезъ Молчанова я на сихъ дняхъ получилъ. Благодарю Бога, что ты здорова. Охотно бы я желалъ что нибудь сдѣлать для Молчанова, сходно съ его желаніемъ; но онъ остался у Коновницына, которому онъ нѣсколько родня. Мы почти все стоимъ на одномъ мѣстѣ и часто имѣемъ маленькія авангардныя дѣла, всѣ почти въ нашу пользу. И такъ какъ дирекцію мы взяли по Калужской дорогѣ, то я нахожу, что тебѣ нѣтъ ни малѣйшей опасности остаться въ Рязани, по той причинѣ, что непріятель долженъ сообразоваться съ нашими движеніями и оставить какъ Тульскую, такъ и Рязанскую дорогу. Оставайся, душа моя, покойно въ Рязани и не слушай пустыхъ вѣстей, кои только напрасно васъ безпокоятъ. Я уже нѣсколько времени дожидаю к. Щербатова; онъ на сихъ дняхъ

*) Неразобранное слово.

долженъ быть у насъ съ частью своихъ козаковъ (*). Какъ я радъ буду его видѣть, не можешь себѣ представить; жаль только, что онъ со мною служить не можетъ, ибо я не имѣю нисколько кавалеріи. Бѣдной Багратіонъ! Какъ я о немъ сожалѣю, отъ всего сердца. Это почти можно было представить: малѣйшая рана должна быть для него смертельна, у него вся кровь была испорчена. Мнѣ его чрезвычайно жаль, какъ своего хорошаго пріятеля, и болѣе еще какъ хорошаго генерала. Дай ему Богъ царство небесное!

12.

29 Сентября (1812).

Мы стоимъ уже нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, довольно покойно; непріятель насъ не безпокоитъ, и вездѣ примѣтна слабость его; всякой день мы у него беремъ болѣе двухъ сотъ въ плѣнъ, не теряя ни одного человѣка съ нашей стороны. Онъ такъ далеко забрался, что ему очень трудно будетъ отсюда вырваться. Ты мнѣ пишешь, другъ мой, что желаешь пріѣхать ко мнѣ; я самъ сего отъ всего сердца желаю, но по несчастью теперешнія обстоятельства сему препятствуютъ. Во первыхъ, какъ тебѣ сюда пріѣхать? Кромѣ безпокойствія я страшусь, чтобъ ты не была встревожена на дорогѣ какими ни есть слухами пустыми; и сверхъ сего мы не увѣрены ни на одномъ мѣстѣ остаться долго; то куда ты пріѣдешь? Я же не могу самъ далеко отлучиться. Подожди, душа моя, и естьли будетъ способное время для свиданія нашего, я тотчасъ къ тебѣ пришлю кого нибудь изъ моихъ адъютантовъ. Касательно надежнаго человѣка для управленія моей канцеляріи я еще до сихъ поръ не имѣю, а Ганчинской все нездоровъ и не былъ со мною ни въ одномъ дѣлѣ: жизнь свою очень бережетъ. До сихъ поръ я имѣю, кажется, хорошаго адъютанта, старшаго Равинскаго, роднаго брата того, котораго ты знаешь; теперь не имѣю большой нужды въ правителѣ канцеляріи; послѣ же сей войны тебѣ извѣстно мое намѣреніе, которое я нисколько не перемѣню. Дай Боже только, чтобы эта проклятая война скоро кончилась, и помоги намъ Богъ опровергнуть нашего злодѣя. Представь себѣ, другъ мой, что еще за Смоленскъ никто не получилъ награжденія. Я право не въ претензіи на награжденія, но жаль, что мои подкомандующіе по ихъ заслугамъ ничего не получили, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ, да и то не очень справедливо, и все по протекціи.

*) Кн. А-ръ Ѳедор. Щербатовъ, супругъ кн. Варвары Петровны, ур. кн. Оболенской.

13.

8 Октября (1812).

Третьяго дня у насъ было очень хорошее дѣло. Авангардъ непріятельской подъ командою Мюрата былъ нами нечаянно атакованъ и разбитъ въ дребезги; взято у нихъ болѣе *30* пушекъ со всѣми снарядами, болѣе тысячи въ плѣнъ попались. Слава Богу, дѣло было хорошее, а что̀ всего лучше, намъ стоитъ весьма мало, только весьма жаль: бѣдной Багговутъ убитъ. Вотъ судьба: Богъ его спасъ въ кровопролитныхъ дѣлахъ, а тутъ, гдѣ такая малая потеря, какъ нарочно онъ одинъ изъ значущихъ убитъ; даже ни одного штабъ-офицера не потеряно. Я чрезычайно о немъ сожалѣю, онъ былъ храбрый и достойный человѣкъ; онъ, я думаю, будетъ похороненъ со всею военною церемоніею; надо по крайней мѣрѣ отдать послѣдній долгъ хорошему слугѣ и вѣрному сыну Отечества.

Ты, мой другъ, пишешь, чтобы я взялъ къ себѣ Грессера. Я бы охотно сего желалъ, но чѣмъ онъ можетъ быть при мнѣ въ его чинѣ, и особливо въ должности,

въ которой онъ? Нѣтъ возможности сіе сдѣлать, да и ему самому большаго авантажа нѣтъ. Во первыхъ, онъ имѣетъ хорошее и безопасное мѣсто; у меня же онъ иначе употребленъ быть не можетъ, какъ во фрунтѣ, или при мнѣ: оба сіи мѣста не могутъ быть безопасны. Мнѣ кажется, что онъ самъ на сіе не очень согласится; скажи это поделикатнѣе Аннѣ Михайловнѣ *). Въ послѣднемъ письмѣ я тебѣ писалъ, другъ мой, что я имѣю въ виду для управленія моими бумагами Равинскаго; онъ до сихъ поръ мнѣ кажется очень хорошъ и останется у меня старшимъ адъютантомъ. Врангелю и Дохтурову дали Владим. кресты. Нелединской, Корсаковъ, Нащокинъ, Мельгуновъ получили чины, и немногіе шпаги. Также и другіе всѣ бывшіе при мнѣ награждены. Недавно я взялъ къ себѣ Шкурина; прекрасный молодой человѣкъ, я его очень люблю.

14.

15 Октября 1812.

Здравствуй, мой милый и добрый другъ; спѣшу извѣстить васъ, что 12-го числа этого мѣсяца у меня происходило большое дѣло, которое продолжалось цѣлый день. Я былъ назначенъ въ одну экспедицію, для того, чтобы захватить нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ; но это не удалось, потому что Наполеонъ оставилъ Москву и направился со всѣми своими силами по новой Калужской дорогѣ; но для того, чтобы не дать ему овладѣть этою дорогою, столь необходимою для нашихъ сообщеній, я устремился со всѣми войсками, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи, къ маленькому городу Малому-Ярославцу. Я прибылъ туда въ пять часовъ утра и произвелъ немедленно аттаку моими егарями, которые прогнали непріятеля. Но непріятель усильно вытѣснилъ насъ и занялъ опять городъ. Я усилилъ аттаку, выгналъ ихъ. Все сіе продолжалось нѣсколько разъ; они усиливались безпрестанно, и всякой разъ я ихъ выгонялъ; въ четвертомъ уже часу послѣ полудни прислали ко мнѣ на подкрѣпленіе 7-ой корпусъ Раевскаго и нѣсколько послѣ Бороздина корпусъ; но и тутъ непріятель все покушался насъ опрокинуть и, завладѣвъ городомъ, занять дорогу Калужскую; но ему не удалось: онъ былъ всегда отбитъ. Наполеонъ самъ былъ тутъ. Цѣлой день я былъ въ семъ дѣлѣ, усталъ какъ собака, но слава Богу совершенно здоровъ и невредимъ. Наши дрались славно, много у насъ ранено и убито, но у нашего злодѣя несравненно болѣе.

Я ласкаю себя, что мною довольны; я все сдѣлалъ что̀ могъ; пока не прислали подкрѣпленія, съ однимъ моимъ корпусомъ мнѣ было весьма трудно, но Богъ помогъ, все кончилось по желанію; я тебѣ посылаю нарочнаго курьера съ симъ извѣстіемъ. Прошу тебя, другъ мой, не огорчайся. Богъ милостивъ, полагай всю надежду на Него. Онъ насъ помилуетъ и спасетъ.

15.

7-го Ноября 1812.

Здравствуй, милый и любезный другъ; благодаря Бога, я совсѣмъ здоровъ, и мы преслѣдуемъ непріятеля, который бѣжитъ, какъ заяцъ. Въ настоящую минуту мы за Краснымъ и завтра вступаемъ въ Могилевскую губ. Всякій день мы забираемъ множество пушекъ и плѣнныхъ; вчера и третьяго дня взято болѣе 12 т. въ плѣнъ и, что̀ невѣроятно, болѣе 150 пушекъ! Все это совершается рукою Всевышняго; ни человѣческое мужество, ни умъ не въ состояніи произ-

*) Супругѣ Грессера, сестрѣ князя П. М. Волконскаго, столь близкаго къ Государю. Эта близость не дѣйствовала на честнаго Дохтурова.

вести подобное чудо. Великій Наполеонъ бѣжитъ, какъ никто еще не бѣжалъ. Да сохранитъ и благословитъ насъ Господь. Мы надѣемся, что скоро онъ будетъ совершенно истребленъ. Онъ лично присутствовалъ третьяго дня при одномъ небольшомъ дѣлѣ, которое происходило у насъ; говорятъ, что онъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ съ своими приближенными, оставивъ за собою нѣсколько отрядовъ, которые были настигнуты, и вчера аріергардъ маршала Нея былъ взятъ цѣликомъ безъ малѣйшаго затрудненія. Какое счастье! Молись, мой другъ. Господь видимо намъ покровительствуетъ; мы никогда не дерзали помышлять о подобномъ рядѣ побѣдъ и о подобныхъ бѣдствіяхъ для нашихъ враговъ.

16.

22-е Ноября 1812.

Здравствуй, другъ мой Машинька. Я благодаря Бога здоровъ, и мы идемъ впередъ; сегодня вся наша армія возлѣ Минска, верстъ 27, а завтра пойдемъ далѣе, мимо Минска, оставляя оной въ лѣво. Непріятель бѣжитъ, и Чичаговъ, Витгенштейнъ и нашъ авангардъ и Платовъ его преслѣдуемъ. Слава Богу, все идетъ весьма хорошо; у нашего злодѣя нѣтъ почти ни артилеріи, ни кавалеріи: все взято у него во время его ретирады изъ Москвы. Кажется, сей примѣръ его отучитъ входить въ Россію; никогда и никто такъ много не терялъ, какъ сей славной человѣкъ, и не скоро послѣ сего оправится.

Не знаю, другъ мой, что̀ съ нами будетъ; но мнѣ кажется, что насъ далеко не поведутъ. Мы весьма разстроены, намъ непремѣнно должно дать отдохнуть и комплектоваться; и такъ, ежели остановятъ насъ на границѣ, то я выпрошусь къ тебѣ на нѣсколько времени.

Сего дня князь Кутузовъ поѣхалъ къ Чичагову, на долго ли, не знаю; мнѣ кажется, что его присутствіе тамъ нужно, ибо нашъ *адмиралъ* управляетъ все по вѣтрамъ.

17.

5-го Декабря (1812 г.) мѣстечко Боруньe.

Здравствуй, другъ мой Машинька; благодаря Бога я здоровъ, и уже нѣсколько дней какъ я съ корпусомъ пришелъ сюда; отъ Вильны только 20 миль. Вильна уже занята нѣсколько дней нами, а непріятель, я думаю, теперь перешелъ чрезъ Ніеменъ. Мы его преслѣдуемъ за границу, то есть Чичаговъ и Витгенштейнъ, и всѣ партизаны и казаки. Непріятель перешелъ сію рѣку не такъ, какъ прошелъ въ первый разъ, безъ артилеріи и кавалеріи; осталась только у него малая часть гвардіи, да и та въ великомъ разстройствѣ; никогда еще не видали подобнаго неустройства и неповиновенія. Богъ наказалъ ихъ за всѣ неистовства и мерзости, дѣланныя сими злодѣями въ Москвѣ. Представить себѣ не можешь, другъ мой, какой странный спектакль, какъ начиная отъ Вязьмы до Краснаго, и отъ Борисова до Вильны: нѣтъ почти шагу, гдѣ бы не было брошенныхъ орудій, ящиковъ и разнаго экипажа; и сверхъ сего великое множество тѣлъ умершихъ отъ голоду и замерзшихъ лошадей.

Богъ явно караетъ ихъ за ихъ беззаконія. Во всякой деревнѣ находимъ голодныхъ и ободранныхъ непріятелей, безъ оружія, которые за счастье считаютъ попасться въ плѣнъ, увѣренные, что ихъ кормить будутъ. Я еще въ жизни не видѣлъ ничего подобнаго. Я взялъ изъ жалости подъ Краснымъ молодаго Итальянца; онъ не ѣлъ нѣсколько дней и вѣрно бы замерзъ, ежели бы Богъ не привелъ меня на его счастье; теперь онъ здоровъ и уже распѣваетъ. Я его одѣлъ, какъ только можно было. Пріѣхавъ сюда, нашелъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ, кои

сами пришли, въ томъ числѣ 18 офицеровъ. Я одного взялъ къ себѣ, у него озноблены ноги и въ прежалкомъ положеніи, но Коширевскій *) меня увѣряетъ, что онъ выздоровѣетъ. Еще тутъ же взялъ Нѣмца съ Нѣмкой, которые умирали также съ голоду; нельзя не сжалиться на ихъ несчастное положеніе. Вотъ, душа моя, какъ неожидаемымъ образомъ кончается сія кампанія къ великой славѣ нашего оружія и патріотизма цѣлой Россіи; но намъ не должно взять сіе на себя: одно Провидѣніе Божіе сему причиной. Говорятъ, что мы пойдемъ нѣсколько далѣе; я думаю, на границу: ибо еще до сихъ поръ Шварценбергъ стоитъ около Слонима. Но онъ тутъ остаться не можетъ, и мы, я думаю, остановимся на нѣкоторое время для нашего укомплектованія, только еще не знаю гдѣ.

18.

7-го Декабря 1812 г. Борунье.

Третьяго дня я къ тебѣ писалъ, другъ мой, чрезъ курьера, отправленнаго изъ главнаго дежурства арміи, а теперь пишу чрезъ г. Костромитинова, который былъ здѣсь у своего брата, а теперь ѣдетъ домой. Я слава Богу, другъ мой, здоровъ, и завтра идемъ отсюда на зимнія квартиры, не далеко отъ Вильны, верстъ 70, въ городъ Вилькомиръ. Намъ не болѣе идти какъ пять или шесть переходовъ. Говорятъ, что скоро къ намъ Государь будетъ. Я сего весьма желаю; хочется о кой чемъ попросить, не о себѣ, но о своихъ подкомандующихъ, и между тѣмъ ежели тутъ постоимъ долго, то одно мое желаніе есть съѣздить къ тебѣ, другъ мой. Одно только затрудненіе, что еще не учредились почты, и должно ѣхать на своихъ; но я уже какъ нибудь поспѣшу къ тебѣ, ежели только возможно отсюда отлучиться, то есть отпустятъ. Дѣла наши военныя идутъ чрезмѣрно хорошо; непріятель убрался уже за Ніеменъ, и наши за нимъ преслѣдуютъ. Я думаю, что обойдутъ далеко, и мы здѣсь остановимся отдохнуть и укомплектоваться, безъ чего намъ обойтиться не можно. Князь Кутузовъ въ Вильнѣ уже нѣсколько дней, въ любимомъ его городѣ. Тамъ онъ наслаждается своимъ счастіемъ, и подлинно никто не пользовался до него такими необычайными успѣхами: это уже не просто побѣда надъ грознымъ врагомъ; онъ лишился всей своей артилеріи и кавалеріи, и ему остается только небольшая часть его гвардіи. Вотъ онъ, этотъ великій мужъ, повелитель вселенной, какъ онъ теперь съ нѣсколькими всадниками покидаетъ даже свою возлюбленную гвардію, чтобы пробраться только за границу; никому еще не случалось попадать въ такое бѣдственное положеніе. Говорятъ, что подъ Борисовымъ, уже переправившись черезъ Березину, онъ сказалъ окружавшимъ его, „что въ эту минуту имъ есть надежда вновь увидѣть свою родину.“ Вотъ въ какомъ положеніи онъ находится, любезный другъ. И точно, мы никогда не могли вообразить, что таково будетъ окончаніе этого похода; мы должны приписать весь этотъ великій успѣхъ благости Всевышняго, Который укрѣпилъ насъ Своею десницею. О моемъ положеніи еще тебѣ, другъ, мой нечего вѣрнаго не могу сказать; хотя мнѣ уже чрезмѣрно наскучило тянуть такъ долгое время и болѣе всего видѣть, какъ худо награждается усердіе, а особливо послѣднее награжденіе за Бородино, гдѣ я командовалъ на мѣсто кн. Багратіона и вѣрно имѣлъ гораздо болѣе дѣла нежели всѣ прочіе, а получилъ я бриліанты. Богъ съ ними, я *дѣло свое* сдѣлалъ, и вся армія отдаетъ мнѣ справедливость, и хотя кн. Кутузовъ меня представилъ къ второму Георгію, но я получилъ дру-

*) Преданный Дохтурову, военный медикъ.

гое. Посмотримъ что-то я получу за Малой Ярославецъ. Говорятъ, что у меня будетъ еще новой орденъ, *спасителямъ отечества,* на голубой лентѣ, въ три класса: первый, чрезъ плечо, а тамъ на шею, и въ петлю третій. Брата твоего князь Василія я еще не видѣлъ; онъ съ Чичаговымъ и далеко отъ насъ, также и Щербатова я весьма рѣдко вижу. Не знаю сему причины.

Завтра я ѣду въ Вильну, а дня чрезъ три тутъ будетъ проходить весь мой корпусъ, въ коемъ уже очень мало осталось.

19.

8 Декабря (1812).

Сей часъ, другъ мой, я получилъ повелѣніе слѣдовать къ Несвижу съ корпусами, составлявшими прежде сего армію Чичагова и оставленными съ Сакенымъ, и въ Минскѣ съ генераломъ Тучковымъ и генераломъ Ротомъ и съ другими малыми отдѣленіями. Мнѣ кажется, что я назначенъ командовать лѣвымъ флангомъ арміи, и какъ скоро Австрійцы, кои теперь находятся въ Слонимѣ, отступятъ обратно въ Галицію, то я долженъ буду со всѣми корпусами, кои у меня въ командѣ, стоять около Бѣлостока. Я сего дня ѣду въ Минскъ, чтобъ устроить все, и между тѣмъ посылаю впередъ туда съ повелѣніями начальникамъ частей. Я тебѣ, другъ мой, буду писать при первомъ случаѣ, а тебя прошу до тѣхъ поръ, что я тебя увѣдомлю о мѣстѣ пребыванія моего, адресовать письма твои въ главную квартиру князя Кутузова.

20.

Ковна, 12 Генваря 1813.

Теперь мы уже съ перваго числа сего мѣсяца перешли за границу и идемъ, кажется, не далѣе Вислы. Принимаютъ насъ весьма хорошо, особенно въ Пруссіи, и здѣсь хотя не очень чистосердечно, но по крайней мѣрѣ продовольствіе преславное; все сіе дѣлается отъ страху. Платовъ уже возлѣ Данцига, и Гроденцъ, Ельбингъ нашими заняты. Прусскія войска, которыя были съ Макдональдомъ, перешли къ намъ; все сіе кажется какъ сонъ. Кто могъ подумать, чтобъ въ такое короткое время такъ могла фортуна перемѣниться! Весь свѣтъ въ удивленіи, да мы и сами не знаемъ, какъ сіе случилось; славной Наполеонъ въ большихъ дуракахъ, армію всю потерялъ, а болѣе всего славу. Государь ѣздилъ въ первой колоннѣ, оная составлена изъ гвардіи и гренадерскаго корпуса; оною командуетъ Тормазовъ, а я 2-ою, изъ 6 и 8 корпусовъ составленной. Я былъ на сихъ дняхъ въ главной квартирѣ и былъ у Государя; онъ отлично меня принялъ, благодарилъ за всѣ мои дѣла и очень много говорилъ обо всемъ, и болѣе на счетъ Смоленскаго дѣла. Я ему все обстоятельно разсказалъ, опасаясь, чтобъ сдача Смоленска не причтена была мнѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что сіе дѣло ему совершенно извѣстно и что онъ всегда увѣренъ, чтобы я сего города не сдалъ, ежелибы не имѣлъ на сіе отъ начальника повелѣнія, обнималъ и цѣловалъ нѣсколько разъ, а послѣ велѣлъ князю Кутузову меня поздравить съ 2 Георгіемъ и чрезмѣрно меня предъ нимъ выхвалялъ, что не только храбрость и искусство мое ему и всему свѣту извѣстны, но и мораль моя также имѣетъ большое вліяніе надъ нимъ. Вотъ, душа моя, насилу я этого крестика дождался; поздравляю тебя, мой другъ, съ симъ. Хотя многіе не весьма достойные его носятъ, но я увѣренъ, что въ глазахъ честныхъ людей я на одной доскѣ съ ними быть не могу.

Постарайся достать мнѣ звѣздочку кованную сего ордена; я думаю, что

уже въ Москвѣ можно оную достать; я тебѣ посылаю мѣрочку.

21.

Курьеръ кн. Щербатова немедленно отъѣзжаетъ, и я спѣшу, любезный другъ, написать тебѣ нѣсколько строкъ; я здоровъ, слава Богу, но утомленъ и пресыщенъ этимъ долгимъ, ужаснымъ походомъ. Дай Богъ, чтобы все это скоро кончилось: по истиннѣ нуждаюсь въ нѣкоторомъ отдыхѣ. Благодарю Провидѣніе, что мое здоровье дозволяетъ мнѣ выносить эти труды. Мы теперь въ двухъ переходахъ отъ Вислы, любезный другъ. Мой авангардъ перейдетъ ее завтра, а я остановлюсь въ Віельгродѣ на тойже рѣкѣ и надѣюсь, что мы тамъ простоимъ нѣсколько дней. Австрійцы отступаютъ очень дружелюбно, безъ малѣйшаго выстрѣла и очищаютъ завтра Варшаву, а наши войска тотчасъ въ нее вступятъ. Я думаю, что корпусъ графа Сакена приметъ это направленіе, а мы пойдемъ нѣсколько правѣе. Иногда я бываю въ главной квартирѣ, и Государь принимаетъ меня всегда чрезвычайно благосклонно. Послѣ отъѣзда твоего брата, я получилъ Георгіевскій крестъ и отправился въ главную квартиру благодарить Государя. Онъ осыпалъ меня милостями, и я воспользовался его милостивымъ вниманіемъ ко мнѣ, чтобы просить о переводѣ въ гвардію Приклонскаго, Корсакова, Нащокина и Нелединскаго, съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ назначенъ ко мнѣ адъютантомъ. Онъ велѣлъ мнѣ передать ихъ имена князю Кутузову, что̀ я и сдѣлалъ въ тотъ-же день, но до сихъ поръ еще нѣтъ ничего.

22.

Добжицы. 17 Февраля (1813).

Я, слава Богу, другъ мой, совершенно здоровъ, хотя всѣ окружающіе меня переболѣли; а бѣдной Врангель занемогъ жестокою горячкою и въ нѣсколько дней Богу душу отдалъ. Представь себѣ, какое несчастіе: во время сей кампаніи былъ вездѣ, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, судьба его сохранила, а послѣ, какъ уже всѣ опасности миновались, умеръ отъ болѣзни. Мнѣ его чрезвычайно жаль; онъ велъ себя весьма хорошо, какъ должно храброму и воспитанному человѣку. Я надѣюсь, что князь Сергій уже къ вамъ пріѣхалъ; я съ нимъ къ тебѣ послалъ нѣсколько деньжонокъ, также и бриліантовую цѣпочку. Братца твоего князь Василія я только одинъ разъ въ Гроднѣ видѣлъ; онъ теперь находится у Винценгрода въ авангардѣ довольно отъ насъ далеко; я думаю, что они перешли чрезъ Одеръ; а мы нѣсколько дней какъ остановились здѣсь. Государь въ Калишѣ, 4 мили отъ меня, и очень близко отъ границы Шлезіи. Дѣла наши весьма идутъ хорошо; говорятъ, что вся Пруссія въ превеликомъ волненіи: всѣ почти поголовно берутъ оружіе для защиты отечества, угнетеннаго общими нашими злодѣями. Король Прусской теперь въ Бреславлѣ, 12 миль малыхъ отсюда. Дай Боже, чтобъ и Австрійцы тоже очнулись. Но еще отъ нихъ нѣтъ ничего вѣрнаго; хотя намъ извѣстна ненависть ихъ къ Французамъ и хорошее къ намъ расположеніе, но на сіе еще полагаться не можно. Вотъ, душа моя, въ какомъ положеніи дѣла наши; надобно благодарить Бога о несказанной Его милости къ намъ и просить, чтобъ кончилъ счастливымъ миромъ сію жестокую войну. Право, уже очень наскучила. Пожалуста, другъ мой, пришли мнѣ фунтовъ шесть или болѣе чаю: здѣсь онаго ни за что достать не можно. Всѣ мои молодые люди переведены въ гвардію: Приклонской въ Измайловской, Нащокинъ въ Егерской, Корсаковъ въ Литовскую гвардію, а Нелединской въ Финляндской егерской. Сего послѣдняго

я просилъ къ себѣ въ адъютанты, но еще до сихъ поръ ничего не вышло.

23.

Варшава, 3 Апрѣля (1813).

Не можешь себѣ представить, какую я здѣсь веду жизнь: всегда одинъ, кромѣ военныхъ никого не вижу. Здѣшнія, кажется, не имѣютъ желанія съ нами знакомиться, то я ихъ и не трогаю; нѣкоторые изъ нашихъ имѣютъ знакомства, но все основано съ ихъ стороны на одной холодной политикѣ, то и разсудилъ пуще ихъ не задорить. Женщинъ здѣсь множество, но всѣ живутъ весьма тихо, нигдѣ почти ихъ не видно кромѣ театра, да и то очень рѣдко; одинъ только есть домъ, въ которой я ѣзжу, это къ m-me *Rosse*. Голландка престранная, но очень привержена къ Русскимъ, ни одного Поляка у нея не видно, обѣды даетъ очень хорошіе, и вино славное; она вдова банкира весьма богатаго, живетъ чрезмѣрно чисто и хорошо, женщина уже не молодая; вотъ одинъ знакомой домъ, да и въ немъ я очень рѣдко бываю. Послѣ послѣдняго письма лихорадка опять было начала меня мучить, но слава Богу нѣсколько уже дней какъ совсѣмъ оставила, и я очень остороженъ въ пищѣ; опасаюсь, чтобъ опять не пожаловала. Про военныя наши дѣла ничего тебѣ сказать не могу; знаю только, что нашими занятъ Лейпцигъ и что непріятель стоитъ въ Ерфуртѣ въ довольно большихъ силахъ, и кажется должно быть что нибудь важное въ скоромъ времени. Въ Саксоніи нашихъ удивительно принимаютъ. Государь не можетъ показаться на улицѣ; энтусіасмъ чрезмѣрный, въ одну минуту онъ окруженъ множествомъ народа; всѣ кричатъ *ура*, хватаютъ за руки, за ноги, чтобъ только до него дотронуться. Русскихъ тамъ не иначе видятъ какъ спасителями, не такъ какъ здѣсь.

24.

Варшава, 12 Апрѣля 1813.

Вотъ уже недѣля, что я здѣсь, любезный другъ; здоровье мое гораздо лучше, лихорадка уже не возвращается; но я еще чувствую слабость въ ногахъ. Ты не можешь себѣ представить, какую однообразную жизнь я здѣсь веду; я видаюсь только съ военными и иногда съ г-мъ Ланскимъ; что же касается до мѣстныхъ жителей, хотя здѣсь и много женщинъ высшаго общества, онѣ всѣ скрываются, и общества совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ одного театра, гдѣ я еще не былъ. Наша молодежъ посѣщаетъ нѣкоторые дома, но говорятъ, что оттуда вѣетъ холодомъ и скукою; впрочемъ мнѣ предстоитъ сдѣлать нѣсколько визитовъ; тебѣ, мой другъ, извѣстны мои чувства къ этимъ людямъ и въ особенности, когда на насъ такъ смотрятъ. Графиня Ходкевичъ здѣсь; а ея милый супругъ въ Модлинѣ, гдѣ онъ чѣмъ-то командуетъ; она никого изъ нашихъ не видитъ; говорятъ, что она насъ ненавидитъ; тѣмъ хуже для нея: она этимъ ничего не выиграетъ. Здѣсь также множество Потоцкихъ; ихъ мужья Богъ знаетъ гдѣ и, по невозможности слѣдовать за ними, онѣ остались здѣсь; говорятъ, что мнѣ необходимо закинуть карточки нѣкоторымъ изъ нихъ, въ видѣ простой формальности. Но здѣсь есть Голландскій домъ одной мад. Россе, преданный Русскимъ и нашей великой поклонницы; всѣ Русскіе принимаются ею съ распростертыми объятіями. Я сдѣлалъ ей визитъ изъ благодарности; она живетъ съ большимъ вкусомъ и очень чисто. Поляковъ у нея никогда не бываетъ; за то ее и ненавидятъ въ городѣ.

25.

Варшава, 3 Мая (1813).

Дѣла наши военныя начались, непріятель имѣетъ много войска и артиле-

ріи, но кавалеріи почти нѣтъ; нѣсколько уже было дѣлъ, и одно весьма для насъ хорошо. Прусаки дерутся отчаянно. Государь и король Пруской были при семъ сраженіи; непріятель былъ сильнѣе насъ, но прогнанъ за милю, и взято *16* пушекъ и *1400* человѣкъ. Боже намъ помоги. Вы знаете, я думаю, о нашей потерѣ: фельдмаршалъ отдалъ долгъ натурѣ, *17* числа прошлаго мѣсяца, не былъ болѣе боленъ какъ семь дней. Представить не можно, какъ чувствуетъ сію потерю вся армія; всѣ носы повѣсили; говорили, что Бенигсенъ будетъ командовать; а иные думаютъ, что Витгенштейнъ. Кто бы ни былъ, только бы дѣло шло хорошо; но до сихъ поръ я получаю повелѣнія отъ имени Государя.

26.

Варшава, 28 Мая (1813).

Скажу тебѣ, другъ мой, новость; я увѣренъ, что ты оной весьма довольна будешь: я вчера получилъ увѣдомленіе офиціальное, что между нами и Французами сдѣлано перемиріе на шесть недѣль. Я увѣренъ, что послѣ сего и миръ будетъ. Демаркаціонная линія назначена для обѣихъ армій въ Силезіи, между коими на нѣсколько миль пространство останется неутральное. Также и городъ Бреславль остается въ утральномъ положеніи. Я симъ весьма доволенъ и отъ всего сердца благодарю Бога, что эта бѣда кончится и что я васъ, милые мои друзья, увижу; сего благополучія я ожидаю съ привеликимъ нетерпѣніемъ. Боже мой, какъ я буду счастливъ! Я еще все въ Варшавѣ и теперь, кажется, останусь до развязки дѣла. Мнѣ весьма удивительно, что до сихъ поръ я отъ тебя не имѣю писемъ въ Варшавѣ, ибо сіе послѣднее я получилъ изъ главной квартиры. Нелединской получилъ письмо отъ отца, что мать его весьма больна и что очень мало надежды въ ея выздоровленіи; онъ у меня просился въ отпускъ, въ Петербургъ на *28* дней, и я его отпустилъ. Теперь мы будемъ жить покойно; всѣ военныя дѣйствія кончились, и дай Боже, чтобъ на долго; право, изнурились чрезмѣрно, и каждой доброй Русской долженъ сего желать; вотъ уже годъ какъ сія необыкновенная война продолжается, пора кончить; меня Богъ спасъ чудесно, особливо въ сраженіи подъ Бородинымъ. Этотъ день я долженъ праздновать.

27.

Варшава, 1 Іюня (1813).

Сюда пріѣхалъ Бенигсенъ командовать арміею, состоящею изъ моего корпуса, отряда изъ арміи князя Лобанова и милиціи графа Толстаго; я назначенъ командовать 3-мя дивизіями, то есть всѣмъ тѣмъ что̀ у насъ есть регулярнаго кромѣ авангарда нашего, которымъ командуетъ генералъ Марковъ, изъ одной дивизіи, и нѣсколько легкой кавалеріи и козаковъ. Я чрезмѣрно радъ, что я имѣю начальникомъ сего достойнаго и почтеннаго человѣка и что освободился отъ Барклая: онъ меня не жалуетъ, хотя я ему ничего не сдѣлалъ; то сколь было мнѣ непріятно быть подъ начальствомъ дурно расположеннаго для меня начальника, и болѣе еще безъ всякихъ способностей генерала, отъ коего участь цѣлаго свѣта теперь зависитъ. Я думаю, что нашъ старикъ вѣрно всѣмъ командовать будетъ; скоро неспособности теперешняго главнокомандующаго откроются; хотя мы уже давно оныя знаемъ, но Государь все еще о немъ другихъ мыслей. Я же съ моей стороны ничего такъ не желаю какъ мира; тотчасъ отправлюсь на годъ въ отпускъ для излеченія болѣзни и явлюсь къ тебѣ, любезный другъ.

28.

Варшава, 24 Іюля (1813).

Я, слава Богу, здоровъ и скоро долженъ оставить Варшаву. Направленіе нашей арміи будетъ за Варту, возлѣ Калиша, и уже часть моего корпуса, которой возлѣ Модлина, пошелъ къ своему назначенію, а я дней чрезъ пять выѣду отсюда. Г. Бенигсенъ также скоро выѣзжаетъ; конгресъ все еще продолжается, но ничего хорошаго не выходитъ. Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится; всѣ утверждаютъ, что войною; я же отъ всего сердца желаю, чтобъ миромъ: наскучило чрезмѣрно, пора перестать. Всѣ единословно увѣряютъ, что Австрійцы съ нами; въ то время война не можетъ долго продолжаться: злодѣй нашъ не можетъ долго устоять противъ сего союза. Дай Боже миръ, но надежной, не такой какъ Тильзитской; я увѣренъ, что дурнаго не сдѣлаютъ, ибо многіе объ ономъ интересуются.

Если бы Богъ услышалъ молитвы наши, и война бы кончилась, то тотчасъ я бы отпросился въ отпускъ и къ тебѣ пріѣхалъ, а весною поѣхали бы въ Вѣну, и надѣюсь, что Государь далъ бы на дорогу что нибудь. Представь себѣ, другъ мой, что я еще за Бородинское дѣло не получилъ назначеннаго мнѣ награжденія, бриліантовые знаки; мнѣ кажется, что они о семъ позабыли, и мнѣ не хочется напоминать, ибо награжденіе не весьма щедро; въ то время, когда мои подкомандующіе всѣ уже давно награждены, а я одинъ только нѣтъ. Вотъ мое счастье! Вся армія знаетъ, что рѣшеніе сего сраженія зависѣло отъ лѣваго фланга, коимъ я командовалъ, и я удержалъ непріятеля до самой ночи со всѣми его усиліями почти цѣлой арміи. Я, правду сказать, награжденъ общимъ мнѣніемъ о семъ дѣлѣ, это для меня самое лестное; другіе же, хотя не имѣютъ этого счастья, но получаютъ гораздо болѣе меня; вотъ Барклай, безъ достоинствъ военныхъ, нерѣшимой, командуетъ арміею и имѣетъ довѣренность Государя; жаль, весьма жаль, что его цѣны не знаютъ. Министръ военной можетъ быть онъ хорошій, но главнокомандующій самой несчастной и неспособной.

29.

Варшава, 28 Іюля (1813).

Завтра хочется отсюда выѣхать. Корпусъ мой уже выступилъ; у насъ поваго нѣтъ ничего касательно продолженія армистиціи. Богъ вѣдаетъ, чѣмъ это все кончится; тѣ, кои все даромъ получаютъ, желаютъ войны, какъ они говорятъ; но тѣ, кои служатъ ремнемъ, генерально просятъ Бога о мирѣ. Я ничего такъ не желаю какъ скораго конца; другой годъ какъ васъ не видѣлъ, друзья мои; не можете представить, какъ мнѣ это тяжело; одно благополучіе для меня, это васъ видѣть и обнять. Касательно князь Сергія, онъ ни въ одномъ дѣлѣ не былъ, то какое награжденіе ему дать? За кампанію не даютъ ничего, а за *дѣло*. Ты видишь, другъ мой, что я бы весьма охотно выполнилъ твою волю; но право, не можно. Ежели другіе награждены, то находились при мнѣ, то истинно заслуживаютъ. До сихъ поръ Нелединскому не могу выхлопотать Владимірскаго креста; но первый случай, гдѣ мнѣ удастся видѣть Государя, я самъ буду его просить.

30.

Кобылинъ, 15 Августа (1813).

Я еще въ жизни моей не видѣлъ лѣта хуже нынѣшняго; я же беру свои осторожности, ѣду походомъ въ коляскѣ, а не верхомъ. Я тебѣ забылъ, другъ мой, сказать: я купилъ въ Варшавѣ прекрасную коляску, весьма покойную, и

кажется прочную, ибо еще до сихъ поръ не было ни малѣйшей поправки, но не такъ укладиста какъ старая, немного поменьше. Я далъ въ прибавку къ старой *145* червонцевъ, что правда довольно дорого, но та была такъ проѣзжана, что почти никуда не годилась, каретникъ при мнѣ продалъ ее за *15* черв. Дрожки мнѣ вѣрно служатъ, и я весьма доволенъ, что взялъ ихъ съ собою. Новаго, душа моя, у насъ нѣтъ ничего важнаго, но я думаю, что скоро должно быть что нибудь; ибо говорятъ, что нашъ лѣвой флангъ вмѣстѣ съ Австрійцами пошли уже впередъ чрезъ Ельбу, и намъ кажется должно идти на Одеръ. Онъ отъ насъ миль восемь.

32.

Въ Галле, 17 Октября (1813).

Изъ Теплица мы пошли къ Дрездену, а большая армія гораздо лѣвѣе; тутъ Наполеонъ оставилъ Дрезденъ и потянулся къ Магдебургу, оставя въ семъ городѣ Сентъ-Сира съ 20 т. войска. Мы имѣли порядочное авангардное дѣло около Дрездена, и сколь скоро мы узнали направленіе нашей большой арміи къ Алтенбургу, то, оставя столицу Саксоніи, пошли къ Лейпцигу. Дорога намъ была премерзкая, и марши пребезпокойные, почти во все время дождь лилъ проливной. Мы шли безъ отдохновенія нѣсколько дней, поспѣшая соединиться съ главными арміями, и наконецъ пришли къ *6* Октябрю и участвовали въ главномъ дѣлѣ, гдѣ, кажется, рѣшилась участь всей Германіи. Дѣло было жестокое, злодѣй вездѣ былъ опрокинутъ въ нѣсколькихъ позиціяхъ; и ночь уже помѣшала его совершенное истребленіе. На другой день 7-го числа мы подвинулись къ Лейпцигу и ясно увидѣли безпорядокъ его ретирады; тутъ усилили наши движенія и по нѣкоторой оборонѣ вошли въ городъ. Принцъ Шведской съ правой стороны, а мы прямо по большой дорогѣ. Тутъ еще засѣвши непріятель, въ домахъ и въ садахъ защищался, но уже не долго; наши пушки тотчасъ очистили улицы, и кончили дѣло. Представь себѣ, другъ мой, этотъ спектакль: всѣ жители въ окошкахъ кричатъ ура, машутъ платками, кидаютъ на улицу цвѣты и благодарятъ Бога, что Онъ спасъ ихъ отъ общаго нашего злодѣя. Взявъ эдакъ городъ, ничего бы неудивительно было, если бы солдаты по своему обыкновенію пограбили; но къ славѣ войска нашего, ни одинъ обыватель и ни одинъ домъ не были ограблены, кромѣ экипажей непріятельскихъ, которые найдены были на улицахъ и на большомъ мостѣ. Свидѣтели сего дѣла неизчисленны. Тутъ сдался Саксонской король съ своею гвардіею и всѣмъ войскомъ. Много значущихъ Французскихъ генераловъ, Лористонъ, Реніеръ и duc de Padoue, и другихъ коихъ я не знаю названія, также много и Польскихъ генераловъ, а Понятовской утонулъ. Тутъ съ больными и ранеными вѣрно взято *40* т., да болѣе *200* пушекъ, и всякой день множество приводятъ взятыхъ нашими авангардами; много Поляковъ, Баварцевъ, Баденцевъ дезертируютъ. Кажется, послѣ сего непріятель поспѣшно ретируется къ Рейну и, всѣ плѣнные утверждаютъ, въ большомъ безпорядкѣ. Одна только гвардія и гренадеры идутъ порядочно, прочіе же всѣ въ разбрелочь и идутъ безъ оружія. Скажу о себѣ, другъ мой, корпусъ мой дрался славно и вездѣ опрокидывалъ непріятеля, и дѣло было у меня весьма жаркое. Благодаря Бога, Онъ спасъ меня въ сихъ опасностяхъ безвредно. Жаль бѣднаго Седлера: немного ранили, но слава Богу легко, въ ту же ногу, въ которую раненъ былъ прежде. Я писалъ изъ Теплица, что онъ пріѣхалъ изъ Вѣны съ

Чаплицомъ; и просилъ Государя чрезъ Волконскаго о принятіи его въ нашу службу и опредѣленіи ко мнѣ, и тотъ же самой день онъ былъ взятъ и опредѣленъ. Я имъ весьма доволенъ, доброй и умной малой; онъ остался въ Лейпцигѣ и, я думаю, скоро ко мнѣ возвратится.

Мы преслѣдовали непріятеля обще съ большею арміею, правѣе Ерфурта, какъ вдругъ г. Бенигсенъ получилъ повелѣніе слѣдовать назадъ, для пресѣченія дороги маршалу St. Сиру, которой, говорятъ, вышелъ изъ Дрездена и тянется къ Магдебургу, но еще сіе не совсѣмъ вѣрно. Теперича мы около Декау на Ельбѣ между Marge и Виттенбергомъ; о St. Сирѣ еще ничего достовѣрнаго не имѣемъ. Кн. Щербатова (*) я видѣлъ въ Теплицѣ; полкъ его въ конвоѣ главной квартиры, а онъ жилъ безъ всякаго дѣла тутъ же. Онъ былъ здоровъ, но скучалъ чрезмѣрно, не имѣя ни одного человѣка у себя въ командѣ, просился въ авангардъ къ Платову, и его отпустили; съ того времени я его не видѣлъ, но слышалъ, что онъ здоровъ. Также и кн. Александра (**) видѣлъ, онъ здоровъ; а кн. Василія (***) нигдѣ не могъ видѣть и не знаю, гдѣ онъ. Вотъ, другъ мой, всѣ наши похожденія; благодаря Бога, дѣла наши весьма хорошо идутъ и, кажется, не могутъ долго продолжаться. Представить не можешь, какъ мнѣ грустно; я ничего на свѣтѣ такъ не желаю какъ скорѣе конца. Одно мое счастье видѣть васъ, друзья мои. Кажется и въ сей кампаніи я заслужилъ вниманіе, и если угодно будетъ мнѣ что нибудь дать, то хорошо; если же нѣтъ, то это меня не остановитъ. Одна разлука съ вами такое долгое время меня сокрушаетъ, и сверхъ сего прискорбія и нездоровье: все это вмѣстѣ твердо рѣшило меня оставить службу послѣ сей кампаніи. Ты мнѣ пишешь, что тетушка (*) утвердила дочерямъ нашимъ деньжонки, чтó у нея есть; я ей за сіе весьма благодаренъ, и хотя это не дѣлаетъ имъ состоянія, но не менѣе мы обязаны навсегда ей благодарностью; она все отдала чтò имѣла, и это очень много, особливо зная ея характеръ. При первомъ удобномъ и вѣрномъ случаѣ я ей буду писать; теперича я тороплюсь отправить сіе письмо; оно пойдетъ на Берлинъ, а тамъ далѣе. Какъ мнѣ жаль, что кн. Гагаринъ пріѣхалъ немного поздно, на другой день входа нашего въ Лейпцигъ, не успѣвъ быть съ нами въ главномъ дѣлѣ, а впередъ кажется мы надолго будемъ безъ дѣла; то я не могу имѣть случая сдѣлать ему добро. Нащокинъ третьяго дня пріѣхалъ и привезъ отъ тебя письмо; онъ гораздо позже выѣхалъ Гагарина, былъ боленъ на дорогѣ, а о Мельгуновѣ слуха нѣтъ; говорятъ, что онъ всѣхъ ихъ выѣхалъ прежде. Радуюсь, другъ мой, что тебѣ нравятся бездѣлицы, которыя я тебѣ послалъ; могу похвастаться, что никого не консюльтировалъ, а выбиралъ по своему вкусу. Мнѣ весьма хотѣлось купить тебѣ что нибудь въ Лейпцигѣ, тутъ славные магазины, центръ всей комерціи Германской; но во время нашего прохода все было заперто. Представь себѣ, что почти нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы не было лавки, и если удастся ѣхать мнѣ чрезъ сей городъ, много чего накуплю, особливо полотна; увѣряютъ, что не можно дешевле купить нигдѣ какъ тутъ. Они весьма благодарны за устройство и порядокъ нашихъ войскъ. Во время какъ оной брали, они

(*) Кн Александра Θеодоровича, женатаго на сестрѣ М. П Дохтуровой, княжнѣ Варварѣ Петровнѣ.

(**) Князя Александра Петровича Оболенскаго.

(***) Братъ предъидущаго.

(*) Карпова.

дрожали, думая, что кончится необыкновеннымъ грабежомъ, но совсѣмъ противное: въ форштатѣ можетъ быть немного пошалили, но въ городѣ ни одного дома не тронули.

Я видѣлъ Саксонскаго короля, ничтожная личность; онъ вышелъ на улицу, чтобъ встрѣтить нашего Императора, котораго сопровождали король Прусскій, принцъ Шведскій и свита изъ 500 лицъ покрайней мѣрѣ верхомъ; зрѣлище было великолѣпное; на лицахъ жителей были написаны надежда и радость, такъ что Государь нашъ былъ очень веселъ, на что̀ онъ имѣетъ полное право, потому что на него взираютъ какъ на спасителя Европы, въ особенности Германіи, и поистинѣ это справедливо. Да хранитъ его Господь! Ему мы обязаны этою коалиціею и согласіемъ существующимъ между союзными державами; онъ направляетъ всю машину и если Богу угодно будетъ, чтобы эта война счастливо кончилась, то вся слава будетъ принадлежать ему, и онъ по справедливости можетъ принять титулъ Великаго!... Онъ любимъ и превозносимъ всѣми. Король Прусскій— прекрасный государь, уважаемый всею нашею арміею; его солдаты дерутся отлично и весьма дружны съ нашими. Надѣюсь, что вамъ уже извѣстно, что Баварцы тоже съ нами; этимъ мы также обязаны нашему доброму государю, и чѣмъ далѣе мы подвинемся, тѣмъ болѣе будемъ имѣть союзниковъ. Чаплицъ у насъ и предводительствуетъ нашею кавалеріею, которая не въ лучшемъ видѣ, но дралась отлично въ послѣдній разъ при Лейпцигѣ. Невозможно вообразить, въ какомъ безпорядкѣ непріятель совершаетъ свое отступленіе: почти на каждомъ шагу видны остатки его военныхъ снарядовъ, пушекъ, мертвыхъ лошадей и людей, почти такое же бѣгство, какъ послѣ Краснаго, хотя нѣсколько слабѣе. Повидимому они не остановятся до береговъ Рейна. Мы же, Богъ знаетъ куда пойдемъ и если С. Сиръ будетъ оставаться въ Дрезденѣ, что̀ тогда предприметъ нашъ главнокомандующій? Я забылъ вамъ сказать, что онъ сдѣланъ графомъ; я же не стремлюсь ни къ какой другой наградѣ, кромѣ счастія снова увидѣться съ вами. Я тебѣ, другъ мой, пишу цѣлую реляцію. Написавъ письмо, хотѣлъ къ тебѣ отправить, надѣясь быть въ Декау на-Ельбѣ, но вдругъ нашъ маршъ перемѣнился, и мы пошли къ Магдебургу. Я хотѣлъ отрѣзать часть ихъ войскъ, которыя стоятъ около крѣпостей; они по приходѣ нашемъ отретировались въ укрѣпленія, и мы у нихъ взяли нѣсколько сотъ въ плѣнъ и двѣ пушки; тѣмъ и дѣло кончилось; теперь стоимъ не далеко отъ крѣпостей, а непріятель подъ самыми стѣнами. Мнѣ очень хочется это письмо чрезъ Берлинъ къ тебѣ отправить, но самъ не знаю какъ; нѣсколько подожду, можетъ быть оказію найду вѣрную.

Наша главная армія, говорятъ, что уже пришла въ Франкфуртъ на Майнѣ, и Наполеонъ бѣжитъ, сломя голову, за Рейнъ. Какая страшная перемѣна! Это ничто иное, какъ Божеское наказаніе сему злодѣю. Представь себѣ, другъ мой: въ самой тотъ день, какъ онъ долженъ былъ оставить Лейпцигъ, за часъ предъ тѣмъ какъ мы въ оной вошли, онъ сказалъ предъ всѣми „que la plaisanterie avec le roi de Westphalie est finie“ (*). Эдакой звѣрь, смѣется несчастью рода человѣческаго и называетъ это шуткой, а сверхъ сего еще говоритъ „qu'il a livré un terrible combat aux deux Empereurs, et que cette journée leur a couté cher, et que ce n'est

(*) Что шутка съ королемъ Вестфальскимъ кончена.

pas le dernière (*); бывъ разбитъ совершенно, потерявъ почти половину своей арміи, множество хорошихъ генераловъ и всѣхъ союзниковъ, онъ еще угрожаетъ, что это дѣло не послѣднее, и что дорого намъ сіе стоило: каковъ Гасконецъ! Изъ Магдебурга къ намъ всякой день бѣгутъ много разныхъ націй кромѣ Французовъ. Не знаю, долго ли мы здѣсь простоимъ, и до того времени какъ я буду имѣть случай послать тебѣ сію реляцію, про все, что у насъ случилось, я тебя увѣдомлю.

Я былъ въ Лейпцигѣ нѣсколько дней тому назадъ, чтобъ купить для себя двѣ одежды: совсѣмъ обносился, и только одинъ день остался. Не успѣлъ видѣть, что есть хорошаго для вашихъ нарядовъ, но я надѣюсь еще тамъ быть и останусь подолѣе; весь городъ ничто иное какъ магазинъ, подъ каждымъ домомъ нѣсколько лавокъ, товаровъ тьма, и я думаю, что скоро начнется ярмарка, хотя уже оной и прошло время; множество Жидовъ изъ нашей Польши сюда пріѣхали для покупокъ. Ты знаешь, душа моя, мою слабость: не могъ удержаться, чтобъ не купить бронзовые часы, прекрасные и весьма дешевые; у насъ вѣрно вдвое, или болѣе стоятъ.

Я воображаю, что ты надо мною смѣешься, но увѣряю: какъ оные увидишь, то самой очень понравятся; бронза, золотыя вещи весьма дешевы, а прочія же не знаю, мало имѣя время, да и денегъ было мало. Но ежели на возвратномъ пути удастся туда заѣхать, то промотаюсь. Правда, что деньги не пропадутъ.

Сей часъ есть оказія послать письмо на почту въ Берлинъ; я думаю, что есть только это одно средство. Я все ожидалъ, не будетъ ли отсюда отправленъ курьеръ, но до сихъ поръ нѣтъ, то я рѣшился послать чрезъ сію оказію. Мы еще все стоимъ около Магдебурга, и все что было Нѣмецкихъ войскъ изъ крѣпости выпущено, опасаясь, чтобъ посредствомъ оныхъ мы не имѣли свѣдѣнія, что у нихъ дѣлается.

(*) Что онъ далъ страшную битву двумъ императорамъ, что этотъ день стоилъ имъ дорого, и что это не послѣдній разъ.

34.

Шенъ, 21 Ноября 1833 г.

Мы все на томъ-же мѣстѣ близь Магдебурга; но на дняхъ мы выступаемъ на соединеніе съ Шведскимъ принцемъ, который подъ Люнебургомъ противъ Даву; мы станемъ въ тылу его, чтобы прервать всѣ его сообщенія и если Богу угодно будетъ поддержать насъ, то Даву будетъ взятъ какъ птица въ силокъ; тогда не будетъ уже непріятельскихъ войскъ вплоть до Рейна. Намъ неизвѣстно, что происходитъ въ главной арміи, но кажется, что все идетъ хорошо; отрядъ Прусскихъ войскъ уже въ Голландіи. Дай Богъ, чтобы это повело къ миру; какое счастье было-бы для меня васъ увидѣть! На дняхъ получилъ я награду за Бородинское дѣло; при первомъ случаѣ перешлю ее къ вамъ; желаю, чтобы она тебѣ доставила удовольствіе; звѣзда прекрасна, и ты за нее получишь много разныхъ вещей; говорятъ, что она должна стоить свыше 16 тыс. руб.: это хоть что нибудь для насъ и нашихъ дѣтей. За Лейпцигское дѣло еще нѣтъ ничего, хотя всѣ сознаютъ, что я кое-что да сдѣлалъ въ этомъ сраженіи; но нужна протекція, а ты знаешь мой образъ мыслей на этотъ счетъ, любезный другъ; и такъ какъ я твердо рѣшился оставить службу по окончаніи этого похода, то мнѣ будетъ все равно имѣть однимъ орденомъ болѣе, или менѣе.

35.

Рейнбахъ, 28 Декабря 1813 г.

Главная квартира наша въ Бергедорфѣ, и я версты три правѣе оной; судя по обстоятельствамъ, мы здѣсь простоимъ

долго, ибо Давустъ укрѣпилъ сей городъ, и кажется имѣетъ твердое намѣреніе защищать оный до крайности; мы же не такъ сильны, чтобъ предпринять что нибудь рѣшительное, хотя г. Беннгсенъ весьма хочетъ быть фельдмаршаломъ, и вѣрно бы онъ на все пустился. Боится неудачи: въ то время сей чинъ отъ него еще болѣе удалится. Не можешь представить, другъ мой, какъ этотъ человѣкъ перемѣнился: изъ него сдѣлался самой ловкой и льстивой придворной, онъ даже не смѣетъ писать Государю о самыхъ нужнѣйшихъ вещахъ, боясь его не огорчить; а сверхъ сего слабъ до безконечности, управляемъ всѣми, кто его окружаетъ. Каково мнѣ видѣть все это, и не въ состояніи ничего поправить. По его милости мы, кажется, вѣчно назначены блокировать крѣпости, самая прескучная и безпокойная служба. Противъ его въ главной квартирѣ всѣ интригуютъ, и онъ не смѣетъ сдѣлать отпоръ, а мы, которые по несчастью служимъ подъ командою его, терпимъ. Чтò дѣлать, другъ мой! Эту кампанію надо послужить, она уже будетъ послѣдняя; я тебѣ клянусь, такъ мнѣ наскучило, что не можешь себѣ представить, и хотя при отставкѣ нечѣмъ жить, а таки все служить не буду и предпочитаю жизнь въ нуждѣ, чѣмъ быть подвержену съ подобными начальниками потерять репутацію, которая мнѣ стоила такъ дорого. Посылаю тебѣ шесть паръ перчатокъ, мнѣ они очень понравились; желаю, чтобъ и тебѣ угодны были. Представь, другъ мой, чтò со мной случилось: у меня изъ моей спальны украли часы во время балу; я не могу представить, какъ это случилось; весьма доволенъ только, что это не тѣ, которые мнѣ подарилъ братецъ, не Англійскіе, да то жаль, что съ оными всѣ печатки съ гербами.—У насъ уже были здѣсь маленькія перепалки, но это пустое, и намъ ничего не можно предпринять по двумъ резонамъ: во первыхъ, что насъ здѣсь мало, а другое, что вокругъ Гамбурга Ельба такъ разлилась, что не можно и приступиться; до сихъ поръ еще здѣсь совершенно осень, снѣгу нѣтъ и не морозитъ, такъ что можно прогуливаться въ одномъ кафтанѣ. Но ежели замерзнетъ Ельба, господинъ Давустъ можетъ быть въ весьма худыхъ обстоятельствахъ. Городъ превеликой, и онъ имѣетъ не болѣе какъ около 20 тыс. войска, въ томъ числѣ и Гарбургъ защищается, то его со стороны рѣки весьма легко можно сюрпризировать. Жаль чрезмѣрно бѣдныхъ жителей, они къ намъ очень преданы, ненавидятъ Французовъ; правда, и есть за что: этотъ злодѣй Давустъ съ ними дѣлаетъ варварства. Уже множество народа выѣхали изъ города въ жалкомъ положеніи, всѣ церкви превращены въ конюшни, и дѣлаютъ разныя неистовства. Ну ежели бы онъ попался къ намъ въ руки! И кажется, что рано, или поздно не отдѣлается. Главная наша армія уже частью перешла Рейнъ около Стразбурга. Англичане взяли Бордо, и Велингтонъ перешелъ Байону; все идетъ весьма благополучно. Какую ролю играетъ нашъ Государь! Почтенъ какъ спаситель цѣлаго свѣта, уважаемъ какъ доброй, безкорыстной побѣдитель; увидишь, что ежели угодно будетъ Богу кончить благополучно сію войну, то онъ не отдѣлается наименованія Великаго. Правда, что по всей справедливости заслуживаетъ: всѣмъ одинъ управляетъ (кто бы думалъ!) какъ военными, такъ и политическими дѣлами; мы много ему обязаны. Союзъ съ Австріею и вся теперешняя гармонія есть его одного дѣло; онъ умѣетъ держать всю *коалицію* въ большомъ порядкѣ, всѣ отъ него безъ памяти, стараются ему угодить, и его слово есть законъ. Вотъ, мой другъ, каковъ онъ; какъ много мы на его счетъ

ошибались; только дай Господи, чтобъ скорѣе все кончилось.

Г. Панинъ просился у меня въ отпускъ вмѣстѣ съ кн. Гагаринымъ, на малое время; я его не отпустилъ; можетъ быть, онъ будетъ о семъ писать къ своимъ роднымъ. Я нахожу, что ему еще рано: не успѣлъ показать носъ, какъ уже и хочетъ лынять; пусть послужитъ. Впрочемъ я имъ очень доволенъ, много имѣетъ хорошаго, воспитанъ прекрасно, правила даны самаго честнаго человѣка, а вмѣстѣ много добраго разсудка; правда, что не остеръ, но замѣняетъ сіе другими достоинствами гораздо надежнѣйшими.

Черты изъ жизни генералъ-лейтенанта Сергѣя Алексѣевича Тучкова.

Въ Русскомъ Архивѣ 1873 г. помѣщена автобіографическая записка П. А. Тучкова: *Мои воспоминанія о 1812 годѣ*. Не входя въ сужденіе о высокомъ достоинствѣ сей записки одного изъ знаменитыхъ сподвижниковъ отечественной войны, я только желаю, по возможности, изъ собранныхъ мною данныхъ, пополнить въ нихъ пробѣлъ, относящійся какъ къ нашей политической исторіи, такъ и къ исторіи знаменитаго рода Тучковыхъ.

Михайловскій-Данилевскій, въ Портретной Галлереѣ генераловъ, прославившихся въ войну съ Французами, помѣстилъ біографіи съ портретами только трехъ братьевъ Тучковыхъ по порядку рожденія: Николая, Павла и Александра Алексѣевичей. Первый убитъ въ Бородинскомъ сраженіи такъ, что послѣ и тѣло его, смятое пѣхотой и конницей сражавшихся, не было отыскано. Послѣдній умеръ отъ тяжелыхъ ранъ, полученныхъ въ томъ же сраженіи. О Павлѣ Алексѣевичѣ умалчиваю, такъ какъ о немъ говорятъ и Михайловскій - Данилевскій и собственная его записка въ Русскомъ Архивѣ. Но еще о братѣ (по порядку рожденія, второмъ) Сергѣѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ, А. И. Михайловскій-Данилевскій вовсе не упоминаетъ. Да и Павелъ Алексѣевичъ, на стр. 1967-й, говоритъ о немъ очень кратко: «четвертый братъ нашъ, бывшій въ тоже время (въ 1812 году), дежурнымъ генераломъ арміи, находившейся подъ командою адмирала Чичагова, хотя и оставался невредимымъ отъ непріятеля, но не избѣжалъ клеветы и злобы собственныхъ враговъ своихъ, бывъ удаленъ отъ командованія войскъ, болѣе десяти лѣтъ страдалъ безвинно подъ слѣдствіемъ.... И хотя потомъ и былъ опять опредѣленъ на службу и продолжалъ оную до глубокой старости, но не могъ уже возвратить ни прежняго времени, ни разстроеннаго здоровья претерпѣнными огорченіями».

Въ этомъ (сколько знаемъ) заключаются всѣ находящіяся въ печати свѣдѣнія о заслуженномъ генералѣ Сергѣѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ, не менѣе братьевъ замѣчательномъ по подвигамъ его въ войны Шведскія, Турецкія, Польскія, Персидскія, съ Горцами на Кавказѣ и наконецъ съ Французами, съ 1788 по 1830 годъ. Не менѣе того онъ долженъ быть извѣстенъ въ нашей отечественной исторіи, какъ отличный администраторъ, которому обязаны своимъ основаніемъ и заселеніемъ носящій его имя городъ Тучковъ и другія мѣста. Жизнь этого человѣка прошла небезслѣдно и не безъ пользы для Отечества и ближнихъ. Но обращусь лучше къ рукописнымъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною и имѣющимся у меня подъ руками.

Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ, по смерти старшаго брата своего, показывавшійся по спискамъ 1-мъ *) былъ изъ Россійскихъ дворянъ. Крестьянъ за матерью его и братомъ состояло въ Тверской, Симбирской и Нижегородской губерніяхъ 875 душъ.

*) Списки сіи находятся въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба въ Петербургѣ и въ Отдѣленіи онаго въ Москвѣ.

По списку за 1-ю половину 1810 года, отъ роду ему показано 44 года.

Службу началъ въ 1773 году, во 2-мъ фузелерномъ полку, фузелеромъ на своемъ коштѣ и состоялъ до 1783 года, проходя чины сержанта и штыкъ-юнкера *).

С. А. Тучковъ участвовалъ съ отличіемъ въ походахъ и сраженіяхъ въ 1788—1790 г. противъ Шведовъ во флотѣ, въ особенности же при Фридригсгамѣ противъ Шведскаго короля, гдѣ командовалъ всею крѣпостною артиллеріею. Въ 1792—1794 г. онъ дѣйствовалъ противъ Польскихъ мятежниковъ. При нападеніи ихъ на Вильну съ цѣлію истребить ночью Русское войско, онъ собралъ свою команду, присоединилъ къ ней другія войска, вышелъ изъ города, спасъ 16-ть орудій и знамена Нарвскаго и Псковскаго полковъ; отразилъ нападенія Поляковъ, взялъ ихъ знамя и въ плѣнъ роту пѣхоты съ командиромъ ея подполковникомъ Тетау, выжегъ предмѣстіе и бомбардировалъ городъ. За это награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса. За отличныя дѣйствія тамъ же подъ Вильною и овладѣніе укрѣпленіями сего города награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. Въ 1794 сформировалъ роты конной артиллеріи и за это, въ 1795 году, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ Январѣ 1796 г. укротилъ мятежъ жителей въ Псковской губерніи и за это награжденъ командорственнымъ орденомъ Св. Анны 2-го класса. Въ 1801—1804 годахъ онъ дрался на Кавказѣ, въ Грузіи и Имеретіи, противъ Горцевъ и Персіянъ и управлялъ также въ Грузіи гражданскою частію, за что получилъ Высочайшее благоволеніе. Въ 1807 г. формировалъ вновь бригаду, вошедшую въ составъ 16-й дивизіи и за скорое формированіе и исправность бригады получилъ высочайшее благоволеніе. Въ томъ же году былъ командированъ въ Украинскую милицію для прекращенія въ оной мятежа и за пресѣченіе онаго удостоенъ фельдмаршаломъ княземъ Прозоровскимъ къ наградѣ, которой однакожъ не получилъ. Въ 1808 г. начальствуя 16-ю дивизіею, вступилъ въ Молдавію. Въ 1809 г. находился при осадѣ и штурмѣ Браилова, потомъ за Дунаемъ при взятіи Мачина, Гирсова и Кистенджи и при осадѣ же Силистріи. Въ 1812 году дѣйствовалъ отъ Измаила въ экспедиціи на правый берегъ Дуная, гдѣ начальствовалъ особымъ отрядомъ, занялъ многія военныя Турецкія селенія и достигъ до укрѣпленнаго города Мангаліи (на Черномъ морѣ), который взялъ, плѣнилъ аяна или верховнаго пашу съ гарнизономъ, изъ 700 человѣкъ состоявшимъ. Въ томъ же году онъ основалъ городъ, названный, въ честь его, его именемъ. Наконецъ, Тучковъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ арміи адмирала Чичагова противъ Австрійскихъ, Саксонскихъ и Польскихъ войскъ. Этимъ оканчивается навсегда боевая жизнь Тучкова. Къ сожалѣнію, когда именно, въ какихъ мѣсяцахъ и числахъ 1812 года, онъ былъ въ сраженіяхъ, въ формулярѣ не означено. А это, какъ разъяснится послѣ, было бы нынѣ не маловажно.

По формуляру 1818 г., С. А. Тучковъ показанъ женатымъ, а на комъ, не объяснено. Дѣтей не имѣлъ, былъ, по своему времени, образованъ; зналъ языки, кромѣ Русскаго, Французскій и Нѣмецкій, а также политическую исторію, географію, артиллерію и фортификацію.

Далѣе видно изъ офиціальныхъ дѣлъ, что Кутузовъ, по званію главнокомандовавшаго Молдавскою арміею, въ Февралѣ 1812 года, за № 154, изъ Букареста, доносилъ Государю Императору, что генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й (Сергѣй), дѣйствуя противъ Турокъ, съ отрядомъ войскъ, бывшихъ съ нимъ въ экспедиціи за Дунаемъ, благополучно перешелъ на сію (на лѣвую) сторону Дуная 18 числа, переправивъ артиллерію и конницу по льду, къ чему послужили, на нѣсколько дней, морозы. Во вре-

*) Въ описываемое время штыкъ-юнкеръ полагался въ артиллеріи и по рангу былъ равенъ подпоручику арміи. Тогда при пѣхотныхъ полкахъ состояли артиллерійскія роты, при каждомъ по одной.

мя переправы за Дунай изъ Измаила, съ 4 на 5 Февраля, при немъ Тучковѣ было 4 баталіона пѣхоты, 6 орудій, одинъ Уральскій казачій полкъ и часть Донскаго казачьяго Грекова 4-го полка. Съ симъ войскомъ, направясь, чрезъ Чаталъ и Тульчу, на Бабаду, занялъ оную тогожъ 5 числа. Дѣйствуя потомъ въ предѣлахъ Турціи съ быстрымъ соображеніемъ и необыкновенною смѣлостію, оказалъ разныя отличія, закончивъ экспедицію взятіемъ въ плѣнъ: «одного аяна, 9-ти аговъ, 9-ти байрактаровъ «и 687 вооруженныхъ Турокъ, изъ числа «коихъ въ пути померло отъ ранъ, въ «сраженіи полученныхъ и отъ жестокой «стужи, два байрактара и 67 простыхъ «Турокъ. Сверхъ того непріятель много «потерялъ и убитыми. Наша же потеря со«стояла только въ раненыхъ семи каза«кахъ, двухъ егеряхъ и девяти казачьихъ «лошадяхъ.» При семъ Кутузовымъ былъ представленъ и наградной списокъ лицамъ, отличившимся съ Тучковымъ въ экспедиціи. Въ этомъ спискѣ показанъ первымъ онъ, Тучковъ, съ прописаніемъ въ графѣ отличія, что, «командуя отрядомъ войскъ, ему «ввѣренныхъ, при поискѣ надъ непріятелемъ, быстрыми движеніями, въ короткое время, занялъ и истребилъ многія Турецкія селенія, полонилъ всѣхъ Турокъ, гдѣ только они найдены были, наконецъ овладѣлъ городомъ Мангаліею, истребилъ и оный, взялъ въ плѣнъ всѣ бывшія тамъ непріятельскія войска, нанесъ страхъ и ужасъ во всемъ томъ краю — отъ Чернаго моря до самой Варны и во всѣхъ дѣйствіяхъ сей экспедиціи оказалъ отличное благоразуміе и знаніе военнаго искусства». За эти отличія графъ Голенищевъ-Кутузовъ собственноручно назначалъ Тучкову въ награду: *«орденъ Св. Анны перваго класса»*.

Представленіе это въ Петербургѣ было получено 11-го Марта 1812 года. На немъ рукою бывшаго тогда военнымъ министромъ Барклая-де-Толли помѣчено: *«Высочайше велѣно взять къ свѣдѣнію»*.

Кутузовъ, не получая долго разрѣшенія на таковое представленіе, 11-го Мая того же года за № 361-мъ, изъ Букареста, писалъ къ Барклаю-де-Толли письмо слѣдующаго содержанія:

«Вашему высокопревосходительству извѣстно, что генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й, за отличіе, сего года въ экспедиціи на правый берегъ Дуная, всеподданнѣйше представленъ отъ меня ко всемилостивѣйшему награжденію орденомъ Св. Анны 1-го класса, коего онъ не удостоился еще получить. Отличныя заслуги и достоинства сего генерала меня обязываютъ повторить мое объ немъ предстательство. Онъ, съ 1810 года, начальствуетъ лѣвымъ флангомъ, крѣпостями въ Бессарабіи и Браиловымъ, равно и отрядомъ флотиліи, защищающимъ устья Дунайскія, управляя притомъ артилерійскою и фортификаціонною частями. По принятіи начальства надъ крѣпостями, онъ нашелъ въ нихъ городовыхъ суммъ не болѣе десяти тысячъ рублей; но въ теченіи двухъ лѣтъ, усердіемъ своимъ и попечительностію, возвысилъ доходы Бессарабскихъ крѣпостей до 255,000 левовъ ежегодно, исправилъ оными крѣпости Измаильскую и Килійскую, а Браиловъ почти вновь построилъ; также построилъ штернъ-шанецъ на островѣ Чаталѣ и многіе новые казармы, магазейны и госпиталь въ крѣпости Измаильской, не требуя никакихъ собственныхъ нашихъ суммъ. Онъ успѣлъ склонить и перевести къ Измаилу до ста семействъ извѣстныхъ казаковъ подъ наименованіемъ Некрасовцовъ, удалившихся съ давнихъ временъ съ Дону и служившихъ съ большою вѣрностію Портѣ Оттоманской, о которыхъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II-й, всѣ покушенія о вызовѣ ихъ подъ державу Россіи оказались тщетны. Да и прочіе Некрасовцы чрезъ письма обѣщали ему, при первомъ удобномъ случаѣ, пересе-

литься подъ державу Россіи. Наконецъ благоразумнымъ его распоряженіемъ, дѣятельностію и усердіемъ къ службѣ открыто и остановлено контрабанды болѣе, нежели на милліонъ рублей, и тѣмъ пресѣченъ ввозъ въ Россію запрещенныхъ товаровъ».

«Всѣ сіи заслуги генералъ-маіора Тучкова убѣждаютъ меня просить покорнѣйше ваше высокопревосходительство о исходатайствованіи ему испрашиваемаго мною всемилостивѣйшаго награжденія, а съ тѣмъ вмѣстѣ повторить и о прочихъ мною тогда представленныхъ при всеподданнѣйшемъ рапортѣ № 154. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. имѣю честь быть графъ Михаилъ Г. Кутузовъ».

Письмо это, полученное 5 Іюня, осталось безъ отвѣта и даже безъ всякой резолюціи. Грозныя тучи уже собирались надъ Россіею и надвигались надъ нею, несясь съ Запада. Внутри нашего отечества господствовали страхъ и недоумѣніе. Наполеонъ наступая, на Россію, уже перешелъ черезъ Нѣманъ 12-го тогоже Іюня. Въ виду такой опасности, Императоръ Александръ Павловичъ и генералъ Барклай-де-Толли были заняты болѣе важными заботами и дѣлами. Кутузовъ, въ самое критическое для Россіи время, заключивъ миръ съ Оттоманскою Портою, сдалъ Молдавскую армію адмиралу Чичагову, а самъ отправился въ Петербургъ, для формированія ополченія и командованія онымъ: перемѣна для такого полководца, побѣдителя Турокъ, странная, но исторія сего не скрываетъ.

По вступленіи въ командованіе Молдавскою арміею, адмиралъ П. В. Чичаговъ, изъ Яссъ, отъ 18 Августа, за № 49, всеподданнѣйше донесъ Императору Александру Павловичу слѣдующее:

«При осмотрѣ мною крѣпостей Браилова и Измаила, я нашелъ ихъ въ довольной исправности, особливо въ вооруженіи оныхъ. Преведеніемъ крѣпостей сихъ въ надлежащій порядокъ занимался генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й, бывшій тамъ начальникомъ и нынѣ исправляющій должность дежурнаго генерала при Дунайской арміи. Я замѣтилъ токмо, что пушечные станки, по составу ихъ, весьма неудобны во время дѣйствія, хотя они сдѣланы точно по образцамъ нашихъ крѣпостныхъ орудій. Впрочемъ отдѣланы они весьма хорошо, и лучшіе для нихъ потрачены матеріалы».

«Предъ Измаиломъ выстроено предмѣстіе, новый городъ, по виду и расположенію своему, составить могущее. Въ немъ находится уже болѣе 1500 домовъ и лавокъ, хорошо устроенныхъ и расположенныхъ. Населенъ Армянами, Греками, Болгарами, Евреями, Некрасовцами и переселенцами изъ другихъ народовъ. Устроеніе сего города и населеніе не стоило казнѣ никакихъ издержекъ. Труды и попечительность генералъ-маіора Тучкова положили ему основаніе и привели въ надлежащее цвѣтущее состояніе. Въ ободреніе за столь полезное дѣло я бы почиталъ весьма приличнымъ — городъ сей назвать по имени учредителя его. Я осмѣливаюсь испрашивать на сіе соизволенія Вашего Императорскаго Величества».

На рапортѣ семъ Императоромъ собственноручно написано карандашемъ: «*Исполнить*»; а рукою графа Аракчеева чернилами помѣчено: «*31-го Августа*». Значитъ, это было уже послѣ Бородинской битвы, гдѣ два брата генералы Тучковы 1-й Николай и 4-й Александръ положили свои головы (3-й Павелъ былъ въ плѣну).

Во исполненіе сей высочайшей резолюціи, 4 Сентября, послѣдовалъ именной высочайшій указъ Правительствующему Сенату о наименованіи вновь построеннаго города, за заслуги и въ память учредителя онаго — *Тучковъ*. Указъ сей помѣщенъ и въ Полн. Собр. Зак. подъ № 25248-мъ. Такимъ образомъ, память хорошаго администратора должна сохраниться до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать носящій его фамилію сей городъ.

Жители основаннаго Тучковымъ города, въ числѣ ихъ особенно Некрасовцы, въ Апрѣлѣ 1813 года, питая къ основателю, какъ видно, полное довѣріе, приносили ему свои жалобы на дѣлаемыя мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ разныя притѣсненія и обиды и просили его защиты и покровительства,—главное же объ оставленіи ихъ подъ военнымъ управленіемъ, на томъ основаніи, на какомъ существовали тогда у насъ казаки. По поводу таковой жалобы С. А. Тучковъ, представляя въ оригиналѣ просьбу жителей города Тучкова къ военному министру кн. Алексѣю Ивановичу Горчакову 1-му, въ письмѣ своемъ отъ 28-го Мая того года, довольно пространномъ, между прочимъ, объяснялъ, что онъ, не имѣя никакого вліянія на жителей населеннаго имъ города, просьбу ихъ передаетъ ему, министру, на зависящее распоряженіе. Тутъ же предлагаетъ и разныя, по мнѣнію его, лучшія и полезныя мѣры, клонившіяся къ благоустройству и успокоенію жителей города Тучкова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, жалуясь самъ на неудовольствія, дѣлаемыя ему со стороны нѣкоторыхъ особъ (коихъ впрочемъ не поименовываетъ) и на то, что представленіе графа Голенищева-Кутузова о награжденіи его, за экспедицію въ предѣлы Турціи, орденомъ Св. Анны 1-го класса, осталось безъ послѣдствій, выражается такъ въ концѣ письма: «Я не знаю, къ чему приписать несчастіе, съ извѣстнаго времени меня преслѣдующее. Пренебреженіе заслугъ моихъ въ Грузіи (за что онъ тоже былъ представляемъ къ Аннѣ 1-й степени), принудило меня оставить службу, въ кою паки я былъ приглашенъ по высочайшей волѣ и принятъ безъ прошенія. Скорое формированіе бригады, усмиреніе милиціи, труды и дѣятельность во время двухлѣтняго нахожденія при фельдмаршалѣ князѣ Прозоровскомъ, дежурнымъ генераломъ, и наконецъ представленіе князя Голенищева-Кутузова, по которому я ничего не получилъ, и въ воздаяніе за все сіе, бывъ дивизіоннымъ генераломъ и потомъ корпуснымъ командиромъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ Поляковъ, во время войны, ихъ бунта, отосланъ сюда (въ Минскъ), для объясненія по ихъ просьбамъ, поданнымъ по извѣстному научѣнію, которыхъ ничѣмъ доказать не могутъ; а я между тѣмъ четвертый мѣсяцъ утѣсняюсь, проживая здѣсь. Я вижу, что службы моей не хотятъ. Но больно мнѣ то, что я не такъ служилъ, какъ другіе и что вступался въ полезныя для Отечества предпріятія, въ которыхъ хотя и показалъ успѣхъ, но надѣлалъ чрезъ то недовольныхъ правительствомъ. Кому какъ не вашему сіятельству, по обязанности вашей, предстоитъ способъ помочь Некрасовцамъ, пресѣчь ихъ ропотъ и отвратить вредныя отъ того послѣдствія?»

Вслѣдствіе сего письма, Тучковъ былъ запрошенъ 3-го и отвѣчалъ князю Горчакову 20-го Іюля 1813 г., также изъ Минска, относительно общихъ мѣръ, клонившихся къ лучшему устройству населенныхъ имъ разными выходцами мѣстъ Бессарабіи. Это донесеніе было представлено имъ при слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ отъ того же числа:

«Въ письмѣ моемъ отъ 28 Мая и въ донесеніи отъ сего числа, объяснилъ я все, что касается до переселенія Некрасовскихъ казаковъ и прочихъ выходцевъ въ Бессарабію. Остается мнѣ только представить вашему сіятельству мысль мою о правленіяхъ, учрежденныхъ во вновь пріобрѣтаемыхъ земляхъ, и что вводимое обыкновенное наше, на основаніи Учрежденія о Губерніяхъ, не вездѣ прилично. Примѣромъ и доказательствомъ сего можетъ служить Грузія, гдѣ я былъ правителемъ. Съ открытіемъ онаго, тамо ознаменовались многія неудовольствія и возмущенія; а казенные доходы такъ упали, что не доставало оныхъ даже на содержаніе жалованьемъ судей. Въ Бессарабіи хотя точно того же ожидать

не можно, потому что нѣтъ въ оной коренныхъ жителей; но весьма легко могутъ они оставить сію землю, чрезъ что неминуемо упадутъ доходы, и новымъ симъ завоеваніемъ увеличится только количество пустынныхъ степей въ Россіи.»

«Хотя по неудовольствіямъ и многимъ другимъ причинамъ, служба не представляетъ мнѣ ничего лестнаго, и долженъ буду я оную оставить; но, отвергая всякое самолюбіе, смѣю сказать, что мнѣ болѣе всѣхъ извѣстны обстоятельства того края, равно и способы къ приведенію въ дѣйствіе всѣхъ предположеніевъ.»

«Сравните, ваше сіятельство, переселенія Дюка-де-Ришелье съ моими. Какихъ издержекъ первыя стоятъ казнѣ? Мои же не заключаются въ одномъ городѣ, имени моего, изъ 1.700 домовъ состоящемъ; но сверхъ того въ разныхъ мѣстахъ Бессарабіи, въ командованіе мое, населено таковыми выходцами до двадцати деревень, не считая предмѣстіевъ крѣпостей, что̀ казнѣ ни малѣйшихъ издержекъ не стоило.»

«Предавая все сіе благоусмотрѣнію вашему и поручая себя милостивому расположенію вашего сіятельства, которымъ я съ давняго времени имѣлъ честь пользоваться. и пр.»

(Извлеч. изъ дѣлъ 1-го отд. бывшей Общей Канцеляріи Воен. Мин. 1812 г., оп. 153, св. 47. № 1937 и 4117).

Это письмо съ донесеніемъ Тучкова за № 224-мъ получены были въ военномъ министерствѣ въ Августѣ 1813 года, когда оно было занято главнѣйше тѣмъ, что̀ въ борьбѣ Александра Павловича съ Наполеономъ I происходило за границей. Тамъ были всѣ наши войска; тамъ составлялся союзъ пяти державъ: Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи и Швеціи противъ грознаго завоевателя. Тамъ Государь нашъ, мудростію своей глубокой и тонкой политики, рѣшалъ важнѣйшій для свободы всей Европы вопросъ о низложеніи Наполеона. Тамъ происходили битвы Дрезденская, Кульмская, Кацбахская и готовилась Лейпцигская и др. Кому и когда тутъ было заниматься частными дѣлами и предложеніями услугъ генерала Тучкова? Время для него было неблагопріятное. Утѣшаясь славою нашихъ побѣдъ, онъ въ Минскѣ тѣмъ болѣе томился и страдалъ, что правительство не призывало его къ дѣйствующей арміи дѣлить съ нею труды походной жизни и славу подвиговъ.

Далѣе, относительно жизни генерала Тучкова 1-го, по спискамъ видно, что онъ, числясь по арміи безъ должности, съ конца 1812 по 1826 годъ состоялъ подъ слѣдствіемъ. Выше изъ писемъ Сергѣя Алексѣевича видно, что онъ жаловался на неудовольствія, надъ нимъ долго тяготѣвшія и въ особенности на клеветавшихъ на него Поляковъ. Для разъясненія этого темнаго дѣла я прибѣгну и къ подлинному документу и къ собственной памяти, на столько, на сколько въ ней, въ минувшія 49 лѣтъ, могъ сохраниться фактъ. Можетъ быть, я ошибусь въ разъясненіи факта, для нашей исторіи немаловажнаго. Въ такомъ случаѣ предоставляю болѣе свѣдущему лицу, во имя святой истины, честь исправить мою обмолвку. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Въ 1812 году, по плану Александра Благословеннаго, адмиралу Чичагову, командовавшему Молдавскою арміею, князю Витгенштейну и князю Голеницеву-Кутузову-Смоленскому, были даны повелѣнія упредить Наполеона I-го, съ его разстроенною и бѣжавшею арміею, на переправѣ чрезъ рѣку Березину. Чичаговъ первый долженъ былъ встрѣтить враговъ и преградить имъ путь. Кутузовъ и Витгенштейнъ обязаны были, слѣдуя за нашими врагами боковыми маршами, поспѣть къ г. Борисову и общими силами остановить и сокрушить ихъ. Но планъ этотъ, какъ извѣстно, не вполнѣ былъ выполненъ по разнымъ причинамъ, и Наполеонъ съ остатками своего войска убѣжалъ изъ Россіи.

Въ это-то самое время, въ ходѣ событій важное (или около того времени), въ сторонѣ военныхъ дѣйствій, въ районѣ арміи Чичагова и корпуса генерала С. А. Тучкова 1-го, случилось происшествіе, можетъ быть, имѣвшее немалое вліяніе и на исходъ Березинской переправы. Евреи пронюхали и донесли, что въ имѣніи Польскихъ пановъ князей Радзивиловъ сокрыты фамильныя ихъ сокровища, золото, серебро и проч. Радзивилы, какъ и вообще Поляки, отуманенные обѣщаніями Наполеона, намъ не только не сочувствовали, но даже дѣйствовали открыто противъ нашихъ войскъ. Доносъ Евреевъ, при розыскѣ, подтвердился. Въ имѣніи князей Радзивиловъ будто бы были найдены и забраны войсками разныя сокровища, суммою болѣе десяти милліоновъ злотыхъ. Вещамъ и деньгамъ были даже составлены описи и, вмѣстѣ съ сокровищами, представлены къ адмиралу Чичагову. Кромѣ того со стороны Поляковъ возникли многія другія жалобы на войска, бывшія въ корпусѣ С. А. Тучкова, за самовольное якобы забраніе у нихъ продуктовъ, разныхъ вещей и проч. Это было въ военное время, время критическое и нужное. Не смотря на то, Поляки подняли гвалтъ, посыпались со стороны ихъ жалобы и разныя выдуманныя просьбы на наши войска. Мы, Русскіе, не роптали и не жаловались, когда, при содѣйствіи Поляковъ, Французы жгли города и селенія и, дѣлая подкопы, взрывали общественныя и частныя церкви и зданія и грабили все, что̀ могли только съ собой забрать. О продуктахъ нечего и говорить: во время войнъ ими пользуются обѣ стороны, по праву сильнаго и во имя крайней необходимости. Тѣмъ не менѣе, по жалобамъ Поляковъ, Тучковъ 1-й былъ оставленъ въ Минскѣ и устраненъ отъ дѣйствія противъ враговъ Россіи.

По нахожденію моему, въ 1825 и 1826 годахъ, на службѣ въ бывшемъ аудиторіатскомъ департаментѣ военнаго министерства, я именно былъ употребленъ по дѣлу о генералъ-маіорѣ Тучковѣ. По этому и помнится мнѣ: во 1-хъ, что въ дѣлѣ особенно много упоминалось о сокровищахъ, забранныхъ нашими войсками въ имѣніи князей Радзивиловъ, въ томъ числѣ о дорогомъ мечѣ, подаренномъ папою Римскимъ, коронахъ, золотѣ, серебрѣ и проч.; во 2-хъ, что дѣло это необыкновенно долго производилось, бывъ нѣсколько разъ возвращаемо для дополненій; и въ 3-хъ, что домогательство Поляковъ было принимаемо на вѣру у насъ въ Россіи, и даже одно лицо, стоявшее при нашемъ императорскомъ дворѣ очень близко къ Императору, принимало въ дѣлѣ живое участіе, клонившееся въ пользу Поляковъ. Когда сообразимъ все это въ совокупности, немудрено, что герой нашъ Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ 1-й болѣе двѣнадцати лѣтъ томился подъ слѣдствіемъ. Были даже забыты подвиги его и отличія противъ Шведовъ, Турокъ, Горцевъ, Персіянъ, Поляковъ и Французовъ. Забыто было и то, что двое родныхъ его братьевъ сложили свои головы за Вѣру, Царя и Отечество. Слѣдственное дѣло о Тучковѣ 1-мъ было высочайше конфирмовано уже по восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, именно, 2-го Іюля 1826 года. Въ конфирмаціи сей сказано, что «генералъ-маіоръ «Тучковъ ни въ какихъ злоупотребленіяхъ «или покорыствованіи не доказанъ, но ви«новенъ единственно въ слабомъ командо«ваніи ввѣреннымъ ему корпусомъ. По се«му, на основаніи всемилостивѣйшаго ма«нифеста, въ 30-й день Августа 1814 года «состоявшагося, въ уваженіе долговремен«ной бытности его подъ слѣдствіемъ, оста«вить его отъ дальнѣйшей по сему дѣлу «отвѣтственности свободнымъ.» «Объявлен«ныя обывателями претензіи, относящіяся «до забраннаго у нихъ арміею адмирала «Чичагова и корпусомъ генералъ-маіора «Тучкова продовольствія и имущества во «время войны 1812 года, по недоказатель-

«ству и большому сомнѣнію, чтобы убыт-«ки ихъ простирались до показанной ими «суммы, оставить безъ удовлетворенія.» (Дѣло I-го отд. 1-го ст. бывш. Инсп. Департ. воен. мин. 1826 г., св. 285 № 283).

Въ этой офиціальной конфирмаціи ничего не сказано о расхищенныхъ сокровищахъ князей Радзивиловъ, суммою свыше десяти милліоновъ злотыхъ. Между тѣмъ я помню, что расхищеніе сихъ сокровищъ было главнѣйшимъ фактомъ обвиненія не столько Тучкова, сколько адмирала Чичагова, къ которому при описи вещи были представлены. Но по дѣлу о семъ Чичаговъ остался неспрошеннымъ, потому что послѣ Березинской переправы (гдѣ онъ не оправдалъ довѣрія Императора) и представленія ему Радзивиловскихъ богатствъ, онъ, Чичаговъ, удалился изъ нашей арміи за границу, въ дѣйствіяхъ противъ Французовъ не участвовалъ и кончилъ жизнь во Франціи въ 1849 году.

По поводу сихъ данныхъ, не должны ли мы заключить, что въ неудачѣ Чичагова при р. Березинѣ, имѣли, можетъ быть, сильное значеніе и представленныя ему сокровища князей Радзивиловъ, и не были-ль онѣ главною изъ причинъ оставленія имъ нашей арміи въ нужнѣйшее время, чтобъ укрыться въ чужихъ краяхъ? А что въ приведенной выше конфирмаціи о претензіи князей Радзивиловъ вовсе не упомянуто, то это могло быть и по волѣ Государя и по политическимъ и другимъ соображеніямъ, для простыхъ смертныхъ недоступнымъ.

Послѣ конфирмаціи дѣла о Сергѣѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ, онъ оставался еще безъ должности до 1828 года. Возникшая въ этомъ году война Россіи съ Турціею вызвала его вновь къ служебной дѣятельности, какъ извѣстнаго по храбрости и опытности генерала и особенно какъ хорошаго администратора. Въ Февралѣ того года, онъ изъ состоявшихъ по арміи, по высочайшему повелѣнію, былъ временно причисленъ къ главной квартирѣ 2-й арміи, состоявшей подъ командою фельдмаршала графа Витгенштейна. Поэтому онъ и переселился тогда же въ городъ Тучковъ — впредь до повелѣнія. А по переходѣ, въ Маѣ мѣсяцѣ, войскъ нашихъ на правый берегъ Дуная, онъ, съ высочайшаго разрѣшенія, назначенъ начальникомъ Бабадагской области. Въ томъ же Маѣ, 22-го числа, въ ознаменованіе усердія и рвенія его къ службѣ, а въ особенности старанія и попеченія при переселеніи остатковъ Запорожской Сѣчи изъ Турецкихъ владѣній въ наши предѣлы, всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. Въ Октябрѣ того же года фельдмаршалъ графъ Вингенштейнъ, уволивъ генералъ-маіора С. А. Тучкова на два мѣсяца въ городъ Одессу, для излеченія болѣзни, ходатайствовалъ, по бѣдному его состоянію, о производствѣ ему во время его отпуска получаемаго имъ жалованья и столовыхъ денегъ. На это Государь соизволилъ въ 21 день Ноября. Въ Маѣ 1829 года отпускъ продолженъ ему до излеченія болѣзни и тоже съ сохраненіемъ содержанія, производившагося по должности начальника Бабадагской области. Между тѣмъ онъ 14 Апрѣля этого года, за отличіе, произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

По симъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ хотя и видно, что Тучковъ находился въ отпуску *до излеченія болѣзни;* но изъ донесенія его въ инспекторскій департаментъ в. м. отъ 13 Августа 1830 г. № 143, видно, что онъ съ 1829 года, «въ Бессарабіи занимался, по распоряженію главнокомандовавшаго арміей, содѣйствіемъ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу Воронцову въ переселеніи Задунайскихъ Некрасовцевъ въ предѣлы Россіи.» (Дѣло I отд. 1 ст. 1828 г. св. 312, № 61).

1830 г. Декабря 27, онъ назначенъ градоначальникомъ въ Измаилъ. Въ 1834 г. всемилостивѣйше пожалованъ ему орденъ Бѣлаго Орла. Въ Декабрѣ 1835 года

С. А. Тучковъ по высочайшему повелѣнію уволенъ, по разстроенному здоровью, отъ должности Измаильскаго градоначальника, съ отчисленіемъ его по арміи и съ упраздненіемъ вовсе сей должности, при возложеніи обязанности градоначальника на Бессарабскаго гражданскаго губернатора. При семъ графъ М. Воронцовъ, во всеподданѣйшемъ письмѣ къ Государю Императору Николаю Павловичу, повергалъ на милосердое воззрѣніе участь С. А. Тучкова, свидѣтельствуя, что «преклонныя лѣта сего послѣдняго, болѣзни и совершенное разслабленіе силъ дѣлаютъ его, Тучкова, для службы уже безполезнымъ; но прежнее его продолжительное служеніе, его труды и отличія на поприщѣ службы и при томъ долгія и напрасныя страданія въ прошедшее время, даютъ ему право на всемилостивѣйшее къ нему вниманіе въ настоящемъ его положеніи.» Въ заключеніе графъ Воронцовъ просилъ Государя о доставленіи «заслуженному сему старцу способовъ къ приличному себя содержанію, съ предоставленіемъ, сверхъ того, квартиры на счетъ казны въ городѣ Измаилѣ, въ занимаемомъ имъ нынѣ (въ 1835 г.) домѣ, гдѣ бы онъ могъ кончить покойно послѣдніе дни своей, нѣкогда полезной, отечеству жизни, коихъ, судя по слабости его силъ, остается ему, къ сожалѣнію, весьма немного».

По теплому сему письму графа Воронцова и по докладу военнаго министра князя Чернышева, послѣдовало высочайшее соизволеніе о сохраненіи производившагося С. А. Тучкову, по званію градоначальника, содержанія (по 3,100 руб. серебр. въ годъ), оставя ему, на счетъ казны, въ г. Измаилѣ и квартиру. (Дѣло I-го отд. 4 ст. инсп. деп. в. м. 1835 г., св. 915, № 2391).

Послѣднія свѣдѣнія о жизни достойнаго С. А. Тучкова я извлекаю изъ тѣхъ данныхъ, кои сообщены мнѣ роднымъ племянникомъ его А. П. Тучковымъ, съ позволенія коего и печатаются сіи очерки. Долго ли жилъ Сергѣй Алексѣевичъ въ г. Измаилѣ, числясь по арміи, мнѣ неизвѣстно; но знаю, что впослѣдствіи онъ переселился въ Москву, поближе къ брату своему Павлу Алексѣевичу (служившему тогда сенаторомъ въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ), такъ какъ оба брата примѣрно другъ друга любили и въ бесѣдахъ своихъ о прошломъ и настоящемъ находили своего рода утѣшеніе и развлеченіе. Находясь въ Москвѣ С. А. Тучковъ умеръ въ кругу любившихъ и уважавшихъ его и исключенъ приказомъ изъ списковъ 21 Февраля 1839 года. Погребенъ прахъ его въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Покойный С. А. Тучковъ въ молодыхъ лѣтахъ любилъ заниматься словесностію, перевелъ съ Французскаго на Русскій языкъ нѣсколько трагедій, написалъ нѣкоторыя драматическія пьесы, въ стихахъ, въ подражаніе Французскимъ классикамъ. Собраніе его сочиненій напечатано въ двадцатыхъ годахъ и нынѣ сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Городъ Тучковъ, удачно задуманный и основанный, не стоя казнѣ никакихъ издержекъ, по географіи Россійской И. Павловскаго, въ 1847 году, имѣлъ жителей до 20,000. По Парижскому трактату 1856 года, оный, съ крѣпостью Измаиломъ, отошелъ къ Румыніи.

Я знаю, что сіи очерки неполны и несовершенны, за неимѣніемъ полныхъ данныхъ о жизни С. А. Тучкова. Поэтому предоставляю, кому угодно, пополнить и исправить ихъ изъ другихъ источниковъ, которые впослѣдствіи могутъ открыться.

Г. Александровъ.

29 Января 1874 г.
Москва.

Изъ исторіи Виленскаго учебнаго округа.

I.

Поляки сами сознавали, что паденіе Рѣчи Посполитой неизбѣжно. Съ этимъ неяснымъ, но не менѣе того живо ощущаемымъ сознаніемъ соединялись въ нихъ самыя разнообразныя чувства и стремленія. Въ нихъ пробуждалось и ревнивое чувство благоговѣнія къ историческому якобы предназначенію Польши, и непомѣрная любовь къ ея достоинству и славѣ, и страстное стремленіе поддержать политическое бытіе ея. Для удовлетворенія такихъ чувствъ и стремленій, однимъ изъ вѣрныхъ и надежныхъ средствъ было признано воспитаніе юношества въ патріотическо-польскомъ духѣ. Мысль эта отчасти осуществилась въ учрежденіи такъ называемой *эдукаціонной комисіи*, спеціально предназначавшейся для учебно-образовательныхъ реформъ. Хотя дѣятельность комисіи этой не спасла Польши отъ погибели, тѣмъ не менѣе реформы, произведенныя ею въ учебно-образовательномъ дѣлѣ, не пропали безслѣдно, а послужили богатымъ матеріаломъ для будущаго времени.

Съ послѣднимъ раздѣломъ Польши, земли, входившія въ составъ бывшаго великаго княжества Литовскаго (за исключеніемъ Бѣлостокской области) вошли въ составъ Россійской имперіи. Великодушіе императора Павла къ политическимъ коноводамъ тогдашняго Польскаго общества обратило взоры Поляковъ къ Россіи. Изъ Петербурга ждали они вѣрнѣйшей помощи къ достиженію слагавшихся тогда заговорныхъ цѣлей. Надежды Поляковъ усилились съ восшествіемъ на престолъ императора Александра Благословеннаго, когда князь Адамъ-Георгъ Чарторыйскій, глава новаго политическаго движенія, сдѣлавшійся другомъ молодаго государя, сталъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и попечителемъ вновь учрежденнаго Виленскаго учебнаго округа. „Подъ Русскимъ владычествомъ", писалъ въ 1803-мъ году Францискъ Дмоховскій Гуго Колонтаю (работавшему на Волыни, по устройству заведеній въ юго-западной Россіи), намъ открываются самые благопріятные виды. Вмѣстѣ съ этимъ организація публичной инструкціи въ выборѣ способныхъ соотечественниковъ на мѣста учителей произведетъ то, чего только ожидать можно въ данномъ случаѣ. Но если учительскія мѣста замѣщены будутъ чужеземцами, тогда придется попрощаться съ отечественными науками, и въ особенности пострадаетъ отъ этого образованіе. Излагая науки на чужомъ языкѣ, можно приготовить извѣстное число ученыхъ; но безъ Польскаго языка нельзя распространить образованія въ массѣ. Въ данномъ случаѣ цѣли императора Александра таковы, что онѣ позволяютъ надѣяться получить отъ него гораздо больше, нежели сколько можетъ дать намъ какое-бы то ни было правительство..."

Въ 1802 году князю Чарторыйскому поручено было составить уставъ для Виленскаго университета и другихъ учебныхъ заведеній вновь открываемаго Виленскаго учебнаго округа. Въ 1803 году въ помощь къ нему назначенъ по высочайшему повелѣнію визитаторомъ училищъ въ юго-западныя губерніи Ѳаддей Чацкій. И тотъ и другой въ одинаковой мѣрѣ обратились за содѣйствіемъ къ способнѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ: Чарторыйскій пригласилъ къ себѣ въ главные сотрудники ректора тогдашней Виленской академіи Стройновскаго, а Чацкій—Гуго Колонтая. Образовалось два центра

дѣятельности: одинъ въ сѣверо-западномъ краѣ—въ Вильнѣ, другой въ юго-западномъ—на Волыни. Съ энергіей и знаніемъ дѣла, эти люди принялись за переустройство старыхъ заведеній и устройство новыхъ на новыхъ національно-Польскихъ началахъ. И Польское дворянство, и Польское духовенство дали имъ свои капиталы, а ученые Польскіе—свои знанія и труды, и тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ, что дары эти принимались, какъ жертвы на алтарь отечества. Съ той поры западной и юго-западной Руси суждено было сдѣлаться поприщемъ для развитія Польскихъ революціонныхъ идей и выносить на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія и ужасы, соединенные съ разрушительнымъ ихъ дѣйствіемъ.

Нельзя здѣсь впрочемъ не замѣтить, что въ первоначальной дѣятельности этихъ реформаторовъ не было строгаго согласія и единства. Виленскіе реформаторы не всегда соглашались съ Чацкимъ, и на оборотъ; но такой антагонизмъ былъ для Польскаго дѣла болѣе полезенъ, нежели вреденъ. Подъ вліяніемъ его, и тѣ и другіе въ одинаковой мѣрѣ зорко слѣдили за дѣятельностію другъ друга и во́ время исправляли свои ошибки. Когда Стройновскій, напримѣръ, допустилъ въ своемъ уставѣ Виленскаго университета возможность поступать туда на службу иностранцамъ, то противъ него поднялось цѣлое ополченіе крайнихъ патріотовъ. „Виленскій университетъ (писалъ по этому поводу Дмоховскій къ Колонтаю) наполняется чужеземцами; будутъ тамъ Нѣмцы, Французы, Итальянцы, Англичане—словомъ, Вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать Поляковъ какъ не способныхъ. Должно быть тѣ, которые схватились за это правило, почерпнули его изъ личнаго своего опыта. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и Виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что̀ тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать для себя преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ особыми трудностями. Объ этомъ можно только сожалѣть, исправить трудно. Гдѣ мы закладывали гнѣздо Польскаго языка и Польской литературы,—тамъ будетъ сѣдалище Нѣмецкихъ трансенденталистовъ, и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ“...

Въ такомъ-же духѣ писалъ по этому-же самому дѣлу и Колонтай къ Яну Снядецкому: „Главная Виленская школа, достаточно извѣстная своею безпорядочностію и духомъ монополіи, обыкновенной принадлежности такихъ учрежденій, не только не помогаетъ Чацкому, напротивъ того во всемъ ему препятствуетъ. Постоянно нужно усмирять ее, постоянно нужно предупреждать не только нерасположенность ея къ Чацкому, но и неудачи, могущія возникнуть для нея самой. На сколько я могу понимать дѣло, предвижу, что Стройновскому—трудно придется справляться съ своей машиной. Теперь онъ уже старается загладить свои прежнія ошибки; но кто-же именно будетъ тотъ счастливецъ, который дѣйствительно загладитъ ихъ? Началъ онъ свое дѣло упрямствомъ и крутыми мѣрами; ко всему этому присоединилось чувство ложнаго стыда, нежеланіе сознаться въ заблужденіяхъ, которыя въ свою очередь могутъ быть исправлены только имъ самимъ, такъ какъ Чарторыйскій считаетъ его въ этомъ дѣлѣ наиболѣе компетентнымъ..... Въ своемъ проэктѣ, онъ призналъ необходимымъ обратиться къ вызову иностранцевъ и этимъ отдалилъ отъ себя достойныхъ Поляковъ.

Теперь онъ твердитъ, что трудно найти Поляковъ. И какъ онъ въ самомъ дѣлѣ найдетъ ихъ, поставивъ на одну доску съ чужеземцами и подчинивъ суду недоучившихся Виленскихъ ученыхъ?"...

Такія и подобныя нападки крайнихъ патріотовъ, сразу надѣявшихся получить отъ Русскаго правительства болѣе, нежели отъ любаго правительства, были полезны для Польскаго дѣла въ томъ отношеніи, что заблаговременно указывали Виленскимъ реформаторамъ на слабыя стороны ихъ новыхъ уставовъ и въ тоже время знакомили послѣднихъ съ желаніями ихъ антагонистовъ. Крайнія мѣры были несогласны съ правилами осторожной политики князя Чарторыйскаго, — особенно въ то время, когда Стройновскій долженъ былъ составлять свой уставъ на основаніи общаго устава для учебныхъ заведеній всей Россійской имперіи; къ тому же сами нападающіе слишкомъ вѣрили въ безупречную преданность Польскому дѣлу и политическій геній князя Чарторыйскаго.

II.

Въ 1803-мъ году Чарторыйскій назначенъ попечителемъ вновь открытаго Виленскаго учебнаго округа. Въ этомъже году послѣдовалъ рядъ правительственныхъ распоряженій относительно устройства Виленскаго университета и заведеній его округа. 4 Апрѣля обнародована Высочайшая грамата объ открытіи Виленскаго университета; 18-го Мая—общія постановленія университета и училищъ округа; 28-го Іюня—манифестъ объ открытіи главной семинаріи при университетѣ; 10-го Декабря—распоряженіе о содержаніи училищъ въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Въ составъ учебнаго округа включено пространство, заключающее въ себѣ нынѣ девять губерній: Виленскую, Минскую, Ковенскую, Витебскую, Могилевскую, Волынскую, Подольскую, Кіевскую и Гродненскую (безъ Бѣлостокской области, которая вошла въ составъ округа съ 1810 года, т. е. со времени ея присоединенія къ Россіи).

На содержаніе университета и округа отчислены всѣ суммы прежняго эдукаціоннаго фундуша, простиравшіяся, по вычисленію Лукашевича, до 1.580.000 Польскихъ злотыхъ, и новыя пожертвованія римско-католическаго духовенства и Польскаго дворянства. Дѣло поставлено было очень прочно.

Такой обширный округъ устроенъ исключительно по внушеніямъ Чарторыйскаго и изъ видовъ чисто-политическо-Польскихъ. Намѣренія министерства народнаго просвѣщенія были иныя; графъ Завадовскій думалъ основать другой округъ и университетъ—въ Кіевѣ. Съ этою цѣлью онъ нарочно ѣздилъ въ Кіевъ въ 1805 году; но открыть университетъ Кіевскій пришлось гораздо позже, послѣ горькихъ уроковъ и испытаній. Въ то время на встрѣчу министру высланъ былъ Чарторыйскимъ визитаторъ Чацкій, которому и поручено было переговорить съ нимъ въ слѣдующемъ тонѣ. „Открывать университетъ въ Кіевѣ чрезвычайно неудобно, во 1-хъ потому, что недалеко отъ Кіева уже открытъ университетъ въ Харьковѣ; во 2-хъ потому, что Кіевъ стоитъ въ сторонѣ сѣверо-западнаго края и занимаетъ невыгодное мѣстоположеніе для такого заведенія; въ 3-хъ потому, что желанія обывателей, несущихъ свои пожертвованія на пользу образованія, таковы, чтобы преподаваніе шло на Польскомъ языкѣ, чего нельзя достигнуть въ Кіевѣ, какъ въ древнѣйшемъ Русскомъ городѣ, гдѣ гражданское право должно преподаваться на основаніи права Русскаго—*не здѣшняго*, а право церковное на основаніи права восточ-

наго, и богословіе въ духѣ благочестія. Такія затрудненія не имѣли-бы большаго значенія, если-бы Русское духовенство было болѣе или менѣе способно образовано; но до тѣхъ поръ, пока не устранится это послѣднее неудобство, учрежденіе университета въ Кіевѣ останется дѣломъ очень спорнымъ тѣмъ болѣе, что школьное образованіе унаслѣдовало здѣсь Нѣмецкій уставъ, допускающій только *четыре* факультета". Истинныя причины нежеланія Чарторыйскаго открывать другой университетъ и округъ были конечно совсѣмъ иныя. „Какъ Полякъ" (писалъ по этому поводу Колонтай Яну Снядецкому) „князь Чарторыйскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи и неминуемыя препятствія *въ мѣстной суперстиціи.* Не желаетъ онъ открытія и новаго округа, также и потому, *чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія*".

III.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію дѣятельности новаго учебнаго округа, считаемъ не лишнимъ познакомить читателя и съ сущностію изданныхъ для него правительственныхъ постановленій и съ состояніемъ тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя уже существовали при открытіи его.

Грамата 4-го Апрѣля заключаетъ въ себѣ общія права и обязанности университета, какъ ученой корпораціи. Она состоитъ изъ XXII параграфовъ. На основаніи этой граматы, университету дарованы права ученаго сословія, состоящаго подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя Императора. Университетъ долженъ состоять изъ ординарныхъ и дѣйствительныхъ профессоровъ и членовъ почетныхъ. Тѣ и другіе должны составлять университетскій совѣтъ. Во главѣ совѣта и университета сталъ ректоръ, избираемый по большинству голосовъ изъ заслуженныхъ или дѣйствительныхъ профессоровъ, утверждаемый въ своей должности самимъ Государемъ. Обязанности совѣта состояли: въ избраніи на профессорскія мѣста достойныхъ лицъ, въ производствѣ расправы надъ своими сослуживцами, апеляція на которую могла подаваться только въ Правительствующій Сенатъ; въ изысканіи мѣръ къ лучшему устройству учебной и экономической части. Обязанности ректора университета были: предсѣдательствовать въ совѣтѣ, приводить въ исполненіе его постановленія, наблюдать за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ и отвѣтствовать за безпорядки по округу. Университетъ долженствовалъ состоять изъ четырехъ факультетовъ: физико-математическаго, медицинскаго, нравственныхъ и политическихъ наукъ, наукъ словесныхъ и художествъ. Во главѣ факультетовъ стояли деканы. Университету предоставлено право раздавать ученыя степени, имѣть своихъ цензоровъ и посылать способнѣйшихъ профессоровъ и студентовъ за границу. Подъ непосредственный надзоръ его отданы Виленская гимназія и всѣ учебныя зданія въ городѣ Вильнѣ. На содержаніе университета назначено ежегодно по 105.000 рублей, которые выдавались непосредственно университету изъ суммъ государственнаго казначейства. Профессорамъ, прослужившимъ 25 лѣтъ и менѣе, выдавалась пенсія, а въ случаѣ ихъ смерти—вдовамъ ихъ и дѣтямъ. Въ распоряженіе университета отданы также нѣкоторыя бенефиціи и канонія въ Вильнѣ и другихъ городахъ западной Россіи. Иностранцамъ, пожелавшимъ служить въ университетѣ, предоставлено

право безпошлиннаго провоза въ Россію вещей на 3.000 рублей и свободнаго отъѣзда за границу. За главные курсы положено жалованья по 1.000 рублей, за дополнительные по 500 руб.

Въ наставленіяхъ Виленскому университету и училищамъ его округа находятся болѣе подробное изложеніе тѣхъ-же правъ и обязанностей университета и уставъ для другихъ его учебныхъ заведеній. Такъ первыя *три главы* этихъ наставленій относятся собственно къ университету; *четвертая* къ гимназіямъ и другимъ училищамъ округа, а *пятая* къ сохраненію прежняго училищнаго порядка въ тѣхъ его частяхъ, которыя не противорѣчили новѣйшимъ законоположеніямъ по учебному дѣлу. Мы приведемъ здѣсь только тѣ стороны этихъ наставленій, которыхъ нѣтъ въ общемъ университетскомъ уставѣ.

По § 1 первой главы всѣ заведенія учебнаго округа переданы были въ непосредственное вѣдѣніе и управленіе университета. По § 5 для обозрѣнія гимназій и другихъ училищъ округа изъ среды профессоровъ долженствовали избираться по 3 и 4 визитатора, утверждаемые министромъ народнаго просвѣщенія. По § 6 всѣ мѣста для служащихъ въ округѣ отданы были въ распоряженіе университетскаго совѣта. По § 15 для разсмотрѣнія выходящихъ въ свѣтъ книгъ университету предоставлено право избирать по каждому факультету отдѣльныхъ цензоровъ, съ разсмотрѣнія которыхъ и выходили въ свѣтъ сочиненія. По §§ 35 и 36 (главы третьей) при университетѣ долженствовали открыться двѣ семинаріи: учительская для приходскихъ и уѣздныхъ учителей и духовная для римско-католическаго и уніатскаго духовенства. По § 37 (главы четвертой) было постановлено: для каждаго губернскаго города открыть гимназію, для уѣзднаго—уѣздное училище, приходскія-же училища предоставлены были ближайшему усмотрѣнію университета. По § 38 въ каждой гимназіи долженствовало быть отъ 10 до 11-ти учителей, шесть или семь старшихъ и четыре младшихъ; директоръ гимназіи и его помощникъ—оба изъ старшихъ учителей и проповѣдникъ. Предметы преподаванія назначены слѣдующіе: физика, математика, Латинская и Польская грамматика, начальныя правила ариѳметики, географія и нравоученіе, рисованіе, Россійскій, Нѣмецкій и Французскій языки. Преподаватели послѣднихъ четырехъ предметовъ считались учителями младшими; всѣхъ первыхъ—старшими.

По § 39 въ каждомъ уѣздномъ училищѣ полагалось по три класса и по шести учителей—3 старшихъ и 3 младшихъ. Предметы преподаванія слѣдующіе: физика и геометрія, правоученіе, словесность и Латинскій языкъ, Польская грамматика, начальныя правила ариѳметики, географія, рисованіе, Русскій, Нѣмецкій и Французскій языки. Три преподавателя послѣднихъ четырехъ предметовъ считались младшими, первыхъ—старшими. Въ уѣздномъ училищѣ полагался еще смотритель и проповѣдникъ.

По § 40 въ приходскихъ училищахъ должны были преподаваться: чтеніе и письмо (Польское), Законъ Божій или катихизисъ, начальныя правила нравоученія, основанія ариѳметики и простое и точное познаніе предметовъ, относящихся къ земледѣлію и ремесламъ.

По § 41 между университетомъ и училищами его округа устанавливались слѣдующія отношенія: университетъ долженствовалъ образовывать и доставлять способныхъ учителей для занятія всѣхъ мѣстъ въ округѣ. Университетскій совѣтъ, чрезъ каждые 4 года, избиралъ директоровъ гимназій и смотрителей уѣзд-

ныхъ училищъ и представлять ихъ на утвержденіе высшаго начальства. Ректору предоставлено было право осматривать всѣ учебныя заведенія его округа; въ частности-же эти обязанности возложены были на визитаторовъ изъ профессоровъ и почетныхъ членовъ университета, которые должны были представлять свои рапорты ректору университета. Начальники училищъ также должны были подавать свои рапорты ректору и получать отъ него предписанія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ректоръ и университетскій совѣтъ подчинялись члену главнаго правленія училищъ и попечителю Виленскаго учебнаго округа.

И такъ кругъ дѣятельности университета былъ очень обширенъ. На немъ лежали двоякія обязанности — административнаго и учебно-образовательнаго заведенія. Онъ воспитывалъ молодежъ для девяти губерній западнаго и юго-западнаго края и въ частности служащихъ по округу; назначалъ послѣднихъ на мѣста и контролировалъ ихъ дѣятельность; онъ издавалъ для учебныхъ заведеній программы и учебники и подвергалъ своей цензурѣ всѣ выходящія на мѣстѣ въ свѣтъ сочиненія, въ томъ числѣ и для своихъ учебныхъ заведеній. Короче сказать,—дѣятельность университета была совершенно равносильна дѣятельности округа, съ чѣмъ былъ согласенъ и самъ Чарторыйскій, разумѣя подъ университетомъ весь учебный округъ. Отношенія между университетомъ и учебными заведеніями его округа были такія же, какія существуютъ между метрополіями и ихъ колоніями: это было буквальное повтореніе прежняго Польскаго порядка, выработаннаго эдукаціонной коммиссіей, по которому школы въ коронѣ считались колоніями Краковской академіи, а въ Литвѣ—Виленской академіи. Такое положеніе учебнаго дѣла не могло не благопріятствовать Польской справѣ и, университетъ, подъ вліяніемъ усвоеннаго имъ революціонно-Польскаго направленія, сдѣлался однимъ изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ центровъ ополяченія западной и юго-западной Руси.

IV.

Что касается учебныхъ заведеній, состоявшихъ на лице во время открытія учебнаго округа, то изъ отчета Виленскаго университета за 1804-годъ видно, что положеніе ихъ было крайне не утѣшительное. Они не имѣли ни достаточныхъ средствъ къ существованію, ни способныхъ преподавателей, ни удовлетворительныхъ способовъ преподаванія. „Въ Литовскихъ губерніяхъ (говорится въ отчетѣ университета) Виленской и Гродненской, училища, препорученныя духовнымъ обществамъ, руководствовались по большей части уставомъ бывшей Польской комисіи о воспитаніи (эдукаціонной). Въ губерніяхъ Минской, Подольской, Кіевской и Волынской, порядокъ, заведенный въ училищахъ прежде 1793 года, хотя и былъ сохраненъ въ теченіи десяти лѣтъ, но предписаніями приказовъ общественнаго призрѣнія столько смѣшанъ и разстроенъ, что и учителя въ исполненіи онаго, и ученики въ пріобрѣтеніи отъ наукъ пользы великія чувствовали затрудненія. Въ губерніяхъ Витебской и Могилевской народныя училища слѣдовали порядку, предписанному въ уставѣ коммиссіи объ оныхъ училищахъ; однако, исключая главныхъ училищъ, состоящихъ въ губернскихъ городахъ, всѣ прочія въ уѣздахъ, будучи подчинены начальству и смотрѣнію городничихъ, существенно болѣе сходствуютъ въ расположеніи наукъ съ приходскими, нежели съ уѣздными училищами и, руководствуясь случайно опредѣленными нѣкоторыми учителями, не могли быть

въ хорошемъ состояніи. Іезуитскія училища имѣли свой прежній образъ ученія, а Піарскія также особенный. Училища же Базиліанскія и Доминиканскія отчасти придерживались Іезуитскаго и Піарскаго порядка, отчасти-же слѣдовали предписаніямъ устава бывшей Польской комисіи о воспитаніи. Выборъ книгъ обыкновенно зависѣлъ отъ мнѣнія учительскаго. Училищныя пособія, какъ то: библіотеки, математическія и физическія орудія и проч., доставляемы были нѣкоторымъ училищамъ только по усердію духовныхъ обществъ; впрочемъ такихъ предметовъ находилось мало".

При такомъ состояніи училищъ, родители, пекущіеся о воспитаніи своихъ дѣтей, часто колебались, въ какое именно училище лучше посылать ихъ и, желая доставить имъ лучшее воспитаніе, не рѣдко переводили ихъ изъ одного училища въ другое, къ великому вреду юношества, которое безвозвратно теряло дорогое время. Училища, не имѣя опредѣленныхъ правилъ, часто должны были удовлетворять желанію родителей, подверженныхъ естественной слабости къ дѣтямъ. Отъ этого происходило, что въ одномъ и томъ-же училищѣ существовалъ различный порядокъ ученія, и науки преподавались по желанію. Одни ученики освобождались отъ Латинскаго языка, другіе отъ геометріи, третьи отъ другихъ предметовъ. Отсюда происходили неодновременные отпуски учениковъ и неодновременныя явки въ заведеніе; бывали и другія послабленія со стороны училищъ, къ явному вреду юношества.

Способы ученія были также крайне не удовлетворительны. Они вполнѣ зависѣли отъ желанія учителей, которые не рѣдко отличались бездарностію и излагали свои предметы по такому способу, по какому учились сами, отягощая память юношества, безъ точнаго истолкованія самаго предмета.

Во многихъ мѣстахъ училища, не имѣя защиты, часто подвергались вмѣшательству полицейскому. Такъ напр. училищный порядокъ нарушался, когда дома, назначенные подъ училища, брались подъ воинскій постой, подъ присутственныя мѣста, театры, тюрьмы и проч.

Во время первой ревизіи, университетъ нашелъ 69 уже существовавшихъ училищъ. Изъ нихъ 44 содержались по прежнему на иждивеніи Римско-католическихъ и уніатскаго духовныхъ орденовъ: Іезуитскаго, Піарскаго, Базиліанскаго, Доминиканскаго, Кармелитскаго, Бернардинскаго и Францисканскаго; остальныя-же стали получать содержаніе изъ суммъ эдукаціоннаго фундуша. Тѣ и другія были преобразованы по новому уставу въ шестиклассныя или-же въ трехклассныя—уѣздныя. Кромѣ того были открыты еще во многихъ мѣстахъ училища новыя, по большей части шестиклассныя; приходскихъ было немного, а народныхъ въ настоящемъ смыслѣ слова не было вовсе. Что касается училищъ женскихъ, то таковыя существовали при нѣкоторыхъ женскихъ Римско-католическихъ монастыряхъ и, по ходатайству Виленскаго епископа, остались въ вѣдѣніи тѣхъ-же монастырей.

Въ такомъ состояніи находилось учебное дѣло въ западномъ и юго-западномъ краѣ въ 1803—1804 годахъ; но съ открытіемъ учебнаго округа, Римско-католическое духовенство, занимавшееся до тѣхъ поръ образованіемъ юношества, принуждено было постепенно уступать свои мѣста дѣятелямъ новымъ, пока наконецъ всѣ школы поступили въ непосредственное управленіе университета и князя Чарторыйскаго.

Д.

Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ учебно-образовательное дѣло, Чарторый-

скій, совмѣстно съ университетомъ, принялся за дѣло ополяченія Руси. И нужно отдать ему справедливость: дѣло свое онъ повелъ такъ успѣшно, что подъ Русскимъ владычествомъ полонизмъ развился въ Русской землѣ гораздо сильнѣе, нежели во времена продолжительнаго господства надъ нею Рѣчи-Посполитой.

Чтобы читатель могъ имѣть болѣе ясное представленіе о послѣдовательномъ развитіи этого дѣла, мы должны коснуться здѣсь первоначальной дѣятельности князей Чарторыйскихъ на пользу возстановленія Польши, такъ какъ, благодаря этой дѣятельности, Польскіе происки получили правильное, систематическое направленіе.

Полонизаторская дѣятельность князей Чарторыйскихъ началась нѣсколько раньше послѣдняго раздѣла Польши и усилилась во время пребыванія ихъ въ Пулавахъ. „Пулавы," по замѣчанію современнаго Польскаго писателя Кожмяна, „сдѣлались Польскимъ Эпиромъ, въ которомъ Генелъ, по разореніи большой Трои, основалъ Трою малую". Сюда стали стекаться съ разныхъ мѣстъ и Польскіе патріоты, и памятники Польской старины; здѣсь же обсуждались и всевозможныя политическія комбинаціи къ возстановленію погибающей Польши. Результатомъ дѣятельности этого небольшаго кружка было составленіе фамильной программы князей Чарторыйскихъ, стремившихся, путемъ политической интриги, путемъ заговоровъ и мятежей, возобновить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Отсюда патріотическое броженіе стало распространяться во всѣ концы бывшей Польши, какъ посредствомъ надежныхъ лицъ и революціонной литературы, такъ и посредствомъ составленія разныхъ дозволенныхъ и недозволенныхъ обществъ.

Таковы были недозволенныя общества: „масоновъ," и „друзей наукъ" и, „экономическое," открытыя въ Варшавѣ съ разрѣшенія Прусскаго правительства. Великодушіе Русскихъ государей и революціонная дѣятельность Наполеона еще болѣе льстили патріотическимъ Польскимъ надеждамъ. Стали возвращаться изъ-за границы эмигранты. Такое-же точно броженіе существовало и при открытіи учебнаго округа. Оно незамедлило проникнуть въ его учебныя заведенія посредствомъ какъ преподавателей, такъ и Польской революціонной литературы и общественнаго мнѣнія. Дѣла Слѣдственной Комисіи Новосильцева по поводу разныхъ тайныхъ обществъ, появившихся въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, открываютъ намъ яркую картину этой полонизаторской дѣятельности. Изъ этихъ дѣлъ ясно видно, что въ 1805 году еще нужно было вербовать учениковъ въ Польскіе легіоны; въ 1818 году они уже сами себя обрекали на жертву отечеству, а въ 1823 году—во имя Польши они совершали уже уголовно-политическія преступленія. Сбитыя съ прежняго пути учебныя заведенія превратились въ чудовищныя гнѣзда безвѣрія, нравственнаго и политическаго распутства. Юноши, воспитываемые въ духѣ программы Чарторыйскихъ, стали образовывать между собою разныя общества, которыя напоминали имъ о прежней Польшѣ; себя стали считать полноправными гражданами не существующаго отечества и пріучились ненавидѣть отечество существующее—Россію, которая рисовалась, или вѣрнѣе была рисуема, въ ихъ воображеніи какимъ-то адскимъ чудовищемъ, какою-то преднамѣренною виновницею всѣхъ воображаемыхъ бѣдъ и несчастій. Истина, благородство, наука отошли на послѣдній планъ; на ихъ мѣстѣ водворялись политика, ложь и крайнее якобинство. Юноши, собираясь

въ кружки, то и дѣло твердили: „равность,“ „вольность,“ „неподлеглость,“ „смерть тиранамъ.“ Съ трудомъ вѣришь глазамъ, читая показанія о разныхъ случаяхъ изъ тогдашней школьной жизни, какъ напр. одни воспитанники проповѣдуютъ въ классѣ публично, что „присяга у насъ не значитъ ничего, а религія, если вникнуть въ нее поглубже, состоитъ не изъ чего иного, какъ изъ побасенокъ“, а другіе во время уроковъ читаютъ вслухъ *дзѣлко о конституціи 3-го Мая;* какъ одни разносятъ по городу пасквили, вооружившись при этомъ стилетами и другіе не стѣсняясь говорятъ: „если насъ сдадутъ въ солдаты, то во время смотра мы выстрѣлимъ въ Государя;“ какъ одни съ цѣлію осмѣянія ученической формы рядятся въ какія-то чуйки и расхаживаютъ во время уроковъ по городу, а другіе говорятъ своимъ учителямъ разныя скандалезныя дерзости; какъ цѣлыми толпами нападаютъ на сады и среди бѣла дня производятъ опустошенія; какъ устраиваютъ загородныя гулянья съ полуобнаженными нимфами. Но мы бы слишкомъ далеко зашли, если-бы вздумали приводить здѣсь подробный перечень этимъ оригинальнымъ явленіямъ въ школахъ Чарторыйскаго, подъ конецъ управленія его учебнымъ округомъ. Ученики напр. III—IV классовъ были по 26—28 лѣтъ отъ роду и не только позволяли себѣ охотиться за дичью, но и за прекраснымъ поломъ, изъ-за котораго не рѣдко происходили между ними дуэли.

Университетъ зналъ объ этомъ направленіи юношества. Университету вторило и прямое училищное начальство. Такъ, въ объяснительной запискѣ Новосильцева Великому Князю Константину Павловичу, по дѣлу адъюнкта Контрима, говорится, между прочимъ слѣдующее:

„Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, котораго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ долгое время самымъ непримѣтнымъ образомъ какъ университетомъ, такъ, можно сказать, и мнѣніемъ большей части здѣшней публики, о чемъ упоминали не только иностранные, но даже и наши Русскіе столичные журналы. Орудіемъ къ достиженію сего служили ему разныя общества, основанныя имъ самимъ, но всегда подъ чужимъ именемъ, какъ напр., общества — „Шубравцевъ“, „масонскихъ реформатовъ“, „для пособія бѣднымъ ученикамъ“ и проч., изъ коихъ послѣднее (какъ послѣ открылось) имѣло въ виду превратить „тайное общество Филаретовъ“ въ „публичное“, подъ благовиднымъ предлогомъ, означеннымъ въ его заглавіи. Сверхъ того не укрылось также отъ меня, что и наружныя связи его, весьма обширныя (Контримъ находился въ перепискѣ съ Чарторыйскимъ) немало способствовали ему въ господствованіи надъ университетомъ и обучающимся юношествомъ. Всѣ сіи, собранныя мною на его счетъ, свѣдѣнія были поводомъ, что я всегда внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ пружинъ возмутительной системы“. И далѣе: „Сей Ходзько (ревностнѣйшій покровитель общества Филаретовъ), коего три сына были въ обществѣ Филаретовъ, былъ посылаемъ передъ симъ отъ университета въ званіи визитатора училищъ Виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ *Заномъ*, главнымъ основателемъ общества Филаретовъ (который состоялъ при немъ письмоводителемъ) и такимъ образомъ распространялъ духъ сего общества не только между учениками, но даже и между учителями“.

Въ рапортѣ Новосильцеву визитатора Бѣлорусскихъ училищъ С.-Петербургскаго университета профессора О. И. Сеньковскаго, ревизовавшаго ихъ въ

1826 году, по поводу возмутительныхъ пасквилей, найденныхъ въ высшемъ Піарскомъ Полоцкомъ училищѣ, говорится слѣдующее:

„Всю вину должно приписать ихъ начальству и наставникамъ, питающимъ въ нихъ (воспитанникахъ) духъ патріотизма, непріязненнаго правительству, оставившимъ ихъ безъ надзора, допустившимъ ихъ собираться тайно, читать и пѣть непозволительныя и развратныя стихотворенія, наконецъ доведшимъ ихъ до невѣроятной степени буйства, неповиновенія и вольнодумства. Нынѣ я собралъ достовѣрныя свѣдѣнія, что Полоцкіе Піары, жертвуя временемъ воспитанниковъ, развлекали ихъ вниманіе къ наукамъ и ослабляли прилежаніе разными неумѣстными забавами и упражненіями, какъ напр. концертами, даваемыми въ зданіяхъ монастыря, въ которыхъ участвовали и молодыя дѣвицы изъ города, духовными сотовариществами (confréries religieuses), подававшими ученикамъ поводъ собираться и толковать о разныхъ, не принадлежащихъ къ нимъ предметахъ и терять время, предназначенное къ пріобрѣтенію познаній, и тому подобными занятіями, несообразными ни съ ихъ возрастомъ, ни съ обязанностями питомцевъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того, я долженъ поставить на видъ, что въ первую бытность мою въ Полоцкѣ, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ монахинь Моріавитокъ, содержащихъ женское училище, которое посѣщаютъ дѣвицы нерѣдко 14—15 л., живущихъ въ одномъ зданіи съ Піарами, безъ всякаго предѣла и безъ клявзуры, въ томъ же корридорѣ, при которомъ отведены квартиры для старшихъ учениковъ. Находя совершенно неумѣстнымъ, чтобы молодыя монахини съ женскимъ училищемъ помѣщались вмѣстѣ съ ксендзами и старшими воспитанниками ихъ училища, безъ особаго хода и не будучи раздѣлены даже дверьми, я совѣтовалъ ректору училища, управляющему онымъ по порученію митрополита, перевести ихъ въ собственный монастырь, дабы тѣмъ прекратить нѣкоторыя сатирическія замѣчанія, дошедшія и до моего свѣдѣнія, на счетъ такого забвенія Піарами общественныхъ и духовныхъ приличій. Ректоръ уважилъ мой совѣтъ и перевелъ“.

Въ какой мѣрѣ учебныя заведенія того времени вообще удовлетворяли требованіямъ Русскаго правительства, съ этимъ можетъ познакомить еще, кромѣ вышеизложенныхъ нами фактовъ, и слѣдующее представленіе Бѣлорусскаго генералъ-губернатора князя Хованскаго, требовавшаго отдѣленія Бѣлорусскихъ губерній отъ Виленскаго учебнаго округа, что̀ и было сдѣлано въ $182^{4}/_{5}$ году:

„Въ Бѣлоруссіи (писалъ князь Хованскій), со времени присоединенія ея къ Россійской Имперіи, воспитаніе юношества находится въ рукахъ католическаго и уніатскаго духовенства. Образованіе онаго заключалось въ школахъ, учрежденныхъ при кляшторахъ Іезуитскихъ, Піарскихъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Школы сіи существуютъ и нынѣ, кромѣ Іезуитскихъ. Въ нихъ юношество обучается по методамъ старинныхъ авторовъ, науки преподаются на Польскомъ или Латинскомъ языкахъ, словесность заключается въ обученіи Польскому языку, Латинскому и нѣкоторымъ иностраннымъ, а Россійскій остается въ совершенномъ небреженіи. Сему послѣднему обучаютъ только читать, писать и весьма мало даютъ понятія о правилахъ его грамматики, ибо и сами учителя имѣютъ весьма ограниченное понятіе о Россійскомъ языкѣ. Существенная же система наставниковъ состоитъ въ томъ, чтобы въ учащихся поселить духъ чистаго полонизма, въ чемъ они и достигли своей цѣли. Съ образованіемъ учебныхъ округовъ,

Бѣлорусскія губерніи (Витебская и Могилевская) по части ученія подчинены вѣдомству Виленскаго университета и, на основаніи уставовъ, изданныхъ для университетовъ, учреждены въ каждомъ изъ оныхъ губернскія гимназіи, управляемыя особыми директорами, которые не имѣютъ однако же вліянія на училища духовныя, ибо сіи послѣднія состоятъ подъ вѣдѣніемъ самаго университета и осматриваются особо посылаемыми для сего визитаторами. Гимназіи, по цѣли, съ которой учреждены правительствомъ, должны приготовлять учащихся въ нихъ молодыхъ людей такимъ образомъ, чтобы они, окончивъ курсъ ученія, могли съ пользою вступать въ военную или гражданскую службу; но гимназіи Бѣлорусскаго учебнаго округа нисколько не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ правительства. Науки и словесность равномѣрно преподаются въ нихъ на Польскомъ, Русскому же учатъ весьма мало: для него назначенъ одинъ только день въ недѣлю, и учащіеся, также какъ и въ духовныхъ школахъ, наклоняются къ полонизму, отчего юноши, окончившіе гимназическій курсъ, по малому знанію Русскаго языка, выходятъ неспособными къ гражданской службѣ. По сей причинѣ Бѣлорусскія присутственныя мѣста наполнены такими канцелярскими чиновниками, изъ коихъ немногіе могутъ порядочно не только сочинить, но даже и переписать бумагу. Отъ сей системы воспитанія проистекаетъ еще и то главнѣйшее зло, что природные Бѣлоруссы, не только пожилыхъ лѣтъ, но даже и молодые, не смотря на давность присоединенія края, питаютъ какое-то равнодушіе и даже непріязнь къ кореннымъ Русскимъ и ко всему Русскому. Чиновники, служащіе въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, а равно и другихъ сословій по промысламъ проживающіе люди, видя недостаточное преподаваніе Русской словесности и опасаясь, чтобы дѣти ихъ не напитались такимъ же духомъ полонизма, затрудняются въ ихъ образованіи".

Но не такого мнѣнія объ учебномъ округѣ былъ самъ Чарторыйскій, 20 лѣтъ нравственно и политически разлагавшій западно-русское юношество. Онъ какъ будто и не замѣчалъ той пропасти, въ которую ввергалъ этотъ край; напротивъ того, путемъ своевременныхъ и ревниво-чуткихъ предостереженій, онъ старался укрѣпить учебныя заведенія въ томъ направленіи, по которому они шли. Въ концѣ 1822 г., когда стали уже явно всплывать на поверхность результаты его дѣятельности, онъ препроводилъ на имя новаго ректора университета, Твардовскаго, слѣдующее предписаніе:

„Вамъ извѣстны непріятныя происшествія, совершившіяся въ заграничныхъ университетахъ. То что̀ и тамъ могло быть въ началѣ ребячествомъ, вслѣдствіе неразсудительности и вѣтрености молодежи, жаждущей заключать тайные союзы, по легкомысленному стремленію къ чрезвычайностямъ, можетъ распространяться далѣе и далѣе и, кто знаетъ, не печальнѣйшіе ли еще возродитъ случаи? Утѣшаюсь надеждою, что благоразумное юношество всего Виленскаго учебнаго округа, а тѣмъ болѣе въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посвятивши себя занятіямъ, которыя ему до сихъ поръ дѣлали честь и которыя единственно открываютъ ему путь ко всякаго рода службѣ, удаляется отъ всякихъ постороннихъ занятій, отъ неблагоразумныхъ и вредныхъ наущеній и мечтаній. Извѣстно мнѣ также, что училища Виленскаго учебнаго округа всегда славились повиновеніемъ и почтеніемъ начальству и, хотя я льщу себя надеждой, что они и на всегда останутся въ такомъ похвальномъ положеніи, тѣмъ не менѣе, по главнѣйшей

обязанности всякаго начальника, при подобныхъ обстоятельствахъ, предусматривать и предупреждать зло, почелъ я своимъ долгомъ предостеречь васъ, м. г., чтобы вы имѣли за учениками скорѣйшій и тщательнѣйшій надзоръ; за живущими въ Вильнѣ — лично, а въ другихъ мѣстахъ — посредствомъ предписаній, способныхъ визитаторовъ, удвоеннаго усердія домашнихъ смотрителей, посредствомъ ближайшаго обращенія съ учениками учителей и частаго посѣщенія смотрителями и другими начальниками ученическихъ квартиръ, чтобы воспитанники отличались приличнымъ и законнымъ повиновеніемъ, безпрерывно занимались науками, которымъ себя посвящаютъ и не имѣли никакихъ сношеній съ посторонними лицами. Вотъ правила, которыя считаю своимъ долгомъ предписать вамъ, м. г., будучи совершенно увѣренъ въ вашемъ усердіи. Такое исполненіе оныхъ обезпечитъ учениковъ, училища и университетъ отъ весьма непріятныхъ, могущихъ угрожать имъ случайностей. При семъ присовокупить я долженъ, что дѣло это требуетъ большой осторожности, чтобы посредствомъ несправедливыхъ подозрѣній не подать повода къ бѣдамъ, которыя, можетъ быть, безъ сего бы и не произошли; малымъ же случайнымъ и постороннимъ дѣйствіямъ не придавать важности, чтобы посредствомъ строгихъ, скорыхъ либо громкихъ мѣръ не обратить ихъ въ дѣйствія серьезныя“.

Не есть ли этотъ циркуляръ злая насмѣшка надъ сущностію дѣла?

VI.

Существованіе въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа разныхъ антиправительственныхъ обществъ доходитъ до свѣдѣнія мѣстныхъ гражданскихъ властей лишь около 1821 года, между тѣмъ какъ училищное начальство знало объ нихъ чуть-ли почти не со дня ихъ возникновенія. Чтобы не навлечь на себя справедливыхъ подозрѣній мѣстнаго правительства съ одной стороны и предостеречь своихъ молодыхъ и заносчивыхъ патріотовъ съ другой, князь Чарторыйскій нарядилъ въ 1822 году секретный комитетъ изъ профессоровъ, которому и поручилъ произвести изслѣдованіе „относительно какого-то общества „Променистыхъ“. „Сегодняшняго числа (28-го Апрѣля 1822 года), писалъ Чарторыйскій ректору университета Малевскому, сдѣлалъ я особое порученіе профессору Боянусу относительно изслѣдованія какого-то общества „Променистыхъ“ (лучезарныхъ), существующаго между студентами университета, и представилъ ему полную законную власть къ производству такого порученія. А если понадобятся ему помощь и распоряженія, присвоенныя вашей должности, то поручилъ я ему непосредственно относиться къ вамъ. По сему и предлагаю вамъ, м. г., удовлетворять всѣмъ требованіямъ профессора Боянуса“. Къ Боянусу были прикомандированы еще профессора: ксендзъ Клонгевичъ и профессоръ Лобойко.

Этотъ секретный комитетъ, не смотря на то, что по заарестованіи бумагъ, принадлежавшихъ тайному обществу „Филаретовъ“, („Променистые“ въ это время были уже Филаретами), имѣлъ всѣ данныя и улики для изобличенія преступныхъ дѣйствій, но скрылъ ихъ, возвративъ назадъ забранныя бумаги ихъ владѣльцамъ и отрапортовавъ по начальству, что между студентами никогда и никакого тайнаго общества не существовало, а было только дозволенное ректоромъ университета невинное собраніе студентовъ, подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній“, которое въ свою очередь давнымъ давно уже уничтожено бывшимъ запрещеніемъ

по сему предмету того-же ректора университета.

Получивъ отъ комитета такое донесеніе, князь Чарторыйскій, чтобы показать свою бдительность и строгость, а также чтобы очистить и оффиціальную свою совѣсть, препроводилъ на имя того-же ректора, 11 Мая, слѣдующее предписаніе:

„Разсмотрѣвъ рапортъ секретнаго комитета, назначеннаго мной для изслѣдованія, нѣтъ-ли между студентами университета тайнаго общества подъ названіемъ Променистыхъ, и нашедъ, что хотя тайнаго общества и не существовало, но было все-таки какое-то сборище подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній", имѣвшее на то разрѣшеніе вашего высокородія, по отмѣнѣ котораго уничтожилось и само общество, и что представителями этаго общества были Томашъ Занъ и Өедоръ Лозинскій, я, послѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія, разсмотрю, слѣдуетъ-ли предпринимать что либо по этому дѣлу, или нѣтъ".

1) „Такъ какъ оказывается, что первое собраніе учениковъ, подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній" (bracia pożytecznеy zabawy) совершилось съ вашего разрѣшенія, то на будущее время я вмѣняю вамъ, м. г., сего и подобнаго сему не дѣлать; да и о первомъ вашемъ разрѣшеніи вы бы должны были, по долгу службы, довести до свѣдѣнія высшаго начальства".

2) „Указывая на мое прежнее предписаніе, данное на имя вашего высокородія, подтверждаю, чтобы какъ въ университетѣ, такъ и въ другихъ школахъ, вы и начальники слѣдили за всякими собраніями учениковъ и предупреждали-бы ихъ раньше ихъ осуществленія".

3) „Вмѣняю вамъ имѣть бдительный надзоръ за Томашемъ Заномъ, Өедоромъ Лозинскимъ, а также за учителемъ Ковенской гимназіи Адамомъ Мицкевичемъ, который хотя и не признаетъ своего соучастія въ какихъ-бы ни было обществахъ, какъ это видно изъ дѣланныхъ ему запросовъ, но на основаніи рапорта комитета и его слѣдуетъ имѣть въ подозрѣніи".

Достигнувъ такимъ легальнымъ изворотомъ двухъ цѣлей, Чарторыйскій, а за нимъ и университетъ, оставили это дѣло безъ всякихъ послѣдствій, предоставивъ его, такъ сказать, на произволъ судьбы. Но судьба на этотъ разъ жестоко имъ измѣнила.

Въ первыхъ числахъ Мая 1823 года, Литовскій генералъ-губернаторъ Римскій-Корсаковъ сообщилъ ректору университета Твардовскому, что въ V классѣ Виленской гимназіи неизвѣстнымъ лицомъ были написаны на доскѣ неприличныя, оставшіяся незамѣченными въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, слѣдующія надписи: „Виватъ конституція 3-го Мая! О, какъ сладки воспоминанія объ этомъ для насъ Поляковъ (родаковъ); но нѣтъ человѣка, который-бы доискивался ея!" Такія-же надписи сдѣланы были и на стѣнахъ Доминиканскаго монастыря, почему генералъ-губернаторъ и просилъ ректора университета разслѣдовать это дѣло и донести ему, для дальнѣйшаго донесенія цесаревичу великому князю Константину Павловичу.

Университетъ, смягчивъ это дѣло на сколько позволяли приличія и обстоятельства, представилъ его на благоусмотрѣніе генералъ-губернатору и министру народнаго просвѣщенія, свидѣтельствуя въ тоже время о своемъ и гимназическихъ учителей усердіи. Генералъ-губернаторъ впрочемъ не повѣрилъ этимъ завѣреніямъ и потребовалъ къ себѣ всѣ протоколы слѣдственнаго комитета.

Изъ нихъ онъ усмотрѣлъ, что въ разслѣдованіи этого дѣла немалую роль играло „потворство гимназическаго и университетскаго начальствъ“.

Донося въ такомъ смыслѣ великому князю Константину Павловичу, Римскій-Корсаковъ выразилъ свои опасенія на счетъ ожидаемыхъ имъ анти-правительственныхъ волненій въ краѣ, которыя неминуемо возникнутъ вслѣдствіе ложнаго направленія, усвоеннаго Виленскимъ учебнымъ округомъ. Великій князь, препроводивъ въ свою очередь донесеніе Государю Императору, приказалъ тайному совѣтнику Новосильцеву произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе. Новосильцевъ затребовалъ къ себѣ и дѣлопроизводство и виновныхъ учениковъ. Во время этого переслѣдованія, неопытные юноши проговорились на счетъ существующаго въ Вильнѣ тайнаго общества „Филаретовъ“. Новосильцевъ отправился въ Вильну. Наступавшія каникулы не дозволили ему немедленно приступить къ дѣлу; онъ отложилъ слѣдствіе до Августа мѣсяца, а тѣмъ временемъ занялся изслѣдованіемъ причинъ, порождавшихъ эти печальныя явленія и нашелъ ихъ какъ въ системѣ образованія, такъ и въ направленіи, усвоенномъ учебнымъ округомъ. Чтобы скорѣе пріостановить зло, онъ начерталъ временныя мѣры, касающіяся административно-полицейскаго надзора за учениками внѣ школы и просилъ разрѣшенія его высочества привести ихъ въ исполненіе. Князь Чарторыйскій, свѣдавъ объ опасности, поторопился въ Вильну (какъ значится въ его отзывѣ Новосильцеву) „для вящшаго содѣйствія къ возможно-лучшему осуществленію этихъ нововведеній“; но содѣйствовать ему уже больше не позволили. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1823 года, въ Вильнѣ, подъ руководствомъ Новосильцева, учреждена была Слѣдственная Комисія по безпорядкамъ Виленскаго университета, состоявшая изъ Виленскаго полиціймейстера, статскаго совѣтника Шлыкова, губернскаго прокурора Ботвинки и совѣтника губернскаго правленія Лавриновича; въ дѣлахъ ея принималъ участіе и дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Комисія эта приступила къ своимъ занятіямъ съ Іюня же мѣсяца. Въ продолженіи 3-хъ лѣтняго существованія, она открыла слѣдующія восемь тайныхъ обществъ и въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1. Первымъ, по времени открытія, было „*Науковое* Свислочское общество“, основанное въ 1820 году. Во время слѣдствія надъ его соучастниками обнаружилось, что въ Свислочѣ существовало еще и другое.

2. Общество „*Моральное*“, основанное въ 1820 году.—Далѣе, подсудимый Янковскій сознался, что между студентами университета съ 1820 года существовало:

3. Общество „*Филаретовъ*“, основанное Томашемъ Заномъ въ 1820 году.

За тѣмъ были открыты:

4. Общество „*Филоматовъ*“, 5) общество „*Променистыхъ*“ и 6) „*Зорянъ*“.

Первыя два и послѣднее существовали въ Свислочской гимназіи; третье, четвертое и пятое—между студентами университета.

Когда разошлись по учебнымъ заведеніямъ извѣстія, что надъ учениками V класса Виленской гимназіи, а также и надъ Филаретами, производится слѣдствіе, то между воспитанниками гимназій начались сильныя волненія, выражавшіяся по преимуществу возмутительными пасквилями на правительство, своеволіемъ и буйствами. Для усмиренія патріотическихъ страстей, Новосильцевъ посылалъ въ разныя мѣста

разныхъ лицъ, во главѣ которыхъ большею частію находился дѣйствительный статскій совѣтникъ Байковъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ м. Крожи, онъ открылъ:

7. Общество „*Черныхъ Братьевъ*, основанное, по примѣру Ковенскаго, въ 1823 году“.

Послѣднее-же 8-е общество „*Военныхъ друзей*“, было основано, по наущенію Филарета Рукевича, въ 1825 году, поручикомъ Несвижскаго карабинернаго полка Гофманомъ между офицерами отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Третья степень этого общества находилась въ Свислочской и Бѣлостоцкой гимназіяхъ.

Независимо отъ этихъ обществъ, въ Вильнѣ еще существовало общество „*Шубравцевъ*“. Оно было закрыто въ 1822 г. мѣстною правительственною властью. Такъ какъ общество это служило ближайшимъ примѣромъ для учрежденія другихъ обществъ, то мы считаемъ здѣсь умѣстнымъ познакомить читателя съ характеромъ его дѣятельности; изъ другихъ-же обществъ мы обратимъ вниманіе только на три, существовавшія между студентами университета.

VII.

Общество „*Шубравцевъ*“ было основано въ Вильнѣ извѣстнымъ сотрудникомъ князя Чарторыйскаго въ дѣлахъ ополяченія сѣверо-западнаго края,—докторомъ Андреемъ Снядецкимъ. Литературная дѣятельность этого общества направлена была по преимуществу на массу средняго сословія: чиновничества, мелкаго шляхетства, ремесленнаго и торговаго классовъ,—отчасти даже и лакейства. Посему-то и общество, намѣревавшееся дѣйствовать во вкусѣ этихъ классовъ, изобрѣло для себя не столько, впрочемъ, популярное, сколько вульгарное названіе *Шубравцевъ*, т. е. *бродягъ*, подъ которыми однакоже, по собственному толкованію Шубравцевъ, отнюдь не слѣдовало разумѣть бродягъ дѣйствительныхъ, а „*убогихъ*“ литераторовъ, т. е. лицъ, пишущихъ для меньшей братіи. Родословную-же свою Шубравцы производили отъ первѣйшихъ потомковъ *Хама*; предкомъ своимъ считали нѣкоего Грундриппа; патронами Римскаго Шубравца (?) *Цицерона*, Англійскаго *Бульвера* и другихъ Европейскихъ знаменитостей, а себя—непремѣнно *литераторами*.

Судя по многочисленнымъ заявленіямъ, опубликованнымъ въ Шубравскомъ органѣ „*Бруковыхъ* (уличныхъ) *Вѣдомостяхъ*“, намѣренія Снядецкаго увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Основанное имъ общество пріобрѣло большое вліяніе на ту среду, для которой предназначалось, и снискало себѣ въ краѣ многочисленныхъ послѣдователей. Открытая дѣятельность его была пріостановлена по волѣ правительства въ 1822 году.

О цѣли учрежденія общества, въ Шубравскомъ *кодексѣ*, между прочимъ, говорится, что ближайшимъ поводомъ къ его основанію послужило желаніе поддержать сатирическое изданіе, выходившее въ то время въ Вильнѣ, подъ вышеупомянутымъ названіемъ „*Бруковыхъ Вѣдомостей*“. Когда оныя (Вѣдомости), говорится во введеніи, пріобрѣли достаточную репутацію въ краѣ, а средствъ къ ихъ изданію не было, то и составилось общество съ цѣлію поддерживать и распространять его... Дальнѣйшимъ-же поводомъ были чисто-нравственныя намѣренія и заботы о благѣ своихъ ближнихъ, т. е. желаніе распространить между ними любовь къ просвѣщенію и трезвой жизни и, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать къ искорененію между ними разныхъ пороковъ: пьянства, страсти къ азартнымъ

играмъ, сутяжничества, праздности и т. д. Такія благодѣтельныя намѣренія, всегда отличающія истинныхъ друзей человѣчества, ясно засвидѣтельствованныя многими строками *кодекса*, не могли не встрѣтить сочувствія со стороны мѣстнаго правительства; общество было открыто 11-го Февраля 1817 съ его разрѣшенія, и стало существовать на *законномъ*, такъ сказать, основаніи.

Время и опытъ показали, что кромѣ этой весьма похвальной, а потому и дозволенной цѣли, общество имѣло еще цѣль и другую—тайную, чисто-патріотическо-Польскую, правительствомъ, конечно, не дозволенную. Эта послѣдняя заключалась въ стремленіи, путемъ *легальной* литературной насмѣшки надъ современными пороками и недостатками общества (все равно, были-ли они наслѣдственные, отъ древнихъ временъ Рѣчи-Посполитой, или благопріобрѣтенные отъ своего вѣка) очистить и оживить въ его сознаніи старые Польскіе идеалы и возродить стремленіе къ нимъ, помирить почему-бы то ни было враждующіе между собой Польскіе элементы въ краѣ и сдѣлать ихъ между собой солидарными, а главное—возбудить въ нихъ потребность *политическаго* и *историческо-Польскаго образованія*, чтобы посредствомъ онаго сдѣлать ихъ потомъ невольными соучастниками въ зачинавшемся патріотическомъ движеніи.

Такимъ образомъ въ основу дѣятельности Шубравцевъ положены были тѣ самыя начала, которыми до позднѣйшей поры отличалась и руководствовалась въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстная политическая партія, такъ называемыхъ *бѣлыхъ*, совершавшая свои завоеванія мирнымъ путемъ, т. е. *лопатой, исторіей и географіей*, символическій, таинственный смыслъ которыхъ сначала не былъ извѣстенъ современникамъ, не посвященнымъ въ тайны мирнаго возстановленія Польши, но потомъ вскрылся, благодаря литературѣ и *невинной* дѣятельности такихъ и подобныхъ обществъ.

Въ кодексѣ Шубравскомъ ясно означенъ символъ этаго мирнаго завоеванія Польши. На заглавномъ листѣ его нарисованъ суровый, какъ-бы слѣдящій за чѣмъ-то, *шляхтичъ въ кунтушѣ* и *конфедераткѣ*, сидящій на *лопатѣ* и *парящій* въ облака. Подъ нимъ надпись: „летитъ и летитъ". Далѣе нарисованъ *столъ*, и на немъ съ правой стороны—*двѣ карты*, или двѣ колоды картъ, съ лѣвой *графинъ и стаканъ*, а по срединѣ—двѣ книги: *исторія* и *географія*. Эти видимыя начертанія и знаки должны были наглядно изображать, отъ чего обществу слѣдовало удалиться и къ чему стремиться. Впрочемъ, кромѣ этихъ знаковъ Шубравцы объяснялись между собой на счетъ истинныхъ своихъ намѣреній, и на словахъ, — въ видѣ общихъ фразъ въ уставѣ, честнѣе и откровеннѣе—въ „Бруковыхъ Вѣдомостяхъ". Изъ этихъ объясненій читатели увидятъ, куда именно метили Шубравцы, и что̀ они разумѣли подъ именемъ *просвѣщенія, исторіи* и *географіи?*

Сущность Шубравскаго устава заключается въ слѣдующихъ XVI §§, или правилахъ, которыя мы передаемъ не буквально, а только въ общихъ чертахъ: § 1) Общество имѣетъ въ виду не отдѣльныя личности, а преслѣдуетъ разные дурные обычаи и привычки вообще въ массѣ, какъ то:

1) Употребленіе горячихъ напитковъ, гдѣ-бы то и когда-бы то ни было;

2) Игру въ карты, чекино, на бильярдѣ;

3) Сутяжничество и страсть къ процессамъ, которыя портятъ согласіе и разоряютъ имущество;

4) Кичливость невѣжественныхъ и неспособныхъ людей заслугами своихъ предковъ;

5) Фальшивое и заслуженно-осмѣиваемое нѣкоторыми убѣжденіе, будто мѣста составляютъ привилегію извѣстнаго класса, а не профессію, требующую знанія и труда;

6) Фальшивое мнѣніе, будто можно быть хорошимъ обывателемъ и нести извѣстной родъ службы, не читая книгъ и не имѣя собственныхъ;

7) Также мнѣніе, будто можно быть компетентнымъ судьею въ своихъ собственныхъ дѣлахъ;

8) Плохо-понятая любовь къ отечеству, чтобы хвалить безъ разбора все, что считается своимъ, кровнымъ; напротивъ, указывать на недостатки, — это значитъ исправлять ихъ;

9) Легкость обѣтовъ и клятвъ и ихъ неисполненіе, гордость въ обращеніи съ одними и низкопоклонничество этихъже лицъ съ другими;

§ 2. Средствомъ для достиженія этой цѣли полагается изданіе „*Бруковыхъ Вѣдомостей*“.

§ 3. Общество должно заботиться какъ о собственномъ существованіи, такъ и объ изданіи „*Бруковыхъ Вѣдомостей*“.

§ 4. Члены общества двоякіе: *городскіе* и *деревенскіе* (urbani et rusticani). Первыхъ (не моложе 25 лѣтъ) можетъ быть до 40 человѣкъ; количество вторыхъ еще будетъ опредѣлено. Каждый urbanus, при вступленіи въ общество, долженъ избрать для себя какое нибудь миѳическое имя изъ Литовской исторіи и титуловать себя таковымъ во всѣхъ дѣлахъ общества. Въ продолженіи года, онъ долженъ, хотя-бы и съ чужою помощію, вычитать что нибудь изъ хроникъ о своемъ миѳическомъ героѣ и приготовить для напечатанія; ибо такая работа полезна какъ для него, такъ и для края, по ученію Римскаго Шубравца — Цицерона: *trahimur omnes laudis studio, et optimus quisque maxime gloria ducitur* *).

§ 5. Обязанности членовъ тоже *двоякія:* одни относятся къ поддержанію и сохраненію Шубравскихъ достоинствъ, другія къ распространенію общества.

Что касается *первыхъ*, то всякій Шубравецъ, въ продолженіи всей своей жизни, долженъ читать двѣ газеты: одну политическую, другую литературную, для доставленія пищи душѣ, какъ главной части человѣка. Кромѣ этого, прочитать въ мѣсяцъ хоть одну книгу, заключающую въ себѣ не менѣе 10 листовъ; собственныхъ книгъ имѣть не менѣе 10 и умножать число ихъ хотя одною въ годъ.

Что касается *вторыхъ*, то всякій Шубравецъ, въ теченіи 20 дней, долженъ изготовить что-нибудь для „Вѣдомостей“, въ духѣ *уличныхъ* извѣстій, и держать въ секретѣ, какъ существованіе общества, такъ и предметы его занятій на засѣданіяхъ.

§ 6. Общество имѣетъ своихъ *дигнитаровъ* и *администраторовъ*.

§ 7. Первые въ числѣ неограничены и послѣ президента имѣютъ первое мѣсто. Безъ ихъ вѣдома не можетъ быть перемѣнъ въ уставѣ; по ихъ желанію должны собираться засѣданія.

§ 8. Вторые слѣдующіе: 1) президентъ, 2) ораторъ, 3) стражникъ, 4) секретарь и 5) редакторъ. Всѣ они имѣютъ еще и своихъ годичныхъ помощниковъ. Безъ администраторовъ тоже не можетъ быть засѣданій.

§ 9. Президентъ обязанъ: звонкомъ открывать и закрывать засѣданія, слѣдить за порядкомъ дѣйствій, давать и собирать голоса. Предметами же засѣданій служатъ: чтеніе прежнихъ протоколовъ и подпись; чтеніе матеріаловъ для „*Бруковыхъ Вѣдомостей*“ и выборъ

*) Т. е. Всѣ мы движемся желаніемъ похвалы, и слава руководитъ преимущественно даже наилучшихъ.

новыхъ членовъ. Во время засѣданій, всѣ сидятъ съ покрытыми головами.

§ 10. Ораторъ, по желанію президента, помогаетъ ему читать и говорить, слѣдитъ за исполненіемъ кодекса, сохраняетъ списокъ очередныхъ чтеній, объявляетъ каждому его очередь и предсѣдательствуетъ въ редакціонномъ комитетѣ.

§ 11. Стражникъ наблюдаетъ за порядкомъ, и въ случаѣ нарушенія его, стучитъ по полу *лопатой.*

§ 12. Секретарь ведетъ протоколы, совѣтуется съ президентомъ о предметахъ засѣданій; обязанностей Шубравскихъ можетъ и не нести.

§ 13. Редакторъ въ продолженіи года издаетъ „*Бруковыя Вѣдомости*". Матеріалы для нихъ и средства даетъ общество, но отвѣчаетъ за неисправности только онъ одинъ лично. Въ засѣданіяхъ онъ сидитъ около оратора. Онъ докладываетъ редакціонному комитету о содержаніи каждаго новаго № „*Бруковыхъ Вѣдомостей*" и за ошибки платитъ штрафъ, за грамматическія—1 к., за всякія другія—5 к., по опредѣленію большинства членовъ.

§ 14. Выборы новыхъ членовъ производятся не прежде, какъ общество удостовѣрится въ ихъ способностяхъ и благонадежности. Всякій новичекъ долженъ непремѣнно представить обществу какое-нибудь свое сочиненіе.

§ 15. Обрядъ поступленія въ Общество слѣдующій. *Залетникъ* объявляетъ на засѣданіи имя будущаго члена; объ немъ наводятся справки и, если они удовлетворительны, то собираются голоса; выборъ рѣшается большинствомъ. Послѣ этого *залетникъ* приводитъ новоизбраннаго на одно изъ засѣданій и оставляетъ его въ *залетной избѣ*, а самъ входитъ въ засѣданіе и докладываетъ президенту. Президентъ посылаетъ за новичкомъ стражника. Если онъ извѣстный въ литературѣ авторъ, то при входѣ его общество привстаетъ. Президентъ привѣтствуетъ его, вразумляетъ на счетъ Шубравскихъ обязанностей и, въ знакъ непремѣннаго согласія его съ обществомъ, протягиваетъ ему руку; за тѣмъ протягиваютъ ему руки и прочіе Шубравцы. Новоизбранный садится на указанное ему мѣсто и покрываетъ свою голову.

§ 16. Выбываютъ изъ общества *не желающіе* и *нарушающіе* уставъ.

Уставъ этотъ принятъ былъ 18-го Іюля 1817 года и въ слѣдующемъ году началъ приводиться въ исполненіе.

Общество имѣло еще и свою собственную печать: вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, въ серединѣ котораго сложены на крестъ—*лопата* и *метла.*

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, Шубравскій уставъ, съ виду чуждый всякихъ политическихъ цѣлей, полный самыхъ человѣколюбивыхъ и искреннихъ намѣреній и стремленій въ пользу края. Такому уставу, конечно, не могло не сочувствовать и правительство. Но увы! Это была только прекрасная маска, скрывавшая подъ собою *старую кокетку*, которую старался показать, кому только могъ, „шляхтичъ на лопатѣ". Къ чести этого общества слѣдуетъ однакоже сказать, что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, возникшихъ около этого времени обществъ въ краѣ, которыя для *предосудительной* цѣли употребляли болѣе или менѣе нравственныя средства; другія же руководствовались и очень предосудительными средствами.

„*Бруковыя Вѣдомости*", по своему преобладающему отрицательному направленію, представляютъ изданіе *сатирическое*, хотя есть въ нихъ очень много статей и съ направленіемъ положительнымъ. Выходили они періодически по субботамъ, нумерами, въ объемѣ печатнаго полулиста; къ нѣкоторымъ изъ нихъ

приложены прибавленія. Всѣхъ нумеровъ въ теченіи шести лѣтъ, вышло 287, что въ общей сложности составляетъ нѣсколько болѣе 150 печатныхъ листовъ. Все изданіе состоитъ изъ ряда болѣе или менѣе краткихъ и отрывочныхъ статей, касающихся того или другаго жизненнаго явленія или вопроса, того или другаго совершившагося или совершающагося факта. Внѣшняя форма ихъ изложенія, какъ и самыя заглавія, очень разнообразны. Больше всего попадаются: *объявленія*, *предостереженія*, *письма найденныя*, *письма присланныя*, *корреспонденціи* и въ особенности—*путешествія*, или такъ называемыя „*вендрувки*" и „*влоченги*", между которыми *вендрувки* „*пружняка-философа*" и „*шляхтича на лопатѣ*" составляютъ украшеніе Шубравской литературы. Такъ какъ Шубравцы, по 1 § своего устава, имѣли въ виду не индивидуальные пороки, а общественные, то въ статьяхъ ихъ очень рѣдко встрѣчаются подлинныя названія мѣстностей, еще рѣже имена описываемыхъ лицъ, и вовсе нѣтъ именъ авторовъ. Если же и встрѣчаются имена послѣднихъ, то или принятыя ими въ обществѣ, или же нарочно выдуманныя соотвѣтственно содержанію самихъ статей. Таковы напр. имена: Опискописовъ, Окпишишекъ, Выведенскихъ, Сейтестиксовъ, Пшонокъ, „шляхтичей-на-огродѣ", шляхтичей-на-метлѣ", шляхтичей-на-лопатѣ" и т. д. и т. д. Большинство статей принадлежитъ членамъ общества, какъ объ этомъ заявляетъ и сама редакція въ прибавленіи къ 3-му номеру своего изданія.

Преслѣдованіемъ пороковъ Шубравцы занялись съ такимъ усердіемъ, что упустили изъ виду даже весьма важный 4 § своего устава, по которому каждый urbanus (коихъ числомъ полагалось 40) втеченіи года долженъ былъ приготовить для напечатанія въ „Бруковыхъ Вѣдомостяхъ" хоть одну статью по Литовской миѳологіи и, за исключеніемъ трехъ-четырехъ слабыхъ сатирическихъ статей ничего въ этомъ родѣ серьезнаго не напечатали, не предвидя, вѣроятно, что чрезъ такую ихъ погрѣшность противъ устава потомство лишится 280 изслѣдованій по древнѣйшей исторіи западно-русскаго края. Впрочемъ, это, быть можетъ и неумышленное упущеніе съ ихъ стороны, съ избыткомъ вознаграждается какъ полнотою и отчетливостію картины нравовъ тогдашняго общества, такъ и обиліемъ разныхъ идей и *конселекъ*, пущенныхъ въ ходъ съ цѣлью уврачеванія его наболѣвшихъ ранъ.

Варшава смотрѣла на дѣятельность „Шубравцевъ" частію съ завистью, частію съ недовѣріемъ;—съ завистью потому, что, возрастающая съ каждымъ днемъ ихъ популярность въ краѣ сама собою предупреждала и оттѣсняла на второй планъ вліяніе Короны; съ недовѣріемъ-потому, что естественнымъ послѣдствіемъ такого хода дѣлъ могла быть не только автономія края въ ойчистыхъ дѣлахъ, но, при дурной погодѣ, даже и сепаратизмъ (*). Мысли эти съ большею или меньшею ясностію проглядываютъ въ письмѣ изъ Варшавы, помѣщенномъ въ 147 № „Бруковыхъ Вѣдомостей". Какой-то „Варшавскій другъ" Шубравцевъ, сообщая имъ о той репутаціи, которою они пользуются въ *столицѣ*, говоритъ между прочимъ: „Вы насильно хотите быть оригинальными, когда даже словамъ силитесь придавать иное значеніе. Время однакоже покажетъ, удастся ли вамъ такая революція въ естественномъ порядкѣ вещей, или нѣтъ... Не смотря на шуточность и вульгарность вашего названія, вы однако же

(*) Читатели припомнятъ мысли графа Огинскаго объ отдѣльномъ Литовскомъ княжествѣ, съ которыми онъ подступалъ къ императору Александру Павловичу. (См. выше, въ Русскомъ Архивѣ нынѣшняго года, *П. Б.*

имѣете здѣсь многихъ почитателей, которые цѣнятъ вашу *оригинальность*, а особенно благородное намѣреніе искоренять краевые пороки. Правда, иной разъ даже ваши почитатели жалуются, что для *Поляковъ* вы пишете *по-китайски*, что они не могутъ понимать васъ; но правы ли они въ этомъ, или нѣтъ, судить объ этомъ не желаю. Но только скажу, что, при подобныхъ отзывахъ, я и панъ Гурховіусъ, хорошій мой знакомый, защищаемъ васъ, сколько можемъ. Все-таки „панъ Гурховіусъ", имѣющій о васъ множество любопытныхъ свѣдѣній, покрываясь, при воспоминаніи о васъ, какимъ-то *мистическимъ румянцемъ*, доказываетъ съ азартомъ, *что вы пишете для Литвы, а не для Короны*; *что вы меньше заботитесь о томъ, пойметъ ли васъ Варшава, лишь бы только поняли васъ Вильна и Литва; что иной разъ вы понижаете вашъ слогъ*, *чтобы только сдѣлаться доступными для пониманія всѣхъ; что пишете не для ученыхъ, а для шляхты-господарей, для шляхты-юристовъ, для оффиціалистовъ, исправниковъ, администраторовъ, шулеровъ, воровъ, пьяницъ и другихъ этого рода артистовъ!!*... Панъ Гурховіусъ отозвался даже однажды, что и Варшава нуждается въ такомъ органѣ, хотя и болѣе приличномъ; что охотники писать по-шубравски нашли бы въ ней неизсякаемый источникъ матеріаловъ, нисколько не останавливаясь надъ однимъ только преслѣдованіемъ *надсенскаго* узколобія. Другіе же говорятъ, что вы черезчуръ однообразны и не долговѣчны. Я и самъ былъ того же мнѣнія; но когда пріѣхавшіе изъ Вильны господа объяснили, что глубоко вкоренившееся зло требуетъ и долгаго преслѣдованія; что за отсутствіемъ въ Литвѣ судебнаго института (?), „*Бруковыя Вѣдомости*" исполняютъ роль бывшаго *Литовскаго трибунала* (?), я перемѣнилъ свое мнѣніе". Далѣе авторъ письма совѣтуетъ Шубравцамъ не употреблять Литовскихъ оборотовъ рѣчи, въ родѣ слѣдующихъ: *да дай же покой*, *да прошенъ*, *да досыць тего*, которыхъ не можетъ переварить *Мазовецкій смакъ* (вкусъ) и проситъ ихъ увѣдомить его на счетъ разныхъ предметовъ, относящихся къ краю, какъ напр., когда кончатся эксдивизіи (?), достовѣрно ли, что Евреи хотятъ засѣсть по деревнямъ и заниматься земледѣліемъ? Что думаютъ сдѣлать на счетъ улучшенія экономическаго быта хлоповъ; что слышно о санскритѣ? *Такъ какъ вы, господа, живете по близости Азіи, то можете имѣть изъ Индіи самыя свѣжія новости.* Что говорятъ о насъ? И нельзя ли вамъ и у насъ открыть вашу Шубравскую колонію?"...

Подозрѣнія, высказанныя въ этомъ письмѣ Варшавскими друзьями на счетъ дѣятельности Шубравцевъ, были до нѣкоторой степени и не безосновательны. Еще въ 5 № „Бруковыхъ Вѣдомостей", т. е. при началѣ своего политическаго поприща, они ясно засвидѣтельствовали, что девизомъ ихъ будетъ слѣдующая пословица: „Polocia cum bonis remisit te Polonis", которую, какъ обоюдоострый мечъ, можно толковать въ одну и другую сторону, но въ какую слѣдуетъ догадаться не трудно. Шубравцы, желая выслужиться передъ своимъ отечествомъ - Польшей, возымѣли намѣреніе произвести въ краѣ благодѣтельную для него революцію, т. е. изъ края *Литовско-Русскаго* сдѣлать край *Литовско-Польскій*, съ сохраненіемъ для себя въ этомъ важномъ дѣлѣ нѣкоторой и политической автономіи.

Въ Виленскомъ Музеѣ до 1865 года находились: *стаканъ*, *графинъ и подносъ*, принадлежавшіе „Шубравцамъ"; въ 1865-мъ году ихъ изъяли изъ числа

предметовъ Музея; а въ 1868 отправили въ Москву. Въ Музеѣ остались отъ нихъ: *Кодексъ* и *Бруковыя Вѣдомости.*

VIII.

Одновременно съ обществомъ „Шубравцевъ“ было открыто въ 1817—1818 году между студентами университета общество „*Филоматовъ*“. Первая мысль объ его основаніи принадлежитъ студенту Томашу Зану. Первыми его учредителями были: 1) Осипъ Ежовскій, 2) Францъ Малевскій, 3) Ѳедоръ Лозинскій, 4) Томашъ Занъ, 5) Адамъ Мицкевичъ. 6) Казиміръ Пясецкій, 7) Янъ Чечотъ, 8) Осипъ Ковалевскій, 9) Викентій Будревичъ, 10) Игнатій Домейко, 11) Онуфрій Петрашкевичъ и 12) Иванъ Соболевскій—всѣ студенты Виленскаго университета. Устава опредѣленнаго это общество не имѣло; члены его собирались по квартирамъ и читали свои сочиненія, частію политическаго, частію научнаго и скандалезнаго содержанія. Когда набралось ихъ достаточное количество, то общество распалось на два отдѣла: литературный и физико-математическій. Въ первомъ предводительствовалъ Адамъ Мицкевичъ, а по выбытіи его изъ университета въ Ковно, на мѣсто учителя—Чечотъ: во второмъ—Томашъ Занъ. Члены каждаго отдѣла собирались по два раза въ недѣлю. Было и общее собраніе членовъ, два раза въ годъ, подъ предсѣдательствомъ Ежовскаго. Независимо отъ этого, въ обществѣ была еще особая дирекція, состоявшая изъ Ежовскаго, какъ предсѣдателя, и Мицкевича, Зана, Петрашкевича и Малевскаго, какъ очередныхъ секретарей. Обязанности этой дирекціи состояли въ томъ, чтобы выдумывать предметы для занятій членовъ и наставлять ихъ въ исполненіи принятаго на себя долга.

Цѣль этого общества главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ перестройки системы школьнаго образованія „возвысить благосостояніе отечества,“ подъ какимъ названіемъ разумѣлись губерніи, входящія въ составъ Виленскаго университета, другими словами, чтобы расшевелить и распространить въ молодежи Польской патріотизмъ и отвлечь ее отъ пристрастія къ чужеземцамъ, въ особенности къ Россіи, вліяніе которой слишкомъ преобладало.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть такой цѣли, члены общества не желали искать для себя другихъ мѣстъ, какъ только учительскихъ, или профессорскихъ: „но такъ какъ не всѣ они получили учительскія званія и принуждены были разбрестись, по окончаніи университета, въ разныя стороны, то, по показанію Франца Малевскаго, и общество ихъ начало колебаться въ самомъ его основаніи... Оно послужило началомъ для образованія втораго общества „Променистыхъ“ или лучезарныхъ.

Б). Общество „*Променистовъ.*“ Чтобы придать дѣятельности общества Филоматовъ болѣе правильности и авторитета, а также умножить и количество членовъ онаго, Томашъ Занъ, въ сообществѣ съ другими товарищами, составилъ для него уставъ, состоящій изъ 15 §§ и поднесъ его для утвержденія ректору университета Малевскому, въ 1820 году, подъ названіемъ: устава „друзей полезныхъ увеселеній.“ Сущность этого устава, по словамъ Новосильцева, заключается въ слѣдующемъ.

„Какъ во многихъ бумагахъ Зана, такъ и въ вышеупомянутыхъ правилахъ возобновляется память бывшаго Польскаго отечества, ибо между прочими нравственными наставленіями, сказано въ пунктѣ VII: „когда возчувствуешь приверженность къ отечественной землѣ, то можешь быть увѣренъ, что сдѣлалъ

большой шагъ на пути усовершенствованія своего сердца"; а въ VIII-мъ пунктѣ сказано: „приверженность къ отечественной землѣ состоитъ въ томъ, чтобы желать добра своимъ единоземцамъ каждаго состоянія и цѣлому народу вообще, сохранять полезные отцевъ своихъ обычаи, любить природный языкъ и оному обучаться, имѣть въ памяти доблести и подвиги предковъ и подражать онымъ по мѣрѣ силъ своихъ и состоянію."

Ректоръ университета, въ Маѣ 1820 г., утвердилъ этотъ уставъ, прибавивъ къ своей подписи слѣдующее примѣчаніе: онъ соглашается на утвержденіе его, въ надеждѣ, что отъ него будутъ хорошія послѣдствія и поощренія для студентовъ университета къ полному исполненію всѣхъ своихъ обязанностей, а также чтобы на студенческія прогулки никто изъ постороннихъ лицъ не приглашался."

Вслѣдствіе такого дозволенія ректора, въ Маѣ 1820 года, по предварительному извѣщенію Зана, было совершено въ большомъ количествѣ студентовъ, три загородныхъ прогулки—до восхожденія солнца. На прогулкахъ этихъ читаны были вышеупомянутые §§ устава; потомъ приступили къ полезнымъ увеселеніямъ. Всѣ присутствовавшіе студенты раздѣлялись на кружки, соотвѣтственно университетскимъ факультетамъ. Каждый кружокъ имѣлъ особый цвѣтъ: зеленый, голубой, синій и т. д. и назывался воеводствомъ. Въ кружкахъ этихъ читали и декламировали разныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ, играли въ мячъ, пѣли пѣсни. За тѣмъ завтракали. Лица, распоряжавшіяся играми и завтракомъ, назывались воеводами, стольниками, ловчими, маршалками и др. чинами бывшей Рѣчи Посполитой. Въ этихъ играхъ принимали участіе и лица постороннія, не принадлежащія къ университетской корпораціи. Общество это стало называться, „Променистыми," т. е. лучезарными отъ Польскаго слова „променье," т. е. лучи, объясненіемъ теоріи которыхъ занимался Занъ, конечно въ переносномъ смыслѣ. Для большаго заохочиванія къ поступленію въ это общество, члены его, по показанію Филарета Сузина, употребляли слѣдующую ловушку: тѣхъ, которые знали о его существованіи и не поступали въ члены, называли соблазнителями (uszeleczneni), а тѣхъ, которые не знали—заблудшими (ablakaneni). Когда слухи о Променистыхъ стали быстро распространяться въ городѣ и возбуждать въ публикѣ разные толки, то ректоръ Малевскій взялъ назадъ свое разрѣшеніе, приказавъ при этомъ Зану, чтобы на будущее время сходокъ между студентами никакихъ не было. Это и было причиною третьей метаморфозы одного и того-же общества, изъ явнаго сдѣлавшагося тайнымъ, подъ названіемъ „Филаретовъ."

В). Общество *Филаретовъ*. Прежде чѣмъ разъѣхались студенты на каникулы, Занъ взялъ подписки съ 30 или 40 человѣкъ въ томъ, что сущность Майскихъ прогулокъ „Променистыхъ" или „друзей полезныхъ увеселеній," они сохранятъ въ тайнѣ; въ Сентябрѣ-же 1820 г. онъ, въ сообществѣ съ магистромъ правъ, Францомъ Малевскимъ и другими сотоварищами по университету, составилъ новый „уставъ для тайнаго общества Филаретовъ," состоявшій изъ 72 параграфовъ, въ число которыхъ вошли и прежніе 15 параграфовъ устава „друзей полезныхъ увеселеній."

Цѣль этого общества, по показанію самихъ „Филаретовъ," состояла въ томъ, чтобы соединеніемъ общихъ силъ возстановить Польшу въ прежнемъ ея блескѣ. Такъ, въ рѣчи, сочиненной Станиславомъ Маковецкимъ, прямо говорится: „Политическія происшествія и

правительство, подъ которымъ находимся мы нынѣ, ясно удостовѣряютъ насъ, что тѣсная дружба и соединеніе юношей въ одно общество (grono) необходимы, дабы при случаѣ подать братскую руку и, соединяя десницу съ десницею, возвратить отечеству прежнее его бытіе." Это-же подтверждается и другими Филаретскими бумагами, въ томъ числѣ и черновымъ протоколомъ засѣданія Голубаго Союза, бывшаго 2 Января 1821 года.

Средствами для достиженія этой цѣли были избраны: 1) наборъ возможно-большаго количества членовъ и 2) учрежденіе возможно-большаго количества подобныхъ-же обществъ.

Во главѣ общества стояли: предсѣдатель Томашъ Занъ и два вице-предсѣдателя—Францъ Малевскій (сынъ ректора университета) и Янъ Чечотъ. Затѣмъ администрація распадалась на двѣ части: высшую и низшую. Высшая состояла изъ палаты совѣщательной и ссудной; низшая — изъ администраціи каждаго союза въ частности. Въ первой заправляли: предсѣдатель, его помощники и генеральные совѣтники; во второй тѣ-же генеральные совѣтники, проводники и секретари.

Палата совѣщательная занималась разсмотрѣніемъ разныхъ проэктовъ и дѣлъ, представляемыхъ каждымъ союзомъ въ частности и контролемъ за общимъ теченіемъ дѣлъ всего общества посредствомъ особыхъ дозорщиковъ; ссудная—выдачею денегъ нуждающимся за небольшіе %. Засѣданія той и другой отбывались въ квартирѣ предсѣдателя.

Каждый союзъ въ частности занимался: чтеніемъ сочиненныхъ членами его рѣчей, разсужденій и стихотвореній: слушаніемъ проэктовъ къ уставу; принятіемъ новыхъ членовъ, слушаніемъ отчетовъ разныхъ делегатовъ, посылаемыхъ на засѣданія другихъ союзовъ и назначеніемъ новыхъ на засѣданія будущія; выборомъ своихъ начальниковъ и т. д. Засѣданія союзовъ не имѣли опредѣленнаго мѣста и отбывались по два раза въ мѣсяцъ; посѣщать ихъ вмѣнялось каждому члену въ непремѣнную обязанность, такъ что не бывшій на нихъ три раза исключался изъ членовъ общества.

Права и обязанности начальниковъ были слѣдующія:

1. Предсѣдатель (по § 11 устава) есть первенствующее лицо въ обществѣ. Онъ дастъ направленіе и силу дѣйствіямъ его и ихъ сосредоточиваетъ. Онъ предлагаетъ проекты, утверждаетъ уже принятые, упраздняетъ союзы и на ихъ мѣсто учреждаетъ новые и назначаетъ въ оные членовъ; онъ изыскиваетъ средства ко всякаго рода пособіямъ, хранитъ казну и даетъ отчетъ о ея состояніи,—словомъ: прилагаетъ всевозможныя старанія о благѣ общества, входитъ въ нужды членовъ, подаетъ имъ совѣты и, въ случаѣ погрѣшностей, увѣщеваетъ и миритъ ссорящихся. При входѣ предсѣдателя въ засѣданіе союза (по § 12) всѣ члены встаютъ съ мѣстъ своихъ, и проводникъ предлагаетъ, не угодно-ли ему предсѣдательствовать и уступаетъ свое мѣсто. Предсѣдатель избирался на 6 мѣсяцевъ, а остальные начальники на 3.

2. Какъ предсѣдатель первенствуетъ въ цѣломъ обществѣ, такъ проводники первенствуютъ въ своихъ союзахъ. Къ должности проводниковъ (по § 13) относится: созывать на засѣданія членовъ, предсѣдательствовать въ оныхъ; наблюдать за порядкомъ, назначать очереди для чтенія сочиненій, давать и отнимать у членовъ права голоса, привѣтствовать новопринятыхъ членовъ, собирать денежные взносы; опредѣлять вмѣстѣ съ секретаремъ предметы занятій для засѣданій будущихъ; наблюдать за поступками

членовъ и сноситься по сему предмету съ предсѣдателемъ. Проводники, три раза выбранные въ эту должность, считались кандидатами на должность предсѣдателя.

3. Совѣтники (по § 15) обязаны: доносить предсѣдателю, на засѣданіяхъ совѣщательной палаты, о желаніяхъ членовъ, о дѣйствіяхъ и постановленіяхъ союзовъ, и на оборотъ—увѣдомлять союзы о предложеніяхъ и подтвержденіяхъ предсѣдателя, т. е. исполнять посредническую роль между администраціей высшей и низшей; кромѣ этого—наблюдать за точнымъ исполненіемъ устава.

4. Секретари (по § 14) обязаны: вмѣстѣ съ проводникомъ записывать въ журналъ протоколы засѣданій, составлять именные списки членовъ, принимать сочиненія и предназначенныя къ чтенію, и прочитанныя: наряжать делегатовъ въ другіе союзы, отмѣчать не бывшихъ на засѣданіяхъ членовъ, приготовлять мѣста для будущихъ засѣданій и по всѣмъ симъ предметамъ сноситься съ проводниками.

5. Обязанности простыхъ членовъ общества частію тождественны съ дѣятельностію союзовъ, частію-же (по § 17) заключаются въ слѣдующемъ: написать въ годъ хоть одно сочиненіе, освѣдомляться о нуждахъ своихъ собратій и предостерегать ихъ отъ погрѣшностей, вносить исправно денежные взносы и быть примѣрно добродѣтельными.

Обрядъ поступленія въ члены общества былъ слѣдующій. Проводникъ союза, или членъ писалъ на листѣ бумаги имя новаго кандидата, листъ этотъ путешествовалъ по всѣмъ союзамъ, и каждый членъ писалъ на немъ: *утверждаю* или—*отвергаю*. Если большинство голосовъ было на сторонѣ выбора, то въ очередное засѣданіе союза новоизбраннаго вводилъ проводникъ и привѣтствовалъ его рѣчью. За тѣмъ взималась съ него слѣдующая клятва: „Клянусь именемъ Поляка и именемъ гоноровага человѣка, что существованіе общества сохраню въ тайнѣ и буду помогать ему всѣми зависящими отъ меня средствами“. Послѣ этого новоизбранный долженъ былъ единовременно взнести одинъ рубль, а за тѣмъ ежемѣсячно вносить по одному Польскому злоту.

Кандидаты, не выбранные въ первый разъ, могли чрезъ два мѣсяца подвергаться второму выбору и еще черезъ два—третьему; послѣ этого никто уже не смѣлъ предлагать ихъ въ члены.

Членами общества (по § 37) могли быть только студенты университета, или-же лица, принадлежащія къ учебному вѣдомству; окончившіе-же курсъ ученія и не поступившіе въ учебное вѣдомство (по § 38), удаляющіеся изъ города, а равно не бывшіе на трехъ засѣданіяхъ сряду, подвергались исключенію изъ общества. Впрочемъ правила эти въ точности не исполнялись.

Такъ какъ основатель общества Филаретовъ, Томашъ Занъ, былъ въ тоже время членомъ масонской ложи, то онъ внесъ и въ свое общество нѣкоторые внѣшніе ея атрибуты, встрѣчныя привѣтствія и пѣсни. Посему каждый членъ, при встрѣчѣ съ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, желая узнать свой-ли, долженъ былъ правую руку приложить къ сердцу. Изъ пѣсенъ-же, самою любимою была слѣдующая, сохранившаяся только въ отрывкѣ, который и передаемъ здѣсь въ переводѣ съ Польскаго:

„Къ чему чужестранныя рѣчи? Мы пьемъ Ковенскій медъ. Пріятнѣе пѣсня національная, и лучше братскій народъ. Ты залѣзъ въ груды Римскихъ и Греческихъ книгъ, не для того, чтобы сгнить въ нихъ, а для того, чтобы веселиться какъ Грекъ, и бить, какъ билъ Римлянинъ... Сегодня нужны десницы.

а завтра—законы; циркулы, вѣсы и мѣры употребляй для мертвыхъ тѣлъ; силу измѣряй намѣреніемъ, а не намѣреніе силой: ибо гдѣ горятъ сердца, тамъ циркулемъ духа есть пламененье, а масштабомъ — общественное благо. Единодушіе значитъ болѣе, нежели многочисленность... Бѣдняга Архимедъ не зналъ гдѣ опереться... Пусть нынѣ, если пожелаетъ двинуть свѣтъ, его математическое высокородіе пересчитаетъ число братьевъ... И пусть скажетъ, что ихъ достаточно"...

Впрочемъ Филареты не хотѣли ограничиться этою одною пѣснею, и Лозинскимъ была предложена премія (два тома сочиненій Нѣмцевича) тому, кто составитъ новую. Конкурсантовъ было нѣсколько, но попытки ихъ остались безъ успѣха.

Общество Филаретовъ вело большую переписку, какъ съ другими обществами, такъ и съ частными лицами; имѣло собственную библіотеку и печатную инструкцію для статистически-географическаго описанія приходовъ (parafii). Эта послѣдняя имѣла первенствующее значеніе для общества какъ потому, что посредствомъ ея завязывалась и производилась корреспонденція, такъ и потому, что статистико-географическій вопросъ былъ и есть однимъ изъ главнѣйшихъ §§ программы возстановленія Польши. Стоитъ только припомнить, что посредствомъ составленія географическихъ картъ Ѳадей Чацкій думалъ возобновить Рѣчь Посполитую.

Вся инструкція состоитъ изъ вопросовъ, довольно подробно обнимающихъ сущность дѣла и выясняющихъ ея цѣль и характеръ. Такъ въ отдѣлѣ: „*Народонаселеніе*", между прочимъ говорится: „Сколько лицъ изъ дворянъ состоитъ въ войскѣ, въ какихъ полкахъ и въ какихъ чинахъ? Сколько убыло крестьянъ въ 1812 г.? Сколько расположено на мѣстѣ войскъ? Число и званіе чиновниковъ отъ короны"... Въ отдѣлѣ: „*нравы и обычаи*", говорится: „Гдѣ производятся выборы чиновниковъ? Существуютъ-ли между ними партіи и интриги? Усердны ли въ исполненіи своихъ обязанностей служащіе? Безпристрастно ли творятъ правосудіе? Что имѣетъ болѣе вліянія на занятіе мѣстъ — заслуга, или интрига? Сохраняется ли народность и въ какомъ отношеніи наиболѣе? Какова благотворительность? Каково мнѣніе о собственности? Какіе нравы у военныхъ и какъ они обращаются съ гражданскими людьми? Благосклонны ли къ нимъ гражданскіе? Сколько у дворянъ серебра и разныхъ драгоцѣнностей? Какой духъ въ дворянствѣ? Есть ли любовь къ отечеству? Народный духъ другихъ слоевъ общества?... Относительно иностранцевъ наблюдатель долженъ описать ихъ нравъ, характеръ, привычки, предразсудки, одежду—отечественная ли она, или примѣнена къ нашей? Какъ они живутъ и что заставило ихъ оставить отечество? Имѣютъ ли они свои собранія (клубы) и каковъ ихъ духъ вообще?»

Въ силу этой инструкціи, Филареты должны были заниматься собираніемъ свѣдѣній о краѣ во время каникулярнаго времени, которыя доставляли потомъ любопытные матеріалы для Шубравской газеты „Бруковыхъ Вѣдомостей (уличныхъ). Свѣдѣнія эти собирались изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Такъ, въ дѣлѣ о безпорядкахъ по Мозырскому училищу находится письмо Филарета Ежовскаго, отъ 21 Ноября 1821 г., адресованное на имя учителя Архимовича, въ которомъ говорится: „Несказанно забочусь о пользѣ Мозырскихъ школъ, какъ и всякій человѣкъ, думающій о благѣ и любящій свой родной край. Если бы вы, м. г., взяли на себя трудъ увѣдомлять меня о состояніи ва-

шей школы, о „*запасѣ*" и достаткахъ вашихъ учениковъ, о методахъ преподаванія, о духѣ околичныхъ обывателей, объ образѣ ихъ мыслей—соотвѣтственно правиламъ публичной инструкціи, то извѣстія ваши были бы для меня крайне пріятны, какъ могущія открыть путь къ дальнѣйшей корреспонденціи".

Томашъ Занъ, по составленіи устава, изготовилъ именной списокъ „Променистамъ", съ которыхъ взялъ подписки на храненіе тайны, а равно и другимъ студентамъ, нуждающимся въ помощи и желающимъ помогать послѣднимъ. Всѣхъ ихъ раздѣлилъ на 6 союзовъ. Потомъ, въ концѣ Сентября того же 1820 года, онъ пригласилъ всѣхъ записанныхъ въ списокъ къ себѣ и прочиталъ имъ вышеупомянутый уставъ; они согласились на принятіе онаго и сейчасъ же выбрали проводниковъ, совѣтниковъ и секретарей, а Зана единогласно наименовали предсѣдателемъ. Союзы эти были слѣдующіе:

На физико-математическомъ факультетѣ: 1) зеленый, 2) розовый и 3) алый; на медицинскомъ: 4) синій; на словесномъ: 5) голубой; на юридическомъ: 6) бѣлый. Такъ какъ на этомъ факультетѣ оказалось членовъ болѣе опредѣленнаго уставомъ, то въ Апрѣлѣ 1821 г. онъ раздѣленъ былъ на два союза, новый названъ былъ 7) лиловымъ. Каждый союзъ долженъ былъ заключать въ себѣ отъ 20 до 24 членовъ. Такое дробленіе общества сдѣлано было въ видахъ предосторожности отъ надзора полиціи.

Всѣхъ оговоренныхъ членовъ было 166; по показаніямъ полиціи до 300; изъ нихъ допрошено 135. Въ числѣ ихъ были представители лучшихъ дворянскихъ фамилій въ сѣверо-западномъ краѣ, конечно, Польскаго происхожденія, два ксендза—профессора Полоцкой академіи, нѣсколько учителей гимназій и нѣсколько лицъ постороннихъ.

Благодаря стараніямъ Зана, отдѣлъ этого общества былъ открытъ еще въ Кременецкомъ лицеѣ, при содѣйствіи профессора Энтца, члена корреспондента общества „Филаретовъ."

Какія въ засѣданіяхъ этого общества произносились стихотворенія и рѣчи, мы можемъ судить по нѣкоторымъ, уцѣлѣвшимъ отъ всеобщаго уничтоженія бумагъ, остаткамъ. Часть этихъ бумагъ, какъ напр. рѣчь Маковецкаго, протоколъ засѣданія голубаго союза, бывшаго 2 Января 1821 года, въ которомъ находится рѣчь проводника Чечота, письма Томаша Зана съ 1815 года и дневникъ его съ 1820 по 1823 годъ, была приложена въ подлинникѣ къ рапорту Новосильцева и должна находиться въ Петербургѣ, въ бывшемъ архивѣ намѣстника Царства Польскаго; другая-же пришита къ дѣламъ Слѣдственной Комисіи. Такъ, при допросныхъ пунктахъ Осипу Ежовскому, находится 5 стихотвореній: 1) „дума на смерть кн. Понятовскаго," 2) „стихотвореніе въ честь Саввы, Барскаго конфедерата," 3) „историческая пѣснь о странствованіяхъ войска Польскаго въ Испаніи," 4) „Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа;" 5) стихи, написанные секретаремъ кассаціоннаго суда Людвигомъ Осинскимъ по случаю возвращенія войска Польскаго въ Варшаву. При показаніяхъ Лозинскаго находятся два письма Чечота къ Францу Малевскому; въ одномъ изъ нихъ находятся два стихотворенія: 1) „Упырь"—аллегорическое изображеніе несчастій Польши и 2) „Панегирикъ Хржоновской." Есть еще стихотвореніе Янковскаго: „въ честь Іосифа Масальскаго."

Мы приведемъ, для примѣра, три изъ нихъ: 1) „печаль Сармата," 2) „въ честь Іосифа Масальскаго" и 3) „Панегирикъ Хржановской."

1. Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда-Августа.

Ты спишь, о Сигизмундъ! А твои сосѣди пріѣхали гостить въ твой домъ!... Ты спишь, а твоя челядь озабочена пріемомъ тѣхъ самыхъ, которые прежде тебя чтили и уважали. Печальное воспоминаніе! Ужъ если измѣнило счастье, то отчего-бы не исчезнуть объ немъ и самой памяти!..

По какому-то Божьему гнѣву, ты не оставилъ на тронѣ сына, котораго-бы внукъ внушалъ теперь на границахъ страхъ и уваженіе. Послѣ тебя корона пошла съ торговъ, тронъ былъ униженъ, а правительство потонуло.

Наконецъ, ойчизна моя, нѣкогда богатая и сильная, упала,—та самая, которая прежде владѣла отъ моря до моря, а теперь не имѣетъ клока земли для гроба. Какое сожалѣніе возбуждаетъ къ себѣ этотъ великій трупъ, въ которомъ жила нѣкогда душа милліоновъ!..

Матери! Поглядите, какое предъ вами лежитъ дитя? У него глубокая рана на мѣстѣ вырваннаго сердца, въ которомъ билась когда-то шляхетская кровь. Оно не убѣгало, потому что рана спереди... По лицу его видно, какъ оно желаетъ мести! Но изъ-за чего злится несчастное!?.

Въ зажженый домъ ввалился наконецъ властелинъ, и начались разбои...

Послѣ этихъ разбоевъ одни, противъ воли, разбѣжались подъ невѣдомыя небеса; другіе-же остались дома и выпрашиваютъ хлѣба, или-же розданы Москвѣ и Нѣмцамъ...

И вотъ прекрасною кровью упитанная земля кормитъ теперь коня и дикаго наѣздника, а приневоленная мать учитъ теперь своихъ голодныхъ дѣтей господствующему языку.

О Висла! Не Полякъ пьетъ твои воды; даже слѣды затираютъ его; теперь онъ долженъ скрывать даже свое имя, которое такъ мужественно прославляли его дѣды.

2. Въ честь Іосифа Масальскаго.

Разверзлась книга непостижимыхъ предопредѣленій. Предвѣчный Богъ, Котораго могущество безконечно, низвергъ Своею десницею храброе племя Леха; оно разорвано на части, земля у него отнята, цѣпь святыхъ законовъ уничтожена, и на рамена вольнаго народа возложены оковы.

Рушился могущественный колоссъ, и нечистыя струи Ельстры поглотили князя (Понятовскаго). Унылый звонъ колоколовъ, сѣтуя о кончинѣ героя, возноситъ свои стенанія къ небесамъ. О, братья! Чье не разрывается въ сей день сердце? Какая ужасная пропасть раскрывается предо мною! И чѣмъ глубже я стараюсь проникнуть въ область мечтаній объ отечествѣ, тѣмъ болѣе исчезаетъ на него надежда: сыны Польши погибли.

Уже сѣверный варваръ, захвативъ въ свои когти милліоны дѣтей нашей матери, пожираетъ невинныхъ, и даже это дикое чудовище не подаетъ и луча надежды на счастіе. Сіе исчадіе природы, рожденное во мракѣ Эреба отъ наложницы гибельныхъ Люциферовъ! Нѣкогда безстыдный рабъ Наполеона, не благодарный за благодѣянія, приготовилъ ему смертоносный кинжалъ и измѣною завоевалъ обширный свѣтъ... Но зачѣмъ долѣе? Нынѣшніе его поступки явно открываютъ намѣренія крокодила...

Покинемъ мы нашихъ братьевъ надъ Вислой. Рона, Тибръ, наконецъ потомки Греціи чувствуютъ, кто ихъ гнететъ. Можно-ли сносить такое бѣдствіе! Братья, не измѣнившіе своему племени,—вы, которые любите свободу и хотите быть свободными въ тайнѣ; вы, которые, благоговѣя предъ Божеской волей, ожидаете. не разсѣетъ-ли какая нибудь благодатная звѣзда огромныхъ тучъ на нашемъ го-

ризонтѣ; вы, въ которыхъ не изсякла еще отеческая добродѣтель, Польское юношество, достойное сего названія! Когда тиранъ запрещаетъ намъ открыто любить свое отечество, то, облегчая свой жребій, будемъ любить его тайно. Быть можетъ, когда нибудь и умилостивится Богъ надъ нами! Быть можетъ, наши несчастія и достигли уже своей цѣли. Быть можетъ для тирана и готовы уже гибельные кинжалы!..

Іосифъ, нашъ вождь! Ты, который высокимъ полетомъ своимъ паришь по обширному небу и, какъ разливающійся ручей, не чувствуешь предъ собой преграды! Ты, котораго, какъ сына Сарматскаго, достойное общество Польское избрало своимъ начальникомъ,—управляй нами, дай дѣятельное движеніе свободѣ и умамъ, да усиливается безпрестанно тѣсный братскій союзъ. А когда станетъ вкрадываться къ намъ, какъ къ людямъ, духъ несогласія и раздора, то ты своими спасительными совѣтами, своими дружескими наставленіями погашай въ самомъ началѣ всепожирающій огонь, да судитъ о насъ, по нашимъ дѣламъ, самое отдаленное потомство, что Польша имѣла своихъ гражданъ и сыновъ.

3. Панегирикъ Хржановской.

Послушайте, молодыя дѣвицы, звуковъ пріятной для васъ лютни, и пусть воспоминанія о прекрасныхъ событіяхъ возбудятъ въ васъ соревнованіе къ славѣ.

Послушайте, какъ давнишнія Польки геройскимъ сердцемъ, достоинствомъ и славною скромностію умѣли укрѣплять мужество въ сердцахъ своихъ супруговъ.

Уже осажденная басурманами Трембовля должна была имъ сдаваться, и матери, обливая слезами своими дѣтей, прятали ихъ у себя на груди.

Уже любовники и любовницы называли другъ друга плѣнниками и плѣнницами; называли себя такъ точно и военные мужи, не способные обороняться оружіемъ...

Но Хржановская съ мечомъ въ рукѣ обращается къ мужу: О мужъ! О вѣчный стыдъ! Ужели эта постылая жизнь такъ дорога, что Поляки должны неволю предпочитать смерти?

Упадетъ преддверіе ойчизны, упадетъ твердыня, и мы, стеня въ несчастныхъ узахъ, живьемъ поѣдемъ въ скаредные таборы.

Будетъ носить твоя милая воду изъ ключа для тирана; станутъ ею помыкать и оскорблять, а ты все будешь видѣть и служить тому-же нелюдскому пану. О, Поляки! Такая судьба приготовлена для всякаго изъ васъ.

Гдѣ-же любовь къ ойчизнѣ? Или развѣ смерть непріятнѣе цѣпей? А когда ты не желаешь бить этимъ желѣзомъ Турокъ, то сгинь отъ моей руки, вмѣстѣ со мной!...

Съ этими словами Хржановская бросилась на мужа... А онъ ей: Клянусь тебѣ, что съ этимъ мечомъ мы или поляжемъ или побѣдимъ.

Начался штурмъ; нападенія были отбиты: горсть, оживленная мужествомъ, спасла Трембовлю. Честь тебѣ, богатырка матрона. Пусть лаврами цвѣтутъ твои остатки!

А вы, прелестныя дѣвицы, воскресите въ себѣ прежнее достоинство; мужья уподобятся вамъ, и прежнее золотое время возвратится.

Если-бы Польша имѣла побольше такихъ женъ, то крѣпилась-бы и до сихъ поръ; если-же будетъ имѣть, то воскреснетъ въ прежнемъ своемъ блескѣ...

Стихотвореніе это, какъ значится въ письмѣ, было переложено на музыку и распѣвалось въ гостинныхъ.

Кромѣ очередныхъ засѣданій, общество имѣло еще и частныя сходки, по

случаю напр., имянинъ разныхъ членовъ. Такъ, въ имянины Томаша Зана было большое стеченіе ихъ за городомъ; здѣсь онъ былъ коронованъ дубовымъ вѣнкомъ и въ знакъ благодарности получилъ отъ общества желѣзный перстень съ надписью: „пріязнь заслугѣ", при этомъ Адамъ Мицкевичъ произносилъ составленное имъ на сей предметъ стихотвореніе.

Закрытіе общества послѣдовало въ 1822 г. по разнымъ причинамъ. Томашъ Занъ говоритъ потому, что, съ окончаніемъ курса въ университетѣ, выбыли изъ него лучшіе и вліятельнѣйшіе Филареты, а самъ онъ приглашенъ былъ визитаторомъ-Ходзькомъ на мѣсто письмоводителя; другіе говорятъ потому, что, по случаю пріѣзда въ Вильну Государя Императора на смотръ гвардіи, былъ усиленъ надзоръ полиціи, и отбывать засѣданія было не безопасно; третьи говорятъ потому, что сдѣлалось извѣстнымъ враждебное отношеніе правительства ко всякаго рода тайнымъ обществамъ, вслѣдствіе чего и было закрыто общество „Масоновъ", а „Филареты" изъ тайнаго намѣревались сдѣлаться обществомъ явнымъ подъ названіемъ „товарищества для пособія бѣднымъ ученикамъ" (wspierania niedostatnych uczniów), которое уже было открыто и дѣйствительно привлекло къ себѣ многихъ „Филаретовъ".

Самый актъ закрытія совершился слѣдующимъ образомъ. Созвано было чрезвычайное собраніе членовъ—по союзамъ; когда явились къ Зану проводники, то, прочитавши имъ предварительно составленную на сей предметъ рекламу, онъ склонилъ ихъ согласиться на закрытіе обществъ. Проводники согласились. Возвратившись каждый въ свой союзъ, они прочитали вышеупомянутую рекламу и взяли съ членовъ подписки, что существованіе общества они сохранятъ въ тайнѣ. Подписки эти были представлены Зану, а равно и другія Филаретскія бумаги, находившіяся по союзамъ; онъ сжегъ ихъ въ то время, когда студенты были на лекціяхъ, безъ вѣдома и согласія общества. Такъ прекратило свою дѣятельность общество „Филаретовъ"; но прекратило-ли оно свое существованіе? Читатели увидятъ, что нѣтъ.

При слѣдствіи, Филареты, благодаря сожженію ихъ бумагъ, обнаруживали явное запирательство, въ особенности-же Томашъ Занъ. Онъ утверждалъ, что основанное имъ общество имѣло цѣль исключительно научно-нравственную; что Польскій патріотизмъ и политика не могли входить въ предметы его занятій по § 8 устава; что если нѣкоторые члены и позволяли себѣ патріотическія выходки, то это были исключенія изъ общаго правила, всегда производившія на него самое непріятное впечатлѣніе; что наконецъ, если-бы, по опрометчивости своей, онъ не сжегъ Филаретскихъ бумагъ, то могъ-бы доказать безукоризненную невинность и своихъ намѣреній и дѣятельности самаго общества. До какой степени былъ неискрененъ и наглъ этотъ человѣкъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ.

Между арестованными бумагами Зана нашлись письма, стихотворенія и дневникъ съ 1820 по 1823 годъ, изъ которыхъ ясно видно, что онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ сдѣлался однимъ изъ способнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ полонизаторовъ. Изъ писемъ его открылось, что, будучи еще въ Молодеченскомъ училищѣ, онъ устраивалъ маленькое общество подъ названіемъ: войско Марса и Аполлона, которое въ свободное время играло въ потѣшныя игры. Провинившихся въ чемъ нибудь наказывалъ, а исправныхъ награждалъ крестикомъ изъ золотой бумаги съ надписью:

„крестъ святой любви къ отечеству“. Въ 1815 году онъ составилъ для этого войска маршъ въ стихахъ, въ которыхъ внушалъ мальчикамъ спѣшить на службу къ Наполеону. Въ этомъ-же году онъ написалъ комедію, подъ названіемъ: „Постоянство въ дружбѣ“. Въ 1-мъ и 2-мъ явленіяхъ этой пьесы онъ называлъ счастливыми тѣхъ, которые положатъ животъ свой за отечество и выражалъ свои надежды на возстановленіе Польши на Вѣнскомъ конгрессѣ. Въ 1816 году онъ сочинилъ три стихотворенія: въ первомъ убѣждалъ соотчичей—спасать Наполеона съ острова Св. Елены; во второмъ проводилъ мысль, что онъ равняется съ богами, когда лира его настраивается пѣть о Наполеонѣ; а въ третьемъ внушаетъ, чтобы всѣ *родаки*, знающіе алгебру, химію, физику, астрономію, юриспруденцію, языки и хирургію, свои познанія прилагали къ истребленію Россіянъ.

Въ дневникѣ Зана, носящемъ названіе „Свѣтъ и любовь“, разсказывается, между прочимъ, что, по прошествіи двадцати лѣтъ (т. е. въ 1821 г.), край будетъ освобожденъ, ибо есть еще Наполеоны; въ другомъ-же мѣстѣ, что, преподавая уроки исторіи въ женскомъ пансіонѣ Дейбаля, онъ внушаетъ дѣвицамъ патріотическія идеи, за что Дейбаль на него не злится. На вопросы, предложенные Зану Слѣдственной Комисіей относительно этихъ произведеній, Занъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

Будучи еще ученикомъ, онъ выучился любви къ отечеству въ классахъ, ибо въ грамматикѣ Копчинскаго, для учениковъ 1-го класса, въ примѣрахъ сказано: „мы рождены не для себя: одна часть насъ принадлежитъ отечеству, а другая друзьямъ“; въ грамматикѣ-же для III-го класса въ примѣрахъ напечатано: „Святая любовь къ отечеству! Тебя чувствуютъ только сердца честныя“. Впослѣдствіи-же, когда пришелъ онъ, Занъ, въ болѣе зрѣлый возрастъ и понялъ всѣ заблужденія своей молодости, то сохранилъ вышеозначенныя сочиненія на память, какъ свидѣтельства своей глупости, невѣжества, ребячества, заблужденій и проступковъ, порожденныхъ въ немъ вліяніемъ войны 1812 г., когда непріятельскія войска ополчились противъ Россіянъ и шли вслѣдъ за Наполеономъ.

Во все время слѣдствія надъ Филаретами, университетъ велъ себя весьма сдержанно и осторожно. Да иначе и быть не могло. Слѣдственная Комисія заподозрила университетъ въ явныхъ потачкахъ этому обществу и попросила отъ него объясненія какъ по дѣлу Слѣдственнаго Комитета изъ профессоровъ о „Променистыхъ“, такъ и по дѣлу „географической инструкціи“, которая была въ рукахъ цензора профессора Голянскаго еще до ея напечатанія. Комисія спрашивала:

1. Чѣмъ руководствовался Комитетъ по дѣлу променистовъ, когда, по заарестованіи бумагъ, принадлежавшихъ этому обществу (т. е. обществу Филаретовъ) устава, диссертацій Лозинскаго и Протоколовъ засѣданій съ разными помѣтками, онъ не только не далъ имъ надлежащаго движенія, а просто возвратилъ назадъ безъ всякихъ послѣдствій?

2. Какимъ образомъ могла быть напечатана инструкція, заключающая въ себѣ разныя статьи, не находящіяся въ инструкціи главнаго управленія училищъ, въ то время когда она, до напечатанія, была предъявлена префектомъ Базиліанской типографіи на разсмотрѣніе цензору-профессору Голянскому, а безъ его вѣдома печатать не смѣла ни одна типографія?

3. Какимъ образомъ и откуда попала

она въ Комитетъ уже въ печатномъ видѣ, и настоитъ-ли какая нибудь надобность для статистики знать количество серебряныхъ и золотыхъ вещей, находящихся у разныхъ частныхъ лицъ?

4. Гдѣ можно найти уставъ и другія бумаги, принадлежащія обществу, по крайней мѣрѣ уставъ Променистыхъ, долженствовавшій находиться у прежде бывшаго ректора Малевскаго?

На первый вопросъ всѣ члены бывшаго Комитета въ одинъ голосъ засвидѣтельствовали, что указываемые Комисіей промахи допущены ими были единственно вслѣдствіе неопытности въ судебныхъ дѣлахъ.

На второй профессоръ Голянскій отвѣчалъ: „Имѣю чистосердечно заявить, что вовсе не припомню, чтобы мнѣ когда-нибудь было приносимо такое сочиненіе изъ Базиліанской типографіи. Такое показаніе мое, теперь уже надъ гробомъ стоящій, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти моей собственноручно подписую“. Дѣйствительно, инструкція эта, по изслѣдованіи Комисіею, была напечатана секретно, безъ разрѣшенія и одобренія цензора—Чечотомъ и Юндзиломъ, которые, подкупивши наборщиковъ Базиліанской типографіи, устроили это дѣло въ ночное время.

Что-же касается до ея содержанія, то, по словамъ бывшаго ректора Малевскаго, оно совершенно походитъ на содержаніе таковой-же инструкціи министерства народнаго просвѣщенія, изданной въ 1812 году съ чѣмъ однакоже Слѣдственная Комисія, по сличеніи обѣихъ, не согласилась.

На третій вопросъ проф. Лобойко отвѣчалъ, что инструкцію нашелъ онъ у себя дома, между собственными бумагами, потому что на квартирѣ у него жилъ председатель общества „Филаретовъ“, Томашъ Занъ, дававшій ему уроки Польскаго языка.

Что̀-же касается до серебряныхъ и драгоцѣнныхъ вещей, могутъ-ли онѣ входить въ статистическія описанія, то ректоръ Твардовскій поспѣшилъ съ слѣдующимъ увѣдомленіемъ: „Дабы отвѣчать на сіе основательно и съ точностію, слѣдовало-бы, по роду предмета и по заведенному порядку, сіе дѣло предложить на заключеніе отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ, коему принадлежитъ статистика“; но онъ, ректоръ, не рѣшается на подобный поступокъ безъ увѣдомленія Комисіи, такъ какъ дѣло сіе производится секретно и тотчасъ-же совершитъ его, какъ только получитъ ея согласіе.

На четвертый вопросъ профессоръ Малевскій, въ рапортѣ Новосильцеву отъ 16 Іюля 1823 года донесъ, „что бумаги, заарестованныя имъ у учениковъ, были препровождены въ Слѣдственный Комитетъ и, по окончаніи его дѣйствій, какъ ничего въ себѣ важнаго не заключающія, были возвращены назадъ тѣмъ-же ученикамъ. Что̀-же касается до устава, то онъ у меня такъ запропастился, что я даже не могъ показать его куратору и теперь не имѣю“. Показаніе это совершенно не вѣрно: Филаретскій уставъ сохранился до настоящей поры; онъ былъ принесенъ въ даръ Виленскому Музею гр. Тышкевичемъ и хранится въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской публичной библіотеки.

Есть еще извѣстіе, что Филаретъ Осипъ Красковскій спряталъ свои бумаги у доктора философіи ксендза Сосновскаго, профессора главной семинаріи; при востребованіи Слѣдственной Комисіей, оказалось, что онѣ тоже запропастились.

Университетъ выжидалъ, чѣмъ наконецъ кончится это дѣло, какое ему дадутъ направленіе. И когда Новосильцевъ послѣ 135 допросовъ, докопался наконецъ до крайне-опаснаго направле-

нія дѣятельности этого общества и объявилъ ректору 24 Ноября, что въ эту-же ночь онъ пошлетъ курьера къ великому князю Константину Павловичу съ извѣщеніемъ о сущности этого направленія, то ректоръ университета, чтобы не оставить въ заблужденіи министра народнаго просвѣщенія, воспользовавшись тремя жалобами студентовъ на Комисію, счелъ своимъ долгомъ учинить ему слѣдующее *безпосредственное донесеніе*:

„Продолжающіяся безпрестанно слѣдствія подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Новосильцева кажутся столь угрожающимъ сему корпусу (университету), что развѣ только покровительство вашего сіятельства охранить его можетъ. Сіе возбуждаетъ меня учинить вашему сіятельству безпосредственное донесеніе“.

„Въ заключеніи моемъ, по поводу происшествій 3 Мая въ Виленской гимназіи, было упомянуто, что ученики гимназіи показали о существованіи между студентами университета общества Променистыхъ. Дѣло о таковомъ обществѣ составляетъ главнѣйшій предметъ изслѣдованій Комисіи, почему и поясняю извѣстныя мнѣ о немъ подробности“.

„Предмѣстникъ мой Малевскій въ 1820 г. дозволилъ студентамъ университета собираться для повторенія лекцій и учебныхъ упражненій подъ предводительствомъ Томаша Зана. Сіе общество имѣло дозволенное названіе: „друзей полезныхъ увеселеній“. Но какъ не всѣ студенты принадлежали къ этому собранію, то и стали они прозываться разными названіями, въ томъ числѣ „Променистыми“. Первоначально дозволенное названіе въ скоромъ времени перестало упоминаться, Променистовъ-же сдѣлалось очень гласнымъ. Это и заставило ректора Малевскаго взять назадъ свое разрѣшеніе. Однако слухи объ нихъ не уничтожились и въ послѣдующихъ годахъ 1821-мъ и 1822-мъ. По сему попечитель, въ бытность свою въ Маѣ 1822 года дѣлалъ изслѣдованія, нѣтъ-ли между студентами университета какого нибудь общества? По изслѣдованіямъ открылось только то, что слухи эти остались отъ прежде позволеннаго общества друзей полезныхъ увеселеній, другаго-же общества не существовало. Однако-жъ г. попечитель велѣлъ ректору Малевскому имѣть строгій надзоръ за Заномъ, Ѳед. Лозинскимъ и Ад. Мицкевичемъ, который по болѣзни долгое время проживалъ въ Вильнѣ“.

„Когда я имѣлъ честь вступить въ должность ректора, 15 Ноября, то первое предписаніе, полученное мною отъ г. попечителя, было относительно надзора за учениками и изслѣдованія, нѣтъ-ли между ними какихъ нибудь связей или обществъ. Вслѣдствіе сего немедленно принялся я за дѣло, и употребленныя мною мѣры совершенно удостовѣрили меня, что между ними никакихъ связей не было. Обращая на сей предметъ дальнѣйшее тщательнѣйшее вниманіе, утвердился я еще вящше въ томъ убѣжденіи, что какъ при вступленіи своемъ въ университетъ, такъ и послѣ, таковыя связи не составлялись. Кромѣ того, бывшій ректоръ университета увѣрилъ меня, что, наблюдая по данному ему попечителемъ предписанію, ничего противнаго не замѣтилъ: ни за всѣми учениками вообще, ни за Заномъ, Лозинскимъ и Мицкевичемъ въ частности. Основываясь на сихъ увѣреніяхъ, въ истинности которыхъ и теперь не сомнѣваюсь, на предписаніе г. попечителя отвѣчалъ я, что какъ при вступленіи моемъ въ университетъ, такъ и послѣ, никакихъ связей не было и не можетъ быть, вслѣдствіе строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по этому дѣлу.“

„Эти-же завѣренія высказалъ я и сенатору Новосильцеву и писалъ и нимало не колебался взять на себя личную отвѣтственность за все то, что будетъ открыто по части обществъ и союзовъ. Совѣсть моя велитъ мнѣ повторить это ручательство и нынѣ предъ вашимъ сіятельствомъ: ибо имѣлъ чистѣйшія намѣренія и не упустилъ изъ виду никакихъ средствъ къ осуществленію оныхъ.“

„. . . Зная о всякихъ собраніяхъ учениковъ, я посылалъ присутствовать при нихъ надежныхъ людей и такимъ образомъ всегда имѣлъ извѣстіе о томъ, что они читали; не находилъ въ этомъ ничего порицательнаго, потому и не препятствовалъ.“

„Вчерашняго числа отъ самаго г. сенатора Новосильцева я узналъ, что Комисія, составленная подъ его руководствомъ, открыла, что студенты, имѣвшіе дозволеніе въ 1820 г. составить собраніе подъ названіемъ „друзей полезныхъ увеселеній“ и послѣ запрещенія г. ректора не только своихъ собраній не прекратили, но перемѣнились въ тайное общество „Филаретовъ:“ что они имѣли учрежденія и цѣли возмутительныя и противныя правительству; входили въ сношенія со студентами Варшавскаго университета и въ столь преступной связи оставались до половины 1822 г., т. е. до пріѣзда въ Вильну Государя Императора, когда усиленный надзоръ полиціи заставилъ ихъ прекратить свои сборища.“

„Однакожъ многіе изъ нихъ, а можетъ быть и большая часть, давно уже выбыли изъ университета и перестали быть студентами онаго. Узнавъ отъ г. сенатора Новосильцева о важности розыскиваемаго дѣла, представилъ я ему сего числа при рапортѣ три прошенія, поданныя мнѣ тремя допрашиваемыми студентами.“

Далѣе ректоръ старается убѣдить, что врядъ-ли хоть одинъ изъ членовъ найдется такой, который бы вступилъ въ общество послѣ 1822 г. „Потому осмѣливаюсь обратить на сіе обстоятельство особеннѣйшее вниманіе вашего сіятельства, ибо оно утверждаетъ все то, что выше было мною сказано, т. е. что со времени моего вступленія въ университетъ связей и обществъ никакихъ не было. А если изъ открытія Комисіи и оказывается, что былъ зловредный духъ и преступное направленіе умовъ въ университетскомъ юношествѣ, то тѣмъ не менѣе явствуетъ (?), что такія зазорныя неприличности уже прекращены, и возвратъ къ нимъ окончательно прегражденъ.“

Мы не обременяемъ читателя излишними разъясненіями этого безпосредственнаго донесенія, изъ котараго министръ, конечно, могъ извлечь только то, что дѣйствительно между студентами были и сходки и сборища, но вполнѣ разумныя и невинныя, какъ дозволенныя и контролируемыя самимъ университетомъ; что если сенаторъ Новосильцевъ и нашелъ въ нихъ разныя зазорныя неприличности, то не потому чтобы онѣ въ дѣйствительности были, а просто потому что ихъ желала найти и нашла Слѣдственная Комисія въ вынужденныхъ, подъ пристрастнымъ разслѣдованіемъ показаніяхъ. Вотъ одно изъ прошеній:

„Инспекторъ Сидоровичъ доставилъ меня къ здѣшнему полицеймейстеру г. Шлыкову для дачи письменныхъ отвѣтовъ на запросы относительно тайныхъ обществъ... 18 Октября, когда я вторично пришелъ въ квартиру къ полицеймейстеру для переписки своихъ отвѣтовъ на бѣло, то секретари его Шкультецкій и Круликовскій начали меня стращать и требовать, чтобы я не показывалъ въ своихъ отвѣтахъ того что долженъ былъ показать по сущей истинѣ; въ противоположномъ случаѣ угрожали мнѣ заклю-

ченіемъ въ Варшавѣ, гдѣ я не буду видѣться ни съ матерью, ни съ теткою, ни съ родными... За несогласіе я былъ посаженъ подъ арестъ и освобожденъ не прежде, какъ только послѣ удовлетворенія требованій гг. секретарей. Однако-же, страшась, чтобы эти вынужденныя показанія не повредили мнѣ на будущее время и не послужили источникомъ какого нибудь несчастія, я прибѣгаю къ покровительству и защитѣ г. ректора и молю не отказать мнѣ въ нихъ."

Сенаторъ Новосильцевъ, свѣдавъ объ этихъ прошеніяхъ, приказалъ взять съ подсудимыхъ исцевъ новыя показанія: что именно они сдѣлали противъ своей совѣсти въ своихъ показаніяхъ, по требованію секретарей? Истцы отвѣчали: „Всѣ пункты были приняты безъ всякой перемѣны, кромѣ 4-го; въ этомъ послѣднемъ *нами было написано:* „Слышали о Масонахъ, которые уже уничтожены; ходили также слухи о вольныхъ садовникахъ, но мы не знаемъ никакихъ подробностей ни о первыхъ, ни о вторыхъ." *Намъ приказали написать:* Слышали о Масонахъ, которые уже уничтожены, а болѣе ни о комъ не знаемъ."

Своимъ безпосредственнымъ донесеніемъ, представитель ученой интеллигенціи Виленскаго университета хотѣлъ оправдать и себя и университетъ, и наложить темное пятно на дѣйствія Слѣдственной Комисіи Новосильцева, забывши вѣроятно, что и при немъ точно также, какъ при ректорѣ Малевскомъ, отбывались сборища учениковъ, какъ объ этомъ увѣдомлялъ его предводитель Слуцкаго дворянства Непокойчицкій, человѣкъ, вовсе не принадлежавшій къ учебному вѣдомству.

IX.

Въ 1824 году, по Высочайшему повелѣнію, составленъ былъ комитетъ изъ графа Аракчеева, адмирала Шишкова и сенатора Новосильцева, которому повелѣно было разсмотрѣть дѣла по безпорядкамъ Виленскаго университета и изыскать мѣры къ устраненію ихъ на будущее время. Самымъ дѣятельнымъ въ немъ членомъ былъ конечно Новосильцевъ, какъ человѣкъ непосредственно знакомый съ сущностію дѣла: посему и въ постановленіяхъ Комитета выразились по преимуществу его личные взгляды и отношенія къ совершившимся явленіямъ, тѣ самыя, которыя сполна почти можно найти и въ его всеподданнѣйшемъ рапортѣ великому князю Константину Павловичу. По разсмотрѣніи безпорядковъ, возникшихъ въ Виленскомъ Учебномъ округѣ, Комитетъ издалъ двоякія постановленія: одни изъ нихъ заключали въ себѣ мѣры административно учебныя для всѣхъ заведеній вообще; другія-же—мѣры карательныя для лицъ, принимавшихъ участіе въ тайныхъ обществахъ, но не всѣхъ, потому что члены обществъ „черныхъ братьевъ" и „Зорянъ" подверглись наказанію по особымъ конфирмаціямъ великаго князя Константина Павловича. Постановленія эти были Высочайше утверждены 14 Августа 1824 года.

Въ силу первыхъ введены были по округу слѣдующія мѣропріятія.

а. *По части административной.*

1) Для пресѣченія вреднаго вліянія, которое возымѣла противодѣйствующая университетскому начальству партія, удалить отъ должности ординарныхъ профессоровъ: Лелевеля (въ Царство Польское), Даниловича (во внутреннія губерніи), Бобровскаго (подъ надзоръ полиціи) и Голуховскаго за изданную имъ за границею книгу анти-правительственнаго содержанія (въ свое отечество): 2) попечителю Виленскаго учебнаго округа жить въ Вильнѣ и ежегодно посѣщать университетъ 3) установить кру-

говую отвѣтственность учителей за каждый ихъ проступокъ и 4) усилить полицейскій надзоръ за анти-правительственными книгами, привозимыми изъ-за границы.

б. *По части учебной.*

1) Исключить изъ числа предметовъ гимназическаго курса право естественное и политическія науки и усилить уроки языковъ Латинскаго, Греческаго и Русскаго; 2) уменьшить число уроковъ по риторикѣ и поэзіи; 3) университету составить перечень темъ для классныхъ ученическихъ упражненій; и 4) не употреблять, въ видѣ учебниковъ, книгъ, изгнанныхъ изъ употребленія профессоромъ Пеликаномъ, и разсмотрѣть всѣ вообще учебники.

в. *По части воспитательнаго надзора.*

1) Вмѣсто двухъ надзирателей назначить четырехъ младшихъ и одного старшаго или инспектора; 2) списокъ всѣхъ учащихся отсылать въ полицію; 3) постановить новыя правила, которыя-бы вмѣняли инспектирующимъ—утверждать и сохранять въ молодыхъ людяхъ страхъ Божій, чтобы учащіеся вели жизнь богобоязненную и не занимались самоуправствомъ; чтобы они почитали университетское и всякое другое начальство; чтобы студенты посѣщали лекціи, всегда ходили въ мундирахъ и не вступали ни въ какія тайныя общества; чтобы безъ дозволенія ректора не отлучались ни за городъ, ни на общественныя гулянья; чтобы не читали и у себя не имѣли никакихъ книгъ, противныхъ вѣрѣ и системѣ Русскаго правительства; 4) подавать ежедневные рапорты объ отсутствующихъ ученикахъ и о происшествіяхъ и 5) гувернеровъ, менторовъ и другихъ домашнихъ наставниковъ пока избирать университету подъ его прямою отвѣтственностію.

Въ силу вторыхъ постановленій, не всѣ, а только слѣдующія лица, участвовавшія къ тайныхъ обществахъ, подверглись наказанію:

А) Изъ Филаретовъ (и въ числѣ ихъ Променисты и Филоматы) ссылаются во внутреннія губерніи: 1) Томашъ Занъ—въ крѣпость на одинъ годъ; 2) Янъ Чечотъ, 3) Адамъ Сузинъ и 4) Иванъ Янковскій въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ; 5) Францъ Малевскій и 6) Адамъ Мицкевичъ поступили въ канцелярію Московскаго генералъ-губернатора; 7) Николай Козловскій и 8) Осипъ Ежовскій перемѣщены учителями, но подъ строгій надзоръ полиціи. 9) Кипріянъ Дашкевичъ, 10) Иванъ Михалевичъ, 11) Ив. Лукашевичъ, 12) Ив. Криницкій, 13) Өедоръ Лозинскій, 14) Ив. Гейдатель, 15) Ив. Соболевскій, 16) Онуфрій Петрашкевичъ и 17) Викентій Будревичъ съ обязательствомъ избрать родъ жизни. 18) Осипъ Ковалевскій, 19) Феликсъ Колоковскій, и 20) Иванъ Верниковскій поступили въ Казанскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ, по собственному желанію; 21) Матвѣй Бродовичъ и Львовичъ, профессоръ Полоцкой академіи, навсегда отрѣшены отъ должности и отданы подъ надзоръ монастырскій.

Со остальныхъ повелѣно взыскать издержки, затраченныя по судопроизводству.

В) Основателямъ обществъ „Науковаго“ и Моральнаго:“ Діонисію Шлоевскому и Якову Абрамовичу вмѣнить въ наказаніе арестъ и лишить службы по министерству народнаго просвѣщенія; съ остальныхъ взыскать издержки по судопроизводству.

С) Общества „Черныхъ Братьевъ“ по конфирмаціи его высочества отъ 28 Февраля 1824 года:

а. Основателя общества: 1) Янчевскаго и члена 2) Зеленевича на 10 лѣтъ въ казематы, а потомъ въ рядовые безъ

выслуги на Оренбургскую линію; если же окажутся неспособными, то въ Сибирь на поселеніе; б. 3) Витксвича, 4) Песляка, 5) Ивашкевича и 6) Сухоцкаго—на Оренбургскую линію въ солдаты безъ выслуги.

Всѣхъ лишить дворянскаго достоинства и со всѣхъ взыскать издержки по судопроизводству.

7) Учителя Пашкевича—на два года въ Бобруйскъ, а потомъ освободить.

Д). Общества „Зорянъ" тоже по конфирмаціи его высочества:

а. 1) Ляховича, 2) Барковскаго и 3) Яневича—въ крѣпость, перваго—на 6 мѣс., вторыхъ—на 4 мѣс., а потомъ въ рядовые на Кавказъ, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

б. 4) Кузминскаго, 5) Чеховскаго, 6) Левоневскаго, 7) Бронишевскаго и 8) Лещинскаго—во 2-ю армію въ рядовые, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

в. 9) Штабсъ-капитана Сперскаго, 10) землемѣра Окенчица, 11) аптекарскаго гезеля Чайковскаго и 12) уч. Гувальдта—въ крѣпость, первыхъ трехъ на 4 мѣс., а послѣдняго на 6 мѣсяцевъ.

г. 13) Виріона, 14) Корсницкаго, 15) Шумовича, 16) Голеньксвича, 17) Грыневича, 18) Фризе, 19) Шлегеля, 20) Александровича, 21) Велевейскаго, 22) Моровскаго, 23) Ольшевскаго и 24) Лобунскаго—подъ строжайшій надзоръ начальства или полиціи.

д. 25) Унтеръ-офицера Зеленскаго, 26) портупей-прапорщика Скульскаго и дворянскаго полка дворянъ: 27) Соколовскаго и 28) Веверовскаго—въ отдѣльный Литовскій корпусъ унтеръ-офицерами, подъ строгій надзоръ начальства, съ производствомъ въ офицеры не раньше двухъ лѣтъ.

е. 29) Актера Косовскаго, 30) Цѣхановскаго, 31) Гельтмана, 32) Загурскаго, 33) Ордынскаго, 34) Булгаровскаго, 35) Кузминскаго, 36) Гловацкаго, 37) Богурскаго, 38) 39) двухъ Суходольскихъ, 40) Яцка, 41) Купаховича, 42) Стровинскаго, 43) Залѣсскаго, 44) Райнальда, 45) Эсмонта и 46) Орду—подъ надзоръ начальства или полиціи.

Со всѣхъ взыскать издержки по судопроизводству.

Такая-же участь постигла и Поневѣжскихъ и Кейданскихъ составителей памфлетовъ.

Эта видимая неравномѣрность наказаній за одни и тѣже преступленія произошла главнымъ образомъ вслѣдствіе особаго ходатайства Новосильцева, по дѣламъ пяти тайныхъ обществъ, о степени виновности которыхъ, а равно и о мѣрѣ взысканій съ членовъ оныхъ, онъ подавалъ свое личное мнѣніе. Такъ, въ заключеніе своего всеподданнѣйшаго рапорта, онъ между прочимъ высказалъ слѣдующее:

„Законы, какъ Россійскіе, такъ и Литовскіе, опредѣляющіе наказанія за вышеозначенныя преступленія, столь ясны, что, предавъ суду оказавшихся на слѣдствіи виновными въ тѣхъ преступленіяхъ, нельзя не предвидѣть всѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя должны ихъ постигнуть. Значительная часть молодыхъ людей, оказавшихъ весьма хорошіе успѣхи въ наукахъ, должны-бы пасть жертвою предъ строгостью законовъ. Непреклонность права или законовъ, опредѣляющихъ наказаніе за преступленія безъ различія источника оныхъ, могла-бы многимъ изъ сихъ молодыхъ людей поставить вѣчную преграду загладить когда либо свою вину и быть еще полезными государству, когда помраченіе ума и ложныя мечтанія, возникшія отъ стеченія содѣйствовавшихъ тому обстоятельствъ, начнутъ уступать опытности и основательнымъ разсужденіямъ. Сверхъ

сего не можно также не положить на вѣсы правосудія той горести, котораябы поразила, и того вопля, которымъ наполнились-бы дома многочисленныхъ семействъ, ежели бы они увидѣли надежду, возложеннную ими на дѣтей своихъ въ самомъ цвѣтѣ своемъ уже погибшею: тогда какъ та надежда, основываясь на полной довѣренности къ университетскому начальству въ образованіи ума и сердца тѣхъ юношей, казалась бы достаточно оправданною".

„Съ другой стороны, входя въ духъ кроткаго и человѣколюбиваго правленія всеавгустѣйшаго монарха нашего, котораго всѣ блаженствующіе подъ его скипетромъ народы благословляютъ, и зная, сколь тѣсно сопряжены съ сердцемъ Вашего Императорскаго Высочества чувствованія строгой справедливости съ чувствованіями милосердія, которое не жертвы требуетъ, но исправленія, я не обинуюсь пасть къ стопамъ вашимъ и слезно просить, чтобы высокимъ предстательствомъ вашимъ у престола, вмѣсто строгаго суда надъ виновными, употреблены были мѣры къ исправленію ихъ и къ отвращенію настоящаго и будущаго зла, отеческія мѣры, которыя, яко правительственныя по учебному вѣдомству, большею частію состоятъ въ распоряженіи самаго министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ".

„Не осмѣлился-бы я обратиться къ одной чувствительности Вашего Императорскаго Высочества, для преклоненія оной къ испрашиваемому мною милосердію, если-бы я не былъ убѣжденъ въ совѣсти моей, чрезъ долговременное изслѣдованіе, что вина преступниковъ возросла до той степени, въ которой она оказывается изъ слѣдствія, и такъ называемый духъ времени распространился столь далеко въ училищахъ Виленскаго округа единственно отъ нерадѣнія и послабленія вышняго университетскаго начальства и отъ устраненія себя мѣстными полицейскими властями отъ наблюденія за непозволенными дѣйствіями и предпріятіями со стороны учениковъ, равно какъ и отъ неупотребленія съ своей стороны нужныхъ мѣръ къ пресѣченію первыхъ къ тому поползновеній, о чемъ, если благоугодно будетъ Вашему Императорскому Высочеству, я буду имѣть счастіе представить особое донесеніе".

Предоставляя самимъ читателямъ судить о степени основательности весьма гуманныхъ отношеній Новосильцева къ подсудимымъ, мы обратимъ ихъ вниманіе на мѣры, предложенныя имъ Комитету и высочайше утвержденныя 14 Августа 1824 г., которыя, по его мнѣнію, долженствовали пресѣчь зло въ учебныхъ заведеніяхъ на будущее время.

При самомъ бѣгломъ сличеніи ихъ съ совершившимися фактами, ясно видно, что они были внушены Новосильцеву не столько сознательнымъ преслѣдованіемъ, въ смыслѣ національномъ, Русскихъ государственныхъ цѣлей, враждебно сталкивавшихся съ цѣлями Польскими, сколько желаніемъ серьозно противодѣйствовать злу разныхъ школьныхъ безпорядковъ, безъ строгаго соотношенія послѣднихъ къ ихъ вредоносному источнику. Причина такого ошибочнаго отношенія къ дѣлу заключалась въ его ошибочномъ взглядѣ на сѣверо-западный край, который онъ почему-то считалъ Польскими губерніями и не переставалъ считать таковыми и въ позднѣйшую пору, когда на мѣсто Чарторыйскаго назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Посему, ясно сознавая враждебное Россіи настроеніе умовъ въ школахъ въ духѣ чисто-Польскомъ и удаляя по этой причинѣ изъ университета профессоровъ; зная, что такое-же враждебное настроеніе

господствуетъ не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Германіи въ видѣ тайныхъ обществъ, носившихъ названіе „Полоній"; сознавая также, что, если нельзя допустить существованія status in statu, то тѣмъ болѣе—patriae in patria, Новосильцевъ, подъ вліяніемъ своего ошибочнаго взгляда, смотрѣлъ на Польскіе безпорядки въ заведеніяхъ сѣверо-западнаго края, какъ на преступленія противъ правительства въ отвлеченномъ смыслѣ и объяснялъ ихъ не порожденіемъ стремившейся къ господству въ Русскомъ краѣ Польской идеи, а порожденіемъ, такъ называемаго, господствующаго духа времени и нерадѣніемъ училищнаго начальства. Другими словами: Новосильцевъ не имѣлъ правильнаго взгляда на дѣло Русскаго государственнаго человѣка, вслѣдствіе чего и мѣры его оказались неудовлетворительными и не достигли желанныхъ результатовъ: сдерживая внѣшнія проявленія зла, онѣ мало искореняли его причины и еще менѣе давали преобладанія началамъ Русскимъ, въ которыхъ заключается единственно прочное и надежное ему противодѣйствіе. Но такова была въ то время сила тьмы и мглы, пущенныхъ въ ходъ и поддерживаемыхъ политикою князя Чарторыйскаго.

Обольщенный внѣшнимъ видомъ спокойствія, водворившагося въ школахъ на самое короткое время, не столько впрочемъ вслѣдствіе новыхъ мѣръ, сколько вслѣдствіе страха, Новосильцевъ окончательно убѣдился въ ихъ цѣлесообразности и непреложности и, когда притихшіе Поляки смекнули, что дѣло далеко еще не проиграно и страсти ихъ стали опять всплывать на поверхность, онъ сталъ жаловаться на эти проявленія, какъ на вліяніе общественной среды, совершенно забывая, что эта же среда учитъ и учится въ школахъ по такимъ же учебникамъ, какъ и прежде и въ такомъ же духѣ. Этого мало: онъ даже не хотѣлъ признать неоспоримаго значенія за тѣми реформами, которыя предлагалъ Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ князь Хованскій и которымъ суждено было осуществиться лишь спустя 40 слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ они были предложены.

Таковы были существенные недостатки мѣръ, которыя были предложены Новосильцевымъ и которыхъ не въ силахъ были восполнить ни его личное усердіе, ни неусыпная и даже суровая дѣятельность единомысленныхъ съ нимъ его помощниковъ.

Мѣры, предложенныя княземъ Хованскимъ, были слѣдующія: 1) Существующую въ школахъ систему преподаванія наукъ обратить въ чисто-Русскую систему, по примѣру Кіевской губерніи; для чего, отдѣливъ Бѣлорусскія гимназіи отъ Виленскаго учебнаго округа, подчинить Московскому или С.-Петербургскому университету; 2) постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы всѣ предметы проподавались на Русскомъ языкѣ; 3) на основаніи уставовъ, изданныхъ для сихъ университетовъ, губернскимъ гимназіямъ подчинить всѣ прочія училища, въ коихъ юношество обучается для свѣтской жизни; 4) по примѣру С.-Петербургской гимназіи, учредить содержаніе нѣсколькихъ молодыхъ людей на казенномъ иждивеніи, заведя при сихъ институтахъ пансіоны и полупансіоны; 5) снабдить каждую гимназію хорошими библіотеками, коихъ нынѣ не имѣется и доставить всѣ необходимо-нужныя пособія какъ для наукъ, такъ и для словесности, особенно Русской; 6) для закона Божія назначить трехъ законоучителей: по православному, Римско-католическому и уніятскому исповѣданію, 7) постановить правиломъ, чтобы учащіеся не вступали въ гражданскую службу, не окончивъ гимназиче-

скаго курса и безъ свидѣтельства въ хорошихъ успѣхахъ по Русской словесности; 8) наставниковъ, особенно-же директоровъ гимназій, присылать изъ коренныхъ Русскихъ, совершенно знающихъ тѣ предметы, которые они обязываются преподавать юношеству, и отличнаго поведенія, дабы достоинствами своими могли они пріобрѣсть довѣренность разнороднаго общества сего края и 9) основывать при гимназіяхъ ученыя общества, кои принесли-бы здѣсь большую пользу, ибо разныхъ системъ ученые люди, собираясь для совѣщанія о предметахъ просвѣщенія, могутъ получить единство мнѣній на пользу общественную.

Изо всѣхъ этихъ мѣръ принята была только одна—отдѣленіе Бѣлорусскихъ губерній отъ Виленскаго учебнаго округа, и то благодаря личной волѣ Государя Императора, который, соглашаясь со строгостію и осмотрительностію мѣръ Новосильцева, не могъ однако-же согласиться съ ошибочнымъ его взглядомъ, что Бѣлорусскія губерніи—губерніи Польскія, и что образованіе въ нихъ должно совершаться въ духѣ Польскомъ. Главнѣйшею помѣхою къ осуществленію мѣръ, предложенныхъ княземъ Хованскимъ, былъ Новосильцевъ, недружелюбно смотрѣвшій на нихъ даже и тогда, когда Бѣлорусскія губерніи были уже присоединены къ С.-Петербургскому учебному округу. Въ такомъ духѣ высказался онъ въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія, по случаю разныхъ безпорядковъ въ высшемъ Полоцкомъ Піарскомъ училищѣ:

„Юношество Бѣлорусскихъ губерній, по происхожденію своему, нравамъ, обычаю и языку, гораздо ближе къ здѣшнему, чѣмъ къ коренному Россійскому, и воспитаніе онаго должно быть устроено тѣмъ-же порядкомъ, какъ и здѣшняго. Не должно также полагать, что Бѣлорусскіе жители гораздо менѣе сохранили духа Польскаго націонализма: многія обстоятельства могли-бы доказать тому противное“.

„Для достиженія правительству той цѣли, дабы всѣхъ жителей пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерній содѣлать совершенно себѣ преданными и вѣрными, не должно ни въ чемъ полагать между ними разницы, начиная съ самаго воспитанія юношества, какъ основанія всего благоустройства. Только постепенными мѣрами и несильно дѣйствующими средствами можно произвести желанную перемѣну, такъ чтобы она была прочна“.

„По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, осмѣливаюсь я полагать, что возвращеніе Бѣлорусскихъ губерній, а также и Кіевской по прежнему Виленскому учебному округу было-бы величайшимъ для нихъ благодѣяніемъ, а равномѣрно принесло-бы пользу правительству, которое въ непродолжительномъ времени увидѣло-бы въ оныхъ тотъ самый порядокъ и устройство, какіе уже видны въ училищахъ, составляющихъ нынѣ Виленскій учебный округъ“...

Въ такомъ пріятномъ самообольщеніи и заблужденіи находились и новый ректоръ университета, прозванный Поляками: „людей и наукъ тираномъ“, и новый попечитель учебнаго округа Новосильцевъ.

X.

Извѣстія о постановленіяхъ Комитета стали ходить въ Вильнѣ гораздо раньше полученія ихъ на мѣстѣ. Они были приняты какъ университетомъ, такъ и обществомъ различно: одни считали ихъ очень снисходительными, другіе же напротивъ крайне суровыми; были и такіе, которые не стѣснялись протестовать противъ нихъ явнымъ сочувствіемъ и соболѣзнованіемъ невиннымъ страдальцамъ.

„Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ дамъ (доносилъ Новосильцеву отъ 24 Сентября полицiймейстеръ Шлыковъ), а преимущественно г-жи Горецкая, Косцялковская и вдова генерала Польскихъ войскъ Пончовская, занимаются собиранiемъ денегъ въ пользу удаляющихся студентовъ. Складки сiи дѣлаются на вечерахъ, бывающихъ у Горецкой. Молодые люди въ публичныхъ мѣстахъ сдѣлались весьма тихими, скромными и болѣе вѣжливыми. Ходятъ слухи, будто въ самомъ университетѣ происходятъ раздоры — какiе?.. достовѣрно не знаю“.

„Профессоръ Лелевель на сихъ дняхъ возвратился изъ Варшавы и съ большимъ огорченiемъ принялъ встрѣтившую его новость. Профессоръ Глуховскiй еще не возвращался изъ Кракова; профессоры Даниловичъ и Бобровскiй весьма чувствуютъ потерю своихъ мѣстъ. Послѣднiй намѣревается ѣхать въ Петербургъ.“

Для болѣе успѣшнаго осуществленiя новыхъ постановленiй ректоромъ назначенъ самый дѣятельный изъ профессоровъ, Венцеславъ Пеликанъ. Распущенное юношество нѣсколько угомонилось; но спокойствiю этому суждено было продолжаться лишь короткое время. При ближайшемъ знакомствѣ съ этими реформами, предводителямъ полонизма сдѣлалось ясно, что онѣ не только не опасны для Польской справы, но даже недостаточно сильны, чтобы, при Польскихъ начальникахъ и наставникахъ юношества, сдерживать внѣшнiя ея проявленiя. По мѣрѣ того какъ онѣ приводились въ исполненiе, по прежнему стали появляться и прежнiе безпорядки, сначала въ видѣ неудовольствiя, глухо выходившаго изъ стѣнъ университета, а потомъ въ видѣ памфлетовъ, появлявшихся въ разныхъ школахъ. На тѣ и на другiя Новосильцевъ смотрѣлъ, какъ на естественныя проявленiя затаенной злобы, направленной исключительно противъ его личности за разслѣдованiе о тайныхъ обществахъ; онъ думалъ, что со временемъ все это исчезнетъ и продолжалъ свое дѣло, время отъ времени очищая учебныя заведенiя отъ разныхъ подозрительныхъ лицъ, на сколько они заявляли себя таковыми своими преступными дѣйствiями. Тѣмъ съ большей энергiей слѣдилъ онъ за успѣхами осуществленiя своихъ мѣръ въ школахъ, что на него были обращены глаза и вниманiе высшаго правительства.

Въ Ноябрѣ того-же 1824 года Новосильцевъ, при письмѣ отъ барона Дибича, получилъ изъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества бумагу, по которой требовалось отъ него объясненiе и которая между прочимъ гласила:

1. Извѣстный бунтъ, происходившiй въ Вильнѣ чрезъ тамошнихъ студентовъ, хотя оставленъ, однако до основанiя не исправленъ, ибо при всемъ старанiи сенатора Новосильцева, употребленный имъ для изслѣдованiя сего происшествiя Шукевичъ есть явный покровитель всякаго безпокойства и нарушитель присяги своему Государю. Доказательствомъ тому служитъ то, что г. Шукевичъ, бывъ до нашествiя непрiятеля въ предѣлы Россiи президентомъ департамента главнаго Гродненскаго суда, награжденный знаками отличiя св. Владимiра 4 степени и св. Анны 2-й степени, какъ только показался Наполеонъ съ войсками своими въ Вильнѣ, забылъ благодѣянiя своего Государя, вступилъ въ службу Наполеона и находился въ его гвардiи до самаго окончанiя Французской войны. При томъже онъ совершенно преданъ картежной игрѣ и конечно не могъ быть безпристрастнымъ къ интересу въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, по данному ему полномочiю, имѣлъ всю возможность выставлять предъ начальствомъ виновными только тѣхъ,

отъ кого ничѣмъ не могъ воспользоваться. А потому злѣйшіе умыслители сего буйственнаго проишествія могли быть имъ сокрыты.“

2. „Вопреки Высочайшему указу, запрещающему самомалѣйшее покушеніе къ какимъ-бы то ни было тайнымъ обществамъ, находятся оныя въ Вильнѣ и въ другихъ уѣздныхъ городахъ, и производятъ свои собранія безпрекословно и не только не приходятъ въ упадокъ, напротивъ время отъ времени еще усиливаются“ [1]).

Негодуя на несправедливость доноса въ одномъ изъ его показаній, именно что слѣдствіе по тайнымъ обществамъ производилъ не Шукевичъ, а особая коммисія, Новосильцевъ такъ или иначе, но соглашается съ нимъ во всемъ остальномъ, т. е. что дурной духъ до основанія не истребленъ, что слѣдствіо произведено поспѣшно и не вполнѣ удовлетворительно и что по сему онъ продолжаетъ оное и по настоящее время.

Въ объяснительной запискѣ по сему дѣлу, препровожденой къ Цесаревичу, отъ 28 Декабря тогоже года, Новосильцевъ говорилъ между прочимъ слѣдующее:

„Что производимое мной слѣдствіе о случившихся въ Вильнѣ между студентами безпорядкахъ не достигло своей цѣли, именно, что извѣстный бунтъ, происходившій въ городѣ Вильнѣ чрезъ тамошнихъ студентовъ, хотя остановленъ мною, но до основанія не истребленъ, того никто оспаривать будетъ, если только подъ словомъ б гъ разумѣется дурной духъ, вселившійся въ обучающемся въ училищахъ Виленскаго учебнаго округа юношествѣ, и безпорядки, отъ того происходящіе... Достигнуть разомъ своей цѣли въ дѣлѣ столько трудномъ, многосложномъ и основанномъ на ложныхъ и превратныхъ ученіяхъ, продолжавшемся въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, или истребить также всѣ вредныя впечатлѣнія и дѣйствія, которыя таковое ученіе, или умышленное направленіе умовъ къ возмутительному духу, могло произвести надъ обучающимися, есть, по мнѣнію моему, предпріятіемъ сколько превосходящимъ силы и средства человѣческія, столько и противнымъ самимъ законамъ природы, по которымъ никакія сложныя перемѣны не производятся скачками, но постепенно.“

„Быть можетъ, и даже весьма вѣроятно, что не всѣ члены Филаретскаго общества были открыты слѣдственной коммисіей и что между тѣми, на которыхъ не было показано, могли остаться столь же вредные, какъ и дѣйствительно оказавшіеся таковыми по слѣдствію и высланные по той причинѣ изъ Польскихъ губерній; но нѣтъ на то другаго средства какъ, при наблюденіи строгаго порядка, обращать вниманіе на поступки учащихъ и учащихся и очищать училища по мѣрѣ того, какъ кто нибудь изъ нихъ повлечетъ за собой основательное подозрѣніе. На тѣхъ правилахъ и высланы изъ университета четыре профессора, хотя на нихъ и не было показано, чтобы они принадлежали къ сему обществу. Послѣдствія обнаружили, что мѣра сія была не только справедливою, но и необходимо нужною, ибо она произвела уже ощутительную пользу. Въ такомъ точно положеніи находился Контримъ, адъюнктъ университета и библіотекарскій помощникъ. Подъ скромнымъ названіемъ адъюнкта, кото-

[1]) Въ 3-мъ пунктѣ этой бумаги говорится, что помѣщики укрываютъ крестьянъ при составленіи ревизскихъ сказокъ разными средствами, а въ 4-мъ, что крестьяне, вслѣдствіе злоупотребленій мѣстныхъ властей, за деньги добываютъ себѣ свидѣтельства на дворянское достоинство и остаются свободными отъ всякихъ повинностей. См. дѣло объ адъюнктѣ Вилен. университета Контримѣ, письмо Дибича отъ 21 Ноября 1824 г. съ приложеніемъ.

раго онъ никогда не искалъ перемѣнять, сей хитрый и скрытный человѣкъ управлялъ долгое время, самымъ примѣтнымъ образомъ, какъ университетомъ, такъ можно сказать и мнѣніемъ большей части здѣшней публики. Всѣ сіи собранныя мною на его счетъ свѣдѣнія были поводомъ, что я внутренно почиталъ его одною изъ главнѣйшихъ пружинъ возмутительной системы, но по разнымъ причинамъ не прежде могъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ только во возвращеніи моемъ нынѣ въ Вильну. Возобновленное въ мой теперешній пріѣздъ надъ нимъ слѣдствіе утвердило его еще болѣе въ томъ мнѣніи, что, съ назначеніемъ меня въ кураторы, вся надежда продолжать коварные замыслы исчезла и онъ рѣшился подать просьбу объ увольненіи отъ службы, которая и препровождена мной министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. За симъ остается мнѣ только желать, чтобы утвержденіе сей отставки не замедлилось, а Ваше Императорское Высочество просить, дабы по полученіи оной ему воспрещенъ былъ въѣздъ въ Вильну“ [1]).

„Кромѣ сихъ лицъ не мало есть еще и учителей и учениковъ, которые, со вступленіемъ моимъ въ должность, были удалены отъ мѣстъ и выключены изъ вѣдомства университета по той причинѣ, что исправленія отъ нихъ никакого ожидать было нельзя.“

„Списокъ Филаретовъ имѣется въ виду съ тѣмъ, чтобы никого изъ нихъ не назначать на учительскія мѣста.“

Такимъ образомъ, кромѣ мѣръ, Высочайше утвержденныхъ, Новосильцеву понадобились еще и другія, заключавшіяся въ постоянной очисткѣ учебныхъ заведеній отъ разныхъ подозрительныхъ лицъ и въ болѣе строгомъ пріемѣ кандидатовъ на учительскія мѣста. Мѣры эти были ему разрѣшены. Но какъ Новосильцевъ не перемѣнилъ своего взгляда на дѣло и Польскіе безпорядки продолжалъ считать безпорядками господствующаго духа времени, то вмѣсто однихъ подозрительныхъ назначалъ другихъ, оказывавшихся такими же подозрительными, какъ и первые.

Въ слѣдующемъ 1825 году между „Филаретами“ началась оживленная переписка, а вмѣстѣ съ нею начались и прежнія волненія въ университетѣ. 4-го Октября ректоръ университета вошелъ къ Новосильцеву съ рапортомъ, что между студентами опять начинаетъ проявляться прежній духъ вольнодумства, и представилъ ему въ подлинникѣ слѣдующіе стихи:

„Настанетъ конецъ тиранамъ!“

„Творецъ держитъ судьбу ихъ на вѣсахъ.“

„Блеснетъ нежданно громовая стрѣла.“

„И величіе твое привратитъ въ развалины.“

По изслѣдованіямъ оказалось, что стихи эти составлены были двумя доказанными и однимъ недоказаннымъ Филаретомъ. Донося объ этомъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Новосильцевъ писалъ между прочимъ:

[1]) По полученіи отставки, Контриму приказано было оставить Вильну. Въ подпискѣ, взятой съ него по сему случаю, онъ просилъ остаться въ Вильнѣ до тѣхъ поръ, пока больной братъ его—каѳедральный прелатъ или не умретъ, или не выздоровѣетъ окончательно. Отвѣтъ онъ получилъ подтверждающій прежнее приказаніе Цесаревича. Контримъ уѣхалъ сначала въ имѣніе Пусловскаго, отстоящее на 3 версты отъ города и продолжалъ съ нимъ свои сношенія; Новосильцевъ выжилъ его отсюда. Онъ уѣхалъ въ другое имѣніе за 7 верстъ отъ города и продолжалъ съ нимъ прежнія сношенія; Новосильцевъ выжилъ его и отсюда. Наконецъ Контримъ уѣхалъ въ имѣніе Нестанишки Завилейскаго уѣзда и отсюда былъ вызванъ въ 1830 г. въ Варшаву министромъ Польск. финансовъ кн. Любецкимъ для изданія и редактированія „Комерческаго Вѣстника“ съ жалованьемъ въ 6000 Пол. зл.,—вызванъ былъ къ самому мятежу.

„Ректоръ находитъ необходимымъ, дабы какъ сіи студенты, такъ и другіе, къ университетскому обществу не принадлежащіе Филареты и проживающіе въ Вильнѣ безъ всякаго дѣла, были удалены изъ сего города, а въ особенности Петръ Держкофъ, человѣкъ превратныхъ правилъ и врагъ заведеннаго устройства и повиновенія между студентами, который, проживая въ Вильнѣ безъ дѣла и безъ должности, совращаетъ вновь прибывающихъ для наукъ молодыхъ людей, а по слухамъ собираетъ даже деньги и посылаетъ ихъ другимъ Филаретамъ.“

„Ободренный духъ между Филаретами происходитъ отъ того, что высланные изъ университета Филареты пишутъ къ нимъ изъ Петербурга, якобы они въ министерствѣ народнаго просвѣщенія хорошо приняты и даже снискали себѣ покровительство, чему я вовсе не вѣрю.“

„Сверхъ того ревностнѣйшій покровитель сего общества, извѣстный мнѣ по дѣламъ слѣдственной комисіи, дворянинъ Ходзько, получивъ нынѣ при министерствѣ финансовъ какое-то важное порученіе, вошелъ въ довѣренность у начальства и обнаруживаетъ покровительство своимъ товарищамъ.“

„Сей Ходзько, коего три сына были въ обществѣ Филаретовъ, былъ посылаемъ передъ симъ отъ университета въ званіи визитатора училищъ Виленскаго учебнаго округа и производилъ свои визитаціи съ извѣстнымъ Заномъ, главнымъ основателемъ общества Филаретовъ, состоявшимъ при немъ письмоводителемъ и такимъ образомъ распространилъ духъ сего общества не только между учениками, но даже и между учителями“.

Возвращаясь къ прежнему факту, Новосильцевъ заключаетъ: „Хотя по обстоятельствамъ видно, что корень онаго еще существуетъ, но его *искать уже должно не въ училищныхъ заведеніяхъ*“.

Но, спустя нѣсколько дней, онъ долженъ былъ убѣдиться, что корень онаго существуетъ и въ училищныхъ заведеніяхъ. Въ концѣ Декабря того же года онъ получилъ извѣстіе о существованіи Свислочскихъ и Бѣлостокскихъ „Зорянъ“, входившихъ отчасти въ третью степень общества „Военныхъ Друзей“. Въ слѣдующемъ же году, т. е. 1826-мъ, ему пришлось выслушать длинный докладъ о безпорядкахъ, существовавшихъ и продолжавшихся въ Мозырскомъ повятовомъ училищѣ и Полоцкомъ Піарскомъ, а другой—о безпорядкахъ, совершавшихся въ стѣнахъ университета. Безпорядки университетскіе были уголовно-политическаго характера: составленъ былъ заговоръ противъ ректора университета Пеликана изъ видовъ патріотическо-Польскихъ. Заговоръ былъ открытъ во время, и лица подозрительныя подвергнуты наказанію: профессоръ Онацевичъ былъ удаленъ отъ службы, студентъ Заха сданъ въ солдаты на Кавказъ, другіе студенты были уволены изъ университета. Въ меньшей мѣрѣ преступны, но болѣе характеристичны въ учебно-образовательномъ отношеніи были безпорядки Мозырскіе и Полоцкіе. Первые начались изъ побужденій частныхъ между служащими и продолжались очень долго. Нѣсколько разъ мирили спорящихъ визитаторы Виленскаго университета, но безуспѣшно. Наконецъ наряжено было слѣдствіе, во время котораго спорящіе и обнаружили всю уродливость свою и своего заведенія. Вторые имѣли характеръ скандалезно-политическій. Мы остановимся здѣсь на безпорядкахъ Мозырскихъ, какъ на очень рельефномъ проявленіи результатовъ дѣятельности Чарторыйскаго въ учебно-образовательномъ отношеніи.

Смотритель училища, такъ показывали во время слѣдствія подсудимые, не исполняетъ религіозныхъ обрядовъ, потому что онъ не то что простой масонъ, а масонскій „*эпоптъ*". Мнѣнія общества своего онъ распространяетъ прежде всего и больше всего,— до такой степени, что даже жены жалуются на него, какъ на похитителя своихъ мужей. За то служебныя свои обязанности исполняетъ крайне предосудительно. Съ учителями грубъ. Войдя въ классъ, онъ обыкновенно кладетъ свою фуражку, перчатки и палку на столъ, подъ носъ учителямъ, за что они негодуютъ на него, считая это признакомъ оскорбленія. На безпорядки въ заведеніи не обращаетъ никакого вниманія; самъ возвращаетъ назадъ отнимаемыя у учениковъ *трубки* и *ружья* и даже проповѣдуетъ имъ иной разъ вольность. Онъ любитъ *выпить*. Шолмо, учитель, обыкновенно доставляетъ ему водку; пьетъ онъ по два графина, а если бываетъ у ксендза, то одинъ графинъ. Между учителями производитъ *котеріи* и скрываетъ не рѣдко важныя бумаги, прямо относящіяся къ его подчиненнымъ.

Ксендзъ-капелланъ лѣнивъ въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, *пьетъ водку* и вѣчно на чужой счетъ; между учителями тоже составляетъ котеріи и даже дерется; такъ съ палкой въ рукѣ онъ нападалъ на учителя *Хруцкаго*, на паперти костельной, и не избилъ его только потому, что былъ *пьянъ* и не могъ догнать; а съ учителемъ *Архимовичемъ* подрался. Куда ни идетъ ксендзъ-капелланъ, всегда беретъ съ собой прислужника, который долженъ нести капеллановскій *батожекъ*; имъ творитъ онъ судъ и расправу, гдѣ ни попало. Батожекъ этотъ не забывается капелланомъ даже и тогда, когда идетъ онъ въ костелъ совершать церковную службу. Случится ли ксендзу-капеллану озлиться на кого-нибудь, или негодовать, и въ это время говорить проповѣдь, то онъ поражаетъ своихъ враговъ съ костельнаго амвона, называя ихъ прямо по фамиліи.

Учитель *Юшкевичъ* подаетъ дурной примѣръ своимъ ученикамъ и одобряетъ ихъ дерзкіе поступки. Разъ даже въ засѣданіи совѣта онъ выразился, что вздорные ученики имъ и нужны. Возвращаясь съ охоты, носитъ своему смотрителю водку и просиживаетъ у него цѣлыя ночи, за что злится на него жена и однажды даже подралась съ нимъ. Самъ Юшкевичъ подрался однажды съ учителемъ Архимовичемъ.

Учитель *Архимовичъ* вообще оказываетъ большое свирѣпство и дерется, съ кѣмъ ни попало. Учениковъ своихъ бьетъ плетьми и батогомъ, а ученику Савицкому разбилъ даже голову въ 1821 году. Досталось отъ него на орѣхи и ксендзу-капеллану, и женѣ учителя Юшкевича, и самому Юшкевичу, и учителю Хруцкому. Онъ вѣчно *пьянъ*,—даже въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; начальства не уважаетъ и однажды смотрителя назвалъ *болваномъ*, даже въ педагогическомъ засѣданіи. Кромѣ этого переписывается съ „Филаретами". (Дѣйствительно, въ бумагахъ его найдено было письмо „Филарета" Ежовскаго отъ 20 Ноября 1821 года, въ которомъ этотъ послѣдній проситъ его быть корреспондентомъ.)

Учитель *Витковскій* грубо обращается какъ съ учениками, такъ и съ надзирателями; постоянно возстаетъ противъ своего начальства и безчеститъ его какъ предъ подчиненными, такъ и предъ обществомъ; составляетъ между служащими котеріи и вѣчно *пьетъ*.

Учитель *Хруцкій* принадлежитъ къ

Свислочскому *пауковому обществу;* онъ проповѣдуетъ, что его *загнали* въ Мозырь между прочимъ за то, что въ молитвѣ было *вычеркнуто имя Государя*; что такая-же участь постигла и всѣхъ учителей Свислочской гимназіи. Какъ сторонникъ смотрителя, онъ старается наносить вредъ его антагонистамъ.

Учитель *Шолмо* принадлежитъ къ обществу *Анти-филоматовъ* и *Анти-променистыхъ*, предсѣдателемъ котораго былъ *Абрамовичъ* и секретаремъ *Ждановскій;* переписывается съ Анти-променистомъ *Сеньковскимъ*, который спрашивалъ его между прочимъ—будетъ-ли онъ принадлежать къ масонамъ, или нѣтъ?

Учитель *Брейсръ*—настоящій масонъ и пропагандистъ. Вмѣсто уроковъ Французскаго языка, онъ даетъ ученикамъ уроки *масоніи*. Старался привлечь въ общество и ксендза-капеллана и учителя Витаковскаго и съ этою цѣлью не только вступалъ съ ними въ объясненія, но даже давалъ Витаковскому Dictionnaire Philosofique, въ которомъ изложены уставы этого общества. Желалъ открыть въ Мозырѣ масонскую ложу, для чего не доставало только одного члена.

Кромѣ всего этого, члены педагогическаго совѣта не посѣщали своихъ засѣданій и не исполняли совѣтскихъ постановленій.

Подъ вліяніемъ такихъ цивилизаторовъ, Мозырское повѣтовое училище приняло характеръ чего-то весьма страннаго и невѣроятнаго.

Ученики не ходили ни въ церковь, ни въ классы, а бродили все это время по улицамъ. Формы не соблюдали,—носили какія-то чуйки, а форменные воротники пришивали или къ жилетамъ, или къ рубахамъ. Ученикъ Коперницкій, когда ему приказано было надѣть мундиръ, украсилъ свою голову Еврейской шляпой и въ такомъ видѣ расхаживалъ и предъ учениками, и по городу. Во время классовъ вели себя и неприлично, и дерзко; при выходѣ учителей терлись о ихъ спины и ни во что не ставили ихъ приказаній. Однажды ночью напали на домашняго надзирателя и хотѣли избить его батогами; на учителей-же пишутъ пасквили. Все это проходило имъ даромъ, безъ всякихъ наказаній. Внѣ школы они не знали и не признавали надъ собой никакого начальства. Устраивали загородные пикники и гулянья, постоянно ходили на охоту, ухаживали за женщинами, танцовали и забавлялись спектаклями. Такъ въ именины смотрителя устроили однажды какой-то транспарантъ изъ *живыхъ, полуобнаженныхъ нимфъ* на открытомъ мѣстѣ, обезопасивши себя при этомъ вооруженной стражей, во главѣ которой стоялъ сынъ смотрителя, декламировавшій, во время дозора, стихи. Въ домѣ-же Коперницкой—постоянные вечера и танцы.

Коль скоро происходили такія вещи, небыло, конечно, ничего страннаго, что ученики нападали среди бѣла дня на сады и производили въ нихъ опустошенія. Разъ изловили ихъ православные монахи и сорвали съ головъ фуражки, но поплатились за это собственными боками; жалоба же ихъ осталась безъ всякихъ послѣдствій. Во время споровъ бросали другъ въ друга *ножами и другими убійственными орудіями.*

Чтобы повѣять на читателя дуновеніемъ *подлинной*, такъ сказать, современности, мы представимъ ему описаніе одного случая, какъ оно вылилось изъ подъ пера современника, принимавшаго въ немъ участіе.

„Приношу вторичную жалобу,“ писалъ учитель *Хруцкій* визитатору *Беркману* въ 1826 году на *капеллана* и

учителя *Архимовича.* „По отъѣздѣ г визитатора, они опять начали кутежи, чередуясь другъ съ другомъ. 17-го Іюня, т. е. въ день Божьяго Тѣла, они вмѣстѣ съ Витаковскимъ пировали до пѣтуховъ. Потомъ безъ капеллана пришли въ пьяномъ видѣ въ костелъ и, конечно, не могли не обратить на себя всеобщаго вниманія и публики и учениковъ... (Слѣдуетъ подробное описаніе ихъ нетрезвыхъ поступковъ въ костелѣ). Когда-же началась процессія, и публика замѣтила, что мало ксендзовъ, то я посовѣтовалъ смотрителю послать за капелланомъ. При этомъ находился и Витаковскій. Капелланъ явился.“

„По окончаніи службы я выходилъ изъ костела послѣднимъ и встрѣтился съ ксендзомъ-капелланомъ, который шелъ съ палкою въ рукѣ. Когда мы вышли на костельную паперть, то капелланъ взялъ меня за руку и сказалъ: „Г. Хруцкій! Я хочу вамъ кой-что сказать,“ и повелъ меня за костелъ. Здѣсь онъ спросилъ: „что̀ вы тутъ значите?“ Я отвѣчалъ ему: „тоже что̀ и вы, потому что и я такой-же учитель, какъ и ксендзъ-капелланъ“, Капелланъ опять спросилъ меня: „а какое вамъ дѣло до того, что меня не было въ костелѣ, и къ чему вы подговариваете смотрителя, чтобы онъ посылалъ за мной?“ „А такое, отвѣчалъ я, что согласно подпискѣ, взятой съ насъ университетомъ, мы отвѣтственны и другъ за друга, и за учениковъ“. Ксендзъ-капелланъ замахнулся на меня палкою и хотѣлъ ударить; но я отскочилъ отъ него, говоря: „Ксендзъ-капелланъ! Вы теперь пьяны, и съ вами я поговорю въ другое, болѣе удобное время“... Но не успѣлъ я досказать этихъ словъ, какъ увидѣлъ идущаго на меня съ другой стороны Архимовича и тоже грозящаго палкою. Сказавши и Архимовичу, что, явившись въ костелъ въ пьяномъ видѣ, онъ осрамилъ и школу, и свое званіе, я *быстро выскочилъ* на улицу и не зналъ, куда мнѣ бѣжать— къ смотрителю, или же въ полицію? За мною же гнались мои противники и, не могши настигнуть, издали осыпали меня угрозами и бранью, что они изобьютъ меня на этомъ-же мѣстѣ палками, что надѣнутъ на меня цѣпи и упекутъ въ тюрьму; что я ссыльный и т. д. Все это слышали въ квартирѣ Горациовыхъ.“

„Я пошелъ къ смотрителю искать у него защиты и безопасности. Найдя у него гостей, я выжидалъ удобнаго времени, чтобы объясниться, какъ вдругъ за мной явился сюда и Архимовичъ. Онъ поднялъ такой шумъ, что разбѣжались всѣ гости и продолжалъ осыпать меня ругательствами: *что я свинья на горѣ между другими свиньями, что я вышелъ изъ подъ кнута, что я „Филаретъ“, масонъ...* Словомъ, онъ говорилъ мнѣ все, что̀ только могутъ породить самые грубые обычаи и *пьянство.*“

«Вотъ вѣрное изображеніе того случая, при которомъ я остался оскорбленнымъ, униженнымъ и небезопаснымъ на счетъ своей личности отъ ксендза-капеллана и учителя Архимовича.“

„Поручая себя покровительству г. визитатора, честь имѣю быть и пр. Хруцкій.“

Такъ какъ на очныхъ ставкахъ всѣ остались при своихъ показаніяхъ, то коммисія, составленная при университетѣ, нашла, что *большинство* обвиненій—неосновательно, что споры между подсудимыми произошли вслѣдствіе личныхъ неудовольствій другъ противъ друга. Главнѣйшими виновниками ихъ были признаны: *смотритель, все покрывавшій и ксендзъ-капелланъ,* вмѣстѣ *съ Архимовичемъ все творившіе.* Опре-

дѣлено: *смотрителя, капеллана и Архимовича*—удалить; *Витаковскаго* перевести въ другое училище и взыскать съ него половину издержекъ, затраченныхъ на слѣдствіе; съ остальныхъ-же только взыскать другую половину издержекъ.

Таковы были проявленія въ Мозырѣ цивилизующей Польской дѣятельности, которая, впрочемъ, подъ дрессированными перьями ея *панегиристовъ* принимала розовый колоритъ чего-то обязательнаго для людей съ *Кіевскими* обычаями; въ дѣйствительности-же составляла не что иное, какъ вопіющія преступленія, по собственному сознанію самихъ дѣятелей.

Такія ненормальныя проявленія въ учебно-образовательной дѣятельности Виленскаго учебнаго округа не могли не побуждать Новосильцева къ изысканію другихъ мѣръ для искорененія зла,—и онъ шелъ дальше. По ходатайству его въ 1826 году послѣдовало распоряженіе о назначеніи ректоровъ Виленскаго университета отъ правительства; въ этомъ-же году, вслѣдствіе ревизіи Бѣлорусскихъ училищъ профессоромъ Сенковскимъ, вышло новое распоряженіе о назначеніи гражданскихъ лицъ на мѣста смотрителей въ школы, содержимыя Римско-католическимъ духовенствомъ; въ 1828 году уніятамъ воспрещено было посылать своихъ питомцевъ въ главную Литовскую семинарію; въ 1829 году изъяты были изъ вѣдѣнія Виленскаго университета всѣ фундушевыя имѣнія и переданы въ распоряженіе министерства финансовъ. Но ни эти мѣры, ни предъидущія не могли ни ослабить прежняго направленія въ школахъ, ни отклонить ихъ отъ участія въ событіяхъ 1831 года.

XI.

Мятежъ 1831 года ясно показалъ Русскому правительству, чего слѣдовало ожидать отъ дальнѣйшаго развитія дѣятельности Виленскаго учебнаго округа въ прежнемъ направленіи. Учебныя заведенія его, начиная съ университета и кончая уѣздными училищами, не только выражали свое сочувствіе мятежникамъ, но очень часто оказывали имъ и дѣятельное пособіе. И учителя и ученики въ одинаковой мѣрѣ переходили на сторону инсургентовъ и въ числѣ первыхъ произносили на площадяхъ публичную присягу революціонному знамени; въ нѣкоторыхъ училищахъ на алтарь Польской справы были отдаваемы даже казенныя суммы. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ этого времени нельзя не видѣть, что мятежническіе центры образовались и появлялись чаще всего тамъ, гдѣ были училища.

Такія печальныя событія, ставившія Русское правительство въ серьезныя затрудненія и требовавшія отъ Русскаго народа большихъ пожертвованій для умиротворенія края, не могли на этотъ разъ не вызвать болѣе рѣшительныхъ мѣръ, нежели какія предпринимались до того времени. Виленскій учебный округъ былъ сокращенъ и преобразованъ на новыхъ началахъ. Одна часть его отошла къ новому учебному округу—Кіевскому, другая къ округу Бѣлорусскому. Виленскій университетъ былъ переведенъ въ Кіевъ; въ Вильнѣ оставлена была только медицинская академія съ ветеринарнымъ отдѣленіемъ. Русскій языкъ получилъ право гражданства, и преподаватели его стали именоваться учителями старшими. Вмѣстѣ съ Русскимъ языкомъ въ курсъ преподаванія включены были еще Русская исторія и статистика; предметы эти должны были преподаваться на языкѣ Русскомъ. Нѣкоторыя изъ правительственныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ подавленіи мятежа, какъ напримѣръ графъ Строгановъ, предлагали еще болѣе рѣшитель-

ныя мѣры—именно: назначеніе на преподавательскія мѣста лицъ Русскаго происхожденія; но этой мѣрѣ суждено было осуществиться лишь по истеченіи 30 лѣтъ. Надъ виновными назначена была слѣдственная комисія; одни изъ нихъ подвергнуты были наказанію, другіе прощены, но главнѣйшіе коноводы успѣли эмигрировать за границу. Въ числѣ послѣднихъ находились: князь Чарторыйскій, приговоренный къ отсѣченію головы, и профессоръ Лелевель, приговоренный къ повѣшенію; оба они сдѣлались потомъ главами двухъ заговорныхъ лагерей Польской эмиграціи. Первый открылъ „*Ламберовъ отель*“, второй сдѣлался главою „*красныхъ*“. Мы упоминаемъ здѣсь о Польской эмиграціи потому, что дѣятельность ея имѣла очень большое вліяніе на ходъ позднѣйшихъ событій въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, а въ частности имѣла вліяніе и на учебныя заведенія.

XII.

Такія рѣшительныя мѣры не могли не произвести подавляющаго вліянія на Польскую разнузданность и своеволіе; появленіе на службу въ учебныя заведенія лицъ Русскихъ по происхожденію еще болѣе придавало имъ силы и значенія. Преподаватели-Поляки присмирѣли и поставлены были въ необходимость точно и неуклонно исполнять предписанія закона.

Казалось-бы, что съ этого времени Русское дѣло окрѣпнетъ и пойдетъ впередъ твердыми и прочными шагами; но подъ вліяніемъ разныхъ правительственныхъ послабленій и уступокъ противной сторонѣ, происходившихъ вслѣдствіе отсутствія правильнаго, опредѣленнаго взгляда на положеніе дѣлъ въ краѣ и всегда порождавшихъ вѣчныя колебанія и нерѣшительность въ распоряженіяхъ самого правительства, это дѣло скоро очутилось почти въ прежнемъ состояніи. Ударъ, нанесенный полонизму закрытіемъ Виленскаго университета, былъ очень силенъ: онъ разорялъ его гнѣздо и разбрасывалъ въ разныя стороны его сплоченныхъ адептовъ; но онъ не создалъ на его мѣстѣ такого-же Русскаго гнѣзда, которое одно въ состояніи было и парализировать Польскія начала, и водворять начала Русскія. Разрозненные элементы полонизма, по мѣрѣ того какъ сплачивали ихъ въ одно цѣлое, оказывались на столько сильными, что успѣвали придавать заведеніямъ характеръ чисто-Польскій, со всѣми его зловредными проявленіями. Разныя правительственныя послабленія и уступки, какъ мы замѣтили выше, еще болѣе содѣйствовали этому злу, поселяя надежды на возвращеніе къ прежнему въ Полякахъ, и нерѣшительность и боязнь въ Русскихъ. Они производили тѣмъ большее вліяніе, что совершались постепенно и незамѣтно. Такой поворотъ къ прежнему начался вскорѣ послѣ 1831 года. Преподаватели-Поляки, оказавшіеся виновными въ соучастіи съ мятежниками, сначала были отрѣшены отъ своихъ должностей; болѣе виновнымъ воспрещено было заниматься обученіемъ юношества; но, благодаря ходатайствамъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, къ которымъ обращались они съ мольбами объ облегченіи ихъ участи; и тѣмъ и другимъ были розданы мѣста по учебному вѣдомству, или въ другихъ заведеніяхъ западнаго края, или-же во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

По мѣрѣ того какъ образовывались въ школахъ Польскіе учительскіе составы, въ нихъ пробуждалось и прежнее направленіе съ той только разницею, что подъ вліяніемъ болѣе строгаго правительственнаго контроля, подъ влія-

ніемъ также присутствія въ заведеніяхъ лицъ Русскихъ, въ это время труднѣе было скрывать разныя анти-Русскія проявленія въ учащейся молодежи, нежели какъ это дѣлалось прежде. И начальники заведеній, и преподаватели-Поляки сдѣлались осторожнѣе и взыскательнѣе къ своимъ питомцамъ. Запальчивое Польское юношество, съ одной стороны не понимавшее или не хотѣвшее понять истинныхъ причинъ такихъ отношеній къ нему своихъ-же соотчичей, а съ другой, быть можетъ, ясно видѣвшее въ нихъ недостойныхъ лицемѣровъ, вдавалось не рѣдко въ крайность и считало своимъ долгомъ въ такой-же мѣрѣ ненавидѣть и своихъ, въ какой оно ненавидѣло Русскихъ. Вотъ образчикъ такихъ недоразумѣній, вылившихся изъ подъ пера ученика V класса Свислочской гимназіи въ 1839 году:

„Все пропало! Теперь время танцовать. Танцуйте-же, мои милыя Польки. Ахъ, какъ несносно мнѣ, когда я иду цѣловать васъ, мои милые наставники, запятнанные нашею кровью! Берегитесь! Ваши руки опираются о мужественный хребетъ воина! Съ вашихъ мундировъ и заржавѣлыхъ клинковъ еще не стерлась кровь вашихъ братьевъ, и свѣжія могилы ихъ желтѣютъ еще свѣжимъ пескомъ; мечи враговъ чернѣютъ еще отъ крови, которую Сарматка прикрывала своей одеждой, а крѣпостные валы уже разбиты ихъ ядрами! Не разъ стоялъ тамъ благородный начальникъ и мужественною рѣчью воспламенялъ своихъ воиновъ“... Автору этого стихотворенія, въ силу постановленія педагогическаго совѣта гимназіи, дали 30 розогъ и исключили его изъ гимназіи.

Ненависть усиливалась подъ вліяніемъ Польской общественной среды, сдѣлавшейся жертвой революціонныхъ происковъ эмиграціи. Съ 1835 года въ западный край были высланы Польскіе эмиссары подъ предводительствомъ Конарскаго. Возбуждая противъ Россіи всѣхъ, эти люди не оставляли въ покоѣ и учебныхъ заведеній западнаго и югозападнаго края. Кіевскій университетъ и Виленская медицинская академія были взяты подъ непосредственную опеку Конарскаго. Въ 1838 году заговорщики были открыты. Опять назначена слѣдственная комисія въ Вильнѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Кавелина. Въ 1839 году Конарскій казненъ. Въ этомъ-же году послѣдовали аресты въ Виленской медицинской академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Бѣлорусскаго округа. Дѣло это началось съ поимки на границѣ двухъ студентовъ академіи—Возняковскаго и Рокицкаго и одного ученика гимназіи, у которыхъ были найдены заряженные пистолеты, ножи и возмутительныя брошюры; они хотѣли было бѣжать за границу. При слѣдствіи оказался виновнымъ и президентъ академіи Кучковскій, въ томъ, что зналъ о вредномъ направленіи учащихся и скрывалъ; студентовъ очень виновныхъ нашлось 16, менѣе виновныхъ—нѣсколько десятковъ.

Въ 1842 г. Виленская академія была закрыта; въ періодъ-же времени съ 1839 года по 1842-й студентамъ предоставлено было поступать въ разные Русскіе университеты; большая часть ихъ была отправлена на казенный счетъ и во время ученія получала стипендіи отъ Бѣлорусскаго учебнаго округа. Съ закрытіемъ академіи исчезла въ Вильнѣ послѣдняя тѣнь бывшаго здѣсь университета, который, просуществовавши въ Русскомъ краѣ безъ малаго 30 лѣтъ, успѣлъ оказать Польскому дѣлу такія услуги, какихъ только могло ожидать самое пламенное воображеніе Польскихъ патріотовъ.

Подъ вліяніемъ постоянной и продол-

жительной борьбы съ политическими броженіями въ учебныхъ заведеніяхъ, лица, стоявшія тогда во главѣ учебнаго округа, выработали себѣ самый странный взглядъ на отношенія свои къ безпорядкамъ учащихся. Мы разумѣемъ здѣсь систему игнорированія разныхъ анти-русскихъ проявленій въ средѣ учащейся молодежи. Такая система продолжалась болѣе 10 лѣтъ. Учебный округъ усвоилъ ее съ 1830 годовъ, придерживался ея до 50 годовъ и, не смотря на всю ея безплодность, считалъ очень удачною даже въ то время, когда дѣйствительность указывала на противоположные результаты. Вотъ подлинныя слова объяснительной записки управлявшаго учебнымъ округомъ, по поводу новыхъ безпорядковъ 1847 года:

„Въ секретномъ донесеніи отъ 17-го Іюня 1839 года за № 37, попечитель Бѣлорусскаго учебнаго округа имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что и въ казенныхъ заведеніяхъ встрѣчаются иногда подобные случаи (т. е. политическіе безпорядки), но что училищное начальство старалось оканчивать ихъ безъ формальныхъ преслѣдованій и безъ огласки, находя неудобнымъ подвергать учениковъ, у коихъ открываемы были запрещенныя патріотическія сочиненія, формальному суду и выставлять ихъ чрезъ то политическими преступниками, такъ какъ подобная мѣра, кромѣ ропота родителей, имѣетъ еще и то неудобство, что, придавая провинившимся особенную важность въ глазахъ ихъ соучастниковъ, возбуждаетъ въ нихъ мысль, что они могутъ быть принимаемы за людей самостоятельныхъ и совершеннолѣтнихъ; а это порождаетъ въ молодыхъ умахъ кичливость и ведетъ иногда къ проступкамъ, которые мы хотимъ предупредить строгостію наказанія.“

Далѣе въ запискѣ восхваляется плодотворная дѣятельность этой мѣры въ томъ смыслѣ, что послѣ 1839 года „*количество безпорядковъ, вынуждаемыхъ случаемъ, было очень не значительно*“. Весьма понятно, что такихъ безпорядковъ не существовало-бы и вовсе, если-бы прямо было приказано училищному начальству не доводить о нихъ до свѣдѣнія окружнаго начальства. Къ несчастію, дѣйствительность говорила совершенно другое.

XIII.

Затишье, водворившееся въ учебныхъ заведеніяхъ послѣ вторичнаго погрома, было очень не продолжительно. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ снова пришлось составлять комисію и разбирать между учащими и учащимися прежніе безпорядки. Событія 1846—1847-хъ годовъ нашли себѣ отраженіе въ училищахъ Бѣлорусскаго учебнаго округа, съ той только разницей противъ прежняго, что на этотъ разъ въ числѣ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, оказалось очень много женщинъ, воспитанницъ и гувернантокъ.

Волненія 1846—1847 годовъ совершенно похожи на предъидущія: тѣ-же заговорныя общества между учениками, тѣ-же подметныя письма учителямъ и директорамъ, наполненныя угрозами и ругательствами, тѣже самовольные побѣги изъ заведенія, Польскія патріотическія сочиненія и манифестаціи. Между лицами, производившими волненія въ заведеніяхъ, кромѣ своихъ служащихъ, были также и посторонніе – разные Польскіе жолнеры и мѣстные обыватели. Одинъ изъ такихъ обывателей Сѣраковскій сказалъ между прочимъ ученикамъ, заговорившимъ съ нимъ въ заведеніи по-русски, слѣдующій замѣчательный урокъ: „*увы, вы обрусѣли*“. Виновныхъ учениковъ оказалось по слѣдствію до 56. По постановленіямъ слѣдственной ко-

міссіи, имъ пришлось получить болѣе 5000 ударовъ палками; Бѣлорусскій-же округъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія въ 1850 году слѣдующее предписаніе:

„При разсмотрѣніи извѣстнаго дѣла о трехъ злоумышленникахъ, открыто, что преступные замыслы по ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства возникли большею частію между людьми молодыми, не давно окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.“

„Обстоятельство это ведетъ къ заключенію, что настоящія наблюденія относительно духа и направленія преподаванія въ общемъ недовольно еще бдительны, и что нѣкоторые изъ преподавателей сами содѣйствуютъ къ превратному направленію понятій между учащимися, какъ это доказывается и найденными у преступниковъ лекціями и програмами преподавателей, въ которыхъ допущены вредныя для существующаго порядка сужденія.“

„Посему Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: усилить строгость наблюденія со стороны непосредственныхъ начальниковъ учебныхъ заведеній за общественнымъ обученіемъ, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія“.

Въ это же время состоялось преобразованіе учебныхъ округовъ; опять образованъ былъ Виленскій учебный округъ изъ губерній, входившихъ въ составъ Виленскаго генералъ-губернаторства. Губерніи эти были: Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская; губерніи-же Витебская и Могилевская присоединены къ округу Петербургскому. Попечителемъ назначенъ былъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ 2-й.

XIV.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію дальнѣйшихъ событій, считаемъ здѣсь необходимымъ сказать нѣсколько словъ о ходѣ женскаго образованія въ западномъ краѣ.

Во время открытія Виленскаго учебнаго округа, западно-Русскія женщины получали свое образованіе или у гувернантокъ, или-же въ школахъ, находившихся при женскихъ Римско-католическихъ монастыряхъ. Образованіе перваго рода было доступно только для классовъ зажиточныхъ и совершалось во вкусѣ иностранномъ; образованіе втораго рода отличалось характеромъ Польско-католической исключительности. То и другое было крайне недоступно для дѣвицъ Русскихъ по происхожденію. Вступивши въ управленіе учебнымъ округомъ, князь Чарторыйскій хотѣлъ было забрать въ свои руки и образованіе женщинъ; съ этою цѣлью составленъ былъ проэктъ Гуго Колонтаемъ для открытія въ Кременцѣ женской учительской семинаріи съ пансіономъ; по этому воспротивилось Римско-католическое духовенство, и женскія школы, по распоряженію высшаго правительства, остались въ вѣдѣніи монастырей. Не желая однако-же оставлять въ сторонѣ этого важнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что образованіе, получаемое отъ гувернантокъ, не соотвѣтствовало цѣлямъ ополяченія, учебный округъ прибѣгъ къ системѣ частныхъ женскихъ пансіоновъ, и они были открыты въ большихъ городахъ. Преподаваніе въ нихъ шло въ духѣ патріотическо-Польскомъ. Въ слѣдственныхъ дѣлахъ Новосильцева относительно этого вопроса есть одно очень замѣчательное заявленіе одного содержателя Виленскаго пансіона—благонамѣреннаго Нѣмца; въ немъ говорится, что вожакъ „Филаретовъ“ Томашъ Занъ, въ ка-

чествѣ преподавателя исторіи, излагалъ на урокахъ дѣвицамъ не исторію, а Польскій націонализмъ, вопреки желанію и протестамъ содержателя. Впослѣдствіи времени были открыты два института: Бѣлостокскій и Пипенбергскій. Въ такомъ видѣ оставалось это дѣло до 1840-хъ годовъ. Съ этого времени правительство стало обращать на этотъ важный предметъ болѣе серьезное вниманіе, и результатомъ оного было открытіе нѣсколькихъ школъ для дѣвицъ бѣднаго состоянія. Съ 1846-го года стали открываться въ большихъ городахъ такъ называемые образцовые пансіоны; они отличались отъ частныхъ пансіоновъ тѣмъ, что въ курсы ихъ преподаванія включены были Русскій языкъ и Русская исторія, и заведенія эти находились подъ вѣдѣніемъ учебнаго вѣдомства. За это содержателямъ такихъ пансіоновъ выдавалась отъ правительства субсидія въ 1500 р. Цѣль этихъ субсидій была двоякая: съ одной стороны — поставить образцовые пансіоны въ лучшее положеніе сравнительно съ пансіонами частными, а съ другой предохранить содержателей такихъ пансіоновъ отъ убытковъ, въ случаѣ нежеланія родителей-Поляковъ отдавать къ нимъ на воспитаніе своихъ дѣтей. Мѣра эта, впрочемъ, не имѣла ожидаемыхъ отъ нея благихъ послѣдствій по той простой причинѣ, что въ какой степени введеніе въ курсъ преподаванія Русскаго языка и Русской исторіи отталкивало отъ образцовыхъ пансіоновъ воспитанницъ-Полекъ, въ такой-же точно степени содержатели этихъ пансіоновъ, чтобы не испытывать матеріальныхъ потерь вслѣдствіе удаленія отъ нихъ этихъ воспитанницъ по нерасположенности къ Русскимъ предметамъ, должны были вести у себя учебное дѣло въ такомъ направленіи, какое было желательно для цѣлей Польскихъ. Въ дѣйствительности такъ оно и было. Факты, обнаруженные слѣдственною комисіей въ 1847 году, ясно показали, что, получая отъ правительства субсидіи, содержатели пансіоновъ — даже *благонамѣренные Нѣмцы*, служили въ тоже время и Польскому дѣлу. Таковъ, между прочимъ, былъ образцовый пансіонъ Германа въ Вильнѣ, изъ котораго до 16 дѣвицъ оказались виновными во враждебныхъ Россіи замыслахъ и дѣйствіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвицъ еще учились въ пансіонѣ, другія-же успѣли изъ него выйти и пропагандировали Польскія начала въ качествѣ гувернантокъ.

Дабы ознакомить читателя съ характеромъ направленія этихъ дѣвицъ, мы приведемъ здѣсь въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ дневника одной изъ нихъ А. Б., который хранится при слѣдственныхъ дѣлахъ того времени.

„13 Марта 1846 года“.

„Боже! Что̀ происходитъ въ этой бѣдной Вильнѣ! Весь городъ, всѣ жители только и говорятъ что объ этомъ возстаніи... Одни приносятъ вѣсти пріятныя, другіе разглашаютъ совершенно противное; одни еще надѣются, другіе молчатъ, но уже оробѣли. Сама не знаю, чему вѣрить; въ одинъ часъ я получила столько пріятныхъ, столько горестныхъ извѣстій! Говорятъ, что Доминиканскій монастырь отведенъ для помѣщенія политическихъ арестантовъ, что всѣ кельи заняты нашими инсургентами (powstańcami), что даже умѣли поймать одного ассесора. Боже! Если это правда, если это не одни лишь пустые слухи для устрашенія народа и городскихъ жителей, то устрой, чтобы они нашли какое-либо средство бѣжать изъ Россіи; не допусти умереть имъ: они еще много могутъ сдѣлать для отечества. Вѣдь это цвѣтъ Польскаго юношества, вѣдь въ нихъ вся наша надежда. Не дай имъ погибнуть прежде, пока не принесутъ

собою пользы и не оставятъ послѣ себя славы великихъ подвиговъ, твердости и мужества,—прежде, пока не исполнятъ своего предназначенія. Боже! Ты великъ, милосердъ и справедливъ! Ты не допустишь пасть имъ отъ руки подлаго палача, и по повелѣнію *(нецензурныя слова)*, имъ, которые должны были быть защитниками отечества, свободы и собратій, до тѣхъ поръ пока они хотя отчасти не выполнятъ своего благороднаго предназначенія".....

„Говорятъ также, что изъ этого возстанія ничего не будетъ, что инсургенты, разсѣянные по всѣмъ частямъ Польши, не могутъ соединиться въ одно войско, такъ какъ Русскіе по всѣмъ дорогамъ, чрезъ которыя слѣдовало проходить Полякамъ, поставили свои войска, чтобы отрѣзать имъ пути сообщенія; что очень много поймали Поляковъ, ихъ сажаютъ въ заключеніе, мучатъ; вѣроятно конецъ ихъ будетъ смерть, или хуже смерти—Сибирь! О Боже мой, Ты не допустишь до этого. Слышно, что Русскіе (Moskali) подкупаютъ крестьянъ, чтобы они доносили на своихъ помѣщиковъ. Увы! Какая подлость въ этихъ людяхъ! Кажется, въ этомъ народѣ нѣтъ ни одного благороднаго чувства. Стараюсь убѣдить себя, что все это не правда, что это одна лишь пустая молва, выдуманная для страха Литовцевъ; но какъ станутъ всѣ говорить одно и тоже, то я опять теряю надежду. Однако-же въ настоящую минуту надѣюсь, что Богъ услышитъ насъ. Дай, Господи Боже"!..

„Четвергъ, 14 Марта".

„Ужасное извѣстіе! Потоцкаго повѣсили, бывшаго предводителя инсургентовъ повѣсили. Боже! Неужели это правда! Неужели Ты дозволишь Русскимъ такъ звѣрствовать! Тотъ, который посвятилъ себя благородной цѣли защищать братьевъ и отечество отъ тиранства и жестокости варваровъ, неужели могъ онъ умереть столь позорною смертью! О, это ужасно! Боже, Боже! взгляни на насъ! И Ты это, Боже, допустилъ, что они такъ безнаказанно тиранствуютъ надъ дѣтьми Твоими. О Боже, пресвятою благодатію Твоею, возврати вольность, свободу, и ежели караешь насъ въ сей жизни, то вознагради въ жизни вѣчной. Тщетно старалась-бы я выразить, чтò дѣлалось со мною, когда мнѣ сказали объ этомъ; сперва полились у меня невольно слезы, — слезы отчаянія, слезы ненависти (oburżenia), слезы отъ невозможности отомстить за кровь, пролитую нашими братьями; потомъ овладѣла мною какая-то жажда мщенія: я возненавидѣла всѣхъ Русскихъ безъ исключенія, и мнѣ казалось, что если-бы кто либо изъ нихъ попался мнѣ на глаза, то я убила-бы его,—до того велика была у меня жажда мщенія. Въ эту минуту я была похожа на голодную волчицу, у которой все отняли, которую вытѣснили изъ собственнаго логовища, которая ищетъ добычи и мщенія; такова была я въ эту минуту. Но по прошествіи перваго порыва негодованія, когда я пришла въ себя, мнѣ казалось, что это выдумка Русскихъ для страха Литовцамъ, въ чемъ я и нынѣ, кажется, убѣждена. Дай Богъ, дабы это было правда".

„Воскресенье. 20 Января 1847-го года".

„Цѣлый день я читала книгу подъ заглавіемъ „*Przedswiat*". О, мой Боже, сколько тамъ мыслей въ этой поэзіи, вòзвышенныхъ, прекрасныхъ; душа невольно радуется какъ-бы бòльшею увѣренностію въ возрожденіи Польши,—такая тамъ сила выраженій, чувствъ, такая тамъ вѣра въ Бога, такая тамъ гармонія риѳмъ, что все въ ней кажется небесной музыкой, ниспосланной для укрѣпленія въ сердцахъ угнетенныхъ

надежды и упованія на Бога, для укрѣпленія въ насъ мужества и постоянства въ вѣрѣ и добродѣтели до тѣхъ поръ, пока возсіяетъ солнце на нашемъ Польскомъ горизонтѣ и не разсѣетъ страшныхъ тучъ, скопившихся надъ нашими головами. Я была восхищена и мыслью перенеслась въ свѣтлую будущность".

Въ другихъ мѣстахъ дневника составительница его разсказываетъ, какъ дѣвицы-пансіонерки ночью ходятъ въ маскарадъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ классными дамами, какъ потихоньку курятъ сигары и получаютъ секретныя письма. Легко себѣ представить, что̀ могли испытывать при такомъ направленіи дѣвицъ-Полекъ дѣвицы Русскія и какимъ онѣ подвергались нравственнымъ метаморфозамъ и оскорбленіямъ. Для примѣра мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ письма одной дѣвицы Русской къ отцу своему, бывшему тогда въ походѣ противъ Венгровъ, изъ котораго читатель увидитъ всю безотрадность такого факта.

„Любезнѣйшій родитель" (писала дѣвица Аршаницына къ отцу своему въ 1849 году) „2-го Августа я заболѣла. Коль скоро сіе прошло, я опять больна. Я безпрестанно пухну, а наипаче сегодня я такъ опухши, что не могу надѣть платья. Не знаю, что̀ будетъ.... Германъ сердитъ, что ему не прислали всѣхъ денегъ; онъ говоритъ, что вы ничего не писали ему о моемъ отъѣздѣ и онъ ни за что не выпуститъ меня до тѣхъ поръ, пока вы не напишете ему еще разъ. Ради Бога, напишите ему письмо поскорѣе. *Ахъ, они меня ужасно обижаютъ.* Германъ разбилъ мой сундукъ, перерылъ все и забралъ всѣ мои книги, вмѣсто денегъ. Въ другой разъ они подговорили одну дѣвицу и въ то время, когда я починяла свое платье, она подошла къ окошку, на которомъ лежалъ мой корсажъ, взяла и выбросила его за окно, и я теперь не имѣю чего носить. Изъ гувернантокъ ни одна не хочетъ здѣсь оставаться: пожили двѣ недѣли и отдалились. *Папенька родненькій! Освободите меня отъ этихъ варваровъ. Богу только извѣстно мое страданіе. Ежели мнѣ придется дольше оставаться здѣсь, ей-ей я готова смерть себѣ сдѣлать*".

На этомъ письмѣ рукою отца написано: „*читалъ съ прискорбіемъ священникъ Аршаницынъ*". Тѣмъ прискорбнѣе этотъ фактъ, что онъ могъ совершиться въ такомъ заведеніи, которое существовало уже въ Вильнѣ 25 лѣтъ, содержалось благонамѣреннымъ Нѣмцемъ, пользовалось отъ правительства денежной субсидіей и считалось начальствомъ учебнаго округа лучшимъ заведеніемъ въ Вильнѣ.

Впрочемъ, какъ ни велико было такое зло, все таки, при болѣе строгомъ отношеніи къ нему учебнаго начальства, оно было далеко не непоправимо; но въ это время начинало и существуетъ до настоящей поры другое зло—это система домашняго воспитанія посредствомъ гувернеровъ и гувернантокъ, которое совершенно уже ускользаетъ отъ контроля учебнаго округа, въ сильной степени парализируетъ его дѣятельность и безъ законодательныхъ мѣръ непоправимо. Намъ неизвѣстна величина этой отрицательной силы въ настоящее время, а въ 1850-хъ годахъ она равнялась 400 гувернерамъ и 600 гувернанткамъ, по преимуществу Польскаго происхожденія. Такъ какъ изложеніе дальнѣйшаго хода событій по части женскаго образованія состоитъ внѣ нашей задачи, то мы опять возвратимся къ продолженію прерванныхъ нами событій. Здѣсь-же замѣтимъ только, что по времени первый починъ въ устройствѣ правильныхъ казенныхъ женскихъ школъ, которыя однѣ могутъ успѣшно конкурировать со школами частными, при-

надлежитъ Государынѣ Императрицѣ. Открытіемъ женскихъ гимназій въ западно-русскихъ городахъ Она оказала неоцѣнимую услугу женскому образованію, какъ образованію, основанному на началахъ Русскихъ и нравственныхъ съ воспитательной точки зрѣнія. Второй починъ принадлежитъ лицу, управлявшему недавно учебнымъ округомъ.

XV.

Время управленія учебнымъ округомъ генералъ-губернатора Бибикова 2-го пронеслось надъ учебными заведеніями, какъ грозная туча, оставивши по себѣ самыя разнообразныя воспоминанія о военной выправкѣ въ школахъ, о паникѣ, подшибавшей ноги у воспитателей и воспитанниковъ, о строгомъ исполненіи предписаній закона и мужественномъ стояніи противъ Польскихъ началъ. Желая ослабить въ краѣ вліяніе полонизма, онъ стремился къ ограниченію числа воспитанниковъ въ заведеніяхъ и къ сокращенію дворянскихъ училищъ. Онъ ходатайствовалъ въ 1851 году о допущеніи въ гимназіи только дворянъ и купеческихъ дѣтей 1-й и 2-й гильдій, заграждая въ тоже время дорогу другимъ сословіямъ, и о преобразованіи такъ называемыхъ дворянскихъ училищъ въ уѣздныя, по преимуществу для городскихъ классовъ; но министерство народнаго просвѣщенія, опасаясь увеличенія въ краѣ безконтрольнаго домашняго образованія, воспротивилось этому желанію и весьма основательно: лучше грѣхъ явный, нежели тайный. Также точно не удалось его ходатайство объ облегченіи воспитанникамъ западно-русскихъ гимназій средствъ къ поступленію въ военную службу; съ этимъ не согласился покойный Государь Императоръ въ видахъ строгаго исполненія общихъ по этому дѣлу узаконеній.

XVI.

Вообще, выражаясь языкомъ того времени, *бунтовъ* въ заведеніяхъ не было, а потому и все обстояло благополучно. Впрочемъ этому благополучію суждено было продолжаться недолго. Севастопольская война опять подняла на ноги Польскую эмиграцію; подъ вліяніемъ ея поднялись на ноги и западно-русскіе Поляки. Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прежнихъ, это броженіе не могло не отразиться и на школахъ. Великодушіе нынѣ царствующаго Государя къ политическимъ преступникамъ было всеобщимъ сигналомъ къ заговору, а благодѣтельное для всего человѣчества освобожденіе крестьянъ къ возстанію. Учебный округъ очутился на тлѣющемъ пепелищѣ. Мы не будемъ здѣсь касаться этихъ событій, и недавнихъ, и хорошо всѣмъ извѣстныхъ; мы здѣсь укажемъ только на тѣ осторожные шаги полонизма, которыми онъ выступалъ къ своей цѣли съ 1856 года.

Ничего не могло быть для Вильны полезнѣе (стала твердить въ это время молва), какъ открытіе въ ней Музея и Археологической Комисіи: вѣдь это могущественные органы науки и ничего больше! И они были открыты; но этотъ Музей и Археологическая Комисія сдѣлались орудіями Польской пропаганды, не смотря на рескриптъ покойнаго Государя Наслѣдника, въ которомъ было выражено высочайшее желаніе, чтобы *эти учрежденія служили къ вящшему объединенію западной Россіи съ Россіей остальной.*

Подъ вліяніемъ Польской пропаганды, стѣны Виленскаго Музея украсились Польскими портретами, витрины наполнились Польскими предметами; все-же Русское, въ особенности древнее, было спрятано отъ глазъ посѣтителей. Въ это-же время словоохотливые консерваторы его отдѣловъ не пропускали слу-

чаевъ, чтобы развивать въ посѣтителяхъ уваженіе и любовь къ Польшѣ, и чувства противоположныя къ Россіи. Одинъ напр. изъ консерваторовъ давалъ конфекты дѣтямъ, если они въ состояніи были опредѣлять портреты Польскихъ королей и объяснять ихъ историческую дѣятельность съ вредной для Россіи стороны; другой объяснялъ имъ достоинство мѣстныхъ звѣрей тѣмъ, что такихъ звѣрей нѣтъ въ проклятой Московіи. Вотъ подлинныя слова комисіи, занимавшейся разборомъ Виленскаго Музея послѣ 10 лѣтняго его существованія, въ которыхъ ясно изображенъ характеръ и направленіе дѣятельности этихъ учрежденій. „Непосредственные дѣятели по устройству Виленскаго Музея", говорится въ ея отчетѣ, „вѣрные ложнымъ началамъ, воспитаннымъ въ обществѣ системою князя Адама Чарторыйскаго, при дружномъ участіи мѣстнаго дворянства и Римскаго духовенства, нѣкоторые съ умысломъ, а другіе безсознательно, работали надъ поддержаніемъ въ многочисленныхъ посѣтителяхъ Музея преданій о Польскомъ дворянствѣ въ краѣ, о призракахъ Литовской самостоятельности во время соединенія великаго княжества Литовскаго съ Польшею и т. д.; колекціи Музея, за исключеніемъ спеціальныхъ, не трудами Археологической Комисіи собранныхъ, выражали намѣреніе составителей образовать пантеонъ Латино-польской старины въ краѣ". Таковы были Музей и Археологическая Комисія.

Въ тоже самое время, таже самая молва стала говорить, что ничего нѣтъ полезнѣе для края, какъ введеніе въ курсъ гимназическаго преподаванія Польскаго языка и преобразованія Виленскаго Вѣстника на новыхъ началахъ: вѣдь Польскій языкъ — есть языкъ западнорусскаго дворянства и вѣтвь языка Славянскаго, а Виленскій Вѣстникъ есть единственный литературный органъ края и изданіе подцензурное. Правительство разрѣшило то и другое. Но подъ вліяніемъ Польской пропаганды, и Польскій языкъ, и Виленскій Вѣстникъ сдѣлались сильными двигателями полонизма. Преподаватели Польскаго языка стали излагать своимъ питомцамъ образцы Польской литературы, а вмѣстѣ съ ними стали рисоваться въ ихъ возбужденномъ воображеніи и старо-польскіе, и ново-польскіе идеалы; подъ неотразимымъ ихъ давленіемъ Русскій языкъ отошелъ на послѣдній планъ и занялъ мѣсто едва терпимаго предмета. Обновленный же Виленскій Вѣстникъ сдѣлался посредническимъ органомъ Польской заговорной дѣятельности, — представителемъ политической партіи такъ называемыхъ „*бѣлыхъ*." Въ одной изъ своихъ передовыхъ статей за 1861 годъ онъ ясно высказалъ и свои жалобы на намѣренія „*красныхъ*" возстановлять Польшу огнемъ и мечемъ, и свое предпочтеніе орудіямъ мирнаго ея возстановленія: *исторіи*, *географіи и лопатъ* (землевладѣнію), которыя были завѣщаны Полякамъ отъ временъ Чарторыйскаго обществомъ „*Шубравцевъ*". Политическое броженіе, воцарившееся въ обществѣ, какъ мы уже замѣтили выше, скоро успѣло проникнуть и въ учебныя заведенія. Тѣмъ труднѣе было учебному округу бороться съ этимъ зломъ, что на сторонѣ его очутилось сочувствіе значительной части Русскаго общественнаго мнѣнія и нѣкоторыхъ правительственныхъ сферъ, увлеченныхъ и обойденныхъ Польскими революціонными происками. Въ концѣ концовъ, самъ учебный округъ сбился съ прямой дороги и пошелъ не напротивъ зла, а на встрѣчу ему. Въ это замѣчательное время педагогическіе совѣты гимназій западнаго края признали необходимымъ ввести въ систему преподаванія Польскій

языкъ, другими словами: сдѣлали самую демонстративную попытку возвратить учебныя заведенія къ прежнему Польскому золотому времени. Въ числѣ лицъ, считавшихъ эту мѣру разумной и необходимой, было очень много служащихъ по учебному вѣдомству Русскихъ, которые, подъ вліяніемъ времени и Польской среды, частію шли наперекоръ своимъ убѣжденіямъ изъ страха и боязни, а частію успѣли потерять свой Русскій смыслъ и Русское сердце. Въ свою очередь эта мѣра была одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія и введена въ дѣйствіе при попечителѣ учебнаго округа баронѣ Врангелѣ.

Князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ, занявшій мѣсто Врангеля, видя полную невозможность открыто сопротивляться господствовавшему въ то время полонофильскому направленію и въ краѣ, и въ учебныхъ заведеніяхъ, впервыя поднялъ вопросъ о народномъ образованіи, какъ о лучшемъ средствѣ для противодѣйствія началамъ Польскимъ. Это образованіе долженствовало пробудить въ массахъ крестьянскаго населенія сознаніе о ихъ Русскомъ происхожденіи, о ихъ правахъ и обязанностяхъ по отношенію къ правительству и такимъ образомъ невольно вызвать его на борьбу съ пришлыми началами Польскими. Такая постановка вопроса имѣла очень важное значеніе: она указывала правительству на лучшій способъ умиротворенія того края, въ которомъ дворянское сословіе—Поляки, а городское сословіе—Жиды, чуждые массѣ Русскаго крестьянскаго населенія и по историческимъ преданіямъ, и по интересамъ. Во время разработки этого вопроса насталъ мятежъ 1863 г.; управленіе учебнымъ округомъ передано И. П. Корнилову.

Такъ какъ событія этого времени слишкомъ къ намъ близки и извѣстны всѣмъ и каждому, то мы и должны окончить нашу краткую лѣтопись, не вдаваясь ни въ какія подробности относительно событій позднѣйшихъ, чтобы воспоминаніемъ о нихъ не растравлять недавно залѣченныхъ ранъ.

Сергѣй Бархатцевъ.

*

О введеніи Русскаго языка въ католическое богослуженіе.

Приводимъ нѣсколько данныхъ, извлеченныхъ для Русскаго Архива изъ Виленскаго Вѣстника 1868 и 1869 годовъ по предмету высокой важности, предмету, на который потрачено было много силъ и благородной энергіи и который, подобно многимъ другимъ Русскимъ начинаніямъ, нынѣ почти преданъ забвенію. *П. Б.*

Въ недавнее время принята была мѣра, имѣвшая въ виду произвести (безъ малѣйшаго посягательства на убѣжденія религіозныя) необходимое разобщеніе между польщизною и католичествомъ. Мы разумѣемъ введеніе Русскаго языка въ богослуженіе католическое. По нашему убѣжденію, такое разобщеніе было и остается доселѣ единственнымъ средствомъ оживить въ томъ краѣ Русскую народность. Замѣтимъ мимоходомъ, что мѣры, съ которыми сей часъ познакомятся читатели и цѣль, къ которой стремилось тогда наше правительство, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ въ настоящее время совершается въ Германіи; но начавшееся у насъ, въ сосѣдствѣ съ Пруссіею, политико-религіозное движеніе могло подать Прусскому правительству мысль заняться, въ свою очередь, настойчиво и не теряя времени, католическимъ вопросомъ.

Съ 1864 года, во всѣхъ подвѣдомственныхъ Виленскому учебному округу учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, законъ Божій Римскаго-исповѣдыванія долженъ былъ преподаваться на языкѣ Русскомъ. Недостатокъ въ учебникахъ по этому предмету представлялъ значительныя къ тому препятствія. Кромѣ того, сами законоучители - ксендзы, особенно тѣ изъ нихъ, которые получили образованіе въ Виленской Римско-католической Семинаріи, плохо знали по - русски. Молитвенники, съ которыми, по обычаю страны, молящіеся посѣщаютъ костелы, печатались исключительно по-польски, при чемъ многіе изъ нихъ содержали въ себѣ молитвы съ политическимъ оттѣнкомъ и вселяли въ незрѣлыхъ умахъ несбыточныя надежды на возстановленіе Рѣчи Посполитой и ненависть ко всему Русскому. Эти молитвенники были распространены въ тысячахъ экземплярахъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ.

Если молитвенники на Польскомъ языкѣ допускались къ чтенію въ костелахъ, и дѣти-католики, Русскаго происхожденія, обязаны были заучивать по нимъ молитвы, то не было логической причины не допускать того же и въ классахъ; а между тѣмъ не только въ стѣнахъ учебныхъ заведеній воспрещался Польскій языкъ, но повсюду, циркулярами мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ онъ преслѣдовался какъ политическая манифестація.

Нужно ли говорить, какая путаница проистекала изъ этой борьбы между администраціею и шляхетско-іезуитскою пропагандою, которая живетъ католическими мечтами, въ ущербъ истиннымъ интересамъ и спокойствію страны?

Къ вышесказанному нужно прибавить, что ни одинъ изъ законоучителей-ксендзовъ, изъ числа тѣхъ, которые свободно владѣли Русскимъ языкомъ, ни въ проповѣди, ни въ дополнительномъ богослуженіи въ костелѣ, не употреблялъ другаго языка кромѣ Польскаго, такъ что многіе изъ учениковъ, чтобы понять церковныя службы, должны были учиться по-польски.

Дабы положить предѣлъ не на бумагѣ только, но и на дѣлѣ, дальнѣйшему ополяченію учебныхъ заведеній, нужно было безотлагательно приступить къ устраненію Польскаго языка изъ преподаванія закона Божія и найти средства замѣнить его языкомъ страны, языкомъ Русскимъ.

Въ этихъ видахъ и при желаніи дѣйствовать съ должною постепенностью, попечитель учебнаго округа И. Н. Батюшковъ обратилъ прежде всего вниманіе на учебники по закону Божію и издалъ, на средства округа, краткій Катихизисъ въ Русскомъ переводѣ. Затѣмъ онъ приступилъ къ переводу съ Польскаго молитвенниковъ и богослужебныхъ книгъ. Переводъ былъ порученъ духовнымъ лицамъ (ксендзамъ и пасторамъ), подвергнутъ мѣстной духовной цензурѣ, разрѣшенъ и одобренъ общею цензурою. По выходѣ изъ печати этихъ книгъ, онѣ были раздаваемы ученикамъ законоучителями (ксендзами и пасторами) въ замѣнъ Польскихъ молитвенниковъ.

Совершая такимъ образомъ и безъ малѣйшаго понужденія замѣну Польскихъ молитвенниковъ Русскими, управленіе Виленскаго учебнаго округа не только не возбудило въ учащихся, или ихъ родственникахъ, неудовольствій, но имѣло утѣшеніе видѣть, что мѣра принята была сочувственно. Доказательствомъ служитъ весьма значительное требованіе Русскихъ молитвенниковъ, Катехизиса, Евангелія и др. духовныхъ книгъ, а равно и добровольное посѣщеніе костеловъ учениками гимназій и другихъ учебныхъ заведеній съ *Русскими* молитвенниками въ рукахъ.

Но переводъ и раздача учебниковъ и молитвенниковъ воспитанникамъ Римско-католическаго закона были бы полумѣрами, еслибы одновременно не было обращено неослабнаго вниманія на самихъ преподавателей Закона Божія, на ксендзовъ, плохо владѣющихъ Русскою рѣчью. По этому предмету попечитель Виленскаго учебнаго округа вошелъ съ представленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія, на основаніи коего и по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, состоялось особое Высочайшее повелѣніе объ испытаніи клириковъ Римско-католической Семинаріи, до рукоположенія ихъ въ ксендзы, въ Русскомъ языкѣ, исторіи и географіи Россіи, по программѣ домашнихъ учителей и въ присутствіи экзаменаторовъ, которые, на этотъ предметъ, должны были быть командированы въ Семинарію попечителемъ округа. Условіе это было въ числѣ обязательныхъ, и безъ соблюденія онаго рукополагаемые ксендзы не могли быть допущены въ учительскую должность.

Если бы эта мѣра, подобно многимъ другимъ, не осталась мертвою буквою, то неминуемо исчезла бы для ксендзовъ-законоучителей всякая отговорка уклоняться отъ преподаванія закона Божія по-русски, за незнаніемъ языка.

Будь приведена въ дѣйствіе означенная мѣра, обусловливавшая успѣхъ начинанія яснымъ опредѣленіемъ цѣли: не допускать дальнѣйшаго ополяченія западно-Русскаго народа путемъ Польскаго католичества—введеніе проповѣди и дополнительнаго въ костелахъ богослуженія на Русскомъ языкѣ совершилось бы безпрепятственно. Ручательствомъ тому могутъ служить молебствія, совершенныя по-*русски* въ разныхъ мѣстностяхъ западнаго края. Какого либо понужденія со стороны свѣтской администраціи вовсе при этомъ не было, хотя конечно подобное, вполнѣ свободное, движеніе въ средѣ самаго Римско-католическаго духовенства не могло не встрѣтить искренняго сочувствія въ представителяхъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства.

Движеніе это началось съ Самогитской епархіи и, въ весьма короткое время, распространилось на многія мѣстности Литвы и Бѣлоруссіи.

19 Февраля 1869 г. Поневѣжскаго уѣзда, въ м. Салатахъ, настоятелемъ мѣстнаго костела и законоучителемъ народной школы отслужено было первое молебствіе на Русскомъ языкѣ, въ домѣ школы, въ присутствіи учениковъ и ихъ родителей. При пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“ всѣ присутствовавшіе подошли ко кресту.

4 Апрѣля 1869, въ костелѣ Жеймели, ксендзомъ Рубшею, безъ органа, былъ на Русскомъ языкѣ отслуженъ для учениковъ мѣстной школы благодарственный молебенъ, при значительномъ стеченіи народа, пожелавшаго участвовать въ принесеніи молитвъ за спасеніе Государя Императора отъ руки убійцы.

Примѣру Ковенскихъ ксендзовъ послѣдовали Минскіе, а за ними и другихъ губерній.

25 Мая 1869 года (въ день освященія въ зданіи Минской гимназіи православной церкви, устроенной въ той комнатѣ, гдѣ въ 1851 году былъ въ куски разрѣзанъ однимъ изъ учениковъ гимназіи портретъ Императора Николая Павловича) законоуч. ксендзомъ Заустинскимъ, сперва словесно, а потомъ письменно заявившимъ директору гимназіи о своемъ намѣреніи, совершено было въ костелѣ монахинь Бенедектинокъ молебствіе на Русскомъ языкѣ, въ присутствіи всѣхъ учениковъ и значительной публики.

8 Іюня того-же года, въ м. Блони, Игуменскаго уѣзда, законоучитель народной школы ксендзъ Сенчиковскій со-

вершилъ въ предѣльномъ алтарѣ мѣстнаго костела благодарственное на Русскомъ языкѣ молебствіе, послѣ чего окрещено нѣсколько младенцевъ по католическому обряду, съ произнесеніемъ молитвъ и отвѣтовъ по требнику, вмѣсто Польскаго, на Русскомъ языкѣ, а также предъ причастіемъ молитвъ по-русски, вслухъ всего народа. Продолжая начатое дѣло, кс. Сенчиковскій, во всѣ праздничные дни послѣ литургіи, совершаемой на Латинскомъ языкѣ, всходилъ на хоры и, акомпанируя себя на органѣ, пѣлъ на Славянскомъ языкѣ наиболѣе употребляемую у католиковъ священную пѣснь: „Подъ Твою оборону притекаемъ, Дѣво!" при чемъ сохранялъ напѣвъ, къ которому издавна привыкли мѣстные прихожане. Весьма замѣчательно, что дѣти, крещенныя кс. Сенчиковскимъ по Римско-католическому обряду, но съ произнесеніемъ молитвъ по-русски, называются прихожанами не иначе какъ Русскими.

29 Іюля, въ Петровъ день, съ амвона Блонскаго костела, произнесена была кс. Сенчиковскимъ первая проповѣдь на Русскомъ языкѣ. Прочитавъ Апостолъ и Евангеліе по-русски и окончивъ миссу по-латыни, онъ вошелъ на каѳедру и произнесъ слово о необходимости и благопотребности немедленнаго устраненія изъ костела, въ мѣстностяхъ населенныхъ Русскими, Польскаго языка и пригласилъ прихожанъ, Бѣлорусскихъ католиковъ, любящихъ родной край и свою Римско-католическую вѣру, усвоить въ молитвахъ родной языкъ, въ замѣнъ чуждаго имъ языка Польскаго.

27 Іюля, въ день Рожденія Государыни Императрицы, кс. Сенчиковскій, находясь въ это время въ г. Игуменѣ, совершилъ въ тамошнемъ костелѣ, въ присутствіи учениковъ и большаго стеченія народа, миссу, послѣ которой на Русскомъ языкѣ произнесъ проповѣдь и въ ней, между прочимъ, провелъ ту мысль, что языкъ Польскій есть наслѣдіе Іезуитской пропаганды, чуждой чистаго дѣла религіи, и что Бѣлоруссамъ слѣдуетъ возносить молитвы на родномъ языкѣ. Онъ заключилъ проповѣдь, словами: „Ты, Господи, не желаешь смерти грѣшныхъ и ожидаешь ихъ исправленія. Освяти умы Бѣлоруссовъ, дѣтей нашего Русскаго отечества; дай имъ силу, соблюдая святыя заповѣди Твои, доказать на дѣлѣ, что въ груди ихъ бьется Русское сердце."

10 Августа въ управленіи Виленскаго учебнаго округа была получена депеша изъ Слуцка, отъ директора тамошней гимназіи Рончевскаго, слѣдующаго содержанія: „Сегодня въ нашемъ костелѣ, послѣ обѣдни, законоучителемъ, магистромъ Лемпницкимъ, предъ началомъ ученія, была произнесена рѣчь и отслужено молебствіе на Русскомъ языкѣ. Порядокъ и благочиніе въ костелѣ были примѣрные." Съ этого дня маг. Лемпницкій всѣ дополнительныя въ костелѣ службы сталъ совершать по-русски.

20 Августа получена была другая телеграмма: „19 ч. законоучитель Мозырской гимназіи, каноникъ Копцеговичъ, предъ открытіемъ учебнаго курса, сказалъ въ мѣстномъ костелѣ проповѣдь и отслужилъ молебенъ по-русски. Краткая, живая и глубоко-прочувствованная рѣчь его произвела на присутствовавшихъ необыкновенно сильное вліяніе." Вслѣдъ за этимъ инспекторъ Бобруйской прогимназіи, сообщалъ окружному управленію, что деканомъ Макаревичемъ и ксендзомъ-законоучителемъ Янковскимъ отслуженъ молебенъ и совершено первое дополнительное богослуженіе по-русски.

Въ тотъ-же день, законоучитель Гродненской гимназіи Бедржанскій, присутствовавшій на православномъ молебнѣ, совершенномъ при началѣ гимназическаго курса православнымъ протоіереемъ,

подошелъ ко кресту вмѣстѣ съ православными воспитанниками и затѣмъ приступилъ къ раздачѣ ученикамъ-католикамъ молитвенниковъ на Русскомъ языкѣ, сказавъ при этомъ назидательное, глубоко прочувствованное слово.

Во всѣхъ поименованныхъ мѣстностяхъ, какъ и во многихъ другихъ, законоучители-ксендзы постановили совершать и впредь добавочное богослуженіе, равно какъ произносить проповѣди, не иначе какъ по-русски.

И въ этихъ всѣхъ крайне-замѣчательныхъ случаяхъ не было ни малѣйшаго домогательства власти. Русская рѣчь оживала, благодаря собственному почину народа.

Въ виду такого по истинѣ утѣшительнаго явленія, попечитель округа считалъ своею обязанностію безотлагательно доводить о томъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія и начальника края, одновременно оглашая эти факты на столбцахъ Виленскаго Вѣстника (*).

Государю Императору благоугодно было нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ законоучителей наградить крестами и орденами.

Но всѣ эти начинанія, выходившія изъ школы, совершались однако не безъ затрудненій. Начальству уч. округа нужно было бороться съ явными и особенно съ тайными приверженцами полонизма, которые, подъ личиною сочувствія къ дѣлу, старались, всѣми зависѣвшими отъ нихъ и отъ друзей и единомышленниковъ ихъ средствами, затормозить дѣло. Они стали доказывать, что религіозно-политическое движеніе, вышедшее изъ школы, хотя и весьма похвально и совершается безъ малѣйшаго зазора или насилія, не принадлежитъ однако вѣдѣнію учебнаго округа; что движеніе это не *легально*, такъ какъ оно идетъ въ разрѣзъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ 30-хъ годовъ, запрещавшимъ вводить Русскую рѣчь въ инославное богослуженіе. Далѣе они стали доказывать, что учебный округъ, не довольствуясь разрѣшеніемъ своей прямой задачи, вмѣшивается въ дѣла, подлежащія другому вѣдомству, чрезъ что якобы могутъ потерпѣть въ научномъ и воспитательномъ отношеніяхъ ввѣренныя ему учебныя заведенія. Польскіе агитаторы стали винить попечителя въ томъ, что законоучители-ксендзы, безъ разрѣшенія своего духовнаго начальства и вопреки папскимъ булламъ, проповѣдуютъ Слово Божіе на Русскомъ языкѣ и притомъ въ костелахъ, принадлежащихъ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. На основаніи этихъ и подобныхъ обвиненій приверженцы полонизма считали необходимымъ, *для спокойствія края* (какъ будто край былъ взволнованъ!) предварительно исходатайствовать отмѣну вышесказаннаго Высочайшаго повелѣнія, испросить у Папы благословеніе на введеніе Русскаго языка въ костелы въ замѣнъ Польскаго, и тогда уже приступить къ *обобщенію мѣры*, введеніемъ повсюду мѣстныхъ *нарѣчій* въ костельную службу, но не иначе однакожъ какъ съ согласія всѣхъ прихожанъ, путемъ плебисцита.

Послѣдствія извѣстны.

(*) Примѣру законоучителей стали слѣдовать и настоятели костеловъ; такъ 30 Августа Лидскій деканъ Карповичъ и Виленскій Юргевичъ, пользующіеся уваженіемъ и довѣренностью прихожанъ, совершали молебенъ по-русски, первый въ Лидѣ, второй въ Родошковичахъ.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ ѲЕДОРА НИКОЛАЕВИЧА ГОЛИЦЫНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Помѣщаемыя ниже Записки важны для историка не однимъ содержаніемъ своимъ, но еще болѣе личностью писавшаго ихъ. Здѣсь говоритъ одинъ изъ образованнѣйшихъ представителей своего вѣка, видавшій вблизи лучшее общество современной ему Россіи и Европы, собесѣдникъ Вольтера, Маріи Антуанеты, Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, графа Панина и Шоазеля. Князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ, любимый племянникъ и воспитанникъ славнаго И. И. Шувалова, есть лицо въ своемъ родѣ типическое, въ которомъ для наблюдающаго за внутреннимъ развитіемъ Россіи отражаются бытъ, понятія и воззрѣнія цѣлаго поколѣнія нашихъ предковъ. Это лучшій человѣкъ XVIII вѣка, и не столько по времени, въ которое онъ жилъ и которое простирается почти до нашего поколѣнія († 5 Декабря 1827), какъ по образу мыслей и быта. Онъ воспитанъ идеями еще Елизаветинской эпохи. Безграничная преданность интересамъ Отечества, благородство въ сношеніяхъ съ властью и людьми вліятельными, обходительность съ равными и снисхожденіе къ низшимъ, душа, отверстая для всего добраго и высокаго, радостно встрѣчающая успѣхи разума и искусства и въ тоже время вполнѣ вѣрная благочестивымъ основамъ старой Руси,—вотъ характеристическія черты той системы воспитанія, которыя водворилъ въ племянникѣ своемъ и водворялъ въ Россіи И. И. Шуваловъ, первоначальникъ воспитательнаго дѣла въ Россіи. Шуваловъ и Бецкій въ XVIII вѣкѣ полагали души свои въ это дѣло, и личный характеръ ихъ отпечатлѣлся какъ въ учрежденіяхъ, ими основанныхъ, такъ и въ людяхъ, образовавшихся подъ ихъ вліяніемъ; а ни въ какомъ дѣлѣ душевныя качества первоначальнаго устроителя не высказываются такъ явственно, какъ въ дѣлѣ воспитанія юношества. И такъ въ князѣ Ѳ. Н. Голицынѣ мы видимъ лучшее, что̀ могла дать старинная, Шуваловская система воспитанія.

Записки князя Ѳ. Н. Голицына писаны не для печати, а единственно изъ просвѣщенной потребности дать себѣ отчетъ въ пройденномъ пути жизни. Къ сожалѣнію, Записки эти не обнимаютъ всей его біографіи и сохранились въ отрывочномъ изложеніи.

Князь Ѳ. Н. Голицынъ (род. 7 Апрѣля 1751) былъ старшій сынъ любимой сестры И. И. Шувалова, княгини Прасковьи Ивановны. Отрочество и нѣкоторые годы молодости своей онъ провелъ съ дядею своимъ Шуваловымъ въ чужихъ краяхъ. О службѣ своей онъ разсказываетъ самъ въ Запискахъ. По болѣзни супруги своей, въ началѣ нынѣшняго вѣка, оставилъ онъ кураторство Московскаго университета и за тѣмъ посвятилъ себя воспитанію пятерыхъ сыновей, рано лишившихся матери (Варвары Ивановны, урожд. Шиповой, второй супруги князя Ѳедора Николаевича).

Н. И. Иванчинъ-Писаревъ написалъ краткую біографію князя Голицына. Извлекаемъ изъ нея строки о свиданіи молодаго князя Голицына съ Вольтеромъ. «Два раза, по порученіямъ И. И. Шувалова, посѣщалъ онъ Фернейскаго старца. Къ удивленію всего тамошняго общества, замѣчено было, что, въ присутствіи князя, Вольтеръ, противъ своего обыкновенія, удерживалъ себя

отъ нападеній на религіозные предметы, какъ вѣжливый хозяинъ, уважающій правила своего посѣтителя. Долго дожидаясь письма къ Шувалову, князь принужденъ былъ прожить нѣсколько дней въ Фернеѣ. Въ одно утро является къ нему Вольтеровъ камердинеръ съ тетрадкою. Это была сказка *Бѣлый Быкъ*, а присылка—знакомъ особеннаго уваженія. Князь, просмотрѣвъ ее, положилъ на столъ. Съ какою досадою узналъ Вольтеръ о разномысліи съ нимъ молодаго Россіянина: ибо книга осталась на столѣ въ отведенной ему комнатѣ».

Черта эта вполнѣ обрисовываетъ человѣка.

Прекраснымъ старцемъ доживалъ князь Ѳедоръ Николаевичъ вѣкъ свой въ Москвѣ, въ Шуваловскомъ домѣ своемъ на Покровкѣ, и въ Звѣнигородскомъ селѣ Петровскомъ. «Онъ обладалъ необыкновенною памятію (говоритъ его біографъ) и столь рѣдкимъ даромъ слова, что слушатели его не видали времени, когда разговоръ его относился и къ самымъ простымъ предметамъ. Порядокъ и стройность въ образѣ жизни переходили въ изложеніе его идей. Онъ говорилъ какъ жилъ. Ясность души и чистые восторги сіяли въ его взорахъ, когда онъ и въ преклонныхъ лѣтахъ разсуждалъ объ изящномъ въ искусствахъ, о красотахъ природы или приводилъ мѣста изъ любимыхъ поэтовъ».

Записки свои князь Ѳедоръ Николаевичъ писалъ въ 1809 году. Нынѣ, когда исторія XVIII вѣка болѣе или менѣе уже вскрылась передъ нами, они немного содержатъ въ себѣ новыхъ показаній; но въ нихъ замѣчены нѣкоторыя, доселѣ остававшіяся неизвѣстными, черты историческихъ лицъ и событій, а точка зрѣнія автора придаетъ этимъ лицамъ и событіямъ новое освѣщеніе.

—

Съ печатаніемъ Записокъ князя Ѳ. Н. Голицына соединено для насъ воспоминаніе о томъ, кто почтилъ наше изданіе доставленіемъ ихъ. Это былъ достойнѣйшій, младшій сынъ князя Ѳедора Николаевича, князь Михаилъ Ѳедоровичъ (род. 9 Іюля 1800, сконч. 26 Января 1873), главный директоръ Голицынской больницы въ Москвѣ. Пользуемся случаемъ, чтобы сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ поистинѣ-достопамятномъ человѣкѣ. Онъ наслѣдовалъ, развилъ и сохранялъ въ себѣ до конца вышеназванныя высокія нравственныя качества отца своего. Къ этимъ качествамъ присоединилась въ немъ и придавала имъ особенную цѣну необыкновенная тишина и скромность, бывшія главными принадлежностями его прекраснаго характера. Получивъ отличное домашнее воспитаніе, князь Михаилъ Ѳедоровичъ началъ службу въ 1819 году въ конной гвардіи; въ это время онъ особенно подружился съ извѣстнымъ поэтомъ, своимъ однополчаниномъ, княземъ А. И. Одоевскимъ, и былъ пріятелемъ славнаго Грибоѣдова. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе въ Польской кампаніи, состоя адъютантомъ при князѣ А. Г. Щербатовѣ, и высказалъ блестящую храбрость въ дѣлѣ при селеніи Желткахъ и на штурмѣ Варшавы. Домашнія обстоятельства и собственная склонность побудили его выдти въ отставку изъ военной службы. Поселившись въ Москвѣ, нѣсколько трехлѣтій служилъ онъ предводителемъ Звѣнигородскаго дворянства, а позднѣе состоялъ шталмейстеромъ высочайшаго двора. Но не во внѣшней служебной дѣятельности выражалъ себя этотъ человѣкъ. Напротивъ, онъ не искалъ отличій и, можно сказать, уклонялся отъ внѣшняго блеска, къ пріобрѣтенію котораго имѣлъ много случаевъ и возможности.

Общества держатся и украшаются не одними наружно-дѣйствующими силами. Не менѣе ихъ важны и достойны признанія тѣ неяркія, не выступающія впередъ личности, которыя тихо и про себя рѣшаютъ мудреную задачу жизни, но на жизненномъ пути своемъ несутъ въ себѣ и своимъ примѣ-

ромъ утверждаютъ въ средѣ общественной: живое упованіе въ Промыселъ Божій, благородство образа мыслей, чувствъ и поступковъ, вѣрность долгу, преемственное соблюденіе добрыхъ обычаевъ. Къ такимъ достолюбезнымъ личностямъ принадлежалъ покойный князь Михаилъ Ѳедоровичъ. Кому случилось хоть сколько нибудь узнать его, на того производилъ онъ смягчающее и незабвенное впечатлѣніе доброты и кротости. Сердечною привѣтливостію, тихимъ и ласковымъ обычаемъ привлекалъ онъ къ себѣ людей. Будучи отлично образованъ, онъ до послѣдняго дня жизни не переставалъ помногу читать, и можетъ быть оттого его сужденія и отзывы всегда были крайне воздержны. Объ немъ немного говорили при его жизни, но когда вѣсть о кончинѣ его разнеслась по Москвѣ, кто-кто не побывалъ у его гроба! Похороны князя М. Ѳ. Голицына были явленіемъ общественнымъ и доказали, что Москва умѣетъ любить и цѣнить достойныхъ гражданъ своихъ.

Память его да будетъ дорогà отдаленному потомству. *П. Б.*

*

Записки князя Ѳедора Николаевича Голицына.

Въ 1777 году въ Сентябрѣ, при царствованіи государыни Екатерины Алексѣевны, пожалованъ я камеръ-юнкеромъ. Я былъ 23-хъ лѣтъ. Дядя мой Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (*) ей меня представилъ въ будничный день, вечеромъ. До того времени я былъ около восьми лѣтъ въ чужихъ краяхъ. По возвращеніи (что̀ продолжалось близь полутора года) почти былъ все въ отпуску по конной-гвардіи. Сія великая Монархиня, прославившаяся уже какъ законами, такъ и войною, отъ всѣхъ другихъ Европейскихъ державъ была уважаема. Дворъ ея былъ великолѣпенъ. Я нашелъ при ней князя Потемкина и генерала Зорича. Начало моего служенія у Двора меня весьма занимало. Я былъ любопытенъ разсматривать свойства людей, особливо на такой сценѣ, гдѣ всѣ страсти безпрестанно въ сильномъ волненіи и гдѣ честолюбіе образуетъ каждаго человѣка въ притворномъ ему видѣ, скрывая природный его характеръ. Государя можно уподобить общему магниту: онъ всѣхъ къ себѣ притягиваетъ. Надежда возвыситься или желаніе обогащенія суть двѣ сильныя пружины, приводящія все въ движеніе.

Дворъ, описываемый уже неоднократно и стихотворцами и другими авторами, для размышляющаго человѣка подлинно представляетъ важную картину. Если человѣкъ, скажу шутливо, захочетъ себя сохранить нетлѣннымъ, надобно при входѣ присвоить себѣ ненарушимыя правила. Безъ сей предосторожности, черезъ годъ, черезъ два, найдешь въ себѣ удивительную перемѣну. Я сказалъ правила, но какія? Разумъ, честь и совѣсть: ихъ должно стараться сохранить. Тутъ они на сильномъ опытѣ. Не знаю, по какому особому счастію я не имѣлъ никогда ни ловкости, ни желанія подлеститься къ случайнымъ людямъ; думаю, болѣе отъ того, что дядя мой, будучи оберъ-камергеромъ и человѣкомъ весьма почтеннымъ, служилъ для меня единственною подпорою, которою я довольствовался. Я желалъ быть скорѣе опредѣленнымъ къ мѣсту и надѣялся все черезъ него получить, но

(*) И. И. Шуваловъ, звѣзда первой величины Елисаветинскаго царствованія, только что вернулся тогда изъ чужихъ краевъ, гдѣ прожилъ около 14 лѣтъ. Для Екатерины имя его долго было связано съ личными непріятностями, испытанными ею въ то время, когда она была Великою Княгинею. Она сама разсказываетъ, что И. И. Шуваловъ передъ кончиною Елисаветы Петровны имѣлъ намѣреніе удалить ее и ея супруга за границу и провозгласить императоромъ малолѣтняго Павла Петровича (см. Р. Арх. 1863, изд. 1-е, стр. 567). Когда Шуваловъ жилъ въ Италіи, Екатерина подозрѣвала его въ сношеніяхъ съ Таракановою. Намъ неизвѣстно, какъ именно произошло примиреніе; но въ 1777 году всѣ счеты были кончены, и старый холостякъ Шуваловъ, въ званіи оберъ-камергера, сдѣлался однимъ изъ почтеннѣйшихъ собесѣдниковъ Государыни.

этотъ способъ не былъ лучшій при Государынѣ. Если кто хотѣлъ что получить, тому надлежало непремѣнно просить любимца. Вотъ сему примѣръ. Вслѣдствіе моего желанія имѣть мѣсто и войти въ иностранныя дѣла, дядя И. И. Шуваловъ обо мнѣ самоё Государыню просить осмѣлился; но она заблагоразсудить изволила, можетъ быть, изъ особой милости, вмѣсто иностранныхъ дѣлъ приказать мнѣ ѣздить въ Сенатъ въ 1-й департаментъ. Еслибъ я попросилъ тогда бывшаго у Двора генерала Зорича, все бы сдѣлано было безъ всякой перемѣны. Сколь меня неожиданная перемѣна сія по службѣ огорчила, можно тому легко повѣрить. Я приготовлялся, даже съ особою прилежностію и охотою, войти со временемъ въ дипломатическій корпусъ, а вдругъ меня посадили въ Сенатъ! Сія неудача рѣшила, можетъ быть, по службѣ судьбу мою, во все теченіе жизни моей, и сколько я и послѣ ни домогался, не могъ никакъ попасть на желаемую стезю. Но надобно было, хотя по неволѣ, терпѣть, молчать и продолжать свои дежурства. Тутъ я началъ ознакомливаться съ придворною жизнію.

Передъ моимъ пожалованіемъ въ камеръ-юнкеры, скончалась В. К-ня Наталья Алексѣевна (1776 г.), дома Дармштатскаго, первая супруга Государя Павла 1-го. Мнѣ случилось быть при семъ печальномъ случаѣ въ Петербургѣ; часто я тогда ѣзжалъ къ графу Андрею Петровичу Шувалову: графиню и графа покойница жаловала. Сколь они обрадовались было, ожидая благополучнаго ея разрѣшенія, столь же чувствительно огорчились, когда узнали, что сей самый случай прекратилъ жизнь ея.

Великая Княгиня одарена была рѣдкими достоинствами въ разсужденіи разума и сердца. Меня увѣряли, что она много подходила къ Императрицѣ и со временемъ бы могла содѣлаться достойною помощницею своего августѣйшаго супруга. Что случилось при семъ печальномъ происшествіи съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ Разумовскимъ, достойно примѣчанія. Онъ находился безперестанно при Его Императорскомъ Высочествѣ и, по силѣ его милости, Великая Княгиня его также очень жаловала. Въ самый день ея кончины Императрица заблагоразсудить изволила увезти съ собою Великаго Князя въ Царское Село, дабы его отдалить отъ сего трогательнаго позорища. Всѣ приближенные за нею тотчасъ поѣхали, и Разумовской въ томъ же числѣ. Императрица, желая его отлучить отъ Двора, на другой день пріѣзда своего въ Царское Село, вышедъ, по обыкновенію, передъ обѣдомъ съ письмомъ запечатаннымъ въ рукѣ и окинувъ глазами всѣхъ около ея находящихся и подозвавъ графа, отдавая ему письмо, изволила ему сказать, чтобъ онъ его отвезъ фельдмаршалу Голицыну въ городъ, и что она не сумнѣвается, что онъ за священный себѣ долгъ почтетъ соучаствовать въ отправленіи погребенія Великой Княгини. Но какъ сильно былъ Разумовской пораженъ, когда, по открытіи фельдмаршаломъ повелѣнія, онъ объявилъ графу, что ему велѣно въ три дни выѣхать изъ резиденціи и ѣхать прямо въ Ревель, гдѣ и ждать дальнѣйшихъ повелѣній. Ссылка его основана была болѣе на придворныхъ соображеніяхъ и на той короткости, въ какой онъ находился у Ихъ Высочествъ. Онъ же велъ себя нѣсколько гордо и не всѣмъ нравился. Государь Великій Князь никого ни прежде, ни послѣ такъ не жаловалъ, какъ его. У Двора нельзя никогда надѣяться на что либо постоянное.

Къ счастію моему, не бывъ никогда черезъ мѣру честолюбивъ, я ничѣмъ у Двора не ослѣплялся и былъ спокойнымъ зрителемъ. Глядя на другихъ, я часто дѣлалъ важныя замѣчанія. Но не знаю, всѣ ли были справедливы.

Екатерина II-я была необыкновенная Монархиня. Превосходное ее понятіе, точность и справедливость въ разсужденіяхъ, большая память и даръ объяснять свои

мысли самымъ лучшимъ и яснымъ образомъ, съ прочими всѣми пріятностями женскаго пола, а при этомъ, когда ей надлежало, имѣла самый величественный видъ, умѣла себя воздерживать въ первомъ движеніи и властвовала во многомъ собою. Объ ней говоря, можно смѣло сказать, что имѣла всѣ достоинства, составляющія великаго государя. Заключимъ сіе описаніе превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ дарованій: милосердіемъ. При семъ я сдѣлаю важное замѣчаніе. Дворянство въ ея царствованіе, если смѣю сказать, поднялось духомъ и честію до высокой степени. Врожденная храбрость Россіянъ, предоставившая знаменитыя побѣды надъ Турками, прославила народъ Россійской во всей Европѣ и ознаменовала царствованіе сей великой монархини новымъ блескомъ. Отъ прочихъ всѣхъ державъ она получала особое уваженіе и держала въ рукахъ своихъ вѣсы политической системы Европы. Слабости ея были сопряжены съ ея поломъ, и хотя нѣкоторые изъ ея любимцевъ и во зло употребляли ея милость, но государству ощутительнаго вреда не наносили. Князь Потемкинъ былъ, кажется, одинъ изъ нихъ, исполненный необыкновеннымъ честолюбіемъ; но онъ былъ также превосходнаго разума, былъ не мстителенъ и не золъ. Корыстолюбіе, кажется, былъ главный его порокъ. Онъ употреблялъ богатство на пышность и проживалъ много. Заграбя многія важныя должности, онъ отъ своей лѣни слишкомъ на другихъ надѣялся, слѣдственно худо оныя исполнялъ. Бывъ сластолюбивъ, не имѣлъ нужной въ дѣлахъ дѣятельности. Военный департаментъ, ему ввѣренный, не въ самомъ лучшемъ былъ порядкѣ. Ему непремѣнно хотѣлось начальствовать арміею. На сей конецъ онъ возобновилъ войну противъ Турокъ, уговоривъ Императрицу требовать отъ Порты Оттоманской независимости Крыма. Присвоеніемъ сего полуострова къ Россійской Имперіи война загорѣлась, и ему вручено предводительство арміи. Подъ нимъ служилъ князь Репнинъ (*), на которомъ лежали всѣ труды сей кампаніи. Осадили Очаковъ. Отъ нерѣшимости князя Потемкина и отъ пышной и сладострастной жизни его (ибо онъ во время осады въ шатрахъ своихъ златотканныхъ окруженъ былъ женщинами и музыкою и нимало не воспользовался удобными случаями завладѣть крѣпостію) армія стала ослабѣвать. Наступила стужа, и стужа необыкновенная; войско стало нуждаться пищею и претерпѣвать холодъ. Завелись наконецъ смертоносныя болѣзни. Князь Репнинъ, видя таковое неустройство и небреженіе, рѣшился его усовѣстить, написалъ ему письмо въ твердыхъ выраженіяхъ, гдѣ между прочимъ онъ ему вспоминаетъ, что онъ за таковое нерадѣніе будетъ отвѣчать Богу, Государю и Отечеству. Крѣпость вскорѣ послѣ того была взята приступомъ. Я слышалъ отъ самаго въ ней командующаго трехъ-бунчужнаго паши, котораго мнѣ случилось въ проѣздъ его черезъ Москву видѣть у князя Репнина, что гарнизонъ въ крѣпости нѣсколько разъ почти начиналъ бунтовать, и что онъ удивляется, какъ не воспользовались осаждающіе такими случаями. Вотъ каковъ былъ князь Потемкинъ, начальствуя арміею. За таковую смѣлость онъ князя Репнина въ послѣдствіи возненавидѣлъ и старался всячески ему досаждать. Разсказывали также мнѣ о князѣ Потемкинѣ, что въ сіе время любимая его забава по вечерамъ была пересыпать, при свѣтѣ многихъ свѣчъ, большую кучу необдѣланныхъ бриліантовъ. Я его видѣлъ въ Петербургѣ послѣдній годъ жизни его. Онъ совсѣмъ перемѣнился, сдѣлался вѣжливъ, ласковъ; дамская бесѣда по вечерамъ занимала его совершенно, и онъ ни объ чемъ другомъ не разговаривалъ, какъ о нарядахъ женскихъ. Многое

(*) Авторъ, въ первомъ бракѣ, былъ женатъ на его дочери, княжнѣ Прасковьѣ Николаевнѣ (†1784). *П. Б.*

иногда въ человѣкѣ непонятно, и сіе кажется въ томъ же числѣ.

Возвращаюсь теперь къ первымъ временамъ моего у Двора служенія. Великій Князь вторично бракомъ сочетался съ Государынею Маріею Ѳедоровною (дому Виртембергскаго), 1776 года. Богъ благословилъ сей бракъ: черезъ годъ родился нынѣ царствующій Императоръ Александръ. По выздоровленіи Ея Императорскаго Высочества начались праздники. Я былъ взятъ въ кадрилію Ихъ Императорскихъ Высочествъ, и тутъ я имѣлъ счастіе узнать короче Великаго Князя и его августѣйшую супругу. Государь Великій Князь имѣлъ весьма острый и пылкій умъ съ хорошею памятію; сердце его было чувствительно, но въ первомъ движеніи онъ очень былъ горячъ. Обстоятельства ли, въ которыхъ онъ возрасталъ, другія-ли причины поселили въ немъ большую недовѣрчивость и также частую перемѣну въ расположеніяхъ къ людямъ его окружающимъ. Сіи недостатки много способствовали повредить его свойства и возродили въ немъ, когда онъ принялъ престолъ, излишнюю и напрасную суровость. Но о семъ до его царствованія оставимъ.

Императрица не всегда обходилась съ нимъ какъ бы должно было, и при семъ случаѣ меня по молодости, можетъ быть, моей, удивило между прочимъ, что онъ никакъ въ дѣлахъ не соучаствовалъ. Она вела его не такъ, какъ наслѣдника. Ему было токмо приказано ходить къ ней дважды въ недѣлю по утрамъ, чтобы слушать депеши, полученныя отъ нашихъ при иностранныхъ дворахъ находящихся министровъ. Впрочемъ онъ не бывалъ ни въ Совѣтѣ, ни въ Сенатѣ. Почетный чинъ его великаго адмирала былъ данъ ему единственно для наружности, управленіе же морскихъ силъ до него не принадлежало. А наконецъ, когда у насъ завелся флотъ на Черномъ морѣ, то сею частію начальствовалъ князь Потемкинъ. При вступленіи Императрицы на престолъ, участвовавшіе въ семъ происшествіи вельможи раздѣлились на разныя мнѣнія касательно до ея наименованія. Иные совѣтовали ей называться единственно правительницею, а Государя Великаго Князя объявить Императоромъ. Сего мнѣнія былъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ. Но Бестужевъ-Рюминъ былъ противнаго мнѣнія, и его мнѣніе было, чтобъ она себя объявила императрицею. Лучше ли бы то было для Великаго Князя, о томъ отдаю судить читателю. Не менѣе однакожъ прискорбно было намъ всѣмъ придворнымъ видѣть сіе неискреннее обхожденіе и ни малѣйшей горячности и любви между сими двумя августѣйшими особами. Великій же Князь къ родительницѣ своей всегда былъ почтителенъ и послушенъ. Когда объ этомъ размышляешь, не можешь довольно надивиться, развѣ токмо подвести ту одну причину, что восшествіе Императрицы, переворотомъ содѣланное, оставило въ сердцѣ ея нѣкоторое безпокойство и ненадежность на постоянную къ себѣ преданность отъ вельможъ и народа. И такъ она за правило себѣ поставила сосредоточить всю власть въ единыя свои руки. По моему мнѣнію, она бы еще болѣе славы себѣ прибавила, еслибъ удѣлила Великому Князю часть своихъ трудовъ. Сколько же бы онъ пользы отъ того получилъ! Сколько бы Россія отъ того могла быть счастливѣе! Я никакъ не могу вѣрить, что мнѣ тогда сказывали, будто она иногда проговаривала: „*послѣ меня хоть трава не рости*“. Въ подобныхъ случаяхъ иногда удивительно, сколь государи, украшенные впрочемъ рѣдкими дарованіями, ослѣплены собственнымъ самолюбіемъ и предпочитаютъ личную свою славу славѣ общей и своего народа. Петръ Великій не такихъ былъ мыслей, когда, окруженъ будучи на Прутѣ Турецкою арміею, онъ писалъ въ Сенатъ: что, въ случаѣ его кончины, выбрали бы преемника подобнаго ему по достоинствамъ и

могущаго продолжать и усовершенствовать всѣ полезныя его заведенія. Поступокъ его съ сыномъ доказываетъ еще яснѣе, сколь онъ былъ ревнителенъ къ славѣ своего народа. Но Государыня была не Русская. Заключали тогда, что любимцы дѣлали преграду между родительницею и сыномъ и помѣшательство. Сіе, конечно, отчасти правда; но все бы, кажется, не могло воспрепятствовать Императрицѣ ввести Великаго Князя въ дѣла государственныя и посадить его въ Совѣтъ. Ежели каждаго государя въ свѣтѣ главная цѣль должна быть общее благо, чегожъ ему въ прочемъ опасаться?

Нѣжность и любовь между Великимъ Княземъ и его супругою были совершенны. Не возможно, кажется, пребывать въ сожитіи согласнѣе, какъ они долгое время пребывали. Мы не могли на столь счастливое супружество довольно нарадоваться, и сіе имѣло великое вліяніе надъ Петербургскою публикою и усугубило во всѣхъ усердіе и любовь къ ихъ будущему государю.

Во время случая графа Мамонова, Ихъ Императорскія Высочества, по ихъ собственному желанію и по ходатайству сего любимца (*), получили дозволеніе обозрѣть нѣкоторыя въ Европѣ государства и отправились сперва въ Вѣну, гдѣ царствовалъ Іосифъ 2-й. Въ самое сіе время принцесса Виртембергская, родная сестра государыни Маріи Θеодоровны, помолвлена была за нынѣ царствующаго императора Франца II, при родителѣ его Леопольдѣ, и всѣ сіи августѣйшія особы съѣхались въ Вѣнѣ. Эрцъ-герцогиня, вступившая въ супружество, не долго наслаждалась симъ счастливымъ состояніемъ, кончила жизнь послѣ первыхъ родовъ. Многіе увѣряли, что императоръ Іосифъ черезвычайно любилъ свою племянницу и торжественно говорилъ, что еслибъ онъ былъ помоложе, то не уступилъ бы ея ему. Я скоро послѣ сего несчастія случился въ Вѣнѣ, и мнѣ сказывали за вѣрное, что болѣзнь Іосифа, объ которой ей неосторожно сказали, способствовала также прекратить ея вѣкъ.

Во время путешествія Великаго Князя, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, хотя и правилъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ, но уже не пользовался прежнею отъ Императрицы довѣренностію и отъ разныхъ причинъ сталъ кредитъ свой терять. Слабость здоровья его препятствовала ему ѣздить во дворецъ. Графъ Безбородко, графъ Марковъ и г-нъ Бакунинъ, сіи два послѣдніе имъ облагодѣтельствованные, позабывъ долгъ благодарности, присоединились къ Безбородкѣ, начали распоряжать всѣми дѣлами по сей части, и графъ Марковъ, усмотрѣвъ въ послѣдствіи, что тогдашній въ случаѣ находящійся князь Зубовъ равнымъ образомъ имѣетъ желаніе войти въ сіи дѣла, отложился и отъ графа Безбородки, дабы пріобрѣсть себѣ довѣренность и сдѣлаться нужнымъ сему могущему любимцу. Вотъ какъ у Двора пренебрегаютъ для своей собственной пользы честію, совѣстію и благодарностію! Государь самъ нерѣдко впадаетъ въ сіи дворскія ухищренія и лишается людей лучшей нравственности и настоящихъ сыновъ Отечества. Почтенный графъ Н. И. Панинъ, хотя обладалъ твердымъ духомъ, но не могъ однакоже переносить холоднокровно столь чувствительныхъ непріятностей. Одно утѣшеніе его состояло въ любви къ нему Его Высочества, котораго онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ. Я здѣсь принужденъ, хотя съ крайнимъ прискорбіемъ, но бывши очевидцемъ, привести странный поступокъ Великаго Князя съ симъ его воспитавшимъ мужемъ. Возвращаются Ихъ Высочества въ Петербургъ, посѣщаютъ на другой день изнеможеннаго графа; старикъ въ полномъ удовольствіи. Потомъ вдругъ, безо всякой извѣстной причины, по крайней мѣрѣ около мѣсяца, не только не ѣдутъ

(*) Въ имени любимца память измѣнила автору. *П. Б.*

къ нему, но и не навѣдываются о его здоровьи. Сіе небреженіе графу нанесло чувствительный ударъ и едвали не ускорило его кончину, вскорѣ послѣ того воспослѣдовавшую. Меня увѣряли, что при свиданіи въ чужихъ краяхъ съ герцогинею Виртембергскою, родительницею Императрицы Маріи Ѳедоровны, много было говорено о графѣ Панинѣ, по нѣкоторымъ сношеніямъ съ нашимъ Дворомъ, и что герцогиня, въ угожденіе Императрицѣ Екатеринѣ, совѣтывала Великому Князю не столько уже быть подвластному наставленіямъ графа Панина. Крайне удивило и оскорбило всѣхъ родныхъ графа такое по возвращеніи странное Его Высочества поведеніе. Наконецъ, за нѣсколько дней передъ кончиною графа, пожаловалъ къ нему на вечеръ Великій Князь. Тутъ было объясненіе о всемъ предыдущемъ; но графъ черезъ нѣсколько дней послѣ скончался.

Во время сего путешествія сдѣлался у насъ несчастливъ и сосланъ въ ссылку въ Астрахань Павелъ Бибиковъ, флигель-адъютантъ Ея Величества Государыни. Сей молодой человѣкъ былъ горячаго сложенія и съ нѣкоторымъ честолюбіемъ. До отъѣзда Ихъ Высочествъ онъ имѣлъ къ нимъ входъ и, видно, надѣялся для будущихъ временъ получить себѣ большую выгоду. Вздумалось ему, по ненависти къ князю Потемкину, котораго онъ въ присутствіи ему преданныхъ иногда бранивалъ, описать въ письмѣ къ князю Куракину, находящемуся въ числѣ сопровождающихъ Ихъ Высочества, положеніе Двора, гдѣ объ князѣ Потемкинѣ много непохвальнаго было сказано. Князь какъ будто эту переписку предузналъ и, отказавъ всѣмъ другимъ представлявшимся ему офицерамъ, для посылки курьерами, далъ преимущество представленному отъ Бибикова, а между тѣмъ дали знать въ Ригѣ, чтобъ, по пріѣздѣ сего курьера, всѣ пакеты отъ него отобравъ, возвратить въ Петербургъ. Такимъ образомъ все и открылось. Бибиковъ посаженъ былъ у генерала прокурора князя Вяземскаго подъ карауломъ. Его допрашивали и сослали разжалованнаго въ подполковники въ Астрахань, гдѣ онъ скоро послѣ того и умеръ. Сущая неосторожность и дерзкое поведеніе противу столь могущаго вельможи погубили сего молодаго человѣка. Надобно прибавить, что прежде князь его жаловалъ.

Знаменитыя происшествія во время царствованія сей великой Монархини, всѣ увѣнчанныя желаемыми успѣхами, возвысили Россію до высшей степени уваженія. Двѣ войны противу Турокъ привели наконецъ сего вѣроломнаго врага въ крайнюю слабость. Раздѣленіе Польши прибавило нѣсколько областей къ Россійской Имперіи; но сіе уничтоженіе независимаго государства сосѣдственными могущими державами, исполненное безъ всякаго настоящаго права, заставило объ ономъ судить не къ чести участвовавшихъ государей. Приписывали Фредерику, королю Прусскому, о семъ первую мысль. Ему конечно всѣхъ болѣе надлежало пользоваться случаями распространять свои владѣнія; часть же Польши, къ его государству прилежащая, была самая выгодная теченіемъ рѣки Вислы и городомъ Данцигомъ, прежде имъ уже присвоеннымъ. Братъ его принцъ Генрихъ пріѣзжалъ нарочно въ Петербургъ съ этимъ предложеніемъ, на которое Государыня хотя не вдругъ, но согласилась. Исполненіе сего намѣренія подало весьма худой примѣръ. Россія же, почти всегда господствовавшая въ Польшѣ, усиливъ сосѣдей, себѣ выгоды нималѣйшей не пріобрѣла.

Упорственное желаніе со стороны Императрицы, по особымъ причинамъ, возвесть Станислава Понятовскаго на Польскій престолъ, противъ воли Польскаго народа, до перваго раздѣла сего государства, привело уже Поляковъ въ справедливое негодованіе. Поступки Станислава касательно

Россіи не всегда соотвѣтствовали ея ожиданіямъ. Послѣ перваго послѣдовалъ второй и конечный раздѣлъ; съ уничтоженіемъ королевства послѣдовало уничтоженіе и короля. Онъ припужденъ былъ подписать въ Вильнѣ, куда онъ переѣхалъ изъ Варшавы, отрекательный актъ, представленный ему княземъ Репнинымъ отъ нашего Двора. Странно въ судьбѣ сего государя, что самая таже держава и тотъ же уполномоченный вельможа князь Репнинъ, при которомъ онъ провозглашенъ и признанъ королемъ, предназначенъ былъ нѣсколько лѣтъ потомъ требовать и присутствовать при отрицаніи сего владѣльца. По раздѣленіи или уничтоженіи Польши, велѣно ему было жить въ Вильнѣ, а Государь Павелъ I его уже перевелъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и скончался. Король Прусскій Фредерикъ, въ своихъ историческихъ повѣствованіяхъ, говоря объ немъ, съ нѣкоторою шуткою прибавляетъ, что онъ во всемъ былъ свѣдущъ кромѣ своего ремесла, подразумѣвая, что онъ не умѣлъ царствовать. Польское правленіе составлялось изъ такъ называемаго феодальнаго правленія. Вельможи имѣли неограниченныя права; король имѣлъ весьма слабую власть, а народъ былъ всегда въ сущемъ рабствѣ и изнуренъ, какъ работою, такъ и одноторжіемъ Жидовъ, заграбившихъ всю внутреннюю торговлю. Слѣдственно, связи общей никогда никакой не было, что̀ для сосѣдственныхъ державъ весьма было выгодно. Но не менѣе при избраніи каждаго короля возрождались замѣшательства, отъ того конфедераціи и почти междоусобіе, наносившее сему государству чувствительный вредъ. Но о семъ довольно.

Согласіе и любовь Ихъ Императорскихъ Высочествъ заслужили имъ приверженность Петербургской публики, но возбудили нѣкоторымъ образомъ какую-то безпокойную зависть у большаго Двора. Начали думать о средствахъ ослабить сію взаимную супружескую любовь; подвели, что̀ называется, интригу. Меня увѣряли, что баронъ Сакенъ, бывшій прежде во время молодости Великаго Князя въ числѣ его кавалеровъ, а тогда при Константинѣ Павловичѣ находящійся, подученъ былъ и настроенъ, чтобы отвлечь Великаго Князя отъ всѣхъ тѣхъ совѣтовъ, которые Великая Княгиня ему нерѣдко подавала, будучи окружена какъ она, такъ и онъ, людьми имъ преданными, какъ-то г-жа Бенкендорфъ, Лаферміеръ, ихъ чтецъ (*). Сихъ-то людей ему описали, что они владѣютъ Великою Княгинею, которая ихъ слушается, а отъ нея и онъ нѣкоторымъ образомъ, по чужимъ внушеніямъ, безпрестанно поступать долженъ и водимъ совершенно ими. Его самолюбіе, уже и безъ того стѣсненное обыкновеннымъ его положеніемъ, будучи встревожено наущеніями, привело его не токмо въ неудовольствіе и не токмо разорвало сей драгоцѣнной союзъ, но первая возродившаяся въ немъ мысль и желаніе были, чтобы доказать Великой Княгинѣ, что она никакого вліянія надъ нимъ имѣть не можетъ. И на сей конецъ выбралъ онъ г-жу Нелидову, фрейлину Великой Княгини и началъ къ ней имѣть особое вниманіе и отличать ее; а чрезъ это самое унижать, сколько возможно, свою добродѣтельную супругу. Перемѣна сія при ихъ Дворѣ причинила отдаленіе г-жи Бенкендорфъ и Лаферміера, а въ правѣ Его Высочества содѣлала чрезвычайную къ худшему перемѣну, такъ что мы, кавалеры дежурные, на каждомъ шагу опасались подпасть какому либо выговору или неудовольствію и всегда съ безпокойствомъ отправляли свое дневаніе.

Еслибъ не самые почтенные люди меня тогда увѣряли и къ которымъ сама Великая Княгиня съ надежными случаями объономъ писала, называя участвовавшихъ въ сей подлой и мерзкой интригѣ, я конечно не могъ бы никогда повѣрить. Но вотъ въ какой мрачности дѣйствуетъ при Дворѣ за-

(*) См. о Лаферміерѣ Р. Арх. 1869, стр. 2090. *П. Б.*

висть и какими утонченными и хитрыми вымыслами разстроиваетъ все имѣющее видъ благополучія! Важно было и нужно направлять всѣ душевныя свойства столь могущаго наслѣдника ко всему ведущему къ добродѣтели и къ воздержной жизни, но въ семъ случаѣ все пренебрегали для удовлетворенія своего собственнаго самолюбія. Да позволятъ мнѣ сдѣлать здѣсь одно свое примѣчаніе, какъ иногда разсудокъ человѣческой заблуждаетъ. Понимаю, что государю умному и рѣдкихъ достоинствъ возраженія и противорѣчія нестерпимы; еще менѣе соучастника въ правленіи терпѣть онъ можетъ; но приготовлять достойнаго преемника что мѣшаетъ? Не надлежитъ ли ему, напротивъ того, пещись, сколько возможно, его во всемъ усовершенствовать, дабы установленный въ правленіи порядокъ, дабы собственною его способностію пріобрѣтенная государству слава не могли увядать и во времена его наслѣдниковъ? При Екатеринѣ одинъ разумнѣйшій вельможа говаривалъ и не безъ основанія, что она къ несчастію отличала иногда свою собственную славу съ славой своего народа.

Фрейлина Нелидова вела себя похвально и не причиняла Великой Княгинѣ дальнихъ огорченій; но не менѣе Ея Высочество, лишась искренности и любви своего супруга, принуждена была вести себя совсѣмъ не по прежнему и въ обращеніи и рѣчахъ быть скромнѣе и осторожнѣе. Здѣсь можно безпристрастно сказать въ похвалу сей августѣйшей особѣ, что нельзя болѣе употреблять терпѣнія и снисхожденія, какъ она употребляла. Отъ того въ продолжительности она возвратила къ себѣ если не любовь, такъ дружбу своего супруга. Онъ къ ней былъ всегда внимателенъ. Его привязанность къ Екатеринѣ Ивановнѣ нарастью никакъ назвать было нельзя. Его это занимало, забавляло; а когда случалось, что она не пріѣзжала по вечерамъ во дворецъ, то я находилъ его еще веселѣе.

Французскій страшный переворотъ и Якобинскія зловредныя или, смѣло можно сказать, пагубныя правила сдѣлали надъ Императрицею сильное впечатлѣніе. Сія Монархиня до того весьма было полюбила всѣ сочиненія главныхъ Французскихъ сего времени писателей и, можетъ быть, ихъ хитросплетенная система, обольщающая человѣческое самолюбіе, легко согласовалась съ необыкновенными ея дарованіями. По послѣдствія сего вольнодумства, начавшаго съ такимъ ужасомъ дѣйствовать надъ Французскимъ народомъ, не токмо обнаружили разлившійся отъ сихъ мнимыхъ философовъ ядъ, но начали уже потрясать и царскіе престолы. Тогда явно оказалось, что главная цѣль ихъ была ненависть ко всякой власти, въ рукахъ государя находящейся и опредѣленныхъ границъ не имѣющей. Какъ будто есть возможность всегда, при перемѣняющихся во всякомъ государствѣ обстоятельствахъ, положить ненарушимый предѣлъ власти государевой? Сей образъ мыслей, постоянно увеличивающійся въ раскаленныхъ головахъ, возродилъ наконецъ мечтательную и неудобовозможную систему гражданскаго равенства. У насъ въ сіе время одинъ нѣкто, по имени Радищевъ, въ хорошемъ уже чинѣ тогда находившійся и милостію Государыни взысканный, вздумалъ написать самую опасную книгу. Она уже и начала продаваться; но скоро узнали, ее запретили, а его, разжаловавъ, сослали въ ссылку. При семъ случаѣ Императрица изволила поступить съ важностію и правосудіемъ, не покидавшими ее никогда въ подобныхъ обстоятельствахъ. Она, прочитавъ сіе сочиненіе, выписала самыя опаснѣйшія въ ней мнѣнія и сей экстрактъ послала въ Уголовную Палату съ повелѣніемъ, чтобъ судьи, разсмотрѣвъ сіи пагубносныя мнѣнія, отвѣчали, какому наказанію повиненъ по нашимъ законамъ тотъ, кто подобное разсѣваетъ въ народѣ. Онъ приговоренъ былъ къ смерти,

яко бунтовщикъ. Многіе меня увѣряли, что онъ былъ изъ числа такъ называемыхъ мартинистовъ, что̀ и вѣроятно.

Въ каждомъ государствѣ самое, кажется, главное правило быть должно, чтобы поддерживать въ народѣ добрые нравы. На сей конецъ надлежитъ въ немъ усугублять благоговѣніе къ вѣрѣ; а дабы сіе правило воздѣйствовало надлежащимъ образомъ, то должны всѣ надъ нимъ начальствующіе служить тому примѣромъ. Съ тѣхъ поръ какъ начали писать и углубляться въ системы гражданскаго законодательства, никто полезнѣе не могъ найтить сего Соломонова изреченія, что страхъ Божій есть начало премудрости. Еще я недавно читалъ, что благоговѣніе къ вѣрѣ весьма способствовало прославить царствованіе Людовика XIV-го и что частію краснорѣчіе проповѣдниковъ, усовершенствовавъ языкъ Французскій, распространило сіе совершенство и на всѣ прочія отрасли словесности. Какое позорище важнѣе показаться можетъ для народа и сильнѣе впечатлѣніе въ немъ сдѣлать, когда онъ видитъ всѣхъ первенствующихъ вельможъ, начиная съ самаго государя, прибѣжныхъ къ вѣрѣ и исполняющихъ съ усердіемъ весь долгъ, на христіанина возложенный. Тогда покажется и не безъ основанія, что и гражданскихъ должностей обязанности со всевозможною доброю волею и желаніемъ безъ всякаго пристрастія выполняются. Тогда самолюбіе и роскошь, имѣющія противоборствующую причину, не выходятъ изъ надлежащихъ границъ и не разсѣеваютъ зловредную заразу пустова чванства вмѣнять въ достоинство жить не по состоянію. Но сколь уже мы отдалены отъ сего положенія! Случилось мнѣ однажды найтить въ Аглинскомъ авторѣ сравненіе имъ сдѣланное между языческимъ и христіанскимъ героемъ. Сличивъ нравоученіе древнихъ съ нравоученіемъ Евангельскимъ, для образованія человѣка, онъ ясно доказываетъ, что поученія Іисуса вящія достоинства выводятъ въ человѣкѣ и даетъ имъ преимущество. Мы люди свѣтскіе о семъ мало размышляемъ, да и подчиняемся безъ всякой осторожности общимъ принятымъ правиламъ, хотя они ни мало не ведутъ насъ къ совершенству, а напротивъ къ развращенію.

Должности вельможъ конечно велики, трудны и тягостны. Но какое за нихъ лестное удовлетвореніе, какая пріятная награда, честь, уваженіе и похвала! Люди портятся безъ сумнѣнія, но портятся отъ дурныхъ примѣровъ. Сіи разсужденія опять меня обращаютъ къ Императрицѣ. Во время ея царствованія все было важно, почтенно. Она умѣла себя такъ вести, что каждый вельможа ее почиталъ и любилъ и старался также на нее походить. Вольтеръ написалъ:

Когда Августъ пилъ, вся Польша были пьяна.

Вотъ какъ сильно дѣйствуетъ надъ подданными примѣръ государя!

Великое дѣло, когда каждый государь не выходитъ изъ правилъ, впечатлѣвающихъ къ нему благоговѣніе его народа. Въ семъ чувствованіи замыкается въ каждомъ желаніе исполнять въ точности возлагаемую на него должность. Толпу людей невозможно содержать безъ страха. Въ нынѣшнее время, когда я сіе пишу, поведеніе императора Наполеона съ Французскимъ народомъ сему служить можетъ ощутительнымъ доказательствомъ.

Говоря о Французахъ, кстати вспомнилъ и опишу вкратцѣ пріѣздъ въ Петербургъ графа д'Артуа. Сей принцъ, братъ несчастнаго Французскаго короля, выѣхалъ изъ своего государства, дабы просить помощи у другихъ государей въ защищеніе своего брата, у котораго уже власть начали отымать. Въ Саксоніи, въ Пильницѣ, былъ сдѣланъ и подписанъ трактатъ, по которому нѣкоторыя державы, какъ-то Пруссія, Австрія и пр., соединясь между собою, обѣщались войну объявить Франціи съ такимъ уго-

воромъ, чтобы выручить Людовика изъ злодѣйскихъ рукъ раздраженныхъ Якобинцевъ. Но сей поступокъ ихъ токмо болѣе ожесточилъ. Слѣдствія извѣстны. Между тѣмъ графъ д'Артуа въ Петербургъ пріѣхалъ и былъ принятъ съ особою отличностію и съ полнымъ увѣреніемъ о всевозможномъ вспомоществованіи пособить ему сдѣлать высадку на берега Франціи, гдѣ его единомышленники его уже дожидались. Онъ, сѣвши при отъѣздѣ отъ насъ на фрегатъ, намѣревался сперва заѣхать въ Англію, но тамъ не былъ принятъ. Поведеніе въ семъ случаѣ славнаго министра Питта, да и во многихъ другихъ, подало случай принца осуждать, и если подлинно разсмотрѣть безпристрастно, то можно найтить въ поведеніи его великія ошибки. Многіе знающіе люди увѣряютъ, что отъ него зависѣло прекратить революцію, подавая надлежащую помощь Вандейцамъ; но его мысли, кажется, были тѣ, что продолженіе сихъ бѣдствій приведетъ наконецъ Францію въ крайнюю слабость и истощеніе. Вмѣсто того сіе государство, среди разстройки, мятежей и междоусобія, нашло въ себѣ столько средствъ и пособій, что даже не только противустояло внѣшнимъ непріятелямъ, но ихъ привело въ слабость. Политическая система Англіи не есть лучшая, ибо основана на корыстолюбіи, слѣдственно она старается во всякомъ случаѣ всѣ выгоды въ собственную свою пользу обращать и непостоянно и скупо другимъ помогаетъ.

Многія части въ правленіи государственномъ во время царствованія Великой Екатерины образованы по новому начертанію, между прочимъ губерніи или намѣстничества. Отъ сего учрежденія проистекла для Имперіи большая польза. Прежде одинъ воевода съ товарищемъ управлялъ цѣлою губерніею, въ дѣлахъ были большая проволочка и неудобность. Дворянство, живущее въ деревняхъ, не имѣло столько способовъ въ воспитаніи дѣтей и, мало между собою сообщаясь, оставалось въ совершенной праздности и безъ всякой пользы для Отечества; нравы не обработывались и оставались загрубѣлыми, особливо же въ отдаленныхъ губерніяхъ, народъ или крестьяне не имѣли понятія о нѣкоторомъ общемъ порядкѣ и не столько имѣли способовъ къ промышленности. Симъ общеполезнымъ средствомъ распространилось нѣкоторое нужное просвѣщеніе и обходительность. Находили только, что въ начертаніи о губерніяхъ излишнія учреждены присутственныя мѣста первой инстанціи, что̀ кажется послѣ и поправлено уничтоженіемъ нѣкоторыхъ. Въ разсужденіи пространства нашей Имперіи и свирѣпыхъ свойствъ нашего народа, нужно было ввести сельскую полицію или благочиніе. Съ того времени дѣйствительно менѣе слышно о какихъ либо злодѣяніяхъ. Не рѣдко случались и злоупотребленія со стороны помѣщиковъ. Правленіе въ нашей Имперіи таково, что совѣстью болѣе дѣйствуетъ, нежели настоящимъ правомъ. Границы власти неопредѣленны; слѣдственно несоразмѣрность часто можетъ быть употреблена вмѣсто справедливости. Разумѣется, что я говорю о частной власти, не имѣющей препонъ. Верховная власть не должна бы никогда выходить изъ круга предписаннаго законами. Великій Петръ не успѣлъ довершить законодательство во всей полнотѣ. Екатерина остановилась на той точкѣ, которой перейти безъ большей опасности не возможно было: дать народу законную свободу, т. е. уничтожить собственность надъ крестьянами. О семъ подумывали въ ея царствованіе, но исполнить не смѣли; да и трудно къ сему приступить. Надобно, кажется, чтобъ черезъ время оное какъ будто само собой пришло. Въ теперешнее время, когда я сіе пишу (1809), нашли изрядной способъ, вмѣсто одного, всѣхъ крестьянъ цѣлой вотчины отпущать; а они потомъ, управляясь сами собою, начали называться вольными пахарями. Если бъ отъ принадлежности крестьянъ являлись

частыя злоупотребленія, то сіе наносило бы великій вредъ государству; но сего во множествѣ рѣдко видно. Да и по моему мнѣніе въ этомъ важномъ перемѣненіи, весьма трудномъ въ исполненіи, будетъ ли большая польза? Распространять мои разсужденія я далѣе не желаю, предоставляя превосходнымъ умамъ рѣшить сію задачу; а довольствуюсь токмо смѣло сказать, судя по опытности, что крестьянъ въ Россійской Имперіе несчастными назвать нельзя, если я съ ними сравню нѣкоторыхъ другихъ земель крестьянъ: наши, хотя въ рабствѣ, но многихъ превосходятъ. Каждое государство имѣетъ свою особенность, по своему положенію и по свойствамъ своего народа и, кажется, должно въ оной оставаться. Попрекаютъ намъ другіе въ разсужденіи нашихъ крестьянъ, но вспомнили бы о Польшѣ, въ какомъ состояніи въ ней были всегда крестьяне, и возможно ли ихъ съ нашими сравнить.

Въ 1787 году угодно было Государынѣ Императрицѣ послать меня къ Шведскому королю поблагодарить его за присылку ей сдѣланную съ поздравленіемъ благополучнаго возвращенія изъ Крыма.

Всѣмъ извѣстно, что Швеція, по неплодородію своей земли и по суровости своего климата, весьма недостаточна съѣстными припасами, а особливо хлѣбомъ. Главный торгъ ея состоитъ въ желѣзѣ и мѣди. Правленіе ея Густавомъ III-мъ перемѣнено, т. е. что онъ унизилъ власть Сената. Сіе правительство наконецъ всѣмъ распоряжало въ государствѣ и даже противилось волѣ своего государя. Онъ иногда принужденно подписывалъ рѣшеніе, Сенатомъ учиненное. Дворъ Французскій, всегда намъ неблагопріятствующій, вслѣдствіе условія единожды навсегда утвержденнаго трактатами, давалъ Шведскому королю денежныя субсидіи для содержанія многочисленнаго войска. Россійскій дворъ ради своихъ выгодъ имѣлъ всегда, помощію также денегъ, многихъ ему преданныхъ и поддерживающихъ важность и могущество Сената. Со временъ Густава III-го, къ которому я былъ посланъ, все сіе уже перемѣнилось. Переворотъ Французскій довершилъ сію перемѣну. Денегъ присылать не стали. Король часъ отъ часу дѣлался самовластнѣе. Повоевавъ съ нами неудачно, заключилъ миръ и, перемѣнивъ свою систему, по случаю гибельныхъ для человѣческаго роду Якобинскихъ правилъ, приложился было къ Императрицѣ. Съ нею, яко смежный союзникъ, хотѣлъ онъ совокупно войну объявить Франціи. Но хитрые Якобинцы, узнавъ о семъ имъ угрожающемъ намѣреніи и имѣвъ единомыслящихъ уже и въ Швеціи, пресѣкли вѣкъ сего государя. Всѣ обстоятельства его кончины по исторіи извѣстны. Слѣдующій странный и весьма правдивый анекдотъ касательно до сего Двора я почелъ за нужное здѣсь присоединить. Король никогда не любилъ женскій полъ и не могъ рѣшиться имѣть наслѣдниковъ съ своею супругою. Она была короля Датскаго сестра, принцесса видная, стройная и черты лица имѣла пріятныя; была при томъ самаго кроткаго нраву. Королева мать, дому Прусскаго, сѣтуя на сына за его равнодушіе касательно до наслѣдства (ибо онъ хотя и имѣлъ одного брата, герцога Судерманландскаго, женатаго, но также бездѣтнаго), приступала къ нему и выговаривала ему о семъ даже съ негодованіемъ неоднократно. Онъ, почитая мать и не желая ее прогнѣвить, сдѣлалъ ей слѣдующее предложеніе, чтобъ уговорить королеву выбрать изъ придворныхъ кто болѣе ей понравится и прижить съ нимъ наслѣдника. Но долго королева сему противилась; однакожъ наконецъ принуждена была согласиться. У Двора, а особливо въ подобныхъ намѣреніяхъ, есть какая-то особая уловка, и сію цѣломудренную государыню склонили на сей поступокъ, представляя ей, сколь нужно для спокойствія государства имѣть настоящаго преемника престола. Меня увѣряли, что баронъ Мункъ,

находившійся тогда въ достоинствѣ оберъ-шталмейстера—отецъ нынѣшняго короля. Покойный король Густавъ III не токмо его призналъ законнымъ, но и всѣмъ сенаторамъ велѣлъ подпискою его равнымъ образомъ признать.

Въ государствѣ небогатомъ не надобно удивляться заведенному порядку; но мнѣ кажется, что уже установить лучшій, какой я въ Швеціи нашелъ, невозможно. Добрые нравы пресѣченіемъ роскоши весьма были сбережены. Никто не смѣлъ жить сверхъ своего состоянія. Даже и въ платьѣ и въ столѣ все ограничено было законами. При семъ умѣренномъ образѣ жизни, отвращающемъ отъ всякаго разврата, молодые люди, воспитывающіеся подъ присмотромъ своихъ родителей, даже и въ свѣтъ показавшиеся и начавъ службу, никакихъ дурныхъ примѣровъ не могли имѣть. Для того-то въ семъ государствѣ находилось всегда много достойныхъ людей. Я могу смѣло сказать, что я тамъ нашелъ настоящее просвѣщеніе: все то, что служитъ къ почитанію и къ соблюденію вѣры и къ сохраненію общаго порядка. Крестьяне, какъ я индѣ сказалъ, составляя также изъ своихъ депутатовъ часть государственныхъ чиновъ и имѣя голосъ какъ и прочіе на сеймахъ, допущены иногда бывали, по случаю какого либо благодаренія, даже и въ кабинетъ своего государя, что я самъ однажды видѣлъ, и король меня нарочно приказалъ затѣмъ опять къ себѣ позвать, примолвивъ, что сіе позорище довольно можетъ быть для меня любопытно будетъ. Переѣздъ чрезъ Ботническій заливъ весьма непріятенъ, но услуга хороша. Лучшій способъ велѣть заблаговременно привесть лодки изъ острова Аланда въ Абовъ, на которыхъ, переѣхавъ до сего острова и проѣхавъ его, уже въ гавани, называемой Экеръ, находится у почтмейстера родъ пакетбота, на которомъ до береговъ Швеціи доѣзжаютъ. Не худо, въ случаѣ противныхъ вѣтровъ, запастись поболѣе съѣстными припасами, что я и сдѣлалъ.

Не хочу кончить сіе отдѣленіе, не поговоривъ еще о королѣ. Онъ очень любилъ словесность, самъ часто занимался и писывалъ драмы, слѣдственно любилъ театральныя представленія. Во время моей бытности приказалъ онъ сыграть одну своего сочиненія, именуемую Кристина. Содержаніе почерпнуто изъ исторіи Датской и Шведской, и между актами подходилъ ко мнѣ и нѣсколько переводилъ. Но какъ я по-шведски не разумѣю, то принужденъ былъ прибѣгнуть къ знатокамъ. Они меня увѣряли, что въ ней много занимательнаго. Дворъ его составленъ былъ изъ лучшихъ людей, какъ мущинъ, такъ и дамъ, его окружающихъ. Они въ лѣтнее время всѣ жили во дворцѣ, въ увеселительномъ его замкѣ Дротнингольмѣ.

Въ министрѣ, правящемъ иностранныхъ дѣлъ департаментомъ (графѣ Оксентирнѣ), я нашелъ человѣка любезнѣйшаго и съ большими свѣдѣніями; но такъ былъ недостаточенъ, что во всемъ былъ на королевскомъ содержаніи. Онъ меня увѣрялъ, что нѣкоторые анекдоты о Шведенбургѣ дѣйствительно справедливы. Я здѣсь объ нихъ не упоминаю, потому что они всѣмъ извѣстны; но заключу небольшимъ разсужденіемъ, что намъ не можетъ быть никакъ извѣстно и растолковать невозможно, отчего иногда въ человѣкѣ находятся странныя способности, которыя не на обманѣ и не на хитрости основаны. Они насъ приводятъ въ удивленіе, и намъ тогда кажется, что человѣкъ какъ будто что-то сверхъестественное въ себѣ имѣетъ. Но подобныя разсужденія далеко завести могутъ.

Въ 1790 году Ея Величеству угодно было, послѣ возвращенія моего изъ Швеціи, по случаю восшествія на престолъ императора Леопольда, послать меня къ нему съ поздравленіемъ,—лестное препорученіе, тѣмъ паче, что ко двумъ Дворамъ сряду я былъ посланъ. Леопольдъ былъ государь умный, съ большими свѣдѣніями,

любилъ дѣла и занимался охотно, но свойства его были слабы, и примѣтна была въ немъ нѣкоторая робость. Предъ тѣмъ онъ правилъ совершенно Тосканіею. Но на пространномъ театрѣ Германіи и Австрійскаго дому наслѣдственныхъ областей, сдѣлавшись преемникомъ послѣ брата своего Іосифа, правленіе его казалось слабо. Покойной императоръ велъ войну противъ Турокъ совокупно съ нами, но успѣхи не отвѣтствовали его ожиданіямъ. Сверхъ того Нидерландія была не спокойна, и даже въ Венгріи нѣкоторое негодованіе распространяться начиналось. Онъ мнѣ самъ изволилъ разсказывать, что Прусскій Дворъ, пользуясь сими обстоятельствами, старался чрезъ своихъ шпіоновъ размножать неудовольствіе и что сіи причины принудили его величество заключить особый миръ.

При семъ случаѣ я узналъ Вѣну и ея жителей, о чемъ уже и примѣчанія писалъ въ другомъ мѣстѣ (*); а мнѣ хотѣлось токмо упомянуть и показать вкратцѣ, какимъ образомъ себя долженъ вести молодой человѣкъ, присланной отъ важнаго Двора и который, можно сказать, въ виду у всѣхъ въ обществахъ находящихся людей. Тутъ нужны какъ свѣтскость, такъ и обращеніе съ каждымъ, пристойное съ его положеніемъ. Я такъ былъ счастливъ, что и тутъ не менѣе успѣлъ, какъ и въ Швеціи. Мнѣ же самому чрезвычайно было пріятно. Отличныя учтивости, въ пріемѣ мнѣ дѣланныя, уважая отъ кого я былъ присланъ, лаская мое самолюбіе, не уменьшали однако во мнѣ надлежащей признательности, и я старался о семъ нерѣдко съ сими самыми почтенными особами отзываться. Но когда встрѣчалъ я людей гордыхъ и спѣсивыхъ, что̀ въ Вѣнѣ и бываетъ, то платилъ имъ такою же монетою и давалъ иногда почувствовать. На сіе надобно особую ловкость. Я ее, думаю, пріобрѣлъ, бывши долго у Двора и въ большомъ свѣтѣ. По сей причинѣ я совѣтую каждому молодому человѣку къ свѣтскости какъ можно болѣе привыкать и знать и умѣть съ каждымъ по его важности и состоянію пристойно обходиться, безъ лишней смѣлости и безъ робости, въ чемъ состоитъ истинная любезность. Если, при первомъ входѣ въ большой свѣтъ, молодой человѣкъ себя тщательно захочетъ обработывать, онъ нечувствительно сдѣлаетъ такую привычку, что уже ему никакого труда не будетъ, и онъ не найдетъ никогда себя въ замѣшательствѣ.

Одно изъ первыхъ для молодаго человѣка достоинствъ—умѣть говорить ясно и складно. Дабы сіе пріобрѣсти, надобно прилежать къ познанію языковъ и читать какъ можно болѣе и даже выписывать изъ книгъ лучшія изрѣченія. Стараться также, будучи въ свѣтѣ, примѣчать людей, пріятно объясняющихся и нравящихся всѣмъ прочимъ, и у нихъ перенимать. Невѣроятно, сколь отъ того, даже съ посредственными дарованіями, можно поправиться. Женской полъ не токмо пренебрегать не надобно, но стараться во всемъ угождать; а онѣ, по большей части, довольствуются мелкимъ, такъ сказать, и раздробительнымъ вниманіемъ. Главная ихъ слабость состоитъ въ ихъ самолюбіи, и его удовлетворять весьма легко, хотя иногда и на счетъ истины.

Теперь обращаюсь опять къ Вѣнѣ. Кн. Дм. Михайловичъ Голицынъ, посолъ отъ нашего Двора, человѣкъ былъ почтенный, добрый, всѣми любимъ. Онъ пробылъ въ Вѣнѣ до самой своей кончины, что̀ продолжалось около тридцати лѣтъ; жилъ почти открытымъ домомъ и великолѣпнѣе своихъ сотоварищей. Въ немъ было между прочимъ то достоинство, что онъ могъ пріобрѣсть довѣренность не токмо тамошнихъ министровъ, но и самаго государя. Императоръ Іосифъ, когда надобно было о чемъ либо важномъ переговорить, давалъ ему знать, куда и въ которое время пріѣхать; по большей части сіи свиданія бывали въ загородномъ домѣ у князя. Такимъ поведеніемъ въ посланникѣ собственный Дворъ

(*) Гдѣ именно, намъ неизвѣстно. *П. Б.*

долженъ быть доволенъ, и князь могъ называться со всѣхъ сторонъ счастливымъ. Но къ концу жизни его, перемѣною у насъ министерства, сдѣлали ему чувствительную обиду и до крайности огорчили сего почтеннаго старика: прислали къ нему въ товарищи графа Андрея Разумовскаго. Сія небережливость къ заслуженному и усердному и непризнательность тронули его до крайности и сократили, можетъ быть, и вѣкъ его. Вотъ какія иногда уязвительныя огорченія наносятъ намъ придворныя интриги! Не смотрятъ ни на достоинства, ни на услуги и сими перемѣнами иногда много разстроиваютъ дѣла, отчего бываютъ вредныя слѣдствія. Нашелъ я еще тогда славнаго кн. Кауница: онъ подлинно былъ необыкновенный человѣкъ какъ въ дѣлахъ, такъ и въ своихъ привычкахъ. Король Прусскій въ своихъ Запискахъ объ немъ отзывается какъ о человѣкѣ весьма глубокомыслящемъ въ дѣлахъ и весьма мелочномъ въ своихъ вкусахъ; и подлинно его распредѣленіе времени въ теченіи дня, поздній часъ его обѣда (онъ обѣдывалъ въ семь часовъ) одѣяніе его и множество другихъ странностей дѣлали его совершенно, что̀ называется, оригиналомъ. Карактеру былъ онъ также необыкновеннаго и весьма похвальнаго: былъ безпристрастенъ. Ровное, хотя гордое, со всѣми обхожденіе подавало ему способъ узнавать людей. Вотъ анекдотъ дѣлающій ему много чести: внутреннее одно министерское мѣсто упразднилось кончиною вельможи, его занимавшаго. Императрица Марія Терезія совѣтуется съ княземъ, кого назначить. Онъ ей предлагаетъ одного, но она съ удивленіемъ ему напоминаетъ, что представленный имъ тотъ самой, объ которомъ онъ ей однажды сказывалъ, что его ненавидитъ. Кауницъ съ своимъ обыкновеннымъ равнодушіемъ отвѣчаетъ, что хотя онъ меня и терпѣть не можетъ, но у В. В-ва способнѣе на сіе мѣсто нѣтъ другаго. Распредѣленіе часовъ ему такъ было дорого, что онъ очень недоволенъ оставался, если кто къ нему взойдетъ въ необыкновенный часъ. Покойная императрица, супруга императора Леопольда, въ день княжева рожденія, вздумала пріѣхать его поздравить по утру и у него позасидѣлась; ему, не взирая на сдѣланную честь, что-то скучно стало. Чтобъ сократить сію бесѣду, онъ вдругъ ей говоритъ, что покойная Марія Терезія имѣла привычку въ этотъ часъ во дворецъ возвращаться. И такъ добрая сія государыня, понявъ изъ его рѣчей, что время его оставить, уѣхала. Онъ былъ, можно сказать, государями своими избалованъ.

Возвратясь въ Россію, принужденъ я былъ за разлитіемъ водъ взять другой путь, ѣхать на Кіевъ; впрочемъ не сожалѣлъ: въ первый разъ случилось быть въ семъ первопрестольномъ городѣ. Начальники въ немъ бывшіе мало его украшали. Графъ П. А. Румянцевъ никакъ объ немъ не пекся. Сіе небреженіе навлекло ему отъ Императрицы неудовольствіе. Во время путешествія ея въ Крымъ, проѣзжая черезъ нѣкоторые города, она любовалась на ихъ отстройку, но за то въ Кіевѣ, ничего новаго не примѣтивъ, изъяснилась на счетъ начальниковъ не въ ихъ похвалу. Гр. Румянцевъ, начальствуя тогда въ Кіевѣ, сіе услышавъ, пересталъ ѣздить во дворецъ, сказывая о себѣ, что онъ нездоровъ и посѣщающимъ его изъ придворныхъ говаривалъ своимъ маперомъ: «Батюшки, не знаю, какъ Государыня на мнѣ изволитъ взыскивать касательно до строеніевъ; я пріобыкъ брать города, а строить ихъ не мое дѣло».

Послѣ сей поѣздки думалъ я попасть въ дипломатическій корпусъ, но успѣть никакъ не могъ. Все, казалось, къ тому благопріятствовало. Графъ Безбородко мнѣ предоставилъ отличіе представиться Императрицѣ по утру въ почивальной, гдѣ она, по своему обыкновенію, принявъ меня весьма милостиво, изволила со мною разго-

варивать около двухъ часовъ. Я слушалъ ее съ особымъ вниманіемъ, тѣмъ паче что рѣчь тотчасъ началась объ революціи Французской, и она весьма разумно и основательно о семъ пагубномъ происшествіи разсуждать изволила; удивлялась Французскому дворянству, оставившему отечество и короля и разсѣевшемуся по Европѣ. Гдѣ дѣвался въ немъ духъ рыцарства, сказала она, чѣмъ въ прежнія времена оно столь прославлялось? Изыскивая отчасти причины сего восколебанія, я не осмѣлился ничего прибавить на счетъ писателей 18-го вѣка, а особливо на счетъ Вольтера. Государыня (и сіе извѣстно всѣмъ было) любила читать его сочиненія, да и вошла съ нимъ въ переписку. Ея самолюбіе на семъ было замѣшено. Похвала объ ней столь прославляемаго писателя ей должна была быть пріятна. Подробныя донесенія о Дворѣ Вѣнскомъ входили также въ нашъ разговоръ. Мнѣ весьма было лестно, что я въ мою жизнь хотя однажды удостоился такой важной бесѣды и имѣлъ случай столь великой Монархини разсужденія слышать. Я также тутъ кстати имѣлъ время донести Ея Величеству, съ какимъ уваженіемъ мы Русскіе приняты въ чужихъ краяхъ, что̀ должно совершенно отнести столь славному царствованію и такимъ великимъ дѣламъ, каковыми украшалось ея правленіе.

При ней тогда въ случаѣ былъ князь Зубовъ; поведеніе его было не изъ лучшихъ. Онъ сдѣлался гордъ, и публика его не любила. Случилось мнѣ его просить, чтобъ онъ подалъ Государынѣ отъ меня письмо. Я желалъ быть назначенъ посланникомъ къ Сардинскому Двору. Нѣсколько разъ я сперва пріѣзжалъ и все его не могъ видѣть. Наконецъ онъ меня допустилъ. Я его нашелъ читающаго и запечатывающаго бумаги. Сколь скоро я объяснилъ ему мою нужду, онъ мнѣ съ холоднымъ видомъ отвѣтствовалъ, для чего я не чрезъ гр. Безбородку прошу. Я сказалъ ему, что я надѣялся, если онъ сдѣлаетъ мнѣ милость и захочетъ въ семъ случаѣ помочь, что я скорѣе достигну своей цѣли. Письмо онъ взялъ, не увѣривъ меня ни въ чемъ. Послѣ того хотя онъ меня и часто видѣлъ, но никогда не упомянулъ даже, что письмо подано. Вотъ какъ онъ обращался! Сіи люди позабывали, что сколь скоро ихъ случай пройдетъ, то уже ничего не будетъ значить, и всякій имъ оборачиваетъ спину. Я съ нимъ же самимъ видѣлъ сію перемѣну. Послѣ кончины Императрицы, въ первый разъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, по утру во дворцѣ, едва вхожу я въ залу на половину Государя, тутъ нѣкоторые мои знакомые здороваются со мною. Онъ, какъ скоро меня увидѣлъ, подбѣжалъ ко мнѣ, какъ будто обрадованъ, что меня увидѣлъ и спрашивалъ съ нетерпѣніемъ о пріѣздѣ дяди моего кн. Ивана Өедоровича Голицына, котораго Государь, пожаловавъ изъ ген. маіоровъ въ ген. отъ инфантеріи, позвалъ въ Петербургъ. Я, отвѣчая ему съ вѣжливостію, однакожъ остановилъ его, дабы прежде поздороваться съ княземъ Масальскимъ, который ко мнѣ въ тоже время подошелъ и чтобъ дать ему почувствовать, что привѣтствіе его не столь уже важно. Вотъ тотъ же человѣкъ, но другое обхожденіе.

Что̀ болѣе Государыня приходила въ лѣта̀, то все менѣе было видно искренности и любви къ В. Князю. Послѣдніе годы ея царствованія онъ уже все болѣе и болѣе продолжалъ свое пребываніе въ увеселительныхъ своихъ замкахъ и доживалъ до настоящей зимы. Между тѣмъ рѣдко и по праздникамъ въ городъ пріѣзжалъ. Подобное поведеніе привело Государыню въ безпокойство. Она окружилась людьми ей преданными, выписала изъ Бѣлоруссіи Петра Богдановича Пассека (онъ былъ тамъ намѣстникомъ), велѣла ему жить во дворцѣ и пожаловала его въ генералъ-адъютанты. Архаровъ оставленъ былъ въ Петербургѣ военнымъ губернаторомъ. Примѣтнымъ об-

разомъ въ Императрицѣ приближенные увидѣли перемѣну. Она стала задумчивѣе и въ лицѣ поизмѣнилась, а особливо послѣ разрыва, пріуготовленнаго совсѣмъ церковнаго обряда для вѣнчанія Великой Княжны Александры Павловны съ Густавомъ, королемъ Шведскимъ. Неудача сего предначѣреннаго брака произвела въ Государынѣ сильное потрясеніе. Разсказывали мнѣ, что когда графъ Марковъ возвратился во дворецъ съ отказомъ короля, которому предложено было подписать договорные пункты и объявилъ объ ономъ Императрицѣ, она вся затряслась и не могла нѣсколько минутъ ничего спросить. Я до сего времени не знаю точно, въ чемъ состояло главное затрудненіе. Думать надобно, что въ правленіи государствомъ въ случаѣ королевской кончины и въ построеніи въ городѣ Стокгольмѣ Греческой церкви. Но отчего предварительно объ ономъ не изъяснились, также мнѣ неизвѣстно. Сіе тронуло сильно Государыню, и впервыя еще столь важное дѣло не получило желаемаго успѣха. Въ теченіи ея царствованія главныя ея намѣренія всегда исполнялись. Осмѣливаюсь здѣсь при семъ случаѣ сдѣлать свое разсужденіе. Съ королемъ Шведскимъ поступлено нѣсколько самовластно и, можетъ быть, нѣкоторые предложенные пункты противились и нарушали коренные законы Шведскаго правленія, чего, кажется, и требовать бы не надлежало. Разрывъ сего союза уповательно ускорилъ кончину Императрицы, а Великой Княжнѣ причинилъ чувствительное огорченіе, разстроилъ ея здоровіе и вѣроятно также сократилъ ея вѣкъ. Иногда человѣкъ, а особливо вѣнценосецъ, отъ излишняго самолюбія и надменности, мнитъ господствовать событіями по своему произволу и воображаетъ, что власти его никакого сопротивленія быть не можетъ.

Послѣ сего непріятнаго происшествія Государыня вскорѣ скончалась апоплексическимъ ударомъ 6 Ноября 1796 года. Къ Государю, находившемуся тогда въ Гатчинѣ, послали тогда гр. Николая Зубова донести, что Императрица совсѣмъ безъ надежды и въ крайней опасности. Государь однакожъ ее засталъ хотя дышущую, но уже совершенно безъ памяти. Какъ скоро она скончалась, онъ велѣлъ сказать князю Ѳедору Барятинскому, бывшему обергофмаршаломъ,что онъ отставленъ. Все чрезъ сутки приняло совсѣмъ новый видъ. Перемѣна мундировъ въ полкахъ гвардіи, вахтъ-парады, новыя правила въ военномъ ученіи; однимъ словомъ, кто бы за недѣлю до того уѣхалъ, по возвращеніи ничего бы не узналъ, что̀ со мною и случилось по моемъ пріѣздѣ изъ Москвы. Дворецъ какъ будто обратился весь въ казармы: внутренніе бекеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо поутру. Стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей, все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли. Тутъ уже тотчасъ было примѣтно, сколь Государь страстно любилъ все военное, а особливо точность и аккуратность въ движеніяхъ, слѣдуя отчасти правиламъ Фредерика, короля Прусскаго.

Я уже былъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, въ девятый день по кончинѣ Императрицы, во дворцѣ. Признаюсь, что при входѣ на лѣстницу былъ тронутъ чувствомъ сожалѣнія и никакъ не могъ предвидѣть, что увижу такъ скоро ея тѣло, поставленное въ тронной, подъ тѣмъ же самымъ балдахиномъ, гдѣ я ее видалъ въ величественномъ ея видѣ, дающую аудіенціи. Сіе позорище меня до крайности разстрогало и я, зарыдавъ, подошелъ и поцѣловалъ ея руку, которую нарочно изъ гроба по самому краю положили, для всѣхъ желающихъ отдавать ей послѣдній долгъ благодарности и уваженія. Послѣ того, остановясь нѣсколько минутъ, началъ не нее смотрѣть. Какія мысли обращались тогда въ моемъ воображеніи, описать не въ состояніи. Но если есть что̀ важнаго въ свѣтѣ, то, конечно, кончина земнаго могущаго владыки. Какой страшной отчетъ онъ отдать долженъ, какую славу онъ послѣ

себя оставляетъ! Но къ несчастію иногда судьба ихъ подданныхъ не столь тщательно и прилежно ихъ занимаетъ. Императрица же настоящимъ образомъ пеклась о благосостояніи ей ввѣреннаго народа, что̀ мы уже и видѣли. Не доставало токмо дружеской связи между ею и Великимъ Княземъ. Сей недостатокъ имѣлъ для Россіи несчастныя слѣдствія. Государь Императоръ Павелъ, при восшествіи своемъ на престолъ, питая издавна въ сердцѣ своемъ чувствительныя неудовольствія, хотя ознаменовалъ начало своего царствованія знаками щедрости, но имѣя отъ природы большую въ свойствахъ горячность, началъ поступать нерѣдко съ несовмѣстною съ проступками суровостію. Сей быстрой переходъ изъ кроткаго и милосердаго въ столь строгое правленіе привелъ Россіянъ въ ужасъ и негодованіе. Для меня непонятно сдѣлалось, отчего Государь возъимѣлъ къ своему народу такую недовѣрчивость. Въ Россіи предъ его восшествіемъ все было спокойно; хотя большая часть Европы отъ Французскаго переворота восколебалась, у насъ непримѣтно было никакой наклонности къ перемѣнамъ. Государыня спокойно царствовала, не страшилась Якобинцевъ и ихъ пагубоносныхъ правилъ. Приписываютъ однакожъ бѣдственной судьбѣ, постигшей Людовика XVI и его семейство, строгіе поступки Государя съ его подданными. Мнѣ разсказывали, что онъ, разсуждая о сихъ несчастіяхъ, еще будучи Великимъ Княземъ, относилъ все сіе къ слабости въ правленіи короля Французскаго, въ чемъ онъ еще болѣе былъ убѣжденъ тѣмъ самымъ Эстергазіемъ (*), находившимся тогда у нашего Двора въ достоинствѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Бурбонскихъ принцевъ. Вторая причина — ненависть ко всему что̀ учреждено было Императрицей, подавшая случай къ большимъ и напраснымъ перемѣненіямъ. Государь былъ уменъ, съ большими свѣдѣніями, не мстителенъ, но горячъ въ первомъ движеніи до изступленія. Личное самовластіе въ непремѣнномъ исполненіи самымъ скорымъ образомъ его воли, хотя бы какія дурныя слѣдствія отъ того ни произошли, былъ главный его порокъ. Онъ не столько полагался на законы, сколько на собственное свое произволеніе. Если что̀ приказалъ министру, сей не смѣй ему на ту минуту ни малѣйшаго дѣлать представленія. Отъ того происходили даже въ системѣ политической частыя перемѣны. Сначала своего воцаренія Государь какъ будто отрекся отъ союза съ какою либо въ Европѣ державою, что̀ и продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ вошелъ въ союзъ съ Австріею противъ Французовъ; вслѣдствіе желанія Австрійскаго Императора, послалъ славнаго фельдмаршала Суворова командовать въ Италіи соединенною арміею. Сдѣлавшись недоволенъ и не безъ причины Вѣнскимъ дворомъ, вошелъ въ союзъ съ Франціею, гдѣ между тѣмъ консульское правленіе дѣйствовало противъ Англіи. Сія послѣдняя держава, взявши островъ Мальту, ему, по прежнему сдѣланному условію, его не уступила; а онъ, принявъ на себя гросмейстерство ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго, уже было въ Мальту и коменданта назначилъ. Все сіе извѣстно, и за тѣмъ я не вхожу ни въ какую подробность. Прибавлю токмо, что Англичане, при семъ случаѣ, превеликую сдѣлали ошибку. Ихъ главная выгода всегда и вездѣ имѣть гавань, складывать товары, однимъ словомъ пользоваться выгодами торговли. Императоръ Россійскій, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ Государей, который бы имъ въ томъ не помѣшалъ. Гарнизонъ былъ бы нашъ; желаніе Государя исполнилось бы, а прочее оставалось бы все въ ихъ повелѣніи.

Непомѣрная строгость Государя, а особливо къ военнослужащимъ, крайне оскорбила дворянство и отняла духъ и желаніе

(*) См. объ этомъ Эстергазіи въ первой книгѣ «Осмнадцатаго Вѣка.» *П. Б.*

къ службѣ. Въ гражданской части равнымъ образомъ воспослѣдовали большія перемѣны: ни одинъ министръ не оставался двухъ лѣтъ на своемъ мѣстѣ. Пять генералъ-прокуроровъ перемѣнились въ четыре года его царствованія. При немъ-то безсмертный Суворовъ своими въ Италіи побѣдами прибавилъ еще болѣе славы Россійскому оружію, но и сей пресловутый воинъ наконецъ сдѣлался несчастливъ.

Государь, по просьбѣ дяди моего И. И. Шувалова, пожаловалъ меня кураторомъ Московскаго университета. Но я еще оставался въ Петербургѣ и участвовалъ въ церемоніи перенесенія тѣла Императора Петра III-го изъ Невскаго монастыря въ Зимній Дворецъ. Государь, благоговѣя къ памяти своего родителя и желая сравнять его прахъ мѣстомъ погребенія съ прочими нашими государями, сперва перенесъ останки его въ Зимній Дворецъ, гдѣ они и поставлены были рядомъ съ тѣломъ Государыни Екатерины. Кто помнилъ прежнія происшествія, тотъ могъ при семъ случаѣ дѣлать важныя заключенія. Также удивительно, что какъ будто нарочно долженъ былъ случиться на это время въ Петербургѣ гр. Алексѣй Орловъ; ему также приказано было въ числѣ употребленныхъ находиться. Что̀ въ немъ въ этотъ день происходило, каждый вообразить можетъ; а никто бы, думаю, не согласился быть въ его положеніи. За нѣсколько дней до сего перенесенія, Государь наложилъ на гробницу августѣйшаго родителя своего золотую корону, ибо онъ не былъ коронованъ. Всѣ еще находившіеся и служившіе покойному Императору получили награжденія; между прочимъ и дядя мой родной, князь Иванъ Ѳедоровичъ, бывшій при Государѣ генералъ-адъютантомъ и жившій въ отставкѣ генералъ маіоромъ, пожалованъ былъ генераломъ полнымъ и Александровскимъ кавалеромъ.

Къ шести недѣлямъ послѣ кончины Императрицы послѣдовало ихъ погребеніе въ Церкви Петра и Павла что̀ въ крѣпости. Я во время сей церемоніи имѣлъ счастіе быть при Ея В-вѣ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и ее препровождать. Противъ царскихъ дверей было сдѣлано небольшое возвышеніе; тутъ поставили тѣло покойной Екатерины. При концѣ панихиды, Государыня Императрица, взошедъ на оное, воздала ей послѣдній долгъ, поцѣловавъ дважды ее, и потомъ, покрывъ Императорскою мантіею тѣло, съ помощію тутъ находящихся, наложили крышу. Вскорѣ потомъ вся церемонія и окончилась.

Государь Павелъ царствовалъ токмо четыре года и нѣсколько мѣсяцевъ. На мѣсто дѣвицы Нелидовой, къ Государю вошла въ милость княжна Лопухина. Продолженіе такого поведенія нанесло ему еще бо̀льшій вредъ: ибо, отдаляяся болѣе и болѣе отъ своей августѣйшей супруги, въ нравѣ своемъ становился онъ часъ отъ часу свирѣпѣе и отъ малыхъ причинъ могъ быть раздраженъ; а Императрица, по своей кротости и благонравію, была во всякомъ случаѣ нужна своему августѣйшему супругу, дабы утолять его непомѣрной гнѣвъ и смягчать сердце. До отдаленія еще дѣвицы Нелидовой, Государыня, примѣтя ея почтительное обращеніе и удостовѣряся, что со стороны Государя настоящей любовной страсти въ связи сей не было, обратилась къ ней и стала съ нею милостиво обходиться. Сія перемѣна произвела въ Государѣ желаемый успѣхъ, и примѣтили тогда, что онъ гнѣвъ свой сталъ иногда умѣрять. Но сіе положеніе къ несчастію не продолжилось. Новый и уже настоящій предметъ любви (княжна Лопухина), возродивъ въ немъ новую страсть, приводилъ его еще болѣе и чаще прежняго въ волнованіе. Наконецъ несносно стало служить, а особливо военнымъ. За малые проступки слѣдовали оскорбительныя и почти честь трогающія наказанія, безпрерывные аресты или посаженіе въ крѣпость гвардіи офицеровъ. Все сіе покажется невѣроятнымъ

въ предбудущія времена и нашему потомству. Сдѣлаемъ здѣсь одно разсужденіе. Дабы сему странному и несовмѣстному обхожденію происходить, надлежало, чтобы Государь имѣлъ какъ будто нарочно въ характерѣ противоположности и большую недовѣрчивость, чтобы любилъ безпрестанныя перемѣны и чтобы считалъ нужнымъ и полезнымъ вперять въ людяхъ какой-то необыкновенный страхъ. Но всему есть мѣра, и самое въ семъ случаѣ главное правило состоитъ, чтобъ, принявъ за основаніе своихъ поступокъ свойства и усердіе подданныхъ, на нихъ установить образъ своего правленія. Можно почти навѣрное сказать, что еслибы Государь Павелъ Первый умѣлъ собою иногда владѣть и все разсматривать холоднокровнѣе, имѣвъ большія способности и усердныхъ и преданныхъ подданныхъ, царствованіе его содѣлалось бы необыкновеннымъ.

Здѣсь я, дабы перейтить на нѣсколько минутъ отъ важныхъ разсужденій къ забавному, помѣщу нѣкоторые мною слышанные анекдоты. При началѣ царствованія его, постановлены были во дворцѣ въ переднихъ комнатахъ внутренніе бекеты и перемѣнено слово, вмѣсто какъ прежде командовали *къ ружью*, велѣно кричать *вонъ!* Въ одно утро г. прокуроръ графъ Самойловъ, проходя съ дѣлами къ Государю мимо бекета, и караульный офицеръ, желая отдать ему честь, закричалъ *вонъ*, графъ, не понявъ, что̀ это значитъ, вздумалъ, что всѣхъ изъ комнаты выгоняютъ, поворотяся уѣхалъ домой.

Государь Павелъ отмѣнно наблюдалъ точность и порядокъ, даже въ самыхъ ничего незначущихъ обстоятельствахъ, и когда хотѣлось бы ему что нибудь, но если оно противно обыкновенію, онъ безъ роптанія отставалъ. Напримѣръ, во время коронаціи, въ первые дни, ему хотѣлось имѣть трость въ рукахъ, о чемъ онъ неоднократно посылалъ навѣдываться у оберъ-церемоніймейстера г-на Валуева, но тотъ ему отказалъ и уже наконецъ велѣлъ повторить, что нельзя, нельзя, и Государь замолчалъ.

Передъ тѣмъ что пріѣхать палатину, эрцгерцогу Австрійскому, для бракосочетанія съ В. Княжною Александрою Павловною, Государь къ нему изволилъ неоднократно писывать. Въ послѣднемъ письмѣ онъ ему между прочимъ прибавляетъ, что онъ ему обрадуется и обойдется съ нимъ какъ съ сыномъ. Надобно знать, что передъ самымъ его пріѣздомъ В. Князь Александръ Павловичъ на нѣсколько дней попалъ въ немилость, и Государь пересталъ съ нимъ говорить. Палатинъ пріѣзжаетъ, входитъ. Государь, облобызавъ его, хотѣлъ было тотъ же часъ на него вздѣть орденъ Св. Андрея; но палатинъ объяснилъ, что онъ его безъ дозволенія принять не можетъ, понеже имѣетъ Золотое Руно. Государь разгнѣвался и пересталъ съ нимъ говорить, что̀ черезъ нѣсколько времени палатинъ примѣтя, кое-кому разсказывалъ, что подлинно Государь слово свое сдержалъ, обѣщавъ съ нимъ обращаться какъ съ сыномъ.

Присутствіе духа одного караульнаго офицера достойно замѣчанія. Государь ѣхалъ въ саняхъ мимо стоящаго на перспективѣ бекету; офицеръ ему отдалъ честь, но Государю показалось, что не все было по предписанію. Онъ останавливается, нѣсколько проѣхавъ, посылаетъ за офицеромъ ординарца, но офицеръ не идетъ. Государь, уже нѣсколько разгнѣванный, посылаетъ къ нему В. Князя Александра Павловича, который съ нимъ сидѣлъ. Тотъ же отъ офицера отвѣтъ, что онъ не пойдетъ. Государь, разсердившися, возвращается во дворецъ, посылаетъ за графомъ Паленомъ, приказываетъ смѣнить офицера и привесть, дѣлаетъ на него окрикъ и спрашиваетъ, для чего онъ ослушался. Офицеръ, не обробѣвъ нимало, отвѣчаетъ, что если бы онъ отошелъ отъ своего поста, то нарушилъ бы данныя Его Императорскимъ Величествомъ приказанія. Сей отвѣтъ, весьма

основательный и справедливый, такъ Государю полюбился, что онъ его тотчасъ пожаловалъ изъ подпоручиковъ въ поручики, прибавивъ ему, что онъ передъ нимъ виноватъ.

Кажется, ничего мнѣ болѣе не осталось прибавить къ царствованію Государя Павла. Не хочу я въ дальнія разсужденія распространяться. Но можетъ быть здѣсь повторю, что дворянство не токмо что въ его время отъ крутыхъ перемѣнъ потерпѣло, но и свойства его нѣсколько перемѣнились. Служба пошла новая, на другихъ правилахъ основанная, а паче всего частые штрафы, посаженіе въ крѣпость и снятіе шпагъ, всѣ сіи уничижительныя, несоразмѣрныя и необыкновенныя мѣры отвратили дворянство совершенно отъ службы. Упалъ духъ, сдѣлалось роптаніе. Если бы кто тогда изъ почтеннѣйшихъ вельможъ, изъ усердія къ Отечеству, восхотѣлъ пожертвовать собою и, вошедъ въ кабинетъ къ Государю, упавъ къ его стопамъ, осмѣлился бы объяснить, сколь пагубоносны могутъ быть принятыя имъ столь строгія понапрасну правила, можетъ быть онъ и перемѣнилъ бы образъ его мыслей. Мнѣ разсказывалъ Николай Петровичъ Архаровъ, что отъ одного губернатора получено было въ рапортѣ, что нѣкоторые молодые люди, живущіе въ томъ городѣ, не токмо подъ овинами, но и почти нескрытно въ своихъ разговорахъ пришли въ подозрѣніе о нѣкоторомъ намѣреніи на особу Государя. Ихъ велѣно было прислать подъ карауломъ въ Петербургъ. Архаровъ, будучи военнымъ губернаторомъ, по допросѣ, доложилъ Государю, что они признались и просятъ прощенія. Государь ихъ велѣлъ къ себѣ представить, попрекалъ имъ въ ихъ намѣреніи. По выходѣ ихъ, Архаровъ спросилъ, что̀ онъ прикажетъ съ ними дѣлать и совершенно былъ увѣренъ, что ихъ разжалуютъ и отошлютъ въ ссылку; но вмѣсто того Государь приказалъ ихъ отослать обратно и дать денегъ на прогоны.

V. 8.

Кончина Императора меня чрезвычайно поразила. Имѣвъ счастіе знать его коротко и служить при немъ, я и нѣкоторые другіе, преданные ему, мы всегда желали, до его воцаренія, чтобъ онъ, взявъ бразды правленія, съ полною и основательною надеждою въ любви къ себѣ подданныхъ, началъ свое царствованіе; но, какъ я выше сказалъ, переворотъ во Франціи поселилъ въ немъ совсѣмъ иныя правила. Непринятіе ни отъ кого нужныхъ совѣтовъ (что̀ однакожъ Великій Петръ не токмо не отвергалъ, но не рѣдко за нихъ благодарилъ) во вредъ ему обратилось. Однимъ словомъ, перемѣнчивость его и неосновательность во всѣхъ важныхъ постановленіяхъ привели всѣ вещи въ замѣшательство и въ какую-то торопливость....

Я нѣсколько подолѣе, какъ говорятъ, на семъ пунктѣ остановился, потому что всячески было жаль людямъ благомыслящимъ видѣть великолѣпное зданіе, созидавшееся столько лѣтъ рѣдкими дарованіями нѣкоторыхъ нашихъ государей (я разумѣю важность и могущество Россійской Имперіи) начинающееся портиться. Многіе тужили, что дожили до сихъ временъ. Россія не можетъ равняться съ прочими государствами по нѣкоторымъ отношеніямъ. Еслибъ однажды учрежденное въ ней государственное хозяйство невредимо оставалось, тогда бы Россія никакого униженія не могла бы восчувствовать. Но надлежитъ сіе объяснить. Система политическая каждой могущей державы должна перемѣняться рѣдко; ибо подобной державѣ, имѣющей самой по себѣ многочисленное и храброе войско и достаточные доходы, не нужно искать часто союзниковъ и ихъ по обстоятельствамъ перемѣнять. Напротивъ, ея дружбы и вспомоществованія другіе часто должны просить. Сія политическая система должна быть тѣсно связана съ внутреннимъ хозяйствомъ и основывается на общихъ правилахъ торговли или коммерціи. Со всѣми однакожъ такими выгодами не должно

предпринимать никакой войны безъ ощутительной для себя пользы. Военная часть, уже по себѣ разумѣется, должна быть во всякой исправности на мирное время. Честь и совѣсть должны каждаго употребляемаго вельможу побуждать въ ввѣренной ему части правленія быть бдительну и исправну, а особливо не скучать раздробленіями и никакъ (ими) не пренебрегать.

Нѣкоторая строгость съ Русскими подчиненными отъ начальствующаго весьма нужна: кто заслуживаетъ штрафъ или наказаніе, безъ упущенія да наказанъ будетъ. Сіе непремѣнно нужно къ сохраненію порядка. Строгость же вознаграждается одобреніемъ къ повышеніямъ, знаками за усердіе и т. под. Но отъ чего же столь трудно и мудрено все сіе цѣлое, составляющее всѣ части государственнаго правленія, содержать въ нѣкоторомъ постоянномъ порядкѣ? Отъ начальствующихъ вельможъ. У нихъ изглаживается въ сердцахъ истинная любовь къ Отечеству, возрождаются же на мѣсто оной корысть и собственныя выгоды. Нравы портятся, и хотя бы за ними было особое наблюденіе, невозможно, кажется, имъ въ продолжительности одинаковыми быть. Но примѣръ самаго государя много и почти все въ семъ случаѣ дѣлаетъ. Подданные непремѣнно въ многомъ ему подражаютъ. Я, можетъ быть, иногда повторяю, что пишу, но однакожъ не могу воздержаться, чтобъ съ удивленіемъ не сказать: для чего потомки великой Екатерины не берутъ ея въ примѣръ? Должность, возложенная на государя, столь велика, столь важна (ибо благоденствіе нѣсколькихъ милліоновъ народа отъ нея зависитъ), что прочее все въ образѣ его жизни становится постороннимъ. Онъ долженъ себя вести, и даже въ своихъ удовольствіяхъ, не по примѣру частнаго человѣка. Все время его и всѣ часы уже должны быть опредѣлены на пользу государства. Отдохновенія ему остается мало. Но какое же онъ ощущаетъ въ себѣ безподобное удовольствіе, въ полномъ увѣреніи, что бдительностію своею и безпрестанными занятіями онъ осчастливливаетъ тьму людей всякаго состоянія, отъ Бога ему ввѣренныхъ, имя его съ восторгомъ произносящихъ и возсылающихъ ко Всевышнему мольбы о продолженіи драгоцѣнныхъ его дней! Усладительная мысль сія должна, кажется, превышать всѣ прочія соображенія. Не устрашается государь тяжести подъемлемаго имъ бремени правленія государства; онъ окружаетъ себя людьми въ томъ ему помогающими. Но какъ онъ ихъ изберетъ? Сіе обстоятельство всѣхъ для него затруднительнѣе. Но однакожъ, подавая собою примѣръ, ревнуя въ прилежности къ дѣламъ на ряду съ ними, онъ усугубляетъ въ нихъ желаніе служить Отечеству.

Государыня, кажется, за правило себѣ поставляла рѣдко перемѣнять министровъ, что не мало послужило къ утвержденію порядка внутренняго и къ усовершенствованію нѣкоторыхъ частей въ правленіи. Вся сія сложная громада, подъ ея взоромъ, двигалась согласно и стройно. Такое-то сильное впечатлѣніе производитъ необыкновенный умъ! Но подобно, какъ человѣческое тѣло имѣетъ свою юность, зрѣлость, гдѣ всѣ силы его и бодрость находятся въ лучшемъ состояніи, а при старости начнетъ приходить въ слабость: равно и государства, возвышаясь постепенно, находятъ наконецъ предѣлъ и съ той уже точки начинаютъ разстроиваться, ослабѣвать и къ паденію склоняться. Царствованіе Екатерины, мнится, было высшею степенью славы Россіи. Счастливымъ я себя поставляю, что жилъ въ ея время, и ей служилъ, и былъ очевидцемъ всей величественности и уваженія, до котораго достигло мое любимое Отечество. Какъ при томъ пропустить безъ должной похвалы тѣхъ самыхъ ея помощниковъ, знаменитыхъ соотчичей нашихъ, одаренныхъ необыкновенными способностями, доказавшихъ всей Европѣ, что Россіяне могутъ почитаться, безъ всякой

лести, почти въ свѣтѣ первымъ народомъ.

Государыня была очень терпѣлива и до служащихъ въ ея комнатахъ очень милостива. Вотъ сему примѣръ. Однажды, послѣ обѣда, она, сидя въ кабинетѣ, изволила написать записку и позвонила, чтобы вошелъ камердинеръ; но никто не входитъ. Она въ другой разъ, но также никого. Подождавши немного, она уже изволила встать, пошла къ нимъ въ комнату и съ удивленіемъ, но безъ гнѣва, имъ сказала, что она нѣсколько разъ звонила, но никто не идетъ. Они оробѣвши извинилися, что не слыхали. «А что̀ вы дѣлаете?» изволила Государыня спросить. — «Мы между собою играли въ карты по обыкновенію».—Такъ вотъ тебѣ, Михайла, письмецо; отнеси его къ князю Потемкину; а чтобъ не останавливать вашу игру, я, покуда ты ходишь, сяду за тебя». — Какая милость и какое снисхожденіе!

Однажды Императрица, передъ тѣмъ, что ѣхать прогуливаться въ саняхъ, изволила выдти немного прежде, нежели ея ожидали. Бывъ дежурнымъ, я тутъ случился. Пошли мы по сдѣланному скату вмѣсто лѣстницы (а сіе было сдѣлано, чтобъ покойнѣе всходить). Она вдругъ изволитъ мнѣ говорить по-французски: Si vous croyez que vous êtes au bout de votre carrière, vous vous trompez très fort. Я ей отвѣчалъ: En si bonne compagnie, je voudrais qu'elle n'eut pas de fin. Государыня опять: Monsieur, vous étes bien galant *).

Въ Сарскомъ Селѣ Императрица изволила провождать все лѣто, и сей увеселительный замокъ тѣмъ паче нравился ей, что она изволила начать и успѣла кончить предивный Аглинской садъ (въ немъ были воздвигнуты памятники побѣдамъ графа Румянцова и графа Орлова-Чесменскаго), а во дворцѣ сдѣлать новые для себя покои. Въ семъ ея отмѣннымъ вкусомъ украшенномъ мѣстѣ она какъ будто покоилась отъ тѣхъ своихъ трудовъ, и тутъ уже придворнаго этикета никакого не было. Мы придворные хаживали во фракахъ и вели жизнь самую покойную и пріятную. Обращеніе наше, можно сказать, было смѣлѣе гораздо городскаго. Во время ея вечернихъ прогулокъ, мы иногда между собою разрѣзвимся, бѣгаемъ другъ за другомъ, играемъ въ разные игры, что̀ Государынѣ всегда даже угодно было. Я отмѣнно любилъ сію Сарскосельскую жизнь. Привыкнувъ и будучи охотникъ читать и писать, я всегда съ собою бралъ книги и, вставши поутру рано, хаживалъ въ садъ, чтобы ими заниматься. Окружающіе меня пріятные предметы усугубляли удовольствіе заниматься полезнымъ чтеніемъ, и часто тутъ, сидя подъ какимъ нибудь тѣнистымъ деревомъ, дѣлалъ я важныя размышленія, и въ моей головѣ иногда обращался цѣлый родъ человѣческій. Часто останавливался я на сей мысли, что человѣкъ, одаренный превосходными способностямя, а особливо вѣнценосецъ, удивительныя перемѣны въ свѣтѣ сдѣлать можетъ и быть отмѣнно полезнымъ, и что дѣянія его цѣлыми вѣками не изглаживаются, а напротивъ, время, все прочее истребляющее, даетъ имъ новый блескъ и новую твердость. Съ такими заключеніями я обозрѣвалъ всѣ разныя въ саду сдѣланныя украшенія, какъ-то бесѣдки, домики, колонны и т. п. Все сіе (думалъ я самъ въ себѣ) отъ времени разрушится и обратится въ прахъ, а великія и полезныя дѣла, на чемъ основывается блаженство цѣлаго общества, на вѣкъ невредимо пребываютъ. И такъ царствованіе Екатерины безсмертнымъ назваться можетъ. Она возвысила Россію на степень чести и славы, показавъ Европѣ, что Россіяне, мудро управляемые, до всего достигнуть могутъ.

Я сказалъ выше, что не было тутъ никакого этикету; да и караулъ былъ почти

*) Если вы думаете, что вы на концѣ вашего пути, то очень ошибаетесь.—Въ такомъ хорошемъ обществѣ я желалъ бы, чтобы путь этотъ не имѣлъ конца.—Вы, сударь, очень вѣжливы.

ничего незначущій. Самый малый отрядъ гвардіи съ однимъ офицеромъ оной исправлялъ. Государыня была увѣрена въ любви своихъ подданныхъ; но я иногда, глядя на нее, прогуливающуюся по садамъ почти одну, а особливо поутру, во время распространившагося якобинства и знавши, что у насъ шатаются иностранцы по Петербургу Богъ знаетъ какіе, за нее побаивался. Одѣвалась она довольно просто и на головѣ носила большую круглую шляпку. Въ семъ однакожъ простомъ, такъ называемомъ, сертукѣ, не теряла она никогда своего отличнаго виду, и всѣ ея движенія были безъ принужденія и всегда очень пріятны.

Я случился въ Сарскомъ Селѣ, когда родился великій князь Константинъ Павловичъ. Императрица несказанно была обрадована, тѣмъ паче, что другаго внука весьма желала. Имя Константина уже заранѣе ему было назначено, и кормилица Гречанка приготовлена. Государыня имѣла въ виду для будущихъ временъ возстановить Греческую восточную имперію и его возвесть на престолъ великаго Константина.

Видя государыню въ такомъ полномъ удовольствіи, воображеніе мое заразилось какимъ-то стихотворческимъ духомъ, и я, въ этотъ день, сошедъ въ комнаты своего дяди Ивана Ивановича, началъ писать стихи. Послѣ, кончивъ ихъ вскорѣ въ городѣ и показавъ дядѣ, который ихъ похвалилъ, имѣлъ счастіе поднести Ея Величеству. Они напечатаны въ Академическихъ Извѣстіяхъ въ томъ же году. Также, по случаю моего вторичнаго въ Петербургъ пріѣзда, написалъ я стихи Французскіе, въ похвалу Государю Павлу I. Они ему поднесены были кн. Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, и за нихъ я благодарность получилъ.

Когда мы дежуривали у ихъ высочествъ, въ Павловскомъ или въ Гатчинѣ, надобно было иногда поостерегаться, хотя обхожденіе съ нами было милостивое. Объ государынѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ я смѣло скажу, что рѣдко я видывалъ особы благонравнѣе и добродѣтельнѣе. Терпѣніе же ея въ иныхъ случаяхъ было примѣрное. Она была всегда равна. Я могу объ себѣ сказать, что получалъ отъ нея нерѣдко знаки ея благоволенія. Она жаловала всегда читать и нерѣдко изволила бирать у меня книги и со мною совѣтываться. Распредѣленіе времени ея высочества было такъ акуратно, что она никогда безъ занятія не оставалась. Любимое ея упражненіе было гравировать на камняхъ, и она до большаго совершенства изволила достигнуть въ семъ искусствѣ. Порядокъ, установленный у великаго князя, былъ, если можно сказать, въ такой уже точности, что все распредѣлено было по часамъ, и онъ самъ тому служилъ примѣромъ. Если изволитъ приказать придти въ 4 часа поутру, чтобы ѣхать верхомъ то вѣрно, какъ скоро ударятъ часы, онъ уже готовъ и выдетъ. Впрочемъ, придворнымъ было пріятно. Оба сіи увеселительные дворцы отдѣланы съ большимъ вкусомъ, сады прекрасные, и даже чудно, что подъ такимъ суровымъ климатомъ и на такой неплодородной и болотистой землѣ, помощью искусства и сбереженія, могли ихъ привесть до такого совершенства.

Черезъ годъ послѣ кончины Императрицы лишился я благодѣтеля своего и дяди Ивана Ивановича Шувалова. Я думаю, что въ жизни моей не бывало и не будетъ для меня столь чувствительнаго огорченія. Хотя онъ былъ уже въ лѣтахъ и немощенъ, но моя къ нему любовь, благодарность и сильная привычка отъ таковой потери сдѣлали меня неутѣшнымъ. Слезами моими я отдалъ ему временный долгъ, а благодѣянія его и отеческое обо мнѣ попеченіе вѣкъ не изгладятся изъ моего сердца. Я вамъ, любезныя дѣти мои, передаю сіи чувствованія, да не будетъ онъ забвенъ (*) и въ памяти

(*) И. И. Шуваловъ скончался въ Петербургѣ 14 Ноября 1797 на 71-мъ году отъ роду. Покойный князь М. Ѳ. Голицынъ въ 1855 г., къ юбилею Московскаго Университета, издалъ портретъ Шувалова. *П. Б.*

вашей. Храните его изображеніе и старайтесь на него походить. Онъ былъ отмѣнно добродѣтеленъ, безкорыстенъ и всѣми любимъ. Отечеству и Государю преданъ. Онъ основалъ Академію Художествъ и Московскій университетъ. Я уже писалъ его жизнь (*), слѣдственно здѣсь и не повторю.

Также мнѣ надобно здѣсь упомянуть о другомъ почтенномъ человѣкѣ, который меня весьма жаловалъ. Графъ Никита Ивановичь Панинъ, воспитывавшій Государя Императора Павла I-го и управлявшій, яко первый министръ, департаментомъ иностранныхъ дѣлъ почти во все время царствованія императрицы Екатерины, напослѣдокъ сдѣлавшись немощенъ, былъ оставленъ. Онъ былъ съ большими достоинствами и что̀ его болѣе всего еще отличало, какая-то благородность во всѣхъ его поступкахъ, и въ обращеніи ко всякому внимательность, такъ что его нельзя было не любить и не почитать: онъ какъ будто къ себѣ притягивалъ. Я въ жизни моей мало видалъ вельможъ, столь по наружности пріятныхъ. Природа его одарила сановитостью и всѣмъ, что̀ составить можетъ прекраснаго мужчину. Всѣ его подчиненные его боготворили, и онъ въ одно время нѣкоторымъ подарилъ часть своихъ деревень, пожалованныхъ ему въ Польшѣ. Онъ меня очень жаловалъ. Я у него бывалъ каждый день и пріѣзживалъ къ нему съ книгою въ карманѣ, чтобы ему читать что̀ тогда выходило, а особливо по-русски.

Братъ его графъ Петръ Ивановичь былъ также важный человѣкъ и какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ гражданскоой части понятія и ума былъ необыкновенныхъ. Твердость духа болѣе всего прочаго его отличала. Вотъ сему примѣръ. Императрица, съ начала своего царствованія, ѣзжала иногда въ Сенатъ въ общее собраніе. Пріѣхавши однажды въ сопровожденіи генералъ-прокурора князя Вяземскаго и сѣвши на свое мѣсто, она приказала Вяземскому читать заготовленный указъ о нѣкоторыхъ перемѣнахъ. По прочтеніи, сенаторы всѣ встали, кромѣ графа, и зачали Государыню благодарить, а особли́во графъ Воронцовъ Романъ Ларіоновичь, который въ поясъ началъ кланяться. Императрица, примѣтя, что графъ остался на своемъ мѣстѣ, изволила у него спросить, соглашается ли онъ. Вставши, графъ ей отвѣчалъ, что если она приказываетъ, онъ первый повинуется ея волѣ; но если изволитъ требовать его мнѣнія, то онъ осмѣливается сдѣлать нѣкоторыя свои примѣчанія. Послѣ сего отвѣта. Государыня приказала исполненіе остановить, а графу пріѣхать во дворецъ на другой день поутру для объясненія, и сказываютъ, что его замѣчанія были приняты. Онъ командовалъ второю арміею противу Турокъ и взялъ крѣпость Бендеры; послѣ того скоро пошелъ въ отставку.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, тесть мой по первой женѣ, былъ съ превосходными дарованіями. Онъ служилъ съ отличностью на войнѣ, въ посольствахъ и былъ намѣстникомъ. Свойства его были благородны, но попрекали его нѣсколько надменностію, что̀ однакожъ при старости его весьма уменьшилось. Съ нимъ сдѣлался чудесный переворотъ въ образѣ его мыслей. До нѣкоторыхъ лѣтъ онъ, какъ свѣтскій человѣкъ и сластолюбивый, объ религіи думалъ, какъ и многіе другіе, поверхностнымъ образомъ; но внезапность и преждевременная кончина покойной жены моей, которую онъ страстно любилъ, заставила его войтить въ самаго себя и сдѣлать сильный оборотъ. Съ того времени онъ началъ прилежать къ священнымъ книгамъ и сдѣлался богомоленъ. Къ сему еще пособило любопытство узнать смыслъ мистическихъ книгъ, зачинавшихъ тогда продаваться, а особливо твореній извѣстнаго Сенъ-Мартена, что̀ его и повело постепенно къ Библіи, въ которой, сказываютъ, содержится

(*) Жизнь оберъ-камергера И. И. Шувалова напечатана въ Москвитянинѣ 1853, кн. 6-я (Мартъ), но съ пропусками, сдѣланными цензурою. *П. Б.*

развязка сихъ неудобопонятныхъ книгъ. Послѣдніе годы жизни его онъ былъ оставленъ Павломъ I-мъ. Измѣнчивый ли нравъ покойнаго Государя, либо придворныя интриги отдалили сего почтеннаго гражданина и принудили идти въ отставку. Онъ былъ уже фельдмаршаломъ и ежели бы Государь захотѣлъ, откладывая свое самолюбіе, имѣть при себѣ умнаго, усерднаго и опытнаго человѣка, не могъ бы онъ способнѣе его найти, а особливо столь твердаго и правдиваго. Честь ему дѣлаетъ большую, что онъ, хотя старѣе былъ по службѣ князя Потемкина, но знавши, сколь онъ могъ быть полезенъ во время начавшейся войны съ Турками, въ письмѣ къ Императрицѣ предлагаетъ свои услуги и охотно соглашается идти въ команду къ князю Потемкину. И подлинно, на немъ вся тяжесть войны сей и все исполненіе, можно сказать, лежали.

Объ фельдмаршалѣ графѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ надобно мнѣ также упомянуть. Онъ отличался какимъ-то особымъ дарованіемъ приводить въ отмѣнной порядокъ все ему ввѣренное. Никогда Военная Коллегія (а онъ былъ президентомъ ея) не была до того совершенства приведена. При всѣхъ его способностяхъ и важныхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ, онъ былъ характеру веселаго и пріятнаго. Москва, которою онъ также правилъ, одолжена ему многими украшеніями. Онъ, въ Прусскую войну и передъ сраженіемъ при Коллинѣ между Австрійцами и Прусаками, подалъ преважный совѣтъ фельдмаршалу Лаудону, при которомъ онъ находился волонтеромъ.

Фельдмаршалъ Румянцевъ столь прославился своими побѣдами, что я объ немъ почитаю за излишнее распространяться. Онъ въ Россійской исторіи будетъ занимать важное мѣсто. По немъ, сообразуяся теченію времени, видѣли мы въ военномъ искусствѣ безприкладнаго Суворова, сего Россійскаго орла. Онъ даже всю Европу привелъ въ изумленіе быстротою своихъ славныхъ подвиговъ, и ежели графъ Румянцевъ, получивши начальство надъ арміею противъ Турокъ, перемѣнилъ систему войны и началъ дѣйствовать наступательно, Суворовъ въ семъ отношеніи его гораздо превзошелъ и, узнавъ болѣе другихъ свойства и способность Россійскаго солдата, умѣлъ онъ дѣйствовать такимъ образомъ, что всѣ преимущества, отъ природы ему данныя, обращалъ въ пользу, чего еще до него ни одинъ полководецъ у насъ не дѣлалъ. Онъ, это правда, иногда людей не жалѣлъ скорыми маршами и битвою на штыкахъ, но сими неожидаемыми нашествіями устрашивъ непріятеля и разсѣявъ его силы, заставлялъ скорѣе просить миру. Переходъ его черезъ Альпы все въ свѣтѣ превосходитъ. Сами Французы, напыщенные самолюбіемъ, ему отдаютъ справедливость. Въ характерѣ его были странности. Онъ, въ праздные часы, можетъ быть отъ того, что не любилъ объ дѣлѣ говорить, а особливо при многихъ, все любилъ дѣлать чудесные вопросы, какъ напр. сколько звѣздъ на небѣ. Не могъ терпѣть, если кто ему скажетъ *не знаю*. Объ сихъ странностяхъ И. И. Шуваловъ разговаривалъ однажды съ императрицею Екатериною. Она изволила ему на это сказать, что фельдмаршалу все сіе простительно, потому (продолжала она), что когда мы двое съ нимъ сидимъ, то я не могу довольно вамъ разсказать, сколь онъ, когда захочетъ, умно и основательно разсуждаетъ: совсѣмъ, кажется, не тотъ человѣкъ. Вотъ какого была объ немъ мнѣнія сія великая монархиня.

Назначенъ будучи кураторомъ въ Московскій университетъ, я переѣхалъ въ сію древнюю столицу послѣ погребенія покойной императрицы. Университетъ былъ управляемъ Михаиломъ Матвѣевичемъ Херасковымъ, а директоръ Фонъ-Визинъ передъ тѣмъ пожалованъ былъ въ сенаторы. До назначенія другаго, директорскую должность отправлялъ старшій канцеляріи совѣтникъ Тейльсъ. Я нашелъ все въ порядкѣ; только большую нечистоту въ камерахъ,

въ столѣ и въ кухнѣ. Все сіе вскорѣ было исправлено. Больницу я также поправилъ, умноживъ въ ней число постелей, и все что̀ могло быть нужно къ покою и на пользу недугующихъ, я все придумалъ.

Что̀ же принадлежитъ до гимназіи и профессорскихъ классовъ, я не могу довольно похвалить и всю честь приписываю какъ управляющимъ, такъ наставникамъ. Каждый исполнялъ свою должность, можно сказать, съ удовольствіемъ. Но паче всего мнѣ полюбилось и достойно всякой похвалы, что воспитаніе юношей было препоручено двумъ, какъ называли тогда, эфорамъ. Они, по своему попеченію и въ исправленіи своей должности, были образцовые люди и какихъ рѣдко найтить можно. Отъ такого порядка и усердія питомцы себя вели такъ хорошо, что никогда не было слышно ни шалостей, ни шуму, и рѣдко когда которой изъ нихъ былъ наказанъ.

Гимназія была въ одномъ корпусѣ съ университетомъ, и въ нее хаживали учиться около семисотъ мальчиковъ, по большей части безъ состоянія и самые неимущіе. Какая благотворительная подмога симъ несчастнымъ и какая польза для общества! Сіе первоначальное ученіе, поелику преподаваемо было подъ надзоромъ всѣхъ начальниковъ, было въ лучшемъ порядкѣ, и учители тщательнѣе должность свою исполняли. По отбытіи моемъ въ чужіе краи, университетъ былъ преобразованъ. Лучше ли, время сіе докажетъ; но немудрено доказать, что прежнее начертаніе очень было полезно, что̀ на самомъ опытѣ видно и на тѣхъ достойныхъ людяхъ, которые, почерпнувъ въ немъ свои познанія, достигли до большихъ чиновъ и по службѣ отличились.

Тутъ я въ первый разъ въ жизни моей имѣлъ настоящую должность и въ сношеніяхъ съ другими людьми началъ узнавать, какъ мудрено обходиться и сколь надобно быть осторожну, что̀ во всякомъ мѣстѣ и положеніи неизлишнее. Я гдѣ-то уже поставилъ, что я былъ всегда внутренно весьма спокоенъ и неволнуемъ ни самолюбіемъ и никакою другою страстію. Слѣдственно я старался узнавать людей и примѣтить могъ, сколь они пристрастны, и паче самолюбивы. Будучи у двора, я похожее примѣтилъ за ними, но въ дѣлахъ и въ сужденіи о нихъ совсѣмъ другіе оттѣнки. Рѣдкой, кто не любитъ спорить. Иной оттого, что хочетъ доказать, что не хуже другаго разумѣетъ; иной для нѣкотораго упрямства, чтобъ не уступить, а иной наконецъ видитъ вещи совсѣмъ инаково. Спорить всегда непристойно, а разсматривать, судить и дѣлать возраженія даже нужно, поелику симъ образомъ дѣло лучше объясняется, и его обозрѣваютъ со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ еще къ намъ пожаловали въ кураторы Кутузовъ и потомъ Коваленской. Здѣсь и при семъ случаѣ я сдѣлалъ примѣчаніе, какъ легко добиться можно должности или мѣста, которое впрочемъ совсѣмъ не нужно, да и излишнее. Сверхъ того можно испортить учрежденный порядокъ. На что было похоже видѣть вдругъ четырехъ кураторовъ! Тутъ вскорѣ возродились ненависть, споръ и даже жалобы. Къ счастію моему, я принужденъ былъ, по случаю болѣзни жены моей, уѣхать въ чужіе краи. Потомъ все переиначено, и самая главная и полезная часть, т. е. воспитаніе, уничтожено. Гр. Завадовскій уже издавна приготовливался его преобразовать, а тутъ, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, исполнилъ свое намѣреніе. И такъ лучшее у насъ учрежденіе, отъ котораго проистекала истинная польза для государства и гдѣ обработывались нравы молодыхъ людей, не могло устоять на семъ опытностію подтвержденномъ, пристойномъ основаніи. Сему въ доказательство послужитъ, что черезъ нѣсколько времени потомъ опять завели небольшую гимназію и взяли питомцевъ.

Разные анекдоты.

Во время царствованія Императрицы Екатерины Вторыя, взятъ былъ въ службу принцъ Виртемберскій, родной братъ Государыни Маріи Ѳеодоровны, нынѣ царствующій король Виртембергскій. Онъ былъ женатъ на принцессѣ дому Браунштейгскаго. Супружество сіе кончилось несчастливо. Принцъ былъ нраву вспыльчиваго; объ принцессѣ не могу точно сказать, хотя и ее также не очень хвалили. Но вотъ что наконецъ произошло. Принцесса, рѣшившись видно, перемѣнить свое положеніе и отдалиться отъ своего супруга во что бы то ни стало, прибѣгнула къ Императрицѣ и при слѣдующемъ случаѣ. Она воспользовалась тѣми минутами, когда Государыня, по возвращеніи изъ Эрмитажа, прощалась въ почивальной съ В. Княземъ и В. Княгинею, которые къ себѣ проходятъ. Какъ скоро они простились и пошли, она, вмѣсто чтобъ за ними идти, бросилась передъ Императрицею на колѣни, объяснила ей свое несчастное съ супругомъ положеніе и просила ея защищенія, а особливо, чтобы Государыня изволила ей позволить не возвращаться домой и приказала бы ей отвесть комнаты во дворцѣ. Императрица, не взирая на причиненное ей безпокойство, поелику былъ уже поздній часъ, приказала ей приготовить комнаты въ Эрмитажѣ. На другой день она послала за принцемъ и съ нимъ изволила объясняться касательно его супруги. Видно, онъ во время сего разговора не умѣлъ себя воздержать, и намъ сказывали, что онъ Государыню такъ уже прогнѣвалъ, что велѣно ему было выѣхать въ три дня изъ столицы; а принцесса, поживши во дворцѣ, отправлена была въ Ревель со свитою, гдѣ ей въ замкѣ отведенъ былъ покой; но она въ скоромъ времени послѣ того скончалась. Сіе происшествіе причинило В. Князю и его августѣйшей супругѣ большое огорченіе, а еще болѣе отъ нескромности принцессы. Она, какъ мы послѣ слышали, много поразсказала всего слышаннаго ей на вечеринкахъ у В. Князя, хотя тамъ (и я побожиться былъ готовъ) большую всегда осторожность въ рѣчахъ употребляли, и В. Князь этого чрезвычайно остерегался.

Графъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, находившійся тогда въ случаѣ при Императрицѣ, влюбился въ фрейлину княжну Щербатову. Сія любовная интрига, нѣсколько времени продолжавшаяся, наконецъ доведена была недоброжелателями графа до свѣдѣнія самой Государыни. Она сперва несовсѣмъ повѣрила и хотѣла совершенно удостовѣриться. Но умѣли такъ хитро сдѣлать, что Ея Величество ихъ нашла прогуливающихся однихъ въ Царско-сельскомъ саду. Сія великодушная Монархиня, приближась къ нимъ, безъ всякаго гнѣва, имъ токмо объявила, что они скоро будутъ обвѣнчаны, и чтобъ они къ тому приготовлялись. Въ самомъ дѣлѣ свадьба ихъ черезъ двѣ недѣли воспослѣдовала. Какая рѣдкая и удивительная воздержность въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ самолюбіе должно приведено быть въ раздраженіе! Но вспомнимъ, что то была великая Екатерина, которая ни въ какомъ положеніи не забывалась, и она умѣла различать частное какое либо обстоятельство, не имѣющее никакого впрочемъ вліянія и гдѣ она соревновалась и съ другими особами ея пола.

Во время опасной болѣзни Великаго Князя Павла Петровича въ 1770 году, если я не ошибаюсь, подумывали объявить, въ случаѣ несчастія, наслѣдникомъ престола графа Бобринскаго.

Въ продолженіи случая кн. Потемкина, когда онъ начальствовалъ арміею, графъ Мамоновъ, бывшій тогда въ самой большой довѣренности у Государыни, по естественной ненависти къ сему горделивому и зазнавшемуся вельможѣ, успѣлъ уже столько его унизить въ мысляхъ Императрицы и сбавить его власти, что написанъ былъ указъ, чтобъ графъ Румянцевъ принялъ

начальство надъ арміею, а князь Потемкинъ, возвратясь, долженъ былъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній въ Кіевѣ.

Я все сіе теперь пишу уже изъ памяти и старался ничего не забыть и не пропустить, что̀ занимательнѣе показалось. Для васъ, мои любезныя дѣти, примѣчанія мои не безполезны будутъ. Вы найдете въ сихъ Запискахъ много достойнаго примѣчанія. Ваши времена, можетъ быть, будутъ совсѣмъ другія. Хотя положеніе и обстоятельства перемѣняются, но люди или страсти ихъ остаются тѣже. Молодой человѣкъ, входящій въ большой свѣтъ, на великой и опасный опытъ себя поставляетъ. Дворская жизнь, къ счастію, меня не испортила. Я такъ былъ счастливъ, что обо мнѣ вездѣ хорошо отзывались и если я, въ своихъ намѣреніяхъ по службѣ, недовольно успѣлъ, то можетъ быть сему причиною, что я не такъ часто хаживалъ къ случайнымъ людямъ и не искалъ ихъ благорасположенія. Но иные изъ нихъ были горды и какъ будто отъ себя отпихивали. На сіе впрочемъ при дворѣ не должно смотрѣть, и хотя иногда и наскучитъ, но все показываться. Любимца надобно себѣ представить, что онъ какъ въ чаду и окруженъ по большой части льстецами. Они его самолюбіе безпрестанно надуваютъ, слѣдственно не мудрено ему забываться.

Среди любимаго загороднаго жилища, гдѣ Государыня наслаждалась пріятствами украшенной природы, одно обстоятельство ее встревожило, и со всѣмъ своимъ великимъ духомъ не могла она никакъ скрывать своего безпокойства. Сіе случилось во время войны въ Шведскимъ королемъ. Неожидаемый разрывъ, сосѣдственность земель и малое число у насъ на этой границѣ войскъ, привели Императрицу нѣсколько въ замѣшательство. Къ счастію, Финляндское Шведское войско воспротивилось переступить свою границу, увѣряя, что нѣтъ настоящей причины наступательно дѣйствовать противу Россіи. Тутъ же и подосланы были отъ насъ ихъ тайно уговаривать. Въ Петербургѣ народъ, хотя слышны были пушечные выстрѣлы во время сраженія между обоими флотами, былъ спокоенъ и даже бодрился противъ короля и, между собою разговаривая, часто у нихъ вырывалося ихъ изрѣченіе: «покажись-ка онъ, мы шапками его замечемъ». Однакожъ вскорѣ потомъ сія война благополучно кончилась. Два неглавные генерала, съ нашей стороны Игельштромъ, а съ Шведской Армфельдъ, пользуясь остановкою между ими военныхъ дѣйствій, зачали между собою пересылаться и наконецъ пожелали имѣть свиданіе. Армфельдъ, имѣя у короля большую довѣренность, заговорилъ о желаніи его пресѣчь войну. Игельштромъ изъявилъ на сіе расположеніе также свое доброхотство. Условилися отправить курьеровъ, и вскорѣ потомъ миръ былъ заключенъ. Императрица, нѣсколько времени послѣ, разговаривая объ сей войнѣ, изволила единожды примолвить: J'ai fait la guerre sans généraux et la paix sans ministres *). Главнокомандующимъ былъ тогда графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ и стоялъ къ Выборгу. Объ мирѣ узналъ уже по заключеніи. Тутъ началъ входить въ политическія дѣла князь Зубовъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ, сей молодой человѣкъ заграбилъ въ свои руки всѣ дѣла, до Польши принадлежащія и причиною, можетъ быть, сдѣлался всему, что̀ наши войска, будучи разсѣяны по городу Варшавѣ, претерпѣли. Тотъ же графъ Игельштромъ, объ которомъ я выше упомянулъ, давъ себя въ обманъ одной Полячкѣ, дозволилъ Полякамъ брать оружіе въ арсеналѣ и скрытному ихъ заговору далъ время усилиться. За нѣсколько же времени предъ симъ несчастнымъ приключеніемъ отозванъ былъ нашъ посолъ графъ Сиверсъ, также вслѣдствіе придворной интриги. Онъ же, надоб-

*) Я вела войну безъ генераловъ и заключила миръ безъ министровъ.

но знать, своими благоразумными поступками, умѣлъ склонить Поляковъ, безъ дальняго роптанія, признать послѣдній раздѣлъ Польши и заставилъ ихъ присягнуть въ подданствѣ. Всѣмъ извѣстно, сколь дорого за сіе заплатили Поляки при взятіи Варшавы и проч. [1])

Въ 1812 году, въ концѣ Августа мѣсяца, принужденъ я быть по случаю приближенія къ Москвѣ Бонапарта съ его арміею, выѣхать изъ сего города и удалиться сперва въ Володимiръ, гдѣ надѣялись спокойнѣе оставаться. Вотъ насъ сколько тогда было: двое моихъ сыновей, князь Александръ и князь Михайла; при нихъ Г. О., Гановерецъ; Г. В. и усыновленный съ нимъ Андрей Ѳедоровъ; докторъ Т. съ женою и барышня Е. Д. Е. Долго я колебался выѣздомъ, и главнокомандующій гр. Растопчинъ увѣрялъ, что Французы до Москвы не дойдутъ, хотя многіе уже изъ Москвы передо много выѣхали, да и казенныя мѣста начали отправляться. Однакожъ я все полагался на слова главнокомандующаго и для того изъ дому почти не вывезъ ничего.

За недѣлю уже до выѣзда моего, городъ такъ опустѣлъ, что, сидя по утрамъ подъ окошкомъ и вотще ожидая проѣзжающихъ по обыкновенію, пришло на меня какое-то уныніе и способствовало къ ускоренію выѣзда. Армія наша подъ предводительствомъ князя Смоленскаго хотя и находилась между городомъ и непріятельскою, однакоже все болѣе подвигалась къ Москвѣ. Но о семъ писано подробно другими, и такъ я обращаюсь къ нашему собственному странствованію. Однакоже прежде нежели его начать описывать, съ удовольствіемъ прибавлю, что обязанъ я свойственнику моему Николаю Ивановичу Баранову [2]) моимъ порядочнымъ выѣздомъ. Онъ, имѣвъ препорученіе проводить институтъ молодыхъ дѣвицъ отправляющихся въ Казань, уговорилъ меня, чтобы я довольное число людей держалъ на готовѣ. Странно, что какъ мнѣ, такъ и другу моему доброму В. не приходило на умъ заблаговременно выписать изъ деревень достаточное число подводъ для вывозу нужныхъ всѣхъ вещей. Оказалось потомъ, что, припявъ сіи мѣры, я почти ничего бы не потерялъ.

Хотя почти вся Москва выгорѣла, хотя у меня на дворѣ всѣ строенія каменныя и деревянныя сгорѣли, домъ однакожъ остался цѣлъ, да и почти не разграбленъ. Въ немъ стоялъ Французскій чиновникъ, а спасеніемъ дома обязанъ я оставшемуся за нездоровіемъ Богемцу. Онъ былъ при моихъ дѣтяхъ дядькою. Сей добродѣтельный человѣкъ подвергался всевозможнымъ опасностямъ, дабы спасти домъ, и въ томъ Богъ помогъ ему успѣть.

Въ Володимірѣ мы узнали отъ проѣзжающихъ, что Москва сдана непріятелю. Всѣ тогда Московскіе находящіеся въ Володимірѣ стали собираться въ дальній путь; иные въ Нижній, нѣкоторые въ Казань, куда и Сенатъ былъ перевезенъ, а мы въ село Мытъ, мнѣ принадлежащую деревню, отъ Володиміра въ ста тридцати верстахъ отстоящую. Крестьяне меня приняли какъ отца и тѣмъ паче мнѣ обрадовались, что сами были приближеніемъ непріятеля встревожены. Мой пріѣздъ ихъ успокоилъ.

Пріятно, думаю, каждому помѣщику смотрѣть на благосостояніе крестьянъ и видѣть ихъ къ себѣ приверженность. Таковое позорище меня отчасти утѣшило и убавило всѣ прочія печальныя мысли, отъ обстоятельствъ столь бѣдственныхъ возрождающіяся. Я при семъ случаѣ испыталъ, сколь Богъ человѣка подкрѣпляетъ. Впрочемъ, по моимъ христіанскимъ правиламъ и повиновенію, я не столько тужилъ о вѣроподобной потерѣ всего что̀ оставилъ въ Москвѣ и объ с. Петровскомъ, моей подмосковной, сколько бы другой, на моемъ

[1]) Слѣдуютъ позднѣйшія приписки; главный же текстъ Записокъ писано, какъ выше видно, въ 1809 г. *П. Б.*

[2]) Письма къ нему императрицы Маріи Ѳеодоровны см. въ Русскомъ Архивѣ 1870 года. *П. Б.*

будучи мѣстѣ. Меня болѣе всего безпокоило, что оставшіеся дворовые люди, а особливо женщины и ихъ дѣти, могутъ отъ страха и дерзости непріятеля погибнуть, и я часто воображалъ ихъ жалостное положеніе. Но Богъ и надъ ними умилосердился: всѣ живы и съ дѣтьми остались.

Одинъ заводчикъ имѣлъ жительство въ селѣ Вяземахъ, а село приказано было сжечь, понеже оно находилось на Можайской дорогѣ, по которой шелъ непріятель. Сей заводчикъ, по имени Шантенье, родомъ изъ Швейцаръ, знавши прежде Петровское, изъ Вяземъ въ него переѣхалъ и уговорилъ прикащика, чтобъ онъ ему волю далъ въ обхожденіи съ Французскими солдатами. Назвавшись помѣщикомъ села Петровскаго, онъ такъ былъ расторопенъ и догадливъ, что снесся съ генераломъ, живущимъ въ моемъ Московскомъ домѣ, привезъ отъ него приказъ къ офицеру, живущему въ Петровскомъ съ двумя стами солдатъ, чтобъ обиды никакой не дѣлать, и симъ способомъ все почти сохранилъ. Слѣдственно я сему доброму человѣку также много обязанъ.

Бонапартъ, по шестинедѣльномъ пребываніи, вышелъ изъ Москвы и хотѣлъ пробраться на Калужскую дорогу. Сіе извѣстіе дошло вскорѣ до насъ. Изъ Володиміра мнѣ прислали гонца. Я просилъ въ своемъ отвѣтѣ, чтобъ мнѣ наняли сперва домъ, что̀ и было сдѣлано. И такъ мы, проживъ два мѣсяца съ половиною т. е. до Декабря въ деревнѣ, переѣхали въ Володиміръ. Но между тѣмъ и докуда мы въ деревнѣ жили, имѣли способъ навѣдываться и объ Московскомъ домѣ и объ подмосковной; крайне обрадовались, услыша, что почти все уцѣлѣло, чего дѣйствительно ожидать было нельзя. Все надобно приписывать милости Божіей. Сколь прискорбно мнѣ было бы лишиться, что̀ называется, своего покойнаго гнѣзда, пришедъ уже въ лѣта и съ слабымъ моимъ здоровіемъ.

Продолженіе сей войны явило еще вящше чудеса Божія. Злодѣй Бонапартъ, потерявъ все свое войско въ Россіи, кончилъ тѣмъ, что и престола лишился. Война сія также ознаменовала народъ Россійскій необыкновенною славою и оказала его мужественность и усердіе. Въ Государѣ Императорѣ сіи обстоятельства отрыли великія дарованія, твердость духа, изящныя военныя распоряженія и примѣрное великодушіе къ побѣжденнымъ, что̀ и возвысило его на вышнюю степень истинной славы и пріобрѣло ему примѣрное и особое отъ всѣхъ другихъ державъ уваженіе. Онъ, можно сказать, посреди сей военной бури одинъ кормиломъ правилъ. Австрійскій императоръ и король Прусскій безпрекословно на его предложенія соглашались; ихъ войска были въ его повелѣніи.

Хотя злодѣй Бонапартъ много вреда надѣлалъ, а особливо предавъ пламени и грабежу первопрестольный нашъ градъ Москву, да и нѣкоторыя губерніи при входѣ съ войскомъ раззорилъ, однакожъ сіе жестокое потрясеніе утвердило для переду спокойствіе въ Россіи и ее, можно сказать, самостоятельность на многіе вѣки. Опытомъ оказалось, что покореніе и даже униженіе ея не возможно.

Но обратимся къ моему въ деревнѣ пребыванію. Я тутъ удостовѣрился болѣе нежели когда въ жизни моей, что человѣку надобно привыкать или приготавливаться ко всякому положенію и не надѣяться прожить одинакимъ образомъ. Хотя у меня и былъ домикъ, а не изба, да и каменный, однакожъ тѣснота и спертый воздухъ, понеже уже начиналась зима, были очень не пріятны. Выѣхать же некуда. И такъ я, можно сказать, около двухъ мѣсяцевъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ. Но, благодаря Бога, мы всѣ были здоровы. Война же, взявши счастливый для насъ оборотъ, мысли ободряла. Сынъ мой князь Ѳедоръ, въ Петербургѣ находящійся, присылалъ къ намъ всѣ извѣстія. Они приводили насъ въ восторгъ, и благодарныя слезы изъ нашихъ

глазъ проливались. Мы часто повторяли: великъ Русскій Богъ!

Когда размышляешь о сихъ произшествіяхъ, то къ несчастью удостовѣришься болѣе нежели когда нибудь, что человѣческое сердце рѣдко имѣетъ наклонность къ истинному добру и что болѣе исполнено какимъ-то личнымъ честолюбіемъ, устремляющимся къ пріобрѣтенію ложной славы, ведущей токмо къ истребленію рода человѣческаго. Сіе мое разсужденіе очевиднымъ образомъ доказываетъ Бонапартъ; онъ даже касательно и до Франціи все дѣлалъ къ ея ослабленію и единственно желая блеснуть одними завоеваніями. Подлинно Французы доказали, что не имѣютъ никакихъ постоянныхъ свойствъ и крайне перемѣнчивы.

Россія одна стремленіе сіе удержала. Что заключимъ при семъ случаѣ о нашемъ Россійскомъ народѣ? Можно ли его сравнить съ какимъ другимъ народомъ? Каждый признается, что онъ всѣхъ прочихъ превосходитъ. Но нынѣшній примѣръ не есть уже первый, гдѣ онъ доказалъ свое мужество и способность. Вспомнимъ нашествіе Татаръ, Поляковъ, Шведовъ. При каждой въ Европѣ войнѣ, коль скоро Русскія войска выходили въ поле и соучаствовали въ бранѣ, битва вскорѣ рѣшалась ихъ храбростію. Со временъ Петра Великаго мы стали уже входить въ политическія Европейскія дѣла. Сей безприкладный Государь своими превосходными дарованіями извлекъ Россію изъ мрака невѣжества. Царствованіе его, обуреваемое и войною и мятежами, побудило его для преодолѣнія подобныхъ бѣдствій удвоить свою дѣятельность, дабы внѣшнихъ враговъ унизить и возстановить внутренній порядокъ. Присутствіе его все укрощало. Разсуждая здѣсь о Петрѣ Великомъ, можно сдѣлать нѣкоторое сравненіе въ обстоятельствахъ между имъ и царствующимъ императоромъ Александромъ касательно до Франціи и ея государей. Когда Петръ по пріѣздѣ въ Парижъ поѣхалъ навѣстить молодаго короля Людовика XV, сей государь встрѣтилъ его на лѣстницѣ и почти въ самомъ низу. Императоръ, подошедши къ нему, обнялъ его и, поднявъ его, донесъ его въ верхъ до послѣдней ступени. Подобно сему Россійскій Императоръ возвелъ Людовика XVIII на принадлежащій ему престолъ и возвратилъ ему его достояніе.

Въ Володимірѣ мы прожили до конца Мая довольно покойно и пріятно. Стояли мы въ домѣ Языкова за Лыбедью. Весною воротились въ Москву. Входя въ домъ, поблагодарили Бога за всѣ Его милости. На Москву безъ слезъ нельзя было глядѣть. Не токмо цѣлыя улицы, но и цѣлыя части города обращены въ пепелъ, и только оставались печи съ трубами, отчасти изломанныя. Сіе опустошеніе при въѣздѣ меня поразило. Но вспомнивъ, что принятіе таковыхъ мѣръ выгнало Бонапарта изъ Москвы и способствовало къ истребленію его войска, сіе нѣсколько уменьшало въ глазахъ столь плачевное позорище.

Проживъ въ Москвѣ съ недѣлю, отправились въ Петровское. Сія прекрасная деревня, очень много потерпѣвшая отъ непріятеля, еще вдвое намъ милѣе показалась. Со мною сидѣлъ въ каретѣ князь Ѳедоръ. Онъ, увидѣвши уже издали церковь, съ радости заплакалъ, да и мы ему послѣдовали. По пріѣздѣ созвали крестьянъ, велѣли отслужить благодарственный молебенъ, и я при этомъ случаѣ поблагодарилъ крестьянъ за ихъ послушаніе во время пребыванія у насъ непріятельскаго войска. По увѣренію прикащика, всѣ работы продолжались.

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ (*).

DONNA SOL.

Oh! je voudrais savoir, ange au Ciel réservé,
Où vous avez marché, pour baiser le pavé (**).
Драма В. Гюго, Эрнани.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ драма Гюго *Эрнани* надѣлала много шуму въ Парижѣ. Этотъ шумъ откликнулся и въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней много свѣжей поэзіи, движенія и драматическихъ нововведеній, въ которыхъ, можетъ быть, нуждалась старая Французская трагедія, не Расиновская, не Вольтеровская, имѣвшія достоинство свое, а трагедія временъ Наполеона. Стихи изъ новаго произведенія поэта переходили изъ устъ въ уста и дѣлались поговорками. Въ то самое время расцвѣтала въ Петербургѣ одна дѣвица, и всѣ мы, болѣе или менѣе, были военноплѣнными красавицы; кто болѣе или менѣе уязвленный, но всѣ были задѣты и тронуты. Кто-то изъ насъ прозвалъ смуглую, южную, черноокую дѣвицу *Donna Sol*, главною дѣйствующею личностью Испанской драмы Гюго. Жуковскій, который часто любитъ облекать поэтическую мысль выраженіемъ шуточнымъ и удачно-пошлымъ, прозвалъ ее *небеснымъ дьяволенкомъ*. Кто хвалилъ ея черные глаза, иногда улыбающіеся, иногда огнестрѣльные; кто — стройное и маленькое ушко, эту аристократическую женскую примѣту, какъ ручка и какъ ножка; кто любовался ея красивою и своеобразною миловидностію. Иной готовъ былъ, глядя на нее, вспомнить старые, вовсе незвучные стихи Востокова и воскликнуть:

О, какая гармонія
Въ рѣдкій сей ансамбль влита!

И замѣтимъ мимохомъ, что она очень бы смѣялась этимъ стихамъ: не смотря на свое общественное положеніе, на свѣтскость свою, она любила Русскую поэзію и обладала тонкимъ и вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ. Она угадывала (болѣе того, она вѣрно понимала) и все высокое, и все смѣшное. Изящное стихотвореніе Пушкина приводило ее въ восторгъ. Переряженная и масляничная поэзія пѣвца Курдюковой находила въ ней сочувственный смѣхъ. Обыкновенно женщины худо понимаютъ плоскости и пошлости; она понимала ихъ и радовалась имъ, разумѣется, когда онѣ были не плоско-плоски и не пошло-пошлы. Женщины брезгливы и въ дѣлѣ искусства; у нихъ во вкусѣ есть своя исключительность, свой педантизмъ, свой чинъ-чина почитай. Наша красавица умѣла постигать Рафаэля, но не отворачивалась отъ Теньера, ни отъ каррикатуры Гогарта и даже Кома. Вообще увлекала она всѣхъ живостью своею, чуткостью впечатлѣній, остроуміемъ, нерѣдко поэтическимъ на-

(*) См. выше стр 173 и 467, а также Р. Архивъ 1872 и 1873 годовъ; первыя выдержки напечатаны въ «Девятнадцатомъ Вѣкѣ», книгѣ 2-й. Не знаемъ какъ и благодарить Саратовскаго доставителя этихъ очерковъ, замѣтокъ и разсказовъ, въ которыхъ въ такомъ обиліи разбросаны драгоцѣнныя указанія по словесной, политической, общественной и бытовой исторіи нашей. Читатели въ правѣ требовать, чтобы названо было наконецъ имя автора Записной Книжки; но мы не можемъ до сихъ поръ удовлетворить законному ихъ любопытству и скажемъ только, что намъ довелось видѣть подлинную рукопись, начатую въ 1813 году и къ радости нашей продолжаемую до сего дня. *П. Б.*

(**) О, ангелъ, предоставленный Небу! Желалъ бы я знать, гдѣ ты ходила, чтобы цѣловать ту землю.

строеніемъ. Прибавьте къ этому, въ противоположность не лишенную прелести, какую-то южную лѣнивость, усталость. Въ ней было что-то Севильской женственности. Вдругъ эта мнимая безстрастность расшевелится или теплымъ сочувствіемъ всему прекрасному, доброму, возвышенному, или (да простятъ мнѣ барыни выраженіе) *ощетинится* скептическимъ и язвительнымъ отзывомъ на жизнь и на людей. Она была смѣсь противорѣчій, но эти противорѣчія были какъ музыкальныя разнозвучія, которыя, подъ рукою художника, сливаются въ какое-то странное, но увлекательное созвучіе. Въ ней были струны, которыя откликались на всѣ вопросы ума и на всѣ напѣвы сердца. Были, можетъ быть, струны, которыя звучали пронзительно и просто-непріятно; но это были звуки отдѣльные, обрывистые, мимолетучіе. Впрочемъ и эта разноголосица имѣетъ свою раздражительную прелесть: когда сердишься на женщину, это несомнѣнный знакъ, что ее любишь.

Хотя не было въ чулкахъ ея ни малѣйшей синей петли, она могла прослыть у нѣкоторыхъ *академикомъ въ чепцѣ*. Свѣдѣнія ея были разнообразныя, чтенія поучительныя и серьезныя, впрочемъ не въ ущербъ романамъ и газетамъ. Даже богословскіе вопросы, богословскія пренія были для нея заманчивы. Профессоръ духовной академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ и дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ Петербургскихъ салоновъ. Она выходила иногда въ пріемную комнату, гдѣ ожидали ее свѣтскіе посѣтители, послѣ урока Греческаго языка, на которомъ хотѣла изучить восточное богослуженіе и святыхъ отцевъ. Прямо отъ бесѣды съ Григоріемъ Назіанзиномъ или Іоанномъ Златоустымъ влетала она въ свой салонъ и говорила о дѣлахъ Парижскихъ съ старымъ дипломатомъ, о Петербургскихъ сплетняхъ, не безъ нѣкотораго оттѣнка дозволеннаго и всегда остроумнаго злословія, съ пріятельницею, или обмѣнивалась съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ загадочными полусловами, т. е. по-англійски *flirtation* или *отношеніями*, какъ говорилось въ то время въ нашемъ кружкѣ. Однимъ словомъ, въ запасѣ любезности ея было, если не всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, то всѣмъ братьямъ по *сердечной загвоздкѣ*, какъ сказалъ бы Жуковскій. Молодой Русскій врачъ С. былъ также въ числѣ прихваченныхъ гвоздемъ. Когда говорили о ней и хвалили ее, онъ всегда прибавлялъ: «А замѣтьте, какъ она славно кушаетъ! Это вѣрный признакъ здоровой натуры и правильнаго пищеваренія.» Каждый смотрѣлъ на нее съ своей точки зрѣнія: Пушкинъ увлекался прелестью и умомъ ея; врачъ С. исправностію ея желудка.

Вотъ шуточные стихи, которые были ей поднесены:

Вы—Донна Соль, подъ часъ и Донна Перецъ!
Но все намъ сладостно и лакомо отъ васъ,
И каждый мыслями и чувствами изъ насъ
Вашъ вѣрноподданный и вашъ единовѣрецъ.

Но всѣхъ счастливѣй будетъ тотъ,
Кто къ сердцу вашему надежный путь проложитъ,
И радостно сказать вамъ можетъ:
О, Донна-Сахаръ! Донна-Медъ!

*

Выше привели мы довольно нестройные и смѣшные стихи Востокова; но спѣшимъ оговориться. Кромѣ того, что онъ искупилъ ихъ, а можетъ быть и другіе стихотворные промахи, своею глубокою и многополезною ученостью, онъ и какъ поэтъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, явилъ несомнѣнные признаки дарованія. Онъ былъ нерѣдко поэтомъ мысли и чувства. Если ухо не могло заслушиваться музыкальности стиха, то стихъ его часто поражалъ читателя внутреннимъ достоинствомъ. Недостатокъ мелодіи происходилъ у него вѣроятно отъ непомѣрнаго косноязычія его: онъ только глазами могъ слѣдить за стихомъ своимъ, а слухомъ не могъ провѣрять его.

Сильное заиканіе мѣшало ему судить даже и приблизительно, плавенъ ли и пѣвучъ ли или нѣтъ стихъ, вырвавшійся изъ груди его. Поэтическое чувство было въ немъ богато развито, но инструментъ его былъ разстроенъ. *Не дѐданъ мнѣ языкъ смертныхъ, но данъ языкъ боговъ,* сказалъ онъ гдѣ-то. Въ поэзіи Востокова отзывается Нѣмецкое происхожденіе его. Въ ней преобладаетъ Германская стихія, хотя почти вездѣ выражающая себя правильною Русскою рѣчью. Онъ часто и нерѣдко удачно покорялъ Русскую просодію разнообразнымъ метрамъ древнихъ языковъ. Жуковскій высоко цѣнилъ одно изъ стихотвореній его, кажется *Майское видѣніе*, и внесъ его въ Образцовыя Стихотворенія, имъ изданныя. Дмитріевъ разсказывалъ, что однажды при докладѣ императоръ Александръ, не знаю по какому поводу, припомнилъ два или три философскіе стиха Востокова изъ стихотворенія его на новый годъ, или на окончаніе стараго.

*

На всѣхъ никто и ничто не угодитъ. Вотъ и весна нашла хулителя своего.

Весна, весна, душа природы,
Какъ нѣкогда сказалъ поэтъ;
А если слѣзть съ высокой оды:
То грязь вездѣ, что мочи нѣтъ,
Насморки отъ гнилой погоды
И ломка дрожекъ и каретъ.

Вотъ въ прозаическомъ объемѣ,
Какъ Май рисуется глазамъ:
И въ кузницахъ, и въ каждомъ домѣ
Идетъ починка, здѣсь и тамъ.
Май ненавистный всѣмъ! О, кромѣ
Каретникамъ и докторамъ.

*

16 Іюня 1853 г., узналъ я о смерти Льва Пушкина. Съ нимъ, можно сказать, погребены многія стихотворенія брата его, неизданныя, можетъ быть даже и не записанныя, которыя онъ одинъ зналъ наизустъ. Память его была таже типографія, частію потаенная и контрабандная. Въ ней отпечатлѣвалось все, что̀ попадало въ ящикъ ея. Съ нимъ сохранялись бы и сдѣлались бы извѣстными нѣкоторыя драгоцѣнности, оставшіяся подъ спудомъ; и онъ же могъ бы изобличить въ подлогѣ другія стихотворенія, которыя невѣжественными любителями соблазна несправедливо приписываются Пушкину. Странный обычай чтить память славнаго человѣка, навязывая на нее и то, отъ чего онъ отрекся и то, въ чемъ часто не повиненъ онъ душою и тѣломъ. Мало ли что̀ исходитъ изъ человѣка! Но неужели сохранять и плевки его во вѣки вѣковъ, въ золотыхъ и фарфоровыхъ сосудахъ?

Пушкинъ иногда сердился на брата за его стихотворческія нескромности, мотовство, нѣкоторую невоздержность и распущенность въ поведеніи; но онъ нѣжно любилъ его родственною любовію брата, съ примѣсью родительской строгости. Самъ Пушкинъ не былъ ни схимникомъ, ни пуританиномъ; но онъ никогда не хвастался своими уклоненіями отъ торной дороги и не рисовался въ мнимомъ молодечествѣ. Не разъ бунтовалъ онъ противъ общественнаго мнѣнія и общественной дисциплины; но, по утишеніи въ себѣ временнаго бунта, онъ сознавалъ законную власть этого мнѣнія. Какъ единичная личность, какъ часть общества, онъ понималъ обязанности по крайней мѣрѣ внѣшне принаровляться къ ней и ей повиноваться гласною жизнью своею, если не всегда своею жизнію внутреннею, келейною. И это не была малодушная уступчивость. Всякая свобода какою нибудь стороною ограничивается тою или другою обязанностію, нравственною, политическою или взаимною. Иначе не быть обществу, а будетъ дикое своеволіе и дикая сволочь. Левъ Пушкинъ, храбрый на Кавказѣ противъ Чеченцевъ, любилъ иногда и самъ, въ мирномъ житіи, гарцовать Чеченцемъ и нападать въ расплохъ на обычаи и условія благоустроеннаго и взыскательнаго общества. Пушкинъ старался умѣрять въ младшемъ

братѣ эти порывы, эти избытки горячей натуры, столь противоположные его собственной аристократической натурѣ: принимаемъ это слово и въ общепринятомъ значеніи его, и въ первоначальномъ этимологическомъ смыслѣ. Не во гнѣвъ демократамъ будь сказано, а слово *аристократія* соединяетъ въ себѣ понятія о *силѣ* и о чемъ-то *избранномъ* и *лучшемъ*, т. е. о *лучшей силѣ*.

Левъ или, какъ слылъ онъ до смерти, Лёвушка питалъ къ Александру нѣкоторое восторженное поклоненіе. Въ любовь его входила, можетъ быть, и частичка гордости. Онъ гордился тѣмъ, что былъ братомъ его (¹), и такая гордость не только простительна, но и естественна и благовидна. Онъ чувствовалъ, что лучи славы брата нѣсколько отсвѣчиваются и на немъ, что они освѣщаютъ и облегчаютъ путь ему. Пріятели Александра, Дельвигъ, Баратынскій, Плетневъ, Соболевскій, скоро сдѣлались пріятелями Льва (²). Эта связь тѣмъ легче поддерживалась, что и въ немъ были нѣкоторые литературные зародыши. Не будь онъ такимъ гулякою, такимъ *гусаромъ кореннымъ*, или драгуномъ, которому Денисъ Давыдовъ не сталъ бы попрекать, что у него на умѣ *все Жомини, да Жомини*, можетъ быть и онъ внесъ бы имя свое въ лѣтописи нашей литтературы. А можетъ быть, задерживала и пугала его слава брата, который забралъ весь маіоратъ дарованія. Какъ бы то ни было, но въ немъ поэтическое чувство было сильно развито. Онъ былъ совершенно грамотенъ, вкусъ его въ дѣлѣ литтературы былъ вѣренъ и строгъ. Онъ былъ остеръ и своеобразенъ въ оборотахъ рѣчи, живой и стремительной. Какъ братъ его, былъ онъ нѣсколько смуглый Арабъ, но смахивалъ на бѣлаго Негра. Тотъ и другой были малаго роста, въ отца. Вообще въ движеніяхъ, въ пріемахъ ихъ было много отцовскаго. Но Африканскій отпечатокъ матери видимымъ образомъ отразился на нихъ обоихъ. Другаго сходства съ нею они не имѣли. Одна сестра ихъ, Ольга Сергѣевна, была въ мать, и кстати гораздо благообразнѣе и красивѣе братьевъ своихъ.

Первые годы молодости Льва, какъ и Александра, были стѣснены, удручены неблагопріятностью окружающихъ или подавляющихъ обстоятельствъ. Отецъ, Сергѣй Львовича, былъ не богатъ, плохой хозяинъ, не распорядительный помѣщикъ. Къ тому же, по натурѣ своей, былъ онъ скупъ. Что ни говори, какъ строго ни суди молодежъ, а должно сознаться, что не хорошо молодому человѣку, брошенному въ водоворотъ свѣта, не имѣть по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ рублей ежегоднаго и вѣрнаго дохода, хотя бы на ассигнаціи. Деньги, обезпечивающія положеніе въ обществѣ, это необходимый балластъ для правильнаго плаванія. Сколько колебаній, потрясеній, крушеній бываетъ отъ недостатка въ уравновѣшивающемъ и охранительномъ балластѣ. Когда-то Баратынскій и Левъ Пушкинъ жили въ Петербургѣ на одной квартирѣ. Молодости было много, а денегъ мало. Они вездѣ задолжали, въ гостинницахъ, лавочкахъ, въ булочной: нигдѣ ничего въ долгъ имъ болѣе не отпускали. Одинъ только лавочникъ, торговавшій вареньями, довѣрчиво отпускалъ имъ свой товаръ; да гдѣ-то промыслили они три-четыре бутылки малаги. На этомъ сладкомъ пропитаніи продовольствовали они себя нѣсколько дней.

(¹) Это дало поводъ кому-то сказать про Льва Пушкина:

> Нашъ Левъ Сергѣичъ очень радъ,
> Что своему онъ брату братъ.

И въ самомъ дѣлѣ, съ именемъ Пушкина для всей грамотной Россіи связалось имя брата его. *П. Б.*

(²) Здѣсь авторъ Записной Книжки не совсѣмъ точенъ: покойный С. А. Соболевскій былъ, наоборотъ, сначала пріятелемъ Льва Пушкина, съ которымъ воспитывался вмѣстѣ въ благородномъ пансіонѣ при педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ, и уже черезъ Льва сблизился съ Александромъ Пушкинымъ. *П. Б.*

Послѣдніе годы жизни своей Левъ Пушкинъ провелъ въ Одессѣ, состоя на службѣ по таможенному вѣдомству. Подъ конецъ одержимъ онъ былъ водяною болѣзнію, отправился по совѣту врачей въ Парижъ для исцѣленія, возвратился въ Одессу почти здоровый, но скоро принялся опять за прежній образъ жизни; болѣзнь возвратилась, усилилась, и онъ умеръ.

Послѣ смерти брата, Левъ, сильно огорченный, хотѣлъ ѣхать во Францію и вызвать на роковой поединокъ барона Геккерена, урожденнаго Дантесъ; но пріятели отговорили его отъ этого намѣренія.

Водяная бѣднаго Льва напоминаетъ сказанное Костровымъ Карамзину, не задолго до смерти. Костровъ страдалъ перемежающейся лихорадкою. «Странное дѣло, замѣтилъ онъ, пилъ и, кажется все горячее, а умираю отъ озноба».

*

Кто-то сказалъ про Давыдова: «Кажется, Денисъ начинаетъ выдыхаться.» — «Я этого не замѣчаю,» возразилъ NN., «а можетъ быть, у тебя носъ залегъ».

*

Когда Михаилъ Орловъ, посланный въ Копенгагенъ съ дипломатическимъ порученіемъ, возратился въ Россію съ орденомъ Данеброга, кто-то спросилъ его въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ: Что-же ты очень радуешься салфеткѣ своей?— «Да, отвѣчалъ Орловъ, она мнѣ можетъ пригодиться, чтобы утереть носъ первому, кто осмѣлится позабыться передо мною».

*

Графиня Радолинска говоритъ о людяхъ, промышляющихъ чужими мыслями: «Умъ ихъ занимается каботажнымъ (прибрежнымъ) судоходствомъ, un esprit de cabotage. Она же говорила: écrire c'est délayer, т. е. писать значитъ разжижать.

*

Свѣчина называетъ записочки, написанныя карандашомъ, разговоромъ въ полъголоса.

NN. говоритъ: «Есть люди, которые, чтобы доказать тонкость своего умственнаго и политическаго чутья, часто пронюхиваютъ въ высоко-поставленныхъ лицахъ какія-то заднія мысли; а я часто ищу въ нихъ переднихъ, и за неимѣніемъ переднихъ, хотя среднихъ, но и тѣхъ не нахожу. Заднія мысли могутъ еще выпрямиться и пригодиться къ дѣлу, а отъ голаго безмыслія ожидать нечего».

*

Батюшковъ говорилъ объ А. С. Хвостовѣ: «онъ сорокъ лѣтъ тому сочинилъ книгу ума своего и до нынѣшняго дня все еще читаетъ по ней.» — Впрочемъ А. С. Хвостовъ былъ остеръ, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были весьма удачны. Видя на балѣ, какъ графъ Дмитрій Ивановичь Хвостовъ проходилъ въ польскомъ неловко и неуклюже, онъ сказалъ:

Однофамилецъ мой, сказать-то не въ укоръ,
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ.

Дюпоръ, знаменитый Французскій танцоръ, былъ тогда въ составѣ Петербургскаго балета.

*

Иные боятся ума, говоритъ N. N., а я какъ-то все больше боюсь глупости. Во первыхъ она здоровеннѣе и отъ того сильнѣе и смѣлѣе; во вторыхъ чаще встрѣчается. Къ тому же умъ часто одинокъ, а глупости стòитъ только свистнуть, и къ ней прибѣжитъ на помощь цѣлая артель товарищей и однокашниковъ.

*

N. N., въ одномъ письмѣ, говоритъ: «Думаемъ пробыть здѣсь еще недѣли двѣ, потомъ?» Неминуемый и темный вопросительный знакъ, со многими знаками восклицанія!!!! Человѣкъ знаетъ одно слово: *здѣсь*, и то знаетъ плохо и невѣрно. *Тамъ*— слово не человѣческое, а Божіе.

*

Кто-то говорилъ аббату Терре (Terray), генеральному контролеру (тоже чтò министру финансовъ) во Франціи, въ послѣд-

ней половинѣ минувшаго столѣтія: «Да вы хотите брать деньги даже изъ нашихъ кармановъ!» — «А откуда же мнѣ брать ихъ, какъ не изъ кармановъ?» отвѣчалъ онъ простодушно.

*

Николай Ѳедоровичъ Арендтъ былъ не только искусный врачъ, но и добрѣйшій и безкорыстнѣйшій человѣкъ. Со многихъ изъ своихъ паціентовъ, даже достаточно зажиточныхъ, онъ не бралъ денегъ, а лечилъ и вылечивалъ ихъ изъ дружбы. Одинъ изъ нихъ писалъ ему однажды: «Въ болѣзнь мою, я поручилъ женѣ моей передать вамъ послѣ моей смерти мои Брегетовы часы; но вы умереть мнѣ не дали, и я нахожу гораздо приличнѣе и пріятнѣе еще за живо просить васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Ѳедоровичъ, принять ихъ отъ меня и хранить на память о вашихъ искусныхъ и дружескихъ обо мнѣ попеченіяхъ и на память о неизмѣнной благодарности тѣлесно и душевно вамъ преданнаго и обязаннаго N. N.» На другой день Арендтъ пріѣхалъ къ нему, торопливо (какъ дѣлалъ онъ все) всунулъ ему въ руки часы и просилъ о дозволеніи удержать одну записку. Выздоравливающихъ онъ не баловалъ. «Вамъ лучше», говаривалъ онъ, «я къ вамъ болѣе ѣздить не буду: у меня есть другой, опасно больной, который меня теперь гораздо болѣе интересуетъ, чѣмъ вы. Прощайте!»

*

На бѣдный Русскій чиновный людъ пало нареканіе во взяточничествѣ. Это любимый конекъ нашей безсребренной публицистики и журналистики. Онѣ на этомъ конькѣ разъѣзжаютъ, гарцуютъ, рисуются, подбоченясь, съ презрѣніемъ и отвагою. Оно, пожалуй и такъ: грѣха таить нечего. Взяточничество у насъ одинъ изъ способовъ пропитанія, а пропитать себя нужно, потому что каждому жить хочется и дать жить женѣ и дѣтямъ. Но что̀ же въ самомъ дѣлѣ взяточничество? Одинъ изъ видовъ недуга, извѣстнаго подъ именемъ ***любостяжанія*** и ***сребролюбія.*** Но развѣ этотъ недугъ исключительно Русскій? Не есть ли онъ повѣтріе, общее всѣмъ народамъ и всѣмъ обществамъ; да и болѣзнь-то не новая, не плодъ испорченности новыхъ нравовъ и распущенности. Еще Апостолъ сказалъ: «корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть». При Адамѣ денегъ еще не было, а были яблоки, и Адамъ, искусившись яблокомъ, былъ первый взяточникъ.

*

N. N. говоритъ, что дипломація дѣло хорошее и нужное; но она хороша, пока о ней, какъ о Кесаревой женѣ, ничего не говорятъ; а заговоритъ ли она въ слухъ или о ней громко заговорятъ, то ужъ быть бѣдѣ: значитъ, собираются громовыя тучи, а дипломація рѣдко бываетъ благонадежный громовой отводъ. Часто перья дипломатовъ приводятъ къ войнѣ, а пушки къ миру. Первыя иногда такъ запишутся, что иначе разнять ихъ нельзя, какъ допустивъ руки до драки; другія до того выпалятся и такъ много перебьютъ народа на той и другой сторонѣ, что и побѣжденные, и побѣждающіе нуждаются въ мирѣ.

*

Руссо употребляетъ гдѣ-то выраженіе mal-être, въ противуположность bien-être. И у насъ можно бы допустить слово *злосостояніе* по примѣру *благосостояніе.* Какой-то шутникъ въ Москвѣ переводилъ Французское выраженіе bien-être général en Russie слѣдующимъ образомъ: хорошо быть генераломъ въ Россіи. Въ Москвѣ много ходячаго остроумія, этого ума, qui court la rue, какъ говорятъ Французы. Въ Москвѣ и вообще въ Россіи, этотъ умъ не только бѣгаетъ по улицамъ, но вхожъ и въ салоны; за то какъ-то рѣдко заглядываетъ онъ въ книги. У насъ болѣе устнаго ума, нежели печатнаго.

*

Многія человѣческія возвышенности, извѣстности, знаменитости, какъ и высшія

горы, бываютъ величественнѣе и поразительнѣе, когда смотришь на нихъ издали, а не вблизи. Это также своего рода декораціи, которыми должно любоваться изъ партера, а не въ кулисахъ. Бѣлая гора (Mont-Blanc) плѣняла меня болѣе и приковывала мои глаза, когда глядѣлъ я на нее изъ Женевы, нежели когда глядѣлъ изъ долины Шамуни.

*

Талейранъ, во время посольства своего въ Лондонѣ, былъ очень любимъ и уважаемъ. Онъ умѣлъ поддѣлаться подъ Англичанъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, умомъ и прославленнымъ острословіемъ своимъ, внушалъ имъ почтительный страхъ. Однажды, на вечерѣ у леди Палмерстонъ, собрался онъ уѣхать ранѣе обыкновеннаго. Куда же вы такъ спѣшите? спросила хозяйка.—Мнѣ хочется завернуть къ леди Гохландъ.—За чѣмъ?— Pour savoir ce que vous pensez (чтобы узнать что у васъ на умѣ). Талейранъ не только высказалъ свое знаменитое слово: La parole a été donnée à l'homme pour déguiser sa pensée (даръ слова данъ былъ человѣку, чтобы прятать и переряжать мысль свою), но видно, что онъ примѣнялъ его и на практикѣ въ отношеніи къ другимъ.

Талейранъ подарилъ Пальмерстону собственноручную записку Наполеона (разумѣется I-го), которою предписывалось уполномоченному отъ него, во время Аміенскихъ переговоровъ (1802 года), *что* и буквально *какъ* сказать въ такомъ или другомъ случаѣ, и въ томъ и другомъ принять за оскорбленіе все что ни сказалъ бы Англійскій министръ; послѣ того, встать со стула, откланяться, подойти къ дверямъ и, взявшись за ручку, остановиться и сказать: мнѣ приходитъ въ голову мысль; не знаю, будетъ ли она одобрена и утверждена моимъ правительствомъ, но беру на себя отвѣтственность.

(Разсказано мнѣ въ Баденъ-Баденѣ Бунсеномъ, который былъ долгое время Прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, а познакомился я съ нимъ въ Римѣ въ 1834—1835 годахъ). Бунсенъ, дипломатъ, теологъ и Нѣмецкій ученый, не имѣлъ ни чопорности и потаенности перваго, ни сухости и проповѣдничества втораго, ни глубокомысленной и каѳедральной скуки третьяго. Онъ просто былъ пріятный собесѣдникъ, занимательный и часто поучительный. Между прочимъ говорилъ онъ мнѣ, что Герценъ съ своею пропагандою и съ своимъ журналомъ не пользовался въ Лондонѣ не только уваженіемъ, но даже и извѣстностію.

*

Кто-то говорилъ объ одной барынѣ, которой онъ не видалъ: она должно быть лицемъ дурна, потому что пріятели ея говорятъ о ней, что она очень стройна. Это напоминаетъ слово князя Козловскаго. Чадолюбивая мать показывала ему малолѣтнихъ дѣтей своихъ, которыя были одно некрасивѣе другаго, и спрашивала его: какъ они ему кажутся. Они должны быть очень благонравныя дѣти, отвѣчалъ онъ.

*

Когда Карамзинъ былъ назначенъ исторіографомъ, онъ отправился къ кому-то съ визитомъ и сказалъ слугѣ: если меня не примутъ, то запиши меня. Когда слуга возвратился и сказалъ, что хозяина дома нѣтъ, Карамзинъ спросилъ его: «а записалъ ли ты меня?» — Записалъ. — «Что же ты записалъ?» —Карамзинъ, графъ исторіи.

*

Коллегія докторовъ, въ которой избираются, то есть испытываются, въ Китаѣ лица, назначаемыя на высшія государственныя должности, именуется кажется *Ганъ-Линъ*, то есть лѣсъ чернильницъ. N. N. говоритъ, что когда онъ входитъ въ свой департаментъ, ему всегда сдается, что онъ входитъ въ Китайскую коллегію докторовъ, то есть въ дремучій лѣсъ чернильницъ.

*

Мятлевъ, Гомеръ Курдюковской Одиссеи, служилъ нѣкогда по министерству финан-

совъ. Директора одного изъ департаментовъ прозвалъ онъ *цѣловальникомъ*, и вотъ почему. Бывало, что̀ графиня Канкрина ни скажетъ, онъ сей часъ: Ахъ, какъ это мило, графиня! Позвольте за то поцѣловать ручку вашу.

Когда Сабуровъ опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ Банкъ, Мятлевъ сказалъ:

Канкринъ нашъ, право, молодецъ!
Онъ не министръ, родной отецъ:
Сабурова онъ держитъ въ банкѣ.
Ich danke, батушка, ich danke.

*

Извѣстно, что Ермоловъ любилъ отпускать шутки на Нѣмцевъ. Проѣзжая чрезъ Могилевъ, онъ говорилъ, что въ главной квартирѣ Барклая онъ нашелъ только одного чужестранца, и то Безроднаго.

*

Князь Менщиковъ не любилъ графа Канкрина. Во время опасной болѣзни сего послѣдняго, кто-то встрѣчаетъ князя на Невскомъ проспектѣ и говоритъ ему: сегодня извѣстіе о болѣзни Канкрина гораздо благопріятнѣе. — А до меня, отвѣчаетъ князь, дошли самыя худыя вѣсти: ему, говорятъ, лучше.

*

Александръ Тургеневъ былъ довольно разсѣянъ. Однажды обѣдалъ онъ съ Карамзинымъ у графа Сергѣя Петровича Румянцова. Когда за столомъ Карамзинъ подносилъ къ губамъ рюмку вина, Тургеневъ сказалъ ему вслухъ: «Не пейте, вино прескверное, это настоящій уксусъ». Онъ вообразилъ себѣ, что обѣдаетъ у канцлера графа Румянцова, который за глухотою своею ничего не разслышитъ.

Другой забавный случай по поводу глухоты канцлера. Графъ ***, разсудительный, многообразованный, благородный, но до высшей степени разсѣянный, пріѣзжаетъ однажды къ графу Николаю Петровичу, уже страдавшему почти совершенною глухотою. На первыя слова посѣтителя канцлеръ какъ-то случайно отвѣчаетъ правильно. «Мнѣ особенно пріятно замѣтить (говоритъ графъ), что ваше сіятельство изволите лучше слышать».

Канцлеръ: Что̀?

*Графъ ***:* Мнѣ особенно пріятно замѣтить, что ваше сіятельство изволите лучше слышать.

Канцлеръ: Что̀?

Графъ: Мнѣ особенно пріятно замѣтить...

Канцлеръ: Что̀?

Такимъ образомъ перекинулись они еще раза два тѣми же словами съ одной и другой стороны. Канцлеръ, указывая на аспидную доску, которая всегда лежала передъ нимъ на столѣ, проситъ написать на ней сказанное. И графъ *** съ невозмутимымъ спокойствіемъ пишетъ на доскѣ: «мнѣ особенно пріятно замѣтить, что ваше сіятельство изволите лучше слышать».

Графъ Сергѣй Румянцевъ говорилъ о допожарной Москвѣ, что въ ней жить нельзя, и не знаешь, гдѣ провести вечеръ. «Куда ни пріѣдешь, только и слышишь: барыня очень извиняется, что принять не можетъ», или потому, что полы моютъ, или потому, что служатъ ефимоны.

*

Въ какомъ-то губернскомъ городѣ дворянство представлялось императору Александру, въ одно изъ многочисленныхъ путешествій его по Россіи. Не разслышавъ порядочно имени одного изъ представлявлявшихся дворянъ, обратился онъ къ нему: «Позвольте спросить, ваша фамилія?» «Осталась въ деревнѣ, ваше величество,» отвѣчаетъ онъ, «но, если прикажите, сейчасъ пошлю за нею».

*

Въ холодный зимній день при рѣзкомъ вѣтрѣ, Александръ Павловичъ встрѣчаетъ г-жу Д***, гуляющую по Англійской набережной. «Какъ это не боитесь вы холода?» спрашиваетъ онъ ее. — «А вы, государь?» — «О, я, это дѣло другое: я сол-

датъ.» — «Какъ! Помилуйте, Ваше Величество, какъ! Будто вы солдатъ?»

*

N. N. писалъ къ пріятелю своему, который былъ на одной изъ высокихъ ступеней общественной лѣстницы: «Въ свѣтѣ и чѣмъ выше подымаешься, тѣмъ болѣе человѣку, признающему за собою призваніе къ дѣлу, выходящему изъ среды обыкновенныхъ дѣлъ, должно быть неуязвимымъ съ ногъ до головы, непроницаемымъ, непромокаемымъ, несгараемымъ, герметически закупореннымъ, и къ тому же еще имѣть способность проглатывать лягушекъ и при случаѣ переваривать ужей. Воля ваша, но я не полагаю, что ваше сложеніе и вашъ желудокъ достаточно крѣпки для подобнаго испытанія.»

Тоже изъ письма. «Въ старой Европѣ говорили: poli comme un grand seigneur, insolent comme un laquais (вѣжливъ какъ вельможа; наглъ, нахаленъ какъ холопъ). Старой Европы уже нѣтъ: она приказала долго жить, и мы живемъ въ новой Европѣ. Нынѣ многіе вельможи говорятъ: Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur; il faut être encore insolent. (Мало быть вельможею, нужно еще быть наглымъ). Ничто такъ не служитъ вывѣскою ума ограниченнаго и пошлаго, какъ высокомѣріе и невѣжливость, возрастающія постепенно съ возрастаніемъ чиновъ и почестей. Въ такомъ высокомѣріи есть и большое уничиженіе. Въ этомъ случаѣ человѣкъ какъ будто сознаетъ, что, какъ личность, онъ ничтоженъ, а придаетъ себѣ вѣсъ только по благопріобрѣтеннымъ, а часто злопріобрѣтеннымъ внѣшнимъ принадлежностямъ своимъ.

Откровенные и исповѣдные разговоры.

I). *Чиновникъ полицейскаго вѣдомства* (въ началѣ 20-хъ годовъ, или ранѣе, въ Петербургѣ): Начальство поручило мнѣ объясниться съ вами. Оно замѣтило, что живете вы не по средствамъ своимъ, что издерживаете много денегъ, ведете даже жизнь роскошную, а по собраннымъ справкамъ оказывается, что не имѣете ни деревенъ, ни капиталовъ, ни родственниковъ, которые помогали бы вамъ. Начальство желаетъ знать, какіе источники доходовъ вашихъ.

Страт. *** *(съ нѣкоторою запинкою):* Если начальству непремѣнно нужно знать, какіе источники доходовъ моихъ, то обязываюсь откровенно признаться, что пользуюсь женскими слабостями.

II). *Барыня Г***:* Какой несносный у меня духовникъ съ любознательностію своею! Настоящая пытка!

N. N.: Какъ это?

Барыня. Да, мало ему того, что приносишь чистосердечное покаяніе во грѣхахъ своихъ: онъ еще допытывается узнать, какъ, когда и съ кѣмъ. Всего и всѣхъ не припомнишь. Тутъ еще невольно согрѣшишь неумышленнымъ умалчиваніемъ.

*

Въ тетрадкѣ одного изъ Молчалиныхъ записана слѣдующая выходка, вспышка (жаль, что не имѣемъ на Русскомъ языкѣ слова boutade, которое такъ выразительно на Французскомъ и было бы здѣсь кстати).

Природа всѣмъ намъ мать родная,
Слыхалъ и я. Но для чего жъ,
Дѣтей дарами надѣляя,
Не ровенъ такъ ея дѣлежъ.

—

Тамъ миртъ, и виноградъ, и розы,
Тамъ солнце, вѣчная весна:
А здѣсь туманы, да морозы,
Капуста, рѣдька и сосна.

*

Есть люди, которые огорчаются чужою радостію, обижаются чужимъ успѣхомъ и больны чужимъ здоровьемъ. Добро бы еще, еслибъ дѣйствовали въ нихъ соперничество, ревность, совмѣстничество, что Французы называютъ jalousie de métier. Нѣтъ, это платоническая, безкорыстная зависть. Они

нисколько не желали бы поступить на мѣсто, которое занялъ другой. Нѣтъ, имъ безцѣльно и просто досадно, что этотъ другой занялъ это мѣсто, или получилъ такую-то награду. Я знавалъ подобнаго барина, несчастно впечатлительнаго и раздражительнаго. Онъ былъ молодъ, красивъ собою, богатъ, не былъ на службѣ и не хотѣлъ служить, могъ пользоваться всѣми пріятностями блестящей независимости. Въ добавокъ не былъ онъ и авторъ и даже былъ достаточно безграмотенъ. Когда же Карамзину, въ чинѣ статскаго совѣтника, была пожалована Анна первой степени, его взорвало. «Вотъ, говорилъ онъ въ изступленіи, прямо сбывается Русская пословица: не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ!» У него была и другая равнохарактерная особенность, но эта прямо по его части. Онъ ревновалъ ко всѣмъ женщинамъ, даже и къ тѣмъ, къ которымъ не чувствовалъ никакого сердечнаго влеченія. Подмѣтитъ ли онъ, что молодая дама какъ-то особенно нѣжно разговариваетъ съ молодымъ мущиною, онъ сей часъ заподозритъ, что тутъ снуется завязка романической тайны; онъ вспылитъ и готовъ подбѣжать къ дамѣ съ угрозою, что тотчасъ пойдетъ къ мужу ея и все ему откроетъ. Не ручаюсь, чтобъ такая угроза не была иногда приводима въ дѣйствіе.

Былъ еще въ Петербургѣ субектъ той же породы: умный, образованный не изъ Русскихъ, но вполнѣ обрусѣвшій по этой части. Онъ самъ былъ довольно высоко поставленъ на лѣстницѣ, извѣстной подъ именемъ табели о рангахъ, а потому и не смущался онъ отъ мелочныхъ служебныхъ скачковъ. Его вниманіе обращено было выше. Отъ этихъ астрономическихъ и звѣздочетныхъ наблюденій случались съ нимъ приливы крови къ головѣ. Особенно были для него трудны и пагубны для здоровья дни Новаго Года, Пасхи, Высочайшихъ тезоименитствъ. Это было хорошо извѣстно семейству его: въ эти роковые дни, по возвращеніи изъ дворца, ожидали уже его на дому докторъ и фельдшеръ и, по размѣру розданныхъ Александровскихъ и Андреевскихъ лентъ и производствъ въ высшіе чины, ставили ему соотвѣтственное количество піявокъ, или рожковъ.

Былъ еще мнѣ хорошо и пріятельски знакомъ третій образчикъ этого физіологическаго недуга; но онъ былъ такъ простосердеченъ, такъ откровененъ въ исповѣданіи слабостей своихъ, что обезоруживалъ всякое осужденіе. Онъ не только не таилъ ихъ подъ лицемѣрнымъ прикрытіемъ равнодушія и презрѣнія къ успѣхамъ и почестямъ; но охотно обнаруживалъ ихъ съ самоотверженіемъ и, что всего лучше, съ особенною забавностію и на этотъ случай съ особенною выразительностію и блистательностію рѣчи. И онъ состоялъ всегда подъ лихорадочнымъ впечатлѣніемъ приказовъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, но преимущественно военныхъ. Онъ былъ уже въ отставкѣ, но и отставной сохранилъ онъ всю свѣжесть и всю чувствительную раздражительность служебныхъ столкновеній и мѣстничества. «Какъ хорошо знаетъ меня графъ Закревскій», говорилъ онъ мнѣ однажды. Разъ зашелъ я къ нему въ Парижѣ.—Что ты такъ растроенъ и въ дурномъ духѣ? спросилъ онъ меня. — Ничего, отвѣчалъ я.— «Какъ ничего, ты не въ духѣ и скажу тебѣ, отъ чего: ты вѣрно, шутъ гороховый, прочелъ приказъ въ Инвалидѣ, сегодня пришедшемъ. Не такъ ли?» И точно я только что прочелъ военную газету и былъ пораженъ извѣстіемъ о производствѣ бывшаго сверстника моего по службѣ.

Онъ когда-то состоялъ при князѣ Паскевичѣ; но, по неосторожности, или по другимъ обстоятельствамъ, лишился благорасположенія его, которымъ прежде пользовался, и вынужденъ былъ удалиться. Этотъ эпизодъ служебныхъ приключеній его бывалъ частою темою его драматическихъ, эпическихъ, лирическихъ и особенно въ высшей

степени комическихъ разсказовъ. Мы уже замѣтили, что раздражительность давала блестящій и живой оборотъ всѣмъ рѣчамъ его. Онъ тогда становился и устнымъ живописцемъ, и ораторомъ, и актеромъ, и импровизаторомъ. Между прочимъ разсказывалъ онъ свиданіе свое съ княземъ Паскевичемъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ размолвки ихъ. «Въ одинъ изъ пріѣздовъ князя въ Петербургъ, повстрѣчавшись съ братомъ моимъ, спрашиваетъ онъ его, почему онъ меня не видитъ. Узнавъ объ этомъ, почелъ я обязанностію явиться къ нему. Принялъ онъ меня отмѣнно благосклонно и въ продолженіи разговора вдругъ спросилъ меня: А что выиграли вы, не умѣвши поладить со мною и потерявши мое довѣріе? Остались бы вы при мнѣ, вы были бы теперь генералъ-лейтенантомъ, можетъ быть генералъ-адъютантомъ, кавалеромъ разныхъ орденовъ.—Каково же было мнѣ все это слышать? И съ какою жестокостію, вонзивъ въ сердце мое ножъ, поворачивалъ онъ его въ ранѣ моей. Вѣроятно для этого закланія и желалъ онъ видѣть меня.» Сцена въ высшей степени драматическая.

Экспромпты Неѣлова.

1.

Къ одной княжнѣ, возвратившейся изъ Харькова.

Прелестная княжна, въ которой все такъ мило,
Скажите, сколько харь вы въ Харьковѣ плѣнили.

2.

Увидавъ, какъ одна старуха кушала грибы.

Сей случай для меня необычайно новъ:
Я думалъ, что сморчки не кушаютъ грибовъ.

(Сообщено княземъ Ю. А. Оболенскимъ).

ИЗЪ ЛИЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ [1].

По снятіи осады Силистріи, войска наши отступили отъ Дуная къ Кишиневу; война, вслѣдствіе этого отступленія, изъ наступательной превратилась для насъ въ оборонительную. Непріятель не переходилъ Дуная и оставался за нѣсколько сотъ верстъ отъ Кишинева; можно было ожидать поэтому нападенія союзниковъ, имѣвшихъ большой флотъ для десанта, на какой нибудь пунктъ Чернаго моря. Таковымъ представлялся Севастополь, невооруженный съ сухаго пути и имѣвшій незначительный гарнизонъ. Князь Горчаковъ, командовавшій арміею, все это превосходно сознавалъ. Какъ истинно любящій свое отечество, онъ былъ чуждъ узкаго себялюбія или желанія удержать подъ своей командой войска, въ которыхъ бы чувствовалась нужда въ болѣе угрожаемыхъ мѣстахъ. Нужно было усилить князя Меншикова въ Севастополѣ; но командованіе князя Горчакова не простиралось на Крымъ, и въ перемѣщеніи войскъ онъ былъ не властенъ. Въ виду однако настоятельной надобности и угрожающей опасности, онъ принялъ на свою отвѣт-

---

[1]) Печатаемую нами рукопись мы получили при слѣдующемъ письмѣ:

„Во второй книжкѣ Русскаго Архива, въ замѣткахъ князя В. Ѳ. Одоевскаго о военныхъ происшествіяхъ 1855—1856 года, про дѣло на Черной написано: „Горчаковъ послалъ адъютанта Столыпина сказать „Реаду, что пора начинать, т. е. по диспозиціи начать артиллерійскую стрѣльбу. Реадъ понялъ иначе...“ Это было занесено достойнымъ княземъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ въ записную тетрадь, въ видѣ замѣтки, по слуху; но я долженъ сказать, что ни я, ни братья мои таковаго порученія не получали. Теперь печатается довольно много о Крымской войнѣ, а потому прилагаю при семъ очеркъ изъ личныхъ моихъ воспоминаній о томъ времени. Примите“ и пр.

ственность распоряженіе послать въ Крымъ 16-ую дивизію и приказалъ 6-й дивизіи быть въ готовности къ выступить; объ этихъ распоряженіяхъ онъ донесъ въ Петербургъ. При отсутствіи телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, извѣстія шли изъ Петербурга въ армію довольно долго. Наконецъ полученъ былъ отвѣтъ: 6-ую дивизію не посылать, 16-й идти обратно изъ Крыма. Князь Менщиковъ получилъ подобное же приказаніе. Въ продолженіе этого времени, 16-я дивизія успѣла прійти въ Крымъ, и одновременно съ приказаніемъ изъ Петербурга было получено извѣстіе, что въ морѣ показалось около 700 вымпеловъ—непріятельскій флотъ и десантъ—что̀ и остановило обратный походъ 16-й дивизіи.—При полученіи извѣстія объ Альминскомъ сраженіи и объ отступленіи нашихъ войскъ, приказано было 4-му корпусу идти въ Крымъ. Нѣкоторые полагали, что нужно дѣйствовать массами, а потому хорошо было бы двинуть также и 3-й корпусъ и что если бы даже 3-й корпусъ пришелъ тогда, когда все будетъ уже рѣшено, то не было бы бѣды, если бы онъ сдѣлалъ прогулку въ Крымъ. Но въ то время общее настроеніе было таково, что успѣхъ казался несомнѣннымъ. Инкерманское сраженіе разрушило эти надежды.

Съ назначеніемъ и прибытіемъ князя Горчакова въ Крымъ, въ послѣднихъ числахъ Марта 1855 г., непріятель открылъ страшную бомбардировку, которая разбила весь городъ. Потери наши были огромны; въ послѣдніе дни бомбардировки наши батареи не отвѣчали за неимѣніемъ пороха. Весною подвозъ по морю сдѣлался легче, и непріятель получалъ громадное количество снарядовъ, тогда какъ съ нашей стороны по бездорожью, — извнутри Россіи приходило все очень медленно и въ маломъ количествѣ.

Въ первый разъ мнѣ пришлось обходить бастіоны въ Севастополѣ 20-го Апрѣля, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба третьяго корпуса, генераломъ Петромъ Владиміровичемъ Веймарномъ, при которомъ я состоялъ ординарцемъ. Мы очень подробно осмотрѣли бастіоны 4-й и 5-й, болѣе тогда угрожаемые; сходили въ мины, спускались въ ровъ 4-го бастіона. Рвы были въ то время въ такомъ положеніи разстройства, что не представляли никакой серьозной защиты. Я уже тогда много наслышался о духѣ, воодушевлявшемъ войска на бастіонахъ; но то что̀ я увидѣлъ, мнѣ казалось, превышало все сказанное.

Съ этой поры вся задача войны состояла въ томъ, чтобъ держаться возможно долѣе въ Севастополѣ. Прогнать непріятеля при усилившихся у него съ весною средствахъ—казалось дѣломъ невозможнымъ. Что̀ касается до веденія осады, то такъ какъ укрѣпленія Севастопольскія строились въ виду непріятеля, то, съ самаго начала и въ продолженіи всѣхъ 11-ти мѣсяцевъ, должно было ожидать ежедневно штурма. Резервы всегда были на готовѣ, оставаясь подъ чистымъ небомъ, безъ всякой покрыши и укрытія отъ непріятельскихъ снарядовъ; а потому, по мѣрѣ приближенія и умноженія непріятельскихъ осадныхъ работъ, стрѣльба и бомбардировка дѣлались все болѣе смертоносны, потери были громадны, и требовалось на пополненіе гарнизона все болѣе и болѣе войска въ Севастополь. — По прибытіи новоназначеннаго командира третьяго корпуса генерала Реада, штабъ третьяго корпуса былъ переведенъ изъ Бахчисарая на рѣчку Бельбекъ. Генералъ Реадъ получилъ коман-

дованіе войскъ на лѣвомъ флангѣ, но такъ какъ войска требовались безпрерывно, то одно время у него оставалось въ числѣ пѣхоты всего три полка 6-й дивизіи (Муромскій полкъ былъ взятъ въ городъ) и 3-й стрѣлковый баталіонъ.

По перенесеніи штаба на Бельбекъ, генералъ Веймарнъ занялся, по распоряженію князя Горчакова, укрѣпленіемъ позиціи и рекогносцировками къ сторонѣ Байдарской долины и Черной рѣчки. Для этой цѣли брались обыкновенно сотня казаковъ и нѣсколько эскадроновъ; иногда же мы ѣздили въ сопровожденіи одного только Балаклавца, прикомандированнаго къ штабу и хорошо знающаго мѣстность [1]). Случалось мнѣ бывать и на бастіонахъ, гдѣ, не смотря на громадныя потери, кипѣла все таже дѣятельная и геройская защита.

Новыя войска двигались въ Крымъ, и постепенно пришли 4-я и 5-я дивизіи и 7-я резервная. Генералъ Веймарнъ сказалъ мнѣ, что рѣшено имѣть дѣло на Черной рѣчкѣ. Зная крѣпкую позицію, занимаемую непріятелемъ я спросилъ у Петра Владиміровича, какъ можно разъяснить наше будущее сраженіе и чего можно было ожидать. Петръ Владимировичь сказалъ мнѣ, что даже въ случаѣ успѣха, если мы овладѣемъ высотами, то къ ночи все таки должны отступить; предпріятіе же наше можно объяснить тѣмъ, что мостъ чрезъ Севастопольскую бухту поспѣетъ только къ 15-му Августа, что опасаются непріятельскаго штурма до окончанія постройки моста, а потому предполагаютъ этимъ наступленіемъ отвлечь на время вниманіе непріятеля отъ Севастополя.

Генералъ Реадъ былъ первоначально назначенъ командовать на лѣвомъ флангѣ; но предъ самымъ сраженіемъ было сдѣлано измѣненіе: генералъ Липранди получилъ командованіе лѣвымъ флангомъ, на его же мѣсто, въ центръ и на правый флангъ, былъ назначенъ генералъ Реадъ. Подъ команду послѣдняго поступили три полка 12-й дивизіи, 7-я разервная въ трехбаталіонномъ составѣ полковъ, 62 орудія шести и двѣнадцати-фунтовыхъ и одинъ кавалерійскій полкъ. Эти войска предполагалось двинуть двумя колоннами: 12-я дивизія противъ средины Ѳедюхиныхъ горъ, тамъ, гдѣ каменный мостъ на рѣчкѣ, 7-я дивизія въ право отъ нея, тамъ гдѣ кончается отлогость Ѳедюхиныхъ горъ.

Берега у Черной рѣчки отвѣсные, но по протяженію отъ моста и внизъ по теченію есть бродъ, и назначено было нѣсколько солдатъ изъ войскъ, прежде тутъ стоявшихъ, для указанія онаго. По ту сторону рѣчки, въ нѣкоторомъ разстояніи, встрѣчается обводный каналъ, и приготовлены были перекидные мостики для провоза артиллеріи. Мѣстность отъ рѣчки идетъ все возвышаясь къ сторонѣ непріятеля.

---

[1]) Я сдѣлаю здѣсь одно замѣчаніе, касающееся вообще до экипировки войскъ. Одинъ разъ генералу Веймарну нужно было при осмотрѣ мѣстности ѣхать въ главную квартиру съ донесеніемъ; утомившись послѣ долгой ѣзды, отъ самой зари начавшейся, мы взобрались на гору, откуда было видно мѣсто, гдѣ должна была стоять сотня казаковъ. Не смотря на начавшійся сумракъ, который могъ помѣшать нашимъ наблюденіямъ, мы при внимательномъ осмотрѣ замѣтили бѣлую точку; усугубляя на этотъ пунктъ вниманіе, мы могли разсмотрѣть, что это была бѣлая лошадь, а продолжая болѣе смотрѣть въ ту же сторону, мы различили и другихъ лошадей. Такимъ образомъ бѣлая лошадь открыла намъ казаковъ, поставленныхъ въ *секретъ*. Въ мирное время сѣрыя лошади, и вообще блестящее въ аммуниціи у многихъ считаются весьма красивыми; но въ военное время, по моему мнѣнію, это рѣшительно не годится. Для форпостовъ, казачій полкъ на сѣрыхъ лошадяхъ казался бы не пригоднымъ; тоже самое можно сказать и о легко-кавалерійскомъ полку той же масти, для аванпостной службы.

3-го Августа нашъ штабъ отъ рѣчки Бельбекъ перешелъ на высоты Инкермана. Въ два часа ночи мы спустились въ долину Черной рѣчки.

Заря начала заниматься, войска наши двинулись двумя колоннами. Артиллерія выѣхала на позицію; послышались выстрѣлы на лѣвомъ флангѣ у генерала Липранди; нашей артиллеріи приказано было открыть огонь. Черная рѣчка была покрыта туманомъ; свыше виднѣлись высоты, на которыхъ разбуженный выстрѣлами строился непріятель. Легко было различить баталіоны по краснымъ линіямъ штановъ. Всѣ высоты при восхожденіи солнца покрылись розовымъ отблескомъ; раздавались звуки непріятельскихъ рожковъ. Реадъ съ своимъ штабомъ сталъ позади 12-й дивизіи, на небольшомъ пригоркѣ, не далеко отъ каменнаго столба, близъ дороги, ведущей къ мосту. Вскорѣ подъѣхалъ начальникъ артиллеріи и сказалъ, что, по его мнѣнію, огонь нашъ не дѣйствителенъ: ядра ложились у подошвы горы, гдѣ непріятеля не было. Приказано было прекратить огонь. Веймарнъ вмѣстѣ со мною поѣхалъ къ артиллеріи. Когда онъ воротился, Реадъ, который оставался на прежнемъ мѣстѣ, сказалъ ему: „général, il faut attaquer“ [1]). Веймарнъ, какъ бы недоумѣвая, ему отвѣчалъ, что наши войска не стали еще въ линію, именно — на правомъ флангѣ еще не было нашего кавалерійскаго полка. „Je ne peu pas attendre; j'ai l'ordre du Prince“ [2]), отвѣчалъ рѣшительно Реадъ. Веймарнъ приступилъ къ распоряженію. Одесскій полкъ во главѣ 12-й дивизіи, при первомъ приказаніи бросился къ рѣчкѣ, овладѣлъ предмостнымъ укрѣпленіемъ и при громкомъ крикѣ „ура!“ началъ подыматься на высоты. Я два раза былъ посланъ къ командовавшему 7-й резевной дивизіей, генералу Ушакову, передать приказаніе, чтобъ онъ атаковалъ; генералъ Ушаковъ сказалъ мнѣ, что онъ ждетъ атаковать, пока ему донесутъ, что готовъ мостъ, который строился на рѣчкѣ; въ третій разъ генералъ Веймарнъ поѣхалъ самъ, и я его сопровождалъ. — Здѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ: въ то время, когда Веймарнъ поѣхалъ осматривать позицію артиллеріи, огонь которой оказался недѣйствительнымъ, къ Реаду пріѣзжалъ, какъ я слышалъ, адъютантъ отъ Горчакова, съ приказаніемъ начинать дѣло. Въ диспозиціи было сказано: подошедъ къ непріятелю, открыть огонь, а для атаки ждать особаго приказанія. Реадъ спросилъ: „Что̀ значитъ начинать? Огонь мы открыли и прекратили потомъ: значитъ ли это атаковать?“ Реадъ былъ человѣкъ новый въ Крымской арміи, храбрости несомнѣнной; онъ могъ опасаться, что чрезъ замедленіе пропуститъ удобный моментъ атаки. „Я понимаю,“ сказалъ Реадъ, „что это значитъ атаковать: скажите князю, что я атакую и прошу прислать подкрѣпленія.“ Объ этомъ я слышалъ потомъ, но самъ я тутъ не присутствовалъ.

12-я дивизія все продолжала одна сражаться за рѣчкою, подкрѣпленіе не приходило. Непріятель обрѣзалъ края обводнаго канала, и перекидные мосты оказались коротки, а потому и артиллерію переправить нельзя было. — Когда я подъѣхалъ къ Реаду, въ тоже время подошелъ къ нему солдатъ; онъ отставилъ ружье правой рукой. «Ваше превосходительство, сказалъ онъ, дайте намъ резервъ».—«Кто тебя

[1]) Генералъ, надо атаковать.
[2]) Я не могу ждать: я имѣю приказаніе отъ Князя.

прислалъ?» «Товарищи».—«Гдѣ же офицеры?»—«Они убиты». Реадъ отвѣчалъ ему, что у него резервовъ нѣтъ, что онъ ихъ ждетъ, и что когда они придутъ, онъ сейчасъ пошлетъ. Солдатъ вскинулъ ружье на плечо и отправился обратно къ товарищамъ, за рѣчку.

Послышался звукъ рожковъ; трубили отбой. Веймарнъ мнѣ грустно сказалъ: «дѣло проиграно».

Наконецъ подошла къ намъ 5-я дивизія. Начальникъ дивизіи генералъ Вранкенъ, подавая рапортъ Реаду, вдругъ быстро отдернулъ руку къ груди, передалъ рапортъ адъютанту, оставилъ дивизію и уѣхалъ на Инкерманъ. Я слышалъ потомъ, что онъ былъ раненъ въ руку въ тотъ моментъ, когда подавалъ рапортъ.—Веймарнъ просилъ Реада дать ему одинъ полкъ, чтобъ идти на Ѳедюхины горы и собрать наши геройскіе остатки, которые продолжали тамъ биться. Реадъ предоставилъ ему это исполнить. Но тутъ пришло приказаніе 5-й дивизіи атаковать; привезли приказаніе адъютантъ князя Горчакова графъ Сухтеленъ и полковникъ Меньковъ.

Здѣсь собственно начинается второй фазисъ сраженія. Дивизіоннаго командира генерала Вранкена, какъ сказано выше, не было; Веймарнъ подъѣхалъ къ войскамъ и принялъ начальство надъ дивизіей. Полки двинулись линіями, баталіоны построенные густыми колоннами [1]. Непріятель уже приготовился насъ принять и открылъ страшный картечный и ружейный огонь. Огонь былъ такъ силенъ, что надъ нами стоялъ какъ бы сплошной слой картечь и пуль. Мы были близки къ рѣчкѣ и высотамъ за нею поднимающимся, и эта близость была причиною, что вся эта лава неслась чрезъ наши головы и поражала заднія линіи. 5-я дивизія была первый разъ въ огнѣ, баталіоны остановились. Мы видѣли, что нѣсколько человѣкъ задней шеренги одного изъ баталіоновъ первой линіи бросились назадъ. Веймарнъ подскакалъ къ баталіону, сказалъ нѣсколько ободрительныхъ словъ солдатамъ, которые сейчасъ же стали въ шеренгу. Веймарнъ, объѣхавъ баталіонъ, поѣхалъ впередъ. Дымъ былъ страшный; отъ вставшаго солнца мостъ чрезъ рѣчку и ближніе предметы казались подернутыми заревомъ. Петръ Владиміровичъ проѣхалъ цѣпь и канавку (которая до сихъ поръ существуетъ) чтобъ расмотрѣть мѣстность и найти къ рѣчкѣ спускъ; тутъ пуля ударила его въ голову, и онъ упалъ съ лошади. Я соскочилъ со своей и поднялъ его; въ это время меня ударило въ бокъ, какъ бы желѣзнымъ ломомъ съ размаха. Я также упалъ; но я тутъ же вскочилъ и, увидѣвъ раненаго солдата, просилъ его помочь мнѣ понести Петра Владиміровича. Сначала я не отдавалъ себѣ отчета, былъ ли онъ еще въ живыхъ; пуля ударила въ самый верхъ головы; я разсмотрѣлъ рану и увидѣлъ, что мозгъ вытекаетъ и что Веймарнъ убитъ. Такъ дошли мы до нашей пѣхоты. Здѣсь я попросилъ баталіоннаго командира дать мнѣ еще трехъ человѣкъ, чтобъ отнести тѣло начальника штаба; еще одинъ раненый понесъ ружья. Мнѣ слѣдовало ѣхать къ Реаду объявить о смерти Веймарна. Квартирмейстеръ 5-й дивизіи предложилъ мнѣ очень обязательно съѣздить за меня. Я видѣлъ еще вдали

[1] Я слышалъ потомъ, что упрекали Петра Владиміровича, что баталіоны были въ густыхъ колоннахъ; но какъ я сказалъ выше, рѣчку нельзя было вездѣ переходить. Какой же другой строй былъ возможенъ?

Реада на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ прежде. Когда мы начали подходить къ третьему полку, солдаты ([1]), которые несли Петра Владиміровича, просили меня отпустить ихъ къ баталіону: они были, какъ мнѣ сказали, изъ знаменныхъ рядовъ и говорили, что ихъ долгъ вернуться. Я убѣдилъ ихъ остаться немного, говоря, что я выпрошу на то дозволеніе у генерала. Я подошелъ къ генералу Тулубьеву, который стоялъ впереди своей бригады, изложилъ ему дѣло и, получивъ отвѣтъ утвердительный, передалъ солдатамъ, которые и понесли тѣло покойнаго. Когда мы вышли дальше на дорогу, мнѣ сказали, что Реадъ также убитъ. Войска наши, бывшія въ дѣлѣ, потерпѣвши огромный уронъ, отступили.—Мнѣ сказывали потомъ Французскіе офицеры, что, при атакѣ Одесскаго полка, наша цѣпь вся легла на высотахъ, и можно было сосчитать каждую пару. Не нашлось ни одного, который бы оставилъ свое мѣсто.

Мнѣ счастливо обошелся этотъ день. Не считая атаки, я три раза проѣзжалъ вдоль всей линіи огня: Кромѣ контузіи, на мнѣ была шинель пробита пулей, и лошадь, хотя легко, два раза оцарапана.—Тѣло Веймарна похоронено при монастырѣ, выбитомъ въ скалѣ на горѣ, близъ Бахчисарая. Его смерть была въ арміи общею печалью.

Въ послѣдніе дни Августа бомбардировка Севастополя усилилась, насталъ штурмъ, атаки на 2-й, 3-й и 5-й бастіоны были отбиты, горжа и ровъ воспрепятствовали отбить Малаховъ курганъ. Я былъ въ этотъ день въ Севастополѣ, но безъ всякой опредѣленной должности.

([1]) Костромскаго полка, если не ошибаюсь.

На другой день я явился къ прибывшему новому камандиру 3-го корпуса, генералу Николаю Онуфріевичу Сухозанету, который предложилъ мнѣ быть при немъ адъютантомъ. Генералъ Сухозанетъ былъ весьма распорядителенъ; но военныхъ дѣлъ у насъ уже болѣе не было: непріятель не выходилъ изъ своихъ линій и какъ бы уклонялся отъ сраженія. Разъ онъ перешелъ черезъ Байдарскій хребетъ; мы должны были атаковать, и войскамъ приказано было стянуться къ тому мѣсту. Непріятель развелъ огни; ночью видъ былъ великолѣпный: вся гора была какъ бы покрыта пламенемъ—точно огни большаго города; но въ ту же ночь онъ отступилъ. Въ концѣ Ноября начались сильные дожди, грязи и холода, и я отправился въ отпускъ въ Петербургъ. Изъ Петербурга я поѣхалъ въ Одессу; тамъ мы получили извѣстіе о заключеніи мира.

Крымская война открыла и указала на многіе наши недостатки. Дрались войска хорошо и выносили геройски всѣ муки и тяжести войны; выносили они, можетъ быть, болѣе чѣмъ то казалось возможнымъ ожидать отъ человѣческой силы; но успѣха, при тѣхъ порядкахъ и общей безгласности, не могло быть и не было. Теперь при воюющихъ Европейскихъ арміяхъ есть кореспонденты; а что гласность нужна и въ мирное время, это доказываетъ примѣръ Франціи, ринувшейся въ войну съ Пруссіей и не знавшей, что у нея была въ такомъ ничтожномъ количествѣ столь существенная частѣ арміи, а именно артиллерія.—Крымская война отозвалась на всемъ нашемъ общественномъ строѣ, и вскорѣ по окончаніи оной послѣдовалъ цѣлый рядъ благотворныхъ реформъ, ознаменовавшихъ настоящее царствованіе.

Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій нынѣшняго царствованія было обращеніе вниманія на положеніе крѣпостнаго сословія, что̀ повело въ послѣдствіи къ обнародованію, составляющаго историческую эпоху въ Россіи, манифеста 19-го Февраля 1861 года. Въ настоящее время слышатся, въ обществѣ и литературѣ, разсужденія о томъ дѣйствіи, которое возъимѣло упраздненіе крѣпостнаго права на бытъ крестьянъ; вопросъ возникъ вѣроятно вслѣдствіе того, что нѣкоторые находятъ бытъ крестьянъ неудовлетворительнымъ. Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, необходимо взглянуть на самую сущность дѣла, то есть на порядки или обычаи, которые служатъ основой нашего земледѣльческаго быта. Представлю эти порядки и обычаи въ совершенно отдѣльныхъ случаяхъ, какъ пришлось мнѣ ихъ видѣть и съ ними ознакомиться; но прибавлю, что эти случаи и явленія повторялись всюду, такъ какъ они возникали вездѣ вслѣдствіе одной и той же причины и повиновались тому же закону.

—

Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, по раздѣлу съ братьями, досталось мнѣ имѣніе Пензенской губерніи, Городищенскаго уѣзда, подъ названіемъ «Ночка». Когда я пріѣхалъ въ это имѣніе, то толпа крестьянъ въ лохмотьяхъ подошла къ господскому домику встрѣчать своего барина. Этотъ видъ нищеты подѣйствовалъ весьма непріятно на самолюбіе мое, какъ молодаго помѣщика; а потому я постарался узнать причину этой общей бѣдности; спрашивалъ міромъ, а потомъ и по одиночкѣ крестьянъ, не было ли притѣсненій, не требовалось ли излишней работы (денежный оброкъ для желающихъ платить его, какъ я удостовѣрился, былъ невысокъ). На всѣ мои разспросы я получалъ одинъ отвѣтъ, что никакихъ притѣсненій не было. Въ такихъ случаяхъ нѣкоторые управляющіе говорятъ, что крестьяне отъ того бѣдны, что они лѣнивы; но управлявшій въ то время и этого не говорилъ. Оставалось разгадать загадку. Въ особой комнатѣ господскаго домика, въ бѣлыхъ стеклянныхъ шкапахъ, находились различныя книги и бумаги; разсматривая эти бумаги, я нашелъ, въ числѣ ихъ, опись сельца Ночки, составленную въ 1816 году. Въ началѣ описи было выставлено число душъ въ имѣніи 240; такъ какъ деревня вытянутая вдоль рѣчки, въ одинъ рядъ, казалась мнѣ довольно большой и не соотвѣтственной показанному числу, то я справился въ конторѣ, и оказалось, что по послѣдней, въ то время, ревизіи числилось 336 душъ. Затѣмъ при дальнѣйшемъ просмотрѣ описи я увидѣлъ, что число десятинъ пахатной земли, отведенныхъ въ пользованіе крестьянъ въ 1816 году, оставалось безъ прибавки въ томъ же количествѣ и въ послѣдующее время. Загадка бѣдности крестьянъ просто разъяснялась: количество земли было первоначально нарѣзано соразмѣрно дѣйствитально - существовавшаго народонаселенія; при увеличеніи же онаго, это количество конечно оказалось недостаточнымъ для удовлетворенія нуждъ умножившагося числа семей. Къ тому же мѣстность эта не промышленная и заработковъ не представляла. Вся суть старыхъ поряд-

ковъ заключалась въ томъ, чтобъ давать всѣмъ крестьянамъ по ровну земли; нѣтъ у крестьянина лошади, то дать ему лошадь и сдѣлать его хозяиномъ; отсюда, такъ какъ ежегодно нарождались новыя тягла, то и дѣлался землямъ ежегодный передѣлъ жеребіемъ, чрезъ что даваемые участки ежегодно дѣлались все менѣе и менѣе. Бобыли-работники въ имѣніяхъ не допускались; при томъ нужно было давать земли каждому хозяину, по числу работниковъ, не только по ровну, но и достаточно, безъ чего крестьяне конечно приходили въ бѣдность. Для соблюденія этихъ порядковъ, по тому времени справедливыхъ, и для надѣленія крестьянъ, находившихся на издѣльной повинности, землею, такъ какъ лишней земли въ имѣніи не было, пришлось мнѣ отрѣзать въ ихъ пользованіе отъ своихъ полей и тѣмъ отказаться отъ части своихъ доходовъ. Я зналъ одно имѣніе Саранскаго уѣзда, въ которомъ вся земля была отдана крестьянамъ, но по тѣснотѣ народонаселенія помѣщикъ мало получалъ, а крестьяне были все-таки бѣдны. Въ подобныхъ случаяхъ помѣщики старались покупать пустопорожнія земли для переселеній. Переселенія эти стоили большихъ денегъ, и не у всѣхъ помѣщиковъ они были, а если случались въ тяжелые годы, то стоили и большихъ жертвъ. Такъ переселеніе крестьянъ изъ Инсарскаго уѣзда въ имѣніе мое, сельцо Мордвиновку, Бердянскаго уѣзда, весьма тяжело отозвалось на переселенцахъ.

Кромѣ стѣсненія, происходящаго отъ передѣловъ земель при увеличеніи народонаселенія, другое обстоятельство въ черноземныхъ нашихъ полосахъ тоже клонило къ уменьшенію доходности съ имѣній и прибылей крестьянскихъ. Богатый и знаменитый нашъ черноземъ началъ во многихъ мѣстахъ сильно выпахиваться, и земли перестали давать тѣ урожаи, о которыхъ помнили старики-очевидцы. Мнѣ случилось видѣть урожайную вѣдомость за пятьдесятъ лѣтъ, составленную по приказанію дяди моего Аѳанасія Алексѣевича Столыпина, и за время его управленія, по принадлежавшему ему селу Неѣловка, Саратовскаго уѣзда. По вѣдомости этой, составленной съ 1809 г. оказывалось, что до 1820—1825 годовъ урожаи были, на сколько помню, по 12—14-ти четвертей на шестидесятной десятинѣ, за послѣднее же десятилѣтіе урожаи упали на 8—9 четвертей съ десятины.

Я привелъ здѣсь факты совершенно конкретные, касающіеся двухъ опредѣленныхъ мѣстностей; но если владѣльцы пожелаютъ просмотрѣть свои конторскія книги за послѣднія 30—40 лѣтъ, то вѣроятно они найдутъ повтореніе подобнаго въ своихъ имѣніяхъ.

Отсюда можно судить и о бытѣ крестьянъ. Положимъ, крестьянинъ сѣялъ три казенныя десятины, съ десятины сходило восемь четвертей, и онъ получалъ 24 четверти. Чрезъ тридцать-сорокъ лѣтъ, отъ увеличенія народонаселенія, ему доставались двѣ казенныя десятины; съ десятины, чрезъ постоянное выпахиваніе, сходило пять четвертей, и всего онъ получалъ 10-ть четвертей. Менѣе половины противу прежняго.

Упраздненіе крѣпостнаго права расторгло зависимость одного частнаго лица отъ другаго и уничтожило все зло, отъ сюда происходящее; но собственно экономическіе порядки передѣловъ и дробленія земли остались тѣже что и прежде. Я старался по-

казать, что они никуда негодны; а потому нельзя удивляться, что нѣкоторые находятъ бытъ крестьянъ, и послѣ упраздненія крѣпостнаго права, неудовлетворительнымъ. Старые испробованные порядки приводятъ и теперь къ тѣмъ же старымъ извѣстнымъ явленіямъ.

Выходомъ изъ такого положенія, я полагаю, можетъ послужить надѣленіе земледѣльца достаточнымъ участкомъ земли и устройство на этихъ участкахъ хуторовъ для сдачи въ аренду на года. Въ краяхъ, гдѣ земли удобряются, можно устроить таковые на запольныхъ земляхъ, которыя чрезъ то получатъ также удобреніе; устройство таковыхъ хуторовъ можетъ обойтись отъ 250-ти до 300 рублей.

Нѣкоторые полагаютъ, что наши земледѣльцы неохотно стали бы селиться на хуторахъ, но можно привести примѣры противнаго: въ Бердянской степи нѣсколько сотъ хуторовъ было устроено земледѣльцами-Великоруссами. Въ послѣдствіи пришло приказаніе ихъ упразднить. Я спрашивалъ у становаго, какъ онъ исполнилъ эту мѣру, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ оповѣстилъ хуторянъ весною, чтобъ они выѣзжали въ деревню, но что никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста до глубокой осени, а такъ какъ приказаніе должно было быть исполнено, то онъ выбралъ день по морознѣе, взялъ съ собою старосту и людей и выломалъ печи на хуторахъ. Все это дѣлалось не изъ злаго намѣренія, напротивъ, чтобъ облагодѣтельствовать поселянъ жизнію въ деревнѣ, круговой порукой и жеребьевымъ передѣломъ земель,—что̀ и было введено. Самое лучшее средство для избѣжанія подобнаго и для устройства хуторскихъ хозяйствъ, состояло бы въ продажѣ казенныхъ земель, участками опредѣленной величины.

Передѣлы и дробленіе земель не выгодны для владѣльцевъ и земледѣльцевъ, а потому желательны, при новыхъ началахъ, новые порядки, и устройство въ Россіи крестьянскихъ хуторскихъ хозяйствъ, чрезъ что упрочатся и возвысятся наши урожаи и общее богатство государства.

Д. Столыпинъ.

Выдержка изъ частнаго письма по поводу кончины Ѳ. И. Тютчева (*).

...По справедливому вашему замѣчанію, главная прелесть столь небрежнаго во внѣшности Ѳедора Ивановича была эта самая небрежность, это полное равнодушіе къ себѣ самому, къ тѣмъ ничтожнымъ подробностямъ вещественнаго существованія, которыя въ глазахъ большинства людей являются первыми условіями жизни. Изящность внѣшняго убранства, комфортъ, самое здоровье, все это проходило какъ-то незамѣченнымъ въ глазахъ Тютчева и не потому, чтобы онъ сурово осуждалъ слабости другихъ людей; нѣтъ, ничего суроваго въ немъ не было, а просто потому, что на этихъ предметахъ не останавливался духовный его взглядъ. Его манило другое болѣе, возвышенное зрѣлище: живая мысль, удачный стихъ, литературная или политическая новость, чужое несчастье, широкій порывъ чувства, вотъ что обхватывало Тютчева и не давало ему замѣчать матеріальную суету. Его разговоръ блисталъ остроуміемъ не изъ желанія ослѣплять; нѣтъ, бесѣда давала ему случай выражать то что̀ онъ перечувствовалъ. Двухъ-трехъ

(*) Мы помнимъ обѣщаніе, данное читателямъ, доставить имъ полную біографію Тютчева и нынѣ можемъ обнадежить ихъ скорымъ исполненіемъ онаго. *П. Б.*

словъ ему было довольно, чтобы опредѣлить, осмыслить значеніе факта. Для инаго слушателя фраза казалась заранѣе приготовленною, а въ дѣйствительности приготовленною или вѣрнѣе продуманною была лишь мысль, на воплощеніе которой слова являлись сами.

И въ этихъ словахъ (mots), которыя во множествѣ переживутъ своего автора, никогда не владычествовала ненависть или злоба; нѣтъ, шутка съ примѣсью жалости, вотъ все чѣмъ разилъ Тютчевъ то, чего не уважалъ. За то съ какимъ жаромъ заступался онъ за все то, что̀ имѣло право войти во святая святыхъ, и какъ въ этомъ жарѣ не было ничего напускнаго, фальшиваго; какъ все это говорилось съ тѣмъ неподдѣльнымъ тономъ утонченнаго, благовоспитаннаго человѣка, въ тѣхъ полу-шутливыхъ, снисходительныхъ, безпредѣльно-вѣжливыхъ оборотахъ рѣчи, которые сроднѣе представителямъ 18-го вѣка, чѣмъ надменнымъ современникамъ нашего металлическаго прогресса. Мнѣнія свои Тютчевъ не навязывалъ; онъ уважалъ чужую свободу въ дѣйствительности, а не такъ какъ записные либералы; продолжительныхъ преній, чаще озлобляющихъ, чѣмъ убѣждающихъ, онъ избѣгалъ. Задачу оратора, полководца, судьи, профессора онъ не смѣшивалъ съ удѣломъ собесѣдника. Переходя отъ однаго предмета къ другому, онъ олицетворялъ собою тотъ изчезающій типъ разговорщика, безъ котораго тягостна и уныла общественная, комнатная жизнь, особливо въ нашемъ непривѣтномъ климатѣ.

Да, искренняя любовь добра, быстрая, острая мысль, талантливое слово, мягкіе пріемы, и все это скрѣпленное опытомъ: вотъ рѣдкая смѣсь достоинствъ, дѣлавшая столь привлекательною дружбу Тютчева. Съ нимъ нисходитъ въ могилу много такого, чему по ходу человѣческихъ событій не суждено вскорѣ цвѣсти среди насъ; въ немъ Русское общество теряетъ представителя хорошихъ качествъ и прошедшаго, и настоящаго, тогда какъ обыкновенно люди оставляютъ по себѣ память, сдѣлавшись представителями начинающаго господствовать при нихъ настроенія....

Письмо А. С. Пушкина къ А. Н. Верстовскому.

(Осень, 1830).

Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова оцѣпленъ, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ, во первыхъ потому что онъ мнѣ долженъ, 2) потому что я надѣюсь быть ему долженъ, 3) что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живаго, т. е. умнаго и дружескаго. И такъ пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту и по приказанію графа Закревскаго не предается унынію (для чего не худо ему поссориться съ Павловымъ, яко съ лицомъ, уныніе наводящимъ).

Но можешь вообразить, какъ непріятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что невозможно.... (безъ означенія мѣста и времени).

(Сообщено М. П. Погодинымъ)

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ

1381—1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1874
(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева, и въ бывшемъ помѣщеніи Чертковской библіотеки, въ магазинѣ Салаевыхъ, на Мясницкой, № 7.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высылать адресъ прежній и 64 коп., когда городской адресъ мѣняется на иногородный; когда же иногородный мѣняется на городской, то 50 копѣекъ, такъ какъ почтовое вѣдомство взимаетъ полную годовую пересылочную плату, хотя бы по какому нибудь адресу изданіе пересылалось всего одинъ разъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по **4** рубли, съ пересылкою по **4** р. **50** к.

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р. За полгода цѣны на пересылку за границу—половинныя.

О доставленіи недосланныхъ денегъ Контора Русскаго Архива напоминаетъ тѣмъ лицамъ, которыя не сполна оплатили годовую подписку.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ**.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.
1874.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

«Скрижали исторіи и памятныя записки мужей опыта освѣщаютъ жизненный путь народа: счастлива та страна, гдѣ правдивое и безкорыстное перо записываетъ и передаетъ потомству дѣятельность и бытъ семейный во всѣхъ средахъ народной гражданственности».

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ.

1874.

(*Содержаніе см. на оборотѣ*)

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОЙ ТЕТРАДИ

РУССКАГО АРХИВА

1874 ГОДА.

Стр.

ЗАПИСКИ ИЛЬИ ѲЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО.

МОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВЪ СЛУЖБУ.

СКАЗАНІЕ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

(*Писано въ 1850 году*).

Сыну моему Василію.

Извѣстно тебѣ давно мое желаніе написать для васъ мою жизнь и современниковъ. Я чувствую, въ ней могутъ быть свѣдѣнія, не одному только моему семейству любопытныя. На ней лежитъ при томъ и великій переходъ изъ стараго вѣка. Но ты самъ знаешь, какъ сельскія дѣла занимаютъ все мое время. Тѣмъ намѣреніе мое изъ году въ годъ отдаляется. Удастся ли мнѣ какъ-нибудь въ цѣломъ исполнить его, грустно сомнѣваться.

Tempora labuntur, tacitisque senescimus annis,
Et fugiunt, freno non remorante, dies. Ov. Fast. VI, 771 [1]).

А въ прошедшемъ году ты просилъ у меня объяснить вамъ родословіе семейства. Я изготовилъ роспись и вѣтви его; надобны по нимъ историческія показанія, и тѣ я началъ; они менѣе сложны; надѣюсь довесть ихъ къ своему концу.—При всемъ томъ, я не отстаю отъ убѣжденія приступить къ первому своему намѣренію и уже ясно вижу, какъ трудность моего времени встрѣчается съ трудностію изложить въ связи столь многообразные предметы, что едва ли не будетъ свѣтлѣе представить ихъ въ раздѣленіи, частями, по родамъ.

Въ ожиданіи того, племянникъ, любезный нашъ Михайло Александровичъ [2]), проживъ съ нами осень, уѣхалъ въ Москву съ моими разсказами, и въ письмахъ оттуда ввелъ новое дѣйствующее лице, г-на Погодина [3]), передавъ мнѣ его желаніе получить свѣдѣнія, что я знаю о Шуваловѣ. Не только пріятно мнѣ, я обязанъ сталъ: и угодить лицу, много почитаемому мною, и говорить о лицѣ, давно знаменитомъ въ Отечествѣ и наукахъ. Но я не могу инако, не могу болѣе говорить о Шуваловѣ, какъ по отношеніямъ къ моей жизни. Это сдѣлалось для меня великою задачею. Я написалъ отвѣтъ мой въ такомъ видѣ, какъ онъ у меня отъ сердца произошелъ и въ мысляхъ составился.

При сочиненіи (хорошо замѣтилъ Бюффонъ, философъ Творенія, въ академической рѣчи о слогѣ), надобно такъ обдумывать предметъ, чтобъ онъ сдѣлался въ умѣ центрально-свѣтящею точкою. Для меня сначала вопросъ о Шуваловѣ былъ брошенною въ воду грудою, отъ которой взволновались большіе круги. Но я скоро увидѣлъ, что это есть часть чего-то цѣлаго изъ моей жизни, о которой также предстоятъ вопросы. Здѣсь я долженъ былъ спрашивать себя: что я? и что привело меня къ Шувалову? Тогда въ моемъ объемѣ мыслей очертился великій кругъ, въ

[1]) Времена уходятъ, и мы тихо старѣемъ съ годами, а дни скачутъ впередъ какъ конь, которому всадникъ не укорачиваетъ узды. *Овидія*, Фасты, VI, 771.

[2]) Максимовичъ. *П. Б.*

[3]) М. П. Погодинъ напечаталъ эти Записки въ своемъ Москвитянинѣ 1852 года (кн. 17 и слѣд.). Здѣсь они издаются вновь съ дозволенія М. П. Погодина и по желанію покойнаго М. А. Максимовича, который сличилъ ихъ для насъ съ подлинною рукописью и доставилъ нѣсколько пополненій. *П. Б.*

которомъ первая центральность къ сторонѣ сдвинута. Такъ вышло у меня цѣлымъ Мое опредѣленіе въ службу.

Въ этомъ отдѣльномъ трудѣ соединились и семейныя ваши требованія отчасти, и желаніе почтеннаго историка. Чѣмъ обязанъ я въ первомъ, тебѣ по принадлежности посылаю списокъ; по обязанности во второмъ, такой же списокъ ему посылаю.

Главнымъ попеченіемъ моимъ было въ немъ совмѣстить факты прямые и прикосновенные, какъ являются предметы на первомъ и второмъ планѣ; я не терялъ изъ виду и способа древнихъ повѣствователей, въ дѣйствіи показаній боковыхъ или косвенныхъ. Сожалѣю только, что не имѣю довольно досуга выгладить сказаніе свое, особенно въ чертахъ психологическихъ, чего долго было бы ждать отъ меня. Впрочемъ, каково ни есть оно, теперь или послѣ, можетъ быть найдется не одна теплая душа, которая въ самой личности его замѣтитъ отраженіе свѣта того вѣка, который такъ быстро становится древнимъ.

1850, Апрѣля 9.
Слобода Турановка [4]).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ.

Геродотъ своимъ книгамъ далъ имена Музъ, Я посвящаю мое простое сказаніе Мнемозинѣ.

Forsan et haec olim meminise juvabit.
Aen. I, 737 [5]).

1. Я родился въ Переяславлѣ. По прежнему состоянію Малороссіи, до учрежденія изъ нея въ 1782 году трехъ губерній, Кіевской (что нынѣ Полтавская) Черниговской и Новгородской, она раздѣлялась округами на полки, полки дѣлились на сотни. Войсковая старшина ея, чины и должности были: сотенные, полковые, генеральные. Тогда отецъ мой служилъ въ Переяславскомъ полку полковымъ есауломъ, въ родѣ начальника штаба; и какъ военные чины отправляли вмѣстѣ и гражданскія дѣла, онъ имѣлъ должность полковаго почтмейстера; послѣ переименованъ коллежскимъ ассесоромъ. Мы имѣли въ городѣ свой домъ съ большимъ садомъ, отъ моего прадѣда, но жили по должности за устьемъ Альты на берегу Трубежа, въ домѣ бывшемъ князя Трубецкаго, поступившемъ въ полковое вѣдомство.— Помню то время и все положеніе дому со втораго года жизни: какъ слышенъ былъ шумъ мельничныхъ колесъ, какъ изъ крѣпости приходили гарнизонные барабанщики, и флейтщикъ поглядывалъ бокомъ на мою няню; какъ няня носила меня черезъ садъ въ нашу винокурню и тамъ выпивала михалокъ; какъ страшилъ меня рыжій глиняный котъ, у котораго вертѣлась голова съ черными усами, и утѣшалъ красный пильщикъ въ лаптяхъ, качаясь на краю стола съ пилою. Помню, какъ по близости возили меня въ лѣсъ и пасѣку, къ берегамъ Днѣпра, урочищемъ Столпяги, гдѣ мой дядя по отцу, Иванъ Назаровичь, а для меня долго Иванъ великій [6]), занимался въ шалашѣ столярствомъ, научась ему охотою въ Пе-

[4]) Въ 18 верстахъ отъ Глухова, имѣніи супруги И. Ѳ. Тимковскаго, Софіи Ивановны, ур. Халанской *П. Б.*

[5]) Можетъ быть и это будетъ когда либо пріятно вспомнить. *Энеида* I, 737.

[6]) М. А. Максимовичь, въ автобіографіи своей (Біогр. словарь профессоровъ Московскаго университета) называетъ И. Н. Тимковскаго *мужемъ святой жизни* и говоритъ, что онъ, по смерти своего брата, воспиталъ и передалъ Москвѣ пятерыхъ племянниковъ своихъ, которые всѣ были писателями, и два изъ нихъ профессорами. Меньшая сестра ихъ Гликерія Ѳедоровна была матерью Максимовича. *П. Б.*

тербургѣ, на квартирѣ, у Нѣмца, и какъ меньшіе два дяди, Андрей и Дамьянъ, учась въ семинаріи, жаловались моей бабкѣ на трудность уроковъ, гоняли голубей и пугали меня масками своего издѣлья. — Въ 1777 году мы переселились въ Золотоношскую сотню, на свое имѣніе. Тамъ отецъ мой служилъ подсудкомъ повѣтоваго суда, потомъ комиссаромъ въ квартированіи и переходѣ войскъ, и въ другихъ порученіяхъ, возлагаемыхъ отъ генералъ-губернатора, которымъ былъ фельдмаршалъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ.— Я возрасталъ въ селѣ Деньгàхъ, при рѣкѣ Крапивнѣ, потомъ въ деревнѣ при рѣкѣ Згари, на горахъ съ дубовымъ лѣсомъ по яругамъ, на открытыхъ поляхъ, усѣянныхъ высокими курганами, откуда глазъ обнимаетъ по сторонамъ три села, хуторà и стада; на югъ синѣются за 20 верстъ того-боку Днѣпровскія горы [7]); на западѣ блестятъ кресты Красногорскаго монастыря.

2. Домашнее обученіе мое было такъ многообразно, что казалось бы страннымъ, еслибъ не было въ свойствахъ и способахъ того времени. Четыре года его составляютъ свой особый вѣкъ.

Первому чтенію церковно-славянской грамоты заучили меня въ Деньгáхъ мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ, изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Отецъ его былъ Турчинъ, или Булгаръ, вывезенный въ малолѣтствѣ дѣдомъ по взятіи Хотина въ 1739 году. Тотъ же Андрей носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того, что ученье мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ ручникомъ къ столу. Главныя отвлеченія мои были побѣгать въ саду съ набранными погремушками, лазить на дерево, или иную высоту, плескаться подъ дождемъ, откуда приводили хлющемъ [8]), или найти любимаго Вана: Татаринъ Иванъ, выходецъ среднихъ лѣтъ, вѣрный домашній скотарь, уродливою рѣчью, но внятно разсказывалъ о горахъ и произведеніяхъ, о бытѣ и происшествіяхъ Крыма, пѣвалъ закатисто Татарскія пѣсни и, чудо всѣмъ, какъ скоро и легко ходилъ на высокихъ дыбахъ.

3. Широкая улица, чрезъ все село, проходитъ песками по право рѣки Крапивны. На серединѣ села большой пустырь. Въ концѣ его на право дворъ и домъ нашъ, а за его садомъ новая деревянная церковь Арханг. Михаила. На переднемъ концѣ пустыря влѣво, воротами супротивъ насъ, былъ домъ значковаго товарища Киріака Петрашевича, за которымъ была тетка моя, старшая сестра матери. У нихъ дочь Софья была уже грамотная; по ней выростали дочь и сынъ Елисей, мой младшій ровесникъ. Имѣлъ и я сестру, старше меня, Татьяну. Но мы обое были еще такого смысла, что во время грозы, въ какое окно увидимъ блескъ молніи, схвативъ по подушкѣ, бѣжимъ

---

[7]) *Того боку*, имя усвоенное въ смыслѣ объонъ-полъ, по ту сторону Днѣпра. Той или тотъ принимается опредѣленно за другой, извѣстный.

[8]) Дѣтская пѣсня подъ дождемъ:
Иди, иди, дождику!
Сварю тебѣ борщику
Въ поливяномъ горшику,
Цебромъ, вѣдромъ, дойницею,
Надъ нашею криницею,
Подъ нашею свѣтлицею.

туда закрыть его, увидимъ въ другое, туда бѣжимъ закрыть, чтобъ она не вскочила въ комнату. По такой близости домовъ мы, двоюродныя дѣти, часто сходились; и по общему совѣту семействъ, насъ четверыхъ съ весны отдали учиться за десять верстъ въ Золотоношскій женскій монастырь [9]). Монахини его имѣютъ то отличіе, что носятъ высокіе, мужскіе клобуки. Причина неизвѣстна мнѣ; но нѣтъ ли какой изъ того, что, какія помню имена ихъ, они взяты изъ мужскихъ. Или могло быть причиною того и другаго жительство ихъ при мужской пустынѣ. У монахини Варсонофіи мы составили родъ пенсіона. Она была изъ дворянокъ, уставщицею праваго клироса, высокая, смуглая, суровая, и только свыше наблюдала за нами. Съ нею жила другая монахиня Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, средняго росту, лѣтъ 28, цвѣтная блондинка, трудолюбивая и веселая, но которую тетка имѣла охоту бранить вседневно. Та ходила за нами и учила насъ. Въ дѣлѣ своемъ она была крилошанкою, гладко читала проповѣди; и что̀ больше занимало насъ, она въ колокольнѣ на столпахъ такъ искусно подъ звоны выбивала неровными молоточками въ висящую на двухъ цѣпяхъ, концами къ низу, бронзовую полукруглую доску, скоро, протяжно, сильно, тихо, то поводитъ, то дробитъ,—что намъ казалось, она играетъ и поетъ. Мы всякій разъ туда сбѣгались, отъ пріятности смѣялись. Въ области ихъ было двѣ груши, десятокъ вишней и небольшой цвѣтникъ съ пахучими травами, а за ними къ стѣнѣ деревянной ограды на тычкахъ тѣнисто вились коралевый цвѣтъ, крученые паничи и сахарный горохъ. Тамъ, на глазахъ нашей Политы, за шитьемъ и пряжею, мы учились привольно. Родные часто насъ навѣщали, привозя лакомства. Раза два или три и домой брали насъ на дни праздничные. Вся отлучка наша отъ дому продолжалась до осени [10]).

4. Въ домѣ дяди Киріака появилась дальняя свойственница его изъ Кіева, монахиня Іорданскаго монастыря [11]). Она предложила кстати прожить и заняться тутъ нами. Ей отвели большую комнату на житье и ученье, и насъ четверыхъ отдали ей въ науку читанья. Сестры при томъ учились шитью гладкому и узорному, бѣлому и цвѣтному, для чего прибавилась и старшая дочь,

---

[9]) Отъ Супоя до Сулы горный степной хребетъ, спускаяся пологостію на широкое лоно Днѣпра, изрѣзанъ частыми рѣчками. Коврай, Золотоноша, Згарь, Крапивна, Ирилѣй усѣяны населеніемъ; и всѣ онѣ почти вездѣ обратно имѣютъ лѣвый, восточный берегъ крутогорный.—Гдѣ рѣка Золотоноша въ дебри окружаетъ пригорокъ, на немъ издавна стоялъ Красногорскій, мужской, деревянный монастырь Преображенія. Бывшій въ немъ изъ рода моего монахомъ, Иркутскій архіепископъ Софроній Кришталевскій, временемъ Императрицы Елисаветы, иждивеніемъ своимъ выстроилъ монастырь каменный и далъ ему большой колоколъ. Городъ Золотоноша заселенъ на той рѣкѣ, гдѣ она, вышедъ изъ горнихъ ущелій монастыря, свилась круто по низминѣ въ двѣ обратныхъ подковы. На полукругѣ, открытомъ къ востоку, онъ былъ обнесенъ, какъ всѣ другіе города, землянымъ валомъ съ башнями на выѣздахъ. Многіе чины имѣли въ немъ свои хорошіе домы. А въ концѣ города по рѣкѣ, на возвышеніи правой стороны ея, стоитъ женскій Благовѣщенскій монастырь, весь деревянный.

[10]) Въ этомъ же женскомъ монастырѣ получилъ первоначальное образованіе и М. А. Максимовичъ. *П. Б.*

[11]) Могли быть и какія-нибудь домашнія отношенія изъ того, что бабка моя по матери, Терлецкая, овдовѣвши, оставила имѣніе свое, село Шабельники, переселилась въ Кіевъ и на Подолѣ, близъ Іорданскаго монастыря, имѣла свой домъ, гдѣ воспитывала сына и шесть дочерей.

огнепальная Софья. Анѳиса была изъ учениць Флоровскаго монастыря, лѣтъ 36, ростомъ приземистая, сложенія полнаго, лица круглаго, какъ рдяный мѣсяцъ, съ мягкимъ и нѣжнымъ голосомъ. Она была очень строга, но къ счастію нашему не всегда. То иногда утромъ и къ вечеру она удалялась по ступенькамъ на чистый и свѣтлый чердакъ дому, и намъ сквозь потолокъ слышны бывали говоръ, плачь и стукъ поклоновъ; а мы тогда имѣли досуги толковать и спорить объ огромныхъ изображеніяхъ на холстѣ: Ноя, благословляющаго сыновей, Адама и Евы въ раю, окруженныхъ звѣрями и пр. То иногда послѣ обѣда, лежа на своей постели, она разсказывала намъ повѣсти библейскія; или, поставя насъ рядомъ, велѣла пѣть съ нею духовные распѣвы, поводя рукою въ такты, пока на томъ засыпала; и мы успѣвали обѣгать предлинный вдоль рѣки садъ, откуда дядя Киріакъ, услышавъ шумъ и трескъ, выгонялъ насъ. Анѳиса уставила обычай ходить съ нами въ церковь по субботамъ, гдѣ сестра Софья передъ обѣдней читала паракластъ, а мы били поклоны и пѣли „аллилуйя!" Она любила при томъ помогать больнымъ по селу; и когда случилось, что на переходѣ Елисея изъ дому въ домъ собака покачала его, но скоро на крикъ оборонили, она вылѣчила отъ испуга, велѣвъ перевернуть ему рубаху на изнанку и пазухою назадъ, съ чѣмъ онъ ходилъ три дня. Весною отъ вербной недѣли оставались при ней однѣ сестры еще нѣсколько, учили молитвенникъ съ канонами и умудрялись въ шитьѣ.

5. Дядя отдалъ Елисея учиться версты за три въ Крапивну, въ домъ знакомыхъ. Отецъ мой былъ разборчивѣе, и способствовала самая близость церкви за нашимъ садомъ. Выставивъ пчелъ, того же дня онъ призвалъ дьяка, осанистаго папа Василя, съ длинною косою, и меня отвели къ нему въ школу на Часословъ. Сначала водили меня туда и приходили за мною; потомъ и самому мнѣ отдали короткую дорогу.—Въ строеніи близъ церкви двѣ избы съ большими окнами, черезъ большія сѣни; были одна съ перегородкою, жилая дьяку семейному, другая порожняя, свѣтлая, собственно школа, о трехъ длинныхъ столахъ. Столы составляли родъ классовъ, на Букварь, Часословъ и Псалтырь; послѣдніе два съ письмомъ. Школьники по тому были мальчики, подростки и взрослые. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ не слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ, для церковнаго пѣнія, что производилось раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьяка, а по веснѣ подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. А для вспоможенія себѣ дьякъ старшимъ падавалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дьяку по условію, въ мѣрѣ таксы, за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ, кто когда выспѣетъ, было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разъѣдали школьники и разбивали горшокъ палками на пустырѣ издалека въ мѣлкіе кус-

ни [12]). Отецъ угощалъ дьяка. Школьники въ церковномъ обиходѣ составляли хоръ пѣвцовъ, которымъ дьякъ гордился. Они же помогали ему звонить. Лѣтомъ они отпускались то купаться у мельницъ въ рѣкѣ Крапивнѣ и половить рыбы, то изъ лѣсу по горѣ за рѣкою приносить ему орѣхи, калину и груши. Къ праздникамъ онъ давалъ имъ поздравительныя вирши. Школа была всегда многолюдна, потому что ученье вело по степенямъ службы. Тамъ я училъ Часословъ.

6. Изъ тѣхъ временъ памятны мнѣ сельскіе обычаи благочестія: 1) на первомъ ударѣ колокола въ субботу къ вечернѣ, мгновенно оставляются всѣ рядовыя работы, рубка, копанье, шитье, и проч.; а въ воскресенье все село нарядно, покоится и гуляетъ.—2) У обѣдни, послѣ первой ектеніи, къ чтенію „блаженныхъ", четыре избранныхъ старѣйшины становились рядомъ середи церкви, принимали большія, очень толстыя свѣчи и стояли съ горящими до прочтенія Евангелія.—3) Въ теченіи всякаго поста священникъ первые пять дней въ недѣлѣ, два раза въ день, на заутрени и на часахъ, стоя у вратъ лицемъ къ народу, читалъ, и предстоящіе за нимъ говорили: Царю Небесный, Трисвятое и Отче Нашъ, потомъ въ заутреню псаломъ Помилуй мя Боже, а по девятомъ часѣ Символъ Вѣры.—4) Въ храмовый день, Ноября 8-го, погодно, гдѣ осень такъ ласкова, сановитый, посѣдѣлый казакъ Лазарь, почитаемый зажиточнымъ и въ счетѣ пасѣки на 500 ульевъ, при выходѣ отъ обѣдни, кланяется громадѣ, панамъ и причту, проситъ къ себѣ на честь. Гостепріимный Авраамъ, съ тремя сынами, имѣлъ въ сборѣ у себя всю сельскую знать и все село. Все было шумно, весело и чинно...

Но памятна мнѣ и моя дѣтская дерзость. Церковь новая, высокая только что была достроена, и я видѣлъ, какъ мастеръ, при многолюдствѣ, съ крестомъ за плечами, вознесся по лѣстницамъ до главы и поставилъ его на шпицъ. Еще оставались лѣстницы на мѣстахъ; мальчики пытались лазить по низу; вдругъ мать завидѣла изъ саду (о чемъ послѣ разсказывала) что я на подмосткахъ у главы. Ужасъ и плачь оковали языкъ, и боялась закричать, чтобъ не испугать меня; но въ глазахъ ея, я оглядѣлъ кругомъ село, а среди его песчаное озеро, и такъ опустился, что она послала за мною. Вмѣсто гнѣва она сдѣлала мнѣ жалостное увѣщаніе [13]).

7. Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя киреи. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были Переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпетиціи. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни.

---

[12]) Мои оправданія: мелю, молоть; mola, molo; мѣлю, мѣлить, мѣль. Сухое и крупное зерно мелко; сырое и мѣлкое не такъ мелко; скотъ рослый, мѣлкій; прудъ глубокій, мѣлкій.—Мечу, метать, метко; мѣчу, мѣтить, мѣтко.—Также въ сомнѣніи сходство и равенство; въ сумнѣніи сближеніе противоположныхъ: сумракъ, сугробъ, сутиски, судно.

[13]) Изъ сельскихъ преданій, какія въ дѣтствѣ я слышалъ, упомяну одно въ духѣ народной поэзіи. Тѣ мѣста за Поляковъ были владѣнія князя Вишневецкаго. Въ одной изъ веснянокъ дѣвки пѣли двумя хороводами про его бѣгство, во время общаго изгнанія Поляковъ. Чрезъ каждые два стиха, пѣтые тѣмъ и другимъ хоромъ, одинъ противъ другаго, повторяли припѣвъ съ танцами: выстрибцемъ, выдыбцемъ, пане Вишневецкій, воеводо Брестскій! Стиховъ ясно не припомню.

Инымъ эпетентамъ счастилось, что одно село разомъ ихъ обогащало; иные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы, что̀ видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши, одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ, другой бѣлокурый, коренастый, съ косою, поднесли отцу на расписанномъ листѣ орацію. Онъ поговорилъ съ ними, просмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки. Задалъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть: Блаженъ мужъ; перваго принялъ моимъ наставникомъ, втораго надѣлилъ чѣмъ-то. Приговорили двора за два, супротивъ церкви, у семейнаго казака о двухъ хатахъ, большую, чистую и свѣтлую подъ квартиру учителя и ученья. Туда прибавились братъ Елисей и сынъ Климовича изъ Крапивны, принятый взаимно у дяди Киріака. Мы сходились туда утромъ и послѣ обѣда. Учитель, на обѣдъ и вечерю, что̀ было близко, къ намъ приходилъ. Панъ Никита, или, какъ отецъ мой звалъ его, панъ-философъ и просто Никій, былъ лѣтъ 28; ходилъ въ синемъ короткомъ жупанѣ съ краснымъ каламенковымъ поясомъ, съ подстриженными кудрями и нависшими черными усами, училъ насъ каждаго порознь Часослову и Псалтыри, чтенію гражданскому, Латинской грамотѣ и письму на бумагѣ. Мы учились за однимъ столомъ, а больше на дворѣ въ тѣняхъ. Тамъ Климовичъ, съ книгою въ рукахъ, заглядѣвшись на березовыя оглобли въ корѣ, „какъ бы желалъ я (сказалъ) чтобъ у меня руки были такъ бѣлы!—„Такія руки (я возразилъ) развѣ были бъ только у царицы“. Мы долго судили о томъ и вывели по опытамъ, что такія бываютъ только отъ морозу.—Для письма учитель давалъ намъ прописи своей руки и строчилъ листы оттискомъ линеекъ по заготовленной картонной бумагѣ, прошитой тонкими струнами. Въ церкви онъ занималъ съ нами лѣвый клиросъ и бралъ иногда на себя часть пѣнія. Къ праздникамъ для своихъ поздравленій готовилъ расписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, разной величины, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ мягкаго дерева углемъ, сквозь жидкое полотно, и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушовкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія ораціи. Въ пріемахъ и поступкахъ онъ имѣлъ нѣчто даровитое.

8. Отецъ мой былъ среднихъ лѣтъ, крѣпкихъ силъ и горячаго, но гибкаго нрава. Онъ любилъ чтеніе и помнилъ свою латынь. Въ малыхъ отъѣздахъ онъ часто биралъ меня съ собою и дорогою имѣлъ досуги разсказывать мнѣ что-либо на мои разспросы, или натверживать Латинскія слова. Утѣшался, когда я, указывая на предметы, называлъ ихъ полатыни, или связывалъ такихъ два-три слова въ начальномъ ихъ видѣ; потому и мое ученье у Никія не было для меня дико.—Первыя книги, съ какими новая словесность появилась у насъ, какія сталъ я видѣть у отца, были Курганова Письмовникъ и Флоринова Экономія съ картинами, привезенныя изъ Петербурга дядею Иваномъ. Также исторія о разореніи Трои и анекдоты подъ именемъ Смѣющійся Демокритъ, вывезенные дядею по матери Платономъ изъ Глухова, по

его службѣ въ коллегіи. Прибавились, не знаю какъ, Древняя Ролленова Исторія, Золотые Часы Марка Аврелія и Эпиктетовъ Энхиридіонъ. Изъ нихъ я учился читать, а послѣ много мѣстами читалъ отцу и матери. Но Письмовникъ имѣлъ у насъ и другую роль. Отецъ мой любилъ пѣніе. Сколько разъ слышалъ я, какъ онъ, увидѣвъ новый мѣсяцъ, пѣлъ вдохновенно: Небеснаго круга верхотворче! Сколько разъ въ дорогѣ, или выходя съ нами дѣтьми въ поле, съ умиленіемъ повторялъ онъ себѣ, въ видѣ аріи: Житейское море, воздвизаемое. И потому я часто внималъ, какъ философъ Никита, по призыву отца, стоя твердо у дверей, голосомъ перваго баса, свободно и весело распѣвалъ пѣсни Курганова Письмовника, ore rotundo [14]).

9. Надобно было и доброму Никитѣ по своему сроку оставить насъ, мѣсяца два не доживъ года, и домашнею причиною разстроиться нашей партіи. Въ Деньга́хъ мы жили временно, частію потому, что въ деревнѣ на Згари собственно производились вновѣ постройка и обзаведеніе дому, частію по завѣщанію бабки моей по матери. Оставивъ Кіевъ, она жила наконецъ близъ дочерей на имѣніи въ Деньга́хъ. Имѣніе и домъ поручены были ею при смерти на попеченіе отцу моему, принадлежа по ней единственному сыну Платону, который, тогда же оставивъ ученіе въ Кіевѣ, служилъ, какъ выше сказано, въ Малороссійской Коллегіи. Раза два пріѣзжалъ онъ изъ Глухова съ ружьемъ и флейтою, съ лягавою Берѳой и Ѳедькой, нехитрымъ мастеромъ на фокусы, какихъ наглядѣлся въ Глуховѣ; а когда упразднена коллегія, и мы до того уже выѣхали въ деревню, то онъ вовсе осѣлся на имѣніи и скоро женился въ Крапивнѣ.—Деревня Згарская отъ Денѐгъ только въ 8, и отъ Золотоноши въ 7 верстахъ. Новый домъ въ ней поставленъ на выгнутой горѣ, усѣянной мелкими разныхъ цвѣтовъ камешками, къ западу надъ рѣкою и луговою далью, на югъ примыкая къ лѣсу съ видомъ черезъ прудъ на другую по рѣкѣ гору. Все устройство дому совершалось попеченіемъ дяди Ивана Н. Онъ остался жить съ нами и по частымъ отлучкамъ отца принялъ на себя весь хозяйственный порядокъ. На лѣто избралъ себѣ и своему столярству, по прежней охотѣ, пребываніе въ пасѣкѣ; и пасѣка, по его усмотрѣнію, перенесена въ другой уголъ лѣсу, ближе къ дому и полямъ. Въ ней водруженъ имъ кленовый чистой его работы крестъ. При ней устроенъ раздѣленный на двое просторный шалашъ. Туда лѣтомъ я приходилъ къ нему учиться чтенію и письму. Въ письмѣ прописью моею были рукѝ его именные и праздничные Тропари и Кондаки, а къ нимъ и азбука Латинская.—Тогда же было довольно мѣста и досуга развернуться моимъ дѣтскимъ забавамъ, играмъ, бѣганью, купанью и крикамъ для эхо, править конями взапуски на длинныхъ хмелиныхъ жилахъ, и вдругъ по Латинской Геллертовой грамматикѣ вычитывать и пророчить бабамъ всякій вздоръ, о чемъ хотѣли; любимымъ было и лазить на казистые дубы, или самую запутанную грушу по лѣсу, не за гнѣздами (нѣтъ, я гонялъ всякаго мальчика, у котораго видѣлъ птичку въ рукахъ), но изъ одного удовольствія трудностей и высоты. Часто приходилъ я домой

[14]) Т. е. во все горло. *П. Б.*

изодранный и ободранный. За то я доволенъ былъ своимъ искусствомъ, доставая въ саду себѣ и сестрѣ самыя лучшія вишни и яблоки на верху деревъ. Тамъ же и на бакшѣ въ полѣ рѣшались задачи самому себѣ, сколько чего я съѣсть могу. Не праздна была и зима, когда зазывали далеко гололедь и скользовки. Иногда прятали мою обувь, такъ годились украдкою подвязанныя по теплому чулку материны туфли; загоняли домой обмерзлые пальцы.

10. Впрочемъ то были одни промежутки моего ученья, когда дядя или отпускалъ меня, или самъ бывалъ въ отлучкахъ, и онъ даже глядѣлъ на нихъ безъ тягости. Онъ любилъ меня постоянно, сколько помню, съ тѣхъ поръ, какъ игралъ еще мною, нося на рукахъ. Иногда онъ при самомъ ученьѣ занималъ меня разсказами подробностей о Кіевѣ, Петербургѣ, корабляхъ и морѣ. На мои разспросы о столярныхъ его работахъ охотно мнѣ толковалъ объ нихъ; и можетъ быть съ того времени я предпочтительно сталъ любить столярство, въ которомъ такъ много эстетической математики, о которомъ впослѣдствіи былъ я обрадованъ громкою похвалою его у Руссо въ Эмилѣ.—По праздникамъ читая Новый Завѣтъ, изъ него мнѣ онъ мѣстами пересказывалъ. Весело и далеко я встрѣчалъ его, когда онъ являлся по горѣ за рѣкою, возвращаясь отъ обѣдни изъ Красногорскаго монастыря.—Я вмѣнялъ себѣ въ награду, если онъ биралъ меня когда на охоту съ ружьемъ по заливамъ рѣки, и чаще вечерами на ловлю перепелокъ въ полѣ, или зимою куропатокъ у вѣтряныхъ мельницъ, привадою. Но здѣсь, гдѣ Шостка представляетъ мнѣ берега Огіо, забуду ли тебя, рѣзвотекущій Днѣпръ, который поилъ, питалъ и носилъ меня въ дѣтствѣ на водахъ своихъ? Отъ Днѣпровскихъ луговъ за Дубинкою, съ утренними ихъ видами на Черкасы и горы у Черкасъ, съ обильными ихъ озерами, круглыми и длинными, съ ихъ тѣнями и Мамврійскимъ дубомъ, куда мы въ сѣнокосъ отправлялись къ дядѣ, на тучную роскошь, какая готовилась у куреней съ кораллами раковъ, куда съ весны заведенное стадо гусей, съ выведенными птенцами, позднею осенью само прилетало домой и садилось на дворѣ, цѣлое, взрослое и откормленное, отъ тѣхъ Тиверіадскихъ временъ мнѣ нравилась особенно рыбная ловля. Теперь Шостка ею меня увеселяетъ, въ разныхъ видахъ, лѣтомъ и зимою.

11. Послѣ ревизской переписи 1764 года, произведена въ 1782 новая народная перепись. Тогда же наступило учрежденіе Малороссійскихъ губерній. Изъ полковъ, назначенныхъ въ составъ губерніи Кіевской, чины бывшаго правленія созваны въ Кіевъ къ ея открытію. Предположено, чтобъ изъ нихъ самые дѣловые и достаточные опредѣлены были на мѣста. Такъ Переяславскій вельможный полковникъ Иваненко поступилъ предсѣдателемъ палаты. Оболонскій, владѣлецъ въ семь тысячъ душъ, сталъ совѣстнымъ судьею. (Замѣтимъ, что онъ боялся льдовъ на рѣкахъ и зимою, подъѣхавъ къ Днѣпру, выходилъ изъ кареты и переѣзжалъ длиннымъ цугомъ по льду въ лодкѣ). Тогда и отецъ мой, отправясь въ Кіевъ, возвратился избранный засѣдателемъ уѣзднаго суда въ Золотоношу. Онъ явился въ другой перемѣнѣ: поѣхалъ въ черкескѣ съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею, пріѣхалъ въ сюртукѣ и камзолѣ, съ запущенною косою, мундиромъ, шляпою и шпагою. „То таки бывало

выйдетъ," говорили межъ собой люди, „а-бо на коня сядетъ, уже панъ, какъ „панъ; а теперь а-бы-что, Нѣмецъ не „Нѣмецъ, такъ себѣ подщипанный." И я помню эту крѣпкую, вольную героическую фигуру, въ черкескѣ, съ Турецкой саблей по Персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ. Было слово и о моемъ благородствѣ, не передѣть ли меня? Отецъ разсудилъ оставить гòда на два въ черкескѣ, стриженымъ въ кружокъ.—По близкому разстоянію, онъ ѣздилъ въ свои присутствія изъ дому; но для случаевъ занялъ квартиру въ городѣ. Тамъ Кононовичь, по новому стряпчій, имѣя свой большой домъ, жилъ въ немъ съ семействомъ и для двухъ сыновей имѣлъ учителя, молодаго, степеннаго семинариста. Туда же ходилъ изъ дому и мой родственникъ, по дѣду Тоцкому, Иванъ Леонтòвичь. Туда поступилъ и я, для чего проживалъ на квартирѣ отца съ нимъ и безъ него; а по утрамъ въ субботу на два дни меня брали домой. Въ ученье наше достали всѣмъ намъ изъ Базиліанскаго монастыря за Днѣпромъ въ Каневѣ новые Латинскіе буквари съ Польскимъ. Мы уже учили въ немъ Pater Noster наизустъ, читали Credo и далѣе; могли даже сами себѣ разобрать на послѣдней страницѣ букваря стишки:

Розга, духъ свіентый, косци не пршеломіе,
А розумъ барзо въ глову выгоніе.

Мы посмѣялись своей находкѣ, а далѣе произошли у насъ толки. Одинъ говорилъ: какіе то люди, что у нихъ умъ не въ головѣ? Другой: видно есть такіе за Днѣпромъ; а у меня умъ въ головѣ, я не боюсь. Третій: такъ мнѣ лучше и ума того не надобно. Учитель пришелъ, и шумъ нашъ утихъ. Впрочемъ онъ былъ добръ и снисходителенъ. По вечерамъ онъ водилъ насъ гулять за валомъ по берегу и купаться въ рѣкѣ. Потомъ, усѣвшись на валу, разсказывалъ намъ любопытности и много чудесъ о магіи Твардовскаго. Тамъ мы выслушивали его напѣвы по гласамъ; усладительно распѣвалъ онъ праздничные ирмосы.

12. Великая проблема: какъ многіе послѣдовали совѣтамъ и внушеніямъ графа Румянцова, было предложено и отцу моему, отдать меня въ кадетскій корпусъ. Онъ и мать, разсудивъ о томъ съ дядею Иваномъ Н., не захотѣли удалять меня въ такихъ лѣтахъ отъ своего дому, родства и попеченія; а о службѣ, говорили, Богъ судитъ. Но имѣя въ виду свое намѣреніе и не желая держать меня дома, онъ согласилъ дядю Киріака воспитывать вмѣстѣ со мною сына его Елисея. Для того принятъ въ его домъ учителемъ изъ сосѣдняго села риторъ семинаріи, прибывшій домой на вакацію, сынъ священника, Павелъ Шпаковскій. Зрѣлыхъ лѣтъ, онъ готовился только перейдти въ философію, чтобъ заступить мѣсто престарѣлаго отца. Ему поручено, какъ говорилось, заправить насъ для ученія классическаго. Занятія наши стали сложнѣе. Утромъ всякій день мы читали ему изъ Псалтыри по каѳисмѣ, каждый свою врядъ. Потомъ день было чтеніе и письмо Русское, а день Латинское. Онъ былъ лѣтъ 30-ти, ходилъ въ длинномъ кафтанѣ съ широкимъ полосатымъ поясомъ и русую длинную косу всегда носилъ закинутую на лѣвомъ плечѣ. Нрава былъ не просто сухаго и строгаго; но при томъ, чтò ни говорилъ, или взыскивалъ, все было съ улыбкою на губахъ, и угадать было не можно, когда была она добрая и когда злая.

Иногда было ему скучно съ нами, а своихъ занятій никакихъ не имѣлъ. Потому онъ искалъ бесѣды съ дядею Киріакомъ, который былъ по себѣ записнымъ балагуромъ съ картавою рѣчью; а особливо когда заходилъ къ нему, самъ шутливый, дядя Платонъ, навернувъ шляпу на правое ухо, что́ у него значило—спокоенъ и веселъ. Тогда и мы имѣли довольно времени на роздыхъ. Впрочемъ успѣхи наши подвигались, и мы къ Декабрю начали мороковать въ Латинской грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго.—Къ празднику Рождества Шпаковскій написалъ мнѣ и Елисею поздравительные стихи. Въ моихъ онъ намѣшалъ миѳологіи, какъ Плутонъ похищалъ людей, похитилъ дѣву-Діану, теперь низверженъ въ адъ, ярится Плутонъ. Вытвердивъ хорошо свои стихи, при поздравленіи дяди Платона, я вдругъ заключилъ, что имя въ стихахъ поставлено не правильно и сказать будетъ не прилично; потому громко произнесъ оба раза вмѣсто Плутона—Платонъ. Тетка, молодая жена его, собой красавица, изумилась. Дядя догадался и только спросилъ меня весело: точно ли такъ написано? Я объяснилъ ему свою вѣжливость. Онъ велѣлъ мнѣ дать лишнюю горсть орѣховъ.

13. Шпаковскій имѣлъ надобность по своимъ отношеніямъ возвратиться въ Переяславль. Положено и насъ отправить туда съ новаго года; въ началѣ не на долго, для привычки къ удаленію.—Тамошній домъ нашъ былъ занятъ и только черезъ полгода могъ быть очищенъ. Потому нанята намъ квартира въ крѣпости, между Михайловскаго монастыря и Успенскаго собора, у соборнаго діакона. Брата Елисея отпустили туда до Крещенья съ Шпаковскимъ; недѣли черезъ двѣ и меня отвезли. Не разъ уже отецъ мой замѣчалъ во мнѣ, что я, какія ни получалъ карманныя лакомства, больше раздавалъ ихъ товарищамъ; о томъ замѣчено мнѣ и при отпускѣ.—Въ Переяславлѣ ученье наше было одинаково, и новая жизнь ничѣмъ насъ не тяготила. А за Переяславлемъ, въ 15-ти верстахъ по старой Кіевской дорогѣ, берегами Альты, въ селѣ Войтовцахъ, жили мои дѣдъ и бабка, имѣя домъ, грунта и покосы на Альтѣ; а на перепутьѣ въ Дамьянцахъ были бабкины родственники, Орнацкіе. Потому объ масляной посланъ былъ за мною дѣдомъ дядя Андрей, уже служащій и женатый. Онъ, закутавъ, промчалъ меня прямо по льдамъ въ Войтовцы, гдѣ ожидали меня потомственныя ласки. Тамъ оставили меня и отговѣться. На заговѣны нечаянно произошло мое вступленіе въ литературу. Послѣ обѣдни, при выходѣ изъ церкви, дворянинъ того села произнесъ дядѣ Андрею: имѣю честь поздравить васъ съ преддверіемъ поста. Толкнулось тутъ въ дѣтскомъ воображеніи: Какое то преддверіе? Гдѣ двери у поста? Какія онѣ собою? И всю недѣлю, что́ увижу дворянина, представляются двери; что́ вспомню преддверіе, видится фигура высокая, блѣдная, тощая. Я разсказалъ о томъ дѣду; дѣдъ съ дворяниномъ пошутили надо мною. — Пасха была поздняя, потому и постъ былъ теплый; тѣмъ выгоднѣе было и для нашего ученья. Шпаковскій ходилъ въ свой классъ, мы дома твердили свои уроки, и часто большой дворъ нашъ оглашался надъ нами другими голосами. Шпаковскій самъ ходя училъ наизустъ свои уроки, и многими днями нѣчто длинное Латинское по тетради, что́ оканчивалось на purpura lanam. А

діаконъ, рослый, голосистый, подъ чистымъ навѣсомъ, разбиралъ и протяжно вычитывалъ Евангелія къ будущему служенію. Такъ мы достигли вербной субботы и видѣли городской парадъ крестнаго хода, какъ вся семинарія отъ Успенскаго собора проходила съ ваіями и пѣніемъ изъ крѣпости черезъ городъ въ Вознесенскій монастырь.

14. Родители мои постоянно разъ или два въ годъ съ дѣтьми посѣщали Войтовцы; а до моего ученья, меня, бывало, надолго тамъ оставляли. Такъ и въ это время, проѣздомъ туда на страстную недѣлю, они взяли меня съ собою. Тамъ, какъ начался мой постъ словесностію, такъ и окончился новымъ ея подвигомъ. Мать за пріѣздомъ просила дядю Андрея написать мнѣ поздравительные стихи, такъ чтобъ я успѣлъ ихъ выучить. Не знаю, какъ дядя на то былъ понятливъ, но онъ разсудилъ обойдтись безъ труда и могъ подумать, что всякіе стихи равно стихи, только бы оканчивались поздравленіемъ: чего и вамъ желаю. Стихи онъ выписалъ, какіе лучшими нашелъ, изъ Риторики Ломоносова и, что́ я крѣпко выучилъ, онъ спокойно выслушалъ. И вотъ, за освященіемъ пасхъ всего села у церкви, послѣ обѣдни, мы нарядною семьею возвратились домой. На большомъ набранномъ столѣ уставлена многосложная пасха. Дѣдъ и бабка стали у конца стола. Старшіе принесли свои обычныя привѣтствія и выдвинули меня на середину поближе. Я произнесъ громогласно, помахивая руками то къ себѣ, то отъ себя, и вверхъ и внизъ, и тѣмъ смѣлѣе, что стихи мнѣ были понятны:

«Лишь только дневный шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ
И крался тихо сквозь лѣсокъ....»

Дѣдъ повелъ бровями и тихо улыбнулся, отецъ подавилъ свой смѣхъ, мать въ полголоса гнѣвно укоряла дядю; дядя, покраснѣвъ, отступилъ къ печкѣ; бабка умильно боялась, чтобъ я не смѣшался. Но я равно продолжалъ, ставъ чаще и живѣе двигать руками:

«А притчу всю короткимъ толкомъ
Позвольте, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать.

Чего и вамъ желаю и съ праздникомъ поздравляю.“

Конецъ произвелъ общій хохотъ. Дѣдъ обнялъ меня, бабка только-что не подняла на руки; засмѣялась и мать; отецъ погладилъ мой чубъ, и весь праздникъ, кто бывалъ у насъ, выводили меня съ стихами на потѣху.

15. Послѣ артоса на проводахъ отецъ и мать съ сестрою, возвращаясь домой, оставили меня въ Переяславлѣ. Тамъ еще въ началѣ поста прибавился къ намъ товарищъ, который приходилъ учиться съ нами, сынъ гарнизоннаго офицера. Съ нимъ лѣтнее время позволило намъ бывать въ Михайловскомъ монастырѣ, осмотрѣть крѣпость и за задними ея воротами гулять на берегу Трубежа. Только къ валамъ, уставленнымъ пушками, боялись мы приблизиться. Разъ мы званые обѣдали у его матери и тамъ читали рукописи уставомъ, какіе хранились за образами. Мы наслушались барабанной зори, и какъ ночами, съ боемъ часовъ на колокольнѣ городскаго монастыря, обходили по валу часовые оклики. Видѣли и нарядную гарнизонную свадьбу, какъ у гауптвахты шумѣла музыка съ пѣснями, какъ старый по-

чтенный комендантъ въ штиблетахъ, сидя на длинной скамьѣ, распоряжалъ офицершами въ танцахъ, и Русская пляска съ ужимками смѣшила народъ.—Съ праздника Троицы забрали меня и Елисея по домамъ, однихъ безъ учителя. — Въ Сентябрѣ же отвезли меня опять въ Переяславль, прибравъ послѣдній разъ въ мундирную черкеску, помѣстили въ нашемъ домѣ съ прислугою и опредѣлили въ семинарію.

16. Городъ обведенъ былъ высокимъ полковымъ валомъ съ тремя сквозными башнями, по тремъ въѣздамъ, и заключался крѣпостію на стеченіи Трубежа и Альты. Окружали его три предмѣстія: Кіевское вверху отъ одной рѣки до другой, съ большимъ казеннымъ шелковичнымъ садомъ къ Трубежу, другое за Трубежемъ къ степямъ, и третіе за Альтою къ Андрушамъ. Церквей было въ немъ, кромѣ собора и монастыря въ крѣпости, городскихъ пять, и Вознесенскій монастырь, да двѣ въ послѣднихъ двухъ предмѣстіяхъ и къ первому кладбищная. Монастырь, построенный въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, съ большою колокольнею, находится середь города, у рынка, на пересѣчкѣ главныхъ улицъ. Въ немъ у боковыхъ воротъ, на Кіевскую дорогу, семинарія о шести классахъ: зданіе каменное, едвали не древнее, лицемъ слѣва къ церкви и архіерейскому дому, съ садомъ, справа на келіи монаховъ и жилья учителей. Архіерею былъ и загородный домъ, съ большимъ садомъ на лѣто, въ Андрушахъ, на Днѣпрѣ, у перевоза къ Терехтемирову [15]). Знатнѣйшую іерархію города составляли:

1. Архіерей Иларіонъ Кондратовскій, родомъ изъ мѣстечка Воронежа, Глуховскаго уѣзда. Былъ армейскимъ капелланомъ и въ проѣздахъ фельдмаршала графа Румянцева всегда былъ имъ посѣщаемъ. Выбылъ въ 1784 году единственнымъ епископомъ Новгородской (Сѣверской) епархіи, до упраздненія губерніи.

2. Варлаамъ Шишацкій, игуменъ Михайловскаго монастыря, ректоръ семинаріи, былъ обширной учености, высокихъ дарованій и быстраго слова, впослѣдствіи архіепископъ Могилевскій, въ 1813 году лишенъ сана въ Черниговѣ, жилъ и умеръ монахомъ въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ. Большая библіотека его не досталась племяннику изъподъ Нѣжина, взята въ Черниговъ.

3. Архидіаконъ Христофоръ Сулима, сынъ Переяславскаго полковника Семена Сулимы, служившій въ гусарахъ офицеромъ, въ монашествѣ доучивался богословіи; впослѣдствіи архимандритъ Гамалѣевскій, Глуховскаго уѣзда, и далѣе епископъ Таврическій, потомъ Харьковскій.

4. Іеромонахъ Платонъ, учитель философіи и префектъ семинаріи, выбылъ архимандритомъ.

5. Протоіерей Гречка, собственно Гречинъ, по роду изъ Грековъ, ученѣйшій того времени латинистъ, училъ богословіи.

6. Намѣстникъ Домонтовичъ, первый членъ консисторіи, витійственный дѣлецъ.

7. Два учителя, намѣстники приходскихъ церквей, и два учителя изъ Кіевскихъ богослововъ.

[15]) Трехтемировская сотня одна за Днѣпромъ принадлежала Переяславскому полку; и нѣсколько времени дѣдъ мой служилъ въ ней, до похода 1739 года. — А въ 1803 году лѣтомъ, посѣтивъ архіерея Сильвестра, въ Андрушахъ, тамъ нашелъ я Днѣпръ въ великомъ упадкѣ, и мнѣ говорили, онъ становится такъ мѣлокъ, что бабы съ молокомъ по торгамъ въ бродъ переходятъ.

8. Въ храмовые выѣзды архіерея по городскимъ церквамъ на служеніе, отбирали въ семинаріи четырехъ богослововъ старѣйшихъ, одѣвали въ старинный ученый нарядъ, широкія темносинія либеріи, обшитыя цвѣтнымъ снуркомъ, съ широкими разрѣзными рукавами и пуговицами до низу, съ черными четвероугольными шапками, и давали имъ верховыхъ убранныхъ лошадей. Два парадировали впереди, и два по сторонамъ кареты.

17. Предковскій домъ нашъ, гдѣ жилъ на службѣ прадѣдъ мой Василій, былъ въ городѣ, лицемъ на торговую площадь. Часть мѣста его отошла подъ широкій пустырь мимо крѣпости, и часть подъ городскую застройку; но все онъ, построясь новымъ, будучи съ частію сада и огорода, имѣлъ для насъ помѣщеніе выгодное, близкое и веселое. Онъ былъ въ смежности съ садомъ Копцевича, котораго два сына учились со мною. Ректоръ Варлаамъ опредѣлилъ ко мнѣ домашнимъ наставникомъ философа Ивана Яковскаго, лѣтъ 28, родомъ изъ Голтвы. Умный Яковскій далъ мнѣ порядокъ времени и велъ меня всегда впереди класса. Начнутъ ли читать, заговоритъ учитель, — мнѣ понятно, я знаю. Давались на домъ письменныя упражненія въ переводахъ на Латинскій, краткія exercicium, большія occupatio, а за праздничные дни Рождества и Воскресенья требовалась чистая переписка всѣхъ; чего они мнѣ ни стоили, у меня все было сдѣлано, писано, подано. Чтеніе, уроки и отвѣты произносились очень громко, почти крикливо и силлабически, чѣмъ въ дѣтяхъ пренебрегать сто разъ не надобно; я и тѣмъ угождалъ. Получивъ крѣпкую грудь, легкій языкъ и звонкій голосъ, можетъ быть я обязанъ тому обычаю, что и теперь ими пользуюсь: могу читать знакомую страницу однимъ духомъ далеко и внятно, читать часами неутомимо, и теперь, отъ кустовъ моего цвѣтника на дворѣ, черезъ прудъ за рѣку, я даю мои приказы на сѣнокосъ.—Въ классѣ перваго года моего давались особыя одобренія, числомъ похвалъ на доскѣ, Laudes; изъ нихъ за вины положена такса учетовъ: кто не имѣлъ числа, тѣ несли свои наказанія. Въ зимніе мѣсяцы я выслужилъ 500 похвалъ; весною много было промотано. Не мало ихъ пошло на большое колодезное колесо; только ступаешь въ немъ, оно подъ ногами вертится. Больше того унесли мячи: эту игру я очень любилъ. Оставалось похвалъ моихъ близь половины. Яковскій нашелъ пріятный способъ удержать и поднять меня въ нихъ. По вѣкъ мой съ благодарностію сохраняю память объ немъ. На другой годъ мнѣ все стало легче.

18. Съ ученіемъ соединялась обязанность по воскресеньямъ и праздникамъ собираться въ монастырь на вечерню, заутреню и обѣдню. Каждому классу порознь назначены свои мѣста по сторонамъ въ большой церкви, подъ наблюденіемъ старшаго въ классѣ, который замѣчалъ для учителя отсутствіе, поздній приходъ и нескромности; а позади малыхъ вдали стояли философы. Въ отправѣ были стихеры, которыя пѣлись разомъ всѣми классами и оглашали гуломъ церковь. Труднѣйшее было вставать къ заутрени на колоколъ въ три часа. Помогали тому по городу будильники. Много было пребѣдныхъ учениковъ, живущихъ въ бурсѣ, изъ которыхъ младшіе классами доставали себѣ и старшимъ пропитаніе, освѣщеніе и другія пособія,

расходясь по вечерамъ на пѣніе псалмовъ, а болѣе духовныхъ пѣсней, подъ окнами и на дворахъ, съ горшечками, и мѣшечками. Большею и лучшею подачею, изъ сожалѣнія иногда къ своему однокласному, получался въ немъ и вѣрный будильникъ. Нашимъ былъ бѣднякъ лѣтъ 16-ти, съ пріятнымъ лицемъ и сладкимъ голосомъ, сынъ дьячка, по селу мой сосѣдъ. Раза по три въ недѣлю онъ приходилъ къ намъ и всегда получалъ добрую долю. Имя его было Харитонъ; имя пріятное, но онъ жалобно разсказывалъ, что попъ, сердясь на отца его, нарочно далъ ему имя Харитона въ насмѣшку, чтобъ звали его по народному Харько. Онъ былъ такъ уменъ и усерденъ, что мы его любили.

19. Кромѣ того семинарія имѣла еще свои обычаи.

а. Какъ во всякомъ селѣ и городѣ сохранялась народная патріархальность, сойдясь или встрѣтясь, старшему и старѣйшему поклониться снятіемъ шапки, такъ и въ семинаріи, хотя всѣ учащіеся равно назывались студентами, но кромѣ общаго уваженія къ почетности, установлено было почтеніе къ высшимъ черезъ классъ, перваго класса къ третьему и выше, втораго къ четвертому и выше и пр. А учители были въ благоговѣніи, какъ полубоги.

б. Праздничныя и именинныя поздравленія отъ всѣхъ классовъ по одному ученику, съ ихъ учителями, приносимыя архіерею и ректору, въ стихахъ и рѣчахъ Латинскихъ. Въ томъ и я имѣлъ свою долю.

в. Гулянье по имени рекреація, 1-го Мая, или въ первый за тѣмъ ясный день. Для того префектъ отбиралъ утромъ изъ меньшихъ двухъ классовъ до полусотни малолѣтковъ, съ старѣйшими для порядка, приводилъ ихъ къ архіерею въ залу и уставлялъ стройно. За дакладомъ, при выходѣ владыки съ важностію, всѣ разомъ восклицали, какъ наставлены: Recreationem, pater, rogamus. Онъ пройдетъ и ласково пришутитъ отказомъ. Просьба повторяется. Онъ даетъ благословеніе. Тогда всѣ съ своими запасами и играми выходятъ за городъ на гулянье по берегу Альты. Тамъ составлялись свои общества по классамъ. Больше всего было дѣла мячамъ и кеглямъ въ городкахъ, также борьбѣ и бѣганью. Они имѣли своихъ героевъ, которымъ прочіе дивились, какъ на Олимпійскихъ играхъ; а въ пріютѣ по одаль, какъ всѣмъ намъ быть на глазахъ, своимъ весельемъ пируютъ учители. Тѣмъ открывается начало лѣтнихъ забавъ.

20. Природное нарѣчіе Переяславля занимательно своею мягкостію [16], и въ формахъ его встрѣчаются такія тонкости, которыя виднѣе, чѣмъ въ Кіевскомъ. Можно бы отнесть къ нѣкіимъ остаткамъ столицы Мономахова вѣка, по крайней мѣрѣ давнему стеченію образованнаго многолюдства. — Видимыхъ памятей древности отъ бывшаго княженія и отъ временъ Хмельницкаго никакихъ въ немъ не осталось, кромѣ двухъ обширныхъ пустырей въ насыпяхъ къ западной сторонѣ вала и большой каменницы толстаго кирпича съ обломками погреба и длиннымъ подземельемъ, передъ окнами семинаріи черезъ Кіевскую дорогу. Только ближайшая часть пустыря застроена присутствен-

[16]) Къ тому относится, кромѣ общихъ измѣненій, особенно обращеніе звука *о* въ самое чистое и мягкое *и*: мой — мій, свой-свій, онъ-винъ, ольха-вильха, конь-кинъ, пойдетъ-пійде.

ными мѣстами. Но памятны мнѣ трое сѣнечныхъ дверей зданія семинаріи для шести классовъ, изображеніями на нихъ, примѣтно давней живописи. На первой двери, двумъ классамъ грамматиковъ, мудрецъ съ долотомъ и молоткомъ обтесываетъ пень въ пригожаго подпоясаннаго ученика съ книгами подъ рукой. На второй, піитамъ и риторамъ, колодезь, съ вóротомъ надъ нимъ о двухъ ушатахъ: одинъ опускается порожній, другой выходитъ такъ полонъ воды, что она струями проливается. На третьей, философамъ и богословамъ, большой размахнувшійся орелъ, далеко оставивъ землю, паритъ, глядя на солнце..... Тамъ же на опытъ, за трудную рѣдкость, на первомъ году моемъ, призвавши въ библіотеку семинаріи, давали мнѣ читать извѣстное краснописанное на пергаментѣ Евангеліе.—Впрочемъ городъ былъ полонъ населенія, хорошихъ фамильныхъ домовъ, торговыхъ прилавокъ и лавокъ рядами. Изъ оконъ дому, а болѣе проходя ежедневно по два раза площадью и лавками, я наглядѣлся на многія сцены народнаго движенія и довольства, на атлетическія формы занятыхъ и разгульныхъ казаковъ, въ черныхъ высокихъ шапкахъ. Въ первые мои дни случилось и мнѣ, по моему возрасту, быть на сценѣ. Переходя изъ класса рядомъ молодыхъ торговокъ съ горами румяныхъ бубликовъ (круглыхъ баранокъ), по новости, я заглядѣлся и на крики со всѣхъ сторонъ: возьмите вязаночку—возьмите и мою — и мою горячихъ, — я подставилъ полу черкески; онѣ накидали мнѣ три или четыре вязанки; я и пошелъ съ ними, радъ и дивясь городской щедрости.— А грóши, закричили онѣ, паничу!—У меня нѣтъ грóшей, отвѣчалъ я простодушно. — Отдайте же бублики назадъ;—и всѣ обобрали свое. Я пошелъ, какъ былъ, спокойно.—Къ памятямъ городскимъ относится и бывшій въ Кіевскомъ предмѣстіи за валомъ, къ Трубежу, обширный шелковичный садъ рослыхъ деревъ, говорили, Елисаветина вѣка, обнесенный заборомъ. Сторожили его гарнизонные солдаты и, при созрѣніи шелковичныхъ ягодъ, по праздникамъ впускали туда, съ платою по грошу, на ѣду безъ выносу [17]).

21. Окрестности Переяславля мало пріятны, какъ бываетъ на плоскомъ и обнаженномъ береговомъ пространствѣ, при стеченіи рѣкъ. Его больше можно назвать стратегическимъ, сторожевымъ, чтó означаетъ самое имя бранной рѣки, мѣстно называемой Трубайло. Трубежъ былъ тоже нѣкогда, чтò Риму Тибръ. — Золотоношская дорога оживляетъ много памятей. Трубежъ, до принятія рѣки Альты, обвился около города и крѣпости крутымъ, широкимъ изгибомъ въ тростникахъ. За нимъ насупротивъ, между верхнимъ и нижнимъ выѣздами по длиннымъ плотинамъ, возвышается пригоркомъ большое протяженіе, усѣянное шанцами. — Губернская почтовая дорога, черезъ Песчану на Супоѣ, ближе къ Днѣпру, какъ и всѣ почтовыя дороги въ Малороссіи, вмѣсто нынѣшнихъ двойныхъ непрерывныхъ рвовъ, имѣла по

---

[17]) Такихъ садовъ я видѣлъ три: 1) въ Переяславлѣ сказанный, 2) въ Кіевѣ на Крещатикѣ между дорогами съ Печерска въ старый Кіевъ и на Подолъ, чтò все нынѣ заселено, былъ тоже густой садъ большихъ шелковичныхъ деревъ; но по ветхости и расхищенію забора такъ опустѣлъ и деревьями, что въ 1786 году осенью, къ пріѣзду Императрицы Екатерины, пустырь очищенъ. 3) Въ Константиноградѣ 1803 такой же старый, обширный садъ безъ ограды, съ остаткомъ свѣжихъ и сухихъ деревъ.

бокамъ окопанные рвомъ равносторонніе (сажени по три въ боку) треугольники, названные тогда въ народѣ, по подобію солдатскихъ шляпъ, брилями, на разстояніи одинъ отъ другаго до десяти саженей, съ насадкою вербъ по тремъ угламъ. Сплошными же рвами дороги обрѣзаны при генералъ-губернаторѣ князѣ Куракинѣ въ 1803 году.—Другая старая народная дорога, болѣе степная, проходитъ выше черезъ Гелмязовъ, сотенный городъ, на Супоѣ, съ уцѣлѣвшими изрѣдка высокими верстами, которыя называли семисотными. По ней существовалъ привольный, степный обычай проѣзжихъ въ лѣтнее время, не зная и не любя постоялыхъ дворовъ, останавливаться на покормъ и ночлегъ въ полѣ, гдѣ есть трава и вода, индѣ и лѣсокъ вблизи, что̀ держится еще и донынѣ.—По ней, какъ измѣренія вѣрныя теперь мнѣ не памятны, кажется верстахъ въ семи отъ города, перелегъ *Великій Валъ* съ глубокимъ рвомъ, проходящій отъ села Каратуля до Днѣпра и, говорятъ, за Днѣпромъ. За тѣмъ валомъ верстахъ въ трехъ, на высотѣ при дорогѣ вправо, стоитъ большое глубокое, круглое озеро, называемое *Воловое Око*, всегда полное воды, гдѣ и бываютъ привалы ѣдущихъ. А отъ валу верстахъ въ десяти также проходитъ другой, *Малый Валъ*, вверху соединенный съ первымъ. Это подобіе Троянскому валу защиты Грековъ извѣстно уже во временахъ Половецкихъ XI вѣка по Нестору. — Далѣе на пути краемъ, вдоль широкаго и длиннаго раздолья, видны на лѣво большія селенія: Поло́ги Яненки и Поло́ги Вергуны. Противъ нихъ часто проѣзжіе, часто и мы, разводили обѣденный, или вечерній огонь и пускали лошадей на вольный кормъ. Тамъ на ночлегѣ, за глухимъ успокоеніемъ дорожнихъ заботъ, входили, бывало, разсказы новаго и повѣсти давняго. Тамъ на коврѣ, укрытый, подъ ясными звѣздами, засыпая при угасающемъ огнѣ, еслибъ я былъ постарѣе, могъ бы за Тевкра сказать:

O fortes pejoraque passi!
Cras ingens iterabimus aequor. Hor. I, 7. [18])

22. Приближеніе къ Гелмязову означалось намъ мельканьемъ изъ-за горы мельничныхъ крилъ. Такого множества легкихъ мельницъ я нигдѣ больше не видѣлъ. Его можно приписать частію близости селенія Жерноклевы, гдѣ доставали жерновный камень, получаемый отъ Терехтемирова, частію лучшимъ пивоварнямъ, которыми городъ (нынѣ мѣстечко) Гелмязовъ славился. Винокуреніе вездѣ было самое дробное и безъ откупной его продажи; но въ общемъ употребленіи было пиво, частію хмельное, а болѣе столовое. Оно подавалось на столахъ въ оловянныхъ стопкахъ, въ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ кувшинахъ, легкое и тонкое питье съ сладимою горечью. Квасъ и кислощи по домамъ въ Глуховѣ прежде, а тамъ съ губерніею, за моей памяти, появились и замѣнили пиво.—Въ Гемлязовѣ сотникомъ былъ двоюродный дѣдъ мой по матери, Осипъ Савичъ Тоцкій. Онъ и домъ его, на правомъ берегу Супоя, куда часто меня съ моего младенчества пріѣздомъ и проѣздомъ вводили, сравнительно, сколько я видѣлъ другихъ, остались для меня типомъ сотника. Это былъ не просто богатый, тучный, надутый панъ, но величавый, съ просѣдью, бодрый, шумный, повели-

[18]) О храбрые и претерпѣвшіе горшая! Завтра мы снова пустимся по неизмѣримой равнинѣ. *Горац.* I, 7.

тельный властелинъ. Графъ Румянцовъ, съ своею жалованною ему, Ташанью, выше на Супоѣ, былъ въ его сотнѣ, ласкалъ и уважалъ его. Памятны мнѣ широкій, рѣшетчатый, чистый съ пескомъ дворъ его и у двора особый пріѣзжій домъ для стороннихъ; на дворѣ у колодезя большое широкое коло; передъ окнами гуляютъ два журавля, и на всякій стукъ и шумъ крикомъ дворъ оглашаютъ. Домъ раздѣленъ сѣнями на двое, по четыре комнаты, съ пристройками. Сквозныя, широкія сѣни о четырехъ великихъ окнахъ съ передней и четырехъ съ задней стороны: это свѣтлая, огромная зала, гдѣ по старинѣ производились судъ и пиры. Изъ того и народныя были поговорки: позванъ передъ великія окна; будетъ тебѣ передъ великими окнами. Тамъ у стѣны на колышкахъ почетно лежали копье и завернутое сотенное знамя. А въ большомъ обильномъ саду, на степное диво, стоятъ шесть ульевъ сосновыхъ, стоянами, кромѣ особой пасѣки на Ковраѣ. Въ прислугѣ парадной вертятся отборные казаки, въ домашней пышныя дѣвки. Сотникъ, въ штофномъ кафтанѣ съ краснымъ богатымъ поясомъ, и досужая сотничка, съ поговорками: мати моя, сестро, дитя мое! радушно принимали гостей. За длиннымъ столомъ, вмѣсто салфетъ, протянутъ кругомъ шитый цвѣтами ручникъ. Полякъ Ницкевичъ, панъ поручникъ, былъ ревностнымъ егеремъ стола. Говорливый хозяинъ, съ голосомъ всегда высокимъ, любилъ примѣшивать тексты, пришучивать иногда Львовскою ученостію и не отставалъ отъ чтенія, пока глаза служили. Особенно пристрастенъ былъ къ Географіи; часто на газетахъ, или въ разговорахъ, выносили ему Гомановъ Атласъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КІЕВЪ И МОСКВА.

Egredere....ac nostris succede penatibus hospes. Aen. VII, 121 [1]).

1. Пять лѣтъ я учился въ Кіевѣ. Академія Кіевская на Подолѣ въ Братскомъ монастырѣ, двуэтажное, массивное зданіе, съ широкими колонадами, въ верхнемъ этажѣ съ залою и церковью конгрегаціи. Попеченіемъ митрополита Самуила [2]), кромѣ рядовыхъ Латинскихъ семи классовъ, Греческаго и Еврейскаго языковъ, она обогатилась новыми общими для среднихъ и высшихъ классовъ предметами.

а) Россійской Піитикѣ и Риторикѣ, Ломоносова, училъ выписанный Троицкой семинаріи богословъ, Снѣгиревъ, кажется, Дмитрій. Женясь, былъ протоіереемъ церкви царя Константина.

б) Французскому языку начально Кіевскій гражданинъ Лапкевичъ, съ рѣзною Латинскою надписью на воротахъ дому; ходилъ въ богатой черкескѣ, съ высокою тростію, и въ праздники съ дорогою саблею; училъ gratis, за что портретъ его поставленъ былъ при входѣ въ академическую конгрегацію; а послѣ него содержатель пансіона и частныхъ уроковъ, Французъ Брульонъ, который гордился искусствомъ топографа и устроилъ магистрату солнечные часы на ротондѣ фонтана.

---

[1]) Выступи гость, и владѣй послѣ насъ нашими пенатами. *Энеида*. VII, 121.

[2]) Митрополитъ Самуилъ Миславскій, родомъ изъ Глуховскаго уѣзда, села Полошекъ. Тамъ построены имъ церковь, колокольня и ограда каменныя. Село по Кіевской дорогѣ, отъ Глухова 8 верстъ, горными видами по рѣкѣ красивое, извѣстно богатыми копанями фарфоровой глины.

в) Нѣмецкому языку іеромонахъ изъ Галиціи, потомъ Прусской службы офицеръ,—именъ ихъ не помню.

г) Географіи и Исторіи твердорѣчивый Булгаръ Анатолій, первой по Бишингу, второй по Фрейеру.

д) Вмѣсто бывшей прежде Ариѳметики, училъ всей чистой математикѣ, по курсу Аничкова, съ раздѣленіемъ на два класса, также практической Геодезіи и Фортификаціи, мужъ достопамятный, родомъ изъподъ Нѣжина, Иванъ Фальковскій, вѣроятно Хвальковскій (по произношенію хв какъ ф,)—при мнѣ сталъ въ монашествѣ Ириней. По изученіи въ Кіевской академіи, зашедши охотою своею, онъ учился въ Лембергѣ и Пестѣ, а возвратясь поступилъ учителемъ въ академію; имѣлъ тихій нравъ и пріятный даръ слова.—Это были мои учители, кромѣ классныхъ—въ Латинской Піитикѣ и Риторикѣ Аѳанасія Корчанова, и въ Философіи Амвросія Келембета. Я много всѣмъ обязанъ; особенно же Анатолій въ своихъ многовидныхъ описаніяхъ далъ мнѣ прелесть Географіи. Ириней любилъ мою привязанность къ Математикѣ. Послѣ меня онъ прикладную математику съ Астрономіею довелъ до изданія Кіевскихъ календарей и присылалъ ихъ ко мнѣ. Впослѣдствіи Амвросій, Аѳанасій и Ириней были эпархіальными епископами.

2. Прибавилось къ тому новое лице, учитель по классамъ, годомъ ниже моего курса, іеромонахъ изъ Вуколы, Викторъ Прокоповичъ-Антонскій, родомъ села Погребковъ изъ-за Нѣжина. Онъ былъ отлично замѣтенъ и уважаемъ; ученія сильнаго, остроуменъ и сладкорѣчивъ, крѣпкаго здоровья и благовиденъ. Онъ и Ириней, въ бытность Императрицы Екатерины въ Кіевѣ 1787 года, съ Января по Май, говорили передъ нею проповѣди. Викторъ имѣлъ въ Москвѣ двухъ братьевъ, перешедшихъ университетъ, Михайла секретаремъ у генералъ-губернатора Еропкина, и Антона секретаремъ у куратора университета Мелиссино; тамъ же третьяго брата Ивана студентомъ. Отъ нихъ получалъ онъ издаваемыя новости и завелъ у себя маленькое собраніе въ воскресные дни по утрамъ для чтенія, выборомъ четырехъ подростковъ, куда принятъ и я на послѣдніе три года. Рано мы сходились къ нему въ братскую обитель, пили чай и поочередно читали то лучшія статьи періодическихъ изданій листами при Московскихъ Вѣдомостяхъ, то переводы Фенелонова Телемака, Мармонтелевыхъ Инковъ, и другое, гдѣ онъ вмѣшивалъ свои замѣчанія. На первый звонъ къ поздней обѣднѣ, онъ велъ насъ съ большими ключами въ акамидеческую библіотеку своего вѣдомства. Тамъ оставались мы до конца обѣдни.

3. Библіотека, въ огромности своей, накопленной отъ временъ основателей многими взносами, помѣщалась прежде на монастырской трапезѣ; и отъ трапезы—важнѣйшею частію погорѣла. Остатокъ ея, что̀ спасено, разложенъ былъ по родамъ въ большой церкви монастыря, на широкихъ отъ стѣнъ до столповъ хорахъ. Тамъ мы имѣли свободу рыться въ книгахъ, читать что̀ могли и что̀ позволено. Русскія книги скоро перебраны. Фоліанты Patres были не по мнѣ. Меня занимали въ сборѣ древніе классики разныхъ изданій, Physica mirabilis, Philosophus in utramque partem, сокровище для диспутацій, Эразмова Encomium Moriae, похвала глупости, и подобныя. Объ иныхъ сказано, что на нихъ послѣ будетъ время. Другія

досадно были непонятны. Любопытство мое особенно возбуждала физикоматематическая часть. Я зналъ простую Алгебру, Геометрію, синусы и тангенсы; но тамъ, начиная отъ Mémoires de l'Academie до Мушенброка, въ линіяхъ, фигурахъ и вычисленіяхъ, все было только дивно.

4. Библіографія наша по себѣ была весьма тѣсная. Нужныя книги, словари и готовальни выписывались для насъ академіею по вызову, для чего былъ при ней изъ Москвы комиссіонеръ, который жилъ въ монастырѣ и принадлежалъ къ обществу учителей. Въ городскихъ же лавкахъ имѣлъ свою не малую торгашъ, нашимъ прозвищемъ Гарбузъ, который скупалъ и продавалъ битыя, старыя и старинныя книги. О достоинствѣ послѣднихъ освѣдомлялся отъ учителей, которые и сами у него покупали. Но праздниками для насъ были пріѣзды Итальянцевъ изъ Ломбардіи, всякій годъ весною на мѣсяцъ, съ большою лавкою Латинскихъ и Французскихъ книгъ, эстамповъ и учебнаго снадобья.—При томъ, какъ рисованье было почти общимъ у всѣхъ, начиная правилами школы и восходя до фигуръ и ландшафтовъ, штрихомъ, тушью и красками: то намъ пріятно было въ той же лавкѣ получать себѣ образцы и матеріалы, а при выборѣ и другихъ новостей наглядѣться.

5. Отецъ мой цѣнилъ уже мою математику. Когда въ лѣтнюю вакацію дома нашли надобнымъ сдѣлать мнѣ новые сюртукъ и голандцы, мать взяла меня на ближнюю,—версты три, Ильинскую ярмарку, въ мѣстечко Крапивну, съ тѣмъ, чтобъ и сукно мнѣ по выбору купить; а портной уже призванъ былъ изъ Золотоноши. По нашимъ ярмаркамъ именитый былъ Нѣжинскій краснорядецъ Мигринъ. Онъ возилъ всѣ товары, мѣха и матеріи, чай, сахаръ и вина, мѣдь, желѣзо и бакалію. Сукна́ взяли мнѣ, сколько Мигринъ увѣрилъ, что на меня довольно будетъ. По дома на другой день, по смочкѣ и размѣру кройца, пана Остапа, оказалось его мало. Тогда отецъ, разсердясь, упрекнулъ меня: Какой ты дуракъ! Учишься математикѣ, а не знаешь, сколько на тебя надобно сукна! Я отвѣчалъ ему изъ Стереометріи, что я знаю только о правильныхъ тѣлахъ, цилиндрахъ, конусахъ. Отецъ улыбнулся, и того же дня аршинъ прикупили. Однако, бывая въ Кіевѣ и у Румянцова въ Ташани, онъ столько наглядѣлся на планы и чертежи, на пріемы и объясненія, что нѣсколько разъ отзывался дома: Чего бы хотѣть больше, какъ еслибъ сынъ мой былъ губернскимъ архитекторомъ, или землемѣромъ.

6. Тогда не было еще слышно той высокой истины, что благородному человѣку, для себя, свѣта и службы, не много науки надобно [3]). Мы росли середи головъ изученыхъ не только въ Кіевѣ, но поименно въ Кенигсбергѣ, Лейпцигѣ, Лейденѣ, Геттингенѣ, Оксфордѣ и Эдинбургѣ. Такіе были глубоко чтимы; такихъ я засталъ еще въ 1803 году, сѣдыхъ головъ десятокъ и больше, кого мнѣ знать досталось.—И такъ я весь былъ въ моихъ урокахъ, и по обычаю съ весны, для оживленія ихъ, часто ходилъ съ товарищами на Крещатицкія горы, нависшія по Днѣпру вдоль Царскаго саду. Тамъ горы, кусты и при-

[2]) Ut pluries turpiter: nos nobiles sumus; rationem non curamus (Consultatio de principatu inter provincias Europae, Frid. Achilis. Tubing. 1613). Т. е. какъ многіе позорно (говорятъ): мы дворяне, не заботимся о разумѣ. (Разсужденіе о первенствѣ между областями Европы, Фридр. Ахила, Тюбингенъ, 1613).

горки наполнены были шумомъ учащихся; а подъ ногами бьетъ священный ключь, свой Геликонъ! [4]).

7. Но тогда же о будущемъ званіи зарождались у меня другіе, высшіе помыслы. Еще въ Переяславлѣ нравился мнѣ инженерный капитанъ, въ красномъ мундирѣ съ чернымъ бархатомъ, какъ онъ ѣздилъ на бѣговыхъ дрожкахъ, расхаживалъ по валу, уставленному пушками, уважаемъ былъ комендантомъ, гарнизономъ и всѣмъ городомъ; сѣно на гласисѣ одни деньщики его косили. А въ Кіевѣ квартировали артиллерійскія команды канонеровъ, фузилеровъ, бомбардировъ. Я видѣлъ щегольство и чести офицеровъ, въ красныхъ мундирахъ съ шарфами, иныхъ съ галунами на камзолахъ, въ парадные дни, или когда у полковника играли вечернюю зорю. Всѣ, казалось, такъ и глядятъ Алгеброю, мастера въ фигурахъ! Наконецъ охота моя сдѣлалась очарованіемъ, когда, по бытности Екатерины въ Кіевѣ, я увидѣлъ въ сборѣ военную знать всѣхъ мундировъ.

8. Раза два уже я просилъ у матери позволенія и предстательства, чтобъ мнѣ, окончивъ мои науки, поступить въ инженерную службу, такъ всѣми уважаемую. Отецъ оба раза съ негодованіемъ отвѣчалъ: чтобъ былъ мотъ и картежникъ! По несчастію, эта язва тогда свирѣпствовала. Я самъ видалъ въ Кіевѣ тѣхъ же щеголей, выходящихъ изъ трактировъ полумертвыми, въ одной рубахѣ и солдатской шинели. А когда квартирующій въ Золотоношѣ съ ротою пѣхотный капитанъ, бывая у насъ, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ съ красными обшлагами и напыренными во всю грудь манжетами, сдѣлалъ отзывъ о старшей моей сестрѣ, Татіанѣ, отецъ вѣжливо отказалъ, а на слезы сестры до раздраженія твердилъ ей: онъ голякъ и картежникъ,—каковъ и былъ дѣйствительно.

9. На отвѣтъ же отца обо мнѣ онъ имѣлъ и мою причину. На пятомъ или шестомъ году моемъ въ деревнѣ, о Свѣтломъ праздникѣ, въ ясную погоду, по улицѣ къ полю, взрослая молодежъ наша спускала змѣя по вѣтру, а другіе близъ нашихъ воротъ, по прочищенной дорожкѣ, ступени на три или четыре, катали крашанки по очереди въ поставленный мѣдный грошъ: кто сбилъ, того яйцо и грошъ; а промахи, одинъ за другимъ, беретъ тотъ, чей грошъ. Наглядѣвшись на змѣя, подскочилъ я къ игрѣ. Побѣжалъ и вынесъ свои три крашанки, что́ даны мнѣ матерью. Отецъ и мать тогда проходили изъ саду. Дядя Ив. Н., замѣтивъ меня, подозвалъ ихъ, и всѣ смотрѣли изъ за-амбара, что́ изъ меня будетъ. Крашанки мои проиграны на посмѣхъ другимъ; я сбѣгалъ въ комнаты, схватилъ изъ материной корзины еще три и тѣ проигралъ. Въ досадѣ, я бросился опять; но меня остановили. Съ тѣхъ поръ отецъ мой, видѣвши и другія мои рьяности, часто укорялъ: изъ него будетъ мотъ и картежникъ, что̀ позднѣе бывало мнѣ

[4]) Въ Маѣ 1787, трое мы вышли на Крещатикъ съ своими уроками. Оба другіе были старше меня. Середній, бродя въ размытыхъ провальяхъ межъ кустовъ, увидѣвъ снизу близъ верху нависшую выпуклость, сухими комами глины выбилъ ее; свалился кувшинъ, полный серебряныхъ монетъ. Въ находкѣ сдѣлали участникомъ и меня. Монеты были древнія разной величины, три или четыре слитка серебра въ видѣ палокъ сургучу, нѣсколько золотыхъ колецъ и перстней. Но первый всѣхъ насъ обманулъ серебренникъ, у котораго старшій товарищъ имѣлъ квартиру. Главное, что̀ было у находчика, домашній надзиратель его, дознавшись, заранѣе тайно увезъ на вакацію, о чемъ и дѣло отъ отца было. Я свою долю извелъ частію къ сказаннымъ Италіанцамъ, частію на мячи и другія дѣтства.

до слезъ, и я приносилъ матери свои скорби на такое осужденіе.

10. Между тѣмъ изъ академіи каждый годъ одинъ, два, три, кончившіе курсы, выходили въ Московскій университетъ. Они списывались съ товарищами, и носились объ нихъ завидныя молвы. Давнѣйшіе, посѣщая родину, являлись въ Кіевѣ, и мы видѣли славу ихъ. Библіотека собою, о чемъ сказалъ я, подстрекала мое поревнованіе, въ которомъ все, однако, не терялась линія инженера. Я проговорилъ о томъ Виктору. Отецъ, бывая въ Кіевѣ, бывалъ у него. Совѣтами положено: черезъ годъ мнѣ отправиться въ Москву.

11. Отецъ мой въ своей сторонѣ чтился законникомъ и юристомъ. Не рѣдко бывали у него лица и онъ у нихъ для судебныхъ консультацій. Гр. Безбородько, по волостнымъ его имѣніямъ въ губерніи, желалъ имѣть на мѣстѣ для своихъ повѣренныхъ надежнаго совѣтника. Ему указали на моего отца, и года два уже звенѣли у насъ колокольчики съ пріѣздами повѣренныхъ; съ ними входили кипы, которыя называются дѣлами. Поступило въ Сенатъ какое-то сложное дѣло, которое требовало личныхъ объясненій. Ради того, по сношеніямъ, въ 1788 году отецъ отправился въ Петербургъ. Два мѣсяца прожилъ у г. Б. въ домѣ, исполнилъ все, что́ было къ лучшему. На его отъѣздѣ, Б. спросилъ его, что́ можетъ для него сдѣлать полезнаго въ благодарность, не желаетъ ли онъ чина, какъ ему слѣдуетъ за прежнія его службы?— Чина не нужно мнѣ въ деревнѣ, отвѣчалъ отецъ; а если такъ благоволите, то прошу покровительства дѣтямъ моимъ; я имѣю пять сыновей, старшій оканчиваетъ науки.—Очень хорошо, пришлите, привезите его; онъ будетъ служить при мнѣ,—что́ было по иностраннымъ дѣламъ. Разсказы дома о томъ заслонили моего инженера.

12. Новая надобность такого же рода, быть въ Петербургѣ, зависѣла отъ воли отца моего. И такъ, по назначенному, онъ отпустилъ меня въ Московскій университетъ на два года, съ тѣмъ, что по пути на Москву возметъ меня съ собою. Проводивъ меня до Нѣжина и за городской выѣздъ,—прощай,—сказалъ онъ мнѣ, благословляя, обнимая со слезами,— можетъ быть, я тебя и не увижу. Онъ глядѣлъ на мой отъѣздъ, пока я скрылся. Въ послѣднихъ его заповѣдяхъ было: не пить крѣпкихъ напитковъ до 28 лѣтъ и вѣкъ не играть въ карты. Я исполнилъ то и другое [5]).

---

[5]) Любопытныя происшествія моего времени въ Кіевѣ: 1) въ 1787 году позднею осенью было сѣверное сіяніе, котораго яркій огненный свѣтъ съ переливами занималъ отъ сѣвера обѣ стороны почти до зенита. Подобнаго послѣ я не видѣлъ. Толковали къ войнѣ. Зима была жестокая. 2) Съ того же года на другой былъ великій голодъ; и какъ Днѣпръ, отбиваемый устьемъ Десны, всякій годъ весною на Подолѣ къ Оболонью разомъ обширно заливалъ и вырывалъ берегъ, и мы видѣли тогда плывущими на немъ избы, сараи, обломки: то въ 1788, для отвода его, разрывали у лѣваго берега рукавъ, Черторый, поденною платою вольноприходящимъ отъ голоду по 3 коп. Теперь слышно, что полагаютъ запереть Черторый, для обмѣлѣвшаго Днѣпра. 3) Въ 1788 году, въ Маѣ и Іюнѣ, при обыкновенномъ стеченіи съ разныхъ сторонъ на богомолье, бродилъ по городу рослый чудакъ лѣтъ 50, говорили, дворовый Нащокина изъ Бѣлоруссіи, одѣтый арлекиномъ, съ высокою пестро-окрашенною жердью и на верху ея большимъ колокольчикомъ. Онъ называлъ себя человѣкомъ Божіимъ и, проходя по частямъ города, на площадяхъ и перекресткахъ, гдѣ больше видѣлъ народа, останавливался, звонилъ въ колокольчикъ, разсказывалъ громкимъ протяжнымъ распѣвомъ: о постѣ 12-ти пятницъ въ году, страданія великомученицы Екатерины, дѣянія Апостоловъ и другое, на

13. Вступленіе мое въ университетъ такъ произошло, что мнѣ пріятно было бы означить здѣсь эту часть жизни; но эта часть вся классическая, и подробности ея неумѣстны. Изъ всего сказать надобно, какое дѣйствіе занимаетъ въ ней старѣйшій профессоръ, статскій совѣтникъ Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ. Онъ грозенъ и суровъ былъ для меня въ пріемѣ, когда я послѣ curriculum vitae въ данной темѣ изъявилъ предпочтеніе Латинскаго языка Греческому. Но я скоро на его курсѣ угодилъ ему въ разборѣ и чтеніи рѣчей Цицерона, въ Гораціанскихъ метрахъ, въ тирадѣ изъ Киропедіи Ксенофонта и въ критикѣ варіантовъ, такъ что онъ, изъ проходимыхъ авторовъ, на Плаутѣ посадилъ меня близъ себя. А нападая, по своему обычаю, на другихъ за неисправности и упрекая иныхъ получаемымъ жалованьемъ, разъ онъ, переходомъ отъ тѣхъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: почему я не на жалованьѣ? На отвѣтъ же мой, что моя просьба о томъ далеко въ очереди вакацій, онъ отозвался: nulla regula sine exceptione, нѣтъ правила безъ исключенія; и недѣли черезъ двѣ объявили мнѣ изъ конференціи, что я опредѣленъ. Я принесъ благодарность Барсову на дому; онъ занялся мною и далъ позволеніе бывать у него на досугѣ.

14. На первомъ моемъ курсѣ я имѣлъ товарищемъ Москвича, года три старше меня. Онъ скоро и такъ близко подружился со мною, что просилъ меня къ себѣ. Я посѣтилъ его праздничнымъ утромъ, и ему велѣли отъ семейства пригласить меня къ обѣду. Это былъ для меня первый опытъ Московскаго гостепріимства. Такъ начались другія мои знакомства. Меня просили бывать въ домѣ и, на третьемъ моемъ разѣ, предложили мнѣ искренно жить вмѣстѣ съ сыномъ. Въ Январѣ, оставивъ мою квартиру на университетскомъ дворѣ, я занялъ назначенную мнѣ сосѣднюю съ сыномъ, отдѣльную комнату. Когда же я помѣщенъ сталъ на жалованьѣ 100 р., оно не налагало никакой взаимной обязанности, кромѣ пожить годъ или два въ университетѣ на призорѣ; но съ позволенія начальства, на просьбу моего хозяина, я прожилъ у нихъ болѣе года и лѣтомъ проводилъ съ ними мѣсяцъ въ подмосковной.— Далѣе разсудилъ я предпочесть свое время выгодамъ и пріятности. Кромѣ домашнихъ помѣхъ и скучныхъ переходовъ отъ Арбата, товарищъ мой былъ очень разсѣянъ; не всегда, но не рѣдко, онъ увлекалъ меня съ собою то въ театръ, то на гулянья, и даже въ открытые тогда игорные домы. Отецъ его былъ нѣсколько безпеченъ, мать на вѣчныя просьбы снабдѣвала сына деньгами; деньги терялись на картахъ.—Тамъ я видѣлъ смѣсь всякихъ лѣтъ и состояній, обороты и порывы фортуны, ссо-

---

разъ одну статью, а пройдя далѣе, другую. Слышащіе кругомъ давали ему за то произвольныя подаянія. Тоже производилъ онъ невозбранно и въ 1789 году. 4) Въ 1788 году весною, по большой улицѣ, близъ Духовской церкви, занялъ большой домъ къ переулку нѣкій страшный астрологъ и провѣщатель. Онъ всякій день являлся важно на высокомъ крыльцѣ дому съ улицы въ чудныхъ креслахъ, въ парчевомъ стянутомъ платьѣ до колѣнъ, съ перекинутымъ на шеѣ широкимъ зодіакомъ, въ золотой островерхой митрѣ. Когда приходили къ нему любопытные, онъ собиралъ плату, глядя по лицу и вопросу, вводилъ въ темную комнату, освѣщаемую семисвѣчникомъ и за обрядами представлялъ свои мистеріи-фокусы, а больше и чаще на вопросы, поглядывая въ разложенные листы съ знаками, выказывалъ свое искусство въ физіогноміи и хиромантіи. Судя по его трудной рѣчи, онъ могъ быть Венгеръ. За мои 20 коп. сереб. онъ, осмотрѣвъ меня, отвѣчалъ: ты любишь огонь, берегись воды. Это изреченіе много разъ приходило мнѣ на память. Онъ пробылъ въ Кіевѣ недѣли двѣ или три.

ры и заговоры мастеровъ и гарпію аферистовъ. Не прельщали меня передвигаемыя кучи золота и ассигнацій въ руки счастливца; но я стеналъ за тѣхъ, которые ихъ отдавали, которые, проигравши все, жалко и язвительно выпрашивали цѣлковыхъ пару или червонецъ, чтобъ еще поставить на карту. Я возненавидѣлъ игру и охладѣлъ къ доброму товарищу. Наконецъ и лучше было мнѣ такъ оставить домъ, въ которомъ я не могъ жить всегда. Я принялъ квартиру съ товарищами на Никитской. Связи мои съ домомъ, и отъ него съ другими, остались неразрывны [6]).

[6]) Одно происшествіе Арбатскаго моего времени не рѣдко до сихъ поръ занимаетъ мою совѣсть. Лѣтнимъ вечеромъ, возвращаясь домой съ лекцій и подходя бокомъ улицы къ Арбатскому рынку, супротивъ дому Мамонова, я увидѣлъ плотный пакетный свертокъ, быстро схватилъ его и положилъ въ карманъ. Не деньги ли находка? сталъ я думать, помявъ незамѣтно пакетъ. О, если это деньги! На томъ полились мои мысли.—За рынкомъ на углу къ Поварской, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ синемъ сюртукѣ и круглой широкой шляпѣ, смутно то обыскивалъ себя, то глядѣлъ и поступалъ назадъ, то опять шарилъ. Поровнявшись черезъ улицу съ нимъ, я остановился. Сказать или пройдти? На сердцѣ повторилось: сказать.—Вы, конечно, потеряли что-нибудь? спросилъ я, подойдя къ нему.—Ахъ! вѣрно вы нашли, отвѣчалъ онъ горестно въ испугѣ.—Нашелъ нѣчто.—Мои деньги? — Сколько?—Ассигнаціями 850 рублей.—Въ чемъ они?—О, такъ вы нашли ихъ! Они въ бумагѣ съ моею запиской.—Я вынулъ изъ кармана пакетъ. Деньги точно были въ такомъ видѣ и счетѣ; они отданы. Обрадованный хозяинъ предложилъ мнѣ развернутымъ пакетомъ взять, сколько я пожелаю. Я отказался. Схвативъ двѣ бѣлыхъ, онъ сунулъ мнѣ въ руки. Я не принялъ.—Скажите же, спросилъ онъ, сквозь слезы, дрожащимъ голосомъ, кому я обязанъ? Это все, что я имѣю. Я назвалъ себя только за честь, безъименно, студентомъ университета, съ книгой въ рукѣ; и шагахъ въ десяти мы разошлись своими улицами. Случай былъ мгновенный и не болѣе двухъ-трехъ минутъ. Я могъ пройдти, не увидѣвъ пакета. Другой кто передо мной могъ бы поднять его. Хозяинъ могъ обыскаться, когда бы мы разошлись уже. Легко и я потяготился бы публиковать о находкѣ.—Тогда я подвергся бы угрызеніямъ на всю жизнь. Но счастье мое, что я вспоминаю о случаѣ и поступкѣ съ удовольствіемъ.

15. Скоро за моимъ пріѣздомъ въ Москву, въ Кіевѣ Викторъ занемогъ глазами. Леченье было не успѣшно. Братья вызвали его къ себѣ въ Москву. Онъ жилъ у Антона Ант. въ домѣ университетскаго пансіона къ Газетному переулку. Я часто навѣщалъ его, когда ему стало легче, и свѣтъ проникалъ въ темноту. Болѣзнь была продолжительна, съ операціями. Одинъ глазъ очистился, другой накипѣлъ. Это былъ мой Гердеръ.

16. Отецъ раза три писалъ ко мнѣ съ присылкою денегъ. Потомъ не стало извѣстій; время проходило мѣсяцами. Я писалъ къ дядѣ по матери, Платону. Не скоро получилъ отъ него увѣдомленіе о состояніи дому, за отсутствіемъ отца въ такую сторону, откуда писать не можетъ. Наконецъ изъ Переяславля почтмейстеръ далъ знать своему родственнику въ Москвѣ, служащему при старомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, Максимовичу, чтобъ онъ извѣстилъ меня о происшедшей болѣзни и смерти отца моего въ Переяславлѣ, гдѣ и похороненъ. Максимовичъ, изъ давнихъ университетскихъ, видѣлъ и зналъ меня; встрѣтясь на Никитской, сообщилъ мнѣ, что́ къ нему писано.—Сирота! Я понесъ мои слезы къ Виктору; потомъ отписалъ къ матери.

17. Какъ старшій сынъ въ семействѣ, которое оставалось на попеченіи дяди Ивана Наз., я чувствовалъ мой долгъ дать путь самому себѣ и четыремъ братьямъ. Кончивъ первый курсъ, я предался правамъ и политикѣ, удержалъ только прикладную математику, по любви моей: знаніе

побочное, но которое на вѣку часто было мнѣ пригодно.—Понесся слухъ въ Москвѣ о пріѣздѣ г. Б. Онъ остановился въ Нѣмецкой слободѣ [7]). Не явиться ли къ нему съ письмомъ о себѣ? Викторъ одобрилъ мое намѣреніе и письмо. Подавая его, я прибавилъ: Сынъ колл. асс. Т., поручаю себя вашему покровительству.--Ѳедора Назарьевича сынъ?—Такъ.—Вамъ, конечно, мѣсто надобно?—Я желалъ бы только окончить мои курсы, если позволите; впрочемъ, какъ будетъ угодно: я съ тѣмъ явился.—Очень хорошо; такъ тогда вы явитесь у меня въ Петербургѣ.—Все сказано такъ свѣжо. Я вышелъ съ полными карманами ласки.

18. Викторъ, по выздоровленіи своемъ, представился митрополиту Платону. Тотъ принялъ его внимательно. По изготовленіи церкви въ университетскомъ домѣ, поставилъ его іеромонахомъ въ нее. Съ того времени Викторъ жилъ въ университетскомъ домѣ. Я сталъ чаще бывать у него вечерами. При всей разности лѣтъ, онъ принималъ меня дружески. Тогда же собирались у него по временамъ нѣкоторые профессоры. Мои посѣщенія въ кипящемъ возрастѣ были для меня спасительны.

19. Года черезъ два, опять г. Б. пріѣхалъ въ Москву. Говорили, для того, что онъ строитъ въ ней свой домъ на Яузѣ. Тѣмъ же порядкомъ я опять къ нему явился. Не принимали никого. Зала была пуста. Въ кабинетѣ только былъ у него д. М. п. П [8]). Я рѣшился дождаться выхода. Подана карета. Вышли оба. Я объявилъ о себѣ. — Ѳедоръ Тимковскій, проворчалъ онъ толстыми губами сухо, мрачно, холодно. Тимковскій! Ничего не помню!—О, какъ глубоко разомъ упало мое сердце!—Такъ вы ищете мѣста?—Я могу теперь поступить въ службу, сказалъ я, скрѣпя душу, и явился по вашему приказанію.—И. Б! промолвилъ онъ къ П., проходя далѣе, дайте мѣсто этому молодому человѣку.—Явитесь у меня завтра, сказалъ П., обратясь ко мнѣ. —Тяжело было мнѣ принять такихъ два удара: однимъ я окостенѣлъ, другимъ поражена моя гордость.—Не надѣйтеся на князя! сказалъ ли я это самъ себѣ, или только подумалъ, выходя изъ воротъ и зарывшись въ свою шубу; видно такъ судитъ мнѣ Богъ, своимъ лбомъ пробивать стѣну. Викторъ искренно погоревалъ со мною. Была, впрочемъ, молва, что Б. пріѣзжалъ въ неудовольствіи, когда изъ дѣлъ его негоціація чрезъ г. М. передана к. З [9]).

20. До того, запасаясь на чаемую службу, я твердилъ себѣ народное право Ваттеля, народное положительное Мартенса, Европейское публичное Мабли съ трактатами, и тѣшился мечтою, въ какой лучше быть мнѣ миссіи. Теперь я налегъ болѣе на юридическій объемъ отъ практики до антропологіи, особенно на Римское право, corpus juris civilis и въ немъ Пандекты. Тогда зародилась у меня мысль составить подобно, изъ нашихъ законовъ, сравнительное право, и дѣйствительно эту мысль я обработалъ послѣ въ Опытѣ Систематическаго Свода Законовъ, за который въ Августѣ 1802 года пожалованъ царскою наградою, и рукопись передана въ Коммиссію Законовъ, чрезъ начальника ея гра-

[7]) Домъ графа Безбородки въ Нѣмецкой слободѣ—нынѣ Ремесленное Училище. *П. Б.*

[8]) Директоръ Московскаго почтамта Иванъ Борисовичъ Пестель. *П. Б.*

[9]) Негоціація Ясскаго мира чрезъ Моркова передана князю Зубову. *П. Б.*

фа Петра Вас. Завадовскаго, у котораго я имѣлъ по тому случаю большія объясненія о нашихъ законахъ. Онъ предлагалъ мнѣ поступить въ Коммиссію. Я имѣлъ свои причины отказаться [10]).

21. Начальникъ Черноморскаго флота, вице-адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, представивъ на Высочайшее утвержденіе новые проекты и штаты своего управленія, чтобъ имѣть готовыхъ на мѣста людей, по обычаю тѣхъ временъ, просилъ начальство университета дать ему трехъ студентовъ на должности секретарей съ хорошимъ чиномъ, жалованьемъ и проѣздомъ. Требованіе внесено въ конференцію [11]). Я поступилъ въ число назначенныхъ. Но бывшій изъ давнихъ студентовъ секретаремъ у куратора Хераскова изъявилъ желаніе поступить въ то число. Имъ замѣнили меня, какъ младшаго. Такую перемѣну я принялъ за обиду и съ огорченіемъ говорилъ объ ней Виктору.—„Не скорбите, И. „Ѳ., сказалъ онъ, пройдя по комнатѣ. „Во всемъ есть духъ Божій. Не из„вѣстно, что́ было бы съ вами. Вамъ „готовится, видно, другая дорога. „Если въ намѣреніи встрѣчаются пре„пятствія, не усиливайтесь перемо„гать ихъ. Тамъ чаще бываетъ, что „человѣкъ найдетъ себѣ гибель".

Сердце мое было такъ готово принять эту истину, что я весь вѣкъ содержу ее и передаю другимъ. Такъ произошло и тамъ. Мордвиновъ, желая лучшаго, поспѣшилъ вызовомъ. Представленія его долго не утверждали; оно введено въ другое намѣреніе. Вызванные скучали; онъ давалъ имъ оклады своими деньгами. Одинъ, тамъ занемогши, умеръ. Другой, зассорясь, воротился искать другаго мѣста. Начальство Мордвинова передано князю Зубову. Третій туда отправился.

22. Почти вслѣдъ за веселымъ сборомъ и отъѣздомъ Черноморской партіи, профессоръ Петръ Ив. Страховъ объявилъ мнѣ, что кураторъ Херасковъ желаетъ меня видѣть. Я отыскалъ домъ его на Гороховомъ полѣ. Онъ, спросивъ меня, давно ли я въ университетѣ, предложилъ занять у него должность секретаря. Я объяснилъ ему, съ круглымъ извиненіемъ, что безъ отца, какъ старшій сынъ, по состоянію дому и семейства, я обязанъ служить въ статской службѣ. —А! произнесъ онъ съ трясущеюся головою; откуда вы родомъ?—Я родился въ Переяславлѣ.—Глаза у него прояснились.—О! такъ мы земляки; и я тамъ родился, сказалъ онъ съ видомъ больше удивленія, нежели пріятности, протянувши ко мнѣ руки.—Я низко поклонился.—Мать его была Трубецкихъ [12]), что́ выразилъ онъ въ поэмѣ „Возрожденный Владиміръ". —Есть тамъ у васъ имѣніе?—Есть въ Переяславскомъ и Золотоношскомъ уѣздахъ. — Наконецъ, съ важностію куратора, онъ сказалъ мнѣ, тряся головою: „Я доволенъ, молодой человѣкъ, что узналъ васъ; желаю вамъ счастливой службы". Раза два случилось потомъ, что, завидѣвъ меня на выходѣ отъ обѣдни, повторялъ онъ: здравствуй, землякъ!

[10]) Таже попытка Сводовъ помогла мнѣ въ послѣдствіи отвѣчать въ Геттингенъ на запросъ о нашемъ Помѣстномъ Правѣ. Изъ тамошней переписки я имѣю три письма отъ Герена и два Латинскихъ отъ Гейне.

[11]) Въ лестномъ обычаѣ такихъ требованій, когда назначенные конференціею, глядя по выгодамъ, отказывались, объявляли вызовъ охотниковъ у директора и, по внесенному отъ него списку ихъ, конференція давала назначеніе.

[12]) Т. е. изъ рода князей Друцкихъ, но во второмъ бракѣ за княземъ Н. Ю. Трубецкимъ. *П. Б.*

23. Я долженъ сюда внесть особенно важную черту моей жизни, которая имѣла въ ней свои отношенія и составила для меня необыкновенную достопамятность. Давно уже прежними годами я увлекся въ истины духовнаго міра. Непримѣтнымъ тому началомъ было второе лѣто мое въ Москвѣ. Я любилъ ходить на Воробьевскія горы, проводить тамъ свободные дни, одинъ или съ товарищемъ, съ деньгами, книжкой и бумагой; иногда выходилъ туда съ вечера. Питательница моя была, въ крайнемъ домикѣ къ Москвѣ, дворцовой слободки Бавкида. Она величалась мнѣ тѣмъ, „что сынъ ея истопникомъ при спаль-„нѣ Царицы, что всякій день много „ему труда перебивать двѣнадцать „лебяжьихъ пуховиковъ постели, одинъ „на одномъ; какъ взойдетъ матушка „на нихъ по лѣстницѣ, такъ и пото-„нетъ". Тамъ я то съ горъ задумчиво глядѣлъ передъ собою на Москву, какъ бѣлое море, то исходилъ много и далеко по сторонамъ; то бывалъ весь тѣлесный, то весь умственный, и обращенія мои на самого себя приносилъ домой. Не знаю, какъ я въ прогулкахъ моихъ, отъ Георгиковъ, которые захотѣлось мнѣ прочитать по изданію Руэя, до того надумался, что сталъ щадить жизнь насѣкомыхъ, одушевлялъ дерева, растенія, листокъ, и скоро ощутилъ себя на слѣдахъ Пиѳагорейскихъ. Тогда же два раза сряду прочиталъ я, какъ благовѣстіе, не какъ поэму, Юнговы Ночи, переводъ Гамалея. Читалъ, слушалъ и мыслилъ много другаго въ томъ родѣ. Мнѣнія скоплялись, очищались и роднились.

24. Эта сторона жизни моей, когда взыскано было чрезъ профессора Шадена мое знакомство въ домѣ, пришлась мнѣ средствомъ пріобрѣсть высокую и пріятную дружбу А. А. Т. Если Мейснеръ шуткою хотѣлъ сказать правду, что въ такомъ городѣ, гдѣ есть университетъ, ни одна красавица опасаться не можетъ, чтобъ ея прелести не были замѣчены: то такая исключительность ни сюда, ни къ Москвѣ не относится; и гдѣ бы въ мірѣ прелести могли быть не замѣчены? Но на возрастѣ годами двумя моложе меня, съ перваго разу, я нашелъ у нея въ рукахъ Oeuvres spirituelles par Fenelon. Степень и зависимость этого творенія были у насъ увертюрою, откуда мы пошли. Послѣ, въ этомъ полномъ и пылкомъ сложеніи, со всею образованностію для свѣта, которою она вовсе не дорожила, я видѣлъ духъ объемлющій, всегда вознесенный, жаждущій знанія въ древности, поэзіи, философіи, свойствахъ и таинствахъ натуры, который пламенно искалъ и требовалъ то уравненнаго соотвѣтствія, то иныхъ путей: лицо историческое!— Подобная связь, нѣсколько позже того, встрѣтила меня случайно въ К. А. В. К. Ш., лицѣ, какаго надобно было искать только въ садахъ Аѳинскихъ. Сколько упоенія видѣть и взаимно объяснять этотъ небесный даръ, стройное согласіе тѣла и души, ума и сердца въ существѣ прекрасно-цвѣтущемъ. Съ тѣмъ она любила легкую свою и Французскую литературу всѣхъ родовъ и была въ ней весьма разборчива. Достойнымъ украшеніемъ дней моихъ я поставляю сочетаніе этихъ двухъ идеаловъ: такъ они свѣтлы предъ лицомъ Грацій. Всегда весело гляжу я на ихъ письма и памятники дружбы, на мраморную урну одной, и на письменный приборъ другой, какъ нѣкогда Элиза Дринеръ подарила Рейналю, творцу „Исторіи Обѣихъ Индій"; но Рейналь

у себя, конечно, не нашелъ того, что̀ мнѣ было приложено. Мнѣ и то пріятно, что онѣ обѣ современно жили нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ; и въ 1807 году тамъ послѣдній разъ, хоть малыми днями, я видѣлся съ ними. Отъ второй послѣднее письмо было въ 1811 году, дышащее вкусомъ, огнемъ и жизнію....—Пусть этотъ кипарисъ растетъ на гробѣ твоемъ!

25. Другаго рода образователь мой Викторъ въ 1795 году выбылъ изъ университета архимандритомъ Волоколамскаго Іосифова монастыря и членомъ Московской Синодальной Конторы, жилъ на своемъ подворьѣ, кажется, между Мясницкой и Покровкой, съ садомъ, въ которомъ на цвѣтникѣ передъ окнами, до него, выведено изъ разныхъ грядъ и цвѣтовъ имя: *Платонъ*. Отношенія наши продолжались, пока я оставался въ Москвѣ. А по знакомству моему въ домѣ Николая Александровича Соймонова, за Варваркою, на Селянкѣ, въ послѣднее лѣто выѣхавши прожить у него мѣсяцъ въ деревнѣ [13]), не далеко отъ того монастыря (что̀ дало мнѣ случай по пути видѣть еще разъ Новый Іерусалимъ и скитокъ патріарха Никона)—тогда я цѣлыми днями гулялъ у Виктора, который также проводилъ лѣто въ монастырѣ своемъ. Онъ любилъ мой логизмъ; часто, однако, я бывалъ у него и спорнымъ собесѣдникомъ въ разностяхъ. Часто нападалъ онъ на мои доводы, выражая, какъ сатана можетъ обаять умъ, превращаясь въ ангела свѣтла. Онъ надѣлалъ было и шуму въ Москвѣ проповѣдью въ Іюлѣ 1796, на текстъ о существованіи въ каждомъ изъ насъ по семи бѣсовъ. Въ немъ я благословляю память моего разумнаго совѣтника. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1803 году, архимандритомъ Донскаго монастыря.

26. Университетъ имѣлъ трехъ попечителей съ именемъ кураторовъ Первымъ былъ основатель его въ вѣкъ Императрицы Елисаветы, знаменитый предстатель Музъ, дѣйствительный оберкамергеръ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Онъ, въ четыре царствованія, кромѣ долговременной отлучки въ чужіе краи (о чемъ скажу послѣ) какъ начальникъ и протекторъ университета, имѣлъ пребываніе въ Петербургѣ. Имя его въ университетѣ съ благоговѣніемъ про-

---

[13]) Это пребываніе мое въ деревнѣ напоминаетъ мнѣ, какъ могло вовсе не быть то, о чемъ далѣе говорить слѣдуетъ. Привожу себѣ на память, содрогаяся, сколько разъ я тонулъ.—1. Въ дѣтствѣ моемъ (чего самъ не помню, а говорю сказанное мнѣ) отецъ и мать лѣтомъ ѣздили въ Ахтырку на богомолье, взявши меня съ собою. Въ Сорочинцахъ, которые такъ многолѣтно, въ видѣ Карлсбада, прославлялъ врачь Трофимовскій, мать на полѣ захотѣла купаться, оставивъ меня межъ кустами у берега съ нянею, а самъ я не ходилъ еще. Глядь она, нѣтъ меня и няни. Я поползъ къ матери, и только полголовы макушка изъ воды свѣтилась. Мгновенія стоило, что я не залился.—2. Въ Кіевѣ я уже плавалъ на глубинахъ и нырялъ на великую даль. Въ Іюнѣ 1789 года, какъ берегъ Днѣпра унизанъ былъ плотами, нырнувши на быстринѣ, я ощутилъ спиною, что я подъ плотомъ, ужаснулся, и только напоръ воды межъ плотовъ выхлынулъ меня на свѣтъ, какъ изъ чрева китова.—3. Въ Москвѣ-рѣкѣ, подъ Воробьевыми горами, на безлюдьѣ, въ полдень распалившись ходьбою,—и 4, какъ я любилъ и часто дѣлалъ, такъ тотъ разъ въ деревнѣ, раскалившись въ банѣ жаркимъ паромъ, я выскочилъ изъ нея въ прудъ у саду; въ обоихъ случаяхъ, не охладивъ напередъ голову, я почувствовалъ круженіе: засинѣло и позеленѣло въ глазахъ, вода заливала голосъ; въ безпамятствѣ, обомлѣвая, послѣдними усиліями едва могъ выкинуть себя на берегъ.—Но купанье, отъ первыхъ восточныхъ водъ, такъ естественно тѣлу, пріятно и цѣлебно, что я тѣшился имъ весь вѣкъ на рѣкахъ отъ Невы до устья Дона, по взморьямъ и подъ каскадами; наслаждаюсь и теперь дома всякое лѣто, столько-же, какъ люблю купаться въ солнечныхъ лучахъ.

износилось. Другіе два были на лицо въ Москвѣ. Старѣйшимъ оставался тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Мелисино, и прибавленъ вышеупомянутый, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайло Матвѣевичъ Херасковъ; извѣстенъ, какъ поэтъ.— Управленіе болѣе относилось къ Мелисино. Онъ былъ добръ и любилъ науки. Въ собраніяхъ, раздавая шпаги, дипломы, награды или когда мы приходили къ нему поздравительнымъ обществомъ, онъ свое привѣтствіе заключалъ всегда Латинскою сентенціею, какъ помню одну: Qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit [14]); и другую: vis consilii expers mole ruit sua. Hor [15]). Домъ его былъ на Петровкѣ за театромъ [16]). Онъ умеръ къ веснѣ или осенью 1796 года.

27. Памятны мнѣ похороны его. Насъ по выбору нарядили двѣнадцать для смѣны дежурными у гроба. Наканунѣ похоронъ, изъ трехъ заготовленныхъ четвернями каретъ съ лакеемъ, для развозки билетовъ о выносѣ, на мою долю даны 20 билетовъ по сторонѣ Тверской, Арбата и Знаменки. Встрѣтилось приключеніе. Позднимъ вечеромъ, у Страстнаго монастыря, по привычкѣ къ скорой ходьбѣ (чего и дѣло требовало) взбѣжалъ я по лѣстницѣ. Въ передней пусто, въ залѣ никого кромѣ мальчика. Гдѣ господа? я спросилъ его. Онъ только указалъ мнѣ на дверь. Я вскочилъ въ гостиную и надѣлалъ крику и хохоту. Три молодыхъ пригожихъ дамы, замѣтно пріѣхавши изъ гостей, въ разныхъ позиціяхъ съ служанками раздѣвались. Мнѣ стало стыдно. Далеко ли бы Діанѣ обратить юношу въ Актеона? Отдавши билетъ, я разсчелъ извиниться граціозно. Если это моя ошибка, сказалъ я отъ чистаго сердца, то позвольте мнѣ не почитать ея несчастіемъ. Онѣ съ улыбкою повинили неосторожность людей. Я принялъ важность своей миссіи и тихо удалился легкими шагами.

28. На отпѣваніи въ приходской церкви дѣйствовалъ митрополитъ Платонъ. Служеніе и проповѣди его прежде я слушалъ нѣсколько разъ. Но тутъ, какъ никогда больше, показалъ онъ высокое искусство. Вселяя и разтрогивая тонами постепенно печаль, какъ съ неба громовою рѣчью потрясъ онъ всю церковь, на рыданіе о себѣ каждаго, произнеся: земля еси и въ землю пойдеши! Земля, казалось, разрушается подъ нами.

29. Въ послѣдніе годы курсовъ, я обращалъ свободные дни и часы на особыя занятія дома, вмѣщая въ нихъ долю на переводы книгъ, иногда на журнальныя статьи въ прозѣ, и подъ часъ охоты стихами; получалъ доходы, не далеко вдаваясь въ нихъ, скопилъ библіотеку, имѣлъ въ обществѣ почетныя и пріятныя знакомства, не развлекаясь на многіе домы. На досугахъ любилъ бесѣдовать у избранныхъ профессоровъ, каковы для меня были начально: Латинской элоквенціи, упомянутый А. А. Барсовъ; позднѣе потомъ, прикладной математики, Михайло Ив. Панкевичъ; Римскихъ правъ и древностей Ѳедоръ Франц. Баузе; общихъ правъ и политики Матѳей Богдановичъ Шаденъ. Первый ввелъ меня въ филологію и критику. Онъ уважалъ формы Малороссійскаго языка, завидовалъ употребленію въ

[14]) Кто богатѣетъ въ наукахъ и скудѣетъ въ нравственности, тотъ больше скудѣетъ, чѣмъ богатѣетъ.

[15]) Сила безъ разума гибнетъ отъ собственной тяжести. *Горацій.*

[16]) На Большой Дмитровкѣ, а не на Петровкѣ; нынѣ это домъ Кампіони. *П. Б.*

немъ „бо“ и многихъ лаконизмовъ. Второй былъ у меня упорный философъ пространства. Третій, съ охотою антикварія, обратилъ мое вниманіе въ обширности на ingenium practicum et applicativum. У четвертаго рѣшены многіе публичные вопросы и система долговѣчности. У обоихъ послѣднихъ я получилъ навыкъ Латинской и Нѣмецкой рѣчи.—Наконецъ я изготовлялся отправиться въ Петербургъ искать мѣста, для чего имѣлъ посредниковъ.

30. Въ Ноябрѣ того года со вступленіемъ на престолъ Императора Павла, произведены въ лицахъ и вещахъ великія перемѣны и новости. Генералъ-прокуроромъ, — должность, въ которой заключались тогда, кромѣ военныхъ, всѣ внутреннія министерства,—на мѣсто графа Самойлова поставленъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, и оберъ-прокуроромъ въ Москву племянникъ его, князь Яковъ Ив. Лобановъ-Ростовскій. Учреждены военные губернаторы. Директоръ университета Павелъ Ив. Фонъ-Визинъ поступилъ сенаторомъ. Мѣсто его занялъ вызванный изъ жизни въ деревнѣ Иванъ Петров. Тургеневъ. На мѣсто Мелисино кураторомъ университета опредѣленъ тайный совѣтникъ и камергеръ князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ, племянникъ Шувалова по сестрѣ [17]).—Въ Декабрѣ новый кураторъ пріѣхалъ въ Москву и занялъ домъ на Покровкѣ. Недѣли за двѣ до праздника Рождества, въ день воскресный, мы большимъ числомъ были ему представлены, по факультетамъ. Въ день конференціи онъ имѣлъ въ ней первое присутствіе, осматривалъ университетъ, обошелъ по всѣмъ заведеніямъ. А въ первый день праздника мы опять, только меньшимъ числомъ, были у него съ поздравленіемъ. Обходя всѣхъ привѣтливо, нашелъ онъ, что̀ сказать каждому дѣльно.

31. Между тѣмъ, какъ я располагалъ себѣ, когда у кого изъ моихъ знакомыхъ проводить дни и вечера святокъ, на другой день утромъ я получилъ записку отъ содержателя университетской типографіи Клауди, съ которымъ уже былъ знако̀мъ по заказному переводу, просить къ себѣ въ контору для надобности. Велось тогда, на новый годъ, первый нумеръ издаваемыхъ при университетѣ Московскихъ Вѣдомостей, въ заглавіе, начать стихами. Тотъ, кто обѣщалъ ему стихи на 1797 годъ, занемогъ. Время готовить первый нумеръ, а стиховъ нѣтъ; проситъ у меня. Я отказался не моимъ дѣломъ, короткимъ временемъ, связями на праздникъ, стыдомъ пошлости. Но убѣжденія и добрая цѣна заставили потереть лобъ. Я согласился на честномъ условіи, что мое имя останется неизвѣстнымъ, и весь тотъ день прогулялъ, въ ожиданіи, гдѣ мнѣ встрѣтится моя Муза.

32. На новый годъ, какъ я послѣ узналъ, былъ утренній съѣздъ у князя-куратора университетскихъ чиновъ съ поздравленіемъ. Поднесенъ первый нумеръ вѣдомостей. Князь подалъ профессору Страхову, извѣстному ораторскимъ органомъ, прочесть стихи, и въ другой разъ прочиталъ ихъ самъ.—Кто писалъ стихи?—Неизвѣстно.—На полномъ сборѣ у обѣдни, въ университетской церкви, съ ея пѣвчими, Страховъ, стоя по обычаю у лѣвой стѣны арки, оглянулся въ передній предѣлъ и, на концертѣ подошедъ ко мнѣ, спросилъ тихо: Вы писали стихи въ газеты?—Нѣтъ, скрѣпя совѣсть, я сказалъ.—Мнѣ кажется, они ваши;

[17]) См. выше его Записки. *П. Б.*

князь поручилъ мнѣ узнать.—Я стыжусь солгать передъ вами; но я хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ: мое время было такъ коротко и разсѣянно.—Напротивъ, князь очень доволенъ. Въ поздравленіяхъ отъ креста Страховъ шепнулъ нѣчто князю и въ разступившихся рядахъ проводилъ его ко мнѣ. Князь благодарилъ, сжавши руки. Еще хотѣлъ я поскромничать, но онъ пригласилъ меня къ обѣду. До обѣда и за столомъ, гдѣ были Страховъ и другихъ профессора два, онъ обласкалъ меня въ разговорѣ и, отпуская, назначилъ обѣдать у него по воскресеньямъ. Такъ и было.

33. Новый генералъ-прокуроръ, князь Куракинъ, отлично уважалъ университетъ. Говорили, что онъ и учился изъ него нѣсколько. При томъ онъ почитался въ родствахъ съ племянникомъ Шувалова. Въ Январѣ онъ отнесся въ университетъ доставить ему въ канцелярію двоихъ, знающихъ правовѣдѣніе. Конференція избрала меня и другаго товарища. Мы, согласясь, взнесли объясненіе о неизвѣстности для насъ перваго чина и жалованья. Къ увѣдомленію отъ 3 Февраля о назначеніи нашемъ пріобщено и то объясненіе. Университетъ скоро получилъ отвѣтъ о нашемъ опредѣленіи съ замѣчаніемъ, что, въ требованіи отъ короннаго вѣдомства на коронную службу, договоры не имѣютъ мѣста. А Московскому оберъ-прокурору, князю Лобанову-Ростовскому предписано истребовать насъ и, выдавъ подорожныя, прогоны и путевыхъ по 200 р., отправить къ нему генералъ-прокурору немедленно. Конференція объявила намъ опредѣленіе, а профессоръ Шаденъ прибавилъ мнѣ суетливо: за васъ, батушка, мы получили вотъ такую носу,—приложивъ къ носу растопыренные десять пальцевъ. Съ явкою нашею на другой день, оберъ-прокуроръ все то намъ выдалъ, и на сборы, вмѣсто просимой нами недѣли, давъ сроку два дня, подтвердилъ, что за просрочкою онъ вышлетъ насъ черезъ полицію. Въ два дня разстаться съ Москвой! По счастію, у новоприбывшаго военнаго губернатора, Ивана Петр. Архарова, котораго старшій братъ командовалъ въ Петербургѣ, былъ адъютантомъ знакомый мой М.; тотъ далъ мнѣ способъ прибавить еще два дня, перемѣнивъ мою подорожную.

34. Коронаціи своей Государь назначилъ быть въ день Свѣтлаго Воскресенія, 5 Апрѣля, для чего и въѣздъ его изъ Петровскаго дворца въ Москву произведенъ въ Вербную Субботу. Но уже съ послѣднихъ числъ Декабря Москва стала наполняться приходящими со всѣхъ сторонъ войсками. Тридцать тысячъ, говорили, съ гвардіею размѣщались въ ней по всѣмъ домамъ. Изъ Петербурга двинулись полки, запасы, клади, дворъ, чины, дипломаты и Святѣйшій Синодъ. Пошли по Москвѣ спорные толки, кто къ кому первый, здѣшніе и пріѣзжіе, поѣдутъ съ визитомъ.

35. Съ перваго назначенія моего, я три раза еще былъ у князя Голицына. Отъѣздъ мой сдѣлался у него особымъ предметомъ вниманія на многія подробности. Онъ вынесъ мнѣ изъ кабинета и ссудилъ на просмотрѣніе планъ Петербурга. — Я дамъ вамъ (сказалъ онъ и далъ послѣ) письмо къ матери (княгинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Голицыной); къ дядѣ я не пишу потому, что ожидаю его сюда; онъ долженъ быть уже въ дорогѣ. Вы, пріѣхавши, не останавливайтесь нигдѣ, ступайте прямо къ дому на Невскомъ проспектѣ, въ виду гостиннаго

двора. Тамъ дадутъ вамъ помѣщеніе, и пробудете тамъ, пока устроитесь. Первый годъ (сказалъ онъ) за столомъ не пейте Невской воды безъ краснаго вина; не довѣряйте тамъ весною теплой погодѣ. Совсѣмъ ли вы готовы?—Мнѣ остается только купить кибитку.—Я дамъ вамъ свою (прибавилъ онъ, подумавши) и приказалъ объ ней дворецкому.—Мнѣ доставлена княжеская кибитка, крѣпкая, широкая, роскошная. Княгиня, жена его, и молодой сынъ Александръ, лѣтъ тринадцати, которыхъ, бывая у него, я всегда видѣлъ, глядѣли на меня съ любопытствомъ. Я думаю, что князь столько же утѣшался сдѣланнымъ добромъ, сколько я его чувствовалъ.—Москва оставлена.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ШУВАЛОВЪ.

Ducite Nymphae choros: et amor nunc dormit et aequor [1]).

1. Дорога была загружена и шумна проѣзжами день и ночь. Но я не имѣлъ въ ней никакой трудности. Порожніе ямщики, спѣша въ обратный путь, на захватъ меня брали. Вездѣ по станціямъ были готовы хорошіе столы. Я проѣхалъ скоро и выгодно Тверь, Валдай, Новгородъ и Петербургскій шлагъ-баумъ. Караульный офицеръ взялъ у меня подорожную, заставилъ отыскать мой аттестатъ въ сундукѣ, объявилъ, что я получу его во дворцѣ у военнаго губернатора, графа Буксгевдена, и шлагбаумъ зазвенѣлъ цѣпью въ десять часовъ утра. Вотъ и Обуховъ мостъ, и Сѣнная, и Гостинный дворъ. Кибитка остановилась у дому.

[1]) Нимфы, ведите хоръ: теперь спятъ и любовь, и море.

2. Швейцаръ изъ сѣней отворилъ мнѣ дверь. Я взошелъ по лѣстницѣ, какъ ѣхалъ дорогою, въ большую переднюю съ оффиціантами. Старшій понесъ мое письмо и вышедъ проводилъ меня, черезъ середній чистый дворъ; отвелъ мнѣ двѣ готовыя комнаты во второмъ этажѣ длинной постройки, окнами въ Садовую, и привелъ ко мнѣ слугу. Кладь моя внесена. Я спѣшилъ одѣться, чтобъ явиться у княгини.—На сборахъ моихъ навѣстилъ меня молодой секретарь Шувалова. Отъ него я узналъ, что и Шуваловъ живетъ въ этомъ же домѣ, въ Москву не выѣзжалъ и не поѣдетъ. Скоро за тѣмъ видный оффиціантъ пришелъ объявить мнѣ, что его высокопревосходительство меня ожидаетъ и проводилъ меня въ комнаты на его половину.—А княгиня?—Она тамъ.—Всходя по лѣстницѣ въ мундирной моей формѣ и нарядной шубѣ, я почувствовалъ гармоническое движеніе въ груди моей. Предстатель Музъ, твердимый изъ дѣтства! Вѣковой вельможа, извѣстный свѣту! Я его увижу.—Въ аванзалѣ, окнами на проспектъ, одѣтой по стѣнамъ сверху до низу портретами, два камерлакея, а къ дверямъ гостинной еще огромный старый камерлакей и низенькій сухой старичокъ въ черномъ кафтанѣ. Они указали дверь гостинной.

3. Впечатлѣніе всего такъ слилось во мнѣ, что и здѣсь сладки для меня его подробности. Свѣтлая угловая комната, на востокъ и полдень, о шести или семи окнахъ; тамъ на лѣво, въ большихъ креслахъ у столика, окруженный лицами, сидѣлъ маститый, бѣлый старикъ, сухощавый, средне-большаго росту, въ свѣтлосѣромъ кафтанѣ и бѣломъ камзолѣ. Разсыпанные при входѣ глаза я впе-

рилъ въ него, подойдя мѣрно съ поклономъ, произнесъ только свое имя и нѣсколько отступилъ, съ чувствомъ какой-то радости.—Я васъ знаю, сказалъ онъ съ кроткою важностію и перемѣня видъ: вы обидѣли мой университетъ.—Я смѣшался, потупилъ глаза.—Вы забрали у меня столько медалей, сказалъ онъ умильно звонко-сребреною рѣчью. — Сердце мое вздрогнуло, и взоръ освѣжился.—Все ли хорошо у васъ?—Мы.... всѣ... благодаримъ ваше высокопревосходительство.—Это вырвалось у меня со всею силою чувствъ; и онъ, казалось, замѣтилъ. Но въ стоящей подлѣ него штатсдамѣ, и на него похожей, угадывая княгиню, я поспѣшилъ подойдти къ ней съ поклономъ.—Сынъ мой пишетъ объ васъ; онъ ожидаетъ Ивана Ивановича.—Такъ онъ говорилъ мнѣ.—Часто ли князь бываетъ въ университетѣ? спросилъ Шуваловъ.—Мы его видимъ всякую недѣлю.—Вы откуда родомъ?—Изъ Переяславля (я не хотѣлъ сказать изъ Малороссіи). Что̀ послѣ говорено было и какъ вошло въ разговоръ общій, какъ на меня глядѣли прочія лица, кромѣ улыбки ихъ при начальной шуткѣ, не помню. Это были, какъ я послѣ узналъ, молодая круглая дама, дочь княгини, графиня Варвара Николаевна Головина, мужъ ея, графъ Николай Николаевичь Головинъ, плотный мущина среднихъ лѣтъ, дочь ихъ на подростѣ (домъ ихъ о стѣну), домовый докторъ Кирило Каменецкій, сочинитель Сельскаго Лечебника съ весьма незабытымъ Малороссійскимъ языкомъ, и директоръ Банка Перепечинъ. А на дверной стѣнѣ, противъ оконъ, въ золотой рамѣ портретъ Шувалова, во весь ростъ, какъ лѣтъ тридцати пяти, въ формѣ своего вѣка, свѣтлаго колорита, мыслящій, кажется, съ письмомъ или бумагою въ рукѣ.

4. Двери растворились; объявлено, что столъ готовъ. Я не успѣлъ сдѣлать сумнительный видъ, что хочу откланяться, княгиня сказала мнѣ: обѣдайте съ нами. На переходѣ въ столовую, графиня спросила меня: Вы здѣсь будете служить?—Я съ тѣмъ пріѣхалъ.—Графъ, сѣвши за столъ, сказалъ разсѣянно: дорога должна быть дурная!—Избита проѣздами.—Шуваловъ, сидя въ головахъ стола, при общемъ разговорѣ, раза два обращалъ ко мнѣ рѣчь. А отъ стола, на мой поклонъ, ласково сказалъ мнѣ: Обѣдайте всегда у меня. — Княгиня прошла съ прочими на свою половину, въ большую гостинную, съ мраморнымъ каминомъ. Я проводилъ Шувалова до портретной и вышелъ. Видомъ и рѣчью онъ былъ довольно бодръ, слабъ ногами.

5. Мнѣ надобно было отправиться съ извощикомъ въ Зимній Дворецъ. Пройдя отъ подъѣзда съ большой площади, по длиннымъ, огромнымъ коридорамъ и всходамъ, распрашивая у караульныхъ на поворотахъ, куда къ военному губернатору, у свѣтлой, парадной лѣстницы на третій или четвертый этажъ, я оставилъ караульному свою шубу, обѣщая поблагодарить его; но взошедши, долго еще путался, пока не вошелъ въ переднюю; и тогда только пожалѣлъ, что не въ шубѣ прошелъ. Караульный можетъ быть смѣненъ, и я не найду ея. Тщетно я опирался на законъ о строгой честности при Дворѣ; сумнѣніе оставалось.—Я объявилъ о себѣ адъютанту. Онъ, отыскавши мои бумаги въ канцеляріи, пошелъ съ ними въ залу; я за нимъ. Тамъ графъ Буксгевденъ, въ полномъ парадѣ,

спросилъ меня, зачѣмъ я пріѣхалъ, гдѣ остановился, гдѣ буду жить? и, развернувъ мой печатный аттестатъ, близъ меня къ окну на Неву, читалъ, а ходившій съ нимъ по залѣ широкоплечій, съ большимъ лицемъ, въ мундирномъ сюртукѣ, глядя изъ-за плеча ему тоже въ аттестатъ, протяжноза говорилъ: —Тьфу, братецъ, да мы съ тобою оба дураки передъ нимъ!—Чтобъ отразить или смягчить сарказмъ, я сказалъ почтительно: всякому свое (какъ было на памяти свѣжо начало изъ Римскихъ Правъ: neminem laede, suum cuique tribue [2]). Онъ оглядѣлъ меня вопросными глазами. Это былъ извѣстный въ вѣкъ Екатерины (какъ адъютантъ мнѣ по выходѣ моемъ сказалъ) бывшій оберполицмейстеръ и потомъ генералъ-губернаторъ, Николай Петровичь Архаровъ. Аттестатъ мой свернутъ и мнѣ отданъ. Я вышелъ, сбился было въ коридорахъ, со страхомъ о шубѣ; но попалъ на слѣдъ и въ цѣлости нашелъ ее.

6. На другой день къ обѣду я пришелъ въ 12 часовъ. Тѣже придворные камерлакеи. Изъ нихъ третій, огромный старикъ, извѣстный въ проѣздѣ Шувалова по Швейцаріи, и старичокъ, Французъ Бернаръ, бывшій его камердинеръ, оба на пенсіи, за столикомъ у дверей гостиной (вѣчное ихъ мѣсто) играли свой пикетъ. Въ гостинной у Шувалова былъ Осипъ Петровичь Козодавлевъ, который недавно, посредствомъ его, изъ членовъ коммиссіи училищъ опредѣленъ въ Сенатъ 3-го департамента оберъ-прокуроромъ.—Вотъ мой питомецъ, сказалъ Шуваловъ; это мои дѣти; вамъ его поручаю. Я поклонился обоимъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ тотъ уѣхалъ.

—Сегодня вечеромъ я васъ отправлю съ моимъ письмомъ къ князю Куракину, сказалъ мнѣ Шуваловъ; Осипъ Петровичь представитъ васъ.—Великій поклонъ отъ всей судьбы моей. —Вошелъ секретарь его, и пока онъ имѣлъ надобность переговорить о чемъ, чтобъ отъ того себя отвлечь, я замѣтилъ на столикѣ у окна книгу, большой осьмушки, въ красномъ сафьянѣ съ позолотою; книга рукописная, сочиненія Державина, съ виньетами; я перебиралъ ее. „Это я заставилъ Державина", сказалъ Шуваловъ, отпустивъ секретаря, „собрать свои сочи„ненія; столько лѣтъ пишетъ; порознь „печатныя рѣдки; инымъ охотникамъ „и не всѣ извѣстны. Я хочу напе„чатать ихъ въ университетѣ." Пошла рѣчь о свойствахъ нашей поэзіи отъ Ломоносова. Чтобъ изъясниться болѣе, я прибавилъ къ тому вліянія климата отъ цвѣтовъ до поэзіи, и разность красоты чувствъ отъ красоты воображенія. Такъ было до обѣда.

7. Вечеромъ меня позвали къ нему, и я зналъ, за чѣмъ. У него былъ уже Козодавлевъ. Онъ отпустилъ меня съ нимъ, поручивъ мнѣ письмо.— Въ большомъ Чичеринскомъ домѣ, у Полицейскаго мосту, на лѣво, въ полной залѣ, я представленъ князю Куракину, и подалъ ему письмо.—Я получилъ уже свѣдѣнія объ васъ, сказалъ онъ сахарнымъ языкомъ; Иванъ Ивановичъ такъ пишетъ объ васъ, что мнѣ очень пріятно имѣть такихъ людей въ службѣ.—Еще вопроса два, и я переданъ на свое мѣсто по сенатской части. Такъ началась моя новая жизнь и моя служба, числимая отъ 3 Февраля 1797 г., съ ея производствами и перемѣнами [3]).

[2]) Никого не порицай, воздавай всякому свое.

[3]) Что я назвалъ рѣчь новаго моего начальника сахарною, то онъ подлинно былъ такъ снисходителенъ и привѣтливъ. Не могу пред-

8. Скоро князь началъ тоже собираться къ отъѣзду въ Москву; и назначенный быть въ штатѣ съ нимъ экспедиторъ, отъ имени его, потребовалъ у меня записки, кого можетъ онъ еще вызвать въ канцелярію свою изъ университета, человѣкъ на шесть. Изъ нихъ вошли четыре, прочіе два поступили на другія мѣста. За то новыхъ князь принялъ четырехъ.— Только въ 1767 году взято было изъ университета двадцать пять человѣкъ въ коммиссію сочиненія новаго уложенія, о чемъ разсказывалъ мнѣ въ Воронежѣ изъ того числа служившій послѣ при князѣ Потемкинѣ, почтенный помѣщикъ статскій совѣтникъ Илья Николаевичъ Дебольцовъ, который по университету съ моего пріѣзда братски меня принялъ. Но отъ

ставить этого лучше, какъ выраженіемъ ученаго Евангелическаго пастора въ Петербургѣ, бывшаго въ Московскомъ университетѣ профессоромъ Исторіи, Виганда. За смѣною князя Куракина въ должности генералъ-прокурора княземъ Лопухинымъ, въ Августѣ 1798 года, Вигандъ въ разговорѣ объ немъ отозвался, что отъ него пріятнѣе было услышать—нѣтъ, нежели отъ инаго да.

Другая нравственная черта вельможи была, что онъ любилъ замѣчать, выводить и обязывать дѣловыхъ людей. И когда изъ упомянутой отставки его онъ вызванъ былъ Императоромъ Александромъ въ 1802 году, для опредѣленія Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, я съ восторгомъ видѣлъ, какъ зала его наполнялась съѣздомъ обязанныхъ ему выходомъ въ чинахъ и мѣстахъ, какъ добродушно освѣдомлялся онъ о каждомъ по роду его службы.

Примѣръ случайности. Экспедиторъ канцеляріи генералъ-прокурорской ст. с. К. столько имѣлъ знакомства въ домахъ, что князь охотно выслушивалъ его шутливые разсказы. Однажды принесъ онъ по докладу въ кабинетъ князю нѣсколько заготовленныхъ бумагъ. Князь, замѣтя въ нихъ отлично красивый почеркъ, спросилъ, кто это писалъ?—Князь Алексѣй Борисовичъ.—Князь, по своему имени, оглянувшись на экспедитора замѣчательно: Что вы!—Я докладываю вашему сіятельству, писалъ князь Алексѣй Борисовичъ, въ канцеляріи вашей изъ университета, князь Д.—Князь велѣлъ его позвать, распросилъ объ имени, происхожденіи и состояніи. Узнавъ, что онъ состоянія малаго, имѣетъ мать престарѣлую, за вторымъ производствомъ, по его желанію, далъ ему мѣсто губернскаго стряпчаго на родинѣ.

По должности генералъ - губернатора князь предложилъ мнѣ мѣсто секретаря у себя, для чего Козодавлевъ, уже сенаторъ, привезъ меня къ нему. Сѣверъ былъ мнѣ противенъ, а служба казалась пріятною; но я строился на другихъ видахъ. Впрочемъ нѣсколько дней частно я отправлялъ у него первыя письменныя дѣла. Тогда онъ изъявилъ мнѣ желаніе: Я ѣду въ сторону для меня новую; составьте мнѣ краткую записку о Малороссіи. Я понялъ благовидную мысль начальника области и нашелъ приличнѣйшимъ, кромѣ хроники, дать запискѣ форму путевую, itinerarium отъ Сѣвской границы на Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Переяславъ, Яготинъ, Лубны, съ указаніемъ побочностей.

При въѣздѣ въ Глуховъ, увидѣвъ, что середи города огромное великолѣпное зданіе Малороссійской бывшей коллегіи ломали на второмъ этажѣ, онъ остановилъ работу и, по высочайшему утвержденію, обратилъ нижній этажъ его въ три массивныхъ корпуса для присутственныхъ мѣстъ и уѣзднаго училища, полицейскую караульню, пожарную и погреба.

По возвращеніи изъ Петербурга въ 1803 году съ утвержденными докладами, онъ учредилъ уѣзды по 15-ти въ обѣихъ губерніяхъ, Черниговской и Полтавской, нарѣзалъ широкія почтовыя дороги двойными рвами по сторонамъ, съ посадкою аллей, устроилъ землебитные станціонные домы, распланировалъ города, бывшіе въ нихъ крѣпостные валы обратилъ въ бульвары, завелъ ремесленное училище, благопріятствовалъ торговлѣ.

Въ характерѣ онъ соединялъ важность съ піитическими цвѣтами. Я видѣлъ съ 1803 года, какое принималъ онъ вниманіе ознакомиться въ дворянствѣ и знать отличныя лица поименно. Скоро понравился и простому народу, особливо послѣ той шутки, когда въ Крапивнѣ проѣздомъ обошелъ ярмарку и, подошедъ къ лавкѣ съ шапками, изъ нихъ надѣлъ одну на козака, другую на другаго; когда же стѣснился народъ къ нему, раскидалъ всѣ шапки въ толпу и заплатилъ хозяину. Онъ былъ плотенъ, величавъ, красивъ, всегда нарядемъ, окруженъ большою свитою. Это и болѣе привлекало къ нему на поглядѣнье. А въ вечернихъ обществахъ у него и у другихъ не обходился балъ, чтобъ не танцовалъ и онъ любимую, въ видѣ кадрили, горлицу. Въ 1807 году онъ поступилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Былъ потомъ канцлеромъ Россійскихъ орденовъ.

того времени едва ли былъ годъ подобный 1797-му, чтобъ разомъ столько выбыло изъ университета по разнымъ начальствамъ.

9. Не нужно говорить, сколько я принесъ Шувалову моей чувствительности. Допустимъ здѣсь съ обѣихъ сторонъ что нибудь изъ того, что́ лежитъ глубже въ сердцѣ человѣческомъ. Я прожилъ въ домѣ его семь или восемь дней; въ нихъ пятымъ былъ воскресный день. Изъ угловой гостинной ведетъ на лѣво боковой выходъ въ кабинетъ, оттуда налѣво жилыя его комнаты, окнами на дворъ, а прямо вдоль Садовой улицы длинная галлерея съ библіотекою. За нею своя домовая церковь. Общій ходъ въ церковь по особой лѣстницѣ со двора, откуда приходятъ сторонніе. Для нея свой сановитый дьячекъ поетъ и читаетъ Малороссійскою рѣчью. Шуваловъ у правой стороны церкви большею частію сидѣлъ въ креслахъ съ подосланнымъ ковромъ. Я замѣтилъ уже съ первыхъ дней, что онъ и у себя, съ кѣмъ бы что́ ни говорилъ, по временамъ, какъ будто остановясь на какой мысли, крестился у груди малымъ тройственнымъ крестомъ; тоже было и въ церкви очень часто. Говорили, что это давняя его привычка: другіе прибавляли, что онъ принялъ ее, вышедъ изъ вѣка вольнодумства.—Переходя на новое житье, я отблагодарилъ его и княгиню. Они дали мнѣ любезный завѣтъ по воскресеньямъ слушать обѣдню и обѣдать у нихъ. Я исполнялъ его, кромѣ отступленій по ненастной погодѣ, или стороннимъ отлучкамъ.

Тамъ я видѣлъ много почетныхъ лицъ, которыхъ можно назвать рядовыми; нѣсколько видѣлъ замѣчательныхъ. Всѣ они бывали въ полдни, и почти всѣ визитно. Изъ послѣднихъ упомяну здѣсь, что̀ было ближе:

а. Гаврило Романовичь Державинъ. Я видѣлъ его тамъ два раза. Упомянутую книгу сочиненій его, съ первыхъ моихъ дней Шуваловъ позволилъ мнѣ взять на время. Потомъ она дѣйствительно отправлена въ университетъ для напечатанія. Корректуру авторъ поручилъ Карамзину, тогда жившему въ Москвѣ. Говорили, что на предложеніе Карамзина, не разсудитъ ли перемѣнить чего по мѣстамъ, онъ отъ того отказался. А въ 1802 году, когда учреждены министерства, и Державинъ поступилъ министромъ юстиціи, онъ призвалъ меня служить въ его департаментѣ. Изъ валовыхъ моихъ работъ у него было, по его проэкту и запискамъ, составленіе устава третейскаго совѣстнаго суда. По дѣламъ, если онъ перемѣнялъ когда свои мысли, то весьма часто возвращался на первую. Въ архивѣ моемъ остаются черневыя бумаги съ его приписками и отмѣтками. Службы моей при немъ было четыре мѣсяца; и къ сожалѣнію перемѣна ея произошла въ такое время, когда въ спорѣ его по дѣлу съ Г. С. П. [4]) извѣстно ему стало, что я принималъ сторону послѣдняго, которая и въ общемъ мнѣніи была оправдана.

б. Иванъ Ив. Дмитріевъ, съ которымъ черезъ годъ я лично познакомился. По отставкѣ изъ гвардіи съ чиномъ полковника въ началѣ 1797 года, при учрежденіи въ день коронаціи акта о наслѣдствѣ и департамента удѣловъ, Апрѣля 5, поступилъ и былъ тогда, въ чинѣ статскаго совѣтника, товарищемъ министра удѣловъ, генералъ-прокурора, потомъ

[4]) Графомъ Севериномъ Потоцкимъ. *П. Б.*

оберъ-прокуроромъ Сената 3-го департамента, на мѣсто Козодавлева. Я проводилъ у него пріятнѣйшіе вечера и веселился тонкостями его острословія, до его отставки въ 1799 году, съ чиномъ тайнаго совѣтника; впослѣдствіи онъ былъ министромъ юстиціи. Я видѣлся съ нимъ въ Москвѣ по первой его отставкѣ, въ 1803 году у Мясницкихъ воротъ, по второй въ 1827, въ его домѣ съ садомъ за Никитскими воротами. Въ первомъ разѣ я осуждалъ его за нѣкоторыя эпиграммы (а конецъ *Каррикатуры* онъ передѣлать отказался, потому что въ ней написалъ сущую сосѣднюю быль); во второмъ, благодарилъ его за данный образецъ сокращенія себя въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій, сожалѣя впрочемъ, что оно слишкомъ было строго.

в. Осипъ Петровичь Козодавлевъ, о которомъ выше было упомянуто. При должности оберъ-прокурора, ему поручено было составленіе по герольдіи гербовника дворянскихъ родовъ, и за первую часть пожалованы ему 5000 десятинъ земли. Въ послѣдствіи онъ былъ сенаторомъ и директоромъ герольдіи, а въ тяжкое время континентальной системы Наполеона министромъ внутреннихъ дѣлъ.

г. Дмитрій Ив. Хвостовъ, оберъ-прокуроръ въ Сенатѣ и по томъ въ Св. Синодѣ. Ставъ знакомъ у него, я имѣлъ участь выслушивать въ кабинетѣ до обѣда новыя его стихотворенія и переводы; а въ чтеніяхъ бывало у насъ не безъ замѣчаній.—Гдѣ были вы сегодня? спросилъ меня Дмитріевъ, на другой день Рождества вечеромъ, возвратившійся изъ Англійскаго клуба.—Обѣдалъ у Дмитрія Ивановича.—Вѣрно читалъ вамъ что нибудь?—Прочиталъ свой переводъ рѣчи Дагсссо и оду?—Какъ вы нашли оду?—Звучна; только я замѣтилъ, что первую строфу лучше было бы поставить послѣ второй и третьей.—О! вы объ этомъ не заботьтесь. У него не только любую строфу, но каждый стихъ гдѣ хотите поставьте, то все равно. А далѣе?—Не все мнѣ нравилось, и много лишняго. Но насъ другой разъ позвали къ столу, и это помѣшало дочитать оду.—Хвостовъ по женѣ, племянницѣ Суворова, княжнѣ Горчаковой, причитался ему въ родствѣ. Суворовъ, воротясь изъ Швейцаріи, больной, жилъ и умеръ въ его домѣ, по улицѣ къ новому рынку, лицемъ на Сѣнную площадь. Тамъ на переходѣ, въ залѣ, я видѣлъ и слышалъ великаго полководца; и какъ онъ отъ Сардинскаго короля, за возвращеніе Піемонта, получилъ признаніе своимъ родственникомъ, cousin: то по смерти его, Хвостовъ у короля, какъ родственникъ, испросилъ себѣ титулъ графа.

д. Знаменитый политехникъ Алексѣй Николаевичь Оленинъ, примѣтный и весьма малымъ ростомъ, бывшій послѣ Дмитріева оберъ-прокуроромъ 3-го департамента, былъ потомъ государственнымъ секретаремъ Совѣта, и наконецъ президентомъ Академіи Художествъ; бойкій эмпиристъ. Проэктовъ его виньеты къ сочиненіямъ Хемницера, Державина, кажется и Дмитріева.

е. Контръ-адмиралъ Шишковъ, Александръ Семеновичь, впослѣдствіи, съ 1812 года, послѣ Сперанскаго, государственный секретарь, передъ Оленинымъ, и потомъ министръ просвѣщенія, страстный филологъ своего языка и корнесловъ. Въ идиллическомъ разсказѣ его о Сициліи, на вопросъ мой о разностяхъ южной и сѣверной стороны острова, онъ сдѣ-

лалъ живое, плѣнительное описаніе Палермо.

ж. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ длинною лентою Владиміра на шеѣ, членъ коммиссіи народныхъ училищъ, Янкевичь, вызванный изъ Сербовъ для заведенія тѣхъ училищъ въ Россіи.

з. Шевалье Гогаръ, изъ наплывшаго множества Французскихъ эмигрантовъ.—По взятіи Варшавы въ 1794 году, привезенная Залусская библіотека поступила въ вѣдѣніе Кабинета. Начальникомъ Кабинета былъ тогда дѣйствительный тайный совѣтникъ Василій Степановичь Поповъ, бывшій правителемъ дѣлъ у князя Григорія Александровича Потемкина. Онъ директоромъ библіотеки опредѣлилъ изъ давнихъ же университетскихъ надворнаго совѣтника Михайла Ивановича Антоновскаго, родомъ изъ Шаповаловки за Батуриномъ. Но Императоръ Павелъ на мѣсто Попова опредѣлилъ эмигранта, изъ Цареградскаго посланника, графа Шоазель-Гуфье, а отъ него поручена библіотека Шевалье Гогару, весьма незаботливому, какъ говорили, блюстителю цѣлости.—Въ жизни Антоновскаго много замѣчательнаго, и особенно то, что, состоя у адмирала, графа Ивана Григорьевича Чернышева генеральсъ-адъютантомъ, съ нимъ сопровождалъ онъ Великаго Князя Павла Петровича, какъ генералъ-адмирала, въ Европейскомъ путешествіи.

и. Часто бывалъ другой эмигрантъ, Пикаръ, лице темное, похожъ на Жирондиста, уменъ, говорилъ красно и нашелъ пріемы въ домахъ. При бытности у Шувалова сестры, племянницы, стороннихъ двухъ лицъ, доктора и меня, по связи разговора, Пикаръ произнесъ колкую шутку о К. Н. Б. Шуваловъ оговорилъ ее выразительно, и на продолженіе того же замѣтилъ рѣзко, чтобъ такихъ рѣчей не говорилъ нигдѣ. Но когда Пикаръ захотѣлъ поддержать правдою свою остроту, Шуваловъ вспылилъ и грозно погнялъ его: бродяга, смѣлъ ты передо мною поносить вельможу, въ обществѣ, которое пригрѣло тебя! Вонъ изъ моего дому, вонъ! Тихо, съ извиненіями, отступалъ Пикаръ къ дверямъ, и долженъ былъ удалиться. На умоленія сестры, племянницы и гостя, разгнѣванный отвѣчалъ: Jacobin!—слово бывшее тогда браннымъ,—онъ можетъ похвалиться, что говорилъ это у меня. Уступивъ однако совѣтамъ и просьбамъ, велѣлъ воротить его съ низу и, перекрестясь, далъ вразумительную гонку.

10. Но я всегда бывалъ болѣе доволенъ, когда находилъ Шувалова однимъ, или почти однимъ. Тогда онъ охотно раскрывалъ, кажется, самъ передъ собою картины своей жизни. Мнѣ оставалось придавать связи и какъ бы подкладывать дрова.—Прошло тому 53 года. Многое конечно въ памяти, какъ листъ и цвѣтъ, облетѣло; но что́ могу вспомнить, твердо знаю. Сущность его была въ томъ (говорю безъ натяжки, говорю разомъ), что онъ созданъ любить и возводить умъ во всѣхъ видахъ.

11. Сколько могъ я замѣтить, кажется, онъ имѣлъ особыя отношенія къ Смоленской губерніи. Я видалъ у него и у княгини бывшаго тамъ губернатора съ семействомъ и другихъ оттуда пріѣзжихъ. Оттуда же онъ имѣлъ секретарями изъ университетскихъ, Можайскаго, переводчика Сельскихъ Ночей, и потомъ Людоговскаго, бывшаго тамъ послѣ директоромъ училищъ. Пожалѣть надобно, если они, имѣя годами личные и по должности способы, не оставили объ немъ, по

крайней мѣрѣ у себя, подробныхъ свѣдѣній.

12. Въ раннихъ годахъ славы Шувалова, при Императрицѣ Елисаветѣ, лучшее мѣсто занимаетъ Ломоносовъ. Съ нимъ онъ составлялъ проэктъ и уставъ Московскаго университета. Ломоносовъ тогда много упорствовалъ въ своихъ мнѣніяхъ и хотѣлъ удержать вполнѣ образецъ Лейденскаго, съ несовмѣстными вольностями. Судили и о томъ, у Красныхъ ли воротъ, къ концу города, помѣстить его, или на срединѣ, какъ и принято, у Воскресенскихъ воротъ; содержать ли гимназію при немъ, или учредить отдѣльно; предпочтено первое, обое по своимъ причинамъ и проч.

13. Того же времени соперникомъ Ломоносова былъ Сумароковъ. Шуваловъ часто сводилъ ихъ у себя. Отъ споровъ и критики о языкѣ они доходили до преимуществъ съ одной стороны лирическаго и эпическаго, съ другой драматическаго рода, а собственно каждый своего, и такія распри опирались иногда на приносимыя книги съ текстами. Первое, въ языкѣ, произвело его задачу обоимъ, переводъ оды Жанъ-Батиста Руссо на счастіе; по второму Ломоносовъ рѣшился написать двѣ трагедіи. Въ спорахъ же чѣмъ болѣе Сумароковъ злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ язвилъ его; и если оба не совсѣмъ были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, такъ что онъ высылалъ или обоихъ, или чаще Сумарокова. Если же Ломоносовъ занесется въ своихъ жалобахъ (говорилъ онъ) то я посылаю за Сумароковымъ, а съ тѣмъ, ожидая, заведу рѣчь объ немъ. Сумароковъ, услышавъ у дверей, что Ломоносовъ здѣсь, или уходитъ, или подслушавъ, вбѣгаетъ съ крикомъ: не вѣрьте ему, ваше превосходительство, онъ все лжетъ; удивляюсь, какъ вы даете у себя мѣсто такому пьяницѣ, негодяю. — Самъ ты подлецъ, пьяница, неучъ, подъ школой учился, сцены твои краденыя!—Но иногда мнѣ удавалось примирять ихъ, и тогда оба были очень пріятны.

14. Какая причина, спросилъ я, что Ломоносовъ, принявши въ образецъ Энеиду, остановилъ свою поэму на двухъ пѣсняхъ?—Я заставилъ его только сдѣлать этотъ опытъ для Императрицы. Онъ много видѣлъ матеріаловъ для себя въ дѣлахъ и мѣстахъ, но и самъ былъ много занятъ, и время для фантазіи было очень близко. Лучшаго сколько-нибудь успѣха ожидалъ я, вызвавъ его написать Россійскую Исторію въ хорошемъ слогѣ, для чего были передъ нимъ лѣтописи и комментаріи. Сдѣлавъ начало медленно, сталъ онъ ссылаться мнѣ на свои развлеченія, нужды, бѣдность. Чтобъ ободрить его, я взялъ его съ собою въ Царское Село. Онъ описалъ въ стихахъ Славянку. Я выпросилъ у Императрицы ему деревушку въ 40 душъ за Ораніенбаумомъ. Но какъ засѣлъ онъ тамъ, такъ и пропалъ.

15. При дворѣ Елисаветы Шуваловъ былъ уважаемъ наслѣднымъ принцемъ и принцессою, которыхъ бракъ воспѣтъ въ одѣ Ломоносовымъ. Но за смертію Государыни, онъ скоро испросилъ отпускъ за границу и такъ долго пробылъ тамъ, по восшествіи на престолъ Екатерины, что былъ ею вызванъ ко двору.—Онъ жилъ въ Италіи и во Франціи, проѣздомъ былъ въ Швейцаріи. Разсказывая объ нихъ временами, о лицахъ, о характерахъ и художествахъ любопытныя подробности, онъ замѣтилъ черты:

а. Италія есть такая сторона, гдѣ, чтобъ быть виднымъ, надобны боль-

шія деньги. Въ Парижѣ можно проживать много, не будучи примѣтнымъ, и можно быть виднымъ съ скромными расходами.

б. Въ Италіи содержится большой классъ уличной прислуги: иные и хорошо одѣты. Уроните ли перчатку или платокъ, не успѣете поднять, вамъ подадутъ. Надобно ли пустое что въ рукахъ понести, за вами будетъ готовый слуга. Входите ли въ домъ, подбѣгаетъ щеточникъ, который очиститъ вамъ платье и башмаки. Для того надобно всегда носить въ карманѣ запасъ мѣлкихъ денегъ.

в. Въ Парижѣ такая стихія чванства, высокаго и мѣлочнаго, важнаго и пустаго, что не разойдешься съ нимъ. Нанятой поваръ, Флёре, или Форле, когда пріятели мои, званые къ обѣду, просили показать имъ Русскія блюда, отказался подать на столъ жаренаго гуся.—Весь свѣтъ знаетъ, что у мосье Шуваловъ поваръ Флёре и подалъ на столъ жаренаго гуся: Флёре пропалъ.—Да я хочу!—Извините меня, или отпустите.—Мой поваръ между тѣмъ, дѣлая кислощи, какія у меня, нажилъ хорошія деньги.

г. Энциклопедисты пользуются уваженіемъ только по ихъ личностямъ, и проч.

16. Шуваловъ прожилъ въ Фернеѣ у Вольтера до двухъ недѣль, послѣ чего много убыло его уваженія къ нему. Временные посѣтители очень часто у него бывали, напередъ запасаясь, чѣмъ занять его. Явился одинъ Нѣмецкій графъ, и на вопросъ, какая его часть, похвалился, что онъ знаетъ пять языковъ. Это, сказалъ Вольтеръ, имѣть много ключей къ одному замку (C'est avoir plusieurs clefs pour une même serrure). Какое же употребленіе даете вы вашимъ языкамъ?—Я говорю на всѣхъ и проч.—Случалось, что онъ середи разговора посѣтителей останавливался. Голова у меня болитъ, говорилъ онъ, пойду стихи писать, и съ тѣмъ уходилъ.—Въ кабинетѣ у Шувалова я видѣлъ нѣсколько подлинныхъ писемъ Вольтера къ нему, переплетенныхъ въ 4°. Вошли ли они въ изданіе Кондорсетово, въ которомъ письма занимаютъ 18 томовъ 8°, не знаю. Однажды при входѣ нашелъ я его на чтеніи.—Вотъ какъ я не люблю его, бестію, сказалъ онъ, положа книгу, а пріятно пишетъ. Я подошелъ взглянуть, о комъ говоритъ онъ. Это: Essai sur les moeurs etc. Разговоръ началъ онъ мѣстами, на которыхъ остановился. Говоря о взглядахъ Вольтера въ этой книгѣ на исторію, я припомнилъ сказанное объ немъ: Il lit un livre et puis il le fait. [5])—Это очень вѣрно замѣчено, сказалъ Шуваловъ.

17. Нельзя не задуматься, глядя у него на большую картину хорошей живописи съ натуры, видъ Швейцарскихъ горъ, гдѣ явственно на высотахъ изображена повисшая надъ глубокою пропастью карета его, которую поддержалъ только плечами представленный тамъ огромный его гайдукъ, тотъ самый камерлакей, старикъ съ пенсіею, который вседневно, безотлучно сидитъ въ портретной залѣ.

18. Возвратясь въ Россію, онъ бывалъ въ частныхъ бесѣдахъ Императрицы Екатерины.—Въ вечернемъ кругу (говорилъ онъ) рѣчь зашла о недостаткахъ частнаго ученія. Я разсказалъ свой случай, какъ нѣкогда выписалъ для Кадетскаго (или Пажескаго) корпуса восемь Французовъ лакеями у кадетовъ, и скоро всѣ они разошлись учителями по домамъ.

---

[5]) Онъ читаетъ книгу, и потомъ онъ ее сочиняетъ.

Князь Потемкинъ произнесъ, что одного университета мало для Россіи. Удивительно однако, отозвался графъ Завадовскій, какъ начальникъ и ревнитель нормальныхъ училищъ, что и Московскій университетъ, какъ существуетъ, не произвелъ ни одного ученаго въ славѣ.—Даромъ, ваше превосходительство, отнесся ко мнѣ князь Потемкинъ, что вы меня за наказаніе выгнали изъ университета; а я не перестану быть ему благодарнымъ и своимъ Поповымъ изъ него весьма доволенъ.—Какъ, князь, сказала Государыня, васъ выгнали?—Точно такъ, отвѣчалъ Потемкинъ, изъ его гимназіи.—Я смѣшался, и прибавилъ только, что я этого не помню. — Государыня выговорила ко всѣмъ: ученость сама себя знастъ, когда и какъ происходитъ; но для меня и то уже много, что съ тѣхъ поръ, какъ изъ университета люди вошли въ дѣла, я стала понимать приходящія бумаги.—Дѣйствительно было за тѣмъ объявлено намѣреніе учредить университеты въ Екатеринославѣ и Нижнемъ Новѣгородѣ.

19. Въ послѣдніе годы тоже Государыня повела рѣчь о безпокойствахъ отъ Черкесовъ и предложила вопросъ, какими средствами усмирить ихъ? Одни полагались на войну и страхъ, другіе на кроткія мѣры. Она то и другое находила безуспѣшнымъ и поставила возможнымъ одно средство, въ торговлѣ и роскоши, когда они полюбятъ мягкую жизнь.—Однажды утромъ, ѣдучи во дворецъ, обошелъ я гостинный дворъ и, видя въ продажѣ по лавкамъ много портретовъ Государыни, страшно безобразныхъ, нарочно купилъ одинъ и взялъ съ собою.—Что̀ это у васъ, Иванъ Ивановичь? спросила Государыня. — Узнавайте, Ваше Величество.—Ахъ, Боже мой! Это я? И тотчасъ велѣла оберъ-полицмейстеру, какіе въ лавкахъ есть безобразные портреты ея, всѣ искупить и сжечь, а впредь за тѣмъ наблюдать.—Забавна и ранняя встрѣча его съ Государынею въ дальней галлереѣ дворца, откуда виденъ запасный ея дворъ съ анбарами, наполненный людьми.—Вы удивляетесь, что меня здѣсь встрѣтили!—Я не могъ ожидать.—Мнѣ захотѣлось поглядѣть на свое хозяйство, и проч.—Не вычисляю всего; и сказаннаго довольно.

20. Въ разговорѣ и разсказахъ онъ имѣлъ рѣчь свѣтлую, быструю, безъ всякихъ приголосковъ. Русскій языкъ его съ красивою обдѣлкою въ тонкостяхъ и тонахъ. Французскій онъ употреблялъ, гдѣ его вводили, и когда, по предмету, хотѣлъ что сильнѣе выразить.—Лице его всегда было спокойно поднятое, обращеніе со всѣми упредительное, веселовидное, добродушное. На первыхъ временахъ моихъ весною, при выходѣ изъ церкви отъ обѣдни, онъ нѣчто сказалъ мнѣ, что́ заставило меня слѣдовать за нимъ по галлереѣ съ библіотекою. Тутъ онъ позволилъ мнѣ пользоваться изъ нея книгами.—Въ кабинетѣ, замѣтивши взглядъ мой на дорогую картину Рафаэлева Преображенія, величиною въ аршинъ, онъ разсказалъ объ ней и гдѣ и какъ ему досталась. Усѣвшись въ гостинной, онъ обратилъ рѣчь на мистику, и сослался на послѣднее мнѣніе к. Н. В. Р. [6]), что она сколько суетна, столько ненужна. Тѣмъ, казалось, онъ кончилъ. Однако, чтобъ не разомъ отстать, я прибавилъ исторически нѣсколько словъ, что̀ и его заняло, о введенныхъ господствующихъ числахъ.—О картахъ онъ отзывался презрительно; и какую прежде велъ иг-

[6]) Князя Н. В. Репнина. *П. Б.*

ру, по обычаю, говорили, что онъ содержалъ проигрышъ не болѣе 500 р. за разъ. Столъ любилъ умѣренный и яствы мягкія, что̀ и по лѣтамъ было. Я замѣтилъ, что ему нравился печеный картофель, при ананасахъ на столѣ. Любилъ очень, говорятъ, и грибы, что́ напоминаетъ письмо Ломоносова въ стихахъ: спасибо за грибы, челомъ за ананасъ.

21. Случалось, что мы до обѣда, но чаще послѣ обѣда, выходили въ большую гостиную, съ вывезеннымъ изъ Неаполя мраморнымъ каминомъ. На каминѣ стояли двѣ древнія статуйки бѣлаго мрамора, величиною до двухъ футовъ. Разъ я заглядѣлся на нихъ.—Эти статуйки дорого мнѣ стоятъ, сказалъ онъ. На ожидающій мой видъ онъ продолжалъ: Послѣ моего возвращенія, въ первые годы, съѣздилъ я въ свою новую деревню. Тамъ передъ окнами дому, мало на искось, открывался прекрасный видъ за рѣкою. Пологостью къ ней опускается широкій лугъ, и на немъ косятъ. Все утро я любовался видомъ, и потомъ спросилъ у своего интенданта, какъ великъ этотъ лугъ?—Онъ большой, говоритъ, указывая въ окно, по тотъ лѣсъ и за тѣ кусты.—Сколько тутъ собирается сѣна?—Не могу доложить; онъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, такъ подходитъ къ намъ.—Чужое въ глазахъ такъ близко, подумалъ я; и лугъ остался на мысляхъ. Я выбралъ время, послалъ къ графу съ предложеніемъ, не уступитъ ли мнѣ и какую назначитъ цѣну?—Скажите Ивану Ивановичу, отвѣчалъ графъ, что я имѣнія моего не продаю, ни большаго, ни малаго, а если онъ дастъ мнѣ тѣ двѣ статуйки, что̀ у него на каминѣ, то я съ нимъ помѣняюсь.—Я подумалъ: лугъ такъ хорошъ, и подъ глазами; но буду ль я когда въ деревнѣ, а къ этимъ привыкъ, отдавши испорчу каминъ, и мысль свою оставилъ.

22. Въ Августѣ того же 1797 года, при домашнихъ и докторѣ, говорилъ онъ о школахъ живописи въ Италіи. Художества онъ называлъ третьимъ ея владычествомъ. На этомъ пришла ему охота переглядѣть или показать въ двухъ большихъ картонахъ коллекцію эстамповъ. Въ нихъ огненно заняли меня двѣ большія картины. Одна Вандика: Время, въ видѣ крылатаго Сатурна, съ косою, у розовыхъ кустовъ, подъ утлымъ деревомъ лукаво держа въ рукахъ, обрѣзываетъ крылья печальному Купидону, а лѣвою пятою позади толкаетъ отъ себя черепъ съ обрыва въ темное море, гдѣ тускло видится корабль на полныхъ парусахъ. Другая, смерть Германика: у мавзолея его Агрипина съ дѣтьми разнаго возраста, въ разныхъ выраженіяхъ печали. Глядѣлъ я и на другія и къ тѣмъ опять возвращался.—Что́ дохнуло при томъ на добрѣйшаго старца?—Вамъ нравятся картины?—Я объяснилъ, почему нравятся.—Выберите себѣ одну.—Въ Германикѣ я видѣлъ развитое дѣйствіе земныхъ чувствъ, входилъ въ пораженіе семейства, въ коварство Тиверія и всю игру заговора изъ Тацита. Въ Сатурнѣ обнималъ душевную, безпредѣльную поэзію. Онъ эту изъ рукъ мнѣ подалъ. Едва не рѣшился я поцѣловать его руку, воскликнувъ: о дорогая мнѣ память!—Такъ возмите что больше на память, помолчавши сказалъ онъ умильно. Тамъ на стѣнѣ висѣли два антика, вывезенные изъ Рима, въ круглыхъ рамахъ, поперечникомъ вершковъ по пяти, выдѣланные въ профиль бюстами поверхъ толстаго стекла черезъ огонь, какъ перламутровые, Марсъ и Ми-

нерва. Онъ взглянулъ на нихъ и, указывая съ довольствомъ: снимите ихъ себѣ, сказалъ мнѣ.—Ваше высокопревосходительство (снявъ и помедля проговорилъ я судорожно) позвольте уже мнѣ оставить и какую нибудь книгу вашей библіотеки. Онъ улыбнулся. Было ли тутъ все прилично, я не подумалъ. Въ поступкѣ моемъ я видѣлъ только его и себя.—Выберите книгу и скажите мнѣ.—Я поклонился, но не позволилъ себѣ думать о большихъ твореніяхъ, чтобъ не вредить библіотекѣ и въ добромъ желаніи не показать жадности. Нѣсколько книгъ уже изъ библіотеки, какія больше тогда занимали, перебыло у меня за лѣто. Изъ трехъ бывшихъ на то время я назвалъ послѣднюю, какую тогда читалъ, по великой ея рѣдкости: Свифтову le Conte du Tonneau.—Возьмите себѣ.—Сказка о Бочкѣ, аллегорія, съ сатирическими картинами о трехъ западныхъ исповѣданіяхъ, съ прибавленіемъ войны древнихъ писателей съ новыми и проч. 2 тома, 12°, въ Гагѣ 1741.—Все полученное въ даръ, книгу съ его гербомъ и вензелемъ, картину и антики я при себѣ сохраняю.

23. Послѣ того я былъ у него еще два раза и возвратилъ бывшія у меня книги. Онъ также былъ добръ, съ лицемъ свѣтлымъ, vultu sereno, и также разговорливъ. Замѣчательное изъ того было, на первомъ разѣ, о возвышеніи университета, о Россійской Академіи, о домашнихъ библіотекахъ и картинныхъ галлереяхъ, особенно князя Бѣлосельскаго, графа Строгонова и князя Юсупова; на второмъ, о выѣздахъ на лѣто, о подмосковныхъ деревняхъ, загородныхъ дачахъ и Римскихъ виллахъ. Мысли съ именами разливались, какъ рѣка межъ веселыхъ острововъ.

Черезъ двѣ недѣли онъ принялъ меня по докладу, сидя въ спальнѣ, съ жалкимъ, мутнымъ видомъ; и я скоро его оставилъ. Еще разъ я навѣдался, меня не приняли: опасно боленъ. Въ Сентябрѣ Императрица Марія Ѳеодоровна пригласила его къ обѣду въ Павловскъ. Возвратясь онъ ослабѣлъ и занемогъ, отъ безпокойства ли и простуды, или къ тому и отъ пищи. Скончался въ Октябрѣ, не будетъ ли 12 числа.

24. При всемъ неистовствѣ сѣверной осени, Петербургской погоды, холода и грязи, умилительно было видѣть на похоронахъ, кромѣ великаго церемоніала, съѣзда и многолюдства, стеченіе всего, что́ было тогда въ Петербургѣ изъ Московскаго университета, всѣхъ временъ, чиновъ и возрастовъ, и все то были, какъ онъ почиталъ, его дѣти. Всѣ его проводили. Памятникъ Ломоносова видѣлъ провозимый гробъ Мецената. Его похоронили въ Александровскомъ монастырѣ, въ малой Благовѣщенской церкви. Служилъ митрополитъ Гавріилъ, надгробное слово сказалъ извѣстный тогда витія, архимандритъ Анастасій. Оно гдѣ-то есть у меня печатное.—Жизнь Шувалова достойна пера Плутархова.

25. Спустя первое время печали, чрезъ шесть недѣль, въ томъ же домѣ я посѣтилъ сестру его, княгиню Голицыну. Она искренно пригласила меня бывать у нея по прежнему. Я содержалъ это, бывалъ, только рѣже. Въ той же большой гостинной и столовой уже дамское общество взяло свой перевѣсъ. Изъ гостей, кромѣ родства, тамъ бывали эмигрантки. Въ нихъ особенно была отлична графиня de Tarente, дама умная, свѣдущая, интересная, которой несчастіе изгнанницы придавало достоинство. Дочь

княгини, графиня Головина, любила говорить о сельской жизни, и въ описаніяхъ своихъ владѣній великолѣпно изобразила мнѣ Воротинецъ на Волгѣ.—Зимою пріѣзжалъ изъ Москвы къ матери кураторъ, князь Голицынъ, виновникъ первыхъ моихъ отношеній въ Петербургѣ, и не ослабилъ ихъ.

26. Памятенъ мнѣ нарядный столъ у княгини, на который я, по своему времени, нечаянно попалъ. Тамъ были графъ Ростопчинъ, вицеканцлеръ, князь Петръ Алексѣевичь Голицынъ, деверь княгини, и графъ Головинъ, зять ея. Произошелъ большой разговоръ, для меня весьма замѣтный, о балансѣ доходовъ и расходовъ, судимыхъ категорически, отъ мала до велика. Жить, говорили, по доходамъ не возможно. Подражаніе и уравненіе гонятъ впередъ. Вы увидите подлѣ себя человѣка съ маленькимъ состояніемъ, въ такомъ же сукнѣ, какое на васъ. Не всѣ же имѣютъ доходы, сколько ихъ надобно. Не всякій подымаетъ ихъ по расходамъ.—Мнѣ кажется однако, сказалъ другой, воля, какъ воля; все то дѣлаетъ своя невоздержимая охота.—Поэтому графъ Александръ Сергѣевичь Строгоновъ только счастливецъ, когда Государыня, представляя императору Іосифу своихъ вельможъ, могла сказать объ немъ: Это у меня магнатъ, который старается весь вѣкъ разориться, но не можетъ.—Да, сказалъ еще другой, хорошо ему, получая милліонъ доходу (тогда курсомъ на серебро); а я получаю всего 100 тысячь, чѣмъ мнѣ жить! и пр.

27. Весною и лѣтомъ, когда княгиня выѣхала на дачу, по Петергофской дорогѣ, я находилъ времена отправляться къ ней на праздникъ утромъ, или съ вечера, и проводилъ тамъ день съ окрестными прогулками. Какъ-то собрались у нее сосѣдки, подали фруктовъ и дыню. Съ дынею, прекрасною, обходились такъ ощадно, съ такими прибавками, опасаясь вреда, что мнѣ жалко было глядѣть.—На моей родинѣ (вздумалось мнѣ похвалиться) мы съѣдаемъ одинъ по цѣлой дынѣ.—Мнѣ подвинули тарелку съ нею, и я сталъ въ барышахъ за свою сатиру.

28. Осенью испыталъ я первую простуду въ жизни. Отъ остылыхъ ногъ, по обычаю того времени въ башмакахъ, за моимъ небреженіемъ, она бросилась на грудь. Сенатскій докторъ, лѣча порошками, лѣча упорно и долго, разстроилъ меня въ самомъ пищевареніи, до того, что обрекъ мнѣ наконецъ ѣхать весною на родимый воздухъ. Страшно мнѣ было такое отчаяніе. Княгиня замѣтила у себя гостю, который зналъ меня, зналъ и о моей болѣзни, что такъ давно меня не видно; и на другой же день отыскалъ меня годовой ея докторъ, Англичанинъ Симпсонъ. Онъ исправилъ ошибку лѣченья новымъ благотвореніемъ княгини.—Черезъ годъ или два, она съ графомъ Головинымъ и его семействомъ отправилась за границу.

29. Какой это рядъ тѣней проходитъ въ очахъ: лица, которыя дѣйствовали силами своими на волнахъ міра,—и дѣйствовали на меня! Все это покойники. Какое кладбище!

30. Можетъ быть, смертію Шувалова потерялъ и я что нибудь въ жизни. При всемъ томъ, гдѣ ни проходили пути мои, во всѣхъ должностяхъ, отъ начала до конца, я почиталъ себя баловнемъ службы [7]). Сто-

[7]) Служба эта и дальнѣйшая жизнь автора намъ неизвѣстны; знаемъ только, что въ послѣдствіи онъ былъ директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. *П. Б.*

итъ замѣтить здѣсь и чудныя для меня встрѣчи въ послѣдствiи. Старшiй сынъ мой, Николай, служа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, вызванъ по себѣ на службу къ начальнику коммиссiи прошенiй, князю Александру Ѳедоровичу Голицыну: это сынъ моего князя-куратора, мною видѣнный на возрастѣ. Я благодарилъ его за сына. Изъ горничныхъ дому того же куратора случайно была няня у меньшихъ дѣтей моихъ. Теперь въ той самой связи дому, гдѣ начально я жилъ за прiѣздомъ, имѣетъ квартиру меньшiй, одинъ мнѣ оставшiйся, сынъ мой Василiй.

1850, Апрѣля 9.
Слободка Шостка,
она же Турановка.

ЛОРДЪ МАЛЬМСБЮРИ О РОССIИ ВЪ ЦАРСТВОВАНIЕ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

Въ Русскомъ Архивѣ за 1866 годъ было помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ большой корреспонденцiи Джемса Гарриса (въ послѣдствiи лорда Мальмсбюри), бывшаго съ 1778 до 1783 года Англiйскимъ посланникомъ при Дворѣ императрицы Екатерины II-ой. Получивъ въ настоящее время возможность познакомиться со всею перепискою этого знаменитаго дипломата, изданною въ четырехъ частяхъ въ Лондонѣ (Richard Bentley, 1845), мы дополняемъ наше прежнее сообщенiе и выбираемъ изъ депешъ его все, что̀ относится до Россiи. Для насъ, Русскихъ, эти депеши весьма любопытны: они явственно представляютъ могущество Русскаго Двора во времена Екатерины II-ой, когда за нами ухаживали всѣ Европейскiя державы, и одна интриговала противъ другой, чтобы только добиться союза съ Россiей. Того же добивался и Джемсъ Гаррисъ. Какъ дипломатъ, передъ средствами онъ не останавливался: ухаживалъ за Панинымъ, Потемкинымъ, Безбородко, льстилъ императрицѣ и придворнымъ, употреблялъ подкупъ и другiя подобныя средства. Но старанiя его не увѣнчались успѣхомъ. Измученный и раздосадованный неудачными хлопотами, онъ раздраженно относился къ Русскому Двору, къ образу жизни императрицы и ея придворныхъ, чего и не слѣдуетъ забывать при его показанiяхъ. Не добившись желаннаго и разстроивъ сѣвернымъ климатомъ здоровье, Джемсъ Гаррисъ уѣхалъ изъ Россiи въ концѣ лѣта 1783 года.

Тѣ отрывки, которые уже были напечатаны въ Р. Архивѣ 1866 года, здѣсь не повторяются; за новые же, теперь печатаемые, мы обязаны признательностью Александру Александровичу Половцову, сообщившему въ Р. Архивъ полный переводъ (съ Англiйскаго) всей переписки лорда Мальмсбюри. *П. Б.*

1.

ИЗВЛЕЧЕНIЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГЕРЦОГА СУФФОЛЬКА МИСТЕРУ ГАРРИСУ.

Сентъ-Джемсъ, 9-го Января 1778 года.

При отъѣздѣ вашемъ изъ Англiи вамъ не было дано предписанiя, по прiѣздѣ въ Петербургъ, заняться переговорами на счетъ союза между Великобританiей и Россiей, мысль о которомъ такъ много занимала вашихъ предшественниковъ и, я увѣренъ, составляетъ до сихъ поръ искреннее желанiе обоихъ Дворовъ. Я скоро узналъ, что г. Мусинъ-Пушкинъ, по возвращенiи своемъ въ Лондонъ, не имѣлъ ни-

какого порученія на этотъ счетъ. И весьма вѣроятно, что молчаніе министровъ обѣихъ державъ имѣло одинаковыя причины: обѣ считали, что общее состояніе дѣлъ во взаимныхъ отношеніяхъ той и другой стороны недостаточно измѣнилось, чтобы устранять тѣ условія, которыя до сихъ поръ препятствовали заключенію договора.

Мусинъ-Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга, прежде чѣмъ Турецкій вопросъ дошелъ до того критическаго оборота, который онъ принялъ въ послѣдствіи, и вашъ отъѣздъ отсюда произошелъ ранѣе, чѣмъ важный и неожиданный перевѣсъ, одержанный колоніями, далъ силу и значеніе ихъ возстанію. Поэтому оба государства теперь въ обстоятельствахъ совершенно различныхъ отъ условій, въ которыхъ они находили нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а естественныя узы, ихъ соединяющія, до того тѣсны, что хитрыя интриги, направленныя противъ одного изъ нихъ, сопровождаются подобными же поступками и по отношенію къ другому. Въ подтвержденіе моихъ словъ, позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на поведеніе Франціи, которая, согласно принятому ею правилу отъискивать косвенныя выгоды черезъ вмѣшательство въ чужія хлопоты, будетъ дѣлить свою благосклонность, если не съ одинаковымъ успѣхомъ, то, повидимому, съ одинаковой искренностью, между Великобританіей и Россіей. Относительно первой она постепенно переходила отъ терпимости незаконной торговли нашихъ непокорныхъ колоній къ поощренію ихъ посѣщеній, къ свободному допущенію ихъ агентовъ; затѣмъ свои гавани въ Европѣ и въ Вестъ-Индіи она обратила въ пріюты пиратовъ и, наконецъ, стала поддерживать возстаніе деньгами, оружіемъ, припасами и даже офицерами.

Въ сношеніяхъ же своихъ съ Россіей Франція замѣтно дѣйствуетъ подъ вліяніемъ того же недоброжелательнаго настроенія. Французскіе агенты, имѣя цѣлью отвлечь вниманіе Порты отъ этой части Европы и отъ ея естественныхъ интересовъ, убѣждаютъ ее нарушить послѣдній мирный договоръ, внушая Турецкимъ министрамъ, что въ случаѣ войны Русскій флотъ будетъ изгнанъ изъ Средиземнаго моря—торжественное намѣреніе, которое должно быть исполнено съ помощью Испаніи. Послѣдняя въ сношеніяхъ своихъ съ нами придерживается той же политики, какъ и Франція, только въ меньшихъ размѣрахъ.

Таково настоящее положеніе Великобританіи и Россіи относительно дома Бурбоновъ; и мнѣ кажется, что я выражусь не слишкомъ сильно, сказавъ, что ихъ общее состояніе довольно серіозно, чтобы выбрать эту удобную минуту для взаимной помощи и вернуться къ мысли о союзѣ между обѣими державами.

Я кратко очертилъ систему дома Бурбоновъ въ связи съ общими интересами его величества и Русской императрицы; но я не могу пройти молчаніемъ образа дѣйствій другаго сильнаго Европейскаго государства, и за это я берусь съ осторожностью, предвидя, что черезъ то можетъ произойти большое затрудненіе въ достиженіи цѣли этой депеши. Король Прусскій, побуждаемый причинами, извѣстными только Потсдамскому кабинету (ежели только онѣ не объяснены въ собственноручной перепискѣ, которую есть основаніе предполагать, съ Диномъ и Франклиномъ) относится къ этому дѣлу весьма недружелюбно.

Вслѣдствіе всѣхъ соображеній, сейчасъ мною вамъ объясненныхъ, предписываю вамъ именемъ его величества держаться той методы, которую подскажетъ вамъ ваша опытность въ дѣлахъ, а равно и пріемъ, оказанный вамъ въ Петербургѣ, чтобы узнать мысли этого Двора насчетъ настоящаго положенія Европы, а также и опредѣлить въ точности, на сколько императрица и ея министры расположены къ заключенію наступательнаго и оборонительнаго союза съ Великобританіей.

Если Россія не откликнется на мысль о союзѣ при настоящихъ обстоятельствахъ страны и особенномъ положеніи обѣихъ державъ,

признаюсь, я не предвижу, когда бы то ни было, болѣе удобнаго случая къ подобному союзу.

Слѣдующее извлеченіе изъ Записокъ Фридриха Великаго, писанныхъ имъ самимъ и напечатанныхъ въ Берлинѣ два года послѣ его смерти, объясняютъ нерасположеніе его къ Великобританіи во всѣ послѣдніе годы его царствованія.

„Образъ дѣйствій Англіи къ концу послѣдней войны нарушилъ нашъ союзъ съ нею. Отдѣльно заключенный ею миръ съ Франціей, переговоры, въ которые она вступила съ Россіей—съ цѣлью поссорить меня съ императоромъ Петромъ III; дружелюбныя попытки, сдѣланныя ею Вѣнскому Двору, чтобы пожертвовать ему моими выгодами, всѣ эти безчестные поступки, разорвавъ узы, связывавшія меня съ Великобританіей, оставили меня послѣ общаго мира одинокимъ и безъ союзниковъ въ Европѣ“.

2.

ОТЪ ГАРРИСА КЪ ВИЛЬЯМУ ЭДЕНУ.

Петербургъ, 5-го Января 1778.

Я уже былъ приготовленъ къ торжественности и великолѣпію здѣшняго Двора, но дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія; прибавьте къ этому полнѣйшій порядокъ и строгое соблюденіе этикета. Сама императрица обладаетъ въ высшей степени умѣньемъ ласково снисходить ко всякому, кого удостоиваетъ разговоромъ, ни мало не теряя при этомъ своего достоинства. Характеръ ея отражается во всей администраціи; и хотя ей безпрекословно повинуются, но она ввела въ управленіе мягкость, неизвѣстную странѣ до ея царствованія.

Характеръ Панина, ея перваго министра, такъ хорошо извѣстенъ, что я не считаю нужнымъ объ немъ распространяться. Ко мнѣ онъ вѣжливъ до крайности, и въ домѣ его я постоянно нахожу самый радушный пріемъ. Иностранные министры здѣсь немногочисленны; между ними я нашелъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ, и всѣ они приняли меня, какъ нельзя лучше.

Послѣ первой моей аудіенціи я уже нѣсколько разъ былъ при Дворѣ, и всякій разъ ея императорское величество отличала меня своимъ вниманіемъ. На дняхъ выходъ былъ отмѣненъ два утра сряду по причинѣ нездоровья императрицы, которое иногда въ ея годы принимаетъ опасный характеръ, но не сопровождается никакими признаками, которые бы тревогу пробуждали.

Мистрисъ Гаррисъ и моя сестра не могли явиться ко Двору тотчасъ по пріѣздѣ: весь ихъ гардеробъ погибъ, вслѣдствіе нерадѣнія капитана, на кораблѣ котораго пришли сундуки. Подобная потеря весьма чувствительна въ странѣ, гдѣ предметы такого рода дороги и рѣдки; особенно же въ минуту, когда праздники, по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича, усиливаютъ требованія на этотъ товаръ.

3.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 26 Января (6-го Февраля) 1778.

Я два раза говорилъ съ графомъ Панинымъ. Я коснулся предмета со всевозможной осторожностью, однако, кажется, съ должною откровенностью и убѣжденіемъ. Онъ оказался нисколько не приготовленнымъ къ такому объясненію. Очевидно, это удивило его, но нельзя опредѣлить, понравилось ли ему. Онъ спросилъ меня, имѣю ли я на этотъ счетъ какія-нибудь предположенія. Я отвѣчалъ: „наша взаимная честь и наши взаимныя выгоды—вотъ предполагаемыя великія цѣли; взвѣсивъ ихъ, а также принявъ во вниманіе настоящее критическое положеніе обѣихъ имперій, въ виду послѣдствій этого кризиса не трудно будетъ начертать общія условія договора“.

Я еще слишкомъ недавно пріѣхалъ, чтобы сойтись съ кѣмъ нибудь, на кого бы могъ положиться, и мнѣ слишкомъ хорошо извѣстенъ характеръ этого народа, чтобы довѣриться предложеніямъ дружбы или услугъ. Поэтому

я сознавалъ, что еслибы, передавая императрицѣ мысли его величества и узнавая ея собственныя убѣжденія на этотъ счетъ, я обратился за чьей-нибудь посторонней помощью, я рисковалъ бы испытать измѣну, которая заслужила бы мнѣ названіе безчестнаго интригана; а въ тоже время полная неудача въ исполненіи возложеннаго на меня порученія навлекла бы на меня справедливое неудовольствіе его величества. Къ тому же очевидно, что никто, кромѣ графа Панина, не имѣетъ передъ императрицей голоса въ разсужденіяхъ объ иностранныхъ дѣлахъ; остальныя приближенныя къ ней лица касаются только раздачи почестей и служебныхъ должностей. Правда, насчетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно бы предполагать, что, имѣя свободный доступъ къ лицу императрицы и пользуясь ея особой благосклонностью, они могли бы иногда имѣть на нее вліяніе; но они выбраны изъ среды людей совершенно чуждыхъ дѣламъ политическимъ и даже всякому серіозному о нихъ размышленію; къ тому же они такъ щедро обезпечены царственной покровительницей, что невозможно привлечь ихъ на свою сторону съ помощью даже самыхъ крупныхъ суммъ.

Поэтому прямое обращеніе къ графу Панину казалось мнѣ единственнымъ, открытымъ для меня путемъ. Поступая такимъ образомъ, я старался какъ можно болѣе согласоваться съ характеромъ этого человѣка. Прекрасное сердце, великое тщеславіе и чрезвычайная безпечность составляютъ отличительныя черты его. Кромѣ того, онъ необыкновенно какъ желаетъ казаться прямымъ и откровеннымъ, а при разсужденіи о дѣлахъ тщетно стремится принять на себя все достоинство, подобающее главному министру страны, по его мнѣнію, первой во всемъ свѣтѣ. Я не отдалъ бы ему должной справедливости, еслибы забылъ упомянуть, что онъ недоступенъ для подкупа [1]) и что вездѣ, гдѣ ему случается дѣйствовать одному, поступки его безукоризненно честны.

Будучи убѣжденъ въ его сочувствіи къ королю Прусскому и въ особомъ вниманіи, съ которымъ онъ относится ко всѣмъ мыслямъ короля, я хорошо зналъ, что найду его предубѣжденнымъ противъ насъ, вслѣдствіе фальшивыхъ понятій, распространенныхъ о насъ въ Берлинѣ; а потому, касаясь съ нимъ этого предмета, мнѣ слѣдовало прежде налегать на прочность нынѣ принимаемыхъ мѣръ и на возбужденное состояніе націй. Мнѣ также было извѣстно, что, осуждая его Прусское величество, я съ первыхъ же шаговъ лишилъ бы себя возможности успѣха, и что всякое рѣзкое выраженіе на его счетъ не только бы дало перевѣсъ его низкимъ извѣтамъ противъ насъ, но, вслѣдствіе полной довѣренности и высокаго мнѣнія, которое они здѣсь имѣютъ о немъ, слова мои до нѣкоторой степени отразились бы и на моихъ сношеніяхъ. Какъ бы ни была моя рѣчь правдива и искренна, весьма мало вѣроятія, чтобы она нашла доступъ къ уму, не особенно твердому и ослѣпленному самолюбіемъ.

4.

Петербургъ, 30 Янв. (10 Февр.) 1778.

Если не ошибаюсь, смыслъ даннаго мнѣ предписанія былъ таковъ: узнать при здѣшнемъ Дворѣ, на сколько онъ расположенъ къ заключенію съ нами наступательнаго и оборонительнаго союза. Еслибы это расположеніе оказалось благопріятнымъ, мнѣ слѣдовало бы вступить въ переговоры по этому дѣлу; въ противномъ же случаѣ надо было уклониться отъ этого предмета, не оставивъ дурныхъ впечатлѣній и не допустивъ возникновенія вредныхъ послѣдствій отъ благихъ намѣреній.

Въ первомъ и, правда, единственномъ разговорѣ, который имѣлъ я съ графомъ Панинымъ передъ пріѣздомъ Росселя, на счетъ предметовъ политическихъ, говоря о Дворахъ Лондонскомъ и Петербургскомъ, онъ употребилъ слѣдующія выраженія: „у насъ съ ва-

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что Фридрихъ Великій платилъ ему лучше, чѣмъ бы то было возможно для другихъ. *Примѣчаніе Англійскаго издателя.* Конечно это выдумка. *П. Б.*

ми тѣже интересы, тѣже несчастія и тѣже враги". Вслѣдствіе этого мнѣ показалось, что удобнѣе всего коснуться дѣла, опираясь на его собственное изреченіе. Поэтому, входя въ его кабинетъ, я объяснилъ, что не извиняюсь за свое появленіе въ непоказанный часъ, такъ какъ предметъ, о которомъ я хочу завести съ нимъ рѣчь, не только самъ по себѣ важенъ, но, судя по чувствамъ, лично имъ заявленнымъ (тутъ я повторилъ его слова), окажется ему весьма пріятнымъ и т. д. Далѣе я высказалъ, что, вслѣдствіе этихъ соображеній и еще другихъ, которыя было бы слишкомъ долго перечислять, по моему мнѣнію, наступила рѣшительная минута для упроченія связи между обоими Дворами посредствомъ наступательнаго и оборонительнаго союза; что вслѣдствіе этого я имѣлъ предписанія узнать мысли ея величества на этотъ счетъ, что̀, по моему, я не могъ исполнить болѣе вѣрнымъ и подобающимъ способомъ, какъ обратившись искренно и правдиво къ его превосходительству.

Онъ выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ и, какъ я замѣтилъ по его взгляду и по его словамъ, былъ очень удивленъ моею рѣчью. Не будучи вовсе приготовленъ къ этому предложенію, онъ отвѣчалъ мнѣ, что не можетъ разсуждать объ немъ тотчасъ же; что пока онъ властенъ только увѣрить меня, что императрица будетъ весьма чувствительна къ этому доказательству дружбы его величества. Онъ выразилъ также надежду, что насчетъ его личныхъ воззрѣній въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть и сомнѣнія и т. д. Онъ обѣщалъ мнѣ видѣться съ императрицей при первой возможности, чтобы передать ей мои слова. На этомъ окончился нашъ первый разговоръ. На слѣдующій день, найдя случай поговорить съ графомъ Панинымъ прежде его свиданія съ императрицей, я подкрѣпилъ то, что̀ уже высказалъ наканунѣ, прибавивъ, что мы руководимся не узкими видами и потребностями данной минуты, но что великая цѣль наша есть постоянная и взаимно-выгодная система упроченія тѣснѣйшаго союза и что мнѣ было предписано обратиться къ нему съ извѣстнымъ ему предложеніемъ вслѣдствіе предпочтенія всего нашего народа къ союзу именно съ Россіею и вслѣдствіе взаимнаго сочувствія обѣихъ державъ и ихъ министровъ.

Протекло три дня, а новаго ничего не происходило; но въ воскресенье во дворцѣ графъ Панинъ провелъ меня въ комнаты великаго князя и имѣлъ тамъ со мною разговоръ, который я имѣю честь передать вамъ, милордъ, чтобы вы узнали всю его рѣчь, именно въ томъ видѣ, въ какомъ она была высказана. Я записалъ ее и подвергнулъ разсмотрѣнію графа Панина. Онъ ее поправилъ.

Вчера утромъ, послѣ пріема при Дворѣ его высочества великаго князя, графъ Панинъ сдѣлалъ мнѣ честь, сказавъ, что онъ передалъ ея императорскому величеству все, что̀ я ему сообщилъ въ двухъ послѣдовательныхъ разговорахъ на счетъ наступательнаго и оборонительнаго союза между обѣими державами.

Вотъ приблизительно выраженія, какія употребилъ этотъ министръ. Онъ сказалъ, что императрица очень чувствительно отнеслась къ этому доказательству дружбы короля, что ея личное уваженіе къ особѣ его величества, также какъ и расположеніе ея къ Англійскому народу, оставались неизмѣнными. Она сознавала, что выгоды обѣихъ державъ, какъ въ отношеніи торговли, такъ и въ отношеніи политики, были такъ тѣсно связаны между собой, что нельзя было нанести удара величію одной изъ нихъ безъ того, чтобы и другая не пострадала. Съ такими чувствами и будучи вполнѣ убѣждена въ совершенной взаимности короля, она не можетъ отказаться отъ предполагаемаго союза; но относительно дальнѣйшихъ условій, по ея мнѣнію, въ такомъ важномъ дѣлѣ необходимо было принять во вниманіе всѣ обстоятельства, не зная которыхъ она не можетъ разсуждать о ближайшихъ подробностяхъ. Очевидно, что въ настоящемъ положеніи обоихъ Дворовъ много соотношенія; но смуты, угрожающія имъ, еще недостаточно опредѣли-

лись, чтобы можно было предвидѣть ихъ исходъ. Къ тому же со времени отъѣзда моего Лондонскаго курьера, внезапная смерть курфирста Баварскаго подала поводъ къ несогласіямъ въ Германіи, и хотя въ эту минуту заявленія всѣхъ державъ, заинтересованныхъ въ этомъ наслѣдствѣ, были мирнаго свойства, но невозможно было рѣшить, каковы будутъ послѣдствія. По этой причинѣ и во избѣжаніе неудобствъ, могущихъ произойти въ случаѣ, еслибы мы вступили въ переговоры, не объяснившись предварительно между собою, ея императорское величество желала бы прежде всего узнать вполнѣ наши мысли на счетъ настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ, систему, принятую нами вслѣдствіе этихъ мыслей, и, кромѣ этого, объясненіе, которое бы она приняла, какъ знакъ особой довѣренности короля; она желала бы тоже получить отъ насъ проэктъ условій оборонительнаго союза. Императрица прибавила, что произноситъ слово только „оборонительный" не потому, чтобы не желала заключить самый крѣпкій союзъ между обѣими державами, но что со времени своего вступленія на престолъ она подписывала только договоры о союзахъ оборонительныхъ, и что слово „наступательный" внушаетъ ей отвращеніе.

Вотъ, милордъ, вѣрный отчетъ о томъ, что̀ его превосходительство передалъ мнѣ отъ имени ея императорскаго величества. Теперь мнѣ остается только сообщить вамъ то, что́ его превосходительство прибавилъ отъ своего лица.

Онъ увѣрилъ меня самымъ настойчивымъ образомъ въ искреннемъ желаніи ея величества содѣйствовать окончательной обработкѣ плана, который онъ ей представилъ, объяснивъ, что только вслѣдствіе этого намѣренія императрица выразила желаніе узнать ближе наши мысли на счетъ общей системы, нашего настоящаго положенія относительно этой системы и наконецъ на счетъ политики, которой мы намѣреваемся держаться въ будущемъ. Тогда, принимая во вниманіе наши мнѣнія, она могла бы соображаться съ ними съ полнымъ знаніемъ дѣла и содѣйствовать самымъ дѣйствительнымъ образомъ взаимной выгодѣ обѣихъ державъ. Говоря объ общей Европейской системѣ, его превосходительство замѣтилъ, что, по его мнѣнію, есть соображенія болѣе важныя для Англіи по мѣстнымъ условіямъ ея положенія, которыхъ нѣтъ въ Россіи, и что политика Россіи и участіе ея должны непремѣнно зависить отъ ея особенныхъ интересовъ въ сѣверной системѣ.

5.

Петербургъ, 30-го Января 1778.

Вчера вечеромъ, сравнивая вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ то, что́ я собирался вамъ писать съ тѣмъ, что̀ онъ говорилъ мнѣ наканунѣ, я воспользовался случаемъ разобрать съ нимъ почти всякую фразу отдѣльно. Поэтому я не опасаюсь неправильно передать вамъ отвѣтъ ея императорскаго величества на мое предложеніе, высказанное ей ея министромъ. Онъ согласился со всѣмъ и нѣсколько разъ повторилъ мнѣ, что я выразилъ мысли императрицы съ величайшею точностью. Могу смѣло сказать тоже самое относительно послѣдней части письма, которая близко касается его собственнаго взгляда на союзъ; и, если его разсужденія на этотъ счетъ менѣе ясны, я могу оправдаться тѣмъ, что слова, ихъ выражающія, были продиктованы имъ самимъ.

Изъ словъ его я понялъ, что, по его мнѣнію, говоря вообще, интересы Англіи и Россіи тѣсно связаны между собой; но что, если допускать случайности, то могутъ возникнуть обстоятельства, которыя будутъ касаться Англіи, по причинѣ ея положенія, гораздо ближе, чѣмъ Россіи, и въ нихъ Россія не можетъ принимать участія, вслѣдствіе интереса, извлекаемаго ею поддержаніемъ сѣверной системы въ томъ видѣ, какъ она есть. Записавъ его слова, я высказалъ его превосходительству, что, по мнѣнію моему, подобныя обстоятельства не предвидятся, такъ какъ, очевидно, наши желанія совпадали съ главною задачею сѣверной системы сопротивляться

семейному трактату; что поэтому также мало вѣроятія, чтобы мы когда-нибудь очутились въ положеніи дѣйствовать по выбору или по необходимости противъ правилъ сѣверной системы, какъ не вѣроятно и то, чтобы мы подписали условія упомянутаго договора. Но я прибавилъ (предполагая, что его величеству угодно будетъ поддерживать сѣверную систему, о которой упоминалъ его превосходительство) что какъ бы ни были и императрица, и ея министры убѣждены въ важности нашего содѣйствія этому дѣлу, я далеко не былъ увѣренъ, чтобы мы не встрѣтили отрицательнаго голоса отъ державы, пользующейся большимъ вліяніемъ въ этой части Европы. Я постарался заявить это соображеніе какъ можно осторожнѣе, высказывая его, какъ фактъ, но не какъ упрекъ. Однако это сдѣлало сильное впечатлѣніе на графа Панина, который (хотя вообще онъ самый спокойный человѣкъ на свѣтѣ) схватилъ меня за руку и произнесъ слѣдующія сильныя выраженія: „Вы описали меня „вашему министерству, какъ человѣка честна„го и откровеннаго; хочу оправдать это мнѣ„ніе въ вашихъ глазахъ, и потому объявляю „вамъ торжественно и даю вамъ въ томъ мое „честное слово: руки императрицы ничѣмъ не „связаны; отъ нея зависитъ нарушить при„нятыя обязательства и составить новыя; и „во всемъ, и всегда она руководится только „собственными убѣжденіями, имѣя въ виду „только благосостояніе своей имперіи“.

Я отвѣчалъ, что мнѣ было особенно пріятно слышать все высказанное его превосходительствомъ, что слова его разсѣяли много сомнѣній, являвшихся мнѣ и чрезвычайно меня успокоивали. „Какъ! живо воскликнулъ онъ, неужели вы могли предполагать, что мы даемъ собой руководить?“ Я отвѣчалъ, что тамъ, гдѣ я пробылъ послѣднія пять лѣтъ [2]), я такъ много слышалъ о степени вліянія этого монарха на Русскій Дворъ, и слухъ этотъ былъ такъ распространенъ, что невольно я привыкъ ему вѣрить. Тутъ графъ Панинъ еще разъ повторилъ то, что уже было имъ высказано: сознался, что онъ авторъ настоящей сѣверной системы; сказалъ, что, разумѣется, ему извѣстны самыя сокровенныя ея нити, и снова чуть не съ клятвою подтвердилъ независимость ея императорскаго величества, объявляя, что ей не нужны ничьи совѣты или позволенія, чтобы вступать въ отношенія, какія ей заблагоразсудятся. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я передалъ его мысли вамъ, милордъ, и при этомъ увѣрилъ меня, что я увѣрюсь въ ихъ безукоризненной правдивости при дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ.

2) Джемсъ Гаррисъ съ 1771 до 1775 г. былъ Англійскимъ посланникомъ при дворѣ Фридриха Великаго.

6.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ ВИЛЬЯМУ ЭДЕНУ.

Петербургъ, 2-го Февраля 1778.

Въ день пріѣзда Росселя, я ѣхалъ въ саняхъ по улицамъ города вмѣстѣ съ Испанскимъ министромъ, и онъ, правя лошадью, наѣхалъ на дышло проѣзжавшей кареты и съ такой силой, что я получилъ двѣ большихъ царапины на шею и одну на губу; правый бокъ мой былъ также порядочно помятъ, и я былъ въ опасности потерять употребленіе и рукъ, и языка въ ту самую минуту, когда они мнѣ были такъ нужны. Однако, такъ какъ я тотчасъ же вымылъ свои раны (онѣ почти заслуживаютъ этого названія) водкою съ водою и не допустилъ вмѣшательства докторовъ, то на слѣдующій день я уже былъ въ состояніи отправиться къ Панину, и теперь у меня осталось только два рубца на шеѣ. Разсказываю вамъ этотъ случай не какъ фактъ, заслуживающій вашего вниманія, а потому, что по поводу онаго ея императорское величество прислала ко мнѣ начальника полиціи съ тѣмъ, чтобы я помогъ ему отъискать кучера, замѣшаннаго въ это дѣло, и чтобы онъ подвергся наказанію. Съ тѣхъ поръ императрица издала указъ, которымъ запрещается скорая ѣзда по улицамъ. Указъ и на-

казаніе должны бы прежде всего отразиться на г. Ласи (Испанскомъ министрѣ), такъ какъ вся вина на его сторонѣ: тщеславіе его доходитъ до увѣренности, что онъ все дѣлаетъ прекрасно, и постоянныя насмѣшки надъ его искусствомъ въ управленіи лошадьми составляютъ для него наказаніе, можетъ быть, не менѣе строгое, чѣмъ бы оказался кнутъ для бѣднаго кучера, если бы я хотѣлъ его отъискивать.

Я провелъ здѣсь слишкомъ мало времени, чтобы точно опредѣлить характеры первыхъ членовъ Двора и здѣшняго высшаго общества. Большая пышность и небольшая нравственность, кажется, распространены во всѣхъ классахъ; лесть и раболѣпство характеризуетъ нисшій слой общества, самонадѣянность и гордость—высшій. Легкій, но яркій лоскъ покрываетъ самые неразвитые и необразованные умы. Ихъ увеселенія, убранство ихъ комнатъ и количество прислуги имѣютъ вполнѣ Азіатскій характеръ и, что́ весьма странно, хотя можетъ быть и весьма естественно, не смотря на то́, что они во всемъ подражаютъ иностранцамъ и не имѣютъ (я говорю о высшемъ обществѣ) ни въ нравахъ, ни въ характерѣ ничего собственнаго, однако, говоря вообще, иностранецъ, появляясь между ними, бываетъ худо принятъ. Впрочемъ, лично самъ я далеко не могу на это пожаловаться, такъ какъ со мною, съ женой и сестрой моей они обошлись какъ не льзя любезнѣе.

Сколько я могъ понять, есть уже Персидскій кандидатъ на случай отставки Зорича; но не могу ничего сказать объ немъ, такъ какъ я лично съ нимъ не знако́мъ. Зоричъ приготовленъ къ своей отставкѣ, но я слышалъ, что онъ намѣревается потребовать отчета у своего преемника. „Знаю, что мнѣ придется взлетѣть на воздухъ; но клянусь, я отрѣжу уши тому, кто займетъ мое мѣсто.“ Это были слова его на дняхъ въ разговорѣ объ этомъ предметѣ.

7.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 2-го Февраля 1778.

Настоящій любимецъ, Зоричъ, кажется, впадаетъ въ немилость. Онъ получилъ и растратилъ огромное состояніе; но, что̀ весьма похвально въ лицѣ столь высоко поставленномъ, онъ употреблялъ свое вліяніе только на добро, выдвигая всѣхъ тѣхъ, кого считалъ забытыми. Вѣроятно, Потемкинъ будетъ посланъ для отъисканія новаго любимца, и я слышалъ (хотя не могу ручаться за достовѣрность этого слуха), что у него уже есть на примѣтѣ нѣкто Архаровъ, начальникъ Московской полиціи [3]). Графъ Орловъ неразлученъ съ своею новою женою. Она капризна, упряма и очень молода. Онъ все еще въ большой милости, но не старается ею пользоваться, и я боюсь, что, вслѣдствіе его лѣности, никакая побудительная причина не заставитъ его принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ.

8.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА КЪ ІОСИФУ ІОРКУ ВЪ ГАГУ.

Петербургъ, 2-го Февраля 1778.

Эта страна, т. е. Россія, въ то самое время, какъ считаетъ себя на высотѣ славы и политическаго величія, переживаетъ едвали не самый опасный кризисъ, какой только приходилось ей испытать; однако, рѣдкое счастіе императрицы вмѣстѣ съ ея рѣшимостью могутъ восполнить много недостатковъ и замѣнить искусныхъ полководцевъ и опытныхъ государственныхъ людей. Самые сильные враги ея—это лесть и ея собственныя страсти; она никогда не остается глуха къ первой, какъ бы она ни была преувеличена; наклонность ея удовлетворять послѣднимъ съ годами только усиливается.

---

[3]) Въ письмѣ къ Вильяму Эдену Джемсъ Гаррисъ такъ характеризуетъ Архарова: «человѣкъ среднихъ лѣтъ, пріятной наружности, хотя болѣе похожій на Геркулеса, чѣмъ на Аполона».

Они, т. е. власти, тѣшатъ себя и общество надеждою войти въ сношеніе съ Портою. Но, по моему мнѣнію, они не имѣютъ никакихъ основаній для этихъ надеждъ, кромѣ того только, что курьеръ ихъ долго не привозилъ ультиматума изъ Константинополя. Между тѣмъ Турки снаряжаютъ многочисленный флотъ на Черномъ морѣ и принимаются за составленіе регулярной арміи съ такою дѣятельностью, какой еще никогда до сихъ поръ не выказывали въ этомъ.

Вліяніе короля Прусскаго существуетъ здѣсь въ полной силѣ; подорвать его значитъ убѣдить глухаго слушать голосъ очарователя, какъ бы искусно онъ ни очаровывалъ. Однако, мы должны преодолѣть это, прежде чѣмъ достигнуть какого бы то ни было успѣха.

Дворъ остается вѣренъ своимъ привычкамъ: великая расточительность и привычка всякое дѣло откладывать и затягивать— вотъ чѣмъ заражены всѣ отъ перваго до послѣдняго. Великій князь и великая княгиня находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ между собою, представляя тѣмъ примѣръ, котораго не имѣютъ и который не находитъ подражателей.

Мнѣ предстоитъ дѣло весьма щекотливаго свойства и, хотя я не отчаяваюсь, однако вижу значительный перевѣсъ, который имѣютъ надо мной мои противники. Много будетъ зависѣть отъ хода дѣлъ въ Америкѣ, а также отъ переворота, который можетъ быть причиненъ въ Европѣ вопросомъ о спорномъ наслѣдствѣ.

9.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 13-го Февраля 1778.

Признаюсь, болѣе вслѣдствіе желанія исполнить въ возможной точности данныя мнѣ предписанія, чѣмъ въ надеждѣ на успѣхъ, я перепробывалъ всѣ средства, чтобы возбудить въ этомъ Дворѣ сознаніе его истинныхъ интересовъ, открывая ему для этого всѣ окружающія ихъ опасности, которыя, въ случаѣ, если они не прибѣгнутъ къ своимъ естественнымъ союзникамъ, грозятъ если не разрушить, то по крайней мѣрѣ поколебать самыя основанія ихъ имперіи. Однако, глубокое убѣжденіе императрицы въ своей непобѣдимости, нерадѣніе ея министровъ и разсѣянный образъ жизни тѣхъ, кто особенно къ ней близокъ, а больше всего мысль, глубоко въ нихъ запавшая, что мы нуждаемся въ нихъ больше, чѣмъ они въ насъ, все это вмѣстѣ дѣлаетъ всѣ мои попытки безуспѣшными и, пока не почувствуютъ удара, они никогда не убѣдятся, что крайне ошибались въ своихъ мысляхъ, какъ на счетъ собственнаго положенія, такъ и на счетъ остальныхъ Европейскихъ державъ.

10.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ РОБЕРТУ МУРЕЮ КЕЙТУ [4]) ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 27-го Февраля 1778.

Война между Россіей и Портой, кажется, неизбѣжна. Изъ того, что́ мнѣ удалось слышать, я вывелъ заключеніе, что они скорѣе приписываютъ это проискамъ Вѣнскаго Двора, чѣмъ Франціи; не то, чтобы они разсчитывали на дружеское расположеніе Версальскаго Двора, но они считаютъ вліяніе его въ Константинополѣ уменьшеннымъ. Здѣсь приготовленія къ войнѣ идутъ вяло, между тѣмъ какъ Турки дѣйствуютъ въ большихъ размѣрахъ и энергичнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Здѣсь полное затишье въ дѣлахъ; выжидаютъ, чтобы дѣла въ Германіи приняли рѣшительный оборотъ; ежели они окончатся спокойно — не воспослѣдуетъ никакой политической перемѣны; въ противномъ же случаѣ я полагаю, что великія Европейскія державы раздѣлятся почти на ровныя части, и тогда потребовались бы не человѣческій умъ, сила и рѣшительность, чтобы избѣжать войны.

Предпочтеніе, оказываемое здѣсь королю Прусскому, сохраняетъ полную силу; и ежели онъ только ихъ не обманываетъ, то зная его

[4]) Англійскій посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ.

мысли, вы можете угадать и намѣренія Россіи. Австрійскому министру оказываются всевозможныя знаки уваженія и вниманія, но въ тоже время здѣсь завидуютъ этой державѣ и недовѣряютъ ея искренности. Данія, кажется, ихъ заклятый врагъ. Швеція занимаетъ ихъ меньше, чѣмъ въ прежнее время, и всякія мысли на счетъ возстановленія прежняго правительства, повидимому, отложены въ сторону, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

Что́ касается до насъ, хотя они не относятся къ намъ, какъ бы слѣдовало, и забыли услуги, нами имъ оказанныя, но такъ какъ снова и весьма скоро имъ можетъ понадобиться наша поддержка, то мнѣ кажется, что они теперь ближе къ намъ, чѣмъ были во все время послѣ заключенія мира; и я нахожу, что если въ слѣдствіе настоящаго опыта или какихъ бы ни было постороннихъ причинъ мы бы желали тѣснѣе съ ними сблизиться, весьма вѣроятно, что это было бы не трудно исполнить [5]).

11.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 18 Марта 1778 г.

Кромѣ великолѣпныхъ праздниковъ, данныхъ дворянствомъ по случаю послѣдняго [6]) радостнаго событія (скажу между прочимъ, что пиръ, данный княземъ Потемкинымъ, стоилъ 50,000 рублей), императрицѣ угодно было устроить въ теченіе масляницы праздникъ, который великолѣпіемъ и изяществомъ превзошелъ все, что̀ можно придумать въ этомъ родѣ. За ужиномъ дессертъ подавался на драгоцѣнныхъ блюдахъ, сверкавшихъ каменьями, на сумму до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. А во время игры въ макао (игра очень распространенная здѣсь въ эту минуту), кромѣ денежнаго выигрыша, брилліантъ, цѣною въ 50 р., выдавался ея императорскимъ величествомъ всякому, кто имѣлъ „девять“ (высшая цифра, достигаемая въ этой игрѣ). Такимъ образомъ были розданы сто пятьдесять брилліантовъ. Никто, кромѣ Русскихъ высшихъ фамилій, не былъ приглашенъ на этотъ разъ; но нѣсколько дней спустя, иностранцамъ и другимъ лицамъ было показано это великолѣпное собраніе драгоцѣнныхъ камней, равно замѣчательныхъ какъ по красотѣ рисунка, такъ и по цѣнности матеріаловъ.

12.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ ГЮГУ ЭЛЛІОТУ ВЪ БЕРЛИНЪ.

Петербургъ, 20-го Марта 1778.

Здѣсь всѣ подражаютъ Французамъ въ одеждѣ, нравахъ и манерахъ; исключеніе остается только за самой императрицей, да еще за графомъ Панинымъ; впрочемъ и они обращаютъ больше противъ прежняго вниманія на вкрадчивую политику этой націи. Необыкновенная лѣность и разсѣянная жизнь министра дѣлаетъ его готовымъ во всякое время вѣрить всему, что̀, оставляя его въ покоѣ, избавляетъ его отъ хлопотъ. А императрица, будучи невообразимо-тщеславна, охотно вѣритъ всему, что̀ кажется ей согласнымъ съ ея величіемъ и силою. Удаленное положеніе Русскихъ заставляетъ ихъ забывать причину, когда слѣдствіе еще ощущается; и хотя въ продолженіи этого царствованія уже произошло нѣсколько фактовъ, которые должны были открыть имъ глаза на ихъ положеніе, но ихъ легковѣрность остается въ той же степени. Поэтому они принимаютъ весьма благосклонно дружескія предложенія Французскаго министра; и хотя не думаю, чтобы они допустили Французовъ стать посредниками въ мирныхъ переговорахъ съ Турками, однако министръ Бурбоновъ забралъ при здѣшнемъ Дворѣ силу гораздо больше того, чѣмъ бы слѣдовало. Между тѣмъ графу Панину, да и не ему одному, а даже лицамъ, имѣющимъ меньше его возможности получать точныя свѣдѣнія, должно быть хорошо извѣстно, что между Фран-

[5]) Слишкомъ горько ошибся въ своихъ разсчетахъ Англійскій дипломатъ.

[6]) Рожденіе в. кн. Александра Павловича 12 Дек. 1777 г.

цузскими министрами и графомъ Кауницемъ [7]) существуетъ величайшая дружба, что они въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою и, вѣроятно, за ранѣе сговариваются насчетъ принимаемаго ими образа дѣйствій. Въ тоже время графу Кауницу, не смотря на многократныя и публичныя заявленія здѣшняго Двора противъ дѣйствій Вѣнскаго, оказывается величайшая внимательность; и такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что онъ не могъ заслужить этого предпочтенія личными своими качествами, остается приписать ихъ причину лести, которую ему предписано употреблять въ исполненіи своихъ обязанностей. Графъ Сольмсъ съ завистью смотритъ на это поведеніе, жалуется на недостатокъ вниманія къ нему, на то, что они оставляютъ его дѣла неоконченными, его письма не отвѣченными. Все это побуждаетъ его опасаться, что вліяніе его повелителя здѣсь слабѣетъ, что̀ впрочемъ, по моему мнѣнію, невѣроятно. Я продолжаю усердно ухаживать и за императрицею, и за графомъ Панинымъ и не имѣю никакого повода жаловаться на ихъ обращеніе со мной. Императрица обыкновенно приглашаетъ меня играть съ нею въ карты, и хотя большая часть ея разговора относится къ графамъ Кауницу и Ласи, но кое-что выпадаетъ и на мою долю. Графа Панина я вижу ежедневно. Убѣдившись, что ничто кромѣ необходимости не откроетъ имъ глазъ, я постоянно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ налегаю на настоящее критическое положеніе Европы, выставляю на видъ опасность войны, которая загорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно, на необходимость пустить въ ходъ систему, имѣющую цѣлью отвратить эти опасности или противодѣйствовать имъ, когда они наступятъ.

13.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 30 Марта 1778.

Графъ Панинъ отвелъ меня въ свой кабинетъ и сообщилъ мнѣ, что Французскіе министры въ Вѣнѣ и въ Гагѣ оффиціально объявили, что ихъ Дворъ согласился признать независимость Американцевъ; и хотя они еще не говорили о заключеніи между собой договора, однако и не скрывали, что это дѣло въ ходу.

Далѣе графъ Панинъ прибавилъ, что по письмамъ, полученнымъ имъ изъ Гамбурга, онъ узналъ, что лордъ Стормонтъ [8]) получилъ предписаніе вернуться на родину и что война между Франціей и Англіей была неизбѣжна. Всѣ эти новости, какъ сказалъ онъ мнѣ, были получены имъ изъ Риги съ курьеромъ, который привозитъ его письма скорѣе почты. Я отвѣчалъ ему, что такъ какъ еще не получалъ никакихъ извѣстій, то не могу ни подтвердить, ни опровергнуть факта, имъ разсказаннаго; что въ случаѣ, если это справедливо, то это слѣдуетъ принять, какъ предостереженіе на счетъ того, что не слѣдуетъ много полагаться на обѣщанія и увѣренія Версальскаго Двора; и что, ежели они такъ грубо нарушили слово, данное намъ, нельзя ожидать, чтобы они поступили честнѣе по отношенію къ другимъ. Съ этимъ графъ Панинъ согласился, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ умъ его наконецъ запало сомнѣніе на счетъ искренности Франціи въ настоящихъ дѣлахъ. Однако, я все еще ожидаю большихъ затрудненій на моемъ пути; очевидно, что они захотятъ воспользоваться нашимъ положеніемъ и, въ случаѣ, если они вступятъ съ нами въ союзъ, предпишутъ самыя тягостныя условія. А между тѣмъ ихъ собственное состояніе далеко не цвѣтущее: они не имѣютъ никакого основанія надѣяться на помощь тѣхъ державъ, которыя предлагаютъ свои услуги Портѣ.

14.

Петербургъ, 3-го Апрѣля 1778.

Нѣсколько часовъ послѣ моего письма къ вамъ получилъ я ваше, содержащее въ себѣ не-

[7]) Впослѣдствіи первый министръ Австріи.

[8]) Лордъ Стормонтъ, Англійскій министръ при Французскомъ Дворѣ, а въ послѣдствіи статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ.

обыкновенное объявленіе [9]), сдѣланное 13-го Марта государственному секретарю его величества по дѣламъ южныхъ департаментовъ; а вчера, поздно вечеромъ, я имѣлъ честь получить ваши депеши, милордъ, изъ которыхъ я узналъ посланіе короля къ обѣимъ палатамъ и ихъ прекрасные адресы въ отвѣтъ на этотъ несправедливый и ничѣмъ неизвиняемый поступокъ Французскаго Двора.

Исполняя желаніе ваше, милордъ, я тотчасъ же сообщилъ содержаніе этихъ бумагъ Русскому министру, который (я не сомнѣваюсь) видитъ въ истинномъ свѣтѣ полныя достоинства дѣйствія его величества въ этихъ обстоятельствахъ и разсматриваетъ эту поспѣшную и ничѣмъ не вызванную со стороны нашей мѣру, какъ новое доказательство ихъ безпокойнаго характера, которое такъ часто, навлекая на нихъ отвѣтственность за всѣ ужасы войны, заслуживаетъ имъ названіе возмутителей общаго спокойствія. Я не упустилъ случая, милордъ, выставить на видъ передъ графомъ Панинымъ, какъ открыто они уклонились отъ правилъ, предписываемыхъ національною честью, много разъ заявляя на словахъ свое желаніе сохранить миръ и увѣряя насъ въ своей дружбѣ до самой той минуты, когда они такъ дерзко сбросили маску, публично объявивъ себя защитниками непокорныхъ подданныхъ его величества.

15.

Петербургъ, 3 Апрѣля 1778.

Не смотря на то, что графъ Панинъ объявилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ, что на этой недѣлѣ онъ говѣетъ и потому не имѣетъ времени заниматься дѣлами, я нашелъ содержаніе вашей депеши по важности ея не терпящимъ отлагательства, а потому просилъ и получилъ позволеніе видѣться съ нимъ сегодня утромъ.

Сегодня вечеромъ я отправлю на разсмотрѣніе императрицы прилагаемую бумагу вмѣстѣ съ объявленіемъ г. де-Ноалья и Французскимъ переводомъ посланія короля и адресовъ, ему поданныхъ.

Примѣчаніе. *Бумага, поданная Гаррисомъ императрицѣ.*

Нижеподписавшійся, чрезвычайный посланникъ и уполномоченный министръ его Британскаго величества, получилъ отъ короля, своего повелителя, самое точное приказаніе передать ея императорскому величеству, сообщивъ ей при этомъ прилагаемые документы [10]), до какой степени его величество возмущенъ послѣднимъ поступкомъ Версальскаго Двора, поступкомъ тѣмъ болѣе оскорбительнымъ, что ему предшествовали самыя сильныя увѣренія на счетъ желанія его христіанскаго величества ненарушимо сохранить доброе согласіе между обоими Дворами.

Король, убѣжденный, что всегда найдетъ въ ея императорскомъ величествѣ ту взаимность дружбы, которая столько содѣйствовала счастію обѣихъ націй, надѣется, что ея императорское величество отзовется на его чувства по этому поводу и что она сочтетъ этотъ безчестный поступокъ Французскаго Двора за намѣренное нарушеніе Европейскаго мира.

16.

Петербургъ, 13-го Апрѣля 1778.

Къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что не замѣчаю ни въ самой императрицѣ, ни въ одномъ изъ ея министровъ того расположенія къ намъ, которое они такъ часто заявляли въ то время, когда они нуждались въ насъ больше, чѣмъ мы въ нихъ. Если они измѣнятъ намъ въ трудную минуту испытанія, надѣюсь, что это не навлечетъ на меня обвиненія въ нерадѣніи. Я увѣдомлялъ васъ, милордъ, о моихъ чувствахъ по этому предмету, и они нисколько не измѣнились со времени моего пріѣзда до сего дня.

[9]) Франція объявила, что она будетъ торговать съ Америкой, какъ съ свободной страной и защититъ эту торговлю оружіемъ.

[10]) Т. е. посланіе короля къ обѣимъ палатамъ и ихъ адресы. Эти документы можно найти въ Annal. Register.

17.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ ІОСИФУ ІОРКУ ВЪ ГАГУ.

Петербургъ, 1-го Мая 1778 года.

Объявленіе Французскаго посланника возбудило во мнѣ больше негодованія, чѣмъ удивленія: поведеніе Версальскаго Двора съ самаго начала нашихъ столкновеній съ Америкой было запечатлѣно низкимъ обманомъ. Я старался выставить здѣсь это дѣло въ истинномъ свѣтѣ, но мнѣ удалось только получить отъ императрицы вѣжливый отвѣтъ и горячія увѣренія въ дружбѣ. Я желалъ бы надѣяться на успѣхъ, получивъ отъ нея на дѣлѣ подтвержденіе ея увѣреній; но я нахожу ея характеръ столь непохожимъ на то, что̀ я объ ней слышалъ, а благосклонность ея къ намъ на столько измѣнившеюся, что я думаю, потребуются величайшія усилія, чтобы ей не дать намъ повредить, вмѣсто того чтобы убѣдить ее оказать намъ помощь. Между тѣмъ (говоря съ вашимъ превосходительствомъ совершенно откровенно) я получилъ предписаніе предложить союзъ, и въ настоящую минуту я уже предъявилъ проэктъ онаго. Но такъ какъ условія его слово въ слово тѣже самыя, которыя уже не разъ были отвергнуты, то я очень мало надѣюсь, чтобы ихъ приняли въ настоящемъ ихъ видѣ. Я уполномоченъ ихъ нѣсколько измѣнить; и такъ какъ по моему мнѣнію, это дѣло не терпитъ отлагательства, то я во всѣхъ пунктахъ второстепенной важности возьму на себя отвѣтственность его рѣшенія, что̀, по огромному разстоянію между обѣими столицами, надѣюсь, будетъ мнѣ позволено.

Въ самой императрицѣ вовсе не замѣтно той ревности къ дѣламъ, которою она славится, хотя она и не позволяетъ собой руководить министрамъ. Послѣдніе, особенно графъ Панинъ, пренебрегаютъ дѣлами до невѣроятной степени. Подчиненные слѣдуютъ примѣру начальниковъ, и всѣ дѣла этой великой имперіи дѣлаются какъ бы сами собой. Послѣдствія всего этого очевидны: безпорядокъ и неоконченность замѣтны во всемъ. Дѣлаются огромныя издержки, не приводящія ни къ какимъ результатамъ. Армія въ самомъ плачевномъ состояніи; флотъ не полонъ и худо вооруженъ; политическая система какъ-то вяла, несостоятельна, словомъ такова, что дальнѣйшее слѣдованіе ей должно непремѣнно возвратить эту огромную массу власти къ тому Азіатскому ничтожеству, изъ котораго она такъ недавно вышла. Король Прусскій утратилъ свое вліяніе; наше же, никогда не достигавшее большихъ размѣровъ (хотя нѣкоторые изъ моихъ предшественниковъ ласкали себя этимъ убѣжденіемъ) теперь совершенно исчезло. Тонкая лесть императрицы-королевы уничтожила здѣсь всю женскую вражду, существовавшую противъ нея. Хитрый, вкрадчивый голосъ Бурбоновъ, проложивъ себѣ дорогу посредствомъ порочныхъ и безнравственныхъ любимцевъ, нашелъ доступъ къ императрицѣ. Естественные и необходимые союзники этой страны ею пренебрежены. А слушается она именно тѣхъ, чей интересъ состоитъ въ уменьшеніи ея силы и величія. Во всемъ преобладаетъ совершенно неправильная система и, если только не озаритъ ихъ какой-нибудь внезапный свѣтъ, или сильный толчекъ не пробудитъ къ сознанію окружающей ихъ дѣйствительности, нельзя ожидать отъ нихъ ничего хорошаго или великаго. Какъ ни сильно покажется это описаніе, я могу смѣло утверждать, что оно не превосходитъ истины; поэтому мое порученіе далеко не легко и не пріятно, особенно вслѣдствіе того обстоятельства, что гордость и тщеславіе этого Двора заставляютъ ихъ, при разсужденіи о нашемъ Дворѣ, употреблять выраженія, которыя столь же непріятно мнѣ выслушивать, сколько бы при теперешнихъ обстоятельствахъ было неполитично съ моей стороны повторять ихъ.

Внутренность этого Двора представляетъ зрѣлище интригъ, происковъ, разврата и испорченности. Великій князь и великая княгиня составляетъ единственное исключеніе: они живутъ въ величайшемъ согласіи между

собою и ни во что не вмѣшиваются. Желательно, чтобы онъ (т. е. великій князь) рано или поздно не соблазнился мыслью воспользоваться смутными обстоятельствами и не покусился бы на попытку, которая, конечно, окажется для него гибельною. Я знаю, что нѣтъ недостатка въ дурныхъ совѣтникахъ, готовыхъ склонять его къ этому.

18.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ВЪ МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Петербургъ, 24-го Апрѣля 1778.

Послѣдній курьеръ графа Кауница, кромѣ подробнаго изложенія всего происшедшаго включительно по 1-ое Апрѣля между Вѣнскимъ и Берлинскимъ Дворами по поводу настоящаго столкновенія, привезъ собственноручное письмо отъ императрицы-королевы къ Русской императрицѣ. Она вполнѣ объясняетъ свой собственный образъ дѣйствій, а также поступки Прусскаго короля, и затѣмъ предоставляетъ императрицѣ рѣшить: кто изъ нихъ начинаетъ ссору она, или король? [11]). Затѣмъ она распространяется о всѣхъ ужасахъ, причиняемыхъ войною; жалуется, что вынуждена начинать военныя дѣйствія въ столь преклонные года и выражаетъ величайшій ужасъ при мысли, что, по всей вѣроятности, ей придется разстаться съ здѣшнею жизнью въ то самое время, когда ея умъ будетъ по необходимости наполненъ мыслями, совсѣмъ неподобающими жизни загробной. Письмо заключено самыми горячими увѣреніями въ дружбѣ и привязанности и воззваніемъ къ императрицѣ, какъ къ христіанкѣ и какъ къ государынѣ, съ просьбою употребить на короля Прусскаго все свое вліяніе, чтобы убѣдить его отказаться отъ требованій столь невозможныхъ, какъ заявленныя имъ до сихъ поръ.

Кажется, на это письмо еще не послѣдовало отвѣта. Но удвоенное отличіе, съ которымъ императрица относилась съ этого времени къ Австрійскому министру, безъ всякаго сомнѣнія доказываетъ, на сколько ея радуетъ значеніе, придаваемое ей такою просьбою. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы чувство польщеннаго самолюбія, какъ бы оно ни было сильно, побудило ее принять мѣру, которая столь очевидно доказала бы предпочтеніе Вѣнскому Двору, становясь прямымъ опроверженіемъ всѣхъ увѣреній, сдѣланныхъ ею Берлину.

Нельзя вывести никакого заключенія изъ всѣхъ толковъ здѣшнихъ на счетъ несогласія съ Турками. Министры предсказываютъ то войну, то миръ, смотря по тому, что̀ кажется имъ болѣе подходящимъ къ интересамъ данной минуты. Императрица дала графу Кауницу для лѣтняго его мѣстопребыванія прекрасный островъ на Невѣ.

19.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 22-го Мая 1778.

Вамъ уже извѣстно столкновеніе, происшедшее въ Царскомъ Селѣ между княземъ Потемкинымъ и генераломъ Зоричемъ [12]). Удачная сцена, разъигранная послѣднимъ, подѣйствовала только на нѣсколько дней; уступчивая и полезная роль Потемкина одержали верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, и нѣсколько дней спустя Зоричъ получилъ окончательную отставку. Императрица сама сообщила ему о ней въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ; но принялъ онъ ее совершенно иначе: забы-

---

[11]) Въ это время шелъ споръ между королемъ и императрицей-королевой за Баварское наслѣдство, такъ какъ его Прусское величество принялъ сторону Германскихъ принцевъ, права которыхъ желалъ передать на обсужденіе сейма противъ насильственнаго присвоенія Баваріи Австріею. Войска уже выступили, но посредничество Россіи привело къ соглашенію.

[12]) О столкновеніи между Зоричемъ и кн. Потемкинымъ разсказывается въ одномъ изъ писемъ Д. Гарриса, помѣщенныхъ на 594 стран. Р. Архива за 1866 годъ. Столкновеніе состояло въ томъ, что Зоричъ разъ съ неистовствомъ бросился на Потемкина и вызывалъ его драться за то, что послѣдній задумалъ отстранить Зорича отъ императрицы.

вая съ кѣмъ онъ говоритъ, онъ разразился въ самыхъ горькихъ упрекахъ, описывая яркими красками предосудительность подобнаго поведенія и предсказывая самыя плачевныя послѣдствія. Я увѣренъ, что эта рѣчь была почувствована ею, но не измѣнила принятаго намѣренія. Зоричъ, получивъ прибавку пенсіона, огромную сумму наличныхъ денегъ и еще семь тысячь крестьянъ въ прибавленіе къ его имѣніямъ, отправляется путешествовать. Его преемникъ, по фамиліи Корсакъ, не будетъ объявленъ до его отъѣзда: такъ какъ, вслѣдствіе горячаго характера Зорича, было бы небезопасно другому лицу публично занять его мѣсто, пока онъ еще здѣсь. Дворъ и весь городъ заняты этимъ происшествіемъ, и я съ сожалѣніемъ долженъ прибавить, что оно наводитъ на много непріятныхъ размышленій и роняетъ въ глазахъ иностранцевъ какъ репутацію императрицы, такъ и значеніе имперіи.

20.

ДЕПЕША ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 29-го Мая 1778.

Внутренность дворца представляетъ самое странное зрѣлище. Зоричъ все еще не угомонился, не смотря на то, что его великолѣпно наградили и, хотя въ отставкѣ, онъ по прежнему остается въ городѣ и пользуется всѣми почестями любимца. Его смѣлая рѣчь, съ которою онъ обратился къ императрицѣ [13]), заставляетъ ее опасаться раздраженія такого необузданнаго характера. Нельзя себѣ представить ея тревожнаго и полнаго боязни настроенія. Нѣсколько дней тому назадъ Орловъ давалъ ей совѣты на счетъ послѣдствій, которыя это поведеніе должно произвести рано или поздно. Она какъ будто на минуту опомнилась и приказала Завадовскому вернуться ко Двору, намѣреваясь возстановить этого спокойнаго человѣка въ его прежней должности. Однако Потемкинъ, болѣе знакомый съ ея характеромъ и обладающій въ высшей степени умѣніемъ управлять дѣлами данной минуты, успѣлъ поколебать эти хорошія намѣренія. Корсакъ былъ введенъ въ самую критическую минуту. Пока я пишу эти строки, ея императорское величество находится въ имѣніи Потемкина на границахъ Финляндіи и старается забыть какъ свои собственныя заботы, такъ и затрудненія всей имперіи въ обществѣ своего новаго любимца, плебейское имя котораго уже перемѣнено въ болѣе благозвучное: Корсаковъ.

Между тѣмъ Завадовскій пріѣхалъ, и такъ какъ онъ отказывался явиться до тѣхъ поръ, пока его не убѣдилъ къ тому самъ Орловъ, то теперь онъ обратился къ князю за объясненіемъ: для чего его потревожили посреди одиночества? Таково въ настоящую минуту положеніе Двора; но оно можетъ измѣниться, прежде чѣмъ я окончу свое письмо. Я постараюсь получить возможно-скорыя и точныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, такъ какъ онъ, къ сожалѣнію, имѣетъ слишкомъ большое вліяніе на политическую систему этой страны. Я только могу прибавить, что великій князь сознаетъ это предосудительное поведеніе и вслѣдствіе того, бывъ до сихъ поръ слишкомъ развязенъ, сталъ замѣчательно воздерженъ. Графъ Панинъ и князь Орловъ, бывшіе до сихъ поръ врагами непримиримыми, теперь сдѣлались величайшими друзьями. Вслѣдствіе стараній перваго, послѣдній въ милости у великаго князя, не смотря на то, что его императорское высочество смотрѣлъ до сихъ поръ на Орлова, какъ на величайшаго и опаснѣйшаго врага, единственно по проискамъ того же Панина.

---

[13]) Послѣ столкновенія съ кн. Потемкинымъ, Зоричъ, придя въ комнаты императрицы, «бросился къ ея ногамъ, признался въ своемъ поступкѣ, сказалъ, что, какъ ни велики почести и богатства, которыми она его осыпала, онъ равнодушенъ ко всему, кромѣ ея милостей и расположенія» (Рус. Ар., 1866 г., стр. 594).

21.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 8-го Іюня 1778.

При дворѣ ничего не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ вамъ. Корсаковъ пользуется расположеніемъ и милостями, сопровождающими новость; однако предсказываютъ, что это будетъ непродолжительно. Зоричъ сошелъ со сцены. Завадовскій, въ награду за свой пріѣздъ къ Двору, получилъ высокое назначеніе въ Сенатѣ. Это рѣшеніе состоится противъ воли Потемкина, который во всемъ остальномъ всемогущъ. Если вліяніе его продлится, и императрица не употребитъ той силы воли, которою она безспорно обладаетъ, это повлечетъ за собой самыя гибельныя послѣдствія. Повсюду распространено общее недовольство. И если бѣдствія страны даютъ народу право высказывать свои жалобы, то невозможно опредѣлить, до какихъ размѣровъ они бы достигли въ странѣ подобной этой. Графъ Панинъ съ братомъ, извѣстные своею честностью, и братья Орловы по своей популярности—вотъ единственные друзья, на которыхъ императрица можетъ разсчитывать; всѣ они въ настоящую минуту держатъ себя въ сторонѣ и, конечно, не вернутся къ дѣлу, пока обстоятельства не перемѣнятся.

22.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 20-го Іюня 1778.

Въ настоящемъ письмѣ я постараюсь представить на ваше разсмотрѣніе мои мысли на счетъ этой страны, какъ относительно ея величія и средствъ, такъ и въ отношеніи преобладающей въ настоящую минуту системы управленія. Мое описаніе будетъ столь различно отъ разсказовъ другихъ лицъ по этому же предмету, что, можетъ быть, слова мои покажутся вамъ не совсѣмъ правдоподобными; но мой долгъ передавать предметы въ томъ видѣ, какъ они мнѣ представляются.

Огромное пространство Русской имперіи и безопасность ея границъ конечно дѣлаютъ изъ нея завидную союзницу, между тѣмъ какъ нападеніе на нее почти невозможно. Разнообразные предметы торговли, которые Европа необходимо должна получать отсюда, рядомъ съ небольшимъ количествомъ товаровъ, потребныхъ для внѣшняго ввоза, упрочиваютъ независимость и благосостояніе страны. Поэтому Россія занимаетъ неоспоримо высокое мѣсто между Европейскими державами. Однако, оправдаетъ ли она на дѣлѣ ту высокую репутацію, которою она пользуется, и достигнетъ ли она того преобладанія, которое себѣ приписываетъ?—это еще вопросъ нерѣшеный. Сейчасъ мною поименованныя выгоды составляютъ только слѣдствіе особеннаго положенія: онѣ существовали еще до цивилизаціи этого народа и сохранятъ всѣ свою силу даже въ случаѣ, еслибы Россія возвратилась къ тому варварскому состоянію, изъ котораго она такъ недавно вышла. Чтобы доставить имперіи внѣшнее преобладаніе, ея политика должна быть однообразна, умна и тверда; чтобы упрочить ея домашнее благосостояніе, надо установить твердыя правила внутренней администраціи, и исполненіе ихъ должно быть точно и неподкупно. Я долженъ сознаться, милордъ, что со времени моего пріѣзда сюда мнѣ не удалось подмѣтить ни подобной системы, ни подобныхъ правилъ; и я тщетно старался доискаться, на чемъ основаны повсюду слышанныя мною высокія похвалы этому правительству. При самодержавномъ образѣ правленія все зависитъ отъ личнаго характера государя; поэтому я поставилъ себѣ цѣлью изучить характеръ императрицы, и, какъ по собственнымъ наблюденіямъ, такъ и по свидѣтельству лицъ свѣдущихъ и безпристрастныхъ, я держусь того мнѣнія, что она обладаетъ рѣдкимъ умомъ, упорствомъ въ однажды задуманномъ планѣ и твердостью въ его исполненіи; но ей не достаетъ качествъ, болѣе свойственныхъ мужчинѣ, т. е.

хладнокровнаго обсужденія, спокойнаго самообладанія при успѣхѣ и точности сужденія, между тѣмъ какъ въ ней достигаютъ высшей степени слабости, обыкновенно приписываемыя ея полу: склонность къ лести и необходимый спутникъ ея тщеславіе; невниманіе къ полезнымъ, но непріятнымъ совѣтамъ и расположеніе къ чувственнымъ удовольствіямъ, которое доводитъ ее до крайностей, унизительныхъ для женщины, въ какой бы сферѣ она ни находилась. Если мы припомнимъ событія тѣхъ шестнадцати лѣтъ, которыя прошли со времени ея вступленія на престолъ, то по зрѣломъ и основательномъ обсужденіи увидимъ въ нихъ значительное отраженіе подобнаго характера. Разбирая ея дѣйствія въ Польшѣ, мы найдемъ, что она дала этой странѣ короля, безъ всякой основательной на то причины, то слишкомъ сильно поддерживала его мѣры, то вовсе имъ не помогала, черезъ что довела эту республику до состоянія отчаянія и анархіи. Это прежде всего навлекло на нее Турецкую войну со всѣми ея послѣдствіями, принудило ее вступить въ союзъ, обязавшій ее къ условіямъ самаго немыслимаго договора, и, оставивъ несмываемое пятно на своемъ царствованіи, она въ тоже время должна была согласиться на усиленіе могущества тѣхъ двухъ державъ, которыхъ она имѣла поводъ опасаться и которыя получили на будущее время въ дѣлахъ Польши вліяніе равное ея собственному. Какія еще бѣдствія можетъ произвести Турецкая война, заранѣе опредѣлить трудно: событія еще не выяснились; но миръ этотъ, казавшійся сначала столько же славнымъ, сколько онъ былъ не ожиданъ, оказался лишь недолгимъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, давшимъ между тѣмъ время всѣмъ пружинамъ въ странѣ ослабѣть и обезсилѣть. Оборотъ, принятый дѣлами въ Швеціи, доказываетъ, что тамъ дѣйствія Россіи были необдуманы и худо направлены. Полагаясь на собственныя силы, она пренебрегла совѣтами друзей; двадцать-четыре часа совершенно уничтожили вліяніе Россіи въ Стокгольмѣ; и Швеція, которая до тѣхъ поръ считалась зависимою страною, теперь стала предметомъ опасеній и зависти [14].

Чтобы возобладать надъ этими фактами, ея императорское величество заключила два союза: одинъ съ Даніей, другой съ Пруссіей. Отъ перваго изъ нихъ еще не оказалось ни малѣйшей выгоды; вслѣдствіе же втораго Дворъ этотъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безпрекословно повиновался Двору Берлинскому, и теперь находится въ величайшемъ затрудненіи, имѣя въ виду или совершенно уклониться отъ предмета договора, или привести его въ исполненіе, не усиливъ черезъ это тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ государству.

Если мы обратимся къ внутренней администраціи, боюсь, что результатъ нашихъ наблюденій окажется неутѣшительнѣе. Пагубная слабость, происходящая отъ страха, или просто отъ лѣни, исказила великія понятія о законѣ и справедливости. Высшіе притѣсняютъ нисшихъ безъ всякой нужды; а нисшіе воруютъ и грабятъ безъ всякихъ опасеній. Вслѣдствіе сознанія этой безнаказанности, подъ благовиднымъ предлогомъ жестокости господъ, недавно въ самомъ центрѣ имперіи вспыхнуло возстаніе, которое могло бы поколебать государство до самыхъ основаній, въ случаѣ, еслибы во главѣ движенія стояли люди сильные умомъ и волею. Для противодѣйствія бунту не было войскъ на готовѣ; паническій страхъ охватилъ половину страны, и тотъ же духъ возстанія, который руководилъ Пугачевымъ, заразилъ и остальныхъ. Онъ уже находился въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Москвы, и Дворъ собирался удалиться въ Ригу, когда, по недостатку твердой рѣшимости, онъ былъ разбитъ, и спокойствіе въ имперіи возстановилось. Однако искры недовольства не погасли до сихъ поръ, и можно опасаться, что въ случаѣ какого-либо общественнаго бѣдствія, онѣ снова вспыхнутъ. Недостатокъ заботливости со стороны

[14]) Разумѣется переворотъ, совершенный Густавомъ III въ пользу королевской власти.

чиновъ гражданскихъ вмѣстѣ съ жадностью офицеровъ, присылавшихъ домой добычу войска, произвели въ Москвѣ въ 1771 г. появленіе чумы. Тысяча-четыреста человѣкъ погибли, и архіепископъ въ минуту исполненія священнодѣйствія былъ растерзанъ у самаго алтаря [15]).

Въ противоположность этимъ фактамъ, можно упомянуть объ основаніи нѣсколькихъ колоній для переселенцевъ изъ Германіи, объ открытіи многихъ полезныхъ воспитательныхъ заведеній для молодыхъ людей обоихъ половъ и вообще о величайшей щедрости.

Сводъ законовъ, мастерски начертанный самой императрицей, до сихъ поръ еще не былъ разсмотрѣнъ; онъ сохраняется въ Академіи, и по многимъ причинамъ приведеніе его въ дѣйствіе невозможно.

Таково, могу положительно утверждать, истинное положеніе этой имперіи. Цвѣтущая торговля и увеличивающіеся доходы, слѣдствія неисчерпаемыхъ богатствъ страны и усиленія цивилизаціи, даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ имперіи,—все это вмѣстѣ съ мудрымъ управленіемъ скоро бы возвратило странѣ ея силу и могущество. Но тщеславіе императрицы воздвигаетъ препятствія на пути къ этимъ улучшеніямъ. Увѣренная льстецами, что Россія величайшая имперія въ свѣтѣ и утвердившись въ этой мысли самыми счастливыми успѣхами, она никакъ не можетъ увидѣть состояніе своей страны въ истинномъ свѣтѣ до тѣхъ поръ, пока ея не вызоветъ къ дѣятельности какое-нибудь великое событіе; тогда она почувствуетъ свою неспособность исполнять ту великую роль, которую она себѣ приписываетъ, и изъ опыта убѣдится въ необходимости обращаться съ друзьями внимательнѣе, а съ врагами не такъ гордо, какъ относилась она къ нимъ до сихъ поръ [16]).

[15]) Таковъ былъ слухъ, дошедшій до лорда Мальмсбюри.

[16]) Слишкомъ прозрачно проглядываетъ въ этихъ словахъ досада Англійскаго дипломата на то, что, не смотря на всѣ его старанія склонить Россію къ союзу съ Англіей, Екатерина II и ея министры оставались равнодушны къ этому предложенію.

23.

ДЕПЕША ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 10 Августа 1778.

Счастіе новаго любимца уже на закатѣ. На должность его появилось нѣсколько претендентовъ; изъ нихъ иные поддержаны княземъ Потемкинымъ, другіе княземъ Орловымъ и графомъ Панинымъ, которые теперь дѣйствуютъ за одно; наконецъ нѣкоторые разсчитываютъ на впечатлѣніе, произведенное ихъ наружностью на императрицу. Обѣ партіи сходятся въ своемъ противодѣйствіи этимъ посторроннимъ личностямъ; но кажется, императрица твердо намѣрена выбрать сама за себя. Потемкинъ, дерзость котораго равняется его силѣ, разсердясь, что не ему одному поручено было это дѣло, удалился на нѣсколько дней отъ Двора. Однако, участь этихъ молодыхъ людей до сихъ поръ остается нерѣшенною; хотя, съ другой стороны, положительно извѣстно, что Корсаковъ отправляется въ Спа для своего здоровья. Такъ какъ въ настоящую минуту исчезъ и тотъ послѣдній остатокъ приличія, который соблюдался еще во время пріѣзда моего сюда, то я вовсе не удивлюсь, если, вмѣсто одного любимца, мы увидимъ ихъ нѣсколько одновременно. Разумѣется, что подобныя обстоятельства значительно бы ускорили бѣдствія, которыя и безъ того неминуемо обрушатся на имперію.

24.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ

Петербургъ, 28-го Августа 1778.

Я имѣю полное основаніе предполагать, что черезъ нѣсколько дней настоящій любимецъ будетъ удаленъ, и мѣсто его займетъ секретарь при графѣ Панинѣ, по имени Страховъ, молодой человѣкъ съ характеромъ, но какъ по своему положенію, такъ и по наружности и способностямъ, никогда и никѣмъ не считавшійся кандидатомъ на столь важную долж-

ность. Онъ былъ въ первый разъ замѣченъ на балѣ въ Петергофѣ 28-го Іюня, и обязанъ столь неожиданнымъ повышеніемъ единственно свободному выбору императрицы, не подчинявшейся на этотъ разъ ни чьему вліянію: потому что, хотя Страховъ находится въ полной зависимости отъ графа Панина, однако мнѣ достовѣрно извѣстно, что этотъ министръ, услышавъ, на кого палъ выборъ, удивился не менѣе, чѣмъ удивится весь Дворъ, когда этотъ фактъ сдѣлается извѣстенъ. До сихъ поръ это держится въ величайшемъ секретѣ и извѣстно только немногимъ личностямъ. Если связь эта продолжится и упрочится, она неминуемо повлечетъ за собой паденіе Потемкина, партія и интересы Панина восторжествуютъ; и если онъ по прежнему будетъ держаться мнѣній Орлова, это можетъ имѣть самыя благія послѣдствія для имперіи [17].

25.

Петербургъ, 14 Сентября 1778.

Князь Потемкинъ попробовалъ, на сколько могъ, воспротивиться выбору предполагаемаго любимца и употребилъ для этого всѣ средства, подсказанныя ему его хитростью и вліяніемъ его на императрицу. Онъ осмѣлился даже угрожать и вообще выражался самымъ неподобающимъ образомъ; но, убѣдясь въ безполезности своихъ усилій и въ твердой рѣшимости императрицы слѣдовать лишь собственному намѣренію, онъ вдругъ перешелъ къ самому покорному тону: онъ просилъ и получилъ прощеніе, предлагая свои услуги къ исполненію этого дѣла, какъ можно скорѣе и приличнѣе.

Можетъ быть, будетъ не лишнее передать вамъ анекдотъ, изъ котораго вы увидите, до какой степени князь [18] неусыпно старается о поддержаніи своего кредита передъ императрицей. Ея величество упрекала его за предосудительность его поведенія съ племянницею, говоря, что это безчеститъ ея Дворъ. Въ тотъ же вечеръ онъ уговорилъ одного князя [19] на ней жениться. Третьяго дня въ придворной церкви ихъ обручили съ большимъ торжествомъ, а свадьба произойдетъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ самой императрицы. Въ подобныхъ случаяхъ графъ Панинъ соблюдалъ, и до сихъ поръ соблюдаетъ, величайшую осторожность. Онъ старается казаться выше всѣхъ придворныхъ интригъ, рѣшившись не вмѣшиваться въ нихъ иначе, какъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ.

26.

Петербургъ, 3-го Октября 1778.

Вотъ уже нѣсколько времени, какъ я обѣщалъ сообщить вамъ всѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удастся получить относительно способностей и характера наслѣдника имперіи; потому, не откладывая долѣе, я передамъ вамъ все, что́ могъ узнать на этотъ счетъ.

Великій князь былъ съ самаго дѣтства порученъ заботамъ графа Панина, а подъ его вѣдѣніемъ г. Остервальду, Лифляндскому дворянину, который теперь занимаетъ должность сенатора.

Повидимому, они не составили себѣ правильной системы образованія и не получили на этотъ счетъ никакихъ наставленій отъ императрицы, которая, хотя ввела полезныя улучшенія въ образованіе подданныхъ, оказалась менѣе внимательною и заботливою относительно успѣховъ воспитанія своего сына.

Онъ получилъ отъ г. Остервальда весьма основательное понятіе о внутреннемъ управленіи этой страны, а отъ графа Панина порядочное знаніе новѣйшей исторіи Европы. Второстепенные учителя преподавали ему искусства, и нѣкоторыя усилія были употреблены съ цѣлью ознакомить его съ философскими ученіями. Однако, онъ мало воспользовался этими стараніями. Такъ какъ онъ отъ природы былъ неловокъ и угловатъ въ манерахъ, то бо́льшая часть его времени бы-

[17]) Орловъ былъ вполнѣ Англоманъ, а къ чести лорда Гарриса надо сказать, что онъ постоянно имѣетъ въ виду интересы Великобританіи.

[18]) Князь Потемкинъ?

[19]) Князя Голицына?

ла употреблена на изученіе танцевъ, верховой ѣзды и Французскаго разговора, вслѣдствіе чего онъ во всѣхъ этихъ предметахъ достигъ значительной степени совершенства. Я бы не отдалъ должной справедливости его наставникамъ, еслибы не упомянулъ, что они не только не внушили ему ложныхъ понятій, но напротивъ того, были очень внимательны къ его нравственности; и я твердо убѣжденъ, что ихъ наставленія исправили много природныхъ недостатковъ и что, благодаря ихъ попеченіямъ, онъ сдѣлался гораздо лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ бы оказался предоставленный самому себѣ.

До перваго своего супружества онъ находился въ самомъ полномъ повиновеніи: окружали его только лица, назначенныя самой императрицей, и если онъ имѣлъ нѣкоторую сыновнюю привязанность, то происходила она больше изъ страха, чѣмъ изъ сердечнаго чувства.

Скоро послѣ вступленія его въ бракъ съ принцессой Дармштатской оказалось, что она съумѣла отъискать искусство управлять имъ до такой степени, что онъ распустилъ немногихъ товарищей, повидимому, выбранныхъ имъ самимъ, и съ тѣхъ поръ его общество, его развлеченія, даже самыя чувства, все вполнѣ подчинилось его женѣ. Она едва позволяла ему употреблять свои умственныя способности, вслѣдствіе чего нравъ его изъ живаго и быстраго сдѣлался грустнымъ, тяжелымъ и апатичнымъ. Она, въ свою очередь, вполнѣ подчинялась вліянію графа Андрея Разумовскаго, который былъ у нея близкимъ человѣкомъ, а въ настоящую минуту находится въ Вѣнѣ, на пути въ Неаполь. Онъ между тѣмъ получалъ всѣ свои наставленія, вмѣстѣ съ большею частью своего дохода, отъ министровъ Бурбонскаго дома. Императрица видѣла поведеніе своей невѣстки и упрекала ее за него. Но слова ея оставались совершенно безуспѣшны: молодая принцесса была властолюбива и рѣшительна; и если бы смерть не пресѣкла ея поприща, по всей вѣроятности, между этими двумя знаменитыми личностями произошло бы столкновеніе, въ которомъ онѣ бы помѣрялись искусствомъ.

Такъ какъ характеръ настоящей великой княгини совершенно противоположенъ нраву прежней, то и самъ великій князь является теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Она кротка, привѣтлива и глубоко проникнута понятіемъ о супружескихъ обязанностяхъ. Онъ сдѣлался разговорчивъ, веселъ и чаще проявляетъ личную волю. Она постоянной услужливостью и вниманіемъ вполнѣ заслуживаетъ его привязанность, и онъ очень ее любитъ. Въ настоящую минуту они совершенно счастливы другъ другомъ; но я опасаюсь, что счастіе ихъ не можетъ быть продолжительно посреди Двора, столь безнравственнаго и такъ странно составленнаго. Онъ всегда выказываетъ благосклонность, которая иногда кажется лестною той дамѣ, къ которой бываетъ отнесена; а великая княгиня должна обладать необыкновенной долей твердости и добродѣтели, чтобы обойти тѣ многочисленныя искушенія, которыя встрѣтятся ей на пути и которымъ поддались всѣ, безъ исключенія, императрицы этой страны.

Его политика теперь клонится на сторону Пруссіи столько же, какъ прежде онъ оказывалъ сочувствія Франціи; и если онъ не перемѣнитъ образа дѣйствія, то сдѣлается черезъ свое предпочтеніе къ этому государю также смѣшонъ, какъ былъ его отецъ. Его путешествіе въ Берлинъ, наставленія графа Панина и особое расположеніе великой княгини къ ея семейству утверждаютъ его въ этихъ правилахъ. Онъ очень умѣренъ въ пищѣ и еще болѣе въ питьѣ и, благодаря этой воздержности, онъ укрѣпилъ свой отъ природы слабый организмъ.

Словомъ, не будучи одаренъ высшими способностями, онъ обладаетъ достаточной долей понятливости, чтобы управлять страной; ему остается только справиться съ нѣкоторымъ непостоянствомъ въ привязанностяхъ и нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ, что̀, впрочемъ,

можно отнести къ его молодости, а также и къ зависимому положенію.

27.

Петербургъ, 30-го Октября 1778.

Внутренность Двора представляетъ ежедневно новое зрѣлище, и здравый смыслъ императрицы вмѣстѣ съ ея благими намѣреніями остаются безсильны противъ постоянныхъ происковъ Потемкина. Алексѣй Орловъ сохраняетъ молчаніе и, хотя ему оказываются величайшія отличія, однако послѣдній разговоръ его не забытъ [20]). Онъ все еще остается здѣсь по просьбѣ императрицы.

Со мною по прежнему обращаются съ необыкновенной вѣжливостью. Происходитъ ли это отъ сознанія, что они скоро будутъ въ насъ нуждаться, или можетъ быть, они надѣются, что, обольщенный ихъ ласкою, я умолчу обо всемъ, что̀ вижу и слышу? Которая изъ этихъ двухъ причинъ руководитъ ихъ дѣйствіями, я рѣшить не берусь.

28.

Петербургъ, 16-го Ноября 1778.

Я имѣлъ нѣсколько конференцій съ графомъ Панинымъ относительно главной цѣли, мнѣ предписанной; однако я еще не высказался вполнѣ, такъ какъ до сихъ поръ не увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ сознаетъ, что для насъ было бы полезно и даже необходимо рано или поздно заключить между собою союзъ, но въ тоже время не признаетъ настоящей минуты вполнѣ удобною для принятія подобной мѣры. Онъ много распространялся на счетъ послѣдствій союзнаго вмѣшательства Франціи, и хотя онъ называетъ дружбу съ этимъ Дворомъ лишь временною, она тѣмъ не менѣе связываетъ имъ руки. Онъ щедръ въ заявленіи своей доброй воли и въ увѣреніи, что мы можемъ разсчитывать на содѣйствіе императрицы, какъ только къ тому представится удобный случай.

Я приготовляю бумагу, которую передамъ ему сегодня съ просьбою сообщить ее императрицѣ. Но такъ какъ я убѣжденъ, что многое изъ передаваемаго мною до нея не доходитъ, то я употреблю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы добиться или личнаго разговора съ нею, или болѣе вѣрнаго способа для передачи ей моихъ мыслей.

29.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ РОБЕРТУ КЕЙТУ ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 4-го Декабря 1778.

Вы увидите изъ послѣдняго письма моего, что я, не теряя времени, увѣдомилъ васъ о согласіи этого Двора на предложенное Франціей союзное вмѣшательство [21]). Если письма мои часто противорѣчатъ одно другому, и если извѣстія, отправляемыя мною къ вамъ съ одной почтой, оказываются прямо противоположными тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я сообщаю вамъ въ слѣдующій разъ, въ томъ виноватъ не я: дѣйствія этого Двора до такой степени несистематичны, безсвязны и несостоятельны, что таковъ долженъ быть характеръ переписки, веденной отсюда. Графъ Кауницъ получилъ въ пятницу черезъ курьера бумагу, заключающую въ себѣ согласіе королевы-императрицы на вмѣшательство. Я видѣлъ подлинный документъ. Онъ наполненъ выраженіями самыми лестными для здѣшняго Двора и въ тоже время, смѣю сказать, самыми унизительными для Двора его писавшаго. Такъ какъ подобный тонъ былъ здѣсь совершенно неожиданъ, то онъ произвелъ радость непомѣрную; теперь они считаютъ себя величайшей

[20]) Вотъ суть этого замѣчательнаго разговора. Императрица просила гр. А. Орлова сблизиться съ к. Потемкинымъ, имѣть на него вліяніе и съ помощію вліянія исправлять его отъ недостатковъ, непріятныя послѣдствія которыхъ испытываются ею самою. «Вы знаете, сказалъ графъ, что я вашъ рабъ, жизнь моя къ услугамъ вашимъ; и если Потемкинъ возмущаетъ спокойствіе души вашей—приказывайте, и онъ немедленно исчезнетъ. Но вмѣшиваться въ придворныя интриги съ моимъ нравомъ, при моей репутаціи—простите, ваше величество, если отважусь отъ подобнаго порученія». (Р. Архивъ 1866 г., стр. 597). Послѣ Чесменскаго подвига, гр. Алексѣй Григорьевичъ обыкновенно жилъ въ Москвѣ и только въ важныхъ случаяхъ былъ вызываемъ въ Петербургъ.

[21]) Относительно оспариваемаго Баварскаго наслѣдства.

державой, которой всѣ должны повиноваться. И вотъ они уже сдѣлались еще неподатливѣе, чѣмъ были до сихъ поръ; а въ будущемъ я ожидаю еще бо̀льшаго зла, въ полномъ убѣжденіи, что Франція достигнетъ всѣхъ своихъ цѣлей, добившись отъ Россіи совершеннаго равнодушія, чтобы не сказать хуже, по отношенію къ нашимъ ссорамъ. Если мы употребимъ въ дѣло средства и силу, данныя намъ Богомъ, я увѣренъ, что мы и одни съ достоинствомъ выйдемъ изъ затрудненія: на всемъ континентѣ я не вижу ни одного дружескаго лица, и сильно опасаюсь, что число нашихъ враговъ умножится. Изъ нихъ я считаю самыми главными тѣхъ, которые бы стали склонять насъ къ заключенію мира на условіяхъ для насъ унизительныхъ.

Примѣчаніе. Около этого времени былъ составленъ проэктъ союза противъ Англіи подъ именемъ Вооруженнаго Нейтралитета, и начала, руководившія этой мѣрой, остались съ тѣхъ поръ постояннымъ источникомъ раздраженія. Авторомъ этого проэкта была императрица, и на нѣкоторое время мысль о немъ сдѣлалась ея любимымъ конькомъ.

Одинъ Французскій писатель упоминаетъ, что министръ Гаррисъ впалъ въ немилость императрицы вслѣдствіе шутки на счетъ того, что торговый флотъ ея императорскаго величества и безъ того былъ защищенъ лучше всѣхъ остальныхъ Европейскихъ флотовъ, такъ какъ на всякаго купца приходилось по солдату. Слова эти принадлежали лорду Гильсборо [22]), но императрица распространила на все Англійское правительство гнѣвъ, возбужденный въ ней неосторожнымъ выраженіемъ одного изъ членовъ этого правительства.

30.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 11-го Декабря 1778 года.

Я никакъ не могу добиться отвѣта отъ графа Панина, и я такъ мало разсчитываю на его обѣщаніе дать мнѣ возможность отправить курьера завтра, что, не теряя времени, спѣшу сообщить вамъ, милордъ, что въ прошлую субботу Шведскій министръ, подробно изобразивъ наши дѣйствія относительно нейтральныхъ судовъ, формально предложилъ здѣшнему Двору соединиться съ Дворомъ Стокгольмскимъ и составить союзный флотъ, который бы былъ достаточно силенъ, чтобы защищать сѣверную торговлю отъ нападеній, дѣлаемыхъ на нее. Г. Нолькенъ прибавилъ, что, въ случаѣ, если императрица изъявитъ свое согласіе на этотъ планъ, Данія безъ всякаго сомнѣнія также на него откликнется, и тогда торговля этихъ странъ, встрѣчавшая до сихъ поръ столько препятствій, будетъ производиться вполнѣ безопасно. Я имѣю основаніе предполагать, что мысль о столь сильной мѣрѣ, какъ вооруженіе союзнаго флота, была тотчасъ же отвергнута; но въ тоже время былъ поднятъ вопросъ о незаконно-прерываемой торговлѣ этихъ странъ, при чемъ вполнѣ допускалась необходимость отъискать самый вѣрный способъ къ упроченію ихъ безопасности. Если Русскій министръ будетъ на столько слабъ, что не откроетъ истинной причины поведенія его Шведскаго величества, и если, хранивъ до сихъ поръ молчаніе по этому предмету, онъ наконецъ заговоритъ со мной о немъ и при этомъ, согласно своей привычкѣ, постарается дѣло скрасить или и вовсе опровергнуть: въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, мы должны будемъ разсматривать Русскихъ, вслѣдствіе принципа или по неспособности, болѣе на сторонѣ враговъ нашихъ, чѣмъ на сторонѣ нашей.

31.

Петербургъ, 20-го Декабря 1778.

Хотя графъ Панинъ, какъ въ письменномъ отвѣтѣ, такъ и въ разговорѣ, объяснялъ переговоры насчетъ союза тѣмъ обстоятельствомъ, что нейтральныя суда были задержаны нами; однако, по моему мнѣнію, эти два факта вовсе не зависятъ одинъ отъ другаго, а потому я передамъ вамъ въ отдѣльной депешѣ мысли его на этотъ счетъ. Прежде всего я долженъ

[22]) Лордъ Гильсборо обратился съ этими словами къ Симолину, Русскому посланнику при Англійскомъ Дворѣ (Переписка Гарриса).

сказать вамъ, что, едва получивъ отъ васъ вашъ отвѣтъ министрамъ разныхъ Дворовъ, говорившихъ съ вами въ Лондонѣ по этому предмету, я сообщилъ эту бумагу графу Панину, и такъ какъ въ то время онъ, казалось, одобрялъ все вами сказанное, особенно же принявъ въ соображеніе то обстоятельство, что (какъ бы ни угодно было его величеству поступить) очевидно отъ этого не могло произойти ничего неблагопріятнаго для торговли этой страны, то я и не ожидалъ услышать ничего болѣе на этотъ счетъ. Но въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ разговоровъ графъ Панинъ сказалъ мнѣ, что ея императорское величество желаетъ, чтобы мы были поосторожнѣе въ дѣйствіяхъ нашихъ противъ судовъ нейтральныхъ державъ; что въ противномъ случаѣ мы можемъ раздражить государства, которыя теперь расположены къ намъ благосклонно; что Данія, Швеція и Голландія уже просили императрицу соединиться съ ними, чтобы сдѣлать намъ представленіе по этому дѣлу. И хотя онъ, графъ Панинъ, могъ быть увѣренъ, что ея императорское величество лишь весьма неохотно берется за вопросъ, могущій быть для насъ непріятнымъ, однако онъ въ тоже время долженъ откровенно сознаться, что императрица не могла равнодушно видѣть все затрудненіе и весь вредъ, возникающіе для сѣверной торговли отъ нашихъ пиратовъ. Далѣе онъ высказалъ, что неясное и неточное опредѣленіе, данное нами какъ морскимъ, такъ и военнымъ припасамъ, подвергало почти всѣ произведенія этихъ странъ опасности быть секвестрованными, и что императрицѣ, какъ первенствующей власти въ этой части Европы, слѣдовало вступить съ нами въ переговоры и высказать свое желаніе на счетъ перемѣны нашего образа дѣйствій въ этомъ дѣлѣ.

Я отвѣчалъ, что до сихъ поръ льстилъ себя надеждою, что отвѣтъ вашъ, милордъ, сдѣланный вами въ Лондонѣ министрамъ тѣхъ Дворовъ, которые считали свою торговлю несправедливо прерванною, былъ достаточно подробенъ и въ тоже время столь ясно выражалъ честность нашихъ намѣреній, что послѣ того не оставалось мѣста, ни повода къ жалобамъ, даже для вышеупомянутыхъ Дворовъ. Вотъ почему меня не только удивило, но сильно поразило то обстоятельство, что въ умѣ ея императорскаго величества еще оставались сомнѣнія о нашемъ поведеніи въ этомъ случаѣ; что поведеніе это основано на самыхъ строгихъ правилахъ справедливости, допускаемыхъ обстоятельствами, согласуясь вполнѣ съ тѣмъ, что̀ бывало соблюдаемо въ подобныхъ случаяхъ, и что опредѣленіе морскихъ припасовъ казалось, по моему мнѣнію, достаточно ясно выраженнымъ, если не буквою, то духомъ и смысломъ договоровъ; наконецъ я прибавилъ, что если его королевское величество имѣлъ намѣреніе исполнять въ точности эти условія, то имѣлъ полное право ожидать, что и другія державы, въ свою очередь, сочтутъ себя ими связанными. Графъ Панинъ не согласился съ моими доводами; онъ, улыбаясь, сказалъ, что, вслѣдствіе нашей привычки повелѣвать на морѣ, выраженія наши были всегда слишкомъ положительны, какъ скоро рѣчь касалась морскихъ вопросовъ, и что онъ желалъ бы, чтобы мы скорѣе послѣдовали примѣру Франціи. Я отвѣчалъ ему въ томъ же тонѣ, что не ожидалъ отъ него даже защиты, не только похвалы, поведенію Версальскаго Двора, и что я былъ бы очень радъ, еслибы онъ потрудился внимательно перечитать то самое постановленіе Французскаго короля, на которое онъ ссылался, при чемъ онъ непремѣнно бы убѣдился, до какой степени оно недостойно его похвалы, будучи несправедливо, лукаво и непослѣдовательно. Что́ же касается до нашего преобладанія на морѣ, хотя я не нахожу, чтобы мы въ этомъ случаѣ преувеличивали свое значеніе, но Россія, конечно, не могла жаловаться на насъ за злоупотребленіе нашею властью. Затѣмъ я уже серіозно прибавилъ, что былъ бы крайне пораженъ, еслибы послѣ этого было сдѣлано формальное заявленіе противъ тѣхъ правилъ, которыми мы руководимся въ сношеніяхъ нашихъ съ

судами нейтральныхъ державъ: такъ какъ я заранѣе могу увѣрить его превосходительство, что это повлечетъ лишь къ непріятнымъ объясненіямъ, что̀ обнаружило бы несогласіе между обоими Дворами въ то самое время, когда для враговъ нашихъ являлось столь выгоднымъ поссорить насъ. Онъ отвѣчалъ, что ему было весьма жаль услышать все, что̀ я сказалъ, такъ какъ онъ уже имѣлъ приказъ императрицы приготовить представленіе, которое, въ избѣжаніе для меня непріятнаго порученія, а черезъ то личнаго для меня неудобства, онъ предложилъ переслать вамъ, милордъ, черезъ г. Пушкина. Я поблагодарилъ его за его обязательныя намѣренія; но прибавилъ, что вовсе не нуждаюсь въ подобныхъ предосторожностяхъ; что я всегда готовъ былъ исполнять свою обязанность, не разбирая, какого свойства сообщенія она налагаетъ на меня; и если мнѣ будетъ позволено откровенно высказать свое мнѣніе, то въ случаѣ, если ея императорское величество положительно рѣшилась (въ виду выгодъ державъ, съ которыми она состоитъ въ менѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ съ нами) вступить въ переговоры по этому предмету, я бы желалъ, чтобы это дѣло повелось черезъ мое посредство и самымъ дружественнымъ образомъ: какъ для того чтобы избѣжать шума, который бы неминуемо былъ поднятъ этою мѣрою, переданною вамъ Русскимъ министромъ въ Лондонѣ, такъ и для того, чтобы дать намъ возможность говорить болѣе конфиденціальнымъ образомъ, чѣмъ то допускалъ отвѣтъ на министерское представленіе. Не безъ труда добился я согласія по этому предмету.

32.

Петербургъ, 20-го Декабря 1778 г.

Со времени необыкновеннаго разговора, переданнаго [23]) мною вамъ 5-го Октября 1778 г., императрица постепенно лишала графа Алексѣя Орлова своего прежняго довѣрія и благосклонности; она отказала ему въ нѣкоторыхъ незначительныхъ милостяхъ, которыхъ онъ просилъ у нея для своего незаконнаго сына; и наконецъ обращеніемъ своимъ съ нимъ вынудила его прибѣгнуть къ способу, обыкновенно употребляемому Русскими, когда имъ не хорошо при Дворѣ, къ сидѣнью дома подъ предлогомъ болѣзни. Причину такой перемѣны надо отъискивать въ томъ, что императрица имѣла слабость пересказать князю Потемкину все, происшедшее между нею и Орловымъ, причемъ Потемкинъ съумѣлъ хитро представить ей этотъ фактъ, какъ доказательство личнаго недоброжелательства и зависти. Князь Орловъ уже три мѣсяца не появлялся при Дворѣ, и оба брата выражаются (а они очень свободно высказываютъ свои мнѣнія), какъ люди раздраженные, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ и не имѣющіе никакой надежды на достиженіе утраченнаго значенія.

Страховъ, имя котораго я часто упоминалъ въ своихъ послѣднихъ депешахъ, по прежнему видится съ Ея Императорскимъ Величествомъ наединѣ, однако не пользуется никакими особенными правами любимца. Онъ былъ воспитанъ въ домѣ бывшаго канцлера Воронцова и помѣщенъ къ графу Панину его главнымъ прикащикомъ Бакунинымъ, состоящимъ въ родствѣ съ этимъ семействомъ. Страховъ не обладаетъ ни большими способностями, ни особенной дѣятельностью. Онъ привыкъ къ низкому обществу и къ плоскому буффонству; но характеръ его безукоризненъ, и я слышалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ отъ нихъ менѣе зависитъ, друзья его находятъ его упрямымъ и несговорчивымъ.—Любимецъ дня, носящій всѣ знаки и осыпанный публичными почестями, сопряженными съ этимъ званіемъ,—все тотъ же Корсакъ; онъ очень добръ, но глуповатъ и вполнѣ подчиняется приказаніямъ князя Потемкина и графини Брюсъ. Эти оба лица, кажется, вполнѣ управляютъ мыслями Императрицы. Тотъ всемогущъ по отношенію ко всему, касающемуся ея серьезныхъ плановъ и увеселеній; а графиня Брюсъ вступается только, когда дѣло идетъ о послѣднихъ.

Продолженіе будетъ.

[23]) См. Р. Архивъ 1866 года, стр. 597.

ОЧЕРКЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРІИ ГОРЯ ОТЪ УМА.

Въ настоящемъ году минетъ полвѣка съ той поры, какъ окончено было Грибоѣдовымъ его славное Горя отъ ума. Навѣки врѣзались въ народной памяти могучіе удары безпощадной сатиры, заклеймившей стародавніе общественные пороки наши; чудпымъ и смѣлымъ рѣзцомъ изваянные характеры комедіи вошли въ кругъ лучшихъ художественныхъ созданій русскаго ума, а живой народный языкъ принялъ въ свою сокровищницу десятки меткихъ выраженій и оборотовъ, перешедшихъ въ пословицы. Но рядомъ съ этимъ невольнымъ выраженіемъ удивленія красотамъ комедіи напрасно станемъ мы искать слѣдовъ серьезнаго ея изученія со стороны эстетической, изученія ея исторіи и отношенія къ современной ей жизни. У насъ нѣтъ до сихъ поръ ея толковаго изданія, обставленнаго комментаріями; біографіи автора часто ограничиваются передачей давно извѣстныхъ фактовъ изъ литературнаго адресъ-календаря, принимая и появленіе Горя отъ ума, и желчное остроуміе автора, и направленіе его сатиры за рядъ фактовъ безъ прошлаго, фактовъ точныхъ, не нуждающихся въ объясненіи. Въ то время, какъ мельчайшія частности жизни Пушкина или Лермонтова подвергаются подробному изслѣдованію, нравственная личность одного изъ величайшихъ нашихъ сатириковъ остается непонятою, и многія важнѣйшія черты его жизни загадочными.

По меткому выраженію Пушкина [1]), „люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одной егерской ротой или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ Московскомъ Телеграфѣ." Въ этихъ словахъ живая характеристика всей судьбы Грибоѣдова; въ нихъ и объясненіе того равнодушія къ памяти писателя, которое умѣетъ уживаться съ поклоненіемъ его важнѣйшему произведенію. Появленіе Горя отъ ума впервыя раскрыло всѣмъ глаза и показало обществу, какую силу и самостоятельность мысли оно игнорировало такъ долго, какимъ талантомъ пренебрегало. Встрѣчая въ свѣтскихъ гостиныхъ или на шумныхъ литературныхъ сходкахъ молодаго человѣка съ глубокими, страстными, выразительными глазами, жаждущими широкой и вольной жизни, съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя никогда не забываются и носятъ на себѣ слѣды глубокихъ думъ (современники свидѣтельствуютъ, что ни одинъ портретъ Грибоѣдова не передаетъ того особаго выраженія его физіономіи, которое и составляло его неотразимую привлекательность), слыша его остроумныя, рѣзкія выходки или видя его задумавшимся среди оживленнаго бала, вперившимъ глаза вдаль и совершенно чуждымъ всему происходившему вокругъ [2]), современники смотрѣли на него или какъ на одного изъ многихъ тогда разочарованныхъ юношей, отцвѣтшихъ душою безъ малаго въ шестнадцать лѣтъ и щеголяющихъ пресыщенностью, или рѣшали, что у него озлобленный умъ и сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго. „Нѣсколько друзей знали ему цѣну, говоритъ Пушкинъ, и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ." Они одни знали, какая это была рѣдкая, прямая и правдивая натура, составившая себѣ высокій жизненный идеалъ, всегда стремившаяся къ нему и съ презрѣніемъ

[1]) Сочин. Пушкина. изд. Анненк. т. 5, стр. 76.

[2]) Въ рукописныхъ матеріалахъ г. Смирнова, о которыхъ подробнѣе скажемъ ниже, есть характеристическій разсказъ изъ воспоминаній сестры Грибоѣдова, Марьи Сергѣевны. «Разъ, на одномъ большомъ балѣ, говорила она, я смотрю, Александръ, когда только что кончился вальсъ, стоитъ посреди залы одинъ одинехонекъ и прегрустный, презадумчивый. Я къ нему подбѣжала. «Александръ, что съ тобой?» Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня пристально и не болѣе какъ черезъ минуту отвѣчалъ серьозно: «стою и размышляю, отчего это я не умѣю такъ вальсировать, какъ Офр-вы»., Эти Офр-вы были пустѣйшіе молодые люди.

отметавшая все, что̀ тормозило его существованіе. „Кровь сердца всегда играла у него въ лицѣ, говоритъ А. Бестужевъ въ своемъ воспоминаніи о немъ [3]); никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ,—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица̀, несмотря на знатность особы, показалась-бы инымъ Катоновской суровостью, даже дерзостью.“

Непонятая и поздно оцѣненная, благородная личность Грибоѣдова пронеслась свѣтлою тѣнью по нашему литературному горизонту. Не мѣсто ей было въ душной атмосферѣ русскаго общества послѣднихъ лѣтъ александровскаго царствованія. Кавказъ, Грузія, дикая Персія являлись желаннымъ убѣжищемъ, гдѣ можно было укрыться отъ міра низкопоклонства, ханжества и казнокрадства, и собраться съ мыслями. Позднее и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, преувеличенное поклоненіе, рабское лизаніе пяты, которое подъ конецъ смѣнило у недавнихъ враговъ прежнее равнодушіе и холодность, уже не радовало его. Письма его дышатъ живымъ негодованіемъ, съ которымъ онъ сбрасываетъ съ себя эти корыстныя хвалы, трепеща отъ нравственной брезгливости, словно отъ прикосновенія отталкивающаго, пресмыкающагося животнаго.

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка. Круговоротъ историческихъ судебъ снова можетъ воскресить ту, казалось, отжившую пору, которая создавала Магницкихъ и Руничей, которая дала литературѣ безсмертные типы Скалозубовъ, Молчалиныхъ и Загорѣцкихъ. Въ такое-то время, когда, по выраженію древняго поэта, становится трудно *не писать сатиръ*, на насъ освѣжающимъ образомъ можетъ подѣйствовать мысленное обращеніе къ жизни и дѣятельности неустрашимаго борца противъ застоя. Такимъ образомъ и долгъ относительно памяти писателя, чей полувѣковой юбилей мы нынѣ вправѣ праздновать, и сама подсказывающаяся связь его главнѣйшаго труда съ злобой дня оправдаютъ мое намѣреніе собрать здѣсь нѣсколько данныхъ, освѣщающихъ исторію зарожденія и развитія лучшаго Грибоѣдовскаго созданія. Для этого очерка *исторіи* Горя отъ ума мы пользовались, кромѣ печатныхъ источниковъ и разсказовъ, переданныхъ намъ современниками Грибоѣдова, весьма цѣннымъ пособіемъ рукописнаго сборника матеріаловъ (хранящагося въ библіотекѣ московскаго Общества Любителей Россійской Словесности), составленнаго покойнымъ родственникомъ и искреннимъ поклонникомъ Грибоѣдова, г. Смирновымъ, поставившимъ цѣлью всей своей немногосложной литературной дѣятельности собраніе всевозможныхъ данныхъ для біографіи любимаго имъ писателя [4]).

I.

„Первоначальная мысль какой-либо сатиры, если не на все русское общество своего времени, то на московское общество, со всѣмъ, что́ въ немъ было суетнаго и закоснѣлаго (говоритъ г. Смирновъ) эта мысль явилась у Грибоѣдова еще въ 1816 году“.—Это показаніе основано на свидѣтельствѣ Бѣгичева, ближайшаго друга нашего писателя, что въ Петербургѣ въ 1816 г. даже написано было нѣсколько сценъ, что затѣмъ въ Персіи или Грузіи планъ этотъ Грибоѣдовъ во многомъ измѣнилъ и уничтожилъ нѣкоторыя дѣйствующія лица, между прочимъ жену Фамусова, сантиментальную модницу и аристократку московскую.

Несмотря на важный авторитетъ Бѣгичева въ подобномъ вопросѣ, мы отдадимъ предпочтеніе другому свидѣтельству, идущему отъ одного университетскаго товарища Грибоѣдова [5]), вспоминающаго, какъ однажды, еще

[3]) Отечествен. Записки 1860. Октябрь. «Знакомство Бестужева съ Грибоѣдовымъ».

[4]) Имъ были изданы черновыя тетради Грибоѣдова въ Русскомъ Словѣ 1859 г., №№ 4 и 5 и статья «Біографич. извѣстія о Гриб.» въ Бесѣдахъ Общ. Люб. Словесн., вып. II, 1868.

[5]) См. Замѣтки о Грибоѣд. Л. Майкова въ сбор-

въ 1812 году, Грибоѣдовъ прочелъ ему и своему воспитателю Іону отрывки изъ написанной имъ комедіи, носившей уже названіе Горя отъ ума.—И такъ не юношей двадцатишести лѣтъ, но несравненно раньше [6]) задумалъ поэтъ свою злую сатиру. Мысль о ней зародилась у него въ тѣ годы душевной безмятежности, когда такъ часто умъ еще не работаетъ самостоятельно и всѣ силы духа скованы сномъ, „когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло". Были-ли сцены, читанныя Грибоѣдовымъ-студентомъ товарищу, дѣйствительно первообразомъ Горя отъ ума или-же набросками оконченной вскорѣ по выходѣ изъ университета комедіи *Студентъ*, обнаружитающей также желаніе выставить пустоту и отсталость общества, остается конечно, за отдаленностью поры, неразъяснимымъ. Важенъ фактъ ранняго протеста, важны причины, его вызывавшія.

Семья Грибоѣдовыхъ любила тянуться за старой аристократіей, свято хранила родовыя и общественныя традиціи; но новое время и его требованія незамѣтно коснулись и ея и вынуждали на частыя уступки и послабленія новымъ идеямъ. Мать Грибоѣдова, на которой, вслѣдствіе безучастности ея мужа въ семейныхъ дѣлахъ, лежала вся забота о воспитаніи дѣтей, старалась сдѣлать его по преимуществу домашнимъ, но обставила его избранными силами, поручая главный надзоръ педагогамъ - иностранцамъ. Первымъ изъ нихъ былъ Петрозиліусъ, человѣкъ чрезвычайно ученый, впослѣдствіи извѣстный изданіемъ перваго обстоятельнаго каталога московской университетской библіотеки (М. 1831—1836). Онъ готовъ былъ привить своему воспитаннику серьезное отношеніе къ знанію и отнестись къ принятому на себя дѣлу добросовѣстно. Но, насколько можно догадываться, онъ не могъ отрѣшиться отъ извѣстной доли педантизма, который отшатнулъ отъ него живый и пытливый умъ его молодого воспитанника. Врядъ-ли не его имѣлъ въ виду Грибоѣдовъ въ неизданномъ первоначальномъ видѣ одной выходки Чацкаго, въ концѣ седьмаго явленія перваго дѣйствія Горя отъ ума:

Я не могу забыть, учительскій халатъ,
Перстъ указательный, сіяніе гуменца
Какъ наши робкіе тревожили умы;
Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы
Что ничего нѣтъ выше нѣмца!

Научныя занятія пошли еще болѣе систематическимъ путемъ съ тѣхъ поръ, какъ Петрозиліуса замѣнилъ случайно встрѣтившійся гувернеръ, Богданъ Ивановичъ Іонъ, которому суждено было сдѣлаться не только руководителемъ воспитанія Грибоѣдова, но и близкимъ другомъ и совѣтникомъ его, одною изъ тѣхъ добродушныхъ старческихъ головъ, которыя такъ симпатично вырѣзываются иногда въ смутной картинѣ воспоминаній о раннемъ дѣтствѣ и которыя потомъ неразлучны со всѣми хорошими днями жизни. Когда судьба ни приводила Грибоѣдова снова въ родную обстановку, одною изъ первыхъ заботъ его бывало отыскать Іона; старикъ въ свою очередь сильно тосковалъ, что не могъ повидать своего питомца, когда, замѣшанный въ дѣло 14-го Декабря, онъ проѣзжалъ подъ конвоемъ черезъ Москву и выказывать привязанность къ нему могло быть небезопасно; наконецъ, когда Грибоѣдова уже не стало, старикъ-гувернеръ любилъ сходиться съ другомъ покойнаго, С. Бѣгичевымъ и вспоминать съ нимъ о Грибоѣдовѣ и о добрыхъ старыхъ дняхъ. Въ тѣ минуты, говоритъ очевидецъ, слезы виднѣлись на глазахъ обоихъ собесѣдниковъ.

никѣ, издан. студент. Петерб. универс. 1860, вып. II. стр. 236.

[6]) Относительно времени рожденія Грибоѣдова существуютъ разнообразныя показанія. Г. Лонгиновъ (Современн. 1857, Библіограф. Записки: Первые печатн. опыты Гр.) говоритъ, что онъ родился въ 1795 г. 5-го Января. Г. Гербель дѣлаетъ его почему-то на день старше. Матеріалы для біогр. Гриб. (при изданіи Серчевскаго) называютъ 1794 г. Наиболѣе вѣрнымъ является показаніе формулярнаго списка Грибоѣд. (напечатан. г. Ефремовымъ въ Р. Арх. 1872, № 7 и 8), составленнаго въ 1829 г. и показывающее ему 39 лѣтъ (слѣдов. родился въ 1790 г.).

Грибоѣдовъ, какъ замѣтилъ уже его біографъ, не учился „чему-нибудь и какъ-нибудь". Рано пріобрѣлъ онъ знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, открывшее ему богатыя литературы Запада, рано привыкъ къ усидчивому труду, къ обстоятельному изслѣдованію мельчайшихъ подробностей чисто-научныхъ вопросовъ, поражающему въ его записныхъ и черновыхъ тетрадяхъ (въ особенности въ рубрикѣ *Desiderata* [7]), рисующихъ вообще его съ совершенно иной стороны, какъ человѣка, въ которомъ былъ матеріалъ для замѣчательнаго ученаго. Тогда-же началось и изученіе музыки, шедшее до такой степени подъ стать къ характеру всего образованія. Оно не было вызвано модой и падало на благодатную почву; фортепіано было не орудіемъ пытки, а средствомъ достиженія поэтическихъ наслажденій, товарищемъ многихъ мечтательныхъ часовъ. О немъ впослѣдствіи вздыхаетъ заброшенный въ Грузію Грибоѣдовъ, къ нему кидается, лишь только снова (хотя бы при тревожнѣйшихъ обстоятельствахъ) возвращается на родину. Увлекаясь въ безконечныя импровизаціи, онъ забывалъ весь міръ и не отрывался отъ инструмента по цѣлымъ днямъ [8]). Тонкая, впечатлительная, артистическая натура складывалась у молодого человѣка.

Іону пришлось руководить воспитаніемъ Грибоѣдова уже съ опредѣленной цѣлью. Настасья Ѳеодоровна Грибоѣдова рѣшила дать сыну и университетское образованіе или, выражаясь точнѣе, дать ему возможность прослушать нѣсколько отдѣльныхъ курсовъ у лучшихъ профессоровъ того времени, и потомъ, на основаніи полученныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, дополняющихъ домашнее образованіе, получить для сына степень кандидата, дать ему положеніе въ свѣтѣ и облегчить первый шагъ на службѣ. Въ этомъ отношеніи заботливая мать семейства поступала совершенно въ духѣ окружавшей ее среды: университеты являлись уже тогда въ глазахъ многихъ средствомъ для устройства первоначальной судьбы молодого дворянскаго поколѣнія; все подгонялось къ держанію кандидатскаго экзамена, что́ тотчасъ-же давало класный чинъ и извѣстную рекомендацію на службѣ. Это уже составляло шагъ впередъ сравнительно съ зачисленіемъ молодыхъ баричей на службу по архиву или по Кремлевской экспедиціи, порождавшимъ ту толпу „архивныхъ юношей", которыхъ воспѣлъ еще Пушкинъ и изъ которыхъ такъ легко формировались гг. N., D. e tutti quanti. Въ отношеніи Грибоѣдова были, разумѣется, приняты извѣстныя предосторожности; его не хотѣли смѣшивать съ плебеями и затирать въ ряды обыкновеннаго студенчества; его опредѣлили вольнымъ слушателемъ, выдержали въ университетѣ менѣе обыкновеннаго и, какъ это было тогда принято въ бонтонныхъ домахъ (слѣды этого обычая можно было подмѣтить въ Москвѣ даже весьма недавно) посылали его въ университетъ въ сопровожденіи гувернера, и Іонъ каждый день совершалъ неблизкое путешествіе изъ-подъ Новинскаго въ университетъ, сопутствуя своему воспитаннику и оберегая его отъ всякихъ соблазновъ. Въ выборѣ факультета также поступили довольно своеобразно и много не затруднялись. Іонъ былъ докторомъ правъ; при естественномъ вліяніи его на умъ ученика конечно могло заронитъся въ него нѣсколько болѣе интереса къ юридическимъ наукамъ; но ни особаго расположенія къ изученію права, ни видовъ на карьеру на юридическомъ поприщѣ ни тогда, ни впослѣдствіи у него не было. Мать, вѣроятно, сама остановилась на выборѣ этико-политическаго отдѣленія. Но, хотя одинъ изъ товарищей Грибо-

---

[7]) Напечатаны въ Русск. Словѣ, 1859 г., Май стр. 47—55.

[8]) Впослѣдствіи, связи съ кружкомъ молодыхъ русскихъ музыкантовъ, дружба съ Алябьевымъ, Верстовскимъ, княземъ Одоевскимъ, занятія съ извѣстнымъ потербургскимъ профессоромъ гармоніи—Іоганномъ Миллеромъ придали первоначальной любви къ музыкѣ прочную основу, раскрывъ передъ молодымъ дилетантомъ тайны музыкальной науки. «Провелъ цѣлый день съ Грибоѣд., пишетъ въ своихъ запискахъ М. И. Глинка (Русск. Старина 1870, 2 изд., 352); онъ былъ *очень хорошій музыкантъ*», а Глинка не былъ особенно щедръ въ раздачѣ такихъ эпитетовъ.

ѣдова по университету, И. И. Давыдовъ [9]), утверждаетъ, что только студенты философскаго факультета пользовались въ ту пору правомъ свободно посѣщать лекціи профессоровъ всѣхъ прочихъ факультетовъ, льгота эта была повидимому всеобщею; по крайней мѣрѣ нужно допустить, что она предоставлена была вольнымъ слушателямъ, что̀ дало Грибоѣдову возможность посѣщать по усмотрѣнію лекціи лучшихъ тогдашнихъ представителей литературной и философской школы наравнѣ съ чтеніями теоретиковъ-юристовъ.

Такимъ образомъ, хотя и изъ чисто внѣшнихъ, эгоистическихъ побужденій, думая больше о будущей карьерѣ, чѣмъ объ развитіи ума юноши, семья поставила Грибоѣдова на ту дорогу, которая должна была прежде всего повліять на его эмансипацію отъ идей окружавшей его среды. Смутныя стремленія къ чему-то лучшему, незамѣтно закравшіяся въ его пробуждавшееся сознаніе, получали отнынѣ болѣе опредѣленный характеръ, и возбужденный уже интересъ къ знанію пріобрѣталъ больше простору. Московскій университетъ въ 1810-12 годахъ, когда его посѣщалъ Грибоѣдовъ [10]), былъ въ положеніи переходномъ. Традиціи предшествовавшаго періода встрѣчались въ немъ съ признаками новаго научнаго направленія; изъ-за пріемовъ и ученій восьмнадцатаго вѣка проглядывало какое-то желаніе поискать новыхъ путей въ наукѣ; въ персоналѣ профессоровъ встрѣчались многочисленные иностранцы съ новыми мѣстными учеными, все еще (какъ и въ прошломъ вѣкѣ) выходившими преимущественно изъ семинарской среды, и латинскія или французскія лекціи первыхъ составляли рѣзкій контрастъ съ живымъ и краснорѣчивымъ русскимъ словомъ Мерзлякова и его подражателей. Изъ этого положенія университета на рубежѣ двухъ періодовъ, въ преддверіи разцвѣта философскаго направленія тридцатыхъ годовъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобъ въ немъ царствовалъ застой или неясность, спутанность научныхъ цѣлей. Ветераны западной науки просвѣтительнаго вѣка, храня преданія дѣятельной пропаганды просвѣщенія, продолжали и въ русской обстановкѣ распространеніе новѣйшихъ результатовъ знанія. Имъ во многомъ подражали представители молодого поколѣнія профессоровъ. Общеніе преподавателя съ слушателями во имя науки было не рѣдкостью, а общимъ правиломъ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ современники. Такъ одинъ изъ профессоровъ Грибоѣдова, М. М. Снегиревъ, читавшій исторію философіи, личность прекрасная, простодушная, истинно-религіозная, по словамъ его біографа, былъ „снисходителенъ и привѣтливъ къ ученикамъ, которыхъ почиталъ друзьями; домъ его былъ открытъ для юныхъ друзей его". Профессоръ Страховъ любилъ еще болѣе входить въ жизнь студенческую и, большой любитель театра, руководилъ обыкновенно студенческими спектаклями. Здѣсь въ Грибоѣдовѣ могла легко зародиться та, часто переходившая въ энтузіазмъ, любовь къ театру, которая служила характеристической чертой его вкусовъ во весь его юношескій періодъ и рано направила его литературную дѣятельность къ любимой формѣ комедіи. По словамъ И. И. Давыдова, „воскресные и праздничные дни студенты проводили лѣтомъ за городомъ, зимою въ домашнихъ концертахъ, а зимнюю вакацію въ домашнемъ театрѣ". Среди этого тѣснаго общенія студентовъ между собою и съ профессорами, и постоянной готовности послѣднихъ помогать молодежи всѣмъ, что̀ было въ ихъ средствахъ, рельефно выдвигалась личность Іоганна Теофила Буле (Buhle), какъ кажется, превосходившаго и познаніями прочихъ своихъ сотоварищей. Онъ перенесъ къ намъ свою дѣятельность, имѣя уже за собой ученую репутацію на Западѣ и опытъ профессуры въ Геттингенѣ; въ

---

[9]) Біографическій Словарь профессор. Московск. университ. 1855, I, 278—79.

[10]) Оффиціальныхъ свѣдѣній о пребываніи Грибоѣдова въ университетѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось, такъ какъ въ 1812 году значительная часть университетскихъ актовъ и въ особенности текущихъ бумагъ подверглась уничтоженію.

сонной помѣщичьей Москвѣ онъ остался тѣмъ-же разностороннимъ, неугомонно-дѣятельнымъ поклонникомъ науки. Хотя литературныя его работы становятся здѣсь все рѣже, но взамѣнъ того педагогическая дѣятельность и пропаганда знанія въ самомъ обществѣ получаютъ широкое развитіе. Онъ читаетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ публичныя лекціи исторіи, археологіи и исторіи искусства, задумываетъ изданіе Журнала изящныхъ искусствъ (1807), издаетъ Московскія ученыя вѣдомости, читаетъ курсы философіи и изучаетъ въ свободные часы прошлое Россіи, давшей ему у себя пріютъ. Гурьбой стекались всѣ студенты не только на обычныя чтенія Буле, но и на частные курсы устраиваемые имъ на Нѣмецкій ладъ у себя на дому, гдѣ отдѣльные вопросы философіи, эстетики или исторіи,—трехъ наукъ, которыми онъ предпочтительно занимался, подвергались подробному и серьезному изученію.

Если студенческій кружокъ въ тѣ годы, которые Грибоѣдовъ провелъ въ университетѣ, не оказалъ на него особенно живительнаго вліянія (изъ называемыхъ Давыдовымъ общихъ ихъ товарищей, Альфонскаго, Пряничникова, С. Нечаева, Смирнаго и т. д., ни одинъ, сколько извѣстно, не былъ даже въ болѣе или менѣе дружескихъ отношеніяхъ съ Грибоѣдовымъ), то слѣды вліянія профессоровъ долго сказываются у него. Любовь къ изученію русской исторіи пріобрѣтена была именно въ это время; знакомство съ молодою тогда политической экономіей и статистикой, которую читалъ Шлецеръ, сказывается даже въ позднѣйшіе годы на заботахъ Грибоѣдова, находившагося на Кавказѣ, о составленіи статистическихъ таблицъ и описаніи страны въ статистическомъ отношеніи. Но всего болѣе вліянія возъимѣлъ на него Буле, къ которому онъ привязался всею душой и о которомъ, какъ говоритъ Кс. Полевой [11]), онъ всегда вспоминалъ съ благодарностью. Есть основаніе думать, что и до университета онъ посѣщалъ частные курсы Буле, что̀ сдѣлало его вліяніе еще продолжительнѣе. Величайшій поклонникъ Аристотеля и издатель его произведеній, Буле любилъ въ своихъ эстетическихъ разсужденіяхъ преимущественно останавливаться на изученіи сущности и главныхъ основъ драмы. Здѣсь уже Грибоѣдову представлялась возможность теоретическаго изученія его любимаго рода поэзіи. Буле въ особенности предпочиталъ „драму сатирическую и комедію“; по самому характеру своему онъ былъ склоненъ высоко цѣнить элементъ веселости и насмѣшки, будящей и оживляющей людей. Однимъ изъ первыхъ его сочиненій было разсужденіе о душевной веселости и средствахъ поддерживать и развивать ее. Образцовъ комедіи и сатиры искалъ онъ, какъ истый гуманистъ, въ классическихъ литературахъ и, какъ-бы ни отличался отъ своихъ русскихъ сверстниковъ независимостью своихъ ученыхъ мнѣній и свободнымъ отношеніемъ къ авторитетамъ, не могъ обойти классическаго ученія о комедіи и не признать его единственно-вѣрнымъ. Слѣдомъ за профессоромъ, и Грибоѣдовъ, вначалѣ, съ особою любовью относился къ комическимъ писателямъ древности, предпочитая Плавта и Теренція. Буле, оцѣнивъ способности и талантъ своего ученика, нерѣдко посвящалъ ему одному продолжительныя философскія и эстетическія бесѣды, рано пріучившія его къ отвлеченному мышленію. Не безъ пользы было изученіе классической теоріи драмы; наряду съ предпринятымъ тѣмъ-же Буле ознакомленіемъ слушателей съ характеристическими чертами древняго быта, классическимъ искусствомъ, вѣрованіями и т. д. оно давало прочную подкладку его литературному образованію. Но Грибоѣдовъ не остался на псевдо-классицизмѣ своего любимаго учителя и не пошелъ въ

---

[11]) Біограф. Грибоѣдова при изд. Горя отъ ума 1839, стр. VIII. Даже подъ арестомъ онъ вспоминаетъ о книгѣ Дежерандо, которую 15 лѣтъ тому назадъ подарилъ ему Буле, и проситъ друзей прислать ее (см. Сборникъ автографовъ, изд. Русск. Стар. 1873).

кабалу отжившей теоріи. Мысли про себя, наблюденія и постоянное разнообразное чтеніе скоро побудили его пойти неизмѣримо дальше ученія, первоначально принятаго на вѣру, заставило его провѣрить его законы на лучшихъ произведеніяхъ европейскихъ драматурговъ и дойти постепенно до крайняго предѣла ограниченія обязательности всякой незыблемой теоріи, до того предѣла, который отмѣченъ замѣчательнымъ письмомъ его къ Катенину [12]) въ защиту Горя отъ ума отъ мелочныхъ придирокъ этого поклонника ложно-классической рутины, письмомъ, оканчивающимся такъ: „Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло; и не лучше-ли вовсе безъ хитростей? Nugae difficiles. Я какъ живу, такъ и пишу свободно.“

Въ Буле Грибоѣдовъ встрѣтилъ истиннаго ученаго въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не буквоѣда и не кабинетнаго затворника, что̀ вовсе бы не импонировало ему въ то время, но стоящаго вѣчно на передовомъ посту среди общества и находящаго время и для изслѣдованій, и для пропаганды просвѣщенія. Къ общему обаянію атмосферы науки присоединялся и увлекательный примѣръ нравственной силы и самостоятельности. Живѣе и убѣдительнѣе сознавалось съ каждымъ днемъ, что среда, въ которой возможны такіе люди, въ которой столько будящаго и живительнаго, не имѣетъ ничего общаго съ великосвѣтскимъ кружкомъ, въ которомъ юношѣ суждено жить. Все чаще поднимаются сами собою вопросы, сравненія, сомнѣнія. Начинается роковой анализъ.

Недаромъ Чацкій при первомъ свиданіи съ Софьей вспоминаетъ съ такимъ свѣтлымъ чувствомъ „возрастъ тотъ невинный“, когда живы еще впечатлѣнія дѣтства, когда міръ мечтаній еще не смѣнился грязной прозой и на душѣ легко и свободно. Не дологъ онъ, этотъ счастливый возрастъ, и тѣмъ тяжелѣ разставаться съ нимъ навѣки. Стремленія къ наукѣ, къ серьознымъ жизненнымъ цѣлямъ уже заронены, правда; но ни въ комъ изъ близкихъ они не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сочувствія. Семья съ ея поклоненіемъ порядочности и приличіямъ налагаетъ на молодаго человѣка свою печать, сдерживаетъ его порывы, то и дѣло преграждая путь самостоятельной работѣ молодаго ума, становившагося съ каждымъ днемъ все рѣзче въ разрѣзъ съ господствовавшими воззрѣніями. Въ сестрѣ онъ находилъ сочувствіе своимъ научнымъ занятіямъ, она раздѣляла его любовь къ музыкѣ; но въ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности, въ своеобразномъ поворотѣ его свѣжей, только что начинающейся жизни на непроторенные еще пути, въ свободѣ, предоставляемой влеченіямъ и порывамъ, и она не могла быть ему товаркой. Въ матери-же онъ встрѣчалъ неумолимо-сдерживающее начало, тѣмъ труднѣе сносимое, что оно исходило изъ сильной любви къ нему, изъ вѣры въ его необыкновенныя способности и изъ родительскаго желанія по своему распорядиться судьбою любимаго дѣтища. Она дала ему возможность образоваться, но никогда не ограничивала своихъ плановъ относительно его будущности карьерой писателя или ученаго; всѣ стремленія его къ литературной дѣятельности возбуждали въ ней неудовольствіе. Разъ, спустя уже нѣсколько лѣтъ по выходѣ Грибоѣдова изъ университета, она публично на вечерѣ у одного изъ товарищей сына, „съ презрѣніемъ говорила о его стихотворныхъ занятіяхъ и замѣтила въ немъ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что онъ не восхищался Кокошкинымъ и ему подобными [13])....“ Еще строже относилась она къ юношеской вѣтренности и шаловливости сына, въ которомъ кровь играла, въ которомъ былъ силъ избытокъ. Все это не шло къ сложившемуся у нея представленію объ образцовомъ молодомъ человѣкѣ. Это было начало того вполнѣ доброжелательнаго, но не менѣе тя-

[12]) Всемірный Трудъ 1868, кн. 2. Письмо къ Катенину изъ бумагъ П. Каратыгина.

[13]) Письма, изд. Общ. Люб. Слов. М. 1860, стр. 14.

гостнаго семейнаго гнета, отъ котораго впослѣдствіи пришлось столько страдать Грибоѣдову. Его вѣчно старались отвлечь отъ дѣла, хлопоча, чтобъ пустить его въ свѣтъ, сблизить съ вліятельными лицами, составить карьеру. Съ боя, ставъ на колѣна передъ сыномъ и заклиная его сдаться мольбамъ матери, Настасья Ѳедоровна убѣдила его принять мѣсто у Паскевича [14]); она отдаляла его отъ себя, лишь-бы проложить карьеру! Съ годами онъ научился многое прощать матери и близкимъ за дѣйствительно сильную привязанность къ нему; но по временамъ онъ продолжаетъ негодовать на эту вѣчную опеку, доходя до убѣжденія, „что истиннымъ художникомъ можетъ быть только человѣкъ безродный [15])“.

Ѣдкія выходки противъ неограниченнаго господства родственной клики, противъ всемогущества вліятельныхъ родственниковъ и семейныхъ совѣтовъ, разсѣянныя въ Горѣ отъ ума, были дѣйствительно выстраданы авторомъ. Не одна лишь семья въ тѣсномъ смыслѣ слова тормозила постоянно всѣ его порывы; за нею вставала грозная сила родни и великосвѣтскихъ знакомыхъ съ ихъ установившимися разъ на всегда воззрѣніями, непогрѣшимыми приговорами и дружной круговой порукой. Крѣпкой стѣны, окружавшей его со всѣхъ сторонъ, невозможно было пробить отчаянными усиліями тоскующаго въ одиночествѣ и вѣчно неудовлетворяемаго дѣйствительностью молодаго человѣка. Онъ бился въ своей клѣткѣ, затаивая месть своимъ притѣснителямъ.

Въ числѣ важнѣйшихъ членовъ семейнаго ареопага особенно выдавался дядя Грибоѣдова по матери, Алексѣй Ѳедоровичъ, одинъ изъ тогдашнихъ почетнѣйшихъ московскихъ тузовъ. При помощи матери нашего писателя, питавшей къ нему большое уваженіе, Алексѣй Ѳедоровичъ, гордившійся своими связями и положеніемъ въ свѣтѣ, старался ввести молодаго Грибоѣдова въ лучшее общество. Вѣчно приходилось Александру Сергѣевичу отстраняться отъ навязчивыхъ попеченій дяди. „Какъ только Грибоѣдовъ замѣчалъ, что дядя въѣхалъ къ нимъ на дворъ (разсказываетъ Бѣгичевъ въ запискѣ, составленной для г. Смирнова), разумѣется, затѣмъ, чтобъ вести его на поклоненіе къ какому-нибудь князь-Петръ-Ильичу, онъ раздѣвался и ложился въ постель. Поѣдемъ, приставалъ Алексѣй-Ѳедоровичъ.—„Не могу, дядюшка, то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ, хитрилъ молодой человѣкъ.“—Каковъ былъ въ дѣйствительности этотъ человѣкъ, мнѣнія и взгляды котораго пользовались всеобщимъ уваженіемъ въ Грибоѣдовской роднѣ, видно изъ слѣдующей его характеристики, набросанной на черно Грибоѣдовымъ въ позднѣйшіе годы и впервые сообщенной въ рукописныхъ матеріалахъ Смирнова:

„Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэллировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затмѣнія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть; но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ Турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ

[14]) Бесѣды въ О. Л. Слов. II, стр. 25.

[15]) Письма къ кн. В. Ѳ. Одоевскому. Р. Арх. 1864, стр. 808—812.

отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: *я*, братъ!"

По мѣрѣ того какъ молодой умъ привыкалъ относиться критически къ дѣйствительности, какъ бесѣды съ Буле, серьезныя требованія Іона и многое изъ слышаннаго и читаннаго въ студенческую пору вызывали у юноши привычку уходить въ себя и давать себѣ трезвый отчетъ въ наблюденіяхъ, — сравненіе міра Фамусовыхъ и Молчалиныхъ съ той чистой атмосферой, дышавшей трудомъ и мыслью, куда переносился онъ слѣдомъ за своими педагогами, тяжко потрясало его, и горькое разочарованіе глубоко западало въ его душу. Печаленъ былъ результатъ этого начинавшагося въ немъ анализа. Та среда, на которую онъ недавно смотрѣлъ спокойнымъ, беззаботнымъ взоромъ, проникнутымъ чисто-отроческимъ невѣдѣніемъ, выступала передъ нимъ въ безобразной наготѣ. Въ лицахъ, близкихъ ему по родству и связямъ, окружавшихъ его съ колыбели, онъ распозналъ рядъ темныхъ, безнравственныхъ характеровъ; цѣлая эпопея грязныхъ интригъ, искательства, низкопоклонства, чванства, воплощалась въ отталкивающихъ образахъ. Къ чему и развитіе, и умъ его, если нужно жить и дѣйствовать въ *этой* средѣ,—вотъ вопросъ, который легко могъ представиться юношѣ. Недолго онъ тѣшится добродушнымъ мщеніемъ, на которое такъ падка была въ тѣ годы молодежь. Онъ на школьной еще скамьѣ даетъ волю своему остроумію, прибѣгая къ летучей формѣ пародіи, сатиры или эпиграммы и потѣшаясь надъ тѣмъ, передъ чѣмъ благоговѣла масса. Молодое поколѣніе, не рѣшаясь еще свергнуть старыхъ боговъ, такъ мстило имъ и расшатывало ихъ пьедесталы. Онъ принимается за шуточную трагедію *Дмитрій Дрянской* [16]), которая должна осмѣять напыщенный патріотизмъ Озерова. Но этими литературными шалостями не могъ пробавляться горячій, неукротимо рвавшійся впередъ и вѣчно останавливаемый и завлекаемый въ тину свѣтской жизни, молодой студентъ. Въ его раннихъ юношескихъ произведеніяхъ скоро слышатся иныя ноты, заставляющія предугадывать будущаго грознаго сатирика. Его вступленіе въ жизнь страннымъ образомъ совпало съ порою народныхъ страданій, съ наполеоновскимъ погромомъ. Въ то время, какъ въ немъ заговорило дѣйствительно искреннее чувство патріотизма, онъ видѣлъ вокругъ себя много примѣровъ постыднаго равнодушія, пассивности; общество, уже на половину разгаданное имъ, выступало въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго набрасываетъ онъ планъ піэсы съ сюжетомъ изъ отечественной войны, и въ этомъ еще неискусномъ, часто наивномъ планѣ мы видимъ первые отголоски рѣзкаго обличенія общества. Заставивъ въ прологѣ, исполненномъ патріотическаго мистицизма, ночью слетѣться въ архангельскій соборъ тѣни древнихъ героевъ, Святослава, Мономаха, Петра, онъ въ самой піэсѣ желалъ именно указать на ужасающій контрастъ прежняго геройства и удали съ нравственнымъ растлѣніемъ его современниковъ. Въ конспектѣ второй картины втораго акта [17]) онъ отмѣчаетъ: „Всеобщее ополченіе *безъ дворянъ*. Трусость служителей правительства,—выставлена или нѣтъ, какъ случится." Эпилогъ, происходящій уже въ Вильнѣ, дышетъ еще болѣе глубокимъ разочарованіемъ: „Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ", значится въ программѣ. Конспектъ послѣдней сцены эпилога начинается словами: „прежнія мерзости".....

Такъ постепенно измѣнились въ молодомъ барченкѣ, столь заботливо оберегаемомъ семьею отъ вольнодумства, взгляды на жизнь и людей. Понятно, что въ одинъ изъ наиболѣе тяжкихъ пароксизмовъ недовольства окружающимъ, ему могла сама собою придти мысль о сатирѣ на московское общество, всего болѣе

[16]) Единственная рукопись ея, подаренная сестрою Александра Сергѣевича г. Смирнову, повидимому утрачена для исторіи литературы.

[17]) Русск. Слово 1859, V, 68.

ему знакомое или, выражаясь вѣрнѣе, *на рядъ личностей* наиболѣе ему ненавистныхъ. На первое время иначе и не могло быть. Затаивъ планъ мести, онъ набрасываетъ очеркъ комедіи, въ которой вдоволь насмѣется и надъ людьми и надъ предразсудками. Онъ еще не знаетъ вполнѣ этихъ людей, и много несравненно тягчайшихъ разочарованій ожидаетъ его впереди. Онъ пока скорѣе въ состояніи осмѣять закулисную, скандальную сторону жизни людей, занимающихъ первенствующее положеніе въ обществѣ, но хорошо уже ему знакомыхъ съ изнанки; онъ скорѣе въ состояніи съ наслажденіемъ хлестнуть ихъ бичемъ сатиры, чѣмъ разгадать весь складъ ихъ воззрѣній, проникнуть въ ихъ ограниченное міросозерцаніе, возсоздать живыми ихъ характеры. Время и думы и безконечныя наблюденія постепенно должны преобразить первый юношескій порывъ негодованія, не знающій мѣры и расплывчивый, въ стройное и художественное произведеніе.

II.

Много воды утекло, пока Грибоѣдовъ снова серьозно принялся за свой юношескій планъ комедіи, и когда онъ приступилъ къ его осуществленію, онъ былъ уже совершенно другимъ человѣкомъ. Патріотическое увлеченіе привело его прямо съ университетской скамьи въ гусарскій полкъ. Тѣмъ временемъ дѣло освобожденія Россіи уже совершилось, полкъ только передвигался изъ одного грязнаго мѣстечка Бѣлоруссіи въ другое; но Грибоѣдовъ не покидалъ военной службы. Стоитъ припомнить его прежнюю обстановку, чтобъ понять, почему онъ примирялся и съ бѣлорусскимъ захолустьемъ, и съ разгульной и пошлой компаніей собутыльниковъ въ стилѣ Давыдовскаго ёры и забіяки-Бурцова,—онъ, ученикъ Буле, съ незабытыми еще планами сатиры на пустоту и ничтожество! Онъ вырвался на свободу изъ-подъ домашней и свѣтской опеки; и степенное семейство, и наставникъ были далеко; никто не обязывалъ его „казаться основательнымъ", какъ это бывало дѣлала Настасья Ѳедоровна. Онъ явился въ среду людей, не привыкшихъ встрѣчать препятствій своимъ разгульнымъ затѣямъ во всю ширину русской удали, умѣвшихъ въ совершенствѣ, и „вымороски пить, и жидовъ за пейсы таскать", и всевозможными безнаказанными шалостями давать мѣстному населенію чувствовать ихъ присутствіе, словомъ владѣвшихъ умѣньемъ прожигать жизнь,—явился въ ихъ среду съ пылкимъ и увлекающимся характеромъ, съ запасомъ непочатыхъ страстей, съ жаждой жизни нараспашку. И молодой корнетъ бросается, очертя голову, въ эту новую для него жизнь, исполненную удовольствій и развлеченій довольно пошлаго характера. Это былъ ребячески-безцѣльный протестъ противъ застоя и спячки, который затянулъ и погубилъ столько талантливыхъ русскихъ натуръ, не выдвинувъ столь антипатичную имъ жизнь ни на волосъ изъ ея безмятежности. „Я въ этой дружинѣ побылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ какъ не могу попасть на путь истинный" [18]), такъ вспоминалъ впослѣдствіи Грибоѣдовъ объ одномъ изъ наиболѣе бурныхъ эпизодовъ своей военной службы.

Начальство не стѣсняло ни въ чемъ, покрывало продѣлки и прощало. Недалеко тогда еще отошло то время, когда и оно моглобы совершенно спокойно принимать участіе въ самыхъ безумныхъ затѣяхъ [19]). Грибоѣдовъ не отста-

---

[18]) Письма къ Бѣгичеву, стр. 6.

[19]) Любопытнымъ образцомъ, до чего могли доходить иногда «гусарскія шалости», можетъ служить напечатанный въ Русск. Стар. 1872, IV, 681, ордеръ московскаго главнокомандующаго графа Салтыкова шефу ахтырскаго гусарскаго полка генералу Борчугову отъ 1801 года. Салтыковъ, по жалобѣ однаго калужскаго жителя, ставитъ «на видъ его превосходительству, что оно незадолго передъ тѣмъ въ третьемъ часу ночи *обще съ гражданскимъ губернаторомъ* и со многими офицерами гусарскаго полка, пѣсенниками и гусарами, всего болѣе ста человѣкъ, пришедъ къ окнамъ дома истца, всѣ вдругъ съ барабаннымъ боемъ, ложками и трещотками произвели необыкновенный шумъ, причинивъ жителямъ страхъ и болѣзни!»—Эти ночныя гулянья, такъ жаловался обиженный, происходили весьма часто. Салтыковъ предписываетъ лишь «увеселеніями своими ни въ какое время не причинять безпокойствія другимъ.

валъ ни въ чемъ отъ своихъ товарищей, которыхъ самъ впослѣдствіи, въ годы раздумья, называлъ не иначе какъ „казарменными Готентотами“. Не было конца дурачествамъ, которыя-бы сдѣлали честь любому шалуну-гусару изъ опытныхъ; въѣхать на лошади на балъ, прогнать органиста въ монастырѣ и, занявъ его мѣсто, съиграть среди католической литургіи *Камаринскую*, было ни почемъ. То была пора кризиса; предоставленный самому себѣ, юноша могъ-бы, очертя голову, проститься навѣки съ прежними честными мечтами или отбросить ихъ въ далекій уголокъ пылкаго сердца и оправдывать свою залихватскую жизнь неудовлетворенностью и презрѣніемъ къ пошлой, сонной жизни.

Но въ эту-же пору стало постепенно устанавливаться то охлаждающее, образумливающее вліяніе сначала отдѣльныхъ личностей, потомъ и цѣлаго кружка, которое мало по малу возвращало Грибоѣдова на прежнюю дорогу, ободряло въ немъ серьозные инстинкты и внушало болѣе строгое, совѣстливое отношеніе къ жизни. Адъютантство при генералѣ Кологривовѣ въ Брестѣ сводитъ его съ кучкою болѣе образованной молодежи; снова пробуждается прежняя охота къ писательству и, разумѣется, прежде всего къ драматическимъ бездѣлкамъ, переводнымъ французскимъ комедіямъ. Въ эту пору встрѣчается онъ съ княземъ Вяземскимъ и затѣваетъ съ нимъ довольно оживленную, хотя не новую по сюжету и не вполнѣ безупречную по стиху, комедію *Кто братъ, кто сестра*; переводитъ *Молодыхъ супруговъ*, встрѣчается съ такимъ-же какъ самъ пламеннымъ театраломъ, княземъ А. Шаховскимъ, будущимъ плодовитымъ водевилистомъ и директоромъ театра. Всѣ эти новыя встрѣчи, новыя занятія уже невольно влекутъ его на другой путь. Въ первыхъ піэсахъ его еще весьма мало достоинствъ; онѣ написаны очевидно наскоро и по французскому шаблону, а по переѣздѣ его въ Петербургъ вызваны большей частью просто желаніемъ одолжить какого-нибудь бенефиціанта, и поэтому врядъ-ли могутъ быть серьозно взяты въ расчетъ какъ переходная ступень къ *Горю отъ ума* [20]). Но уже много значитъ это оживленіе литературной дѣятельности, какъ признакъ начинающагося поворота. Рядомъ съ этимъ внѣшнимъ измѣненіемъ строя жизни Грибоѣдова шло еще важнѣйшее, внутреннее. Одинъ изъ его новыхъ товарищей, въ началѣ неразлучный съ нимъ во всѣхъ бурныхъ шалостяхъ, но скоро одумавшійся, Бѣгичевъ былъ главнымъ виновникомъ нравственнаго перерожденія Грибоѣдова. Много искреннихъ и задушевныхъ словъ въ перепискѣ Александра Сергѣевича съ нимъ прямо показываютъ, что именно такимъ-то строгимъ и въ тоже время искренно его любящимъ наставникомъ, хотя и ровесникомъ его и столь-же мало знавшимъ еще жизнь, и считалъ друга своего Грибоѣдовъ и во всю жизнь не забылъ великой пользы его ранняго вліянія. Обмѣнъ взглядовъ между друзьями скоро привелъ къ тому, что вся окружающая дѣйствительность освѣтилась совершенно инымъ свѣтомъ, и какъ нѣкогда въ Москвѣ разоблачился передъ нимъ міръ Фамусовыхъ, такъ здѣсь узналъ онъ вполнѣ міръ Скалозубовъ и Бурцовыхъ, давшій ему впослѣдствіи столько матеріала для сатирической общественной картины. И въ крупныхъ, и въ мелкихъ частностяхъ *Горя отъ ума* мы видимъ постоянные отголоски наблюденій и мыслей, вынесенныхъ изъ общенія съ армейскимъ бытомъ. Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ, воплотившій въ себѣ типъ фронтовика-служаки, какими кишѣли въ то время войска, разумѣется, снятъ съ натуры и, хотя потомъ подновленъ нѣсколькими чертами, взятыми у *одной* опредѣленной личности (именно дивизіоннаго ге-

---

20) Когда А. Бестужевъ въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность» въ Полярн. Звѣздѣ 1823 г. (стр. 34) говоритъ по поводу передѣлки *Молодыхъ супруговъ* (Le secret du ménage): «стихи его живы, хорошій ихъ тонъ ручается за вкусъ его, и вообще въ немъ видно большое дарованіе для театра», то въ отзывѣ этомъ, написанномъ за годъ до окончанія Горя о. ума, конечно нужно отвести извѣстную долю слѣдствію обаятельнаго вліянія самой личности Грибоѣдова, его остроумія и слуховъ о большомъ задуманномъ имъ произведеніи. Передѣлка никакими особыми достоинствами не отличается.

нерала Фр-л-ва)[21] представляетъ какъ-бы собирательный характеръ, въ которомъ обрисованъ цѣлый классъ подобныхъ людей, тѣмъ болѣе антипатичныхъ Грибоѣдову, что въ начальникѣ своемъ, генералѣ Кологривовѣ, принадлежавшемъ къ новой школѣ отцовъ-командировъ, какъ говорилось встарь, школѣ Ермоловыхъ, Воронцовыхъ и т. д., онъ видѣлъ представителя совершенно противоположнаго направленія, примирявшагося однако съ выдающимся оффиціальнымъ положеніемъ и обязательной внѣшней формалистикой. Заставивъ Чацкаго сначала служить въ военной службѣ и даже именно въ кавалеріи, авторъ даетъ намъ понять положеніе его въ средѣ Скалозубовъ, презрительно смотрѣвшихъ на подобныхъ ученыхъ, выскочекъ-либераловъ. Когда Скалозубъ, заговоривъ о своемъ двоюродномъ братѣ, удалившемся даже отъ службы и принявшемся читать книги, (по первональному неизданному тексту) говоритъ:

Но крѣпко *зараженъ теперешнимъ столѣтьемъ.*
Представьте, капитанъ по списку былъ онъ третьимъ,
Въ отставку вышелъ вдругъ и книги сталъ читать...,

то въ этихъ словахъ слышится отголосокъ мнѣній и враждебныхъ взглядовъ всего стараго поколѣнія, и предвидится та глубокая рознь его съ новыми людьми, которая приведетъ первыхъ къ Семеновской исторіи и бунту военныхъ поселеній, вторыхъ къ тяжелой расплатѣ за свои стремленія. Въ разговорѣ Скалозуба съ Репетиловымъ еще разъ возвращаемся къ этой розни, причемъ первоначальный текстъ комедіи представляетъ въ меткихъ словахъ, достойныхъ идти подъ стать къ выраженіямъ, пріобрѣтшимъ уже знаменитость, яркую противоположность двухъ воззрѣній. „Избавь“, говоритъ Скалозубъ въ отвѣтъ на предложеніе свезти его въ либеральную компанію князь-Григорія,

Избавь! Съ ученостью вы много взяли всѣ-то!
Богъ вамъ премудрость ниспошли!
Даютъ-ли ордена за это?
Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли.
Я школы Фридриха: въ командѣ-гренадеры,
Фельдфебеля мои Вольтеры.

Новые люди дѣйствовали въ одиночку, не сплотившись. Каждому изъ нихъ было трудно пробиваться сквозь сплошной строй противниковъ, не находя порой, на кого опереться. Такъ плоха была надежда на добродушныхъ, честныхъ, но слабыхъ волею товарищей, въ родѣ Платона Михайловича Горичева или болтуновъ-либераловъ безъ всякихъ убѣжденій, повторяющихъ ради пикантности чужія нападки на старину и застой, въ родѣ Репетилова (задуманнаго, какъ увидимъ далѣе, еще въ описываемый періодъ и въ главныхъ чертахъ срисованнаго съ натуры). Чѣмъ далѣе шелъ этотъ въ сущности только возродившійся анализъ дѣйствительности, служившій продолженіемъ немолчной умственной работы, поднявшейся еще въ годы студенчества, тѣмъ жизнь среди „казарменныхъ Готентотовъ“ становилась все невыносимѣе, и жажда перемѣны и обновленія усиливалась. Рѣшившись покончить съ военной службой и отзываясь сочувственно на совѣты новыхъ друзей, манившихъ его въ Петербургъ, Грибоѣдовъ скоро совершенно эмансипируется отъ вліянія той среды, которая едва не осилила его. „Ты жалуешься на домашнихъ своихъ казарменныхъ Готентотовъ, пишетъ онъ черезъ три года Бѣгичеву; это — участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками; а какая ихъ бездна у насъ! Чуть ли не больше, чѣмъ солдатъ; и этихъ тьма....“[22])

Въ Петербургѣ Грибоѣдова охватилъ конечно и водоворотъ большаго города, увлекла и веселая толпа молодежи, и театръ, и романическія приключенія, въ которыхъ онъ былъ всегда такъ счастливъ; безъ этого обойтись было трудно,—и молодость еще брала свое; да и

---

[21]) Относительно лица, послужившаго оригиналомъ Скалозуба, были разныя мнѣнія. Одни видѣли въ немъ Паскевича, другіе съ нѣсколько большимъ основаніемъ лицо, еще выше поставленное въ управленіи арміи.

[22]) Письма къ Бѣгичеву, издан. Общ. Любит. Словесн. М. 1860, стр. 11.

все окружающее жило такой жизнью, и талантливое молодое поколѣніе, не исключая будущихъ свѣтилъ литературы, тратило силы на легкія интриги, культивировало закулисный міръ и т. д. Но, хотя шалости Грибоѣдова за это время приводили въ немалое негодованіе его семью, искавшую случая спасти его во имя карьеры, но въ нихъ не было уже ничего подобнаго прежнему житью. Они отходили на второй планъ, часто окрашивались дѣйствительно искреннимъ увлеченіемъ и отнюдь не могли заслонить начавшагося нравственнаго перерожденія. Его коснулось вліяніе кружка, задававшагося серьезными мыслями о несовершенствѣ существующаго порядка вещей и грезившаго уже необходимыми преобразованіями. Чуть-ли не прежде всего встрѣчается онъ съ этими людьми на почвѣ масонства, котораго и онъ, по общему тогдашнему обычаю, не могъ избѣжать. Въ числѣ членовъ ложи *des amis réunis* за 1816 годъ г. Пыпинъ нашелъ имена гвардейскихъ офицеровъ Чаадаева, Грибоѣдова, Норова, Пестеля, при чемъ въ одномъ изъ списковъ Грибоѣдовъ означенъ первой степенью, Пестель и Чаадаевъ пятой [23]). Новые друзья должны были въ сильной степени поддержать въ немъ и духъ отрицанья и сомнѣнья, и жажду обновленія жизни, и сильнѣйшее презрѣніе къ дѣятелямъ реакціи, грозно поднимавшей въ то время голову. Благородная личность Александра Одоевскаго, безвременно погибшаго и искренно оплаканнаго всѣми его знавшими, заняла въ эту пору въ жизни Грибоѣдова то высокое положеніе, какое занималъ дотолѣ Бѣгичевъ, отнынѣ разлученный съ другомъ. Чуткій ко всякой неправдѣ, поставившій себѣ высокій жизненный идеалъ, натура нѣжная и поэтическая, Одоевскій былъ ангеломъ-хранителемъ Грибоѣдова, оберегая его, еще не уходившагося, съ братской заботливостью отъ всякихъ уклоненій съ предлежавшаго всѣмъ друзьямъ пути патріотическихъ подвиговъ. Знакомство съ Пушкинымъ, жившимъ тогда одной жизнью со всей либеральной фалангой, стремившимся къ однимъ съ нею цѣлямъ, не могло не укрѣпить въ Грибоѣдовѣ и серьознаго взгляда на призваніе литературы въ смутную переходную эпоху. Не время было болѣе заниматься мелкими театральными бездѣлками, казнить литературныхъ противниковъ эпиграммами или отдѣлываться отъ свѣтской пошлости меткими остротами, невзначай брошенными и схваченными на лету празднымъ обществомъ. Наставало время энергическаго противодѣйствія пагубной рутинѣ, противодѣйствія, внушаемаго чувствомъ патріотизма. И не пустымъ звукомъ былъ этотъ патріотизмъ. Онъ глубоко залегъ въ сердцахъ образованной молодежи, онъ руководилъ кружками, составившимися на подобіе Tugendbund'а, наконецъ союзомъ благоденствія; молодежъ обращалась къ исторіи, ища въ ней, въ особенности въ лѣтописяхъ классическаго міра, образцовъ истинной и самоотверженной любви къ родинѣ, проникаясь духомъ, оживлявшимъ величайшихъ патріотовъ свободной Греціи. Все росло это движеніе, и все, что̀ было честнаго и прямодушнаго въ характерѣ Грибоѣдова, побудило его всею душою примкнуть къ нему. Изъ веселаго кавалериста, свѣтскаго человѣка, театрала, вырабатывался гражданинъ. Прежняя внутренняя работа, привычка уходить въ себя становится у него постепенно всепоглощающею. Онъ сосредоточивается, становится неузнаваемъ.

Въ этотъ-то многозначительный періодъ кореннаго перелома, Грибоѣдовъ легко могъ возвратиться къ задуманному еще въ ранней молодости плану комедіи-сатиры на руководящія общественныя сферы. При его новомъ настроеніи осуществленіе его плана являлось не праздной забавой, не ребяческой местью, но гражданскимъ подвигомъ, отвѣчавшимъ вполнѣ пробудившимся у него запросамъ. И вотъ, по показанію Бѣгичева, онъ приступаетъ въ 1816 году къ обдѣлкѣ своей комедіи, пишетъ нѣсколько сценъ и дѣлится съ друзьями своимъ новымъ опытомъ.

[23]) Матеріалы для истор. масонскихъ ложъ. Вѣстн. Европы 1872, книга 2-я.

Зная уже раннюю обстановку Грибоѣдова, зная тѣ терзанія, которыя она ему причиняла безпрестанно, легко увидать, кто именно послужитъ оригиналами для характеровъ комедіи. Въ настоящее время, кажется, полувѣковая давность даетъ намъ право прямо сказать, что главные изъ числа этихъ характеровъ живьемъ выхвачены изъ ближайшей родственной обстановки автора. Изъ приведенной выше характеристики дяди Грибоѣдова читатель вѣроятно уже догадался, что Алексѣй Өедоровичъ и былъ именно прототипомъ Фамусова [24]). Щепкинъ, имѣвшій оригиналъ передъ глазами, сдѣлалъ извѣстные, тщательно изученные имъ, пріемы его до извѣстной степени традиціонными на нашей сценѣ, почти обязательными для позднѣйшихъ исполнителей. Г-нъ Смирновъ приводитъ однакожъ въ своей рукописи чрезвычайно любопытное замѣчаніе Щепкина о степени вѣрности передачи имъ характера Фамусова, изъ котораго видно, что знаменитый актеръ, несмотря на репутацію прекраснаго Фамусова, былъ внутри души крѣпко недоволенъ невозможностью вѣрно передать его характеръ. „Роль эта не совсѣмъ по дѣломъ прославила меня, говорилъ Щепкинъ. Я не Фамусовъ. Не забудьте, что Фамусовъ, какой онъ ни пошлякъ съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія, какъ ни смѣшонъ онъ своимъ образомъ мнѣній и дѣйствій, — все таки баринъ, баринъ въ полномъ смыслѣ слова; а во мнѣ ничего нѣтъ барскаго, у меня нѣтъ манеръ барскихъ, я человѣкъ толпы, и это ставитъ меня въ совершенный разладъ съ Фамусовымъ, какъ съ живымъ лицомъ.“— Очевидно, что талантливое чутье подсказало артисту именно то пониманіе роли, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ характеристикѣ, набросанной самимъ авторомъ, той „смѣси пороковъ и любезности,“ которую онъ мастерски очерчиваетъ.

[24]) На это впервыя указалъ вскользь М. Дмитріевъ въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» М. 1869, стр. 243.

Въ семьѣ-же Алексѣя Өедоровича должны мы, по достовѣрнымъ показаніямъ близкихъ лицъ, искать и оригиналъ втораго главнаго дѣйствующаго лица комедіи, дружбой дѣтскихъ лѣтъ когда-то привязаннаго къ Чацкому. Но это лицо еще живо, и потому неудобно былобы здѣсь называть его. Изъ-за главныхъ лицъ выступаютъ второстепенныя, взятыя изъ той-же среды. Такова двоюродная сестра Грибоѣдова, изображенная въ лицѣ Натальи Дмитріевны Горичевой; мать ея послужила оригиналомъ для Хлестовой, въ которой впрочемъ многіе находятъ также и черты извѣстной законодательницы тогдашняго большаго свѣта, Офросимовой, изображенной, какъ извѣстно, и графомъ Л. Н. Толстымъ въ его ***Войнѣ и Мирѣ***. Молчалинъ срисованъ съ одного усерднаго посѣтителя всѣхъ знатныхъ прихожихъ, умершаго уже давно въ санѣ почетнаго опекуна. Въ лицѣ добродушнаго и неповоротливаго, честнаго малаго Платона Михайловича Горичева, Грибоѣдовъ не задумался изобразить своего стараго пріятеля и родственника, Илью Ивановича О-р-ва и, по старымъ разсказамъ, самъ-же пріѣхалъ къ другу и признался, что вставилъ его въ свою комедію. О Скалозубѣ мы только что сказали. Мы могли-бы дать столь же опредѣленныя указанія и относительно другихъ лицъ, напримѣръ Загорѣцкаго и т. д., но считаемъ долгомъ оговориться здѣсь разъ навсегда: указаніе лицъ, послужившихъ оригиналами для характеровъ комедіи, имѣетъ, конечно, большое значеніе для надлежащаго изученія процесса творчества автора, способствуетъ осмысливанію всего произведенія и разгадкѣ настроенія, въ немъ сказывающагося; но невозможно упускать изъ виду, что копировка шла не далѣе первоначальнаго контура, общаго облика, оживить который и сдѣлать цѣльнымъ, своеобразнымъ типомъ, вполнѣ отвѣчающимъ замыслу автора, было неотъемлемымъ дѣломъ его таланта. Реальная личность дяди являлась такимъ образомъ какъ-бы только поводомъ къ созданію Фамусова, дала для этого характера нѣсколько

своихъ чертъ, художественно затѣмъ дорисованныхъ и освѣщенныхъ. Она важна гораздо болѣе потому, что направила сатиру Грибоѣдова въ данномъ случаѣ именно на надменныхъ московскихъ тузовъ, которымъ служила вѣрной представительницей. Доводить параллель подробностей сюжета комедіи съ фактами дѣйствительной жизни изображаженныхъ въ ней лицъ до мелочей было-бы не только невѣроятной натяжкой, но и привебыло-бы къ ложнымъ заключеніямъ. Такъ, несмотря на видимое совпаденіе обстановки Чацкаго съ средой, окружавшей самого автора, совершенно ошибочно мнѣніе, будто-бы въ жизни Грибоѣдова было что-нибудь похожее на отношенія Софьи къ Чацкому и ихъ развязку. „Никогда ничего подобнаго не было", категорически заявляетъ Бѣгичевъ, свидѣтель вполнѣ авторитетный.

Въ какомъ отношеніи должны были находиться всѣ дѣйствующія лица другъ къ другу въ первоначальномъ видѣ комедіи, какова въ точности была роль Чацкаго среди нихъ (о немъ и нѣкоторыхъ другихъ позже введенныхъ лицахъ мы подробнѣе скажемъ ниже), совершенно неизвѣстно. Мы уже говорили, что въ первообразѣ Горя отъ ума, какъ онъ зачался въ 1816 году, было много лишняго, обременяющаго дѣйствіе и впослѣдствіи (какъ напр. цѣлая роль жены Фамусова, на которую осталось впрочемъ нѣсколько намековъ въ рѣчахъ его самого) вовсе уничтоженнаго. Несомнѣнно только, что главный остовъ комедіи былъ тотъ же, что̀ и впослѣдствіи, что противоположность двухъ міровъ, двухъ вѣрованій, составляла и тогда основную тему піэсы, конечно развитую несравненно неопытнѣе, съ большей горячностью и невѣдѣніемъ мѣры въ выраженіи молодаго, страстнаго негодованія. Сравненіе приводимыхъ далѣе позднѣйшихъ варіантовъ комедіи, непосредственно предшествовавшихъ окончательной ея отдѣлкѣ, съ общеизвѣстнымъ текстомъ, несравненно болѣе сжатымъ и гармоническимъ, даетъ приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ долженъ былъ быть набросокъ 1816 года. Эти варіанты указываютъ намъ въ тоже время, что и удивительный языкъ Горя отъ ума сложился не вдругъ послѣ весьма ординарнаго слога мелкихъ комедій Грибоѣдова. Черновыя тетради свидѣтельствуютъ, что передъ послѣдней отдѣлкой иной стихъ подвергался всевозможнымъ измѣненіямъ, пока не пріобрѣталъ желаемую краткость, меткость и силу. Понятно, каковъ могъ быть слогъ въ ту пору, когда сама комедія была почти въ зародышѣ. Но планъ ея, острота насмѣшки, уже сквозившая и въ неопредѣленномъ ея образѣ, вызвали сочувствіе друзей Грибоѣдова. Онъ съ любовью отдался своему замыслу; но, что̀ достойно особаго замѣчанія, очевидно не назначалъ своего произведенія для сцены. На это указываютъ почти прямо слѣдующія слова изъ неизданнаго чернаго отрывка, сообщаемаго извѣстною уже рукописью:

„Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставило меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены". И такъ въ началѣ Грибоѣдовъ задумывалъ нѣчто въ родѣ комедіи для чтенія, быть можетъ, оттого, что не вѣрилъ возможности всенароднаго обличенія съ сценическихъ подмостокъ въ то время; онъ не хотѣлъ заискивать вниманія театральной толпы, но стремился, въ пламенномъ увлеченіи молодости, сказать современному обществу нѣсколько суровыхъ, безпощадныхъ истинъ, — замыселъ совершенно соотвѣтствующій тому особому *гражданскому* настроенію, которое его охватывало.

Принятіе службы въ Таврисѣ, на что онъ рѣшился вслѣдствіе отчаяннаго напора на него той-же семьи, желавшей его отдалить отъ петербугскихъ соблазновъ, казалось, должно

было-бы положить конецъ работѣ надъ задуманнымъ обличительнымъ произведеніемъ. Онъ надолго разобщался съ средой, ставшей предметомъ обличенія; передъ нимъ открывалась новая для него служебная дѣятельность, къ которой онъ по новымъ своимъ воззрѣніямъ расположенъ былъ отнестись вполнѣ добросовѣстно, хотя первоначально всѣми силами отбивался отъ нея и тщетно ставилъ всевозможныя препятствія окончательному зачисленію своему на службу. Наконецъ его ожидала неисходная тоска по тѣсному дружескому кругу, по цивилизованной жизни, по возможности занятій, по музыкѣ, по дамамъ своего сердца. До насмѣшекъ-ли, до комедій-ли тутъ, въ этой почетной ссылкѣ, которую онъ допускаетъ лишь изъ ложно понятаго долга относительно семьи и желанія поправить ея запутанныя денежныя обстоятельства? Но не разстается онъ съ своей комедіей и дѣлаетъ ее своею неизмѣнной спутницей во время долгаго странствія до варварской страны, которой вскорѣ суждено оказать на первыхъ порахъ хорошее вліяніе и на складъ ума его, и на дарованіе.

Съ этой минуты начинается послѣдній періодъ работъ по созданію Горя отъ ума.

III.

„Трехлѣтнее пребываніе въ Персіи и уединенная жизнь въ Таврисѣ сдѣлали Грибоѣдову большую пользу", говоритъ Бѣгичевъ въ своей біографической запискѣ [25]. „Сильная воля его укрѣпилась, всегдашнее его любознаніе не имѣло уже преграды и разсѣянія. Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ отраслямъ наукъ и много учился". Въ такое-то время затишья и ничѣмъ не стѣсненныхъ думъ, и смыслъ излюбленнаго сатирическаго произведенія долженъ былъ сдѣлаться иной. Изъ своего скучнаго, томящаго далека Грибоѣдовъ вѣрнѣе распознавалъ основныя черты только что оставленнаго имъ быта; изъ-за отрицательныхъ характеровъ, собранныхъ имъ въ свою комедію, выступали для него важнѣйшіе вопросы русской жизни. Взглядъ его становился мрачнѣе, сатира безпощаднѣе. Изъ Россіи приходили только вѣсти о новыхъ успѣхахъ реакціи. Старая патріотическая жилка, разожженная еще болѣе занятіями русской исторіей, въ которой Грибоѣдову грезился рядъ эпизодовъ величія и славы, рѣзко и обидно контрастирующій съ безхарактерной пошлостью потомковъ,—побуждала его выступить не только съ болѣе или менѣе удачной сатирой на лица и пороки, но и съ прямымъ воззваніемъ къ обществу, заклинающимъ его остановиться на гибельномъ пути къ полной безличности и пролагать себѣ путь къ возрожденію. Характеръ Чацкаго, дотолѣ еще неясный, получаетъ теперь вполнѣ опредѣленную физіономію, и вся комедія окрашивается совершенно новымъ направленіемъ. Чѣмъ болѣе развивается самостоятельный, энергическій, благородный складъ воззрѣній Грибоѣдова, тѣмъ совершеннѣе становится художественное воспроизведеніе его въ Чацкомъ.

Да, Чацкій дѣйствительно точный портретъ Грибоѣдова. Его рѣчей, его стремленій и понять нельзя безъ помощи постояннаго сличенія съ оригиналомъ. Пусть строгая теорія справедливо укажетъ промахи въ постепенномъ развитіи этого характера въ комедіи, пусть перечтетъ неловкія минуты, которыя заставляетъ переживать его авторъ (въ родѣ монолога въ концѣ третьяго акта) и которыя какъ будто указываютъ на нѣсколько насмѣшливое отношеніе автора къ своему герою;—быть можетъ, оттого, что устами Чацкаго говорилъ онъ самъ, что онъ не смотрѣлъ на него, какъ на нѣчто внѣ его находящееся, онъ и допустилъ у себя эти промахи. Мы здѣсь стоимъ на почвѣ исторической и должны вникнуть во внутреннее значеніе Чацкаго, этого лучшаго выразителя надеждъ и стремленій либерализма двадцатыхъ годовъ.

Чацкому суждено было стать предметомъ самыхъ разнообразныхъ комментаріевъ, вытер-

[25]) Бесѣды въ Общ. Люб. Слов. II, стр., 18.

пѣть много совершенно незаслуженныхъ нападокъ; онъ не избѣгъ также участи прочихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи и былъ пріурочиваемъ къ совершенно невозможнымъ оригиналамъ. Такъ одно время было въ ходу мнѣніе, что въ немъ авторъ хотѣлъ изобразить своего близкаго друга, всегда глубоко имъ цѣнимаго, Чаадаева; какъ видно изъ недавно напечатанныхъ писемъ Пушкина къ князю Вяземскому [26]), этотъ слухъ дошелъ и до Пушкина и даже сильно возмутилъ его на время. Идя еще далѣе, литературные враги Грибоѣдова, вскорѣ по напечатаніи первыхъ отрывковъ изъ его комедіи въ *Русской Таліи*, назвали Горя отъ ума и въ частности характеръ Чацкаго простымъ подражаніемъ Виланду [27]), говоря, что положеніе Чацкаго въ обществѣ и его обличительныя рѣчи являются прямой копіей съ роли Демокрита, главнаго дѣйствующаго лица въ Виландовомъ фантастическомъ разсказѣ *Geschichte der Abderiten*, точно также набравшагося, во время долгихъ путешествій, новыхъ идей и высказывающаго ихъ въ болѣе или менѣе остроумной формѣ избраннымъ личностямъ знаменитаго абдеритскаго племени, упоеннаго своимъ собственнымъ величіемъ. Безпристрастное сравненіе обоихъ произведеній тотчасъ должно было-бы обнаружить громадную разницу между ними. Въ то время какъ Виландъ довольствуется сплошной аллегоріей и, какъ сатирики XVIII-го вѣка, рисуетъ нравы фантастическаго общества, среду сказочную, гдѣ противники Демокрита своими рѣчами и дѣйствіями, своею безсильной злобой производятъ часто комическое впечатлѣніе, — Горя отъ ума, перенося насъ въ живую русскую дѣйствительность, срывая маски со всего порочнаго, а не прикрывая его ими ради стыдливости, возсоздавая цѣлый рядъ типическихъ личностей, а не забавляя зрѣніе китайскими тѣнями, является меткой, чисто-русской сатирой, и рѣчи Чацкаго, въ которыхъ слышится не саркастическая усмѣшка Демокрита, но въ которыхъ нерѣдко душою отгадывается весь трагизмъ его положенія, являются невольнымъ воплемъ, вырвавшимся изъ груди *русскаго* умнаго человѣка.

Но нападки были сдѣланы и съ другой стороны, и, казалось-бы, съ несравненно бо́льшимъ основаніемъ. Чацкаго зачислили въ ряды проповѣдниковъ разобщенія съ Западомъ; его доводамъ о необходимости учиться хоть у Китайцевъ ихъ премудрому незнанію иноземцевъ и т. д. придали характеръ крайней славянофильской доктрины, сдѣлали Грибоѣдова заурядъ однимъ изъ провозвѣстниковъ славянофильства. Еще недавно г. Анненковъ [28]) счелъ необходимымъ попрекнуть по тому-же поводу Грибоѣдова „модными архаическими, славянофильскими тенденціями“ и т. д. Поверхностность подобныхъ опрометчивыхъ приговоровъ обнаруживается весьма легко. То, что́ желаютъ выставить *моднымъ* архаизмомъ, т. е. какъ-бы чѣмъ-то не искреннимъ, игрой въ сочувствіе старинѣ, становится совершенно понятнымъ, если его не разобщать со всѣмъ патріотическимъ движеніемъ къ обновленію, охватившимъ въ ту пору лучшую часть русской молодежи. Не романтическая блажь заставляла Рылѣева возвращаться въ своихъ *Думахъ* къ различнымъ эпизодамъ старой русской исторіи, какъ равно и не она создала знаменитыя въ свое время Историческія пѣсни (Śpiewy historyczne) Нѣмцевича, восхищавшія тогда всю Польшу. Обращаясь къ старинѣ, оба поэта видимо старались тѣмъ расшевелить своихъ соотечественниковъ, становившихся снова индифферентными послѣ патріотическаго взрыва въ пору наполеоновскихъ войнъ, усилить въ нихъ самосознаніе, научить ихъ посредствомъ указаній исторіи трезвому, мужественному взгляду на жизнь, какъ-бы напомнить имъ, что они не разобщенное и изолированное племя, а народъ, у котораго есть прошедшее,

[26]) Русск. Архивъ 1874, стр. 127.

[27]) Вѣст. Евр. 1825, № 5, статья М. Дмитріева.

[28]) Вѣстникъ Европы 1873, XII, 467. «Пушкинъ въ Александровскую эпоху»,

налагающее на него важныя обязанности. Нѣтъ спору, что во всемъ этомъ есть значительная доля идеализма и именно того идеализма двадцатыхъ годовъ, который сталъ почти поговоркой и который такъ живо сказывается во всѣхъ литературныхъ и политическихъ начинаніяхъ тогдашняго молодаго поколѣнія. Но невозможно эти начинанія разобщать съ ихъ временемъ, забывая, что уже болѣе полувѣка отдѣляетъ отъ нихъ и насъ, и наши воззрѣнія. Чацкій во всемъ, что̀ только можно подвести подъ категорію „моднаго архаизма", является вполнѣ послѣдовательнымъ выразителемъ только что очерченнаго направленія. Не забудемъ, что авторъ заставилъ его долго пространствовать по Европѣ и придти къ заключенію, что „тамъ лучше, гдѣ *насъ* нѣтъ". Ни въ чемъ и нигдѣ не встрѣтимъ мы глумленія его надъ всѣмъ, что́ представляла въ то время живаго и обновляющаго западная жизнь. Разсѣянныя въ комедіи выходки противъ цензуры и сильныхъ враговъ новой образованности, принимаемая на себя авторомъ защита новаго поколѣнія ученыхъ, упражняющихся въ расколахъ и безвѣріи, защита Ланкастерской системы взаимнаго обученія, составлявшей одну изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ либераламъ частей ихъ программы, и множество другихъ данныхъ, которыя, кажется, было-бы излишне здѣсь приводить, доказываютъ, что Чацкій-Грибоѣдовъ сочувствовалъ всѣмъ тѣмъ новымъ стремленіямъ, которыя въ ту пору именно и неслись на Русь только съ Запада. Въ одномъ изъ писемъ къ кн. В. Ѳ. Одоевскому [29]) онъ прямо возстаетъ „противъ людей, которые отъ души желаютъ, чтобъ отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ". Ему-ли, въ самомъ дѣлѣ, воспитавшемуся на рукахъ ученыхъ иностранцевъ, ученику Буле, разносторонне знакомому съ западными литературами, было выступать въ качествѣ крайняго врага всего иноземнаго? [30])

Какъ будто достаточно, если человѣкъ вознегодуетъ на то, что съ раннихъ лѣтъ насъ научаютъ, „что ничего нѣтъ выше нѣмца," или (какъ оканчивается въ первоначальномъ текстѣ приведенный уже нами отрывокъ) что у насъ всякій Гильоме

Куда глаза ни обратитъ,
Кто противъ легкости волшебной устоитъ?
Живемъ мы такъ давно, такъ дружно, такъ семейно,
Со всякимъ вертуномъ, залетнымъ изъ-за Рейна,

какъ будто достаточно такой совершенно понятной выходки для заключенія о повальномъ нерасположеніи его ко всему чужеземному. Видѣть въ карикатурѣ французика изъ Бордо насмѣшку надъ всѣмъ французскимъ народомъ не значитъ-ли идти слишкомъ далеко по пути обобщеній? Къ тому-же не труденъ отвѣтъ на вопросъ, кто менѣе пощаженъ хотя-бы въ упомянутомъ эпизодѣ, французикъ-ли, этотъ „вертунъ, залетный изъ-за Рейна", т. е. первый встрѣтившійся проходимецъ, или то общество, которое чествуетъ, слушаетъ и принимаетъ его. Тутъ-то мы касаемся существеннаго объясненія анализируемой стороны воззрѣній Чацкаго. Онъ всюду видѣлъ во время своихъ странствій народы, которые не стыдились быть самими собою, и потому, послѣ долгаго отсутствія съ родины, его всего больнѣе поражаетъ та безличность, готовность жертвовать своей самобытностью въ угоду приличіямъ и модѣ, то добровольное отреченіе отъ своей національности и смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ, которое бросается ему въ глаза на каждомъ шагу. Оттого-то онъ и возстаетъ противъ „нечистаго духа пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья", по той ясной причинѣ, что подражаніе это не сознательное и обдуманное, но слѣпое и рабское. Въ виду этой основной мысли мы можемъ пройти мимо дѣйствительно лишнихъ выходокъ противъ европейскаго костюма и т. п.; эти выходки могутъ быть сочтены извинимымъ въ устахъ раздра-

[29]) Русск. Арх. 1864, №№ 7 и 8.

[30]) Кирѣевскій поэтому напрасно ставитъ на видъ автору будто-бы упущенное имъ различіе между сочувствіемъ къ Западу и поклоненіемъ иностранцамъ (статья о Горѣ отъ ума въ журналѣ *Европеецъ* 1832 г., перепеч. въ Соб. Соч. Кир. 1861)

женнаго, горячо заговорившагося человѣка, излишествомъ; они слишкомъ сгущаютъ тѣни въ картинѣ, но не могутъ быть въ комедіи ничѣмъ инымъ какъ балластомъ.

Перейдемъ къ другой сторонѣ характера Чацкаго, подвергавшейся не меньшимъ нападкамъ. Зачѣмъ авторъ заставилъ его высказывать свои новыя идеи закоснѣлымъ представителямъ застоя и рутины, зачѣмъ осудилъ его играть въ ихъ средѣ странную роль моралиста, котораго никто не хочетъ слушать? Не замѣтилъ онъ самъ странности этого положенія своего героя, или-же не хотѣлъ-ли онъ отнестись къ нему полу-насмѣшливо, какъ къ благородному утописту, тратящему остроуміе и паѳосъ попусту? Вотъ вопросы, часто задававшіеся критикой. Мы постараемся сообщить здѣсь нѣсколько данныхъ для ихъ разъясненія. Что Грибоѣдову чуждо было намѣреніе сдѣлать героя своего хотя отчасти смѣшнымъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Указанное уже выше письмо его къ Катенину [31]), оправдывающее передъ лицомъ этого привязчиваго критика частности плана и выполненіе характеровъ въ комедіи, служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. „Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ, пишетъ Грибоѣдовъ; мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію: дѣвушка сама не глупая предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, что чтобы умъ у насъ, грѣшныхъ, былъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчіи съ обществомъ его окружающимъ; его никто ни понимаетъ, никто простить не хочетъ, за чѣмъ немножко онъ повыше всѣхъ; сначала онъ веселъ, и это порокъ: „шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ“.—Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ; что-же дѣлать коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей, замѣтной черты! Его насмѣшки неязвительны, покуда его не взбѣсятъ, но все таки: „не человѣкъ, змѣя“; а послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули, предается анаѳемѣ: „унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ“. Не терпитъ подлости: „ахъ, Боже мой, онъ карбонарій“. Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій; никто не повѣрилъ, но всѣ повторяютъ, голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки ему совершенно объясняется: онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ“ и т. д. Смотря такимъ образомъ на Чацкаго, какъ на характеръ вполнѣ выдержанный и послѣдовательный, а не какъ на автомата, при посредствѣ котораго удобно высказывать рѣзкія обличенія, Грибоѣдовъ, стало быть, находилъ на свой взглядъ вполнѣ естественнымъ его неодолимое влеченіе смѣло говорить истину въ глаза. Чацкій подвергается опаснымъ въ ту пору обвиненіямъ въ карбонарствѣ, но „онъ не терпитъ подлости“ и потому не можетъ молчать. Объясненіе этому взгляду необходимо снова искать въ свойствахъ характера самого Грибоѣдова, вполнѣ отождествляющагося съ чертами характера его героя. Непреодолимое влеченіе говорить правду, не скрывая ее ради какихъ либо выгодъ, забывая о томъ, что эта рѣзкость можетъ повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ, составляло именно отличительную особенность Грибоѣдова. Какъ Чацкій, по его словамъ, не терпитъ подлости, такъ и самъ онъ, по нѣсколько напыщенному выраженію Бестужева (въ указанной выше статьѣ), „*не могъ и не хотѣлъ скрывать* насмѣшки надъ позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока“. На эту сторону его характера указываютъ почти всѣ его современники, она сказывается въ его письмахъ и черновыхъ тетрадахъ. П. Каратыгинъ въ своемъ воспоминаніи о Грибоѣдовѣ [32]) приводитъ примѣры то-

[31]) Всеміри. Трудъ 1868, кн. 2-я.

[32]) Русская Старина, 1872 г. III. 423—431: «А. С. Грибоѣдовъ. Изъ Записокъ П. А. Каратыгина».

му, до какой степени иногда доходило искреннее негодованіе его на людей, въ которыхъ онъ чуялъ недоброе. Онъ засыпалъ ихъ сарказмами, не давалъ имъ пощады, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Эта рѣзкость побуждала даже иныхъ думать, что она проистекаетъ лишь изъ чрезвычайнаго самомнѣнія и увѣренности въ собственномъ превосходствѣ надъ всѣми сверстниками, тогда какъ на дѣлѣ онъ былъ внутри души чрезвычайно скроменъ, вовсе не преувеличивалъ своего ума и дарованій и сказалъ однажды г. Каратыгину, удивлявшемуся разностороннимъ его способностямъ, что, у „кого много талантовъ, у того нѣтъ ни одного настоящаго“.

И такъ въ горячихъ, страстныхъ выходкахъ Чацкаго Грибоѣдовъ оставался опять самимъ собою. Онъ и его заставилъ раздѣлить съ собою недостатокъ благонамѣренной воздержности въ обличеніяхъ, не подумавъ иной разъ и здѣсь, какъ и въ жизни, къ какимъ промахамъ это можетъ провести. Прибавимъ къ тому и другую оправдательную причину, указанную еще Апол. Григорьевымъ [33]) въ одной изъ послѣднихъ его критическихъ статей. Фамусовъ, замѣчаетъ этотъ критикъ, для Чацкаго не просто такое-то лицо, а живое воспоминаніе дѣтства, когда его возили къ такимъ людямъ на поклонъ. Поэтому онъ могъ говорить *такъ* съ Фамусовымъ. Если мы, зная уже, что и самъ характеръ Фамусова взятъ прямо съ натуры и что дѣтскія воспоминанія автора такъ же безотрадны, какъ и воспоминанія Чацкаго, прибавимъ и это соображеніе къ уже высказаннымъ, то субъективность главнаго характера комедіи станетъ болѣе или менѣе ясною. Что подобный характеръ былъ возможенъ, о томъ не можетъ быть и рѣчи. Личность Грибоѣдова тому порукой. Но (какъ замѣтилъ также только что цитированный писатель, у котораго въ цѣломъ морѣ риторическихъ фразъ не въ рѣдкость бывало встрѣтить порой меткую мысль) „Чацкій вообще *правдивая натура*, какія всегда бывали на Руси, натура, напоминающая старика Гринева, Багрова, старика Дубровскаго; если не отъ отца, то отъ дѣда онъ могъ унаслѣдовать эту прямоту и правдивость“, дѣлающую его нетолько характеромъ вообще возможнымъ, но не лишеннымъ и національной окраски.

Приступивъ въ Персіи къ окончательной обдѣлкѣ комедіи, Грибоѣдовъ во время службы своей при А. П. Ермоловѣ окончилъ на чисто первыя два ея дѣйствія, т. е. тѣ, гдѣ намѣчиваются вполнѣ главныя лица комедіи, всегда живыя передъ нимъ, потому что задуманы были, какъ мы знаемъ, еще въ первообразѣ комедіи и имѣли въ основѣ реальныя личности. Авторъ уже читалъ отрывки изъ *Горя отъ ума* нѣкоторымъ лицамъ, пользовавшимся его особымъ расположеніемъ; такъ еще въ 1819 году, проѣзжая изъ крѣпости Грозной въ Тифлисъ, онъ, скоро подружившись со встрѣченнымъ имъ случайно въ Моздокѣ Бебутовымъ (извѣстнымъ впослѣдствіи генераломъ) читалъ ему „много своихъ стиховъ и изъ своей комедіи Горе отъ ума, которая была только еще набросана“. [34]) Встрѣтившись въ 1821 г. въ Тифлисѣ съ Кюхельбекеромъ, онъ въ немъ нашелъ еще болѣе компетентнаго судью его опыта. Но онъ видѣлъ, что для окончанія комедіи, для тѣхъ двухъ послѣднихъ дѣйствій, въ которыхъ въ особенности должна была обрисоваться среда, окружающая Чацкаго, у него недостаетъ красокъ, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ имъ вдали отъ чисто-русской обстановки среди чуждаго народа или въ центрѣ оживленной военной дѣятельности, нѣсколько затуманили передъ нимъ воспоминанія о людяхъ и нравахъ Сѣвера. Онъ замышляетъ поѣздку въ Москву и Петербургъ. Его начинаетъ не въ мѣру тяготить его кавказская жизнь. Онъ сквозь слезы шутитъ, говоря въ позднѣйшемъ письмѣ къ Бѣгичеву, что „его занимаетъ борь-

[33]) Русское Слово 1859, № 2, стр. 38 «Взглядъ на русскую словесность со смерти Пушкина».

[34]) Военный Сборникъ 1867, кн. 6-я, 278. «Г. л. В. О. Бебутовъ»

ба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ, дѣйствіе конгревовъ“, и обѣщая, что „мы будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на Исторію“ и т. д. Комедія стала насущнымъ дѣломъ его жизни, и окончаніе ея не даетъ ему покою. Въ 1823 году мы застаемъ его на родинѣ.

Увидавшись послѣ долгой разлуки съ Бѣгичевымъ, Александръ Сергѣевичъ, какъ повѣствуетъ наша рукопись, прочелъ ему написанное изъ комедіи, при чемъ, какъ показалось другу, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ выслушалъ сдѣланныя имъ замѣчанія относительно перваго акта. На другой день Бѣгичевъ засталъ его рано утромъ неодѣтаго, у печки, куда онъ бросалъ листъ за листомъ написанный первый актъ. „Я обдумалъ, отвѣчалъ онъ изумленному Бѣгичеву; ты вчера говорилъ мнѣ правду, но не безпокойся: все уже готово въ головѣ моей“;—и дѣйствительно черезъ недѣлю актъ былъ написанъ вновь. Очутившись снова въ той обстановкѣ, которая впервыя возбудила въ немъ сатирическій задоръ, Грибоѣдовъ съ жаромъ принялся за новыя наблюденія. Петербургъ не удовлетворялъ его въ этомъ отношеніи. Подобно Фонвизину, который передъ созданіемъ Бригадира покинулъ Петербургскій свѣтъ и явился въ Москву изучать оригиналы задуманныхъ имъ характеровъ, такъ и Грибоѣдовъ всегда возвращался въ Москву за богатой жатвой наблюденій. Его не узнавали; прежде не любившій показываться на шумныхъ свѣтскихъ собраніяхъ, онъ теперь къ удивленію друзей сталъ являться всюду, сталъ присяжнымъ посѣтителемъ гостиныхъ, баловъ и т. д. Матеріалу для общественной картины набиралось вдоволь, хотя опять таки, если извѣстныя личности и тутъ послужили какъ-бы первымъ поводомъ къ созданію того или другаго второстепеннаго дѣйствующаго лица, то выполненіе, обрисовка этого лица происходила всегда вполнѣ самостоятельно. Правда, что Грибоѣдовъ въ извѣстномъ уже письмѣ къ Катенину, отвѣчая на обвиненіе въ *портретности* характеровъ, говоритъ: „Коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его: портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ есть однако черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ двуногихъ собратій. Каррикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь“ и т. д. Но нѣсколько далѣе, въ оправданіе своей мысли, онъ приводитъ примѣры изъ Мольера: „Мѣщанинъ во дворянствѣ, Мнимый больной—портреты и превосходные, Скупецъ—антропосъ собственной фабрики, и несносенъ“. И такъ подъ словомъ *портретъ* Грибоѣдовъ въ данномъ случаѣ вовсе не понимаетъ прямой копіи съ натуры, какъ можно-бы заключить изъ его общаго опредѣленія; онъ лишь противополагаетъ характеры вполнѣ жизненные, выхваченные прямо изъ быта и вполнѣ возможные, неяснымъ измышленіямъ фантазіи, подводимымъ искусственно подъ рядъ съ реальными явленіями. Въ одномъ мѣстѣ своихъ Путевыхъ Записокъ онъ смѣется надъ водевилистомъ княземъ Шаховскимъ, который почти не живетъ въ вещественномъ мірѣ, а все съ своими „идеальными Холминскими и Ольгиными“, и потому и ставилъ себѣ основнымъ правиломъ строгую правдивость изображеній.

Но типы, нарисованные сатирикомъ, были такъ соблазнительно живы и вѣрны, что каждый постарался впослѣдствіи найти въ нихъ сходство съ знакомыми ему лицами. По словамъ автора одного извѣстнаго романа, надѣлавшаго много шуму въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время его путешествій по Россіи ему въ нѣсколькихъ губерніяхъ повторяли на разные лады догадки о лицахъ и событіяхъ, будто-бы доставившихъ ему сюжетъ для романа. Оказывалось, что въ каждой мѣстности было незадолго передъ тѣмъ что-то подобное судьбѣ героя и героини его; разнорѣчія затѣмъ приписывались изобрѣтательности и таланту автора, тщетно клявшагося, что онъ вовсе не знаетъ ни о какой семейной драмѣ мѣстныхъ обывателей. Точно такова-

же судьба дѣйствующихъ (особенно второстепенныхъ) лицъ Горя отъ ума. Безчисленны тѣ объясненія и пріурочиванья, которыя дѣлались со всѣхъ сторонъ и относительно этихъ лицъ и по поводу различныхъ намековъ и сатирическихъ выходокъ, разсѣянныхъ преимущественно въ рѣчахъ Чацкаго и Репетилова. На сколько молва грѣшила часто въ этомъ объясненіи во что бы то ни стало, подтверждается слѣдующимъ разсказомъ сестры Александра Сергѣевича г. Смирнову. „Я предупреждала Александра, говорила Марья Сергѣевна, что онъ съ комедіей наживетъ кучу враговъ себѣ, а еще болѣе мнѣ, потому что станутъ говорить, что злая Грибоѣдова указывала брату на оригиналы.—Да какіе-же оригиналы? спросилъ онъ.—Помилуй, да вѣдь твои Тугоуховскіе развѣ не Ш-х-скіе?—Я твоихъ Ш-х-скихъ и не знаю, отвѣчалъ онъ".

Матеріалы, собранные г. Смирновымъ, сообщаютъ только указаніе подлинника одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи, включеннаго въ нее уже въ послѣдній періодъ работъ, именно Репетилова. Оригиналомъ его послужилъ старинный знакомецъ Грибоѣдова, съ которымъ онъ служилъ при генералѣ Кологривовѣ, нѣкто Ш-тиловъ. Для болѣе точнаго обозначенія этого лица мы прибавимъ, что онъ былъ впослѣдствіи замѣшанъ въ памятное московскимъ старожиламъ нечаянное убійство извѣстнымъ композиторомъ Алябьевымъ (также другомъ Грибоѣдова) помѣщика Временева. „Господинъ этотъ, по словамъ Бѣгичева, былъ добрый малый, очень пустой и одержимый несчастной страстью безпрестанно острить и говорить каламбуры. Этимъ наконецъ онъ такъ надоѣлъ Грибоѣдову, что тотъ купилъ альманахъ анекдотовъ Біевра и какъ только тотъ каламбуръ, къ нему сейчасъ обращались съ вопросомъ: „на какой страницѣ"?—Свое, ей Богу, свое, отвѣчалъ онъ всегда. Острякъ этотъ былъ въ Москвѣ, когда Грибоѣдовъ привезъ туда оконченную комедію. Авторъ самъ прочелъ ему роль Репетилова. Тотъ расхохотался, говоря: „Я знаю, на кого ты тутъ метишь!—На кого?—На Ч—ва"... Неизвѣстно, принадлежалъ-ли также налетъ пустоватаго, поверхностнаго либерализма, отличающій Репетилова, также къ свойствамъ лица, о которомъ идетъ рѣчь и не получило-ли и оно, подобно другимъ оригиналамъ, этой окраски уже подъ перомъ художника. Въ первоначальномъ текстѣ авторъ влагаетъ ему въ уста еще болѣе смѣлую выходку, впослѣдствіи изъ осторожности исключенную вовсе:

Тьфу! Служба и чины, кресты—душѣ надсада!
Лахмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что за правительство путемъ-бы взяться надо:
Желудокъ больше не варитъ!

Но либерализмъ Репетилова совершенно особаго рода, и Чацкій зло подсмѣивается надъ нимъ. Благодаря этому-то обстоятельству, роли Репетилова, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, суждено было вскорѣ получить особое значеніе въ судьбѣ самого автора. „Такъ какъ Грибоѣдовъ былъ со многими изъ декабристовъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, сообщаетъ намъ одинъ изъ современниковъ и близкихъ людей къ нашему писателю, то говорили, что сцена Репетилова съ Чацкимъ послужила къ оправданію Грибоѣдова, выказывая его непричастность къ намѣреніямъ нѣкоторыхъ изъ членовъ союза благоденствія". Чрезвычайно счастливая доля Грибоѣдова въ развязкѣ дѣла декабристовъ, стараніе главныхъ изъ нихъ выгородить его на слѣдствіи изъ числа посвященныхъ въ тайну заговора, заявленіе ихъ, что они „берегли человѣка, который своимъ талантомъ могъ прославить Россію", вмѣшательство въ дѣло вліятельныхъ лицъ, точно также щадившихъ его ради его таланта и особенно участіе одного изъ слѣдователей (по свѣдѣніямъ Русской Старины, г. Ивановскаго) дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ, что пущена была искусно въ дѣло и ссылка на названную выше сцену изъ Горя отъ ума, хотя достаточно поверхностнаго знакомства съ этой сценой, чтобъ видѣть, что Чацкій нападаетъ собственно на наивность пріемовъ *хора* импровизированныхъ конспираторовъ въ родѣ князь-Григорія, Левона,

Бориньки и остальной *умной* компаніи Репетилова. „Секретнѣйшій союзъ, хвастается Репетиловъ.

Чацкій.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно!

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Здѣсь нѣтъ ни одного намека на главныя личности союза, и насмѣшка распространяется лишь на „рѣшительныхъ людей“, которые шумятъ, шумятъ,—и только.

Мы не станемъ здѣсь обозрѣвать всѣ различные намеки и болѣе или менѣе прямыя указанія на лица, отношенія и нравы современнаго общества, предпочтительно сосредоточенныя въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ комедіи. Это дѣло будущаго тщательнаго комментатора піэсы строка за строкою. Разобраться въ массѣ разнорѣчивыхъ объясненій тѣмъ труднѣе, что сами старожилы не всегда согласны между собой въ своихъ показаніяхъ. Впрочемъ въ новѣйшее время, особенно благодаря нашимъ историческимъ журналамъ, указано и объяснено нѣсколько подобныхъ мѣстъ. Мы узнали наприм. въ томъ страстномъ любителѣ театра, который посадилъ въ засаду слугу и заставилъ его зимой щелкать соловьемъ, помѣщика Познякова [35]), собственника извѣстнаго театра на Никитской, гдѣ въ 1812 году давала свои представленія наполеоновская труппа; въ помѣщикѣ-театралѣ, продавшемъ разъ гуртомъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ амуровъ и зефировъ узнали генерала Измайлова, о звѣрскомъ обращеніи котораго съ крестьянами говоритъ напечатанное недавно [36]) современное судебное дѣло; въ чудакѣ-аристократѣ, котораго тетка рекомендуетъ: „Онъ химикъ, онъ ботаникъ, князь Ѳедоръ, мой племянникъ“, узнали Яковлева, двоюроднаго брата Герцена [37]) и т. д. Гораздо болѣе общее значеніе имѣютъ нѣсколько бѣглыхъ штриховъ, очевидно включенныхъ въ комедію уже передъ окончаніемъ ея и прямо бьющихъ на реакціонный потокъ, который Грибоѣдовъ засталъ по возвращеніи своемъ въ полномъ разлитіи. Въ нападкахъ княгини Тугоуховской на педагогическій институтъ и его еретиковъ-профессоровъ слышится отголосокъ только что миновавшей исторіи профессоровъ Арсеньева, Раупаха, Галича; въ томъ чахоточномъ родственникѣ Фамусова, врагѣ книгамъ, который поселился въ ученый комитетъ и требовалъ присягъ, чтобъ никто грамотѣ не зналъ и не учился, вскользь очерченъ весьма распространенный въ то время типъ подражателей Магницкому; Аракчеевщиной вѣетъ отъ возвѣщаемаго Скалозубомъ проекта преобразованія лицеевъ и гимназій, „гдѣ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два“; въ выходкѣ Хлестовой противъ ланкастерскихъ школъ слышится отзвукъ сильнаго нерасположенія къ этимъ, вначалѣ открыто покровительствуемымъ властями, школамъ, которымъ уже императоръ Александръ приписывалъ главную вину въ бунтѣ семеновскаго полка [38]) и которыя, послѣ быстраго развитія, составляющаго любопытный эпизодъ въ исторіи русской народной школы, были постепенно доведены до закрытія.

Когда наконецъ Грибоѣдовъ почувствовалъ, что идея вполнѣ созрѣла и пора творчества настала для него, онъ поспѣшилъ удалиться отъ городскаго шума; какъ первыя два дѣйствія были написаны въ сторонѣ отъ людей, далеко отъ всего развлекающаго вниманіе, такъ и послѣднія дѣйствія написаны въ русской деревнѣ, именно въ имѣніи Бѣгичева, селѣ Дмитріевскомъ, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, куда Грибоѣдовъ въ концѣ Мая или началѣ Іюня 1824 года пріѣхалъ

[35]) Русск. Арх. 1873, № 10, «Выдержки изъ стар. записн. книжки».

[36]) Генер. лейт. Измайловъ, дѣдновск. помѣщикъ. Рус. Стар. 1872, XII.

[37]) Записки Пассекъ. Русск. Старина 1872. XII, 625.

[38]) Пыпинъ, Общественное движеніе при Алекс. I. 1871, стр. 357.

вслѣдъ за своимъ другомъ. Здѣсь онъ уединялся для работы, избравъ для этого бесѣдку въ саду, вставалъ рано, днемъ сходился съ домашними только во время обѣда, но за то вечеромъ читалъ имъ написанное въ тотъ день. Сложивъ для себя, какъ мы уже видѣли, свою несложную поэтику, главная мысль которой состояла въ освобожденіи творчества отъ гнета старой теоретической рутины и въ направленіи творческой силы на новые пути, онъ шелъ совершенно вразрѣзъ со всѣми литературными пріемами окружавшей его среды. „Я какъ живу, такъ и пишу свободно", пишетъ онъ Катенину и говоритъ вполнѣ искренно. Онъ уже до того сжился съ своими героями, до того ясно видѣлъ ихъ передъ собою, что давалъ смѣло волю своей кисти, не опасаясь ошибокъ [39]). За то, какъ свидѣтельствуетъ г. Смирновъ, имѣвшій подъ руками первоначальный текстъ комедіи, писанный для Бѣгичева наполовину рукой самого Грибоѣдова въ деревнѣ (приведенные выше варіанты взяты изъ него), онъ чрезвычайно тщательно, съ чисто Пушкинской добросовѣстностью работалъ надъ своимъ слогомъ, десятки разъ мѣняя одну и ту-же фразу, пока она не удовлетворяла наконецъ вполнѣ его требованію. Иначе и невозможно было-бы перейти ему отъ казеннаго водевильнаго слога его прежнихъ драматическихъ бездѣлокъ къ гибкому и живому разговорному языку Горя отъ ума, въ такой степени возмутившему своею непринужденностью и часто неправильностью современныхъ пуристовъ.

Возвратившись въ Москву, Грибоѣдовъ въ началѣ очевидно не расположенъ былъ вовсе подѣлиться съ кѣмъ-бы то ни было своимъ новымъ произведеніемъ. Оно оставалось достояніемъ небольшаго родственнаго и дружескаго кружка, откуда на первое время вѣсть о немъ никуда не проникала. Случилось (какъ разсказывала Марья Сергѣевна) ихъ близкому знакомому, графу Віельгорскому, не посвященному въ тайну, какъ-то разъ, перебирая ноты на фортепіано Марьи Сергѣевны, найти между ними листокъ-другой стиховъ ея брата, ему неизвѣстныхъ; онъ прочелъ ихъ, заинтересовался, напалъ на слѣдъ всей рукописи, ни за что не хотѣлъ разстаться съ нею, носился съ нею повсюду и такимъ образомъ первый распространилъ извѣстность Горя отъ ума. Дѣлать было нечего, тайна была раскрыта, и нужно было смѣло идти на встрѣчу всѣмъ случайностямъ пріема комедіи публикой. Тутъ само собою должно было усилиться въ Грибоѣдовѣ то искушеніе добиться постановки піэсы на сценѣ, о которомъ онъ говорилъ въ приведенномъ выше черновомъ отрывкѣ. Восторженные крики сочувствія, поднимавшіеся вокругъ него, какъ-бы поддразнивали его выступить съ своей комедіей передъ сочувственной толпой, опираясь на могущественное содѣйствіе сценическаго искусства. Подпадая искушенію, Грибоѣдовъ спѣшитъ въ Петербургъ и принимается еще лѣтомъ 1824 года [40]) хлопотать о принятіи комедіи на сцену; но тамъ новая работа ожидаетъ его. Очевидною становится необходимость сдѣлать, ради цензурныхъ соображеній, много измѣненій въ піэсѣ, ослабить слишкомъ рѣзкія мѣста или даже исключать ихъ. Это было настоящей пыткой для автора. „Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, пишетъ онъ Бѣгичеву [41]), такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ... сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ; но будетъ же, добьюсь до чего-нибудь". Но начатый поневолѣ пересмотръ комедіи повлекъ за собой не одни передѣлки въ цензурномъ отношеніи. Нѣкоторые стихи все еще ка-

---

[39]) Пушкинъ первый, кажется, оцѣнилъ своеобразность направленія Грибоѣдова, говоря въ извѣстномъ своемъ письмѣ о Горѣ отъ ума (изд. Анненк. I, 128): «Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ,—слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова».

[40]) Библіограф. Записки 1861 № 19. Изъ писемъ В. А. Каратыгина къ Катенину.

[41]) Письма, изд. Общ. Люб. Слов., стр. 17.

жутся автору недодѣланными; онъ принимается за окончательную ихъ обдѣлку и, по собственнымъ словамъ его, слишкомъ восемьдесятъ стиховъ перемѣнилъ, пока сдѣлалось гладко, какъ стекло. Рѣчи и разговоры, показавшіяся ему слишкомъ растянутыми, онъ сжалъ въ видахъ усиленія эффекта, о чемъ читатель можетъ самъ судить изъ сравненія печатаемыхъ ниже пространныхъ выдержекъ изъ первой рукописи съ извѣстнымъ публикѣ текстомъ. Въ послѣднемъ также является въ качествѣ новой вставки сцена заигрыванья Молчалина съ Лизой въ послѣднемъ актѣ передъ появленіемъ Софьи; эта сцена, основная цѣль которой состоитъ въ изложеніи безстыдной profession de foi Молчалина, чрезвычайно художественно дорисовывающей его характеръ, задумана, по словамъ того-же письма, Грибоѣдовымъ въ дорогѣ передъ самымъ Петербургомъ и написана въ день проѣзда: „живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались“. При помощи такихъ вставокъ и измѣненій составилась наконецъ послѣдняя редакція комедіи. Ровно полвѣка тому назадъ Горе отъ ума было окончено.

Но въ то время, какъ восторгамъ, возбужденнымъ комедіею, не было границъ, и Грибоѣдова носили на рукахъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ онъ по нѣскольку разъ *въ день* читалъ піэсу въ различныхъ домахъ, при чемъ часто, увлекаясь, импровизировалъ во время чтенія многія мѣста,—раздавалось раздраженное, злобное шипѣніе лицъ, затронутыхъ комедіей за живое, либо спѣшившихъ узнать себя въ дѣйствующихъ ея лицахъ, либо вступавшихся за честь порядочнаго общества, за честь Москвы, русскаго имени, за нравственность и т. д. Одни подзадоривали Американца-Толстаго, котораго всѣ поспѣшили узнать въ ночномъ разбойникѣ и дуэлистѣ Репетиловскаго разсказа, вызвать автора на дуэль. Другіе, болѣе искусные, постарались дѣйствовать на вліятельныя сферы, черня передъ ними намѣренія Грибоѣдова и указывая на общественную опасность его произведенія. Такъ по неизданнымъ Запискамъ Жихарева, которыми пользовался Смирновъ, тогдашній директоръ московскихъ театровъ Кокошкинъ представлялъ извѣстному генералъ-губернатору Москвы князю Д. В. Голицыну, что Горе отъ ума есть прямой пасквиль на Москву. Литература съ своей стороны не отставала. Въ то время, какъ многіе сторонники старой школы нападали на комедію преимущественно съ теоретической точки зрѣнія и во главѣ ихъ Карамзинъ [42]), на сужденіи котораго отражалось, быть можетъ, также и измѣненіе въ политическихъ воззрѣніяхъ сравнительно съ убѣжденіями молодости,—находились люди, которые предпочитали дѣйствовать изъ-за угла, осыпая и автора, и комедію голословною бранью, свидѣтельствовавшею лишь о неумѣренномъ раздраженіи писавшихъ. Таковъ напр. характеръ одной эпиграммы, пущенной въ то время по рукамъ и, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ ненапечатанной:

Не говори, что дважды два четыре,—
Я Горе отъ ума тебѣ при семъ пришлю.
Четыре акта въ немъ—и ровно всѣ четыре
Равны не дважды двумъ, а одному нулю.

Молодой и очень талантливый водевилистъ А. Писаревъ, способности котораго признавалъ и самъ Грибоѣдовъ, узнавшій его при посредствѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго, выступилъ также противъ Горя отъ ума, побуждаемый, кажется, скорѣе болѣзненно-раздражительной насмѣшливостью и какою-то привычкой остроумничать во что-бы то ни стало. Въ стихотворной пародіи на Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ, носящей названіе: „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса“ [43]), онъ немножко въ стилѣ Воейковскаго Дома сумасшедшихъ проводитъ современныхъ литераторовъ одного за другимъ сквозь строй его болѣе или менѣе неудачныхъ остротъ. Князю П. А. Вяземскому досталось за то, что „Полякъ его [44]) героемъ былъ, а *музой Грибоѣдовъ*; мѣсто-же, относящееся къ Горю отъ

[42]) Драматич. Сборникъ. 1860 г. Театральн. воспом. Зотова, глава X, стр. 14.
[43]) Библіографич. Записки 1859 года № 20.
[44]) Мицкевичъ?

ума (ему предшествують нападки на прежнія произведенія Грибоѣдова), звучитъ слѣдующимъ образомъ:

Давно-ли Горе отъ ума
Всѣхъ умныхъ огорчило?
Въ немъ мало смыслу, мыслей тьма,
И писано премило.
Хоть Чацкій годенъ въ желтый домъ,
Хоть стоитъ быть повѣшенъ,
Хоть въ немъ съ французскимъ языкомъ
Нижегородскій смѣшанъ,
Никто объ немъ не думалъ знать,
Никто объ немъ не слышалъ;
Но, чтобъ комедію читать,
Поэтъ въ отставку вышелъ.

Пока піэса не была еще напечатана, сколько-нибудь серьозные ея разборы не могли имѣть мѣста. Но уже оттачивались перья борзописцевъ, которые съ яростью набросились на автора и его комедію, когда въ 1825 г. Русская Талія помѣстила у себя первые отрывки ея, произвольно взятые изъ различныхъ ея актовъ. Но обзоръ оригинальной полемики, въ которой тонъ нападающихъ мало чѣмъ разнился отъ тона приведенныхъ бранныхъ стиховъ, обзоръ полемики Вѣстника Европы съ Сыномъ Отечества и Московскимъ Телеграфомъ завелъ-бы насъ за предѣлы нашей статьи. Грибоѣдовъ не принималъ въ спорѣ никакого участія, удерживая отъ этого и ближайшихъ друзей своихъ, называя борьбу ребяческою, школьною; такимъ образомъ застрѣльщиками грибоѣдовскаго лагеря выступали по собственному влеченію молодые, начинавшіе писатели, (Одоевскій, Сомовъ и друг.) сознательно примкнувшіе къ новому направленію, водворяемому комедіей и считавшіе своимъ долгомъ выступить на ея защиту.

Сильное неудовольствіе, вызванное комедіей въ знатныхъ сферахъ, подпольные происки во вредъ ей, явныя жалобы и анонимная брань повліяли въ значительной степени на отношеніе лицъ, власть имѣвшихъ, къ ходатайству Грибоѣдова о принятіи Горя отъ ума на сцену. Тонкія политическія соображенія сдѣлали исполненіе этой просьбы невозможнымъ, несмотря на то, что ее подкрѣпляли съ своей стороны вліятельныя личности. Грибоѣдовъ долго все еще почему-то надѣялся на успѣхъ; на талантливую молодую актрису Дюрову (впослѣдствіи Каратыгину) онъ разсчитывалъ какъ на прекрасную исполнительницу роли Софьи; Сосницкому и Щепкину давалъ совѣты, какъ передавать характеры лицъ, наиболѣе подходившихъ къ свойствамъ ихъ таланта,—Репетилова и Фамусова. Наконецъ ему пришлось убѣдиться въ невозможности одолѣть препятствія. Прежде, какъ мы видѣли, такъ радовавшійся впередъ возможности слышать свои стихи на сценѣ, онъ долженъ былъ бросить навсегда надежду и сильно пріунылъ. Въ это время ученики петербургской театральной школы тайкомъ отъ главнаго начальства, но съ вѣдома добряка-инспектора школы, устраивали промежъ себя ученическіе спектакли, на которыхъ шли піэсы, не исполняемыя на казенной сценѣ, пародіи и т. д. Главными распорядителями этихъ спектаклей были извѣстные впослѣдстіи актеры петербугскихъ театровъ, Петръ Каратыгинъ и Григорьевъ. Грибоѣдовъ, быть можетъ, узнавшій объ этихъ спектакляхъ отъ князя Шаховскаго, бывшаго въ то время преподавателемъ драматическаго искусства въ школѣ, неразъ приходилъ на импровизированныя представленія. Когда появилось Горе отъ ума, молодежъ предложила ему сыграть его піэсу на ученическомъ театрѣ [45]); онъ согласился и руководилъ репетиціями, приводя съ собою Александра Бестужева и Кюхельбекера. „Надо было видѣть, говоритъ г. Каратыгинъ, съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое Горе отъ ума на нашемъ ребяческомъ театрѣ". Но, когда день спектакля былъ уже назначенъ, налетѣла внезапная гроза, и по приказанію дирекціи (и именно Милорадовича, имѣвшаго свои счеты съ Грибоѣдовымъ по соперничеству въ одной романической исторіи) представленія были прерваны.

Обыкновенно думаютъ, что Грибоѣдову такъ

[45]) А. С. Грибоѣдовъ, изъ Записокъ П. А. Каратыгина Русск. Стар. 1872, III, с. 424—25.

и не удалось никогда увидать на сценѣ свою комедію. Это несовсѣмъ вѣрно. То-же почтенное лицо, которому мы обязаны нѣкоторыми уже приведенными свѣдѣніями о Горѣ отъ ума, сообщило намъ слѣдующее любопытное извѣстіе о единственномъ представленіи Горя отъ ума, на которомъ присутствовалъ Грибоѣдовъ. „Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи, занимавшей съ 1827 года Эриванскую область, Ѳан. Ив. Красовскій, въ постоянно заботливости о пользѣ, удобствахъ и даже удовольствіи подчиненныхъ, устроилъ въ Эривани театръ, на которомъ офицеры давали представленія отборныхъ піэсъ, и въ томъ числѣ Горя отъ ума, не бывшаго еще въ печати, а распространеннаго въ рукописяхъ. Въ проѣздъ изъ Тавриза черезъ Эривань Грибоѣдова просили посѣтить спектакль и высказаться обо всемъ, что̀ замѣтитъ онъ удачнаго и неудачнаго въ исполненіи, и онъ обязательно выражалъ свои мнѣнія“. Представленія эти, прибавляетъ нашъ корреспондентъ, продолжались недолго и были закрыты по приказанію графа Паскевича Эриванскаго.

Такъ оба исполненія піэсы при жизни Грибоѣдова отмѣчены были особыми обстоятельствами, вполнѣ характеризующими исключительность взглядовъ на нее въ тогдашнихъ руководящихъ сферахъ. Разъ ее чуть не сыграли исподтишка школьники, въ другой разъ ей удалось выйти на волю на самой границѣ Азіи, въ кружкѣ армейскихъ офицеровъ. А между тѣмъ вся грамотная Россія давно уже зачитывалась комедіею, и десятки тысячъ рукописныхъ экземпляровъ ея проникали въ отдаленнѣйшіе уголки!

Мы остановимъ здѣсь предпринятый очеркъ *первоначальной* исторіи Горя отъ ума, оговариваясь, что отнюдь не считаемъ такой первый опытъ свода данныхъ о постепенномъ развитіи этого произведенія имѣющимъ притязаніе на полноту и систематичность. Мы хотѣли лишь внести больше свѣта въ хаотическую массу накопившагося матеріала и въ то-же время содѣйствовать лучшему разумѣнію того произведенія, которое *одно* навѣки поставило автора въ число избранныхъ нашихъ писателей. Потомство будетъ знать Грибоѣдова *только* какъ автора Горя отъ ума. Много лѣтъ, какъ мы видѣли, пошло на созданіе этой одной комедіи, унесшей съ собой всю живость, все искрометное остроуміе Грибоѣдова. Но ею онъ свершилъ великое въ его жизни дѣло; ея отблескъ падаетъ и на всю его позднѣйшую жизнь, жизнь самоотверженнаго, совѣстливаго труда, и многое въ ней извиняетъ и оправдываетъ; имъ озаряется его жизнь даже тогда, когда, утомленный, онъ спускался подъ гору. „Взгляни“, сказалъ разгадавшій въ немъ эту сторону поэтъ [46]),

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ
Храня движенья видъ.

Алексѣй Веселовскій.

Москва.
5 Апрѣля.

ВАРІАНТЫ КЪ ГОРЮ ОТЪ УМА.

Въ предшествующей статьѣ приведено было уже нѣсколько варіантовъ къ Горю отъ ума, съ обозначеніемъ, что они извлечены изъ первоначальнаго текста комедіи. Это названіе мы присвоиваемъ списку ея, подаренному авторомъ Бѣгичеву тотчасъ-же по окончаніи ея въ его деревнѣ. Его собственной рукой написаны, по словамъ г. Смирнова, самое начало комедіи, разсказъ Софьи о ея снѣ и многія сцены четвертаго акта. Остальное написано рукой переписчика. Полагаемъ, что, ради важности этого *первообраза* многихъ важнѣйшихъ мѣстъ комедіи для ея исторіи и для будущихъ сводныхъ ея изданій, мы можемъ извлечь эти драгоцѣнныя разнорѣчія изъ извѣ-

[46]) Сочиненія Е. А. Баратынскаго. М. 1869, стр. 70: Надпись на портретъ Грибоѣдова.

стнаго уже читателю рукописнаго собранія матеріаловъ.

Въ первомъ актѣ самое крупное разнорѣчіе составляетъ только что упомянутый разсказъ Софьи о ея снѣ. Онъ отличается значительною въ сравненіи съ позднѣйшимъ текстомъ пространностью и обиліемъ фантастическихъ описаній, и, вѣроятно, измѣненъ и сокращенъ вслѣдствіе того, что могъ слишкомъ замедлить дѣйствіе. Вотъ этотъ разсказъ (дѣйствіе 1-е, явленіе 4-е):

Въ саду была; цвѣты безсчетно тамъ пестрѣли.
Искала я, мнѣ чудилось, траву
Какую-то, не вспомню на яву,
Въ ирисахъ, въ бархатцахъ, въ левкояхъ и въ синели,—
Да гдѣ ихъ всѣ назвать!
Приподнялась..... вдругъ кѣмъ-то по неволѣ
Изъ саду выхвачена въ поле.
Передо мной,—откуда ни взялся,—
Премилый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто вѣкъ знакомы.
Былъ робокъ онъ сперва, потомъ въ любви клялся,
Потомъ...... не взвидѣла я свѣта.....

Фамусовъ.

Какая небылица эта?
И милый человѣкъ, кто онъ?

Софья.

Я вамъ докладываю—сонъ.
Вотъ, послѣ этого садъ, поле, все пропало.
Мы въ комнатѣ, въ пустой, вдвоемъ.
Намъ очень грустно, горько стало;
Тужили мы, Богъ вѣдаетъ о чемъ....!
И тутъ, къ пріумноженью скуки,
Отъ фортепьянъ и флейты издали
Печальные къ намъ прорывались звуки;
Отъ нихъ, унылые.....

Фамусовъ.

Неужли?
Я то-же слышалъ, и такъ ярко
(Указывая на Лизу)
Къ разсвѣту я не спалъ, а все она, штукарка.

Софья.

Такъ, будто-бы середь тюрьмы
И я, и другъ мой новый,
Грустили долго, долго мы;
Онъ все ропталъ на жребій свой суровый,
Что не къ добру любовь его манитъ,
Что не богатъ и всѣмъ не угодитъ....

Фамусовъ.

Ахъ, матушка! не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья.

Все это сонъ. Дослушайте, каковъ.
Какъ между думъ и между словъ
Забылись мы, и шли часы покуда,—
Полъ вскрылся.... встали вы оттуда....
Смерть на щекахъ и дыбомъ волоса!
Тутъ разное смѣшенье, чудеса,
Полкъ всякихъ лицъ, раздался звукъ побоищъ....
Вы въ пропасть за собой меня влекли;
Насъ провожаютъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ.
Онъ вслѣдъ кричитъ.....
Проснулася—здѣсь кто-то говоритъ,
Прислушалась—вашъ голосъ. Что такъ рано?
Бѣгу сюда и васъ обоихъ нахожу....

Въ сценѣ между Софьей и Лизой (явленіе 5-е) кромѣ небольшихъ различій чисто редакціоннаго свойства является нѣсколько новыхъ чертъ, характеризующихъ прежнія отношенія Софьи къ Чацкому.

Лиза.

Ушли они..... тоскуйте на досугѣ.
Вотъ вамъ и другъ, толкуйте-ка о другѣ!
Въ глазахъ темно, и замерла душа....
Грѣхъ не бѣда, молва не хороша!

Софья.

Предвижу я, достанется терпѣть.
Мнѣ не страшна людская слава,
Да какъ теперь успѣть
Укрыть себя отъ батюшкина нрава?

Несправедливъ и недовѣрчивъ, скоръ.
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ,
Ты можешь посудить, ужъ будутъ намъ гоненья!

Лиза.

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ;
Желалъ-бы онъ звѣзду на зятѣ,
А кто въ звѣздахъ,—не всѣ богате (*sic!*).
Такъ видите-ль, къ тому-бъ
Доходцы были чтобъ не малы.
Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ—
И золотой мѣшокъ, и метитъ въ генералы.

Софья.

Куда хорошъ! Толкуетъ все про честь,
Про шпаги и кресты..... Крестовъ не перечесть!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду.

Лиза.

Да-съ, правду молвить, не хитеръ.
Но, будь военный, будь онъ статскій,
Кто-жъ веселъ, и уменъ, и ловокъ, и остеръ,
Какъ не Александръ Андреичь Чацкій?
Теперь другой вамъ больше милъ;
А, помнится, онъ не противенъ былъ.

Софья.

Не потому-ли, что такъ славно
Зло говорить умѣетъ обо всѣхъ?
А мнѣ оно забавно....
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

А чѣмъ былъ плохъ вашъ прежній вкусъ-то?

Софья.

Чѣмъ? Прежде я не знала никого,
Съ кѣмъ сердце не бываетъ пусто.
Теперь Молчалинъ мой..... Какъ не любить его?
Какъ будто свыклись съ малолѣтства!
Грущу—онъ безъ ума помочь мнѣ ищетъ средства;
Смѣюсь, тужу ни по чему,
Посмотришь, въ томъ и жизнь и смерть ему!
Безпечна я—онъ за меня боится,
Задумаюсь—онъ прослезится.

Лиза.

Чтожъ, Александръ Андреичъ? Нѣтъ?
Не та-жъ любовь, хоть разнаго покроя?
Вотъ съ нимъ-то прямо съ малыхъ лѣтъ
Росли, рѣзвились вѣчно вдвое.

Софья.

Спроси его, привязанъ онъ къ чему,
Окромѣ шутки, вздора?
Всѣмъ въ прихоть жертвуетъ уму.
Что̀ встрѣча съ нимъ у насъ, то ссора.

Лиза.

Гдѣ носится, изъ края въ край?
Лечился на водахъ отъ груди,
Отъ скуки, чай? [1])

Софья.

И вѣрно радъ, гдѣ посмѣшнѣе люди.

Далѣе почти какъ въ печатномъ текстѣ.—Варіантъ разговора Скалозуба съ Фамусовымъ (2-е дѣйствіе, 5-е явленіе) нами почти весь приведенъ въ статьѣ. Отмѣтимъ только его окончаніе (послѣ словъ: „Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ“).

Фамусовъ.

Помилосердуйте! Въ крестахъ ли недочетъ?

Скалозубъ.

Шесть-семь ихъ у меня; да еслибъ было десять,
Не худо-бы еще одинъ привѣсить.

Страстная выходка Чацкаго, не могущаго долѣе выносить беззастѣнчиваго восхваленія старой морали, выходка, начинающаяся словами: „А судьи кто?“ въ первоначальномъ текстѣ несравненно обширнѣе; именно вмѣсто первыхъ восьми стиховъ въ немъ находимъ двадцать восемь. Впрочемъ они слегка зачеркнуты, какъ будто самъ авторъ былъ въ нерѣшительности, не оставить-ли навсегда въ комедіи эти горячія рѣчи, по нашему, мнѣнію, идущія подъ стать къ лучшимъ патетическимъ мѣстамъ въ роли Чацкаго и дышащія неподдѣльнымъ обличительнымъ жаромъ:

[1]) Въ принадлежащемъ намъ рукописн. экземпл. Горя отъ ума это мѣсто читается нѣсколько иначе: «не отъ болѣзни, чай, отъ скуки; *повольнѣе.....*» Т. е. тамъ легче вылечиться отъ скуки, тамъ свободнѣе живется.

Какъ истинно: въ Москвѣ всему своя печать.
Есть добродѣтели, которыя хоть стары,
А продолжаютъ вѣковать,
Преодолѣвъ и моды, и пожары.
Чтобъ не трудить себѣ ума,
Мы скажемте: все нынче какъ бывало....
И прежде были тѣжъ открытые дома,
Вводили все, что ни попало,
Ѣсть, пить и предавать на судъ
Столовъ убранство, роскошь блюдъ;
А путешественникъ не разъ середь обѣда,
Тишкомъ разгадывалъ на лбу
Иного земляка-сосѣда,
Что былъ привинченъ онъ къ позорному столбу.
Вамъ нравится въ сынкахъ отцовское наслѣдство:
И прежде имъ плелись подобные вѣнки.
Людьми считались съ малолѣтства
Патриціевъ дворянскіе сынки.
Въ заслуги ставили имъ души родовыя,
Любили ихъ, ласкали ихъ
И причитались къ нимъ въ родные.
Когда теперь соборы всѣхъ сѣдыхъ
Бранятъ, чего не разумѣютъ,
А рѣдко путное затѣютъ,—
Всегда готовые къ журбѣ,
Пѣвали прежде пѣсню туже,
Не замѣчая о себѣ,
Чѣмъ старѣе, тѣмъ хуже.

Наряду съ такими обширными отмѣнами мы встрѣчаемъ иногда и мелкіе штрихи, которые однако придаютъ либо особую силу выраженію, впослѣдствіи смягченному, либо болѣе опредѣленный характеръ тому или другому намеку. Такъ въ нападкѣ на поклоненіе мундиру (въ концѣ приведенной рѣчи Чацкаго) вмѣсто сравнительно-умѣреннаго выраженія:

„Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету“,

встрѣчаемъ болѣе безпощадный отзывъ:

Когда-то прикрывалъ пристойно и красиво
Ничтожность, пустоту порока, глупость ихъ.

Съ другой стороны въ словахъ Скалозуба, оставшагося наединѣ съ Чацкимъ, заступничество за первую армію передъ притязаніями гвардейцевъ первоначально было облечено въ такую характерную форму, которая вполнѣ дорисовывала Скалозуба, какъ одного изъ фанатическихъ поклонниковъ солдатской выправки и шагистики:

А въ первой арміи какъ выправленъ солдатъ!
Мундиры пригнаны по тальямъ, всѣ въ обхватъ,
И платья нижнія облѣплены, такъ узки,
Въ шагу доходятъ какъ ни въ чемъ;
И офицеровъ вамъ начтемъ и т. д.

Къ такого-же рода разнорѣчіямъ относится и набросанный вскользь, но мастерски, силуэтъ мужа той „извѣстной Татьяны Юрьевны (первоначально Дмитріевны), которую такъ восторженно восхваляетъ Молчалинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это опять прямой снимокъ съ какого-нибудь опредѣленнаго оригинала:

Татьяна Дмитревна! Ея извѣстенъ домъ.
Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ.
Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ,
Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ,
Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ:
Она прикажетъ—онъ подпишетъ.....
Къ Татьянѣ Дмитревнѣ вы съѣздите.

Въ 13-омъ явленіи 3-го акта, въ разговорѣ Чацкаго съ Софьей на балу, гдѣ онъ въ неудержимой досадѣ набрасываетъ ей отталкивающую характеристику своего соперника-Молчалина, въ первоначальномъ текстѣ была небольшая подробность, указывающая, что по замыслу піэсы Чацкій не долженъ былъ ограничиваться одними упреками и колкостями въ виду явной измѣны любимой имъ дѣвушки: не одно благородное негодованіе, но и жажда мести должна была пробудиться въ немъ. Сказавъ вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ названнаго явленія слѣдующіе:

Чего не ожидать при этомъ нравѣ кроткомъ,
При свойствѣ угождать племянницамъ и теткамъ!

онъ прибавляетъ на ухо ей: „О, давишнее вамъ такъ даромъ не пройдетъ!“—Мы сей-

часъ увидимъ, въ первообразѣ предпослѣдней сцены комедіи, что Софья объясняетъ себѣ внезапное появленіе Чацкаго въ швейцарской именно исполненіемъ этой угрозы. Оба эти мѣста, придававшія, какъ видимъ, особый оттѣнокъ настроенію Чацкаго въ послѣднихъ двухъ актахъ, были уничтожены, такъ какъ дѣйствительно не согласуются съ основными чертами характера героя піэсы.

Мы не приводимъ вполнѣ разнорѣчій къ извѣстному монологу Чацкаго о встрѣчѣ съ французикомъ изъ Бордо, такъ какъ отличія заключаются лишь въ замѣнѣ одного слова другимъ или въ большей гладкости риѳмы. Укажемъ лишь на болѣе пространныя отмѣны. Начало звучитъ такъ:

Въ той комнатѣ простѣйшій случай:
Французикъ изъ Бордо былъ окруженъ зѣвакъ
И слушательницъ кучей.
Къ своимъ приравнивалъ онъ насъ, что точно такъ
На все готовы мы: нѣтъ дѣла до послѣдствій,
Все только-бы шутя, рѣзвясь.
Отъ нашихъ гладенькихъ онъ фразъ,
Отъ нашихъ кругленькихъ привѣтствій
Воображаетъ быть въ отечествѣ своемъ,
И прочее.... Утихъ, и тутъ по немъ,
Объ южной Франціи, о берегахъ Гаронны
Заохали,—урокъ съиздѣтства натверженъ!

Кромѣ того обратимъ вниманіе, что патетическое обращеніе къ старинѣ вначалѣ слѣдовало безъ всякихъ оговорокъ вслѣдъ за порицаніемъ общей подражательности:

Неужли у себя для нашихъ нѣтъ желаній
Семейныхъ прелестей, родныхъ воспоминаній?
И чѣмъ нашъ Сѣверъ лучше сталъ,
Что все завѣтное наслѣдье промѣнялъ? и т. д.

тогда какъ въ окончательномъ текстѣ, какъ будто подъ вліяніемъ опасенія, что за эту выходку его причтутъ въ число крайнихъ поклонниковъ старины, Грибоѣдовъ со всегдашней своей откровенностью идетъ на встрѣчу подобному обвиненію и прибавляетъ слова: „Пускай меня объявятъ староверомъ, но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ“ и т. д.

Намъ осталось познакомить съ нѣсколькими варіантами четвертаго дѣйствія, наиболѣе богатаго ими. Съ двумя изъ нихъ (словами Скалозуба объ учености и выходкой Репетилова противъ правительства) мы встрѣтились выше. Наравнѣ съ ними по меткости остроумія стоитъ слѣдующій разговоръ Репетилова съ Хлестовой (послѣ словъ „неизлѣчимъ, хоть брось!“):

Хлестова.

Ночные шатуны! Вишь, говорятъ, женате (*sic!*)
За чѣмъ пожаловалъ? Чтобъ посмотрѣть, небось,
Красивъ-ли Фамусовъ въ халатѣ?
Всѣ, всѣ разъѣхались.

Репетиловъ.

Браните, бейте! Ахъ!
Анфиса Карповна [1])! Я самъ себя гнушаюсь:
Пустой я человѣкъ, шалунъ и вертопрахъ,
Чистосердечно, слезно каюсь!
Несчастье Чацкаго разительный урокъ,
Что не въ большомъ умѣ намъ прокъ.
Дѣтьми займусь—и дѣло будетъ глаже.
Вселю въ нихъ Божій страхъ, и съ завтрашняго дня-же
Остепенюсь,—моя жена
Ужъ болѣе не ляжетъ спать одна.

Хлестова.

Такъ видно никогда бѣдняжкѣ не ложиться!

Начало 10-го явленія 4-го акта является въ первообразѣ комедіи въ совершенно иномъ видѣ. Варіантъ этотъ едва-ли не замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ по тому неподдѣльному, бьющему черезъ край, одушевленію, которое сказывается въ каждомъ словѣ Чацкаго, услышавшаго изъ своей засады о баснѣ, пущенной про него. Непонятна причина, ради которой это мѣсто не уцѣлѣло въ окончательной отдѣлкѣ и замѣнено было другимъ, гораздо слабѣйшимъ:

О праздный, жалкій, мелкій свѣтъ!
Не надо пищи,—сказку, бредъ

[1]) Въ печатномъ текстѣ Анфиса Ниловна.

Имъ лжецъ отпуститъ въ угожденье,
Глупецъ повѣритъ, передастъ;
Старухи, кто во что гораздъ,
Тревогу бьютъ..... и вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва!.... Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ,
Вдругъ—глыба этотъ снѣгъ, въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни въ прахъ,
Гулъ, рокотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность....
Но что̀ это въ сравненьи съ быстротой
Съ которой, чуть возникъ, ужъ пріобрѣлъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой!
И вотъ та родина!.....

Въ нашей статьѣ мы уже сказали, на основаніи письма самого Грибоѣдова, что сцена Лизы съ Молчалинымъ передъ развязкой комедіи придумана имъ уже по окончаніи Горя отъ ума; поэтому мы не только не находимъ ея въ первоначальномъ текстѣ, но и остальное, столь живое дѣйствіе, видимъ значительно болѣе сжатымъ и потому менѣе передающимъ жгучесть разочарованія и Софьи, и Чацкаго. Прибавивъ подъ вліяніемъ удивительнаго художественнаго чутья не только сцену заигрыванья Молчалина съ субреткой, но и очную ставку его съ Софьей, глубоко уязвленной тѣмъ, что̀ она только что слышала, авторъ сдѣлалъ впослѣдствіи все это явленіе однимъ изъ удачнѣйшихъ во всей піэсѣ. Въ первообразѣ-же, когда Лиза вызываетъ Молчалина на свиданіе къ Софьѣ, послѣдняя не успѣваетъ сказать ему:

Какъ я перепугалась,
Мой другъ! Шла давича съ свѣчей сюда въ рукахъ,
И что-то двигалось.... Мнѣ показалось,
Что Чацкій здѣсь,

какъ взбѣшенный Чацкій бросается между ними:

Я здѣсь притворщица! Да.

Софья.

Ахъ!

Лиза роняетъ свѣчу съ испуга. Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату.

Чацкій.

И зналъ ужъ разъ, и вѣрить усумнился!
Сходнѣе-бъ, кажется, сквозь землю провалился!

Софья.

Какая низость! Подстеречь!
Подкрасться — и потомъ, конечно, обезславить!
Что? Этимъ думали къ себѣ меня привлечь,
И страхомъ, ужасомъ любить себя заставить?—
Отчетомъ я себѣ обязана самой.
Однако, вамъ поступокъ мой
Чѣмъ кажется такъ золъ и такъ коваренъ?
Не лицемѣрила, и права я кругомъ.
Ахъ, Боже мой! Стукъ, шумъ! Сюда бѣжитъ весь домъ!
Вотъ батюшка......

Лиза.

Самъ баринъ!

Позднѣйшая обдѣлка замѣнила эту выходку оскорбленнаго самолюбія лишь двумя стихами, въ которыхъ звучитъ совершенно иная нота:

Не продолжайте! Я виню себя кругомъ;
Но кто-бы думать могъ, что былъ онъ такъ коваренъ?

Дѣйствительно, послѣ разоблаченія Молчалина, прежній тонъ отповѣди Софьи не могъ уже имѣть мѣста, и она въ смятеніи и невольной забывчивости, обливаясь слезами, могла такъ прямо принять всю вину на себя.

Послѣдній варіантъ, сообщаемый Смирновскими матеріалами, не многимъ отличается отъ приведеннаго уже въ статьѣ г. Родиславскаго о неизданныхъ сочиненіяхъ Грибоѣдова [1]). Разнорѣчіе касается нѣсколькихъ періодовъ въ серединѣ послѣдней запальчивой рѣчи Чацкаго.

А. В.

---

[1]) Русск. Вѣстн. 1873, Сентябрь.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ КОЛЬЦОВА.

Его превосходительству
*Дмитрію Никитичу Бѣгичеву *).*

Есть люди—межъ *людей* они,
Стоятъ на ступеняхъ высокихъ;
Кругомъ ихъ блескъ и слава
Далёко свой бросаетъ свѣтъ;
Они жъ, съ ходулей недоступныхъ,
Съ безумной глупостью глядятъ,
Въ страстяхъ порока утопаютъ
И глупо такъ проводятъ вѣкъ.
И, люди мимо ихъ смиренно
Съ лицомъ боязненнымъ проходятъ,
Взглянуть на нихъ боятся;
Колѣни гнутъ, цалуютъ платья;
А въ глубинѣ души своей безмолвно
Плюютъ,—и презираютъ ихъ.

*

Другіе люди есть:—они отъ Бога
Поставлены на тѣхъ же ступеняхъ;
И также, блескъ, величье, слава
Кругомъ ихъ свѣтъ бросаетъ свой.
Но люди тѣ—всю жизнь свою
Дѣламъ народа посвятили;
И искренно, для пользы государства,
И день, и ночь работаютъ свой вѣкъ...
Кругомъ же ихъ, съ почтеньемъ *люди*
Колѣна гнутъ, снимаютъ шапки,
Молитвы чистыя творятъ...
О, много разъ,—несчастныхъ, бѣдныхъ
Васъ окружала пёстрая толпа.
Когда вы всѣмъ, по силѣ-мочи,
Съ любовью помогали имъ:
Тогда, съ благоговѣньемъ тайнымъ,
Любилъ глядѣть я молча,
Какъ чудно благодатнымъ свѣтомъ
Сіяло ваше свѣтлое лицо!...

Алексѣй Кольцовъ.

(Съ подлинника, сообщеннаго княземъ Юріемъ Александровичемъ Оболенскимъ).

*) Нѣкогда Воронежскому губернатору, брату Степана Никитича Бѣгичева, бывшаго другомъ Грибоѣдова. *П. Б.*

ИЗЪ НЕИЗДАННАГО СОЧИНЕНІЯ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА ОРЛОВА.

(Объ учрежденіи вольнаго банка въ Москвѣ).

Чѣмъ болѣе знакомишься съ Петромъ Великимъ, тѣмъ болѣе невольно удивляешься генію его, опредѣлившему не только общемысліе въ Россіи, но частію и во всемъ современномъ ему мірѣ. Извѣстно, что онъ уважалъ необыкновенные таланты Лау и велъ съ нимъ переписку, приглашая его посвятить свои труды южной Россіи. Я долго думалъ, что сія переписка началась и продолжалась прежде нежели Лау былъ употребленъ во Франціи и что расположеніе къ нему Петра основано было ни на чемъ другомъ, какъ на его сочиненіяхъ: ибо Лау слылъ тогда уже за отличнаго финансоваго писателя. Какъ же я удивился, когда, вникая болѣе въ сей предметъ, я узналъ, что Петръ, силою своего генія, понялъ Лау во время его славы и не перемѣнилъ своего мнѣнія послѣ его паденія, точно такъ какъ потомство намъ его объяснило по прошествіи цѣлаго столѣтія! Письма Петра адресованы къ Лау въ изгнаніи, ищущему убѣжища въ Венеціи и преданному всеобщему проклятію и презрѣнію. Одинъ Петръ умѣлъ различить истинныхъ виновниковъ бѣдствій Франціи, Лудовика XIV и регента, отъ ихъ жертвы. Одинъ онъ, посреди заблужденныхъ современниковъ, обвинялъ Францію и Европу въ несправедливости и предлагалъ Лау чины, почести, высокое поприще для его дѣятельности и титулъ князя Астраханскаго. Таковая проницательность, таковое почтеніе къ талантамъ и генію принадлежатъ однимъ только великимъ людямъ. Другимъ дано было открывать дарованія въ неизвѣстности и уединеніи; Петръ сдѣлалъ болѣе: онъ открылъ невинность во всеобщемъ обвиненіи, славу въ позорѣ, государственнаго мужа въ осужденномъ преступникѣ. Сравните предложеніе и настоятельство Петра съ тщетнымъ 18-ти лѣтнимъ искательствомъ Колумба при дворѣ Изабеллы и

Фердинанда, и вы увидите, на какой высотѣ стоитъ Петръ, въ сравненіи съ другими славными историческими лицами. Пригласительное письмо Петра къ Лау изумительно своимъ величіемъ. Это аттестатъ, какого никто не писывалъ, кромѣ Петра, и никогда никто не получалъ, кромѣ Лау.

(Сообщено Николаемъ Михаиловичемъ Орловымъ).

ОТЗЫВЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Въ замѣткахъ покойнаго Н. Д. Киселева находятся слѣдующія замѣчательныя строки:

„У Трощинскаго найдены Блудовымъ въ запискахъ Остермана слѣдующія слова Петра Великаго:

„„Намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны повернуться задомъ.""

(Записано собственноручно покойнымъ Николаемъ Дмитріевичемъ Киселевымъ и сообщено племянникомъ его Петромъ Сергѣевичемъ Киселевымъ).

НОВЫЕ СТИХИ А. С. ПУШКИНА.

Рукою Пушкина, подъ его портретомъ, который очевидно набросанъ имъ самимъ, написано карандашомъ:

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
Но Сѣверъ забывать грѣшно.
Такъ слушай: поспѣшай Карлсбадскія пить воды,
Чтобъ съ нами снова пить вино.

14/26 Іюня 1828
Стрѣльна.

(Сообщено Петромъ Сергѣевичемъ Киселевымъ).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Въ Русскомъ Архивѣ сего года, въ Запискахъ покойнаго Лорера, я встрѣтилъ одно выраженіе, котораго я не могу оставить безъ протеста; но такъ какъ авторъ этой статьи перешелъ уже въ вѣчность, то, не имѣя возможности обратиться къ нему съ моимъ возраженіемъ, я рѣшился адресовать мою замѣтку на ваше имя, прося васъ дать ей мѣсто въ вашемъ уважаемомъ изданіи.

Въ Запискахъ своихъ г. Лореръ сказалъ: „Генералъ-губернаторомъ былъ тогда князь „Горчаковъ, братъ того, которому выпалъ не„счастливый жребій сдать Севастополь".

Сколько мнѣ извѣстно, Севастополя никто, никогда, никому не сдавалъ.

Сдачею крѣпости, или укрѣпленной мѣстности, называется такое дѣйствіе, при которомъ начальникъ обороняющихся войскъ рѣшается вступить въ переговоры съ непріятелемъ для прекращенія военныхъ дѣйствій, предлагаетъ очистить защищаемыя имъ укрѣпленія и, въ большей части случаевъ, соглашается положить оружіе и поступить въ плѣненіе. Даже при самыхъ благопріятныхъ для чести обороняющагося обстоятельствахъ, подобнаго рода крайность оставляетъ на сдавшемся войскѣ нѣкоторую тѣнь посрамленія, которое нѣсколько искупается безвыходностію положенія, истощеніемъ средствъ къ оборонѣ и громадностію понесенныхъ потерь. Такой жребій дѣйствительно долженъ считаться несчастливымъ. Ничего подобнаго въ Крыму не происходило. Князь Горчаковъ, усмотрѣвъ, что дальнѣйшая оборона Севастополя безполезна и была бы неблагоразумна, вывелъ изъ него войска ввѣренныя его начальству и отступилъ на сѣверную сторону бухты. Развѣ это сдача? Мнѣ кажется, что князь Горчаковъ не принадлежалъ къ тому разряду людей, которые могутъ со спокойнымъ духомъ пережить такое постыдное событіе, и въ то время еще не существовало въ исторіи тѣхъ грустныхъ примѣровъ сдачи, которые въ настоящее

время могутъ, пожалуй, оправдывать такія дѣянія въ глазахъ нѣкоторыхъ исключительныхъ личностей. Нѣтъ! Князю Горчакову не выпадала такого несчастливаго жребія; но за нимъ остается та великая передъ Россіею заслуга, что онъ предусмотрѣлъ неизбѣжную развязку и благовременно принялъ мѣры къ тому, чтобы спасти войска свои отъ необходимости положить оружіе, не цѣлою конечно арміею (фактъ, по моему, несбыточный), но хотя бы отдѣльными частями и командами, какія могли бы уцѣлѣть отъ общаго погрома и рѣзни. Для этого онъ соорудилъ мостъ черезъ бухту, помощію котораго ему удалось сохранить армію и спасти Русскія знамена отъ незаслуженнаго позора. Что̀ бы случилось въ день паденія Малахова кургана, еслибы въ тылу арміи не оказалось сообщенія съ Сѣверною стороною? Каждому ясно сего дня, что̀ бы это было за бѣдственное положеніе; а мостъ сохранилъ насъ отъ такого безъисходнаго горя. Сооруженіе этого моста, противъ котораго возражалъ въ то время не одинъ изъ спеціалистовъ, состоявшихъ при арміи, составляетъ доблестный актъ распорядительности главнокомандующаго, и если дѣло это не было оцѣнено по справедливости современниками, то оно тѣмъ не менѣе дѣлаетъ величайшую честь какъ главному распорядителю, такъ и исполнителю его, генералу Бухмейеру, заслуги котораго остались и невознагражденными и даже незамѣченными.

Еще разъ повторяю: князь Горчаковъ не сдавалъ Севастополя и никогда не согласился бы на сдачу; но распорядительностію своею онъ спасъ армію отъ могущаго постигнуть ее несчастія.

Прекративъ оборону, причинявшую слишкомъ большія потери, онъ отступилъ изъ Севастополя и занялъ съ арміею своею угрожающее противъ союзниковъ положеніе, которое заставило ихъ отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія и согласиться на мирные переговоры.

Я знаю, что многочисленные недоброжелатели покойнаго князя Горчакова упрекаютъ его въ нерѣшительности и нераспорядительности. Настоящій фактъ доказываетъ противное. Между тѣмъ эти обвиненія, разносимыя стоустою молвою, не мало помрачили подобающую ему славу, представляя его общественному мнѣнію какъ военноначальника, терявшагося въ мелкихъ подробностяхъ управленія арміею и лишеннаго всякой иниціативы. Не подлежитъ сомнѣнію, что тревожная заботливость объ арміи, свойственная его характеру, причиняла князю не мало излишнихъ и напрасныхъ заботъ и трудовъ; но мнѣ тоже извѣстно, что онъ былъ готовъ отказаться отъ вмѣшательства въ подробности дѣла, всякій разъ, когда ему попадался человѣкъ, заслужившій его довѣріе и готовый откровенно раздѣлить съ нимъ эти труды, эту отвѣтственность. Тогда нервная его натура усмирялась, и чѣмъ болѣе была опасность, тѣмъ онъ становился хладнокровнѣе и спокойнѣе. Совершивъ трудное и доблестное дѣло, онъ не забылъ своихъ подчиненныхъ и осыпалъ ихъ наградами за такой подвигъ, за починъ и исполненіе котораго вся слава принадлежитъ исключительно ему одному, лично.

Безпристрастное потомство отдастъ должную справедливость маститому воину. Русскій народъ не заклеймитъ себя грубою неблагодарностію къ такимъ дѣятелямъ, каковымъ былъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, весь вѣкъ свой посвятившій на честную и безкорыстную службу родинѣ и исполнившій долгъ свой съ самоотверженіемъ, достойнымъ великихъ мужей древности.

Князь Викторъ Васильчиковъ.

Ницца
4 Мая н. с.
1874.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ 1874 ГОДА.

*

*

*

ПОДПИСКА
НА

РУССКІЙ АРХИВЪ
1874

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, и въ бывшемъ помѣщеніи Чертковской библіотеки, въ магазинѣ Салаевыхъ, на Мясницкой, № 7.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высылать адресъ прежній и 64 коп., когда городской адресъ мѣняется на иногородный; когда же иногородный мѣняется на городской, то 50 копѣекъ, такъ какъ почтовое вѣдомство взимаетъ полную годовую пересылочную плату, хотя бы по какому нибудь адресу изданіе пересылалось всего одинъ разъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по **4** рубли, съ пересылкою по **4** р. **50** к.

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р. За полгода цѣны на пересылку за границу—половинныя.

О доставленіи недосланныхъ денегъ Контора Русскаго Архива напоминаетъ тѣмъ лицамъ, которыя не сполна оплатили годовую подписку.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1874.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874. 7.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

Первыя шесть тетрадей Русскаго Архива 1874 г. съ гравированнымъ портретомъ князя Одоевскаго вышли особою книгою, которую можно получать по 4 р. (съ пересылкою по 4 р. 50 к.)

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1874.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

въ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ТЕТРАДЯХЪ РУССКАГО АРХИВА 1874.

ВЫШЕДШИХЪ ОТДѢЛЬНОЮ КНИГОЮ.

Осмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816 — 1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830). Письмо *А. С. Пушкина* къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ *П. М. Языкова*): Пушкинъ во время холеры.

Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ.

Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года. Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).

Изъ Старой Записной Книжки. Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперанскій. Его отношенія къ императору Александру Павловичу. Первыя судьбы Бирона. — Пальмштернъ. — Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ, Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года.—Анекдоты о князѣ А. С. Меншиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ.—Клочки разговоры, мимоходомъ схваченныхъ и пр.—Donna Sol.—Левъ Пушкинъ.—Арендтъ.—Разные анекдоты.

Очеркъ первоначальной исторіи Горе отъ ума. Статья *А. Н. Веселовскаго.*

Любительскіе спектакли въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскаго театра *С. П. Соловьева.*

Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. 1778-й годъ.

Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.* — Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.*

Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805 — 1813 годовъ. — Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу.—Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности. Письма и приказы его въ Пензенскую деревню.

Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристъ на Кавказѣ).—Серъ Джонъ Макниль. Изъ служебныхъ воспоминаній *Владиміра Сергѣевича Толстаго.*

Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной) *Д. А. Столыпина.*—Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго. — Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ *князя В. И. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).

Изъ неизданныхъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр.

Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ, *Д. И. Иловайскаго.* Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители).—Wahrheit und Dichtung. Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ.—Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права, *Д. А. Столыпина* и пр.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

(1874).

КНИГА ВТОРАЯ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

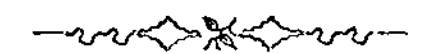
ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(СЪ ГРАВИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1874 ГОДА.

XVIII-Й ВѢКЪ.

XIX-Й ВѢКЪ.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СМѢСЬ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ АНДРЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА ХИЛКОВА КЪ АДЪЮТАНТУ ЧЕБЫШЕВУ ОТЪ ІЮЛЯ 1714 Г.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ШВЕДСКАГО [1]).

(Князь Хилковъ былъ посланъ Петромъ въ Швецію въ то время какъ Карлъ XII подвигался къ Нарвѣ, поэтому былъ тамъ задержавъ и интернированъ въ Эребро. Это же письмо относится ко времени тайныхъ переговоровъ, которые тогда велись съ Россіею Шведами, недовольными правленіемъ Карла XII; переговоры были прерваны внезапнымъ появленіемъ Карла въ Швеціи изъ Бендеръ).

Какъ я замѣтилъ изъ ордеровъ ко мнѣ всемилостивѣйшаго Государя, что ихъ наконецъ нужно представить Сенату, то я ихъ тебѣ опять возвратилъ. Когда ты ихъ получишь, то препроводи какъ только возможно будетъ къ самой принцессѣ (Ульрикѣ). Ты, вѣроятно, по прочтеніи этихъ приказовъ, поймешь, что такъ какъ они подписаны самимъ Царемъ и запечатаны печатью его тайнаго кабинета, то ненужно ихъ отдавать Сенату, а ей самой. Ибо можетъ быть они (сенаторы) возмутъ пакетъ и потомъ отрекутся въ полученіи онаго. Но если она ихъ получитъ въ собственныя руки, то они не могутъ не исполнить приказанія Его Величества и отвезти меня въ Стокгольмъ; не думаю также, чтобы удержали этотъ пакетъ и возвратили мнѣ его назадъ. Почему ты долженъ отдать этотъ пакетъ съ тѣмъ уговоромъ, что такъ какъ онъ содержитъ точный ордеръ Его Царскаго Величества и подписанъ имъ собственноручно, и тебѣ переданъ съ приказаніемъ мнѣ вручить, то ты до сихъ поръ все меня ожидалъ и поэтому не показывалъ никому, чтобы онъ не могъ исчезнуть; но теперь, долго меня прождавши и увидѣвъ, что меня не пускаютъ въ Стокгольмъ, ты принужденъ отдать его самой принцессѣ и никому другому, чтобы избѣгнуть немилости Царя, которой ты могъ бы подвергнуться, еслибъ ты его далъ бы кому нибудь другому, и онъ впослѣдствіи бы затерялся. Наконецъ, ты долженъ настоять на томъ, чтобы ордеръ Его Величества былъ бы ко мнѣ посланъ, и требовать аудіенціи и чтобы меня отвезли въ Стокгольмъ, дабы я могъ бы исполнить этотъ ордеръ. Если сіе не будетъ исполнено и если Царь не получитъ отвѣта на свое предложеніе, то вѣроятно узнаютъ, что я не въ Стокгольмѣ, и тогда Шведскіе генералы за это поплатятся. Ибо Его Царское Величество не знаетъ, что я высланъ изъ Стокгольма, что̀ хорошо замѣтно изъ того же ордера, такъ какъ онъ адресованъ въ Стокгольмъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше бла-

[1]) Подлинное находится въ собраніи рукописей д-ра Вестина, въ Швеціи.

городіе, соблаговолите по сему дѣлу руководствоваться приказаніями Его Величества. Если тебя не допустятъ къ принцессѣ, то отправь этотъ пакетъ къ ея каммеръ-юнгферѣ Емеренціи Дюбенъ, съ тѣми словами какъ выше сказано, что́ ты можешь сдѣлать черезъ Спарвенфельта. Онъ ее знаетъ и если ты его объ этомъ попросишь, то, я думаю, что онъ тебѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ и переведетъ тебѣ содержимое въ пакетѣ на Шведскій языкъ, послѣ чего ты только дашь переписать другому Шведу. Потомъ ты передашь заразъ и переводъ и оригиналъ, такъ что изъ сего, полагаю, не произойдетъ никакой задержки. Когда они меня отпустятъ въ Стокгольмъ, ты съ удивленіемъ увидишь, ка̀къ я тебѣ служилъ и впередъ намѣренъ служить, въ чемъ только я могу тебѣ быть нужнымъ. Я удивляюсь князю Трубецкому [2]). Онъ знаетъ, что ты сюда посланъ Царемъ и имѣетъ свободу пріѣхать изъ Сурбрунена (Suurbrunnen) въ Стокгольмъ, когда вздумаетъ, а все таки не ѣдетъ туда. Онъ здоровъ и, значитъ, могъ бы тамъ оставить и жену, и дѣтей, и самъ сейчасъ ѣхать сюда, чтобъ тебѣ помочь въ царскомъ дѣлѣ. Что̀ же касается моего здоровья, передъ Богомъ и какъ всѣ люди и сами Шведы могутъ разсказать, я полумертвый. Но еслибъ мнѣ, какъ ему, дозволенъ былъ въѣздъ въ Стокгольмъ, когда угодно, и былъ бы я въ десять разъ нездоровѣе чѣмъ теперь, а услышалъ бы, что пріѣхалъ курьеръ, посланный Царемъ, я бы не медлилъ и часу, а поѣхалъ бы туда, хотя бы дѣло и не касалось меня лично, только чтобъ узнать что нибудь о моей родинѣ и чтобы ей послужить въ чемъ будетъ возможно. Любезный, пиши мнѣ относительно Шведскаго короля, гдѣ онъ теперь, и въ какомъ онъ положеніи, и ждутъ ли его домой. Здѣсь всѣ говорятъ, что онъ уже въ дорогѣ и въ Германіи. Съ этой почтой я послалъ просьбу, чтобъ меня бы отвезли въ Стокгольмъ. Узнай объ этомъ у Лильемарка. Я также послалъ къ тебѣ письмо для виду, какъ будто бы я прежде съ тобой не переписывался; почему я, ни въ просьбѣ, точно также какъ и въ письмахъ къ тебѣ, не упомянулъ объ ордерѣ Царя и что они ради того мнѣ дозволятъ пріѣхать въ Стокгольмъ, а только что я по ихъ приказанію въ моемъ письмѣ къ Царю ходатайствовалъ о Розенганѣ (Rosenhane). И болѣе ничего. Впрочемъ остаюсь твой слуга.

Князь Хилковъ.

Сатрабрунъ (Satrabrunn)
Іюля 1714 г.

P. S. Прошу тебя написать отвѣтъ на все это, какъ скоро получишь это письмо; напиши что́ совершится по этому дѣлу. Еще говорятъ здѣсь, что генералъ-маіоръ Шлиппенбахъ вступилъ въ службу Царя и командуетъ эскадрой флота. Пиши мнѣ, правда ли это. Когда ты получишь это письмо въ складкахъ, то положи его подъ прессъ или въ книгу, то оно опять разгладится.

(*Сообщено А. А. Чумиковымъ*).

---

[2]) Князь Трубецкой, взятый въ плѣнъ при Нарвѣ, отецъ И. И. Бецкаго.

ПИСЬМО Е. И. КОСТРОВА КЪ СУВОРОВУ.

Сіятельный графъ, милостивый государь!

Полученное мною отъ Дмитрія Ивановича г. Хвостова письмо, въ которомъ изъясняетъ онъ удовольствіе и благоволеніе вашего сіятельства, въ

разсужденіи Оссіана *), правдивою восхитило меня радостію. Такъ, сіятельный графъ! Я не столько горжусь добротою перевода (много есть лучше меня переводчиковъ) сколько тѣмъ, что онъ украшенъ и возвышенъ знаменитымъ вашимъ именемъ, и притомъ имѣлъ счастіе удостоиться вашего вниманія и одобренія. Получить похвалу отъ героя, и отъ справедливаго дарованій судіи, есть счастіе для всякаго завидное, и тѣмъ болѣе, что я, посвящая вашему сіятельству посильный мой трудъ, руководимъ былъ однимъ только достодолжнымъ высокопочитаніемъ къ такому подвижнику, котораго имя и потомству будетъ любезно, драгоцѣнно, восхитительно. Я смѣло могу сказать:

Суворовъ почестей чрезъ подвиги достигъ
И грудью собственной трофей себѣ воздвигъ;
Не знать, что праздность есть, его отлична доля;
Онъ любитъ бодрствовать средь бранноносна поля.
Сынъ славы, чести сынъ, воспитанникъ побѣдъ,
Онъ правотой души въ восторгъ приводитъ свѣтъ;
Не раболѣпствуетъ онъ счастію слѣпому,
Но къ славѣ по пути онъ шествуетъ прямому;
Такъ я, поя ему Парнасскія хвалы,
Ужели заслужу завистной ядъ хулы?
Что́ мирный звукъ гласитъ, о томъ весь свѣтъ вѣщаетъ,
И струны онъ мои конечно оправдаетъ.
Героямъ ненужна ученыхъ хитра лесть:
Ихъ собственны дѣла имъ достодолжна честь.

Такимъ образомъ изъясняться въ разсужденіи вашего сіятельства за счастіе себѣ почту, хотя предъ цѣлымъ свѣтомъ: онъ удивленъ, онъ наполненъ геройскими вашими подвигами, а потому и мнѣ охотно отдастъ справедливость. Стократно я благополученъ, естли и впредь удостоюсь быть Музою, покровительствуемою вами и которой лира посвятится къ прославленію знаменитыхъ вашихъ дѣяній. Такъ, мой долгъ, моя честь, слава и счастіе быть всегда съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ, преданностію и признательностію вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшимъ слугою

Ермилъ Костровъ.

1792
Сентября 30.

(*Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ*)

*) Переводъ съ Французскаго, подъ заглавіемъ: Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка. 2 части. Москва, въ университетской типографіи, 1792 in 8. См. Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Александра Смирдина. СПбургъ, 1828. стр. 522, № 6739. Подлинное письмо принадлежало правителю канцеляріи Суворова И. О. Курису, теперь же его внуку.

ПИСЬМО А. А. БЕСТУЖЕВА (МАРЛИНСКАГО) КЪ К. А. ПОЛЕВОМУ.

23 Ноября 1833.
Дербентъ.

Дорогой мой Ксенофонтъ Алексѣевичъ. Сегодня я имянинникъ и сижу одинъ, больной, грустной. Мечты моего дѣтства машутъ около меня крыльями, но я ихъ вижу сквозь крепъ. Боже мой, куда дѣлись и зачѣмъ не могутъ воротиться хотя немногіе часы изъ минувшаго? Зачѣмъ хоть для образчика не оребячится вновь сердце, чтобы я могъ имѣть органы для прежней радости, органы давно огрубѣлые или вовсе утраченные. Воспоминаніе! Что такое воспоминаніе? Живая картина, но все картина, а не дѣйствительность, картина, у которой время кривитъ перспективу и уноситъ у насъ изъ подъ ногъ точку зрѣнія. Мысль простираетъ между было и есть желѣзный аршинъ свой и говоритъ: это мое, это твое.—Досадный раздѣлъ!.. Мысль принадлежитъ міру, чувство

мнѣ. Мысль братъ, чувство—любовница... Чувство сладостнѣе, горячѣе, нѣжнѣе мысли. Но Провидѣніе спаяло обѣ половины времени, сроднило оба эти существа, слило во едино жизнь и смерть; и эта связка, эта амальгама, это бытіе-гермафродитъ —Сонъ. Тамъ только солнце юности не только свѣтитъ, но и грѣетъ; тамъ только цвѣты любви прежней не только блистаютъ, но и благоухаютъ. Въ немъ, какъ въ котлѣ Медеи, младенѣетъ и сердце, и духъ нашъ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ Шекспировскихъ вѣдьмъ, видимъ мы туманные облики будущаго; имъ переживаемъ порой то, чего не было и не будетъ, даже то, чего не могло быть и не можетъ статься. Но, о добрый другъ мой—блѣднѣютъ и самые сны, вянетъ солнце, тускнетъ небо грезъ моихъ.... Кажется, огромныя буквы неизмѣримой книги этой стираются; смыслъ чаще и чаще убѣгаетъ отъ понятія, образы сливаются съ туманомъ; ощущенія поражаютъ какъ тупыя стрѣлы, не какъ мечъ раскаленный.. Скажите, отъ чего это?—Неужели кровь моя стынетъ? Зачѣмъ же кипитъ еще мое сердце? Зачѣмъ сны на яву волнуютъ его, а оно не оживляетъ моихъ сновидѣній по прежнему? Да, въ эту ночь я видѣлъ себя ребенкомъ, видѣлъ отца моего, добраго, благороднаго, умнаго отца; видѣлъ, будто мы ждемъ его къ обѣду отъ графа Александра Сергѣевича Строганова, которой бывалъ имянинникъ въ одинъ день съ нами.... И всѣ заботы хозяйства, раскладка вареньевъ на блюдечки, раскупорка боченка съ виноградомъ, и столъ блестящій снѣгомъ скатерти, льдомъ хрусталя, и миндальный пирогъ съ сахарнымъ амуромъ посрединѣ, и себя въ новой курточкѣ расхаживающаго между огромными подсвѣчниками, въ которые ввертываютъ восковыя свѣчи, и все это видѣлось мнѣ точь въ точь какъ бывало. Но кругомъ было сумрачно, внутри меня холодно;—я былъ уже зритель, не дѣйствователь на этомъ праздникѣ. Я проснулся съ досадою.... И такъ лучъ мороза судьбы проникаетъ даже въ воображеніе, даже въ сонъ—горькое открытіе, горькое сознаніе!

Получилъ я 13-й номеръ Телеграфа и съ наслажденіемъ прочелъ главу Гюго. Ceci tuera cela; онъ великій мыслитель: другіе перебиваютъ мысль изъ его выжимковъ. Онъ звѣзда, прочіе спутники; но и онъ звѣзда-комета, звѣзда-предтеча. О, зачѣмъ не доживемъ мы до обновленнаго міра, послѣ потопа, уже вздувающагося! Въ разборѣ путешествія Бѣлявскаго вы говорите о могилѣ Менщикова. Знаете ли, что до 1827-го года не знали точно, гдѣ похороненъ онъ. Тобольской губернаторъ Бантышъ-Каменскій былъ въ Березовѣ, рылъ по преданіямъ въ 3-хъ мѣстахъ, и наконецъ нашелъ его, вовсе нетлѣннымъ отъ замерзшей почвы. Съ нимъ былъ хорошій портретъ Менщикова; нашлось, что и всѣ черты сохранились въ точности и въ свѣжести. Онъ былъ одѣтъ въ атласъ и бархатъ, съ черной скуфьею на головѣ. Желая сохранить что нибудь на память для потомка его г. а. Менщикова, Бантышъ-Каменскій срѣзалъ нѣсколько волосъ съ брови покойника и взялъ золотой съ груди крестикъ. Потомъ, отслуживъ панихиду, закрылъ могилу и означилъ ее крестомъ. Эта археологическая выходка дорого стоила археологу. На него былъ сдѣланъ безъимянный, доносъ въ кощунствѣ, якобы онъ смѣялся надъ трупомъ и вырѣзалъ у него глазъ. Велено сдѣлать слѣдствіе, со строжайшимъ

ему выговоромъ и хотя онъ оправдался, но ему замѣчено было, что любознательность его вовсе не умѣстна. Потомки Менщикова до сихъ поръ не сдѣлали никакого надгробія надъ славнымъ сподвижникомъ Петра, и прахъ человѣка, давшаго имъ милліоны, лежитъ подъ сосновымъ крестомъ, водруженнымъ чуждою рукою. Вотъ что́ значитъ опала.

Не знаю, писалъ ли я вамъ, что нашелъ въ Якутскѣ могилу Анны Гавриловны Бестужевой, умершей тамъ въ ссылкѣ съ вырѣзаннымъ языкомъ. На ней не было уже и креста. Могилы Войнаровскаго не знаютъ, но указываютъ на другомъ берегу Лены противъ Якутска, въ селеніи называемомъ Ярмонкою, мѣсто, гдѣ стояла его юрта. Для первой хотѣлъ я своими руками высѣчь камень, съ сердцемъ въ терновомъ вѣнкѣ по срединѣ; но прежде чѣмъ привезли хорошую плиту, я долженъ былъ выѣхать,—страдать за другими горами.

Если есть еще время, удержитесь печатать отказъ мой Смирдину. Онъ писалъ ко мнѣ; говоритъ, что сестра моя завѣрила его въ моемъ содѣйствіи, а мнѣ не хочется впутывать этаго чистаго имяни въ каверзы Петербургской журналистики. Я отвѣчаю ему, какъ онъ сто̀итъ, и сказалъ, что обращаю противъ него же оружіе, которымъ думалъ побѣдить меня. Онъ предлагаетъ мнѣ 300 р. за листъ, я требую 500. Зло уже сдѣлано, надобно наказать виновника. Это впрочемъ не помѣшаетъ мнѣ писать для васъ. Еслибъ у меня не было брата за Кавказомъ, которому нужны деньги, ибо онъ выходитъ въ отставку и расплачивается съ долгами, никогда бы я не написалъ ни строчки для людей, которые думаютъ купить мое перо еще въ гусѣ, и щиплютъ живаго.

Недѣли три не брался за перо: сборы къ смотру мѣшали, теперь присяду. Чтобъ втравить себя въ дѣльное, начну чѣмъ нибудь шуточнымъ. Во всякомъ случаѣ первое дѣло будетъ для васъ.

У насъ Мюриды (преданные) убитаго Кази-Муллы отъ голоду начинаютъ шалить не на шутку. Недавно увели цѣлое село съ людьми и скотомъ въ горы. Вельяминовъ добираетъ съ Чечны прошлогоднюю подать. Партіи разбойниковъ уводятъ и рубятъ Русскихъ дровосѣковъ, грабятъ даже офицеровъ; на будущій годъ должно ожидать усмирительнаго похода.

Благодарю за всѣ посылки. Ложки и ноты получилъ вчерась. Не посылаю поправокъ съ этой почтою, ибо не всѣ еще номера отыскалъ. Бѣда не велика, если и не напечатаются. 3-й томъ будетъ слишкомъ дороденъ, не расколоть ли его на двое? Въ 1825 году въ Августѣ есть мое письмо о Петергофскомъ праздникѣ. Оно вздоръ, но можетъ пригодиться въ добавку. Поцѣлуйте ручку у супруги вашей.

Вашъ душею Александръ Бестужевъ.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО. [1]

I.

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

(Писано послѣ 1857 года).

Въ 1827 году въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому составить проектъ устава для цензуры книгъ иностранныхъ, находившейся въ вѣдѣніи сего министерства: ибо въ вышедшемъ тогда недавно (въ 1826 году) уставѣ о цензурѣ находились постановленія лишь для цензуры книгъ, издаваемыхъ въ Россіи.

По сему поводу министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ: дозволено ли будетъ при составленіи устава о цензурѣ иностранной не держаться въ точности правилъ устава 1826 года, на томъ основаніи, что цензура книгъ иностранныхъ, по многимъ соображеніямъ, не можетъ быть подчинена одинаковымъ со внутреннею цензурою правиламъ.

Въ слѣдствіе сего послѣдовала Высочайшая воля: не только не держаться устава о цензурѣ 1826 года, но и самый сей уставъ подвергнуть подробному разсмотрѣнію, не смотря на его недавнее обнародованіе.

Сія мудрая рѣшимость Государя была основана на томъ, что уставъ 1826 года былъ составленъ съ чрезвычайною поспѣшностію и даже, какъ слухи носились, бывшій тогда директоръ департамента народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ, желая сколь возможно ускорить исполненіе по требованію Государемъ цензурнаго устава, поднесъ къ подписанію министра Шишкова готовый проэктъ, найденный въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, сочиненіе—знаменитаго Магницкаго, при пособіи Рунича. Сей уставъ, сверхъ необычайной стѣснительности всѣхъ мѣръ, замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ запрещались не только цѣлые роды сочиненій, но цѣлые отдѣлы наукъ; запрещалось не только что либо противное какому бы то ни было правительству, или какому бы то ни было вѣроисповѣданію, но философія, политика, геологія, вообще всякое разсужденіе, гдѣ авторъ отъ разсмотрѣнія природы восходитъ мыслію къ божеству; наконецъ, даже біографіи и мемуары и проч. т. п. Независимо отъ строгой цензуры, авторъ подвергался тяжкой отвѣтственности какъ за пропущенное цензурою и напечатанное, такъ и за представленное въ рукописи къ цензурному дозволенію.

Для сего столь важнаго, столько и труднаго государственнаго дѣла былъ, по Высочайшему назначенію, образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Членами въ семъ комитетѣ, сколько помнится, были: Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Бенкендорфъ, кажется президентъ Академіи и другія лица. Главнымъ редакторомъ сего комитета былъ тогдашній товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей, которыхъ когда либо имѣла Россія—Дмитрій Василье-

[1]) См. выше. стр. 278.

вичъ Дашковъ *). Работы этого комитета были ведены весьма тщательно. Вопросъ о цензурѣ былъ разсмотрѣнъ съ истинно-государственной точки зрѣнія, а не въ границахъ полицейской, почти всегда ошибочной сферы; даже съ тѣмъ вмѣстѣ были зрѣло и глубоко обдуманы всѣ подробности цензурнаго дѣла, какъ относительно послѣдствій, которыя отъ нихъ могутъ произойти, такъ и относительно ихъ практическаго примѣненія.

Составленный на сихъ основаніяхъ разборъ постановленій устава о цензурѣ 1826 года встрѣтилъ естественно въ комитетѣ сильную оппозицію со стороны министра народнаго просвѣщенія Шишкова. На разборъ былъ написанъ отвѣтъ; на сей отвѣтъ натурально послѣдовали возраженія; словомъ, возникла полемика, выражавшаяся съ той и другой стороны огромными тетрадями. Сія полемика однакоже была весьма полезна, ибо дала поводъ къ разъясненію разныхъ вопросовъ о цензурѣ, еще весьма мало оцѣненныхъ положительно, а равно разныхъ мнѣній или лучше сказать фразъ, считавшихся по привычкѣ за непреложную истину, а между тѣмъ вошедшихъ въ правительственныя распоряженія и даже законы изъ источниковъ самыхъ противоположныхъ: изъ измѣнявшихся политическихъ обстоятельствъ и другихъ временныхъ, скоропреходящихъ случайностей, изъ ученія библейскихъ обществъ, изъ мистическаго направленія, изъ личныхъ козней Магницкаго, изъ блестящихъ фразъ графа Іосифа де-Местра и наконецъ даже изъ ученія Іезуитовъ, которыхъ пребываніе въ Россіи и, въ особенности воспитаніе, полученное у нихъ нѣкоторыми лицами, въ послѣдствіи дѣйствовавшими на службѣ, не осталось безъ вліянія на понятія, имѣвшія тогда ходъ въ нашей правительственной сферѣ.

Къ счастію, всѣ эти понятія, не только не примѣнимыя къ Россіи, но и вовсе ей чуждыя, не имѣли успѣха. Государю Императору благоугодно было, 1828 года Апрѣля въ 22-й день, утвердить составленный комитетомъ новый уставъ о цензурѣ, долженствующій (какъ выражено въ предшествующемъ уставу указѣ) „замѣнить во всѣхъ частяхъ изданныя до „нынѣ по сему предмету узаконенія.“

Но должно замѣтить, что комитетъ 1827 и 1828 годовъ не счелъ возможнымъ ввести въ проектъ устава всѣ тѣ убѣжденія, къ коимъ онъ пришелъ путемъ зрѣлаго разсмотрѣнія государственнаго вопроса о цензурѣ. Многое онъ предоставилъ будущему развитію началъ, имъ установленныхъ и одобренныхъ Государемъ Императоромъ, до свѣдѣнія котораго была доводима вся полемика, происходившая въ комитетѣ.

Къ сожалѣнію, происшествія 1830 года, а въ послѣдствіи 1848 года дали поводъ не къ развитію цензуры въ смыслѣ комитета 1828 г., но къ разнымъ самопроизвольнымъ административнымъ распоряженіямъ, затемнившимъ ясность и опредѣлительность устава 1828 г., запутавшимъ цензурное дѣло разными не только безполезными, но вредными для самой цензуры формальностями; не говоримъ уже о гибельномъ ихъ дѣйствіи на развитіе наукъ въ Россіи. Всегда были люди готовые стяжать славу Магницкаго и Рунича и ихъ права̀ на признательность Царя и Отечества. Эти люди соединяли несоединяемое:

*) Князь В. Ѳ. Одоевскій служилъ также въ этомъ комитетѣ занимая должность (если не ошибаемся) дѣлопроизводителя при Д. В. Дашковѣ. *П. Б.*

какой либо ничтожный недосмотръ цензора съ чужеземными событіями, не имѣвшими никакой связи съ бытомъ Русскимъ, съ безумнымъ болтаньемъ какого либо полупомѣшаннаго Француза или Нѣмца, — чтобы проводить, ради личныхъ своихъ житейскихъ выгодъ (разумѣется, подъ видомъ усердія къ общественному благу, и даже спасенію Отечества) разныя, вовсе ненужныя мѣры, опиравшіяся на какой либо временной случайности и которыя потомъ оставались уже постоянно, не смотря на то, что и помянутой предлогъ къ симъ мѣрамъ разсѣевался, какъ всякая фантасмагорія.

Посему, въ настоящее время, когда понятія о цензурномъ дѣлѣ прояснились и мы стали на настоящую государственную точку зрѣнія, было бы не излишнимъ обратить вниманіе на все дѣлопроизводство, бывшее въ комитетѣ 1827 года и которое должно находиться въ архивахъ частію въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, частію въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Пишущій сіи строки не можетъ здѣсь войти въ подробности относительно цензуры вообще, ибо настоящее положеніе сего дѣла и возникшіе въ послѣднее время вопросы ему вовсе неизвѣстны; онъ ограничится лишь нѣкоторыми замѣчаніями.

Обыкновенно говорятъ, что цензура есть труднѣйшая изъ задачъ въ системѣ государственнаго управленія. Это — совершенная правда. Но, кажется, не было еще довольно изслѣдовано: отъ чего именно зависитъ эта трудность; другими словами: съ чѣмъ должна бороться цензура?

Всякій чисто-полицейскій законъ имѣетъ дѣло съ опредѣленными, осязательными проступками человѣка, таковы: воровство, контрабанда, нарушеніе полицейско - медицинскихъ правилъ и проч. тому подобное. Цензура напротивъ должна бороться съ неопредѣлительностію человѣческаго языка и съ возможностію одному и тому же выраженію, даже слову, давать всѣ возможные смыслы. Здѣсь, а не индѣ, основа всѣхъ затрудненій, — а эта основа недоступна человѣческой силѣ. Полагать возможнымъ посредствомъ какихъ либо правилъ предупредить всѣ отступленія отъ цензурнаго устава все равно, что добиваться, посредствомъ какихъ либо правилъ, предвидѣть дѣйствія бури, наводненія, землетрясеній и прочихъ тому подобныхъ общихъ, естественныхъ явленій, не зависящихъ отъ воли человѣческой. Должно признать существованіе этой основной причины, сколь она ни печальна, и посмотрѣть прямо въ лице двумъ вопросамъ: „Чтó можетъ сдѣлать цензура? Чего она не можетъ сдѣлать?“

Если никакой законъ, ни по какому предмету, не можетъ предвидѣть всѣхъ могущихъ представиться въ практикѣ случаевъ; то для цензуры это еще менѣе возможно: ибо, повторяю, она имѣетъ дѣло съ существами въ высшей степени неопредѣленными, каковы: самыя формы языка, фантазія сочинителей и мнѣніе публики. Законъ, который бы хотѣлъ предвидѣть и предупредить всѣ возможные случаи его нарушенія, достигъ бы цѣли совершенно ему противуположной, т. е. привелъ бы въ недоумѣніе исполнителей, при всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые законъ не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть. Въ цензурномъ дѣлѣ такое явленіе представляется на каждомъ шагу,

Изъ сего явствуетъ, что въ цензурномъ дѣлѣ успѣхъ зависитъ не отъ писанныхъ правилъ и даже не отъ выбора ихъ исполнителей, т. е. цензоровъ; во всякое, такъ сказать, цензурное явленіе вмѣшиваются постоянно два вышеозначенные элемента: общее настроеніе литературы въ данную эпоху и общественное мнѣніе. Отъ сего происходитъ, что въ цензурномъ дѣлѣ вводятъ въ безпрерывное заблужденіе оптическіе обманы, отъ которыхъ необходимо себя предохранять прямымъ, добросовѣстнымъ и многостороннимъ воззрѣніемъ на предметъ.

Одна и таже фраза (какъ опытъ ежедневно показываетъ) можетъ показаться сегодня невинною, завтра предосудительною; чаще случается на оборотъ. Напримѣръ, нападали на разныя выраженія Нѣмецкой философіи, которыя, будучи отдѣльно взяты, по темнотѣ ихъ, могутъ быть растолкованы, особливо людьми спеціально не занимавшимися симъ дѣломъ, различно. Но спрашивается: какой вредъ могутъ произвести сіи фразы въ публикѣ, гдѣ едва ли полсотни людей занимаются этимъ предметомъ? Напротивъ, достаточно было одного названія извѣстнаго указа, чтобъ собрать на Сенатской площади, тому года два *), цѣлыя толпы людей. Все зависитъ не отъ того, что́ авторъ написалъ и что̀ цензоръ пропустилъ, но отъ того, какъ публика поняла написанное.

Въ настоящее время всѣ журналы наполнены статьями объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія и напротивъ запрещается то, что̀ бы говорило въ пользу крѣпостнаго состоянія. За нѣсколько лѣтъ было совсѣмъ наоборотъ: позволялись статьи въ пользу крѣпостнаго состоянія и если бы тогда кто рѣшился хоть слегка намекнуть о вредѣ крѣпостнаго состоянія, тогда люди, завидующіе славѣ Магницкаго, указали бы на сочинителя и на цензора какъ на нарушителей общественнаго спокойствія и подвели бы ихъ подъ какой угодно пунктъ закона.

Выводъ изъ этого явленія легко примѣняется ко всѣмъ другимъ. Такъ напримѣръ, сатира, существующая у насъ со временъ Кантемира, всегда представлялась чѣмъ-то опаснымъ. Многимъ изъ старожиловъ памятенъ ропотъ, поднятый Магницкими того времени, противъ Недоросля и Бригадира. Лишь покровительство императора Павла I-го могло позволить сочинителю Ябеды (правда, сильнѣйшей сатиры на чиновниковъ, когда либо существовавшей) обнародовать его произведеніе и спасло Капниста отъ преслѣдованія. На нашей памяти все что́ говорилось противъ Горя отъ ума и Ревизора. Еще въ недавнее время нашелся господинъ, который, по усердію къ пользамъ Отечества, ходатайствовалъ о запрещеніи большей половины басней Крылова.

Все то что̀ говорили противъ вышеназванныхъ сатирическихъ сочиненій, повторяется и нынѣ противъ появляющихся сатирическихъ сочиненій, какъ наприм. Губернскіе Очерки, комедіи Островскаго и пр. т. п. Но спрашивается: государственная цензура можетъ ли раздѣлять понятія, выражающіяся въ семъ говорѣ нѣкоторыхъ людей и внушенныя часто или голосомъ раздраженной совѣсти, или удобствомъ выказать свое усердіе и благонамѣренность не трудомъ,

*) Намъ неизвѣстно это обстоятельство; пусть объяснятъ помнящіе. *П. Б.*

а легкимъ отыскиваніемъ и толкованіемъ фразъ въ неопредѣленномъ морѣ цензуры?

На этотъ вопросъ лучшій отвѣтъ можетъ дать публика. Какое вліяніе на нее производятъ сіи статьи? Полезное или вредное? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что сіи статьи остановили многихъ на скользкомъ пути къ мошенничеству; публичность, данная тайнымъ злодѣяніямъ, считавшимъ себя совершенно обезопасенными, не осталась безъ вліянія по крайней мѣрѣ на молодыхъ людей, поступающихъ въ службу, для которыхъ до того безнаказанность старыхъ преступниковъ и торжество мошенничества, поощреннаго безгласностію, служили ядовитымъ примѣромъ. Полицейская цензура, имѣющая въ виду лишь прикрыть язву, чтобы ее не замѣтили, можетъ запрещать подобныя статьи; государственная цензура должна не только позволять, но и поощрять ихъ. Вообще четыре главные предмета, выраженные въ 3-ей статьѣ устава о цензурѣ 1828 года, а именно: вѣра, престолъ, нравственность и честь личная, могутъ служить вѣрнымъ мѣриломъ для оцѣнки произведенія въ цензурномъ смыслѣ. Эти коренныя начала часто забываются людьми, ратующими противъ всякаго сочиненія несогласнаго съ ихъ собственными видами. Спросите ихъ, противъ котораго изъ сихъ четырехъ пунктовъ погрѣшаетъ указываемая имъ книга или статья; они весьма затруднятся отвѣтомъ и будутъ отвѣчать одними восклицаніями или неопредѣленными словами: предосудительно, неблагонамѣренно.

По моему убѣжденію, цензоръ, который, читая книгу, спроситъ самаго себя по совѣсти: противно ли прочтенное имъ сочиненіе одному изъ сихъ четырехъ пунктовъ: вѣрѣ, престолу, нравственности или личной чести и по совѣсти же дастъ себѣ отрицательный отвѣтъ, такой цензоръ, какъ равно и сочинитель, правы предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ, что́бы потомъ не говорили въ публикѣ о пропущенномъ сочиненіи: ибо угадать вліяніе на публику той или другой статьи невозможно ни цензору, ни какому либо другому человѣку, живущему въ семъ мірѣ; ибо сего вліянія угадать нельзя, и оно происходитъ не отъ того или другаго слова въ печати, но отъ общественнаго мнѣнія или, лучше сказать, отъ индивидуальнаго мнѣнія каждаго читателя, взятаго отдѣльно. Для иного человѣка съ кривымъ умомъ опасно чтеніе каждаго указа, печатаемаго въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ. Слѣдутъ ли изъ этого, что указы не должны быть обнародываемы? Кому неизвѣстно, что изъ полутораста существующихъ разныхъ христіанскихъ ересей каждая указываетъ на Св. Писаніе, какъ на подтвержденіе своего ученія? У насъ секта скопцовъ не указываетъ ли на извѣстное мѣсто Апостола Павла? Слѣдуетъ ли изъ этого, что должно раздѣлять сожалѣніе, одного нынѣ умершаго сановника, о слишкомъ большой извѣстности Евангелія, препятствующей его исправить или запретить вовсе *)?

Присовокуплю къ сему, что никакая строгая цензура, которая однако допуститъ же что либо къ напечатанію, не предупредитъ того что́ называютъ вреднымъ вліяніемъ на публику. Вотъ тому примѣръ на нашей памяти: извѣстный Польскій поэтъ Мицкевичъ,

*) См. выше стр. 727, въ Запискахъ графини Блудовой. *П. Б.*

живучи въ Москвѣ въ пріятельскомъ кругу Русскихъ литераторовъ, написалъ поэму Валенродъ, поэму самую невинную въ цензурномъ отношеніи. Дѣйствіе происходитъ въ Гренадѣ; есть сцена, гдѣ Мавры выходятъ изъ города и подъ видомъ пріязни обнимаютъ Испанцевъ, чтобы сообщить имъ заразу чумы. Во время предшествовавшее Польской революціи, Поляки нашли въ этой сценѣ указаніе ихъ народнаго поэта на то, какъ они должны поступать съ Русскими, т. е. прижимать ихъ къ груди, для того чтобъ погубить. Спрашивается, какое цензурное чутье могло бы угадать такого рода вредное вліяніе на публику?

Выше мы упомянули объ оптическихъ обманахъ, играющихъ столь важную роль въ толкованіяхъ о цензурѣ. Самый странный изъ этихъ обмановъ есть именно то, что́ называютъ вліяніемъ книги или статьи на публику. Спрашивается, гдѣ эта публика? Книга, наиболѣе расходящаяся у насъ въ Россіи, есть Календарь, но и его расходится, кажется, не болѣе 20 тысячь экземпляровъ. Журналы, имѣющіе у насъ наиболѣе подписчиковъ, суть Сенатскія Вѣдомости и Московскія. Число подписчиковъ на первыя намъ неизвѣстно; Московскія Вѣдомости имѣютъ, кажется, не болѣе 10 т. подписчиковъ. Другіе журналы — 5. 4. 3. 2 тысячи и менѣе тысячи подписчиковъ. Рѣдкая книга печатается у насъ болѣе одного завода, т. е. болѣе 1200 экземпляровъ.

Если положить въ Россіи число читающихъ 100 т. человѣкъ, то и въ этомъ числѣ надобно положить 90 т. читающихъ единственно Календарь и Сенатскія Вѣдомости. Для остальныхъ 10 т. трудится вся Русская литература и привозятся всѣ иностранныя книги.

Спрашивается, что́ значутъ 100 т. въ массѣ 75 милліоновъ, и можно-ли назвать эту сотню тысячь публикою?

На этомъ оптическомъ обманѣ основываются два болѣе вредныхъ: первый изъ нихъ есть отыскиваніе направленія, перешедшее къ намъ по прямой линіи отъ Іезуитовъ. По милости сего обмана, нѣтъ книги, нѣтъ фразы, которую можно было бы позволить и которую нельзя было бы не запретить, ибо оцѣнка направленія зависитъ единственно отъ взгляда цензора и степени его познаній. До сихъ поръ можно найти въ Коммерческой Газетѣ текущаго 10-тилѣтія извѣстія о томъ, что военный корабль, по выдержаніи карантина, поступилъ въ *торговую* практику. Это невѣроятное извѣстіе произошло отъ того, что цензоръ усумнился пропустить слово въ *вольную* практику, не подозрѣвая того, что это выраженіе находится въ самихъ законахъ. Цензоръ находилъ въ этомъ выраженіи какое-то опасное направленіе. Въ бумагахъ одного умершаго цензора найденъ, говорятъ, черновой проектъ объ исключеніи изъ сочиненій Державина Оды Богъ по ея направленію, будто-бы несогласному съ Священнымъ Писаніемъ.

Подобной участи подвергалась у насъ цѣлая наука, а именно геологія. Она не преподавалась въ училищахъ, книги объ образованіи коры земной запрещались на Русскомъ языкѣ и приводили въ недоумѣніе цензуру книгъ иностранныхъ. Цензоры отыскивали въ трудной номенклатурѣ сей науки, въ разныхъ формаціяхъ, согласны и несогласны-ли они съ тѣмъ что́ говорится у Моисея о сотвореніи міра.

Одно полное, невѣроятное невѣжество въ положительныхъ наукахъ

могло допустить нелѣпое предположеніе о томъ, что будто-бы геологія можетъ поколебать истину Св. Писанія, точно также какъ нѣкогда думали о Коперниковой системѣ или объ Линнеѣ, котораго классификацію обвиняли въ распространеніи безнравственности. Кажется, не дошло до свѣдѣнія гонителей геологіи, что она занимается образованіемъ коры земной, а отнюдь не сотвореніемъ міра и что этотъ предметъ совершенно различный, который не можетъ видѣть лишь тотъ, для кого всякая геологическая книга есть грамота недоступная и что напротивъ, геологія приравненная къ Пятикнижію (чѣмъ занимались немногіе) служитъ новымъ подтвержденіемъ вѣрности выраженій, находимыхъ у Моисея и слѣдовательно новымъ подтвержденіемъ истинъ Священнаго Писанія.

Какъ бы то ни было, это явная нелѣпость, происшедшая просто отъ незнанія предмета, имѣла весьма вредное вліяніе.

Нынѣ, какъ извѣстно, геологія играетъ важную роль въ разработкѣ государственныхъ богатствъ; она необходима не только въ горныхъ промыслахъ и золотыхъ пріискахъ, но глубокое, спеціальное знаніе сей науки необходимо при отысканіи каменнаго угля, при проложеніи желѣзныхъ дорогъ, при раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ, при устройствѣ дренажа и другихъ т. п. важныхъ производствъ.

Что̀ же произошло у насъ въ Россіи (для которой надо было бы изобрѣсть геологію, если бы она не существовала) благодаря гоненію на сію науку? Геологія, составляющая насущный хлѣбъ каждаго промышленника въ странахъ, надѣленныхъ менѣе насъ земными богатствами, сдѣлавшаяся почти простонародною въ Германіи, Англіи и Франціи до того, что объ ней толкуетъ каждый порядочный земледѣлецъ, у насъ не существуетъ и развѣ извѣстна нѣсколькимъ академикамъ. Отъ того намъ должно было дожидаться Мурчисона, который подъ ногами у насъ указалъ мѣста нахожденія каменнаго угля. Англичане и Французы въ Крыму не могли надивиться его геологическому богатству, а еще болѣе тому, что объ немъ никогда не было и слышно въ ученомъ мірѣ; наконецъ, оказалась въ Россіи настоятельная потребность дренажа, требующая не только главныхъ распорядителей, но и множества исполнителей, и что̀ же? Правительство вынуждено посылать въ чужіе краи людей учиться геологіи, и мы не будемъ имѣть дренажа, безъ котораго гибнутъ наши плодородныя степи, пока эти люди не выучатся.

Вотъ какимъ образомъ цензурное запрещеніе, основанное на невѣжественномъ мнѣніи, можетъ имѣть дѣйствительное вліяніе не на 100 т. читателей, но на благосостояніе 75 мил.: ибо каменный уголь нуженъ всѣмъ, дренажъ также, а отъ разработки земли, основанной на геологическихъ данныхъ, зависятъ и государственные доходы.

II.

ЕЩЕ О ЦЕНЗУРѢ.

Я не буду повторять избитыхъ фразъ ни за, ни противъ цензуры. Обѣ стороны высыпали весь запасъ возможныхъ въ этомъ дѣлѣ аргументовъ.

Весь вопросъ состоитъ въ степени строгости цензуры и въ образѣ ея дѣйствія. По сему предмету постара-

юсь изложить, сколь возможно короче, результаты моихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ этимъ предметомъ.

1-е. Прежде всего надобно спросить себя: противъ чего можетъ дѣйствовать цензура? Противъ самой мысли, или противъ формы мысли? Ясно какъ дважды два четыре, что цензура, какъ и всякое отрицательное дѣйствіе, безсильна противъ появленія и распространенія самой мысли.

Здѣсь нужно охранить себя отъ весьма опаснаго оптическаго обмана. Обыкновенно думаютъ, что отъ книгъ переходятъ мысли въ общество. Такъ! Но только тѣ, которыя нравятся обществу; не нравящіяся обществу мысли падаютъ незамѣченными. Бо̀льшею частію книги (кромѣ книгъ геніяльныхъ, весьма рѣдко появляющихся) суть лишь термометръ идей, уже находящихся въ обществѣ. Разбить термометръ не значитъ перемѣнить погоду, а лишь уничтожить средство слѣдить за ея перемѣнами.

Тѣ или другія мысли являются въ обществѣ подъ вліяніемъ не книгъ, но тысячи многоразличныхъ и многосложныхъ, часто почти неуловимыхъ, причинъ. Рядъ событій политическихъ, судебныхъ, административныхъ, семейныхъ, ближе затрогиваютъ участіе публики, нежели всѣ явленія литературныя, интересующія немногихъ; и то что̀ называютъ мыслію распространенною въ публикѣ есть не иное что, какъ выводъ болѣе или менѣе точный изъ всѣхъ отдѣльныхъ толковъ, производимыхъ какимъ-либо происшествіемъ. Этотъ выводъ иногда формируется въ добромъ или худомъ словѣ, всего чаще въ эпиграммѣ, сказанной на ухо, которая идетъ во всѣ концы съ неимовѣрною быстротою, и... наростаетъ на пути.

Но скажутъ: нужно противодѣйствовать по крайней мѣрѣ тому, чтобы предосудительная мысль, хотя уже и зародившаяся въ обществѣ, не повторялась еще и въ книгахъ. Но возможно-ли это? При самомъ строгомъ надзорѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, между публикою и литературою установляется условный языкъ, и всѣхъ хитростей такого языка, особливо при нѣкоторомъ авторскомъ талантѣ, никакая полиція остановить не въ силахъ; а эти хитрости еще болѣе подстрекаютъ любопытство. Иная книга никѣмъ бы не прочлась, еслибы, неизвѣстно откуда, не провесся слухъ, что въ ней скрыто нѣчто предосудительное. Извѣстно, что въ первыя времена реформаціи знаменитая книга: Epistolae obscurorum virorum была написана такъ искусно, что противники реформаціи были вполнѣ обмануты и въ первое время всячески старались распространить ее, пока не догадались, что эта книга—злѣйшая на нихъ сатира. Въ такомъ же родѣ была написана книга Макіавеля. Когда кому не давалось слово, то являлись другіе способы разговаривать съ публикою: отъ времени реформаціи остались мебели, домашняя посуда и проч. т. п., на которыхъ фигурныя изображенія, какъ послѣ догадались, были протестомъ противъ Латинской церкви, злѣйшими карикатурами и эпиграмами противъ лицъ, къ ней принадлежащихъ. Въ наше время, подъ мѣстоименіемъ „Er“ во всей Германіи понимаютъ не кого инаго какъ Людовика Наполеона: сто̀ило Кладерадачу пустить въ ходъ этотъ условный знакъ. Этого мало, при извѣстномъ настроеніи общества, оно умѣетъ отыскивать примѣненія къ текущимъ дѣламъ въ книгахъ, въ театральныхъ піесахъ, въ

картинахъ и проч., коихъ авторы вовсе не имѣли ничего подобнаго въ виду.

Вся разница между рѣзкою мыслію въ говорѣ и въ печати та, что, по самому свойству литературной рѣчи, эта мысль является на письмѣ въ формѣ болѣе благообразной и, какъ уже напечатанная, въ большей части случаевъ, или перестаетъ возбуждать говоръ, или порождаетъ другую мысль, противодѣйствующую первой и ослабляющую ея дѣйствіе. Примѣръ тому мы видимъ и въ нашей литературѣ: едва былъ запрещенъ Парусъ, какъ вышедшіе три нумера были раскуплены на расхватъ; ни одинъ журнальный голосъ не раздался противъ „Паруса", потому что люди, желавшіе ему противодѣйствовать, были обезоружены запрещеніемъ этой газеты. „День," издающійся въ томъ же направленіи, сдѣлался напротивъ мишенью для нападокъ со всѣхъ сторонъ: неизбѣжная участь всякаго крайняго направленія. Кругъ читателей „Дня", сколько извѣстно, весьма ограниченъ въ сравненіи съ другими журналами.

2-е. Полиція равно безсильна противъ вторженія мыслей извнѣ. Извѣстно, что дѣйствіе заграничной Русской прессы усиливается по мѣрѣ усиленія у насъ цензурной строгости и ослабляется по мѣрѣ ея снисхожденія. Съ того времени, какъ у насъ возможно съ бо́льшею свободою касаться общественныхъ вопросовъ, не только уменьшилось вліяніе „Колокола", но самъ онъ уже начинаетъ выписываться и держится лишь напечатаніемъ разныхъ секретныхъ административныхъ актовъ. Будь „Колоколъ" дозволенъ въ Россіи, и онъ бы имѣлъ гораздо менѣе подписчиковъ, нежели другіе журналы.

Нѣтъ сомнѣнія, что никому уже нынѣ не можетъ войти въ голову мысль о возможности, какими бы то ни было мѣрами, воспрепятствовать ввозу заграничной книги, а тѣмъ болѣе газеты, интересующей публику. Не забудемъ, что контрабанда постоянно ввозитъ предметы, гораздо болѣе громоздкіе: напр. чай, сахаръ, ковры, полотна и пр. т. п. Любой купеческій домъ за границею предлагаетъ Русскимъ ввезти что угодно, съ платою небольшой страховой преміи противъ таможенныхъ опасностей. „Колоколъ" и другіе подобные листы, не смотря на всѣ предосторожности, или лучше сказать, по причинѣ этихъ предосторожностей, не только получаются, но и прочитываются во всѣхъ концахъ Россіи, даже тѣми, которые обыкновенно ничего не читаютъ. Если бы кто сталъ опровергать столь сильное распространеніе у насъ „Колокола" и другихъ подобныхъ изданій, тому можно указать на существованіе шести (можетъ быть и болѣе) постоянныхъ центровъ печатанія Русскихъ книгъ за границею. Чѣмъ живутъ эти центры? Откуда берутъ они деньги на неимовѣрную плату, посредствомъ которой они пріобрѣтаютъ самые секретные акты? Отъ ста до тысячи фунтовъ стерлинговъ платится ими иногда за нѣсколько строкъ: это извѣстно въ цѣлой Европѣ.

Такъ было всегда и вездѣ, даже въ то время, когда еще не существовала нынѣшняя быстрота сообщеній. Костры инквизиціи, сожженіе книгъ рукою палача, страхъ наведенный, напр. въ Венгріи въ царствованіе Леопольда 1-го изысканіями Іезуитовъ, проникавшихъ въ такіе семейные тайники, куда не проникаетъ никакая полиція, ничто не могло остановить

ни печатанія, ни ввоза еретическихъ того времени книгъ.

Нынѣ самая строгая таможня—Бельгійская; лучшая, образованнѣйшая, опытнѣйшая полиція въ мірѣ—Французская.

Чтó же происходитъ? На Бельгійскихъ таможняхъ десятки досмотрщиковъ; пріѣзжаетъ поѣздъ съ сотнею пассажировъ; если полагать, что у каждаго пассажира лишь по одному ящику или дорожному мѣшку, то въ итогѣ сто мѣстъ. На таможенный досмотръ, по условіямъ желѣзной дороги, дается не болѣе получаса; въ результатѣ: осмотрятъ, то есть растеребятъ много-много половину всѣхъ мѣстъ, остальныя проѣзжаютъ недосмотрѣнныя.

Въ Парижѣ можно найти всѣ запрещенные нумера журналовъ (les numeros arrêtés à la frontière). На вопросъ, къ чему же комедія этого ареста, получаешь слѣдующій отвѣтъ: „Правительство очень хорошо знаетъ, что оно не можетъ остановить всѣхъ запрещенныхъ нумеровъ; оно въ дѣйствительности запрещаетъ лишь нумера адресованные къ подписчикамъ, разсчитывая лишь на одно, что эти нумера уже не пойдутъ обыкновеннымъ дешевымъ путемъ, а потребуютъ больше издержекъ со стороны издателей, или со стороны подписчиковъ; que cela indispose les abonnés contre les éditeurs du journal.“ *)

Недавній примѣръ служитъ подтвержденіемъ этого полицейскаго безсилія. Во Франціи, или внѣ ея, были напечатаны злѣйшіе стихи на Луи-Наполеона: „Le lion du quartier latin“, оканчивающіеся между прочимъ слѣдующимъ двустишіемъ:

*) Это возстановляетъ подписчиковъ противъ издателей журнала.

Il veut manger du Bonaparte,
Le lion du quartier latin.

Экземпляры этихъ стиховъ были тщательно отыскиваемы и отбираемы полиціею. На маскерадѣ у Валевскаго, въ присутствіи всей царствующей фамиліи, Бачіокки (первый каммергеръ и любимецъ Луи Наполеона) одѣтый Персіаниномъ, раздавалъ дамамъ стклянки духовъ, конфетъ и другія бездѣлушки, частію выписанныя изъ Англіи. Чтò же оказалось, когда дамы ихъ развернули? Каждая вещь была завернута въ экземпляръ стиховъ: „Le lion du quartier latin“, за которые издатель и даже разнощикъ вѣрно бы отправился въ Каену, или былъ-бы посаженъ въ Мазасъ.

3-е. Состояніе этого дѣла въ настоящее время показываетъ, съ какою осторожностію надобно нынѣ приступать къ мѣрамъ стѣснительнымъ для книгопечатанія, чтобы не усилить того самаго зла, которое хотятъ отвратить. Чтó можетъ быть вреднѣе для правительства такихъ мѣръ, кои не только безплодны, но еще и достигаютъ совершенно противуположной цѣли!

III.

О МѢРАХЪ ПРОТИВЪ ЗАГРАНИЧНОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

Выходящіе за границею періодическіе и другіе листы и брошюры на Русскомъ языкѣ вредны не по однимъ общимъ понятіямъ ими распространяемымъ; эти понятія уже не для кого не новость, ибо разъясняются не столько посредствомъ письма и печати, сколько самими политическими происшествіями въ Европѣ, которыя говорятъ яснѣе всякихъ книгъ, и потому всѣ эти теоретическія бредни

уже не производятъ того впечатлѣнія, какъ за десять лѣтъ передъ симъ. Эти листы наиболѣе вредны своею безнаказанностію и тѣмъ, что ихъ спокойное, періодическое появленіе указываетъ публикѣ на безсиліе правительства отстранить ихъ. Издаваемые въ земляхъ болѣе, или менѣе намъ враждебныхъ, запрещенные въ Россіи, они разомъ избавлены и отъ преслѣдованія нашего правительства, и отъ мѣстнаго суда, и отъ кары общественнаго мнѣнія.

Опытъ многихъ лѣтъ доказалъ не только безплодность, но и очевидный вредъ безусловнаго запрещенія сихъ листовъ въ Россіи. Что̀ отъ сего происходитъ? Нѣтъ силы въ мірѣ которая бы могла нынѣ остановить контрабанду, при существованіи богатыхъ компаній, страхующихъ отъ опасностей за малую цѣну контрабанду и капиталистовъ; единственно занимающихся этимъ дѣломъ, при тайномъ покровительствѣ самаго правительства. Если въ маленькую землю, какова Бельгія, гдѣ министерство, въ угоду сильной оппозиціи протекціонистовъ, ничего не жалѣетъ на содержаніе огромной таможенной стражи, контрабанда входитъ безпрестанно,—то чѣмъ можно ее остановить на пространныхъ границахъ Россіи? Если всюду входитъ контрабанда самая громоздкая, какъ напр. чай, кофе, сахаръ и пр., то какъ не пройдти летучимъ листкамъ, занимающимъ весьма мало мѣста. А доказательство, что они дѣйствительно входятъ, невидимо для полиціи, то, что разные центры изданія Русскихъ листовъ за границею не только не уничтожаются, но умножаются съ каждымъ годомъ въ Англіи, Франціи и Германіи, покупкою со стороны однихъ Русскихъ путешественниковъ (коимъ и труднѣе провезти что либо, нежели систематически устроенной контрабандѣ); не образовались бы тѣ огромные барыши, которые привязываютъ иноземныхъ капиталистовъ къ этого рода спекуляціямъ. Извѣстно, что эти издательскіе центры платятъ баснословныя суммы за статьи имъ доставляемыя, что напр. Англійская компанія, и равно Times, платитъ отъ тысячи до двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ за какой-либо секретъ Русскаго правительства. Какой надзоръ, какія денежныя средства могутъ противодѣйствовать такимъ сообществамъ, гдѣ соединены и находчивость, и ловкость оборотовъ, и огромные капиталы, и тысячи людей, матеріально заинтересованныхъ; ибо для этихъ торговыхъ центровъ не существуетъ собственно направленія, они принимаютъ все что̀ только можетъ раздразнить любопытство: и анархическія статьи, и іезуитскія, и пасквили. Невозможнымъ запрещеніемъ лишь раздражается общее любопытство, и сверхъ того рождается въ публикѣ самое вредное убѣжденіе, что стало быть тутъ сущая правда, если запрещается. Здѣсь исторія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, съ тою разницею, что нынѣ и больше печатается, и торговая оборотливость достигла изумительнаго совершенства. Когда жгли на кострахъ и книги, и сочинителей, и читателей запрещенныхъ книгъ, и тогда эти книги расходились; тому явное доказательство существующія по нынѣ во всѣхъ библіотекахъ (болѣе нежели другія позволенныя), именно будто-бы сожженныя въ среднихъ вѣкахъ книги. Существуетъ огромный словарь: Des livres condamnés au feu. Этотъ словарь составленъ по книгамъ донынѣ существующимъ, и самый Index librorum prohibitorum, издавав-

шійся въ Римѣ, составленъ частію (для старинныхъ книгъ) по этому словарю, слѣдственно при увѣренности, что эти книги существуютъ. Въ наше время, во Франціи, гдѣ полиція огромная, составленная большею частію изъ людей образованныхъ, нѣкоторые нумера иностранныхъ журналовъ запрещаются съ единственною цѣлію произвести въ подписчикахъ неудовольствіе на редакцію тѣхъ журналовъ, pour déranger les affaires des éditeurs *): ибо подписчики уже не получаютъ этихъ нумеровъ по почтѣ въ опредѣленное время, но должны, если хотятъ, покупать ихъ отдѣльно и днемъ позже. Всѣ останавливаемые, отбираемые у неопытныхъ или добросовѣстныхъ путешественниковъ, можно легко получить не только въ провинціяхъ, но въ самомъ Парижѣ.

Отъ запрещенія одинъ результатъ: люди, владѣющіе перомъ, которыхъ противодѣйствіе иноземно - русскимъ листамъ было бы спасительно, остаются безгласными: ибо, если до нихъ и доходятъ эти листы, они не могутъ писать противъ нихъ по существующей у насъ цензурной формальности, запрещающей писать о книгахъ, не впускаемыхъ въ Россію; да оно было-бы и неудобно: отвѣтъ (кажется Муравьева) на книгу о Русскомъ духовенствѣ былъ принятъ съ общимъ негодованіемъ, какъ обвиненіе, основанное на томъ, чего никто повѣрить не можетъ. Сверхъ того многіе боятся писать противъ враждебныхъ листовъ уже и потому, чтобы у нихъ не спросили: гдѣ они достали эти листы?

Отсюда странное явленіе; враждебные намъ листы прикрываются какъ бы самимъ правительствомъ отъ единственно-опаснаго имъ противодѣйствія, и анархическія теоріи Герцена, клеветы Петра Долгорукова и др. преспокойно и безнаказанно распространяются въ толпѣ; что̀ еще хуже, служатъ какъ-бы закваской для дальнѣйшихъ толкованій: ибо въ публикѣ, нерасположенной къ какой либо мѣрѣ, или къ какому либо государственному лицу, одно слово, одинъ намекъ, переходя изъ устъ въ уста, растетъ на пути и наконецъ обогащается такими прибавленіями, которыя бы не пришли въ голову ни Герцену, ни Петру Долгорукову. Спокойное, безспорное дѣйствіе Іезуитскихъ книгъ Гагарина, Мартынова (нынѣ умершаго) и другихъ, можетъ быть, еще болѣе опасно: ибо эти книги, издаваемыя въ формѣ душеспасительныхъ бесѣдъ, даже въ видѣ молитвенниковъ (какъ напр. Сокровище Христіанина) проникаютъ въ среду и тѣхъ людей, коихъ бы возмутили анархическія бредни. Говорятъ даже, что существуютъ іезуитскія книги, распространяемыя между раскольниками.

Какое вредное дѣйствіе можетъ имѣть безусловное запрещеніе враждебныхъ намъ книгъ, то доказывается между прочимъ слѣдующими фактами: въ послѣднюю кампанію въ журнальныхъ статьяхъ, написанныхъ съ цѣлію раздражить публичное мнѣніе противъ Россіи, замѣчались къ удивленію нѣкоторыя данныя изъ Русской Исторіи, не вполнѣ нелѣпыя, но весьма ловко искаженныя, со всею внѣшнею обстановкою исторической точности. Эти свѣдѣнія почерпались изъ Исторіи Польши Ходзька, человѣка весьма ученаго и ловкаго, который подъ видомъ Исторіи Польши написалъ просто Русскую Исторію, искусно обработавъ въ своемъ смыслѣ все что̀ могло бы служить къ чести Русскаго имени: исторія Гермогена, Фи-

*) Чтобы разстроить дѣла издателей.

ларета Романова обезображена самымъ искуснымъ образомъ. Мининъ и Пожарскій представлены въ видѣ мятежниковъ и пр. т. п.

Эта книга Ходзька, имѣвшая множество изданій въ разныхъ видахъ, постоянно у насъ запрещалась, и слѣдственно никогда хитрая ложь Польскаго историка не была обличена и опровергнута со стороны нашихъ историковъ и потому считается во всей Европѣ, и въ особенности Поляками, такой истиной, противъ которой мы ничего и сказать не можемъ.

Другой примѣръ: такъ называемое завѣщаніе Петра 1-го, изобрѣтенное въ Парижѣ въ 1811 году по распоряженію Наполеона, съ тѣхъ поръ было употребляемо постоянно, какъ политическое орудіе для возбужденія общихъ опасеній противъ Россіи, и въ такихъ случаяхъ, какъ и въ послѣднюю войну, это завѣщаніе повторяется въ разныхъ изданіяхъ,—его цитовало даже Англійское министерство въ Парламентѣ. Всѣ книги, въ коихъ помѣщалась эта наглая выдумка, какъ враждебныя намъ, постоянно запрещались, и по сей причинѣ никогда ни одною строкою эта ложь не была обличена; оставаясь секреномъ для тѣхъ, кто бы могъ вывести не на чистую воду,—она, какъ безспорно признаваемая нами истина,—дѣйствовала противъ насъ въ общемъ мнѣніи самымъ гибельнымъ образомъ. Должно вспомнить, что Пальмерстонъ, оправдывая послѣднюю войну, всегда ссылался на общій голосъ и на опасенія всей Европы, а эти опасенія имѣли началомъ выдумку, о которой мы промолчали, какъ бы въ знакъ согласія.

Наконецъ въ настоящее время у насъ запрещено новое изданіе Michaud Biographie universelle въ 30-ти томахъ (какъ запрещались и всѣ прежнія), т. е. другими словами у Русскихъ писателей отнята возможность не только знать всѣ клеветы на насъ взводимыя, но даже справиться съ данными, на кои будутъ ссылаться наши противники по словарю Мишо, который подъ рукою у всей Европы. Должно убѣдиться, что время для однихъ чисто-запретительныхъ мѣръ прошло; онѣ были возможны и до нѣкоторой степени дѣйствительны, когда въ Европѣ преобладало монархическое начало, когда всѣ правительства Европы дѣйствовали согласно, и книга-запрещенная въ одной странѣ не находила входа и въ другую, когда сообщенія между странами были рѣже и затруднительнѣе — но то ли нынѣ? Къ чему повели всѣ наши дипломатическія сношенія относительно враждебныхъ намъ Русскихъ книгъ?—Въ самомъ Берлинѣ, послѣ усиленныхъ настояній нашего посольства, сняли на нѣсколько времени Колоколъ и другія тому подобныя вещи съ наружныхъ выставокъ книжныхъ магазиновъ; но все это преспокойно было выставлено внутри магазиновъ, какъ и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и эта полумѣра лишь возбуждала самыя оскорбительныя для нашего посольства насмѣшки въ Нѣмецкой публикѣ.

Спросятъ: неужели же открыть совершенно ввозъ враждебныхъ намъ изданій?—Нѣтъ! Но противъ новыхъ золъ нужны новыя средства, когда опытъ доказываетъ, что прежнія мѣры вполнѣ безплодны и приводятъ именно къ тому результату, противъ котораго они направлены.

Общее правило во всякой борьбѣ употреблять оружіе равное оружію противника.

Вотъ оружіе которое, по нашему мнѣнію, будетъ успѣшнѣе всѣхъ другихъ.

1-е. Противъ враждебныхъ Русскихъ изданій употребить точно такія же и столь же разнообразныя изданія. Напр. можно бы начать съ біографій Герцена, Огарева, Петра Долгорукова, Гагарина, Юрія Голицына и проч. Такія біографіи о людяхъ, имѣющихъ извѣстность, но все таки загадочную для иностранцевъ, съ радостію бы издали тѣже самые Лондонскіе, Парижскіе и Нѣмецкіе спекуляторы: ибо сіи біографіи имѣли бы большой расходъ. Оцѣнка сихъ господъ, написанная ловко, забавно и безъ всякихъ личностей, уничтожила бы на половину дѣйствіе ихъ изданій на публику.

2-е. Книжки въ отвѣтъ Іезуитскимъ могли бы быть написаны предварительно духовными лицами, потомъ исправлены сообразно мірскимъ требованіямъ и въ такомъ же видѣ, на разныхъ языкахъ и по столь же дешевой цѣнѣ, продаваемы въ Парижѣ у того же Франка, а равно во всѣхъ протестантскихъ книжныхъ лавкахъ, которыя бы съ радостію приняли всякое обличеніе противъ Іезуитовъ и папистовъ. Должно замѣтить, что протестантскія общества во Франціи и Бельгіи, не говоря уже о Германіи, не оставляютъ безъ отвѣта ни одной самой мелкой брошюрки со стороны папистовъ; эти отвѣты печатаются въ громномъ количествѣ и не только продаются по дешевымъ цѣнамъ, но даже раздаются даромъ. Протестантскія общества печатаютъ свои возраженія въ такомъ огромномъ размѣрѣ потому, что Іезуиты, владѣя денежными средствами, прежде скупали книги своихъ противниковъ для сожженія; такъ они поступили и въ отношеніи къ брошюрамъ Хомякова, которыя весьма испугали папистовъ. Протестанты, числомъ разныхъ изданій, подъ тысячами наименованій, и числомъ экземпляровъ, уничтожили мѣру уничтоженія, употребленную папистами. Но для того, чтобы нашлись люди въ Россіи, способные и талантливые, для борьбы съ людьми такими же талантливыми и ловкими, какъ напр. Гагаринъ и Герценъ (ибо по заказу талантъ не сотворится) необходимо дать нашимъ ратникамъ доступъ къ оружію, другими словами снять съ враждебныхъ намъ книгъ безусловное запрещеніе и позволить писать противъ нихъ. Такія книги (какъ дѣлалось въ Австріи въ самое мирное время) могутъ даже, если угодно, подъ росписку выдаваться людямъ извѣстнымъ правительству, или коихъ положеніе въ свѣтѣ служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ, что они не употребятъ во зло дѣлаемаго имъ довѣрія. Для сего достаточно было-бы возобновить прежде существовавшее право академиковъ, профессоровъ *), членовъ ученыхъ обществъ, вообще писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ—выписывать заграничныя книги безъ цензуры.

Должно имѣть въ виду и то, что въ иныхъ случаяхъ для людей, рѣшившихся на такую борьбу, нужно будетъ иногда и денежное пособіе; за успѣхъ всякой книги ручаться нельзя, а всякое изданіе требуетъ затраты капитала.

Независимо отъ этой самой дѣйствительной мѣры, можетъ быть принято:

*) Это право сохранено нынѣ для университетовъ и академій какъ мѣстъ, но именно по этой причинѣ, они мало пользуются этими правами.

3-е. Призывъ къ суду въ Англіи, во Франціи, въ Германіи. Конечно не правительство должно удостоить этихъ господъ чести судебнаго и всякаго другаго съ ними состязанія; но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы частный человѣкъ позвалъ къ суду или сочинителя, а въ его отсутствіе издателя или типографщика (напр. Франка въ Парижѣ) за клевету (procés en calomnie), то при помощи хорошаго адвоката (которому надобно хорошо заплатить) виновный (какъ это было недавно съ Mirecourt) могъ бы подвергнуться и пѣни, и тюремному заключенію, и платежу весьма значительныхъ судебныхъ издержекъ. Одинъ такой примѣръ охладилъ бы усердіе спекуляторовъ, и имя клеветника, calomniateur, публично было бы присвоено сочинителю. Не должно думать, что эти господа встрѣтятъ симпатію судей; еслибы дѣло шло о принципахъ процессъ былъ бы проигранъ; но, ограниченный размѣромъ иска на клевету, онъ привлекъ бы на свою сторону даже и противниковъ Россіи, если предположить ихъ между судьями.

(Статья не конченная).

IV.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ.

Писано въ 1868 году.

Совершилось семилѣтіе великаго Царскаго дѣла. 19 Февраля! Сколько высокихъ, отрадныхъ чувствъ соединяется въ этихъ двухъ словахъ. Невольно мысль обращается къ вопросу: что̀ было-бы съ нами, еслибы 19-е Февраля 1861 года прошло безслѣдно? На этотъ вопросъ всего лучше отвѣчали враги Россіи. Да! Они съ разу поняли то, что́ мы выразумѣли лишь постепенно, въ теченіе семилѣтняго опыта. Вспомнимъ знаменательныя явленія въ иностранной, враждебной намъ печати 1861, 1862 и слѣдующихъ годовъ. Вспомнимъ ея безсильный скрежетъ зубовный при этомъ новомъ улучшеніи нашего быта. Какъ быстро враги наши смекнули, что безъ 19-го Февраля 1861 Россія слабѣла бы болѣе и болѣе и наконецъ могла бы сдѣлаться доступною добычею для хищныхъ вороновъ, волковъ... Враги наши горько обвиняли свои правительства въ недостаткѣ прозорливости, въ упущеніи времени; они указывали на крѣпостное состояніе, какъ на смертоносную язву Россіи, которую западная политика была обязана поддерживать и растравлять всѣми силами. „Что̀ вы медлили,— говорилъ одинъ публицистъ, преданный или проданный шляхетской крамолѣ, — надобно было воспользоваться ударами, нанесенными Россіи Крымскою войною, воспользоваться давнимъ, наболѣвшимъ недовольствомъ крѣпостнаго населенія, и тогда же подкрѣпить нашу любезную, феодальную, католическую Польшу—на пагубу Россіи. Теперь все кончено! Въ Россіи уничтожено рабство, въ Россіи независимый гласный судъ, освобожденная печать, земскія учрежденія. Дѣйствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ Россія окрѣпла. Въ недальнемъ будущемъ она залѣчитъ всѣ нанесенныя нами ей раны, ея силы умножатся всотеро, распространится въ ней просвѣщеніе, разработаются ея естественныя богатства, новая пугачевщина сдѣлается немыслимою, а на нее Западъ всегда могъ разсчитывать.“ Затѣмъ обыкновенно шли нелѣпыя разглагольствія о такъ называемомъ завѣщаніи Петра 1-го *) или о томъ, что не крестьяне приво-

*) До нынѣ Западъ не вѣритъ или не хочетъ вѣрить, а мы не довольно часто повторяемъ ему, что этотъ знаменитый документъ былъ просто на просто сфабрикованъ Парижскою тайною полиціею въ началѣ 1812 года и былъ пущенъ Бонапартомъ въ родѣ авангарда его великой арміи. Не только во время Крымской кампаніи, но еще, кажется, въ прошедшемъ году, одинъ благородный лордъ, въ доказательство непремѣннаго намѣренія Русскихъ отнять у Англичанъ Индію, ссылался на завѣщаніе Петра 1-го. Трудно рѣшить, что̀ въ этихъ заявленіяхъ сильнѣе: обычное ли невѣжество Англійской аристократіи, или ея обычная безнравственность. А наши Репетиловы еще называютъ этихъ господъ лучшими людьми, забывая Исторію отъ Спартіотовъ вплоть

дили къ Русскимъ постамъ мятежныхъ шляхтичей, а переодѣтые солдаты, которые, вѣроятно, подвязывали себѣ маскерадную бороду; но западная политика открыла эту коварную махинацію!

Мы говоримъ исключительно объ иностранцахъ; ибо не хотимъ вѣрить, чтобы нашелся хоть одинъ Русскій, для котораго 19-е Февраля не было бы днемъ горячей, искренней молитвы за Царя, даровавшаго свободу двадцати-миліонному населенію; хотя одинъ Русскій, непонимающій, что крѣпостная барщина лежала какъ чурбанъ между самыми благими мѣрами и дѣйствительностію. Правда, по нѣкоторымъ признакамъ, должно заключить, что и у насъ въ семьѣ не безъ урода, что есть между нами какая-то горсть запоздалыхъ рыцарей Польской справы. Физіономію этихъ господъ можно видѣть на превосходной, трогательной картинѣ, выставленной въ Московскомъ экзерцизгаузѣ. Между тѣмъ какъ вокругъ Царя-освободителя тѣснятся благодарные Русскіе люди всѣхъ званій, въ сторонѣ виднѣется пара Искаріотовъ: ихъ губы стиснуты, глаза горятъ безсильнымъ бѣшенствомъ; они чуятъ, что ихъ время прошло, что быдло ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ, что ускользаютъ, увы! тѣлежные, покопытные, поколѣнные и другіе цѣнные патріархальные сборы, и словомъ всѣ сладости самоуправства. Говорятъ, что будто бы есть и между нами люди, которые хотя не родились Поляками, но шляхтичи по направленію, изучающіе рыцарскіе пріемы въ лакейскихъ знатныхъ пановъ. Если есть такіе несчастные, то въ этотъ великій день да простятся имъ грѣхи ихъ, покуда грѣхи невѣжества и легкомыслія. Если кто либо изъ нихъ, въ преступномъ самозабвеніи, мечтаетъ о возможности тайною крамолою поколебать дѣло 19-го Февраля, во всѣхъ благодатныхъ преобразованіяхъ оставить слова и украсть смыслъ, подпилить понемногу всѣ благія послѣдствія великаго дня: гласный и для всѣхъ равный судъ, независимость судей, земское хозяйство, свободную печать, потрясти довѣріе къ правительству, возбудить раздоръ между сословіями присвоеніемъ тому или другому неузаконенныхъ правъ, словомъ (какъ бы досадуя на общее довольство и спокойствіе) стараться кутить и мутить во что бы ни стало: то все это продлится недолго, и наши торіи-Хлестаковы скоро образумятся самою сущностію дѣла. Не семибоярщины же, не удѣльной же системы они добиваются. Или и эта мысль входитъ въ ихъ пустопорожнія головы? Несчастные вертопрахи, которые промышляютъ запугиваньемъ, сами наконецъ испугаются, видя, что всѣ ихъ продѣлки могутъ имѣть лишь два слѣдствія: въ настоящемъ—презрительное негодованіе, въ будущемъ—клеймо позора. Не желаемъ имъ ни того, ни другаго, а только предостерегаемъ; ибо что̀ до насъ касается, то мы вмѣстѣ съ цѣлою Россіею убѣждены и умомъ, и чувствомъ, что всякія преступныя надежды какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ враговъ Россіи разобьются о ту силу, которой, кажется, они еще хорошенько и не поняли. Эта сила: здравый смыслъ народа, вразумляемый любовью и благодарностію къ Великому Виновнику настоящаго благоденствія Россіи. Предъ этой силой ничтожны и всѣ недоразумѣнія, неизбѣжныя въ поступательномъ ходѣ обширнаго государства: ошибки исправляются, затрудненія проходятъ, а добро остается и пускаетъ сильные, благодатные корни. Слава, слава благодатному царствованію, украсившему жизнь нашу повсюднымъ довольствомъ и повсюднымъ безмятежнымъ развитіемъ!

до Критянъ включительно. Впрочемъ вѣдь и наше элегантное невѣжество постоитъ за себя.

V.

НАБРОСКИ И ЗАМѢТКИ.

Идеализмъ въ народѣ является большею частью въ видѣ терпимости къ другимъ народамъ, пониманія ихъ. Нѣмецъ понимаетъ и Россію, и Францію, Русскій—Германію и Францію,

Французъ—ничего, кромѣ Франціи; это не сила національная, а простой недостатокъ идеальности, отвлеченія вообще и отвлеченія себя отъ извѣстной среды. Что́ не на Французскій ладъ, то Французу кажется и глупымъ, и нелѣпымъ, и даже невозможнымъ. Русскій есть Французъ плюсъ идеальность и минусъ дѣятельности и фантазіи. Просвѣщеніемъ выработывается достоинство человѣческое вообще, полупросвѣщеніемъ—лишь національность, т. е. отрицаніе общечеловѣческихъ правъ.

*

Древніе столь же старались найти механизмъ для импровизацій музыканта (столь нынѣ обыкновенныхъ), сколько мы ищемъ механизма для импровизаціи мыслей, еще не перешедшихъ въ опредѣленное слово.

*

Историческіе факты. Въ Сѣв. Пчелѣ 1861 года 2 Окт. № 218, стр. 807. Восшествіе на престолъ въ Мадагаскарѣ короля Ранута послѣ королевы Ранавало, его матери, при чемъ претендентъ, двоюродный братъ короля Рамбусаламъ, былъ убитъ въ то самое время, когда ночью онъ шелъ въ храмъ—провозгласить себя. Ни дать, ни взять исторія Анны Леопольдовны и Елисаветы Петровны.

*

Покровительство нашей публики отечественнымъ талантамъ похоже на искусственную выводку цыплятъ. Посадятъ, держатъ подъ такимъ-то градусомъ Реомюра, ни больше, ни меньше... Птичка вылупилась, ищетъ по инстинкту теплаго материнскаго крыла и находитъ лишь стѣнки деревяннаго ящика; умретъ—пожалѣютъ... если замѣтятъ.

Выборъ людей. У насъ часто люди съ томами государственныхъ соображеній думаютъ, что если человѣкъ способенъ на дѣло, то нѣтъ нужды до его нравственнаго достоинства; и въ томъ злая и опасная ошибка. Лишь нравственныя достоинства: честность, добросовѣстность, искренность пріобрѣтаютъ уваженіе въ толпѣ, какіе бы мимоходящіе или отдѣльные толки ни были. И когда приходятъ минуты, гдѣ нужно слово для успокоенія толпы, для....

*

Художество. Въ художествѣ сло́ва мы находимъ всегда два элемента: объективный (предметъ какъ есть) и субъективный (ка̀къ предметъ понимается художникомъ). Въ художествахъ пластическихъ преобладаетъ элементъ объективный. Микель Анджело, Сальваторъ Роза, Рафаэль рисуютъ, какъ бы ихъ индивидуальность ни разнствовала, дерево деревомъ, человѣка человѣкомъ. Въ художествѣ звука, напротивъ, объективность почти исчезаетъ: грусть Баха не грусть Гайдна, радость Гайдна не радость Бетховена: субъективный элементъ преобладаетъ.

*

Искусство. По замѣчанію Станлея (Stanley, Lecture of the Erstern Church) фетишъ, чтобы возбудить обожаніе, долженъ непремѣнно быть безобразнымъ. Художественное произведеніе не производитъ такого обожанія: ибо въ художествѣ, какъ проявленіи высшей степени духовнаго организма, нѣтъ элементовъ для суевѣрія.

Онъ же говоритъ, что въ Абиссинской церкви, оставшейся наиболѣе недвижимою, сохранились еще кивотъ

завѣта, чествованіе Субботы, пляска въ церкви, и Пилатъ причтенъ къ лику святыхъ.

*

Крѣпостное состояніе. Въ 1843 году производилось въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло о корнетѣ Логофетѣ, растлившемъ 16-ти лѣтнюю крѣпостную свою дѣвку, прибивъ отца и угрожая семейству. Разумѣется, доказательствъ насилія (свидѣтелей крика изнасилованной, кровавыхъ знаковъ, синихъ пятенъ, требуемыхъ закономъ) не было. Три члена, придерживаясь буквы закона, присуждали Логофета лишь въ солдаты; другіе 28, и въ томъ числѣ Государь Наслѣдникъ, принимая во вниманіе злоупотребленіе власти помѣщичьей, приговаривали къ каторгѣ. Въ отмѣткахъ на мнѣніе Государственнаго Совѣта Николай I-й написалъ: „При существующемъ положеніи нашего гражданскаго устройства необходимо, чтобъ помѣщичья власть обращена была единственно на благо своихъ подданныхъ-крѣпостныхъ. Злоупотребленіе же сей власти влечетъ за собою униженіе благороднаго званія и можетъ привесть къ пагубнѣйшимъ послѣдствіямъ". На мнѣніи Совѣта, поднесенномъ на собственноручную конфирмацію, Николай 1-й написалъ: „Мнѣніе это переписать такимъ образомъ, чтобы злоупотребленіе помѣщичьей власти было поставлено главною причиною приговора".

*

Литература. Наши литературныя брани носятъ на себѣ вполнѣ характеръ той минуты въ кулачныхъ бояхъ, когда, вмѣсто того, чтобъ идти стѣна на стѣну пускаются въ распашную, то есть-бей, кого ни попадя, за что, про что-неизвѣстно, а такъ, ради своего молодечества или, правильнѣе, младенчества.

*

Матеріализмъ. Трудно фактами опровергнуть утвержденіе матеріалистовъ, что то, что мы называемъ душою, есть не иное что, какъ продуктъ нашей организаціи, и что, слѣдственно,—уничтожился организмъ, уничтожился и продуктъ. Но есть возраженіе противъ матеріалистовъ весьма сильное: они не могутъ отрицать того факта, что многія болѣзни проистекаютъ единственно отъ моральныхъ причинъ. Горе дѣйствуетъ на кровь, на сердце, на пищевареніе. Горячка съ пятнами, поразившая разомъ трехъ лицъ дома Монтемолиновъ Испанскихъ, была, по свидѣтельству врачей, слѣдствіемъ огорченій. Да и не одинъ этотъ примѣръ. Слѣдственно идея, существо нематеріальное, дѣйствовала на матерію; слѣд. эта духовная причина существуетъ.

*

Наука. Изъ науки должно наконецъ развиться примиреніе не только человѣка съ природою но и людей съ людьми, и природы съ природою. Пожираніе животнаго животнымъ есть аномалія; когда наука найдетъ для человѣка дѣйствительную замѣну животной пищи, тогда человѣкъ истребитъ и хищныхъ звѣрей, и птицъ. Обмѣнъ испражненій между животными и растеніями всегда возможенъ, между животнымъ и животнымъ-никогда. Лишь хвойныя деревья не переносятъ животнаго навоза, лишь свинья ѣстъ животный калъ.

Всѣ мы—дѣти одной матери-науки; она ведетъ насъ по пути жизни и спасаетъ насъ отъ пропастей и обрывовъ. Какъ добрая мать, она даетъ всякому—сколько кто можетъ снести.

Не все она знаетъ, но что̀ знаетъ, о томъ не лжетъ.

Ошибки науки исправляются наукою же, ошибки незнанія никогда не исправится незнаніемъ же.

*

Настоящій моментъ. На какую ни указать причину тревожнаго состоянія умовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, и особенно въ послѣднее 25-ти лѣтіе, всякая будетъ справедлива: и эгоистическія страсти, и жажда наслажденій, и исканіе легкаго обогащенія, и религіозный фанатизмъ, и полное безвѣріе, и злоба, и самоуправство, и безпардонный деспотизмъ,—все это было ближайшей причиной смутъ, тревогъ, войнъ и пр. Но всѣ эти причины второстепенны; ихъ дѣйствіе не разрасталось бы такъ сильно, еслибы не было для нихъ почвы; эта почва—духъ, ходяй въ глубинѣ! Исполните все, что̀ желаютъ самыя крайнія партіи, и онѣ все будутъ недовольны, ибо недовольно все человѣчество. Это болѣзненное состояніе походитъ на тотъ моментъ, когда птица роняетъ перья, змѣя смѣняетъ кожу, гусеница хочетъ разорвать свою куколку. Общее тайное слово, выговариваемое человѣчествомъ: „приспѣло время мое". Нельзя не предчувствовать какой-то важной реформы въ общественномъ устройствѣ всего міра; въ чемъ она будетъ состоять—неизвѣстно. Стремленіе ускорить этотъ моментъ выражается въ разныхъ формахъ: пробужденіемъ такъ-называемыхъ національностей, общимъ вооруженіемъ и пр. Духъ ходитъ повсюду, подъ всей Европой, подъ Китаемъ, подъ Америкой. Луи-Наполеонъ и Крымская война, Итальянская война, Польша и пр. суть взрывы этого подземнаго духа. Въ Россіи открытъ для него клапанъ—освобожденіе крестьянъ; Американцы силятся открыть подобный, но сколько крови уже ими пролито!

То, что̀ называютъ судьбами міра, зависитъ въ эту минуту отъ того рычажка, который изобрѣтается какимъ-то голоднымъ оборвышемъ на какомъ-то чердакѣ въ Европѣ или въ Америкѣ, и которымъ рѣшится вопросъ объ управленіи аэростатами.

*

Присяжные. Судъ присяжныхъ не тѣмъ хорошъ, что судитъ справедливѣе и независимѣе судей-чиновниковъ. Напротивъ, очень можетъ статься, что умный чиновникъ-юристъ разсудитъ дѣло толковѣе и рѣшитъ справедливѣе, нежели присяжный-не юристъ, даже не находящійся въ дружбѣ или во враждѣ (или въ другой системѣ) съ подсудимымъ. Судъ присяжныхъ важенъ тѣмъ, что онъ наводитъ на осуществленіе идеи правосудія такихъ людей, которые и не подозрѣвали необходимости такого осуществленія. Судъ присяжныхъ воспитываетъ чувство правосудія, прямо дѣйствуя на совѣсть, заставляетъ людей беззаботныхъ заглянуть въ книгу закона. Все, что̀ есть высокаго и прекраснаго въ Англійскихъ законахъ, судахъ, полиціи, нравахъ,—все это выработалось судомъ присяжныхъ, т. е. возможностью для каждаго быть когда-либо безконтрольнымъ судіей своего ближняго, но судіей во всеуслышаніе, подъ критикой общественнаго мнѣнія. Никогда общественная правдивость не выработается тамъ, гдѣ судья—чиновникъ, могущій ожидать за рѣшеніе награды или наказанія отъ министерской канцеляріи.

*

Религія. Великій вредъ производятъ тѣ, которые бы хотѣли ее вовсе уничтожить. На краю науки, положительныхъ знаній и самыхъ остроумныхъ наведеній, человѣкъ находитъ хладную бездну, во мглѣ которой горятъ огненныя слова: „не знаю!!“ Иные хладнокровно смотрятъ на эту бездну,—оставимъ ихъ; но для другихъ въ этой безднѣ тонутъ всѣ нравственные законы, и человѣкъ остается при чисто-скотскихъ побужденіяхъ. Здѣсь является на помощь религія. Отраднымъ сіяніемъ она застилаетъ зловѣщія, не стерпимыя для человѣка слова и подаетъ руку несчастному, пришедшему въ отчаяніе. Человѣкъ ободряется, пугается своихъ скотскихъ побужденій и объ руку съ религіей проводитъ свой вѣкъ, не предаваясь отчаянію, не отвергая нравственныхъ законовъ.

*

Педагогія. По поводу сравненія ученика или воспитанника съ деревцемъ. Въ Финляндіи всѣ деревья, за исключеніемъ хвойныхъ, кустятся: ясень, дубъ, береза; вѣтеръ ломаетъ ихъ вершины, продолжительный холодъ также сильнѣе дѣйствуетъ на верхнія вѣтви, нежели на нижнія, зимою прикрытыя снѣгомъ, осенью болѣе защищенныя отъ вѣтра. Отъ вѣтра же всѣ эти деревья, особливо дубъ, липы и березы, искривлены. Такъ называемая Корельская береза есть не иное что, какъ болѣзненное произведеніе искривленнаго дерева. Въ Ронгасѣ я сажалъ дубы въ мѣстѣ, довольно защищенномъ отъ вѣтра; они вытянулись въ штамбу, но лишь дошли они до нѣкоторой черты, гдѣ окружный лѣсъ и камни уже не защищали ихъ отъ порывовъ вѣтра, какъ штамбы начали искривляться. Я привязалъ ихъ къ жердямъ; тщетное усиліе! Вѣтеръ дѣлалъ свое дѣло, а морозъ—свое. Я не могъ помѣшать дубамъ куститься, т. е. воспитаніемъ я не могъ ни придать болѣе выдержки дубу (тѣмъ менѣе превратить его въ другое дерево), ни даже защитить его отъ окружающей среды, которая воспитывала его по своему.

*

(Въ предисловіе къ Дѣтскимъ Сказкамъ). Часто въ педагогическихъ теоріяхъ встрѣчается замѣчаніе, что иныхъ дѣтей надобно понукать, другихъ задерживать; формы этихъ совѣтовъ различны, но окончательно приводятся къ этой аксіомѣ, которая вовсе не аксіома. Въ многолѣтней моей практикѣ я встрѣчалъ также постоянно двухъ родовъ дѣтей; эти роды назову: непроснувшіеся, на которыхъ еще тяготѣетъ утробный сонъ и проснувшіеся. Непроснувшіеся больше, нежели спятъ: чтó ему ни представляй, ничто его не интересуетъ. Вы добились, чтобъ онъ прочелъ строку самую простую,—онъ прочелъ и не понимаетъ ее или забылъ, перешедши ко второй строкѣ. Его инстиктивное желаніе: ничего не дѣлать, т. е. ничего не мыслить; въ его головѣ неопредѣленныя грезы, въ коихъ онъ не отдаетъ себѣ отчета, какъ мы во время сна подчинены нашимъ грезамъ. Ваше дѣло найти то, чтó бы могло отвратить его умъ отъ грезъ къ какому бы то ни было предмету дѣйствительнаго міра; для этого иногда надобно начать съ собственныхъ его грезъ, чтобы перевести нечувствительно его умъ на другое.

Здѣсь примѣненіе фантастическихъ сказокъ, противъ коихъ малоопытные педагоги такъ возставали. Гофманъ въ Щелкунѣ (Nussknaker) превосходно

схватилъ одну изъ сторонъ ребяческой грезы; если вы достигли до того, что ребенокъ прочелъ эту сказку самъ съ интересомъ—вы уже сдѣлали великій шагъ. Онъ прочелъ; процессъ чтенія уже нѣчто, независимое отъ грезы: онъ разбудилъ ребенка.

*

Проснувшіеся или бросаются на все, или заняты только однимъ предметомъ. Въ первомъ случаѣ наблюдайте что̀ долѣе остановило ребенка и къ этому пункту старайтесь привязать другіе предметы. Ребенокъ полюбилъ музыку, не терпитъ Ариѳметики, Географіи: положите ему числа, названія на музыку; пусть его поетъ. Такимъ образомъ онъ удержитъ въ головѣ то, что̀ ему необходимо запомнить, но что̀ еще важнѣе, выйдетъ изъ одиночности своего направленія.

Во второмъ случаѣ легче: здѣсь уже есть твердый пунктъ, къ коему можетъ примкнуть любое знаніе.

Главное—не насилуйте природы, но слѣдите за ея указаніями, отбросивъ всякія теоріи; ибо каждый ребенокъ есть особая теорія, которая можетъ быть сходна съ теоріею другаго, но никогда одна и таже.

Между непроснувшимися и проснувшимися идетъ рядъ безконечный: отъ крайняго идіотизма до крайней разнузданности воображенія.

Къ числу средствъ будить или направлять дѣтскій умъ принадлежатъ и собственно дѣтскія книги. Рѣдко вы встрѣтите дѣтей, кои бы заинтересовалися книгою для взрослаго. Такіе дѣти встрѣчаются лишь въ тѣхъ семействахъ, гдѣ вся обстановка, разговоры, удовольствія, встрѣчные предметы уже исполнили назначеніе дѣтскихъ книгъ: привести въ движеніе орудіе мышленія.

*

Суевѣріе и видѣніе. Даль разсказывалъ, что, будучи студентомъ, онъ жилъ въ маленькой комнатѣ; въ уголкѣ стоялъ скелетъ. Ночью поднялась буря; онъ всталъ осмотрѣть окошки; прилегъ; слышитъ: ходитъ маятникъ (часовъ у него не было); приближаясь на звукъ, онъ дошелъ до скелета; въ немъ стучитъ маятникъ; ближе,—вдругъ скелетъ на него плюнулъ, такъ что онъ долженъ былъ обтереться. Стукъ маятника были капли воды, которыя, въ ритмъ, съ плохаго потолка падали на голову скелета; плевокъ была вода, которая брызнула на Даля.

*

Убѣжденія. Всякое безсознательное убѣжденіе есть явленіе искусственное, изнасилованное; въ основѣ его лежитъ идея о предметѣ минусъ знанія о существованіи того предмета; идея, которую мы силимся принять за идею полную, математическую. Это какъ въ семейной жизни, когда, по несчастію, одинъ изъ нашихъ ближнихъ родственниковъ—негодяй, то мы силимся вѣрить, что онъ всетаки порядочный человѣкъ. Такое состояніе болѣзненно, неестественно.

*

Весьма мало обращается вниманія на законъ возмездія. Камень бросается кѣмъ-либо или чѣмъ-либо и отскакиваетъ отъ стѣны. Минералъ образуется химическимъ процессомъ, и въ свою очередь дѣйствуетъ и физически, и химически. Растеніе также производится дѣйствіемъ природы и дѣйствуетъ на тѣже элементы, изъ коихъ произошло.

Животное еще сильнѣе, человѣкъ и того больше участвуетъ въ этомъ возвратномъ дѣйствіи. Такъ, великій человѣкъ—и произведеніе народа, и дѣйствуетъ на народъ. Здѣсь разгадка границъ между необходимостію и волею. Нѣтъ силы, которая бы могла попрепятствовать появленію существа, для появленія коего существуютъ всѣ условія (2а = а + а), но это появившееся разъ существо можетъ измѣнить терминъ, своего существованія (2а + в—в = а + а), но ихъ рѣшеніе останется тоже.

Когда въ человѣчествѣ выработаются истины, какъ математическія теоремы, то мѣсто такъ называемыхъ общихъ убѣжденій заступитъ общее разумѣніе. Человѣкъ не будетъ дѣлать зла не потому, что оно запрещено, но по той же причинѣ, почему теперь никто не станетъ утверждать, что 2 + 2 = 5.

*

Наблюдать за движеніемъ собственныхъ душевныхъ силъ есть процессъ трудный, сложный, но необходимый. Ежедневное наблюденіе за симъ процессомъ убѣждаетъ насъ, что мы должны принимать въ соображеніе не только качественность, но и количественность нашихъ душевныхъ силъ. Нѣтъ шага, гдѣ бы въ насъ не происходило бореніе, не только между напр. воображеніемъ и разсудкомъ, но между волею и разсудкомъ. Здѣсь я понимаю не различные стороны вопроса, кои могутъ быть анализированы и приведены къ окончательному выводу, нѣтъ! Часто обѣ стороны вопроса ясны, а бореніе не утихаетъ. Разгоряченный сильнымъ движеніемъ человѣкъ встрѣчаетъ холодный ключъ воды; онъ знаетъ, что эта вода грозитъ ему болѣзнію, смертью, и между тѣмъ въ немъ борется желаніе пить съ желаніемъ не страдать, или, лучше сказать, желаніе не страдать съ желаніемъ не страдать послѣ. И этотъ случай еще самый простой. Вотъ другой, болѣе сложный. Вы проработали половину ночи; завтра надобно вставать рано; вы завели будильникъ; онъ начинаетъ звонить въ уреченный часъ. Вы въ полуснѣ протягиваете руку къ будильнику, чтобы заставить его замолчать. Какое сложное дѣйствіе! Подумаешь, что одна половина души насмѣхается надъ другою.

Въ развитіи каждаго человѣка дѣйствительно повторяется жизнь всего человѣчества, но подъ условіемъ даннаго періода господствующей мысли.

Опыты, наблюденія, исторія, словомъ—все, что намъ доступно, убѣждаетъ насъ, что всякій человѣкъ, отдѣльно взятый, не можетъ удовлетворить вполнѣ ни одной изъ своихъ потребностей: любви, истинѣ, эстетическому элементу. Человѣкъ страждетъ и въ обществѣ при отсутствіи истины въ обширнѣйшемъ смыслѣ, при отсутствіи любви, при отсутствіи эстетическихъ ощущеній. Будемъ же помогать другъ другу: любовью, которой возможное осуществленіе въ религіи; истиною, которой осуществленіе въ наукѣ; эстетическимъ стремленіемъ, котораго осуществленіе въ искусствѣ.

О СЛАВЯНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ ДУНАЙСКИХЪ БОЛГАРЪ *)

(Посвящается третьему съѣзду Русскихъ археологовъ).

А. Доказательства историческія.

I. Теорія Энгеля и Тунмана. Венелинъ и Шафарикъ. Названія Гунны и Болгаре. Путаница народныхъ именъ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ.

Вопросъ о происхожденіи Руси естественно наводитъ изслѣдователя на вопросъ о происхожденіи и другихъ народовъ, обитавшихъ когда-то въ нашемъ отечествѣ и находившихся въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ нашимъ предкамъ. Между такими народами едвали не первое мѣсто принадлежитъ Болгарамъ. Поэтому мы сочли необходимымъ посвятить имъ особое изслѣдованіе, т. е. по возможности тщательно провѣрить тѣ основанія, на которыхъ сложилось господствующее о нихъ мнѣніе. Въ настоящей монографіи предлагаемъ вниманію образованной публики результаты этой провѣрки.

Что̀ такое Болгаре? Гдѣ ихъ родина? Къ какой семьѣ племенъ они принадлежали?

Отвѣтъ на эти вопросы уже давно сдѣланъ: Болгаре — говорятъ намъ — была финская орда, соплеменная Гуннамъ и Települоe Უграмъ, пришедшая съ береговъ Волги на Дунай, здѣсь смѣшавшаяся съ Славянами и принявшая ихъ языкъ. Такъ рѣшила Нѣмецкая наука въ лицѣ Энгеля, Тунмана, Клапрота, Френа и нѣкоторыхъ другихъ, касавшихся этого вопроса *. За ними въ томъ же смыслѣ высказалось большинство Славянскихъ ученыхъ, и во главѣ ихъ знаменитый Шафарикъ. Но были и другіе ученые, которые считали древнихъ Болгаръ чистыми Славянами. Не буду говорить о писателяхъ прошлаго столѣтія, каковы, напримѣръ, Сумъ и Раичь, оставившіе послѣ себя труды почтенные, но мало удовлетворительные для нашего времени. Перейду прямо къ извѣстному Венелину. Этотъ талантливый карпатороссъ въ своемъ сочиненіи **Древніе и нынѣшніе Болгаре** горячо возсталъ въ защиту Славянскаго происхожденія Болгаръ противъ Татаро-Финской теоріи Энгеля и Тунмана, которую можно поставить въ параллель съ Скандинавской теоріей Байера и Шлёцера по отношенію къ Руси. Сочиненіе Венелина въ свое время произвело довольно сильное впечатлѣніе и нашло себѣ усердныхъ послѣдователей, особенно между Болгарскими патріотами. Но ученые авторитеты отнеслись къ его мнѣніямъ весьма неблагосклонно. Шафарикъ отвергъ его выводы, какъ порожденные „страстію къ новосказаніямъ и особенными понятіями о народной чести и славѣ.“ (**Славян. Древн. т. II. кн. I.**). Тотъ же приговоръ подтверждали до

---

*) Изъ изслѣдованій о Болгарахъ и Азовско-Черноморской Руси.

* Tunmann—Untersuchungen ueber die Geschichte der oestlichen Voelker. 1774. Engel—Geschichte der Bulgaren. 1797. Klaproth—Tableaux histor. de l'Asie. 1826. Fraehn — Die aelt. arab. Nachr. über die Wolga—Bulgaren въ Mém. del'Académie. VI. Sér. T. I.

сихъ поръ и другіе писатели-слависты, касавшіеся этого предмета.

А между тѣмъ Венелинъ былъ близокъ къ истинѣ, но затемнилъ ее, отдавшись порывамъ своего пылкаго воображенія. Впрочемъ его „Древніе и нынѣшніе Болгаре“ есть произведеніе еще молодаго и довольно неопытнаго ученаго (ему было только 27 лѣтъ, когда эта книга явилась въ печати). Въ послѣдствіи болѣе спокойныя изысканія вѣроятно заставили бы его отказаться отъ нѣкоторыхъ крайнихъ выводовъ; это можно предполагать изъ его дальнѣйшихъ трудовъ. Смерть похитила его слишкомъ рано (въ 1839 году, 37 лѣтъ отъ роду).

Въ чемъ же заключалась главная ошибка Венелина?

Онъ видѣлъ, что Тюрко-Финская теорія о происхожденіи Болгаръ находится въ явномъ противорѣчіи съ ихъ историческою жизнію; онъ догадывался, что въ основѣ этой теоріи должны быть разныя недоразумѣнія; но отъ него ускользнуло самое существенное изъ этихъ недоразумѣній. У нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей Болгаре называются смѣшанно то Гуннами, то Болгарами, и это обстоятельство послужило важнѣйшимъ основаніемъ для Тюрко-Финской теоріи. Чтобы доказать славянство Болгаръ, Венелинъ началъ доказывать невозможное, т. е.: что сами Гунны съ Аттилой включительно были племя Славянское, и не только Гунны, но и Хазары, Авары, а кстати Готы, Гепиды, Франки и т. д.—все это никто иные какъ Славяне. Понятно, что такое увлеченіе должно было вызвать суровое отрицаніе *.

Такъ какъ доводы, на которыхъ основана Тюрко-Финская теорія, яснѣе и логичнѣе другихъ писателей сведены и изложены въ безсмертномъ трудѣ Шафарика, то мы при ихъ разборѣ будемъ держаться преимущественно того порядка, въ которомъ они сгруппированы у автора „Славянскихъ Древностей“.

Первое и самое важное (какъ мы замѣтили) основаніе, на которомъ построена означенная теорія, есть наименованіе Болгаръ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Гуннами. Остановимся возможно долѣе на этомъ доводѣ и разсмотримъ, на сколько онъ выдерживаетъ историческую критику.

Гунны, въ тѣсномъ смыслѣ, по всѣмъ признакамъ составляли одно изъ племенъ Восточно-финской или Чудской группы народовъ и принадлежали къ ея Угорской вѣтви. Они издревле обитали въ степяхъ Прикаспійскихъ между Ураломъ и Волгою, по сосѣдству съ Скиѳскими народами Арійской семьи, и совсѣмъ не были какимъ-то новымъ народомъ, пришедшимъ въ Европу прямо изъ глубины Средней Азіи отъ границъ Китая во второй половинѣ IV вѣка. У Птоломея, слѣдовательно во II вѣкѣ, они уже упоминаются какъ народъ сосѣдній съ Роксаланами (онъ говоритъ, что они жили гдѣ-то между этими послѣдними и Бастарнами. Lib. III. cap. 5). Амміанъ Марцелинъ замѣтилъ, что о нихъ слегка упоминаютъ старые писатели (Lib. XXXI. c. 2). Но послѣ побѣды надъ Готскими племенами и покоренія большей части Восточной Европы, это скромное и едва извѣстное дотолѣ

---

* Однако до сихъ поръ встрѣчаемъ труды, отправляющіеся отъ той же исходной точки зрѣнія на Гунновъ. Укажу на сочиненіе г. Крьстьовича: Исторія Бльгарска. Ч. I. Цариградъ. 1871. Ближе чѣмъ Венелинъ подошелъ къ истинѣ его послѣдователь Серг. Уваровъ въ своей диссертаціи De Bulgarorum utrorumque origine. Dorpati, 1853. Но онъ не довелъ этотъ вопросъ до надлежащей степени ясности и критики.

имя сдѣлалось громкимъ; по обыкновенію оно распространилось на покоренные народы, какъ родственнаго такъ и совершенно чуждаго происхожденія, т. е. распространилось въ извѣстіяхъ иноземныхъ писателей; но сами народы обыкновенно держатся своего роднаго имени, которое мѣняютъ весьма рѣдко и весьма туго. Такъ, византійскіе историки иногда причисляютъ къ Гуннамъ готское племя Гепидовъ (Пасхальная хроника), или употребляютъ названіе Гунновъ и Славянъ безразлично („Гунны иначе Стлавины", выражается Кедринъ, разсказывая объ ихъ нашествіи на Ѳракію въ 559 г.). А Прокопій замѣчаетъ, что Славяне въ обычаяхъ и образѣ жизни имѣютъ много общаго съ Гуннами. Сходство бытовыхъ чертъ не мало способствовало смѣшенію разныхъ варварскихъ народовъ подъ однимъ общимъ именемъ, и отъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ менѣе всего можно требовать точнаго этнографическаго распредѣленія на основаніи языка. Послѣ того какъ Авары въ VI вѣкѣ наложили свое иго на нѣкоторыя Славянскія племена, обитавшія по Дунаю, эти племена называются иногда Аварами и притомъ въ эпоху, когда Аварское иго обратилось уже въ преданіе. („Склавы, которые и Аварами называются", говоритъ Константинъ Б. въ своемъ соч. „Объ управленіи имперіей", гл. 29).

Если имя господствующаго народа переходило на чуждыя племена, то разумѣется еще легче утверждалось оно за племенами родственными. Такъ Угры, пришедшіе на Дунай въ IX вѣкѣ, у Византійцевъ именуются или Турки, или Гунны, тогда какъ сами себя они называютъ Мадьяры; а Славянское ихъ названіе, т. е. Угры, есть ничто иное какъ сокращеніе сложнаго имени Гунногуры или Унгуры, откуда съ уничтоженіемъ носоваго звука произошло Угры. Въ другомъ мѣстѣ * мы уже имѣли случай замѣтить, что это народное имя находится въ связи съ названіями нѣкоторыхъ рѣкъ и встрѣчается въ разныхъ краяхъ Россіи; такъ мы имѣемъ Югру на сѣверовостокѣ и Ингру или Ижору на сѣверозападѣ—все племена Финскаго или Чудскаго корня. Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ съ одной стороны родство Гунновъ Аттилы съ современными Уграми, а съ другой то положеніе, что Славяне, какъ ихъ исконные и близкіе сосѣди, очень хорошо знали это родство финскихъ племенъ, не смотря на ихъ широкое разселеніе; между тѣмъ какъ византійскіе и латинскіе писатели очевидно путались въ лабиринтѣ варварскихъ народныхъ именъ. Подъ общимъ или родовымъ названіемъ Гунновъ у нихъ встрѣчаются многія видовыя имена Акациры, Буругунды, Кутургуры, Утургуры, Ультинзуры, Унигуры, Савиры, Сарагуры и пр. и пр. **. Почти каждое изъ этихъ названій имѣетъ еще свои варіанты. Со стороны исторіографіи было великою ошибкою всѣ означенные народы считать вѣтвями одного и того же Гуннскаго или Угорскаго поколѣнія. Къ Гуннамъ причисляются иногда чуть не всѣ обитатели Дунайской и юговосточной Европейской равнины; но если бы всѣ эти народы были дѣйствительно Гунны, то куда же они исчезли такъ быстро и откуда на ихъ мѣстѣ внезапно явились народы совершенно другіе, за исключеніемъ сравнительно небольшаго племени Угровъ? Ясно, что подъ этими названіями скрываются иныя племена, и преимущественно Славянскія. Однимъ словомъ, въ извѣстный періодъ времени слово Гун-

* Р. Вѣстникъ 1872. Декабрь.
** См. Memoriae Populorum. I. 451.

ны употреблялось вообще для обозначенія варваровъ Южной Россіи и пріобрѣло почти географическое значеніе; оно замѣнило собою прежнее слово Скиѳы. Впрочемъ послѣднее названіе пережило Гунновъ, и сами Гунны нерѣдко въ источникахъ называются Скиѳами. На это географическое значеніе, между прочимъ указываетъ Іорнандъ, который говоритъ, что страна къ сѣверовостоку отъ Дуная называлась Гунниваръ.

Чтó касается до окончанія народныхъ именъ на уры, гуры или гары, то это окончаніе нисколько не означаетъ народовъ Тюркскихъ или Финскихъ; оно отбрасывалось или прибавлялось, не измѣняя кореннаго смысла въ названіи. Возмемъ, напримѣръ у Прокопія названіе Утургуры или Утигуры съ его варіантами, у Агаѳія и Менандра Утригуры и Витигуры, а въ передачѣ Іорнанда Витугоры. Если отбросимъ окончаніе, то получимъ коренное названіе Уты или Виты, а, взявъ въ расчетъ древнее юсовое произношеніе (Ѫты), будемъ имѣть Онты или Анты—столь извѣстное названіе восточныхъ Славянъ. Витичи или Вятичи нашей лѣтописи есть только варіантъ того же названія (собственно Ванты или Вантичи); въ связи съ нимъ находится имя древняго города Витичева на Днѣпрѣ. Точно также Кутургуры Прокопія, Котрагиры или Котригуры Агаѳія и Менандра имѣютъ форму Котраги у Ѳеофана и Никифора; слѣдовательно коренное названіе будетъ Куты или Кутры (м. б. тоже чтó Скуты или Скиѳы). У Іорнанда встрѣчаемъ Сатагаровъ или просто Сатаговъ, народъ Сарматскій или Аланскій; а извѣстно, что Сарматы-Алане не были Гуннами. Прискъ въ числѣ народовъ, подчиненныхъ Гуннамъ, называетъ Амалзуровъ; но тутъ очевидно подразумѣваются Остроготы, у которыхъ былъ княжескій родъ Амаловъ. Напомнимъ также названіе одного Германскаго племени Гермундуры, и проч. Слѣдовательно окончаніе на гуры и гары не принадлежало никакой опредѣленной группѣ.

Итакъ кромѣ своего настоящаго имени Болгаре являются у средневѣковыхъ писателей подъ весьма разнообразными названіями, напримѣръ: Гунны, Гунногундуры, Гуннобундобулгары, Киммеріяне, Массагеты, Скиѳы, Котраги, Мизы и даже Влахи *. Важная ошибка исторіографіи заключается въ томъ, что она излагала первоначальныя судьбы Болгаръ на основаніи только этого ихъ имени въ источникахъ, и упускала изъ виду многія извѣстія, въ которыхъ Болгаре являются подъ другими именами. Главнымъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи Болгаръ обыкновенно принималось сказаніе о раздѣленіи ихъ на пять частей между сыновьями Куврата и о поселеніи Аспаруховой части на Дунаѣ только во второй половинѣ VII вѣка. А вся ихъ предыдущая исторія являлась въ видѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ свидѣтельствъ, т. е. такихъ только, въ которыхъ упоминается слово Болгаре. Подъ этимъ именемъ они встрѣчаются собственно у позднѣйшихъ писателей (Ѳеофана, Кедрина, Зонары); но встрѣчаются у нихъ уже въ разсказахъ о второй половинѣ V вѣка, т. е. объ эпохѣ, наступившей послѣ паденія великой Гуннской державы. Болгаре начали производить въ то время нашествія за Дунай во Ѳракію, и вскорѣ сдѣлались такъ страшны, что императоръ Анастасій въ началѣ VI вѣка построилъ длинную стѣну отъ Мраморнаго моря до Чернаго, чтобы обезопасить отъ нихъ столицу. Но какъ же могло случиться, чтобы Болгаре,

* См. Memoriae Pop. II. 442.

если вѣрить хроникѣ Ѳеофана, только во второй половинѣ VII вѣка передвинулись на Дунай изъ за Танаиса и Меотиды, если почти за два вѣка они, по извѣстію между прочимъ того же Ѳеофана, уже являются во Ѳракіи, и столица Византійской имперіи огораживается новою стѣною для защиты отъ этихъ варваровъ? Надъ такою несообразностію не остановился доселѣ никто изъ славянскихъ ученыхъ, касавшихся Болгарской исторіи. Повторяю, главное недоразумѣніе заключалось въ названіяхъ. Только довольно поздніе византійскіе лѣтописцы стали употреблять имя Болгаръ, и начальная ихъ исторія до сихъ поръ основывалась преимущественно на извѣстіяхъ Ѳеофана и Никифора, писателей первой половины IX вѣка, и еще болѣе позднихъ компиляторовъ, каковы Кедринъ и Зонара. При этомъ ихъ сбивчивые разсказы о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ, подѣлившихъ между собою Болгарскій народъ, принимались буквально, т. е. безъ всякой критики.

А между тѣмъ болѣе раннія византійскіе писатели сообщаютъ намъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о судьбахъ Болгаръ до второй половины VII вѣка, только подъ другими именами.

II. Утургуры и Кутургуры Прокопія и Агаѳія.

Писатели VI вѣка, каковы Прокопій, младшій его современникъ Агаѳій и продолжатель Агаѳія Менандръ, совсѣмъ не употребляютъ имени Болгаре, а называютъ ихъ Утургурами и Кутургурами. Подобное тому явленіе представляетъ Амміанъ Марцелинъ, который, повѣствуя о нашествіи Гунновъ на Готскіе народы, не знаетъ Іорнандовыхъ Остроготовъ и Визиготовъ, а называетъ ихъ Грутунгами и Тервингами; Прокопій, хотя и современникъ Іорнанда, также не знаетъ Остроготовъ и называетъ ихъ Тетракситами. Имя Болгаръ точно также не было неизвѣстно во времена Прокопія, ибо о нихъ упоминаютъ западные или латинскіе лѣтописцы VI вѣка, каковы Комисъ Марцелинъ и Іорнандъ *. Въ этомъ случаѣ мы находимъ замѣчательную аналогію съ именемъ Русь. Византійскіе писатели употребляютъ это имя только съ IX вѣка; между тѣмъ какъ западные упоминаютъ его ранѣе, напримѣръ тотъ же Іорнандъ и потомъ географы Равенскій и Баварскій. Какъ Русь у старѣйшихъ византійскихъ писателей скрывается подъ именами Антовъ, Скиѳовъ, Тавроскиѳовъ и пр.; такъ и Болгаре долгое время скрываются подъ именемъ Гунновъ и другими указанными выше, преимущественно же подъ названіями Утургуровъ и Кутургуровъ съ ихъ варіантами. Хотя никто изъ послѣдователей Тюрко-Финской теоріи собственно не отвергаетъ родства Болгаръ съ Кутургурами и Утургурами Прокопія или Агаѳія **; однако, повторяю, никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на противорѣчія между сказаніями Ѳеофана и Никифора о приходѣ Болгаръ на Дунай въ VII в. и извѣстіями Прокопія и Агаѳія. Послѣдніе писали о событіяхъ имъ совре-

* Нѣкоторые другіе случаи древнѣйшаго упоминанія имени Болгаръ см. въ любопытномъ изслѣдованіи г. Дринова: Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами (Москва, 1873 г., стр. 90), а также въ Romänische Studien von Roesler (Leipzig 1871 г., стр. 234 и 235). Изъ византійскихъ историковъ первый употребляющій имя Болгаръ, вмѣсто Гунновъ, есть Ѳеофилактъ Симоката. А онъ писалъ въ первой четверти VII вѣка, слѣдовательно былъ почти современникъ Менандра.

** Они даже прямо отождествляютъ Кутургуровъ и Утургуровъ съ Болгарами, напримѣръ: Шлёцеръ (Allgem. Nord. Geschichte, 358), Туnманъ (32—34), Энгель (254), Чертковъ (О переводѣ Манасіиной лѣтописи. 47) и Рёслеръ (236).

менныхъ, а потому должны служить провѣркою для писателей болѣе позднихъ. Обратимся къ этимъ извѣстіямъ.

Вотъ сущность того, что̀ сообщаетъ Прокопій о началѣ Болгарской исторіи (О Гот. войнѣ кн. IV, и О постройкахъ кн. III и IV):

За Танаисомъ, между Понтомъ и Меотидой, обитаютъ „Утургуры, когда-то называемые иначе Киммеріяне"; далѣе къ сѣверу живутъ „безчисленныя племена Антовъ"; а тамъ, гдѣ открывается проливъ Киммерійскій, находятся Готы „по прозванію Тетракситы". Нѣкогда великій народъ Гунновъ или Киммеріянъ повиновался одному царю; но по смерти его два сына, Утургуръ и Кутургуръ, раздѣлили между собою народъ; по ихъ именамъ одна часть назвалась Утургурами, а другая Кутургурами. Киммеріяне или Гунны обитали по ту сторону Меотиды; а по сю сторону жили Готскіе народы, „которые нѣкогда Скиѳами назывались". Послѣ того какъ нѣкоторые изъ этихъ народовъ удалились, именно Вандалы въ Африку, а Визиготы въ Испанію, однажды — „если только молва справедлива" — нѣсколько киммерійскихъ юношей, гоняясь за ланью, перебрались черезъ Меотиду, и такимъ образомъ открыли бродъ. Киммеріяне воспользовались этимъ открытіемъ; они тотчасъ вооружились, перешли на другой берегъ, напали на Готовъ и многихъ побили; остальные спаслись бѣгствомъ *. Послѣдніе ушли за Дунай и получили отъ Римскаго императора жилища во Ѳракіи; часть ихъ вступила въ римскую службу подъ именемъ фёдератовъ; а другая часть потомъ подъ начальствомъ Теодориха двинулась въ Италію. Мѣста, гдѣ прежде обитали Готы, теперь заняты были Кутургурами. Хотя они ежегодно получаютъ большіе дары отъ императора (Юстиніана), однако не перестаютъ переходить Истръ и дѣлать набѣги на римскія провинціи, въ качествѣ то союзниковъ, то непріятелей. Между тѣмъ Утургуры воротились на берега Меотиды; здѣсь они вступили въ борьбу съ оставшимися въ томъ краю Готами-Тетракситами. Наконецъ по обоюдному согласію оба народа размѣстились на противоположныхъ берегахъ пролива, соединяющаго Меотиду съ Понтомъ, при чемъ Утургуры заняли свои прежнія жилища. Тамъ, за Таврами и Тавроскиѳами, на границахъ Римской имперіи лежатъ приморскіе города Херсонъ и Боспоръ, которыхъ стѣны, пришедшія въ ветхость, императоръ Юстиніанъ перестроилъ вновь. Кромѣ того онъ построилъ крѣпости Алустонъ и Горсувитъ (нынѣ Алушта и Гурзуфъ). Особенно онъ укрѣпилъ городъ Боспоръ, разоренный варварами и находившійся нѣкоторое время въ ихъ рукахъ, но возвращенный императоромъ подъ власть Римлянъ. А другіе два города, Кипы и Фанагурію, съ давняго времени принадлежавшіе Римлянамъ, сосѣдніе варвары недавно взяли и совершенно разорили. „Страну же между Херсономъ и Боспоромъ держатъ въ своихъ рукахъ варвары, преимущественно Гунны".

Мы привели изъ сочиненій Прокопія наиболѣе существенныя данныя для исторіи Болгаръ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что его географическія указанія могутъ быть принимаемы только въ общихъ чертахъ; такъ какъ въ своихъ частностяхъ онѣ не отличаются большою точностію и заключаютъ въ себѣ нѣкоторую сбивчивость и противорѣчія. Онъ писалъ о

* Басню о лани, показавшей Гуннамъ путь черезъ Меотиду, Іорнандъ относитъ къ первому нашествію Гунновъ на Остготовъ, т. е. ко временамъ Германриха.

томъ краѣ очевидно по слуху, а самъ его не видалъ и яснаго географическаго представленія о немъ не имѣлъ. Напримѣръ, Готы-Тетракситы или Остроготы по смыслу его извѣстій прежде обитали гдѣ-то на западной сторонѣ Меотиды, т. е. Азовскаго моря, откуда были изгнаны Гуннами-Кутургурами и Утургурами на Балканскій полуостровъ, при чемъ Кутургуры заняли ихъ мѣста. Но Утургуры, возвращаясь изъ похода, натолкнулись опять на Готовъ-Тетракситовъ; слѣдовательно не всѣ Остготы были изгнаны изъ южной Россіи Болгарами, которыхъ онъ называетъ общими именами Гунновъ и Киммеріянъ (послѣднее вѣроятно по ихъ жительству около Киммерійскаго Боспора). Послѣ упорной борьбы противники заключили миръ и размѣстились по обоюдному согласію; при чемъ Готы поселились въ Тавридѣ, а Утургуры заняли опять свои прежнія жилища по ту сторону пролива, т. е. на устьяхъ Кубани. Такимъ образомъ на основаніи Готской войны Прокопія можно заключать, что Тетракситы и Утургуры въ его время отдѣлялись другъ отъ друга Боспорскимъ проливомъ. Но въ другомъ его сочиненіи, О постройкахъ, онъ сообщаетъ, что Тетракситы занимали приморскую страну Дори, а эта страна совсѣмъ не лежала на берегу пролива. Она находилась въ самой южной части Крыма, гдѣ, благодаря гористому положенію, Готы долго еще сохраняли свою народность. Съ другой стороны изъ словъ Прокопія о поселеніи варваровъ, преимущественно Гунновъ, между Боспоромъ и Херсономъ, ясно, что не всѣ Утургуры перешли обратно на Кубань, но что значительная часть ихъ обитала въ восточныхъ краяхъ Таврики, и здѣсь-то она дѣйствительно находилась въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ Готами-Тетракситами. Это соображеніе подтверждается тѣмъ же Прокопіемъ. Онъ говоритъ, что Тетракситы и Утургуры, заключивъ миръ, жили потомъ въ дружбѣ и союзѣ другъ съ другомъ; но въ иномъ мѣстѣ сообщаетъ данное, не совсѣмъ подтверждающее искренность этой дружбы, по крайней мѣрѣ со стороны Готовъ. А именно: въ двадцать первомъ году Юстиніанова царствованія Тетракситы, бывшіе христіанами, прислали къ императору четырехъ пословъ съ просьбою назначить имъ епископа на мѣсто недавно умершаго. Опасаясь Гунновъ-Утургуровъ, послы на торжественномъ пріемѣ объявили только одну эту причину посольства; а потомъ въ тайныхъ переговорахъ они объяснили, какую пользу можетъ получить имперія, если постарается питать раздоры между сосѣдними варварами. (О Гот. войнѣ. кн. IV, гл. 4).

Точно также неясно, кого собственно Прокопій подразумѣвалъ подъ именемъ Тавроскиѳовъ, говоря, что „приморскіе города Боспоръ и Херсонъ лежатъ за Таврами и Тавроскиѳами“ (О постр. кн. III., гл. 7). Въ другомъ мѣстѣ (О Гот. в. кн. IV., гл. 5) Прокопій толкуетъ о томъ, что равнину около Меотійскаго озера занимаютъ Гунны-Кутургуры, что часть ея принадлежитъ Скиѳамъ и Таврамъ, отчего и называется Таврикой; а за тѣмъ говоритъ объ извѣстномъ храмѣ Діаны, въ которомъ была жрицею Ифигенія. Вообще обычай византійскихъ историковъ, къ своимъ извѣстіямъ о Скиѳскихъ странахъ примѣшивать басни древнихъ писателей, поддерживаетъ запутанность и сбивчивость этихъ извѣстій. Впослѣдствіи византійцы подъ именемъ Тавроскиѳовъ разумѣютъ преимущественно Руссовъ; а въ упомянутомъ мѣстѣ Прокопія это имя можетъ быть отнесено и къ Готамъ-Тет-

ракситамъ, и къ Гуннамъ-Утургурамъ, которые жили по обѣимъ сторонамъ Боспора. Собственные же Руссы безъ сомнѣнія скрываются у него между тѣми „безчисленными племенами Антовъ", которые обитали къ сѣверу отъ страны Утургуровъ. Послѣднее названіе, какъ мы сказали, заключаетъ въ себѣ тотъ же корень какъ Анты и Витячи; въ данномъ случаѣ этотъ корень можетъ намекать и на общее происхожденіе этихъ народовъ. Самая борьба съ Готами и изгнаніе ихъ изъ южной Россіи были общимъ дѣломъ Гунновъ и Антовъ, т. е. Болгаръ и Руссовъ; ибо и послѣдніе также были нѣкогда сосѣдями Готовъ. На это совокупное дѣйствіе противъ нихъ со стороны Славянскихъ племенъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, прямо указываетъ современникъ Прокопія Іорнандъ.

Не смотря на указанныя нами нѣкоторыя неточности въ сочиненіяхъ Прокопія, извѣстія его для насъ въ высшей степени драгоцѣнны и должны служить исходными пунктами для разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Во времена Юстиніана I, замѣчаетъ онъ, Гунны, Склавины и Анты почти ежегодными нашествіями опустошали Иллирію, Ѳракію, Грецію, Херсонесъ Ѳракійскій и всю страну отъ Іонійскаго моря до предмѣстья Константинополя; вслѣдствіе истребленія и плѣненія жителей, въ этихъ провинціяхъ можно было видѣть „почти скиѳскія пустыни" (Hist. Arcana, c. 18). Въ своей исторіи о Готской войнѣ Прокопій изображаетъ цѣлый рядъ этихъ нашествій, предпринятыхъ то Славянами и Антами отдѣльно, то въ соединеніи съ Гуннами-Кутургурами. (У Ѳеофана же и другихъ болѣе позднихъ историковъ при разсказѣ объ этихъ войнахъ вмѣсто Кутургуровъ Прокопія упоминаются или просто Гунны, или Болгаре). Юстиніанъ строитъ непрерывный рядъ укрѣпленій по Дунаю, чтобы защитить имперію противъ неукротимыхъ варваровъ. Но это не мѣшало послѣднимъ переходить рѣку, пользуясь особенно тѣмъ временемъ, когда она замерзала. Однако, благодаря принятымъ мѣрамъ, варвары, обремененные добычею, нерѣдко подвергались пораженіямъ на своемъ обратномъ походѣ изъ византійскихъ провинцій. Ихъ нападенія особенно усилились къ концу Юстиніанова царствованія, когда императоръ, по словамъ одного писателя (Агаѳія) устарѣлъ и когда ослабѣла его энергія въ учрежденіяхъ воинскихъ. Въ это время, по отношенію къ варварамъ, онъ усвоилъ себѣ политику, основанную преимущественно на хитрости и вѣроломствѣ, т. е. старался истреблять ихъ, возбуждая между ними раздоры и вооружая ихъ другъ противъ друга. Такая политика была конечно плодомъ его собственной опытности и изворотливости, а не явилась вслѣдствіе совѣта Готовъ-Тетракситовъ, о которомъ повѣтствуетъ Прокопій. Юстиніанъ платилъ ежегодную дань сосѣднимъ съ имперіей Кутургурамъ; но такъ какъ этою данью не удерживался отъ нападеній народъ, находившійся подъ властію многихъ и рѣдко согласныхъ между собою князей, то императоръ старался частыми подарками пріобрѣсти дружбу Утургуровъ. Послѣдніе по своей отдаленности были почти безопасны для византійскихъ провинцій на Балканскомъ полуостровѣ; но они могли быть полезными союзниками противъ своихъ родичей.

Въ 551 году 12.000 Кутургуровъ, предводимые княземъ Хиніаломъ, съ помощію паннонскихъ Гепидовъ переправились за Дунай и начали производить свои обычные грабежи и ра-

зоренія. Тогда Юстиніанъ отправилъ пословъ къ князьямъ Утургуровъ. Посольство упрекало варваровъ въ томъ, что они, предаваясь праздности, позволяютъ другимъ разорять своихъ союзниковъ Римлянъ. Оно ловко затронуло жадность варваровъ, указавъ на Кутургуровъ, которые не довольствуются ежегодною денежною данью, а еще грабятъ римскія провинціи, при чемъ по своему высокомѣрію не думаютъ дѣлиться добычею съ Утургурами, такъ что послѣднимъ нѣтъ никакой пользы отъ этой добычи. Подобныя коварныя внушенія сопровождались конечно большими дарами и обѣщаніемъ еще бо̀льшихъ. Утургуры поддались на эти рѣчи, собрали дружину и присоединили къ ней еще 2000 своихъ сосѣдей Готовъ-Тетракситовъ. Подъ предводительствомъ князя Сандила они напали на жилища Кутургуровъ, разгромили ихъ и увели съ собой множество ихъ женъ и дѣтей. Этимъ погромомъ воспользовались тысячи римскихъ плѣнниковъ, находившихся въ рабствѣ у Кутургуровъ и бѣжали въ отечество, никѣмъ непреслѣдуемые. Между тѣмъ сами же Римляне поспѣшили извѣстить Хиніала о бѣдствіи, постигшемъ его страну. Это извѣстіе также подкрѣплено было порядочною суммою золота. Тогда Кутургуры поспѣшили заключить миръ съ Римлянами и безъ всякаго полона отправились на защиту собственнаго отечества.

Въ мирный договоръ включено и такое условіе: тѣ Кутургуры, которые будутъ не въ силахъ отстоять родную землю, возвратятся въ Римскіе предѣлы, и императоръ дастъ имъ землю во Ѳракіи съ обязательствомъ защищать ее отъ вторженія варваровъ. Въ силу этого условія дѣйствительно часть Кутургуровъ, побѣжденная Утургурами, съ своими женами и дѣтьми удалилась къ Римлянамъ и получила землю во Ѳракіи. Въ числѣ ея предводителей былъ Синніо, тотъ самый, который сражался подъ знаменами Велизарія противъ Вандаловъ какъ одинъ изъ начальниковъ наемныхъ гунно-славянскихъ отрядовъ. Слухъ о такомъ оборотѣ дѣла привелъ Сандила въ сильное негодованіе: мстя за обиду Римлянъ, онъ выгналъ собственныхъ родичей изъ ихъ страны; а они послѣ того нашли себѣ убѣжище въ Римской землѣ, гдѣ пользуются гораздо бо̀льшими удобствами, чѣмъ въ прежнихъ жилищахъ, изобилуя виномъ, дорогими тканями, золотомъ, и сверхъ того имѣя возможность наслаждаться римскими банями; между тѣмъ какъ Утургуры, не смотря на свои труды и заслуги, продолжаютъ обитать въ безплодныхъ пустыняхъ. Въ этомъ смыслѣ утургурскіе послы изложили свою жалобу императору, впрочемъ не письменно, а по обычаю варваровъ изустно; при чемъ рѣчь свою произнесли „какъ по писанному", замѣчаетъ Прокопій. Но византійское правительство съумѣло конечно льстивыми увѣщаніями и богатыми дарами успокоить негодованіе своихъ союзниковъ.

Почти тоже самое, только еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ, повторилось спустя лѣтъ семь или восемь, о чемъ подробно повѣствуетъ продолжатель Прокопія Агаѳій * (Agathiae Hist. l. V). Это было знаменитое нашествіе Кутургуровъ на Византійскую имперію подъ начальствомъ ихъ князя Забергана въ 559 году. Полчища ихъ раздѣлились: одна часть пошла на Грецію, другая

* Также какъ Прокопій, и Агаѳій вмѣсто Болгаръ употребляетъ общее названіе Гунны и дѣлитъ ихъ на Котригуровъ и Утигуровъ; но къ этимъ двумъ прибавляетъ еще два племени: Ультинзуровъ и Буругундовъ.

на Херсонесъ Ѳракійскій, а самъ Заберганъ съ 7000 отборной конницы подступилъ къ Константинополю. Чтобы спасти столицу, императоръ вызываетъ изъ уединенія престарѣлаго Велизарія, и послѣдній съ горстью наскоро собраннаго войска дѣйствуетъ такъ удачно, что Заберганъ былъ принужденъ отступить. Отрядъ, посланный на Грецію, воротился, будучи не въ состояніи прорваться сквозь Ѳермопилы. Тѣ, которые осаждали Ѳракійскій Херсонесъ, также не успѣли имъ овладѣть. Изъ подробностей послѣдней осады обратимъ вниманіе на одно обстоятельство. Потерпѣвъ неудачу съ сухаго пути, варвары довольно искусно устроили лодки изъ тростника и на этомъ легкомъ флотѣ попытались сдѣлать нападеніе съ моря. Начальникъ греческаго гарнизона Германъ вовремя принялъ свои мѣры, и попытка непріятелей осталась безъ успѣха. Но она подтверждаетъ, что Кутургуры не были настоящіе Гунны, какъ извѣстно неспособные ни къ какимъ морскимъ предпріятіямъ; эта попытка указываетъ на понтійскихъ Славянъ, которые съ одинаковою отвагою дѣйствовали и на сушѣ, и на морѣ. *

Когда всѣ отряды собрались, Заберганъ повелъ ихъ назадъ; но онъ это сдѣлалъ не прежде, какъ получилъ отъ Римлянъ значительный окупъ и заставилъ ихъ выкупить также плѣнниковъ, угрожая въ противномъ случаѣ избіеніемъ послѣднихъ. Юстиніанъ на сколько можно старался удовлетворить алчности варваровъ, лишь бы побудить ихъ къ удаленію изъ своихъ предѣловъ. А между тѣмъ онъ отправилъ посланіе къ князю Утургуровъ Сандилу. Въ этомъ посланіи императоръ опять укорялъ его въ лѣности и безпечности, съ которыми тотъ допускаетъ грабить Римлянъ и брать у нихъ золото, назначавшееся для союзниковъ; онъ грозилъ на будущее время прекратить обычную плату Утургурамъ, а отдавать ее Кутургурамъ и заключить съ ними союзъ, какъ съ народомъ болѣе отважнымъ и сильнымъ. Подобныя укоризны и угрозы какъ нельзя лучше достигли своей цѣли. Сандилъ немедленно собралъ войско, разорилъ жилища Кутургуровъ, а потомъ подстерегъ послѣднихъ, возвращавшихся изъ за Дуная съ огромною добычею, разбилъ ихъ и отнялъ у нихъ добычу. *

Агаѳій прибавляетъ, что эта ловкая политика Юстиніана воздвигла между варварами такія междоусобныя войны, которыя довели ихъ почти до взаимнаго истребленія. Хотя извѣстіе объ истребленіи слишкомъ преувеличено, однако жестокія междоусобія двухъ главныхъ Болгарскихъ народовъ принесли обычный плодъ: они такъ ослабѣли, что вскорѣ подпали подъ иго другихъ варваровъ, которые являются подъ именемъ Аваръ. А что Кутургуры далеко не были истреблены, видно изъ слѣдующаго. По словамъ Менандра, въ царствованіе Юстина II, въ 574 году аварскій каганъ Боянъ послалъ 10,000 Кутургуровъ разорять Далмацію; онъ потребовалъ отъ императора той же дани, которую получали отъ Юстиніана Кутургуры и Утургуры, такъ какъ оба эти народа покорились теперь Аварамъ.

* По поводу именно этого нашествія Кутургуровъ Кедринъ выразился «Гунны или Стлавины»; а современникъ самаго событія африканскій епископъ Викторъ Туннуненскій называетъ ихъ вмѣсто Кутургуровъ просто Болгарами. Roncal. Vet. lat. Chron. II. 377.

* Замѣчательное сходство въ описаніяхъ обоихъ нашествій, 551 и 559 гг., заставляютъ подозрѣвать какое либо недоразумѣніе. Оба писателя, Прокопій и Агаѳій, не повѣствуютъ ли въ сущности объ одномъ и томъ же событіи?

Впрочемъ подъ аварскимъ игомъ находилась собственно западная вѣтвь Болгаръ, т. е. Кутургуры; а восточная вѣтвь или Утургуры, спустя нѣсколько лѣтъ, по извѣстію того же Менандра, встрѣчается въ зависимости отъ новыхъ завоевателей, которые появились одновременно съ Аварами; мы говоримъ о Туркахъ, впослѣдствіи называемыхъ Хазарами.

III. Іорнандъ. Манасія. Легенда Ѳеофана и Никифора о раздѣленіи Болгаръ и ихъ разселеніи.

Сличимъ извѣстія Прокопія съ извѣстіями его современника Іорнанда, епископа Равенскаго. Онъ былъ смѣшаннаго гото-аланскаго происхожденія, изъ Нижней Мизіи, и очевидно имѣлъ кое-какія свѣдѣнія о народахъ Восточной Европы; впрочемъ у него также дѣло не обходится безъ явной сбивчивости и примѣси древняго баснословія. Хотя понятію о Гуннахъ онъ не придаетъ такого обширнаго объема какъ византійскіе историки, однако иногда относитъ къ нимъ и другіе народы, напримѣръ Болгаръ; но онъ знаетъ послѣднихъ и подъ ихъ собственнымъ именемъ.

Перечисляя современныхъ ему обитателей Скиѳіи (гл. V), Іорнандъ говоритъ о „многочисленномъ народѣ Винидовъ, имена которыхъ измѣняются по разнымъ племенамъ и различнымъ мѣстамъ, ими обитаемымъ; главныя же ихъ названія суть Склавины и Анты". Склавины, по его словамъ, живутъ отъ Мусіанскаго озера (Балатона) до Днѣстра и Вислы, а на востокъ отъ нихъ до Дуная—Анты, еще болѣе храбрые, чѣмъ Склавины. Днѣпръ онъ называетъ Дунаемъ, ссылаясь на то, что этимъ именемъ зовутъ его сами туземцы. Но восточную границу Антовъ Іорнандъ опредѣлилъ невѣрно: Днѣпръ былъ ихъ средоточіемъ (напомнимъ, что Прокопій полагаетъ ихъ сосѣдями Утургуровъ на прибрежьяхъ Меотійскаго озера). Далѣе, гдѣ-то за Агацирами надъ Понтомъ онъ помѣщаетъ жилища Булгаръ, къ несчастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными за наши грѣхи. „Отсюда-то воинственные Гунны нѣкогда двойнымъ нашествіемъ обрушились на народы. Ибо одни изъ нихъ называются Аулзягры, а другіе Авиры; тѣ и другіе обитаютъ въ разныхъ мѣстахъ. Аулзягры живутъ около Херсона, куда алчный купецъ привозитъ дорогіе азійскіе товары; лѣтомъ они скитаются по широкимъ равнинамъ, выбирая мѣста съ обильными пастбищами для своихъ стадъ; а на зиму удаляются къ берегамъ Понта. Что же касается до Гунугаровъ, то они извѣстны по куньимъ мѣхамъ, которыми снабжаютъ торговлю". Здѣсь мы видимъ у Іорнанда очевидное смѣшеніе настоящихъ Гунновъ съ тѣми народами, которые дѣйствовали съ ними за одно противъ любезныхъ ему Готовъ. Но о какомъ двойномъ нашествіи онъ говоритъ? Мы думаемъ, что тутъ надобно разумѣть, во первыхъ, движеніе настоящихъ Гунновъ, которые, соединясь съ восточными сармато-славянскими народами (упомянутыми у Амміана Марцеллина подъ общимъ именемъ Аланъ) обрушились въ IV вѣкѣ на Готовъ, что и побудило часть послѣднихъ, именно Визиготовъ, уйти на Балканскій полуостровъ. А второе движеніе конечто есть не что иное какъ изгнаніе и другой части, т. е. Остроготовъ, изъ южной Россіи тѣми же сармато-славянскими народами, Антами и Болгарами, спустя около ста лѣтъ, т. е. во второй половинѣ V вѣка; это именно та война Кутургуровъ и Утургуровъ съ

Готами, которую мы встрѣтили у Прокопія. Далѣе, что̀ такое за Гунны Аулзягры, обитающіе гдѣ-то около Херсонеса Таврическаго? По всей вѣроятности это Гунны-Утургуры Прокопія; а имя ихъ, Аулзягры (или Вулзягры?) можетъ быть представляетъ тоже, только испорченное, слово Вулгары, и Равенскій епископъ, конечно на основаніи болѣе отдаленнаго мѣста жительства, отличаетъ ихъ отъ другой вѣтви, которую онъ называетъ собственно Вулгарами, т. е. отъ Кутургуровъ Прокопія. Раздѣливъ Гунновъ на Аулзягровъ и Авировъ, Іорнандъ потомъ забываетъ сказать что нибудь объ Авирахъ; а вмѣсто нихъ говоритъ о Гунугарахъ, богатыхъ куньими мѣхами. Эти послѣдніе конечно и составляли истинно Гунское или Угорское племя, обитавшее въ странахъ Поволжскихъ и Подонскихъ, откуда вышли настоящіе Угры, и гдѣ впослѣдствіи встрѣчаемъ Буртасовъ или Мордву и другіе финскіе народцы, занимавшіеся звѣроловнымъ промысломъ.

Въ иномъ мѣстѣ своего сочиненія (гл. XXIII) Іорнандъ возвращается къ Славянскимъ народамъ, которыхъ онъ называетъ общимъ именемъ Винидовъ или Венетовъ и говоритъ: „Эти народы, происшедшіе, какъ я сказалъ, отъ одного корня, имѣютъ три имени, т. е.: Венеты, Анты и Склавы; они свирѣпствуютъ теперь за грѣхи наши.“ Мы видѣли, что послѣднее выраженіе выше онъ употребилъ именно о Болгарахъ. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о враждѣ славянскихъ народовъ къ Готамъ и о тѣхъ вторженіяхъ въ предѣлы Восточной Римской имперіи Кутургуровъ, Антовъ и Славянъ, которыя извѣстны намъ изъ писателей византійскихъ. Наконецъ, нѣкоторыя видовыя названія Гунновъ (собственно Болгаръ), приводимыя византійцами, встрѣчаются также у Іорнанда, напримѣръ: Ульцингуры (Ультинзуры Агаѳія) и Витугоры (Витигуры Менандра); но онъ не причисляетъ ихъ къ Гуннамъ, какъ это дѣлаютъ византійцы, а относитъ къ тѣмъ немногимъ народамъ, которые оставались еще въ Гунской зависимости во время Денгизиха, сына Аттилы (гл. LIII).

Но возвратимся къ судьбѣ Болгаръ по византійскимъ источникамъ.

Во второй половинѣ VI вѣка и въ первой четверти VII-го мы находимъ Кутургуровъ подъ игомъ Аваръ и вспомогательныя болгаро-славянскія дружины въ войскахъ Аварскаго кагана. Прежнее названіе Гуннами и Кутургурами начинаетъ у византійцевъ мало-по-малу замѣняться другими именами. Но до какой степени еще долго не устанавливались и путались народныя имена, показываютъ извѣстія о нападеніи на Константинополь въ 626 году, во время знаменитой борьбы императора Ираклія съ персидскимъ царемъ Хозроемъ. Между тѣмъ какъ на азіятскомъ берегу Боспора появилось персидское войско, съ европейской стороны Константинополь былъ окруженъ полчищами аварскаго кагана, союзника Хозроева. По извѣстіямъ Хроники Пасхальной и патріарха Никифора, вспомогательныя войска кагана состояли изъ Славянъ; Ѳеофанъ называетъ Булгаръ, Славянъ и Гепидовъ, при чемъ Гуннами онъ исключительно именуетъ Аваръ; а Манасія аварскихъ подручниковъ называетъ Тавроскиѳами. Когда осаждавшіе сдѣлали попытку дѣйствовать на городъ съ моря, то замѣчательно, что въ этомъ случаѣ по обыкновенію выступили не сами Авары, а ихъ славянскіе подручники на своихъ однодерев-

кахъ. Манасія говоритъ: „князья неистовыхъ Тавроскиѳовъ, собравъ корабли съ безсмѣтнымъ числомъ воиновъ, покрыли все море ладьями-однодеревками“. Народы, осаждавшіе Византію, онъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Персъ уподоблялся колючему скорпіону, свирѣпое племя Скиѳовъ ядовитому змію, а народъ Тавроскиѳскій саранчѣ, которая и ходитъ, и летаетъ“ (т. е. двигается и на сушѣ, и на морѣ. Ed. Bon. 162). Подъ именемъ Скиѳовъ тутъ разумѣются по всей вѣроятности Авары, а Тавроскиѳы очевидно означаютъ Болгарскія племена, жившія надъ самымъ Чернымъ моремъ и привычныя къ мореплаванію. Замѣтимъ, что Манасія писалъ въ XII вѣкѣ, когда именемъ Тавроскиѳовъ византійцы обозначали вообще южнорусскихъ Славянъ. Патріархъ Никифоръ, писатель первой половины IX вѣка, слѣдовательно жившій гораздо ближе къ событію чѣмъ Манасія, говоритъ, что въ морскомъ сраженіи подъ стѣнами Константинополя славянскія лодки были разсѣяны, при чемъ побито столько Славянъ, что море кругомъ окрасилось въ пурпуровый цвѣтъ; а между ихъ трупами оказались многія женщины. Послѣдняя черта совершенно совпадаетъ съ извѣстіемъ Прокопія, который замѣтилъ, что при вторженіяхъ въ Римскую имперію Гунновъ (т. е. Кутургуровъ или Болгаръ) обыкновенно послѣ ихъ схватокъ съ римскими войсками на полѣ сраженія Римляне находили женскіе трупы между убитыми варварами. Эти черты подтверждаютъ, что рѣчь идетъ все объ одномъ и томъ же племени, являющемся въ источникахъ подъ разными именами *.

Нашествіе аварскаго кагана въ 626 г. на Константинополь окончилось неудачею. По всей вѣроятности этою неудачею и происшедшимъ за тѣмъ ослабленіемъ аварскаго могущества воспользовались Болгаре, чтобы возвратить себѣ независимость. По крайней мѣрѣ по извѣстію Никифора, нѣсколько лѣтъ спустя, Кувратъ, вождь Гунногундуровъ, возсталъ противъ Аваръ, изгналъ ихъ изъ своей земли и заключилъ союзъ съ императоромъ Иракліемъ. Можно догадываться, что и самое возстаніе противъ Аваръ произошло не безъ участія византійской политики, старавшейся всегда вооружать сосѣднихъ варваровъ другъ противъ друга.

Перейдемъ теперь къ разсказу Ѳеофана, Никифора и Анастасія о раздѣленіи Болгаръ и ихъ переселеніи за Дунай, къ тому именно разсказу, на которомъ до сихъ поръ еще ученые основываютъ начальную Болгарскую исторію *.

„Гуннноболгары и Котраги — говоритъ Ѳеофанъ — первоначально обитали за Эвксинскимъ Понтомъ и Меотійскимъ озеромъ. Въ послѣднее впадаютъ великая рѣка Атель, протекающая отъ океана черезъ всю землю Сарматовъ, и рѣка Танаисъ, выходящая изъ Кавказскихъ горъ; а изъ сліянія этихъ двухъ рѣкъ образуется Куфисъ, впадающая въ Понтійское море подлѣ Некропилъ у мыса, именуемаго Баранья морда, тамъ гдѣ Меотійское озеро изливается въ Понтъ между Боспоромъ и Фанагуріей. Отъ этого озера до рѣки Куфисъ лежитъ Древняя или Великая Булгарія, которая называется ина-

* Напомнимъ, что по извѣстію Льва Діакона и Кедрина Тавроскиѳы (Руссы), воевавшіе съ Цимисхіемъ въ Болгаріи, также имѣли при себѣ женщинъ, и что между убитыми также нерѣдко находились женскіе трупы.

* Theophanis Chronographia. Ed. Bon. 545. — 550. Nicephori Patriarchae Breviarium. Ed. Bon. 38—40. Anastasii Bibliothecarii Historia Ecclesiastica. Ed. Bon. 179—182.

че страною Котраговъ, соплеменниковъ Болгаръ." Здѣсь мы видимъ, во первыхъ, очень сбивчивыя географическія свѣдѣнія. Такъ Атель, т. е. Волга, смѣшана съ Танаисомъ или Дономъ, а Куфисъ, т. е. Кубань (у древнихъ и Гупанисъ, и Танаисъ) представленъ результатомъ ихъ сліянія. Но общее указаніе на Кубанскую страну какъ на древнюю родину Болгаръ совершенно совпадаетъ съ извѣстіемъ Прокопія о первобытныхъ жилищахъ Кутургуровъ и Утургуровъ.

Во времена императора Константина (Погоната?) — продолжаетъ Ѳеофанъ—Кроватъ, вождь Булгаръ и Котраговъ, умирая завѣщалъ своимъ пяти сыновьямъ не раздѣляться между собою и общими силами бороться противъ внѣшнихъ враговъ. Но сыновья не исполнили его завѣщанія, подѣлили отцовское наслѣдіе и разошлись въ разныя стороны. Старшій, по имени Батбай (у Никифора Баянъ), съ своею частію остался на родной землѣ. Второй, Котрагъ, перешелъ на эту сторону Танаиса; четвертый двинулся въ Паннонію, гдѣ потомъ поддался аварскому кагану; пятый удалился въ Пентаполисъ или Равенскій экзархатъ. А третій братъ, Аспарухъ, двинулся за Днѣпръ и Днѣстръ и остановился на рѣкѣ Онглъ. Когда такимъ образомъ братья раздѣлились, многочисленный народъ Хазаръ покорилъ всѣ земли, лежащія за Танаисомъ около Понта и наложилъ дань на участокъ Батбая, которую „онъ платитъ до сего дня."

Дальнѣйшія, довольно запутанныя извѣстія упомянутыхъ писателей повѣствуютъ, что Болгаре Аспаруховы, находившіеся недалеко отъ Дуная, начали переходить эту рѣку и опустошать Мизію и Ѳракію. Тогда императоръ Константинъ Погонатъ предпринялъ противъ нихъ походъ (678 г.). Но походъ былъ неудаченъ, и Болгаре быстро наводнили страну между Дунаемъ и Балканскими ущельями, въ которой и поселились, покоривъ жившія здѣсь семь славянскихъ племенъ и кромѣ того племя Северянъ (Сербовъ); при чемъ Болгаре отодвинули эти племена далѣе на югъ и западъ.

Удивляться надобно тому, какимъ образомъ такіе писатели какъ Шафарикъ не обратили вниманія на очевидныя противорѣчія между подобными разсказами и несомнѣнными историческими фактами и даже между самими собою. Наприм., выходитъ, что только по смерти Кубрата, свергшаго аварское иго, Болгаре раздѣлились и большею частію покинули свою Кубанскую родину. Слѣдовательно до его смерти всѣ они жили за Меотійскимъ моремъ, на Кубани? Но извѣстно, что Авары господствовали въ Панноніи, Дакіи и вообще по сю сторону Меотійскаго моря; а на восточной сторонѣ его властвовали Турки-Хазары. То, что писатели IX вѣка изображаютъ событіемъ нѣсколькихъ лѣтъ, относя его ко второй половинѣ VII вѣка, есть не болѣе какъ обычный легендарный пріемъ, повторяющійся въ начальной исторіи едва ли не всѣхъ народовъ. Умирающій отецъ завѣщаетъ сыновьямъ жить въ единеніи и согласіи; а сыновья не исполняютъ завѣщанія и раздѣляются—все это очевидная легенда. Она сложилась конечно для того, чтобы объяснить широкое распространеніе Болгарскаго народа, котораго вѣтви къ началу IX вѣка уже простирались отъ Волги и Кавказа до Аппенинъ.

Мы видѣли, что Болгаре переходили за Дунай, нападали на Мизію, Ѳракію и доходили до стѣнъ Константинополя еще во второй половинѣ V вѣка;

но и тогда эти походы они предпринимали конечно не прямо изъ своей древней родины, съ береговъ Кубани. Совокупность всѣхъ извѣстій показываетъ, что Болгаре, вытѣснивъ Остготовъ изъ южной Россіи, вслѣдъ за ними подвинулись на западъ, и заняли нѣкоторыми своими племенами страну между Днѣпромъ и Дунаемъ. Слѣдовательно не изъ за Дона, а просто изъ за Дуная совершали они свои вторженія въ предѣлы Византійской имперіи въ теченіе двухъ столѣтій, отъ второй половины V-го до второй половины VII вѣка. Они не ограничивались одними набѣгами, нерѣдко вступали наемниками на византійскую службу, а иногда получали отъ императора земли въ Мизіи и Ѳракіи и селились тамъ съ условіемъ защищать эти земли отъ внѣшнихъ непріятелей *.

Естественный, историческій ходъ событій приводитъ насъ къ слѣдующему выводу относительно Болгаръ. Ловкая политика Юстиніана I, породившая взаимные раздоры и междоусобія князей, и наступившее за тѣмъ аварское иго задержали на нѣкоторое время ихъ переселеніе за Дунай. Но въ первой половинѣ VII вѣка въ средѣ Болгаръ, жившихъ около Дуная, повидимому совершился поворотъ къ объединенію подъ однимъ княжескимъ родомъ. Обыкновенно такое объединеніе возникаетъ подъ давленіемъ иноплеменниковъ; а Болгаръ въ то время, кромѣ Аваръ, тѣснили надвигавшіе изъ Азовскихъ степей новые родичи истыхъ Гунновъ, т. е. Угры. Является сильный князь Кувратъ, которому и удалось свергнуть аварское иго. Вслѣдъ за тѣмъ Болгаре возобновляютъ свое стремленіе за Дунай, и во второй половинѣ VII вѣка значительная ихъ часть поселяется въ Мизіи и Ѳракіи, гдѣ она находитъ нѣкоторыхъ своихъ соплеменниковъ, успѣвшихъ поселиться тамъ ранѣе, а также и нѣкоторые другіе славянскіе роды, очевидно слишкомъ слабые, чтобы противиться такому наплыву. Слѣдовательно это была только эпоха окончательнаго утвержденія Болгарскаго народа на южной сторонѣ Дуная, послѣ того какъ этотъ народъ уже долго жилъ на его сѣверной сторонѣ и высылалъ отъ себя дружины въ Мизію, Паннонію, Иллирикъ и даже за Адріатическое море. Съ удаленіемъ Болгаръ на западъ по смерти Куврата легенда связываетъ и подчиненіе Приазовскихъ ихъ родичей Хазарамъ. Но мы знаемъ, что Болгаре-Утургуры, по извѣстію Менандра, уже во второй половинѣ VI вѣка подпали зависимости отъ Турокъ, именуемыхъ потомъ Хазарами. Въ разсказѣ Ѳеофана обратимъ особое вниманіе на то, что участокъ Батбая „до сего дня платитъ дань Хазарамъ" (мы говоримъ участокъ Батбая, а не самъ онъ, какъ свидѣтельствуетъ буквальный смыслъ, приписывающій Батбаю такимъ образомъ полуторастолѣтній возрастъ). Отсюда ясно, что во время этого историка, т. е. въ первой половинѣ IX вѣка, еще существовали Болгаре въ своей древней родинѣ около Азовскаго моря и что они еще находились подъ хазарскимъ игомъ. Это свидѣтельство для насъ важно, такъ какъ къ Азовско-Кубанскимъ Болгарамъ мы возвратимся въ другомъ мѣстѣ (по поводу вопроса о Тмутраканской Руси).

Надѣемся, мы достаточно показали несостоятельность важнѣйшаго пункта Тюрко-Финской теоріи, т. е. названія Болгаръ Гуннами въ нѣкоторыхъ

* Мы видѣли, что уже Прокопій сообщаетъ о такихъ поселеніяхъ Кутургуровъ. Имя это не исчезло безслѣдно на Балканскомъ полуостровѣ: по справедливому замѣчанію Рёслера оно доселѣ живетъ въ названіи Куцо-Влаховъ (Romaenische Studien. 236).

средневѣковыхъ источникахъ. Равнымъ образомъ мы поставили на видъ недостатокъ критики со стороны европейской ученой исторіографіи, повторявшей относительно Болгаръ сомнительныя извѣстія писателей позднѣйшихъ, безъ согласованія ихъ съ писателями болѣе ранними. Теперь обратимся къ другимъ сторонамъ помянутой теоріи, т. е. къ доказательствамъ этнографическимъ и филологическимъ.

B. Доказательства этнографическія.

IV. Невѣрное мнѣніе о характерѣ Славянъ и превращеніи Болгаръ. Сосѣдство съ истинно гуннскими элементами. Сила славянскаго движенія.

Откуда на Балканскомъ полуостровѣ явилось такое сплошное и многочисленное Славянское населеніе?

По нѣкоторымъ признакамъ нѣтъ сомнѣнія, что Сармато-Славянская стихія существовала тамъ издревле рядомъ съ Кельтической и Германской; но до такъ наз. эпохи великаго переселенія народовъ эта стихія была довольно слаба. Всѣ почти согласны въ томъ, что сильный приливъ Славянъ изъ за Дуная совершился въ V вѣкѣ; особенно онъ увеличился послѣ паденія Гуннской державы и удаленія Остъ-Готовъ въ Италію. Но какимъ образомъ совершалось это переселеніе Славянъ за Дунай? Шафарикъ, постоянно проповѣдующій о необыкновенно мирномъ и кроткомъ характерѣ Славянскаго племени, говоритъ слѣдующее: „Славяне, ища новыхъ жилищъ, никогда не приходили въ Мизію и окрестныя земли разомъ, съ шумомъ и громомъ, напротивъ отдѣльными частями, тихо, и поселялись въ нихъ съ позволенія и вѣдома Греческаго правительства. Такое мирное и продолжительное переселеніе земледѣльческаго народа не могло обратить на себя вниманія Греческихъ историковъ, гонявшихся только за звукомъ оружія и количествомъ крови, пролитой на полѣ сраженія, а потому мы и не находимъ ничего въ ихъ твореніяхъ объ этомъ поселеніи.“ (Слав. Древ. т. II., кн. 1.).

Замѣчательно, что подобная характеристика мирнаго переселенія нисколько не мѣшаетъ тому же писателю изображать цѣлый рядъ славянскихъ вторженій въ предѣлы Византійской имперіи. А византійскіе историки, на которыхъ онъ ссылается, нисколько не молчатъ о томъ, что эти вторженія сопровождались всякаго рода жестокостями, совершенно не соотвѣтствующими понятію о какомъ-то кроткомъ, миролюбивомъ настроеніи Славянскаго племени. На примѣръ, Прокопій въ своей „Готской войнѣ“ разсказываетъ, какъ при одномъ вторженіи во Ѳракію, въ 550 г., Славяне сожгли живымъ римскаго военачальника Азвада, предварительно вырѣзавъ у него ремни изъ спины. (Это вырѣзываніе ремней, судя по нашимъ сказкамъ, было однимъ изъ обычныхъ пріемовъ у Славянъ). Вообще жалобы византійскихъ писателей на жестокости, совершаемыя Славянами, вполнѣ сходны съ ихъ расказами о неистовствахъ, которыя впослѣдствіи производили Руссы въ своихъ нападеніяхъ на Византію, напримѣръ въ 865 и 941 г. г. По словамъ Прокопія нападенія Славянъ производились почти ежегодно. Нападенія эти совершались, во первыхъ, Славянами уже жившими на Балканскомъ полуостровѣ, а во вторыхъ тѣми, которые приходили съ сѣверной стороны Дуная. Послѣдніе нерѣдко селились въ Мизіи, Иллиріи и Ѳракіи подлѣ своихъ одноплеменниковъ; а византійское правительство поневолѣ потомъ уступало имъ занятыя

земли съ обычнымъ обязательствомъ доставлять вспомогательныя дружины. Слѣдовательно поселеніе Славянъ въ предѣлахъ Византійской имперіи происходило совсѣмъ не тихо и незамѣтно для исторіи; напротивъ оно совершалось при громѣ оружія и сопровождалось большимъ кровопролитіемъ; о чемъ, повторяю, нисколько не думаютъ умалчивать византійскіе историки. Въ этомъ заселеніи Балканскаго полуострова Славянами безспорно главная роль принадлежала Болгарамъ; движеніе ихъ за Дунай началось со второй половины V вѣка; а во второй половинѣ VII оно завершилось окончательнымъ ихъ утвержденіемъ въ Мизіи, значительной части Ѳракіи и Македоніи. *

Въ половинѣ IX вѣка Болгарскій народъ принялъ христіанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Священное Писаніе на Славянскомъ языкѣ. Ясно, что въ это время онъ былъ народомъ уже Славянскимъ. А такъ какъ его тѣсное сожительство съ Славянами считаютъ со времени поселенія за Дунаемъ, т. е. со второй половины VII вѣка, то выходитъ, что онъ ославянился въ теченіе полутораста лѣтъ. Венелинъ очень мѣтко указалъ на эту самую слабую сторону Тунмано-Энгелевой теоріи: такое скорое и полное превращеніе могущественнаго племени завоевателей въ народность покоренныхъ, и притомъ народность совершенно чуждую, ни съ чѣмъ несообразно, и не находитъ въ исторіи никакой аналогіи. Мы снова удивляемся, какимъ образомъ глубокомысленный Шафарикъ не остановилъ своего вниманія надъ этимъ важнымъ пунктомъ и ограничился только слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Здѣсь, во многихъ отношеніяхъ, представляется намъ такое же явленіе, какое, спустя около двухъ сотъ лѣтъ, повторилось на Руси, когда къ тамошнимъ Славянамъ пришли Варяги. Предводители воинственныхъ полчищъ, правда немногочисленныхъ, но храбрыхъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, вторглись въ земли миролюбивыхъ Славянъ, занимавшихся земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, присвоили себѣ надъ ними верховную власть и, поселясь среди ихъ, такъ полюбили выгоды образованной гражданской жизни что въ короткое время породнились съ новыми своими подданными, приняли ихъ языкъ, нравы, образъ жизни и даже вмѣстѣ съ ними самое христіанство, совершенно переродились и сдѣлались изъ Уральской Чуди Подгемскими Славянами“ (ibid. 266). Мы видимъ, что незабвенный авторъ Славянскихъ древностей превращенію Финскихъ Болгаръ въ Славянъ находитъ аналогію въ такомъ же или еще болѣе быстромъ превращеніи Скандинавской Руси тоже въ Славянъ. Послѣ изслѣдованій, посвященныхъ нами вопросу о происхожденіи Руси, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что означенное сравненіе не можетъ имѣть мѣста. Никакой другой, несомнѣнно исторической, аналогіи Тюрко-Финская теорія намъ не представила. Замѣчательно, что нашъ норманизмъ въ свою очередь быстрому перерожденію Руси въ Славянъ находитъ аналогію въ такомъ же перерожденіи Болгаръ. Такимъ образомъ обѣ эти мнимыя теоріи опираются одна на другую. *

* Примѣры постепеннаго водворенія Славянъ за Дунаемъ см. въ Заселеніи Балкан. полуострова Славянами Дринова. Только жаль, что г. Дриновъ при этомъ упустилъ изъ виду главную массу Славянскаго населенія, т. е. Болгаръ, и, положась на мнѣнія Шафарика и другихъ авторитетовъ, не подвергъ анализу доказательства Тюрко-Финской теоріи.

* Тотъ же идиллическій взглядъ на совершенное подчиненіе завоевателей вліянію покоренной народ-

Перекрещеніе или смѣшеніе разныхъ народностей, порождающее новые типы, новыя національности, а также переходъ одного народа въ другой совершаются по такимъ же неизмѣннодѣйствующимъ законамъ какъ и все другое въ мірѣ; скачковъ, отступленій, идиллическихъ исключеній тутъ не бываетъ и не можетъ быть. Дунайскіе Болгаре являются передъ нами не какимъ либо смѣшаннымъ, переходнымъ типомъ, а цѣльнымъ Славянскимъ народомъ; если были постороннія примѣси, то онѣ давно уже переработаны сильною, господствующею стихіей, и оставили только нѣкоторые слѣды. А если принять означенную теорію, то мы, на оборотъ, имѣли бы передъ собой быстрый переходъ сильнаго, господствующаго народа въ другой болѣе слабый и притомъ подчиненный—явленіе совершенно противорѣчащее историческимъ законамъ. Исторія какъ бы нарочно помѣстила рядомъ съ Болгарами иные народы, чтобы свидѣтельствовать о невозможности подобныхъ переходовъ. Вотъ уже около 1000 лѣтъ какъ орда Угровъ поселилась посреди Славянъ; однако они не только не ославянились, а напротивъ благополучно подвигаютъ впередъ мадьяризацію нашихъ соплеменниковъ. Европейскіе Турки болѣе 400 лѣтъ живутъ посреди Славянъ и Грековъ, и доселѣ еще не ославянились и не огречились. Румыны почти со всѣхъ сторонъ были окружены Славянами, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій они жили общею политическою и религіозною жизнію съ Славянскими Болгарами, имѣли церковно-славянскую письменность, и все таки не превратились въ Славянъ. Вообще Финскія племена отнюдь не легко переходятъ въ другія народности; доказательствомъ тому служитъ сѣверная и восточная полоса Европейской Россіи. Хотя племена эти не только не господствующія (каковыми были Болгаре), а напротивъ представляются лишенными всякой политической самобытности, бѣдными и слабыми; однако обрусѣніе ихъ совершается весьма медленно и постепенно, въ теченіе многихъ столѣтій, и никакихъ исключеній изъ этой постепенности мы не видимъ.

ности раздѣлялъ и многоуважаемый, слишкомъ рано похищенный смертію, Гильфердингъ. «Много ордъ— говоритъ онъ—въ теченіе вѣковъ бросалось отъ Уральскихъ горъ или изъ Средней Азіи на земледѣльцевъ Славянъ, и всѣ почти сохраняли, среди мирнаго, общительнаго племени Славянскаго, свою дикую, исключительную народность, какъ-то Авары, Мадьяры, Печенѣги, Половцы, Татары, Турки, и столько другихъ: отрадное между ними исключеніе представляютъ тѣ степные пришельцы, которые, когда и превосходили Славянъ силою оружія, склонялись передъ ихъ духовною силою и роднились съ ними, дѣлались ихъ защитниками и братьями. Таковы были Гунны, столь ненавистные Германцамъ; таковыми оказались и Болгаре.» Соч. Гильферд. (I. 26).

Если обратимся къ Болгарамъ и поищемъ какихъ либо особыхъ условій, которыя могли бы благопріятствовать ихъ быстрому превращенію въ Славянъ, то никакихъ подобныхъ условій мы не найдемъ. Сторонники Тюрко-Финской теоріи указывали на одно только смягчающее обстоятельство: малочисленность Болгаръ, покорившихъ Мизію, ибо они составляли одну пятую часть Кувратовой орды; при томъ они будто бы были отдалены отъ соплеменныхъ имъ Финскихъ народовъ. * Но эта малочисленность, которую предполагалъ уже Шафарикъ, принадлежитъ къ очевиднымъ натяжкамъ, и дѣленіе Кувратовой орды на пять равныхъ частей есть не болѣе какъ гипотеза. Мы видѣли, что вообще разсказъ объ этомъ дѣленіи имѣетъ чисто легендарный характеръ. Весь ходъ Болгарскаго дви-

* См. Черткова «О переводѣ Манасіиной лѣтописи» (стр. 64.) и Сочиненія Гильфердинга (I. 26).

женія напротивъ указываетъ, что главная масса Болгаръ сосредоточилась на Дунаѣ; при чемъ значительная часть этой массы поселилась въ Мизіи, отчасти покоривъ жившихъ тамъ Славянъ, отчасти отодвинувъ ихъ далѣе на югъ и западъ. По всѣмъ признакамъ здѣсь было многочисленное и сплошное Болгарское населеніе.

Далѣе, еслибы Дунайскіе Болгаре были Финнами, то нѣтъ никакого повода говорить объ ихъ отдаленности отъ родственныхъ имъ народовъ. Ненадобно, вопервыхъ, упускать изъ виду, что они нисколько не находились въ изолированномъ положеніи по отношенію къ другимъ вѣтвямъ своего племени. Значительная ихъ часть еще оставалась на сѣверной сторонѣ Дуная, въ Дакіи; кромѣ того, по смыслу сказанія о раздѣлѣ сыновей Куврата выходитъ, что къ части Аспаруха съ сѣверо-восточной стороны, т. е. со стороны Днѣпра и Азовскаго моря примыкалъ удѣлъ втораго брата, а съ сѣверо-западной удѣлъ четвертаго. Послѣдній удѣлъ, т. е. Болгаре Паннонскіе, поселившіеся на р. Тиссѣ, не только не теряли связи съ Нижнедунайскими Болгарами; но потомъ, когда было разрушено Аварское царство, они возсоединились съ своими соплеменниками. Еслибы Болгаре были настоящими Гуннами, то ихъ народность нашла бы могущественную поддержку и въ самомъ народѣ Аварскомъ, который исторіографія также причисляетъ къ Гуннскимъ племенамъ. Болгаре нѣкоторое время находились подъ игомъ Аваръ; но и послѣ освобожденія отъ этого ига они долгое время жили въ сосѣдствѣ съ Аварами на Дунаѣ. Однако эти два народа не только не могли слиться, но напротивъ мы видимъ между ними ожесточенную борьбу; эта борьба прекратилась только съ конечнымъ разрушеніемъ Аварскаго царства, которое было уничтожено соединенными усиліями Франковъ и Болгаръ въ началѣ IX вѣка. Болгаре „въ конецъ истребили Аваръ“ — замѣчаетъ одинъ византійскій писатель (Свида). Мы не думаемъ, чтобы это извѣстіе можно принимать буквально. По всей вѣроятности далеко не всѣ Авары были истреблены; но они конечно впослѣдствіи примкнули къ своимъ соплеменникамъ, т. е. къ412Униграмъ (если только это были дѣйствительно ихъ соплеменники).

А Угры, развѣ они далеко жили отъ Болгаръ? Нисколько. Они были ихъ сосѣдями съ незапамятныхъ временъ еще въ степяхъ Южной Россіи, откуда постепенно подвигались на западъ; уже въ первой половинѣ IX вѣка, по византійскимъ извѣстіямъ, мы находимъ Угровъ сосѣдями Болгаръ на нижнемъ Дунаѣ. Еслибы Болгаре были сами Угорское, т. е. Финское, племя, то ихъ народность послѣ Аваръ должна была получить сильную поддержку и со стороны Угровъ. Принимая въ расчетъ Болгаръ, оставшихся по ту и по другую сторону Азовскаго моря и близкія къ нимъ племена Поволжскихъ Финновъ, мы получили бы почти непрерывное Финское населеніе на огромномъ пространствѣ отъ Уральскихъ до Балканскихъ горъ. Какъ же при такихъ условіяхъ Дунайскіе Болгаре могли обратиться въ Славянъ? На оборотъ тогда бы всѣмъ Южнорусскимъ и Дунайскимъ Славянамъ грозила опасность обратиться въ Финновъ. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ рядъ Угорскихъ народовъ былъ нарушенъ великимъ Болгарскимъ племенемъ. По отношенію къ настоящимъ Уграмъ мы не только не находимъ со стороны Болгаръ какого либо родственнаго влеченія, а напротивъ видимъ туже племенную ненависть какъ и въ отношеніи Аваръ.

Наконецъ возьмемъ первоначальныхъ Гунновъ, т. е. Гунновъ Аттилы. Напрасно было бы думать, что послѣ паденія его державы эти Гунны были всѣ истреблены или ушли опять на востокъ. Напротивъ, часть ихъ уцѣлѣла въ Дакіи и Панноніи и облегчила потомъ завоеваніе этихъ странъ Аварами, точно также какъ впослѣдствіи остатки Гунновъ и Аваръ облегчили завоеваніе Среднедунайской равнины Уграми. Іорнандъ говоритъ, что часть Гунновъ съ сыновьями Аттилы удалилась на берега Понта въ мѣста, гдѣ нѣкогда обитали Готы. Очень можетъ быть, что эти Гунны потомъ вмѣстѣ съ своими родичами Уграми опять воротились въ Паннонію и помогли возстановить тамъ царство Аттилы. Кромѣ того небольшое количество настоящихъ Гунновъ вмѣстѣ съ Сарматами (т. е. Сербами) основалось въ Иллирикѣ. Далѣе, младшій сынъ Аттилы Эрнакъ поселился съ своими Гуннами на краю Малой Скиѳіи (въ Добруджѣ), рядомъ съ Аланами, которыми начальствовалъ царь Кондакъ. (Эти Алане, увлеченные Гуннами изъ Задонскихъ степей, конечно были соплеменники Болгаръ, если не передовыя дружины тѣхъ же самыхъ Болгаръ, проложившія имъ путь на Дунай). Двоюродные братья Эрнака, Эмнедзаръ и Узиндуръ, заняли сосѣднюю часть Береговой Дакіи, откуда гунскіе князья Уто и Искальмъ съ своимъ народомъ перешли далѣе на югъ: „потомки этихъ Гунновъ — прибавляетъ Іорнандъ — называются Сакромонтизіи и Фозатизіи“ (cap. L.).

Слѣдовательно, вотъ сколько гунскихъ элементовъ имѣли Болгаре вокругъ себя, и, еслибы они сами были Гуннами, то конечно ихъ народность нашла бы обильную пищу для своего сохраненія и дальнѣйшаго развитія, какъ это мы видимъ на Украхъ. А между тѣмъ на оборотъ Болгаре мало по малу ославянили всѣ чуждые элементы, очутившіеся въ ихъ средѣ. Съ другой стороны эти остатки Гунновъ, очутившіеся среди Болгаръ, по естественному ходу вещей не вдругъ поддались славянству и еще долгое время составляли чуждую народность, которая находилась въ нѣкоторомъ презрѣніи у Болгаръ и сохраняла свои разбойничьи привычки. На это указываетъ слѣдующее извѣстіе. Менандръ подъ 573 г. говоритъ, что на аварское посольство, возвращавшееся изъ Византіи, напали „такъ называемые Скамары“ и разграбили его. Ѳеофанъ подъ 764 г. также упоминаетъ о болгарскихъ разбойникахъ, „называемыхъ Скамарами“ *. Упомянутые выше Іорнандовы Сакромонтизіи по всей вѣроятности суть ничто иное какъ переиначенное названіе Скароманты или Скамары. Мы позволяемъ себѣ сблизить съ этимъ названіемъ славянское слово **скамрахъ** или **скоморохъ**. Это одно изъ многихъ народныхъ именъ, обратившихся въ бранное или насмѣшливое нарицательное имя. Аналогію съ нимъ можетъ представить наше слово **чудакъ**, происшедшее отъ народнаго имени Чудь.

И такъ, если допустить предположеніе, что Болгаре были соплеменниками Гунновъ и Угровъ, то быстрое и коренное превращеніе ихъ въ Славянъ являлось бы событіемъ не только чрезвычайнымъ, но и просто ни съ чѣмъ несообразнымъ. А потому мы смѣло можемъ утверждать, что Болгаре, пришедшіе на Дунай, не могли быть ничѣмъ инымъ какъ Славянами. Это положеніе только и можетъ объяснить намъ, почему въ слѣдъ за окончатель-

* О тѣхъ же разбойникахъ Скамарахъ говоритъ Эвгиппій въ житіи Северина. (См. Mem. Pop. II. 526).

нымъ поселеніемъ Болгаръ въ Мизіи мы видимъ усиленное славянское движеніе почти по всему Балканскому полуострову. Славянизація въ VIII вѣкѣ сдѣлала такіе успѣхи даже въ южныхъ частяхъ полуострова, что Константинъ Багрянородный замѣчаетъ: „ославянилась (ἐσθλαβώθη) и оварварилась цѣлая страна въ то время, когда моровая язва свирѣпствовала во всей вселенной, а скипетръ римскій былъ въ рукахъ Константина Копронима“ (De thematibus occidentis). Какимъ образомъ могла происходить такая славянизація въ VIII вѣкѣ, еслибы сильное и господствующее надъ Славянами племя было чуждаго имъ, финскаго происхожденія? Откуда бы вдругъ взяли силы нѣкоторые довольно слабые славянскіе народы, прозябавшіе дотолѣ на почвѣ имперіи? Да и вообще славянскій элементъ началъ громко заявлять о своемъ существованіи на полуостровѣ только съ появленія на немъ Болгаръ, т. е. съ V вѣка. Теорія, толкующая о томъ, что Дунайскіе Славяне по своему мирному характеру даже не были способны ни къ какимъ заявленіямъ, а ждали для этого предводителей, которые пришли къ нимъ въ видѣ чуждаго и совершенно несимпатичнаго для нихъ Угорскаго племени (какъ Славяне Русскіе ждали прихода Варяговъ, чтобы заявить міру о своемъ существованіи) — эта теорія совершенно произвольная, не основанная ни на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ и прямо несообразная съ историческимъ смысломъ. Очевидно пришествіе Болгаръ подкрѣпило славянскій элементъ на Балканскомъ полуостровѣ и сообщило славянскому движенію такую силу, что Византійская имперія должна была напрячь всѣ средства своей высшей гражданственности, чтобы положить преграду этому движенію. Благодаря превосходству своей организаціи, ей удалось не только остановить его, но впослѣдствіи произвести движеніе обратное, т. е. потрясти, ослабить Болгарское государство и снова огречить многія мѣстности, сдѣлавшіяся почти славянскими *.

V. Черты нравовъ и обычаевъ у Дунайскихъ Болгаръ. Ихъ одежда и наружность. Мнимыя связи съ Камскими Болгарами.

Если обратимся къ другому ряду доказательствъ Тюрко-финской теоріи — къ обычаямъ, то и здѣсь найдемъ, что эти доказательства набросаны поверхностно, имѣютъ только подобіе научныхъ пріемовъ и лишены всесторонняго, критическаго разсмотрѣнія. Вотъ въ какомъ видѣ онѣ изложены у Шафарика. „Равномѣрно образъ жизни и обычаи природныхъ булгарскихъ государей, рѣшительно не славянскіе, напр., принесеніе людей и звѣрей въ жертву богамъ, священное омовеніе ногъ въ морѣ, множество женъ, пада-

* Рѣшенію вопроса о народности Болгаръ можетъ способствовать особое изслѣдованіе о той болгарской колоніи, которая по баснословному разсказу византійцевъ перешла въ Италію прямо отъ Азовскаго моря съ пятымъ сыномъ Куврата. А по извѣстіямъ Фредегерія (гл. 72) и Павла Діакона (кн. V. гл. 29) просто дружина Булгаръ, «происходившихъ изъ Азіатской Сарматіи», бѣжала изъ Баваріи отъ преслѣдованій короля Дагоберта въ числѣ 700 человѣкъ подъ начальствомъ своего князя Альзека, и около 667 года поселилась въ герцогствѣ Беневентскомъ съ дозволенія короля Гримоальда. Они заняли здѣсь три селенія: Сепино, Изернію и Бояно (И эту-то дружину, въ 700 человѣкъ, размѣстившуюся въ трехъ селеніяхъ новая исторіографія считала пятою частью всего Болгарскаго народа!). Дальнѣйшія судьбы этой колоніи неизвѣстны. Въ XV вѣкѣ въ тѣхъ же мѣстахъ поселились новые славянскіе выходцы, именно изъ Сербіи. (См. о томъ «Письма» де-Рубертисъ въ Чтен. Об. И. и Д. 1858. I). Обращаемъ на этотъ предметъ вниманіе нашихъ славистовъ. Можетъ быть когда нибудь имъ удастся открыть слѣды упомянутой Болгарской колоніи въ мѣстныхъ средневѣковыхъ источникахъ, каковы: грамоты, преданія, топографическія имена и т. п.

ющихъ при видѣ князя ницъ на земь лицемъ и славящихъ его, песеніе, впереди войска конскаго хвоста вмѣсто знамени, клятва на обнаженномъ мечѣ и разсѣченіе при этомъ собакъ на части, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, біеніе пойманнаго вора дубиной по головѣ и боданіе желѣзными кривыми крюками въ ребра, ношеніе широкихъ шароваръ по обычаю Турковъ, сидѣнье, поджавъ колѣна, задомъ на пятахъ (по обычаю Персовъ), предпочтеніе лѣвой стороны правой, какъ почетнаго мѣста". (271—272).

Нынѣ доказано, что для рѣшенія этнографическихъ вопросовъ сходство и различіе обычаевъ представляютъ самую слабую основу; что общія черты быта и религіи могутъ встрѣчаться у народовъ нетолько не родственныхъ по происхожденію, но даже живущихъ въ совершенно разныхъ частяхъ свѣта и не имѣющихъ никакихъ сношеній между собою. Поэтому доказательства подобнаго рода надобно строить съ большою осмотрительностію и отличать существенныя, дѣйствительно-родственныя черты отъ общихъ, принадлежащихъ не столько извѣстной народности, сколько извѣстной степени гражданственности или вліянію одного народа на другіе сосѣдніе и особенно на покоренные. Поборники Тунмано-Энгелевой теоріи, во первыхъ, не обратили вниманія на весьма ясныя свидѣтельства источниковъ. Общія черты встрѣчаемъ уже у Амміана Марцелина при описаніи быта и характера Гунновъ и Аланъ: Алане („древніе Массагеты" — поясняетъ Амміанъ) такой же кочевой, конный и воинственный народъ, какъ и Гунны. Мало того, у Аланъ находимъ черты, прямо тождественныя съ краснокожими дикарями Новаго Свѣта, напримѣръ скальпированіе непріятельскихъ головъ. Однако Алане никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ Монгольскимъ и Татарскимъ племенамъ, съ понятіемъ о которыхъ мы привыкли связывать представленіе о кочевомъ, конномъ народѣ. Любимый напитокъ Татаро-монгольскихъ кочевниковъ составляетъ кумысъ или кобылье молоко; но, какъ извѣстно, древніе Литовцы и Сарматы также употребляли этотъ напитокъ. Тотъ же Амміанъ, восхищаясь храбростью Аланъ, объясняетъ воинственный характеръ Персовъ тѣмъ, что они родственнаго происхожденія со Скиѳами-Аланами (другіе писатели называютъ Аланъ Сарматами); этимъ свидѣтельствомъ положительно рѣшается вопросъ о принадлежности послѣднихъ къ Арійской семьѣ. А Болгаре вышли именно изъ той страны и изъ той группы народовъ, которую Амміанъ описываетъ въ IV вѣкѣ подъ общимъ именемъ Аланъ, обитавшихъ за Дономъ и Азовскимъ моремъ, и мы имѣемъ полное право заключить, что Болгаре принадлежали къ Скиѳо-Сармато-Аланской группѣ.

Далѣе, Прокопій, описывая нравы Склавинъ и Антовъ, говоритъ: „Они ведутъ образъ жизни суровый и грубый какъ Массагеты, и подобно послѣднимъ покрыты грязью и всякою нечистотою; злые и лукавые люди между ними очень рѣдки; но при своемъ простосердечіи они имѣютъ гуннскіе нравы" (De Bello Goth. l. III, c. 14). Какого же болѣе яснаго свидѣтельства можно требовать отъ источниковъ, чтобы видѣть всю несостоятельность упомянутыхъ доводовъ? Склавины и Анты, т. е. Дунайскіе и Русскіе Славяне, имѣютъ гуннскіе нравы. Если подъ Гуннами подразумѣвать здѣсь настоящихъ Гунновъ, то на основаніи тѣхъ же пріемовъ можно повторять мнѣніе Венелина о славянствѣ Аттилы и его Гун-

новъ, что́ однако въ наше время едва ли возможно доказывать серьезно. Но мы видѣли, что Прокопій подъ именемъ Гунновъ разумѣетъ преимущественно Болгарскія племена, которыя въ его время играли едва ли не главную роль въ политическихъ отношеніяхъ имперіи со стороны Дунайской границы, и для насъ совершенно понятно постоянное сопоставленіе съ ними Антовъ и и Придунайскихъ Склавиновъ. Въ разсказахъ его о нападеніяхъ на имперію мы обыкновенно встрѣчаемъ то раздѣльно, то въ совокупности, эти три народа: Гунны, Анты и Склавины. Въ его описаніи войнъ Вандальской и Готской въ числѣ вспомогательныхъ или наемныхъ войскъ опять встрѣчаются тѣже Гунны, Анты и Склавины; они преимущественно упоминаются въ качествѣ отличныхъ конниковъ и стрѣлковъ. Общее или родовое названіе Гунновъ, какъ мы уже говорили, замѣняется у Прокопія иногда видовыми именами Кутургуровъ и Утургуровъ, а иногда другимъ общимъ названіемъ Массагетовъ. (Припомнимъ, что Амміанъ Массагетами называетъ Аланъ). Итакъ о сходствѣ бытовыхъ чертъ у Славянъ и у Болгаръ мы имѣемъ положительное свидѣтельство Прокопія, который самъ видѣлъ ихъ и могъ наблюдать ихъ нравы, сопровождая Велизарія въ его походахъ. Слѣдовательно и съ этой стороны, на которую, повторяемъ, можно опираться весьма условно и осмотрительно, источники говорятъ совсѣмъ не въ пользу Тюрко-Финской теоріи.

Если сравнимъ нѣкоторые обычаи въ частности, то опять встрѣтимъ общеславянскія или общеварварскія черты. На примѣръ, клятва на обнаженномъ мечѣ была также въ обычаѣ у Руссовъ; употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, было присуще чуть ли не всѣмъ варварскимъ народамъ; мы находимъ его у Германцевъ даже въ VI вѣкѣ, если припомнимъ исторію Лонгобардскаго короля Альбоина. Знамена или стяги съ конскимъ хвостомъ (столь свойственныя народу, недавно вышедшему изъ кочеваго, коннаго быта), предпочтеніе лѣвой стороны, сидѣніе поджавъ колѣна на пятахъ (притомъ „по обычаю Персовъ", народа совсѣмъ не турецкаго), широкіе шаровары (по извѣстію Ибнъ-Фоцлана бывшіе въ употребленіи также у Руссовъ) и пр. и пр. — все это такія черты, которыя никакъ нельзя признать финскими по преимуществу.

Извѣстно, что нѣкоторыя принадлежности одѣянія, а также прическа и борода не только въ наше время, но и во всѣ времена подвергались разнымъ вліяніямъ или такъ наз. модѣ. Болгаре издавна жили въ сосѣдствѣ съ Гуннскими народами, значительное время находились въ зависимости отъ Гунновъ и Аваръ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если по одному византійскому свидѣтельству (Свида) въ костюмѣ ихъ оказалось кое-что общее съ Аварами. Но уже самое свидѣтельство, будто „Болгаре перемѣнили свою одежду на аварскую" (Mem. P. I. 758), показываетъ, что Болгаре и Авары не считались однимъ и тѣмъ же племенемъ. Какую именно одежду заимствовали Болгаре у Аваръ Свида не объясняетъ; прическа у этихъ народовъ была различная. Ѳеофанъ и Анастасій говорятъ, что Авары носили длинные волосы, отброшенные назадъ и переплетенные тесемками; а остальная внѣшность ихъ была похожа на гуннскую (Mem. Pop. I. 644). Но, какъ мы видѣли, подъ Гуннами въ тѣ времена у византійцевъ разумѣлись преимущественно Болгаре. Прокопій, говоря о партіяхъ цирка, описываетъ ихъ мод-

ный костюмъ и прическу, которыя они усвоили себѣ по образцу Массагетовъ или Гунновъ; а извѣстно, что и Гунны, и Массагеты у него означаютъ именно Болгаръ. Главныя черты этой моды составляли: оголенныя щеки и подбородокъ, подстриженная кругомъ голова съ пучкомъ волосъ на затылкѣ, рукава одежды, очень узкія у кисти рукъ и весьма широкія къ плечу, плащи, исподнее платье и разные виды „гуннской обуви" (Hist. Arcana, c. VII). Изъ этихъ сопоставленій мы можемъ только заключить, что Болгаре и Авары носили прическу разную, а одежда ихъ была похожа.

Что обычай стричь бороду и голову принадлежалъ собственно Болгарамъ, подтверждаетъ одно болгарское извѣстіе, именно роспись первыхъ князей. Тамъ прямо сказано, что пока они держали княженіе объ ону (сѣверную) сторону Дуная, были „съ остриженными главами." (Обзоръ Хронографовъ. Андр. Попова. I. 25). Слѣдовательно послѣ утвержденія въ Мизіи и Ѳракіи болгарская аристократія начала измѣнять свою прическу, конечно подъ вліяніемъ византійскимъ. Такимъ образомъ, описанные Львомъ Діакономъ, бритый подбородокъ Святослава и его оголенная голова съ чубомъ, какъ оказывается, представляли черты общія съ древними Болгарами; только русскіе князья долѣе болгарскихъ сохраняли старыя привычки. Впрочемъ съ одной стороны уже въ вѣкъ Святослава не всѣ Руссы брили бороду; нѣкоторыя отпускали ее и завивали въ гриву (Ибнъ-Хаукалъ), а съ другой въ томъ же вѣкѣ встрѣчаются болгарскіе вельможи все еще съ подбритою кругомъ головою (Liutprandi, Legatio). *

Обратимъ вниманіе исторической этнографіи на бритые болгарскіе подбородки. Развѣ это собственно гуннская черта? Настоящіе Гунны были безбороды, о чемъ имѣемъ прямое свидѣтельство Амміана Марцеллина; только онъ напрасно объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что имъ при самомъ рожденіи дѣлали на щекахъ какія-то нарѣзки. Истые чудскіе народы, еще не смѣшавшіеся съ Арійцами, и въ наше время представляютъ тотъ же почти безбородый типъ, не дѣлая никакихъ нарѣзокъ на щекахъ (Остяки, Вогулы и Самоѣды) *.

Если отъ волосъ и одежды перейдемъ къ типу лица, то и здѣсь не найдемъ никакихъ извѣстій, чтобы Болгаре имѣли общія черты съ настоящими Гуннами, которые поражали Европейцевъ своимъ безобразіемъ. Современные намъ Болгаре въ большинствѣ имѣютъ чистый южнославянскій типъ. Если же и встрѣчаются (особенно въ Подунайской равнинѣ) многія физіономіи съ типомъ тюрко-финскихъ народовъ, то это объясняется историческими судьбами Болгаръ. Многія примѣси гуннскія и угорскія вошли въ Болгарскій организмъ еще до утвержденія ихъ за Дунаемъ; но и послѣ того долгое время продолжался приливъ тюркскихъ элементовъ. Припомнимъ

* «Bulgarorum nuntium, ungarico more tonsum» говоритъ Ліутпрандъ. Но почему же «остриженнаго по угорскому обычаю»? Оголенная кругомъ голова составляла древнеболгарскій обычай, какъ то доказываютъ Прокопій и Роспись болгарскихъ князей. Очень можетъ быть, что и къ Уграмъ этотъ обычай перешелъ отъ Болгаръ.

* Вотъ одно изъ очевидныхъ доказательствъ, что Понтійскіе Скиѳы не были ни Чудь, ни Монголы: фигуры этихъ Скиѳовъ на разныхъ предметахъ, добытыхъ раскопками въ Южной Россіи, снабжены отличными бородами. Обычай брить бороды, можетъ быть, распространился между ними во времена римскаго господства на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Такъ, по словамъ Діона Хризостома, въ I вѣкѣ по Р. Х. между жителями Ольвіи, бывшими полугреческаго, полуварварскаго происхожденія, онъ встрѣтилъ человѣка, который былъ остриженъ по римски, чтобы показать себя другомъ Римлянъ.

только, что послѣ истребительныхъ войнъ Цимисхія и особенно Василія II, когда Болгарское государство ослабѣло и подчинилось Византіи, многія мѣстности Болгаріи запустѣли. Въ теченіе X вѣка мы видимъ рядъ Печенѣжскихъ вторженій; а въ XI цѣлыя орды Печенѣговъ поселились въ равнинныхъ частяхъ Болгаріи съ позволенія Византіи. За Печенѣгами послѣдовали вторженія и колонизація Половцевъ, за Половцами Татары; наконецъ и Турки Османскіе также внесли свою долю. И замѣчательно, какъ сильна и живуча была коренная славянская народность Болгаръ: она усвоила себѣ всѣ чуждые элементы, ибо всѣ эти обрывки тюркскихъ народностей сдѣлались Болгарами по языку и быту; но онѣ оставили многіе слѣды въ наружномъ типѣ и въ характерѣ новыхъ Болгаръ. Кромѣ того неблагопріятное вліяніе чуждыхъ примѣсей отразилось впослѣдствіи въ недостаточномъ стремленіи къ національному единству и къ самобытности. И такъ мы видимъ Болгаръ въ постоянномъ и очень тѣсномъ соприкосновеніи съ народами тюрко-финскими, съ самаго начала ихъ исторіи до послѣднихъ вѣковъ. Есть ли какая вѣроятность, чтобы при такихъ условіяхъ они могли обратиться въ чистыхъ Славянъ и противостоять всѣмъ чуждымъ примѣсямъ, еслибы они не были коренною славянскою народностію? Конечно нѣтъ. Историческіе законы непреложны.

„Болгаре — говоритъ Шафарикъ — приносили людей и звѣрей въ жертву богамъ.“ Да какой же народъ, находившійся на степени варварства, этого не дѣлалъ? Извѣстно, что жертвоприношенія, и даже человѣческія, были въ обычаѣ у Руссовъ еще во второй половинѣ X вѣка. Въ числѣ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ у Болгаръ было разсѣченіе собакъ на части. Но и Руссы дѣлали тоже самое, судя по извѣстію Ибнъ-Фоцлана. Болгарскіе судьи пытали воровъ и разбойниковъ батогами и желѣзными крючьями. Но пытки, и самыя варварскія, существовали у народовъ болѣе образованныхъ. Какія же это доказательства финскаго племени?

Продолжимъ выписку доводовъ, приводимыхъ Шафарикомъ въ пользу неславянскаго происхожденія: „раннее укорененіе магометанства между Подунайскими Булгарами, слѣды коего, по словамъ папы Николая, можно было видѣть у нихъ даже и по обращеніи въ христіанскую вѣру (860—866), особенно многоженство, принятіе святыни распоясавшись, покровеніе головы турбаномъ въ храмѣ, суевѣрное убіеніе животныхъ, сарацинскія книги и т. п. Вѣроятно Дунайскіе Булгары, и по утвержденіи своемъ въ Мизіи, продолжали прежнія дружескія сношенія съ братьями своими, оставшимися на Волгѣ, отъ коихъ, безъ сомнѣнія, еще въ VIII вѣкѣ приняли первыя начала магометанства, уступившаго послѣ мѣсто христіанству“. (272). Мнѣніе о магометанствѣ Дунайскихъ Болгаръ какъ мы видимъ, построено на весьма слабыхъ основаніяхъ. Эти основанія заимствованы преимущественно изъ Отвѣтовъ папы Николая I въ 866 г. *) Только что окрещенные Болгаре обратились къ папѣ Николаю I съ просьбою возвести Болгарію на степень отдѣльнаго патріархата и при этомъ предложили рядъ вопросовъ, имѣвшихъ цѣлію разъяснить нѣкоторыя ихъ недоумѣнія относительно новой религіи. Изъ этихъ вопросовъ, на которые папа прислалъ свои отвѣты, ясно видно, что Болгар-

*) Responsa ad consulta Bulgarorum. Acta Conciliorum. Ed. Harduin. V, 353.

скій народъ держался еще многихъ языческихъ обычаевъ. На примѣръ, вопросъ: „можно ли имѣть двухъ женъ и, если нельзя, то какъ поступать съ имѣющими“—этотъ вопросъ нисколько не служитъ признакомъ мусульманства; многоженство есть черта языческая, и оно существовало у всѣхъ славянскихъ народовъ. Далѣе, обычай распоясываться, приступая къ какому либо священному дѣлу, ношеніе какой то полотняной повязки на головѣ (ligatura lintei), которую новообращенные не привыкли еще снимать входя въ церковь; продолжавшіяся въ народѣ идольскія жертвоприношенія—все это суть несомнѣнные остатки язычества.

Изъ всѣхъ вопросовъ болгарскихъ только одинъ имѣетъ отношеніе къ магометанству. „Что дѣлать съ нечестивыми книгами, которыя мы получили отъ Сарацинъ и имѣемъ у себя?“ — спрашиваютъ Болгаре. „Непремѣнно сжечь“—отвѣчаетъ папа. Но что это за сарацинскія книги и отъ кого онѣ были получены, о томъ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній. Неизвѣстно, были ли то чисто-мусульманскія книги или принадлежали какой либо восточной сектѣ, предшественницѣ болгарскаго богумильства. Предметъ тѣмъ болѣе темный, что о мусульманской пропагандѣ тутъ совсѣмъ не упоминается. Въ заключеніе своихъ вопросовъ Болгаре умоляютъ дать имъ чистую и совершенную христіанскую вѣру: „ибо — говорятъ они — въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ то Греки, Армяне и другіе, которые учатъ насъ различно.“ Но если въ Болгарію приходили проповѣдники изъ разныхъ странъ, то могла проникать и магометанская проповѣдь, особенно при помощи многочисленныхъ славяно-болгарскихъ колоній, которыя поселились въ Малой Азіи въ VII и VIII вв. Такъ напримѣръ, въ царствованіе императора Константина Копронима, въ Болгаріи произошли сильныя междоусобія, во время которыхъ была свергнута династія Аспаруха и поставленъ князь (Телецъ) изъ другаго рода. Вслѣдствіе этихъ междоусобій множество болгарскихъ Славянъ оставили свои земли, и съ разрѣшенія византійскаго императора переселились въ Малую Азію на рѣку Артану; число этихъ переселенцевъ будто бы превышало 200,000 человѣкъ (по извѣстію Ѳеофана). Слѣдовательно, еслибы и встрѣтились дѣйствительно слѣды мусульманской пропаганды у Дунайскихъ Болгаръ, то посредниками въ этомъ случаѣ могли явиться болгарскіе колонисты въ Малой Азіи.

Впрочемъ сношенія съ Сарацинами въ тѣ времена были довольно обычны, особенно на почвѣ Византійской имперіи, гдѣ Болгаре встрѣчались съ ними то въ союзѣ съ Византіей противъ нихъ, то на оборотъ. Но Тюрко-Финская теорія совершенно упускаетъ изъ виду эту близость Малой Азіи и Сиріи и сношенія болгарскихъ царей даже съ египетскими халифами; а для подкрѣпленія своего дѣлаетъ предположенія о непосредственныхъ связяхъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими и о сильномъ магометанскомъ вліяніи съ береговъ Камы на берега Дуная. Во первыхъ, магометанство утвердилось въ Камской Болгаріи только въ X вѣкѣ; а въ VIII если и начали проникать туда начатки этого ученія, то еще весьма слабые. Во вторыхъ, источники не упоминаютъ ни о какихъ сношеніяхъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими. Ближе къ послѣднимъ жили Болгаре Таврическіе и Таманскіе; но и тѣ остались чужды мусульманству, хотя оно проникло въ сосѣднюю съ ними Хазарію. Итакъ всѣ эти предположенія о

мусульманствѣ Дунайскихъ Болгаръ очевидно вызваны желаніемъ привести ихъ въ живую связь съ Камскими (о которыхъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ). Но, повторяемъ, источники нисколько не согласуются съ такимъ желаніемъ.

VI. Торговые договоры. Начало письменности и христіанства у Болгаръ.

Сами послѣдователи Тюрко-Финской теоріи указываютъ на черту, которая находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этой теорій. „Булгары принесли изъ Волжскихъ степей замѣчательную способность къ воспринятію цивилизаціи“ — замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Византійско-Славянскаго міра, — и указываетъ за тѣмъ на ихъ торговую дѣятельность. * И дѣйствительно, едва Болгаре утвердились въ Мизіи, какъ вошли въ торговыя сношенія съ своими сосѣдями. Болгарія вскорѣ сдѣлалась торговою посредницею между Византіей, Германіей, Западно и Восточно-Славянскими землями. Это значеніе ея мѣтко опредѣлила наша лѣтопись, вложивъ въ уста Святослава извѣстныя слова, что въ Переяславль на Дунаѣ „сходятся вся благая“ изъ разныхъ странъ. Торговля производилась въ тѣ времена особенно по рѣчнымъ и морскимъ путямъ; а судоходство, какъ извѣстно, не въ характерѣ чисто-степнаго Чудско - Татарскаго народа. Послѣднюю черту подтверждаютъ не только Гунны, Хазары, Печенѣги, Половцы, Татары, но и современные Угры, которые, не смотря на свой внѣшній европеизмъ, не сдѣлались торговымъ народомъ, хотя они прежде жили около береговъ Чернаго моря, потомъ владѣли частію береговъ Адріатики и живутъ на такой судоходной рѣкѣ какъ Дунай. Болгаре, на оборотъ, какъ только утвердились за Дунаемъ, то первымъ ихъ стремленіемъ было захватить морскія гавани, каковы: Одиссосъ (Варна), Истрополисъ, потомъ Анхіалъ, Месемврія, Бургасъ, Созополисъ.

На постоянную, значительную торговлю Болгаръ съ Византіей указываютъ торговые договоры Болгарскихъ князей съ Греками, совершенно подобные такимъ же договорамъ князей Русскихъ. Первый извѣстный намъ договоръ былъ заключенъ княземъ Кормезіемъ (а по мнѣнію нѣкоторыхъ Тервелемъ) при императорѣ Ѳеодосіѣ Адрамитинѣ въ 714 или 715 году. Статьи этого договора опредѣляли цѣны наиболѣе дорогихъ товаровъ, постановляли взаимную выдачу бѣглыхъ преступниковъ и вмѣняли въ обязанность купцамъ имѣть печати или правительственныя клейма на своихъ товарахъ. Договоръ этотъ конечно былъ письменный, ибо спустя около ста лѣтъ болгарскій царь Крумъ посылаетъ угрожающее письмо къ императору Михаилу Рангаба и требуетъ мира не иначе какъ на основаніи Кормезіева договора (Ѳеофанъ и Анастасій). А въ промежуткѣ между Кормезіемъ и Крумомъ мы имѣемъ извѣстіе того же Ѳеофана о договорѣ Болгаръ съ Греками при Константинѣ Копронимѣ, въ 774 г., при чемъ обѣ стороны обмѣнялисъ письменными договорами и граматами. (Theoph. Ed. Bon. 691 и 775).

Какъ значительна была торговая конкуренція болгарскихъ купцевъ съ греческими въ самой Византіи, показываютъ событія второй половины IX вѣка. Въ царствованіе Льва VI Философа по интригѣ греческихъ купцовъ, подкупившихъ кого слѣдуетъ, склады болгарскихъ товаровъ въ 888 г. были пе-

* L'Empire Grecque au X siecle. Par Rambaud. Paris 1870.

реведены изъ Константинополя въ Солунь. Хотя это былъ второй послѣ столицы торговый городъ имперіи, однако положеніе болгарской торговли значительно измѣнилось къ худшему: болгарскія суда должны были огибать весь Ѳракійскій полуостровъ и проходить мимо Константинополя, чтобы достигнуть Солуня. Въ тоже время пошлины на ихъ товары были увеличены. Знаменитый болгарскій царь Симеонъ горячо принялъ къ сердцу жалобы своихъ торговцевъ, и отсюда возникла его жестокая война съ Греками. Въ этомъ случаѣ мы опять находимъ разительную аналогію съ Руссами, которые воевали съ Греками за нарушеніе торговыхъ договоровъ и притѣсненія своихъ купцовъ. Самая торговля русская съ Константинополемъ очевидно шла объ руку съ торговлей болгарской, и во многомъ за ней слѣдовала. Замѣчательны также и общіе мореходные пріемы Руссовъ и Болгаръ. Какъ тѣ, такъ и другіе не достигли развитія своихъ морскихъ силъ, и оба народа повидимому не пошли дальше своихъ лодокъ-однодеревокъ, которыя были пригодны для рѣчнаго и морскаго плаванія. Еще въ 626 г., во время осады Константинополя аварскимъ каганомъ, мы видѣли на Боспорѣ эти лодки Тавроскиѳовъ-Болгаръ. Тѣже болгарскія однодеревки встрѣчаемъ у береговъ Малой Азіи и спустя около 100 лѣтъ послѣ того, при императорѣ Львѣ Изавріанинѣ (Nicephor. Ed. Bon. 63). Дальнѣйшему развитію морскихъ силъ конечно воспрепятствовали относительно Руси кочевыя орды, которыя отрѣзали ее отъ моря, а относительно Болгаріи политическій упадокъ царства во второй половинѣ X вѣка и наступившая затѣмъ потеря самобытности. Приливъ тюркскихъ народовъ, т. е. Печенѣговъ и Половцевъ, въ XI вѣкѣ, также немало задержалъ развитіе болгарской образованности.

Рѣчь о болгарской торговлѣ приводитъ насъ къ вопросу о началѣ болгарской письменности. Обыкновенно это начало возводятъ ко времени крещенія царя Бориса и апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія, т. е. ко второй половинѣ IX вѣка. Но вѣрно ли это мнѣніе? Отвѣчаемъ отрицательно. Мы видѣли существованіе письменныхъ договоровъ съ Греками уже до царя Бориса; первый извѣстный намъ (по Ѳеофану) договоръ относится къ 714 или 715 году. Если съ этимъ даннымъ сопоставимъ упомянутое выше извѣстіе Прокопія о посольствѣ князя Утургуровъ Сандила къ императору Юстиніану въ 551 г., при чемъ посолъ излагалъ свое порученіе изустно, то придемъ къ слѣдующему предположенію: болгарская письменность возникла въ періодъ времени между второю половиною VI-го и первою четвертью VIII-го вѣка. Но какая же это была письменность? Конечно славянская. Посольскія грамоты и письменные договоры съ Греками предполагаютъ при греческомъ текстѣ и существованіе славянскихъ переводовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе находимъ при договорахъ Олега и Игоря.

Свидѣтельства о письменныхъ договорахъ и посланіяхъ болгарскихъ царей не принадлежатъ къ какимъ либо позднѣйшимъ извѣстіямъ, сложившимся подъ вліяніемъ собственно Кирилло-Меѳодіевой грамоты; доказательствомъ тому служитъ самъ авторъ этихъ свидѣтельствъ Ѳеофанъ, который жилъ ранѣе свв. Солунскихъ братьевъ и былъ современникъ Крума. Можно предложить вопросъ: не писались ли означенные договоры на одномъ греческомъ языкѣ? Но во первыхъ, это пред-

положеніе не подкрѣпляется никакимъ свидѣтельствомъ источниковъ; во вторыхъ, тому противорѣчитъ существованіе славянскихъ переводовъ при договорахъ Руссовъ съ Греками. У насъ повторилось тоже явленіе: при княжемъ дворѣ писались грамоты на славянскомъ языкѣ прежде, нежели христіанство окончательно утвердилось въ Россіи. Притомъ два извѣстныхъ Олеговыхъ договора не были первыми русскими грамотами въ этомъ родѣ, такъ какъ въ нихъ самихъ заключаются намеки на договоры предшествовавшіе, слѣдовательно относящіеся къ IX вѣку.

На Руси начало грамоты совпадаетъ съ началомъ христіанства. Первое свидѣтельство о крещеніи Руссовъ, какъ извѣстно, заключается въ окружномъ посланіи патріарха Фотія 866 года. И у Дунайскихъ Болгаръ водвореніе письменности также по всей вѣроятности находилось въ связи съ началомъ ихъ христіанства. Исторіографія обыкновенно возводитъ христіанство Болгаръ къ крещенію царя Бориса-Михаила и его бояръ, т. е. ко второй половинѣ IX вѣка. Но она забываетъ, что это крещеніе было только окончательнымъ торжествомъ христіанства въ Болгаріи. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы при такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Византіей, въ Болгарію не проникло христіанство гораздо ранѣе. Что дѣйствительно такъ было, на это имѣемъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго и Кедрина. По ихъ словамъ преемникъ Крума Муртагонъ (или Критагонъ), княжившій въ первой четверти IX вѣка, замѣтивъ, что Болгарскій народъ мало по малу отпадаетъ отъ язычества и переходитъ въ христіанство, воздвигъ гоненіе на обращенныхъ и подвергъ казни тѣхъ, которые не хотѣли оставить новой вѣры. При этомъ упомянутые историки распространеніе христіанства между Болгарами приписываютъ плѣнному греческому епископу (Cedrenus. Ed. Bon. II. 185. Memor. Pop. II. 563). Но христіанство по всей вѣроятности уже существовало между ними. Болгаре заняли страну, населенную по большей части ихъ славянскими соплеменниками, которые искони жили на Балканскомъ полуостровѣ, входили въ составъ Византійской имперіи, и конечно если не всѣ, то отчасти были уже христіанами, когда утвердились здѣсь Болгаре. Отъ этихъ-то туземныхъ Славянъ христіанство очень рано могло проникнуть къ Болгарамъ. Есть поводы думать, что у послѣднихъ была сильная христіанская партія, съ которою язычество долго боролось. По всей вѣроятности не безъ связи съ этой борьбой происходили тѣ внутреннія смуты, которыми ознаменована исторія Болгаріи въ VIII вѣкѣ, сверженіе и убійство нѣкоторыхъ ея князей, и, можетъ быть, по преимуществу тѣхъ, которые особенно дружились съ Византіей и обнаруживали наклонность къ христіанской религіи. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ изъ второй половины VIII вѣка примѣръ князя Телерика, который принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Болгаріи; онъ удалился ко двору императора Льва IV, былъ имъ окрещенъ, женился на его родственницѣ и получилъ санъ патриція (Theophan. 698).

Язычество долго и упорно держалось между Дунайскими Болгарами конечно вслѣдствіе почти постоянныхъ войнъ съ Византіей, которая стремилась подчинить себѣ этихъ Болгаръ: они подозрительно и враждебно относились къ греческой религіи, опасаясь подчиненія не только церковнаго, но и политическаго. Какъ бы то ни было, христіанство вторгалось постепенно и неотразимо. Вотъ почему исторія не

имѣетъ никакихъ точныхъ, опредѣленныхъ свидѣтельствъ даже о крещеніи самого царя Бориса. Относительно его обращенія мы имѣемъ только двѣ скудныя легенды. Одна изъ нихъ приписываетъ это обращеніе сестрѣ Бориса, воротившейся изъ греческаго плѣна, гдѣ она просвѣтилась христіанскою вѣрою; а другая приводитъ его въ связь съ картиною страшнаго суда, нарисованнаго на стѣнѣ княжаго дворца греческимъ монахомъ-живописцемъ Меѳодіемъ (Продолжатель Константина, Кедринъ и Зонара). Третье, болѣе достовѣрное, извѣстіе говоритъ, что Борисъ принялъ христіанство во время неудачной войны съ греческимъ императоромъ Михаиломъ, чтобы получить миръ на выгодныхъ условіяхъ (Симеонъ Логоѳетъ, Левъ Граматикъ и Георгій Монахъ). Но онъ конечно былъ уже подготовленъ къ этому обращенію. Исторія даже не знаетъ въ точности года крещенія Борисова. Можемъ только приблизительно сказать, что оно совершилось вскорѣ послѣ 860 года.

Напрасно исторіографія пыталась связать введеніе христіанства въ Дунайской Болгаріи съ дѣятельностію солунскихъ братьевъ Константина и Меѳодія, имѣя при этомъ почти единственнымъ основаніемъ сходство имени послѣдняго съ упомянутымъ живописцемъ Меѳодіемъ (хотя никакое свидѣтельство не говоритъ намъ, чтобы братъ Константина былъ живописцемъ). Во первыхъ, самая хронологія едва ли допускаетъ эту гипотезу. По смыслу житій Константина и Меѳодія, почти вслѣдъ за путешествіемъ въ Козарію наступила ихъ миссія въ Моравію, и трудно предположить, чтобы братья по пути въ послѣднюю, такъ сказать мимоходомъ, крестили Болгаръ, какъ толкуютъ нѣкоторые ученые, и при этомъ снабдили ихъ (тоже мимоходомъ) славянскою грамотою. Если принять извѣстія западныхъ лѣтописцевъ, то крещеніе Бориса совершилось не ранѣе 863 или 864 года, т. е. въ то время, когда братья находились уже въ Моравіи. * Во вторыхъ, въ это самое время мы видимъ сильную борьбу между греческою и латинскою церковью за господство въ Болгаріи и колебаніе самого Бориса между этими двумя вліяніями. Если бы Борисъ былъ только что окрещенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, то нѣсколько страннымъ является его обращеніе въ 866 году въ Римъ съ вопросами, относящимися до новой религіи. Въ этихъ вопросахъ упоминается о разныхъ проповѣдникахъ въ Болгаріи, но не сдѣлано ни малѣйшаго намека на Солунскихъ братьевъ. Въ третьихъ, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы такой важный подвигъ, гораздо болѣе важный чѣмъ поѣздки къ Сарацинамъ и Козарамъ, — чтобы этотъ подвигъ, т. е. крещеніе Болгаръ и дарованіе имъ славянской грамоты, пройденъ былъ совершеннымъ молчаніемъ въ Паннонскихъ житіяхъ свв. братьевъ, если бы этотъ подвигъ дѣйствительно былъ ими совершенъ. Дунайскіе Болгаре по всѣмъ признакамъ были отчасти христіанами еще прежде Кирилла; они уже имѣли конечно славянскую грамоту, а также и начатки перевода Священнаго писанія. Если бы славянская грамота не существовала прежде у Болгаръ, а была введена только при Борисѣ, то было бы трудно и объяснить то процвѣтаніе болгарской письменности, которое началось еще при томъ же Борисѣ и достигло такой замѣчательной степени

---

* Лѣтопись Хинкмара. Pertz. I. 465. См. о томъ Byzantinische Geschichten von Weiss. Graz. 1873. (II. 79) и Viek i Djelovanje sv. Cyrilla i Methoda— Rački. U Zagrebu. 1859. (147—148). А также см. Очеркъ исторіи православныхъ церквей — Голубинскаго. Москва. 1871 (стр. 26 и 239).

при его преемникѣ Симеонѣ. Но объ отношеніи Кирилла и Меѳодія къ Славянской грамотѣ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ (по поводу Азовско-Черноморской Руси).

Итакъ, если Болгарскій народъ создалъ въ IX-X вв. богатую славянскую письменность, которою надѣлилъ и другихъ Славянъ, то спрашивается: когда же этотъ народъ былъ не славянскимъ? И могъ ли онъ быть не кореннымъ славянскимъ народомъ?

С. Доказательства филологическія.

VII. Филологическіе пріемы финноманов. Разборъ нѣкоторыхъ личныхъ именъ и отдѣльныхъ словъ.

Теперь перейдемъ въ область тѣхъ доказательствъ, на которыхъ Тюрко-Финская система въ особенности думала основать свои выводы, т. е. въ область филологіи, собственно въ область личныхъ именъ. По поводу вопроса о происхожденіи Руси, мы уже не разъ имѣли случай указывать всю несостоятельность и всю произвольность подобныхъ доказательствъ. Филологія тогда только можетъ дѣлать точные выводы, когда она имѣетъ передъ собою языки народа съ достаточнымъ количествомъ лексическаго матеріала и грамматическихъ формъ. Если филологическая наука сдѣлала огромные успѣхи въ области сравнительнаго языкознанія, то она еще слишкомъ слаба, чтобы рѣшать этнографическіе вопросы изъ области вѣковъ давнопрошедшихъ, на основаніи кое-какихъ отдѣльныхъ словъ, подобно тому, какъ наука палеонтологіи, на основаніи кое-какихъ кусковъ отъ костей, иногда опредѣляетъ объемъ и строеніе допотопныхъ животныхъ (впрочемъ не всегда достовѣрно).

Личныя имена конечно отражаютъ въ себѣ корни и характеръ словопроизводства въ народномъ языкѣ. Но чтобы добраться до этихъ корней и уяснить характеръ словопроизводства, прежде всего надобно возстановить народное произношеніе или фонетику данныхъ именъ: а это рѣдко бываетъ возможно, потому что рѣчь идетъ обыкновенно объ именахъ, уже несуществующихъ въ живомъ употребленіи и дошедшихъ до насъ въ иноземной, искаженной передачѣ, притомъ иногда въ нѣсколькихъ варіантахъ. Далѣе, личныя имена и прозвища нерѣдко переходили изъ одного народа въ другой по причинѣ близкаго сосѣдства, политической зависимости, родственныхъ союзовъ и т. п.; слѣдовательно могутъ попадаться и такія, которыя, хотя чужаго происхожденія, но не означаютъ, чтобы лица ихъ носившія принадлежали къ этому чужому племени. Наконецъ въ исторіи всякаго народа могутъ попадаться лица иноплеменныя, находившіяся на службѣ туземныхъ государей или близкихъ къ нимъ по какимъ либо другимъ причинамъ. При всѣхъ этихъ соображеніяхъ посмотримъ однако, на сколько справедливы слова Шафарика, будто „слѣдующія имена всякому безпристрастному языкоизслѣдователю представляются какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ своимъ видомъ ничего не заключающими въ себѣ славянскаго“: *

1. **Кувратъ** или **Кубратъ**. Какимъ образомъ слово, котораго основ-

* Кувратъ, Батбай, Котрагъ, Алтицей, Алзеко, Кубаръ, Аспарухъ, Тербель, Кормезій, Телецъ, Сабинъ, Паганъ или Баянъ, Умаръ, Toктъ, Черигъ, Кардамъ, Крумъ, Мортагонъ, Пресіямъ, Борисъ, Алмъ, Ахмедъ, Талибъ, Муминъ, Бонлъ, Чигатъ, Мармесъ, Книнъ, Пиболія, Алогоботуръ, Конартикинъ, Булій Тарканъ, Калутерканъ, Кракрасъ, Елемагъ, Кавканъ, Боритаканъ, Ехацій, Добетъ, Била, Боксу, Гетенъ и др. (Славян. Древн. т. II. кн. I. 269—270).

ной слогъ есть вратъ или братъ не можетъ быть славянскимъ? Развѣ рязанецъ Евпатій Коловратъ или чешская аристократическая фамилія Коловратовъ не Славяне? Тотъ же корень встрѣчается и въ началѣ нѣкоторыхъ славянскихъ именъ, напр. Вратиславъ или Братиславъ (откуда Брячиславъ). Самое Кувратъ можетъ быть сокращено изъ Колувратъ, т. е. Коловратъ. Въ росписи болгарскихъ князей (Обзоръ Хроногр. А. Попова. I. 25) оно встрѣчается еще въ болѣе сокращенной формѣ Коурʼтъ. Почти туже форму находимъ у патріарха Никифора, именно Куратъ (Κούρατος). Но и этимъ не ограничиваются его варіанты; такъ у Ѳеофана оно встрѣчается въ формѣ Кробатъ или Кроватъ. А Кроватами византійцы называли Хорватовъ— названіе, какъ извѣстно, славянское. Упомянемъ и о формѣ Курбатъ, имѣющейся въ нашихъ старинныхъ актахъ и происшедшей оттуда фамиліи Курбатовыхъ. (Не забудемъ, что личныя имена и фамильныя прозвища нерѣдко сохраняютъ слова, давно вышедшія изъ народнаго употребленія). Наконецъ, если предположимъ въ данномъ имени древнее юсовое произношеніе (Кѫвратъ), тогда получимъ почти тоже, что Кунрадъ или Конрадъ, встрѣчающееся не у Финновъ, а у Нѣмцевъ и Поляковъ.

2. Батбай. Легенда о раздѣленіи Болгаръ называетъ такъ старшаго сына Кувратова. Но это имя встрѣчается не одинъ разъ въ исторіи, хотя и съ легкими варіантами. У Іорнанда мы имѣемъ Бабая, князя придунайскихъ Сарматъ, которыхъ побѣдилъ Теодорихъ Остготскій (cap. LV). По всѣмъ признакамъ эти Сарматы были тѣже Болгаре, которые въ то время уже появились въ Придунайскихъ странахъ, куда часть ихъ послѣдовала за Остготами. А Сарматами Іорнандъ очевидно называетъ славянскіе народы, и во всякомъ случаѣ не тюркскіе. Данное имя было остаткомъ очень далекой древности. Еще Геродотъ говоритъ, что у Скиѳовъ главный богъ, соотвѣтствующій греческому Зевсу назывался Папай (Παπαῖος). Корень этого слова пат или бат общеарійскій и присутствуетъ въ словахъ означающихъ отца (собственно питателя), каковы санскр. pitar, зенд. patar, греч. πατήρ, латин. pater и пр. Онъ и доселѣ сохраняется въ нашемъ словѣ батя, батюшка, женское баба, бабушка. А у Сербовъ бабо и теперь значитъ отецъ. Напомнимъ еще, что по извѣстію Іорнанда отецъ императора Максимина, въ III вѣкѣ, былъ Готъ, по имени Мекка, а мать Аланка, по имени Абаба. Слѣдовательно, какимъ же образомъ это имя должно быть не славянское, а непремѣнно турецкое или финское? Что касается до варіантовъ, то патріархъ Никифоръ въ одномъ мѣстѣ называетъ старшаго Кувратова сына Базіанъ, а въ другомъ Баянъ.

3. Котрагъ, по легендѣ второй сынъ Куврата. Это имя подтверждаетъ только тождество Болгаръ съ Котрагами, Котрагурами или Кутургурами. Укажу на старое чешское имя Кутра. (См. Славянскій Именословъ—Морошкина).

4. Аспарухъ, четвертый сынъ Куврата. Въ упомянутой росписи Болгарскихъ князей онъ названъ Исперихъ или Исперикъ. А этотъ варіантъ указываетъ на славянскія уменьшительныя, оканчивающіяся на икъ или ко. Почему же это имя должно быть тюркское, когда самъ же Шафарикъ считаетъ его персидскаго происхожденія? Но Персидскій языкъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ арійскимъ, а въ древ-

ности былъ близокъ къ Славянскому. Что это имя дѣйствительно не финнское и не турецкое, доказываетъ существованіе его у Аланъ. А именно въ V вѣкѣ у Приска въ числѣ аланскихъ вождей упоминается Аспаръ, помощи котораго императоръ Левъ I былъ обязанъ престоломъ (Mem. Pop. IV. 336. Кромѣ того имя Гаспаръ существуетъ и у Нѣмцевъ). Аспарухъ или Асперихъ, Исперикъ конечно есть ничто иное какъ уменьшительная форма отъ Аспаръ (какъ Рюрикъ отъ Руря). Это обстоятельство подтверждаетъ ту нашу мысль, что Болгаре и Алане были родственныя сарматскія племена.

5. Тербель или Тервель, преемникъ Аспаруха. Мы не видимъ никакого основанія, подобно Шафарику, отвергать въ этомъ имени присутствіе славянскаго корня. Въ примѣръ ошибочныхъ филологическихъ толкованій знаменитаго слависта приведемъ слѣдующее. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей" (гл. 34) говоритъ, что названіе области Тервунія или Тербунія по-славянски значитъ „укрѣпленное мѣсто" (твердыня). Кажется, ясно. Но изъ современнаго славянскаго языка не легко объяснить такое значеніе, и Шафарикъ преспокойно отвергъ его. Онъ утверждаетъ, что Константинъ въ этомъ случаѣ „очень ошибся": такъ какъ въ другомъ его сочиніи (объ обрядахъ Византійскаго двора), „передѣланномъ впрочемъ въ XI вѣкѣ", читаемъ Травуны, а въ сербскихъ грамотахъ Травунійская земля. Отсюда Шафарикъ заключаетъ, что это слово есть собственно иллиролатинское Трансвунія, въ славянскомъ переводѣ Захлумье; что во всякомъ случаѣ современное названіе этой области Требинѣ „никоимъ образомъ не можетъ означать твердь, какъ это толкуетъ Константинъ". (Славян. Древн. т. I., кн. 2., стр. 445). Между тѣмъ въ данномъ толкованіи оказывается правъ византійскій императоръ X вѣка, а не славянскій филологъ XIX-го. Шафарикъ, во первыхъ, не взялъ въ расчетъ столь обычную перегласовку, въ слѣдствіе которой Тербунія (при полногласіи Теребунія) обратилась въ Требинѣ. Во вторыхъ онъ упустилъ изъ виду одно мѣсто русской лѣтописи, именно подъ 1114 годомъ. „И рече Володимеръ: требите (варіантъ теребите) путь и мостите мостъ". Здѣсь „теребить путь" очевидно употреблено въ смыслѣ укрѣплять, устроивать, и тутъ же отчасти пояснено, въ чемъ состояло это укрѣпленіе: „мостите мосты". Въ древней Россіи устройство дорогъ собственно и ограничивалось построеніемъ мостовъ и проложеніемъ гатей по топкимъ, непроходимымъ мѣстамъ. Слово теребить существуетъ у насъ и до сихъ поръ, хотя съ нѣсколько другимъ оттѣнкомъ въ смыслѣ. Слѣдовательно Константинъ совершенно вѣрно объяснилъ значеніе древней Тербуніи или нынѣшней Требинѣ въ смыслѣ тверди. Можетъ быть и личное имя Тербель (Тервель по росписи Болгарскихъ князей) одного корня съ названіемъ Тербунія, и соотвѣтственная ему форма въ древнерусскихъ именахъ была бы Тербило или Теребило, въ родѣ нашего лѣтописнаго Твердило, къ которому она подходила бы не только по формѣ, но и по значенію. (Теребиха, см. Именословъ Морошкина).

6. Кормезій, въ росписи болгарскихъ князей Кормисошъ. Опять не вижу причины, почему бы имя Кормешъ или Кормесошъ было не славянское? Почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словомъ кормчій?

7. Телецъ. Доказывать, что это слово чисто славянское было бы излишне. Укажемъ еще на имена Телѣ по влахо-болгарскимъ грамотамъ и Теля по Писцовымъ книгамъ (см. у Морошкина). Къ тому же корню относится конечно имя и другаго болгарскаго князя, жившаго въ VIII вѣкѣ, Телерика (по другому извѣстію Черигъ). Этотъ Телерикъ и выше приведенный Эсперикъ подтверждаютъ, что имена на рикъ принадлежали не однимъ Нѣмцамъ, но и Славянамъ, въ чемъ доселѣ сомнѣвались норманисты. (Шафарикъ забылъ при этомъ о собственномъ имени).

8. Баянъ. Принадлежность его языку восточныхъ Славянъ засвидѣтельствована Словомъ о Полку Игоревѣ, и корень этого имени по всей вѣроятности одинъ и тотъ же съ глаголомъ баять—говорить, вѣщать; слѣдовательно баянъ тоже что̀ вѣщунъ. Оно было въ употребленіи на Руси еще въ XIII вѣкѣ (см. Морошкина). Тоже имя носилъ одинъ изъ аварскихъ кагановъ, что̀ можетъ указывать на славянскую примѣсь у Аваръ или на родство кагановъ съ славянскими князьями. Подобно Аварамъ, славянскія имена встрѣчаются также у древне-угорскихъ князей.

9. Умаръ, по росписи Оуморъ. Мы имѣемъ довольно именъ славянскихъ и нѣмецкихъ на міръ и маръ; однако Шафарикъ сближаетъ его съ арабскимъ Омаромъ; но и въ такомъ случаѣ это не доказательство тюрко-финскаго его происхожденія.

10. Крумъ съ его варіантами Крумнъ и Кремъ. Почему бы мы не могли сблизить это имя, по его корню, съ нашими названіями: Кромы, Кремль, кремникъ и кремень?

11. Борисъ или Богорисъ. Считать подобное имя не славянскимъ, а финскимъ было бы ни съ чѣмъ несообразно. Это одно изъ самыхъ употребительныхъ славянскихъ именъ; на его распространеніе указываетъ и обиліе варіантовъ, которые встрѣчаются въ источникахъ: Борило, Борко, Борикъ, Боричъ и пр. Интересно, что кромѣ Бориса у Болгаръ встрѣчается, въ X вѣкѣ, и другое обычное древнерусское имя Глѣба (Glabas, см. Mem. Pop. II. 628).

12. Алоготуръ, одинъ изъ военачальниковъ царя Симеона. Это имя передано византійцами несовсѣмъ точно: настоящее его произношеніе конечно есть Алоботуръ. Совершенно такую же перестановку встрѣчаемъ мы у Симеона Логофета: вмѣсто Богорисъ онъ пишетъ Гоборисъ. Алботуръ есть конечно слово сложное изъ ал или ар, яр и ботуръ или богатырь. Слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь прозваніе въ родѣ Яртура Всеволода въ Словѣ о Полку Игоревѣ *.

* Почему-то у насъ существуетъ мнѣніе, что слово богатырь не славянскаго происхожденія, а заимствовано нами у Татаръ, и въ доказательство приводятъ, что до Татарскаго владычества оно не встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ. Но, во первыхъ, есть множество другихъ словъ, несомнѣнно употреблявшихся народомъ и случайно непопавшихъ въ немногіе дошедшіе до насъ памятники до-Татарской эпохи. Во вторыхъ, слова богъ и туръ несомнѣнно славянскія; почему же, будучи сложены вмѣстѣ, онѣ дадутъ татарское слово? Въ третьихъ, слово богатырь есть у западныхъ Славянъ, т. е. у Поляковъ и Чеховъ. А приведенное здѣсь имя болгарскаго военачальника показываетъ, что это слово задолго до Татарскаго владычества существовало и у южныхъ Славянъ. Слѣдовательно объясненіе его татарскимъ вліяніемъ было основано на недостаточномъ изученіи. Мнѣ уже случалось указывать на то, что у насъ продолжаетъ господствовать очевидная наклонность всякое слово, сколько нибудь трудное для объясненія, толковать иноземнымъ вліяніемъ, и что въ лексиконѣ татаро-финскихъ народовъ много общаго съ лексикономъ народовъ арійскихъ, особенно восточно-славянскихъ. Ненадобно забывать исконное и тѣсное сосѣдство этихъ народовъ еще въ древней Скиѳіи и средней Азіи. Слѣдовательно, лексиконъ той и другой группы народовъ отражаетъ вліяніе временъ еще доисторическихъ, и скорѣе

Чтобы не утомлять вниманія читателей, ограничимся примѣромъ этихъ 12 именъ изъ числа тѣхъ, которыя Шафарикъ объявилъ „незаключающими въ себѣ ничего славянскаго". Въ числѣ остальныхъ, имъ упомянутыхъ, есть такія, которыя принадлежатъ не Дунайскимъ, а Камскимъ Болгарамъ (Альмъ, Агмедъ и пр.), и слѣдовательно совсѣмъ не идутъ къ данному вопросу. Иныя имена, по ихъ искаженію или просто по трудности найти ихъ смыслъ, едва ли могутъ быть объяснены изъ какого либо языка (въ родѣ Ицбокля, Ехацій, и т. п.). Наконецъ нѣкоторыя имена могутъ быть дѣйствительно тюрко-финскія, что́ весьма естественно и нисколько не нарушало принадлежности Болгарскаго племени къ Славянскому корню. Тутъ имѣли вліяніе бывшее господство Гунновъ и Аваръ, сосѣдство Угровъ, родственныя связи княжескихъ фамилій того и другаго народа; кромѣ того въ числѣ бояръ и дружины, какъ и у насъ на Руси, были по всей вѣроятности люди дѣйствительно угро-тюркскаго происхожденія. Наконецъ Іорнандъ прямо говоритъ: „Всѣмъ извѣстно, что многія (чужія) имена усвоиваются народомъ чрезъ употребленіе; такъ Римляне часто заимствовали у Грековъ, Сарматы (Славяне) у Германцевъ, Готы у Гунновъ" (гл. IX. Онъ очевидно смѣшиваетъ вмѣстѣ имена дѣйствительно заимствованныя съ именами общими по родству корней; напримѣръ, это можно сказать относительно Славянъ и Германцевъ). Какъ имена гуннскія отчасти перешли къ Славянамъ, такъ и на оборотъ имена съ славянскимъ или германскимъ оттѣнкомъ встрѣчаются у Гунновъ, Аваръ и Угровъ; таковы: Валаміръ, Онегизъ, Баянъ, Лебедій, Вологудъ и др.

можно предположить вліяніе арійскихъ народовъ, какъ болѣе одаренныхъ и ранѣе развившихся, на сосѣдніе народы Сѣверной или Урало-Монгольской группы.

Въ своихъ статьяхъ о норманизмѣ мы уже замѣчали, что напрасно было-бы между древними именами у разныхъ славянскихъ народовъ искать непремѣнно такихъ, которыя оканчиваются на *славъ*. Послѣдняя приставка начинаетъ входить въ моду только съ IX вѣка. Многія древнія имена у всѣхъ почти славянскихъ народовъ не поддаются славянскому словопроизводству (Чехъ, Бехъ, Гериманъ, Мунъ, Бальде, Гатальдъ, Микъ, Крокъ и пр.). А туранскій оттѣнокъ особенно сильнымъ долженъ былъ явиться у восточныхъ Славянъ, т. е. Русскихъ и Болгаръ. (Относительно русскихъ именъ см. мою статью въ Р. Вѣстн. 1872. Декабрь). Впрочемъ Древнеболгарская исторія не чужда и такихъ именъ, которыя носили общеславянскій оттѣнокъ, каковы имена на *міръ*: Драгоміръ въ VIII вѣкѣ, Доброміръ въ X; въ числѣ предшественниковъ Богориса имѣемъ Владиміра, а въ числѣ его преемниковъ Властиміра. Въ упомянутой росписи Болгарскихъ князей, кромѣ тѣхъ именъ, которыя мы уже приводили, съ славянскимъ оттѣнкомъ встрѣчаются: *Гостунъ* (напоминающій нашего легендарнаго Гостомысла и князя Бодричей историческаго Гостомысла IX вѣка), *Безмѣръ* и *Севаръ* (послѣднее вѣроятно одного корня съ именемъ славянина Сваруны у Агаѳія). Въ этой росписи остаются только два первыя имени съ чуждымъ оттѣнкомъ: *Авитохолъ* и *Ирникъ*; впрочемъ самыя лица, которымъ онѣ принадлежатъ, весьма сомнительны. Роспись говоритъ, что Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ, а Ирникъ 108. Первый отзывается подражаніемъ Библіи; а второй едвали въ сокращенной формѣ не отразилъ въ себѣ

смутное воспоминаніе объ остготскомъ Ерманарикѣ, который когда-то господствовалъ надъ народами Южной Россіи, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Эрманарикъ по словамъ Іорнанда умеръ на стодесятомъ году своей жизни.

Кстати о Готахъ. Для тѣхъ, которые любятъ выводить имена древнерусскія и древнеболгарскія изъ чуждыхъ языковъ, я предлагаю рядъ готскихъ именъ изъ книги Іорнанда: Гальмалъ, Изерна, Унильтъ, Аталь (чуть не Атель, т. е. Атила), Ансила, Мекка, Книва, Респа, Ведуко и пр. Пусть означенные любители потрудятся объяснить мнѣ эти имена изъ нѣмецкаго языка или найти такія же имена у другихъ германскихъ народовъ. Если же они не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другаго, то по ихъ логикѣ придется объявить Готскій народъ не принадлежащимъ къ Нѣмецкой группѣ.

Къ числу болгарскихъ княжескихъ именъ можемъ отнести и тѣ, которыя встрѣчались намъ въ исторіи Гунновъ-Кутургуровъ и Утургуровъ, каковы Синніо, Заберганъ и Сандилъ, которыя совсѣмъ не принадлежатъ къ именамъ чисто-гуннскимъ. Первое напоминаетъ уменьшительную форму Синко въ Игоревомъ договорѣ. Заберганъ или его варіантъ Заберга можетъ быть сближенъ по корню съ Beurgus, аланскимъ княземъ V вѣка, о которомъ упоминаетъ Іорнандъ. Относительно имени Сандилъ и его варіанта Сандилхъ, если возьмемъ въ расчетъ древнее носовое произношеніе (Сѫдилъ), то получимъ чисто славянское имя Судило или Судилко (и сложное Судиславъ).

Если обратимъ вниманіе на тѣхъ Болгаръ, которые встрѣчаются въ дружинахъ Велизарія и обозначены у Прокопія подъ общими названіями Гунновъ и Массагетовъ, то и здѣсь также можно усмотрѣть славянскую стихію. Во первыхъ, нѣсколько разъ упоминается одинъ изъ предводителей конницы Айганъ или Айга, родомъ Массагетъ. А у Менандра имѣемъ Анагая или Анангая, предводителя Утургуровъ на берегахъ Меотиды (повидимому одного изъ преемниковъ Сандила); вѣроятно это имя есть варіантъ Прокопіева Айгана, хотя лицо не одно и тоже. * Далѣе въ „Готской войнѣ" Прокопія между начальниками конныхъ дружинъ встрѣчаются Массагеты Дзантеръ, Хорсоманъ и Эшманъ, имена чисто арійскія, а не тюрко-финскія. Дзантеръ напоминаетъ извѣстнаго скиѳскаго царя Дантура или Идантура. Эшманъ вѣроятно имя тождественное съ болгарскими Сисманами или Шишманами. Хорсоманъ, съ его варіантомъ Хорсомантъ, очевидно произошло отъ Славянскаго божества Хорса. (А мантъ соотвѣтствуетъ окончанію нѣмецкихъ именъ на мундъ, литовскихъ на мунтъ, славянскихъ на мутъ и мидъ).

Этотъ Хорсомантъ былъ настоящій славянскій богатырь какъ по силѣ и мужеству, такъ по излишней отвагѣ и пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ. („А Массагеты суть величайшіе пьяницы изъ всѣхъ смертныхъ" — замѣтилъ Прокопій, De Bel. Vand. L. I. c., 12).

---

* Въ Росписи болгарскихъ князей при ихъ именахъ большею частію повторяется, что они были изъ рода Дуло. Нѣтъ ли чего общаго между этимъ родоначальникомъ и означеннымъ утургурскимъ княземъ Судило? Точно также утургурскаго Анангая позволимъ себѣ сблизить съ упоминаемымъ въ той же росписи родомъ Угаинъ, къ которому принадлежалъ князь Телецъ. О Гостунѣ въ росписи сказано, что онъ былъ намѣстникъ изъ рода Ерми. Этотъ Ерми м. б. указываетъ на того-же готскаго Ерманарика. Впрочемъ у Аланъ также существовало это имя: въ числѣ сыновей упомянутаго выше Аспара былъ Ерминарикъ. А что имя Ермана или Германа не было чуждо Славянамъ, указываютъ древнечешское Гериманъ и древнерусское Ермакъ.

Однажды, когда Готы осаждали Велизарія въ Римѣ, Хорсомантъ съ нѣсколькими византійскими всадниками наткнулся на 70 непріятелей. Всадники обратили тылъ; но онъ одинъ вступилъ въ бой, отразилъ непріятелей и гналъ ихъ до самаго лагеря. Нѣсколько времени спустя, онъ былъ раненъ въ лѣвую голень, такъ что не могъ сѣсть на коня. Эта рана приводила его въ гнѣвъ, и онъ грозилъ жестоко отмстить Готамъ. Когда ему стало лучше, то разъ, по обычаю своему напившись за обѣдомъ въ полпьяна, онъ объявилъ, что идетъ на непріятелей одинъ и пѣшій. Дойдя до Пинчіанскихъ воротъ, онъ сказалъ стражѣ, что имѣетъ порученіе отъ Велизарія въ непріятельскій лагерь. Стража, зная расположеніе къ нему Велизарія, пропустила его. Непріятели почли его сначала перебѣжчикомъ; но когда онъ сталъ пускать въ нихъ стрѣлы, то на него бросилось 20 человѣкъ. Хорсомантъ побилъ ихъ и пошелъ впередъ. На него бросились новыя толпы; наконецъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ палъ, избивъ порядочное количество враговъ. Да, это историческое событіе, засвидѣтельствованное Прокопіемъ, является какъ будто отрывкомъ изъ нашихъ богатырскихъ былинъ!

Вотъ еще примѣръ изъ „Готской войны.“ Анкона едва не была взята Готами, если бы въ крѣпости на тотъ разъ случайно не присутствовали два витязя, Улимунъ Ѳракіецъ и Вулгуду Массагетъ: они приняли участіе въ сраженіи, своими мечами отразили непріятелей, но воротились въ городъ сильно израненные. Вторая половина имени Вулгуду напоминаетъ Гуды Олегова и Игорева договоровъ. Съ носовымъ звукомъ оно будетъ оканчиваться на гундъ или гандъ, и дѣйствительно въ той же Готской войнѣ встрѣчается Гуннъ Ольдогандъ и кромѣ того Гуннъ Улдахъ (съ придыханіемъ оно должно было произноситься Вулдахъ или Вулдай). Мало того, у Агаѳія изъ той же эпохи имѣемъ Регнаря. Это имя конечно тоже что готское Рагнарь, о которомъ упоминаетъ Прокопій въ Готской войнѣ; однако Регнарь Агаѳія не Готъ: онъ родомъ Гуннъ изъ племени Витигоровъ (т. е. Утургуровъ). Ясно, что подъ общими именами Гунновъ и Массагетовъ скрываются въ данныхъ случаяхъ не настоящіе Гунны или Угры, а все тѣже Славяне-Болгаре.

Довольно объ именахъ. Тюрко-Финская теорія усматриваетъ и другіе слѣды угорскихъ нарѣчій въ языкѣ Болгаръ, напримѣръ слова: боиляды, тарканъ, аулъ. Но какимъ образомъ слово „боиляды“ (boilades) можетъ быть доказательствомъ угорскаго происхожденія, когда его совсѣмъ нѣтъ въ финскихъ языкахъ? Означаетъ ли оно былей Слова о Полку Игоревѣ или просто Русское боляре, во всякомъ случаѣ оно должно быть поставлено въ числѣ доказательствъ именно славянскаго, а не финскаго происхожденія Болгаръ. Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „О церемоніяхъ Византійскаго двора“ упоминаетъ о „шести великихъ болядахъ“, какъ о высшихъ сановникахъ при болгарскомъ государѣ. Эти великіе боляды какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ тѣмъ Русскимъ „великимъ (или свѣтлымъ) боярамъ“, о которыхъ говорится въ Олеговомъ договорѣ. Тотъ же Константинъ приводитъ болгарскіе титулы Конартикина и Вулія Таркана (ibid. ὁ Κοναρτικεινος και ὁ Βουλιας Ταρκανος); эти титулы повидимому носили старшіе сыновья болгарскаго государя. Конартикинъ м. б. есть испорченное въ греческой передачѣ слово, вмѣсто Контарканъ (въ Х.

в. въ числѣ болгарскихъ пословъ въ Византіи встрѣчается Калутерканъ), т. е. вторая половина слова таже что въ титулѣ Вулій Тарканъ. А послѣднее конечно означаетъ: Велій (великій) тарканъ. Не беремся объяснить происхожденіе слова „тарканъ". Предположимъ, что оно дѣйствительно принадлежитъ восточнымъ языкамъ; но и въ такомъ случаѣ это не доказательство финскаго происхожденія Болгаръ. Извѣстно, что титулы легче всего заимствуются у другихъ народовъ (наши титулы царь, императоръ, графъ и т. п. развѣ славянскаго происхожденія?). Притомъ и самое слово „тарканъ" никѣмъ необъяснено филологически изъ финскихъ языковъ; а что въ немъ заключено слово ханъ, по толкованію Шафарика, то и это толкованіе произвольное; да намъ и неизвѣстенъ титулъ хана у народовъ собственно финскихъ. А слова на канъ, ханъ и ганъ встрѣчаются въ различныхъ языкахъ. Для примѣра укажу на персидскаго полководца Нахорагана въ VI вѣкѣ и византійскаго патриція Теодорокана въ X-мъ. Послѣдователи тюрко-финской теоріи хазаро-аварскій титулъ кагана или хакана отождествляютъ съ татарскимъ ханомъ; но такое тождество гадательное. Мы думаемъ, что титулъ кагана, ранѣе другихъ встрѣчающійся у народовъ кавказскихъ, первоначально принадлежалъ не Туранской, а Иранской группѣ. Вообще филологія при объясненіи подобныхъ словъ нерѣдко доказываетъ свой произволъ и свою несостоятельность въ рѣшеніи вопросовъ историко-филологическихъ, если она не ищетъ поддержки въ строгой исторической критикѣ.

Что касается до слова аулъ-дворецъ, будто-бы тождественнаго съ киргизскимъ aul или мадьярскимъ ol, то здѣсь по всей вѣроятности кроется какое-либо недоразумѣніе. Нѣкоторые византійскіе писатели (Ѳеофанъ и Зонара) упоминаютъ, что Греки въ 811 г. взяли Крумову авлу (αὐλήν): „такъ Болгаре называютъ жилище своего государя"—поясняетъ Зонара. Но какимъ образомъ слово „авла" можно относить исключительно къ татарскимъ или финскимъ языкамъ, когда оно существовало и въ греко-латинскихъ нарѣчіяхъ? Очень можетъ быть, что оно отъ Грековъ же перешло къ нѣкоторымъ варварскимъ народамъ, если не принадлежитъ къ элементамъ общимъ лексикону Туранской и Иранской группы. Сверхъ того представляется вопросъ: нѣтъ ли въ означенной фразѣ какого пропуска у византійскихъ писателей или собственно у Ѳеофана, у котораго заимствовали другіе компиляторы; а онъ выразился сжато: „Крумову такъ называемую авлу". Можетъ быть слѣдовало сказать: Крумову авлу или такъ называемый (дворъ? теремъ? палату? и т. п.).

Вообще развѣ это научно-филологическій пріемъ: отыскать у Болгаръ нѣсколько словъ, похожихъ на татарскія, и на этомъ основаніи утверждать, что они не Славяне? Между тѣмъ какъ Болгаре жили въ постоянномъ сосѣдствѣ именно съ Урало-Алтайскими народами и притомъ значительное время находились отъ нихъ въ зависимости. При такихъ условіяхъ въ ихъ лексиконѣ неизбѣжно должно было оказаться нѣсколько финно-тюркскихъ элементовъ; особенно эти элементы могли отразиться въ личныхъ именахъ, въ названіи высшихъ титуловъ и т. п. На такомъ основаніи и древнихъ Руссовъ можно было бы отнести къ племенамъ тюрко-финскимъ. Неговоря уже объ эпохѣ послѣ-татарской, оставившей нѣкоторые слѣды въ нашемъ лексиконѣ; но и въ до-татарскую эпоху мы встрѣчаемъ не мало именъ и словъ, имѣющихъ

родство съ финскими и тюркскими, что̀ совершенно естественно при давнихъ и близкихъ отношеніяхъ Восточныхъ Славянъ къ своимъ сѣверосточнымъ и юговосточнымъ сосѣдямъ.

VIII. Роспись болгарскихъ князей съ загадочными фразами. Признаки чистаго славянскаго языка у древнихъ Болгаръ. Заключеніе.—Къ вопросу о Днѣпровскихъ порогахъ.

Здѣсь я упомяну объ одномъ отрывкѣ, который, казалось, долженъ былъ доставить окончательное торжество Тюрко-Финской теоріи. Именно, въ интересной и весьма добросовѣстно составленной монографіи г. А. Попова Обзоръ хронографовъ русской редакціи, 1866 г. (вып. I. стр. 25) обнародована вставка изъ одного хронографа, называемаго „Эллинскимъ лѣтописцемъ", по спискамъ XVI вѣка. Эта вставка заключаетъ въ себѣ ту роспись древнихъ болгарскихъ князей, о которой выше мы имѣли случай упоминать уже нѣсколько разъ. Тутъ мы находимъ какія-то загадочныя фразы на непонятномъ языкѣ. * Послѣдователи Энгеле-Тунмановой теоріи поспѣшили объяснить эти фразы съ помощью лексикона Мадьярскаго и другихъ финскихъ нарѣчій. Выходитъ, что каждому княженію соотвѣтствовала формула, обозначающая его княженіе. Напримѣръ: „а лѣтъ ему дилом ъ твиремъ" значитъ „я исполненъ, я совершенъ"; шегоръ вечемъ—„я есмь помощникъ"; вереиналемъ—„я живу въ крови" и пр. (сочч. Гильферд. I. 23). „Обычай давать прозвище году—замѣчаетъ Гильфердингъ—обыченъ на Востокѣ, и мы можемъ полагать, что онъ былъ заимствованъ Болгарами еще когда они странствовали между Волгой, Дономъ и Кубанью. Въ нашей записи каждое княженіе имѣетъ подобное прозвище. Эти прозвища представляютъ любопытный памятникъ языка завоевателей Болгаръ до сліянія ихъ съ Славянами и служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ происхожденія орды Аспаруховой". (стр. 22).

Темныя фразы приведенной записи, по мнѣнію ихъ толкователей, суть ничто иное какъ памятникъ того финскаго нарѣчія, на которомъ говорили древніе Болгаре и который долго еще существовалъ рядомъ съ Славянскимъ языкомъ. Но такое заключеніе по меньшей мѣрѣ поспѣшно. Во первыхъ, значеніе самихъ фразъ истолковано еще слишкомъ гадательно, и они ждутъ своего разъясненія отъ знатоковъ восточныхъ нарѣчій. Затѣмъ нисколько не разъяснено происхожденіе данной записи и время, къ которому она относится. Наконецъ, къ какому бы иноплеменному языку ни принадлежали темныя рѣченія, мы не видимъ никакого повода заключать, что это именно тотъ языкъ, на которомъ говорили древніе Болгаре. Если эти рѣченія принадлежатъ языку финскому, то опять таки не забудемъ близкаго сосѣдства Угровъ и

* Приведемъ эту вставку вполнѣ:

«Авитохолъ жилъ лѣтъ 300. Родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Ирникъ жилъ лѣтъ 100 и 8; родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ. Гостунъ намѣстникъ сыи 2 лѣта; родъ ему Ерми; а лѣтъ ему дохсъ твиремъ. Коуртъ 60 лѣтъ держа; родъ ему доуло; а лѣтъ ему шегоръ вечемъ. Безмѣръ 3 лѣта, а родъ ему доуло; а лѣтъ ему шегоръ вѣчемъ. Сіи пять князь держаша княженіе обону страну Доуная лѣтъ 500 и 15 съ остриженами главами. И потомъ приде на страну Дуная. Исперихъ князь тожде и доселѣ. Есперихъ князь 60 и одино лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему вереиналемъ. Тервелъ 20 и 1 лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему теноучетемь твиремъ. 20 и 8 лѣтъ, родъ ему доуло, а лѣтъ ему двеншехтемъ. Севаръ 15 лѣтъ; родъ ему доуло, а лѣтъ ему тохалтомъ. Кормисошъ 16 лѣтъ; родъ ему вокиль, а лѣтъ ему шегоръ твиримъ. Сии же князь измѣни родъ доуловъ, рекше вихтунь винехъ; 6 лѣтъ, а родъ ему оукиль ему имяше горалемь. Телецъ 3 лѣта, родъ ему оугаинъ; а лѣтъ ему соморъ алтемъ. И сии иного родъ оуморъ. 40 дній, родъ ему оукиль, а ему диломъ тоутомъ».

остатковъ настоящихъ Гунновъ, которые могли еще долго существовать посреди Болгаръ. Въ хожденіи Аѳанасія Никитина „за три моря" встрѣчаются татарскія фразы; но можно ли отсюда заключать, что авторъ этого хожденія былъ татарскаго племени? Или предположимъ, что языкъ нашихъ офеней, существующій и до сихъ поръ, оставилъ бы слѣдъ въ какомъ либо письменномъ памятникѣ до-Петровской Руси. Можно ли заключить отсюда, что эта Русь была не славянская? Итакъ упомянутыя загадочныя фразы, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не подтверждаютъ Тюрко-Финской теоріи. Притомъ не означаютъ ли онѣ скорѣе какой либо счетъ, нежели формулу? Не имѣютъ ли онѣ какого отношенія къ сектѣ Богумиловъ? Вообще подождемъ болѣе удовлетворительнаго ихъ разъясненія прежде, нежели дѣлать какіе либо положительные выводы *.

И такъ мы не видимъ никакихъ серьёзныхъ доказательствъ существованія финскаго языка у древнихъ Болгаръ. Напротивъ, существуютъ неоспоримыя

* Въ примѣръ неудачной филологіи финноmановъ упомяну еще о доказательствахъ Рёслера. Въ своей книгѣ о Румунахъ онъ посвящаетъ особую статью происхожденію Болгаръ, гдѣ развиваетъ Тюрко-Финскую теорію и старается подкрѣпить ее новыми филологическими соображеніями. По этому поводу онъ предлагаетъ слѣдующій, повидимому весьма тонкій, пріемъ. Въ Румунскомъ языкѣ встрѣчаются слова очевидно финскаго происхожденія: а такъ какъ Румуны въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жили въ Мизіи посреди Болгаръ, откуда потомъ постепенно перешли на сѣверную сторону Дуная, то эти финскія слова будто бы суть ни болѣе, ни менѣе какъ именно тѣ элементы, которые вошли въ Румунскій языкъ изъ древнеболгарскаго. Онъ предлагаетъ примѣры нѣкоторыхъ словъ, которыя сближаетъ съ угорскими, остяцкими, самоѣдскими, эстонскими и пр. Но такое повидимому весьма тонкое соображеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Начать съ того, что самое изслѣдованіе Рёслера о происхожденіи Румунскаго народа, при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ учености и добросовѣстности, по большей части построено на шаткихъ основаніяхъ.

Въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Археологическаго общества, именно въ Мартѣ 1871 года, я имѣлъ случай высказать свое мнѣніе о происхожденіи Румунскаго народа. Въ основу его легло племя Даковъ; слѣдовательно вопросъ сводится къ слѣдующему: къ какой семьѣ народовъ принадлежали Даки? Я представилъ свои соображенія въ пользу того мнѣнія, что Даки по всей вѣроятности были племя Кельтическое. Я прибавилъ, что Румунская народность въ бурную эпоху великаго переселенія, открывшагося движеніемъ Гунновъ и закончившагося поселеніемъ на Дунаѣ Болгаръ и Угровъ, сохранилась преимущественно въ горныхъ убѣжищахъ Седмиградіи; а отсюда, послѣ перехода главной массы Болгаръ за Дунай, Румуны снова колонизовали равнинную часть древней Дакіи, т. е. сѣверную сторону Дуная (См. Древн. Моск. Арх. Об. т. III. вып. 3). Потомъ мнѣ случилось прочесть книгу Рёслера, Romänische Studien, которая вышла въ томъ же 1871 году. Онъ доказываетъ: во первыхъ, что Даки были племя Ѳракійское; во вторыхъ, будто Румунская національность во время переселенія народовъ сохранилась на югѣ отъ Дуная, откуда она потомъ колонизовала его сѣверную сторону. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ его доказательствъ; но мнѣ они показались на столько слабы, что не измѣнили моего мнѣнія. Такимъ образомъ слова изъ Румунскаго лексикона, которыя онъ считаетъ древнеболгарскими, я предлагаю объяснять сосѣдствомъ съ другимъ народомъ, дѣйствительно финскаго происхожденія, т. е. съ Мадьярами, и особенно черезполоснымъ сожительствомъ съ ними въ Седмиградіи. Но еще ранѣе Мадьяръ, предшественники ихъ Гунны также могли оставить нѣсколько словъ въ Румунскомъ лексиконѣ.

Въ языкѣ Румунъ конечно существуютъ многіе слѣды дѣйствительно болгарскаго, т. е. славянскаго, вліянія. Замѣчательно, что Рёслеръ изощряется иногда толковать финскимъ происхожденіемъ слова, очевидно славянскія. Напр. волошское lopata и булгарское лопата, въ значеніи весла, онъ производитъ отъ остяцко-самоѣдскаго lap (254). Но и въ Русскомъ мы имѣемъ слово лапа съ его производными лапоть и лопата. Или румунское tètè-сестра онъ сближаетъ съ самоѣдскимъ tati-младшая жена (256); но мы имѣемъ слово тётя, тётка, которое означаетъ сестру отца или матери. Далѣе румунское curcubeu-радуга Рёслеръ сближаетъ съ остяцкимъ названіемъ радуги paijögot, что значитъ лукъ грома, и съ самоѣдскимъ Numbanu-покровъ Нума или собственно покровъ медвѣдя. Съ помощью разныхъ натяжекъ онъ пытается доказать, что curcubeu имѣетъ почти тоже самое значеніе, слѣдовательно представляетъ отрывокъ изъ древней самоѣдской миѳологіи (256 — 259); а отсюда прямой выводъ: Дунайскіе Болгаре есть вѣтвь Остяцко-Самоѣдская! Болѣе произвольныхъ филологическихъ сближеній и выводовъ по нашему мнѣнію трудно и придумать. Здѣсь особенно оригинально то, что толкователь, объясняющій финскій элементъ въ Румунскомъ языкѣ болгарскимъ вліяніемъ, не указываетъ никакой

свидѣтельства, что языкъ, на которомъ они говорили, былъ чистый славянскій. Во первыхъ, ихъ народное названіе Болгаре или Волгаре принадлежитъ Славянскому языку; оно происходитъ отъ славянскаго слова Волга, тоже что вологa или влага. А у тюрко-финскихъ народовъ Волга, какъ извѣстно, называлась или Ра, или Атель. Далѣе, страна, въ которой Болгаре жили передъ своимъ переселеніемъ за Дунай, (по извѣстію Ѳеофана и Никифора) называлась у нихъ Онглъ, т. е. Углъ. А въ южной Россіи до сихъ поръ существуютъ рѣки съ названіемъ Угла или, какъ мы ихъ произносимъ теперь, Ингула. Послѣ переселенія за Дунай, Болгаре, при князѣ Тервелѣ, заставили Грековъ уступить южный склонъ Балканскихъ горъ около Чернаго моря. Патріархъ Никифоръ прибавляетъ, что эта область „называется нынѣ" Загорье. Стало быть, прежде, т. е. до появленія Болгаръ, она Загорьемъ не называлась. Не забудемъ при этомъ, что Ѳеофанъ и Никифоръ писали въ началѣ IX вѣка; слѣдовательно они сообщаютъ болгаро-славянскія названія еще въ эпоху, которая предшествовала предполагаемому превращенію финскихъ Болгаръ въ славянскихъ. Вообще съ появленіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ мы видимъ весьма быстрое умноженіе славянскихъ географическихъ названій въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Эпирѣ и даже въ самой Греціи, и никакого признака названій финскихъ. Тутъ мы начинаемъ встрѣчать многія имена, какъ будто прямо перенесенныя изъ Руси, каковы: Вышгородъ, Смоленскъ, Островъ, Верея, Переяславль, Плесковъ и пр. Такая черта вполнѣ соотвѣтствуетъ наводненію этихъ провинцій Славянами въ VII и VIII вв., что̀ и заставило Константина сказать: „ославянилась цѣлая страна". Ясно, что съ утвержденіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ Славянскій элементъ получилъ здѣсь сильное подкрѣпленіе, чего никакъ не могло бы случиться, еслибы Болгаре были Финны, а не Славяне. О столь быстромъ и коренномъ превращеніи господствующаго Финскаго племени въ покоренную имъ Славянскую народность, какъ мы замѣчали, не можетъ быть и рѣчи: оно противно всѣмъ историческимъ законамъ.

Если предположимъ, что Болгаре были дѣйствительно Финское племя, подчинившееся вліянію покоренныхъ, въ такомъ случаѣ оно теряло бы свою народность конечно не вдругъ, а постепенно; оно оставило бы не нѣсколько словъ, а глубокіе слѣды въ языкѣ, и не въ одномъ лексиконѣ, но и въ граматикѣ. Мало того, въ такомъ случаѣ необходимо должно было произойти смѣшеніе двухъ языковъ; а изъ этого смѣшенія долженъ выработаться новый типъ языка, даже и при полномъ преобладаніи Славянскаго элемента. Вмѣсто того мы видимъ въ IX и X вв. необыкновенно богатое развитіе болгарской письменности на чистомъ Славянскомъ языкѣ. И какой письменности! Которая легла въ основу всей славяно-христіанской образованности. А какой былъ разговорный языкъ Болгаръ въ тѣ времена? Нѣтъ ли на него какихъ указаній? Есть. Въ 1016 г., во время войны императора Василія II съ Болгарами, разъ болгарскіе лазутчики, испуганные приближеніемъ самаго Василія, поспѣшили въ лагерь съ крикомъ: „бѣжите, Цесарь!" (Βεζειτε, ὁ Τζαισαρ.

финской стихіи въ самомъ Болгарскомъ языкѣ. Но вмѣсто разносторонняго, научнаго анализа подобные толкователи идутъ отъ предвзятой идеи, т. е.: такъ какъ древніе Болгаре были Гунны или Финны, то и т. д.; а потому въ своихъ натяжкахъ и выводахъ они доходятъ иногда до наивнаго.

Кедринъ). Это уже отрывокъ не изъ лексикона, а изъ граматики (даже сохранено свойство церковно-славянскаго языка измѣнять *г* въ *з* передъ *и*, если только греческая *з* вѣрно передала звукъ). Одна эта фраза даетъ ясное понятіе, что вся масса Болгарскаго народа въ это время говорила чистымъ славянскимъ нарѣчіемъ, что̀ было бы совершенно невозможно, если предположить, что Болгаре были одного происхожденія съ Уграми.

Но если Болгаре были Славянами, то могутъ спросить насъ: почему же они съ самаго начала не названы Славянами въ источникахъ? Отвѣтимъ тоже самое, что̀ говорили въ своихъ разсужденіяхъ о Руси, т. е. Болгаре, какъ и Русь, сами себя Славянами не называли. Это имя перешло къ нимъ впослѣдствіи, когда названіе Славяне стало обобщаться, т. е. изъ видоваго дѣлалось родовымъ. Первоначально Славянами (собственно Склавинами) называлась часть Дунайскихъ и Иллирскихъ племенъ, сосѣднихъ съ Римскою имперіей. Отъ ближайшихъ сосѣдей потомъ средневѣковые латинскіе и византійскіе писатели перенесли это видовое имя и на другіе народы, т. е. на тѣ, которые были родственники Склавинамъ. Отсюда произошло обобщеніе даннаго имени, которое Славяне осмыслили, т. е. Склавовъ обратили въ Славовъ. Что это обобщеніе произошло путемъ собственно-книжнымъ, доказываетъ существующее досел̀ѣ у большинства славянскихъ народовъ невѣденіе того, что они принадлежатъ къ Славянамъ, и если они узнаютъ о томъ, то только изъ книгъ. Мало того, что Болгаре не называли себя Славянами; но безъ всякаго сомнѣнія они говорили нарѣчіемъ, которое было отлично отъ языка Славянъ, еще прежде нихъ обитавшихъ на Дунаѣ: ибо Болгаре были едва ли не самая восточная славянская вѣтвь. Безъ сомнѣнія она имѣла многія особенности въ произношеніи сравнительно съ отдаленными отъ нея Славянами югозападными. Между ними отношеніе было приблизительно такое же, какое между Готами, т. е. восточно-нѣмецкою вѣтвію, и Франками или Алеменами, т. е. западно-нѣмецкими племенами. Различіе въ языкѣ между Готами и Алеманами или между нынѣшними Шведами и Нѣмцами было даже болѣе сильное, чѣмъ между восточными и западными Славянскими народами. Сами Готы въ средневѣковыхъ источникахъ не называются ни Тевтонами, ни Германами; отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы Готы принадлежали къ иной, не Нѣмецкой группѣ народовъ.

Переселеніе восточно-славянскаго народа на Дунай въ сосѣдство съ Славянами югозападной вѣтви и объясняетъ, почему на Балканскомъ полуостровѣ явились рядомъ два такія славянскія нарѣчія, какъ Сербское и Болгарское. Странно, что филологи, толкующіе о финскомъ происхожденіи, всего менѣе при этомъ обращали вниманія на Болгарскій языкъ. Откуда же взялся этотъ древнеболгарскій или церковнославянскій языкъ, столь цѣльный, гибкій и богатый? Нѣкоторая порча и измѣненія въ этомъ языкѣ начались собственно не со времени поселенія Болгаръ за Дунаемъ, а съ приливомъ народовъ дѣйствительно тюркскихъ. Послѣдователи Тюрко-Финской теоріи, пытаясь опереться на филологію, болѣе всего погрѣшили противъ этой науки: указывая нѣсколько непонятныхъ для себя именъ и словъ, они совсѣмъ упустили изъ виду языкъ народа.

Въ заключеніе подведемъ итоги своимъ доказательствамъ въ пользу сла-

вянскаго происхожденія Дунайскихъ Болгаръ, противъ Тюрко-Финской теоріи Энгеля, Тунмана, Шафарика и ихъ послѣдователей.

1. Основатели помянутой теоріи были введены въ заблужденіе названіемъ Гунны, которое нѣкоторыми средневѣковыми лѣтописцами придавалось Болгарамъ. Но подъ этимъ названіемъ являются у нихъ разнообразные народы, обитавшіе въ Восточной Европѣ и между прочимъ народы Славянскіе. У византійскихъ писателей VI вѣка Болгаре называются или общимъ именемъ Гунновъ или частными именами Котрагуровъ, Утригуровъ, Ультинзуровъ и пр. У писателей VIII и IX вв. они называются смѣшанно то Гуннами, то Болгарами. У послѣднихъ писателей является легенда о раздѣленіи Болгаръ между пятью сыновьями Кубрата и разселеніи ихъ въ разныхъ странахъ только во второй половинѣ VII вѣка. Нѣмецкая и Славянская исторіографія приняла эту легенду за историческій фактъ, т. е. отнеслась къ ней безъ надлежащей критики, и на ней основывала начальную исторію Болгаръ; тогда какъ ихъ предъидущая исторія и ихъ движенія на Дунай расказаны писателями VI вѣка (Прокопіемъ, Агаѳіемъ и Менандромъ), но только они не употребляютъ имени Болгаре. Однимъ словомъ, новѣйшая европейская исторіографія вмѣсто того, чтобы разъяснить путаницу народныхъ именъ въ средневѣковыхъ источникахъ, строила искусственныя теоріи на основаніи этой путаницы, т. е. на сснованіи разныхъ недоразумѣній. Такимъ образомъ она упустила изъ виду ясно обозначенную въ источникахъ родину Болгарскаго народа, т. е. Кубанскую низменность; не замѣтила существованія Болгаръ Таманскихъ и Таврическихъ съ IV-го до X вѣка включительно (т. е. съ появленія Утургуровъ до извѣстій о т. наз. Черныхъ Болгарахъ), а связывала Дунайскихъ Болгаръ непосредственно съ Камскими и производила первыхъ отъ послѣднихъ. Такъ какъ коренные Гунны были племя Угро-Финское, а Камскіе Болгаре считаются тоже Финскимъ народомъ, то исторіографія объявила Финнами и Болгаръ Дунайскихъ. Но Болгаре вообще не были коренными Гуннами или Уграми; а смѣшанная народность Камскихъ Болгаръ еще недостачно разъяснена. Есть поводы думать, что это была славяно-болгарская вѣтвь, постепенно утрачившая свою народность посреди туземныхъ татаро-финскихъ племенъ. (Признаки ея славянства отразились особенно въ арабскихъ извѣстіяхъ X вѣка) *.

* Теперь, когда мы знаемъ, что древнею родиною Болгаръ была страна между Азовскимъ моремъ и нижнею Волгою, что это былъ народъ Славянскаго корня, для насъ получаютъ смыслъ тѣ арабскія извѣстія о Камскихъ Болгарахъ, которыя казались странными и несовмѣстимыми съ Тюрко-Финской теоріей. Такъ, Ибнъ-Фоцланъ, лично посѣтившій Камскую Болгарію въ первой половинѣ X вѣка, постоянно называетъ царя болгарскаго «царемъ Славянъ», городъ Болгаръ «городомъ Славянъ», и весь тотъ край «страною Славянъ». Ибнъ-Хардадбегъ называетъ Волгу «Славянскою рѣкою. «А по извѣстію Димешки Камскіе Болгаре сами считали себя народомъ смѣшаннымъ изъ Турокъ и Славянъ. Болѣе поздніе мусульманскіе писатели также отличаютъ Болгаръ отъ другихъ туземныхъ племенъ, напримѣръ, отъ «дикихъ» Башкиръ и Мещеряковъ (см. Березина, Булгаръ на Волгѣ). Если бы Волжско-Камскіе Болгаре были Финскаго происхожденія, то они легко слились бы съ мѣстными угорскими племенами, и образовали бы довольно плотную, однородную національность. Однако этого мы не находимъ. Очевидно угро-тюркскіе элементы подавляли своею массою элементъ болгаро-славянскій, но не могли его совершенно усвоить. Въ свою очередь болгаро-славянскій элементъ, положившій начало государственному быту въ томъ краю, былъ слишкомъ слабъ численно и слишкомъ изолированъ отъ другихъ родственныхъ народовъ (особенно съ принятіемъ ислама), чтобы ославянить туземные угорскіе и тюркскіе народцы. Эта борьба разнородныхъ элементовъ и объясняетъ отсутствіе опредѣленнаго національнаго типа и недостатокъ прочности въ государствѣ Камскихъ Болгаръ, не смотря на довольно развитую гражданственность. Оно легко было стерто съ лица

2. Доказательства въ пользу Финскаго происхожденія, основанныя на сравненіи народныхъ нравовъ и обычаевъ, не выдерживаютъ никакой критики. Это или черты общія разнымъ языческимъ народамъ, или прямо родственныя съ другими Славянами, и преимущественно съ восточными. Но что́ болѣе всего противорѣчитъ помянутой теоріи, это быстрое и коренное превращеніе Дунайскихъ Болгаръ въ Славянъ, превращеніе, противорѣчащее всѣмъ историческимъ законамъ. Если бы Болгаре были Финны, то они не могли бы такъ легко усвоить себѣ народность покореннаго племени, и тѣмъ болѣе, что Болгаре были не только господствующій, но и сильный, многочисленный народъ. Притомъ же въ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ находились дѣйствительно-финскіе народы, каковы Мадьяры и остатки настоящихъ Гунновъ, которые неизбѣжно должны были подкрѣпить народность Болгаръ, если-бы она была Финскою. (Одного существованія Мадьяръ довольно для того, чтобы опровергнуть всю искусственную теорію финномановъ). Вмѣсто того мы видимъ, что съ утвержденіемъ Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ славянскій элементъ получилъ здѣсь могущественное подкрѣпленіе, и началась сильная славянизація византійскихъ областей.

3. Попытки финномановъ подтвердить свою теорію филологическими данными, преимущественно личными именами древнихъ Болгаръ, также обнаруживаютъ недостатки ихъ критическихъ пріемовъ и особенно недостатки сравнительно-исторической филологіи. Толкованіе данныхъ именъ отличается произвольнымъ, одностороннимъ и поверхностнымъ характеромъ. Имена дошли до насъ большею частію въ иноземной передачѣ, въ искаженіи, безъ опредѣленнаго ихъ произношенія. Притомъ личныя имена легче всего переходили и заимствовались однимъ народомъ у другаго. Вообще это не всегда надежный элементъ для опредѣленія древнихъ народовъ. Наконецъ въ большинствѣ случаевъ есть возможность, при ближайшемъ разсмотрѣніи, отыскать славянскія основы въ болгарскихъ именахъ. Отсутствіе сколько-нибудь замѣтной финской стихіи въ языкѣ Болгарскаго народа явно противорѣчитъ теоріи финномановъ. А цвѣтущая древнеболгарская или церковнославянская письменность, которою Болгаре надѣлили и другіе Славянскіе народы, окончательно уничтожаетъ эту теорію.

Исходя отъ добытыхъ нами выводовъ относительно Болгарской народности, въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ о началѣ Руси мы надѣемся объяснить, что тѣ южнорусскія племена, о которыхъ мимоходомъ упоминаетъ наша начальная лѣтопись, именно Угличи и Тиверцы, были племена собственно болгарскія. Угличи Русской лѣтописи, какъ извѣстно, отождествляются съ Ультинами Константина Багрянороднаго, которыхъ онъ упоминаетъ въ числѣ Славянъ, подвластныхъ Руси. Но эти Ультины, называемые Славянами у византійскаго писателя X вѣка, суть несомнѣнно тоже самое что Ультинзуры, которыхъ Агаѳій, писатель VI вѣка, относитъ къ Гуннамъ (т. е. къ Болгарамъ).

Разъясненіе Болгарской народности незамѣтно для самого автора привело его между прочимъ къ разрѣшенію од-

---

исторіи наплывомъ Татарской орды. Но уже самое существованіе промышленныхъ, торговыхъ городовъ и вообще способность къ цивилизаціи обнаруживаютъ, что высшій слой населенія не былъ чисто-Финскій.

ного изъ тѣхъ недоумѣній, которыхъ онъ коснулся въ своихъ предыдущихъ изслѣдованіяхъ. Именно, доказывая принадлежность Славянамъ обѣихъ параллелей, славянской и русской, въ извѣстныхъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Б., мы тогда замѣтили: „Впрочемъ, какому именно племени первоначально принадлежали такъ-называемыя славянскія имена пороговъ, Славянамъ сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ, чѣмъ Кіевская Русь, рѣшить пока не беремся" (О мним. призв. Варяговъ. Рус. Вѣст. 1871. Ноябрь). Въ настоящее время, когда мы знаемъ, что къ югу отъ Кіевской Руси жили племена славяноболгарскія, можемъ уже прямо предположить, что славянская параллель въ именахъ пороговъ представляетъ ни болѣе, ни менѣе какъ болгарскіе варіанты болѣе древнихъ, т. е. славянорусскихъ, названій. И если филологи безъ предубѣжденія взглянутъ на эти варіанты, то убѣдятся, что они дѣйствительно заключаютъ въ себѣ признаки церковнославянскаго, т. е. древнеболгарскаго, нарѣчія.

Точно также и нѣкоторыя другія обстоятельства начальной Русской исторіи, казавшіеся доселѣ несовсѣмъ понятными, получаютъ смыслъ съ разъясненіемъ начальной исторіи Болгаръ. Напримѣръ, теперь, когда мы знаемъ, что послѣдніе съ IV или V вѣка встрѣчаются на Кубани и въ восточной части Крыма и живутъ тамъ еще въ IX вѣкѣ, теперь устраняется и самый вопросъ о томъ, кто такое были и гдѣ обитали Черные Болгаре, упомянутые въ Игоревомъ договорѣ и въ сочиненіи Константина „Объ управленіи имперіей." А эти Черные Болгаре въ свою очередь до нѣкоторой степени выясняютъ происхожденіе русскаго Тмутараканскаго княжества и ту роль, которую игралъ Корсунь въ исторіи нашего христіанства. Такимъ образомъ мы все болѣе и болѣе убѣждаемся въ несостоятельности тѣхъ легендъ и тѣхъ искусственныхъ теорій, которыя затемнили собою начальную Русскую и вообще Славянскую исторію.

Д. Иловайскій.

ЛОРДЪ МАЛЬМСБЮРИ О РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II-Й *).

1779-Й ГОДЪ.

1.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА КЪ ГЕРЦОГУ СУФФОЛЬКУ.

Петербургъ, 11-го Января 1779.

Умиротвореніе въ Германіи подвигается безпрепятственно, и такъ какъ здѣшній Дворъ считаетъ себя единственнымъ двигателемъ этого полезнаго дѣла, то здѣсь и наблюдаютъ за успѣхомъ онаго съ особеннымъ удовольствіемъ. Небольшая доля времени, удѣляемая графомъ Панинымъ на занятія дѣлами, вполнѣ посвящается этому предмету, а объ остальныхъ дѣлахъ имперіи онъ заботится также мало, какъ будто бы они вовсе до

*) См. I-ю книгу, Р. Архива сего года, стр. 1465.

него не касались. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что подобная же апатія начинаетъ овладѣвать императрицею, и я всякій день болѣе и болѣе опасаюсь той неблагопріятной для насъ перемѣны мыслей, о которой я уже упоминалъ вамъ, милордъ. Что́ касается до частной жизни ея императорскаго величества, въ ней ежедневно усиливаются распущенность и разсѣянность, и общество ея часто собирается изъ самого низкаго слоя ея придворныхъ.

Здоровье императрицы, конечно, страдаетъ отъ ея образа жизни, и это обстоятельство неминуемо усиливается вслѣдствіе соображеній, являющихся ей всякій разъ, какъ она даетъ себѣ время спокойно обдумать послѣдствія своего настоящаго поведенія. Она продолжаетъ оказывать мнѣ необыкновенное отличіе, и я все еще не отчаяваюсь рано или поздно добиться отъ нея личнаго разговора о дѣлахъ; а пока этого не произойдетъ, я не могу ожидать успѣха ни въ какомъ предпріятіи по той причинѣ, что императрица, далеко превосходя умомъ всѣхъ своихъ министровъ, остается въ тоже время единственнымъ лицомъ въ имперіи, сохраняющимъ нѣкоторое предпочтеніе къ намъ.

2.

Петербургъ, 29 Января 1779.

Внутренность Двора за эти послѣднія двѣ недѣли представляла и до сихъ поръ еще представляетъ зрѣлище безпрерывныхъ безпорядковъ и интригъ. Императрица выразила намѣреніе выбрать новаго любимца, вслѣдствіе чего тотчасъ же появилось множество претендентовъ. Друзья Страхова сильно надѣялись, что ему будетъ позволено публично признать за собой ту степень благосклонности, которою онъ по общимъ предположеніямъ давно уже пользовался частнымъ образомъ; но его собственное неосторожное поведеніе, въ связи съ упрямствомъ, не дали сбыться ихъ преждевременнымъ мечтамъ; и, вѣроятно, ея императорское величество остановилась бы на Левашевѣ, маіорѣ гвардейскаго Семеновскаго полка, еслибы молодой человѣкъ, по имени Свисковскій [1]), покровительствуемый госпожею Брюсъ и выдвигаемый ею въ качествѣ преемника Корсаку, не нанесъ себѣ удара кинжаломъ, отъ горя и досады, причиненныхъ ему неудачею. Рана не смертельна; и хотя были употреблены величайшія усилія для того, чтобы скрыть отъ императрицы настоящую причину этого необдуманнаго поступка, тѣмъ не менѣе онъ ее чрезвычайно обезпокоилъ и, вѣроятно, будетъ причиною, что за Корсакомъ сохранится его званіе по крайней мѣрѣ до весны. Потемкинъ и госпожа Брюсъ уже не дѣйствуютъ за одно; и князь до того завидуетъ вліянію, пріобрѣтенному этою дамою надъ его царственной повелительницей, что употребляетъ всевозможныя средства, чтобы замѣнить ее госпожею ***, двоюродной сестрой маршала **** и похожею на него какъ воспитаніемъ, такъ и характеромъ и правилами [2]). Госпожа Брюсъ, къ несчастію, возъимѣла пламенную страсть къ Корсаку, и это обстоятельство много облегчитъ Потемкину исполненіе его намѣренія. Въ случаѣ, если оно удастся, послѣдніе остатки приличія и этикета, которые до сихъ поръ наружно соблюдаются Дворомъ, исчезнутъ окончательно, а съ ними вмѣстѣ погибнетъ и всякая надежда на перемѣну въ правахъ императрицы. Съ великимъ княземъ и съ великой княгиней Потемкинъ и его партія обращаются, какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія. Великій князь чувствуетъ это пренебреженіе и имѣетъ слабость высказывать это въ разговорѣ, хотя не властенъ сдѣлать ничего болѣе. Великая княгиня поступаетъ въ этомъ случаѣ съ гораздо бо̀льшей осторожностью и осмотрительностью, и я думаю, что ея поведеніе вполнѣ согласуется съ письмами, получаемыми ею отъ его Прусскаго величества. Въ весьма серіозномъ разговорѣ, который я на дняхъ имѣлъ съ Орловыми насчетъ этихъ предметовъ, они оба соглашались, что для

[1]) Не Швейковскій ли? *П. Б.*

[2]) Звѣздочки въ подлинникѣ.—А. Н. Нарышкина? *П. Б.*

нихъ было бы далеко не невозможно возвратить себѣ милость императрицы; но въ тоже время они говорили, что характеръ ихъ теперь на столько перемѣнился противъ того, чѣмъ былъ прежде, что они никакъ не могли бы быть увѣренными удержаться и что поступокъ такого рода необходимо навлекъ бы на нихъ вражду великаго князя, между тѣмъ какъ для нихъ было въ высшей степени важно сохранить за собой его расположеніе, имѣя въ виду то обстоятельство, что безпокойное настроеніе императрицы и ея неправильный образъ жизни должны неминуемо сократить ея жизнь и причинить преждевременную смерть. Вслѣдствіе этихъ причинъ они уѣзжаютъ въ Москву, намѣреваясь жить тамъ въ полномъ уединеніи, но въ тоже время всегда готовые явиться на первый зовъ, такъ какъ, несмотря на перемѣну обращенія съ ними императрицы, они никогда не будутъ въ состояніи забыть всего, чѣмъ были ей обязаны.

3.

Петербургъ, 12 Февраля 1779.

Милости императрицы ко мнѣ превосходятъ всякую мѣру, и мнѣ невольно приходитъ на мысль, что эта необыкновенная благосклонность имѣетъ цѣлью ввести меня въ заблужденіе. Уже не разъ въ разговорѣ со мной она отзывалась съ величайшей насмѣшкой о Шведскомъ королѣ, и не далѣе какъ вчера разсказывала мнѣ, что вотъ уже три мѣсяца какъ у ней лежатъ въ карманѣ три сантиментальныя посланія этого монарха, на которыя она еще до сихъ поръ не отвѣчала. Всякій разъ, какъ мнѣ случалось попробовать навести ее на разговоръ о предметахъ, насъ касающихся, она или хранила молчаніе, или заговаривала о другомъ. Постараюсь увидѣть инструкціи, данныя офицеру, который отправляется съ небольшою эскадрою и думаю, что изъ нихъ мы можемъ познакомиться съ истинными намѣреніями этого Двора.

4.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ВЪ МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Петербургъ, 5-го Апрѣля 1779.

Когда я писалъ въ послѣдній разъ, я имѣлъ основаніе предполагать по словамъ графа Панина, что черезъ нѣсколько дней мнѣ предстояла возможность отправить курьера; но изъ того, что онъ сказалъ мнѣ вчера, я предвижу, что отъѣздъ онаго все еще остается подъ сомнѣніемъ. Вамъ, милордъ, слишкомъ хорошо извѣстны привычки этого Двора, чтобы удивляться подобной отсрочкѣ; но на этотъ разъ причина оной заключается не въ одномъ только нерадѣніи или невнимательности. Наши побѣды въ западной и въ восточной Индіяхъ доказали имъ неоспоримо, что наша національная сила и искусство остаются на прежней степени. Затрудненія же, появляющіяся на конференціяхъ въ Тешенѣ, и возможность ихъ неуспѣшнаго окончанія внушаютъ имъ опасеніе насчетъ ихъ собственнаго положенія; и они чувствуютъ, что, вмѣсто того, чтобы раздавать миръ другимъ Европейскимъ державамъ, имъ самимъ могутъ понадобиться (и въ весьма недалекомъ будущемъ) помощь и благорасположеніе друга столь сильнаго, какъ Англія. Опытъ научилъ ихъ, что судьба ихъ переговоровъ съ Турками вполнѣ зависитъ отъ оборота дѣлъ въ Германіи, такъ какъ языкъ Порты постоянно переходилъ отъ самаго миролюбиваго къ враждебному, смотря по тому, что казалось правдоподобнѣе.

Черезъ нѣсколько дней это неопредѣленное состояніе должно выясниться, и первый курьеръ отъ князя Репнина рѣшитъ политическую систему этого Двора. Если онъ привезетъ войну, они станутъ искать союза съ нами, и я полагаю, отъ насъ будетъ зависѣть заключить его на легчайшихъ для насъ условіяхъ. Въ случаѣ же, если онъ привезетъ извѣстія о мирѣ, тщеславіе ихъ достигнетъ своихъ границъ, и мы принуждены будемъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, прежде чѣмъ добиться

отъ нихъ истинныхъ выгодъ. Правда, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императрица желала бы черезъ свое вмѣшательство покончить нашу ссору съ Франціей; но какъ бы ни было хорошо ея расположеніе и какъ бы ни было глубоко ея собственное сужденіе, я вовсе не полагаюсь ни на добрую волю, ни на способности тѣхъ, кого она по необходимости изберетъ своими орудіями.

5.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА КЪ ЕГО ОТЦУ.

Петербургъ, 3-го Іюня 1779.

Мнѣ удалось заслужить благосклонность императрицы. Она постоянно приглашаетъ меня играть съ нею въ карты, а нѣсколько дней тому назадъ взяла меня съ собой, въ обществѣ только двоихъ придворныхъ, въ загородный дворецъ, гдѣ она помѣстила портреты всѣхъ коронованныхъ лицъ Европы. Мы много толковали объ ихъ различныхъ достоинствахъ, а еще больше о важныхъ недостаткахъ новѣйшихъ живописцевъ, занимающихся портретами, такъ какъ изъ всего собранія, за исключеніемъ портрета одного изъ нашихъ старшихъ принцевъ, написаннаго Вестомъ, нѣтъ ни одной картины, „обладающей рисункомъ", живостью красокъ и мыслью. Императрица называетъ это мѣсто la Grenouillère (лужа, въ которой живутъ лягушки) и сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Уеджвудъ весьма кстати и выгодно помѣстилъ свое произведеніе, на которомъ изображена зеленая лягушка. Это произведеніе представляетъ различные рисунки деревенскихъ домовъ и садовъ въ Англіи. Намъ его также показали, и это подало намъ поводъ къ разговору объ Англійскомъ садоводствѣ, въ которомъ императрица большой знатокъ. Далѣе мы коснулись Блакстона, при чемъ она просто озадачила меня своими познаніями; по моему, она сама годилась бы въ судьи: такъ хорошо ей извѣстны наши законы и наша конституція. Это отличіе государыни привлекаетъ мнѣ доброжелательство и вниманіе ея подданныхъ; они до того привыкли благоговѣть передо всѣмъ, что̀ она можетъ быть только не осуждаетъ, что ихъ предупредительность доходитъ до крайности, которая уже становится тягостна.

6.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ ВИКОНТУ УЕЙМОУТУ [3]).

Петербургъ, 24-го Мая 1779.

Образъ дѣйствій этого Двора во всѣхъ важныхъ Европейскихъ вопросахъ, успѣхъ, сопровождающій всякій шагъ ихъ общественной дѣятельности, а рядомъ нерадѣніе и недостаточность ихъ администраціи—суть факты, повидимому, до того противоположные одинъ другому, что въ будущемъ они должны будутъ казаться невѣроятными. Для тѣхъ, которые, живя внѣ Россіи, судятъ о ней по великимъ результатамъ, достигаемымъ повсюду ея силою и вліяніемъ, должно казаться, что страна эта руководится въ своихъ дѣйствіяхъ высочайшимъ разумомъ и что нѣтъ ни малѣйшаго недостатка въ главныхъ частяхъ ея управленія. Съ другой стороны, кто находится въ этой имперіи и видитъ, съ какимъ непонятнымъ несовершенствомъ составляются всѣ ихъ планы и какія неспособныя орудія избираются для ихъ исполненія, для тѣхъ лицъ остается только удивляться, какъ не встрѣчаютъ они неудачи во всемъ, что̀ предпринимаютъ. Очевидно, что причину тому можно приписать только случаю: случайное стеченіе интересовъ, бѣдствія смутъ и анархіи, отъ которыхъ Россія страдала менѣе остальныхъ Европейскихъ державъ и, если смѣю такъ сказать, нѣкотораго рода предпочтеніе счастія, которое сопровождаетъ всякое дѣйствіе этого Двора—все это, вмѣстѣ взятое, не только спасло страну отъ величайшихъ опасностей, но даже возвысило ее на

[3]) Секретарю при иностранныхъ дѣлахъ, по смерти герцога Суффолька.

степень величія и могущества, до которой едва ли достигало честолюбіе самой государыни. Что слѣдствія эти достигнуты именно тѣми причинами, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ и что Россія, хотя временно, обладаетъ этимъ превосходствомъ, надѣюсь, эти оба обстоятельства составляютъ факты до того неопровержимые, что вы, милордъ, легко согласитесь съ ними; поэтому я не буду долѣе распространяться на этотъ счетъ. Продолжительность этого высокаго значенія составляетъ еще вопросъ, подлежащій сомнѣнію; и, имѣя цѣлью, на сколько отъ меня зависитъ, облегчить вамъ, милордъ, опредѣленіе его твердости и стойкости, я приступлю къ подробному, однако, надѣюсь, неутомительному описанію характеровъ, нравовъ и правилъ тѣхъ, кто управляетъ имперіей.

Сама императрица, задолго до того времени, какъ судьба имперіи попала въ ея руки, уже приготовилась къ этому дѣлу: будучи еще великой княгиней, она употребляла всѣ свободные часы, такъ сказать, на собираніе тѣхъ матеріаловъ, которые сдѣлали первыя семь или восемь лѣтъ ея царствованія однимъ изъ блестящихъ періодовъ Русской исторіи. Тогда она управляла систематично, послѣдовательно и съ достоинствомъ. Мы должны отнести ея первую политическую ошибку къ тому времени, когда она допустила его Прусское величество пріобрѣсти сильное вліяніе въ ея совѣтахъ. Скоро за тѣмъ послѣдовало несчастное раздѣленіе Польши, Шведская революція, а съ тѣхъ поръ и всѣ неестественныя связи и неполитическія мѣры, которыхъ мы были свидѣтелями. Но личный ея характеръ и образъ дѣйствій потерпѣли еще бо̀льшій ударъ, когда она лишила своихъ милостей князя Орлова: такъ какъ онъ, хотя не отличался особеннымъ умомъ, но, будучи человѣкомъ безукоризненной прямоты и честности, охранялъ ее отъ растлѣвающей лести, которой теперь она такъ жадно внимаетъ; а такъ какъ она имѣла къ нему самую искреннюю привязанность, то ради его сдерживала тѣ непозволительныя чувства, которымъ съ тѣхъ поръ дала такую широкую волю. Дворъ ея, управлявшійся сначала съ величайшимъ достоинствомъ и съ полнымъ соблюденіемъ внѣшняго этикета, мало по малу сдѣлался зрѣлищемъ распущенности нравовъ, которая усилилась такъ быстро, что въ непродолжительное время, мною здѣсь проведенное, нравы и привычки совершенно измѣнились. На возвращеніе къ лучшему нѣтъ болѣе надежды; и если только императрицу не озаритъ внезапный и чудесный лучъ свѣта въ такомъ возрастѣ, когда уже слишкомъ поздно исправляться, мы не можемъ ожидать благопріятной перемѣны ни въ ея частной жизни, ни въ общественной дѣятельности.

Князь Потемкинъ управляетъ ею самымъ неограниченнымъ образомъ; изучивъ до тонкости ея слабости, желанія и страсти, онъ пользуется ими, направляя ихъ согласно съ своими цѣлями. Кромѣ этого сильнаго вліянія, онъ держитъ ее въ постоянномъ страхѣ великаго князя и убѣдилъ ее, указывая на многочисленныхъ друзей и приверженцевъ, имъ пріобрѣтенныхъ, что одинъ только онъ можетъ во̀ время открыть злоумышленіе съ этой стороны и защитить ее отъ него. Онъ съ удивительной хитростью съумѣлъ опровергнуть все, высказанное самымъ опаснымъ его врагомъ, графомъ А. Орловымъ [4]), объяснивъ передъ императрицей, что поведеніе его имѣло причиной лишь переходъ его къ противной партіи; а князя онъ выставилъ въ жалкомъ и смѣшномъ видѣ, увѣряя, что онъ тронулся въ разсудкѣ послѣ небольшаго припадка паралича, и постоянно насмѣхаясь надъ его необдуманнымъ и страннымъ супружествомъ. Слѣдуя все тѣмъ же правиламъ, онъ внушилъ императрицѣ презрѣніе и недовѣріе по отношенію къ остальнымъ членамъ правительства. Гр. Панина и кн. Рѣпнина онъ

---

[4]) А. Орловъ въ томъ замѣчательномъ разговорѣ съ императрицей, о которомъ упоминалось выше, такъ высказался о кн. Потемкинѣ: «Я достовѣрно знаю, что у Потемкина нѣтъ истинной привязанности къ вашему величеству; его единственная цѣль—собственная выгода; его единственное замѣчательное качество—хитрость» (Р. Арх. 1866 г., стр. 597).

описываетъ, какъ совершенно зависящихъ отъ великаго князя; вице-канцлера и нѣкоторыхъ другихъ, имена которыхъ неизвѣстны вамъ, милордъ, онъ представляетъ какими-то чернорабочими службы и ставитъ ихъ во всякомъ отношеніи ниже вниманія ея императорскаго величества. Такимъ образомъ въ одно и тоже время, потворствуя ея преобладающей страсти и постоянно поддерживая тѣ опасенія, которыя въ ней такъ естественны, онъ упрочиваетъ за собой свое вліяніе гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно удается любимцу государя съ самодержавной властью. Я бы не отдалъ ему должной справедливости, если-бы не упомянулъ, что онъ обладаетъ необыкновенной проницательностью, свѣтлымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ; и если-бы онъ употреблялъ на управленіе имперіей половину тѣхъ стараній, которыя онъ растрачиваетъ на придворныя интриги, мы скоро бы увидѣли ее совершенно въ другомъ состояніи.

Графъ Панинъ, къ которому императрица никогда не имѣла искренняго расположенія, теперь сдѣлался предметомъ ея ненависти; онъ съ своей стороны, несмотря на свою высокую должность, оказываетъ на столько сочувствія оппозиціи, на сколько то возможно въ такой странѣ. Вслѣдствіе этого недовѣрія государыни къ нему, а также его собственнаго страннаго характера, становится весьма затруднительно вести съ нимъ дѣло: ибо, хотя слова „прямота" и „откровенность" не сходятъ у него съ языка, но, мнѣ кажется, онъ мало соображаетъ съ ними свое поведеніе; и, не смотря на то, что, повидимому, онъ обладаетъ качествомъ, называемымъ Французами bonhomie (добродушіе), я имѣлъ слишкомъ много доказательствъ его хитрости, чтобы не убѣдиться, что именно это свойство составляетъ основную черту его характера.

Насчетъ характера и поступковъ великаго князя и великой княгини я могу сказать только нѣсколько словъ. Онъ, вслѣдствіе природной застѣнчивости и непостоянства нрава, которое не сглаживается съ лѣтами, не можетъ оправдать опасенія, внушаемыя княземъ Потемкинымъ императрицѣ, равно какъ окажется неспособнымъ управлять этой огромной и буйной имперіею. Великая княгиня отличается самыми добродѣтельными свойствами и справедливостью въ поступкахъ; но подобныхъ качествъ ни одна Русская императрица не сохранила до могилы; пробнымъ камнемъ ея явится или вступленіе ея мужа на престолъ, или нарушеніе имъ тѣхъ супружескихъ обязанностей, которыя до сихъ поръ соблюдались имъ съ величайшей строгостью.

Заключу свое письмо нѣсколькими словами на счетъ того, что́, по моему мнѣнію, составляетъ политическую систему императрицы и ея любимца. Сама она (я въ томъ убѣжденъ) на столько же была, а можетъ быть и теперь еще, расположена къ Англіи, какъ къ Пруссіи; но, къ несчастію, его Прусское величество имѣетъ удобныя обстоятельства, никогда намъ не представлявшіяся, и можетъ употреблять средства, которыми бы мы погнушались воспользоваться.

Князь Потемкинъ мало обращаетъ вниманія на политику западной Европы: мысли его постоянно заняты планомъ основанія новой имперіи на Востокѣ. Императрица до такой степени раздѣляетъ эти намѣренія, что, гонясь за своей мечтой, она уже назвала новорожденнаго великаго князя Константиномъ, опредѣлила къ нему въ няньки Гречанку, по имени Елену, и въ близкомъ кругу говоритъ о возведеніи его на престолъ Восточной имперіи. Между тѣмъ она строитъ въ Царскомъ Селѣ городъ, который будетъ называться Константингородомъ. Я не нахожу, чтобы Потемкинъ былъ особенно расположенъ къ Пруссіи; изъ разговора его не замѣтно также и предпочтенія къ Франціи; впрочемъ, рѣчь его такъ безсвязна и прерывиста, что мнѣ, хотя случается видѣть его по цѣлымъ днямъ, еще не удавалось остановить его пять минутъ на одномъ предметѣ. Онъ ни въ какомъ отношеніи не признаетъ, чтобы Россія была чѣмъ-либо обязана Франціи, утверждая, что эта

держава хлопочетъ о прекращеніи ихъ ссоры съ Турками единственно изъ опасенія, чтобы Россія не изгнала этого народа изъ Европы. Я буду поддерживать эту мысль, не смотря на ея неосновательность, и имѣю нѣкоторую надежду на то, что Французскій Дворъ, по свойственнымъ ему самонадѣянности и высокомѣрію, будетъ до того налегать на важность услуги, имъ оказанной, что гордость императрицы получитъ толчекъ, который вернетъ ее къ ея прежнимъ анти-галликанскимъ чувствамъ.

7.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 24-го Мая 1779.

Не могу не высказать, что я наконецъ вполнѣ убѣдился, какъ изъ того, что́ слышу, такъ и изъ собственнаго опыта, что намъ нечего больше ожидать отъ этого Двора при обыкновенномъ ходѣ переговоровъ. Руководящія личности слишкомъ богаты, чтобы согласиться на подкупъ, слишкомъ упрямы для убѣжденія и слишкомъ необразованы, чтобы выслушать прямое слово правды. Въ послѣднее время я часто имѣлъ случай разсуждать не только съ княземъ Потемкинымъ, но и съ ея императорскимъ величествомъ, и могу увѣрить васъ, милордъ, что ни одно изъ этихъ побужденій не подѣйствуетъ на ихъ умы: они поступаютъ подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, имѣя въ виду лишь ближайшія послѣдствія, представляемыя имъ случайными обстоятельствами. Теперь преобладающею мыслью (затмѣвающею всѣ остальныя) является основаніе новой имперіи на Востокѣ, въ Аѳинахъ или въ Константинополѣ.

Недавно императрица долго разсуждала со мной о древнихъ Грекахъ, объ ихъ искусствѣ и превосходствѣ ихъ способностей; а такъ какъ этотъ же характеръ замѣчается и въ новыхъ Грекахъ, то она считаетъ для нихъ вполнѣ возможнымъ снова достигнуть первенства между народами, если только имъ будетъ оказана помощь и поддержка. Она прибавила, что говоритъ такъ со мною, зная, что мой отецъ [5]) былъ большой поклонникъ Грековъ, а потому надѣется, что и я наслѣдовалъ къ нимъ тоже чувство. Упоминаю объ этомъ, милордъ, не для того, чтобы хвастаться знаками отличія, мнѣ оказываемаго, но съ цѣлью доказать вамъ, что если его величеству встрѣтится необходимость въ помощи отсюда, единственное средство достигнуть этой цѣли состоитъ въ поддержаніи этой романической идеи. Теперь они такъ ей преданы, что подобный образъ дѣйствій, искусно веденный, упрочитъ за нами значеніе при этомъ Дворѣ; а такъ какъ этотъ планъ, какъ бы ни былъ онъ серіозно обдуманъ, тотчасъ же окажется непримѣнимымъ къ дѣлу, то намъ нечего опасаться зайти слишкомъ далеко въ дѣлѣ для насъ непріятномъ.

8.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 14 Іюня 1779.

Интересы Пруссіи сохраняютъ здѣсь все туже силу, и извѣстія, получаемыя оттуда, ни въ какомъ случаѣ намъ неблагопріятны. Различныя морскія державы, которыя въ торговомъ мореплаваніи хотѣли бы перейти границы, предписываемыя нейтралитетомъ, продолжаютъ обращаться съ жалобами къ императрицѣ; и съ моей стороны требуется величайшее вниманіе и постоянныя усилія, чтобы избавить васъ, милордъ, отъ полученія весьма непріятныхъ представленій по этому предмету. Но въ тоже время я весьма доволенъ возможностью увѣрить васъ, милордъ, на самыхъ надежныхъ основаніяхъ, что инструкціи, данныя командиру Русскаго флота, отправленнаго въ Сѣверное море, очень строги и подробны: ему не только приказано оберегать море отъ крейсеровъ, но въ случаѣ, если

---

[5]) Отецъ сэра Джемса Гарриса былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ своего времени и заслужилъ литературную извѣстность своимъ «Гермесомъ» и другими философическими сочиненіями.

онъ встрѣтитъ какой нибудь изъ нихъ съ добычею, онъ долженъ отнять ее и даже, въ случаѣ сопротивленія, обязанъ употребить силу.

9.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА КЪ МОРТОНУ ЭДЕНУ ЭСКВАЙРУ, ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ.

Петербургъ, 18 Іюня 1779.

Мнѣ, какъ и вамъ, было предписано употребить всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти содѣйствіе этого Двора. Между тѣмъ я сочту, что уже выполнилъ весьма трудную задачу, если мнѣ удастся удержать ихъ отъ выраженія особеннаго расположенія именно къ тому народу, котораго они такъ долго считали на столько же своимъ естественнымъ врагомъ, какъ и нашимъ. Неразборчивость Французовъ на средства въ политикѣ, ихъ умѣнье опутывать самой тонкою лестью умъ, хотя отличающійся многими качествами, тѣмъ не менѣе остающійся вѣрнымъ женскому характеру, все это пріобрѣло имъ при здѣшнемъ Дворѣ такую твердую почву, на которую они едва ли и сами могли разсчитывать въ настоящее царствованіе. Считаю своей обязанностью противиться этимъ хитрымъ проискамъ; но такъ какъ при этомъ Русскимъ придется проснуться отъ золотаго сна, въ который они погружены, а за тѣмъ выслушать много рѣзкихъ и непріятныхъ истинъ, то сознаюсь вамъ откровенно, я отчаяваюсь въ успѣхѣ.

10.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 5-го Іюля 1779.

Вслѣдствіе непростительнаго нерадѣнія гр. Панина, которое, впрочемъ, не составляетъ рѣдкости въ его дѣйствіяхъ, императрица получила первое извѣстіе объ Испанской деклараціи [6]) черезъ Гамбургскую газету.

Она была очень недовольна подобнымъ пренебреженіемъ, очень строго говорила съ своимъ министромъ, когда онъ на слѣдующее утро принесъ ей оффиціальныя бумаги, и при этомъ выразила большое удивленіе, что Пушкинъ [7]) не достаточно сознаетъ всю важность этого обстоятельства, чтобы донести ей объ немъ болѣе скорымъ путемъ, чѣмъ съ обыкновенной почтой. Въ тотъ же день она съ величайшимъ жаромъ и чувствомъ разсуждала съ приближенными, какъ объ образѣ дѣйствій Испаніи, такъ и объ нашемъ критическомъ положеніи; выражала высокое одобреніе умнымъ и благороднымъ адресамъ Парламента и говорила, что Испанцы поступаютъ весьма неразсудительно, вызывая такую націю, какъ наша.

Въ понедѣльникъ, во время театральнаго представленія въ Петергофѣ, она подошла ко мнѣ во время антракта, и съ живостью спросила меня, не имѣлъ ли я курьера, не могу ли сообщить ей больше подробностей, чѣмъ извѣстно публикѣ и, казалось, она принимала въ нашихъ дѣлахъ гораздо бо́льшее участіе и разсматривала ихъ совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ увѣрялъ меня на этотъ счетъ ея министръ.

Я отвѣчалъ ея императорскому величеству, что еще не имѣлъ курьера и что событіе это произошло такъ незадолго до отхода почты, что письма, присланныя мнѣ, могли заключать сообщеніе о немъ не иначе какъ въ главныхъ чертахъ. Однако размышленія, возбуждаемыя этимъ фактомъ, были, очевидно, самаго серіознаго свойства; кажется, противъ насъ составляется цѣлый крестовый походъ; и, если насъ покинетъ единственная сильная держава въ Европѣ, способная одержать перевѣсъ надъ этимъ могущественнымъ союзомъ, я не думаю, чтобы мы одними своими усиліями, какъ бы ни были они велики, могли ему воспротивиться. Отвѣтъ ея былъ таковъ. „Я „всегда была и всегда останусь истиннымъ „другомъ Англіи. Испанія предъявляетъ на „васъ цѣлыя сотни жалобъ, но еще не доказала ни одной изъ нихъ. Враждебный образъ „дѣйствій этого Двора крайне меня поражаетъ;

[6]) Испанія объявила войну Англіи 28-го Іюня 1779 года.

[7]) Посланникъ въ Англіи, гр. Алексѣй Семен. Мусинъ-Пушкинъ. *П. Б.*

„но ваши средства и сила націи велики; и „будьте увѣрены, что ничто не можетъ быть „искреннѣе моей дружбы къ Англіи.“

Тутъ занавѣсъ поднялся, и разговоръ нашъ былъ прерванъ, а съ тѣхъ поръ я не имѣлъ случая говорить съ императрицей. Однако я употребилъ всѣ усилія, чтобы расположить въ нашу пользу ея приближенныхъ.

11.

ПИСЬМО ГАРРИСА КЪ МОРТОНУ ЭДЕНУ, ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ.

Петербургъ, 4-го Іюля 1779.

Я желалъ бы предвидѣть не только личныя для себя выгоды, а выгоды болѣе важнаго рода въ томъ особенномъ вниманіи, которое мнѣ здѣсь оказывается. Правда, я совершенно убѣжденъ, что ея императорское величество въ настоящую минуту вполнѣ расположена въ нашу пользу; что она съ опасеніемъ видитъ усиленіе нашихъ враговъ и, какъ въ виду оказанія намъ помощи, такъ и для поддержанія политической системы всей Европы, сознаетъ необходимость не остаться равнодушнымъ зрителемъ настоящихъ событій. Еслибы я могъ сноситься насчетъ дѣлъ непосредственно съ нею самою, я убѣжденъ, что она недолго бы осталась въ бездѣйствіи; но дѣло въ томъ, что министры ея, по нерадѣнію, или вслѣдствіе другихъ болѣе предосудительныхъ причинъ, не раздѣляютъ этихъ мыслей. Графъ Панинъ ни въ какомъ отношеніи не дружественъ къ намъ; онъ всякую идею получаетъ отъ его Прусскаго величества и принимаетъ ее, не подвергнувъ ни размышленію, ни разбору. Такъ какъ объ немъ имѣютъ самое высокое мнѣніе при Дворѣ, гдѣ вы находитесь, я попрошу васъ избѣгать малѣйшаго намека на то, что́ я сейчасъ высказалъ; но, если мнѣ удастся что либо сдѣлать, это должно быть безъ его вмѣшательства, и даже безъ его вѣдома. Изъ этого вы легко усмотрите, какая трудная и щекотливая задача предстоитъ мнѣ.

12.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 7-го Августа 1779.

Такъ какъ императрица позволила моей сестрѣ вернуться на родину на Русскомъ фрегатѣ [8]), отправляемомъ ея императорскимъ величествомъ въ Англію за коллекціей картинъ лорда Орфорда, то я пользуюсь случаемъ написать вамъ нѣсколько строкъ путемъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ почта. Чувства самой императрицы, я въ томъ нисколько не сомнѣваюсь, совершенно благопріятны для насъ; и если бы лица, ее окружающія, не выставляли ей на видъ тѣхъ опасностей, которымъ будто она подвергла бы свою имперію, принявъ дѣятельное участіе въ нашихъ дѣлахъ, я убѣжденъ, что она недолго бы оставалась равнодушнымъ зрителемъ настоящей войны. Но покамѣстъ она обращаетъ вниманіе на то, что́ слышитъ отъ графа Панина, мы не должны ожидать никакой существенной перемѣны въ ея образѣ дѣйствій; потому что, кромѣ свойственнаго этому министру нерасположенія къ намъ, онъ вполнѣ преданъ его Прусскому величеству, чувства котораго по отношенію къ намъ хорошо извѣстны, а въ настоящую минуту еще разгорячены сильными побужденіями, которыя онъ имѣетъ къ сохраненію дружбы съ Франціей; и я съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что при ближайшемъ знакомствѣ съ графомъ Панинымъ я нахожу, что онъ пользуется репутаціей, совершенно отличающейся отъ его настоящаго характера, и что въ немъ нѣтъ ни способностей, ни откровенности, ни политическихъ правилъ, которыя публика ему приписываетъ [9]).

Такъ какъ я давно уже потерялъ надежду добиться черезъ него чего либо значительнаго, то въ послѣднее время старался подѣйство-

---

[8]) Фрегатъ этотъ погибъ, и миссъ Гаррисъ не могла спасти ничего, кромѣ депешъ.

[9]) Это нѣсколько противорѣчитъ болѣе раннимъ отзывамъ Гарриса о томъ же графѣ Панинѣ.

вать на князя Потемкина и, кажется, мои усилія не остались безъ успѣха. У него самое быстрое соображеніе, неограниченное честолюбіе и, весьма для насъ кстати, сильнѣйшая ненависть къ Панину.

Ожидаютъ ежедневно, что нѣкто Стахіевъ замѣнитъ Корсакова въ роли любимца. Но обстоятельство это занимаетъ только лицъ, прямо въ немъ заинтересованныхъ: оба любимца созданы выборомъ Потемкина, и перемѣна будетъ способствовать только усиленію его власти и вліянія, ни въ какомъ отношеніи не коснувшись общества. Стахіевъ, также какъ и Корсаковъ, выбранъ между низшими офицерскими чинами.

13.

Петербургъ, 13 Августа 1779.

Инстукціи, данныя капитану фрегата, состоятъ въ томъ, чтобы отвѣчать на всякіе вопросы, какіе только могутъ быть ему предложены, но не подчиняться ни задержанію, ни обыску; если же будетъ сдѣлана попытка такаго рода, то ему предписано прибѣгнуть къ силѣ и, если можно, брать сопротивляющійся корабль и, дойдя до гавани, ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Императрица сама прибавила, что эти инструкціи касались только Французскихъ и Американскихъ крейсеровъ; принадлежащіе же Англіи должны быть разсматриваемы вполнѣ дружески, и имъ предписано давать всякія объясненія.

14.

Петербургъ, 9 Сентября 1779.

Такъ какъ я уже передалъ вамъ, милордъ, все происшедшее между мной и графомъ Панинымъ по поводу сообщенія мною ему Испанскаго манифеста [10]), то считаю лишнимъ повторять это снова; достаточно будетъ сказать, что въ нѣсколькихъ разговорахъ, которые я вслѣдъ затѣмъ имѣлъ съ этимъ министромъ, онъ всякій разъ говорилъ въ томъ же тонѣ и высказывалъ тѣже мнѣнія. Тѣмъ не менѣе, имѣя основаніе предполагать, что образъ дѣйствій его католическаго величества являлся императрицѣ совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ увѣрялъ меня на этотъ счетъ ея министръ, я рѣшился обратиться къ князю Потемкину, какъ единственному человѣку, который могъ, вслѣдствіе своего вліянія, обратить въ дѣло такія благопріятныя чувства, если только они существовали.

Прошло, однако, нѣкоторое время, прежде чѣмъ мнѣ довелось удобно обратиться къ нему. 28-го Іюня случай къ тому представился въ прихожей императрицы, и я сказалъ ему, что наступила минута для Россіи занять первое мѣсто въ Европѣ; что одна только Россія способна выполнить эту роль, и одинъ только онъ способенъ руководить ея дѣйствіями; что положеніе, въ которомъ мы находимся, до того затруднительно, а намѣренія нашихъ враговъ до того очевидны, что невозможно было предполагать, чтобы императрица могла видѣть равнодушно событія настоящей войны. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не требовалось ни краснорѣчія, ни глубокой логики, чтобы убѣдить его въ справедливости моихъ словъ; что ни въ ея императорскомъ величествѣ, ни въ немъ самомъ не было недостатка доброй воли, но событіе это произошло еще слишкомъ недавно, чтобы императрица успѣла основательно его обдумать, и что если я буду имѣть немного терпѣнія, онъ скоро поговоритъ со мной подробнѣе; а пока онъ посовѣтовалъ бы мнѣ заняться пріисканіемъ самаго лучшаго способа, котораго бы ея императорскому величеству слѣдовало держаться въ этомъ случаѣ. Затѣмъ онъ счелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ лично съ самымъ лестнымъ комплиментомъ, высказавъ, что императрица имѣетъ ко мнѣ величайшее довѣріе, и потому выслушаетъ всякое мое слово съ такою же готовностью, какъ если бы оно исходило отъ одного изъ ея министровъ. Это придало мнѣ смѣлости попросить самой необыкновенной и до сихъ поръ еще никому не оказанной милости,

[10]) Въ этомъ разговорѣ графъ Панинъ прямо высказалъ свое расположеніе въ пользу враговъ Англіи, осуждая при этомъ Англійскую гордость и тиранію на морѣ.

именно-позволенія переговорить о дѣлахъ лично съ ея императорскимъ величествомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, хотя подобный шагъ будетъ совершенно новъ и необыченъ, однако онъ постарается удовлетворить моей просьбѣ, настаивая въ тоже время на необходимости сохранить глубочайшую тайну. Затѣмъ онъ оставилъ меня, сказавъ, что скоро найдетъ случай поговорить со мной болѣе подробно.

Въ слѣдующую пятницу онъ пригласилъ меня обѣдать на дачу, принадлежащую его племяннику, гдѣ присутствовали только нѣкоторые члены его семейства и лица, подчиненныя ему. И тамъ, милордъ, мы разсуждали весьма подробно, какъ о критическомъ положеніи, въ которомъ находится Англія, такъ и о вліяніи, которое послѣдствія настоящей войны неминуемо должны оказать на все политическое равновѣсіе Европы, и наконецъ о самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ, могущихъ предупредить возникновеніе всеобщаго безпорядка, или по крайней мѣрѣ оказать противодѣйствіе сильному напору дома Бурбоновъ, соединившагося противъ одной Англіи.

Такъ какъ я не высказалъ ничего, что́ бы не представлялось и вашимъ собственнымъ мыслямъ, милордъ, то считаю лишнимъ передавать вамъ все, происходившее между княземъ Потемкинымъ и мной по поводу перваго изъ этихъ предметовъ. Я далеко не хвалюсь тѣмъ, что довелъ его до своего мнѣнія. Онъ такъ хорошо зналъ всѣ подробности дѣла и такъ здраво разсуждалъ объ нихъ, что мнѣ было весьма нетрудно убѣдить его; но такъ какъ средства, которыя надлежало употребить, составляли болѣе щекотливый вопросъ, то при обсужденіи ихъ требовалось больше вниманія и осторожности. Я зналъ, что предложеніе союза (при этихъ обстоятельствахъ) будетъ отвергнуто; я также чувствовалъ, что настоятельная просьба насчетъ помощи имѣла бы просительный и униженный характеръ, котораго мнѣ не хотѣлось принимать на себя; поэтому я предложилъ, какъ единственную мѣру, которая, осуществляя мысли нашего Двора, въ тоже время оказалась бы лестной и для достоинства здѣшняго Двора—чтобы императрица сдѣлала сильную декларацію въ Версалѣ и въ Мадридѣ и подтвердила бы эту декларацію вооруженіемъ всѣхъ своихъ морскихъ силъ; чтобы эта декларація касалась не столько отдѣльныхъ и ближайшихъ интересовъ Англіи (хотя и къ нимъ императрица далеко не оставалась равнодушною), сколько условій, относящихся до благосостоянія всей Европы вообще. Слѣдовало выставить на видъ, что, пока Испанія предлагала переговоры, ея императорское величество, предвидя возможность мирнаго окончанія дѣла, удерживалась отъ всякаго вмѣшательства; но такъ какъ всѣ подобныя надежды исчезли съ той минуты, какъ Испанія перемѣнила свой характеръ, перейдя отъ переговоровъ къ военнымъ дѣйствіямъ (вслѣдствіе побужденій самыхъ неожиданныхъ и уже внушенныхъ не одною Франціею), ея императорское величество не могла долѣе сохранять молчаніе, или равнодушно смотрѣть на Европейскую войну, которая угрожала самыми гибельными послѣдствіями по отношенію къ общей политической системѣ; что необходимость морскаго вооруженія рука объ руку съ декларацiей была очевидна; что иначе она не произведетъ никакихъ послѣдствій и будетъ принята, какъ простая демонстрація, не имѣющая никакого особаго значенія; что, съ другой стороны я былъ убѣжденъ, если декларація будетъ хорошо выражена и поддержана, она мгновенно измѣнитъ состояніе дѣлъ.

Князь, казалось, былъ пораженъ этой мыслію. Онъ согласился съ нею и нимало не сомнѣвался въ томъ, что она окажется дѣйствительною, но сказалъ... и тутъ, милордъ, я приступаю къ самой необыкновенной и конфиденціальной части нашего разговора: „Кому „мы довѣримъ заявленіе деклараціи и приго-„товленіе къ вооруженію? Графъ Панинъ не „имѣетъ ни желанія, ни способностей помочь „намъ; онъ преданъ Пруссіи и больше ниче-„го. Графъ Чернышевъ (стоящій во главѣ

„адмиралтейства) человѣкъ ненадежный и из„мѣнитъ всякимъ приказаніямъ, ему даннымъ. „Нельзя разсчитывать ни на того, ни на дру„гаго; а между тѣмъ они начальствуютъ тѣ„ми частями, черезъ которыя все дѣло необ„ходимо должно пройти“.

Въ отвѣтъ на это я предложилъ, чтобы декларація была составлена у него на глазахъ: черезъ то все дѣло принадлежало бы ему одному, и ему же безраздѣльно отнеслась бы и честь его исполненія, что́ и составляло мое желаніе; а что затѣмъ онъ могъ бы передать эту бумагу графу Панину отъ имени императрицы, на повелѣніяхъ которой онъ очень хорошо умѣлъ настаивать. Что́ же касается до вооруженія судовъ, мнѣ было извѣстно, что въ теченіи прошедшей войны ея императорское величество всегда рѣшала это дѣло съ адмираломъ, которому предстояло командовать ими; что таже мѣра могла быть употреблена и теперь, черезъ что́ въ одно и тоже время становились невозможными козни того лица, о которомъ онъ упоминалъ, и избѣгался поводъ къ неудовольствію со стороны великаго князя, такъ какъ онъ, по званію генералъ-адмирала, могъ обидѣться тѣмъ, что въ данномъ случаѣ не обратились къ нему за совѣтомъ. На все это Потемкинъ отвѣчалъ мнѣ: „Вы, кажется, не безполезно употребили вре„мя вашего пребыванія въ этой странѣ и пре„красно ее понимаете“.

Теперь мнѣ оставалось только спросить, буду ли я допущенъ къ личному разговору съ ея императорскимъ величествомъ.—„Безъ сомнѣнія,“ отвѣчалъ онъ, и прибавилъ, что императрица не только соглашается, но даже сама желаетъ выслушать меня; особенно, если я, приближаясь къ ней, откину маску и хитрость иностраннаго министра, а сохраню только искренность и откровенность хорошаго, честнаго Англичанина. Я отвѣчалъ, что никогда не носилъ маски, о которой онъ говоритъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда мнѣ доводилось имѣть дѣло съ хитрыми и двуличными людьми; что передъ ея императорскимъ величествомъ я былъ готовъ открыть все мое сердце, въ убѣжденіи, что не могу оказать своей странѣ болѣе существенной услуги, какъ давъ ей усмотрѣть во мнѣ то чувство, которое преобладаетъ во всемъ народѣ; что, ожидая этой чести съ величайшимъ нетерпѣніемъ, я надѣюсь, что ея императорское величество скоро назначитъ къ тому день. Онъ увѣрилъ меня, что она такъ и сдѣлаетъ.

Однако прошло почти двѣ недѣли до тѣхъ поръ, пока я былъ допущенъ къ этому частному отличію. Правда, что, вслѣдствіе близости моей дачи къ Петергофу, я почти ежедневно имѣлъ честь видѣть ея императорское величество, при чемъ я съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчалъ, что она всегда выражала величайшее любопытство насчетъ извѣстій изъ Англіи, вмѣстѣ съ искреннимъ желаніемъ, чтобы они оказались благопріятными. Въ понедѣльникъ, 22-го Іюля, на маскарадѣ, данномъ въ честь именинъ великой княгини, нѣсколько времени спустя по окончаніи карточной игры съ ея величествомъ, въ которой я участвовалъ, Корсаковъ подошелъ и попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Онъ провелъ меня заднимъ ходомъ въ уборную комнату императрицы и, введя меня туда, немедленно удалился. Императрица, заставивъ меня сѣсть, сама начала разговоръ, высказавъ, что послѣ ея собственныхъ дѣлъ наши были ей всего ближе къ сердцу; что въ послѣднее время они весьма серіозно занимали ея вниманіе; что она была готова выслушать все, что́ я хотѣлъ сказать ей по этому поводу, и что она будетъ счастлива, если я съумѣю устранить тѣ препятствія, которыя представляются ея уму всякій разъ, какъ она составляетъ планъ, имѣющій цѣлью нашу пользу. Я сказалъ ей, что, вслѣдствіе полнаго убѣжденія, что я говорю съ самымъ могущественнымъ и лучшимъ другомъ Англіи, я осмѣлюсь высказать свои мысли весьма откровенно, не опасаясь своими усиліями исполнить обязанность вѣрнаго подданнаго—оскорбить ея величество, которая сама въ такомъ совершествѣ исполняла долгъ великой государыни.

Она увѣрила меня, что, еслибы она не была такъ хорошо расположена къ выслушанію всего, что̀ я имѣлъ передать ей, а также еслибы она не имѣла ко мнѣ особеннаго уваженія, она никогда бы не согласилась принять меня такимъ необыкновеннымъ образомъ; затѣмъ она высказала свое желаніе, чтобы я говорилъ безъ всякаго опасенія, обѣщая съ своей стороны выслушать какъ всѣ мои мнѣнія, такъ и мои совѣты, если я имѣлъ таковые. Ободренный такими словами, я постарался, какъ умѣлъ лучше, представить ея глазамъ картину настоящаго положенія Европы вообще, а Англіи въ особенности.

Императрица спросила меня, имѣю ли я на этотъ счетъ какія-нибудь инструкціи и не поручено ли мнѣ сдѣлать особыя предложенія. Я отвѣчалъ, что мнѣ разъ навсегда было предписано стараться о снисканіи ея дружбы и что настоящая моя рѣчь была вполнѣ съ этимъ согласна. Далѣе я высказалъ, что ея императорскому величеству хорошо извѣстны различныя предложенія, съ которыми я со времени моего пріѣзда обращался къ графу Панину, и что, хотя я на всѣ свои предложенія получалъ отказъ, тѣмъ не менѣе, если теперь ея императорское величество была расположена ихъ выслушать, я готовъ былъ ихъ повторить. Но, получивъ право говорить откровенно, я долженъ былъ сознаться, что, принимая во вниманіе важность данной минуты, мнѣ казалось, что ни одно изъ прежнихъ предложеній не оказывалось достаточнымъ и что единственная мѣра, которая бы, по моему мнѣнію, согласовалась съ величіемъ ея славы и въ тоже время соотвѣтствовала настоящей цѣли, состояла въ томъ, чтобы ея императорское величество сдѣлала сильную и энергическую декларацію Дворамъ Версальскому и Мадридскому, поддерживая таковую декларацію немедленнымъ и значительнымъ вооруженіемъ флота. Мѣра эта не могла не привести къ желаемому результату; я былъ увѣренъ, что она возстановитъ равновѣсіе въ войнѣ и, освободивъ остальныя Европейскія державы отъ опасенія очутиться безъ союзниковъ, позволитъ всякой изъ нихъ принять въ настоящей ссорѣ именно то участіе, на которое имъ указывали ихъ естественные интересы и чувства.

Императрица, выслушавъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, отвѣчала, что была вполнѣ согласна со всѣмъ, сказаннымъ мною относительно Европы; что, видя критическое положеніе, въ которомъ мы находились, она, какъ вслѣдствіе политическихъ причинъ, такъ и по собственнымъ личнымъ чувствамъ, имѣетъ сильнѣйшее желаніе намъ помочь; но что удерживаетъ ее отъ этого то отвращеніе, которое ей внушала мысль подвергнуть имперію новымъ военнымъ тревогамъ и, по всей вѣроятности, или окончить царствованіе во время войны, или, въ противномъ случаѣ, компрометировать себя въ глазахъ всей Европы; что она имѣетъ самое высокое понятіе о нашей національной силѣ и энергіи и не сомнѣвалась, что мы все таки пересилимъ Французовъ и Испанцевъ. Затѣмъ ея императорское величество перешла къ разсужденію объ Американской войнѣ, сожалѣя, что намъ не удалось ее остановить въ самомъ началѣ и указывала на возможность возстановленія мира черезъ наше отреченіе отъ борьбы съ колоніями. Я спросилъ ее: въ случаѣ еслибы колоніи принадлежали ей, и посторонняя держава предложила бы ей миръ на такихъ условіяхъ, — согласилась ли бы она принять его? Она отвѣчала съ величайшей живостью: „j'aimerais mieux perdre ma tête“ [11]).

„Допуская то что̀ вы сейчасъ сказали“, продолжала она, „какое имѣю я право вмѣ„шиваться въ ссору, чуждую моихъ собствен„ныхъ интересовъ и касающуюся предмета, „про который думаютъ, что я его не понимаю, „въ ссору съ Дворами столь удаленными отъ „меня?“ Я отвѣчалъ ея императорскому величеству, что если-бы въ прошломъ столѣтіи Русскій государь обратился ко мнѣ съ

[11]) Переводъ: «Скорѣй бы согласилась потерять голову».

такою рѣчью, я не зналъ бы что̀ ему отвѣчать; но съ тѣхъ поръ, какъ Россія сдѣлалась одной изъ руководящихъ державъ въ Европѣ, отвѣтъ мой можетъ быть ясенъ: страна эта слишкомъ велика, чтобы относиться равнодушно къ великимъ событіямъ; интересы Европы стали теперь и интересами Россіи; и Франція, и Испанія, своими дѣйствіями во время послѣдней Турецкой войны, очевидно, доказали справедливость моихъ словъ; и по сравненію ихъ поведенія съ нашимъ, я былъ убѣжденъ, что ея императорское величество не потребуетъ ничего другаго, чтобы разсѣять сомнѣнія, которыя она до тѣхъ поръ можетъ имѣть относительно необходимости ея вмѣшательства. Видя, что мои доводы на нее подѣйствовали, я продолжалъ, доказывая, что такое вмѣшательство доведетъ славу ея царствованія до высочайшей степени и что, еслибы Петръ Великій могъ видѣть, что флотъ, имъ основанный, сталъ на столько значителенъ, что можетъ не только быть въ союзѣ съ Англіей, но даже помогать ей въ удержаніи первенства на морѣ, то, конечно бы почувствовалъ, что онъ былъ величайшій государь Россіи. Мысль эта ей, кажется, очень понравилась, и она увѣрила меня, что имѣетъ сильнѣйшее желаніе намъ помочь.

Хотя мои слова разсѣяли нѣкоторыя препятствія, ей представлявшіяся, но другія весьма значительныя еще сохраняли свою силу; тѣмъ не менѣе она пожелала, чтобы я всѣ свои мысли изложилъ письменно, обѣщая не пропустить ничего необдуманнымъ. Затѣмъ, такъ какъ разговоръ нашъ продолжался болѣе часа, она отпустила меня.

По совершенной темнотѣ, я не безъ труда отъискалъ дорогу по извилистымъ коридорамъ до танцовальной залы.

На слѣдующее утро я черезъ князя Потемкина отправилъ ея императорскому величеству бумагу, помѣченную буквою А; а на другой день 24-го Іюля, когда я имѣлъ честь ужинать въ самомъ небольшомъ обществѣ у шталмейстера Нарышкина, гдѣ находилась и императрица на пути въ Царское Село, она нашла случай сказать мнѣ, что все, мною высказанное и написанное, чрезвычайно ее поразило; вотъ ея подлинныя выраженія: „Depuis notre conversation „je n'ai fait que rêver à vos affaires; „ma tête fermente, et si je puis trouver les moyens, vous verrez l'empressement avec lequel je vous servirai“ [12]). Затѣмъ она обратилась къ остальному обществу и весело прибавила: „Вы не должны „удивляться, что у насъ съ сэромъ Джемсомъ „Гаррисомъ секреты: мы были сосѣдями по „деревнѣ, а у сосѣдей всегда между собой „секреты“.

Въ слѣдующій понедѣльникъ, 29-го Іюля, императрица дозволила мнѣ сопровождать ее во время прогулки по садамъ Царскаго Села; хотя она говорила въ самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ объ нашихъ дѣлахъ вообще, однако присутствіе великаго князя и великой княгини, постоянно слѣдовавшихъ за нами, помѣшало ей вдаваться въ подробности.

Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ случай разговаривать съ княземъ Потемкинымъ, при чемъ не произошло ничего новаго, кромѣ того только, что я высказалъ ему свое весьма основательное мнѣніе насчетъ того, что графъ Панинъ зналъ о моемъ обращеніи къ нему, и вслѣдствіе понятія, которое я имѣлъ о характерѣ этого министра, я былъ убѣжденъ, что онъ употребитъ всевозможныя усилія, чтобы сдѣлать мою попытку безуспѣшною. Князь Потемкинъ отвѣчалъ мнѣ, что ему это было хорошо извѣстно и что, хотя вообще императрица весьма рѣдко подчиняла свое мнѣніе совѣтамъ, исходящимъ съ этой стороны: однако, такъ какъ, къ несчастію, она еще ни на что̀ не рѣшилась, мнѣ слѣдовало узнать

[12]) Переводъ: «Со времени нашего разговора я все думала о дѣлахъ Англіи; у меня разгорѣлась голова и, если я найду средства помочь вамъ, вы увидите, какъ охотно я это сдѣлаю».

доводы, которые графъ Панинъ собирается употребить, съ тѣмъ, чтобы заблаговременно приготовиться отвѣчать на нихъ, какъ можно лучше. Нѣсколько дней спустя, я получилъ извѣщеніе, что императрица рѣшилась приказать каждому члену Совѣта въ отдѣльности подать свое мнѣніе насчетъ нашихъ дѣлъ, требуя, чтобы каждый высказалъ, на сколько и какими средствами она могла оказать намъ помощь, не нанося этимъ ущерба благосостоянію собственныхъ подданныхъ; что начала она это съ обращенія къ графу Панину, какъ главѣ иностраннаго министерства, и что черезъ нѣсколько дней онъ подастъ ей свое мнѣніе, изложенное письменно.

Теперь для меня сдѣлалось въ высшей степени важно познакомиться съ подробностями, которыми онъ намѣревался обставить свои аргументы: потому что, хотя я и хорошо зналъ, что эти аргументы будутъ неблагопріятны нашему дѣлу, однако я не могъ въ точности опредѣлить, какимъ именно образомъ они будутъ высказаны. Я употребилъ разныя средства, которыя считаю лишнимъ пересказывать вамъ, милордъ, и мнѣ посчастливилось добыть извлеченіе изъ этого мнѣнія, откуда я узналъ, что, начертавъ первоначально картину общаго состоянія Европы (въ которой онъ называетъ короля Прусскаго охранителемъ Русской имперіи, доказывая, что этотъ монархъ согласенъ принять второстепенную роль, лишь бы предоставить первую Россіи), онъ приходитъ къ заключенію, что для благосостоянія Россіи также важна дружба съ Франціей, какъ и съ Англіей, и что при настоящихъ обстоятельствахъ ей не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла въ виду собственной безопасности. Далѣе онъ старается доказать, что поведеніе Англіи за эти послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ ни въ какомъ случаѣ не даетъ намъ права на особое вниманіе со стороны Россіи, и что даже, допустивъ возможность вмѣшательства императрицы, онъ не находитъ Англію въ положеніи, обусловливающемъ необходимость подобной мѣры. Затѣмъ онъ проводитъ параллель между настоящей и послѣдней войнами и заключаетъ мнѣніемъ, что въ случаѣ даже неудачи съ нашей стороны, мы очутимся лишь въ томъ же положеніи, въ которомъ находились до мира въ Ахенѣ.

Такимъ образомъ, ознакомившись вполнѣ съ мыслями графа Панина, я немедленно взялся за бумагу (B), которую и передалъ императрицѣ черезъ князя Потемкина почти въ тотъ же день, когда я предполагалъ, что графъ Панинъ подастъ свое мнѣніе. Я постарался также въ разговорѣ, который имѣлъ съ княземъ Потемкинымъ, склонить его въ пользу высказанныхъ мною мыслей; и такъ какъ я начиналъ подозрѣвать, что большая часть происшедшаго между мною и графомъ Панинымъ и даже между нимъ и моими предшественниками достигала лишь въ самомъ несовершенномъ видѣ до слуха императрицы, то я перечислилъ князю Потемкину всѣ подробности нашего образа дѣйствій со вступленія ея императорскаго величества на престолъ до настоящей минуты и т. д. Въ заключеніе я сказалъ, что прошу теперь у Россіи не болѣе того, что мы сдѣлали для нея безъ всякой просьбы съ ея стороны во время послѣдней войны съ Турціей: потому что, пока Россія имѣла дѣло съ одними Турками, мы довольствовались (убѣжденные въ ея превосходствѣ надъ такимъ врагомъ) оказаніемъ ей обыкновенныхъ услугъ и помощи; но какъ только Франція или Испанія выказывали намѣреніе сопротивляться ей, мы тотчасъ же являлись къ ней на помощь; и дважды, благодаря энергическимъ переговорамъ съ этими безпокойными Дворами, а также своевременному вооруженію нашего флота, мы спасли не только Русскій флотъ на Средиземномъ морѣ отъ разрушенія, но, по всей вѣроятности, и всю Европу отъ общей войны.

Князь Потемкинъ, который, противъ своего обыкновенія, выслушалъ меня ни разу

не прерывая, отвѣчалъ мнѣ, что онъ мало занимался иностранными дѣлами, и что большая часть высказаннаго мною была для него совершенною новостью; что все это пригодится ему при разсужденіи съ императрицею, мысли которой были постоянно заняты нашими дѣлами и которая, конечно, уже согласилась бы на мои предложенія, еслибы особы, нерасположенныя къ намъ и высокопоставленныя, не возбуждали въ умѣ ея постоянныхъ сомнѣній, доказывая ей, что вмѣшательство ея будетъ весьма вредно для ея собственной имперіи и въ тоже время не будетъ имѣть даже для насъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, на которыя я указывалъ. Онъ сказалъ, что, хотя самъ далеко не осуждаетъ нашего поведенія относительно Россіи, однако онъ настоятельно совѣтуетъ намъ при всякихъ планахъ, которые могутъ встрѣтиться намъ въ будущемъ насчетъ союза между обоими Дворами, обращать особенное вниманіе на личный характеръ императрицы, не давая возможности нашимъ недоброжелателямъ говорить, что мы относились къ ней съ невниманіемъ, гордостью и холодностью — обвиненія, которыя они постоянно выставляютъ противъ насъ и которымъ императрица иногда расположена вѣрить. Онъ прибавилъ, что, такъ какъ она еще не пришла къ рѣшенію, мнѣ остается терпѣливо ждать; и хотя онъ крайне жалѣетъ, что сезонъ такъ быстро подвигается, не приводя за собой ничего опредѣленнаго, однако не отъ него зависѣло поспѣшить рѣшеніемъ. Ея императорское величество намѣревалась выслушать отзывы Государственнаго Совѣта и до тѣхъ поръ, конечно, не подчинитъ своего мнѣнія ничьему мнѣнію.

Такъ какъ Дворъ все еще оставался въ Царскомъ Селѣ, то прошло почти двѣ недѣли, во время которыхъ я ни разу не имѣлъ случая видѣть ни ея императорское величество, ни князя Потемкина, и удалось это мнѣ не раньше конца Августа. Однако я съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что это время было употреблено графомъ Панинымъ къ величайшей нашей невыгодѣ. Онъ представилъ императрицѣ за достовѣрное, что Франція обратится къ ней за ея вмѣшательствомъ, и настаивалъ не только на неосторожности союза съ нами, но даже на необходимости избѣгать всего, что̀ могло подать поводъ къ предположенію, что ея императорское величество имѣетъ подобное намѣреніе; по словамъ его, то, что̀ уже произошло, произвело сильное впечатлѣніе при иностранныхъ Дворахъ, и если императрица будетъ продолжать выказывать столько благосклоннаго расположенія въ нашу пользу, Франція перестанетъ довѣрять безпристрастію ея дѣйствій. На этомъ основаніи онъ уговаривалъ ея императорское величество отказаться отъ намѣренія спрашивать мнѣнія у каждаго члена Совѣта, такъ какъ подобная мѣра не могла быть сохранена въ тайнѣ и непремѣнно должна произвести, даже внѣ предѣловъ имперіи, самыя непріятныя послѣдствія. Онъ прибавилъ, что все, сказанное мною, исходило изъ собственной моей головы и что я не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ предписаній. Онъ даже дошелъ до того, что увѣрялъ императрицу, будто имѣетъ основаніе предполагать скорую перемѣну въ Англійскомъ министерствѣ, при чемъ непремѣнно должно произойти отреченіе отъ всего мною сказаннаго.

Къ счастью, я предвидѣлъ и предупредилъ подобныя рѣчи въ моей нотѣ В [13]), и я очень радъ, что могу увѣрить васъ, ми-

[13]) Въ этой и другой бумагѣ, поданной Джемсомъ Гаррисомъ, онъ обращается къ тщеславію и честолюбію императрицы столько же, сколько къ ея политическимъ интересамъ, чтобы не дать Англіи остаться одной и быть побѣжденной союзомъ державъ, естественно враждебныхъ Россіи. Екатерина, хотя и расположенная къ Великобританіи, пока обдумывала свои планы относительно Турціи, далеко не сожалѣла о войнѣ, которая занимала и ослабляла Англію, Францію и Испанію. Иногда ее смущала мысль о томъ, что Англичане побѣдятъ, и въ такія минуты она была готова намъ помогать; но при малѣйшемъ успѣхѣ со стороны Англичанъ ея эгоистическая политика брала верхъ надъ опасеніями и пристрастіемъ.

лордъ, что эта часть разсужденій не имѣла никакого дѣйствія на императрицу. Я желалъ бы сказать тоже самое объ остальномъ; но, конечно, большая доля сказаннаго мною запала глубоко въ ея мысли, и такъ какъ нельзя было Панину выказать, что я знаю происшедшее, то было не въ моей власти оспаривать его доводы.

Въ такомъ расположеніи Дворъ вернулся въ городъ въ субботу 30-го августа. Такъ какъ я чувствовалъ, что столь долгимъ молчаніемъ насчетъ такого важнаго предмета я справедливо заслуживалъ вашего осужденія, милордъ, то я рѣшился имѣть окончательный разговоръ съ княземъ Потемкинымъ. По причинѣ зимы, рано приближающейся въ этомъ климатѣ, мнѣ не оставалось болѣе надежды совершить что либо въ этомъ году; но мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ положить основаніе дѣлу, которое бы тогда можно было исполнить въ будущемъ году по возможности ранѣе. Я не могъ добиться, чтобы онъ назначилъ для нашего свиданія день раньше пятницы 6-го сентября, когда я и явился къ нему послѣ обѣда и, во избѣжаніе помѣхъ, былъ принятъ имъ въ частномъ покоѣ, который императрица называетъ своимъ Эрмитажемъ. Я выразилъ ему, до какой степени меня поражаетъ то обстоятельство, что, не смотря на расположеніе самой императрицы и на его (Потемкина) готовность намъ помочь, перевѣсъ былъ одержанъ Совѣтомъ и мнѣніями людей гораздо меньшихъ способностей и, какъ я до сихъ поръ предполагалъ, пользующихся гораздо меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ онъ самъ. Между тѣмъ ихъ происки, удержавъ императрицу отъ немедленнаго вмѣшательства, оставили насъ еще на цѣлый годъ одинокими противъ нашихъ многочисленныхъ враговъ и т. д.

Онъ отвѣчалъ, что императрица была въ этомъ вполнѣ убѣждена, и онъ можетъ меня увѣрить, что она будетъ дѣйствовать сообразно собственнымъ мыслямъ и чувствамъ; что такъ какъ осень уже началась, то въ настоящую минуту мнѣ не слѣдуетъ ее торопить; однакоже желаніе помочь намъ укоренилось въ ея мысляхъ, и дѣло это само собой выработается гораздо лучше, чѣмъ при моихъ усиліяхъ его ускорить. Поэтому онъ мнѣ совѣтовалъ пока быть только на сторожѣ относительно происковъ моихъ сотоварищей, которые, по его мнѣнію, какъ изъ зависти къ отличіямъ, мнѣ оказываемымъ, такъ и вслѣдствіе другихъ побужденій, употребятъ всѣ отъ нихъ зависящія средства, чтобы сдѣлать мои попытки безуспѣшными.

Теперь мнѣ остается только сказать вамъ, милордъ, что хотя въ началѣ, судя по наружности, дѣла, казалось, принимали оборотъ, подававшій мнѣ величайшія надежды на немедленный успѣхъ, но на него нельзя долѣе разсчитывать. Остается, однако, возможность и, мнѣ кажется, вѣроятіе устроить что-нибудь съ наступленіемъ весны. Достовѣрно на столько, на сколько можно полагаться на увѣренія самой императрицы, что интересы Бурбоновъ не получили да, вѣроятно, и не получатъ, здѣсь большаго значенія,—событіе, которое бы непремѣнно совершилось, если бы я не прибѣгнулъ къ средствамъ, о которыхъ упоминалъ вамъ.

15.

Петербургъ, 9-го Сентября 1779.

Настоящій любимецъ, про котораго предсказывали, что онъ потеряетъ свой постъ, едва получивъ его, продолжаетъ однако занимать его по прежнему. Хотя городскіе слухи ежедневно назначаютъ ему новаго преемника, мнѣ кажется, что ея императорское величество не хочетъ болѣе давать ежегодно новую пищу общественнымъ толкамъ. Интересы низшихъ агентовъ находятся въ постоянномъ броженіи; но это ни въ какомъ отношеніи не измѣняетъ общаго поведенія Двора; имъ вполнѣ управляетъ князь Потемкинъ, который продолжаетъ занимать первое мѣсто въ довѣріи

и уваженіи своей государыни. Первоначально онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своей второй племянницы, но со времени ея замужества съ княземъ Голицынымъ, старшая племянница, Александра Энгельгардтъ, кажется, пріобрѣла надъ нимъ еще бо́льшую власть. Это молодая особа весьма пріятной наружности, богато одаренная отъ природы, обладающая рѣдкимъ искусствомъ для веденія придворныхъ дѣлъ. Ей уже удалось вытѣснить графиню Брюсъ изъ милости императрицы и если только чувства ея дяди къ ней не измѣнятся, она, по всей вѣроятности, сдѣлается самымъ довѣреннымъ лицемъ императрицы.

Въ нашемъ дипломатическомъ корпусѣ недавно произошла совершенная перемѣна. Императорскій, Датскій, Французскій, Прусскій и Испанскій министры смѣнены, и одинъ посолъ изъ Неаполя прибавился къ нашему корпусу. Этотъ послѣдній кажется болѣе ученымъ человѣкомъ; съ дѣлами же онъ незнакомъ и неспособенъ къ нимъ. Графъ Кобенцель, который долженъ прибыть сюда изъ Вѣны, отличается рѣдкимъ умомъ и большою дѣятельностью; назначеніе его было непріятно королю Прусскому, такъ какъ черезъ это Берлинъ остался безъ министра, и кромѣ того, это внушаетъ ему столь сильныя опасенія, что онъ для противодѣйствія ему выбралъ чрезвычайно способнаго и хитраго человѣка въ лицѣ графа Герца, котораго онъ уже много лѣтъ употреблялъ тайно, но никогда открыто до послѣднихъ переговоровъ въ Германіи. Этотъ графъ Герцъ пріѣхалъ во вторникъ и, при величайшей ловкости, имѣетъ самыя пріятныя манеры и наружность. Кобенцель пріѣдетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Преемникъ графу Ласи изъ Мадрида еще не назначенъ. Для насъ онъ былъ весьма опаснымъ министромъ, какъ по укоренившейся въ немъ ненависти къ народу, къ которому онъ по рожденію принадлежалъ, такъ и вслѣдствіе своего умѣнья втереться въ дружбу руководящихъ личностей. Г. де-Верака я не знаю; однако мнѣ кажется, что онъ болѣе любезенъ въ обществѣ, чѣмъ страшенъ въ кабинетѣ; и хотя, можетъ быть ему удастся заслужить милость императрицы, съ нимъ все таки будетъ не такъ трудно вести дѣло, какъ съ нынѣшнимъ chargé d'affaires le chevalier Corberon [14]): онъ при самыхъ небольшихъ способностяхъ присмотрѣлся къ нравамъ страны и вступилъ въ сношенія со всѣми камердинерами и вообще низшими чинами Русскихъ домовъ, которые, состоя по бо́льшей части изъ Французовъ и имѣя иногда значительное вліяніе на своихъ господъ, очень часто возстановляли противъ меня умы тамъ, гдѣ я всего менѣе этого ожидалъ. Датскій министръ, который насъ оставилъ, былъ достойный человѣкъ, но уже не молодой и не довольно расточительный, чтобы жить здѣсь; хотя онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ императрицей и ея министрами, но лишился мѣста черезъ неосновательную болтовню молодаго поколѣнія. Я слышалъ, что его замѣнитъ Гильдерскронъ, находящійся въ эту минуту въ Стокгольмѣ. Министры Шведскій и Саксонскій, бароны Нолькенъ и Саксенъ, совершенно незначительны; они кругомъ въ долгахъ и ни при Дворѣ, ни въ обществѣ не пользуются благосклоннымъ пріемомъ. Политическія ихъ способности весьма второстепенны, и они также не умѣютъ выполнить, какъ и задумать что́ либо важное. Германскій резидентъ Свартъ, человѣкъ не отличающійся ни по рожденію, ни по характеру и вовсе неспособенъ къ занимаемому имъ посту. Онъ здѣсь женился, и хотя жена его сильно отличала людей еще ниже по происхожденію, чѣмъ онъ самъ, тѣмъ не менѣе эти личности по прежнему принадлежатъ къ его дому, а она продолжаетъ управлять его домомъ. Польскій резидентъ Деболи, не имѣя другаго дѣла, кромѣ наблюденія за многочисленными процессами, которые ведутся здѣсь его соотечественниками, выбранъ изъ класса людей совершенно способныхъ къ этой дѣятельности: онъ не отличается да и не заявляетъ претензій ни на какое другое достоинство, кромѣ того, что прекрасно говоритъ по-

---

[14]) Повѣренный въ дѣлахъ, кавалеръ Корберонъ.

русски и въ совершенствѣ знакóмъ со всѣми ходами въ Сенатѣ. Симолинъ, который скоро будетъ въ Англіи, хорошо расположенъ въ политическомъ отношеніи. Такъ какъ онъ считаетъ, что онъ обиженъ графомъ Панинымъ, то поэтому теперь держится князя Потемкина, не смотря на то, что первоначально онъ былъ секретаремъ въ иностранномъ министерствѣ и первое свое повышеніе получилъ черезъ графа Панина. Онъ одержимъ въ значительной долѣ тщеславіемъ, и на него произведетъ сильное вліяніе всякое доказательство отличія или кажущагося довѣрія, которое только ему удастся получить отъ васъ, милордъ.

16.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 11 Октября 1779.

Вчера утромъ Корсаковъ получилъ свою отставку лично отъ самой императрицы, и нѣсколько часовъ спустя генералу Бецкому было поручено передать ему, что императрица намѣрена великолѣпно наградить его съ тѣмъ, однако, чтобы онъ исполнилъ ея желаніе, женившись или отправившись путешествовать. Имя его преемника Ланской, родомъ изъ Смоленской губерніи. Онъ служилъ въ кавалергардахъ и со времени пребыванія въ Петергофѣ постоянно обращалъ на себя особенное вниманіе ея императорскаго величества. Но Потемкинъ, имѣя въ виду другую личность, до сихъ поръ противился его назначенію и теперь согласился на него только вслѣдствіе полученнаго имъ въ день рожденія подарка, состоящаго изъ 900000 рублей, землею и деньгами. Ланской молодъ, красивъ и, какъ говорятъ, чрезвычайно уживчивъ. У него многочисленная родня, какъ братьевъ, такъ и кузеновъ, изъ которыхъ бóльшая часть скоро сюда появятся. Эта мѣра еще усилила власть Потемкина, которую ничто не можетъ уничтожить, если только несправедливъ слухъ на счетъ того, что онъ женится на своей любимой племянницѣ, чему, впрочемъ, мнѣ трудно вѣрить. Волненіе, всегда причиняемое такимъ обстоятельствомъ въ умѣ императрицы, за эти послѣдніе два или три дня значительно подѣйствовало на ея здоровье; но сегодня я слышу, что она совершенно поправилась.

17.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 18-го Октября 1779.

Единственное средство, оставшееся противъ насъ у нашихъ недоброжелателей, кажется, состоитъ въ увѣреніяхъ, будто бы мы прерываемъ нейтральную торговлю. Поэтому я предупредилъ ихъ удары, и если намъ удастся удержаться еще нѣсколько недѣль, зима заставитъ ихъ хранить молчаніе по этому предмету. Я знаю, что новыя жалобы приготовляются въ Ригѣ, и генералъ Броунъ, губернаторъ Лифляндіи, былъ принужденъ ихъ поддерживать. Графъ Панинъ одобряетъ поведеніе Датскаго Двора, и еслибы онъ могъ на то осмѣлиться, не рискуя навлечь на себя неудовольствіе государыни, онъ бы склонилъ ихъ написать еще болѣе сильную бумагу, чѣмъ та, которая была передана мистеру Эдену 2-го октября. Многократныя нарушенія нейтралитета, испытанныя нами со времени начала настоящей войны отъ различныхъ державъ и поведеніе Французскаго адмиралтейства никогда не приходятъ ему на память, и онъ или не понимаетъ, или не хочетъ понять, что требованія на произведенія этой имперіи должны возвыситься сообразно съ ихъ потребленіемъ и что своими усиліями лишить насъ права, неоспоримо-принадлежащаго всякому народу во время войны, онъ наноситъ существенный вредъ торговлѣ своей страны. Однако, я льщу себя надеждой, что болѣе благопріятныя чувства и болѣе здравое разсужденіе окончательно появятся въ направленіи дѣйствій этого Двора.

18.

ПИСЬМО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕОРГА III ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II. [15]

Сентъ-Джемсъ, 5-го Ноября 1779.

Я всегда желалъ поддерживать дружбу съ вашимъ императорскимъ величествомъ, болѣе и болѣе укрѣпляя узы союза, основаннаго на общихъ интересахъ и взаимномъ уваженіи. Таковы были мои чувства и дѣйствія въ продолженіи всего моего царствованія, и я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ, что и ваше величество на нихъ отзывались. Новыя увѣренія, данныя вами мнѣ въ этомъ случаѣ, и живое участіе, принимаемое вами во всемъ касающемся Великобританіи, заслуживаютъ съ моей стороны полной благодарности, и я испытываю самое искреннее удовольствіе, выражая его вамъ. При этомъ случаѣ, какъ и при столь многихъ другихъ, я удивлялся величію вашихъ талантовъ, благородству вашихъ чувствъ и обширности вашихъ познаній. Настоящее положеніе южной части Европы представляетъ новый случай, при которомъ эти высокія качества, найдя себѣ обширное поприще, довершатъ славу вашего царствованія. Намѣренія моихъ враговъ, даже если бы они старались сохранить ихъ втайнѣ, не укрылись бы отъ проницательности, подобной вашей; между тѣмъ, они не только не скрываютъ ихъ, но стараются выставлять ихъ на показъ, хвастаясь своими планами и надеждами. Надежды эти, дѣйствительно направленныя къ поднятію общей борьбы во всей Европѣ, могли бы оправдаться, если бы въ минуту подобнаго кризиса ваше императорское величество остались равнодушною зрительницею. Не только самое употребленіе, но даже одинъ только смотръ, сдѣланный части морской силы, можетъ возвратить и упрочить спокойствіе всей Европы, уничтоживъ союзъ, составленный противъ меня и поддержавъ ту систему равновѣсія, о нарушеніи которой хлопочетъ этотъ союзъ. Я желаю и всегда буду желать мира, однако лишь на условіяхъ, согласныхъ съ поддержаніемъ моихъ правъ, съ достоинствомъ моего престола и съ интересами какъ моего народа, такъ и неразлучныхъ съ нимъ моихъ друзей и союзниковъ.

Остаюсь вашего императорскаго величества любящій братъ

Георгъ.

[15] Это письмо было написано по внушенію Джемса Гарриса, переданному лордомъ Уеймоутомъ, съ цѣлью благопріятно расположить императрицу къ договору о союзѣ и увѣрить ее въ искренности желанія на этотъ счетъ Англійскаго Двора.

19.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 23-го Октября 1779.

Я имѣю свѣдѣнія, не подлежащія сомнѣнію, насчетъ того, что Французу, о которомъ я уже упоминалъ, предписано не жалѣть денегъ, лишь бы получать извѣстія, или пріобрѣтать друзей для своего Двора. Онъ пользуется великимъ кредитомъ въ домѣ Реймберта; и хотя онъ не только до сихъ поръ не появился, но, можетъ быть, и никогда не появится въ высшемъ обществѣ, однако онъ уже нашелъ доступъ въ нѣсколько клубовъ и во многіе частные дома столицы. Онъ былъ на столько дерзокъ, что хвастался, будто бы онъ имѣетъ средства подкупить князя Потемкина и съ высокомѣріемъ, свойственнымъ его націи, разсуждалъ ни болѣе ни менѣе какъ о союзѣ между обоими Дворами—Франціи и Россіи. Хотя исполненіе подобной мѣры невозможно, пока дѣло находится въ такихъ рукахъ, тѣмъ не менѣе я имѣю основаніе предполагать, что Французскій министръ не считаетъ его до такой степени неудобоисполнимымъ. Достовѣрно, что этотъ вопросъ давно уже былъ поднятъ въ Потсдамѣ и, можетъ быть, онъ былъ еще полнѣе разъясненъ этимъ самымъ человѣкомъ, при проѣздѣ его черезъ этотъ городъ. Мысль о составленіи тройственнаго союза между Дворами Петербургскимъ, Берлинскимъ и Константинопольскимъ, вѣроятно,

предполагалась единственно какъ шагъ къ исполненію этого намѣренія, и если-бы она не была допущена здѣсь, Франція, вѣроятно, съумѣла бы рано или поздно втереться въ союзъ. Всякій день даетъ мнѣ новыхъ враговъ и новыя затрудненія; однако, пока я удерживаю за собой значеніе при Дворѣ, надѣюсь, что попытки ихъ окажутся безуспѣшными.

20.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ УЕЙМОУТУ.

Петербургъ, 29-го Октября 1779.

Слѣдующіе факты кажутся мнѣ достаточно интересными, чтобы заслужить мѣсто въ моей перепискѣ съ вами. Они были сообщены мнѣ княземъ Потемкинымъ, получившимъ эти свѣдѣнія изъ оффиціальнаго донесенія отъ коменданта Камчатки.

Комендантъ сообщаетъ, что Русскіе, отправляющіеся ежегодно на Алеутскіе острова, гдѣ они охотятся за чернобурыми лисицами, узнали отъ обитателей этихъ острововъ, что около осени 1778 года, или, употребляя ихъ собственныя выраженія, „прежде чѣмъ облетѣли листья и пока трава еще была зелена“, на берегахъ ихъ показались два корабля, одинъ трехмачтовый, а другой двухмачтовый. Люди, пріѣхавшіе на этихъ судахъ, высадились на берегъ; они были одѣты также какъ Русскіе, но говорили на непонятномъ для нихъ языкѣ; они обращались съ туземцами чрезвычайно вѣжливо, а потому и имѣли отъ нихъ самый радушный пріемъ. Они подарили островитянамъ табаку и перочинныхъ ножей, за что островитяне предлагали имъ различные предметы; но они приняли только мясо молодаго кита. Пробывъ на берегу недолгое время, они отправились къ Сѣверу, и нѣсколько времени спустя ихъ видѣли Чукчи на Чукотскомъ Носу или мысу, на сѣверовосточной оконечности Азіи. Далѣе на Сѣверъ они не подвигались, но вернулись тѣмъ же путемъ и, побывавъ на Алеутскихъ островахъ, поплыли къ Югу.

Когда я получилъ эти свѣдѣнія, мнѣ тотчасъ же пришло на мысль, что это могъ быть капитанъ Кукъ [16]).

21.

ПИСЬМО ГАРРИСА РОБЕРТУ КЕЙТУ ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 27 Декабря 1779.

Я думаю, что здѣшній Дворъ все таки менѣе расположенъ къ Пруссіи, чѣмъ прежде: недавно изъ Потсдама было сдѣлано сюда нѣсколько совершенно неслыханныхъ предложеній, и хотя ихъ поддерживалъ графъ Панинъ, тѣмъ не менѣе императрицею они были отвергнуты; кромѣ того, странное поведеніе, котораго его Прусское величество держался за послѣднее время по отношенію къ своему канцлеру и къ нѣкоторымъ судьямъ, отчасти уронили его въ ея мнѣніи. Графъ Герцъ тоже испыталъ неудачу, получивъ пріемъ совсѣмъ другаго рода, чѣмъ тотъ, на который онъ разсчитывалъ. Мы стоимъ высоко въ предпочтеніи ея величества; но она считаетъ рискованнымъ высказаться въ нашу пользу, будучи одна. Бурбоны никогда не получатъ здѣсь прямаго успѣха, но могутъ добиться отрицательныхъ выгодъ черезъ вліяніе короля Прусскаго. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ здѣсь все идетъ по старому: новые любимцы и большая расточительность на время и на деньги. Позвольте мнѣ спросить васъ, справедливы ли дошедшіе до насъ слухи на счетъ того, будто бы вашъ Дворъ смотритъ весьма холодно на дворъ Версальскій, будто бы онъ склоняется къ нашему Двору, и даже между ними за послѣднее время было нѣсколько конфиденціальныхъ сношеній? Я предлагаю вамъ эти вопросы не изъ пустаго любопытства, но потому, что предвижу возможность, въ случаѣ искренней готовности со стороны Австрійскаго министра, рано или поздно порвать узы

---

[16]) Капитанъ Кукъ выѣхалъ изъ Англіи 12-го Іюля 1776; онъ былъ на берегахъ Камчатки осенью 1778 г. и былъ убитъ 14-го Февраля 1779 г. на Овигейскихъ островахъ.

между здѣшнимъ и Берлинскимъ дворами и затѣмъ составить тройственный союзъ съ обѣими императрицами, что̀ послужило бы къ величайшей выгодѣ каждой изъ державъ. Это еще весьма отдаленный планъ, и я сообщаю его подъ глубочайшимъ секретомъ. Если же бы онъ принялъ болѣе правдоподобный видъ, я сказалъ бы многое и, вслѣдствіе особенныхъ преимуществъ, пріобрѣтенныхъ мною отъ моего пребыванія здѣсь, я бы могъ указать на средства самыя вѣрныя для достиженія цѣли. Много будетъ зависѣть отъ характера, способностей и политическихъ мнѣній Кобенцеля, и я желалъ бы, чтобы вы были такъ добры подробно увѣдомить меня на этотъ счетъ. Король Прусскій сдѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы возстановить здѣсь умы противъ него; однако это ему не удалось. Могу положительно увѣрить, что ему будетъ оказанъ прекраснѣйшій пріемъ.

Мнѣ, конечно, не нужно упоминать вамъ, до какой степени необходима строжайшая тайна на счетъ этой политической спекуляціи, составляющей плодъ моего собственнаго воображенія, и пока еще не сообщенной ни одной живой душѣ.

22.

ПИСЬМО ГАРРИСА ГРАФУ ПАНИНУ.

Петербургъ, 31 Декабря 1779.

Такъ какъ здоровье мое не позволяетъ мнѣ явиться къ вашему превосходительству, то берусь за перо, чтобы имѣть честь передать вамъ, что съ послѣдней почтой милордъ Стормонтъ сообщилъ мнѣ только что врученное ему Симолинымъ представленіе насчетъ неудобствъ, претерпѣваемыхъ Русской торговлей съ самаго начала настоящей войны отъ дѣйствій нашихъ крейсеровъ. Въ этой бумагѣ министръ ея императорскаго величества при Лондонскомъ Дворѣ, требуетъ отъ имени своей государыни, чтобы владѣльцамъ задержанныхъ судовъ было оказано удовлетвореніе и чтобы былъ отданъ приказъ, какъ королевскому флоту, такъ и крейсерамъ Британскаго народа, вслѣдствіе котораго Русскіе подданные могли бы впередъ производить торговлю, согласно правиламъ и буквѣ обязательствъ, существующихъ между обѣими державами. Милордъ Стормонтъ не замедлитъ дать отвѣтъ господину Симолину; а покамѣстъ я весьма счастливъ при семъ удобномъ случаѣ увѣрить ваше превосходительство, что король, мой повелитель, намѣренъ исполнить въ величайшей точности обязательства, выраженныя въ трактатѣ 1765 г., и что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ дать усиленныя доказательства своего расположенія болѣе и болѣе упрочивать доброе согласіе, существующее между обоими Дворами. Такъ какъ его величество нимало не сомнѣвается, что ея императорское величество никогда не позволитъ своимъ подданнымъ производить въ военное время торговлю, которая могла бы ему повредить, способствуя усиленію его враговъ, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ: то императрица можетъ быть увѣрена, что плаваніе ея подданныхъ не будетъ ни прервано, ни остановлено кораблями Великобританіи.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ *).

Былъ у меня пріятель докторъ, иностранецъ, водворившійся въ Россіи и если не обрусѣвшій (отъ инокровнаго и иновѣрнаго никогда ожидать не можно и не должно совершеннаго обрусѣнія), то, покрайней мѣрѣ, вполнѣ *омосквичившійся*. Онъ былъ врачемъ и пріятелемъ всего нашего Московскаго кружка, до 1812 года и долго послѣ того. Онъ былъ врачъ не изъ ученыхъ, хотя и питомецъ Итальянскихъ медицинскихъ факультетовъ, когда-то очень знаменитыхъ; но

*) См. первую книгу Р. Архива сего года, стр. 1337.

онъ былъ изъ тѣхъ врачей, которые не рѣдко исцѣляютъ трудно-больныхъ. Глазъ его былъ вѣренъ, сметливъ и опытенъ. Если не было въ немъ много глубокихъ теоретическихъ и книжныхъ познаній, но за то не было и тѣни шарлатанства и бѣганья, во чтобы то ни стало и часто ни на животъ, а на смерть, за всѣми хитросплетенными новыми системами. Онъ не пренебрегалъ ими, знакомился съ ними, но не подчинялся имъ слѣпо и суевѣрно; онъ надъ больнымъ не развертывалъ ихъ знамени, чтобы доказать, что и онъ докторъ передовой, докторъ-либералъ, отрекшійся отъ стараго ученія и преданій стараго авторитета. Къ тому-же (что̀ еще кромѣ науки нужно врачу) онъ имѣлъ душу, сердоболіе, неутомимое вниманіе за ходомъ и разносторонними видоизмѣненіями болѣзни, веселые пріемы и совершенно свѣтское обращеніе. Могу говорить о немъ съ достовѣрностію и досконально, потому что два раза, въ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ болѣзняхъ, былъ я въ рукахъ его, и оба раза я, какъ говаривалъ К. (по словамъ Сонцова) *оттолкнулъ мрачную дверь гроба и остался, какъ вы видите, на землѣ, чтобы прославлять имя моего земнаго спасителя.* Онъ былъ не лишній и у постели больнаго, и за пріятельскимъ обѣденнымъ столомъ. Во всякомъ случаѣ, мы выпили съ нимъ болѣе вина, нежели микстуръ, имъ прописанныхъ. Одинъ изъ его больныхъ, страдавшій болѣе внѣшнею болью, чѣмъ внутреннею, настойчиво требовалъ, чтобы онъ прописалъ ему какое нибудь лекарство. Врачъ отказывался, говоря, что ненужно, и что боль скоро сама собою пройдетъ. Наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ докучливыхъ требованій, сѣлъ онъ за письменный столъ и началъ писать рецептъ. Тутъ больной испугался и сталъ просить, чтобы онъ далъ ему лекарство, не слишкомъ крѣпкое. „Будьте покойны, отвѣчалъ онъ: пропишу такое лекарство, которое ничего вамъ не сдѣлаетъ“.

Однажды жаловался онъ мнѣ на свои домашнія невзгоды съ женою. „Сами виноваты вы, сказалъ я ему. Доктору никогда не должно вступать въ бракъ: каждый день и цѣлый день не сидитъ онъ дома, а рыскаетъ по городу; случается и ночью: жена остается одна, скучаетъ, а скука совѣтница коварная“.—„Нѣтъ, совсѣмъ не то, что̀ вы думаете, перебилъ онъ рѣчь мою“. „Во всякомъ случаѣ, повторяю: что за охота была вамъ жениться?“—„Какая охота? сказалъ онъ. Тутъ охоты никакой не было; а вотъ какъ оно случилось. Дѣвица N., помѣщица С-кой губерніи, пріѣхала въ Москву лечиться отъ грудной болѣзни. Я былъ призванъ, мнѣ удалось помочь ей и поставить ее на ноги. Изъ благодарности влюбилась она въ меня: начала преслѣдовать неотвязною любовью своею, такъ что я не зналъ, куда дѣваться отъ нея и какъ отдѣлаться. Наконецъ расчелъ я, что лучшее и единственное средство освободиться отъ ея гонки за мною есть женидьба на ней. По моимъ докторскимъ соображеніямъ и расчетамъ, я пришелъ къ заключенію, что, хотя, повидимому, здоровье ея нѣсколько поправилось, но болѣе года прожить ей нельзя. Я подумалъ: такъ и быть, годъ коекакъ вытерплю; вотъ я и рѣшился на самопожертвованіе и женился. А на мѣсто того, она изволитъ здравствовать уже пятнадцатый годъ и мучитъ меня своимъ непріятнымъ и вздорнымъ характеромъ. Поди, полагайся, послѣ на всѣ патологическія и діагностическія указанія науки нашей! Вотъ и останешься въ дуракахъ“. Докторъ и докторша давно почіютъ въ мирѣ.

*

Одинъ перчаточникъ развѣсилъ передъ лавкою своею огромную красную ручищу. Онъ просилъ у городскаго начальства позволенія выписать на вывѣскѣ извѣстный стихъ, изъ трагедіи Димитрій Донской:

Рука Всевышняго Отечество спасла.

Неизвѣстно, разрѣшена ли была просьба его.

*

Праздничная поэзія имѣетъ также свою прозаическую и будничную изнанку. Когда знаменитая трагическая актриса Жоржъ (похищенная у Парижскаго театра и привезенная въ Россію молодымъ тогда гвардейскимъ офицеромъ, Бенкендорфомъ) пріѣхала въ Москву, я, тоже тогда молодой и впечатлительный, совершенно былъ очарованъ величествомъ красоты ея, и не менѣе величественною игрою художницы въ роляхъ Семирамиды и Федры. Я до того времени никогда еще не видѣлъ олицетворенія искусства въ подобномъ блескѣ и подобной величавости. Греческій, ваяльный, царственный обликъ ея и станъ поразили меня и волновали. Воспользовавшись объявленіемъ бенефиса ея, отправился я къ ней за билетомъ. Мнѣ, разумѣется, хотѣлось полюбоваться ею вблизи и познакомиться съ нею. Она жила на Тверской у Француженки мадамъ Шеню, которая содержала и отдавала комнаты въ наймы съ обѣдомъ, въ такое время, когда въ Москвѣ не имѣлось *ни отелей, ни ресторановъ*. Взобравшись на лѣстницу и прикоснувшись къ замку дверей, за которыми таился мой кумиръ, я чувствовалъ, какъ сердце мое прытче застукало, и кровь сильнѣе закипѣла. Вхожу въ святилище и вижу предъ собою высокую женщину, въ зеленомъ, увядшемъ и нѣсколько засаленомъ капотѣ; рукава ея высоко засучены; въ рукѣ держитъ она не классическій, Мельпоменовскій кинжалъ, а просто большой кухонный ножъ, которымъ скоблитъ она деревянный столъ. Это была моя Федра и моя Семирамида. Нисколько не смущаясь моимъ посѣщеніемъ врасплохъ и удивленіемъ, которое должно было выражать мое лице, сказала она мнѣ: „Вотъ въ какомъ порядкѣ содержатся у васъ въ Москвѣ помѣщенія для пріѣзжихъ. Я сама должна заботиться о чистотѣ мебели своей“. Тутъ, понимается, было мнѣ уже не до поэзіи, кухонный ножъ выскоблилъ ее съ сердца до чистѣйшей прозы.

Въ издаваемомъ имъ въ то время „Вѣстникѣ Европы“ Жуковскій печаталъ мастерскіе и превосходные отчеты о представленіяхъ *Дѣвицы Жоржъ*, какъ онъ называлъ ее. Въ этихъ бѣглыхъ статьяхъ, является онъ тонкимъ и проницательнымъ критикомъ, какъ литтературнымъ, такъ и сценическимъ; нѣтъ въ нихъ ни сухости, ни пошлой журнальной болтовни, ни учительскаго важничанія. Это просто живая передача живыхъ и глубокихъ впечатлѣній, провѣренныхъ образованнымъ и опытнымъ вкусомъ. Перечитывая ихъ и читая новѣйшія оцѣнки театральнаго искусства и движенія, нельзя не сознаться, что журналы и газеты наши, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, ушли далеко, но только не впередъ.

Лѣтъ тридцать спустя, въ Парижѣ, захотѣлось мнѣ подвергнуть испытанію мои прежнія юношескія ощущенія и сочувствія. Дѣвица Жоржъ уже не царствовала на первой Французской сценѣ, сценѣ Корнеля, Расина и Вольтера: она спустилась на другую сцену мѣщанско-мелодраматическую. Я отправился къ ней. Увидя ее, я внутренно ахнулъ и почти пожалѣлъ о зеленомъ, измятомъ капотѣ и кухонномъ ножѣ: во всякомъ случаѣ, тогда была, по крайней мѣрѣ, обоюдная молодость. Теперь предстала предо мною какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная бѣлилами и румянами, пестро и будто заново подмалеванная древняя развалина, обезображенный памятникъ, изуродованный временемъ обломокъ зданія, нѣкогда красиваго и величественнаго. Грустно мнѣ стало за нее, и вѣроятно за себя. Она увѣряла, что очень хорошо помнитъ и Москву, и меня. Спасибо за добрую память! Но отъ того было не легче. Вотъ новый ударъ по головѣ поэзіи моей.

Die schönen Tagen von Aranjuez
Sind nun vorbei.

Въ виду одна печальная прозаическая изнанка. Можно ли было, глядя на эту безобразную массу, угадать въ ней ту,

которая какъ будто еще не такъ давно, двойнымъ могуществомъ искусства и красоты, оковывала благоговѣйное вниманіе многихъ тысячъ зрителей, поражала ихъ, волновала, приводила въ умиленіе, трепетъ, ужасъ и восторгъ? Какъ! (говорилъ я, печально отъ нея возвращаясь) эта баба-яга именно та самая, которая въ сіяніи самовластительной красоты передавала намъ такъ вѣрно и такъ впечатлительно великолѣпные стихи Расина, еще и нынѣ звучащіе въ памяти:

Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts!
Quand pourrai-je au travers d'une noble poussière
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?

Она произносила эти стихи, какъ будто взабытьи, протяжно, словно невольно и безсознательно. При первыхъ двухъ стихахъ она сидѣла на креслахъ; при третьемъ она немного привставала и наклонялась съ движеніемъ рукъ, чтобы выразить, что она *слѣдитъ за колесницею*.

Помню, что при всемъ восторгѣ и юношеской неопытности моей, мнѣ не нравилась эта матеріальная подражательность, эта художественная жеманность.

*

Вотъ кстати, или некстати, маленькая историческая сплетня. Во время-óно говорили, что при одномъ изъ первыхъ свиданій двухъ императоровъ, Александра I и Наполеона I, была у нихъ, между прочимъ, рѣчь и о *дѣвицѣ Жоржъ*.

*

По поводу этихъ историческихъ и императорскихъ свиданій, припоминаю довольно забавную и замѣчательную черту нашего простаго народа. Дѣло идетъ о первомъ свиданіи и первой встрѣчѣ Александра съ Наполеономъ на плоту на рѣкѣ Нѣманѣ, въ 1807 году. Въ это время ходила въ народѣ слѣдующая легенда. Несчастныя наши войны съ Наполеономъ грустно отозвались во всемъ государствѣ, живо еще помнившемъ побѣды Суворова при Екатеринѣ и при Павлѣ. Отъ этого уныкія до суевѣрія простонароднаго, что тутъ дѣйствуетъ нечистая сила, недалеко, и Наполеонъ прослылъ Антихристомъ. Церковныя увѣщанія и проповѣди распространяли и укрѣпляли эту молву. Когда узнали въ Россіи о свиданіи императоровъ, зашла о томъ рѣчь у двухъ мужичковъ. Какъ же это (говоритъ одинъ) нашъ батюшка, православный царь, могъ рѣшиться сойтись съ этимъ окаяннымъ, съ этимъ нехристемъ. Вѣдь это страшный грѣхъ!—Да, какъ же ты, братецъ (отвѣчаетъ другой) не разумѣешь и не смекаешь дѣла? Развѣ ты не знаешь, что они встрѣтились на рѣкѣ? Нашъ батюшка именно съ тѣмъ и повелѣлъ приготовить плотъ, чтобы сперва окрестить Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя, царскія очи.

Въ теченіи войны 1806 г. и учрежденія народной милиціи, имя Бонапарта (немногіе называли его тогда Наполеономъ), сдѣлалось очень извѣстнымъ и *популярнымъ* во всѣхъ углахъ Россіи. Народъ какъ будто предчувствовалъ, угадывалъ въ немъ Бонапартія 12-го года. (Одна старая барыня временъ Екатерины, привыкшая къ могуществу и славѣ ея, иначе не называла его какъ *Бонапартиха*, судя по аналогіи, что онъ непремѣнно не императоръ, а императрица). По поводу милиціи всюду были назначены областные начальники, отправлены генералы, сенаторы для обмундированія и наблюденія за порядкомъ. вооруженіемъ ратниковъ, и такъ далѣе. Воинская дѣятельность охватила всю Россію. Эта дѣятельность была нѣсколько платоническая; она мало дала знать себя врагу на дѣлѣ, но могла бы надоумить его, что въ народѣ есть глубокое чувство ненависти къ нему, и что разгорится она во всей ярости своей, когда вызоветъ онъ ее на родной почвѣ и

на рукопашный бой. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, состоявшій по милиціонной службѣ при князѣ Юріѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, разсказывалъ слѣдующее. На почтовой станціи одной изъ отдаленныхъ губерній замѣтилъ онъ въ комнатѣ смотрителя портретъ Наполеона, приклеенный къ стѣнѣ. За чѣмъ держишь ты у себя этого мерзавца?—А вотъ за тѣмъ, ваше превосходительство (отвѣчаетъ онъ), что если не равно, Бонапартій, подъ чужимъ именемъ, или съ фальшивою подорожною, пріѣдетъ на мою станцію, я тотъ часъ по портрету признàю его, голубчика, схвачу, свяжу, да и представлю начальству.

—А это дѣло другое! сказалъ Пушкинъ.

Вотъ еще милиціонное воспоминаніе и милиціонная легенда. Въ началѣ столѣтія были извѣстны въ Москвѣ два брата С. Они въ своемъ родѣ и въ нѣкоторыхъ кружкахъ пользовались даже знаменитостью. Оба были видные и красивые мущины. Въ нихъ выражался нѣкоторый разгулъ, нѣкоторое молодечество, довольно обыкновенные въ царствованіе Екатерины, обузданные и прижатые при императорѣ Павлѣ и снова очнувшіеся, на нѣкоторое время, съ воцареніемъ Александра. Собственно не принадлежали они аристократическому кругу; но, если вѣрить соблазнительнымъ хроникамъ, красивая наружность и отвага растворяли передъ ними, мелкотравчатыми дворянами—особенно предъ однимъ изъ нихъ—потаенныя двери въ нѣкоторые аристократическіе будуары. Одинъ изъ нихъ кропалъ стихи. Была извѣстная пѣсня его съ припѣвомъ:

Тьфу, какъ счастливъ тотъ, кто скотъ!

Но вотъ замѣчательнѣйшая черта изъ ихъ біографіи. Въ 1806 году находились они ополченцами въ одномъ отдаленномъ губернскомъ городѣ. Въ самое то время, передъ 12-мъ Декабря, днемъ рожденія императора Александра, губернаторъ входитъ съ представленіемъ къ высшему начальству, испрашивая дозволенія пить на предстоявшемъ оффиціальномъ обѣдѣ, за здравіе государя императора, малагою, а не шампанскимъ, потому что все шампанское, имѣвшееся въ губернскомъ городѣ и въ уѣздахъ, выпито братьями С.

Тутъ есть что-то гомерическое, напоминающее богатырскія пиршества, воспѣтыя Греческимъ пѣснопѣвцемъ.

*

Про одну изъ барынь прошлаго вѣка, ѣхавшую за границу, вскорѣ послѣ Наполеоновскихъ войнъ, графъ Растопчинъ говорилъ: „Напрасно, выбрала она это время: Европа еще такъ истощена“.

*

Съ N. N. была непріятность или бѣда, которая огорчала его. Пріятель, желая успокоить его, говорилъ ему: Напрасно тревожишься, это просто случай.—Нѣтъ, отвѣчалъ N. N.: въ жизни хорошее случается, а худое сбывается.

*

Однажды, при чтеніи въ частномъ обществѣ нѣсколькихъ главъ неизданнаго романа, одинъ изъ слушателей Т. заснулъ. Il est le seul, сказала дѣвица В., qui ait eu le courage de son opinion (онъ одинъ имѣлъ смѣлость заявить мнѣніе свое).

При другомъ случаѣ N. N. сказалъ: Il est bon d'avoir le courage de son opinion, mais il est inutile d'avoir le courage de sa sottise? А это бываетъ чаще. Смѣлость, откровенность убѣжденія, то есть безстрашіе, съ которымъ высказываешь и поддерживаешь убѣжденіе свое противъ вѣтра и прилива, какъ говорятъ Французы, конечно дѣло честное и мужественное: это своего рода Өермопильская битва. Но жаль, что нерѣдко, самыя безобразныя и нелѣпыя мнѣнія провозглашаются и защищаются съ наибольшимъ ожесточеніемъ. Глупость, именно потому, что она глупость, и придаетъ человѣку свою врожденную смѣлость. Умъ можетъ, при случаѣ, задуматься, замяться, совершить даже образцовое и достохвальное отступленіе, какъ совершали его иные великіе пол-

ководцы; глупость, очертя голову, никогда не отступаетъ, а все лезетъ впередъ и на проломъ.

*

Говорили, что Платовъ вывезъ изъ Лондона, куда ѣздилъ онъ въ 1814 году въ свитѣ Александра, молодую Англичанку въ качествѣ компаньонки. Кто-то—помнится, Денисъ Давыдовъ—выразилъ ему удивленіе, что, не зная поанглійски, сдѣлалъ онъ подобный выборъ. Я скажу тебѣ, братецъ, отвѣчалъ онъ: это совсѣмъ не для *хфизики*, а больше для *морали*. Она добрѣйшая душа и дѣвка благонравная; а къ тому-же такая бѣлая и дородная, что ни дать ни взять *Ярославская* баба.

*

Изъ дорожнаго дневника въ окрестностяхъ Карлсбада. По берегамъ рѣчки нѣсколько мельницъ. На мельницахъ промышленность дружится съ поэзіей. Это не то, что фабрика или мастерская: тамъ духота физическая и нравственная, подобіе тюрьмы, родъ вольной, а на дѣлѣ невольной каторги. Мельницы обыкновенно строятся въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ. Движеніе, шумъ мельницы одушевляютъ картину. Мельникъ вообще какая-то особенная личность. Народная молва приписываетъ ему то лукавство, то колдовство съ примѣсью поэзіи. Аблесимовъ не даромъ выбралъ его въ герои оперы своей. Вѣтреныя мельницы могутъ быть очень полезны, но нѣтъ въ нихъ привлекательности мельницы водяной. Безобразны эти *огромныя руки* *), которыя махаютъ въ воздухѣ и вертятся. Да и нѣтъ главной прелести, души мельницы: нѣтъ воды, этой вѣчно живой, вѣчно движущейся, вѣчно говорливой, поющей стихіи.

Сегодня здѣшній праздникъ Петра и Павла. Ѣздили въ Эльбогенъ. По дорогѣ встрѣчали богомольцевъ. Передъ селеніями кукольныя изображенія святыхъ имянинниковъ въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, съ распущенными хоругвями и проч. Православнымъ глазамъ какъ-то странны и даже дики эти грубыя изваянія. Но вѣдь привыкли же мы къ грубой живописи нашихъ богомазовъ. Эти высокіе кресты, изображенія Дѣвы Пресвятой, которыя встрѣчаешь по дорогамъ, имѣютъ что-то народное и легендарное. Они напоминаютъ какое нибудь событіе, совершившееся на этомъ мѣстѣ. Рѣдкія наши часовни, которыя находимъ также на большихъ дорогахъ, имѣютъ свою религіозную и поэтическую прелесть. Помню, что, въ странствованіяхъ моихъ по неизмѣримымъ пространствамъ нашей матушки-Россіи, я всегда радовался подобной находкѣ и съ умиленіемъ останавливался предъ нею. Все же это было выраженіе мысли и чувства, живое преданіе чего-то, сочувственное, хотя и темное общеніе съ кѣмъ-то. Кто нибудь да построилъ же эту часовню, въ память былой радости или былой скорби. Молча совершаешь крестное знаменіе, поклоняешься этому безъименному памятнику и ѣдешь далѣе дорогою своею. Но минута взяла свое: она впечатлѣлась въ тебя, и ты откликнулся на голосъ далекаго, незнакомаго и чуждаго тебѣ брата. Помню двѣ или три такихъ часовни, построенныя при источникахъ. Это переноситъ въ знойныя пустыни мусульманскаго Востока. Тамъ также сооружены фонтаны, можно сказать, священные; на камнѣ вырѣзано изрѣченіе изъ Алькорана; подъ нимъ струится прохладная вода, Божія роса въ этой раскаленной степи.

Мѣстоположеніе Эльбогена очень красиво. Живописны его цѣпной мостъ и древній рыцарскій замокъ. О времена, о нравы! О насмѣшка судьбы! Замокъ служитъ теперь острогомъ для заключенныхъ преступниковъ. Впрочемъ, если хорошенько вникнуть въ дѣло, то выдетъ разница небольшая: вѣроятно многіе благородные, рыцарскіе обитатели этого замка были въ свое время и въ своемъ родѣ такіе же разбойники, какъ и нынѣшніе жильцы его.

*

*) Слышенъ Арзамасецъ. *П. Б.*

N N. говоритъ о X., писателѣ расплывчивомъ: „онъ чернилами не пишетъ, а его чернилами слабитъ“.

*

Первая жена гр. Л. была женщина немолодая, некрасивая, ужасно худощавая, плоская, досчатая. Однажды, читая какую-то реляцію, спрашиваетъ она, что̀ значитъ Французское слово gorge на военномъ языкѣ. „Это значитъ входъ въ укрѣпленіе, отвѣчаетъ онъ. Говорятъ: attaquer une demi-lune par la gorge. Voyez-vous, ma chère, si, par exemple, vous étiez une forteresse, vous seriez imprenable“ *). Кажется и у насъ, по части фортификаціи, употребляется слово *горжа*, какъ входъ въ бастіонъ. Другое значеніе Французскаго слова gorge, которое къ графинѣ было непримѣнимо, покорнѣйше просимъ отыскать въ словарѣ.

Графъ Л. застаетъ эту-же сожительницу свою въ *преступномъ разговорѣ* (также и здѣсь отсылаемъ читателя или читательницу къ Англійскому словарю) съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ. „Поздравляю вас, любезнѣйшій, говоритъ онъ ему. Я хотѣлъ представить васъ къ Аннѣ на шею, а теперь представлю васъ къ шпагѣ за храбрость“.

Мужъ и жена были очень скупы; они жили въ домѣ на двухъ половинахъ. Вечеромъ, общая пріемная комната ихъ никогда не была освѣщена. Когда докладывали имъ о пріѣздѣ кого нибудь, онъ или она, смотря по пріѣзжему, т. е. его ли это гость или ея, выходилъ или выходила изъ внутренней комнаты со свѣчею въ рукѣ. Когда же гость могъ быть *обоюдный*, то мужъ и жена, являясь въ противоположныхъ дверяхъ и завидя другъ друга, спѣшили задуть свѣчу свою, такъ что гость оставался въ совершенныхъ потьмахъ.

*

*) Атаковать полумѣсяцъ горжею. Вотъ видите, моя милая: если бы вы, напримѣръ, были крѣпостью, васъ нельзя было бы взять.

Другой гр. Л... былъ также извѣстенъ скопидомствомъ своимъ и большимъ богатствомъ. Передъ кончиною своею послалъ онъ за патеромъ, чтобы пріобщиться святыхъ таинствъ. У Римскихъ католиковъ сей обрядъ совершается съ нѣкоторою торжественностію. Графъ приказалъ засвѣтить всѣ люстры, канделябры и подсвѣчники въ комнатахъ, чрезъ которыя долженъ былъ проходить священникъ съ священными дарами. Тотчасъ, по исполненіи обряда и уходѣ патера, приказалъ онъ немедленно погасить всѣ свѣчи, по этому случаю зажженныя. Таково было послѣднее его хозяйственное распоряженіе, и едва ли не таковы были послѣднія предсмертныя слова.

*

Веронъ, Французскій писатель и содержатель Парижской оперы, разсказываетъ въ Запискахъ своихъ, что онъ посѣтилъ кн. Тюфякина въ день смерти его. Князь очень страдалъ и страданіями былъ ослабленъ. Завидя Верона, онъ съ трудомъ выговорилъ: „А Плонкетъ (извѣстная танцовщица) танцуетъ ли сегодня?“

Вотъ, можно сказать, автонагробное слово, которое произнесъ надъ собою нашъ соотечественникъ, впрочемъ человѣкъ любезный, бывшій нѣкогда директоромъ императорскихъ театровъ въ Россіи. Онъ провелъ послѣдніе годы жизни своей въ Парижѣ. Когда Русскимъ приказано было выѣхать изъ Парижа, Поццо-ди-Борго исходатайствовалъ у императ. Николая позволеніе ему оставаться въ немъ, по причинѣ болѣзни. Впрочемъ онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, здоровья очень плохаго. Посолъ приглашаетъ его однажды на обѣдъ. Князь находитъ подъ салфеткою прибора своего высланное изъ Петербурга разрѣшеніе оставаться безсрочно въ Парижѣ. Князь такъ и вскочилъ со стула отъ удивленія и радости. Домъ его Парижскій былъ очень гостепріименъ для туземцевъ и для заѣзжихъ земляковъ, что̀ не всегда бываетъ, и часто не безъ причины: и

Англичане, которые большіе патріоты, на твердой землѣ осторожно обѣгаютъ наплыва соотечественныхъ туристовъ.

А вотъ еще историческое предсмертное слово. „Какъ скученъ Катенинъ!“ воскликнулъ В. Л. Пушкинъ умирающимъ голосомъ. Это исповѣдь и лебединая пѣснь литератора старыхъ временъ, т. е. литератора присяжнаго, литератора прежде всего и выше всего.

*

Племянникъ гр. Литты, кн. Владиміръ Голицынъ спросилъ его: А знаете ли вы, какая разница между вами и Бегровымъ? Вы графъ Литта, а онъ литографъ.

*

Въ слѣдствіе какой-то проказы за границею, тотъ же Голицынъ получилъ приказаніе немедленно возвратиться въ Россію, на жительство въ деревнѣ своей безвыѣздно. Возвратившись въ отечество, онъ долгое время колесилъ его во всѣ направленія, переѣзжая изъ одного города въ другой. Такимъ образомъ пріѣхалъ онъ, между прочимъ, въ Астрахань, гдѣ пріятель его Тимирязевъ былъ военнымъ губернаторомъ. Сей послѣдній немало удивился появленію его. „Какъ попалъ ты сюда, спрашивалъ онъ, когда повелѣно тебѣ жить въ деревнѣ?“—„Въ томъ-то и дѣло, отвѣчаетъ Голицынъ, что я все ищу, гдѣ можетъ быть моя деревня: объѣздилъ я почти всю Россію, а все деревни моей нѣтъ какъ нѣтъ, куда ни заѣду, кого ни спрошу“. Онъ былъ очень остеръ, краснобай, мастеръ играть словами и веселый разскащикъ. Московскій Англійскій клубъ 20-хъ и 30-хъ годовъ не разъ забавлялся его неожиданными и затѣйливыми выходками.

*

Графъ Гейнрихъ Ржевускій, Польскій писатель, извѣстный и прославившійся своими историческими романами, въ которыхъ воскрешалъ онъ нравы и бытъ старой Польши, былъ самъ кровный и *щирый* Полякъ. Онъ принадлежалъ старой *ойчизнѣ* душою, преданіями и убѣжденіями, пожалуй, и предубѣжденіями, ложно-историческими и клерикально-религіозными. Но все же эти убѣжденія, смѣшанныя съ предубѣжденіями, входили въ плоть и кровь его. Воля ваша, должно умѣть мириться и съ подобными людьми, а не забрасывать ихъ укоризнами и каменьями риторическаго патріотизма. Можно быть политическимъ противникомъ ихъ, но и въ борьбѣ должно уважать честнаго врага. Въ этой средѣ Ржевускій былъ единомышленникомъ собратій своихъ, но и отличался отъ нихъ. Въ немъ были патріотическія сожалѣнія и скорби, но не было безумныхъ упованій и самонадѣянныхъ требованій. Разсудокъ его не щетинился предъ силою вещей и приговоромъ совершившихся событій. Помимо страстей и закоренѣлыхъ сочувствій, онъ нерѣдко ясно и метко вглядывался въ вещи и видѣлъ ихъ такими, какими были онѣ въ самомъ дѣлѣ. У него было помѣстье въ южно-западной Россіи. Однажды съѣхались къ нему сосѣди. Скоро рѣчь зашла о томъ, чѣмъ была Польша нѣкогда и чѣмъ она теперь. Разговоръ, разумѣется, дошелъ до того, что такъ или иначе, а Польша въ свой урочный часъ возстанетъ и сплотится на старый ладъ. Хозяинъ, наскучившись этимъ вѣчнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, сказалъ имъ: „А знаете ли, господа, какъ правительство могло бы совершенно *обрусить* деревню, въ которой имѣю нынѣ честь видѣть васъ и угощать? Стоило бы ему только вывезти отсюда меня, эконома моего и ксендза: за отсутствіемъ насъ троихъ, деревня сдѣлалась-бы сплошь чисто-Русская“.

Въ другой разъ вбѣгаетъ къ нему въ Петербургѣ Полякъ студентъ, взволнованный и восторженный. Въ то время гдѣ-то въ Польшѣ возникли политическіе безпорядки, которые, по Польскому обычаю, могли возрости до кровавой смуты. „Что-же, графъ?“ спрашива-

етъ онъ: „скоро выѣзжаете вы изъ Петербурга?“—„За чѣмъ и куда?“ говоритъ графъ. „Какъ куда и зачѣмъ? Да развѣ не знаете вы, что въ Польшѣ зашевелились?“—„Нѣтъ, знаю, но именно потому въ Польшу и не ѣду, а остаюсь въ Петербургѣ“.—„Помилуйте, графъ, вамъ въ ваши лѣта не должно терять такой удобный случай: можетъ быть, это въ послѣдній разъ на вѣку вашемъ приходится быть свидѣтелемъ возстанія и принять въ немъ участіе. Я дѣло другое: я еще молодъ, могу подождать; впереди мало ли что еще будетъ, а вамъ ждать нечего“. Ржевускій въ тотъ же день разсказалъ мнѣ этотъ разговоръ.

Въ тоже время отправился онъ въ почтамтъ и объявилъ, что онъ ни съ кѣмъ переписки не имѣетъ и имѣть не хочетъ, и что, въ случаѣ полученія писемъ на имя его, онъ покорнѣйше проситъ почтовое начальство истреблять эти письма.

О пребываніи своемъ въ Петербургѣ Ржевускій забавно замѣчалъ: „Здѣсь всѣ любятъ быть при комъ нибудь, или при чемъ нибудь. Каждому нужно такъ или иначе числиться *состоящимъ*; единичныхъ личностей нѣтъ. Когда я бываю въ обществѣ, или гуляю по улицамъ, я, не принадлежащій никакому вѣдомству, никакому персоналу, могу вообразить себѣ, что вся эта административная махина, все это поголовное чиновническое ополченіе учреждены, бодрствуютъ, дѣйствуютъ только для меня, для личнаго охраненія личной моей безопасности и для моего удовольствія. Всѣ прочіе—звѣнья, взаимно сопряженныя въ одну цѣпь, которою держится общій порядокъ. Всѣ другъ дружкѣ помогаютъ, каждый дежурствомъ своимъ и поденнымъ трудомъ. Я одинъ не дежурю, никому не помогаю, ничего не дѣлаю, а пользуюсь усиленными трудами всеобщей бдительности и дѣятельности“.

„Полячка же (говорилъ онъ) напротивъ, любитъ всегда имѣть при себѣ кого нибудь, а сама быть не при чемъ. Русскіе, хотя иногда и безъ выгодъ, ищутъ быть безкорыстными кліентами; Полячка любитъ имѣть при себѣ чиновниковъ по особеннымъ порученіямъ, добровольныхъ невольниковъ. Полячка, гдѣ-бы ни было, употребитъ всѣ усилія, всѣ уловки Польской своей натуры, чтобы завербовать подъ власть свою одну изъ мѣстныхъ предержащихъ властей: въ столицѣ-министра, въ губернскомъ городѣ—губернатора, или начальника внутренней стражи, въ уѣздномъ—городничаго, въ деревнѣ—квартирующаго съ отрядомъ своимъ армейскаго прапорщика. Въ этомъ выражается и общая женская потребность нравиться, и особенно Польская потребность имѣть при себѣ и всенародно угодника, приживала, болѣе или менѣе офиціальнаго, болѣе или менѣе титулованнаго. Какъ сосѣди ни раздѣляли Польши, еще все не могли они приступить къ *раздѣлу* этой женской національной силы“.

Какъ Ржевускій ни любовался и ни хвастался своею единичною независимостью, а кончилъ тѣмъ, что состоялъ, если не офиціально, то офиціозно, при князѣ Паскевичѣ въ Варшавѣ. Фельдмаршалъ (и ставимъ ему это въ число непослѣднихъ отличій его) чувствовалъ также потребность имѣть постоянно при себѣ умнаго человѣка. Такъ были при немъ Старынкевичъ, потомъ Козловскій, подъ конецъ Ржевускій. Ему нуженъ былъ разговорчивый и просвѣщенный собесѣдникъ, далеко заполуночный. Въ бесѣдахъ этихъ былъ онъ искрененъ, словоохотливъ и въ высшей степени занимателенъ. Но необходимъ былъ для такой бесѣды человѣкъ, умѣвшій давать *реплику*, какъ говорится на театральномъ языкѣ. Ржевускій имѣлъ въ себѣ что-то и Старынкевича, и Козловскаго: трудно опредѣлить это неуловимое что-то, но оно угадывалось, чувствовалось. Первый, окромѣ того, что былъ очень уменъ и рѣчистъ, имѣлъ еще неистощимый запасъ всевозможныхъ воспоминаній, государственныхъ и біографическихъ свѣдѣній о событіяхъ, закулисныхъ и

заканцелярскихъ тайнахъ и лицахъ царствованія Александра. Между прочими зналъ онъ наизустъ князя Багратіона, Чичагова, Новосильцева. Самъ не игралъ онъ въ дѣлахъ видной роли, даже и второстепенной; но умѣлъ пронюхивать источники, доискиваться ихъ, приближаться къ нимъ и черпать изъ нихъ ловкою и объемистою рукою. Сверстники и пріятели прозвали его: политическимъ Фигаро. Ржевускій не обладалъ, быть можетъ, вполнѣ изящными и сочувственными свойствами, которыми такъ богато и почти исключительно предъ другими былъ одаренъ Козловскій. Онъ не имѣлъ за собою, какъ Козловскій, и Европейской извѣстности, и Европейскаго авторитета. Но и онъ въ обществѣ, на вечерѣ, мало по малу забиралъ первенствующее мѣсто въ разговорѣ: всѣ охотно слушали его, забавлялись парадоксами, смѣялись остроумнымъ выходкамъ его, иногда фантазіямъ воображенія, въ которыхъ правдивый историкъ уступалъ мѣсто романисту, и слушатель не долженъ былъ ставить всякое лыко въ строку.

*

Кривцовъ (Николай Ивановичъ), возвратясь изъ Лондона, въ которомъ прожилъ онъ довольно долгое время, по службѣ при нашемъ посольствѣ, явился къ намъ большимъ англоманомъ. Онъ вывезъ изъ Англіи съ собою и въ себѣ многіе тамошніе обычаи, вкусы, повадки. Императоръ Александръ I очень благоволилъ къ нему и любилъ въ немъ молодаго безногаго ветерана послѣдней отечественной войны. Вскорѣ по возращеніи своемъ назначенъ онъ былъ Тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Туда перевезъ онъ и свою Англійскую обстановку. Тулякамъ это не нравилось. Они, то есть привычки, и желудки ихъ, не могли переваривать поздніе обѣды его, и у себя дома, и въ частныхъ домахъ, гдѣ давались обѣды въ честь его. Туляки мало обращали вниманія на то, что онъ былъ дѣятеленъ, правосуденъ, само собою разумѣется, и безкорыстенъ: къ небрежности въ дѣлахъ они приглядѣлись; къ взяткамъ они, по прежнимъ порядкамъ, успѣли попривыкнуть. Все это дѣло житейское и обыкновенное; но обѣдать въ шестомъ часу, но смотрѣть, какъ г. губернаторъ въ концѣ обѣда прохлаждается изюмомъ, орѣхами и медленно запиваетъ ихъ рюмкою портъ-вейна, вотъ уже чего никакъ не могла спокойно вынести ихъ домашняя и гражданская натура. Послѣ Тулы перешелъ онъ въ Воронежъ, изъ Воронежа поступилъ онъ губернаторомъ въ Нижній Новгородъ. Внѣшняя англоманія его, а можетъ быть, и нѣкоторая внутренняя неуступчивость и особливость въ нравѣ, попробуемъ сказать *особнячество* (жить особнякомъ) въ провинціальной средѣ, вездѣ вредили ему. Пошли служебныя пререканія, жалобы, доносы. Наконецъ долженъ онъ былъ сойти съ губернаторскаго поприща. Жаль, что гражданская дѣятельность его не долѣе продолжалась. Онъ могъ сначала, по неопытности, по малому знакомству съ административными Русскими порядками, иногда ошибаться и дѣлать легкіе промахи; но въ немъ были всѣ залоги хорошаго хозяина губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ вышелъ бы изъ него образцовый губернаторъ. Онъ часто говаривалъ: когда сужу себя, бываю собою недоволенъ; когда себя сравниваю со многими другими, я примиряюсь съ собою.

Но возвратимся къ Голицыну по поводу Кривцова. Между привычками, вывезенными имъ изъ Англіи, была и та, что за завтракомъ его стояла на столѣ хрустальная чаша съ вареньемъ. Когда онъ до нея дотрогивался, Голицынъ говорилъ ему: „Сдѣлай милость, не принуждай себя, не неволь себя; я и такъ буду всѣхъ увѣрять, что видѣлъ собственными глазами, какъ ты ѣшь варенье послѣ утренняго чая“.

Дополнимъ еще нѣсколькими почерками пера изображеніе Кривцова, слегка уже нами наброшенное. Есть лица,

которыхъ портреты во весь ростъ не попадаютъ въ историческія выставки. Исторія ихъ не выдаетъ; но не менѣе того силуэты ихъ имѣютъ полное право занять мѣсто въ пріятельскомъ альбомѣ, или въ перечневой вѣдомости современныхъ личностей.

Послѣ своихъ губернаторскихъ неудачъ, Кривцовъ поселился въ Тамбовской деревнѣ Любичи. Рѣдко выѣзжалъ онъ изъ нея въ Москву на нѣсколько недѣль; еще рѣже являлся въ Петербургѣ, и то на время еще короче. Разумѣется, построилъ онъ въ деревнѣ каменную, готическую, Англійскую башню. Но вмѣстѣ съ тѣмъ построилъ и большой деревянный домъ, красивый, хорошо расположенный и со всѣми возможными удобствами, какъ для себя и для своихъ, такъ и для гостей, навѣщавшихъ его. Изъ сосѣдей своихъ преимущественно сблизился онъ съ семействомъ князя Григорія Сергѣевича Голицына (котораго помѣщичья жизнь и домашняя обстановка ожидаютъ живописца для вѣрной и достойной обрисовки всей ея своеобразности), съ Баратынскими, съ Чичериными. Отъ другихъ сосѣдей онъ уклонялся; а если необходимость вынуждала его принимать кого изъ нихъ, то онъ вымещалъ скуку свою на голодающемъ ихъ желудкѣ, и обѣдалъ еще позднѣе обыкновеннаго: сосѣди, измученные долгимъ отощаніемъ, не возращались на дальнѣйшія пытки. Онъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ; но съ прибылью ли, это неизвѣстно, да и сомнительно. Впрочемъ онъ не англизировалъ ни полей своихъ, ни хлѣбопашцевъ, а, кажется, держался отцовскихъ порядковъ въ обработываніи полей и въ прочемъ домостроительствѣ. Онъ вообще не былъ человѣкомъ ни увлеченія, ни утопіи. Былъ онъ болѣе человѣкомъ разсудка, разбора, анализа. Можно было признать въ немъ нѣкоторую холодность, нѣкоторый скептицизмъ. Не знаю, былъ ли онъ способенъ къ дружбѣ въ полномъ значеніи этаго слова, то есть съ ея откровенностію, горячностію, самопожертвованіями; но онъ питалъ въ себѣ чувства искренней пріязни и уваженія къ нѣкоторымъ исключительнымъ лицамъ и остался имъ вѣренъ до конца. Онъ не былъ записанъ въ Арзамазскомъ штатѣ, но былъ пріятелемъ почти всѣхъ Арзамасцевъ. Учиться началъ онъ поздно и самъ собою, то есть чтеніемъ. Первоначальное образованіе его было, вѣроятно, слабо и поверхностно. Рано вступилъ онъ въ военную службу: тутъ было тогда не до ученія, а до ученій. Изъ первыхъ серіозныхъ книгъ имъ прочитанныхъ была кажется, исторія вѣка Людовика XIV-го, написанная Вольтеромъ. Подъ новостію и свѣжестію впечатлѣній своихъ, онъ, кстати и не кстати, все говорилъ объ этой эпохѣ. Кто-то изъ пріятелей его,—чуть ли не Блудовъ, сказалъ: Кривцовъ воображаетъ, что онъ открылъ вѣкъ Людовика XIV-го. Деревенская жизнь, съ своимъ спокойствіемъ, съ независимостью своею, годъ отъ году все болѣе привязывала его къ себѣ. Въ этой жизни было также что-то Англійское, частью, можетъ быть и привитое, но прививка попала на хорошій и родственный грунтъ. Англичане живутъ въ помѣстьяхъ своихъ: въ Лондонѣ они только гостятъ. Кривцовъ одичалъ къ обществу, которое, впрочемъ онъ, кажется, и въ молодости умѣренно любилъ *); но пріѣзду пріятеля онъ всегда былъ радъ. Бывало, предъ обѣдомъ спроситъ онъ его: какое вино хочетъ онъ пить? И спустившись въ погребъ, котораго ключь носилъ онъ всегда въ карманѣ, вынесетъ онъ, по желанію гостя, бутылку хорошаго бордо, рейнъ-вейна или шампанеи, какъ говаривалъ Американецъ Толстой. Хотя деревянная нога его была образцовая, щегольская, такъ что мудрено было разглядѣть, которая сдѣлана изъ дерева и пружинъ и которая изъ костей и мяса, но все же не могъ

*) Сколько намъ извѣстно, въ первой молодости Н. И. Кривцовъ любилъ бывать въ обществѣ. См. нашу замѣтку объ этомъ достопамятномъ лицѣ въ Р. Архивѣ 1864 г., стр. 1087. *П. Б.*

онъ много ходить. У подъѣзда деревенскаго дома его стояла постоянно таратайка, запряженная въ дежурную лошадь. Въ этомъ экипажѣ нѣсколько разъ въ день объѣзжалъ онъ поля свои и осматривалъ хозяйственныя работы, и каждый вечеръ староста являлся къ нему съ докладомъ о трудахъ и событіяхъ дня.

Эти аудіенціи имѣли свой особый характеръ. Кабинетъ его, какъ и всѣ комнаты, содержались въ примѣрной, опять таки Англійской, чистотѣ. Полы обиты были мягкими, пушистыми коврами, мало удобными для гвоздями обитой обуви Русскаго мужика. И вотъ что придумано было помѣщикомъ. Онъ велѣлъ прорубить родъ окна̀ въ стѣнѣ, выдающейся въ сѣни. Въ извѣстный часъ староста высовывалъ чрезъ это отверстіе голову свою, опушенную густою бородою, совершалъ свои доклады и принималъ приказанія и распоряженія барина на слѣдующій день. Въ послѣднее время онъ нѣсколько обрюзгъ тѣломъ, вѣроятно въ послѣдствіе увѣчья своего, но не обрюзгъ умомъ. Въ осенніе и зимніе вечера, послѣ поздняго обѣда, садился онъ въ кресла передъ каминомъ и дремалъ. Такъ въ одинъ вечеръ, неожиданная скоропостижная смерть тихо застигла его. Замѣчательно, что любимый братъ его, Павелъ, пріѣхавшій, послѣ смерти брата, изъ Рима въ Любичи, умеръ въ той же комнатѣ, предъ тѣмъ же каминомъ, и чуть ли не въ самыхъ тѣхъ креслахъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВОЙНѢ 1853—1856 ГОДОВЪ.

Дѣло на Черной рѣчкѣ 4 Августа 1855 года и князь Михаилъ Дмитріевичь Горчаковъ.

Объ этомъ несчастномъ дѣлѣ говорено было много; но то, что́ сказано или не совсѣмъ вѣрно или относится къ отдѣльнымъ частямъ войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ.

Записка Д. А. Столыпина, напечатанная въ Русскомъ Архивѣ 1874 года, дышетъ безъискуственной правдой, въ тѣхъ мѣстахъ разсказа, гдѣ онъ говоритъ какъ очевидецъ. Вотъ почему я считаю долгомъ дополнить ее своими воспоминаніями, такъ какъ мнѣ пришлось въ дѣлѣ 4 Августа быть тѣмъ адъютантомъ главнокомандующаго, котораго онъ перваго послалъ съ приказаніемъ: *„время начинать“*.

Въ диспозиціи, данной войскамъ на 4 Августа, было сказано: *„Войскамъ „быть на мѣстахъ къ 4 часамъ по „полуночи. Генералъ Липранди атакуетъ Телеграфную гору, а генералъ Реадъ въ одно и тоже время открываетъ артиллерійскій огонь „по Ѳедюхинымъ высотамъ, давая „тѣмъ возможность удержаться на „Телеграфной горѣ. Главнокомандующій первоначально будетъ на батареѣ, снаряженной морскими орудіями, или иначе на редутѣ, а потомъ переѣдетъ къ генералу Липранди, гдѣ и рѣшитъ дальнѣйшій „ходъ дѣла“*.

Диспозицію эту я собственноручно десять разъ переписывалъ и зналъ буквально наизустъ.

Вообще главнокомандующій предполагалъ, смотря по тому, что́ окажется болѣе удобнымъ, или аттаковать Ѳедюхины высоты или Гасфортову гору, или наконецъ ограничиться однимъ усиленнымъ обозрѣніемъ.

Послѣднее видно изъ того, что, прибывъ на Мекензіеву гору, въ расположеніе штаба 6-го корпуса, князь Горчаковъ, съ вечера, отправилъ въ Петербургъ телеграмму, приблизительно такого же содержанія, съ при-

совокупленіемъ, что если ему, по обстоятельствамъ, и пришлось бы перейти къ наступленію, то на успѣхъ онъ не разсчитываетъ.

Переѣздъ съ Инкерманской позиціи на Мекензіеву гору главнокомандующій сдѣлалъ верхомъ. Погода была прекрасная, но не весело было на душѣ его; въ продолженіе всего пути, князь былъ молчаливъ: тяжкія думы тяготили его голову.

Прибывъ на Мекензіеву гору, князь долго бесѣдовалъ съ разными начальниками отдѣльныхъ частей и въ особенности съ генераломъ Липранди. Наконецъ, прощаясь съ генералъ-адъютантомъ барономъ Вревскимъ, онъ сказалъ: „*Ну-съ, пора и отдохнуть*". На это баронъ Вревскій отвѣчалъ: „*Я завидую вашему сіятельству; „нѣсколько часовъ отдѣляютъ васъ „отъ дня вашей славы*". — „*Чтó вы „говорите!* сурово замѣтилъ князь. „*Я знаю, чтó меня ожидаетъ завтра—прощайте*!"

Дежурнымъ адъютантомъ при главнокомандующемъ въ эту ночь былъ *князь Дмитрій Николаевичъ Долгоруковъ*, которому, а равно и мнѣ, князь приказалъ расположиться около его палатки. Мы оба были свидѣтелями весьма внушительной картины: около двухъ часовъ ночи мы видѣли князя въ слезахъ, молящагося предъ иконою Смоленской Божіей Матери *), на колѣняхъ. Трудно теперь догадываться о тайномъ смыслѣ этой горячей молитвы; но приходится думать, что это была молитва, вызванная борьбой съ самимъ собой, съ своимъ взглядомъ на будущее дѣло и съ тѣмъ высшимъ, которому онъ безусловно повиновался.

*) Икона эта находилась при войскахъ, привезенная изъ Смоленска, какъ въ 1812 году. *П. Б.*

Въ три часа утра главнокомандующій выѣхалъ съ Мекензіевой горы и, прибывъ на редутъ, увидѣлъ, что войска обоихъ отдѣловъ не приступили еще къ выполненію перваго момента диспозиціи. Князь, подозвавъ меня, сказалъ: „*Поѣзжайте къ генераламъ Липранди и Реаду и скажите имъ, чтó они стоятъ? Пора „начинать*".

Я отправился, нашелъ Липранди съ отрядомъ, готоваго идти и получилъ въ отвѣтъ: „*сей часъ отправлюсь*". Войска его начали двигаться къ Телеграфной горѣ. Затѣмъ я уѣхалъ искать Реада. Отрядъ Реада стоялъ еще на ночной позиціи; самъ онъ, съ частью своего штаба, выѣхавъ впередъ казачей цѣпи (тогда еще неубранной) осматривалъ въ трубу позицію непріятеля, расположеннаго на Ѳедюхиныхъ горахъ. Подъѣхавъ къ нему, я передалъ приказаніе главнокомандующаго и уже было отдалился на нѣсколько шаговъ, какъ онъ снова назвалъ меня по имени и спросилъ: *Однако, чтó же „это значитъ начинать? Вѣдь не „аттаковать же?*" Я повторилъ приказаніе князя, упирая особенно на первыя слова. Тогда Реадъ сказалъ: „*Хорошо, скажите князю, что я буду обстрѣливать мѣстность*".

Измученный быстрой ѣздой на довольно большомъ разстояніи отрядовъ отъ редута и ихъ между собою, я возвращался къ главнокомандующему рысью и, передавъ отвѣты обоихъ генераловъ, прибавилъ: „*Какъ „бы, ваше сіятельство, еще не вышло чего-нибудь, потому что генералъ Реадъ сказалъ: вѣдь это не „значитъ же аттаковать?*" Князь замѣтилъ, что это ничего не значитъ, что генералъ Реадъ знаетъ, чтó ему

по диспозиціи слѣдуетъ дѣлать. Дѣйствительно все казалось такъ ясно, что главнокомандующій и не счелъ нужнымъ посылать другаго адъютанта для объясненій. Въ то время, когда я передавалъ главнокомандующему отвѣты отрядныхъ начальниковъ, Липранди не дошелъ еще до Телеграфной горы, а Реадъ не открывалъ артиллерійскаго огня; войска сего послѣдняго только еще двигались къ позиціи, съ которой слѣдовало открыть артиллерійскій огонь. Потомъ, когда главнокомандующій увидѣлъ, что Телеграфная гора занята и сталъ спускаться съ редута, направляясь къ Липранди, услышанъ былъ сильный ружейный огонь со стороны Реада, и вслѣдъ затѣмъ прискакалъ адъютантъ его Волковъ съ донесеніемъ: *„предмостное укрѣпленіе взято, Французы бѣгутъ“*. Главнокомандующій, удивленный этимъ нападеніемъ Реада, отдалъ ему черезъ Волкова приказаніе, чтобы генералъ Реадъ ожидалъ прибытія пятой дивизіи, самъ же поскакалъ на Телеграфную гору. Но не прошло и часу, какъ мы увидѣли наши колонны на Ѳедюхиныхъ горахъ. *Это была 12-ая дивизія безъ резервовъ.*

Дальнѣйшій исходъ дѣла извѣстенъ изъ реляціи и изъ записки Д. А. Столыпина.

Нѣкоторые полагаютъ, что прибытіе двухъ свѣжихъ дивизій (4-й и 5-й), горѣвшихъ желаніемъ вступить въ бой, рѣшило главнокомандующаго подѣйствовать на правый флангъ общей непріятельской позиціи, съ цѣлію отвлечь, хотя нѣсколько, силы союзниковъ отъ Севастополя. Нѣтъ, не это подвигнуло главнокомандующаго предпринять наступленіе. Въ это время непріятель былъ сильнѣе насъ, не считая ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій; очищеніе южной стороны Севастополя представляло величайшія опасности: нужно было черезъ бухту шириною въ 450 саженъ переправить огромный гарнизонъ. Мостъ, по тогдашнимъ расчетамъ, могъ быть готовъ только къ половинѣ Августа. Надо было показать непріятелю, что мы располагаемъ большими силами и въ состояніи долго еще защищать Севастополь; продолжать же защиту было необходимо, потому что, хотя Австрія въ это время обезоружилась и до весны съ этой стороны мы были покойны, но продолженіемъ защиты Севастополя достигалось то, что союзники, овладѣвъ городомъ, не могли, по случаю ненастной погоды, предпринять что либо серьезное противъ насъ внѣ полуострова. По мнѣнію, *которое было сообщено главнокомандующему*, наступательное движеніе это было необходимымъ также и для удовлетворенія общаго желанія Россіи, точно такъ какъ *Бородинское сраженіе* было необходимо прежде отдачи Москвы. Сколько мнѣ извѣстно, главнокомандующій предполагалъ сдѣлать движеніе это съ большою осмотрительностію, и только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на которыя онъ впрочемъ мало разсчитывалъ, онъ думалъ перейти къ дѣйствительному наступленію.

Изъ всего мною сказаннаго читатель видитъ, что приказаніе мною передано генералу Реаду, когда онъ еще не открывалъ артиллерійскаго огня и что онъ не увѣдомлялъ черезъ меня главнокомандующаго о томъ, что будетъ *аттаковать* Ѳедюхины горы. Переписывая нѣсколько разъ диспозицію, я зналъ ее твердо; да и вообще мнѣ кажется не нужно имѣть слишкомъ большаго соображе-

нія, чтобы не сказать: начинайте, когда уже дѣло начато. Причины, по которымъ генералъ Реадъ не выполнилъ диспозиціи, за его смертію и смертію начальника его штаба, остались неизвѣстны. Князь думалъ впрочемъ, что Реада увлекъ къ этому первый успѣхъ артиллерійскаго огня, вслѣдствіе коего Французы поспѣшно отступили за Черную. Я еще разъ ѣздилъ къ генералу Реаду, когда войска наши были уже за Черной, и онъ мнѣ ни слова не сказалъ о недоразумѣніи, въ которое онъ былъ будто бы поставленъ первымъ приказаніемъ главнокомандующаго.

*

Я оставилъ князя Михаила Дмитріевича въ 1859 году въ Варшавѣ намѣстникомъ Царства Польскаго и главнокомандующимъ арміею.

Счастливо поставленный въ исключительно-близкія къ нему служебныя отношенія, я зналъ князя, какъ только можно знать человѣка, котораго изучаешь съ любовью. Вотъ почему я считаю своею нравственною обязанностью сказать о немъ все, что̀ мнѣ положительно извѣстно, особенно въ виду тѣхъ рѣзкихъ, невѣрныхъ описаній его характера, которыя въ послѣднее время появились въ печати.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ принадлежалъ къ древнѣйшей фамиліи. Князья Горчаковы ведутъ свое происхожденіе отъ великихъ князей Черниговскихъ. Князь Петръ Ивановичъ Горчаковъ, защищавшій вмѣстѣ съ Шеинымъ Смоленскъ противъ Поляковъ въ 1609 году, былъ предкомъ князя Михаила Дмитріевича, оборонявшаго Севастополь.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ принадлежалъ къ весьма небогатому семейству Костромской губерніи, жилъ жалованьемъ и нерѣдко нуждался въ средствахъ.

Онъ служилъ въ гвардейской артиллеріи, былъ начальникомъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, а потомъ 3-го. Въ 1829 году князь былъ уже генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества.

Въ 1807 году князь произведенъ былъ въ офицеры, участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, былъ въ дѣлахъ подъ Бородинымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ.

Товарищамъ его памятна была его отчаянная храбрость.

Князь получилъ высокое образованіе, владѣлъ превосходно Русскимъ языкомъ, на которомъ, какъ и отецъ его, писалъ стихи.

Главная наука, которую князь зналъ въ совершенствѣ, была математика. Помню, какъ-то я читалъ ему вслухъ Популярную Астрономію Араго. Встрѣтилось что-то непонятное. Князь взялъ карандашъ, тотчасъ же *припомнилъ* всѣ формулы и объяснилъ то, что̀ казалось темнымъ.

Князь имѣлъ умъ чрезвычайно острый и своеобразный. Его разсѣянность и нѣкоторая небрежность во внѣшности составляли главную его прелесть и были причиною множества анекдотическихъ случайностей.

Въ манерѣ его говорить, въ движеніяхъ и пріемахъ, вездѣ просвѣчивала та замѣчательная доброта, которою онъ всегда отличался и которую многіе считали слабостью его характера.

До послѣдней минуты жизни, его занимали литературныя и политическія новости, живая, смѣлая мысль въ статьѣ, прекрасный стихъ.

Какъ полководецъ и государственный человѣкъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ принадлежитъ исторіи. Лица, говорившія о немъ и стоящія далеко отъ центра его управленія, не посвященныя въ тайны его сношеній съ высшею властью, не могли сказать ничего вѣрнаго: онѣ увлекались личными своими отношеніями. Даже будущему историку написать о восточной войнѣ истину возможно будетъ только тогда, когда ему откроютъ все, когда отъ него не утаятъ ни одной бумаги, ни одного письма, которыя получалъ князь, а также и тѣхъ, которыя отъ него исходили.

Какъ человѣкъ, какъ гражданинъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ былъ въ высшей степени замѣчателенъ. Это былъ человѣкъ характера исключительнаго, образованія глубокаго, самоотверженія рѣдкаго. Справедливо говорили *) о немъ, что не руку свою готовъ онъ былъ положить на огонь за отечество, но самъ кинулся бы онъ въ пламя, если бы зналъ, что это принесетъ какую-либо пользу государству.

Военная слава имѣетъ болѣе особую прелесть, чѣмъ всякая другая; но съ этой стороны можно указать нѣсколько рѣзкихъ примѣровъ его чрезвычайнаго самоотверженія. Когда князь предположилъ взять крѣпость Силистрію, *во что бы то ни стало* и когда, согласно данной имъ диспозиціи, войска стали на мѣстахъ, готовыя по сигналу ракеты броситься на штурмъ крѣпости, когда до спуска ракеты оставалось всего можетъ быть полчаса, то для князя довольно было высшаго указанія, полученнаго съ курьеромъ (Николаемъ Яковлевичемъ Протасовымъ) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*если, въ минуту полученія этого письма, Силистрія не взята, то отступать*“. Письмо было прочитано при свѣтѣ фонаря, въ центрѣ 100/т. аттакующаго войска и, вмѣсто сигнальной ракеты для штурма, княземъ отдано было приказаніе возвратиться за Дунай!

*) Московскія Вѣдомости 1861 года.

Тотъ, кто могъ видѣть князя въ эту минуту, кто, передавая войскамъ приказаніе его объ отступленіи, слышалъ ихъ ропотъ, тотъ только въ состояніи понять все величіе этого самоотверженнаго поступка.

Легкомысленные люди приписывали это его безхарактерности, но князь Михаилъ Дмитріевичъ повиновался безусловно высшимъ указаніямъ; а ему сообщали тогда, что Австрія ведетъ себя крайне двусмысленно и что Австрійскія войска ежеминутно готовы двинуться въ тылъ нашей арміи.

Когда князь узналъ о чрезвычайно затруднительномъ положеніи нашей арміи въ Крыму, онъ, нисколько не колеблясь, не дожидаясь приказаній, послалъ на помощь князю Меньшикову не только большую часть своей южной арміи, но лучшихъ ея представителей: *князя Виктора Иларіоновича Васильчикова* и *Эдуарда Ивановича Тотлебена*. Затѣмъ посланы были порохъ, снаряды, кирки, лопаты и проч. Можно сказать, что былъ моментъ, когда всю южную армію составляли: кирасирскій корпусъ и конвой главнокомандующаго.

Честность въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и безкорыстіе князя Михаила Дмитріевича были безпредѣльны и изумительны, особенно для нынѣшняго матеріальнаго времени. Немногіе знаютъ, что при назначеніи его намѣстникомъ Цар-

ства Польскаго, когда еще война не была окончена, онъ отказался отъ весьма значительной суммы, назначенной ему на обзаведеніе въ Варшавѣ. Надобно замѣтить, что князь не имѣлъ никакого состоянія и жилъ однимъ жалованьемъ.

Покойный князь Михаилъ Дмитріевичъ не терпѣлъ лжи, сплетень и никогда не читалъ анонимныхъ писемъ. Однажды было получено имъ нѣсколько конвертовъ съ надписью „*въ собственныя руки*". По своей привычкѣ, князь началъ искать подписи и, не находя ее, разорвалъ эти письма, не читая. При этомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ замѣтилъ: „*Вотъ* „*вамъ мой совѣтъ,—никогда не чи*„*тайте анонимныхъ писемъ; кто хо*„*четъ говорить правду, пусть гово*„*ритъ открыто*".

Князь чуждался всякой изысканности, всего неестественнаго, бьющаго на эффектъ, и былъ замѣчательно простъ въ обращеніи со всѣми.

Терпѣть не могъ онъ оффиціяльныхъ пріемовъ и парадныхъ встрѣчъ, которыя обыкновенно устраивали ему, по уставу, во время его переѣздовъ. Однажды не успѣли отмѣнить подобную встрѣчу въ одномъ изъ губернскихъ городовъ. У дома гражданскаго губернатора, гдѣ была отведена ему квартира, собралось множество всякаго народа. Подъѣзжая къ дому, князь замѣтилъ: „*Удивительно, чего* „*ожидаетъ эта толпа, теряя вре*„*мя понапрасну? Стоятъ нѣсколько* „*часовъ, чтобы увидѣть, какъ выле*„*зетъ изъ кареты незнакомый имъ* „*старикъ*".

Онъ былъ вѣренъ чувству дружбы и находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ со всѣми друзьями и товарищами его молодости.

У меня сохранилось въ памяти одно письмо къ старому его другу, если не ошибаюсь, *Ивану Петровичу Бибикову*, въ которомъ сказано слѣдующее: „*Письмо твое отъ 17* „*Мая получилъ я, Богъ знаетъ ка*„*кими путями, только въ концѣ Ок*„*тября, и нужно было время для* „*отысканія твоего сына, котораго* „*наконецъ нашли въ Симферополѣ*".„*Я* „*дорожу въ высшей степени твоею* „*дружбою и помню съ душевною* „*благодарностью, что ты былъ не* „*только моимъ другомъ, но, такъ* „*сказать, опекуномъ моей молодо*„*сти, при первомъ вступленіи на* „*военное поприще*". „*Твоего сына я* „*поручилъ особому попеченію пол*„*ковника Салова и буду за нимъ слѣ*„*дить, стараясь во всѣхъ отношені*„*яхъ быть ему полезнымъ, сколько* „*могу*".

Еслибъ я захотѣлъ быть болѣе нескромнымъ, я могъ бы привести множество доказательствъ тому, что, не смотря на высокое положеніе, которое князь занималъ, онъ всегда оставался вѣренъ дружбѣ во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни.

Упрекаютъ его въ разсѣянности. Да, онъ былъ разсѣянъ, и это происходило отъ того, что какая нибудь мысль работала въ его головѣ. Онъ всегда находился, или подъ вліяніемъ чего нибудь прочтеннаго, или подъ впечатлѣніемъ какого нибудь серьезнаго разговора. Но всѣмъ извѣстно, что этотъ человѣкъ разсѣянный, говорившій довольно невнятно, въ пылу самаго жаркаго дѣла, являлся совершенно другимъ: одинъ выстрѣлъ перерождалъ его; онъ дѣлался опредѣлителенъ въ приказаніяхъ, чрезвычайно точенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и ясенъ въ словахъ.

Всѣ также знаютъ и въ свое время писали о томъ, что князь Горчаковъ никогда не думалъ о себѣ, ни во время войны, ни во время мира; забота о своей личности для него было чувство неизвѣстное.

Говорили, что въ дѣлѣ на Черной онъ искалъ смерти, кидаясь всюду подъ ядра и пули. *Но это не справедливо.*

Послѣ послѣдней неудачной атаки Ѳедюхиныхъ горъ, узнавъ о смерти генерала Реада и выбытіи изъ фронта почти всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, онъ принялъ личное командованіе отступающими войсками и безъ сомнѣнія подвергался страшнѣйшей опасности, или, какъ говоритъ Д. А. Столыпинъ, дѣйствію сплошнаго слоя картечь и пуль.

Князь былъ необыкновенно деликатенъ въ сношеніяхъ. Всѣмъ извѣстно, въ какихъ краткихъ выраженіяхъ князь Меньшиковъ дѣлалъ свои донесенія Государю. Можно догадываться, какъ кратки были сообщенія, присылаемыя имъ князю. Вотъ, напримѣръ, какъ князь Александръ Сергѣевичъ увѣдомлялъ о Синопскомъ сраженіи: „*Поспѣшаю ваше сіятельство увѣдомить, что Турецкая эскадра, состоящая изъ семи фрегатовъ, одного шлюпа, двухъ корветовъ, одного парахода и нѣсколькихъ транспортовъ, всего 14 судовъ, вышедши изъ Константинополя съ дессантнымъ войскомъ для нападенія на Сухумъ и соединенія съ горцами, 18 числа флотомъ нашимъ истреблена; командующій ею адмиралъ Османъ-Паша взятъ въ плѣнъ; повражденія нашимъ кораблямъ значительны*“.

И ни слова болѣе. Вотъ тѣ немногія строки, которыя привезъ курьеръ изъ Севастополя въ Кишиневъ

Зная, что такое же краткое извѣщеніе послѣдуетъ и о дѣлѣ 13 Октября 1854 года, генералъ Липранди прислалъ князю Горчакову отъ себя лично подробное донесеніе объ этомъ сраженіи.

На это князь Михаилъ Дмитріевичъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „*Мы всѣ обрадованы вашимъ успѣхомъ. Отъ души поздравляю васъ съ прекраснымъ дѣломъ. Вы прислали мнѣ реляцію этаго сраженія; но такъ какъ всѣ войска ввѣренной мнѣ арміи, въ Крымъ мною отправленныя, должны состоять въ единомъ, непосредственномъ вѣдѣніи князя Меньшикова, и доставленіе подобныхъ донесеній мнѣ, какъ постороннему теперь лицу, было бы несовмѣстно, я прошу на дущее время присылку всякихъ донесеній ко мнѣ прекратить*“.

А между тѣмъ дѣйствительно о томъ же сраженіи князь Меньшиковъ прислалъ князю Горчакову извѣщеніе въ нѣсколькихъ строкахъ.

Я оставилъ князя до возстанія въ Царствѣ Польскомъ. Многое, тамъ случившееся, приписывается слабости его характера и болѣзненному состоянію. Я замѣчу только, что, въ бытность свою въ Севастополѣ, князь часто высказывалъ убѣжденіе, что ему не придется возвратиться къ семейству, и когда мы ѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву, по назначеніи его намѣстникомъ, онъ въ минуту откровенности сказалъ: „*Никогда не воображалъ я, что могу возвратиться въ Варшаву и, признаться, не по мнѣ теперь это назначеніе. Мое единственное, искреннее желаніе: небольшой домикъ въ Швейцаріи съ выслуженными мною средствами къ жизни*“.

Въ чистотѣ и искренности этого желанія сомнѣваться нельзя никому, кто зналъ хоть немного князя; но, отдавъ всего себя на служеніе Государю, онъ повиновался Его волѣ.

Любовь его къ Государю была просто идеальная, возвышенная, нѣжная, безпредѣльная. Каждый пріѣздъ Его Величества въ Варшаву былъ для князя Михаила Дмитріевича торжествомъ его глубокой, безкорыстной привязанности.

Князь скончался въ Варшавѣ въ 1861 году 18 Мая, и съ нимъ сошелъ въ могилу нравственный герой, которому, по знаменію настоящаго времени, не скоро народиться. Обществу, въ которомъ существовали подобныя личности, надобно гордиться ими, какъ дорогими представителями прошедшаго, извинять нѣкоторые недостатки, свойственные каждому человѣку и никакъ не дѣлать ихъ предметомъ своей досужей фантазіи.

Знаменитый проповѣдникъ, преосвященнѣйшій Иннокентій, въ словѣ своемъ къ войскамъ Севастопольскимъ, выразился библейски, что каждый Русскій, которому суждено будетъ приблизиться къ этому городу, долженъ „*изуть сапоги отъ ногъ своихъ*, „*ибо мѣсто сіе свято есть*“.

Такъ точно у могилы князя Михаила Дмитріевича Горчакова всякому Русскому слѣдуетъ остановиться съ благоговѣніемъ: она слишкомъ богата историческими уроками и чрезвычайно поучительна.

И. Красовскій.

2 Мая 1874 года.
Москва.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ А. С. ПУШКИНА.

(*Записаны и сообщены М. В. Юзефовичемъ*)

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны,—
Клянусь, давно бы я оставилъ этотъ міръ:
Я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ,
И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна плыветъ въ небесной чистотѣ.....

*

Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ;
Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ....
Ничтожество меня за гробомъ ожидаетъ....
Какъ, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мнѣ страшно!... И на жизнь гляжу печаленъ вновь,
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Mardi, 25 Juillet 1861.

Играй—покуда надъ тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй съ людьми, играй съ судьбою,
Ты, жизнь, назначенная къ бою,
Ты, сердце, жаждущее бурь.

Какъ часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взоръ туманится слезами.
За чѣмъ? Что общаго межъ нами?
Ты жить идешь—я ухожу.

Я слышалъ утреннія грезы
Лишь пробудившагося дня...
Но позднія, живыя грозы,
Но взрывъ страстей, но страсти слезы—
Нѣтъ—это все не для меня!

*

Но, можетъ быть, подъ зноемъ лѣта,
Ты вспомнишь о своей веснѣ....
О вспомни и про время это,
Какъ о забытомъ, до разсвѣта,
Намъ смутно грезившемся снѣ.

(Сообщено съ подлинника Павломъ Дмитріевичемъ Голохвастовымъ.)

СТИХИ И. В. КИРѢЕВСКАГО МИЦКЕВИЧУ.

Въ знакъ памяти, предъ нашимъ разставаньемъ
Тебѣ подносимъ не простой стаканъ:
Онъ зачарованъ дружбы колдованьемъ,
На днѣ его положенъ талисманъ.

И если ты, среди пировъ веселья
Забывшися, вино въ него нальешь,
Не жди тогда въ немъ шумнаго похмѣлья,—
Грусть тихую о прежнемъ въ немъ найдешь.

Тогда, живая сила талисмана
Живыя крылья дастъ твоей мечтѣ,
И знай—мечту твою обнимутъ тѣ,
Чьи имена прочтешь вокругъ стакана.

И извѣститъ ихъ о твоей тоскѣ
Печальное изъ сердца содроганье,
И будутъ на твое воспоминанье
Согласной думой вторить вдалекѣ.

Но если ночью, посреди молчанья
Вдругъ, безъ причины, стукнетъ твой стаканъ,
Знай—это голосъ нашего мечтанья:
Его тебѣ примчалъ твой талисманъ.

Не вѣкъ же будетъ спутникъ твой страданье;
Быть можетъ, сердце радость оживитъ
Въ чужбинѣ; но когда воспоминанье
Тебѣ минуту счастья отравитъ,

И ты искать захочешь утѣшенья
Отъ грустныхъ думъ прошедшаго въ винѣ,
Не тронь нашъ кубокъ! Онъ не дастъ забвенья:
Въ немъ талисманъ лежитъ на свѣтломъ днѣ.

(1828)

Стихотвореніе это напечатано Латинскими буквами въ примѣчаніяхъ къ посмертнымъ сочиненіямъ Мицкевича, изданнымъ на Французскомъ языкѣ сыномъ его Владиславомъ въ Парижѣ, въ 1872 году. Читатели Русскаго Архива уже знакомы съ этою книгою по статьѣ: „Мицкевичъ о Пушкинѣ" (Р. Архивъ 1873, стр. 1057). Извѣстно также, что пока геній Мицкевича не омрачился политическою ненавистью къ Россіи, Русскіе люди окружали его любовію и уваженіемъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Москвы въ Петербургъ въ 1828 году, въ квартирѣ Соболевскаго (между Большою Дмитровкою и Тверскою, въ домѣ нынѣ Лопыревскаго), на прощальномъ ужинѣ, Мицкевичу поднесенъ былъ золотой кубокъ съ вышеприведенными стихами. На кубкѣ вырѣзаны имена: Баратынскаго, двухъ братьевъ Кирѣевскихъ, вотчима ихъ Алексѣя Андреевича Елагина, Н. М. Рожалина, Н. А. Полеваго, Шевырева и Соболевскаго. Шевыревъ также произнесъ восторженные стихи... Черезъ нѣсколько лѣтъ „знакомый голосъ злобнаго поэта" сталъ доходить въ Москву. Но и тогда въ Москвѣ умѣли отличать Славянина-поэта и человѣка отъ дѣятеля политическаго. Пришло извѣстіе, что Мицкевичъ, больной и несчастный, живетъ въ крайней бѣдности въ Батиньолѣ, подъ Парижемъ. По мысли Хомякова, собрано было пять тысячь рублей и послано къ Мицкевичу, безъ малѣйшей огласки. Случайно намъ довелось узнать объ этомъ отъ того самаго лица, которое, отъѣзжая за границу, получило отъ Хомякова эти деньги для доставленія Мицкевичу. Не нарушая скромности еще здравствующихъ участниковъ прекраснаго дѣла, назовемъ только умершихъ: это были, кромѣ главнаго жертвователя Хомякова, Баратынскій и Шевыревъ. Мицкевичъ, по словамъ доставителя, былъ изумленъ и тронутъ; обливаясь слезами, онъ принялъ Московскій даръ. *П. Б.*

ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

(по два рубля, пересылка за 3 фунта)

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ

1831—1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Польская эмиграція въ Европѣ.—Партіи и Комитеты.—Заговоръ Заливскаго.—Эмиссаръ Конарскій.—Послѣдствія его пропаганды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заговоры и революціонные взрывы 1846 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распоряженіе фельдмаршала Паскевича. — Занятіе Кракова Русскими войсками. — Краткій очеркъ безпорядковъ въ Княжествѣ Познанскомъ.—Нѣсколько словъ о послѣдующихъ возстаніяхъ до 1849 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибытіе въ Варшаву князя Горчакова.—Перемѣна въ воздухѣ.—Партіи.—Первыя манифестаціи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Адресъ.—Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ.—Торжественныя похороны пяти жертвъ.—Занятія делегатовъ.—Слѣдственная коммиссія для разбора дѣла о выстрѣлахъ. — Маркизъ Велепольскій.—Упраздненіе делегаціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудность положенія Велепольскаго.—Закрытіе Земледѣльческаго Общества.—Манифестаціи у дома Кредитнаго Общества и у дома графа Замойскаго. — Сборища народа у Замка.—Стрѣльба. — Зачатки бѣлой организаціи.—Смерть князя Горчакова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Назначеніе намѣстникомъ военнаго министра Сухозанета.—Проѣздъ графа Ламберта черезъ Варшаву изъ за границы. — Возобновленіе манифестацій.—Первый подземный листокъ.—Назначеніе намѣстникомъ графа Ламберта, а военнымъ генералъ-губернаторомъ г. Варшавы генералъ-адъютанта Герштенцвейга.—Выборы. — Борьба противъ нихъ красной партіи. — Городельская манифестація.—Смерть архіепископа Фіалковскаго.—Манифестація похоронъ.—Объявленіе военнаго положенія.—Панихида по Костюшкѣ.—Аресты въ храмахъ.—Закрытіе ихъ по распоряженію духовенства. Послѣдствія этого.—Смерть Герштенцвейга.—Отъѣздъ за границу графа Ламберта.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1874
(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ. — КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЯ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, въ домѣ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, и въ бывшемъ помѣщеніи Чертковской библіотеки, въ магазинѣ *Салаевыхъ*, на Мясницкой, № 7.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высылать адресъ прежній и 10 коп., когда городскій адресъ мѣняется на городскій или иногородный на иногородный; 64 коп., когда городской адресъ мѣняется на иногородный и 50 к., когда иногородный адресъ мѣняется на городской, такъ какъ почтовое вѣдомство беретъ полную годовую пересылочную плату, хотя бы по какому нибудь адресу изданіе пересылалось всего одинъ разъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по **4** рубли, съ пересылкою по **4** р. **50** к.

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи—**2** р. **50** к. За полгода цѣны на пересылку за границу половинныя.

О доставленіи недосланныхъ денегъ Контора Русскаго Архива напоминаетъ тѣмъ лицамъ, которыя не сполна оплатили годовую подписку.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874. 8.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

Первыя шесть тетрадей Русскаго Архива 1874 г. съ гравированнымъ портретомъ князя Одоевскаго вышли особою книгою, которую можно получать по 4 р. (съ пересылкою по 4 р. 50 к.)

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1874.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

въ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ТЕТРАДЯХЪ РУССКАГО АРХИВА 1874,

ВЫШЕДШИХЪ ОТДѢЛЬНОЮ КНИГОЮ.

Осмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816 — 1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830). Письмо *А. С. Пушкина* къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ *П. М. Языкова*): Пушкинъ во время холеры.

Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ.

Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года.

Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).

Изъ Старой Записной Книжки. Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперанскій. Его отношенія къ императору Александру Павловичу. Первыя судьбы Бирона. — Пальмштернъ. — Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ, Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года.—Анекдоты о князѣ А. С. Меншиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ.—Клочки разговоры, мимоходомъ схваченныхъ и пр.—Donna Sol.—Левъ Пушкинъ.—Арендтъ.—Разные анекдоты.

Очеркъ первоначальной исторіи Горе отъ ума. Статья *А. Н. Веселовскаго.*

Любительскіе спектакли въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскаго театра *С. П. Соловьева.*

Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристъ на Кавказѣ).—Серъ Джонъ Макниль. Изъ служебныхъ воспоминаній *Владиміра Сергѣевича Толстаго.*

Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной) *Д. А. Столыпина.*

Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. 1778-й годъ.

Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.* — Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.*

Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805 — 1813 годовъ. — Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу.—Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности. Письма и приказы его въ Пензенскую деревню.

Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго. — Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ *князя В. И. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).

Изъ неизданныхъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр.

Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ, *Д. И. Иловайскаго.* Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители).—Wahrheit und Dichtung, Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ.—Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права, *Д. А. Столыпина* и пр.

РЕСКРИПТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Въ 4-ой тетради издаваемаго извѣстнымъ профессоромъ Бонскаго университета г. Зибелемъ „Историческаго журнала“ (Historische Zeitschrift) за 1873 годъ, въ разборѣ Польской книги: Polityka dworu austryackiego w sprawie konstytucyi trzeciego Maja. Opowiadanie historyczne z czasów sejmu czteroletniego przez Waleryana Kalinkę (Политика Австрійскаго двора по дѣлу конституціи 3-го Мая. Историческій очеркъ изъ временъ четырехлѣтняго сейма, *Валерьяна Калинки*), вышедшей въ Краковѣ въ 1872 г., помѣщены два рескрипта императрицы Екатерины II князю Г. А. Потемкину-Таврическому 1791 года, преимущественно по дѣламъ Польскимъ. Рецензентъ этой книги г. Кс. Лиске, приведя Нѣмецкій переводъ обоихъ рескриптовъ, присоединяетъ къ нимъ и отзывъ о нихъ г. В. Калинки, и даже заявляетъ свое полное сочувствіе и согласіе съ мнѣніемъ Польскаго автора. Вотъ эти заключительныя слова г. Калинки:

„Трудно читать безъ ужаса оба эти документа. Такаго богатства комбинацій съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ дозволенности или недозволенности, или даже къ преступности средствъ; такой широты и многосторонности взгляда съ такою сдержанностію и проницаніемъ, съ такою непреклонною, всесокрушающею волею; такаго точнаго разсчета времени, средствъ, лицъ и ихъ ролей, и все это за годъ впередъ, среди тысячи интересовъ и вліяній, взаимно пересѣкающихся, не легко найдти въ исторіи человѣческой дѣятельности [1]). Съ такимъ геніемъ зла, какъ Екатерина II, съ такою демоническою силою трудно было бороться тогдашней Польшѣ. Все предугадано, все напередъ разсчитано. Насъ (т. е. Поляковъ) миновала новая гайдамацкая рѣзня только потому, что въ ней не нуждались“ (то есть Екатерина не нуждалась).

Событія, о которыхъ говоритъ г. Калинка, общеизвѣстны. Но въ приведенномъ отзывѣ они ярко освѣщены особеннымъ взглядомъ автора; да и при томъ эти событія принадлежатъ къ числу тѣхъ, о которыхъ вообще не худо почаще напоминать нашей публикѣ, легко забывающей уроки прошлаго. Не даромъ Мотлей, приступая къ описанію террора герцога Альбы, говоритъ, что подобныя событія нужно чаще приводить на память людямъ, дабы они очень-то не успокоивались. Дѣйствительно, частыя напоминанія о поучительныхъ событіяхъ могутъ предупредить повтореніе зла въ старомъ или новомъ видѣ. И такъ считаемъ нелишними нѣсколько словъ по поводу вышеприведеннаго отзыва.

Г. Калинка, а за нимъ и сотрудникъ ученаго „Historische Zeitschrift“, думаютъ, что гайдамачина не повторилась предъ вторымъ раздѣломъ Польши только потому,что Екатерина II не нуждалась въ ней; такимъ образомъ, опять всплываютъ старыя басни, что первая гайдамачина была дѣломъ Екатерины II.

Вотъ что́ между прочимъ говоритъ о гайдамачинѣ, въ своей книгѣ о Паденіи Рѣчи Посполитой, Н. И. Костома-

[1]) Признаемся, мы не можемъ читать безъ восторга этихъ словъ озлобленія, невольно воздающихъ хвалу великому уму Екатерины II-й. *П. Б.*

ровъ, котораго въ этомъ случаѣ, вопреки г. Шайнохѣ, нельзя заподозрить въ пристрастіи, и который, при ясности источниковъ, ясно видѣлъ причину гайдамацкаго дѣла:

„Въ южной Руси, гдѣ вѣками укоренилась вражда къ Полякамъ и католичеству, Русскій народъ сталъ покидать унію и переходить къ вѣрѣ праотцевъ. Приходъ за приходомъ присоединялись къ православію; въ однихъ сами священники подавали народу примѣръ; въ другихъ прихожане принуждали священниковъ, а тѣхъ, которые не хотѣли, прогоняли и на мѣсто ихъ выбирали новыхъ. Центромъ православной пропаганды сдѣлался Мотронинскій монастырь, гдѣ игуменствовалъ дѣятельный Мельхиседекъ Значко-Яворскій, напутствуемый въ своей дѣятельности Переяславскимъ архіереемъ Гервасіемъ. Онъ съѣздилъ въ Петербургъ, исходатайствовалъ у императрицы заступничество и въ Варшавѣ получилъ отъ короля привиллегію на неприкосновенность своего монастыря. Своевольный фанатизмъ не хотѣлъ знать никакихъ привиллегій. „Мы и королю, и тебѣ снесемъ голову, чтобы онъ не давалъ правъ схизматикамъ, собачьей вѣрѣ“, говорили ему Поляки. Особеннымъ фанатизмомъ отличался оффиціалъ уніатскаго митрополита Мокрицкій, насильственно обращавшій въ унію тѣхъ, которые въ послѣднее время обратились къ православію. Священниковъ для поруганія запрягали въ плуги, били ихъ кіями, сѣкли терновыми розгами, насыпали въ голенища горячихъ углей, забивали въ колоды, морили тюремнымъ заключеніемъ, отнимали у нихъ все достояніе и пускали искалѣченныхъ по міру. Поймали самого Мельхиседека, ругались надъ нимъ и держали въ тюрьмѣ.“ „Отсчитывая усердно удары плетей по плечамъ священниковъ и мірянъ, обратившихся изъ уніи въ православіе или не хотѣвшихъ принимать унію, они приговаривали: „Это тебѣ за государство, а это за короля, а это за архіерея, а это за вся православные христіане“. На всю Украйну навело тогда страхъ истязаніе ктитора Данила Кушнаря за то, что онъ не отдалъ уніатамъ плащаницы: его обвязали паклей, привязали къ дереву и сожгли. Но въ Украйнѣ имя Богдана Хмельницкаго было извѣстно и старому, и малому, извѣстно не изъ книгъ, а изъ живаго преданія, переходившаго отъ родителей къ дѣтямъ“.

Довольно. Нужно ли было, при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ народностей въ Польшѣ, при такомъ образѣ дѣйствій Поляковъ, при такомъ настроеніи Малороссійскаго народа, нужно ли было внѣшнее возбужденіе къ гайдамачинѣ? Г. Калинка самъ описываетъ Екатерину существомъ высокаго ума; какой же разсчетъ заставилъ бы ее вступиться въ дѣло гайдамачины? Она и безъ того знала, что, при первомъ движеніи Русскихъ войскъ, все западно-русское населеніе кинется въ объятія Россіи, что она впослѣдствіи и высказала Потемкину; но большая разница поднять народъ и присоединить его къ организованному ополченію, слѣдовательно имѣть возможность управлять его дѣйствіями, или же поднять народъ и предоставить его самому себѣ. Мы, конечно, не отвергаемъ, что ласковый пріемъ, оказанный Мельхиседеку въ Петербургѣ, сочувствіе Екатерины къ бѣдствіямъ западно-русскаго населенія, все это до извѣстной степени ободряло къ противодѣйствію Полякамъ со стороны западно-русскаго народа; ободряло, конечно, помимо желанія Екатерины II. Самъ князь Репнинъ указывалъ на Мельхиседека, какъ на „нѣкоторую причину бунта.“ Но все же коренныя причины возстанія были гораздо глубже.... Поэтому-то, если Екатерина и могла бы заслужить укоръ за свои отношенія къ гайдамачинѣ, то уже никакъ не съ той стороны, съ которой думаютъ г. Калинка и ученый рецензентъ Нѣмецкаго историческаго журнала.

Въ Петербургѣ взглянули на гайдамацкое дѣло съ точки зрѣнія крѣпостнаго права и послали войска для подавленія

возстанія. Желѣзнякъ въ Сибири, Гонта преданъ мученической смерти... А собственно говоря, чѣмъ ихъ возстаніе отличалось отъ возстанія Хмельницкаго?

Нельзя сказать, чтобъ оно отличалось *по духу*, ибо это было такое же возстаніе православнаго крестьянства противъ католическихъ Польскихъ пановъ. Какъ при Хмельницкомъ, такъ и при Гонтѣ съ Желѣзнякомъ, на деревьяхъ висѣли вмѣстѣ Ляхъ, Жидъ и собака съ тою же надписью: „Ляхъ, Жидъ и собака—вѣра однака". Въ обоихъ случаяхъ устроеніе такого товарищества вызвано было одними и тѣми же причинами, поруганіемъ православія, которое паны называли то хлопскою, то собачьею вѣрою. Жиды одинаково солили южноруссамъ, какъ при Хмельницкомъ, такъ и при Екатеринѣ II-й. Въ чемъ же разница? Движеніе гайдамацкое отличалось отъ движенія Хмельницкаго размѣромъ, да и то потому только, что было пріостановлено Екатериной II-й. Но за то была великая разница во взглядѣ высшихъ классовъ общества на означенныя событія при Алексѣѣ Михаиловичѣ и при Екатеринѣ II..... Знаемъ, что есть историки, Донъ-Кихоты, которые, насилуя факты, въ гайдамацкомъ движеніи видятъ движеніе демократическое, въ смыслѣ западномъ; но государственнымъ людямъ, какого бы то ни было вѣка, стыдно имѣть подобные взгляды. Подавленіемъ гайдамацкаго бунта сдѣлана была большая политическая ошибка; ибо въ этомъ движеніи готово было повториться дѣло Хмельницкаго, и тогда не было бы никакихъ раздѣловъ Польши. Кто могъ препятствовать? Коалиція? Но если таковая и составилась бы, то вооруженная масса западно-русскаго народа, опираясь на Русское войско, оказала бы сильную помощь въ борьбѣ съ коалиціей. Борьба пошла бы на жизнь и смерть, ибо она у Русскаго народа приняла бы характеръ религіозный; а коалиція могла бы только выставить узкіе политическіе разсчеты. Да и коалиціи-то опасной ждать было нельзя: Пруссія и Австрія съ Германіей отнюдь не находились въ тѣсномъ между собою союзѣ, Франція была въ жалкомъ положеніи, у Англіи надвигались тучи въ Америкѣ. А долго ли, при розни интересовъ, коалиція могла держаться? Скорѣе всего можно было ожидать, что единодушное движеніе западно-русскаго народа заставитъ признать совершившійся фактъ. Если бы Россія такимъ образомъ присоединила западную и южно-русскія области, то пусть Австрія съ Пруссіей раздѣлили бы Польшу-собственно. Поляки стали бы къ намъ въ иныя отношенія....

Но довольно о мнѣніи г. Калинки. Обратимся къ самымъ рескриптамъ Екатерины II, которые вызвали его громы, и прежде всего напомнимъ читателямъ вкратцѣ событія, подготовившія второй раздѣлъ Польши. Время отъ 1773 г. по 1793 г. поучительно не только для Русскихъ, но и для Поляковъ, хотя разумѣется, ни тѣ, ни другіе ничего не извлекли изъ прошлыхъ уроковъ и, по Славянскому обычаю, готовы скорѣе съѣсть другъ друга, чѣмъ спокойно и безпристрасно разсмотрѣть взаимныя отношенія. Посмотримъ же, какъ Лукезини, посолъ Берлинскаго кабинета въ Варшавѣ, подготовилъ катастрофу, на которую жалуется г. Калинка, и которую онъ, а вмѣстѣ съ нимъ Нѣмецкіе ученые, приписываютъ Екатеринѣ. Дѣло очевидно для всѣхъ, желающихъ безбоязненно смотрѣть на вещи и извлекать изъ исторіи практически-полезные примѣры. Едва-ли кто и когда-либо съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и Мефистофельскою ловкостью подводилъ цѣлый народъ подъ обухъ, какъ Лукезини; а виновницею всей бѣды вышла Россія! Но такова была издревле Нѣмецкая политика относительно Славянъ: гдѣ нельзя было взять силою, брали хитростію, подготовляя гибель одному племени за другимъ. Врожденное Славянамъ добродушіе, въ соединеніи съ страстію къ роздорамъ и взаимно-ненавидѣніемъ, нельзя болѣе какъ облегчало

такую политику, и потомъ поглощеніе Славянскихъ народностей приписано было высшимъ культурнымъ способностямъ Нѣмецкаго племени. Преимущество же его заключалось въ томъ, что въ немъ болѣе сдержанности, болѣе племеннаго единства, чѣмъ у Славянъ. Нѣмецкіе герцоги неохотно, правда, склоняли головы предъ королемъ-императоромъ; но Нѣмецкіе герцоги все-таки держались за короля-императора, какъ за символъ народнаго единства, невольно склоняясь предъ народнымъ сознаніемъ, и при такомъ порядкѣ дѣлъ только ошибочная (съ Нѣмецкой точки зрѣнія), политика Гогенштауфеновъ спасла Чеховъ, Польшу и другихъ Славянъ отъ совершеннаго поглощенія Нѣмецкимъ племенемъ. Ни Славяне, ни Нѣмцы не измѣнились съ вѣками...

Въ 1788 году Лукезини прибылъ въ Польшу. Это былъ „человѣкъ столько же глубокій, сколько остроумный, разносторонне-образованный, привлекательный въ пріемахъ, любезный въ обращеніи, вкрадчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ скрытный, умѣвшій понимать съ перваго разу людей, замѣчать ихъ слабыя стороны и направлять къ своимъ видамъ, лгать и обманывать съ видимымъ подобіемъ истины и простодушія и неуклонно идти къ заданной цѣли“ (*Костомаровъ*, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитской, стр. 233, издан. 1870г.). *) Онъ началъ съ того, что, выказавъ себя отчаяннымъ врагомъ Россіи, твердилъ старую пѣсню, что Москали извѣчные враги Ляховъ (вотъ какъ полезно твердить старыя пѣсни), а Пруссія — ихъ вѣрная и неизмѣнная союзница. Обворожительное обхожденіе Лукезини заставило забыть, что главнымъ виновникомъ перваго раздѣла былъ государь той самой страны, откуда посланникомъ явился Лукезини. Но до какой степени Итальянецъ дурачилъ бѣдныхъ Поляковъ, это видно изъ того, какъ онъ умѣлъ доказать имъ, что уступка Гданска и Торна, уступка, которой добивалась Пруссія, не только не потеря для Польши, но даже представляетъ громадныя выгоды: онъ убѣждалъ ихъ, что Польша, разбогатѣвъ, будетъ вести торговлю съ Пруссіей и перестанетъ торговать съ Россіей, отчего послѣдняя обѣднѣетъ. Какъ зналъ Лукезини, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, какъ долженъ былъ презирать людей, которыхъ увѣрялъ въ подобныхъ нелѣпостяхъ! Верхомъ искусства его была его дѣятельность относительно новой конституціи, которая затѣвалась тогда въ Польшѣ. Иногда онъ слегка какъ будто предостерегалъ Поляковъ, что измѣненіе конституціи вооружитъ императорскіе дворы; но потомъ увѣрялъ, что Польша властна дѣлать, что̀ угодно... Съ такой же ловкостію онъ умѣлъ обнадежить Поляковъ въ поддержкѣ со стороны Пруссіи, не давая никакихъ положительныхъ обѣщаній. Въ тоже время Прусское правительство обложило Польскіе товары такими высокими пошлинами, что совершенно подорвало торговлю Гданска, и жители этого города готовы были съ радостію присоединиться къ Пруссіи. Вотъ что̀ значитъ ловко обдѣлывать политическія дѣла! Вотъ хорошій матеріалъ ученому Нѣмецкому журналу для іеремiадъ о людскомъ коварствѣ и о геніяхъ зла и пр. Вопросъ объ уступкѣ Гданска и Торна Лукезини велъ съ такимъ искусствомъ, что многіе вліятельные люди готовы были исполнить его желаніе, и только общее неудовольствіе шляхты остановило дѣло. Видя раздраженіе шляхты, Лукезини съумѣлъ ловко уступить во̀ время, чѣмъ окончательно очаровалъ большинство сейма. Между Рѣчью Посполитой и Прусскимъ королемъ заключенъ былъ договоръ, въ которомъ заслуживаетъ вниманія особенно 6-я статья: „Если какое бы то ни было государство, на основаніи ка-

*) Ce serpent italien (Итальянскій змій), какъ его звали сами Прусаки. У Храповицкаго (подъ 1 Февр. 1789) есть извѣстіе, что Фридрихъ намѣревался прислать *Лучезенія* (нѣкогда своего библіотекаря) посланникомъ въ Петербургъ. *П. Б.*

кихъ бы то ни было актовъ и предшествовавшихъ договоровъ, будетъ присвоивать себѣ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польской Рѣчи Посполитой и ея владѣній, въ какое бы то ни было время и какимъ бы то ни было образомъ, его величество король Прусскій сначала употребитъ самое дѣятельное стараніе предупредить непріязненныя дѣйствія по отношенію къ такого рода притязаніямъ. Но если его старанія останутся безъ успѣха, и противъ Польши начнутся непріятельскія дѣйствія, то его величество Прусскій король, признавая этотъ случай подходящимъ къ условіямъ союза, заступится за Рѣчь Посполитую, сообразно содержанію 4-й статьи настоящаго договора". А въ 4-й статьѣ сказано было, что если одна сторона будетъ нуждаться въ пособіи всѣхъ силъ другой, тогда обѣ стороны будутъ совѣщаться о такой чрезвычайной помощи. Это говорилось на тотъ случай, если будетъ недостаточно обыкновенной помощи, обязательной безъ всякихъ разсужденій для той или другой стороны. Въ это время Прусская политика работала на всѣхъ парахъ: въ то время, какъ Лукезини заключилъ таковой договоръ съ Польшей, Прусскій посланникъ въ Константинополѣ заключилъ договоръ съ Турціей, по которому Пруссія и Турція обязывались принудить Россію уступить Турціи Крымъ, а Австрію принудить уступить Польшѣ Галицію. Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Герцбергъ задумывалъ дѣло еще хитрѣе: онъ боялся войны (замѣтьте это) и хотѣлъ только напугать Австрію, чтобы послѣдняя изъ страха возвратила Польшѣ Галицію, а Польша въ благодарность за это должна была уступить Пруссіи Гданскъ и Торнъ! Кауницъ на это отвѣчалъ: „Мы вамъ не мѣшаемъ овладѣть Гданскомъ и Торномъ, но за чѣмъ Австріи нести потери изъ за этого?" Изумленіе Кауница понятно; но непонятно, какъ этотъ дипломатъ, считавшійся умнымъ человѣкомъ, не видѣлъ, за чѣмъ? Разумѣется, затѣмъ, что Пруссія готовилась проглотить всю Польшу цѣликомъ: ибо если бы означенная уступка удалась, вліяніе Пруссіи въ Польшѣ, равносильное владѣнію, упрочилось бы, а за такимъ вліяніемъ одинъ шагъ къ фактическому завладѣнію страною.

Не смотря однако на мнимое миролюбіе Герцберга, дѣла едва не дошли до войны. Пруссія хотѣла силою заставить Австрію уступить Польшѣ Галицію, чтобы самой получить Торнъ и Гданскъ. Спустя нѣсколько времени, Фридрихъ-Вильгельмъ, великодушный союзникъ, прямо объявилъ, что безъ уступки Торна и Гданска и договоръ не въ договоръ. Недаромъ Англичане подсмѣивались надъ этимъ трактатомъ, называя его договоромъ волка съ бараномъ! Слабый и безхарактерный Станиславъ-Августъ, самый близорукій человѣкъ среди близорукой націи, сказалъ маркизу Лукезини: „Меня безпокоитъ то обстоятельство, что, не получивъ отъ васъ торговыхъ выгодъ, мы подвергаемся опасности отъ императорскихъ дворовъ". Лукезини на это отвѣчалъ: „У Пруссіи достаточно войска, чтобъ заступиться за Польшу и защитить ее отъ опасности". А между тѣмъ торговыя притѣсненія со стороны Пруссіи продолжались. Поляки по прежнему, если не болѣе, подавлены были громадными пошлинами. И что же? Поляки неудачу договора съ Пруссіей приписывали Россіи. Штакельбергъ, Русскій посолъ въ Варшавѣ, смѣялся надъ политическою мудростію Поляковъ и говорилъ: „Какой пользы можете вы ожидать отъ Пруссіи, пока нижняя Висла въ ея рукахъ?" Глубину и важность этого замѣчанія едва ли понималъ и самъ Штакельбергъ, имѣвшій въ виду только торговыя интересы Польши. Говоримъ: едва ли понималъ,—ибо спасеніе Польши въ то время состояло въ томъ, чтобъ отказаться отъ западно-русскихъ областей, сблизиться съ Россіей и съ помощію ея возвратить земли, которыя у Польши отняты были Пруссіей. Это, разумѣется, было не-

возможно; ибо нужно было предположить цѣлую націю глубокихъ политиковъ, а въ Польшѣ и отдѣльныхъ единицъ, обладавшихъ политическою мудростію, не бывало. Тамъ за политическую мудрость почиталось искусство завязывать политическія интриги.

Фридрихъ-Вильгельмъ, не получивъ Гданска и Торна, сталъ сближаться съ Россіей, и когда слухи объ этомъ сближеніи дошли въ Варшаву, Прусскій посланникъ, а за нимъ и Англійскій, стали увѣрять Поляковъ, что все это вздоръ. Послѣдній говорилъ, что Пруссія навсегда останется вѣрной союзницей Польши. Въ тоже время король Фридрихъ-Вильгельмъ, раздраженный неуступкою Гданска и Торна, отзывался совершенно иначе: „Если эти оборвыши недоумѣваютъ отдать мнѣ Гданскъ и Торнъ, то я свяжу имъ руки и ноги и отдамъ Россіи“.

Инстинктивно чувствуя опасность со стороны Пруссіи, какъ же Поляки поступали относительно Россіи?

Екатерина Великая знала хорошо всѣ интриги Пруссіи и Англіи. Получа извѣстіе отъ графа Штакельберга, что Пруссія вмѣстѣ съ Англіей препятствуютъ сблизиться Польшѣ съ Россіей, она сказала: „Буде два дурака не уймутся (т. е. короли Прусскій и Англійскій), то станемъ драться. Графа Румянцева-Задунайскаго обратимъ для наступательной войны на Пруссію, чтобы отнять тѣ земли, которыя я ему отдала. Князь Потемкинъ-Таврическій будетъ дѣйствовать оборонительно.“ Слѣдовательно, Екатерина понимала возможность столкновенія съ вооруженной коалиціей.

Въ 1789 году, когда разгорѣлась вторая Турецкая война, начавшаяся еще въ 1787-мъ году, Поляковъ охватила горячка политическаго безумія, а рѣчи Лукезини раздували оную еще болѣе. Съ огнемъ въ глазахъ, съ одушевленіемъ пророка, по выраженію С. М. Соловьева, Лукезини говорилъ Полякамъ о необходимости возрожденія; однимъ словомъ, Поляки, вмѣстѣ съ Репетиловымъ, могли о немъ сказать:

«Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ»....

Въ этомъ году началась ломка учрежденій, гарантированныхъ Екатериной II-ю: 19 Января 1789 г. уничтоженъ былъ постоянный совѣтъ. Игнатій Потоцкій и Казимиръ Сапѣга раздували ненависть къ Россіи. На Волыни было вырѣзано семейство одного шляхтича, и этого было довольно, чтобы закричать, что это дѣло Русскихъ чиновниковъ, начало всеобщей рѣзни.

Въ Апрѣлѣ того же 1789 года Нѣмцевичъ и Казимиръ Сапѣга потребовали, чтобы черезъ Польшу не пропускали ни Русскихъ транспортовъ, ни Русскихъ войскъ, даже чтобы выгнали Русскія войска, стоявшія въ Польшѣ. По неосновательному подозрѣнію схватили и заключили въ тюрьму Русскаго подданнаго, викарія Кіевскаго митрополита, Садковскаго; мало этого, ворвались въ домовую церковь нашего посла и схватили Русскаго священника. Англійскій посолъ Гельсъ (Hales) побуждалъ Поляковъ начать войну немедленно, но Лукезини совѣтовалъ выждать нападенія Россіи. Совѣтъ былъ разсчитанъ весьма умно, и мы не понимаемъ, какую умѣренность въ этомъ совѣтѣ видитъ С. М. Соловьевъ (Ист. паденія Польши, стр. 227).

Если бы Поляки напали на Россію сами, то могла ли бы Пруссія воспрепятствовать Россіи взять, чего послѣдняя захочетъ? При этомъ сама она рисковала остаться ни при чемъ; ибо естественно было ожидать, что при малѣйшемъ движеніи Пруссіи послѣдуетъ еще болѣе тѣсное сближеніе Россіи съ Вѣнскимъ кабинетомъ. При томъ же Лукезини могъ разсчитывать, что Турецкая война еще затянется и что счастіе, пожалуй, измѣнитъ Русскимъ, и безъ сомнѣнія, онъ надѣялся на это. На нападающихъ Богъ и добрые люди, и потому всегда выгоднѣе вызвать нападеніе, чѣмъ нападать. Однимъ словомъ, въ этомъ совѣтѣ одинъ разсчетъ, и бо-

лѣе ничего. Да Пруссіи, съ другой стороны, были и невыгодны успѣхи Поляковъ; ибо успѣхи, безъ помощи Пруссіи, освободили бы Польшу отъ Прусскихъ попеченій. Слѣдовательно, для Лукезини нуженъ былъ предлогъ дать Пруссіи возможность вмѣшаться въ войну Польши съ Россіей. А когда же этого удобнѣе было достигнуть, какъ не тогда, когда Россія сама бы начала войну. Все, разумѣется, было принято въ разсчетъ: умный человѣкъ всегда болѣе разсчитываетъ, что̀ онъ будетъ дѣлать въ случаѣ неудачи, чѣмъ обратно; ибо при удачѣ у большей части людей соображеніе работаетъ и живѣе, и вѣрнѣе.

Екатерина II-я предписывала Штакельбергу „спокойно смотрѣть на неистовства Поляковъ, въ собственный ихъ вредъ обратиться могущія, нежели ускорять дальнія безпокойства.“ Роль короля въ это время была страдательная: онъ переходилъ изъ-подъ одного вліянія подъ другое...

Въ 1790 году въ Польшу отправленъ былъ новый посолъ Булгаковъ, которому Екатерина писала, что, кажется, на счетъ Прусскаго короля „бѣльмо съ очесъ сдернуто, ибо тутъ явно открылось, что ни о чемъ иномъ дѣло не шло, окромѣ какъ о собственной гордости и барышей того, который вздумалъ сдѣлаться диктаторомъ Европы и который въ самомъ дѣлѣ лишь только цѣлитъ на Польскія посессіи“. Далѣе о союзѣ Польши съ Портою Екатерина выражается такъ: „Сей химерой ее (т. е. Польшу) стараются только отъ насъ отдалить, тогда какъ она болѣе всего имѣетъ нужду въ насъ для обезпеченія своей цѣлости [1]). Кто ей словами обѣщалъ Галицію и Молдавію, тотъ ей нынѣ можетъ сулить Кіевъ, Бѣлорусь, Смоленскъ и Москву. Мы бы съ болѣе основными рѣчами могли имъ обѣщать всю Остъ- и Вестъ-Пруссію, если бы не почитали за непристойность обѣщать чужое и что̀ нынѣ намъ не подвластно, но тридцать лѣтъ назадъ въ нашихъ рукахъ однако завоевано оставалось.“ Далѣе Екатерина говоритъ: „Пусть Прусскій король разоряется, сыпля деньги на право и налѣво“. Однимъ словомъ она предписывала ничего не дѣлать, „дондеже миръ съ Турками не заключится, а до тѣхъ поръ пусть Поляки чувствуютъ (т. е. терпятъ) все неистовство своего поведенія и да поживутъ на счетъ Прусскаго короля.“ „Я мышлю (заключаетъ Екатерина), что въ ихъ дѣло, по злобѣ націи Польской къ Россіи, мѣшаться не должно, дондеже часть націи меня не призоветъ; развѣ откроется впредь случай такой, гдѣ съ пристойностью приступить къ тому могу, котораго не упущу, конечно.“ Съ какою осторожностью дѣйствовала Екатерина относительно Польши, пока не заключенъ былъ миръ съ Турціей, это видно изъ письма ея къ Булгакову по поводу извѣстія о планѣ соединить Польшу подъ однимъ скипетромъ съ Пруссіей. Она напоминала, что подобный планъ за нѣсколько лѣтъ былъ предложенъ относительно соединенія съ Россіей и былъ отклоненъ: „понеже мы взирали на Польшу, яко на державу посреди четырехъ сильнѣйшихъ находящуюся и служащую преградой отъ столкновеній“. Далѣе она говоритъ, что намѣрена и впредь поддерживать эту преграду, если затѣмъ Польша и ея совѣтники не измѣнятъ ея взгляда. „Таковыя и тому подобныя разсужденія дозволяемъ вамъ употреблять и внушать друзьямъ нашимъ“. Конечно, письмо разсчитано было на то, чтобъ эти мысли сообщены были Полякамъ; но на основаніи этого письма нельзя сказать, чтобъ Екатерина обрекала Польшу заранѣе на гибель, и что письмо было ловушкою. Напротивъ, эти слова показываютъ, что Екатерина II, по отобраніи отъ Польши Русскихъ земель, считала возможнымъ сохранить

[1]) Весьма жаль, что ученый сотрудникъ *Historische Zeitung* не привелъ въ примѣчаніи этихъ словъ Екатерины II, а они ему извѣстны изъ сочиненія Соловьева: «Исторія Паденія Польши», изданнаго на Нѣмецкомъ языкѣ покойнымъ Юліемъ Шпереромъ въ Готѣ.

ее въ ея чисто-Польскихъ границахъ, какъ эти границы тогда понимались.

3-го Мая 1791 года утверждена была знаменитая конституція, и сейчасъ же Поляки затѣяли дѣло, которое должно было обратить на себя вниманіе Екатерины. Затѣяли Станиславъ-Августъ съ Игнатіемъ Потоцкимъ, по выраженію С. М. Соловьева, возстановить дѣло Витовта, уничтоженное Московскимъ договоромъ, задумали раздѣлить Русскую церковь. „Для Россіи, говоритъ Соловьевъ, это былъ жизненный вопросъ. Первый раздѣлъ Польши, предложенный Пруссіей, представлялся въ Петербургѣ преимущественно раздѣломъ Польши, и потому на него неохотно согласились; но когда въ Варшавѣ задумали возстановить дѣло Витовта, то вопросъ получалъ для Россіи уже настоящее значеніе: дѣло шло уже не о раздѣлѣ Польши, а о соединеніи Русскихъ земель“. Смотрѣть равнодушно на такую попытку значило навсегда отказаться отъ возвращенія Русскихъ земель, — могла ли это сдѣлать Русская императрица? Не заслужила ли бы она осужденіе потомства, не довершивъ, упустивъ благопріятныя обстоятельства объединенія Русскихъ земель? Не говоримъ уже объ оскорбленіяхъ, которымъ Россія подвергалась съ 1788 г.; западные историки не обращаютъ никакого вниманія на дѣло важнѣйшее, на права Россіи, на западно-русскія области, на естественное стремленіе возсоединить вѣками раздѣленный единовѣрный и единокровный народъ. Правду сказалъ поэтъ:

Имъ непонятна, имъ чужда
Сія семейная вражда.

Пруссія въ продолженіе второй Турецкой войны употребляла всѣ усилія забрать Польшу въ свои руки, а Россія должна была на это смотрѣть равнодушно и забыть о Русскомъ народѣ подъ Польскимъ владычествомъ! Чтò бы сказалъ Нѣмецкій историкъ, еслибъ подъ Польскимъ владычествомъ находилась тогда хоть какая-нибудь Нѣмецкая провинція? Назвалъ ли бы онъ государя, думавшаго и принимавшаго всѣ мѣры къ возвращенію этой провинціи, геніемъ зла?

Если, по справедливому выраженію Екатерины, другіе не обратили никакого вниманія на Россію, то слѣдовало ли изъ этого, что Россія сама должна была забыть свой интересъ?

Только по окончаніи второй Турецкой войны, Варшавскій кабинетъ извѣстилъ Русскій дворъ о переворотѣ 3-го Мая, а между тѣмъ другіе извѣщены были немедленно. 17-го Января 1792 г. въ Варшаву пришла грозная вѣсть о заключеніи Ясскаго мира. Польша, говоритъ С. М. Соловьевъ, очутилась въ положеніи школьника, передъ которымъ внезапно явился учитель. Вотъ ходъ дѣлъ, приведшихъ ко второму раздѣлу.

Внутреннее положеніе Польши въ эпоху, о которой мы говоримъ, извѣстно всѣмъ. Самъ ученый редакторъ *Historischer Zeitschrift*, Генрихъ фонъ-Зибель начинаетъ III-ю главу втораго тома своей Geschichte der Revolutionszeit такими словами: „Въ концѣ 1792 года въ Польшѣ господствовала Русская военная сила, и тамъ, гдѣ ея не было, царствовало полнѣйшее разложеніе“. Самъ Зибель (201 стр. II-го тома) говоритъ о страшномъ равнодушіи, съ которымъ масса Польскаго населенія встрѣтила паденіе Польши; онъ же о крестьянахъ Польскихъ замѣчаетъ: „Откуда имъ было взять чувство общественности и любовь къ отечеству? Они не имѣли понятія о государствѣ и не спрашивали, кто надъ ними властвовалъ, ибо всякая власть приносила имъ только раздоръ, мученія и кабалу“.

Страшное равнодушіе народа отозвалось въ знаменитомъ молчаливомъ засѣданіи Гродненскаго сейма.

Такимъ образомъ, съ одной стороны права Россіи на Русскія земли, захваченныя Поляками, съ другой стороны параличъ-столбнякъ всего государственнаго организма Польши не допускаютъ даже и малѣйшей возможности обвинять

Екатерину II въ паденіи Рѣчи Посполитой? Не могла же въ самомъ дѣлѣ Екатерина равнодушно смотрѣть, какъ сосѣди захватятъ Польшу и, даже пожалуй, присвоятъ себѣ и Русскія земли. А между тѣмъ, когда заведется рѣчь о раздѣлахъ Польши, на первомъ планѣ выставляютъ честолюбіе Екатерины. А Пруссія — Козьма-безсребренникъ? А плачущая Марія-Терезія зачѣмъ взяла Польскія земли? Можетъ быть, конституція 3-го Мая могла возродить Польшу? „Нѣтъ", говоритъ г. Костомаровъ, „ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ Поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціей 3 Мая могла бы возродиться къ новой жизни, если бы ей не помѣшали извнѣ. Она никакъ не могла избѣжать внѣшняго вмѣшательства, когда самое это возрожденіе предпринято было по внушеніямъ, подстрекательству и одобренію одной державы съ тѣмъ, чтобъ избавиться отъ давленія другой". Далѣе тотъ же авторъ, выражается такъ: „Конституція 3-го Мая во всякомъ случаѣ не могла возродить Польшу. Оставивъ крестьянъ подъ гнетомъ владѣльцевъ, ограничивались нѣсколькими благородными фразами въ ихъ пользу и, приготовляя въ будущемъ не мирное ихъ освобожденіе, а кровавую рѣзню, воскресители Польши, собственно говоря, почти ничего важнаго не сдѣлали для возрожденія ея".

При чемъ же тутъ злой геній Екатерины II-й? Развѣ этотъ злой геній обнаружился въ томъ, что Екатерина не дала себя обморочить, не позволила испугать? Въ томъ, что, сохранивъ спокойствіе, среди происковъ и угрозъ, равнодушно по видимому перенося оскорбленія, она вѣрно разсчитала средства сломить рога гордыни у своихъ враговъ? Дай намъ Богъ почаще такихъ злыхъ геніевъ.

Какъ же всѣ эти событія освѣщены въ примѣчаніяхъ Зибелевскаго журнала къ рескриптамъ Екатерины?

Въ первомъ рескриптѣ императрица, упомянувъ о привязанности жителей южно-русскихъ къ Россіи, говоритъ: „Врученное вамъ (т. е. Потемкину) званіе великаго гетмана будетъ служить ободреніемъ и вѣрнѣйшимъ указаніемъ для всѣхъ жителей Польши, Русской вѣры и Русскаго происхожденія, соединиться подъ вашимъ верховнымъ начальствомъ для цѣли, къ которой будетъ устремлена ихъ дѣятельность". Вотъ слова, которыя подали г. Калинкѣ поводъ сказать, что готовилась вторая гайдамачина. Вникая глубже въ смыслъ этихъ словъ, основанныхъ на планѣ геніальнаго Потемкина, видимъ, что готовилось нѣчто подѣйствительнѣе и пострашнѣе гайдамачины, готовилось организованное возстаніе подъ предводительствомъ самого Потемкина. Онъ долженъ былъ вступить съ казаками въ эти воеводства, и титулъ великаго гетмана долженъ былъ напоминать жителямъ этихъ воеводствъ стародавнее время Хмельницкаго и соединить ихъ подъ его знаменами. Въ этомъ планѣ видно желаніе посредствомъ организаціи возстанія предупредить сцены въ родѣ Уманьской рѣзни, что̀, конечно, при ожесточеніи Малороссійскаго народа противъ Поляковъ, сдѣлать было не невозможно.

Редакція Historische Zeitschrift съ сочувствіемъ помѣстила отзывъ г. Калинки; сотрудникъ ея и отъ себя дѣлаетъ замѣчанія. Къ словамъ Екатерины, что она приказала Салтыкову такъ расположить войска, чтобъ быть готовымъ отразить нападеніе Прусскаго короля, редакція присоединяетъ слѣдующую замѣтку: „Такимъ образомъ, армія Салтыкова назначена была не противъ Польши, но противъ Пруссіи". Вотъ въ самомъ дѣлѣ удивительно! Пруссія придвигала войска къ границамъ, а намъ надлежало глядѣть на эти движенія беззаботно. Вотъ Нѣмецко-политическая наивность! Какъ-де смѣть готовиться дать отпоръ самимъ Пруссакамъ?

О второмъ рескриптѣ справедливо замѣчаетъ г. Костомаровъ, что Екатерина не желала заранѣе стѣснять волю

Поляковъ и заранѣе дозволила имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы только составители были друзья Россіи: „Что̀ касается до образа правленія ихъ республики, мы сіе оставляемъ на волѣ ихъ, федеративное ли правительство учредить или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ постановленіемъ силы гетмановъ, яко преграды могуществу королевскому: ибо сіе относиться будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами“. „Ясно,“ говоритъ г. Костомаровъ, „что Екатерина и теперь, какъ и прежде, хотѣла только удержать свое покровительство надъ Польшей, но не желала уничтоженія Польскаго государства, хотя и предвидѣла, что трудно будетъ избѣжать раздѣла“. Мало того, что Екатерина хотѣла только удержать покровительство надъ Польшей; она не хотѣла отдать ее въ руки Пруссіи,—добавимъ мы отъ себя.

О первомъ рескриптѣ въ Historische Zeitschrift говорится, что „Екатерина еще колеблется, ибо Англо-прусская политика налагаетъ еще оковы на ея честолюбивыя стремленія“. Всякій знаетъ, что Екатерину удерживали только войны съ Турціей и Швеціей отъ вмѣшательства въ дѣла Польши, и не безъизвѣстно, что Турція тянула войну, не смотря на пораженія, въ надеждѣ найдти внѣшнюю помощь. Точно также и Швеція. А оба государства, Турція и Швеція, были на поводу у Англо-прусской дипломаціи. Что̀ же тутъ удивительнаго или преступнаго, что Екатерина ожидала окончанія войнъ Турецкой и Шведской? Всякому умному и честному человѣку тутъ видно одно политическое благоразуміе, не болѣе. А вотъ другое дѣло-Англо-прусская политика. Если Пруссія съ Англіей вкупѣ желали отстоять Польшу отъ Россіи, то почему же они не поднялись на ея защиту до и послѣ Турецкой войны? Надобно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ Пруссія толкала Польшу въ бездну и ускоряла ея конецъ, который теперь начинаютъ оплакивать Нѣмцы. О какихъ „falsche Vorspiegelungen“ говоритъ Нѣмецкій рецензентъ? Обманы, да еще фальшивые! Порусски, обманъ всегда фальшивъ.

Во второмъ рескриптѣ Нѣмецкій писатель, вмѣстѣ съ Польскимъ, видятъ только жажду мщенія противъ составителей конституціи 3-го Мая. Но развѣ какое бы то ни было правительство, кромѣ безумнаго, могло оставить дѣла въ Польшѣ въ рукахъ людей, враждебныхъ себѣ? Далѣе, какъ бы въ доказательство коварства Екатерины, говорится, что проэктъ втораго раздѣла, сообщенный Прусскому двору въ 1792 году, былъ уже за полгода предвидѣнъ Екатериной. Что̀ жъ изъ этого? Екатерина II предвидѣла, что, при всемъ ея нежеланіи, трудно будетъ избѣжать втораго раздѣла, и она только пошла на встрѣчу событіямъ. — При этомъ Нѣмецкій критикъ не обращаетъ вниманія на заключительныя слова втораго рескрипта: „Предъ нами открывается настоятельная нужда начать нашу дѣятельность въ Польшѣ, если ея сосѣди, и особенно король Прусскій, выскажутъ желаніе сдѣлать новый раздѣлъ Польши.“ Въ то время, когда Лукезини и самъ король искусно поощряли Поляковъ измѣнить государственное устройство, въ то самое время, еще за долго до появленія перваго рескрипта, Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Герцбергъ говорилъ, что новое правленіе въ Польшѣ особенно вредно Пруссіи. Герцбергъ видимо не раздѣлялъ надеждъ Лукезини и короля захватить Польшу въ свои руки.

Можно пожалѣть, что Екатерина II вошла въ соглашеніе съ Пруссіей на счетъ втораго раздѣла, и что она не развернула всѣхъ своихъ средствъ, чтобы отстранить Пруссію и Австрію отъ участія въ Польскихъ дѣлахъ и не захватила Польскія дѣла, ко благу обѣихъ Славянскихъ націй, всецѣло въ свои руки. Но чтобы сдѣлать подобный упрекъ, надобно, чтобы Поляки лучше понимали свои интересы и оставили притяза-

нія на Русскій край. Будь среди Поляковъ люди дальновидные и искренніе, вышло другое бы дѣло. На Екатерину II, о вѣроломствѣ которой пропѣто столько пѣсенъ, Поляки могли бы опереться прочнѣе. При этомъ нельзя не припомнить словъ Екатерины объ Іосифѣ II-мъ: „Онъ возбудилъ противъ себя Венгровъ, несправедливо нарушая ихъ права. Они спасли его мать,—я бы ихъ на рукахъ носила".

Впрочемъ и великія дѣла, и ошибки Екатерины ждутъ еще историка. Ошибки въ Польскомъ вопросѣ были результатомъ ошибочнаго направленія во внутреннемъ развитіи Россіи, въ XVIII вѣкѣ. На все народное стали смотрѣть только, какъ на мужицкое, что̀ и выразилось въ словахъ Репнина, писавшаго къ Панину: „Сто̀итъ ли-де много хлопотать о правахъ дисидентовъ, когда среди ихъ нѣтъ дворянъ?" Что̀ сказали бы на такія слова въ царствованіе Алексѣя Михаиловича?

Польскій вопросъ есть не столько вопросъ внѣшній, сколько внутренній, и потому правильное его пониманіе зависѣло отъ правильнаго внутренняго развитія Россіи. Чѣмъ болѣе наша внутренняя политика отдалялась отъ народнаго политическаго взгляда, тѣмъ болѣе ошибокъ являлось въ отношеніяхъ къ Польшѣ.

Евгеній Бѣловъ.

РЕСКРИПТЫ.

Г. Калинка отыскалъ оба рескрипта въ спискахъ, въ Парижской библіотекѣ князей Чарторижскихъ, и напечаталъ ихъ порусски и попольски. Мы не имѣемъ подъ руками самой книги г. Калинки, а только разборъ ея, помѣщенный въ 4-й тетради Зибелева Историческаго журнала, гдѣ приведены и рескрипты въ Нѣмецкомъ переводѣ. Немногіе Русскіе отрывки перваго рескрипта находятся въ соч. Костомарова: «Послѣдніе дни Рѣчи Посполитой»; а черновой Русскій текстъ втораго рескрипта сохранился въ Рѣшетиловскихъ бумагахъ В. С. Попова и былъ отпечатанъ профессоромъ Ставровскимъ въ Русскомъ Архивѣ 1865 года. Здѣсь оба рескрипта печатаются въ первый разъ вполнѣ, съ бѣловыхъ подлинниковъ, подписанныхъ Екатериною и хранящихся въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. При первомъ рескриптѣ находятся чрезвычайно-важныя приложенія, которыхъ не знали Польскій и Нѣмецкій издатели.

Рескрипты относятся къ послѣднему пребыванію Потемкина въ Петербургѣ (съ 28 Февраля по 24 Іюля 1791), и первый изъ нихъ подписанъ вскорѣ послѣ знаменитаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ (28 Апрѣля), даннаго, какъ видно теперь, между прочимъ съ цѣлью отвлечь умы и заглушить внутреннюю дворскую и дипломатическую тревогу. Къ этому же времени долженъ быть отнесенъ одинъ изъ важнѣйшихъ случаевъ въ личныхъ отношеніяхъ Екатерины къ Потемкину..... Тогдашнія политическія обстоятельства Россіи похожи отчасти на 1863 годъ: противъ насъ собиралась грозная туча. Турція находилась въ явной съ нами войнѣ; Пруссія съ Англіею и Голландіею вооружались противъ насъ. Суворова приходилось посылать въ Финляндію ради предосторожности отъ Густава III-го, только что заключившаго Верельскій трактатъ и готоваго разорвать его. Польша, съ ея конституціею 3-го Мая, становилась орудіемъ всякаго рода враждебныхъ Россіи замысловъ. Въ довершеніе бѣды, главный политическій дѣятель, князь Потемкинъ лѣниво относился ко всему и готовъ былъ уступками добиться мира. Геній и настойчивость 62-лѣтней Государыни спасли политическое достоинство Россіи. *П. Б.*

I.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ, МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему генералу-фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому.

Настоящее положеніе дѣлъ извѣстно вамъ во всѣхъ его подробностяхъ, равно какъ и тѣ насильственныя мѣры, которыя ненавиствующіе намъ дворы рѣшилися употребить, дабы принудить насъ покориться закону, отъ нихъ преднаписуемому въ примиреніи нашемъ съ Портою Оттоманскою.

Истощивъ уже до послѣдней черты наше снисхожденіе и ограничивъ ультиматъ нашъ въ самыхъ крайнихъ предѣлахъ, которые могли только согласовать съ достоинствомъ нашимъ [1]), не можемъ отнюдь простерти далѣе нашу податливость и, вопреки миролюбію нашему, видимъ себя убѣждаемыхъ честію нашею и государства нашего стать противу всѣхъ вредныхъ намѣреній и, призвавъ Бога въ помощь, силу отражать силою.

Имѣя разныхъ непріятелей на насъ возстающихъ, мы должны разныя противуполагать имъ средства. Англія пріуготовляетъ флотъ свой къ отправленію въ Балтійское и Средиземное, а по извѣстіямъ хотя и не вовсе еще вѣрнымъ, и въ Черное море [2]). Вопреки сему указали мы вооружить и нашъ флотъ въ тридцати двухъ линейныхъ корабляхъ, въ томъ числѣ осми стопушечныхъ кромѣ фрегатовъ и другихъ легкихъ судовъ. По слабости Даніи, каковую обнаружила она въ войнѣ нашей съ королемъ Шведскимъ, а теперь разными ея съ Берлинскимъ и Лондонскимъ дворами объясненіями и увертками и болѣе еще подтверждаетъ, не можемъ нимало надѣяться на ея пособіе, которое, при заключеніи съ нею союза и сдѣланныхъ въ пользу ея жертвахъ, главнѣйше въ томъ полагаемо было, что она, будучи стражемъ Зунда, имѣетъ всю удобность малыми силами заградить входъ въ Балтійское море, условіями нашими съ нею и съ королями Шведскимъ и Прусскимъ признанное запертымъ для всякаго посторонняго военнаго флага. Слѣдовательно и нельзя намъ отдѣлить части флота нашего къ Зунду или Белту ради возбраненія Аглинскому пройти оные, но долженствуемъ въ собственныхъ водахъ нашихъ нажидать отъ сея державы непріязненнаго нашествія: Предписано отъ насъ потому адмиралу Чичагову Ревельскою эскадрою взять такое положеніе, чтобъ, открывая посредствомъ крейсеровъ, колико можно далѣе, къ весту, имѣла сія эскадра удобность, при настояніи нужды, соединиться съ другою, въ Кронштатѣ вооруженною. Сразмѣрность силъ непріятельскихъ укажетъ, какимъ образомъ надежнѣе отразить ихъ, въ открытыхъ ли водахъ, взявъ однакожъ за правило, чтобъ не съ нашей стороны учиненъ былъ первый выстрѣлъ, или же, въ случаѣ знатнаго превосходства Аглинскаго флота, стать въ надежномъ къ оборонѣ положеніи, закрывъ и обезпечивъ Кронштатъ отъ всякаго покушенія въ то самое время, когда часть гребнаго нашего флота расположится для загражденія сѣвернаго фарватера и для способствованія корабельному въ оборонительныхъ его дѣйствіяхъ.

Съ приведеніемъ въ исправность флота и съ обезпеченіемъ главнаго порта нашего, мы долженствуемъ обратить вниманіе наше на движеніе короля Прусскаго, который собралъ многочисленныя войска въ Пруссіи, и при первомъ знакѣ легко можетъ обратить ихъ къ нашимъ границамъ. Сколь ни имѣемъ добрую вѣру къ союзнику нашему императору Римскому, не можемъ однакожъ не представлять себѣ, что, покуда онъ вступитъ въ дѣятельное участіе на пользу нашу, всѣ главнѣйшія силы сего новаго грозящаго намъ непріятеля

---

[1]) Т. е. получить при замиреніи Очаковъ съ областью до Днѣстра, тогда какъ Пруссія и Англія настаивали, чтобъ обѣ воюющія державы остались при владѣніяхъ, какъ было до начала войны.

[2]) «Пива и портеру не будетъ», отозвалась Екатерина Храповицкому 9 Апрѣля 1791 г.

противу насъ устремятся и что потому со стороны нашей нужно все усиліе, дабы выдержать наглое его нападеніе. Въ семъ видѣ собрана по Двинѣ армія наша подъ предводительствомъ генерала графа Салтыкова, снабденная всѣмъ потребнымъ, поколику положеніе наше дозволило, и достаточная для обороны границъ нашихъ, доколѣ состояніе дѣлъ и успѣхи въ предпріятіяхъ нашихъ съ другой стороны откроютъ ей удобность превратить дѣйствія оборонительныя въ наступательныя.

Хотя трудно полагать, чтобъ король Прусскій обратилъ первыя свои дѣйствія на Ригу, ибо тутъ состоитъ самый сильный нашъ пунктъ и крѣпость, для осады которой потребно много большой артиллеріи и другихъ пріуготовленій, на пути предлежитъ переправа чрезъ большую рѣку, да и употребя здѣсь знатное количество войскъ, ослабилъ бы онъ другія части; кромѣ того, что нельзя ему не опасаться и со стороны императора сильной въ пользу нашу деверсіи: мы однакожъ, сохраняя всемѣрную осторожность, предписали генералу графу Салтыкову сверхъ всего что̀ сдѣлано къ оборонѣ помянутаго города и къ огражденію устья Двины, обезпечить сіе мѣсто довольною, но не излишнею защитою, а прочія войска поставить для закрытія границъ нашихъ отъ впаденія непріятельскаго, на примѣръ: главную часть арміи между Плоцка и Риги, то есть отъ Креславля; корпусъ отъ той же арміи у Будилова, который, имѣя на Двинѣ вооруженныя легкія суда, будетъ по рѣкѣ сей спускаться, какъ обстоятельства востребуютъ. Суда сіи такъ расположить приказано, чтобъ непріятелю вездѣ пресѣчь переправу, самыми же легкими и съ малыми пушками безпрестанно патрулировать рѣку, дабы всякое покушеніе заблаговременно остановить было возможно.

Но какъ король Прусскій не довольно что съ врагомъ имени христіанскаго заключилъ союзъ наступательный, да еще и самъ, будучи въ связи съ Польшею, споспѣшествуетъ таковому же сближенію сея республики съ Турками; то заботы наши на твердой землѣ и вящше умножаются, тѣмъ болѣе, что въ самое же сіе время обязаны мы продолжать и войну нашу съ Портою Оттоманскою, хотя уже сокращая оную такимъ образомъ, что въ Европѣ будетъ она состоять въ охраненіи завоеванной части, которую по ултимату нашему предположили мы навсегда удержать за собою. Въ слѣдствіе того надлежитъ крѣпости, взятыя на правомъ берегу Днѣстра и по Дунаю, истребить до основанія. Флотъ гребной и флотилія казаковъ Черноморскихъ будутъ препятствовать переправѣ войскъ Турецкихъ, производя и поиски, какими только удобно нанести ударъ непріятелю. Флотъ большой изъ Севастополя долженствуетъ искать Турецкаго, съ нимъ сражаться, наводить страхъ при устьяхъ Босфора, становяся всегда такъ, чтобъ ничто не могло ходить отъ устьевъ Дунайскихъ къ Константинополю и отъ него къ нимъ; есть-ли же бы Турецкій флотъ уклонился въ другое мѣсто, то искать его повсюду; словомъ, стараться вездѣ очищать море. А дабы еще болѣе удержать войска Турецкія отъ переправы въ Европейскую часть и неожидаемою войною на новомъ театрѣ привести ихъ въ крайнее замѣшательство, то, по вооруженіи полками Таврическаго корпуса флота и по обезпеченіи края, что̀ за тѣмъ останется, соединить съ Кавказскимъ кор-

пусомъ и слѣдовать къ Анапѣ, которую съ Божіею помощію стараться взять, да и далѣе со всевозможною живостію дѣйствовать наступательно въ Азіи, ища всѣхъ средствъ принудить Порту, отложа суетную надежду на союзника своего, кончить настоящую войну миромъ съ нами безпосредственно, на условіяхъ, въ ултиматѣ отъ насъ преднаписанныхъ.

Не распространяемся мы касательно дѣйствій военныхъ противу Турковъ на такой случай, буде бы короли Прусскій и Аглинскій, не смотря на сильныя ихъ пріуготовленія, остановилися при однихъ оказательствахъ: ибо мы увѣрены, что вы тогда, имѣя болѣе способовъ подъ руками, употребите ихъ по лучшему вашему усмотрѣнію, дабы нанесеніемъ крайнихъ ударовъ врагу нашему, обратить его на принятіе мира, отъ насъ даруемаго.

Все, что̀ за назначеніемъ противу Турковъ остается, имѣетъ быть обращено противу новыхъ на насъ вооружающихся непріятелей. Въ слѣдствіе сего отъ арміи вамъ ввѣренной поставится корпусъ на границѣ Могилевской губерніи, къ Малой Россіи прилегшей, другой соберется у Кіева, главный же корпусъ, или кордарме, расположится по границѣ Днѣпровской къ Польшѣ отъ Бендеръ, дабы безвременно не отвлекать всего для одной демонстраціи Прусской, но такимъ образомъ себя поставить, чтобъ поспѣть къ дѣлу, и въ то время всѣ корпусы, соединяся какъ отъ Кіева, такъ и отъ Могилевской границы, составятъ съ главнымъ корпусомъ армію, о которомъ предположеніи мы изъяснимъ ниже мысли и волю нашу.

Не намѣрены мы безвременно зачинать войну съ Поляками, сколько ни имѣемъ къ тому права и причинъ послѣ неистоваго разрушенія дружбы съ сею державою и разныхъ пунктовъ, ручательствомъ нашимъ утвержденныхъ, и послѣ многихъ озлобленій, намъ оказанныхъ. Поставивъ для себя правиломъ удалять все что̀ хотя видъ наступательный имѣетъ, считаемъ, что вступленіе войскъ нашихъ въ Польшу до тѣхъ поръ невмѣстно, покуда или они сами безпосредственно не окажутъ какой либо явной непріязненности, или же доколѣ король Прусскій не введетъ много или мало войскъ своихъ въ Курляндію, или другія области сея республики; но коль скоро то либо другое собудется, дозволяемъ вамъ ту часть войскъ нашихъ, которая, какъ выше сказано, на подобной случай назначена для составленія арміи дѣйствующей, ввести въ Польшу и занять черту на картѣ назначенную въ сходство съ рескриптомъ нашимъ отъ 19 Апрѣля 1790-го года, дабы правымъ флангомъ вашимъ сближиться съ арміею, генераломъ графомъ Салтыковымъ предводимою. При наступленіи къ тому времени не оставьте дать знать министру нашему въ Варшавѣ тайному совѣтнику Булгакову, чтобъ онъ объявилъ правительству тамошнему, что послѣ объясненія, въ 1789-мъ году между нами и онымъ происходившаго, приказано было отъ насъ военнымъ начальникамъ не вводить войскъ нашихъ въ Польшу, и что сіе наблюдаемо было до тѣхъ поръ, покуда республика сохраняла сіе правило и въ разсужденіи войскъ другихъ державъ; но коль скоро, вопреки оному, вступили въ области Польскія военныя силы короля Прусскаго, дабы открыть себѣ путь къ предѣламъ нашимъ съ намѣреніями непріязненными, то уже собственная наша безопасность убѣ-

дила насъ для обороны нашей учинить равный поступокъ введеніемъ части ополченія нашего въ земли Польскія. Мы тогда же не упустимъ оправдать поведеніе наше и шагъ, нами по необходимости сдѣланный, сообщеніемъ о томъ всѣмъ дворамъ Европейскимъ.

Между тѣмъ, доколѣ наступитъ время употребить сію крайнюю мѣру, надлежитъ прилагать всевозможное стараніе, дабы распространеніе огня военнаго было упреждено. Первымъ средствомъ къ тому полагаемъ отвлеченіе Поляковъ отъ Пруссіи. По слабости и превратности короля Польскаго, особливо же теперь, послѣ учинившейся перемѣны въ формѣ правленія [3]), о которой надобно ожидать пополнительныхъ извѣстій, какое дѣйствіе произведетъ она въ землѣ и какъ принята въ Берлинѣ, трудно и вовсе безнадежно считать, чтобъ можно было личными выгодами привязать его на сторону нашу; но должно обратить наипаче всѣ усильныя старанія преклонить къ намъ націю, и для того сдѣлать ей благопристойнымъ образомъ внушенія и увѣренія, что мы весьма удалены отъ всякаго притязанія вмѣшиваться во внутреннія ихъ дѣла; что готовы заключить съ ними союзъ съ ручательствомъ цѣлости ихъ владѣній; что не отречемся ободрить торговлю ихъ всевозможными выгодами; что при настояніи удобнаго случая не токмо не станемъ прекословить, но и споспѣшествовать будемъ въ присоединеніи Молдавіи къ Польшѣ на условіяхъ о сохраненіи тамъ господствующаго нынѣ Греческаго восточнаго закона. Средства сіи предпишемъ мы посланнику нашему Булгакову стараться употреблять съ надлежащею осторожностію и безъ потерянія времени; а равнымъ образомъ препоручаемъ вамъ, по знанію вашему тамошнихъ лицъ и дѣлъ, употребить все чѣмъ можно только достигнуть цѣли нашей; чего ради и не оставьте имѣть переписку съ помянутымъ министромъ нашимъ въ Варшавѣ и его, въ чемъ нужно, руководствовать, увѣдомляя насъ о томъ, дабы мы могли сіи способы подкрѣпить, какъ польза службы нашей того востребуетъ.

Время окажетъ, можемъ ли мы предъуспѣть въ привлеченіи Польши по вышесказанному; но естьли всѣ старанія наши останутся тщетны и негоціація не возметъ силы, то не должно уже откладывать прибѣгнуть къ мѣрамъ крайнимъ, и именно: чтобъ посредствомъ реконфедераціи привести въ замѣшательство намъ недоброхотныхъ. Можетъ быть и самая настоящая перемѣна конституціи Польской послужитъ къ тому поводомъ. Великій гетманъ Браницкій, артиллеріи генералъ Потоцкій, по ихъ извѣстной къ намъ преданности, такожъ генералъ-поручикъ Косаковскій, Пулавскій и другіе [4]) могутъ начать таковую реконфедерацію, для которой, какъ ее производить и какимъ образомъ дать съ нашей стороны подкрѣпленіе, нужно, чтобъ вы за временно учредили подробный планъ и, въ главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицахъ удостовѣрившися, донесли намъ обстоятельно, дабы способы къ произведенію того въ дѣйство учредить было можно. Впрочемъ, дѣлая ваши внушенія и соглашенія съ надлежащею осторожностію, не оставьте какъ вы-

[3]) Т. е. послѣ пресловутой, Прусаками продиктованной, конституціи 3-го Мая.

[4]) См. объ этихъ лицахъ Записки Хршонщевскаго въ І-й книгѣ Р. Архива сего года.

шеименованныхъ особъ, такъ и другихъ главнѣйшихъ, нашу сторону дѣятельно пріемлющихъ, обнадежить, что будутъ они защищены и, въ случаѣ гоненія на нихъ, въ Россіи приняты быть могутъ.

Къ числу таковыхъ сильныхъ мѣръ принадлежитъ исполненіе секретнаго вашего плана о воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Подоліи. Усердіе къ вѣрѣ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ тамошнихъ обитателей, привязанность ихъ къ Россіи и надежда, что единою ея помощію могутъ они избавиться отъ угнетеній имъ причиняемыхъ, удостовѣряютъ насъ, что при первомъ появленіи войскъ нашихъ въ томъ краѣ, они съ нами соединятся и, возобновивъ въ памяти храбрость предковъ своихъ, общею силою предуспѣютъ выгнать изъ края тамошняго непріятелей. Данное отъ насъ вамъ именованіе великаго гетмана войскъ нашихъ казацкихъ, Екатеринославскихъ и Черноморскихъ послужитъ побужденіемъ и самымъ надежнымъ средствомъ для всѣхъ вѣры и происхожденія Россійскихъ обитающихъ въ Польшѣ собраться подъ главнымъ руководствомъ вашимъ на дѣйствія тамъ предлежащія.

Что̀ касается до привлеченія Поляковъ къ сторонѣ нашей, мы вѣдаемъ, что мнѣніе союзника нашего императора Римскаго не различествуетъ отъ нашего, о чемъ и вновь съ нимъ во всей подробности изъяснимся по полученіи обстоятельныхъ извѣстій о происшедшемъ въ Варшавѣ. Равномѣрно единомысленны мы съ нимъ и въ томъ были, что въ настоящее время изъ всѣхъ иностранныхъ кандидатовъ для престола Польскаго курфирстъ Саксонскій есть сходнѣе для общихъ интересовъ нашихъ, ежели только онъ сохранитъ ту самую твердость, съ каковою отразилъ онъ всѣ коварные происки и внушенія, Берлинскимъ кабинетомъ чрезъ маркиза Лукезини и другими каналами учиненные, и ежели можно надѣяться, что, царствуя въ Польшѣ, не подастся на нарушеніе покоя съ сосѣдами. До полученія дальнихъ подробностей о Польской революціи и до сношенія нашего съ союзникомъ нашимъ, который ближе долженъ знать курфирста Саксонскаго, отлагаемъ дать предписанія министру нашему въ Дрезденѣ о предъявленіи сему владѣтелю благопріязненныхъ съ нашей стороны увѣреній.

Впрочемъ императоръ Римскій, при послѣднихъ его дружескихъ изъясненіяхъ, оказывая искреннее желаніе, дабы мы одержали миръ съ Турками на условіяхъ отъ насъ предложенныхъ, сказалъ тутъ же, что онъ, жертвовавъ своими завоеваніями, на счетъ Порты бывшими, не имѣетъ никакихъ притязаній, покуда король Прусскій не учинитъ и для себя новыхъ пріобрѣтеній; но буде онъ ихъ получитъ, въ такомъ случаѣ императоръ почитаетъ и себя въ правѣ требовать равнаго. По соизволенію нашему отъ министерства нашего даны Австрійскому послу увѣренія, что мы согласно съ союзникомъ нашимъ полагаемъ, что на подобное въ пользу короля Прусскаго пріобрѣтеніе нельзя инако соглашаться, какъ въ случаѣ самомъ необходимомъ, когда бы уже къ отвращенію бури военной инаго кромѣ сего средства не оставалося; да и въ то время, попуская ему, справедливость требуетъ, чтобъ и наши пріобрѣтенія были сразмѣрны, не токмо имъ получаемымъ, но и тѣмъ убыткамъ, которые мы отъ вой-

ны неправедно на насъ воздвигнутой потерпѣли. По отповѣди, каковую учинитъ императоръ по сей матеріи, и по дальнѣйшимъ вообще слѣдствіямъ, станемъ размѣрять нашу откровенность въ разсужденіи новаго раздѣла Польскаго, естьли уже иные способы недостаточны окажутся къ окончанію безпокойствъ настоящихъ и къ отвращенію оныхъ на времена грядущія.

Учиненныя арміямъ нашимъ росписанія при семъ доставляемъ, соизволяя, чтобъ вы съ генераломъ графомъ Салтыковымъ согласилися и учредили относительно подробнаго положенія арміи, на Двинѣ собранной подъ его предводительствомъ и связи ея съ корпусомъ ближнимъ, отъ арміи вами начальствуемой отряженнымъ. За благо пріемлемъ представленіе ваше, что сверхъ двухъ Донскихъ казачьихъ полковъ, въ команду помянутаго генерала вновь назначаемыхъ, три пѣхотные полки, поставленные на границѣ Могилевской, могутъ къ нему же обратиться, покуда не сдѣлается генеральное движеніе; а въ то время, по сближеніи вашемъ съ арміею, и паки къ вамъ возвратятся.

Окончивая сіи предписанія наши, не можемъ не изъявить заботы нашей со стороны Швеціи. Хотя, какъ вамъ извѣстно, тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ отправленъ отъ насъ съ наставленіями, дабы заключеніемъ оборонительнаго союза съ королемъ Шведскимъ удержать сего государя отъ обращенія на сторону непріятелей нашихъ; но, судя по его легкомыслію, суетности и недостатку доброй вѣры, которыя въ послѣднихъ его отзывахъ и поступкахъ вновь явно оказываются, не можемъ мы не принять необходимо нужныхъ мѣръ къ положенію ему преграды въ покушеніяхъ его на вредъ нашъ; и для сего какъ знатную часть гребнаго нашего флота, вооруживъ, предположили мы завременно послать въ проливъ Роченсальмскій, гдѣ, яко въ водахъ намъ принадлежащихъ, пребываніе того флота не можетъ почитаться нарушеніемъ мира, а положеніе таковое отъемлетъ у Шведской флотиліи удобность простерти плаваніе ея между шкерами для обезпокоенія береговъ нашихъ, такъ равно и на сухомъ пути должны мы умножить силы наши столько, сколько для обороны предѣловъ нашихъ потребно, употребляя между тѣмъ всѣ возможные способы къ отъятію охоты у короля Шведскаго начинать новую войну и новыя навлекать бѣдствія роду человѣческому.

Пожелавъ вамъ во всѣхъ распоряженіяхъ вашихъ и въ подвигахъ вамъ предлежащихъ Божіей помощи, пребываемъ всегда вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Екатерина.

Данъ въ Царскомъ Селѣ. Маія 16-го дня 1791-го года.

I.

РОСПИСАНІЕ

главной арміи съ ея корпусами подъ предводительствомъ генерала-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго.

Генералъ-аншефы:

Князь Репнинъ. Графъ Суворовъ-Рымникскій.

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.	
Генералы-поручики.	Генералы-маіоры:	Пѣхотные полки:	
Князь Волконской.	Графъ Илья Безбородко.	Екатеринославской.	Гранодерскіе.
		Сибирской.	
		Таврической.	
		Кіевской.	
Павелъ Потемкинъ.	Князь Алексѣй Долгоруковъ.	Малороссійской.	
		Херсонской.	
		Фанагорійской.	
		Приморско-Николаевской.	
Отто Дерфельденъ.	Морицъ Делассій.	Приморско-Днѣпровской.	
		Архангелогородской.	Мушкетерскіе.
		Алексопольской.	
		Днѣпровской.	
Александръ Самойловъ.	Сергѣй Львовъ	Полоцкой.	
		Троицкой.	
		Ингерманландской.	
		Смоленской.	
		Черниговской.	
Князь Сергѣй Голицынъ.	Шпетъ.	Новгородской.	
		Апшеронской.	
		Витебской.	
		Углицкой.	
Николай Рахмановъ.	Графъ Левъ Разумовскій.	Екатеринославской.	Егерскіе корпусы.
		Бугской.	
		Лифляндской.	
		Бѣлорусской.	
		Полевой артиллеріи 160 орудій.	
		Пѣхота Черноморскихъ казаковъ.	
		Два полка пѣшіе казачьи. Екатеринославскіе.	
		Конница:	
Василій Енгельгардъ.	Христоф. Бенкендорфъ.	Кирасирскій князя Потемкина.	
		Сумской.	Легкоконные.
		Маріупольской.	

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.	
Князь Любомирскій.	Царевичъ Миріанъ.	Елисаветградской.	
		Переяславской.	Конно-егерскіе.
		Харьковской.	
		Стародубовской.	
		Черниговской	
Принцъ Виртемберъ-Штутгартской		Нѣжинской.	Карабинерные.
		Кіевской	
		Глуховской.	
	Князь Степанъ Куракинъ.	Сѣверской.	
		Воронежской.	Гусарскіе.
		Ольвіопольской.	
Иванъ Дунинъ.		Казачій булавы великаго гетмана.	
		Александрійской.	
		Херсонской.	
Михайла Голенищевъ-Кутузовъ.		Чугуевской.	
	Александръ Тормасовъ.	Малороссійской регулярной.	
		Тринадцать Донскихъ полковъ.	
Кассаковской.		Шесть Екатеринославскихъ.	
	Василій Красно-Милашевичъ.	Конница Черноморская.	
Іосифъ де-Виттъ.		Волонтеры Гиржева, Арнауты.	

ТАВРИЧЕСКІЙ КОРПУСЪ.

Генаралъ-аншефъ Каховскій.

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.
Генералы-поручики:	Генералы-маіоры:	Мушкатерскіе полки:
		Вятской.
Графъ Мелинъ.	Антонъ Фонъ Шицъ.	Севастопольской.
		Старооскольской.
		Бѣлевской.
		Брянской.
		Сѣвской.
		Таврическій егерской корпусъ.
		Кубанской егерской корпусъ.
		Греческой пѣхотной полкъ.
		Полевой артиллеріи 50 орудій.
		Конные полки:
		Кинбурнской драгунской.
Розенбергъ.	Павелъ Юшковъ.	Таврической конно-егерской.
		Донскихъ пять полковъ.
		Волонтеры.
		Пѣхотные полки:
		Шлиссельбургской въ Кинбурнѣ.
		Ряжской въ Херсонѣ.

9*

КАВКАЗСКІЙ КОРПУСЪ.

Генералъ-аншефъ Гудовичъ.

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.
	Генералы-маіоры.	Мушкатерскіе полки:
		Кавказской.
		Кабардинской.
	Загряжской.	Казанской.
		Владимірской.
		Воронежской.
		Московской.
	Булгаковъ.	Тифлисской.
		Кавказской егерской корпусъ.
		Полевой артиллеріи 32 орудія.
		Драгунскіе полки:
	Беервицъ.	Астраханской.
		Таганрогской.
		Карабинерные:
		Нарвской.
		Каргопольской.
		Ростовской.
	Депрерадовичъ.	Донскихъ четыре полка.
		Астраханскіе казачьи войски.
		Уральской полкъ.

КУБАНСКОЙ КОРПУСЪ.

Подъ командою его жъ генерала-аншефа Гудовича.

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.
Генералъ-маіоръ.	Бригадиры.	Пѣхотные полки:
Германъ.	Князь Щербатовъ.	Нижегородской.
		Ладогской.
		Полевой артиллеріи 16 орудій.
		Драгунскіе:
	Поликарповъ.	Нижегородской.
		Владимірской.
		Два полка Донскихъ.

КОРПУСЪ

на границахъ губерніи Могилевской къ Малой Россіи, подъ командою генерала-аншефа Кречетникова.

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.
Генералъ-поручикъ:	Генералы-маіоры:	Пѣхотные полки:
Петръ Талызинъ.	Князь Петръ Прозоровскій.	Орловской. Тульской. Ростовской. Полевой артиллеріи потребное число изъ состоящихъ въ Кіевѣ 30 орудій. Орденской гренадерской.
		Легкоконные:
	Василій Шереметевъ.	Павлоградской. Острогожской. Донской казачій.

У КІЕВА.

Подъ командою его жъ генерала-аншефа Кречетникова.

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.
Генералъ-поручикъ.	Генералы-маіоры.	Пѣхотные полки:
Андрей Леванидовъ.	Степанъ Бурнашовъ. Иванъ Неплюевъ.	Астраханской гренадерской. Корпусъ пѣшихъ казаковъ. Полевой артиллеріи потребное число изъ состоящихъ въ Кіевѣ 30 орудій.
		Конница:
	Бригадиръ Максимовичъ.	Лейбъ-кирасирской. Рязанской карабинерной. Кіевской конно-егерскій. Санктпетербургской драгунской. Донской казачій.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ.
16 Мая 1791 года.

РОСПИСАНІЕ

арміи, по Двинѣ рѣкѣ и въ Бѣлоруссіи расположенной подъ предводительствомъ генерала графа Салтыкова.

Генералъ баронъ Игельстромъ.

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.
Генералы-поручтчики:	Генералы-маіоры:	Пѣхотные полки:
		Лейбъ - гранодерскіе:
Графъ Михайла Румянцовъ.	Степанъ Апраксинъ.	Санктпетербургской.
		Мушкатерскіе.
		Нарвской.
	Богданъ Кноррингъ.	Псковской.
		Елецкой.
		Муромской.
		Кексгольмской.
		Курской.
Петръ Шепелевъ.	Петръ Берхманъ.	Козловской.
		Нашебургской.
		Ревельской.
	Иванъ Раутенфельдъ.	Низовской.
		Азовской.
		Тамбовской.
		Баталіоны:
Иванъ Мехельсонъ.	Алексѣй Хрущовъ.	Гранодерской.
		Оренбургской 5-ти мушкатерской.
	Георгій Богдановъ.	Естляндской егерской корпусъ.
	Ѳедоръ Берхманъ.	Полевой артиллеріи 150 орудій.
		Конные:
Ѳедоръ Нумсенъ.	Николай Ланской.	Кирасирскій Наслѣдниковъ.
		Карабинерные:
	Иванъ Ржевскій.	Ингерманландской.
		Ямбургской.
	Николай Арсеньевъ.	Московской.
		Рижской.
		Драгунскіе:
Баронъ фонъ Ферзенъ.	Ѳедоръ Буксгевденъ.	Псковской съ 5-ю эскадронами гусарскими.
		Смоленской.

Частные командиры.	Бригадные командиры.	Войски.
	Генералъ-маіоры:	Легкоконные:
	Яковъ Повало-Швыйковскій.	Изюмской. Украинской. Донскихъ пять полковъ. Казачій изъ ямщиковъ.
	Өедоръ Денисовъ.	Башкирскихъ два. Изъ Мещеряковъ одинъ. Команды Оренбургскихъ и Ставропольскихъ казаковъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Мая 16 1791 года.

II.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА О ПОЛЬСКИХЪ ДѢЛАХЪ, СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ЗАМѢТКАМИ ЕКАТЕРИНЫ II-й [5]).

Составленіе союза или конфедераціи есть чрезвычайный способъ для приведенія дѣлъ къ желаемому концу.

Конфедерація сія будетъ полезна, или вредна, смотря по тому, хорошо-ли или худо будетъ составлена и хорошо ли или худо будетъ управляема А).

5) Эти предположенія были, очевидно, составлены гораздо раньше самаго рескрипта; но въ подлинникѣ всѣ эти бумаги находятся вмѣстѣ. Замѣтки государыни помѣщаются внизу, подъ буквами.

А) Та конфедерація полезнѣе, которая менѣе тревоги, заботы и издержекъ влечетъ за собою; для сего лутчимъ способомъ созвать хотя и чрезвычайной сеймъ, и послѣ его сконфедеровать. Посолъ долженъ предостерегать, чтобъ въ делегаціи для трактованій о союзѣ не были помѣщены иные окромѣ самые надежные люди.

Естьли она учреждаться будетъ въ Варшавѣ посредствомъ непремѣннаго совѣта или посредствомъ сейма, то находящіеся тамо дворовъ иностранныхъ министры непремѣнно будутъ о семъ извѣщены; а оттуду произойдутъ безчисленныя пронырства, дабы или вовсе такой союзъ уничтожить, или по крайней мѣрѣ помѣстить въ совѣтованіе о составленіи онаго людей имъ приверженныхъ, дабы чрезъ то въ дѣйствія самаго сего союза имѣть довольное втеченіе Б).

Б) Чужестранные дворы не нанесутъ сильное препятствіе. Вѣнской самъ вызвался съ желаніемъ, чтобъ мы сей союзъ заключили. Король Пруской продолжаетъ увѣрять о его доброжелательствѣ и можетъ тѣмъ быть успокоенъ, что ему дѣлаются увѣренія, что у насъ нѣтъ противу него видовъ, что я всегда настоять буду, дабы сдѣланныя съ нимъ постановленія свято сохраняемы были, и что главная цѣль сего союза есть въ охраненіи Польши и въ помощи противу нынѣшняго непріятеля Турка.

Польскій король изъ уваженія къ симъ министрамъ не въ состояніи будетъ отказать имъ въ пріемѣ въ такой совѣтъ сихъ усердныхъ имъ особъ; а чрезъ то самое и будетъ худо составлена сія конфедерація, понеже она состоять будетъ изъ людей, отъ противныхъ сторонъ посажденныхъ.

Также будетъ она чрезъ то и худо управляема, ибо составляющія ее особы станутъ безъ сумнѣнія дѣлать противный между собою перевѣсъ, по внушенію иностранныхъ министровъ.

Къ сему присовокупить должно и собственные виды и пользы Польскаго короля, который не пропуститъ сего случая для приведенія дѣлъ своихъ къ желаемому окончанію, что́ также препятствовать будетъ въ произведеніи предпріятій сихъ въ дѣйство В).

Сверхъ сего таковый союзъ не будетъ зависѣть отъ двора Россійскаго, но паче будетъ всю силу свою имѣть отъ Прусаковъ, отъ Саксонцовъ, отъ Польскаго короля и отъ Австрійцовъ; а потому и въ дѣйствіяхъ своихъ будетъ союзъ сей совсѣмъ противенъ намѣреніямъ Россіи; чрезъ то сія послѣдняя будетъ имѣть затрудненіе какъ въ своемъ продовольствіи, такъ и въ военныхъ своихъ дѣйствіяхъ, и слѣдовательно такой союзъ будетъ для Россіи весьма вреденъ Г).

Притомъ устроенный такимъ образомъ союзъ будетъ только по имени слыть общимъ союзомъ, а самымъ дѣломъ нимало тому не будетъ соотвѣтствовать: ибо провинціи составляютъ народъ, а не нѣкоторое число личныхъ особъ, находящихся въ Варшавѣ, во время самаго сейму. Сіе будетъ не что иное, какъ дѣйствіе притѣсненія народа со стороны королевской, отъ чего произойдетъ въ случаѣ междоусобный раздоръ въ Польшѣ и скопъ, противоборствующій во всемъ первому оному составленію союза; а чрезъ сіе умножится паче замѣшательство и затрудненія возрастутъ до того, что Россія не въ состояніи уже будетъ преодолѣть ихъ никакими мѣрами Д).

Съ другой стороны Польскій король, прибравъ къ рукамъ сію госу-

---

В) Работу сейма сконфедерованнаго нужно ограничить однимъ постановленіемъ союза.

Надобно отложить всѣ личныя королевскія и министровъ его намѣренія и соблюсти конституцію, какъ она теперь есть; ибо, правду сказать, для Россіи нѣтъ ни пользы, ни нужды, чтобъ Польша сдѣлалась активнѣе.

Г) Ежели союзъ сдѣланъ будетъ съ нами только оборонительный, и никто къ оному не примѣшается, да и не тронута будетъ ни въ чемъ конституція, то ни Прусакамъ, ни Австрійцамъ, ниже самому королю не прибудетъ лишней силы и способовъ во вредъ намъ.

Д) Заводить по провинціямъ конфедераціи весьма опасно. Сіе тайнымъ образомъ въ дѣйство произведено быть не можетъ, да и чтобъ не походило на возмущеніе противу короля, и оно-то больше всего можетъ возбудить короля Прускаго завести и съ своей стороны конфедераціи или и покрайней мѣрѣ подъ рукой подкрѣплять затѣваемую самыми Поляками. Подобные внутренніе мятежи чтобъ иногда не озаботили насъ больше, нежели воображаемъ и не заставили безвременно обратить великую часть силъ нашихъ на успокоеніе Польши и на закрытіе границъ нашихъ тамъ, гдѣ безъ того ничего мы не боимся.

дарственную довѣренность, въ видѣ денегъ ему представляемую (естьлибъ въ случаѣ оныя были ему повѣрены), статься можетъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать намѣреніямъ Россіи, заставитъ ее паче уважать тогда его виды и распоряженія; отъ частныхъ же людей никогда таковаго поступка ожидать неможно: они не отважатся никогда шутить такимъ образомъ съ Россіею, опасаясь, что за сіе весьма дорого должны будутъ заплатить Е).

Изъ сего явствуетъ, что несравненно лучше имѣть дѣло съ частными людьми, нежели съ министрами; и народъ, любочествуя тѣмъ, что почитаютъ его способнымъ къ такимъ предпріятіямъ и что приглашаютъ его къ тому, безъ всякаго принужденія, гораздо скорѣе и ревностнѣе согласится быть орудіемъ сего союза въ его предписаніяхъ и дѣлопроизводствахъ; чрезъ что сдѣлается союзъ сей общимъ самымъ дѣломъ, а не словомъ. Послѣ чего король и придворные принуждены будутъ слѣдовать народу, будучи уже не въ состояніи дѣло сіе переиначить.

Впрочемъ признаться должно, что естьли узнано будетъ въ провинціяхъ о сей конфедераціи прежде, нежели довольно будетъ она имѣть силы (войска) къ оказанію своей неустрашимости, то она немалыя имѣть будетъ затрудненія въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своемъ распространеніи, какъ со стороны Польскаго короля, такъ и отъ дворовъ иностранныхъ, Россіи непрямо усердствующихъ, и слѣдственно такое составленіе союза можетъ быть и совсѣмъ уничтожится.

Того для надлежитъ, кажется, вдругъ набрать національныя войски, безъ малѣйшей о томъ разгласки и съ возможною скоростію, посредствомъ которой можно въ такомъ случаѣ много выиграть. По устроеніи же войскъ, должно, кажется, вдругъ открыть конфедерацію по провинціямъ Ж).

Таковы суть мысли и таковъ способъ дѣйствованія по онымъ, которыя въ пріобщаемомъ здѣсь планѣ представляются.

Е) Нельзя отнять справедливость у многихъ частныхъ людей въ ихъ доброжелательствѣ къ Россіи, но непадобно сомнѣваться и въ королѣ, чтобъ забылъ онъ до того свою благодарность и собственную безопасность, чтобъ на противные виды для Россіи подался.

III.

ПЛАНЪ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА О НАБОРѢ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ПОЛЬШѢ И О СОСТАВЛЕНІИ ТАМО СОЮЗА СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ЗАМѢТКАМИ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

Союзъ сей или конфедерація есть, какъ выше сказано, чрезвычайное и по принужденію предпріемлемое средство, для приведенія дѣлъ къ намѣряемому концу, которое можетъ произвесть весьма худыя слѣдствія, какъ скоро конфедерація сія будетъ худо устроена, или худо управляема.

Она будетъ худо учреждена, естьли люди, придержащіеся разныхъ сторонъ, по особливому своему отношенію къ различнымъ государствамъ, будутъ составлять оную, на примѣръ:

Ж) Выше сказано, сколь трудно составить конфедераціи по провинціямъ; столь же невозможно, кажется, набрать національныя войски безъ огласки.

естьли вмѣшаются въ нее члены, усердствующіе Прусскому и Саксонскому двору.

Она будетъ худо управляема, естьли приверженныя сіи Прусской или Саксонской сторонѣ, разномысленныя особы сдѣлаются вдругъ, при установленіи оной, участниками самаго ея управленія, не взирая, что управленіе оною относиться должно единственно къ ея маршаламъ и совѣтникамъ.

Таковое неустройство непремѣнно послѣдуетъ, естьли конфедерація сія учреждаться будетъ въ Варшавѣ, хотя посредствомъ непремѣннаго совѣта, хотя посредствомъ сейма. Ибо усердствующіе симъ дворамъ вельможи, будучи первостатейные дворяне, присутствующіе въ совѣтѣ, будутъ присутствовать въ немаломъ числѣ и на сеймѣ и будутъ подавать на ономъ голоса по наставленію, по ободренію и внушенію въ томъ своихъ министровъ.

Съ другой стороны Польскій король, желая жить въ согласіи съ сими дворами, станетъ дѣлать придержащейся ихъ сторонѣ всякія уваженія и угодности; изъ чего послѣдуетъ неминуемо, что намѣреніе конфедераціи преждевременно разгласится и сдѣлаетъ препятствіе къ произведенію въ дѣйство существенныхъ ея положеній, не упоминая, что устроенная такимъ образомъ конфедерація не будетъ зависѣть единственно отъ Россіи и можетъ въ такомъ случаѣ сдѣлаться для нея нетокмо безполезною, но и вредною; а наипаче когда будетъ въ состояніи препятствовать ей довольствовать провизіею свои арміи, а станетъ напротивъ того изыскивать способы, чтобъ пользовались оною Прусскія войска.

Сверхъ сего устрояемая такимъ образомъ въ Варшавѣ конфедерація будетъ насильственное средство, заставляющее разныхъ членовъ государства вступить въ оную противъ ихъ воли; а посему и подастъ она немалому числу дворянъ разныхъ провинцій случай къ ихъ неудовольствію, тѣмъ паче, что многіе изъ нихъ давно уже въ Варшаву не ѣздятъ. Изъ чего воспослѣдуетъ между народомъ несогласіе и раздоръ, могущій произвести весьма вредныя слѣдствія для предпріятія двора Россійскаго. Словомъ, надобно склонить на свою сторону Польскаго короля посредствомъ народа, а не народъ посредствомъ короля: ибо народъ, не имѣя подпоры и желая быть подъ защитою, удобно предастся нужному для защиты своей руководству; когда, напротивъ того, король, имѣя въ виду собственныя свои пользы и выгоды, не соединенныя съ пользою народа, пожелаетъ безъ сомнѣнія симъ случаемъ воспользоваться къ достиженію своихъ намѣреній; а сія смѣсь разныхъ интересовъ болѣе дѣло сіе запутаетъ и сдѣлаетъ оное болѣе затруднительнымъ и неудобо-производнымъ.

Того для надлежитъ сперва приняться за наборъ войскъ, а потомъ приступить къ составленію конфедераціи.

Нижеслѣдующій способъ, кажется быть къ сему не неприличенъ:

1) Прежде всего надлежитъ набрать въ Польшѣ національное войско съ возможною скоростію, безъ всякаго о томъ разглашенія, дабы когда дѣло сіе откроется, желающіе въ томъ препятствовать увидѣли, что имъ нѣтъ уже средства отвратить сіе чрезъ различныя ихъ коварства и хитрости, а остается только развѣ пе-

ревѣдаться ружьемъ; но тогда сперва неоднократно подумаютъ, сходно ли для нихъ будетъ за оное приняться.

2) Здѣсь пріобщается смѣта денежной издержки для набору одной національной бригады [6]), состоящей въ четырехъ тысячахъ конницы, гдѣ одна половина слыть будетъ шляхетными товарищами, а другая почтовыми, съ потребными для командованія оною штабъ и оберъ-офицерами З).

По сей примѣрной смѣтѣ можно будетъ набрать сколько бригадъ, сколько заблагоразсудится.

3) По наборѣ войска, находящееся въ немъ дворянство, какъ само собою, такъ и чрезъ своихъ пріятелей, споспѣшествовать будетъ къ составленію конфедераціи въ нижеслѣдующихъ воеводствахъ: въ Волиніи, въ Подоліи, въ Брацлавѣ, въ Кіевскомъ воеводствѣ, въ Сирадіи, въ Великой Польшѣ и въ Бресцѣ Литовскомъ. Главными же тамо предводителями будутъ: великій гетманъ графъ Браницкій и воевода Русскій графъ Потоцкій.

[6]) Мы не печатаемъ этой смѣты. Изъ нея видно, что всѣхъ денегъ для одной бригады изъ 20 эскадроновъ конницы или на 4 тысячи человѣкъ назначалось по 136,460 рублей въ годъ.

З) Посредствомъ союзнаго оборонительнаго договора помочное войско можетъ составлено быть изъ трехъ подобныхъ бригадъ.

Справедливость требуетъ, чтобъ гетманъ гр. Бранитскій, по чину своему и по его усердію къ Россіи, былъ главнымъ начальникомъ сего войска и шефомъ одной бригады; воевода Руской графъ Потоцкій шефомъ другой; а, тѣша короля, третьей бригады шефомъ прилично быть подскарбію Литовскому князю Понятовскому.

Естьли планъ сей будетъ принятъ, то многіе Польскіе вельможи въ союзъ сей вступятъ, и между прочими подгетманъ коронный графъ Ржевускій И), вся фамилія Потоцкихъ, фамилія Сапѣгъ и фамилія Валевскихъ съ многими другими. Но должно для учрежденія сихъ конфедерацій имѣть въ готовности и вспомогательныя средства и, дабы дѣло преждевременно не открылось, нужно, чтобъ деньги доставляемы были чрезъ сію сторону, а не чрезъ Варшавскихъ банкировъ; также естьли можно, чтобъ оныя доставлены были червонцами.

Точной суммы на сіе опредѣлить неможно, а примѣрно полагая потребно, чтобъ по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ червонцовъ были въ наличности у князя Потемкина Таврическаго и тѣ, кои употреблены будутъ отъ главныхъ начальниковъ для составленія сихъ конфедерацій по уѣздамъ, получатъ потребныя на то деньги съ квитанціями и съ обязательствомъ, чтобъ исполнить имъ свои обѣщанія, за которыя они въ случаѣ и отвѣчать должны.

4) Обрядъ вступленія въ союзъ, во всѣхъ соединяющихся такимъ образомъ воеводствахъ, производиться можетъ на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

а) Что такой-то вступаетъ въ союзъ сей, будучи господствующей въ Польшѣ Римской Кафолической вѣры, для защищенія ея ненарушимо въ разсужденіи короля, въ разсужденіи

И) Гетманъ Ржевускій не тотъ ли, который былъ арестованъ въ 1767 году и содержанъ въ Калугѣ? Буде тотъ, то трудно на него считать. Естьли тотъ, которой дрался съ Козловскимъ, то менѣе еще основательности имѣетъ.

вольностей, привилегій и прерогативъ рыцарскаго ордена I.

б) Поелику нынѣшнія военныя обстоятельства, происходящія на границахъ Польши, угрожаютъ ей совершеннымъ разореніемъ и принуждаютъ ее привести себя въ оборонительное состояніе, по извѣданному уже ею въ прошедшую войну несчастію отъ Турецкихъ набѣговъ, свирѣпостію которыхъ опустошено въ ней до четырехъ сотъ городовъ и селъ и уведено немалое число жителей К); также поелику Турки и теперь, какъ въ Хотинѣ, такъ и въ другихъ своего владѣнія мѣстахъ, обнародовали такой отъ Порты ферманъ, чтобъ немедленно вступить войску ихъ въ Польшу, какъ скоро Россійская армія туда прибудетъ, что совсѣмъ противно Карловицкому трактату, нарушенному единственно Турками, какъ въ прошедшую войну нападеніемъ ихъ на Польшу, такъ и нынѣ обнародованіемъ вышеобъявленнаго фермана, то

в) Въ разсужденіи всѣхъ вышеобъявленныхъ предлоговъ, вступившія въ союзъ сей особы и отправить имѣютъ ко Всероссійской императрицѣ своихъ депутатовъ съ прошеніемъ, дабы благоволила она повелѣть войскамъ своимъ соединиться съ войскомъ сего новосоставленнаго союза, и дабы заключенъ былъ взаимный между обоими народами трактатъ въ разсужденіи ихъ владѣній, въ разсужденіи торговли и въ разсужденіи вольностей, прерогативъ и привилегій Польскаго народа и великаго княжества Литовскаго. При томъ какъ вступившее сіе въ союзъ государственное общество соединитъ военныя свои силы съ войсками Всероссійской императрицы и дѣйствовать будетъ непріятельскимъ образомъ противъ Турковъ, съ усерднѣйшею ревностію, по данному ему отъ Россійскаго двора предписанію, то и проситъ оно, дабы, въ случаѣ заключенія мира съ Портою Оттоманскою, народъ Польскій и народъ великаго княжества Литовскаго принятъ былъ къ совершенію онаго въ лицѣ особъ договаривающихся; и чтобъ таковой миръ не былъ утвержденъ Россіею мимо Польской республики Л).

г) Сей важный союзъ знаменитыхъ людей въ Польшѣ пригласитъ ко вступленію въ сообщество свое какъ Польскаго короля, такъ и всѣ коронныя Польскія воеводства, купно съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, естьли которые при первоначальномъ онаго составленіи не будутъ въ оный включены.

I) При всякомъ постановленіи надобно яснѣе означить, что касается до сохраненія вѣрности нынѣ царствующаго короля Станислава Августа, при соблюденіи цѣлости господствующей вѣры, кардинальныхъ правъ, мною гарантированныхъ, вольностей и прерогативы царскаго чина.

К) Сіе-то самое и долженствуетъ служить поводомъ къ созыву чрезвычайнаго сейма, къ сконфедерованію его и къ заключенію на ономъ союза съ Россіею.

Л) Въ заключаемомъ оборонительномъ договорѣ, сверхъ постановленія о помочномъ войскѣ, внесена будетъ гарантія на цѣлость нынѣшнихъ Польскихъ владѣній, выгоды торговыя, обѣщаніе стараться при мирѣ доставить имъ такія же по торгу выгоды и обезпеченіе противу злобы чьей либо за союзъ съ Россіею.

РЕСКРИПТЪ 18 ІЮЛЯ 1791 ГОДА.

Секретный.

Божіею милостію, мы Екатерина вторая, императрица и самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу-фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину Таврическому.

Что перемѣна правленія, въ Польшѣ случившаяся, естьли она въ силѣ и дѣйствіи своихъ утвердится, не можетъ быть полезна для сосѣдей, въ томъ ни малаго нѣтъ сомнѣнія, и потому долгъ попеченія нашего о благѣ и тишинѣ имперіи нашей взыскиваетъ отъ насъ благовременныхъ мѣръ къ отвращенію вреда, каковаго опасаться можно отъ государства, многими и обильными способами снабдѣннаго. Правда, что для надежнаго въ семъ успѣха, всего прежде надлежало бы имѣть развязанныя руки прекращеніемъ войны съ Турками; но мы добрую надежду имѣемъ, что вы, въ теченіи настоящей кампаніи, продолжая непрерывно сильныя военныя дѣйствія ввѣренными отъ насъ предводительству вашему сухопутными и мореходными ополченіями, предъуспѣсте довести врага нашего до заключенія мира на условіяхъ нами предложенныхъ; а тогда и откроется полная удобность, при настояніи случая, возвращаться знатной по крайней мѣрѣ части войскъ нашихъ чрезъ Польшу, подкрѣпить недовольныхъ послѣднею конституціею и планъ вами начертанный исполнить самымъ дѣломъ. Рѣшася на таковыя крайнія мѣры, имѣемъ мы незазорную совѣсть предъ свѣтомъ, когда Поляки наглымъ и оскорбительнымъ образомъ отвергли наше ручательство (торжественными договорами утвержденное) на прежнюю форму правленія и кардинальные законы ихъ; когда причинили намъ многочисленныя озлобленія и затрудненія по войнѣ нашей съ Турками; когда простерли неистовство ихъ до того, что во вредъ нашъ искали и ищутъ составить союзъ со врагомъ нашимъ и всего имени христіанскаго; и когда самъ король ихъ, рукою нашею на престолъ возведенный, учинился однимъ изъ главныхъ орудій къ произведенію въ дѣйство всей толико вредной перемѣны. Не ставимъ мы себѣ впрочемъ въ досаду, что они не сдѣлали намъ обвѣщенія о новомъ образѣ правительства, у нихъ введенномъ, каковое учинили они, напротиву того, королю Прусскому; ибо симъ избавили насъ отъ заботы отвѣтствовать и прежде времени вселить въ нихъ подозрѣніе въ нашемъ намѣреніи стараться опровергнуть форму правленія, нагло и обманно зломышленными установленную, и возстановить прежнюю ихъ вольность.

Но какъ недовольные сею перемѣною артилеріи генералъ Потоцкій и польный гетманъ Ржевускій, не скрывая образа мыслей ихъ, намѣрены, да и считаютъ необходимымъ открыть свои дѣйствія не теряя времени, дабы между тѣмъ зло, въ отечество ихъ введенное, не утвердилося: то при подобномъ воспріятіи со стороны ихъ дѣятельныхъ мѣръ, нельзя уже будетъ и намъ отлагать далеко наше имъ пособіе. Надобно однакожъ, чтобъ сами они начали составленіемъ партіи вѣрной и значущей и, прибѣгнувъ къ намъ, яко ручательницѣ прежней ихъ вольной конституціи, формально требовали нашего заступленія и помощи. Между

тѣмъ учинимъ мы предварительное сношеніе съ союзникомъ нашимъ императоромъ Римскимъ, сообща ему въ самыхъ убѣдительныхъ израженіяхъ и доводахъ намѣреніе наше, самою необходимостію вынуждаемое, приступить не откладывая къ дѣятельнымъ мѣрамъ, и изъ за нихъ сдѣлать формальную декларацію, будучи впрочемъ готовы слова подкрѣплять дѣломъ; ибо инако было бы оное тщетно и могло бы только подвергнуть достоинство наше предосужденію, патріотовъ же Польскихъ сущей гибели. Отъ положенія, въ какомъ мы на то время найдемся съ королемъ Прусскимъ, будетъ зависѣть наше съ нимъ сношеніе; ибо и при семъ случаѣ благоразуміе конечно востребуетъ уважать дворъ Берлинскій, и колико можно отвращать принятіе имъ участія противнымъ намъ образомъ, по крайней мѣрѣ покуда наша партія укрѣпится въ числѣ людей и способахъ.

Трудно угадывать конецъ сихъ намѣреній; но естьли оныя съ помощію Всевышняго удачею на сторону нашу сопровождаемы будутъ, двоякія пользы для насъ произойти могутъ: или мы предуспѣемъ опровергнуть настоящую форму правленія, возставя прежнюю Польскую вольность, а тѣмъ доставимъ имперіи нашей на времена грядущія совершенную безопасность; или же, въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ Прусскомъ жадности, должны будемъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ, согласиться на новый раздѣлъ Польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ. Тутъ уже та будетъ выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ онаго распространимъ и безопасность его, пріобрѣтая новыхъ подданныхъ единаго закона и рода съ нашими, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнѣтеніяхъ ихъ; Польшу же въ такихъ поставимъ предѣлахъ, что, какое ни было бы дѣятельное ея правленіе, не будетъ она уже составомъ своимъ опасна для сосѣдей, а станетъ служить токмо между ними барьеромъ.

Основався на семъ генеральномъ планѣ, дозволяемъ вамъ отвѣтствовать артилеріи генералу Потоцкому, ободряя его въ добрыхъ расположеніяхъ и намѣреніяхъ его и ему единомысленныхъ, совѣтуя число оныхъ завременно распространять хотя подъ рукою. Что́ касается до образа правленія въ ихъ республикѣ, мы сіе оставляемъ на волю ихъ, федеративное ли правительство учредить, или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ возстановленіемъ силы гетмановъ, яко преграды могуществу королевскому: ибо сіе относиться будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами. Всего бы лучше было, естьли бы артилеріи генералъ Потоцкій навѣстилъ васъ въ главной квартирѣ вашей и самолично съ вами изъяснился и условился о подробностяхъ своего плана, о средствахъ, у него подъ руками къ тому имѣющихся, о людяхъ партію его составляющихъ, о времени къ тому назначаемомъ и образѣ произведенія сего въ дѣйство. Сообщая ему взаимно ваши усмотрѣнія и мысли, поколику то съ положеніемъ и интересами нашими согласовать можетъ, вы не оставите обнадежить его и съ нимъ единомысленныхъ, что при всевозможномъ со стороны нашей пособіи, естьли бы, въ случаѣ усиленія противныхъ, наипаче же королемъ Прусскимъ, необхо-

димость заставила ихъ искать убѣжища въ границахъ нашихъ, оное мы охотно позволимъ, и ни подъ какимъ видомъ не согласимся на насильное ихъ удаленіе изъ оныхъ. Равное употребимъ ходатайство и у союзника нашего императора Римскаго; и хотя мы, по полученіи отъ васъ извѣстій о вашихъ съ артилеріи генераломъ Потоцкимъ соглашеніяхъ, не оставимъ какъ здѣсь чрезъ посла графа Кобенцля, такъ и въ Вѣнѣ чрезъ посла или министра нашихъ сообщить въ чемъ надлежитъ, и какъ выше сказано, мнѣніе и намѣреніе наше императору; тѣмъ не меньше однакожь дозволяемъ вамъ чрезъ нихъ же или же хотя и чрезъ посылку нарочной особы, которая и вобще могла бы вести дѣло съ недовольными нынѣшнею Польскою конституціею, учинить ваши сношенія съ княземъ Кауницомъ, донеся Намъ какія вы препорученія вообще по сей матеріи дадите, такъ какъ и все до нея касающееся, намъ же извѣщая въ подробности.

Для способствованія вамъ наилучшимъ образомъ распорядить дѣло, съ сими Польскими патріотами предлежащее, мы здѣсь сообщимъ и къ руководству вашему наши усмотрѣнія по содержанію вопросовъ, означенныхъ при концѣ записки, къ вамъ присланной отъ генерала артилеріи Потоцкаго.

На 1-е. По сіе время неизвѣстно, чтобъ кромѣ учиненныхъ двухъ или трехъ въ Варшавѣ протестацій произведены были другія отъ пословъ земскихъ противу наслѣдства престола и наслѣдной монархіи, революціею 3-го Маія введенной. Нужно конечно, чтобъ таковыя протестаціи учинены были колико можно въ большемъ числѣ и чтобъ оныя послѣдуемы были манифестами въ самыхъ сильныхъ и убѣдительныхъ израженіяхъ вообще противу сей самовластной перемѣны.

На 2-е. Ничто не мѣшаетъ, да и для дѣла полезно, чтобъ въ таковыхъ протестаціяхъ или манифестахъ упомянуто было о ручательствѣ нашемъ на вольность Республики Польской и на ея кардинальные законы, и что протестующіе въ слѣдствіе того прибѣгаютъ къ нашему заступленію и помощи. Въ случаѣ личнаго гоненія со стороны короля и нынѣшняго правительства, мы уже уполномочили васъ рескриптомъ нашимъ отъ 16-го Маія сего года обнадежить ихъ нашимъ сильнымъ покровительствомъ, что̀ и выше вновь подтвердили.

На 3-е, 4-е и 5-е. Установленіе конфедераціи вольныхъ, которая уже, представляя націю, могла бы объявить незаконнымъ все, что̀ въ Варшавѣ было или будетъ сдѣлано, есть совершенно необходимо; но тутъ и требуется уваженія, прежде ли вступленія войскъ Россійскихъ въ Польшу, или по дѣйствительномъ ихъ вступленіи сіе исполнить. Первое гораздо было бы приличнѣе и для насъ сходственнѣе, когда уже мы отъ знатнаго числа подвигшихся на защиту вольности ихъ ручательствомъ нашимъ обнадеженной и составившаго, какъ выше сказано, корпусъ націи, приглашены будемъ подать имъ сильную нашу руку помощи; но трудно, можетъ быть, предуспѣть въ томъ при мѣрахъ, настоящимъ правленіемъ воспріятыхъ и готовыхъ по всюду войскахъ, развѣ бы число недовольныхъ возрасло столько, что составило бы достаточный перевѣсъ королевской партіи, и особливо естьли

бы изъ воинскихъ начальниковъ къ сторонѣ патріотской многіе прилѣпилися. Все сіе вы узнаете лучше на мѣстѣ и при вашихъ личныхъ съ артилеріи генераломъ Потоцкимъ объясненіяхъ.

На 6-е. Сказано уже выше, что мы не токмо въ имперіи нашей дадимъ убѣжище и защиту патріотамъ противу всякаго на нихъ гоненія, но и у союзника нашего употребимъ равное въ пользу ихъ ходатайство; а впрочемъ отъ собственнаго ихъ соображенія и отъ соглашенія съ вами зависѣть будетъ, остаться ли между тѣмъ главнымъ членамъ намѣреваемой конфедераціи въ областяхъ Австрійскихъ, покуда дѣла лучше созрѣютъ, и мы съ окончаніемъ хлопотъ нашихъ съ Турками найдемся въ состояніи сильно дѣйствовать въ пользу общаго дѣла.

На 7-е. Какъ форма вольнаго правленія Республики Польской и ея кардинальные законы были обезпечены главнѣйше нашимъ ручательствомъ, то патріоты Польскіе по всей справедливости могутъ предварительно прибѣгнуть къ нашему заступленію, а посредствомъ уже нашимъ получить таковое и союзника нашего императора; ничто однакожь не препятствуетъ имъ стараться завременно снискать себѣ доброхотство Вѣнскаго двора и твердое обнадеживаніе содѣйствовать намъ въ возвращеніи вольности ихъ.

На 8-е. Что̀ касается до предлагаемой въ пользу конфедераціи вольныхъ патріотовъ Польскихъ декларацiи, съ обѣщаніемъ имъ защиты и подпоры, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ скоро только та конфедерація въ существѣ своемъ окажется и какъ скоро мѣры съ нашей стороны такъ будутъ пріуготовлены, чтобъ слова подкрѣпить дѣломъ.

На 9-е. Нашъ собственный интересъ требуетъ, чтобъ исполненіе сего не умедлилося, дабы зло, учиненное настоящею перемѣною, не распространило далеко корня своего; положеніе наше однакожь заставляетъ насъ поступать въ томъ съ крайнею осмотрительностію для пользы общаго дѣла. Самый свойственный періодъ къ открытію нашихъ дѣйствій былъ бы тотъ, когда, по заключеніи мира съ Турками, насталъ бы часъ возвращенія войскъ нашихъ восвояси, и мы въ то время могли бы обратить знатную часть ихъ въ Польшу, для исполненія вышесказаннаго; но естьли недовольные нынѣшнею формою правленія откроютъ на дѣлѣ конфедерацію, въ такомъ случаѣ не должно уже будетъ отлагать нашего дѣятельнаго имъ пособія.

Есть еще одинъ случай, при которомъ наши дѣйствія въ Польшѣ необходимо открыть надлежитъ. Мы разумѣемъ, ежели сосѣди ея и особливо король Прусскій окажутъ желаніе учинить новый раздѣлъ на щетъ Польши и, какъ выше въ семъ рескриптѣ сказано, не останется инаго способа къ отвращенію дальныхъ хлопотъ и безпокойствъ; но сіе обстоятельство долженствуетъ отъ всѣхъ вообще Поляковъ сокрыто быть въ непроницаемой тайнѣ.

Какъ скоро извѣстны будутъ точныя положенія Польскихъ патріотовъ, то, по усмотрѣнію основательности ихъ и соображенію съ прочими обстоятельствами политическими, нетрудно будетъ приняться тотчасъ рѣшительно за исполненіе намѣреній нашихъ, къ чему вы по прежде дан-

ныхъ отъ насъ повелѣніямъ снабдены достаточными способами. Мы и тутъ подтверждаемъ, что во всякомъ случаѣ планъ, вами начертанный и въ рескриптахъ нашихъ отъ 19-го Апрѣля 1790-го и 16-го Маія настоящаго годовъ предписанный, имѣетъ остаться въ своей полной силѣ къ исполненію въ свое время. Пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію всегда благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ, Іюля 18-го дня 1791-го года. Екатерина.

(*Сообщено барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ*).

МИРНЫЯ ПРЕДНАЧЕРТАНІЯ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Въ 1859 году была учреждена въ Николаевѣ коммиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Кумани, для составленія соображеній объ увольненіи изъ Черноморскаго вѣдомства адмиральтейскихъ поселянъ. По распоряженію генерала-адъютанта Г. И. Бутакова, я былъ дѣлопроизводителемъ этой коммиссіи и, составляя историческій очеркъ образованія княземъ Потемкинымъ Черноморскихъ адмиральтейскихъ поселеній, (очеркъ напечатанъ въ Морскомъ Сборникѣ 1860 года), имѣлъ въ своихъ рукахъ нѣкоторыя бумаги того времени, относящіяся до здѣшняго края. Двѣ изъ нихъ ниже слѣдуютъ.

Въ прошломъ году поставленъ въ Николаевѣ памятникъ адмиралу Грейгу; въ Севастополѣ есть памятникъ адмиралу Лазареву; именами ихъ названы броненосцы; а о виновникѣ,—можно сказать, отцѣ этихъ адмираловъ, города и Черноморскаго флота,—великомъ Потемкинѣ, мы до сихъ поръ не вспомнили……

Вотъ что̀ сказано между прочимъ, въ путеводителѣ, изданномъ въ Николаевѣ г. Павловскимъ въ 1869 году:

„Ведя осаду Очакова и нуждаясь въ „содѣйствіи военныхъ судовъ большаго „ранга, которыя могли бы противустоять силѣ Турецкаго флота, подкрѣплявшаго Очаковскій гарнизонъ, князь Потемкинъ искалъ по близости удобнаго „для судостроенія мѣста и нашелъ его „на Ингулѣ, при впаденіи его въ Бугъ. „Въ 1788 году онъ повелѣлъ начать „здѣсь строеніе судовъ. 6-го Декабря „того же года взятъ Очаковъ. Цѣль была достигнута; но кораблестроеніе на „Ингулѣ, случайно начатое, не остановилось; испытанное удобство мѣстности для строенія судовъ, еще болѣе оцѣненное, когда доставка лѣса изъ Днѣпра сдѣлалась безпрепятственною, повело къ бо́льшему развитію кораблестроенія, которое, привлекая сюда множество „народа всѣхъ классовъ и состояній, „знакомившагося съ богатствомъ края „и выгодами его жизни и потому охотно „здѣсь селившагося,—повело къ основанію города. По соизволенію императрицы, свѣтлѣйшій далъ новому городу „имя „Николаевъ“, въ честь чудотворца „Николая, въ день празднованія котораго, 6 Декабря, взятъ Очаковъ. По повелѣнію князя, изъ всѣхъ краевъ Россіи направлены были къ Николаеву „всевозможные мастеровые, присылались „солдаты, рекруты и тысячами плѣнные „Турки. Изъ лѣсовъ, расположенныхъ „за нѣсколько сотъ верстъ, сплавлено „по Днѣпру, а потомъ по Бугу, множество лѣса, необходимаго для постройки судовъ, и работа подъ присмотромъ „Фалѣева закипѣла. Въ томъ же 1788 году былъ оконченъ и спущенъ на воду „44-хъ пушечный фрегатъ Св. Николай, „первое судно, построенное въ Николаевѣ. Постройка судовъ, застроеніе и заселеніе города шли быстро. Потемкинъ „заботился, чтобы зданія были красиво „и прочно выстроены и съ этою цѣлью „выписалъ изъ Италіи знаменитаго архитектора Вереста и другихъ художниковъ. Видно, князь желалъ сдѣлать Николаевъ однимъ изъ значительнѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ „Россіи“. *Иванъ Бартеневъ.*

18 Мая 1874. Николаевъ.

I.

Какія приказанія были его свѣтлости оберъ-штетеръ-кригсъ-комисару Фалѣеву о строеніяхъ въ городѣ Николаевѣ и разведеніяхъ въ окружности онаго и намѣренія въ разсужденіи флота, адмиральтейства и мастеровыхъ.

1) Монастырь Спасо-Николаевскія лавры построить, на что и планъ данъ; а на кельи и ограду предоставлялъ впредь снабдить планомъ и положеніемъ, чтобы монахи были въ ономъ изъ военныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ.

2) Сколько для лучшаго и удобнѣйшаго строенія кораблей мѣста, столько и для здороваго воздуха и чистыхъ водъ, положилъ адмиральтейство изъ Херсона перевести въ Николаевъ, а въ Херсонѣ оставить одни только магазины и строеніе мелкихъ судовъ, большіе же суда и корабли всѣ строить въ Николаевѣ на Бугѣ, гдѣ опредѣлилъ доку и кораблямъ быть и гавань деревянную сдѣлать.

Но какъ, по сдѣланіи смѣты, оказалось то строеніе дорого и возможность открылась вычистить банку, препятствующую входить въ Ингулъ кораблямъ, на которой и вычищено одною нарочно для того сдѣланною машиною на 10 сажень въ длину и ширину на 4 фута, которая глубиною теперь по вычисткѣ 15 футъ (вся банка простирается на 200 сажень, и надежда безсомнѣнная есть всю оную вычистить), то, по сему и особливой способности мѣста, и изволилъ приказать быть адмиральтейству и верфи на Ингулѣ, гдѣ и теперь построеніе кораблей производится, а на Бугѣ, въ разсужденіи имѣющейся тамъ ключевой воды, имѣть докъ, въ который напускать и выпускать оную безъ машинъ.

3) Кадетскій корпусъ построить на 360 человѣкъ.

4) Мастерскіе магазины, надобные для адмиральтейства, всѣ достроить и берегъ обдѣлать, для чего и лѣсъ заготовленъ въ Мошнахъ *).

5) Число казармъ для житья служителей умножить.

6) Полагалъ на Черномъ морѣ имѣть кораблей линейныхъ не ниже 74-хъ пушекъ. 20
Фрегатовъ большихъ. . . . 4
Легкихъ фрегатовъ, какіе строятъ въ Николаевѣ 12
Акатовъ подобно построеннымъ въ Николаевѣ, чтобы изъ оныхъ гребной флотъ состоялъ, а по надобности въ морѣ держались и въ линіи дѣйствовали . . . . 12.
Бригантинъ. . . . . . . 12.
и потребное число транспортовъ.
Всѣмъ онымъ штатъ сдѣлать.

7) Для сего флота, особливо гребнаго, корпусъ составить приморскій гренадерскій, которому имѣть свои непремѣнныя квартиры въ Николаевѣ; работы производить при портѣ въ мирное время сими людьми, ими же и лѣса гнать по лиману. Изъ сформированныхъ нынѣ двухъ баталіоновъ и полка приказалъ учить людей лазить на мачты и ко всей матросской должности пріучать, чтобы въ случаѣ надобности могли они сію должность исправлять, и сверхъ того, чтобы не было недостатка въ мастеровыхъ, приказывалъ учить рекрутъ женатыхъ плотничать и другимъ мастерствамъ нужнымъ для адмиральтейства и поселить оныхъ до 2000 и 1000 каменьщиковъ, дать имъ землю для хлѣбопашества, а жалованье тогда только производить, когда на работѣ казенной будутъ, а въ прочемъ до-

*) Нынѣ мѣстечко, принадлежащее князю Воронцову, близь Черкасска и Днѣпра. *П. Б.*

вольствоваться земледѣліемъ. Мѣста онымъ назначить изволилъ сверхъ казенныхъ около Николаева купить у владѣльцевъ близь Херсона на Бѣлозеркѣ у его сіятельства графа Александра Андреевича Безбородки; у Глубокой пристани господина генералъ-поручика и кавалера Соймонова. Устье Ингульца приторговано, гдѣ положено лить чугунъ изъ негодныхъ пушекъ и ядеръ, для чего и заводъ началъ дѣлать Струговщиковъ. На Бугѣ Русскую косу и на другой сторонѣ Буга противъ Николаева и Богоявленска занять мѣсто, гдѣ ключи есть, подъ поселенія мастеровыхъ же, на Ингулѣ, дачи помѣщика Ларія.

8) По мѣстамъ способнымъ въ Бугѣ и Лиманѣ побить сваи приказалъ, чтобы по онымъ проходящіе суда и плоты въ противную погоду могли тянуться, что̀ уже отчасти и сдѣлано.

9) На Бугскихъ порогахъ опредѣлялъ завести водяныя машины для кузнечныхъ адмиральтейскихъ работъ, починки якорей и ружейный заводъ устроить. Въ разсужденіи удобности сдѣлать тамъ малымъ коштомъ плотины и поселенія мастеровыхъ.

10) Корабль 90 пушечный приказано построить въ Николаевѣ, который и строится; лѣсовъ на наборъ онаго достаточно свезено, надобны только доски дубовыя и сосновыя, кои весною привезены будутъ.

11) Доходы съ лавокъ, выстроенныхъ у биржи, съ погребовъ, трактира и кофейной опредѣлить изволилъ на церковь Григорія Великія Арменіи, на жалованье священникамъ, пѣвчимъ и на содержаніе увѣчныхъ.

12) Церковь аспидомъ покрыть, а главу и шпицъ на колокольнѣ вызолотить *).

13) Для сей церкви приказалъ выбрать всю утварь изъ имѣющихся въ Кременчугѣ монастырскихъ. И колоколъ разбитый Межигородскаго монастыря перелить съ прибавкою мѣди, чтобъ большой былъ въ 1000 пуд., для Спасо-Николаевской церкви.

14) Въ Богоявленскѣ завести земледѣліе на Англійскій образецъ, которое и производится теперь тремя адъюнктами, воспитанными въ Англіи подъ смотрѣніемъ профессора Ливанова. Мельницы подѣлать, построить тамъ инвалидный домъ и лучшій госпиталь, чтобы въ ономъ и Херсонскіе больные пользовались, полагая здѣшнее мѣсто и воду несравненно здоровѣе Херсона; а нынѣшнія временныя палаты госпитальныя обратить въ магазины и садъ аптекарскій тамъ развести.

15) Для пріохочиванія иностранцевъ къ поселенію въ Николаевѣ обѣщалъ исходатайствовать сему городу порто-франкъ на 20 лѣтъ.

16) Фонтаны всѣ въ Богоявленскомъ и Николаевѣ мраморомъ обдѣлать.

17) Баню Турецкую торговую построить приказывалъ.

18) Господину оберъ-интенданту и кавалеру Аѳанасьеву за отличные труды его при адмиральтействѣ исходатайствовать высочайшее награжденіе деревнями.

19) Капитану надъ портомъ Николаевскимъ господину Овцыну обѣщать изволилъ за труды его орденъ Св. Владиміра, также и инженерному бригадиру Князеву за неутомимые труды и успѣхи, оказанные въ Николаевѣ и другихъ мѣстахъ.

*) Изъ дѣлъ въ архивѣ хранящихся видно, что вся въ Кременчугѣ хранящаяся утварь церковная въ 1792 году отправлена въ Екатеринославъ по распоряженію бывшаго правителя Екатеринославскаго намѣстничества г-на генералъ-маіора Каховскаго.

20) За найденныя серебряныя и желѣзныя руды, также каменный уголь, мраморъ и краски, употребляемые теперь при адмиралтействѣ съ великою пользою для казны профессоромъ земледѣлія Ливановымъ, обѣщалъ вѣчный пенсіонъ исходатайствовать и для излеченія его болѣзни послать на теплыя воды на казенный коштъ.

21) Архитектору Ванрезани обѣщать изволилъ близъ Николаева подъ поселеніе 100 дворовъ земли дать.

22) Ярославскихъ каменьщиковъ, купленныхъ у Мещерской, изволилъ опредѣлить казенными быть для работъ въ Николаевѣ производимыхъ и пріохочивать ихъ къ поселенію здѣсь приказывалъ стараться.

II.

Записка Фалѣева *), поданная адмиралу Мордвинову (бывшему главному командиру Черноморскаго флота и портовъ съ 1786 по 1798 годъ).

Покойный генералъ-фельдмаршалъ князь Григорій Александровичь Потемкинъ-Таврическій за необходимо нужное, по причинѣ здоровости и другихъ премногихъ выгодъ, почелъ завести на устьѣ Ингула верфь и портовый городъ, названный Николаевъ. Планъ оному съ показаніемъ, что̀ построено и что̀ предположено строить, на разсмотрѣніе вашего высокопревосходительства при семъ подношу и сверхъ того представляю планы селеніямъ, по его же повелѣнію заведеннымъ для пользы адмиральтейства вокругъ города Николаева, а именно: Богоявленску, Воскресенску и Покровскому. Поселить въ оныхъ изъ заштатныхъ церковниковъ, безпаспортныхъ, бродящихъ и не имѣющихъ пристанища нигдѣ, выходцевъ изъ Польши и рекрутъ женатыхъ; всѣхъ оныхъ приказалъ научить мастерствамъ адмиральтейству, чтобъ въ случаѣ нужномъ употреблять ихъ къ онымъ за плату; главнымъ же упражненіемъ ихъ да будетъ земледѣліе: ибо если гдѣ оное распространить можно съ привилегіями и успѣхомъ къ общей пользѣ, то въ семъ наипаче краю. Чего для и училище практическаго земледѣлія въ Богоявленскѣ заведено, гдѣ бы не только сихъ, но и всѣхъ желающихъ сіе знать учить. Опредѣленъ къ сему профессоръ земледѣлія Ливановъ и три адъюнкта Гребницкій, Козловъ и Сапанкевичь, которые показаніемъ легкаго способа въ паханіи земли и въ другихъ частяхъ домоводства охоту къ тому возбудили въ сердцахъ Екатеринославскихъ помѣщиковъ. Тутъ же въ Богоявленскѣ полагалъ покойный завести аптекарскій садъ и соленіе мясъ, поелику до сего заготовляемыя мяса подрядчиками не были довольно прочны къ лежанію и почасту портились на корабляхъ, такъ что и въ пищу употреблять не можно было, и какъ мясами снабжать флотъ Черноморскій, такъ горохомъ, чечевицой и фасолью изъ экономіи Богоявленской. Близъ Елисаветграда, при черномъ лѣсѣ и Чу̀мѣ, поселены собственныя его свѣтлости крестьяне, доставшіеся ему по наслѣдству отъ матери, и изъ Тульской губерніи переведены въ слободѣ Знаменскѣ и Богдановкѣ 552 души му-

*) Вотъ что̀ упоминается въ путеводителѣ г. Павловскаго—о Фалѣевѣ: «Михаилъ Леонтьевичь Фалѣевъ былъ прежде купцомъ и ѣздилъ съ своею богатою лавкою за арміею князя Потемкина, который познакомился съ нимъ еще въ молодости въ Москвѣ. Замѣтивъ честность и способность Фалѣева, князь опредѣлилъ его въ службу, и съ того времени Фалѣевъ становится дѣятельнымъ помощникомъ и довѣреннымъ лицомъ во всѣхъ предпріятіяхъ князя Потемкина». Ум. 18 Ноября 1792 г. (т. е. почти черезъ годъ послѣ своего покровителя). *П. Б.*

жескаго пола да женскаго 804, и отданы въ адмиральтейскіе мастеровые; а къ нимъ по повелѣнію его свѣтлости приселено изъ рекрутъ женатыхъ и изъ церковныхъ да вышедшихъ изъ Польши 45 душъ. Тамъ заведено также хлѣбопашество для адмиральтейства, рощеніе хмѣля; и солодовню по образцу Англійскому строить назначалъ, и сверхъ того приказалъ мнѣ предъ кончиною своею сихъ поселянъ учить дѣлать Англійскіе плуги, что́ и исполняется. Имѣлъ при томъ намѣреніе подарить здѣшней губерніи помѣщикамъ и въ казенныя селенія, по заключеніи мира, за услуги оказанныя арміи, по плугу Англійскому и по боронѣ въ каждое селеніе, для чего и велѣлъ оныхъ приготовить на первый случай тысячу. Лѣсъ на оные заготовляется въ Чу́мѣ и на Самарѣ, и нѣсколько оныхъ уже сдѣлано. Ежели сіе благое и человѣколюбивое его намѣреніе исполнить, то откуда получать на оные желѣзо и уголь, испрашиваю вашего высокопревосходительства повелѣнія. Слободы Балацковка и Христофоровка, лежащія по Ингулу въ 35 верстахъ отъ Николаева, куплены покойнымъ свѣтлѣйшимъ княземъ для адмиральтейства же, въ коихъ по ревизіи мужескаго пола 190 душъ, при которыхъ полагать изволилъ сдѣлать пороховой заводъ для снабженія флота Черноморскаго, на которой и планы сдѣланы архитекторомъ Гагельдорфомъ. Между сими слободами и Николаевомъ есть двѣ дачи маіора Ларія; сіи и по смежности съ тѣми лежащія по Ингулу и между Херсономъ и Николаевомъ намѣреніе имѣлъ скупить у помѣщиковъ; и всѣ казенныя въ пустѣ лежащія приписать къ адмиральтейству, на которыя и поселить мастеровыхъ адмиральтейскихъ. Слободу Привольную, на Ингулѣ лежащую, въ которой жители недавно въ казаки поступили, по способности въ адмиральтейскіе поселяне обратить. Также близь Николаева на Бугѣ лежащую Матвѣевку къ городу приписать, а казаковъ вѣрныхъ за Бугъ перевесть. Находящимся при должностяхъ адмиральтейскихъ и въ городѣ состоящимъ чинамъ отвести земли по хутору при водѣ, въ окружности города, почему многія отданы мѣста, но не отмежеваны еще, и законными планами владѣльцы не снабжены. Близь Херсона лежащую слободу, Олешки называемую, къ адмиральтейству присоединить. При неутомимомъ попеченіи своемъ о благоустройствѣ всего, заботился его свѣтлость и о лѣсахъ корабельныхъ, почитая, что въ послѣдующія времена не изъ чего будетъ флотъ исправлять, и для того приказывалъ оные сѣять при каждомъ селеніи адмиральтейскомъ по нѣскольку десятинъ; начало сдѣлано оному въ прошломъ годѣ, въ Богоявленскѣ и Покровскомъ, 14 четвертей сосѣяно жолудей, которые всѣ взошли, и теперь болѣе фута выросли; для надобностей же сельскихъ и городскихъ Италіянскую тополь садить, какъ способную къ растенію скорѣе всякаго дерева, коей также часть посажена, и видны довольные отъ того успѣхи. Сверхъ того намѣреніе имѣлъ купить для адмиральтейства растущіе на Самарѣ лѣса дубовые, а тамъ размножить оные посѣвомъ и пересадкою молодыхъ дубковъ. На Ингульцѣ завести для адмиральтейства пильную мельницу и при всѣхъ слободахъ и адмиральтействѣ подѣлать вѣтреныя мельницы для молотія хлѣба, а также сдѣлать нѣсколько домиковъ подъ рыбную ловлю и поселить способныхъ къ тому

людей, какъ быть лоцманами вѣдомства адмиральтейскаго. Предписалъ мнѣ доставлять всѣ возможныя выгоды поселянамъ и опредѣленнымъ въ мастеровые адмиральтейскіе рекрутамъ. Лучшимъ мастерамъ производить рабочія деньги 5 руб. въ мѣсяцъ, посредственнымъ по 3, поелику положеннымъ жалованьемъ не могутъ они себя одѣть и довольствовать здоровою пищею.

Для пристанища судамъ и плотамъ, отправляемымъ изъ Херсона въ Николаевъ предписано подѣлать на Глубокой и ниже Станислава пристани.

Въ Бугскихъ порогахъ заводъ сдѣлать для починки якорей и кованія водяными машинами разныя потребныя къ адмиральтейству желѣзныя вещи.

Признавалъ за удобное карантину быть въ двухъ мѣстахъ на Бугѣ, при Волошской косѣ и противъ Спасскихъ лѣсковъ, на Коренихѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Николаева. Сіе мѣсто тѣмъ преимущественнѣе почиталъ, что близь города и безопасно стоять кораблямъ отъ льду, и починкою исправлять удобно при портѣ, и мостъ чрезъ Бугъ способно тамъ сдѣлать, съ малымъ иждивеніемъ въ разсужденіи узкаго мѣста, менѣе 200 саженъ простирающагося. И третіе, противъ Николаева положено быть перевозу для пріѣзжающихъ изъ Валахіи, Молдавіи и другихъ Турецкихъ мѣстъ сухопутно, для коихъ также карантинъ потребенъ и чтобъ и оныя въ одномъ съ пріѣзжающими моремъ содержаны были.

Имѣющуюся въ томъ мѣстѣ криницу приказалъ мнѣ обдѣлать, такъ чтобы вода текла къ назначаемому перевозу и, когда надобно будетъ, и къ карантинному дому.

Сверхъ того на берегу Буга при всѣхъ криницахъ подѣлать фонтаны, чтобъ проходящія суда могли удобно снабжаться хорошею водою, что̀ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сдѣлано.

Для препровожденія судовъ и плотовъ чрезъ пороги, по повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя, лоцмана поселены мною въ Каменкѣ.

Служащихъ 181 человѣкъ, коимъ жалованье по 24 р. въ годъ и провіантъ производится изъ Екатеринославской казенной палаты. Штатъ онымъ и прочимъ чинамъ, какіе должны быть въ канцеляріи Днѣпровскихъ пороговъ, предоставлялъ его свѣтлость сдѣлать въ мирное время. Какое отъ меня въ разсужденіи сего представленіе съ примѣрнымъ штатомъ было подано, къ свѣдѣнію вашего высокопревосходительства копію у сего представляю. Не угодно ли будетъ, въ разсужденіи намѣренія его свѣтлости причислить оныхъ въ вѣдомство Черноморскаго адмиральтейства, представить къ высочайшему благоразсмотрѣнію?

Въ пользу жителей Николаевскихъ и казны изъ найденнаго недавно землянаго угля перевезть въ Николаевъ 100 тысячъ пудовъ, ввести оное въ казенныхъ кузницахъ и партикулярныхъ домахъ, для варенія пищи, согрѣванія покоевъ, которое по обошедшейся казнѣ цѣнѣ отпускать желающимъ, а между тѣмъ для отапливанія казенныхъ покоевъ отпускать дрова, на оное суммы отнюдь ни ассигновано.

Въ замѣну лѣса, при строеніяхъ домовъ употребляемаго, здѣсь открытъ аспидъ, на Кривомъ Рогу найденный, изъ коего дѣлать полы и крыши, почему посланные туда Турки и адмиральтейскіе мастеровые наломали 130 возовъ.

Краски красной, коя вмѣсто черляди можетъ употребиться, карандаша краснаго 40 возовъ, вохры желтой и черной, коя вмѣсто сажи Голандской употребляться можетъ и по пробѣ оказалась очень годною и не хуже сажи Голандской, 30 возовъ не прикажете ли перевозить въ Николаевъ и производить ли впредь тамъ заготовленіе оныхъ? Испрашиваю на сіе и на все вышеписанное вашего высокопревосходительства резолюціи.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ОЧЕРКИ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ. КАДЖОРЫ (1857).

Читателямъ и (прибавимъ съ особеннымъ удовольствіемъ) преимущественно читателямъ Русскаго Архива, уже знакомо превосходное дарованіе автора, котораго они поблагодарятъ за любезное, данное намъ, позволеніе обнародовать еще одинъ фотографическій снимокъ недавно прошедшей Кавказской старины. *П. Б.*

...Былъ еще только Апрѣль мѣсяцъ, а Тифлисскій климатъ давалъ уже себя чувствовать и заставлялъ съ ужасомъ соображать: чтò же будетъ въ Маѣ, Іюнѣ и далѣе? Я помню, въ началѣ весны былъ какой-то народный праздникъ у церкви Св. Давида. Церковь эта, съ принадлежащимъ ей монастыремъ, пользуется большимъ почетомъ у Тифлисскихъ жителей. Она прилѣплена къ вершинѣ одной изъ величайшихъ горъ, окружающихъ Тифлисъ и, независимо отъ древности, замѣчательна тѣмъ еще, что при ней находится могила Грибоѣдова. Къ церкви ведетъ узкая дорожка по извилистымъ отрогамъ горы. Въ день праздника весь городъ двинулся въ гору; я рѣшился тоже присоединиться къ толпамъ, ринувшимся туда, и сильно раскаялся: обнаженная гора рѣшительно была затоплена палящими лучами солнца, и подъ этими лучами надобно было взбираться все вверхъ и вверхъ. Я страшно измучился, и совершенно безплодно, потому что особенно интереснаго ничего не видѣлъ, за исключеніемъ развѣ народныхъ менестрелей, имѣющихъ сходство частію съ нашими нищими, распѣвающими „Лазаря" на ярмаркахъ и базарахъ, а частію съ бродящими по дворамъ уличными музыкантами и пѣвцами. Большею частью старые и слѣпые, они помѣщались въ разныхъ мѣстахъ на дорогѣ, ведущей къ Святому Давиду и подъ звуки какого-то туземнаго инструмента, въ родѣ нашего пастушечьяго рога, распѣвали что-то самымъ монотоннымъ образомъ. Само собою разумѣется, что я не могъ понимать содержанія этихъ пѣсенъ; но, судя по тому, что пѣвцовъ окружали народныя толпы и что на лицахъ слушателей было написано живое сочувствіе, нельзя было не заключить, что въ пѣсняхъ ихъ разсказывалось что-то весьма лестное и пріятное народу. И дѣйствительно, какъ мнѣ объяснили потомъ, пѣсни эти говорили о славныхъ царяхъ Грузіи, о битвахъ, о богатыряхъ или джигитахъ, живущихъ въ памяти народа. Этого мало: пѣвцы эти въ тоже время и импровизаторы. Я видѣлъ опытъ этой импровизаціи, при мнѣ и для меня собственно произведенной. Послѣ какого-то большаго обѣда у князя Георгія Мухранскаго, я и нѣкоторые изъ собесѣдниковъ вышли на балконъ; вмѣстѣ съ нами былъ самъ князь Георгій. Подъ балкономъ тотчасъ явилась партія этихъ пѣвцовъ, которыхъ ис-

кусство требуетъ, между прочимъ, именно поспѣвать и являться туда, гдѣ пируютъ. Недолжно однако смѣшивать ихъ съ „зурначами", которыхъ заранѣе нанимаютъ на всевозможные пиры, какъ туземныхъ музыкантовъ, тогда какъ эти пѣвцы-нищіе сами являются съ своими посильными услугами. Когда пѣвцы, стоявшіе подъ балкономъ, затянули свои пѣсни, я нетерпѣливо спросилъ; „да что̀ же они поютъ такое? Про царя что-ли, какого"?—„Нѣтъ", сказалъ князь Мухранскій, „теперь они про насъ поютъ!" „Вотъ еще!" замѣтилъ я, „что̀ же они находятъ въ насъ достойнаго воспѣванія, когда вовсе насъ не знаютъ!" — „Хотите они васъ лично будутъ воспѣвать, а я вамъ буду переводить. Давайте что нибудь", сказалъ князь. Опытъ этотъ показался мнѣ интереснымъ: я вынулъ какую-то ассигнацію и отдалъ князю. Князь передалъ ее Грузинамъ и, сказавъ что-то погрузински, указалъ на меня. Грузины тотчасъ переглянулись между собою, и одинъ изъ нихъ тотчасъ запѣлъ; чрезъ нѣсколько минутъ онъ остановился, и запѣлъ другой, и такимъ образомъ они чередовались до тѣхъ поръ, пока князь не сказалъ имъ: довольно! Во всемъ этомъ пѣніи я слышалъ мое имя, часто повторяемое. Когда они остановились, князь, съ помощью другихъ туземцевъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, перевелъ мнѣ слово въ слово всю хвалебную пѣснь, во славу мою сочиненную и тутъ же исполненную. Подробностей не помню; помню только, что тутъ рѣчь шла о томъ, чтобъ я былъ здоровъ, полюбилъ Кавказъ, какъ Кавказъ меня полюбилъ, былъ добръ къ бѣднымъ и несчастнымъ, чтобы дѣти мои походили на меня и т. п. Однимъ словомъ, тутъ было все, что̀ обыкновенно говорится во всѣхъ хвалебныхъ вещахъ, направленныхъ въ пользу избраннаго счастливца; но я былъ истинно пораженъ особенно-стройнымъ складомъ всѣхъ этихъ фразъ, складомъ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что онъ рождался во время самаго пѣнія, слѣдовательно безъ всякихъ предварительныхъ соображеній и обдумываній. Я возблагодарилъ этихъ импровизаторовъ новою ассигнаціею и выразилъ моимъ товарищамъ полнѣйшее мое удивленіе, на что мнѣ замѣтили, что въ ряду̀ этихъ артистовъ нѣкоторые отличаются дѣйствительно замѣчательнымъ талантомъ и пользуются вполнѣ заслуженною въ народѣ славою.

Возвратившись отъ Св. Давида домой, страшно измученный, я не могъ не подумать о томъ, что̀ Тифлисъ долженъ испытывать лѣтомъ, если въ началѣ весны являются уже сильнѣйшіе жары? Не смотря однако на эти неутѣшительныя соображенія, я держался долго принятой мною рѣшимости провести первое лѣто въ Тифлисѣ; но когда стали приближаться Іюньскіе жары, когда я, вообще желтый, пожелтѣлъ окончательно, какъ лимонъ, и потерялъ совершенно апетитъ, когда языкъ мой покрылся сухой желтой корой—я сталъ сильно задумываться и внимательнѣе прислушиваться къ толкамъ о переселеніи на дачу. Къ этому присоединилось одно особенно внушающее обстоятельство: съ наступленіемъ жаровъ стали появляться и учащаться холерные случаи. Украшеніе Тифлисскаго общества, прелестная Нина Александровна Грибоѣдова, сдѣлалась одною изъ первыхъ жертвъ этой страшной болѣзни. Случаи эти произвели значительную моральную тре-

вогу въ городѣ и сильно погнали изъ него всѣхъ, кто только имѣлъ какую либо возможность переселиться на лѣто въ болѣе возвышенныя мѣста. Докторъ мой Пилецкій, одинъ изъ лучшихъ Тифлисскихъ докторовъ, настоятельно требовалъ, чтобы я непремѣнно перебрался на дачу, если желаю избѣгнуть лихорадки, тифа и холеры. Его сильныя настоянія, основанныя на опытныхъ наблюденіяхъ многоразличныхъ случаевъ, бывшихъ съ новопріѣзжими на Кавказъ во время Тифлисскихъ жаровъ, поколебали мою рѣшимость, и я согласился переѣхать на дачу. Вопросъ о томъ: куда? не представлялъ никакихъ затрудненій, потому что для всѣхъ служащихъ и имѣющихъ какое либо отношеніе къ высшему управленію было только одно загородное мѣсто: Каджоры. О Каджорахъ всѣ говорили, но я самъ еще ихъ не видѣлъ. Даже и тогда, когда я рѣшился уже оставить городъ, я не хотѣлъ осмотрѣть Каджоръ предварительно и за-глаза нанялъ тамъ себѣ небольшое помѣщеніе.

До моего пріѣзда на Кавказъ, во времена князя Воронцова, играла тамъ довольно значительную роль одна личность, нѣкто Демонкаль. Если судить по слѣдамъ, имъ оставленнымъ, Демонкаль очевидно былъ „прогрессистомъ". Разнородные опыты и начинанія, предпринимавшіеся при князѣ Воронцовѣ, связаны были большею частью съ именемъ Демонкаля. Демонкаль учреждалъ какія-то образцовыя фермы, печальные и разрушенные остатки которыхъ я видѣлъ своими глазами; онъ выписывалъ какихъ-то животныхъ, которыхъ хотѣлъ аклиматизировать и которыя, вопреки его стараніямъ, скоро падали и т. п. Такъ точно, когда князь Воронцовъ, открывъ вблизи Тифлиса небольшой горный участокъ казенной земли, десятинъ во сто, именуемый „Каджорами", предпринялъ обратить его въ нѣчто, подобное Павловску, Петергофу и т. п., Демонкаль одинъ изъ первыхъ взялъ себѣ значительную часть этого участка и, застроивъ ее грошовыми турлучными строеніями, присвоилъ имъ громкое названіе „дачъ". Демонкаля я уже не засталъ въ Тифлисѣ; но зналъ, что Тифлисскими его дѣлами и имѣніями завѣдуетъ одинъ незначительный чиновникъ. Этого чиновника я вытребовалъ къ себѣ и, объяснивъ ему мои желанія относительно дачи, спросилъ его: въ состояніи ли онъ удовлетворить имъ? Чиновникъ начертилъ мнѣ планъ того помѣщенія, которое онъ считалъ соотвѣтствующимъ моимъ потребностямъ. Я тотчасъ, тутъ-же, не считая нужнымъ отправляться лично въ Каджоры для подробнаго осмотра этого помѣщенія, оставилъ его за собою. Чиновникъ присовокупилъ, что я буду имѣть удовольствіе жить вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Осиповичемъ Бебутовымъ, который для себя взялъ отдѣльный домъ, тутъ-же находящійся.

Съ приближеніемъ времени переселенія на дачу, я послалъ однако въ Каджоры моего Петербургскаго камердинера, человѣка чрезвычайно распорядительнаго, посмотрѣть: что̀ такое я нанялъ и распорядиться, чтобы можно было тамъ кое-какъ прокочевать лѣто. Въ день поѣздки его я гдѣ-то оставался довольно поздно и, возвратившись домой съ разсчетомъ выслушать подробный рапортъ моего человѣка о подробностяхъ предстоящаго намъ загороднаго житья-бытья, я нашелъ его аттакованнымъ холерой. Онъ, весь почернѣвшій, не могъ дер-

жаться на ногахъ. Я смутился не на шутку: мнѣ жаль было потерять человѣка, на которомъ къ тому же держалось все мое маленькое хозяйство въ краѣ, совершенно для меня новомъ, гдѣ я, вообще неспособный рѣшительно ни къ какимъ хозяйственнымъ занятіямъ, бродилъ какъ въ лѣсу и гдѣ замѣнить способнаго слугу было если не совершенно невозможно, то затруднительно въ высшей степени..... Къ счастію, при первыхъ признакахъ появленія холеры въ Тифлисѣ, я запасся различными медицинскими снадобьями, гдѣ извѣстныя капли Тильмана занимали первое мѣсто. Понятно, что я не замедлилъ пустить въ дѣло, самымъ энергическимъ образомъ, это оружіе и въ то время, когда мой человѣкъ, палимый мучительной жаждой, постоянно просилъ пить, я посылалъ въ него, пріемъ за пріемъ, эти капли въ такихъ размѣрахъ, которые несомнѣнно привели-бы въ изумленіе самаго почтеннаго изобрѣтателя ихъ. Въ заключеніе, приставивъ къ нему особаго человѣка съ строгимъ приказаніемъ давать больному, чрезъ извѣстные промежутки, тѣже капли, я удалился въ свои комнаты съ томительнымъ вопросомъ въ душѣ: что̀-то будетъ завтра? Само собою разумѣется, что на другой день, едва открывъ глаза, я спросилъ: „что̀ Игнатій“—„Ушелъ въ рынокъ“, мнѣ отвѣчали. Поблагодаривъ Бога за устраненіе безчисленныхъ непріятностей и безпокойствъ, съ которыми неминуемо было-бы связана потеря этого человѣка, я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его возвращенія, чтобъ лично убѣдиться въ его цѣлости и невредимости. Совершенно бодрый и здоровый, онъ скоро предсталъ предо мной и сталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разсказывать все-то, что̀ онъ нашелъ на Каджорахъ. Сущность этого донесенія состояла въ томъ, что хотя помѣщеніе наше плоховато и сыровато, но что и у всѣхъ также и что прожить лѣто съ грѣхомъ пополамъ можно. Вооруженный этими свѣдѣніями, я сталъ ожидать переселенія на Каджоры намѣстника, чтобы вслѣдъ за нимъ и самому двинуться туда. Намѣстникъ наконецъ переѣхалъ, и я назначилъ день своего отправленія.

Погода въ день нашего отправленія была восхитительная. Человѣкъ мой съ своимъ помощникомъ и со всѣмъ хозяйственнымъ скарбомъ отправился съ утра; а я самъ предположилъ выѣхать часовъ въ пять или шесть, для чего и нанялъ одного изъ лучшихъ Тифлисскихъ извощиковъ. Усѣвшись въ экипажъ съ маленькимъ сыномъ и съ нѣсколькими портфелями и саквояжами, въ назначенный часъ я пустился въ путь. Таже тихая, ясная погода, южное солнце, умѣрившее уже дѣйствіе своихъ лучей, обѣщали сдѣлать нашъ путь пріятнѣйшимъ, тѣмъ болѣе, что, дѣлая его въ первый разъ, мы на каждомъ шагу должны были встрѣчать различные виды великолѣпнаго Закавказья. Увы! Ожиданія наши далеко не сбылись, а сбылось то, чего никакъ нельзя было ожидать. До Каджоръ отъ Тифлиса считается 12 верстъ. Дорога идетъ почти постоянно въ гору, изрѣдка пробѣгая по горнымъ ложбинамъ. Начало нашего пути дѣйствительно было прекрасно. Крѣпкія лошади бодро взбирались на каменистыя горы; живописныя окрестности веселили наши взоры; можно сказать, что никогда мы не чувствовали столь сладостнаго настроенія. Никакой тревожной мысли намъ и въ голову не могло прійти. Такъ

продолжалось ровно полдороги, гдѣ стоитъ духанъ, носящій какое-то извѣстное названіе, которое однако же я забылъ. Отъ этого духана дорога круто поворачиваетъ вправо. Едва мы сдѣлали этотъ поворотъ, какъ съ неба, все еще яснаго, стали падать рѣдкія капли изъ какой-то едва замѣтной, набѣжавшей тучки. Эти капли, сначала рѣдкія, стали учащаться; на окрестностяхъ стали появляться тѣни отъ новыхъ тучекъ, появившихся за первою; потомъ стали слышаться легкіе раскаты грома; но все это скорѣе веселило насъ, чѣмъ тревожило, тѣмъ болѣе, что мы не знали дальнѣйшаго расположенія дороги и видѣли предъ собою только сильныхъ лошадей и бодраго ямщика. Между тѣмъ, почти незамѣтно, глинистая дорога стала дѣлаться сначала скользкою, а потомъ и вязкою. Дождь продолжалъ сѣять; лошади начинали скользить. Небо болѣе и болѣе стало заволокать тучами; окрестности быстро темнѣли; съ горъ, на которыя мы взбирались, стали показываться маленькіе дождевые ручейки. Мысль, что намъ остается уже недалеко до мѣста и что у насъ отличныя лошади, успокоивала меня совершенно. Но скоро эти отличныя лошади стали изрѣдка останавливаться; почва, глинистая и вязкая, стала разтворяться; дождевые потоки начали усиливаться. Во мнѣ начало появляться сомнѣніе, что мы можемъ и не доѣхать, и подъ вліяніемъ этого сомнѣнія я вступилъ въ объясненія съ извощикомъ, желая вывѣдать его мысли. „Помилуйте", отвѣчалъ ямщикъ: „такого коренника во всемъ Тифлисѣ нѣтъ. Этотъ самый коренникъ 300 рублей заплоченъ". Между тѣмъ этотъ знаменитый коренникъ сталъ чаще и чаще останавливаться, весь въ мылѣ, постоянно скользя и съ трудомъ вытаскивая ноги изъ распустившейся почвы; на колесахъ экипажа стала навертываться густая грязь въ ужасающемъ количествѣ. Сначала извощикъ спрыгивалъ съ козелъ, поправлялъ сбрую и потомъ опять усаживался; но дѣло шло все хуже и хуже. Южная ночь быстро спускалась; дождь получилъ какое-то постоянство и обѣщалъ быть вѣчнымъ. Лошади останавливались на каждомъ шагу; извощикъ въ неприятномъ недоумѣніи моталъ головой, вздыхалъ и восклицалъ: „что́ за пропасть! вотъ напасть!" Потомъ онъ соскочилъ съ козелъ, передалъ возжи мнѣ, а самъ пошелъ подлѣ лошадей, постоянно подстегивая ихъ и столь же постоянно спотыкаясь въ глубокой и вязкой грязи и по временамъ падая, при чемъ извощикъ, по Русскому обычаю, произносилъ различныя непечатныя выраженія. Положеніе наше, однако, отъ этого нисколько не улучшалось: измученныя лошади и извощикъ, послѣ чрезмѣрныхъ усилій, совершенно остановились.

Между тѣмъ наступила южная, рѣшительно-непроницаемая ночь; ничего не было видно, ни впереди, ни позади, ни по сторонамъ; дождь лилъ упорно и промочилъ уже насъ до костей, а грязь развелъ непроходимую; потоки шумно неслись намъ на встрѣчу. Отъ духана, о которомъ я говорилъ, мы отодвинулись весьма немного, такъ что до Каджоръ оставалась добрая половина пути, пути совершенно намъ неизвѣстнаго. Мысль о томъ, чтобы вернуться въ духанъ и провести тамъ ночь, нисколько не была привлекательна вслѣдствіе многоразличныхъ разсказовъ о грабежахъ, совершаемыхъ при подобныхъ случаяхъ въ этихъ милыхъ заведе-

ніяхъ. Я рѣшился съ маленькимъ сыномъ идти тоже пѣшкомъ, думая этимъ облегчить лошадей и заставить ихъ хоть шагъ за шагомъ двигаться впередъ. Въ этой рѣшимости я вышелъ изъ экипажа и смѣло зашагалъ впередъ, влача за собою маленькаго сына, постоянно сбиваемаго ручьями. Отойдя съ полверсты, мы остановились, въ увѣренности, что экипажъ слѣдуетъ за нами; но послѣ довольно продолжительнаго ожиданія мы убѣдились, что онъ очень отсталъ отъ насъ и, потерявъ всякую надежду на его помощь, предоставили ему подвигаться по мѣрѣ возможности, а сами снова ринулись впередъ. Отойдя еще съ полверсты, мы снова остановились и ждали экипажа очень долго, но тоже совершено безуспѣшно. Затруднительность нашего положенія обозначилась тутъ самымъ полнѣйшимъ образомъ. Объятые кругомъ непроницаемою темнотою, поливаемые дождемъ, мы должны были выбирать одно изъ двухъ: или идти назадъ къ экипажу и вмѣстѣ съ нимъ провести всю ночь подъ дождемъ, рискуя въ теченіи ночи быть ограбленными, или идти впередъ по дорогѣ, совершенно неизвѣстной, безъ всякой увѣренности, дойдемъ ли и тоже не будемъ ли ограблены или растерзаны страшнымм Грузинскими собаками, ярость которыхъ мы видѣли, когда ѣхали въ экипажѣ. Я рѣшился на послѣднее, въ смутномъ представленіи, что, быть можетъ, Каджоры уже близко. Мы снова пустились въ путь, постоянно падая. Особенная заботливость моя сосредоточивалась на томъ только, чтобы въ страшной темнотѣ не потерять дороги, обозначаемой единственно ручьями, бѣгущими по тропинкамъ и дорожнымъ колеямъ.

Никогда въ жизни я не испытывалъ такого непріятнаго положенія. Затруднительность его усиливалась совершенною неизвѣстностью, что̀ изъ всего этого выйдетъ? Меня смущало еще одно обстоятельство, которое оказалось очень глупымъ и смѣшнымъ, но которое въ ту минуту вовсе не представлялось такимъ. Я много разъ слышалъ, что въ темнотѣ глаза волка свѣтятся особенно яркимъ блескомъ; шествуя по колѣна въ грязи, по дорогѣ совершенно неизвѣстной, я не могъ не пройти въ умѣ своемъ всевозможныхъ опасностей, которымъ я тогда подвергался. Въ этомъ обозрѣніи весьма естественно могла мелькнуть мысль о дикихъ звѣряхъ въ странѣ, гдѣ самые люди недалеко ушли отъ нихъ. Эта мысль особенно начала меня тревожить, когда то съ той, то съ другой стороны начали появляться, среди непроницаемой тьмы, горящія точки, которыя то показывались, то исчезали. Я ничѣмъ другимъ не могъ объяснить этихъ огненныхъ точекъ, какъ преслѣдовавшими насъ волками и блескомъ ихъ огненныхъ глазъ. (Потомъ оказалось, это были просто какіе-то порхающіе свѣтляки). Мнѣ было не столько страшно, сколько стыдно какъ-то думать, что я, быть можетъ, заключу мое земное странствованіе такимъ глупо-драматическимъ образомъ. Изъ этихъ неутѣшительныхъ мечтаній я былъ выведенъ шумомъ двигающагося гдѣ-то большаго экипажа. Чувства, которыя я испытывалъ при этомъ шумѣ, вѣроятно были сходны съ тѣми, которыя испытываютъ несчастливцы, плавающіе, послѣ кораблекрушенія, на какомъ нибудь осколкѣ въ открытомъ морѣ при видѣ едва замѣтнаго вдали паруса. Я рѣшился употребить всѣ мѣры, чтобъ съ этимъ экипажемъ связать мое спа-

сеніе. Въ страшнѣйшей темнотѣ я не могъ, конечно, разсмотрѣть, какой это экипажъ, кто имъ управляетъ и кому онъ принадлежитъ. По разнымъ признакамъ можно было однако заключить, что это шелъ одинъ изъ большихъ фургоновъ князя-намѣстника. Слышно было, какъ кучера ободряли измученныхъ лошадей криками и ударами бичей, хотя экипажъ двигался другою, по видимому паралельною, моей дорогою, въ значительномъ отдаленіи отъ меня. Я тотчасъ призвалъ на помощь всю силу моихъ легкихъ и старался самыми могущественными, какъ мнѣ казалось, криками остановить экипажъ, чтобы примкнуть къ нему. Но по видимому опытные кучера хорошо знали, что́ значитъ остановить большой, тяжелый экипажъ въ страшной грязи, да еще при подъемѣ на гору. Они какъ будто не слыхали моихъ криковъ и весьма скоро скрылись за однимъ изъ безчисленныхъ изгибовъ, изъ которыхъ состоитъ почти вся эта достопамятная дорога. Я еще разъ убѣдился, что эгоисты существуютъ во всевозможныхъ сословіяхъ, и что кучеръ, озабоченный своимъ дѣломъ, совершенно равнодушенъ не только къ крикамъ, но даже къ совершенной погибели своего ближняго. Я доволенъ былъ уже и тѣмъ, что обогнавшій насъ экипажъ указалъ, по крайней мѣрѣ, дальнѣйшее направленіе нашего скорбнаго пути, въ которомъ я постоянно сомнѣвался. Кромѣ того безпрерывныя возвышенности, на которыя мы взбирались, нѣсколько поддерживали въ насъ надежду, что вотъ только поднимемся — сей часъ и увидимъ Каджорскіе огни. Надежды эти, подобно другимъ своимъ сестрамъ, постоянно насъ обманывали. Поднявшись на какое нибудь возвышеніе, мы снова оставались объятыми непроницаемой тьмой, поливаемые дождемъ и буквально по колѣна въ грязи. Казалось, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что и конца не будетъ нашему критическому положенію, а о формѣ и родѣ этого исхода и подумать было непріятно.

Мрачныя думы, сопровождавшія меня въ моемъ мучительномъ шествіи, прерваны были новымъ шумомъ. Мы остановились. Слышно было, что за нами ѣхалъ какой-то человѣкъ верхомъ. Вотъ, подумалъ я, предстоитъ этому господину, непремѣнно вооруженному, легкая побѣда надъ измученнымъ и безоружнымъ гражданиномъ и удобное опустошеніе его кармановъ, по меньшей мѣрѣ. При той обстановкѣ, въ какой мы находились, самый послѣдній трусъ съ кинжаломъ въ рукахъ могъ заполонить насъ совершенно. Среди неизвѣстныхъ горъ, въ страшной темнотѣ, глубокой ночью — ни на какую помощь расчитывать, конечно, нельзя было. Намъ предстояло или притаиться подъ кровомъ ночи и дать всаднику проѣхать, не замѣтивъ насъ, а затѣмъ, выждавъ его удаленія, опять продолжать мучительный и неизвѣстный путь, безъ всякаго опредѣлительнаго сознанія, кончится ли онъ когда нибудь и какъ кончится; или аттаковать его и посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ, предоставляя остальное судьбѣ. Я предпочелъ послѣдній способъ.

Едва всадникъ поравнялся съ нами, какъ я вскричалъ: „стой“! Въ темнотѣ я не могъ видѣть ни всадника, ни впечатлѣнія, какое произвело это грозное: стой! По послѣдствіямъ можно заключить однако, что онъ струсилъ. Прежде нежели

онъ успѣлъ отвѣчать на это приглашеніе, я сказалъ ему: „веди насъ въ Каджоры, мы заблудились“! Я былъ пріятно удивленъ, когда въ отвѣтахъ его не оказалось ничего страшнаго, а оказалось только, что онъ тоже ѣдетъ въ Каджоры и готовъ насъ провожать. „Ступай впередъ“, сказалъ я: „я тебѣ хорошо заплачу“. Тронувшись въ путь снова, я сталъ припоминать многіе разсказы о коварствѣ туземцевъ, которые всегда предъ грабежемъ и убійствомъ бываютъ ласковы и любезны. Я долженъ однако сдѣлать маленькое отступленіе.... Мнѣ кажется, что во всемъ этомъ разсказѣ я ужъ черезъ-чуръ выставляю себя трусомъ, тогда какъ это не совсѣмъ вѣрно по моей натурѣ; но въ томъ положеніи, въ которомъ я тогда находился, весьма естественно было имѣть тревожныя мысли. Кра̀я и всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ его я не зналъ, но зналъ уже положительно, что грабежи составляютъ господствующую его черту и что грабежи на Каджорской дорогѣ составляютъ вовсе не чрезвычайное дѣло. Поэтому понятно, что ожидать чего нибудь въ этомъ разѣ, среди ночи и тьмы, тоже нисколько не было удивительнымъ.

Пока я раскидывалъ умомъ на эту тему, всадникъ остановился и поразилъ меня предложеніемъ, котораго, конечно, никакъ и ожидать было нельзя. Замѣчая наше измученное состояніе по тому, что мы безпрерывно отставали отъ него, онъ предложилъ сойти съ лошади, посадить на нее моего маленькаго сына, а самому идти пѣшкомъ вмѣстѣ со мною. Сначала я горячо благодарилъ его; но потомъ, когда онъ пошелъ рядомъ со мной, ведя за поводья лошадь, мнѣ опять пришла тревожная мысль, не хочетъ ли онъ, по ближайшему со мною сосѣдству, внезапно пырнуть меня кинжаломъ, чего, сидя на лошади, онъ не могъ исполнить такъ удобно и чему также были многочисленные примѣры. Подъ вліяніемъ этой мысли, послѣ непродолжительнаго и совершенно пріятельскаго съ нимъ разговора, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ, что принадлежитъ къ одному изъ Каджорскихъ духановъ и ѣздилъ въ Тифлисъ по своимъ торговымъ дѣлишкамъ, я старался держаться вдали отъ него и даже позади лошади. Такимъ образомъ шествіе наше приняло слѣдующій видъ: впереди шелъ нашъ спаситель Армянинъ и безпрерывно падалъ, что̀, какъ теперь помню, не смотря на всю гадость нашего положенія, не разъ возбуждало во мнѣ поползновеніе къ хохоту; за нимъ шла лошадь, которую онъ велъ за поводья и на которой сидѣлъ мой сынъ; а за лошадью, почти у хвоста ея, выступалъ я, страшно измучившійся. Изнуреніе мое достигло такой степени, что я не разъ думалъ растянуться въ грязи и предоставить нашему проводнику идти одному въ Каджоры, возбудить тамъ соотвѣтственную тревогу, вслѣдствіе которой, конечно, должна была состояться посылка за мной экипажа или верховой лошади. Но я страшился болѣе чѣмъ смерти—комизма всей этой исторіи, комизма, тѣмъ болѣе страшнаго, что онъ долженъ прославить меня при первомъ моемъ вступленіи въ страну, гдѣ всякая слабость, по преимуществу, навлекаетъ на себя презрѣніе. Мнѣ казалось, что въ груди у меня горячіе уголья и я скоро упаду, какъ загнанная лошадь. Я безпрерывно осыпалъ нашего проводника вопросами: „скоро-ли Каджоры, много-ли осталось?“

Но всему бываетъ конецъ. Съ одного возвышенія мы радостно увидѣли рѣдкіе Каджорскіе огни. Надо замѣтить впрочемъ, что мы долго и долго еще добирались до Каджоръ; но стоявшіе впереди насъ огоньки успокоивали и ободряли меня. Я видѣлъ благополучный и скорый исходъ изъ нашего затруднительнаго положенія. Положеніе это не измѣнилось даже и тогда, когда мы вступили уже въ Каджоры, потому что я совершенно не зналъ, гдѣ именно стоитъ та дача, которую я нанялъ, точно также какъ не зналъ этого и мой проводникъ. Въ этой неизвѣстности я поручилъ ему вести меня въ домъ намѣстника, гдѣ всѣ уже спали. Я приказалъ разбудить состоявшаго при князѣ офицера, который завѣдывалъ домомъ и дежурными конвойными казаками. Взглянувъ на меня, онъ просто ужаснулся. Я разсказалъ, въ самыхъ короткихъ словахъ, сущность дѣла и просилъ распорядиться о доставленіи меня въ мою квартиру. При этомъ оказалось, что дача Демонкаля находится очень далеко отъ дома намѣстника и что мнѣ предстоитъ еще довольно трудное къ ней путешествіе и все въ гору. Отблагодаривъ щедро моего добраго проводника, я отправился, сопровождаемый казакомъ, въ свое жилище. Мой распорядительный слуга убралъ его и освѣтилъ, такъ что когда я взглянулъ на комнаты, ожидавшія меня, мною овладѣло чувство невыразимаго наслажденія. Мнѣ просто казалось, что я попалъ въ рай, хотя потомъ этотъ рай оказался далеко несовершеннымъ, особенно по страшной сырости, царствовавшей въ немъ и заставившей меня значительно прихварывать почти во все продолженіе лѣтняго сезона. Но въ ту минуту и простой сарай показался бы мнѣ хорошимъ помѣщеніемъ уже потому собственно, что спасалъ меня отъ темноты, грязи и дождя, среди которыхъ я пребывалъ нѣсколько часовъ. Промоченные буквально до костей, мы съ маленькимъ сыномъ старались, прежде всего, предотвратить послѣдствія этого достопамятнаго путешествія всѣми домашними средствами, какія имѣлись подъ рукой. Потомъ съ смутнымъ вопросомъ, поднимемся ли завтра подобру-поздорову съ постели, заснули мы положительно мертвымъ сномъ. Пробужденіе наше было совершенно благополучно: мы встали какъ ни въ чемъ не бывало и, по обозрѣніи внутренней нашей обстановки, пустились, бодрые и веселые, обозрѣвать Каджорскія красоты.

Каджоры расположены на чрезвычайно холмистой мѣстности, такъ что ровныхъ мѣстъ ни для пѣшихъ прогулокъ, ни для прогулокъ въ экипажахъ, почти нѣтъ. Дачи стоятъ совсѣмъ не въ томъ правильномъ порядкѣ, какъ мы привыкли видѣть въ окрестностяхъ Петербурга; напротивъ, всѣ они разбросаны, и каждая стоитъ, какъ ей вздумается. Одни изъ нихъ стоятъ наверху, другія внизу, и всѣ они смотрятъ врозь. Правильныхъ дорогъ на Каджорахъ нѣтъ, хотя и называютъ дорогами двѣ линіи, по которымъ окрестные жители деревень возили отъ сотворенія міра дрова и другія сельскія произведенія въ Тифлисъ. И въ сухую погоду онѣ крайне неудобны для проѣзда, по безчисленнымъ колеямъ и ухабамъ, никогда и никѣмъ неисправляемымъ, а при малѣйшемъ дождѣ дѣлаются совершенно непроходимыми. Дача Демонкаля, на которой я жилъ, стояла въ верхней полосѣ Каджоръ; князь Александръ Ивановичъ Барятинскій

расположился въ нижней полосѣ, на дачѣ Андріевскаго....

Личность Андріевскаго пріобрѣла на Кавказѣ дѣйствительную знаменитость. Я уже не засталъ его тамъ; но ни одинъ разсказъ о какомъ бы то ни было важномъ дѣлѣ не обходился безъ того, чтобы въ этомъ разсказѣ имя Андріевскаго не было замѣшано. Этотъ господинъ былъ докторомъ князя Воронцова. Казалось бы, какое значеніе могъ имѣть докторъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ и ученъ, внѣ медицины? А между тѣмъ онъ имѣлъ необъятное значеніе именно внѣ медицины. Сила и необъятность этого значенія были бы просто невѣроятны, если бы не подтверждались единодушно всѣмъ Кавказомъ и не оправдывались самыми дѣлами. Но я не буду повторять многоразличныхъ разсказовъ въ этомъ отношеніи и перейду прямо къ моей встрѣчѣ съ этою личностію, встрѣчѣ, которая состоялась совершенно неожиданно въ Пятигорскѣ предъ окончательнымъ оставленіемъ мною Кавказа. Справедливость требуетъ, сказать, что я нашелъ въ Андріевскомъ очень пріятнаго господина. Наблюденія надъ треволненіями житейскаскаго моря привели меня къ убѣжденію, что люди умные, благородные, характерные, съ прочными убѣжденіями—большею частію люди довольно скучноватые и даже мало пріятные. Начать съ того, что они не любятъ ни сближаться съ кѣмъ бы то ни было, ни заискивать въ другихъ; въ тоже время, тѣхъ, кто желалъ бы съ ними сблизиться, они отталкиваютъ стойкостью своею ума и своихъ убѣжденій. Есть другой родъ людей, которые, напротивъ, владѣютъ необычайнымъ искусствомъ подлаживаться подъ всѣ умы, характеры и вкусы и стараются дѣлаться для всѣхъ пріятными, какъ будто это искусство приноситъ имъ вѣрные проценты; но именно этотъ коммерческій оттѣнокъ нѣсколько и мѣшаетъ ихъ популярности. Самой величайшей популярности, по моимъ наблюденіямъ, достигаютъ люди пустые, безъ сильнаго ума, безъ сильнаго характера, но честные. Какъ круглый шаръ, они рѣшительно никого не задѣваютъ и, катаясь среди человѣчества, какъ будто доставляютъ ему одну пріятность. Каждый, кто разсмотритъ ближе и внимательнѣе свойство личностей, обрѣтающихся въ его сферѣ, надѣюсь, согласится со мной. Согласіе это, я убѣжденъ, будетъ еще полнѣе, если каждый припомнитъ собственныя свои впечатлѣнія при встрѣчѣ съ разнородными личностями. Умный и характерный человѣкъ непремѣнно стѣсняетъ васъ нѣсколько, заставляетъ, такъ сказать, подобрать поводья, вынуждаетъ стоять на точкѣ, равномѣрной его уму и характеру. На оборотъ, человѣкъ пустоватый оставляетъ васъ дышать свободно и не только не стѣсняетъ васъ своимъ умомъ и характеромъ, но напротивъ съ перваго момента даритъ васъ какимъ-то пріятнымъ чувствомъ вашего личнаго превосходства надъ нимъ. Вы или снисходительно слушаете его болтовню, или начинаете сами немного ломаться передъ такимъ господиномъ, въ полномъ убѣжденіи, что ни со стороны его ума, ни со стороны его характера, не встрѣтите никакого упорнаго сопротивленія, все сойдетъ хорошо. Когда входитъ къ вамъ умникъ, вы тотчасъ становитесь на сторожѣ и постоянно испытываете это состояніе въ его присутствіи; когда онъ уходитъ—вамъ кажется, что вы кончили какую-то довольно трудную

работу; напротивъ, когда къ вамъ является какой-нибудь пустоватый господинъ, вы встрѣчаете его радушно, зная, что въ бесѣдѣ съ нимъ вы не только не обремените себя, но напротивъ отдохнете отъ работы или тяжелыхъ думъ, которыя почти всегда присущи неглупому человѣку; когда онъ собирается уходить, вы удерживаете его, желая продлить спокойное ваше состояніе. Пустоватый господинъ непремѣнно болтунъ и часто болтунъ веселый; въ тоже время онъ непремѣнно яростный собиратель новостей и ревностный переноситель ихъ изъ дому въ домъ. Вамъ стоитъ только пожать ему руку и послѣ краткаго привѣтствія спокойно расположиться въ креслѣ, какъ въ театрѣ—вы можете быть вполнѣ увѣрены, что онъ не заставитъ васъ ни думать, ни говорить, если только вы сами этого не пожелаете. Онъ тотчасъ засыпаетъ васъ разсказами, анекдотами, новостями: слушайте только. Если только вы будете сопровождать его безконечные разсказы одною одобрительною улыбкою, съ него этого вполнѣ достаточно, и болѣе ему ничего не нужно. Легкая мысль его перелетаетъ съ одного предмета на другой, нигдѣ не останавливаясь; одушевляясь самъ собой, онъ говоритъ до тѣхъ поръ, пока вдругъ не скажетъ: „Однако мнѣ пора! Я съ вами заболтался". Уходя, онъ оставляетъ въ васъ пріятное расположеніе духа, и вы непремѣнно подумаете: „какой милый человѣкъ!"

Андреевскій собственно принадлежалъ, какъ мнѣ кажется, ко второму разряду, къ разряду тѣхъ, у которыхъ пріятность и любезность входитъ какъ будто въ разсчетъ ихъ плановъ. Сквозь эту пріятность и любезность у этихъ господъ какъ-то проглядываютъ ихъ заднія мысли; такъ и видно, что это дѣло небезхитростной натуры, а дѣло знанія людей и умѣнья играть ими, какъ пѣшками.

Князь А. И. Барятинскій первое время восхищался Каджорами и любилъ много гулять по ихъ кривымъ линіямъ. Само собою разумѣется, что я удостоивался не разъ сопровождать князя въ его прогулкахъ. Во время этихъ прогулокъ князь разсказывалъ, что Каджоры были предметомъ особенныхъ попеченій князя Воронцова, который разставаясь съ княземъ въ Москвѣ (1856), особенно просилъ его поддержать всѣми мѣрами Каджоры и непремѣнно сдѣлать изъ нихъ что-нибудь въ родѣ Петергофа или Царскаго Села. Задача поистинѣ трудная! Петергофъ уже положительно сдѣлать было нельзя, потому что трудно представить другую мѣстность, столь скудную водой, какъ Каджоры: ни рѣки, ни озера, ни ручейка—положительно нѣтъ ничего! И только необычайнымъ искусствомъ Персіянъ были вызваны изъ земли какіе-то жалчайшіе ключи и, сосредоточенные въ нѣсколькихъ пунктахъ, съ величайшимъ трудомъ удовлетворяли потребностямъ Каджорскихъ обывателей, а въ очень жаркое время и вовсе не удовлетворяли: ключи и слѣдовательно бассейны, въ которые они были направлены, высыхали, и воду надо было доставлять изъ какихъ нибудь другихъ мѣстъ, за нѣсколько верстъ отъ Каджоръ лежащихъ.

Кстати, относительно искусства Персіянъ доставать воду, должно замѣтить, что оно дѣйствительно замѣчательно. На самой сухой, безводной и даже каменистой мѣстности они берутся открыть и разработать подземные ключи и сосредоточить ихъ по-

средствомъ одной струи въ бассейнѣ. Толщина этой струи опредѣляетъ самую цѣнность работы. Струя въ гривенникъ стóитъ столько-то; въ двугривенный или, по туземному абазъ, столько-то; въ полтинникъ столько-то. Но вообще всѣ эти работы стóятъ дорого. Когда я самъ долженъ былъ строить въ Каджорахъ дачу,—о чемъ будетъ рѣчь впереди,—вопросъ о водѣ также много занималъ меня, и я помню, что Персіяне просили съ меня 1500 руб. сер., не помню только за какую струю: въ гривенникъ, двугривенный или полтинникъ.

Понятно, что для обращенія въ Петергофъ Каджоры, при совершенной безводности, были крайне неудобны. Царское Село также сдѣлать изъ нихъ было очень трудно: горная, каменистая почва не была вовсе способна къ растительности. Доказательствомъ тому можетъ служить собственная дача князя Воронцова, которую онъ чуть ли не первый поставилъ въ Каджорахъ, въ примѣръ и поученіе другимъ. По общимъ отзывамъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, дача эта стоила ему до 100/т руб. сер. Не смотря на эту громадную сумму, не смотря на то, что князь Воронцовъ имѣлъ полную возможность занять лучшій во всѣхъ отношеніяхъ участокъ, не смотря наконецъ на то, что, для усиленія растительности, участку этому придали искусственную почву посредствомъ насыпки на него милліоновъ возовъ добытой изъ другихъ мѣстъ черноземной земли — все-таки ничего не вышло. При оставленіи Кавказа князь Воронцовъ подарилъ эту неудавшуюся дачу, которой дано было какое-то поэтическое названіе: „отрады", „утѣхи" или чего-то въ этомъ родѣ—благотворительному женскому заведенію Св. Нины, а это заведеніе нашло выгоднымъ продать ее за 7/т. руб. сер. При мнѣ дача эта представляла жалкій видъ, какъ и всѣ Каджорскія дачи, торчащія какъ-то уныло, одиноко, голыя, лишенныя зелени и имѣющія единственное достоинство, что спасаютъ Тифлисскихъ жителей высшаго сорта отъ нестерпимыхъ Тифлисскихъ жаровъ.

Но если Каджорами восхищались сами намѣстники, то во слѣдъ имъ должны были восхищаться и припѣвающіе. Глубочайшее подобострастіе къ словамъ, взглядамъ, мыслямъ главнаго начальника составляло отличительную черту Кавказскаго быта. Этого мало, что никто не рѣшается сказать передъ нимъ какое нибудь слово, не совпадающее съ его мнѣніемъ; даже за-глаза, въ своихъ кружкахъ, избѣгаютъ этого и рѣшительно вторятъ только тому, чтó онъ думаетъ и говоритъ. На свѣжаго человѣка такія отношенія не могли не производить непріятнаго впечатлѣнія. Я припоминаю одну комическую сцену, на этотъ мотивъ розыгранную.

Едва ли нужно говорить, что, войдя въ среду Тифлиской жизни, я сдѣлался, до нѣкоторой степени, центромъ извѣстнаго кружка. Къ нему принадлежалъ нѣкто Александръ Борисовичъ И-цкій, человѣкъ весьма почтенный, извѣстный особенно своимъ горячимъ участіемъ въ дѣлахъ и предпріятіяхъ Славянофильскихъ. И-цкій пріобрѣлъ на Кавказѣ особенную знаменитость особенно тѣмъ, что будто бы говорилъ начальникамъ самыя смѣлыя и рѣзкія вещи. Разсказы о многихъ подвигахъ его въ этомъ отношеніи ходили по городу и придавали И-цкому особенное значеніе. Не помню уже по какому случаю, мои пріо-

ятели собрались однажды у меня. За веселымъ ужиномъ я повелъ такую рѣчь, что Тифлисская жизнь могла бы быть пріятна, если бы индивидуальныя убѣжденія такъ сильно не подавлялись сверху и что это давленіе имѣетъ въ себѣ много вреднаго. На этой темѣ завязался жаркій разговоръ, въ которомъ съ особенною живостью высказывались разныя воззрѣнія. И-цкій, придерживавшійся вообще всѣхъ ораторскихъ пріемовъ, сначала хранилъ многозначительное молчаніе, а потомъ, наслушавшись различныхъ мнѣній, важно произнесъ: „Господа! позвольте и мнѣ высказать мое мнѣніе". Общій говоръ умолкъ, и общее вниманіе сосредоточилось на И-цкомъ; всѣ ожидали отъ него замѣчательныхъ прорицаній. „Господа"! продолжалъ И-цкій, „я полагаю, что для человѣка нѣтъ ничего дороже и священнѣе его убѣжденій; человѣкъ сохраняетъ свое достоинство дотолѣ, пока сохраняетъ свои убѣжденія; можно всѣмъ пожертвовать, но никакъ не своими убѣжденіями; поэтому каждый долженъ хранить и защищать ихъ, какъ святыню". И-цкій долго ораторствовалъ на эту тему; всѣ слушали внимательно его и ожидали, какъ онъ разрѣшитъ существенный вопросъ о соотношеніи нашихъ убѣжденій съ убѣжденіями начальства. Нѣкоторые даже и выразили желаніе, чтобы онъ поскорѣе перешелъ на этотъ вопросъ. „Послѣ всего, что сказалъ я о святости нашихъ убѣжденій", продолжалъ И—цкій, „понятно, какъ драгоцѣнны должны быть они для каждаго. Но если, мм. гг., представится такой случай, гдѣ ваши личныя убѣжденія оказываются противуположными убѣжденіямъ вашего начальника, тогда, милостивые государи"... При этихъ словахъ общее вниманіе удвоилось, и всѣ ждали, что́ именно тогда, по мнѣнію И-цкаго должно дѣлать. „Тогда, мм. гг.", заключилъ И-цкій, „тогда надо *примолчать*". Слова эти покрыты были всеобщимъ дружнымъ хохотомъ. Оторопѣлый И-цкій изумленно смотрѣлъ на всѣхъ; потомъ, понявъ, что сдѣлалъ промахъ, онъ началъ доказывать, что онъ хотѣлъ вовсе не то сказать, что мы не такъ его поняли и т. п. Но усилія его оставались тщетными, ибо подавлялись посыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ насмѣшками и укоризнами, что такой знаменитый „прогрессистъ" проповѣдуетъ такія рабовладѣльческія идеи. И—цкій сначала отшучивался, потомъ началъ злиться. Но знаменитая фраза „примолчать" такъ и осталась за нимъ, и ничѣмъ бывало нельзя такъ сильно его разсердить, какъ многозначительно ввернуть эту фразу въ какой нибудь разговоръ.—Если такъ думали Тифлисскіе „умники", какъ называлъ самъ князь Александръ Ивановичъ этотъ кружокъ, стяжавшіе уже себѣ славу своими рѣзкими и смѣлыми рѣченіями, то отъ туземцевъ, всосавшихъ съ молокомъ Азіатское поклоненіе и подобострастіе ко всякой власти, ожидать уже было нечего.

Гуляя однажды со мною, князь Александръ Ивановичъ сказалъ мнѣ: „Постройте здѣсь дачу, только хорошую; я дамъ вамъ отличное мѣсто. Вѣдь вамъ съ семействомъ надобно же жить на дачѣ". Само собою разумѣется, что прежде всего я выразилъ мою благодарность. Въ соображеніяхъ моихъ о Кавказскомъ житьѣ-бытьѣ вопросъ о лѣтнемъ пребываніи моего семейства давно уже занималъ меня; но мысль о постройкѣ для этого собственной дачи никогда не приходи-

ла мнѣ на умъ. Застигнувъ меня совершенно внезапно, она, естественно, смутила меня, особенно въ виду тѣхъ раззорительныхъ, можно сказать, расходовъ, съ которыми, по общимъ отзывамъ, сопряжены постройка и содержаніе Каджорскихъ дачъ. Поэтому я прибавилъ: „Позвольте, ваше сіятельство сообразить". „Что̀ тутъ соображать?" возразилъ князь. „Вамъ и вашему семейству дача положительно необходима; лучше и ближе Каджоръ ничего нѣтъ. Что́ же еще тутъ соображать?". Аттакованный такъ настоятельно, я долженъ былъ, разумѣется, уступить и согласиться, тѣмъ болѣе, что самое предложеніе князя имѣло характеръ особеннаго ко мнѣ благоволенія. Въ тотъ же день по всѣмъ Каджорамъ разнеслась и зашумѣла вѣсть, что князь подарилъ мнѣ мѣсто, и я строю собственную дачу. Всѣ меня поздравляли. Самъ князь поднялъ всѣхъ на ноги и требовалъ, чтобы немедленно изслѣдовали и донесли ему: есть ли въ Каджорахъ свободныя мѣста, гдѣ и какія? Оказалось, что всѣ лучшія мѣста давнымъ давно разобраны и что остался одинъ какой-то клочекъ, голый совершенно, безводный и вообще мало привлекательный; но въ тоже время найдено возможнымъ отрѣзать для меня половину земли, отданной подъ дачу Закавказскаго женскаго института. Смотря на заботливость, которую князь лично приложилъ къ этому дѣлу, на постоянныя похвалы князя Каджорской мѣстности, Каджорскому климату, всѣ были убѣждены, что Каджоры, если не сдѣлаются Петергофомъ или Царскимъ Селомъ, то обратятся въ постоянную его лѣтнюю резиденцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый клочекъ Каджорскій сдѣлается драгоцѣнностью. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія, многіе, особенно капитальные люди, бросились потомъ на свободный участокъ, о которомъ я говорилъ, и стали осаждать князя просьбами. Князь приказалъ разбить этотъ участокъ на четыре равныя части и роздалъ ихъ наиболѣе значительнымъ лицамъ изъ міра, его окружающаго, съ непремѣннымъ условіемъ построить хорошія дачи.

Въ Тифлисѣ, между тѣмъ, существовало какое-то строительное заведеніе, учрежденное выписаннымъ изъ-границы весьма даровитымъ архитекторомъ Браунмилемъ или Браунмиллеромъ. Заведеніе это составляло планы домовъ и дачъ, согласно потребностямъ каждаго, и принимало на себя постройку ихъ за условленную сумму. Само собою разумѣется, что слухъ о Каджорскихъ дачахъ не могъ не предоставлять для этого заведенія особеннаго интереса. Въ одно чрезвычайно-туманное утро помощникъ учредителя, другой архитекторъ Бихольдъ, является ко мнѣ въ Каджоры и вызывается выстроить мнѣ дачу за самую умѣренную цѣну въ томъ разсчетѣ, чтобы отчетливостію и дешевизною ихъ работъ увлечь и всѣхъ другихъ отдать имъ же постройку дачъ. Совершенно неопытный въ строительномъ дѣлѣ, которое на Кавказѣ имѣетъ тысячи мѣстныхъ особенностей, я несказанно обрадовался этому предположенію, которое обѣщало мнѣ, безъ малѣйшаго съ моей стороны безпокойства, появленіе на моей землѣ комфортабельной дачи. Объяснивъ, чего я требую отъ дачи, сообразно моимъ средствамъ и моимъ семейнымъ потребностямъ, я просилъ Бихольда составить соотвѣтственный планъ и опредѣлить сумму, какую я, за осуществленіе его, долженъ выплатить. Когда строители поднесли мнѣ

планъ, я подписалъ контрактъ и выдалъ задатку 1000 руб. Увы! Въ недобрый часъ я подписалъ этотъ контрактъ, и трудно исчислить всѣ непріятности, какія довелось мнѣ испытать съ этой постройкой. Началось съ того, что, на другой день послѣ подписанія контракта и выдачи задатка, главный основатель строительнаго заведенія и главный мой подрядчикъ архитекторъ Браунмиллеръ, человѣкъ вообще болѣзненный, скоропостижно умеръ. Всѣ мои пріятели совѣтовали мнѣ разрушить по этому случаю мой контрактъ и отдать постройку другимъ лицамъ; но мнѣ казалось это не совсѣмъ добросовѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что помощникъ его, архитекторъ Бихольдъ, увѣрилъ меня, что все строительное заведеніе переходитъ въ его руки и что онъ также точно исполнитъ всѣ принятыя въ отношеніи меня обязательства, какъ бы они были исполнены самимъ Браунмиллеромъ. Вслѣдъ затѣмъ началось постепенное вытаскиваніе этимъ господиномъ, подъ различными предлогами, денегъ изъ моего кармана, и дѣло приняло скоро такой видъ, что всѣ деньги, какія слѣдовали съ меня по контракту, я выплатилъ, а дача едва-едва была въ зародышѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторая безпечность строителя, неточность, какая-то отвратительная распущенность этого господина были тутъ главною причиною; но справедливость требуетъ сказать, что и самъ онъ былъ постоянно въ тискахъ со стороны тѣхъ безчисленныхъ затрудненій, съ которыми связана сколько нибудь порядочная постройка въ Тифлисѣ, а тѣмъ болѣе на Каджорахъ, гдѣ часто доставка какого-либо предмета далеко превосходитъ цѣнность его. Такъ напримѣръ, однажды Бильходъ на мои упреки отвѣчалъ: „Войдите и въ мое положеніе! Тысяча кирпича стоитъ въ Тифлисѣ 12 рублей, а за доставку въ Каджоры просятъ 30 рубл". Во всякомъ случаѣ подобный расходъ можно было болѣе или менѣе предвидѣть и внести въ соотвѣтственномъ размѣрѣ въ смѣту; но вотъ чего нельзя было предвидѣть: Бихольдъ, принявъ мой подрядъ, въ свою очередь отдалъ какому-то Персіянину подрядъ на всю каменную работу на моей дачѣ; этотъ заподрядилъ кого-то выдѣлать на мѣстѣ всю необходимую пропорцію кирпича; тотъ въ свою очередь заподрядилъ другаго доставлять этотъ кирпичъ на ешакахъ (ослахъ) къ пункту постройки. Здѣсь можно замѣтить, что перевозка кирпича на этихъ маленькихъ животныхъ, по нѣскольку десятковъ на каждомъ, можетъ дать, мнѣ кажется, лучше всего понятіе объ удобствахъ и быстротѣ Каджорскихъ построекъ. Въ одинъ прекрасный день, напримѣръ, пріѣзжаю я обозрѣвать работы; оказывается, что рѣшительно никакихъ работъ не производится и даже ни одного рабочаго на мѣстѣ нѣтъ. Что̀ такое? Изслѣдованіе, на которое также тратится много времени, обнаруживаетъ, что или кирпичный подрядчикъ не поставляетъ кирпичу, или ешачный подрядчикъ не перевозитъ кирпичъ къ мѣсту постройки, или что нибудь въ этомъ миломъ родѣ. Почему? Оказывается, что кирпичный подрядчикъ не выплачиваетъ денегъ ешачному подрядчику, а не выплачиваетъ потому, что ему самому не выплачиваетъ денегъ главный подрядчикъ по каменнымъ работамъ. Отсюда постоянное вытягиваніе денегъ сверхъ всякихъ условій и контрактовъ. Бихольдъ тянетъ у меня, у него тянутъ подрядчики, которые въ заклю-

ченіе просто исчезаютъ, не исполнивъ ни работъ, ни возвративъ денегъ, и такъ безъ конца. Вообще дача подвигалась чрезвычайно медленно, и казалось, что такимъ образомъ и въ столѣтіе не будетъ кончена. На меня начали сыпаться со всѣхъ сторонъ насмѣшки, особенно со стороны свиты князя, которая давала моей несчастной дачѣ всевозможныя юмористическія названія. Наименованія эти, разумѣется, достигали князя и доставляли ему видимое удовольствіе. Однажды онъ собрался ѣхать куда-то. Путь лежалъ чрезъ Каджоры. Всѣ знатныя лица и свита по обычаю собрались провожать князя. Онъ былъ особенно веселъ въ это утро. Разговоръ зашелъ о Каджорахъ; пользуясь удобнымъ случаемъ, я сказалъ князю: „не угодно ли взглянуть при проѣздѣ на мою дачу"?—„Вашу дачу"? улыбаясь сказалъ князь, „да развѣ ее сто́итъ смотрѣть? Вы знаете, какъ ее называютъ?"—„Знаю, ваше сіятельство," отвѣчалъ я. „Это ваши адъютанты такъ окрестили ее, плохо понимая строительныя дѣла; но я убѣжденъ, что это будетъ хорошая вещь".—„Посмотримъ, посмотримъ!" весело сказалъ князь. „Судя по тому, что̀ я слышалъ, сомнительно что-то!"

Наконецъ, убѣждаясь болѣе и болѣе, что при такомъ положеніи дѣла я никогда не построю своей дачи, я вышелъ изъ терпѣнія и окончаніе ея отдалъ другому архитектору. Дѣло быстро закипѣло, и дача явилась въ такомъ блескѣ, что тотчасъ всѣ заговорили о ней, осыпая ее всевозможными похвалали. И дѣйствительно, если относительно Петербургскихъ дачъ она не только не имѣла никакого особеннаго значенія, но даже безспорно была произведеніемъ довольно слабымъ, то въ ряду Каджорскихъ дачъ она занимала, по изяществу, первое мѣсто. Красота ея усиливалась особенно устройствомъ при ней парка, чего не было рѣшительно ни при одной дачѣ. Все пространство, заглушенное густыми кустарниками, было расчищено, проложены дорожки, образованы клумбы, сдѣланы дерновыя скамьи и т. п. Все это дѣлалось по планамъ и подъ руководствомъ спеціалистовъ этого дѣла, которые наперерывъ старались угодить мнѣ; я только платилъ деньги за деревья, цвѣты и саперныя работы, что̀ все, въ совокупности, составило довольно круглую и почтенную сумму. Желающихъ нанять мою дачу явилось множество, и образовалось соперничество, весьма для меня выгодное; но на первый годъ, послѣ окончанія моей дачи, я отдалъ въ наемъ только нижній этажъ, а верхъ, заключавшій въ себѣ четыре чрезвычайно уютныя и изящныя комнаты, занялъ самъ, такъ какъ семейство мое было въ то время въ Петербургѣ. 25 Іюля, въ день имянинъ жены моей, я задалъ на моей дачѣ Кавказскій пиръ. Привожу отрывокъ изъ письма моего къ женѣ 30 Іюля, въ которомъ есть нѣсколько словъ объ этомъ пирѣ:

„Имѣю честь донести................, что нынѣшній годъ, день вашего ангела отпразднованъ мною достойнымъ образомъ. На праздникѣ были генералъ-адъютанты, тайные и другіе совѣтники, разные директоры, свита намѣстника, однимъ словомъ вся Тифлиская знать. Если тебѣ интересно, я тебѣ поименую нѣкоторыхъ...... Праздникъ совершенно удался. Вечеръ былъ тихій, великолѣпный. Собственно дача, иллиминованная фонарями, представляла волшебный видъ. Весь паркъ горѣлъ огнями. Пріемъ

былъ на особой эстрадѣ (насыпной) предъ дачей, покрытой коврами и уставленной столами. Здѣсь пили чай. Музыка поставлена была въ срединѣ парка, между деревьями. Послѣ чая все общество отправилось на конецъ парка, гдѣ устроены огромные земляные диваны, которые также освѣщены были фонарями. Въ срединѣ ихъ, устланной ковромъ, поставленъ былъ огромный круглый столъ со всѣми принадлежностями для жжонки. За диванами также разостланы были ковры съ мутахами, на Грузинскій манеръ. Какъ только вспыхнулъ огонь жжонки, тотчасъ запылали огромные костры, нарочно приготовленные. Въ тоже время, изъ среды кустовъ и деревъ, полетѣли ракеты, жаворонки, Римскія свѣчи. Фейерверкъ былъ и для меня сюрпризомъ, весьма ловко устроеннымъ моими пріятелями. Когда покончили съ жжонкой, всѣ перешли въ уступленныя мнѣ на этотъ вечеръ нижнія комнаты дома, гдѣ приготовлены были столы для картъ. Въ 12 часовъ всѣ сѣли за ужинъ. Разумѣется, твой тостъ предложенъ былъ торжественно. Торжество кончилось въ 3 часа. Все, что́ только есть въ Каджорахъ, наполняло мои аллеи, или толпилось кругомъ дачи"...

Это было единственное лѣто, которое мнѣ удалось провести на моей собственной Каджорской дачѣ и провести, можно сказать, великолѣпнымъ образомъ. Почти ежедневно собирались у меня мои пріятели, и дача моя каждый вечеръ горѣла огнями, какъ фонарь. Весьма часто ужины мои происходили на открытомъ воздухѣ, освѣщаемые громадными кострами, заготовленіе которыхъ не представляло никакихъ затрудненій, при производившейся расчисткѣ моего парка отъ густыхъ зарослей. Я помню хорошо, какъ первый ужинъ съ подобными затѣями переполошилъ страшно всѣ Каджоры, когда на темномъ южномъ небѣ, въ полночь, вдругъ показалось страшное зарево, и кверху понеслись столбы дыма съ милліонами искръ. Дача моя одною стороною прилегала къ дачѣ, которую занималъ Дмитрій Алексѣевичъ М., именно къ той дачѣ, на которую князь Воронцовъ потратилъ кучу денегъ. Едва показалось страшное пламя на моей дачѣ, какъ съ этой сосѣдней дачи бросилась толпа разныхъ людей по направленію къ огню. Впереди всѣхъ летѣлъ сынъ Дмитрія Алексѣевича, въ то время еще небольшой, милый мальчикъ. Я и моя веселая компанія дружно смѣялись этой суматохѣ, нашими кострами вызванной, и ждали, какъ и чѣмъ она разрѣшится. Маленькій сынъ М—на первый прилетѣлъ на границу и взглянувъ на разставленные столы, на наши веселыя лица, освѣщенныя заревомъ, тотчасъ закричалъ толпѣ, бѣжавшей за нимъ: „C'est m. Insarsky qui soupe"! Фраза эта долго повторялась въ Тифлисѣ....

Но, подобно извѣстному „дядюшкѣ-болтушкѣ", я занесся съ моею дачею далеко впередъ и самъ чувствую, какъ неловко теперь возвращаться, почти за три года назадъ, къ житью-бытью нашему на Каджорахъ въ первое лѣто моего на Кавказѣ пребыванія. Главныя черты этого житья-бытья состояли въ томъ, что утро князя Александра Ивановича проходило въ слушаніи различныхъ докладовъ, пріемѣ различныхъ лицъ и наконецъ въ предобѣденныхъ прогулкахъ. Въ 6 часовъ князь обѣдалъ. Къ обѣду постоянно собиралось нѣсколько приближенныхъ, къ числу кото-

рыхъ князь и меня причислилъ, пригласивъ обѣдать у него ежедневно. Въ тотъ самый моментъ, когда мы садились за столъ, на небольшой площадкѣ предъ домомъ князя начинала играть полковая музыка, которая и занималась своимъ дѣломъ вплоть до 10 часовъ. Въ продолженіи обѣда на эту площадку собирались всѣ Каджорскіе обыватели и обывательницы, разряженныя въ пухъ и прахъ, разсаживаясь на приготовленныхъ скамейкахъ или расхаживая по площадкѣ. По окончаніи обѣда почти всѣ обѣдавшіе высыпали также на площадку и смѣшивались съ гуляющими толпами. Потомъ самъ намѣстникъ выходилъ на туже площадку, обходилъ дамъ, гулялъ съ ними и такимъ образомъ проводилъ весь вечеръ. Случалось часто, что, съ наступленіемъ темнаго вечера, когда никого нельзя узнать, заболтавшись съ какой-нибудь барыней, вдругъ наткнешься на высокую и стройную фигуру князя. Замѣтивъ висѣвшую у меня на рукѣ даму, князь, съ милѣйшею улыбкою, скажетъ бывало только: „Смотрите! Скажу!" Въ заключеніе вечера, князь приглашалъ нѣкоторыхъ къ себѣ играть въ вистъ; остальные расходились по своимъ знакомымъ. Тѣ, которые не получали приглашенія князя, проводили остатокъ вечера или у княгини М. С. Бебутовой, привлекавшей къ себѣ всѣхъ своею веселостью и остроуміемъ, или у княгини М. И. Орбельяни, бывшей предметомъ всеобщаго обожанія. Свитскіе держались постоянно въ кучкѣ и, говоря правду, предпочитали этимъ салоннымъ препровожденіямъ времени—вечера на холостую ногу съ кахетинскимъ, шампанскимъ и неизбѣжнымъ пѣніемъ....

ДВА ПИСЬМА Д. В. ВОЛКОВА КЪ Г. Г. ОРЛОВУ. *)

1.

Отъ 10 Іюля (1762). Въ послѣдніе часы жизни Государыни приказывано мнѣ было неоднократно, чтобъ я не отлучался и заготовилъ бы присяги. Въ тогдашней горести отвѣтствовалъ я коротко и дерзко, что при живомъ государѣ новыхъ присягъ писать не умѣю, и тотчасъ просилъ Ивана Ивановича Шувалова и Алексѣя Петровича Мельгунова, чтобы постарались доставить мнѣ отставку, не скрывъ при томъ первому, что примѣченный мною тріумвиратъ [1]) мнѣ не нравится. Но они старались токмо меня увѣщевать, чтобъ я, какъ сынъ Отечества, не для себя, но для службы государства, въ такое время показалъ свое усердіе, когда оное весьма нужно, упоминая, что безъ меня на ожиданный случай и манифеста написать будетъ не кому. По плачевномъ воспослѣдованіи блаженной кончины Ея Величества, тотчасъ нашлось, что тогдашній не-

*) Чтобы вѣрнѣе оцѣнить эти письма, слѣдуетъ припомнить, что они писаны для показанія императрицѣ Екатеринѣ, вслѣдъ за ея восшествіемъ на престолъ и обращены къ лицу (тогда еще и не графу), которое уже занимало при ней первенствующее положеніе; Волковъ же, главный дѣлецъ за послѣдніе годы Елизаветинскаго царствованія и въ шесть мѣсяцевъ Петровскаго, подвергнутъ былъ 28 Іюня 1762 года легкому домашнему задержанію. Историческая важность этихъ писемъ говоритъ сама за себя. На Русскомъ языкѣ конечно немного найдется показаній, столь живо изображающихъ эти удивительные шесть мѣсяцевъ. Въ лицѣ Петра III-го исторія или судьба какъ бы отмстила его дѣду за преступленія его въ семейной жизни. Тутъ же разгадка и воцаренію Екатерины II-й. *П. Б.*

[1]) Т. е. И. И. Шуваловъ, графъ М. Л. Воронцовъ и Н. И. Панинъ? Положеніе Русскихъ людей было отчаянное: жестокая война и полная безнадежность въ дѣлахъ внутреннихъ. Одинъ Н. И. Панинъ обнаруживалъ нѣкоторую твердость духа. См. Р. Архивъ 1863, стр. 566.

складный манифестъ [2]) уже давно г. Глѣбовымъ написанъ былъ, и сколько ни трудились другіе, чтобъ я оный высмотрѣлъ напередъ и поправилъ, однакожь онъ до того не допустилъ, такъ что мнѣ досталось только оный прочитать. Въ слѣдующую ночь заготовилъ я самъ собою экспедицію въ разные корпусы заграничной арміи не съ тѣмъ чтобъ выслуживаться, но чтобъ туда какого вздору отправлено и печалью всѣ войска до какого либо смущенія доведены не были. А проситься въ отставку былъ неотмѣнно намѣренъ, такъ что поутру, поѣхавъ къ его сіятельству канцлеру, столько плакалъ и столько объ отставкѣ просилъ, что онъ наконецъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ молчать мнѣ повелѣлъ и съ графомъ Романомъ Ларіоновичемъ меня во дворецъ послалъ для подписанія помянутой экспедиціи. Оная найдется въ дѣлахъ Конференціи, и я желалъ бы, чтобъ нынѣ прочтена была. Съ того времени цѣлый мѣсяцъ не дѣлалъ я ничего и сидѣлъ больше дома. Сочинялъ, подлинно, описаніе о блаженной кончинѣ покойной Государыни; но и тутъ хотѣли меня посадить въ крѣпость, для чего нынѣ славно и безпримѣрно на тронъ восшедшую героиню назвалъ Государынею Императрицею [3]); да былъ еще подъ слѣдствіемъ, якобы выпустилъ реляцію о взятіи Кольберга [4]).

Какъ попался я вдругъ въ тайные секретари, того и теперь не знаю; но то подлинно, что и важность и склизость сего поста я тогда же чувствовалъ, и потому твердо предпріялъ было, по просту сказать, черезъ пень колоду валить, т. е. исполнять только что̀ велятъ, а самому не умничать и не выслуживаться. Но жребій моимъ хотѣніямъ всегда былъ противенъ. Первое, что я, какъ поручено мнѣ было написать указъ о возвращеніи на Вислу графа Чернышева съ его корпусомъ, положилъ оное на попеченіе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Знавши, сколько встрѣтитъ графъ Чернышевъ трудностей, а особливо въ тогдашнее время и чего ему недостаетъ и что̀ надобно, упомянулъ я о томъ слегка въ указѣ въ Коллегію, прибавя, чтобъ оная обще съ Сенатомъ распорядила походъ и пропитаніе сего корпуса. Но въ сихъ обоихъ мѣстахъ, по многой перепискѣ, больше не сдѣлано, какъ посланъ указъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову, чтобы онъ по своему разсмотрѣнію все то распредѣлилъ; а онъ отъ себя отписалъ графу Чернышеву, чтобъ онъ поступалъ въ томъ по его лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію. Увидя толь облегчительное въ дѣлахъ теченіе, признаваюсь, что я обезпамятѣлъ и въ бѣшенствѣ многихъ спрашивалъ, не всѣ ли дѣла такъ дѣлаются, и сатиру изъ того распространялъ далѣе, сказывая, что Коллегія и графъ Чернышевъ прикажутъ генералу квартирмейстеру, тотъ своимъ подчиненнымъ, и такъ дѣло дойдетъ кончать ефрейторамъ. Вотъ что принудило меня прямо за дѣло приняться; и сдѣлано, что графъ Чернышевъ по моему рас-

---

[2]) Въ придворной церкви манифестъ этотъ былъ читанъ Волковымъ (какъ секретаремъ Конференціи) передъ присягою первыхъ чиновъ государства.

[3]) Въ описаніи болѣзни и кончины Елисаветы Петровны сказано: «Во все время трудной ея величества болѣзни государь великій князь, нынѣ славно и благополучно государствующій императоръ и государыня великая княгиня, нынѣ *государыня императрица*, были неотступно при ея величествѣ».

[4]) Реляція о взятіи у Прусаковъ важной крѣпости Кольберга появилась въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ передъ самою кончиною Елисаветы, конечно къ огорченію Петра Ѳедоровича.

поряженію, ничего не претерпѣвъ, возвратился [5]). Другое дѣло, но въ тоже время сдѣлалъ я послѣднее, изъ усердія къ Отечеству. Князь Михаилѣ Никитичу Волконскому предложилъ принцъ Бевернскій перемиріе, а онъ безъ указу на то не поступалъ; за то тотчасъ пожалованъ былъ въ дураки и въ злонамѣренные. Но я, не устрашася его оправданія, сочинилъ ему въ отвѣтъ такія кондиціи перемирія, кои предъ всѣмъ свѣтомъ къ чести нашего государства и оружія служатъ, и коимъ не только дивились многіе, что я смѣлъ положить толь строгіе законы королю Прусскому, но между другими, помню я, сказалъ мнѣ князь Никита Юрьевичъ [6]), что онъ мнѣ за то статую поставилъ бы. Но признаться надобно, что въ то время еще не весьма трудно было служить Отечеству и исполнять свою присягу: тогда не было еще здѣсь Гольца и Штебена и не возвратилось еще громкое наше посольство изъ Бреславля [7]). Пріѣздъ сихъ людей скоро далъ другую форму и дѣламъ, и моему состоянію. Штебенъ явился на меня доносителемъ въ тайныхъ съ графомъ Мерсіемъ [8]) свиданіяхъ, и король Прусскій изъ особливой ко мнѣ атенціи прислалъ перехваченное будто бы Бретелево [9]) письмо, въ коемъ изъ всей силы превозносятъ мои таланты и усердіе. Потому взятъ я былъ въ допросъ какъ злодѣй, но допрашиванъ такъ, что обвинители мои были отъ меня скрыты. Въ отвѣтѣ моемъ теперь нужды нѣтъ, однакожь былъ онъ слѣдующій, что я ни съ Мерсіемъ и ни съ кѣмъ изъ иностранныхъ тогда не видался и не говорилъ, и присылки ко мнѣ ни отъ кого не было; что они, привыкнувъ въ прежнее время меня почитать, конечно и не осмѣлятся ко мнѣ подсылокъ дѣлать; что при покойной Государынѣ представлено мнѣ было позволительнымъ образомъ отъ Франціи денежное награжденіе, а отъ Вѣнскаго двора гершавство въ Германіи, но я и то и другое съ презрѣніемъ отвергнулъ и ея апробацію получилъ; что, буде нынѣ обнесенъ я съ Прусской и Аглинской стороны, то сіе меня такъ ласкаетъ, что нетокмо въ ихъ обвиненіяхъ соглашуся, но самъ на себя взведу что похотятъ; что и ненадобно мнѣ лучшаго свидѣтельства въ моемъ усердіи къ Отечеству, какъ гоненіе непріятелей Имперіи; что я и заслужилъ оное (прибавя съ похвалою или хвастовствомъ) что остатокъ послѣдней кампаніи и взятіе Кольберга одному мнѣ принадлежатъ. Бывшій императоръ самъ меня не спрашивалъ, и только Левъ Александровичъ [10]) и Алексѣй Петровичъ [11]) успокоивали меня обнадеживаніями, что когда миръ совершится, то и опасность моя минуется, давая мнѣ чувствовать, что я не долженъ ничего упоминать противъ желаній короля Прусскаго.

Бывшій императоръ... велѣлъ Гольцу [12]), чтобъ присланный къ нему отъ короля мирный проэктъ онъ мнѣ подалъ и самъ часъ къ тому назначилъ, сказавъ мнѣ, чтобъ я его дожидался. Г-нъ Гольцъ, знавши, что я живу во дворцѣ, поѣхалъ въ Семеновскій полкъ къ Андрею Анд-

[5]) Этимъ разсказомъ объ услугѣ графу Захару Чернышеву (нѣкогда столь близкому къ Екатеринѣ) Волковъ также могъ разсчитывать на то, чтобы обѣлить себя въ мнѣніи новой Государыни; но она помнила его бѣгство изъ Коллегіи Ин. Дѣлъ (1754) и никогда потомъ не приблизила его къ себѣ (см. Архивъ Князя Воронцова, кн. 2-я, стр. 630 и Р. Архивъ 1870, стр. 546). — [6]) Трубецкой. — [7]) Т. е. А. В. Гудовича. — [8]) Австрійскимъ посломъ. — [9]) Бретель — Французскій повѣренный въ дѣлахъ.

[10]) Нарышкинъ. — [11]) Мельгуновъ. — [12]) Прусскому посланнику.

реевичу Волкову и, не заставъ его дома, тотчасъ отрепортовалъ, что меня нигдѣ найтить не могъ. Тутъ мой арестъ и совершенное несчастіе были рѣшены, но чудеснымъ образомъ весь тотъ день прокурилъ у меня табакъ баронъ Унгарнъ [13]); и такъ онъ меня оправдалъ, а дѣло оборотилось въ шутку надъ Андреемъ Андреевичемъ.

Я, съ моей стороны, видѣвъ, что война съ Даніею всегда была рѣшенымъ дѣломъ и противное тому упоминаніе моглобъ стоить жизни, устремлялся къ тому: 1) чтобъ сію войну самыми къ ней приготовленіями сколько можно вдаль протягивать; 2) между тѣмъ и Пруссію и Померанію за нами удерживать и оными пользоваться; 3) смотрѣть, не будетъ ли способа, хотя похлебствуя королю Прусскому, вмѣшаться въ примиреніе Европы, и тѣмъ не такъ вѣчный свой стыдъ загладить, какъ паче обнадежиться, что по замиреніи Европы лучшій нашъ другъ и государь король Прусскій самъ не допуститъ насъ начать войну съ Даніею. Сего ради, пользуясь претекстомъ Датской войны, толковалъ я непремѣнно, что пока наша армія останется внѣ границъ, намъ никакъ невозможно возвратить его Прусскому величеству завоеванныя у него земли. И тѣмъ до того доведено было, что велѣно мнѣ обще съ тайнымъ совѣтникомъ Вольфомъ сдѣлать контра-проэктъ. Черное сочиненіе найдется всемѣрно въ моихъ бумагахъ. Не совсѣмъ оно согласно съ моимъ желаніемъ; но кто зналъ тогдашнее время, стремительныя желанія бывшаго императора и мое состояніе, тотъ удивится и едвали повѣритъ, чтобъ я смѣлъ столь много стоять за интересъ и славу Отечества, а тому еще болѣе, что когда я съ чернымъ пришелъ, а тутъ были принцъ Георгій и баронъ Гольцъ, то г. Вольфъ, обробѣвъ и солгавъ своему слову, отперся отъ того, что онъ со мною согласенъ, сказавъ мнѣ въ пагубную похвалу, что онъ не успѣлъ въ окошко взглянуть, какъ у меня уже все готово было; я же противу того довольно имѣлъ не смѣлости, но вѣрно истиннаго усердія вооружиться не токмо противъ принца Георгія и барона Гольца, но и противъ самаго бывшаго императора, такъ что наконецъ первые молчать, а онъ мое сочиненіе апробовать принуждены были. Такой негаціаторъ не по вкусу былъ барона Гольца; потому онъ, выпрося съ моего проэкта копію, чтобъ его лучше высмотрѣть, сочинилъ новый проэктъ по своему, и не знаю, казавъ или не казавъ императору, отослалъ при письмѣ, сказываютъ, своемъ къ его сіятельству канцлеру съ тѣмъ, чтобъ по тому инструменты заготовлены были, что и исполнено безъ моего уже содѣйствованія. Мнѣ только то остается на утѣшеніе, что не по первому Прусскому проэкту сей миръ заключенъ; инакожь мы, къ бо́льшему еще стыду и безславію, были бъ со Шведомъ однимъ гребнемъ чесаны: ибо послѣ изъ Шведскаго мира я усмотрѣлъ съ ужасомъ, что его Прусское величество циркулярнымъ проэктомъ трактата Швецію и насъ потчивалъ: такъ велико было его высокомѣріе и такова истинная дружба къ подвластному ему императору. Но не прошло мнѣ и то даромъ. Принцъ Георгій озлобился на меня столько же, какъ Гольцъ буде не больше, будучи подущаемъ и съ другой стороны Хорватими и Глѣбовыми, и до того дошелъ, что девятаго Іюня, будучи пьянъ, обвинялъ

[13]) Одинъ изъ любимцевъ Петра III-го.

меня ненавистью къ Нѣмцамъ, угражливая доказать мнѣ, какъ дважды два четыре, что я тотъ человѣкъ, который составилъ проэктъ выгнать изъ Россіи всѣхъ Нѣмцевъ, и сему странному происшествію и моей на весь день горести былъ весь дворъ свидѣтель.

Бывшій императоръ, по домогательству принца Георгія и барона Гольца, приказалъ канцлеру отправить въ Константинополь къ Обрѣзкову указъ и велѣть, чтобъ онъ старался Турковъ поднять противъ Вѣнскаго двора и объявилъ бы, что наши съ онымъ обязательства разорваны. Но коль скоро принесли ко мнѣ изъ Коллегіи протоколъ для подписанія, я не только въ Коллегію мнѣніе противъ того письменно послалъ, но осмѣлился самому бывшему императору сдѣлать представленіе и столько одержалъ, что не велѣли уже Обрѣзкову самому вызываться, но развѣ Турки спросятъ, будемъ ли мы Вѣнскому двору помогать, то отвѣтствовалъ бы онъ собою, что, послѣ толь тягостной войны, конечно не поступимъ мы на новую.

2.

11 Іюля (1762)

Съ неизобразимымъ слышу теперь ужасомъ, якобы бывшій императоръ публично меня благодарилъ, что я ему, какъ великому князю, всѣ дѣла изъ Конференціи сообщалъ. Толь великой лжи мнѣ еще не случилось слышать ни объ комъ. Сверхъ того, что я непоколебимо вѣренъ и усерденъ былъ покойной Государынѣ Императрицѣ даже и по кончинѣ ея, и сверхъ того, что внутреннее чувствовалъ всегда удовольствіе низложить силу и гордость короля Прусскаго, да тѣмъ еще больше, что, безъ хвастовства сказать, непослѣднимъ бы я въ томъ былъ и орудіемъ, по признанію всего свѣдущаго свѣта,—я довольно наслышался еще отъ графа Алексѣя Петровича Бестужева о качествахъ тогдашняго великаго князя, когда мы съ нимъ вмѣстѣ оплакивали будущее состояніе Россіи подъ владѣніемъ сего принца. Потому, еслибъ я предатель былъ Отечества и измѣнникъ собственнаго своего честолюбія, то напротиву того оставалось еще у меня довольно разума. Я же привыкъ быть добрымъ и послушнымъ рабомъ. Покойной Государынѣ Императрицѣ служилъ сколько по долгу, вдвое того по склонности и усердію и не только до послѣдняго момента ея жизни, но и потомъ никакимъ образомъ не искалъ наградить для себя сей утраты, хотя великолѣпные и выше моихъ силъ и состоянія предъ собою примѣры видѣлъ. Къ бывшему императору не находилъ я въ себѣ ни мало той же склонности, но и должность одна довольна была сдѣлать изъ меня добраго раба. Весь дворъ мнѣ будетъ свидѣтель, что я тщательно избѣгалъ его присутствія и, имѣя единожды на всегда приказаніе, никогда однакожь не пришелъ ни къ обѣду, ни къ ужину, когда особливо призванъ не былъ: такъ несносно мнѣ было все поведеніе его и разговоры. По счастію моему, на послѣднее время гналъ онъ меня прочь и съ дѣлами, такъ что ни одну реляцію не токмо министерскія, но ниже нужныя ему отъ графа Румянцова не слушивалъ, и послѣднія о войнѣ съ Даніею резолюціи приняты были на парадномъ плацу, по словеснымъ репортамъ господина Цейса. Болѣе того, я искренно говаривалъ передъ многими, что король Прусскій конечно почитаетъ насъ за малолѣтныхъ ребятъ или крайнихъ дураковъ, которыхъ надобно еще сѣчь

розгами. Потому не знаю я, откуда пагубная мнѣ басня сплелася. Случилось подлинно нѣчто тому подобное, но совсѣмъ въ другомъ разумѣ. Живучи уже въ каменномъ зимнемъ домѣ, не помню въ который день, послѣ ужина и куренья табаку, разсердился онъ на канцлера, называя его Французомъ и попрекалъ его племянницѣ, а потомъ распространилъ рѣчь на Конференцію, браня оную еще болѣе и, указавъ на меня, сказалъ: „А сего каналью часто хотѣлъ я заколоть, но по счастію всѣ имъ писанные генераламъ указы не имѣли своего дѣйства: такъ хорошо исправлялъ я здѣсь дѣла его величества короля; да они и теперь еще въ моихъ рукахъ". Еще случалось многократно, что императоръ бывшій, за столомъ или и безъ того на людствѣ, разсказывалъ, какъ онъ, присутствуя въ Конференціи, не измѣнилъ своему королю и не убоялся покойной Государыни, но предъ нею въ глазахъ защищалъ его интересъ какъ честный человѣкъ, и ссылался въ томъ на меня; а Нарцысъ [14]) прибавлялъ огорченіе, что злые люди выгнали его изъ Конференціи. Если не отсюду взята сплетенная на меня исторія, то она принадлежитъ счастливому моему жребію. Французскіе здѣсь министры въ самомъ началѣ обвиняли меня тѣмъ, что я Бестужевскаго духа, и Бретель въ глаза мнѣ сказалъ, que moi, étant élève du Bestoucheff, je ne devais point être surpris, si on cherche à me connaître avant que de m'accorder quelque confiance [15]). И тогда уже ласкать они меня начали, когда меня погубить не могли. Еще при покойной Государынѣ часто спасаемы были командиры нашей арміи отъ строгихъ моихъ взысканій тѣмъ однимъ, будто я много за Австрійцевъ стою. Потомъ Пруссаки искали доказать, что я Вѣнскому двору преданъ душой. Теперь обстоятельства перемѣнились, и моимъ непріятелямъ вдругъ надобно, чтобъ я преданный былъ другъ королю Прусскому, но не на нынѣшнее время, но когда дѣйствительно войну пуссировалъ всею силою, а при томъ и Австрійцамъ ни въ какой піесѣ моего сочиненія ни однимъ словомъ долженъ не остался. Въ первой нашей контръ-декларацiи о предложенномъ отъ Франціи въ началѣ прошлаго году досталось отъ меня всѣмъ сестрамъ по серьгамъ; но и сія многимъ не вкусная піеса признана была за совершенную въ своемъ родѣ и произвела бы полное свое дѣйство, еслибъ мы на словахъ такъ тверды были, какъ на письмѣ.

(Сообщено С. М. Соловьевымъ).

14) Шутъ Петра III-го.

15) Такъ какъ я ученикъ Бестужева, то не долженъ удивляться, коль скоро хотятъ сначала меня испытать, прежде чѣмъ оказывать мнѣ какую либо довѣренность.

ОДНО ИЗЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ ПЕТРА ТРЕТЬЯГО.

I.

Въ коммисію господина генералъ-маіора и оберъ-штеръ-кригсъ-комисара Мерлина отъ надворнаго совѣтника Савы Тетюшева.

Покорнѣйшее доношеніе.

По именному указу покойнаго бывшаго императора Петра Третьяго, до вступленія онаго еще на Всероссійскій престолъ, поручена мнѣ именованному коммисія, для комнаты *) и Голштинскихъ корпусовъ: суконъ, шелковыхъ матерій, газовъ и пуанде-

*) Т. е. для личнаго употребленія великаго князя и великой княгини. *П. Б.*

шпановъ *) потребное число купить,— коихъ для покупки съ даннымъ мнѣ повелѣніемъ, за собственноручнымъ подписаніемъ и Иностранной Коллегіи паспортами, въ прошломъ 1761-мъ году Іюня 2-го дня, съ двумя посланными со мной однимъ гвардіи Преображенскаго полка солдатомъ, да Голштинскихъ корпусовъ кадетомъ и отправленъ былъ отъ него въ Польшу. А оттоль возвратясь, тогожь года въ Августѣ мѣсяцѣ, вторично отправленъ былъ во Гданскъ, на всемъ своемъ и съ посланными въ проѣздахъ путевомъ содержаніи, гдѣ будучи тѣхъ вещей повелѣнное число, по даннымъ мнѣ образцамъ, на собственныя свои и въ упованіи монаршего милосердія, на пять тысячъ рублевъ и на заемныя деньги, купилъ. Изъ которыхъ привезши въ С. Петербургъ, въ томъ жъ 1761-мъ и 1762--мъ годахъ, по именномужъ повелѣнію, въ бывшую домовую контору и Голштинскія команды немалое число отдалъ и въ отдачѣ тѣхъ вещей имѣю квитанціи, за которыя со всѣми расходы и за капиталъ мой именованнаго прибылью отъ покойнаго императора Голштинскому оберъ-кригсъ-коммисару Цейцу и генералъ-аудитору Зелингорсту и деньги мнѣ именованному тогожь 1762 года выдать повелѣно было. Токмо я за тѣ отданныя вещи, кромѣ взятыхъ подъ особливыя росписки отъ гардеробмейстера Петра Евреинова тысячи четырехъ сотъ, да отъ генералъ-аудитора Зелингорста Голштинскаго тысячу, итого двухъ тысячъ четырехъ сотъ рублевъ, денегъ получить не успѣлъ. Сколькожъ тѣхъ вещей отдано и кому именно и за тѣмъ что̀ не принято отъ меня и по какимъ тѣ покупныя вещи истиннымъ цѣнамъ безъ всякой за вложенный капиталъ мой прибыли и что́ путевыхъ расходовъ издержано, такожь сколько и за неплатежъ вышепоказаннаго на мнѣ пяти тысячъ рублевъ долгу (кромѣ безвиннаго съ меня рекамбіи и процентовъ требованія Лугининымъ) подлежитъ процентовъ заплатить, о всемъ томъ обстоятельный при семъ подношу счетъ и если оставшія отъ меня вещи въ казну приняты не будутъ, то, дабы я вящаго убытка не понесъ, оныя прошу дозволить мнѣ продать; а въ невозможномъ случаѣ тѣхъ вещей продажею пропустить за море безпошлинно, которыхъ я безъ указу собою въ продажу употребить не смѣю.

Того ради о принятіи оставшихъ отъ меня вещей и о выдачѣ за оныя и принятыя по квитанціямъ всѣхъ тѣхъ съ убытками (по поднесенному при семъ за уплатою счету) денегъ и къ тому съ приложеніемъ за содержащійся въ казнѣ съ 1761 года съ Іюня мѣсяца за собственный капиталъ мой прибылью, изъ высочайшаго ея императорскаго величества милосердія прошу, сколько оныхъ ея императорское величество выдать указать соизволитъ: ибо я, всеподданнѣйшій ея императорскаго величества рабъ, для пропитанія моего, кромѣ что какъ отъ имѣющихся въ казнѣ собственныхъ моихъ денегъ, никакой прибыли и деревень за собою ничего не имѣю и никакого жалованья не получаю, а данное мнѣ за собственноручнымъ подписаніемъ покойнаго бывшаго императора повелѣніе и Иностранной Коллегіи два паспорта и квитанціи, для вѣроятнаго усмотрѣнія, прилагаю при семъ.

(Изъ приложеннаго счета видно, что Тетюшовъ издержалъ 18.533 р. 20 к.)

*) Кружева—point d'Espagne. *П. Б.*

II.

Божіею милостію мы Петръ, великій князь Всероссійской, наслѣдникъ Норвежской, герцогъ Шлезвигъ-Голштинской, Штормарійской и Дитмарской, графъ Альденбургской и Дельменгорской.

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ, что показатели сего, находящійся въ Шлезвигъ-Голштинской службѣ военной факторъ Сава Тетушеновъ, да Ферстерскаго пѣхотнаго полка кадетъ Романъ Новиковской, отправлены въ Москву, Кіевъ, Бреславъ, Данцигъ и въ прочіе другіе торговые города; въ томъ мы онымъ, для такой потребности, паспортъ даемъ.

Того ради всемилостивѣйше повелѣваемъ, дабы онаго военнаго фактора Тетушенова и кадета Новиковскаго, съ однимъ служителемъ и при нихъ имѣющихся вещами, не токмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе показывать велѣли.

Во свидѣтельство онаго нашею собственною рукою подписуемъ, съ приложеніемъ нашей великокняжеской печати. Въ Раненбовѣ., 2 Іюня 1762 *) года.

Подлинной подписанъ такъ: „Петръ, великій князь".

Съ подлиннаго переводилъ прапорщикъ Николай Бухвостовъ.

(Выписано изъ дѣлъ Приказной Эксп. оп. 50, св. 202, № 22).

(*Сообщено Г. Н. Александровымъ.*)

ЛОРДЪ МАЛЬМСБЮРИ (ГАРРИСЪ) О РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II-Й *).

1780-Й ГОДЪ.

1.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 15-го Февраля 1780.

Въ тотъ же день, какъ я имѣлъ честь получить ваши письма, я отправился къ князю Потемкину; и такъ какъ я весьма усердно поддерживаю дружбу съ нимъ и, посылая ко мнѣ слугу своего, онъ всегда нетерпѣливо ждетъ возвращенія его: то я былъ счастливъ при мысли, что могу предложить и заключить планъ союза, столь совпадающій съ нашими общими мыслями. Я долженъ отдать ему справедливость: при моемъ сообщеніи, которому я старался придать тонъ самой безграничной довѣренности, онъ выразилъ искреннее удовлетвореніе. Онъ заставилъ меня повторить мои предложенія. Въ этомъ первомъ разговорѣ съ нимъ я ограничивалъ ихъ только предложеніемъ союза и просьбою о немедленной помощи. Онъ сказалъ, что самъ онъ вполнѣ одобряетъ эту мѣру, однако опасается, что она нелегко будетъ принята императрицей, въ которой страхъ новой войны пересиливаетъ даже ея жажду къ славѣ; и хотя ея предпочтеніе къ намъ совершенно искренно, но графъ Панинъ и чужіе эмиссары, пользующіеся лично меньшимъ вліяніемъ, однако равно способные вредить намъ, постараются поддержать въ ней это настроеніе злонамѣ-

*) Описка переводчика, вмѣсто 1761. По замѣчанію Г. Н. Александрова, Петръ III-й, вступивъ на престолъ, сталъ подписываться (можетъ быть въ подражаніе своему дѣду) *Peter*, и такія же подписи находятся и на подлинныхъ манифестахъ Пугачева. *П. Б.*

*) См. I-ю книгу Русскаго Архива сего года, стр. 1465 и выше стр. 143.

ренными представленіями и ложью, особенно разсчитанной, чтобы задѣть ея самолюбіе. Онъ прибавилъ, что императрица такъ воспріимчива на этотъ счетъ, что потребуется величайшее умѣнье и осторожность, дабы уничтожить въ умѣ ея слѣды этихъ происковъ. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ мнѣ, не теряя времени, обратиться къ графу Панину (съ которымъ было въ высочайшей степени важно поддержать, хотя бы для виду, хорошія отношенія), говоря, что съ моей стороны необходимо передать ему изъ моего плана ровно столько, сколько нужно для того, чтобы слова мои имѣли видъ полной откровенности и черезъ то не осталось бы въ умѣ его ни малѣйшаго подозрѣнія, что я что-нибудь отъ него скрываю.

Графъ Панинъ, чувствуя первые признаки болѣзни, которая уже принимала для него опасный оборотъ, не могъ видѣть меня въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣ этого разговора. По обыкновенію онъ былъ очень щедръ на увѣренія въ уваженіи и просилъ меня выразиться полнѣе. Такъ какъ бумага, подъ буквою А [1]), содержитъ точно то, что́ я сказалъ, то считаю лишнимъ повторять вамъ ее, милордъ. Графъ Панинъ по болѣзни еще не выходитъ изъ дома, и потому не имѣетъ случая видѣть императрицу. Вслѣдствіе этого обстоятельства, онъ просилъ меня изложить письменно все, мною сказанное, и на это я весьма охотно согласился, ибо это былъ вѣрный путь довести до императрицы дѣло безъ всякаго измѣненія.

Вслѣдствіе довольно исправныхъ и точныхъ свѣдѣній, которыя мнѣ удается получать обо всемъ, происходящемъ въ его вѣдомствѣ, я узналъ, что въ этомъ случаѣ онъ оказалъ дѣятельность необыкновенную; что онъ на слѣдующій же день не только переслалъ мое письмо императрицѣ, но и присоединилъ къ нему отвѣтъ, который просилъ ея императорское величество подписать. Этотъ отвѣтъ былъ до того противоположенъ главному предмету моихъ инструкцій и заключалъ такой полный отказъ на все, о чемъ я просилъ, что я, не теряя ни минуты, вернулся къ князю Потемкину (до котораго мнѣ было легко дойти, такъ какъ онъ постоянно принимаетъ меня безъ церемоніи). Онъ тотчасъ угадалъ причину моего посѣщенія, сказавъ, что видѣлъ странное доказательство того, что̀ онъ называетъ политическими вѣрованіями Панина и его слабоуміемъ; и что, хотя самъ онъ вполнѣ осуждаетъ его, однако, бумага эта все еще находится на столѣ императрицы, и потому онъ сомнѣвается на счетъ того, не согласится ли она наконецъ признать эти мысли за свои собственныя. Я спросилъ съ большой поспѣшностью и немалымъ безпокойствомъ, что́ могло произвести такой странный переворотъ. „Вы выбрали несчастную минуту", отвѣчалъ онъ. „Новый любимецъ опасно боленъ; причина его болѣзни и сомнительность его выздоровленія до такой степени встревожили императрицу, что она неспособна ни на какое размышленіе, и всѣ мысли честолюбія, славы и достоинства поглощены этой единственной страстью. Утомленная моральнымъ напряженіемъ, она чувствуетъ отвращеніе ото всего, что̀ побуждаетъ къ дѣятельности. Ваши противники умѣютъ отлично пользоваться этимъ случаемъ, и графъ Панинъ, имѣющій безчисленныхъ агентовъ при Дворѣ, выбирая время для своихъ совѣтовъ, обнаруживаетъ больше ловкости, чѣмъ выпадаетъ на его долю въ другихъ отношеніяхъ. Мое вліяніе, прибавилъ онъ, совершенно прекратилось, особенно потому, что я взялъ на себя посовѣтовать ей отдѣлаться отъ любимца, который, въ томъ случаѣ, если умретъ въ ея дворцѣ, нанесетъ тѣмъ сильный ударъ ея репутаціи".

---

[1]) Въ этой бумагѣ отъ 26-го Ноября Джемъ Гаррисъ, доказавъ тождество интересовъ Англіи и Россіи, уговариваетъ графа Панина положить конецъ войнѣ посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства, за которымъ послѣдуетъ союзъ между обѣими державами безъ всякаго ограниченія. Въ тоже время онъ говоритъ: «Наша первая цѣль это миръ; мы предпочитаемъ его на подобающихъ условіяхъ войнѣ самой славной; но, напротивъ, готовы скорѣе истощить послѣднія средства, чѣмъ принять его на условіяхъ унизительныхъ».

На это я осмѣлился ему замѣтить, что, допуская перевѣсъ такихъ слабыхъ и полныхъ предубѣжденія намѣреній, онъ тѣмъ уронитъ свое достоинство въ глазахъ Европы и какъ будто оправдаетъ мнѣніе, поддерживаемое Панинымъ на счетъ того, что никто, кромѣ Панина, не имѣетъ вліянія на императрицу при рѣшеніи важныхъ вопросовъ и что всѣ другія приближенныя къ ней лица пользуются только внѣшними знаками милости, не имѣя ни власти, ни значенія. Основываясь на этомъ, я уговаривалъ его, изъ уваженія къ собственной репутаціи и вслѣдствіе того благороднаго честолюбія, которое (какъ я льстилъ себя) владѣло имъ, не оставаться безучастнымъ въ подобную минуту испытанія.

Князь воспламенился моими словами и увѣрялъ меня въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, что не заснетъ, прежде чѣмъ не сдѣлаетъ попытки, которая докажетъ, есть ли въ имперіи вліяніе сильнѣе его. Однако, прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ мы съ нимъ увидѣлись. Графъ Панинъ опасно захворалъ, а состояніе Ланскаго еще ухудшилось. Я самъ начиналъ чувствовать первые признаки разлитія желчи, и при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ я имѣлъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ разговоровъ, а именно 13-го Декабря (1779).

Князь Потемкинъ нѣсколько разъ пробовалъ прерывать мою рѣчь, но я просилъ его выслушать меня. Когда я кончилъ, онъ сказалъ мнѣ: „Вы должны бы все это высказывать не мнѣ, а Панину; вы совершенно выражаете мои чувства, и хотя въ моей головѣ они еще не такъ выяснились, какъ у васъ, однако я уже старался употребить ихъ въ дѣло передъ императрицей. Она приказала мнѣ сказать вамъ, чтобы вы подали бумагу, заключающую всѣ ваши мысли и инструкціи, и я надѣюсь, что намъ удастся по крайней мѣрѣ смягчить отвѣтъ, приготовленный ею“. На слѣдующій день я подалъ ему бумагу, помѣченную буквой В [2]), а еще день спустя я захворалъ такъ сильно, что три недѣли не могъ выходить изъ дома. Однако я черезъ это ничего не потерялъ, такъ какъ, еслибы и былъ совершенно здоровъ, все равно не могъ бы подвинуться ни на одинъ шагъ. Вамъ, милордъ, извѣстны причины этого. Чтобы этимъ временемъ воспользоваться, мнѣ оставалось только одно средство: аккуратно сообщать князю Потемкину всѣ извѣстія, получаемыя мной изъ Англіи, что́ я и дѣлалъ по желанію императрицы; и кромѣ того, я писалъ Потемкину небольшія записки, имѣвшія цѣлью поддержать его благорасположеніе, которое я считалъ и до сихъ поръ продолжаю считать совершенно искреннимъ.

Тотчасъ по моемъ выздоровленіи (9-го Января) я, получивъ приглашеніе, отправился къ графу Панину, который все еще былъ заключенъ въ своей спальнѣ, такъ какъ здоровье его было сильно разстроено. Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ комплиментовъ на счетъ благопріятнаго оборота, принятаго нашими дѣлами, онъ сказалъ мнѣ, что имѣлъ нѣкоторое время въ рукахъ отвѣтъ ея императорскаго величества на письмо, написанное ему мною 26-го Ноября. Противъ обыкновенія, онъ прямо коснулся отказа, заключавшагося въ этомъ отвѣтѣ, не подходя къ нему съ длиннымъ разсужденіемъ насчетъ различныхъ причинъ, побудившихъ императрицу держаться такого образа дѣйствій; онъ также не вдавался въ обычныя увѣренія собственнаго высокаго уваженія и искренняго расположенія къ Англійскому народу; онъ просто сказалъ, что то, что̀ онъ мнѣ прочтетъ, будутъ собственныя слова императрицы, неизмѣненныя имъ, и что для бо̀льшей вѣрности онъ желаетъ, чтобы я ихъ переписалъ. Я сталъ искать пер-

[2]) Это прекрасно обдуманная и составленная бумага, въ которой перечисляются многіе случаи зависти, выказанной Франціей со времени царствованія Людовика XIV относительно усиливающагося значенія Россіи; и въ противоположность этому, а особенно враждебному поведенію Версальскаго Двора во время послѣдней Турецкой войны, указывается на дружественныя дѣйствія Англіи за это время. Все это написано съ отличнымъ знаніемъ исторіи и личнаго характера императрицы.

ваго удобнаго случая увидѣться съ Потемкинымъ; но, вслѣдствіе его нездоровья, долженъ былъ отложить это до 18-го Января; тогда онъ принялъ меня, еще въ постели. Онъ нѣсколько разъ перечиталъ бумагу, продиктованную мнѣ графомъ Панинымъ и, отдавая ее мнѣ, сказалъ: „Таковъ всегда будетъ языкъ „этого лѣниваго и апатичнаго министра: холодныя увѣренія въ дружбѣ, неправильная „логика и узкіе виды. Могу васъ увѣрить, прибавилъ онъ, „что чувства императрицы „весьма худо переданы, и изо всего извлеченія я узнаю только послѣдній пунктъ, который бы она могла признать своимъ собственнымъ. Правда, вслѣдствіе опасливости, противоположной общимъ чертамъ ея характера „и происходящей отъ минутнаго впечатлѣнія, „она отклоняетъ ваши предложенія; но сама „она никогда бы не сдѣлала этого въ такомъ „холодномъ и сдержанномъ тонѣ".

Я отвѣчалъ ему, что, каково бы ни было мое личное мнѣніе, однако въ министерскихъ моихъ представленіяхъ мнѣ было невозможно передать что̀ бы то ни было, исходящее отъ графа Панина, иначе, какъ за настоящее и достовѣрное рѣшеніе его Двора; что, вслѣдствіе занимаемой имъ должности, онъ есть лицо, съ которымъ мнѣ слѣдовало сноситься, и что при исполненіи оффиціальныхъ моихъ обязанностей я долженъ былъ соображаться со всѣмъ, имъ сказаннымъ; поэтому мнѣ было особенно непріятно находиться въ необходимости, въ отвѣтъ на самыя искреннія и конфиденціальныя наши предложенія, передавать возраженія, до того несогласныя съ настоящими желаніями моего Двора и подающія ему въ тоже время такъ мало надеждъ на возможность союза въ будущемъ. Затѣмъ я просилъ его обратиться мысленно къ этому будущему и разсудить, принимая во вниманіе измѣнчивость судебъ человѣческихъ, не можетъ ли случиться, что положеніе обѣихъ націй очутится въ обратномъ отношеніи и что Россія увидитъ себя въ необходимости просить помощи и услугъ Англіи, вслѣдствіе столь же сильныхъ побужденій, какъ тѣ, которыя заставляютъ теперь Англію обращаться къ ней? и т. д.

Далѣе я высказалъ убѣжденіе, что, если за эти послѣднія десять лѣтъ всякія предложенія насчетъ союза были отвергаемы, то потому только, что мы никогда не доходили до полнаго пониманія другъ друга; что наши искреннія и чистосердечныя предложенія были постоянно искажаемы, прежде чѣмъ достигнуть до императрицы и т. д. Князь Потемкинъ отвѣчалъ, что вліяніе короля Прусскаго упадаетъ: императрица утомлена его надоѣдливостью; лесть его сдѣлалась ей противна; особенно же ей непріятно видѣть то вниманіе, съ которымъ онъ относится къ великому князю. Но не легко уничтожить слѣды вліянія, такъ долго бывшаго въ полной силѣ. „Вы должны быть терпѣливы; повѣрьте мнѣ, „случай поможетъ вамъ больше, чѣмъ все ваше краснорѣчіе. Пользуйтесь обстоятельствами по мѣрѣ того, какъ они появляются, „и будьте увѣрены, что какъ только вамъ „удастся представить ей правдоподобный и „благовидный предлогъ, ея императорское величество возмется за ваше дѣло съ величайшей готовностью". Я отвѣчалъ ему, что, по моему мнѣнію, настоящая минута не только представляла прекрасный предлогъ, но даже въ нѣкоторомъ смыслѣ налагала на ея императорское величество обязанность принять дѣятельное участіе въ нашихъ дѣлахъ: очевидно, что рѣшеніе интересовъ всей Европы черезъ окончаніе войны зависѣло отъ вмѣшательства императрицы. Отказываясь же отъ него, она не только лишала себя большой славы, но въ нѣкоторомъ отношеніи становилась отвѣтственнымъ лицомъ за безпорядки, которые могутъ произойти при дальнѣйшемъ ходѣ войны, такъ какъ всякое здравое и безпристрастное сужденіе не могло не сознать, что вслѣдъ за столь сильнымъ вмѣшательствомъ немедленно бы явилось прекращеніе, а не продолженіе враждебныхъ дѣйствій и т. д. Князь Потемкинъ не только не разсердился за свободу, съ которой я говорилъ, но вполнѣ одобрилъ все, мною сказанное, и просилъ

меня тотчасъ же изложить все письменно, въ увѣренности, что это произведетъ благопріятное впечатлѣніе и раздуетъ тѣ искры честолюбія и расположенія къ намъ, которыя снова начинаютъ показываться. Поэтому я на слѣдующій же день передалъ ему бумагу Д [3]). И такъ какъ въ это время я весьма кстати узналъ о поведеніи его католическаго величества [4]), то упомянулъ объ немъ, какъ о доказательствѣ того, чего можно было ожидать отъ дома Бурбоновъ въ томъ случаѣ, если имъ достанется владычество на морѣ, о которомъ они хлопочутъ. Прочитавъ этотъ параграфъ, князь Потемкинъ сказалъ: „Par Dieu, „vous la tenez (вамъ, ей Богу, удастся). Императрица ненавидитъ инквизицію и никогда „не позволитъ, чтобы правила оной соблюдались на моряхъ. Если то, что вы говорите „подтвердится нашими письмами изъ Испаніи, „вы можете быть увѣрены, что мы недолго „останемся въ бездѣйствіи“ [5]).

Съ слѣдующей почтой явилось желаемое подтвержденіе, и нѣсколько дней спустя весьма сильный меморіалъ, означенный буквой Е, былъ представленъ на личное обсужденіе самой императрицы, и послѣдняя статья прибавлена по собственному ея приказанію. Этотъ меморіалъ былъ одновременно посланъ въ Мадридъ и врученъ Испанскому повѣренному въ дѣлахъ, который и отправилъ съ нимъ курьера 30-го Января.

Съ почтой 6-го Февраля пришли письма отъ Русскаго консула въ Кадиксѣ, сообщавшія, что Русскій корабль съ Русскимъ флагомъ, нагруженный рожью и направлявшійся въ Малагу, былъ остановленъ, конфискованъ, товаръ былъ проданъ съ аукціона, и съ членами экипажа обошлись весьма безчеловѣчно. Мнѣ было крайне пріятно узнать близь этого же времени, что этотъ самый корабль былъ осмотрѣнъ нашими крейсерами, но они обошлись съ нимъ очень вѣжливо и спокойно отпустили его, не найдя на немъ никакихъ запрещенныхъ товаровъ. Я уже собирался распространяться объ этомъ передъ Потемкинымъ, какъ онъ прислалъ за мной (въ прошлый вторникъ, 11-го Февраля) и сказалъ мнѣ съ шумной радостью, свойственной его характеру: „Поздравляю васъ отъ души: будутъ отда„ны приказанія на счетъ немедленнаго вооружения пятнадцати линейныхъ кораблей и пяти „фрегатовъ; они выступятъ въ море ранней „весной; и хотя будетъ считаться, что они „имѣютъ цѣлью защищать Русскую торговлю „противъ всѣхъ вообще, однако дѣйствительное ихъ назначеніе состоитъ въ наказаніи „Испанцевъ, дерзость и противозаконныя дѣйствія которыхъ императрица не можетъ болѣе переносить.“ Я сказалъ ему, что весьма благодаренъ за такое раннее и конфиденціальное сообщеніе, но, что, одобряя вполнѣ энергію и дѣятельность подобной мѣры, я не понимаю, въ какомъ отношеніи она можетъ быть выгодною для насъ. Онъ замѣтилъ: „Это произошло единственно вслѣдствіе того, что передано вами: графъ Панинъ скрылъ бы все это „отъ нея. Повѣрьте, что принятая подъ минутнымъ впечатлѣніемъ подобная мѣра, заявляющая силу, окажется дѣйствительнѣе всякой

---

[3]) Въ этой бумагѣ Д. Гаррисъ доказываетъ, что Франція, испытавъ за послѣдній годъ неуспѣхъ въ Америкѣ, вѣроятно, будетъ расположена выслушать представленія императрицы на счетъ мира, и тогда обрадуется случаю окончить войну съ достоинствомъ. Затѣмъ онъ старается доказать, что, если Америка и Франція одолѣютъ Англичанъ, послѣдняя станетъ получать отъ первой коноплю, смолу и лѣсъ, въ ущербъ Русской торговлѣ.

[4]) Мадридскій Дворъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ нейтральныя суда, намѣревавшіяся пуститься въ Средиземное море, были собраны въ Кадикской пристани, гдѣ предполагалось продать весь ихъ грузъ съ публичнаго торга, не только безъ согласія и участія ихъ владѣльцевъ, но даже безъ вѣдома ихъ консуловъ.

[5]) Бумага эта заключается такъ: «Повсюду раздавались жалобы противъ Великобританіи, и Дворы Мадридскій и Версальскій часто участвовали въ нихъ, доказывая, что эта держава нарушаетъ свободу торговли. Между тѣмъ Лондонскій Дворъ усердно старался объ удовлетвореніи нейтральныхъ негоціантовъ, товары которыхъ были забраны по ихъ собственной оцѣнкѣ и даже съ прибавленіемъ приличной выгоды. Если этотъ образъ дѣйствій заслужилъ справедливые упреки Европы, на сколько предосудительнѣе должны казаться въ глазахъ всѣхъ народовъ правила, принятыя въ настоящую минуту Испаніею?»

„деклараціи; она внѣ всякихъ попытокъ со „стороны вашихъ враговъ и, исходя прямо отъ „императрицы, она представляетъ имъ не„возможность къ сопротивленію. Вашъ народъ „можетъ считать свой флотъ усилившимся на „двадцать кораблей: потому что, хотя мы, мо„жетъ быть, и не будемъ дѣйствовать за од„но съ вами, во всякомъ случаѣ мы отвлечемъ „вниманіе такого же числа вашихъ враговъ."

Я все-таки повторилъ, что это не такъ благонадежно; словомъ, что это было не болѣе, какъ довершеніе той системы покровительства своей торговлѣ, о которой еще въ прошломъ году говорили три сѣверныя державы, а теперь, какъ видно, принялись за исполненіе этой мысли.

Князь Потемкинъ, почти выведенный изъ терпѣнія моими возраженіями и неподатливостью, съ которой я не допускалъ важной выгоды, вытекающей для насъ изъ этого распоряженія, сказалъ: „Я сейчасъ вернулся отъ „императрицы (сообщаю это вамъ по особому „ея приказанію); она велѣла мнѣ отъискать „васъ, не теряя времени; она сказала, что „знаетъ, что вамъ будетъ пріятно это услы„шать и, кромѣ меня самаго, вы въ настоя„щую минуту единственный человѣкъ, кому „извѣстно ея намѣреніе." Въ заключеніе онъ просилъ меня немедленно отправить курьера, выражая нетерпѣніе на счетъ того, чтобы это извѣстіе дошло въ Лондонъ. Я просилъ его выразить ея императорскому величеству всю мою благодарность за это новое доказательство ея доброты; сказалъ, что я передамъ его рѣчь отъ слова до слова, стараясь выразить, на сколько съумѣетъ мое перо, все удовольствіе, оказанное имъ при этомъ случаѣ. Я прибавилъ, что это обстоятельство радуетъ меня болѣе, чѣмъ само вооруженіе, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что, пока на нашей сторонѣ такой могущественный и способный другъ, столь близкій въ тоже время къ особѣ императрицы, мы можемъ надѣяться на полный успѣхъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ТОЙ ЖЕ ДЕПЕШѢ.

Петербургъ, 15-го Февраля 1780.

Искренность дружескихъ чувствъ императрицы къ королю и народу Великобританскому побуждаетъ ея императ. величество принимать съ признательностью всѣ конфиденціальныя заявленія, которыя угодно было его Британскому величеству сдѣлать ей на счетъ настоящаго положенія войны; но въ тоже время она крайне сожалѣетъ, что не можетъ согласить своего образа мыслей и своихъ желаній на счетъ скорѣйшаго заключенія мира съ заявленіями и предложеніями, высказанными намъ Лондонскимъ Дворомъ. Императрица любитъ миръ, она пламенно желаетъ, чтобы Великобританія насладилась имъ какъ можно скорѣе; однако ея императорское величество убѣждена, что мѣры, предлагаемыя нами для скорѣйшаго заключенія мира, безъ всякаго сомнѣнія, произведутъ дѣйствіе совершенно противоположное: такъ какъ предложеніе мира или переговоровъ не имѣетъ никакихъ соглашающихъ условій, а, напротивъ того, поддержанное демонстраціями, должно по необходимости привести къ результатамъ, прямо противоположнымъ чувству императрицы къ королю и его народу, и непремѣнно должно побудить враговъ Великобританіи къ продолженію на неопредѣленное время войны, въ которой бы принялъ участіе весь континентъ Европы.

Чтó же касается до предлагаемаго союзнаго трактата, императрица не сомнѣвается въ своемъ убѣжденіи, что отъ справедливаго взгляда короля, вѣроятно, не укроется то соображеніе, что время заключенія оборонительнаго союза по естеству своему не совпадаетъ съ дѣйствительной войной, особенно же съ войной настоящей, причина которой постоянно исключалась изъ сношеній между Россіей и Англіей, какъ вовсе не касающаяся ихъ взаимныхъ владѣній въ Европѣ.

Впрочемъ ея императорское величество самымъ сильнымъ образомъ увѣряетъ короля,

что всегда сохранитъ тѣже чувства къ нему и къ народу Великобританскому, и если Лондонскій Дворъ съумѣетъ отъискать условія, могущія послужить основаніемъ умиротворенія воюющихъ державъ, въ избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія, и при этомъ найдетъ вмѣшательство императрицы полезнымъ для интересовъ Великобританіи, ея императорское величество отзовется на это съ величайшей готовностью, усердіемъ и искренностью, какъ подобаетъ другу и естественной союзницѣ Великобританіи.

2.

Петербургъ, 26-го Февраля 1780.

Нѣсколько дней тому назадъ я ужиналъ вмѣстѣ съ императрицей въ самомъ небольшомъ обществѣ, у графа Строганова, гдѣ не было ни одного иностранца, и вообще присутствовали только тѣ лица, съ которыми императрица обращается совершенно интимно. Во время ужина она отвела меня въ сторону и, выразивъ сначала, до какой степени она считаетъ для себя лестными дружественныя выраженія, заключающіяся въ письмѣ его величества, она сказала мнѣ, что за послѣднее время я причинилъ ей немало безсонныхъ часовъ. „Vous m 'avez donné des insomnies: различныя бумаги, переданныя вами князю Потемкину, вмѣстѣ съ участіемъ, „которое я принимаю во всемъ касающемся „вашей страны, заставили меня перебрать въ „умѣ всякія средства, съ помощью которыхъ „я бы могла оказать вамъ содѣйствіе. Я готова на все, чтобы быть вамъ полезной, „только не рѣшусь принять участія въ войнѣ: за послѣдствія такого образа дѣйствій „мнѣ бы пришлось отвѣчать моимъ подданнымъ, моему наслѣднику и, можетъ быть, „цѣлой Европѣ.“ Я хотѣлъ попытаться ее увѣрить, что отъ исполненія моихъ предложеній не могло произойти ни одно изъ послѣдствій, которыхъ она опасалась; но она остановила меня слѣдующими словами: „Я уже „знаю все, чтó вы можете мнѣ сказать; все „это уже произвело на меня достаточное вліяніе; будь я помоложе, я, можетъ быть, была „бы менѣе благоразумна. Мои самыя пламенныя желанія имѣютъ цѣлью миръ; и вы можете увѣрить короля, вашего повелителя, „что, въ случаѣ, если я могу быть ему полезной при достиженіи столь желаемой цѣли, онъ „можетъ разсчитывать, что я стану дѣйствовать съ той долей безпристрастія, которую „допуститъ мое предпочтеніе къ народу, имъ „управляемому. Я сама (прибавила она) напишу къ его величеству въ такомъ тонѣ, и „вы получите мой отвѣтъ черезъ нѣсколько „дней“. Я охотно бы продолжалъ разговоръ на эту тему, но императрица дала ему другое направленіе и, хотя онъ продолжался еще съ часъ времени, не произошло ничего достойнаго замѣчанія, кромѣ слѣдующихъ ея словъ, сказанныхъ, впрочемъ, не мнѣ: „что она раздала бы денегъ Петербургскимъ нищимъ, если „бы Роднéю удалось побить Испанскій флотъ.“ И въ самомъ дѣлѣ, нетерпѣніе, съ которымъ она ожидаетъ извѣстій изъ Англіи, и ея удовольствіе, когда они оказываются для насъ благопріятными, не оставляютъ мнѣ сомнѣнія на счетъ того, что она сдержитъ слово.

3.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 27-го Февраля 1780.

Вчера вечеромъ императрица, едва войдя въ комнату, тотчасъ же обратилась ко мнѣ и сказала мнѣ шепотомъ: „Я сдѣлала больше, „чѣмъ обѣщала; кромѣ 1000 рублей, которые „раздамъ Петербургскимъ нищимъ, этотъ балъ „и увеселенія даются [6]) въ честь успѣха мистера Роднея. Подъ этой кровлей,“ прибавила она, „намекая на правила Эрмитажа, всегда „должны обитать откровенность и искренность.

---

[6]) Родней, по дорогѣ въ Вестъ-Индію, получилъ приказъ освободить Гибралтаръ, осажденный въ то время Испанцами. Онъ встрѣтилъ непріятельскій флотъ и сразился съ нимъ у мыса Св. Викентія. Изъ одиннадцати линейныхъ кораблей онъ забралъ и разбилъ шесть, и взялъ въ плѣнъ Лангара, Испанскаго адмирала, который, будучи слабѣе его, оказалъ большую храбрость.

„Вотъ отъ чего я не могу скрыть отъ васъ „удовольствія, испытываемаго мной по этому „случаю. Я выражаю его вамъ не какъ Рус„ская императрица Англійскому министру, и „сказанное мною не должно войти въ составъ „вашихъ министерскихъ депешъ; отношусь же „я къ вамъ въ эту минуту, какъ другъ Англіи „въ разговорѣ съ добрымъ Англичаниномъ.“ Вслѣдъ за тѣмъ она удостоила меня своимъ разговоромъ въ продолженіи всего вечера; и когда мои сотоварищи и остальное общество пошли ужинать съ великимъ княземъ и великой княгиней, она позволила мнѣ раздѣлить съ ней ея собственныя весьма скромныя кушанья, которыя были поданы на карточномъ столѣ безъ прислуги и вообще безъ всякихъ зрителей. Если за этими отличіями и доказательствами расположенія, какъ со стороны государыни, такъ и ея перваго любимца, скрывается какое-нибудь хитрое и тонкое намѣреніе, то интрига ведена слишкомъ искусно, чтобы я могъ ее разобрать; и если при описаніи чувствъ этого Двора я ввожу васъ въ заблужденіе, милордъ, это потому только, что я самъ грубо обманутъ.

4.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 28-го Февраля 1780.

Я только что узналъ, что письма къ Русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ, съ цѣлью предписать имъ заключеніе общей лиги для защиты нейтральной торговли, были разосланы по почтѣ въ теченіи прошлой недѣли; а формальная декларація, которая отправится съ курьерами, лишь вчера представлялась на одобреніе императрицы. Она адресована ко всѣмъ нейтральнымъ морскимъ державамъ и въ настоящемъ своемъ видѣ исчисляетъ всѣ неудобства, которыя терпѣла ихъ общая торговля со времени открытія враждебныхъ дѣйствій между Англіей съ одной стороны и Франціей и Испаніей съ другой; затѣмъ между нашимъ поведеніемъ и дѣйствіями Мадридскаго двора проводится почти такое же сравненіе, какъ и заключающееся въ нотѣ, переданной г-ну Нормандесу; и наконецъ говорится, что Русская императрица, не получивъ достаточнаго удовлетворенія по всѣмъ этимъ пунктамъ, рѣшилась для достиженія его прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ и приглашаетъ различные Дворы соединиться съ нею въ дѣлѣ, столь нужномъ для поддержанія ихъ взаимной чести и для безопасности ихъ торговли.

5.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА МОРТОНУ ЭДЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ.

Петербургъ, 28-го Февраля 1780.

Король Прусскій перешелъ границу, имъ самимъ назначенную и, какъ часто случается, до того хитрилъ, что самъ себя выдалъ. Вѣнскій Дворъ дѣлаетъ самыя дружескія заявленія здѣшнему и, по моему мнѣнію, въ теченіи лѣта можно, ожидать свиданія между императрицей и императоромъ, что̀, вѣроятно, произойдетъ на границахъ Польши. Съ другой стороны противозаконное и необдуманное поведеніе Испанскаго короля по отношенію къ нейтральнымъ судамъ возбудило негодованіе императрицы до такой степени, что она приказала пятнадцати линейнымъ кораблямъ и пяти фрегатамъ приготовиться выступить въ море въ будущемъ Маѣ, и намѣревается пригласить всѣ нейтральныя державы соединиться съ нею для противодѣйствія такому неправильному образу дѣйствій. Нѣсколько дней тому назадъ въ Стокгольмъ и Копенгагенъ отправленъ курьеръ; другой посылается въ Мадридъ и въ Лиссабонъ, а третій во Францію, Англію и Голландію.

Мнѣ очень любопытно узнать поведеніе Сакена, такъ какъ все это [7]) произошло по личному рѣшенію и приказу императрицы, безъ всякаго совѣта или одобренія со стороны гра-

[7]) Т. е. распоряженіе императрицы о вооруженіи пятнадцати линейныхъ кораблей.

фа Панина, которому онъ вполнѣ преданъ. Здѣсь этотъ образъ дѣйствій разсматривается, какъ сильная мѣра въ нашу пользу, и это подаетъ поводъ къ толкамъ, которые хорошо если бы были справедливы; они подтверждаются тѣми особенными отличіями, которыхъ я попрежнему удостоиваюсь; но при этомъ я гораздо лучше знаю имъ истинную цѣну, чѣмъ всѣ видящіе ихъ. Я не приписываю себѣ никакой заслуги, кромѣ той, что мнѣ удалось разсѣять попытки нашихъ противниковъ, лишивъ ихъ той силы, которую они уже пріобрѣли и возобновивъ въ груди ея величества то благосклонное расположеніе къ намъ, которое отчасти ослабѣвало, благодаря неумѣнью и невниманію съ нашей стороны вмѣстѣ съ недоброжелательствомъ и злобой, существующими здѣсь противъ насъ.

Если при таковыхъ обстоятельствахъ Испанія дастъ высокомѣрный отвѣтъ, а мы, какъ я того добивался, окажемъ особое вниманіе кораблямъ подъ Русскимъ флагомъ, то весьма вѣроятно, что настоящее вооруженіе окончится союзомъ съ нами; но пока этого можно только желать, но никакъ на то не разсчитывать.

6.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 6 Марта 1780.

Въ разговорѣ, который я имѣлъ удовольствіе вести третьяго дня съ графомъ Панинымъ, его превосходительство прочиталъ мнѣ декларацію, вѣроятно, уже полученную вами черезъ Симолина, такъ какъ я узналъ, что къ нему бумага эта отправлена съ курьеромъ еще въ прошлую субботу. Она объясняетъ причины, побудившія къ морскому вооруженію, которое за послѣднее время подало поводъ къ такимъ толкамъ въ столицѣ. Русскій министръ сказалъ мнѣ, что по мѣрѣ того, какъ представлялся къ тому случай, онъ сообщалъ это рѣшеніе разнымъ иностраннымъ министрамъ, и весьма любезно прибавилъ, что если бы увидѣлъ меня раньше, то не запоздалъ бы такъ передачей мнѣ этого извѣстія. Я отвѣчалъ, что весьма чувствителенъ къ его добрымъ намѣреніямъ и благодаренъ за всякое доказательство его довѣрія, и что если, при настоящемъ случаѣ, я явился къ нему едва ли не послѣдній, то это произошло оттого, что я бы весьма худо передалъ довѣріе моего Двора и народа къ дружбѣ и благосклонности ея императорскаго величества, оказавъ даже любопытство, не только безпокойство въ своемъ желаніи узнать причины поднявшихся здѣсь высшихъ приготовленій. Интересы обоихъ Дворовъ оставались неизмѣнными и т. д.

Въ этомъ разговорѣ графъ Панинъ казался чрезвычайно смущеннымъ; онъ нѣсколько разъ увѣрялъ меня, что все это произошло по собственному распоряженію императрицы и совершенно скрылъ отъ меня предложеніе всѣмъ прочимъ нейтральнымъ державамъ насчетъ общаго плана торговаго покровительства. Я чувствовалъ, что ему было неловко передавать мнѣ то, что̀, какъ онъ хорошо зналъ, было мнѣ извѣстно столько же, какъ и ему самому; и, хотя я старался сообразоваться со всѣмъ, чего онъ только могъ желать или ожидать, тѣмъ не менѣе онъ былъ смущенъ во время всего разговора, который продолжался около полу-часа. Я приписываю это послѣднимъ письмамъ, полученнымъ изъ Потсдама, въ которыхъ, я увѣренъ безъ всякаго сомнѣнія, его Прусское величество дѣлаетъ мнѣ честь, упоминая обо мнѣ нѣсколько разъ, предостерегая противъ меня какъ своего собственнаго министра, такъ и графа Панина и совѣтуя имъ быть на сторожѣ; онъ доходитъ до увѣренія, что я дѣйствую совершенно произвольно и скоро получу отъ своего Двора полное неодобреніе.

7.

Петербургъ, 10-го Марта 1780.

Я получилъ увѣдомленіе, что въ теченіе прошлой недѣли оба повѣренные въ дѣлахъ Бурбонскихъ Дворовъ видѣлись съ княземъ

Потемкинымъ. Испанецъ былъ только эхомъ Француза, получившаго, по всей вѣроятности, свѣдѣнія отъ Прусскаго министра; между тѣмъ какъ тотъ, въ свою очередь, имѣлъ ихъ отъ графа Панина. Де-Корберонъ въ разговорѣ съ княземъ настаивалъ на явной дружбѣ, существующей между имъ и мною, доказывая, что мои частыя посѣщенія его дома казались Франціи враждебными; онъ говорилъ, что ему извѣстны всѣ средства, употребленныя мною съ цѣлью подѣйствовать на императрицу, но что въ тоже время онъ надѣялся, что какъ ея императорское величество, такъ и ея совѣтники будутъ слишкомъ благоразумны, чтобы не предвидѣть тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти въ случаѣ, если бы она оказала намъ дѣйствительную помощь. Чтобы усилить вѣсъ своихъ словъ, онъ досталъ изъ кармана бумагу, и въ ней прочиталъ перечень всѣхъ моихъ свиданій съ княземъ Потемкинымъ, а также всего, что̀, по его предположеніямъ, происходило между нами. Князь Потемкинъ, раздраженный этимъ разговоромъ съ самаго начала, вышелъ въ это время изъ терпѣнья и, не давъ никакого отвѣта, рѣзко прервалъ его рѣчь и сказалъ, что занятъ. Корберонъ положилъ на столъ бумагу и вышелъ. Онъ также оставилъ на столѣ Французскій отвѣтъ на наше изложеніе.

Будучи вполнѣ убѣжденъ въ точности свѣдѣній, полученныхъ мною насчетъ этого разговора, я на слѣдующій же день отправился къ князю. Онъ принялъ меня съ обычной ему веселостью и дружбой, и я сказалъ ему, смѣясь, что опасался найти его двери запертыми для меня; что Французскій повѣренный въ дѣлахъ (и это было отчасти справедливо) въ разговорѣ съ пріятелями увѣрялъ, что ему удалось его запугать; что онъ доказалъ ему, до какой степени опасно рисковать навлечь на себя неудовольствіе Франціи, и тѣмъ рѣшительно положилъ конецъ моимъ попыткамъ. Князь Потемкинъ сказалъ: „Онъ, кажется, „дѣйствительно, хотѣлъ меня запугать; но „если онъ думаетъ, что ему это удалось, то „это потому, что онъ, вѣроятно, ошибся, при„нявъ за страхъ гнѣвъ и негодованіе.“ Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ все происшедшее и увѣрилъ меня, что возвратитъ Корберону его бумаги, не читая ихъ.

Онъ конфиденціально сообщилъ мнѣ, что Французъ встрѣтилъ неудачу въ нѣсколькихъ тайныхъ попыткахъ добраться до императрицы, особенно же однажды черезъ графа Строганова; онъ сказалъ также, что король Прусскій не управлялъ болѣе въ ея совѣтахъ, что она питаетъ отвращеніе къ графу Панину, и повторилъ мнѣ, что мы единственный народъ, къ которому она имѣетъ пристрастіе. Онъ прибавилъ: „Я въ этомъ такъ убѣжденъ, что, „еслибы это не составляло моего мнѣнія, было бы въ моихъ интересахъ, не смотря на то, „поддерживать васъ, такъ какъ противный „образъ дѣйствій лишилъ бы меня милости „императрицы.“

8.

Петербургъ, 13-го Марта 1780.

Нѣсколько дней тому назадъ императрица, въ разговорѣ съ лицомъ, пользующимся моимъ полнымъ довѣріемъ и принимающимъ самое искреннее живое участіе въ нашемъ благосостояніи, выразила свое желаніе на счетъ того, чтобы мы возобновили Американцамъ наши мирныя предложенія; и на вопросъ моего друга, можетъ ли онъ передать это мнѣ, она отвѣчала утвердительно. „Скажите ему,“ таковы были ея слова, „отъ меня, но не оф„фиціально, а какъ отъ сердечнаго доброжела„теля его страны, что я имѣю самыя положи„тельныя основанія на то, что̀ говорю, и „желаю, чтобы онъ написалъ это своему Дво„ру, какъ частное и конфиденціальное сооб„щеніе отъ моего имени.“ Я тщетно старался, милордъ, отъискать, на чемъ основаны эти мысли; князь Потемкинъ не можетъ объяснить ихъ извѣстіями, полученными изъ-за границы; незамѣтно также, чтобы въ бумагахъ, привезенныхъ Французскимъ курьеромъ, содержалось что-либо, что̀ могло привести императрицу къ такому заключенію. Во вся-

комъ случаѣ моя обязанность передать его вамъ такъ, какъ оно было мнѣ высказано; по крайней мѣрѣ это доказываетъ, что наши интересы занимаютъ мысли ея императорскаго величества, и я надѣюсь, что вы, милордъ, снабдите меня отвѣтомъ, сообразнымъ съ характеромъ и чувствами ея императорскаго величества [8]).

9.

ДЕПЕША ЛОРДА СТОРМОНТА ДЖЕМСУ ГАРРИСУ.

Сентъ-Джемсъ, 11 Апрѣля 1780.

При настоящемъ положеніи дѣлъ, мнѣ кажется, что важныя переговоры, вамъ порученные, должны на время остановиться, такъ какъ я не предвижу возможности съ успѣхомъ подвинуться ни на шагъ. Достоинство короля не допускаетъ его просить о союзѣ, какъ бы онъ ни былъ почтененъ или желателенъ; кромѣ того, особенная настоятельность съ одной стороны всегда возбуждаетъ подозрѣнія на счетъ того, что предлагаемыя условія лишены той справедливости, которыя должна ложиться въ основаніе всѣхъ взаимныхъ договоровъ, безъ чего они не могутъ стоять твердо.

10.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 31-го Марта 1780.

Если при дальнѣйшихъ разъисканіяхъ я найду то, что̀ отчасти подозрѣваю, т. е. что вѣрность моего друга [9]) была поколеблена, или его политическія вѣрованія подкуплены на послѣднихъ конференціяхъ какими бы то ни было прямыми или косвенными обѣщаніями награды, въ такомъ случаѣ я сочту себя не только уполномоченнымъ, но обязаннымъ соблазнить его подобной же приманкой, такъ какъ (еслибы ему случилось подпасть подъ Прусское вліяніе, а опасность, конечно, съ этой стороны) для насъ исчезла бы всякая надежда на успѣхъ, и теченіе событій съ силой повернуло бы противъ насъ. Я постараюсь однако употребить только общія выраженія и, возбудивъ ожиданія, поддержать доброжелательство до тѣхъ поръ, пока я услышу на этотъ счетъ ваше рѣшеніе, милордъ. Потрудитесь при этомъ помнить, что мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, обладающимъ огромными богатствами и знающимъ цѣну того, объ чемъ идетъ рѣчь, такъ что намъ приходится удовлетворять не его нужду, а его личность. Можетъ быть, онъ потребуетъ столько, сколько Торси безуспѣшно предлагалъ Мальборо [10]).

11.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 31-го Марта 1780.

Слѣдующее сообщеніе передано мнѣ такимъ тайнымъ путемъ, что я долженъ просить васъ, милордъ, сдѣлать изъ него лишь конфиденціальное употребленіе. Нѣсколько дней тому назадъ, къ графу Герцу пріѣхалъ курьеръ изъ Потсдама, и съ тѣхъ поръ у него почти ежедневныя конференціи съ графомъ Панинымъ и княземъ Потемкинымъ. Свиданіе императора въ Могилевѣ до того безпокоитъ короля Прусскаго, что онъ рѣшился въ слѣдующемъ Сентябрѣ прислать сюда принца Прусскаго, и главный предметъ этихъ конференцій состоитъ въ предложеніи его посѣщенія. Императрица три дня не давала на него отвѣта и, какъ мнѣ хорошо извѣстно, предложеніе это не было для нея ни лестно, ни пріятно; однако, въ воскресенье оно было принято со всѣми наруж-

[8]) Когда Гаррисъ писалъ эту депешу, онъ еще не зналъ того, что̀ открылось послѣ, а именно, что де Корберонъ показалъ графу Панину, подъ обѣщаніемъ строжайшей тайны, секретную статью договора союза между Франціей и Испаніей, въ которой значилось, что Франція ни за что не согласится на миръ, пока независимость колоній не будетъ признана de jure или de facto.

[9]) Князя Потемкина.

[10]) Де Торси, министръ Людовика XIV въ Гагѣ, въ Маѣ 1709 года, предлагалъ герцогу Мальборо 2,000,000 франковъ съ цѣлью привлечь его на сторону Франціи.

ными знаками искренности и дружбы, и графъ Герцъ гордится тѣмъ, что добился успѣха въ важномъ вопросѣ. Кромѣ того, ему давалось наставленіе описывать Вѣнскій Дворъ въ самыхъ черныхъ краскахъ, приводить на память императрицѣ образъ дѣйствій этого Двора во время послѣдней Турецкой войны, его недавніе виды на Баварію и еще болѣе недавнее поведеніе въ Ратисбоннѣ, гдѣ, склонивъ на свою сторону королей Великобританскаго и Датскаго, онъ пріобрѣлъ преимущество, которое можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія; старался раздражить ее, передавъ ей, что императрица-королева сильно противилась путешествію своего сына, и согласилась на него не прежде, какъ получивъ завѣренія, что нравственность императора не подвергнется опасности, такъ какъ у него достаточно благоразумія и опыта, чтобы не поддаться разсѣянному образу жизни, окружающему ее. Затѣмъ графу Герцу предписывалось выступить на еще болѣе широкое поле: ему предстояло распространяться на счетъ умѣренности и миролюбиваго расположенія его повелителя и т. д. Заключить эту политическую проповѣдь онъ долженъ нѣсколькими ложными извѣщеніями, нарочно для этого придуманными, и, хотя онъ не можетъ надѣяться, чтобы ихъ приняли за факты, тѣмъ не менѣе онъ справедливо разсчитываетъ съ помощью этого средства возбудить тѣ чувства, которыя для него такъ выгодно поддерживать. Графъ Герцъ исполнилъ возложенное на него порученіе съ усердіемъ. Но я имѣю основаніе предполагать, что онъ мало подѣйствовалъ на императрицу. Я желалъ бы имѣть право сказать, что не опасаюсь, что онъ поколебалъ преданность князя Потемкина или силою своихъ аргументовъ, или, что гораздо вѣроятнѣе, выставивъ ему на видъ какую-нибудь личную большую выгоду, которую онъ можетъ получить черезъ службу королю. Графъ Панинъ сильно противился его намѣренію быть у Потемкина, и когда графъ Герцъ сталъ настаивать на необходимости исполнить данныя ему предписанія, его превосходительство до того разсердился, что угрожалъ оставить служеніе Прусскимъ интересамъ. Однако это продолжалось лишь весьма короткое время, и теперь они, кажется, совершенно помирились.

Какъ только я узналъ о случившемся, то, не теряя времени, отправился къ князю Потемкину, чтобы уничтожить, если возможно, слѣды разговора, о которомъ предполагалось, что я ничего не знаю. Потемкинъ былъ также искрененъ въ своихъ выраженіяхъ, какъ и всегда; онъ назвалъ мои опасенія неосновательными и увѣрялъ меня, что чувства императрицы къ намъ были неизмѣнны и что она никогда не появится между дѣйствующими державами Европы иначе, какъ въ качествѣ нашего друга. Здѣсь я напомнилъ ему о поведеніи князя Голицына въ Гагѣ [11]), а также о нотѣ, ему переданной мною нѣсколько дней тому назадъ. Онъ отвѣчалъ, что не имѣлъ еще времени показать ее императрицѣ; но, конечно, не забудетъ этого. Я выставилъ ему на видъ необходимость отреченія отъ такого недружелюбнаго поведенія; говорилъ, что Россіи стыдно позволять своему министру руководиться Французскимъ посланникомъ, или, что еще хуже, получать предписанія отъ другаго государя, а не отъ своего собственнаго.

12.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 7-го Апрѣля 1780.

Послѣ безчисленныхъ усилій, мнѣ наконецъ удалось узнать, что въ тоже самое время, когда графъ Герцъ предлагалъ посѣщеніе принца Прусскаго, онъ самымъ секретнымъ образомъ передалъ Потемкину письмо отъ короля.

Оно состоитъ изъ самой преувеличенной и низкой лести, и послѣ увѣренія, какъ бы на основаніи несомнѣннаго авторитета, что главнымъ предметомъ свиданія въ Могилевѣ есть

---

[11]) Князь Голицынъ былъ въ то время Русскимъ министромъ въ Гагѣ и сторонникомъ Французовъ. Онъ уговаривалъ Голандцевъ дѣйствовать противъ Англіи, къ чему также побуждала ихъ (т. е. Голандцевъ) надежда торговать съ Америкой.

разрушить союзъ, существующій между Дворами Берлинскимъ и Петербургскимъ и составить новую политическую систему, его Прусское величество умоляетъ князя Потемкина поддержать его интересы при этомъ случаѣ; и если онъ поможетъ ему съ дѣйствительной пользой, король обѣщаетъ постараться сдѣлать возможнымъ то, чтò кажется невозможнымъ. Хотя слова эти неопредѣленны, но они весьма выразительны, и я опасаюсь, что они запали глубоко въ мысли князя Потемкина, такъ какъ они или относятся ко введенію его во владѣніе Курляндіей, или, чтó по многимъ причинамъ кажется мнѣ вѣроятнѣе, этимъ король намекаетъ на обѣщаніе помирить его съ великимъ княземъ на столько, чтобы обезпечить за нимъ, въ случаѣ кончины императрицы, личную безопасность и сохраненіе всѣхъ почестей, ему данныхъ, и его собственности. Опасность потерять все это часто представляется его мыслямъ, и бываютъ минуты, когда онъ погружается въ самую глубокую меланхолію. Я не довольно долго обладаю этимъ секретомъ, чтобы изслѣдовать всѣ вѣроятныя предположенія, внушаемыя имъ; по крайней мѣрѣ онъ объясняетъ мнѣ то, чтó я хорошо замѣчалъ въ эти послѣдніе десять дней, и заслуживаетъ самого серьознаго вниманія съ моей стороны, чтобы защитить, если возможно, императрицу отъ этой заразы.

13.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 17-го Апрѣля 1780.

Нѣсколько дней тому назадъ императрица захворала сильной болью въ горлѣ и лихорадкой, чтò заставило ее пробыть въ постели двадцать четыре часа. Докторъ ея былъ сильно озабоченъ, но теперь она понемножку поправляется, хотя еще не выходитъ.

Изъ Мадрида полученъ отвѣтъ на первыя жалобы, посланныя отсюда; онъ былъ переданъ на словахъ Зиновьеву. Вслѣдъ за сильными выраженіями уваженія къ императрицѣ обѣщаются, что Русскіе корабли будутъ починены, и на счетъ нейтральныхъ судовъ будутъ сдѣланы новыя распоряженія. Императрица еще не видѣла этого отвѣта, будучи слишкомъ нездорова, чтобы заниматься дѣлами; но это очень радуетъ многихъ здѣсь, а особенно ободрительно подѣйствовало на агентовъ Бурбоновъ. Зиновьевъ прибавляетъ, что его католическое величество поссорился съ своимъ духовникомъ, и что вообще весь Испанскій народъ громко вопіетъ противъ войны.

Голандскій резидентъ необыкновенно суетится и хлопочетъ и, хотя до сихъ поръ онъ по справедливости занималъ мѣсто между самыми пренебреженными и никѣмъ не замѣчаемыми моими сотоварищами, но теперь его друзья стараются выдвигать его, какъ человѣка способнаго и дѣятельнаго. Однако я льщу себя надеждой, что всѣ его усилія окончатся однимъ только безполезнымъ шумомъ и что скоро мы увидимъ его возвращеніе къ прежнему ничтожеству.

14.

Петербургъ, 24-го Апрѣля 1780.

Теперь я въ состояніи дать болѣе подробный отчетъ о разъясненіи, затребованномъ королемъ Шведскимъ по поводу послѣдней декларацiи, а также могу передать вамъ и отвѣты Двора. Оно касалось пяти пунктовъ.

Графъ Панинъ, какъ я уже прежде сказалъ вамъ, немедленно далъ общій отвѣтъ на словахъ; но когда баронъ Нолькенъ попросилъ его отвѣчать письменно, онъ отказался на томъ основаніи, что онъ еще не переговорилъ съ императрицей и, какъ увѣряетъ, по ея приказанію далъ слѣдующій отвѣтъ, наблюдая порядокъ, въ которомъ вопросы были предложены. Первое—корабли всѣхъ нейтральныхъ державъ будутъ защищать торговлю всѣхъ остальныхъ, при соблюденіи условія, чтобы корабль, требующій покровительства, имѣлъ свои документы и чтобы нападеніе на него было незаконно. Это первое условіе отвѣчаетъ и на второй вопросъ; но прибавлено, что для

большей защиты будутъ назначены станціи для крейсерства различныхъ эскадръ. Третье — когда флоты дѣйствуютъ заодно, они должны повиноваться приказаніямъ. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, они обязаны наблюдать обычный салютъ. Четвертое — жалобы должны быть высказываемы министромъ оскорбленнаго Двора, но въ тоже время онѣ должны быть сильно поддерживаемы министрами остальныхъ союзныхъ державъ. Пятое—если одна изъ конфедеративныхъ нейтральныхъ державъ начнетъ враждебныя дѣйствія, такая держава немедленно исключается изъ союза. Если же одна изъ воюющихъ (подлинныя выраженія) commence des hostilités, soit par animosité, pique ou autres raisons, on concertera des mesures pour se faire respecter [12]). Бумага заключается многословными похвалами справедливости и безпристрастію намѣреній императрицы, а также говоритъ о великихъ послѣдствіяхъ, которыя эта мѣра необходимо повлечетъ за собой, и о восхищеніи, уже возбужденномъ ею въ Европѣ.

15.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 26-го Апрѣля 1780.

Изъ сегодняшней депеши моей вы увидите, какъ Русскій министръ заботится о приведеніи деклараціи въ исполненіе. Онъ съ особеннымъ усердіемъ подстрекаетъ членовъ нейтральной конфедераціи; и въ отвѣтъ на сомнѣнія, выраженныя Французомъ и Голандцемъ, объявилъ имъ вчера положительно, что императрица была твердо намѣрена держаться своей деклараціи въ самомъ ея строгомъ смыслѣ, „que c'était son intention permanente et invariable [13]). Пока онъ такимъ образомъ побуждаетъ свой Дворъ къ мѣрѣ, вполнѣ для насъ враждебной и которая въ тоже время разрушительно отзовется на его собственной странѣ, и пока его старанія сопровождаются очевиднымъ успѣхомъ, князь Потемкинъ, видясь со мной ежедневно и относясь ко мнѣ съ особенной добротой, увѣряетъ меня, что все это ни къ чему не приведетъ; что императрица никогда не согласится подписать проэктъ до того вредный для Англіи и уполномочиваетъ меня передать вамъ это отъ ея имени. Я пересказываю вамъ фактъ, милордъ, но ни мало не отстаиваю его правдивости; я знаю, что въ то самое время, пока онъ такъ говоритъ, Французскіе и Испанскіе торговые дома уговариваютъ Русскіе корабли увозить домой ихъ товары; что владѣльцы этихъ кораблей обратились за позволеніемъ принять эту сдѣлку; и что, хотя въ прошломъ году, вслѣдствіе моего представленія, они получили отказъ, однако на этотъ разъ просьба ихъ будетъ исполнена. Не смотря на эти зловѣщіе признаки и на то, что графъ Панинъ сбросилъ маску, а князь Потемкинъ, боюсь, что надѣлъ ее, я все же не отчаяваюсь и не ослабѣваю. Я увѣренъ, что смыслъ выраженій императрицы былъ жестоко искаженъ; ея намѣренія были и остались дружественными. Если мнѣ только удастся заставить ее вникнуть въ предметъ, я буду имѣть возможность задушить въ колыбели это политическое чудовище.

16.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 26-го Апрѣля 1780.

Личныя на меня нападенія доведены до смѣшной крайности. Письма изъ Потсдама утверждаютъ, что все мое поведеніе отвергается въ Англіи, что я дѣйствую совершенно самовольно, безъ всякихъ приказаній и что я не обладаю довѣренностью ни одного изъ моихъ начальниковъ. Здѣшній Русскій министръ также говоритъ, что, вступивъ въ сношенія съ княземъ Потемкинымъ и добив-

[12]) Переводъ:.. . «начнетъ непріятельскія дѣйствія, будетъ ли то по злобѣ, враждѣ или другимъ причинамъ, то сговариваются о мѣрахъ, чтобы заставить себя уважать».

[13]) Переводъ: «что это было ея постоянное и непреложное намѣреніе.»

шись косвенныхъ средствъ дойти до императрицы, я внушилъ ей ложныя понятія, и что какъ онъ, такъ и прочіе ея министры принуждены были прибѣгнуть къ настоящимъ мѣрамъ, чтобы не дать ей вовлечь всю имперію въ величайшее изъ бѣдствій; что мое поведеніе болѣе похоже на поведеніе агента, чѣмъ на дѣйствія министра, но что онъ докажетъ мнѣ несостоятельность моихъ поступковъ, лишивъ меня милостей какъ здѣсь, такъ и дома. Могу, однако, увѣрить васъ, милордъ, что никогда и ни въ какомъ отношеніи я не причинялъ непріятности графу Панину. Пока онъ такимъ образомъ въ темнотѣ наноситъ мнѣ удары, это не мѣшаетъ ему ежедневно принимать меня въ своемъ домѣ, повидимому, съ полнымъ радушіемъ и уваженіемъ. Если онъ потрудится внимательно пересмотрѣть все происшедшее между нами, то онъ найдетъ, что можетъ упрекнуть меня лишь въ томъ, что я позволилъ ему обманывать меня и, вполнѣ довѣрясь его правиламъ и рѣчамъ, заслужилъ справедливое осужденіе короля, моего повелителя.

17.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 15-го Мая 1780.

Въ пятницу, 24-го Апрѣля, я былъ у графа Панина. Я коснулся вопроса о декларацiи, такъ какъ я зналъ содержаніе депешъ Симолина. Я понялъ, что мнѣ предстояла роль весьма щекотливая и что мнѣ будетъ трудно заслужить довѣріе соотвѣтственно увѣреніямъ, предписаннымъ мнѣ касательно желанія короля оказать должное уваженіе всему, что̀ исходитъ отъ государыни, столь благорасположенной, какъ ея императорское величество, не допуская однако смысла декларацiи во всѣхъ ея подробностяхъ.

Я началъ съ прочтенія и передачи графу Панину бумаги, присланной вами, милордъ, въ отвѣтъ на декларацію Россіи [14]).

Я просилъ его превосходительство, чтобы, передавая этотъ документъ императрицѣ, онъ потрудился выставить на видъ все мною сказанное, такъ какъ я узналъ, что за-границей распространились слухи (конечно, распускаемые нашими недоброжелателями), что мы сильнѣйшимъ образомъ отвергали всю декларацію и министерски объявили, что мы никогда не подпишемъ ни одной изъ ея статей.

Свобода возраженій (продолжалъ я ему свою рѣчь) составляетъ одну изъ непремѣнныхъ принадлежностей дружбы, и домогательство этого права никогда не могло заслужить неудовольствія государыни такаго образа мыслей и характера, какова императрица; что въ случаѣ, если это могло произойти, я опасаюсь, что бумага, которую собираюсь ему прочитать, произведетъ дѣйствіе, совершенно противоположное моимъ ожиданіямъ; тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь передать ее его превосходительству, ни мало не сомнѣваясь, что онъ съумѣетъ сообщить ее ея императорскому величеству съ подобающей точки зрѣнія, comme un raisonnement amical (какъ дружеское разсужденіе) съ самыми сильными доказательствами нашего желанія соображаться со всѣмъ, что́ предлагала императрица, лишь бы только не приходилось оно вразрѣзъ съ нашими собственными интересами и не клонилось бы къ очевидной выгодѣ нашихъ враговъ.

Тутъ я прочиталъ и передалъ ему помѣченную буквой В. бумагу, о которой уже упоминалъ въ одной изъ предъидущихъ моихъ депешъ.

Онъ увѣрилъ меня, что передастъ императрицѣ все, мною высказанное, и даже въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, которыя я употребилъ. Онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ самымъ торжественнымъ образомъ, что декларація не его произведеніе; что она яви-

[14]) Депеша лорда Стормонта, означенная 11-мъ Апрѣля, увѣряетъ, что декларація вооруженнаго нейтралитета заключаетъ въ себѣ ложное истолкованіе международнаго закона и доказываетъ, что имущество врага, хотя и найденное на нейтральномъ кораблѣ, тѣмъ не менѣе составляетъ законную добычу,—въ подтвержденіе чего ссылается на свидѣтельство многихъ авторитетовъ.

лась для него неожиданно и при полномъ его незнаніи на счетъ ея назначенія; словомъ, что при этомъ случаѣ ему пришлось только выполнить роль секретаря императрицы. Нѣсколько дней спустя по возвращеніи его изъ Царскаго Села, я снова къ нему отправился, чтобы узнать, какое впечатлѣніе произвела бумага, мною поданная. Графъ Панинъ сказалъ, что видѣлъ императрицу весьма недолго. Что́ же касается до бумаги, она взяла ее съ собой, въ свой кабинетъ, не высказавъ при этомъ никакого замѣчанія. Однако онъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, мы въ Англіи слишкомъ поторопились, que nous nous sommes trop echauffés (слишкомъ погорячились) и что мы не смотрѣли на декларацію въ ея истинномъ свѣтѣ, а потому и не поняли ея дѣйствительнаго значенія; что съ своей стороны хотя онъ и не могъ меня увѣрить, что въ этомъ дѣлѣ ему извѣстенъ секретъ ея императорскаго величества, онъ сознавалъ, что эта мѣра представлялась ему уже оказавшей намъ важную услугу въ Голандіи, помѣшавъ этому народу броситься въ объятія Французовъ; что, находясь подъ вліяніемъ Россіи, страна эта по прежнему останется нейтральной. Онъ выразилъ желаніе, чтобы мы были умѣреннѣе въ нашихъ дѣйствіяхъ противъ торговли такихъ странъ, или по крайней мѣрѣ опредѣлили бы подробно, что̀ именно считаемъ мы предметами контрабанды. Благоразуміе (продолжалъ онъ) предписывало намъ соображать наше поведеніе съ настоящимъ нашимъ положеніемъ; въ эту минуту мы были одни, не такъ какъ въ прошлыя войны, когда мы или находились въ союзѣ, или имѣли тѣже интересы, какъ и цѣлая половина Европы; въ тѣхъ обстоятельствахъ, высокомѣрный тонъ, le ton de supériorité, принимаемый нами на морѣ, былъ менѣе чувствителенъ; съ своей стороны онъ искренно желалъ намъ успѣха, но не могъ не замѣтить, что опасается, чтобы наша настойчивость въ настоящихъ мысляхъ не завлекла бы насъ слишкомъ далеко, даже за предѣлы великой силы и средствъ нашей націи.

Нелегкая задача осторожно отвѣчать министру дружественнаго Двора, когда онъ принимаетъ на себя рѣчи и чувства врага. Въ отвѣтѣ своемъ я старался избѣжать всего, что̀ могло указать на отвращеніе или подозрѣнія, но въ тоже время высказалъ все, что̀ только могло служить къ опроверженію мнѣній, имъ выраженныхъ.

Прежде всего я замѣтилъ, что декларація произвела дѣйствія, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя предсказывалъ его превосходительство; потому что можно основательно предполагать, что Голандцы [15]) поступили бы съ нами совершенно иначе, если-бы не разсчитывали, что Русская императрица поддержитъ ихъ требованія, какъ бы ни были они неосновательны; что радость, выраженная ими при полученіи деклараціи, ясно указываетъ на тотъ смыслъ, который они ей приписываютъ; и сами Французы, далеко не считая, что это лишаетъ ихъ союзниковъ, были равно удивлены и обрадованы при полученіи отъ этого Двора такой неожиданной и необыкновенной услуги. Я сказалъ, что я не помню, чтобы мы когда нибудь на морѣ употребляли начальственный тонъ; что мы заявляли и поддерживали наши права съ подобающей энергіей и достоинствомъ; что теперь, поступая иначе, мы бы тѣмъ выказали трусость; и что, кромѣ всего этого, такъ какъ Англія составляетъ морскую державу, то я и не вижу существенной разницы между ея положеніемъ въ настоящую минуту и во время послѣдней войны, принимая во вниманіе то обстоятельство, что наши единственные тогдашніе союзники не имѣли ни одного корабля къ нашимъ услугамъ. Далѣе я высказалъ, что его превосходительство можетъ быть увѣреннымъ, что наша твердость будетъ равняться нашей умѣренности и что мы слишкомъ разсчитывали на своихъ друзей и недостаточно опасались своихъ враговъ, чтобы отказаться отъ нашихъ народныхъ правъ, или посред-

---

[15]) Они вмѣшались въ дѣла Англіи съ ея возмутившимися колоніями.

ствомъ несмѣлыхъ уступокъ дать перевѣсъ правамъ, гораздо новѣйшимъ, законность которыхъ невозможно было признать.

Согласно принятой формѣ и для бо́льшей точности, я приготовилъ бумагу [16]). И такъ какъ мнѣ было достовѣрно извѣстно, что Французскіе и Испанскіе торговые дома, будучи крайне затруднены доставленіемъ домой конопли и другихъ товаровъ, которыхъ забрали на значительную сумму, обратились къ нѣкоторымъ Русскимъ, выдающимъ себя за купцовъ, и сдѣлали имъ самыя выгодныя предложенія съ тѣмъ, чтобы они одолжили имъ свое имя и свой флагъ, то я считалъ весьма важнымъ подробно остановиться на этомъ предметѣ, прося въ тоже время, чтобы заключеніе этой сдѣлки не было допущено и настаивая на пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя повлечетъ за собой утвержденіе такой безчестной и недостойной торговли; и при этомъ я долженъ отдать графу Панину справедливость, передавъ, что онъ не только вполнѣ согласился со мной, но, увѣривъ меня, что онъ ничего не зналъ о подобномъ намѣреніи, обѣщалъ мнѣ употребить всѣ усилія, чтобы не допустить ни одного изъ торгующихъ подданныхъ ея императорскаго величества до такой степени злоупотребить покровительствомъ, которое ихъ государыня намѣревалась имъ оказать. Это повело его къ разсужденіямъ насчетъ деклараціи, при чемъ, еще и еще повторивъ, что она принадлежитъ одной императрицѣ, а никакъ не ему самому, онъ увѣрилъ меня, что она ни мало не должна насъ тревожить. Читая эти строки, вы, милордъ, потрудитесь замѣтить, что одинъ въ разговорѣ со мной старался показать мнѣ, что онъ дѣйствовалъ менѣе вразрѣзъ нашимъ интересамъ и видамъ, чѣмъ какъ по его мнѣнію я имѣлъ на то подозрѣнія; другой же, напротивъ, хотѣлъ убѣдить меня, что онъ старался объ нашихъ выгодахъ съ бо́льшимъ вліяніемъ и силой, чѣмъ ему на то дѣйствительно потребовалось. И въ томъ, и въ другомъ надо допустить нѣкоторую долю лицемѣрія, но конечно, далеко не въ равной пропорціи. Графъ Панинъ рѣшился быть намъ врагомъ; князь Потемкинъ расположенъ сдѣлаться нашимъ другомъ и, если-бы кабинетныя интриги были для него такъ понятны, какъ придворныя, онъ бы былъ намъ весьма полезенъ.

[16]) Въ этой бумагѣ Джемсъ Гаррисъ увѣряетъ графа Панина, что Англійскіе крейсеры не будутъ стѣснять Русскихъ подданныхъ при производствѣ ихъ торговли, если только ея императорское величество торжественно завѣритъ, что она не позволитъ своему флагу защищать и покрывать эту беззаконную торговлю, столь вредную для Великобританіи.

18.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 15-го Мая 1780.

Я имѣю пріятную надежду, что ея императорское величество была поражена весьма энергическимъ представленіемъ и добровольнымъ заявленіемъ дружбы къ намъ адмирала Грейга. Какъ только онъ прочиталъ декларацію и въ ней увидѣлъ основанія, на которыхъ должны были составляться инструкціи, онъ собралъ различные приговоры, произнесенные въ послѣднюю войну въ Архипелагѣ Русскимъ судомъ, учрежденнымъ съ этой цѣлью на нейтральныхъ корабляхъ, и въ которомъ онъ часто предсѣдательствовалъ. Доказавъ самымъ очевиднымъ образомъ, что они конфисковали и забирали имущество Турокъ вездѣ, гдѣ только ни находили его, и что вся ихъ добыча состояла изъ такого имущества, взятаго на нейтральныхъ корабляхъ, онъ все это передалъ графу Чернышеву, объяснивъ, что, въ качествѣ вѣрнаго и преданнаго слуги императрицы, онъ считаетъ своей обязанностью выставить ей на видъ, что, въ случаѣ, если она приведетъ въ исполненіе настоящія мѣры, этотъ поступокъ окажется въ прямомъ противорѣчіи съ ея собственными дѣйствіями. Графъ, не вслѣдствіе расположенія къ намъ (такъ какъ онъ вовсе не имѣетъ этого чувства), а изъ личнаго опасенія, что корабли окажутся негодными къ службѣ на океанѣ и что, едва ихъ спустятъ на море, онъ получитъ отстав-

ку, конечно, передалъ эту бумагу императрицѣ. А такъ какъ она имѣетъ самое высокое понятіе о способностяхъ и честности адмирала, то его рѣшеніе можетъ сильно на нее подѣйствовать. Хотя я нахожусь съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ, онъ ни разу не упоминалъ мнѣ объ этомъ фактѣ до тѣхъ поръ, пока не исполнилъ его, и вся честь этого дѣла принадлежитъ ему одному.

Онъ увѣрялъ меня, говоря отъ имени всѣхъ своихъ соотечественниковъ, что въ случаѣ, если-бы императрица потребовала отъ нихъ при исполненіи ихъ службы такого дѣла, которое бы было для насъ вредно, они всѣ, безъ исключенія, выдутъ въ отставку. Не смотря на его высокій чинъ и выгодную должность, я увѣренъ, что онъ говоритъ совершенно искренно, на сколько этотъ вопросъ касается его самого.

19.

Петербургъ, 15-го Мая 1780.

(Отдѣльно)

Настоящее расположеніе и поведеніе этого Двора до такой степени превосходятъ мою проницательность, а между тѣмъ для меня является такой необходимостью ихъ опредѣлить, что я рѣшился, вслѣдствіе позволенія, полученнаго много отъ васъ, милордъ, обратиться къ единственному лицу, пользующемуся полнымъ довѣріемъ Потемкина и безъ котораго онъ ничего не можетъ сдѣлать. Такъ какъ, не смотря на его честную наружность, я зналъ его за человѣка вполнѣ продажнаго, то и обратился къ нему безъ лишнихъ деликатностей. Послѣ предисловія, повтореніемъ котораго нѣтъ надобности обременять васъ, милордъ, я сказалъ ему, что отъ меня зависитъ оказать ему весьма важную услугу, если только онъ будетъ говорить со мной прямо и откровенно. Онъ отвѣчалъ, что, если общественные секреты мнѣ также хорошо извѣстны, какъ его собственные, онъ не можетъ быть мнѣ полезенъ. На это я ему въ свою очередь возразилъ, что до тѣхъ поръ, пока онъ меня съ ними не познакомитъ точно также хорошо, я съ своей стороны не окажу ему никакой пользы. Наша сдѣлка скоро состоялась, вслѣдствіе того, что я сказалъ ему, что вовсе не нуждаюсь въ помощи, а требую только свѣдѣній, а затѣмъ увѣрилъ его, что, на основаніи мнѣ уже извѣстнаго, я тотчасъ же замѣчу, если онъ захочетъ меня обмануть; въ случаѣ же, если онъ станетъ поступать со мной честно и откровенно, онъ можетъ смѣло разсчитывать въ будущемъ на проявленія щедрости.

Условившись въ этомъ, я предложилъ ему слѣдующіе вопросы, требуя на каждый изъ нихъ подробнаго и удовлетворительнаго отвѣта: Что́ подало поводъ къ деклараціи? Кому принадлежитъ первая мысль объ ней? Каковы были первыя намѣренія императрицы, и такими ли же остались они до сихъ поръ? Искрененъ ли Потемкинъ въ своихъ доказательствахъ дружбы ко мнѣ и въ увѣреніяхъ, что готовъ служить нашему народу? Или онъ только развлекаетъ меня, а въ сущности служитъ нашимъ врагамъ, или прямо и непосредственно, или черезъ короля Прусскаго? Въ чемъ состоятъ шаги, сдѣланные Франціей и Испаніей съ цѣлью добиться здѣсь дружбы, и насколько это имъ удалось?

Отвѣты его были таковы: декларація была собственнымъ произведеніемъ императрицы; требуемые пять пунктовъ уже находились въ черновомъ видѣ, присланномъ ею графу Панину, и этотъ министръ, придавъ бумагѣ настоящій ея видъ, не прибавилъ отъ себя ничего существеннаго; что онъ не зналъ, кто вложилъ ей въ голову эти пять пунктовъ, но такъ какъ она нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ часто видѣла Сенъ-Поля, своего агента въ Гамбургѣ, и графа Воронцова [17]), стоящаго во главѣ Коммерческой Комиссіи, то онъ предполагалъ, что мысль эта почерпнута ею изъ разговоровъ съ этими лицами. Сначала, по давнему своему расположенію, она склонялась въ нашу пользу; но вслѣдъ затѣмъ внушенія ея министровъ и лесть, окружающая ее со всѣхъ

---

[17]) Президента Комерцъ-Коллегіи, графа А. Р. Воронцова.

сторонъ, превозмогли ея предпочтенія, и она, кажется, рѣшилась сохранять полный нейтралитетъ, хотя бы то оказалось для насъ вреднымъ.

Князь Потемкинъ искрененъ какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ; онъ не любитъ Французовъ, раздраженъ противъ короля Прусскаго и въ послѣднее время оставилъ безъ отвѣта нѣкоторыя весьма выгодныя предложенія, высказанныя ему этимъ государемъ. Однако онъ недостаточно усерденъ къ дѣлу Англіи, чтобы отказаться отъ своихъ привычекъ лѣни и спокойствія; и хотя противодѣйствіе графа Панина возбуждаетъ его къ дѣятельности, тѣмъ не менѣе онъ не употребитъ всего своего вліянія въ нашу пользу.

Французы неутомимы въ своихъ стараніяхъ окружить императрицу. Они имѣютъ безчисленныхъ агентовъ и не жалѣютъ ни издержекъ, ни хлопотъ, лишь бы разрушать всякія попытки съ нашей стороны. Имъ удалось привлечь графа Панина къ сильной партіи, которая у нихъ здѣсь составлена. И, хотя императрица до сихъ поръ питаетъ къ нимъ недовѣріе и даже нѣкотораго рода презрѣніе, тѣмъ не менѣе ихъ лесть ей нравится, и она думаетъ, что нигдѣ ея могущество и слава такъ хорошо не извѣстны, и нигдѣ они не сознаны до такой степени, какъ въ Версалѣ.

Я спросилъ его, чтò именно онъ подразумѣвалъ подъ выгодными предложеніями, сдѣланными князю Потемкину королемъ Прусскимъ? Онъ сказалъ, что они состояли въ обѣщаніи помочь ему добраться до престола герцогства Курляндскаго, или, въ случаѣ его желанія, выбрать ему жену между Германскими принцессами, изъ которыхъ однако ни одна не была названа. Я спросилъ, какимъ образомъ князь могъ отвергнуть такое лестное предложеніе? Онъ отвѣчалъ, что случилось такъ потому, что Потемкинъ не вѣрилъ въ искренность этого обѣщанія, а видѣлъ въ немъ разсчетъ заслужить его благосклонность на время свиданія въ Могилевѣ. Я спросилъ его, каково было мнѣніе Потемкина насчетъ этого свиданія и какъ былъ онъ расположенъ къ Вѣнскому Двору. Онъ отвѣчалъ, что князь не держался никакой правильной политической системы, что онъ дѣйствовалъ подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, и что самъ онъ, говорившій со мной, былъ свидѣтелемъ, какъ князь Потемкинъ попеременно передавался на сторону политическихъ правилъ чуть ли не всѣхъ странъ; что въ настоящую минуту онъ особенно усердно ухаживалъ за императоромъ, отъ котораго вполнѣ зависѣло навсегда удержать за собой его преданность, для чего ему стòило только сдержать свое обѣщаніе насчетъ княжества или какой-нибудь награды подобной тому. Затѣмъ я желалъ выслушать его мнѣніе насчетъ настоящаго настроенія и расположенія Двора. На это онъ возразилъ мнѣ, что положеніе Двора слишкомъ замкнуто въ самомъ себѣ, слишкомъ удалено отъ постороннихъ вліяній, чтобы подвергаться частымъ измѣненіямъ; что все зависитъ отъ случайностей, и пока не явится событіе болѣе крупное, первая роль оставалась за тѣмъ, кто лучше всѣхъ умѣлъ льстить и поддѣлываться подъ слабости императрицы; что ни въ чемъ не было ни опредѣленнаго плана, ни намѣреній въ будущемъ, ни отношеній къ прошедшему, и что мнѣ стòило только примѣнить привычки императрицы въ частной жизни къ ея оффиціальнымъ дѣйствіямъ, чтобы узнать на этотъ счетъ столько же, сколько извѣстно ему, или кому бы то ни было другому. Онъ могъ только сказать, что, въ случаѣ, еслибы ея величайшіе враги принялись ей льстить, она поддалась бы ихъ видамъ, или по крайней мѣрѣ ихъ похвалы усыпили бы ее на время; между тѣмъ какъ съ другой стороны, когда ея лучшимъ и испытаннѣйшимъ друзьямъ случается противорѣчить ея воли или оспаривать чтò либо изъ ея распоряженій, она въ первую минуту готова навсегда съ ними поссориться, и впечатлѣніе это западаетъ въ нее надолго.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что, принявъ твердое рѣшеніе, она никогда отъ него не отступается, и потому еслибы удалось намъ однажды добиться отъ нея публичнаго завѣ-

ренія въ дружбѣ, мы могли бы разсчитывать, въ случаѣ необходимости, на поддержку всѣхъ силъ имперіи.

На этомъ кончился нашъ разговоръ. Все, имъ высказанное, было до того согласно съ тѣмъ, что́ я вижу и съ тѣмъ, что́ я знаю, что я надѣюсь вы, милордъ, не сочтете денегъ, на это употребленныхъ, брошенными безъ пользы, такъ какъ я дѣйствительно увѣренъ, что средство это доставило намъ совершенно вѣрное, хотя не совсѣмъ желанное, описаніе о состояніи Двора.

20.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 19-го Мая 1780 г.

Хотя графъ Панинъ косвеннымъ образомъ далъ мнѣ понять, что императрица при составленіи вооруженнаго нейтралитета не имѣла другаго намѣренія, кромѣ того, что каждый народъ будетъ защищать свою торговлю сообразно съ своими договорами и постановленіями; и хотя, съ цѣлью еще болѣе обмануть меня, онъ точно въ такомъ же смыслѣ высказался передъ лицемъ собственнаго народа и довѣренныхъ лицъ: тѣмъ неменѣе, тотчасъ по отъѣздѣ моего курьера, онъ принялся за проэктъ конвенціи, прямо противоположной этимъ правиламъ. Она будетъ подписана пятью нейтральными державами, и въ силу этого документа они заключаютъ между собой союзъ съ цѣлью поддержать декларацію, которую первоначально обнародуютъ и которая будетъ снимкомъ съ декларации Россіи, заявляя, кромѣ того, что въ случаѣ, если торговля одной изъ нихъ подвергается стѣсненію, всѣ державы должны немедленно соединиться, чтобы отмстить за оскорбленіе, панесенное ихъ флагу, и поддержать права ихъ притѣсненныхъ подданныхъ Онъ проработалъ за этой бумагой всю субботу (по счастію, онъ не отличается скоростью въ дѣлахъ). Благодаря неусыпности моихъ друзей, я тотчасъ же получилъ извѣщеніе объ этомъ намѣреніи и имѣлъ время въ тотъ же вечеръ приготовить и переслать Потемкину черезъ довѣренное лицо прилагаемое письмо [18]), которое, я увѣренъ, дошло до него прежде, чѣмъ произведеніе графа Панина было готово. Такимъ образомъ я надѣюсь, что если осталось хоть сколько-нибудь здраваго смысла въ головѣ государыни или малѣйшая капля искренности въ ея любимцѣ, то прямая и простая истина, заключающаяся въ моемъ письмѣ, помѣшаетъ успѣху этой ненавистной интриги. Самъ же я лично не могу принять никакихъ мѣръ къ ея опроверженію. Меня окружаютъ враги и недоброжелательныя лица, и всѣ мои доводы и представленія только бы раздражили ихъ вмѣсто того чтобы убѣдить, а съ помощью хитрыхъ перетолкованій мои аргументы были бы обращены противъ меня самого. Въ письмѣ своемъ я выставляю на видъ тѣ пагубныя послѣдствія, которыя повлечетъ за собой исполненіе этой мѣры, въ надеждѣ, что страхъ подѣйствуетъ тамъ, гдѣ доводы разсудка окажутся безполезными.

21.

ПИСЬМО ГАРРИСА ГЮГУ ЭЛЛІОТУ [19]).

Петербургъ, 2-го Іюня 1780 г.

Императоръ пріѣхалъ въ Могилевъ 23-го, а императрица 25-го. Графъ Кобенцель представилъ его ея императорскому величеству подъ именемъ графа Фалькенштейна. Пробывъ на мѣстѣ пять дней, ихъ императорскія величества ужинали въ Шкловѣ, имѣніи генерала

[18]) Въ этомъ письмѣ Джемсъ Гаррисъ уговариваетъ Потемкина употребить все свое вліяніе, чтобы добиться возвращенія князя Голицына изъ Гаги, гдѣ онъ совершенно передался интересамъ Франціи. Сэръ Гаррисъ прибавляетъ, что враги Англіи, которые въ Европѣ надѣлали больше шума, чѣмъ дѣла, заключили бы въ этомъ году миръ, если-бы не появилась декларація императрицы. Онъ заключаетъ письмо увѣреніемъ, что Англія будетъ защищаться до послѣдней крайности. «Пока я не предвижу окончанія войны, говоритъ онъ, и если-бы вся Европа соединилась противъ насъ, миръ былъ бы заключенъ лишь тогда, когда намъ ужъ ничего бы не осталось защищать».

[19]) Англійскому министру въ Берлинѣ.

Зорича, и затѣмъ вмѣстѣ отправились въ Смоленскъ. Оттуда императрица будетъ продолжать путешествіе, согласно первоначальному своему плану, а императоръ посѣтитъ Москву. Онъ пробудетъ въ этой древней столицѣ четыре дня и, осмотрѣвъ всѣ тамошнія достопримѣчательности, пріѣдетъ въ здѣшнюю столицу, гдѣ его ожидаютъ около того же времени, какъ и ея императорское величество. Всякое полученное оттуда письмо наполнено описаніемъ удовольствія, которое эти августѣйшія лица взаимно испытали при этомъ свиданіи; и любезныя качества императора, кажется, какъ-будто особенно разсчитаны, чтобы произвести пріятное впечатлѣніе на государыню, которая сама обладаетъ въ такой высокой степени умѣньемъ нравиться.

Прусская партія чрезвычайно обезпокоена этимъ продолженіемъ пребыванія императора въ Россіи, особенно же потому, что нѣтъ сомнѣнія, что къ этому его склонила императрица, которая крайне польщена такимъ посѣтителемъ и, кромѣ того, необыкновенно пріятно поражена его свободными манерами и ловкимъ обращеніемъ. Онъ же съ своей стороны очень старался ей понравиться и, вполнѣ сообразуясь съ ея характеромъ, осыпалъ преувеличенными похвалами все то, что́ она сдѣлала или дѣлаетъ. Я съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что въ этихъ похвалахъ онъ не забылъ и деклараціи, хотя я расположенъ думать, что онъ отзывался объ ней скорѣе какъ о хорошемъ намѣреніи, нежели какъ о мѣрѣ, которая можетъ произвести благотворныя послѣдствія.

Князь Потемкинъ весьма усердно ухаживаетъ за императоромъ и старается посредствомъ самаго неусыпнаго вниманія изгладить тѣ неблагопріятныя понятія, которыя, какъ хорошо ему извѣстно, Вѣнскій Дворъ питаетъ относительно его характера и образа мыслей.

22.

ПИСЬМО ГАРРИСА СЭРУ РОБЕРТУ ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, Іюнь 1780 г.

Вамъ не можетъ быть неизвѣстно безпокойство, причиненное au Pieux de la Montagne [20]) свиданіемъ въ Могилевѣ. Онъ пустилъ въ ходъ всякую хитрость, на которую только способно темное искусство политики, съ цѣлью не дать этому свиданію уничтожить здѣсь впечатлѣнія, имъ произведенныя и ослабить въ тоже время вліяніе, которое по временамъ почти походило на очарованіе. Онъ тоже разсуждаетъ (до того велико легковѣріе, найденное имъ здѣсь) о собственной умѣренности, безкорыстіи и рѣдкомъ умѣ, рисуетъ самую трогательную картину своихъ лѣтъ и недуговъ и прибавляетъ лесть и чувствительность къ обману и хитрости. Всѣ эти внушенія, къ которымъ онъ присоединяетъ много насмѣшекъ надъ личнымъ характеромъ императора, распространяются здѣсь черезъ его министра графа Герца, человѣка по уму и способностямъ достойнаго служить лучшему повелителю, но въ тоже время привыкшаго обращаться лишь въ узкой сферѣ Веймара и потому кажущагося нѣсколько потеряннымъ на столь широкомъ и оригинальномъ поприщѣ.

Вы не окажете должной справедливости характеру Русской императрицы, предположивъ, что вся эта болтовня подѣйствовала на нее и что она недостаточно проницательна, чтобы видѣть ея причину. Будьте увѣрены, что она все это видитъ, что она пресыщена Прусской лестью; что глаза ея начинаютъ открываться на этотъ предметъ, и что слѣдуетъ ожидать самыхъ благихъ результатовъ отъ сравненія, которое она сдѣлаетъ между простымъ, безъискусственнымъ поведеніемъ императора и политическими сплетнями короля Прусскаго. Князь Потемкинъ, который часто говоритъ со мной конфиденціальнымъ образомъ, подробно разспрашивалъ меня насчетъ характера импе-

[20]) Прозвище Фридриха Великаго.

ратора, и я былъ очень счастливъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ получилъ письмо отъ лорда Стормонта, гдѣ онъ говоритъ объ этомъ монархѣ весьма краснорѣчиво, съ жаромъ благодарности и почти личной преданности.

Будьте увѣрены, что императрица любитъ насъ, какъ народъ и, хотя въ характерѣ ея есть нѣкоторая доля оппозиціи, тѣмъ не менѣе она никогда не повредитъ намъ и на половину столько, какъ тѣ презрѣнные и безнравственные люди, называющіе себя патріотами и которые между тѣмъ достаточно сумасбродны, чтобы во время, подобное настоящему, прибавлять къ внѣшнимъ войнамъ домашнія ссоры и несогласія [21]).

23.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 9-го Іюня 1780 г.

Конвенція, которую я такъ усердно старался опровергнуть, снова появилась здѣсь въ воскресенье, уже получивъ одобреніе ея императорскаго величества и безъ всякихъ существенныхъ перемѣнъ. Съ тѣхъ поръ графъ Панинъ усиленно работалъ надъ снятіемъ съ нея копій для Русскихъ министровъ во всѣхъ нейтральныхъ странахъ, и къ бо́льшей части изъ нихъ курьеры отправятся сегодня или завтра. Я написалъ министрамъ его величества при этихъ дворахъ, сообщая имъ этотъ фактъ; особенно подробно распространялся я объ немъ въ своемъ письмѣ къ м-ру Эдену, такъ какъ послѣ убѣдительнаго и здраваго разсужденія г-на Бернсдорфа [22]) и послѣ того, какъ онъ воспротивился составленію общей лиги силою всѣхъ доводовъ, какіе только могъ привести, нельзя ожидать, чтобы онъ согласился подписать договоръ, становящійся прямо вразрѣзъ съ его правилами и высказанными имъ мнѣніями. Намъ теперь остается ожидать только съ этой стороны, проложитъ ли себѣ дорогу эта странная конфедерація или приведеніе ея въ дѣйствіе будетъ пріостановлено? Что́ же кажется до здѣшняго двора, то мысль давать законы всей Европѣ и (едва ли не еще болѣе сумазбродное намѣреніе) предписывать миръ до того укоренились въ головѣ императрицы, что она, закрывъ глаза, вдается во всѣ крайности, предлагаемыя ея министру. Князь Потемкинъ поступилъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно чистосердечно: съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ это непріятное извѣстіе, онъ отправилъ ко мнѣ своего близкаго родственника и однофамильца, къ которому онъ имѣетъ полное довѣріе, съ тѣмъ чтобы сообщить мнѣ происшедшее, увѣривъ меня въ тоже время, что, не смотря на это, мнѣ нечего безпокоиться; что императрица никогда не имѣла намѣренія затруднить насъ или повредить намъ; и какъ только она увидитъ, что ея образъ дѣйствій повлечетъ за собой эти послѣдствія, она тотчасъ же отъ него откажется; что въ отвѣтъ на его настоятельныя убѣжденія насчетъ того, чтобы она отреклась отъ преслѣдованія своего плана, удовольствовавшись доказательствами, которыя уже имѣла въ уваженіи и почтенія величайшихъ націй къ ея мнѣнію, она вышла изъ терпѣнія и сказала, что никто, кромѣ ея самой, не видѣлъ цѣли ея предположеній, и при этомъ случаѣ объявила, что на нее не подѣйствуетъ ничей совѣтъ. Князь Потемкинъ прибавилъ, что вся эта рѣчь была ей подсказана минутной вспыльчивостью, а потому ей и нельзя придавать большаго значенія. Время, сказалъ онъ, произведетъ перемѣну; а онъ хорошо зналъ, какъ пользоваться ея расположеніемъ. Желаю, чтобы онъ не ошибался. Зная огромное его вліяніе, я бы не повѣрилъ его искренности, еслибы этотъ разговоръ между нимъ и государыней не былъ мнѣ подтвержденъ путемъ достовѣрнымъ и вовсе не зависящимъ ни отъ него, ни отъ кого либо изъ преданныхъ ему лицъ.

---

[21]) Въ этомъ году произошло возмущеніе, поднятое лордомъ Джорджемъ Гордономъ.

[22]) Датскій министръ.

24.

Петербургъ, 12 го Іюня 1780.

Флотъ выступилъ изъ Кронштадта въ среду въ пять часовъ вечера, пользуясь попутнымъ вѣтромъ; но такъ какъ вчера было тихо, а сегодня вѣтеръ перемѣнился, они не могутъ быть далеко отъ пристани. Я послалъ довѣренное лицо съ тѣмъ, чтобы видѣть все происходящее. Посланный мой вернулся и увѣрялъ, что смятеніе и поспѣшность, предшествовавшія отплытію, могутъ только сравниться съ недовольствомъ и уныніемъ матросовъ и офицеровъ, отправлявшихся въ море. Начальники также сильно проникнуты этими чувствами, какъ и ихъ подчиненные, и весьма неохотно отправляются въ экспедицію, которая не обѣщаетъ имъ ни выгоды, ни славы. Хотя экипажъ и въ полномъ составѣ, но состоитъ онъ изъ людей неопытныхъ и на морѣ имѣющихъ совершенно убитый видъ. Корабли хорошо оснащены и снаружи весьма красивы; но самая постройка ихъ стара и, не будучи довольно глубоки въ водѣ, они не въ состояніи выдержать ни сильнаго волненія на океанѣ, ни хорошо направленнаго нападенія. Таковы замѣчанія, сдѣланныя опытнымъ наблюдателемъ.

25.

Петербургъ, 15-го Іюня 1780.

Сомнѣнія, которыя мнѣ являлись насчетъ колебанія и искренности князя Потемкина, разсѣялись совершенно, и потому съ моей стороны приписывать часть случившагося его винѣ значило бы прикрываться обманомъ. Но онъ по природѣ расположенъ дѣйствовать подъ минутнымъ впечатлѣніемъ и слѣдовать тому, что̀ поражаетъ его воображеніе, не подвергая его сначала хладнокровному обсужденію разсудка. Кромѣ того, не въ его характерѣ быть постояннымъ въ предпочтеніи какъ по отношенію къ лицу, такъ и къ дѣлу; и самыя пустыя случайности могутъ произвести мгновенную и совершенную перемѣну во всѣхъ частяхъ его поведенія. Съ другой стороны, я имѣю самыя сильныя доказательства упорной, систематической ненависти графа Панина; его озлобленіе противъ Англіи, накоплявшееся въ теченіи десяти или двѣнадцати лѣтъ, теперь разразилось со всѣмъ ожесточеніемъ врага, который такъ долго принужденъ былъ скрываться подъ маской друга. Онъ мстителенъ и злопамятенъ; и хотя его страсти скрыты слишкомъ глубоко, чтобы отражаться на его наружности, онѣ постоянно дѣйствуютъ на его умъ, и работа ихъ чѣмъ медленнѣе, тѣмъ вѣрнѣе. Я имѣю непріятную выгоду знать навѣрное, что онъ оказалъ мнѣ честь, включивъ меня, въ особенности, въ общую анаѳему, произнесенную имъ противъ всей націи, и никогда не проститъ мнѣ, что я не перенесъ его обмана терпѣливо и подобострастно и не сдѣлался орудіемъ его цѣлей въ ущербъ собственнаго разсудка, долга и честности. Съ такимъ другомъ и съ такимъ врагомъ я имѣю болѣе поводовъ къ опасенію, чѣмъ къ надеждѣ. Малѣйшее замѣчаніе можетъ тотчасъ же поставить меня въ самое непріятное положеніе и сдѣлать для меня невозможнымъ всякій успѣхъ; но такъ какъ я не обладаю ничьимъ довѣріемъ, потерялъ средства дойти до императрицы и увѣренъ, что всякое мое слово или дѣйствіе будетъ искажено и злонамѣренно перетолковано, всякій шагъ, на которой я рѣшусь, поведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ: то понятно, что, находясь въ такомъ положеніи, я бы вмѣсто того, чтобы возбуждать ихъ, уничтожилъ совершенно остатки нашихъ интересовъ.

Единственно вслѣдствіе этого соображенія вдался я въ такое подробное описаніе характера этихъ двухъ лицъ и моего собственнаго положенія. Теперь предоставляю вашему сужденію, милордъ, рѣшить, не лучше ли будетъ для выгодъ службы его величества, если я буду отозванъ и сюда будетъ назначенъ министръ [23]), менѣе непріятный графу Панину

[23]) Въ отвѣтъ на это предложеніе Д. Гаррисъ получилъ отъ лорда Стормонта депешу, въ которой послѣдній указывалъ ему на пользу и даже необходимость его пребыванія при Русскомъ Дворѣ.

и который, осторожно пользуясь дорòгой мною проложенной и наученный моимъ опытомъ, могъ бы оказать его величеству ту услугу, выполненіе которой составляло мое первое желаніе, на чтó у меня не хватило способностей, а усердіе мое оказалось недостаточнымъ.

26.

Петербургъ, 23-го Іюня 1780.

Теперь мнѣ слѣдуетъ дать вамъ отчетъ въ интересномъ разговорѣ, который я имѣлъ съ княземъ Потемкинымъ въ субботу утромъ. Я нашелъ его одного и свободнаго отъ занятій и постарался воспользоваться этими обстоятельствами, какъ можно лучше. Такъ какъ я убѣдился, что перемѣны въ намѣреніяхъ императрицы происходятъ единственно отъ его пренебреженія наблюдать за дѣйствіями противной партіи и сопротивляться ей, то рѣшился говорить прямо. Я началъ съ того, что вотъ уже цѣлый годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ разсуждать съ нимъ конфиденціально о дѣлахъ; что тогда онъ самъ вызвалъ меня на откровенность, высказавъ собственныя политическія воззрѣнія; и какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что я зналъ преобладаніе его вліянія, я съ особеннымъ удовольствіемъ сблизился съ нимъ; что вниманіе, съ которымъ онъ меня выслушалъ, готовность, которую онъ выражалъ для оказанія намъ помощи, особенно же отличія, полученныя мною въ это время отъ императрицы, удостовѣрили меня, что я не ошибся и, положившись на его обѣщанія, въ полной увѣренности, что онъ можетъ ихъ выполнить, я не сожалѣлъ о потерѣ тѣхъ выгодъ, которыя получалъ отъ прежнихъ моихъ союзниковъ и равнодушно смотрѣлъ на зависть и недоброжелательство министровъ императрицы и на то, какъ эти чувства постепенно усиливались по мѣрѣ усиленія моей дружбы съ нимъ. Я сказалъ, что не стану скрывать отъ него, что моя первая забота была насчетъ дѣла моего двора, а потому я началъ опасаться, что, передавъ ему попеченіе объ этихъ дѣлахъ, я придалъ слишкомъ большое значеніе какъ его собственнымъ выраженіямъ, такъ и вліянію и, можетъ быть, ошибся, принявъ его расположеніе за дѣйствительное намѣреніе; что въ такомъ случаѣ не я одинъ ошибся, такъ какъ графъ Панинъ и вся его партія были до такой степени убѣждены, что я получу отъ него (т. е. Потемкина) дѣйствительную помощь, что, когда они, отказавшись отъ меня, дали другое направленіе мыслямъ императрицы, это имъ дало поводъ не только къ торжеству, но въ то же время и къ удивленію; и что, пока они дивились, что ихъ слабый интересъ взялъ верхъ надъ его вліяніемъ, они не могли удержаться отъ удовольствія, совершенно для нихъ новаго, а именно выхваляться, что они побѣдили, обошли и обманули его; что, если бы онъ только зналъ, до какой степени это роняло его въ глазахъ общества, или бы могъ предвидѣть всѣ попытки, на которыя они теперь рѣшатся, одобренные этимъ первымъ успѣхомъ, я былъ убѣжденъ, что это возбудило бы его къ дѣятельности и что, въ видахъ собственной безопасности и славы, онъ не допуститъ дальнѣйшаго распространенія и усиленія ихъ мнѣній и партіи. Князь Потемкинъ выслушалъ меня съ особеннымъ вниманіемъ, и я видѣлъ по лицу его, что слова мои произвели на него впечатлѣніе. Онъ согласился со всѣмъ, чтò я сказалъ, насчетъ характера и чувствъ противной партіи, но никакъ не допускалъ, чтобы они имѣли возможность нанести существенный вредъ. Онъ отзывался объ нихъ съ величайшимъ презрѣніемъ и говорилъ, что, если бы и могъ отъ нихъ отдѣлаться, то онъ не видѣлъ никого, кто бы могъ лучше ихъ занять ихъ должности. Онъ увѣрялъ меня, что настоящее настроеніе императрицы будетъ непродолжительно, что вѣрнѣйшее средство дать ему пищу состояло именно въ противодѣйствіи и опроверженіи; предоставленная же сама себѣ, она, по его мнѣнію, не замедлитъ вернуться къ прежнимъ воззрѣніямъ. Лесть Франціи, хотя и нравилась ей, но не могла ее убѣдить.

Я отвѣчалъ ему, что, на сколько можно было судить по наружности, враги наши добились такого успѣха, что въ разговорѣ съ нимъ я не могъ не говорить весьма серіозно, не скрывая моего безпокойства; что, разговаривая съ другими, я сохранялъ болѣе спокойную наружность, но что спокойствіе это перейдетъ въ дѣйствительность лишь тогда, когда я увижу, что онъ примется за дѣло съ жаромъ и энергіей; что вслѣдствіе недостатка такой дѣятельности все, мною предложенное, встрѣчало неудачу; что если онъ не хотѣлъ сдѣлать ничего болѣе, лучше бы было, еслибы онъ и вовсе не принимался за дѣло, такъ какъ теперь въ глазахъ толпы настоящій оборотъ дѣла объяснится или тѣмъ, что онъ меня обманывалъ, или же тѣмъ, что онъ не имѣлъ возможности мнѣ помочь.

Онъ еще и еще разъ уговаривалъ меня быть спокойнымъ; увѣрялъ меня, что все дѣло поправится и что онъ достаточно знаетъ характеръ императрицы, чтобы быть убѣжденнымъ въ томъ, что́ онъ говоритъ.

27.

Петербургъ, 7-го Іюля 1780.

Французскій новый министръ [24]) не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха у императрицы; онъ сбился въ своей рѣчи въ данной ему аудіенціи и съ тѣхъ поръ не нравится ей своими фамильярными и недовольно почтительными манерами. Съ другой стороны она обращается со мной съ бо́льшимъ отличіемъ и благосклонностью, чѣмъ когда бы то ни было; и, еслибы опытъ не сдѣлалъ меня недовѣрчивымъ, я бы вслѣдствіе ея рѣчей пришелъ къ самымъ отраднымъ заключеніямъ. Я вижу ее ежидневно, и она постоянно выражаетъ свое удовольствіе при нашихъ успѣхахъ, желая въ тоже время, что бы они были еще полнѣе. Разсуждая со мной о послѣднихъ безпорядкахъ, происшедшихъ въ Лондонѣ, она сказала, что до нея дошло, что одинъ изъ ея подданныхъ былъ главнымъ образомъ замѣшанъ въ разрушеніи часовни Сардинскаго министра, но былъ освобожденъ по ходатайству Симолина. По словамъ ея, она сожалѣла, что ея министръ за него вступился и искренно бы желала, чтобы мы его судили; что во всякой странѣ иностранецъ, принявшій участіе въ мятежѣ, не заслуживаетъ милосердія; но въ государствѣ, гдѣ, какъ у насъ, законы были такъ кротки и мудры, онъ былъ вдвойнѣ виновенъ. Она прибавила, что, хотя онъ и избѣжалъ преслѣдованія правосудія въ Англіи, оно тѣмъ не менѣе ожидало его здѣсь и встрѣтитъ его тотчасъ же по возвращеніи его въ имперію. Я отвѣчалъ ей, что, такъ какъ ея милосердіе равнялось ея справедливости, то я надѣялся, что она не примѣнитъ къ нему особенно строгаго наказанія, объяснивъ его поступокъ заблужденіемъ, въ которое онъ былъ вовлеченъ дурнымъ примѣромъ и необузданностью молодости; что, конечно, по нашимъ законамъ, онъ былъ государственнымъ преступникомъ, но что какъ только стало извѣстно, что онъ принадлежалъ къ числу ея подданныхъ, почтеніе всего народа къ ея императорскому величеству заставило насъ взглянуть на дѣло снисходительнѣе и отпустить его безнаказаннымъ. Казалось, слова мои ей очень понравились, и она нѣсколько разъ увѣряла меня, что мы не обманемся въ нашемъ довѣріи.

28.

Петербургъ, 14-го Іюля 1780.

Графъ Фалькенштейнъ отправился изъ Петербурга въ среду. Онъ навсегда пошатнулъ вліяніе короля Прусскаго, нанеся ему ударъ столь сильный, что, кажется, король отъ него не оправится.

Но сколько мнѣ извѣстно, кромѣ одобренія деклараціи, высказаннаго имъ въ первый день по пріѣздѣ въ Могилевъ, болѣе въ формѣ комплемента, онъ вовсе не входилъ въ послѣдствія настоящей нейтральной лиги; также и о войнѣ нашей съ Бурбонскими Дворами

[24]) Де Веракъ.

онъ не упоминалъ иначе, какъ въ общихъ выраженіяхъ. Впрочемъ, и, употребляя общія выраженія, онъ тѣмъ не менѣе ясно намекнулъ на то, что его благожеланія на нашей сторонѣ и ни разу не пропустилъ случая посмѣяться надъ характеромъ Французской націи и надъ слабостью ихъ короля. Онъ считаетъ его даже ниже короля Неаполитанскаго. Самъ императоръ относился ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ и, такъ какъ онъ замѣтилъ, что императрица особенно отличала меня, то и послѣдовалъ ея примѣру. Онъ сказалъ мнѣ, и это совершенная правда, что если мнѣ удастся только выбить изъ головы императрицы принципы оппозиціи, она согласится сдѣлать для насъ все возможное, такъ какъ очевидно изъ ея собственнаго разговора, что она до энтузіазма расположена къ нашему народу, и ей препятствуетъ оказать намъ существенную пользу лишь то обстоятельство, что она раздѣляетъ мнѣнія оппозиціи. Хотя подарки, сдѣланные здѣсь императоромъ, многочисленны и великолѣпны, тѣмъ не менѣе получившіе ихъ далеко не довольны. И то правда, что при подобныхъ случаяхъ я никогда не припомню, чтобы лица, дѣлающія подарки, не считали, что дали слишкомъ много, а тѣ, кто ихъ получилъ, не считали, съ своей стороны, что имъ дано слишкомъ мало.

29.

Петербургъ, Вторникъ, 21-го Августа 1780.

Я провелъ часть прошлой недѣли въ деревнѣ князя Потемкина, въ Финляндіи. Съ нами не было никого, кромѣ избранной части его семейства; и когда онъ не находился въ ихъ обществѣ, то вполнѣ принадлежалъ мнѣ. Я, имѣвъ случай окончательно изучить его характеръ, дошелъ до убѣжденія, что ни съ кѣмъ въ цѣлой имперіи онъ бы не говорилъ такъ свободно и откровенно, какъ со мной. Онъ дѣйствительно и сильно расположенъ быть нашимъ другомъ и никогда меня не обманывалъ. Онъ вспомнилъ съ удивительной точностью все, что̀ произошло между нами и передалъ мнѣ отъ первой и до послѣдней конференціи все, что́ онъ сказалъ императрицѣ и что́ старался сдѣлать въ нашу пользу. Онъ говорилъ, что иногда она, какъ казалось, совершенно рѣшалась соединиться съ нами; но что мысль навлечь на себя насмѣшки короля Прусскаго и короля Французскаго, а еще болѣе того — опасеніе въ случаѣ неудачи потерять свою блестящую репутацію удерживали ее и что подъ такими впечатлѣніями она гораздо охотнѣе слушала разслабляющія рѣчи графа Панина, чѣмъ все, что́ онъ (Потемкинъ) могъ ей сказать; что, тѣмъ не менѣе въ настоящую минуту она начинала сознавать, что вліяніе ея министра завело ее слишкомъ далеко; и хотя она была слишкомъ горда, чтобы въ томъ сознаться, однако онъ былъ увѣренъ, что она сожалѣла, что такъ далеко и необдуманно вмѣшалась въ эту нейтральную лигу. Онъ называетъ ее „дитя интриги и безумія“, и доказываетъ, что мысль эта, представленная самой себѣ, не можетъ долго устоять.

Онъ прибавилъ также, что императрицѣ начиналъ надоѣдать ея любимецъ и что паденіе его было недалеко. „Когда дѣла идутъ спо„койно“, продолжалъ князь,“ тогда мое влі„яніе незначительно; но при первомъ встрѣ„чающемся затрудненіи я ей дѣлаюсь нуженъ, „и вліяніе мое опять достигаетъ самыхъ боль„шихъ размѣровъ. Такъ будетъ скоро, и „я, конечно, воспользуюсь обстоятельствами „такъ или иначе“. Онъ осмѣивалъ Датскій и Шведскій флоты; особенно послѣдній, который, по словамъ его, до того ветхъ, что достаточно сдѣлать королевскій салютъ, чтобы разорвать его на куски. Онъ, повидимому, раздраженъ противъ короля Прусскаго и имѣетъ врожденную антипатію къ Французамъ и Испанцамъ. Не было бы конца моему письму, если бы я хотѣлъ передать все, имъ сказанное. Во все время онъ былъ въ самомъ хорошемъ настроеніи, обнаруживая рѣдкое смѣшеніе ума, непостоянства, учености и веселости, подобное которому мнѣ еще не случалось встрѣчать. Его образъ жизни также

оригиналенъ, какъ и его характеръ: у него нѣтъ опредѣленныхъ часовъ ни для пищи, ни для сна, и намъ случалось кататься въ открытомъ экипажѣ въ полночь и подъ дождемъ.

Это посѣщеніе, сдѣланное мною, сильно обезпокоитъ Пруссаковъ и Французовъ, особенно потому, что не только ни одинъ иностранецъ, но никто изъ Русскихъ, за исключеніемъ его ближайшихъ родственниковъ, до сихъ поръ не принималъ участія въ этомъ ежегодномъ путешествіи. Очевидно, что одна только дружба моя съ нимъ придаетъ мнѣ такое значеніе въ глазахъ моихъ враговъ и вынуждаетъ ихъ нападать на меня съ такимъ ожесточеніемъ.

30.

Петербургъ, Вторникъ, 21 Іюля 1780.

Когда произошла попытка сжечь Русскій флотъ, всякій сталъ приписывать этотъ поступокъ тому народу, къ которому питалъ нерасположеніе. Графъ Панинъ обвинялъ въ томъ Англійскихъ моряковъ и убѣдилъ въ этой мысли великаго князя. Прусскій и Голандскій министры въ своихъ депешахъ увѣряли, что я подстрекнулъ на это дѣло, и почтмейстеры въ Мемелѣ и въ Кёнигсбергѣ, обыкновенно употребляемые отсюда для передачи всякой лжи, вмѣстѣ съ Клевской Газетой распространили самые нелѣпые и смѣшные толки. Я чувствовалъ, что, обращая на эти толки вниманіе, я бы самъ себя унизилъ; и, хотя я хорошо зналъ, что графъ Панинъ передастъ ихъ императрицѣ, тѣмъ не менѣе я предпочелъ лучше положиться на то, что́ (какъ я надѣялся) составляло твердое мнѣніе ея императорскаго величества о моей личности, чѣмъ обратиться въ подобномъ случаѣ къ помощи моихъ друзей. Событія подтвердили мои ожиданія: императрица приняла все это, какъ пустую сказку, и со времени своего возвращенія отличаетъ меня больше, чѣмъ когда бы то ни было. Противники мои однако слишкомъ ожесточены, чтобы упасть духомъ, и въ настоящую минуту они стараются распространить свои обвиненія посредствомъ грязныхъ агентовъ и грязныхъ способовъ. Предупрежденный насчетъ ихъ намѣреній и зная всякій шагъ, ими сдѣланный, я счелъ нужнымъ, прежде чѣмъ ихъ планъ окончательно созрѣлъ, открыть все дѣло князю Потемкину, не потому, чтобы я опасался ихъ успѣха, а потому, что я желалъ, чтобы императрица увидѣла свойства и нелиберальный характеръ моихъ противниковъ. Я также былъ весьма доволенъ такимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы представить мистера Сайра [25]) въ истинномъ свѣтѣ. Князь Потемкинъ немедленно подалъ мою бумагу и на другой же день передалъ мнѣ отвѣтъ императрицы ея собственными словами: „Нигдѣ Американецъ не можетъ повредить вамъ такъ мало, какъ у меня; „презирайте слухи, которые распространяютъ „также, будто я ихъ презираю: на меня они „не производятъ никакого впечатлѣнія, и я боялась бы васъ обидѣть, обративъ на нихъ „малѣйшее вниманіе.“

Какъ ни лестенъ былъ этотъ отвѣтъ, я не могъ не сознаться князю, что желалъ бы, чтобы этому дѣлу дали дальнѣйшій ходъ, такъ какъ я зналъ, что враги мои до тѣхъ поръ не перестанутъ распускать свою клевету, пока страхъ не заставитъ ихъ замолчать. Затѣмъ я передалъ ему, что мнѣ достовѣрно извѣстно, что графъ Герцъ въ разговорѣ съ пріятелемъ упомянулъ, что, хотя сознаетъ самъ, что распространяетъ ложь, однако принужденъ продолжать, потому что имѣлъ отъ своего короля положительное приказаніе во что́ бы то ни стало добиться моего удаленія. Голандецъ, хотя и не имѣетъ на то приказаній, однако дѣйствуетъ въ томъ же смыслѣ; а графъ Панинъ, такъ сказать, отпугнулъ всѣхъ моихъ сотоварищей отъ моего дома, присоединившись къ этой толпѣ клеветниковъ. Князь отвѣчалъ: „Имѣйте терпѣніе, „скрывайте ваше безпокойство; они перешли

---

[25]) Американскій агентъ въ Петербургѣ. Онъ обвинялъ Англичанъ въ поджогѣ и попробовалъ получить вознагражденіе за воображаемую потерю корабля, въ чемъ ему помѣшалъ сэръ Джемсъ Гаррисъ, обнаружившій его обманъ.

„за всякія границы, и если вы только предо-„ставите ихъ собственному произволу, они „сами себя уничтожатъ“.

31.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 28-го Іюля 1780 г.

Р***, Русскій офицеръ, взятый въ дѣлѣ разрушенія часовни г. де-Кордона [26]), но вслѣдъ за тѣмъ освобожденный, прибылъ въ Кронштадтъ подъ фальшивымъ именемъ, въ прошлый четвергъ. Онъ скоро былъ узнанъ, и императрица немедленно приказала его арестовать. Ему однако удалось оттуда бѣжать, и его нашли нераньше, какъ вчера утромъ, въ минуту, когда онъ готовился отплыть въ Голандію. Его взяли, и теперь онъ въ крѣпости. Вамъ, милордъ, вѣроятно извѣстно, что онъ незаконный сынъ графа ****, фамиліи чрезвычайно значительной здѣсь; что онъ любимецъ отца и что мѣра эта, разумѣется, производитъ здѣсь сильное впечатлѣніе, заявляя во мнѣніи всѣхъ Русскихъ предпочтеніе къ Англіи гораздо въ большéй степени, чѣмъ, какъ я опасаюсь, оно есть на самомъ дѣлѣ.

Потемкинъ, передававшій мнѣ все это вчера, казалось, хотѣлъ намекнуть, что, по мнѣнію его, тутъ кроется что-то весьма нехорошее, и что даже сама императрица имѣетъ основанія къ подозрѣнію, что Р*** дѣйствовалъ не самъ отъ себя. Не имѣя на этотъ счетъ никакихъ свѣдѣній, я не могъ ни согласиться съ этими предположеніями, ни оспаривать ихъ; я только посовѣтовалъ ему отъискать его бумаги, между которыми я знаю, что онъ найдетъ письмо графа Панина, дающаго ему совѣтъ удалиться изъ страны.

32.

НОТА ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 21 Августа 1780.

Р*** все еще заключенъ въ крѣпости. Онъ былъ строго допрошенъ, но изъ допроса его не оказалось ничего, кромѣ большаго сумасбродства и расположенія къ волненіямъ и шалостямъ. Между бумагами его тоже не было найдено ничего особеннаго. Друзья его желали бы, чтобы его отправили въ монастырь, куда заключаютъ на покаяніе людей порочныхъ; но императрица, кажется, рѣшила, что онъ будетъ сосланъ въ Сибирь.

33.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 28-го Августа 1780.

Его королевское высочество принцъ Прусскій пріѣхалъ сюда въ среду вечеромъ въ сопровожденіи графа Герца и Фитингофа.

Свиданіе, происходившее между нимъ и императрицей вчера утромъ съ величайшей церемоніей и этикетомъ, кажется, мало удовлетворило обоихъ. Онъ не понравился ей своей угловатостью, сдержанностью и неловкостью; а ея пріемъ показался ему холоднымъ, форменнымъ и ничего не обѣщающимъ. Въ теченіи вечера дѣла не поправились; и императрица, не смотря на то, что находилась въ Эрмитажѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ весьма разговорчива, обращала на него не болѣе вниманія, чѣмъ того требовало приличіе.

34.

Петербургъ, 4-го Сентября 1780.

Я употребляю всевозможныя усилія, чтобы возбудить къ дѣятельности князя Потемкина. Очевидно, что настоящая минута весьма удобна для того, чтобы ему приняться за дѣло, но его медлительность и лѣность ни съ чѣмъ несравнимы. Я провелъ съ нимъ весь вчерашній и весь сегодняшній день и выставлялъ ему всѣ побужденія, которыя только могъ отъискать, съ цѣлью заставить его дѣйствовать состоятельно и съ бóльшей энергіей. Онъ соглашается со всѣмъ, что̀ я доказываю, обѣщаетъ все, о чемъ я ни прошу, но отвлекается отъ самаго выполненія какой-нибудь грязной придворной интригой или еще менѣе

---

[26]) См. выше, депешу 28-ю. Кто этотъ Р., мы не знаемъ положительно. Не Ронцовъ ли? *П. Б.*

важнымъ дѣломъ. Однако, я долженъ отдать ему справедливость, сказавъ, что онъ былъ весьма полезенъ при полученіи положительнаго отказа [27]) на предложеніе касательно гарантіи, которая иначе была бы дана въ самыхъ двусмысленныхъ выраженіяхъ. Онъ увѣряетъ меня, что мнѣ будетъ назначено частное свиданіе и, какъ говорилъ я ему сегодня утромъ, я приму это съ его стороны за доказательство искренности его дружбы.

35.

Петербургъ, 15-го Сентября 1780.

Вы, милордъ, замѣтите изъ того, какъ принцъ Прусскій проводитъ время, небольшой успѣхъ, имъ сдѣланный. Вчера были употреблены величайшія усилія для того, чтобы уговорить императрицу устроить при Дворѣ праздникъ; но она положительно отказалась. Въ воскресенье она внезапно прервала карточную игру; и такъ какъ я сидѣлъ подлѣ нея, то она ясно дала мнѣ понять, что причиной того былъ принцъ Прусскій, сидѣвшій по другую сторону отъ нея и утомившій ее своей вялостью. Обращеніе ея съ принцемъ де-Линь составляетъ очевидный и намѣренный контрастъ съ ея поведеніемъ относительно Прусскаго принца, и ничто такъ не оскорбляетъ его и его друзей, какъ удовольствіе, находимое ею и княземъ Потемкинымъ въ обществѣ принца де-Линя.

Онъ былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ въ этомъ случаѣ, и я постараюсь уговорить его пробыть здѣсь еще недѣлю, такъ какъ онъ обладаетъ талантомъ подъ видомъ шутокъ передавать императрицѣ самыя важныя истины. Графъ Кобенцель кажется совершенно пораженнымъ, и хотя ему представляется золотой случай къ окончанію того, что̀ началъ его повелитель, тѣмъ не менѣе онъ этимъ нисколько не пользуется.

[27]) Голандскіе уполномоченные просили императрицу выдать имъ гарантію на всѣ ихъ владѣнія. Она отказала имъ, сказавъ, что не можетъ гарантировать ихъ владѣній ни въ Европѣ, ни внѣ ея, но охотно допуститъ генеральные-штаты къ конвенціи, недавно подписанной тремя сѣверными государствами.

36.

Петербургъ, 22 Сентября 1780.

Вчера утромъ его королевское высочество принцъ Прусскій присутствовалъ при публичномъ засѣданіи Академіи и ужиналъ въ небольшомъ обществѣ у князя Потемкина. Въ воскресенье онъ обѣдалъ и ужиналъ съ ихъ императорскими высочествами, а вчера провелъ вечеръ у графа Кобенцеля.

Его королевское высочество старается привлечь на свою сторону князя Потемкина и, если возможно, съ помощью его вліянія добиться болѣе благосклоннаго пріема у императрицы, хотя подъ конецъ своего пребыванія. Не думаю однако, чтобы это ему удалось, и даже въ такомъ случаѣ едва ли бы само вліяніе князя Потемкина оказалось достаточнымъ, чтобы заставить императрицу преодолѣть антипатію, которую она къ нему получила. Она уже всячески намекала ему, что ей было бы весьма пріятно, еслибы онъ поскорѣе назначилъ день своего отъѣзда и наконецъ приказала своему частному секретарю прямо объявить графу Панину, что онъ долженъ стараться выпроводить отсюда его королевское высочество какъ можно скорѣе, такъ какъ она чувствовала, что въ случаѣ, если его пребываніе продлится, она не выдержитъ, чтобы не сказать ему что-нибудь жесткое. Какъ ни покажется это страннымъ, могу васъ увѣрить, милордъ, что это фактъ. Въ обществѣ она относится къ нему съ сдержанностью и холодностью, вовсе не похожими на ея характеръ и никогда не разговариваетъ ни съ кѣмъ изъ его свиты. Въ пятницу въ маскарадѣ и въ субботу при Дворѣ онъ не игралъ съ нею въ карты; это было тѣмъ замѣчательнѣе, что для того, чтобы принять меня въ игру (такъ какъ я пришелъ, когда партія уже началась) она заставила князя Барятинскаго уступить мнѣ свое мѣсто.

Обращаясь съ Прусской партіей съ такимъ необыкновеннымъ пренебреженіемъ, она въ тоже время оказываетъ величайшее вниманіе ко всему, что̀ относится до Вѣнскаго двора.

Она сказала графу Кобенцелю въ присутствіи принца Прусскаго и всей его свиты, что ни одного дня не проходило безъ того, чтобы она не вспоминала графа Фалькенштейна, сожалѣя объ его отъѣздѣ; въ разговорахъ же съ принцемъ де-Линемъ она очень щедра на всякое изъявленіе уваженія и восхищенія, внушаемаго ей его императоромъ. Это обращеніе, столь различное отъ того, на что̀ принцъ Прусскій разсчитывалъ и которое по возвращеніи его непремѣнно навлечетъ на него неудовольствіе и гнѣвъ дяди, такъ его разстроило, что онъ еще болѣе стѣсненъ, чѣмъ въ Берлинѣ.

37.

Петербургъ, 25 Сентября 1780.

Отъѣздъ князя Потемкина въ настоящую минуту справедливо разсматривается, какъ доказательство невниманія къ принцу Прусскому. Я пробылъ съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ сѣлъ въ карету. Когда всѣ удалились, мы съ нимъ имѣли весьма продолжительный и интересный разговоръ. Онъ былъ сообщительнѣе, чѣмъ обыкновенно и говорилъ о характерѣ императрицы, о настоящемъ состояніи имперіи и о личномъ своемъ положеніи, обнаруживая самое глубокомысленное сужденіе и проницательность и доказывая въ тоже время самое полное довѣріе къ моей сдержанности и умѣнью сохранить тайну.

Я увѣренъ въ неудачѣ всякой попытки, на которую только могли пуститься Пруссаки съ тѣмъ, чтобы привлечь его на свою сторону, и теперь ничто, кромѣ чуда, не можетъ произвести перемѣны въ поведеніи или чувствахъ императрицы относительно королевскаго принца. Въ эти три дня я былъ свидѣтелемъ случаевъ, въ которыхъ она оказывала ему столько пренебреженія и невниманія, что я удивлялся его терпѣнію и хладнокровію. Во вторникъ у шталмейстера Нарышкина, она не только не играла съ нимъ, но даже не пригласила его ужинать за своимъ собственнымъ столомъ, куда были допущены лишь я, ея любимецъ и князь Потемкинъ. Вчера въ маскарадѣ она явилась въ маскѣ и, тотчасъ же подойдя ко мнѣ, выразила желаніе, чтобы я сопровождалъ ее по комнатамъ, сказавъ: „Ne me quittez pas de toute la soirée; je vous ai fait chevalier, et je veux, que vous me défendiez contre les ennuyeux [28]).“ Она пробыла въ маскарадѣ отъ семи до десяти часовъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на принца, ни на его приближенныхъ; да и вообще не относилась почти ни къ кому, кромѣ меня и лэди Гаррисъ. Вы, милордъ, можете легко догадаться, до какой степени эти отличія безпокоятъ моихъ враговъ и сколько зависти внушаютъ они моимъ сотоварищамъ. Я же чувствую себя совершенно несчастнымъ отъ сознанія, что, хотя пользуясь этими отличіями въ столь необыкновенныхъ размѣрахъ, но не могу извлечь изъ нихъ тѣхъ единственныхъ выгодъ, о которыхъ прошу; что ничего изъ предпринимаемаго мной не удается и что тѣ, кого она очевидно презираетъ и съ кѣмъ она дурно обращается, не смотря на то, кажется, управляютъ ея политическими чувствами и образомъ дѣйствій.

38.

Петербургъ, 29-го Сентября 1780.

Его королевское высочество назначилъ будущую субботу днемъ своего отъѣзда. Онъ подарилъ графу Панину свой портретъ въ кольцѣ съ однимъ крупнымъ брилліантомъ, а генералъ-маіоръ Потемкинъ получилъ отъ него табакерку и перстень, осыпанный бриліантами.

Императрица въ своихъ подаркахъ будетъ менѣе щедра, чѣмъ обыкновенно. Она приготовляетъ для принца предметъ цѣною въ 8000 р. с., четыре куска золотой и серебряной парчи, сорокъ фунтовъ ревеню и столько же чаю. Графъ Герцъ получитъ красивую табакерку, братъ его—перстень съ однимъ камнемъ, а остальныя лица будутъ одарены сообразно съ этимъ.

---

[28]) Переводъ: «Не отходите отъ меня весь вечеръ. Я дѣлаю васъ своимъ рыцаремъ и хочу, чтобы вы защищали меня отъ докучливыхъ людей.»

39.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, Вторникъ, 29-го Сент. 1780.

Я давно уже не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что гр. Панинъ и г. де Верженъ вполнѣ понимаютъ другъ друга [29]), и ваше сообщеніе, милордъ, подтверждаетъ мое мнѣніе. Теперь я поставилъ себѣ цѣлью открыть глаза императрицѣ на этотъ предметъ, или по крайней мѣрѣ узнать, принимаетъ ли она участіе въ этой тайнѣ. Если такъ, то всѣ мои усилія окажутся безполезными. Въ противномъ же случаѣ она должна была потерять всякое сознаніе собственнаго достоинства, интересовъ своей націи и даже личной безопасности, если, видя роль, выполняемую ея министромъ, и ошибки, въ которыя онъ вовлекъ ее, она еще не очнулась и не возвратилась къ единственному пути, по которому она можетъ слѣдовать съ достоинствомъ и безопасностью.

40.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 2-го Октября 1780 г.

Въ поведеніи императрицы не произошло до самаго конца ни малѣйшей перемѣны. Она по прежнему выражала отвращеніе и скуку всякій разъ, какъ появлялся ея посѣтитель, и, говоря объ немъ, всегда ставила его таланты и способности на самую низкую степень. Не смотря на могущественныхъ друзей и союзниковъ, пріобрѣтенныхъ здѣсь его партіей, мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ не достигъ успѣха ни въ чемъ изъ того, что̀ предпринялъ; что онъ не только не поколебалъ, а, напротивъ того, усилилъ высокое мнѣніе императрицы насчетъ графа Фалькенштейна, и что онъ уронилъ интересы своего дяди еще ниже противъ прежняго, вмѣсто того, чтобы ихъ возвысить. Князь Потемкимъ не желалъ, чтобы его племянница устроила въ его честь ужинъ. Словомъ, онъ уѣхалъ отсюда съ неудовольствіемъ и отвращеніемъ.

41.

Петербургъ, 6-го Октября 1780.

Теперь мнѣ слѣдуетъ дать вамъ, милордъ, отчетъ въ томъ, какимъ образомъ я исполнилъ приказанія, заключавшіяся въ вашемъ письмѣ [30]). Обыкновеннымъ министерскимъ путемъ я былъ увѣренъ, что чувства и намѣренія его величества или вовсе не дойдутъ до императрицы, или будутъ ей переданы въ столь искаженномъ видѣ, что произведутъ результаты діаметрально противоположные тѣмъ, которые бы они должны были вызвать. Князь Потемкинъ былъ единственнымъ лицомъ, на кого я могъ положиться, и, какъ вы увидите, милордъ, изъ письма моего отъ 1-го Сентября, я предупредилъ ваши предписанія въ разговорѣ, который имѣлъ съ нимъ въ то время.

Я представилъ ему въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, до какой степени необходимо, чтобы сущность нашего разговора была правдиво и безпристрастно передана императрицѣ, чтобы она могла увидѣть, пока еще не слишкомъ поздно, опасности, которымъ она подвергала Англію, затрудненія навлекаемыя ею на себя, и наконецъ погибель, на которую она обрекала Голандію, соединясь съ этимъ народомъ для поддержанія неправильныхъ притязаній и неблагодарнаго поведенія. Я не имѣлъ другихъ видовъ, кромѣ желанія предупредить ея величество на счетъ опасной почвы, на которую она вступала, открыть ей глаза на собственое ея благосостояніе и интересы и отговорить ее, пока еще было возможно, отъ мѣры, которая неминуемо влекла за собой самыя пагубныя послѣдствія, какъ для нея самой, такъ и для ея лучшихъ друзей. Я сказалъ Потемкину, что онъ единственный человѣкъ, къ

---

[29]) Французскій дворъ сообщилъ графу Панину тайную статью договора съ Испаніей.

[30]) Депеша лорда Стормонта отъ 19-го Сентября предписывала сэру Джемсу употребить на императрицу все свое вліяніе, чтобы отговорить ее отъ оказанія помощи Голандцамъ.

кому я могъ обратиться, и что, если теперь онъ будетъ также медлить передачею моихъ словъ императрицѣ, какъ это съ нимъ случалось не одинъ разъ, то я предвижу, что между обоими дворами произойдетъ окончательное раздѣленіе, и въ несогласіи этомъ бо́льшая часть отвѣтственности выпадетъ на его долю. Я просилъ его извинить мою откровенность и т. д.

На это онъ сказалъ мнѣ, и я убѣжденъ въ совершенной правдивости его словъ, что въ послѣднее время враги его увѣрили императрицу, что онъ вовсе несвѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и поступаетъ единственно подъ впечатлѣніями, мной ему навѣянными, нимало не соображаясь съ благомъ имперіи и съ ея личной славой. Тѣмъ не менѣе, когда я повторилъ ему, что это было бы рѣзкое несчастіе, еслибы двѣ большія имперіи поссорились единственно потому, что духъ партій и предубѣжденныя личности мѣшаютъ императрицѣ выслушать простую истину, онъ обѣщалъ мнѣ похлопотать о томъ, чтобы она приняла меня наединѣ, увѣряя, что до тѣхъ поръ ему никакъ не удавалось устроить это частное свиданіе, не смотря на то, что императрица обѣщала его нѣсколько разъ.

42.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 16-го Октября 1780.

Мнѣ не удалось получить болѣе подробныхъ свѣдѣній насчетъ намѣренія императрицы предложить свое посредничество [31]). Князь Потемкинъ объявилъ, что ничего не знаетъ объ этой мѣрѣ и что ничего на этотъ счетъ не находится между бумагами, къ нему присылаемыми. Между тѣмъ я увѣренъ въ этомъ фактѣ и въ томъ, что курьеръ съ этой бумагой будетъ отправленъ въ Лондонъ черезъ нѣсколько дней. Не въ моей власти открыть основаніе, на которомъ дѣйствуетъ императрица. Тайна эта заключена въ ея собственной груди; но ея увѣренія въ уваженіи и дружбѣ къ королю и всей нашей націи еще въ прошлую среду были такъ сильны и необычайны для публичной аудіенціи, что если за всѣмъ этимъ скрываются коварныя и враждебныя намѣренія, то подобное лицемѣріе помрачитъ блескъ ея царствованія и навсегда уронитъ ея репутацію. Я нахожу, что съ каждымъ днемъ затруднительнѣе вести здѣсь дѣла. Князь Потемкинъ или не можетъ, или боится мнѣ помочь, а враги мои заняли всѣ остальные пути ко двору.

43.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, Пятница, 23-го Октября 1780 г.

Когда графъ Панинъ высказалъ все, что́ только могъ придумать насчетъ Русскихъ кораблей, захваченныхъ нашими крейсерами, онъ пустился въ разсужденія касательно настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ; и при этомъ я долженъ съ сожалѣніемъ сознаться, что онъ говорилъ со всѣмъ не такъ, какъ бы подобало Русскому министру. Онъ ставилъ весьма высоко осторожность, умѣренность и прекрасный образъ дѣйствій нашихъ враговъ и, осыпая ихъ похвалами, тѣмъ самымъ косвенно осуждалъ насъ. Онъ много распространялся объ ихъ силѣ, средствахъ и энергіи; и на этомъ основаніи, доказывая, что мы во всѣхъ отношеніяхъ стоимъ ниже ихъ въ войнѣ, въ которую вступили, а потому отъ нея нельзя ожидать никакихъ послѣдствій, кромѣ самыхъ гибельныхъ, настоятельно совѣтовалъ намъ заключить миръ. Миръ, прибавляетъ онъ, теперь сдѣлался для насъ необходимостью; опытъ научилъ насъ, что и въ морской войнѣ мы можемъ быть пересилены; и потому мы должны убѣдиться, до какой степени невозможно для насъ удержаніе первенства на морѣ и тѣхъ правъ, съ онымъ соединенныхъ, которыми мы въ прошедшія войны пользовались только вслѣдствіе случайнаго стеченія обстоя-

[31]) Императрица предложила быть посредницей между воюющими державами: Англіей, Франціей и Испаніей.

тельствъ; что тому противилось общее расположенiе всей Европы и что наши самые искреннiе доброжелатели не могли дать намъ болѣе сильнаго доказательства своей дружбы, какъ совѣтуя намъ миръ на условiяхъ, совпадающихъ съ мыслями всѣхъ воюющихъ державъ.

Слова его были гораздо безсвязнѣе и отрывистѣе, но я передаю сущность имъ высказаннаго. Когда онъ окончилъ рѣчь, я спросилъ его: говорилъ ли онъ вслѣдствiе приказанiй, полученныхъ имъ отъ императрицы, и долженъ ли я принимать все, слышанное мной, за выраженiе ея чувствъ, или то было только его личное мнѣнiе? Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ по этому предмету никакихъ приказанiй отъ императрицы, а выражаетъ мнѣ собственное свое мнѣнiе, какъ доказательство своего уваженiя. Я сказалъ ему, что малѣйшее заявленiе подобныхъ чувствъ съ его стороны доставляетъ всегда величайшее удовольствiе нашему Двору, расположенному смотрѣть на него, какъ на дружественнаго министра дружелюбнаго Двора; что онъ не могъ бы быть истиннымъ другомъ своей страны, будучи врагомъ нашей; что я вполнѣ сознавалъ, что миръ — событiе весьма желатетьное, но съ другой стороны я слишкомъ хорошо зналъ характеръ нацiи, къ которой самъ принадлежу, чтобы не быть увѣреннымъ, что вся страна охотнѣе согласится нести всю тяжесть войны и подвергаться ея опасностямъ, чѣмъ купить миръ цѣною недостойныхъ уступокъ; что въ поведенiи нашихъ враговъ я вижу большую долю лести, много хитрости и безконечное хвастовство; что я отъ души вѣрю, что ихъ средства были по бо́льшей части уже истощены и рѣшительно всѣ извѣстны, между тѣмъ какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что у насъ остаются въ запасѣ средства совершенно нетронутыя; что наша сила всякiй разъ, какъ ей приходилось заявлять себя, оказывалась непоколебленной, и что его превосходительство, вѣроятно, вспомнитъ, что мы сражаемся не за мысль о преобладанiи, но защищаемся противъ самаго несправедливаго нападенiя, когда либо дѣланнаго на свободу и достоинство нацiи.

Въ отвѣтъ на это графъ Панинъ постарался доказать, что честь Францiи была въ опасности и защищалъ интересы Бурбоновъ съ такимъ же жаромъ, но съ меньшимъ краснорѣчiемъ, чѣмъ бы то сдѣлалъ министръ Версальскiй; онъ, казалось, совершенно забывалъ нашу честь также, какъ и первоначальную причину войны; и еслибы мнѣ оставалось еще на этотъ счетъ сомнѣнiе, окончательно бы убѣдилъ меня, что отъ него мы не можемъ ожидать ничего, кромѣ зла. Думалъ ли онъ, что, сбросивъ такимъ образомъ маску, онъ запугаетъ и смутитъ меня или, напротивъ, надѣялся онъ подѣйствовать на меня всѣми дружественными выраженiями, которыми онъ украшалъ свою рѣчь — этого я не берусь рѣшить.

П р и м ѣ ч а н i е. Голандская республика становилась съ каждымъ днемъ враждебнѣе въ своихъ чувствахъ и дѣйствiяхъ. Непопулярность штатгальтера, надежда вступить въ новую и выгодную торговлю съ Америкой, обѣщанiя Францiи поддержать Голандцевъ и успѣхи возмутившихся Англiйскихъ колонiй способствовали къ тому, что они стали прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Ихъ еще болѣе подстрекнуло принятiе ихъ въ вооруженный нейтралитетъ. Сэръ Iосифъ Iоркъ требовалъ отъ нихъ пособiй, которыя они обязаны были оказывать Англичанамъ въ силу трактата 1716 и возвращенiя добычи Поля Джонса, захваченной ими и, въ Мартѣ 1780, вслѣдствiе ихъ отказа, объявилъ штатамъ, что Англiя считаетъ ихъ лишившими себя всѣхъ привиллегiй, которыми они пользовались по смыслу прежнихъ договоровъ.

Послѣ этого, бумаги г. Лоренса, президента конгресса, были схвачены и между ними нашли договоръ, союза „торговли между Голандской республикой и Американскими Соединенными Штатами.“ Англiя вслѣдствiе такого безчестнаго поступка своей союзницы объявила Голандiи войну 20-го Декабря, и те-

перь очутилась одна въ борьбѣ съ четырьмя націями, изъ которыхъ три послѣ нея самой были самыя могущественныя морскія державы.

44.

Петербургъ, 17-го Ноября 1780 г.

Графъ Панинъ употребляетъ всевозможныя пружины съ цѣлью содѣйствовать успѣху переговоровъ Голандіи съ Россіей [32]) Онъ съ величайшимъ трудомъ скрываетъ отъ ея императорскаго величества раздѣленіе, происшедшее въ совѣтахъ республики, увѣряя, что мысли всѣхъ штатовъ по этому предмету совершенно единодушны. Къ счастію, сэръ Іосифъ Іоркъ даетъ мнѣ возможность сообщать ей на этотъ счетъ болѣе справедливыя извѣстія, и такъ какъ я увѣренъ, что она никогда не вступитъ въ союзъ съ меньшинствомъ провинцій, то все еще сохраняю надежду, что она не допуститъ ихъ сдѣлаться членами ея любимой конфедераціи иначе, какъ если всѣ семь штатовъ согласятся на одномъ мнѣніи.

45.

ПИСЬМО ГАРРИСА РОБЕРТУ КЕЙТУ ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 29-го Ноября 1780.

Посѣщеніе императора должно вездѣ оставлять самыя пріятныя впечатлѣнія, и я желалъ бы, чтобы мы могли принять его въ Англіи или уже съ оливковой вѣткой въ рукѣ, или по крайней мѣрѣ какъ ея предвѣстника. Я подробно передавалъ вамъ въ то время, до какой степени его императорское величество сошелся въ мнѣніяхъ съ императрицей Русской и заслужилъ ея уваженіе и одобреніе. Эти благопріятныя чувства, какъ мнѣ извѣстно, столь глубоко укоренились, что ихъ уже нельзя поколебать, даже и въ томъ случаѣ, еслибы онъ, по отъѣздѣ отсюда, не старался объ ихъ поддержаніи; но его дальнѣйшее поведеніе и многія доказательства его уваженія навсегда упрочили за нимъ дружбу императрицы. Я увѣренъ, что слѣпое довѣріе ея къ королю Прусскому никогда не достигало тѣхъ размѣровъ, до которыхъ теперь дошла ея горячая и сознательная привязанность къ графу Фалькенштейну. Онъ не пропустилъ ни одного случая ей понравиться. И въ томъ настроеніи, въ которомъ она находилась, всякій его шагъ былъ ей пріятенъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что всякое средство, придуманное человѣческой хитростью, было пущено въ ходъ съ цѣлью поколебать ея предпочтеніе. Прусскіе агенты довели до крайности свои изобрѣтательныя способности. Они начали съ распространенія здѣсь разговора, будто бы веденнаго императоромъ по возвращеніи его въ Вѣну и наполненнаго оскорбленіями для государыни, съ которой онъ только что разстался; они собрали въ этотъ созданный ими разговоръ всѣ замѣчанія и осужденія, которыя, по мнѣнію ихъ, должны были непремѣнно обидѣть императрицу и довели клевету свою до увѣренія, что графъ Фалькенштейнъ заключилъ съ младшимъ Дворомъ условія, клонящіяся къ величайшей ея невыгодѣ. Какъ ни страннымъ это покажется, но я могу положительно утверждать, что слухи эти были поддержаны, подъ рукой, Французской партіей. И хотя де-Веракъ многимъ обязанъ безграничному довѣрію, которое графъ Кобенцель (вѣроятно, по приказанію своего Двора) оказываетъ ему; однако, какъ самъ онъ, такъ и вся его партія смотрятъ съ величайшимъ безпокойствомъ и завистью на возвышеніе здѣсь Австрійскихъ интересовъ. Ихъ выгоды тѣсно связаны съ упроченіемъ Прусскаго вліянія, и потому все, что его уменьшаетъ, сильно ихъ тревожитъ. Словомъ, Прусскій и Французскій министры дѣйствуютъ также единодушно, какъ еслибы первый изъ нихъ принадлежалъ къ семейному трактату: у нихъ одна общая цѣль, они стараются о поддержаніи одного общаго имъ интереса, и я думаю, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшается на какой-либо важный шагъ, не посовѣтовавшись предварительно съ другимъ. Графъ Панинъ является покровителемъ обо-

[32]) Насчетъ принятія Голандцевъ къ участію въ конвенціи.

ихъ и столько же ненавидитъ Австрійцевъ, какъ и Англичанъ.

Во всей моей политической карьерѣ я не знаю событія, которое бы дало мнѣ столько радости, какъ еслибы мнѣ удалось въ какомъ бы ни было отношеніи послужить орудіемъ къ составленію тройнаго союза между обоими императорскими Дворами и нашимъ, и пока это не произойдетъ, я никогда не признаю свободу Европы безопасною, и не думаю, чтобы при такихъ обстоятельствахъ прочный миръ былъ возможенъ.

Всѣ члены совѣта Русской императрицы выставляютъ на видъ необходимость насъ смирить; доказываютъ, что мы слишкомъ высокомѣрны и предпріимчивы; что мы морскіе тираны и т. д. Неосновательность всѣхъ этихъ обвиненій въ то время, какъ мы съ трудомъ защищаемся отъ Америки и половины Европы,—очевидна; но доходятъ они до императрицы въ соединеніи съ такой лестью и до того искаженныя софизмами и ложью, что, хотя я увѣренъ, что все это не убѣждаетъ ее, однако это не можетъ не оставлять въ умѣ ея нѣкоторыхъ сомнѣній.

Тѣмъ не менѣе я все еще думаю, что намъ нечего опасаться. Императрица никогда не станетъ нашимъ открытомъ врагомъ, а противъ остальной части Европы, я увѣренъ, что мы не только устоимъ, но и отомстимъ оскорбленія, намъ нанесенныя. Послѣднее событіе, открытое между бумагами Лоренса, даетъ новый оборотъ нашимъ дѣламъ съ Голандіей; исходъ этого дѣла долженъ неминуемо опредѣлиться, и мы, вѣроятно, нанесемъ этой конвенціи ударъ подъ самый корень, отнявъ у Голандцевъ ихъ названіе нейтральнаго народа. Они неблагодарные, низкіе и безчувственные невѣжи; и если ихъ ожидаетъ погибель, они ея вполнѣ заслужили.

46.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 1-го Декабря 1780 г.

Императрица увидѣла изъ пересмотра нашихъ писемъ, что общее мнѣніе [33]), приписывало отставку графа Бернсдорфа уваженію къ ея чувствамъ. Она сдѣлала графу Панину строгій выговоръ за то, что онъ осмѣлился употребить ея имя безъ ея вѣдома; но я не думаю, чтобы этотъ выговоръ имѣлъ какія либо послѣдствія.

Датскій повѣренный въ дѣлахъ, по моему убѣжденію, служилъ какъ ему, такъ и всей Прусской партіи, на сколько достало его силъ, и, какъ мнѣ кажется, былъ соблазненъ или дѣйствительнымъ денежнымъ вознагражденіемъ, или по крайней мѣрѣ обѣщаніемъ такого свойства.

Ударъ, нанесенный его Прусскимъ величествомъ нашимъ интересамъ въ Копенгагенѣ, его предложеніе на счетъ займа для вооруженія ихъ флота, поспѣшность, съ которой это вооруженіе было предписано,—все это вмѣстѣ не оставляетъ мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ надѣется возстановить здѣсь свое вліяніе, выражая со всѣмъ свойственнымъ ему искусствомъ сочувствіе проэкту, который онъ считаетъ за любимую мысль императрицы.

47.

Петербургъ, 8-го Декабря 1780 г.

Голандскій курьеръ привезъ членамъ комиссіи уполномоченіе подписать нейтралитетъ въ томъ видѣ, какъ его предлагаетъ здѣшній Дворъ. Хотя, по собственному ихъ отзыву, резолюція одобрена лишь пятью провинціями, тѣмъ не менѣе уполномочія даны отъ имени штатгальтера; и кромѣ того получено еще самое лестное письмо, адресованное императ-

[33]) Первый министръ въ Копенгагенѣ графъ Бернсдорфъ противился конвенціи и стоялъ за Британскіе интересы.

рицѣ отъ имени республики. Я узналъ, что, какъ только согласятся насчетъ всѣхъ условій, они предъявятъ письма, назначающія ихъ посланниками и уже въ этомъ званіи подпишутъ конвенцію. Мнѣ также сообщали, что по окончаніи этого дѣла имъ предписано предложить торговый договоръ и что они уполномочены заключить его на условіяхъ крайне выгодныхъ для Россіи. Оба они, особенно же Старенбергъ, имѣли постоянныя конференціи съ Русскимъ министромъ, при чемъ нашли въ немъ больше готовности и усердія, чѣмъ могли ожидать. Онъ обѣщалъ имъ полный успѣхъ во всемъ и, чтобы скорѣе его достигнуть, обнаружилъ дѣятельность, которой за нимъ никогда нельзя было подозрѣвать. Онъ лишилъ себя общественныхъ удовольствій и на нѣсколько часовъ сократилъ свой сонъ, чтобы приготовить всѣ бумаги, нужныя для представленія императрицѣ. Кромѣ маморіала, поданнаго ему Голандцами, онъ намѣревается подать еще одинъ, составленный имъ самимъ и убѣждающій государыню, не теряя времени, вступить въ этотъ союзъ, который онъ изображаетъ ей, какъ самый полезный для имперіи и наиболѣе соотвѣтствующій ея славѣ.

48.

Петербургъ, 13-го Декабря 1780 г.

Считаю лишнимъ обременять васъ, милордъ, подробнымъ перечисленіемъ всего сдѣланнаго мной въ продолженіи послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ я имѣлъ нѣсколько конференцій съ графомъ Панинымъ и ежедневныя съ княземъ Потемкинымъ.

Разговаривая съ ними, я никогда не терялъ изъ виду главнаго предмета моихъ инструкцій, на которомъ вы, милордъ, такъ основательно настаиваете, т. е. открытія истинныхъ чувствъ этого Двора; я постоянно старался дойти до справедливаго убѣжденія насчетъ того, дѣйствительнно ли эти чувства намъ враждебны, или эта кажущаяся враждебность есть только плодъ изобрѣтательности нашихъ враговъ и ихъ умѣнья склонять на сторону своей партіи чуть ли не всякое вліятельное въ государствѣ лицо.

Голандцы будутъ допущены къ участію въ нейтральной лигѣ; уполномоченные уже сдѣлались посланниками, и теперь, по всей вѣроятности, Голандія, ослѣпленная мыслью о Русскомъ покровительствѣ, сама поспѣшитъ къ собственной погибели, такъ какъ я увѣренъ, что здѣсь она уже получила единственную выгоду, на которую могла разсчитывать, и что императрица никогда не поддержитъ Голандцевъ ни въ одной изъ ихъ крайностей.

Князь Потемкинъ, который, какъ я и прежде упоминалъ, былъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости всѣхъ моихъ словъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы уговорить императрицу принять меня частнымъ образомъ, и былъ удивленъ непонятнымъ сопротивленіемъ, которое онъ въ ней встрѣтилъ. Никогда до тѣхъ поръ не испытавъ съ ея стороны ничего подобнаго, онъ приписывалъ это отчасти мысли, внушенной ей врагами его насчетъ того, что онъ будто бы добивается неограниченной власти; отчасти, по его мнѣнію, тутъ виновата и глупость любимца, который больше ничего, какъ пустой болтунъ и переносщикъ сплетенъ; особенно же искусная лесть графа Фалькенштейна, который безъ всякаго дурнаго намѣренія нанесъ ему существенный вредъ, увѣривъ императрицу, что, будучи первой государыней въ Европѣ, она не нуждалась ни въ министрахъ, ни въ любимцахъ для управленія своимъ совѣтомъ. Онъ прибавилъ, что подобныя рѣчи во всякое время вскружили бы ей голову, но что теперь онѣ подѣйствовали вдвое сильнѣе, такъ какъ за эти два послѣдніе года она чрезвычайно опустилась, умственныя ея способности ослабѣли, а страсти усилились. „Иногда,“ сказалъ онъ, „когда я заговариваю съ ней объ иностранныхъ дѣлахъ, она мнѣ или не отвѣчаетъ вовсе, или же отвѣчаетъ горячо и съ неудовольствіемъ.“

Въ понедѣльникъ, 7-го числа, онъ прислалъ за мной утромъ и сообщилъ мнѣ ноту, подан-

ную имъ императрицѣ и ея отвѣтъ. Его нота была коротка. Въ ней выставлялось на видъ его усердіе къ службѣ государыни, сожалѣніе его при видѣ того положенія, въ которое ее поставили лица, менѣе его преданныя ея славѣ, и выражалась просьба, въ случаѣ, если она сомнѣвалась въ справедливости его словъ, то не угодно ли ей будетъ исполнить давно данное ею обѣщаніе видѣться со мной наединѣ. Отвѣтъ ея былъ равно коротокъ; она соглашалась видѣть меня, но прежде желала видѣться съ нимъ. Поэтому онъ къ ней отправился и пробылъ съ ней вдвоемъ болѣе двухъ часовъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія и съ радостью увидѣлъ, что вернулся онъ съ лицомъ сіяющимъ отъ удовольствія. Онъ началъ съ того, что ея императорское величество приметъ меня на слѣдующее утро въ десять часовъ; что выслушала она его съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ и что, какъ онъ ясно увидѣлъ, она начинала переходить на нашу сторону.

Онъ совѣтовалъ мнѣ нисколько не стѣсняться, а говорить прямо и откровенно: „потому что", прибавилъ онъ, „она обладаетъ рѣдкой проницательностью, и если только замѣтитъ малѣйшую несостоятельность или уклончивость, она тотчасъ же заподозритъ вашу искренность. Дайте ей почувствовать, что вы не прибѣгаете къ другому оружію, кромѣ того, на которое указываютъ вамъ правда и справедливость, и что вы ратуете въ силу этихъ принциповъ и изъ любви къ родинѣ. Льстите, какъ можно больше, и не бойтесь въ этомъ пересолить; но направляйте вашу лесть къ тому, чѣмъ она должна быть, а не къ тому, чѣмъ она есть. Не ожидайте, чтобы вамъ удалось прервать Голандскую негоціацію, или чтобы ктобы то ни было имѣлъ возможность отговорить ее отъ исполненія ея любимаго плана вооруженнаго нейтралитета. Довольствуйтесь уничтоженіемъ его послѣдствій; само же намѣреніе непоколебимо. Такъ какъ проэктъ этотъ былъ составленъ по ошибкѣ и обработанъ тщеславіемъ, то поддерживается онъ гордостью и упрямствомъ. Вы знаете, какую силу имѣютъ эти страсти надъ женскимъ умомъ, и потому, если вы попробуете ослабить этотъ узелъ, вы его только крѣпче затянете. Позвольте мнѣ повторить вамъ (прибавилъ онъ), будьте откровенны и не стѣсняйтесь; заставьте ее почувствовать, что вы имѣете къ ней полное довѣріе; она недовольна только потому, что предполагаетъ, что вашъ народъ не имѣетъ къ ней довѣренности".

Въ половинѣ одиннадцатаго одинъ изъ камердинеровъ ея императорскаго величества пришелъ за мной, и черезъ заднюю дверь я былъ проведенъ въ ея собственный покой, гдѣ между нами произошелъ слѣдующій разговоръ. Я излагаю его въ вопросахъ и отвѣтахъ, потому что никакимъ другимъ путемъ не могу такъ вѣрно передать вамъ характеръ и чувства императрицы, какъ съ помощью ея собственныхъ словъ; а что это дѣйствительно ея собственныя слова, въ томъ могу васъ увѣрить, такъ какъ они на меня сдѣлали слишкомъ глубокое впечатлѣніе, чтобы я могъ когда нибудь ихъ забыть.

Гаррисъ. „Я пришелъ представить вашему императорскому величеству критическое положеніе, въ которомъ находятся наши дѣла. Вашему величеству извѣстно наше довѣріе. Мы смѣемъ надѣяться, что вы отвратите отъ насъ грозу и успокоите наши опасенія насчетъ потери вашей дружбы".

Императрица. „Вы знаете мои чувства къ вашему народу; они также искренни, какъ и неизмѣнны; но я встрѣтила такъ мало взаимности съ вашей стороны, что пришла къ убѣжденію, что не должна болѣе считать васъ между своими друзьями."

Г.—„Надѣясь, что чувства эти не совсѣмъ изгладились, я и желалъ обратиться прямо къ особѣ вашего величества; но не безъ страха приближался я, такъ какъ впечатлѣнія, навѣянныя нашими врагами, были слишкомъ очевидны".

И.—„Въ чемъ и какъ"?

Г. — „Вездѣ, въ Голандій, въ Даніи, въ Пруссіи. Еслибы ваше императорское величество потрудились взглянуть на ноту, переданную мной князю Потемкину, то увидѣли бы, на чемъ основаны мои опасенія“.

И. „Я ее прочитала. Повторяю вамъ: я люблю вашъ народъ. Вольно же вамъ имѣть слабость вѣрить всѣмъ сплетнямъ мелкихъ политическихъ личностей“.

Г.—„Враги наши до такой степени съумѣли обернуть къ своей выгодѣ всѣ распоряженія вашего императорскаго величества, что въ настоящую минуту въ Лондонѣ распространилось мнѣніе, что вы находитесь въ тайныхъ переговорахъ съ Франціей; что вы сноситесь съ домомъ Бурбоновъ, чтобы рѣшить участь войны“.

И.—„Даю вамъ мое честное императорское слово въ томъ, что я никогда не имѣла расположенія къ Французамъ и никогда не буду его имѣть. Однако я должна сознаться, что они по отношенію ко мнѣ были гораздо внимательнѣе, чѣмъ вы“.

Г.—„Они ничего не имѣли въ виду кромѣ своихъ собственныхъ интересовъ; ихъ вѣжливость всегда подозрительна. Ваше императорское величество, вѣроятно, не допустите никакого сравненія между готовностью нашихъ враговъ отозваться на проэктъ вооруженнаго нейтралитета и всѣми несомнѣнными доказательствами дружбы, полученными вашимъ величествомъ отъ насъ во время послѣдней войны съ Портой; и можете ли вы ожидать отъ нихъ въ подобномъ случаѣ той готовности поддержать васъ, какую мы заявили, когда вашъ флотъ вошелъ и вышелъ изъ Средиземнаго моря?“

И.—„Я вполнѣ признаю эти услуги. Я никогда не забуду ихъ, если только вы сами меня къ тому не вынудите. Но что̀ же вы хотите, чтобы я для васъ сдѣлала? Вы не хотите заключить мира?“

Г.—„Мы ничего такъ не желаемъ; но не мы наступаемъ, и у насъ нѣтъ друзей“.

И—„Это потому, что вы не хотите ихъ имѣть: вы такъ неподатливы и сдержаны; вы не имѣете ко мнѣ довѣрія“.

Г.—„Я съ отчаяніемъ вижу, что послѣдствія интригъ, столь удавшихся въ Европѣ, коснулись даже такого просвѣщеннаго ума какъ вашъ, ваше императорское величество; я основательно предполагалъ, что вы предубѣждены противъ насъ“.

И.—„Я говорю на основаніи фактовъ; на пустые слухи я не обращаю вниманія: я стою выше предубѣжденій. Но все ваше поведеніе относительно меня было жестко; признаюсь, это было для меня тѣмъ чувствительнѣе, что я люблю вашъ народъ, какъ свой собственный“.

Г.—„Спасите же націю, которую вы любите; она къ вамъ прибѣгаетъ“.

И—„Дайте мнѣ возможность это сдѣлать; я ни на минуту не задумаюсь. Скажите мнѣ, на какихъ условіяхъ вы желаете заключить миръ? Пусть вашъ Дворъ мнѣ выскажется. Онъ долженъ бы знать меня лучше, чѣмъ то показываетъ“.

Г—„Требуйте отъ насъ, чего хотите; мы не можемъ отказать вашему императорскому величеству ни въ чемъ, коль скоро узнаемъ, чѣмъ вамъ угодить“.

И—„Что̀ же вы хотите, чтобы я вамъ сказала, не зная чувствъ вашего Двора?

Г—„Мы не можемъ довольствоваться ничѣмъ, кромѣ возобновленія Парижскаго мира 1762 года“.

И—„Вы хорошо дѣлаете, требуя его, если только имѣете силы поддержать ваши требованія“.

Г—„Но развѣ мы не правы? Развѣ ваше императорское величество не принадлежите къ числу нашихъ друзей? Какъ бы поступили вы на нашемъ мѣстѣ“?

И—„Скажу вамъ это, когда узна́ю ваши чувства“.

Г— „Удостойте подать намъ совѣтъ“.

И—„Когда вы станете говорить яснѣе“.

Г—„Смѣю увѣрить ваше императорское величество, что мы имѣемъ къ вамъ слѣпое довѣріе“.

И.—„Докажите мнѣ это иначе, чѣмъ на словахъ; тогда вы увидите мою дружбу. До сихъ поръ вы меня только отталкивали. Какъ же вы хотите, чтобы я вамъ желала добра?"

Г.—„Ваше императорское величество не говорили бы этого, еслибы наше поведеніе было вамъ представлено въ истинномъ свѣтѣ, и еслибы наши чувства при передачѣ вамъ не были постоянно искажаемы".

И.—„Кто могъ искажать ихъ? Кто бы смѣлъ меня обманывать".

Г.—„Вашъ первый министръ, ваше величество, графъ Панинъ. Онъ самый опасный изъ нашихъ враговъ".

И.—(съ жаромъ) „Онъ не будетъ болѣе моимъ министромъ съ той минуты, какъ меня обманываетъ".

Г.—„Кажется, очевидно, что онъ о томъ старается. Онъ поклялся посѣять вражду между обѣими націями и, вполнѣ подчиняясь Потсдамскимъ интригамъ, онъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ союза между вашимъ императорскимъ величествомъ и Франціей. Чтобы успѣшнѣе этого достигнуть, онъ уже вступилъ въ самыя тѣсныя отношенія съ министромъ Версальскимъ".

И.—(съ обидой) „Не думайте, чтобы это имѣло какое-нибудь значеніе. Я хорошо знаю Панина; его интриги не производятъ на меня болѣе никакого вліянія; я не ребенокъ; никто не мѣшаетъ мнѣ поступать такъ, какъ я хочу; я сама все вижу ясно".

Г.—„Вашему императорскому величеству невозможно видѣть то, что̀ происходитъ далеко отъ васъ; графъ Панинъ повсюду выхваляетъ Французскую партію; онъ ей сочувствуетъ, ее поддерживаетъ; онъ вполнѣ преданъ королю Прусскому и служитъ ему больше, чѣмъ вашему величеству. Онъ пригласилъ его согласиться на вооруженный нейтратетъ".

И.—(высокомѣрно) „Очень мнѣ нужно его согласіе. Я буду поддерживать свое намѣреніе: я считаю его полезнымъ."

Г.—„Ваше величество! Говорятъ (но я боюсь обидѣть), что таковъ былъ проэктъ Французовъ, а вашъ совершенно отъ него отличался".

И.—(съ негодованіемъ) „Ужаснѣйшая ложь! Вы должны знать, что я за вѣжливость плачу вѣжливостью, но я никогда не буду имѣть къ нимъ довѣрія. Но какое зло приноситъ вамъ этотъ вооруженный нейтралитетъ, или вѣрнѣе это вооруженное ничтожество?"

Г.—„Всевозможное зло: онъ предписываетъ новые законы, которые, защищая торговлю нашихъ враговъ, оставляютъ насъ беззащитными; сохраняетъ имъ ихъ торговыя суда для перевозки войскъ и снабжаетъ ихъ всѣмъ нужнымъ для постройки судовъ военныхъ; кромѣ того, нейтралитетъ смѣшиваетъ нашихъ друзей съ нашими врагами, и его же употребляютъ для достиженія цѣлей совершенно различныхъ отъ того, что̀ вызвало его появленіе".

И.—„Вы вредите моей торговлѣ, вы останавливаете мои корабли. Въ моихъ глазахъ это имѣетъ огромное значеніе. Торговля это мое дитя, — какъ же вы хотите, чтобы я не сердилась?"

Г.—„Смѣю возразить, что ваше императорское величество были еще разъ обмануты на этотъ счетъ. Благоволите припомнить отвѣты, данные нами на все, вами намъ сказанное по этому предмету; потрудитесь обсудить шагъ, только что сдѣланный нами включеніемъ статей 10 и 11 вашего трактата въ наши письма (demarque).

И.—„Позвольте мнѣ замѣтить, что народъ, который я люблю больше всѣхъ прочихъ и которымъ думала быть особенно любима, послѣдній между всѣми оказалъ мнѣ это одолженіе. Не будемъ больше объ этомъ говорить— мы бы только поссорились. Но выслушайте, что̀ я вамъ скажу. Заключите миръ; минута къ тому наступила; откройтесь мнѣ съ совершеннымъ довѣріемъ: я другъ Англіи, какъ по личному расположенію, такъ и по разсчету. Чувства эти опредѣляютъ образъ дѣйствій, котораго я намѣрена держаться. Не

скрывайте отъ меня ничего; мое императорское слово можетъ вамъ служить порукой въ томъ, что я васъ не выдамъ. Я пламенно желаю вывести васъ изъ затрудненія, но помогите мнѣ въ этомъ сами; будьте податливѣе, а не такъ сдержаны; будьте справедливы къ вашимъ друзьямъ, и дай Богъ, чтобы этотъ разговоръ между Екатериной II-й и г. Гаррисомъ, добрымъ Англичаниномъ и честнымъ человѣкомъ, привелъ къ желаемой нами цѣли. Пусть разговоръ этотъ сдѣлается эпохой въ исторіи. Повторяю вамъ, не будьте недовѣрчивы; откиньте упорство, при которомъ я ни за что не ручаюсь; будьте откровенны, прямы и искренни, и тогда я за все ручаюсь".

Г. — „Выраженія, сейчасъ употребленныя вашимъ императорскимъ величествомъ, меня трогаютъ. Вы достойны нашего полнаго довѣрія и обладаете имъ; мы никогда не переставали питать его по отношенію къ вамъ, но всегда боялись довѣриться вашему министру, котораго я счелъ нужнымъ представить въ истинномъ свѣтѣ моему Двору, и ваше императорское величество позволите мнѣ замѣтить, что, если мнѣ надо будетъ объясняться съ нимъ, онъ или выдастъ меня, или передастъ вамъ мои слова самымъ несовершеннымъ образомъ".

И. — „Не поручайте ему ничего, кромѣ письменныхъ объясненій; тогда ему нельзя будетъ ничего перемѣнить. Если же онъ скроетъ отъ меня истину, я его выгоню".

Г.—„Знаю заранѣе, что ничто, кромѣ полнаго возстановленія Парижскаго мира, не можетъ насъ удовлетворить".

И.—„(тонко) „Пока я сама ничего не говорю. Говорите со мной откровенно отъ имени вашего Двора; разувѣрьте меня въ этой сдержанности и въ недовѣріи, которыя, мнѣ кажется, я замѣчаю въ вашемъ министерствѣ. Тогда я вамъ все скажу".

Г.—„Если допустить то, что̀ высказано вашимъ императорскимъ величествомъ, то недовѣріе это нельзя назвать иначе, какъ осторожностью, коль скоро она происходитъ отъ мысли, что ваше императорское величество раздѣляете интересъ нашихъ враговъ, а насъ чуждаетесь".

И.—(съ жаромъ) „Я, чуждаюсь васъ? Что̀ за мысль"!

Г.—„Если наши дѣйствія искажаются передъ вашимъ императорскимъ величествомъ, то и ваши невѣрнѣе передаются моему Двору. Вся Европа ведется одной партіей заговорщиковъ: въ Голандіи увѣряютъ, что ваше императорское величество оказываете покровительство Галло-Американскому возстанію; въ Даніи ваше имя изгнало перваго министра, а короли Прусскій и Французскій повсюду употребляютъ имя вашего величества по собственному произволу".

И.—„Сплетни, повторяю я вамъ еще разъ. Безсмысленно вѣрить такимъ глупостямъ. Вашимъ поведеніемъ дайте мнѣ возможность доказать имъ ихъ ложь, и я это сдѣлаю завтра же; будьте моимъ другомъ на столько, на сколько я того желаю. Мнѣ кажется, у васъ еще есть друзья въ Голандіи, которые не позволятъ одному городу Амстердаму повергнуть всю республику въ войну. Увѣреніе же, будто я содѣйствовала отставкѣ Бернсдорфа, есть самая отвратительная ложь; это былъ честный человѣкъ и справедливый министръ. Но заключите миръ, я вамъ столько разъ это говорила".

Г.—„Еслибы ваше императорское величество часто мнѣ это говорили, я бы, конечно, передалъ это моему Двору.

И.—„Однако я приказывала Панину поговорить съ вами объ этомъ".

Г. — „Онъ, дѣйствительно, упоминалъ въ общихъ и весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ о заключеніи мира, но не отъ имени вашего императорскаго величества; а, признаюсь все, что̀ исходило отъ него лично, всегда казалось мнѣ подозрительнымъ".

И. —„ По крайней мѣрѣ на этотъ разъ вы слышите это отъ меня самой. Заключите миръ, вступите въ подробные переговоры съ ваши-

ми колоніями; старайтесь ихъ разъединить. Тогда союзъ ихъ съ Франціей рушится самъ собой, и это послужитъ имъ выходомъ, такъ какъ надо подумать и о томъ, что всякой державѣ хочется спасти свою честь".

Г.—„Но Французы затронули нашу честь; должны ли же мы послѣ этого заботиться объ ихъ чести?"

И.—„Когда хотятъ заключить миръ, прежде всего забываютъ взаимно нанесенныя обиды. Но повторяю вамъ, ваше министерство крайне заблуждается, предполагая, что я перемѣнилась; оно возмутило меня, помѣшавъ мнѣ заявить на дѣлѣ мое расположеніе къ вашему народу; я повсюду встрѣчала отъ него противодѣйствіе; не въ моемъ, а въ его поведеніи надо искать объясненія прошедшаго зла и въ тоже время средствъ помочь ему въ будущемъ. Отвѣчаю вамъ за мою дружбу и за мою справедливость. Я очень рада, что вы выразили желаніе меня видѣть: я хотѣла окончательно высказаться; я чрезвычайно желала съ вами объясниться и тѣмъ исполнить послѣднія обязанности дружбы. Если вы этимъ не воспользуетесь, то мнѣ не въ чемъ будетъ упрекать себя. Послушайте, любезный Гаррисъ, я говорю съ вами весьма искренно, желаю, чтобы вы передали это своему Двору самымъ серіознымъ образомъ. Если послѣ всего мною высказаннаго и найду въ немъ тоже равнодушіе, туже неподатливость, тотъ же высокомѣрный тонъ по отношенію ко мнѣ, я болѣе ни во что не вмѣшиваюсь, я оставлю дѣла идти своимъ порядкомъ; и тогда вы очутитесь въ томъ положеніи, въ которомъ считаете себя теперь, но отъ котораго на дѣлѣ вы весьма удалены, на сколько то отъ меня зависитъ,—а вы прекрасно знаете, что это зависитъ единственно отъ меня. Высказывая вамъ это, я говорю такъ, какъ еще не говорила ни съ кѣмъ; я бы боялась уронить свое достоинство со всякимъ другимъ; но вамъ я желаю добра; пользуйтесь этимъ, г. Гаррисъ; передайте съ точностью все, что́ я вамъ сказала. Ожидаю съ нетерпѣніемъ возвращенія вашего курьера; но признаюсь, если о будущемъ надо судить по прошедшему, то я не только не надѣюсь, но даже отчаяваюсь: вы по прежнему будете упорствовать, не повѣрите моимъ словамъ, возстановите противъ себя своихъ друзей, умножите число своихъ враговъ, и я буду имѣть огорченіе видѣть ваши затрудненія, не имѣя возможности имъ помочь.

Г. — „Ваше императорское величество слишкомъ великодушны, чтобы насъ покинуть. Вы не захотите, чтобы потомство сказало, что въ царствованіе вашего императорскаго величества Англія погибла, и вы не захотѣли подать ей руку помощи".

И.—„Я устала великодушничать. Надо ли всегда оказывать великодушіе, не испытывая его ни отъ кого? Будьте сами великодушны ко мнѣ, и вы увидите, что я заплачу́ вамъ тѣмъ же; оставьте въ покоѣ мою торговлю, не задерживайте мои немногочисленныя суда — я сказала вамъ, что это мои дѣти. Я бы желала, чтобы мой народъ сдѣлался промышленнымъ. Согласно ли съ характеромъ народа-философа противиться этому?"

Г.—„Мы сдѣлаемъ все для вашихъ судовъ. Но ваше императорское величество, вѣроятно, не потребуете, чтобы въ силу вооруженнаго нейтралитета всѣ народы пользовались такими же правами?"

И.—Я уже говорила вамъ, что это вооруженное ничтожество; но я всегда буду его поддерживать. Сдѣлайте его еще ничтожнѣе, заключивъ миръ. Скажите мнѣ ваши условія".

Г.—„Конечно, мы никогда не приемъ менѣе благопріятныхъ условій, чѣмъ тѣ, которыя содержатся въ трактатѣ Парижскаго мира; и я не думаю, чтобы ваше императорское величество одобрили какое-нибудь уменьшеніе нашихъ требованій".

И.—„Когда вы мнѣ представите ихъ отъ имени вашего Двора, тогда увидите. Видитъ Богъ, что я желаю, чтобы это свиданіе, въ которомъ (смѣясь) мы немало объяснялись, имѣло всѣ желанныя послѣдствія;—мнѣ хотѣлось бы сказать, что я на это надѣюсь".

Г.—„Свиданіе это весьма для меня лестно, успокоивая меня насчетъ образа мыслей вавашего императорскаго величества и доказывая мнѣ, что никогда вы не передавались на сторону нашихъ враговъ".

И.—(съ видомъ искренности) „Я никогда не буду принадлежать къ ихъ друзьямъ; я никогда не перестану быть вашимъ другомъ, если только вы сами не заставите меня перемѣниться. Если хотите, я буду помогать вамъ и изъ личнаго расположенія, и по разсчету; съ этими обоими побужденіями не останавливаются на половинѣ дѣла. (Вставая) Прощайте, не забудьте важности нашей конференціи".

Г.—„Прежде чѣмъ ваше императорское величество удалитесь, я прошу позволенія замѣтить, что въ городѣ узна́ютъ, что я былъ здѣсь. Хотя уже привыкли къ милостямъ, которыя ваше императорское величество оказываете мнѣ, тѣмъ не менѣе нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что будутъ употреблены всевозможныя средства чтобы доискаться предмета нашего разговора; и если, можетъ быть, его приблизительно угадаютъ, тогда все, что̀ только подскажутъ хитрость, интрига и коварство, будетъ пущено въ ходъ съ цѣлью повредить намъ въ мнѣніи вашего императорскаго величества. Вслѣдствіе сего осмѣливаюсь умолять васъ не обращать никакого вниманія на то, что́ произойдетъ между отъѣздомъ и возвращеніемъ моего курьера".

И.—„Какъ плохо вы меня знаете! Развѣ я ребенокъ? Неужели я недовольно сказала? Надо ли мнѣ прибавлять, что я не меньше васъ желаю, чтобы вы дали мнѣ возможность вамъ помочь."

Г.—„Какую пріятную будущность открываютъ мнѣ слова вашего императорскаго величества! Мнѣ кажется, я вижу приближеніе той минуты, когда оба Двора войдутъ въ соглашеніе между собой, и ваше императорское величество прибавите новый блескъ своему царствованію, давъ своей имперіи союзницу самую естественную и самую полезную."

И.—„Пламенно желаю этого. Я буду тому содѣйствовать, на сколько отъ меня зависитъ; но и вы сдѣлайте шагъ съ своей стороны. Какъ женщина, я немногаго требую. Но говорю вамъ весьма серіозно, г. Гаррисъ, представьте вашему Двору, что отъ этого зависитъ все. Настаивайте особенно на томъ, чтобы онъ имѣлъ ко мнѣ довѣріе. Я хочу, чтобы мнѣ довѣряли, и никогда этимъ не злоупотребляю. Однако я предвижу, что этого не будетъ и что я напрасно употребляю въ вашу пользу это послѣднее усиліе. Прощайте!"

Г.—„Я долженъ сообщить вашему императорскому величеству, что по вашей просьбѣ король, мой повелитель, пожаловалъ мистеру Раутону орденъ, и что его величеству всегда особенно пріятно заявлять передъ вашимъ императорскимъ величествомъ свое желаніе во всемъ угождать вамъ."

И.—„Скажите его величеству, что я весьма чувствительна къ такому вниманію съ его стороны и надѣюсь найти въ немъ не меньше готовности въ дѣлахъ болѣе важныхъ. Меня же онъ всегда найдетъ равно благодарной."

На этомъ, милордъ, кончился нашъ разговоръ.

Что̀ касается до ея нейтральнаго союза, она отъ него не откажется: она слишкомъ горда, чтобы сознаться въ ошибкѣ. Но вы, милордъ, можете быть убѣждены, что въ настоящую минуту она видитъ, до какой степени несправедливы послѣдствія этого союза для другихъ народовъ и какія неудобства могутъ возникнуть отъ него для нея самой.

Она теперь желаетъ только найти предлогъ, чтобы уничтожить послѣдствія нейтралитета. По слабости ея характера, желаніе это является въ ея умѣ именно въ ту минуту, когда Голандскіе уполномоченные подписываютъ проэктъ. Мы должны поддѣлываться подъ ея характеръ. Наши аргументы, хотя они были неопровержимѣе всего, что̀ когда-нибудь употреблялъ умъ человѣческій, тѣмъ не менѣе не достигнутъ никакихъ результа-

товъ; мы должны снизойти къ тому, чтобы льстить ей, допустить свободный проходъ ея кораблямъ, сдѣлать исключеніе въ ея пользу. Тогда она немедленно, не дожидаясь, чтобы изъ этой услужливости возникла какая-нибудь выгода для ея торговли, сдѣлается нашимъ искреннимъ и усерднымъ другомъ; и если условія мира, заключеннаго въ Парижѣ въ 1762 г., таковы, что могутъ заслужить одобреніе ея величества, я увѣренъ, что она поддержитъ наши требованія на этотъ счетъ и охотно приметъ на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ [34]). Еслибы то, что́ я пишу, было лишь моимъ личнымъ мнѣніемъ, не основаннымъ ни на чемъ, кромѣ разговора сейчасъ мною приведеннаго (какъ бы онъ ни былъ подробенъ), я бы не смѣлъ такъ положительно завѣрять въ справедливости своихъ словъ; но меня утверждаетъ въ моемъ мнѣніи князь Потемкимъ, который слишкомъ хорошо знаетъ ея императорское величество, чтобы ошибиться насчетъ ея характера. „Пусть они поразмыслятъ о характерѣ и полѣ особы, съ которой они говорятъ; пусть они разсудятъ, что нѣтъ никакого стыда въ снисхожденіи къ слабости, изъ которой они могутъ извлечь для себя величайшія выгоды. Посовѣтуйте имъ поступить такъ, какъ поступалъ сначала король Прусскій, а потомъ императоръ; убѣдите ихъ говорить ея страстямъ и чувствамъ, и съ той минуты она сдѣлается вашимъ постояннымъ и дѣятельнымъ другомъ.—Но и предположивъ, (прибавилъ онъ) что этого не случится, какое зло можетъ произойти оттого, что вы выскажетесь? Тайна ваша не будетъ выдана, а условія, вами предлагаемыя, таковы, что могутъ только сдѣлать вамъ честь передъ Европой. Ради Бога, не стыдитесь льстить ей. Это единственый путь къ ея расположенію. А мнѣніе ея о вашемъ народѣ такъ высоко, что сказанное вами одно пріятное слово больше подѣйствуетъ, чѣмъ заученныя фразы другой націи. Она не проситъ ни о чемъ, кромѣ похвалы и комплиментовъ; доставьте ей это, а она въ отвѣтъ дастъ вамъ всю силу своей имперіи.“ Вотъ, милордъ, собственныя слова князя, и въ нихъ заключается вся тайна здѣшняго Двора.

[34]) Лордъ Стормонтъ въ отвѣтной депешѣ высказалъ Д. Гаррису, что онъ вовсе не раздѣляетъ его надеждъ.

49.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, Воскресенье, 13-го Дек. 1780 г.

При первомъ удобномъ случаѣ послѣ полученія вашей депеши, милордъ, я незамѣтно навелъ князя Потемкина на разговоръ о далекихъ надеждахъ на миръ [35]). Я замѣтилъ ему, что изъ словъ графа Панина (переданныхъ вамъ въ письмѣ моемъ отъ 3-го Ноября) я пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь намъ не на что надѣяться; что, покинутые нашими друзьями, мы могли только разсчитывать на справедливость нашего дѣла и на тѣ средства, которыми снабжали насъ наши собственныя силы; что силы эти, однако, не были неистощимы и, ежели зараза, распространяемая Французской партіей, какъ мнѣ кажется, нашла себѣ мѣсто по всей Европѣ, то я не смѣю надѣяться, чтобы намъ удалось положить конецъ войнѣ безъ умаленія нашего могущества или нашихъ владѣній; что, когда это произойдетъ,—а произойти оно по всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ должно непремѣнно,—наши естественные друзья увидятъ свою ошибку и, когда уже будетъ слишкомъ поздно, пожалѣютъ, что сами подали поводъ усиленію державъ, интересы которыхъ стоятъ прямо вразрѣзъ съ ихъ собственными выгодами; что уменьшеніе нашего національнаго владычества будетъ почувствовано ими не меньше, чѣмъ нами самими, и что они скоро замѣтятъ, до какой степени Франція воспользуется усиленіемъ своей власти. Онъ спросилъ, къ чему я повторяю то, что́ уже такъ часто говорилъ, и неужели я думаю, что въ умѣ его еще оставались сомнѣнія насчетъ кризиса,

[35]) Англійскій дипломатъ хитрилъ и съ княземъ Потемкинымъ, въ искренность котораго самъ вѣрилъ.

въ которомъ мы находились и ошибочнаго поведенія здѣшняго и нѣсколькихъ другихъ Дворовъ, которые бы должны быть нашими друзьями.

Я отвѣчалъ ему, что, конечно нѣтъ; что побуждало меня говорить лишь то обстоятельство, что я уже перепробовалъ всевозможныя средства предупредить это зло, и что, хотя то была только моя собственная мысль, мнѣ невольно представлялся вопросъ, что въ случаѣ, если мы будемъ поставлены въ непріятную необходимость дѣлать уступки, не благоразумнѣе ли будетъ съ нашей стороны, какъ для нашего собственнаго блага, такъ и для общаго равновѣсія Европы, сдѣлать эти уступки нашимъ естественнымъ друзьямъ скорѣе, чѣмъ нашимъ естественнымъ врагамъ; что, можетъ быть, такая мѣра побудила бы ихъ къ дѣятельности и прекратила бы борьбу, сдѣлавъ ее болѣе ровной.

Князь Потемкимъ съ живостью ухватился за эту мысль. „Чтò можете вы уступить намъ?" сказалъ онъ. Я сказалъ ему, что мы имѣемъ обширныя владѣнія въ Америкѣ, въ Остъ-Индіи; можетъ быть чтò нибудь изъ этого можетъ понравиться императрицѣ. И хотя, прибавилъ я, не имѣю не только ни малѣйшаго права располагать ими, но даже ни тѣни уполномочія на то, чтò я говорю [36]), но, по моему собственному личному мнѣнію, мы должны наградить императрицу той частью нашихъ владѣній, которую она выберетъ,—если только эта мѣра можетъ доставить намъ прочный миръ. Я сказалъ „ту часть, которую она выберетъ," потому что я былъ убѣжденъ, что она будетъ умѣренна, и въ моихъ глазахъ подобная уступка повлекла бы за собой лишь перемѣну повелителей, а польза и выгоды владѣній, хотя и перешедшихъ въ руки императрицы, остались бы въ рукахъ Англіи.

[36]) Въ депешѣ отъ 28 Октября лордъ Стормонтъ предписывалъ Д. Гаррису постараться узнать, не можетъ ли Англія предложить императрицѣ какую-нибудь уступку, достойную ея честолюбія, которая побудила бы ее вступить въ союзъ съ Англіей.

На все это онъ покачалъ головой. „Вы бы разорили насъ, сказалъ онъ, давъ намъ отдаленныя колоніи. Вы видите, что корабли наши съ трудомъ могутъ выйти изъ Балтійскаго моря; какъ же вы хотите, чтобы они переплыли Атлантическій океанъ? Если уже вы даете намъ чтò-нибудь, то пусть оно будетъ поближе къ дому."

Я сказалъ ему, что мы не могли бы раздѣлить нашего собственнаго острова и что мы придаемъ огромное значеніе нашимъ владѣніямъ на Средиземномъ морѣ.

„Жалѣю объ этомъ," отвѣчалъ онъ, „потому что, еслибы вы согласились уступить Минорку, я обѣщаю вамъ, что тогда бы я могъ получить отъ императрицы все чтó вы желаете." Я сказалъ ему, что не имѣлъ никакого уполномочія говорить объ этомъ; но что я думаю уступка, которой онъ требуетъ, невозможна.

„Тѣмъ хуже", отвѣчалъ князь. „Это бы упрочило вамъ навсегда нашу дружбу."

На слѣдующій день и нѣсколько дней послѣ того, онъ все возвращался къ этому предмету. Я замѣтилъ, что это сдѣлало на него весьма сильное впечатлѣніе. Однако, я старался не подавать виду, что поддерживаю этотъ разговоръ и по большей части направлялъ его къ другимъ предметамъ. Недѣли двѣ тому назадъ, ровно передъ полученіемъ здѣсь извѣстія о смерти императрицы-королевы, намъ случилось сидѣть вдвоемъ, безъ постороннихъ лицъ, поздно вечеромъ, какъ вдругъ онъ сталъ распространяться о выгодахъ, которыя возникли бы для Россіи отъ владѣнія на Средиземномъ морѣ. Онъ говорилъ, что мы должны желать этого, такъ какъ это служило бы постояннымъ источникомъ вражды съ Франціей, и что мы бы никогда отъ того не пострадали, потому что относительно всякаго политическаго употребленія островъ былъ бы столько же нашъ, сколько и ихъ. Затѣмъ онъ съ живостью, свойственной его воображенію, увлекся мыслью о Русскомъ флотѣ, стоящемъ въ Магонѣ и населяющемъ островъ

Греками. По мнѣнію его, подобное пріобрѣтеніе было бы памятникомъ славы императрицы, воздвигнутымъ посреди моря; онъ ручался, что съ помощью обѣщанія такой уступки онъ могъ склонить государыню на все.

Я повторилъ ему, что я рѣшительно ничего не зналъ насчетъ чувствъ моего Двора по этому предмету.

„Постарайтесь узнать ихъ,“ „какъ можно скорѣе; прибавилъ онъ съ живостью, уговорите вашихъ министровъ сдѣлать намъ эту уступку, и мы дадимъ вамъ миръ, и вслѣдъ затѣмъ соединимся съ вами узами самаго твердаго и прочнаго союза.“

Я сказалъ ему, что я совершенно готовъ передать все, что̀ онъ желаетъ; но что онъ долженъ вспомнить, что возлагаетъ на меня весьма щекотливое порученіе: такъ какъ ему, вѣроятно, извѣстно, что человѣку въ моемъ положеніи позволено только передавать факты, но что̀ мы не можемъ брать на себя давать совѣты.

Онъ сказалъ: „Не можетъ быть, чтобы они осудили васъ за добрый совѣтъ. Они желаютъ нашей дружбы; купите же ее, уступивъ меньше, чѣмъ, можетъ быть, вамъ придется отдать вашимъ врагамъ при окончаніи войны.“

Я отвѣчалъ, что такъ какъ онъ того желаетъ, то мнѣ не хочется отказать ему; и потому, какъ только мнѣ удастся отправить курьера, я отдамъ самый вѣрный отчетъ во всемъ, что̀ было имъ сказано. Но въ случаѣ, если онъ желаетъ имѣть скорый отвѣтъ, онъ долженъ въ скорости доставить мнѣ свиданіе съ императрицей, такъ какъ я не могу взять на себя отправить курьера до тѣхъ поръ, пока не буду имѣть возможности сообщить что-либо болѣе достовѣрное и удовлетворительное.

Я сказалъ ему, что онъ долженъ обѣщать мнѣ, что все это дѣло останется въ величайшемъ секретѣ; что въ случаѣ, если когда-нибудь вопросъ этотъ будетъ приведенъ въ исполненіе, всѣ переговоры должны идти черезъ него одного или же непосредственно между мной и императрицей; но что ни графъ Панинъ, ни одинъ изъ прочихъ ея секретарей и министровъ не должны быть употреблены въ этомъ случаѣ. Онъ весьма охотно со мной согласился, и я увѣренъ, что онъ сдержитъ обѣщаніе.

50.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, Воскресенье, 13-го Дек. 1780.

Вы, милордъ, позволите мнѣ замѣтить, что, хотя уступка Минорки составляетъ вопросъ совершенно отдѣльный отъ предложенія посредничества, вопросъ, долженствующій разсматриваться, какъ награда за будущій союзъ; однако, отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ ходъ всего дѣла. Если уступка эта окажется неудобной, все остальное падаетъ въ воду; но если его величество въ своей мудрости найдетъ больше выгодъ въ измѣненіи настоящей Европейской системы и въ пріобрѣтеніи великой и могущественной союзницы, чѣмъ во владѣніи этимъ островомъ, мы непремѣнно достигнемъ этихъ цѣлей, обѣщавъ островъ императрицѣ. Это сдѣлало бы насъ необходимо нужными для нея и подавало бы постоянный поводъ къ враждѣ и зависти между Россіей и Франціей. Считаю лишнимъ прибавлять, что всѣ эти переговоры должны быть сохраняемы въ величайшей тайнѣ, а вести ихъ слѣдуетъ такъ, чтобы получить какъ можно больше выгодъ отъ этой сдѣлки, соображаясь притомъ вполнѣ съ инструкціями и предписаніями, получаемыми мною отъ васъ, милордъ.

Сдѣлавъ уже такъ много для ея судовъ, мы должны теперь сдѣлать еще шагъ впередъ и дать ей самое убѣдительное и въ тоже время самое дѣйствительное доказательство нашей готовности угождать ей, сказавъ, что мы пропустимъ всѣ Русскіе корабли, не прикасаясь къ нимъ. Я не настаиваю, чтобы эта неприкосновенность была укрѣплена за ними публичными декларацiями или чтобы она приняла видъ опредѣленнаго и постепеннаго права; но слѣдовало бы дать тайныя предписанія на этотъ счетъ нашимъ крейсерамъ, а распоряже-

нія эти сообщить ей нотою, составленной въ Англіи. Любезность, съ которой эта мѣра будетъ приведена въ исполненіе, подѣйствуетъ больше, чѣмъ самое дѣло.

Подобная мѣра скорѣе бы разрушила нейтральную лигу, чѣмъ что̀ бы то ни было другое. Императрица уже начинаетъ ею тяготиться и видѣть ея опасное направленіе.

Я долженъ прибавить, что, предлагая ея императорскому величеству условія Парижескаго мира, какъ основанія умиротворенія и говоря съ ней, мы не должны молчать относительно Америки. Я нисколько не утверждаю чтобы примиреніе съ этой страной могло быть произведено вмѣшательствомъ какой бы то ни было иностранной державы; я хорошо знаю, до какой степени подобная мысль несогласна съ опредѣленнымъ намѣреніемъ его величества; но мы можемъ сообщить императрицѣ то, что̀ мы уже сдѣлали и что̀ дѣлаемъ въ эту минуту: поблагодарить ее за совѣтъ, который ей угодно было намъ подать, когда она убѣждала насъ раздѣлить колоніи и вести съ ними отдѣльно переговоры, а затѣмъ просить ея совѣтовъ на будущее время.

Если мы сдѣлаемъ все это, милордъ, и при этомъ не будемъ терять изъ виду характера особы, съ которой мы говоримъ, я имѣю полное основаніе надѣяться и ожидать, что мы возвратимъ себѣ вполнѣ ея расположеніе и что не пройдетъ года, какъ она уже будетъ нашимъ вѣрнымъ другомъ и союзницей.

Уступка Минорки будетъ вполнѣ условна: если только не всѣ условія будутъ соблюдены, уступка никогда не состоится. Поэтому, если однажды намѣреніе это принято, не можетъ быть никакого вреда отъ переговоровъ по этому предмету.

51.

Петербургъ. 13-го Дек. 1780 г.

Вы, милордъ, не можете составить себѣ понятія о той степени, до которой въ этой странѣ доведена продажность, объ огромныхъ размѣрахъ требованій и о томъ нахальствѣ, съ которымъ они предъявляются. Французскій, Голандскій и даже Прусскій министры весьма щедры на этотъ счетъ; и первый изъ нихъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, истратилъ (и безъ всякой пользы) огромныя суммы со времени своего пріѣзда. Онъ снабдилъ деньгами двоихъ двоюродныхъ братьевъ графа Панина и вице-канцлера на покупку домовъ, изъ которыхъ каждый стоитъ отъ четырехъ до пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Каждый служитель ожидаетъ своей награды, и награда эта сообразна съ требованіемъ времени. Герцогъ Курляндскій издерживаетъ здѣсь ежегодно до 20,000 фунтовъ стерл. и можетъ похвастаться тѣмъ, что между прочими лицами содержитъ на пенсіи графа Панина, графа Чернышева и графа Остермана. Вы можете быть увѣрены, милордъ, что я буду бережливъ, на сколько возможно; но я долженъ платить за всякое свѣдѣніе, которое мнѣ удается получить, и лица, сообщающія мнѣ его, знаютъ, какъ важно для меня получить его своевременно и съ точностью.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ УПРАЗДНЕНІЯ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ [1]).

Дѣятельность правительства и лицъ, занимавшихся, по его призыву, начертаніемъ положеній объ освобожденіи крестьянъ имѣла безъ сомнѣнія первенствующее значеніе въ разрѣшеніи вопросовъ, всплывавшихъ со всѣхъ сторонъ во время сложнаго процесса реформы; но этою дѣятельностью не исчерпывается исторія освобожденія крестьянъ.

[1]) См. Русскій Архивъ за 1868 годъ, стр. 1214 и за 1869 г., стр. 1362.

Будущему его историку, для правды событія, необходимо знать, на сколько принимала участіе, кромѣ правительства, и какъ отнеслась къ предстоявшему преобразованію другая, страдательная, такъ сказать, сторона общества: во первыхъ народъ, во имя котораго все предпринималось, во вторыхъ тѣ различныя сословія, на которыхъ долго еще будутъ отражаться, прямо или косвенно, всѣ перемѣны быта и новые порядки, вводимые въ Россіи съ легкаго почина упраздненія крѣпостнаго права.

Во все продолженіе работъ правительства по освобожденію крестьянъ, можно сказать, сыпались на него со всѣхъ сторонъ записки объ улучшеніи ихъ быта, стекались къ нему проэкты о способахъ разрѣшенія того или другаго вопроса, въ особенности въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу и на имя предсѣдателей бывшихъ Редакціонныхъ Коммиссій. Каждый, кто считалъ себя болѣе или менѣе образованнымъ, болѣе или менѣе знатокомъ народныхъ нравовъ, или по имущественнымъ интересамъ принималъ близко къ сердцу предстоявшія перемѣны въ положеніи крестьянъ, вмѣнялъ себѣ какъ бы въ обязанность представить, иногда даже непосредственно на высочайшее воззрѣніе, болѣе или менѣе полный проэктъ освобожденія крестьянъ, а иногда просто мнѣніе по поводу дѣла. Членамъ Редакціонныхъ Коммиссій, заваленнымъ тогда письменною разработкою разныхъ частей составлявшагося проэкта, не было возможности слѣдить за этими записками, и хотя составленіе изъ нихъ извлеченій приняли на себя немногіе члены Коммиссій, и эти извлеченія читались во время засѣданій, но они не обращали на себя большаго вниманія прочихъ членовъ. За то покойный предсѣдатель Коммиссій, Я. И. Ростовцовъ читалъ ихъ во всемъ объемѣ, и если проэктъ интересовалъ его, то передавалъ записку кому нибудь изъ членовъ для внимательнаго прочтенія и просилъ изустно или письменно сообщить ему объ ней мнѣніе. Такъ въ засѣданіи Редакціонныхъ Коммиссій 6-го Мая 1859 года онъ предложилъ прочесть всю записку арестанта, именовавшаго себя Корибутъ-Дашкевичемъ, отличающуюся умнымъ изложеніемъ крестьянскихъ толковъ, по случаю ожиданія ими воли [2]).

Этотъ документъ драгоцѣненъ тѣмъ, что его можно назвать *голосомъ изъ народа,* который въ то время, по невѣжеству и безграмотности, менѣе всего былъ способенъ понимать свои интересы въ будущемъ и не имѣлъ средствъ къ выраженію своихъ соображеній, и хотя о призваніи его къ тому высказывалъ свои желанія и хлопоталъ Я. И. Ростовцовъ, но этимъ желаніямъ не суждено было осуществиться [3]). Это подаетъ мнѣ поводъ ознакомить читающую публику съ помянутымъ документомъ, который я и предлагаю ниже, въ полномъ его объемѣ и подлинномъ изложеніи. Но прежде считаю нужнымъ объяснить еще, что во всей пестротѣ этого рода записокъ и во всемъ разнообразіи частныхъ проэктовъ и мнѣній по крестьянскому дѣлу заключается тотъ матеріалъ, изъ котораго можно будетъ составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, какъ было настроено въ Россіи общество къ принятію великой реформы, какъ понимало ее, чего отъ нея ожидало и на что надѣялось. Между тѣмъ до настоящаго времени въ извѣстномъ сочиненіи г. Скребицкаго (т. I, стр. 926—943; напечатанъ [4]) только въ первый разъ для читающихъ списокъ этимъ проэктамъ и запискамъ, съ раздѣленіемъ ихъ на два отдѣла: а) на поступившіе изъ архива Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу—124 нумера и б) на поступившіе къ предсѣдателямъ Редакці-

---

[2]) См. мою статью: Дѣятельн. Я. И. Ростовцова, Русск. Вѣстн. за 1864-й годъ № 11, Ноябрь, стр. 108.

[3]) См. тамъ же, стр. 85 и 86.

[4]) См. мой разборъ этого сочиненія въ «Отчетѣ о 14-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова 25 Сент. 1871 г.» стр. 43.

онныхъ Коммиссій 266, а всего 390 нумеровъ, съ примѣчаніемъ, что тѣ, которые отмѣчены звѣздочками, были разсматриваемы членами Редакціонныхъ Коммиссій, и изъ нихъ составлены особыя извлеченія и выписки, а такихъ всего въ 1-мъ отдѣлѣ 22, а во 2-мъ 30, т. е. 52 записки. Но этотъ списокъ я не могу признать ни точнымъ, ни полнымъ: такъ въ немъ едвали не чаще другихъ встрѣчаются записки подъ моей фамиліей, иногда съ начальными буквами имени и отечества, иногда безъ ихъ означенія; оглавленія часто замѣняются предметомъ содержанія записки, который невсегда удовлетворительно обозначенъ. Что до меня касается, то изъ записокъ, носящихъ въ этихъ перечняхъ мою фамилію, мнѣ не принадлежитъ ни одной, потому что внѣ Коммиссій я не представлялъ тогда ни проэктовъ, ни мнѣній. Судя по количеству всѣхъ мной видѣнныхъ записокъ, я сомнѣваюсь, чтобы всѣ онѣ вошли въ списокъ, напечатанный г. Скребицкимъ, и хотя подъ означеніемъ *неизвѣстный* тоже довольно записокъ въ перечнѣ, но записки неизвѣстнаго, именовавшаго себя Корибутъ-Дашкевичемъ, я не нашелъ; если она и показана, то не подъ точнымъ ея заглавіемъ. Это возвышаетъ еще цѣну напечатанія теперь документовъ такого рода, потому что они могутъ утратиться безъ слѣда, такъ какъ нѣтъ даже полной и вѣрной ихъ описи.

Въ минувшее царствованіе рѣдкій губернскій острогъ не имѣлъ какого-нибудь таинственнаго арестанта, именовавшаго себя дворяниномъ, или небольшимъ военнымъ чиномъ въ отставкѣ. Эту характеристическую черту времени мнѣ удалось подмѣтить, особенно въ двухъ губерніяхъ, гдѣ я послѣдовательно, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ губернскимъ прокуроромъ, такъ что подъ моимъ главнымъ надзоромъ состояли тамошніе остроги, наполнявшіеся значительнымъ числомъ обвиненныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, пересыльныхъ и осужденныхъ на заточеніе. Такой арестантъ былъ всегда, если не вполнѣ образованный, то покрайней мѣрѣ грамотный человѣкъ. Онъ обыкновенно считалъ самъ себя выше прочихъ сотоварищей по заключенію и услуживалъ имъ нерѣдко своею грамотностью, получая съ нихъ вознагражденіе за написаніе прошенія или вообще бумаги, которыя кто-либо изъ нихъ считалъ нужнымъ представить къ своему дѣлу для оправданія. Такой арестантъ, какъ неизвѣстнаго происхожденія, хотя только именующій себя, содержался на дворянскомъ положеніи, по крайней мѣрѣ все время, пока объ немъ собирались справки въ мѣстахъ или вѣдомствахъ, на которыя онъ указывалъ—то есть сидѣлъ въ особой камерѣ, отдѣльно отъ другихъ арестантовъ, относительно прокормленія не принадлежалъ къ общей артели, и ему отпускалось на продовольствіе 10 копѣекъ въ сутки и двѣ сальныя свѣчи для освѣщенія. Ближайшее полицейское начальство, какъ и самъ смотритель тюремнаго замка, были обыкновенно осторожны въ обращеніи съ такимъ арестантомъ, особенно если подозрѣвали, по отрывочнымъ его рѣчамъ, или по упорству въ общительности, что онъ замѣшанъ въ какое нибудь политическое дѣло, такъ какъ въ тѣ времена заниматься политикой и даже сближаться съ людьми, принадлежавшими къ какимъ бы то ни было обществамъ, неизвѣстнымъ правительству, считалось, не только служащими, но и частными обитателями города, преступленіемъ и наводило сомнѣнія на всякаго серьезнаго человѣка. Такимъ настроеніемъ общества конечно пользовались эти немногіе, ловкіе арестанты, которыхъ нерѣдко переводили, за справками объ нихъ, изъ острога въ острогъ. Къ этой категоріи арестантовъ долженъ быть причисленъ и именовавшій себя Корибутъ-Дашкевичемъ. Онъ содержался въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ. Записка его была представлена тамошнимъ губернскимъ прокуроромъ, по установленному порядку, бывшему военному министру

Сухозанету, а имъ препровождена тогда же на усмотрѣніе предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій Я. И. Ростовцова.

Въ своей запискѣ именовавшій себя Корибутъ-Дашкевичемъ говоритъ, что крестьяне думаютъ, что „заплатятъ владѣльцамъ выкупъ по самымъ баснословно-дешевымъ цѣнамъ за дома и огороды, а полевая земля вырѣжется уже безданно-безпошлинно и будетъ навсегда ихъ собственность". Этотъ крестьянскій взглядъ я могу подтвердить собственнымъ воспоминаніемъ. Послѣ объявленія положеній 19-го Февраля я пріѣхалъ въ Маѣ мѣсяцѣ въ мое имѣніе Рязанской губерніи Раненбургскаго уѣзда, для составленія уставной грамоты. Одинъ изъ крестьянъ сосѣдней деревни почтительно подошелъ ко мнѣ во время моей прогулки и сказалъ: „Вы, баринъ, изъ Питера и, мы слышали, писали Положеніе; какъ же теперь будетъ насчетъ нашей воли?" Я на это спросилъ: „Положеніе было ли вамъ объявлено?" Онъ отвѣчалъ: „Да точно, мы слышали; да вѣдь мы люди темные, грамотѣ не знаемъ, а говорятъ, что это малая воля, а будетъ, сказываютъ, большая".—„Какую же волю вы еще ждете? Я ни о какой другой не слыхалъ".—„Нынче намъ оставили землю, какую мы на себя пахали; а тамъ, говорятъ, отдадутъ всю, которая осталась у помѣщиковъ со всѣми ихъ усадьбами".—„Какъ же такъ, на чемъ же будутъ жить помѣщики?". — „Имъ, сказываютъ, будетъ особый указъ: Государь приметъ ихъ на свое иждивеніе".

Понятіе, поразившее меня и обличающее, что простому народу знакомы крупныя черты въ исторіи его жизни едва ли не вѣрнѣе, чѣмъ иному записному литератору нашихъ дней. Въ самомъ дѣлѣ, служилое сословіе въ Россіи было долго на прокормленіи у правительства, и нынѣ еще находится на его иждивеніи. Мнѣ тутъ стоило большаго труда и времени растолковать крестьянину сущность новыхъ положеній. Онъ поблагодарилъ, но отошелъ отъ меня повидимому не совсѣмъ убѣжденный.

Въ настоящее время являются въ нашей литературѣ статьи, развивающія такія же понятія, съ тою разницею, что мысли крестьянъ при освобожденіи ихъ были великодушнѣе, чѣмъ мысли нѣкоторыхъ литераторовъ: крестьяне отдавали простодушно всѣхъ помѣщиковъ на попеченіе Государя, а иные изъ современныхъ публицистовъ очень просто стираютъ ихъ съ лица земли.

Такъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1874 годъ напечатана, въ двухъ нумерахъ (Янв. и Февр.) статья г. Грыцьки: *крестьянская реформа — экономическая основа крестьянской реформы и порожденныя ею экономическія и соціальныя состоянія.* Авторъ, разсуждая между прочимъ о надѣлѣ крестьянъ, ссылается на циркулярное предписаніе министра юстиціи, графа В. Н. Панина 16 Ноября 1858 года за № 20,302, служившее подтвержденіемъ прежняго узаконенія, „что помѣщики не должны продавать свою землю отдѣльно отъ поселенныхъ крестьянъ, если земли въ имѣніи окажется менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу". Это г. Грыцько считаетъ „нормальнымъ крестьянскимъ надѣломъ на душу, во время крѣпостнаго состоянія" [5]) и упрекаетъ Редакціонныя Коммиссіи по крестьянскому дѣлу, что они отвергли эту норму и тѣмъ отступили отъ закона. Но всѣмъ извѣстно, что, когда изданъ былъ этотъ законъ, правительство и не помышляло о правахъ надѣленія крестьянъ землею. Законъ былъ вызванъ потребностью огражденія финансовыхъ интересовъ государства, при залогѣ населенныхъ имѣній въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Норма ссуды для разныхъ мѣстностей Россіи была исчислена по губерніямъ на ревизскую душу. При такомъ, обычномъ исчисленіи *только душъ* и въ другихъ, даже частныхъ сдѣлкахъ (что доказывается актами укрѣпленія, въ которыхъ количества земли нерѣдко вовсе и не озна-

[5]) Отечеств. Записки, за 1874 годъ Январь, стр. 150.

чалось, а писалось просто: *столько-то душъ, съ владѣемой землею*), всѣ имѣнія раздѣлялись на многоземельныя и малоземельныя. Послѣдней категоріи имѣній казна не могла принимать въ залогъ, какъ достаточное обезпеченіе, выдаваемой ею ссуды, потому что на такія имѣнія рѣдко являлись покупатели, а крестьянъ вовсе безъ земли можно было считать даже въ нѣкоторомъ родѣ за *мертвыя души*. Поэтому правительство въ этомъ случаѣ имѣло въ виду лишь опредѣлить норму многоземельности и малоземельности имѣній. Оно ее и опредѣлило въ $4^1/_2$ десятины на душу. Если въ имѣніи такого количества на душу не доставало, то кредитныя учрежденія не принимали его въ залогъ. Количество же земли, превышавшее эту норму въ имѣніи, подъ которое хотя бы и была выдана ссуда, правительство не считало состоящимъ у себя въ залогѣ. Послѣ окончательной просрочки взноса, кредитныя учрежденія приступали къ публичной продажѣ заложеннаго имѣнія одного помѣщика другому помѣщику. При такомъ положеніи вещей очевидно, что въ указанной пропорціи $4^1/_2$ десятинъ на душу правительство должно было разумѣть какъ крестьянскую, такъ и помѣщичью землю. Такой взглядъ подкрѣпляется еще и тѣмъ, что въ то время единицею рабочей силы, а слѣдовательно и земельнаго крестьянскаго надѣла у всякаго помѣщика считалось тягло, и еслибы правительство заблагоразсудило тогда опредѣлить въ точности закономъ земельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ (такъ какъ оно еще не думало о немедленномъ освобожденіи первыхъ изъ подъ власти послѣднихъ), то безъ сомнѣнія оно было бы вынуждено исчислять норму надѣла, или всякую его цыфру, по тягламъ, а не по душамъ.

Г. Грыцько извращаетъ по своему эти данныя, не заботясь впрочемъ объяснить, какимъ процессомъ изысканій возникла кабалистическая для него цыфра $4^1/_2$ десятинъ на душу. Легко понять, что нѣтъ такой цыфры, и слѣдовательно одной общей нормы надѣла, которая удовлетворила бы крестьянъ на неопредѣленное время, при постоянномъ возрастаніи народонаселенія. Г. Грыцько выводитъ заключеніе, что крестьяне были обдѣлены Редакціонными Коммиссіями; между тѣмъ Коммиссіи, къ большому своему затрудненію, не только не нашли возможнымъ установить цыфры надѣла, возникшей изъ другихъ отношеній и условій жизни, но даже не могли отыскать одной общей нормы его для столь обширной и разнообразной, по особенностямъ своихъ мѣстностей, Россіи, а приняли въ основаніе разработки своихъ положеній существующій въ каждомъ имѣніи въ натурѣ надѣлъ, съ указываемыми тогда силою самыхъ вещей исключеніями. Онѣ сами сдѣлали предварительно самыя точныя повѣрки по каждой губерніи и уѣзду всѣхъ добытыхъ свѣдѣній, и эти повѣрки напечатаны въ двухъ томахъ XV и XVI Матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій. Если же въ повѣрки вошли единственно свѣдѣнія объ имѣніяхъ во 100 душъ и свыше, что г. Грыцько ставитъ въ укоръ Коммиссіямъ, то это только потому, что частными повѣрками, по нѣкоторымъ уѣздамъ, всѣхъ имѣній, сдѣланными тоже нѣсколькими членами Коммиссій, доказано было съ несомнѣнною ясностью, что распространеніе повѣрки на все количество малыхъ и мелкопомѣстныхъ имѣній по всѣмъ губерніямъ Россіи не измѣнитъ общихъ выводовъ, и только обременило бы Коммиссіи безполезнымъ трудомъ и затянуло бы дѣло освобожденія крестьянъ. Это послѣднее соображеніе еще, можетъ быть, неизвѣстно г-ну Грыцькѣ; но онъ долженъ бы былъ знать, что даровой надѣлъ, на простомъ языкѣ *сиротскій,* не принадлежитъ Редакціоннымъ Коммиссіямъ; во всякомъ случаѣ онъ предоставленъ былъ на волю крестьянъ, и если они имъ добровольно воспользовались въ немногихъ только мѣстностяхъ, то конечно тамъ онъ представлялъ какія-нибудь для нихъ

выгоды. Хорошо ли извѣстны г-ну Грыцькѣ пріемы статистическихъ работъ, я не знаю; но нахожусь въ крайнемъ сомнѣніи относительно того, раскрывалъ ли онъ тѣ томы Матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій, на которые я выше ссылаюсь. Что́ же касается сочиненія „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II-го", такъ много руководившаго г-на Грыцьку, то г. Скребицкій въ своемъ „введеніи" между прочимъ говоритъ самъ (стр. CLIV): „*Всѣми этими матеріалами я воспользовался вполнѣ,* за исключеніемъ повѣрочныхъ работъ т. XV и XVI, изъ которыхъ вошли въ крестьянское дѣло только результаты ихъ".

Я посвятилъ довольно строкъ статьѣ г. Грыцьки. При такомъ легкомъ обращеніи его съ историческимъ матеріаломъ въ постановкѣ основныхъ положеній, безполезно входить, по поводу этой статьи, въ дальнѣйшія разсужденія; но не могу не указать на то, что г. Грыцько подвергаетъ легкомысленному осужденію то, что́ должно бы составлять для всякаго Русскаго его гордость и славу. Если Редакціонныя Коммиссіи оказали какія нибудь услуги отечеству, то существенно двумя дѣйствіями: 1) *освобожденіемъ крестьянъ съ землею,* къ чему привела самая тщательная и научная разработка всѣхъ данныхъ, относящихся *до надѣловъ крестьянъ землею,* и 2) *изумительнымъ успѣхомъ приведенія въ дѣйствіе,* въ продолженіе едва двухъ лѣтъ, реформы, составляющей эпоху въ жизни Русскаго народа, чему послужили созданныя Редакціонными Коммиссіями *мировыя учрежденія.* Эти учрежденія, бывъ поставлены, послѣдовавшею за освожденіемъ крестьянъ, судебною реформою въ совершенное почти бездѣйствіе, нынѣ окончательно уничтожаются, такъ что кромѣ введенія ими въ дѣйствіе положеній 19-го Февраля къ сожалѣнію врядъ ли останется отъ нихъ какой нибудь другой слѣдъ, въ ряду наслоившихся на крестьянскую реформу новыхъ учрежденій; а г. Грыцько, безпокоясь о судьбахъ Россіи, старается уничтожить, силою пера, разработанный Коммиссіями принципъ освобожденія крестьянъ, чтобы отъ нихъ уже ничего не осталось. Много труднѣе было конечно вынести на собственныхъ плечахъ всю тягость этого дѣла, нежели, по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ его совершенія, отнестись къ нему съ поверхностной и легкой критикой. Однако почти внезапному осуществленію освобожденія народа въ Россіи удивляются просвѣщенные люди въ цѣлой Европѣ и за океаномъ; въ образованнѣйшемъ государствѣ чужой народъ привѣтствуетъ обезпеченную свободу крестьянъ въ лицѣ Нашего Государя [6]), считая этотъ актъ Его державной воли лучшимъ дѣломъ Его царствованія. Поэтому мы и увѣрены, что потомство отнесется болѣе благосклонно къ трудамъ, понесеннымъ Редакціонными Коммиссіями, нежели нѣкоторые изъ современныхъ намъ публицистовъ.

Нельзя въ заключеніе не остановиться въ недоумѣніи на томъ, для чего пишутся подобныя ретроспективныя статьи, по прошествіи уже болѣе 13 лѣтъ со дня введенія реформы, съ порицаніемъ той именно стороны дѣла, которая безъ поворота, въ которой измѣнить нечего безъ нарушенія гражданскихъ правъ и существенныхъ отношеній, имѣющихъ крѣпость во всякомъ благоустроеномъ обществѣ: ибо уставныя грамоты для крестьянъ введены во всей Россіи, а въ большинствѣ имѣній, включая сюда разумѣется и западныя губерніи, совершены уже выкупныя сдѣлки, эти новаго вида акты укрѣпленія на земли. Если есть безъ сомнѣнія всегда средства еще улучшить бытъ народа, то конечно помимо того, что́ уже кончено, и для этой цѣли нѣтъ никакой нужды опровергать сдѣланнаго, которое принадлежитъ нынѣ прошедшему и Исторіи.

---

[6]) Газета Голосъ за 1874 годъ № 134, стр. 2.

На всѣ подобнаго направленія ретроспективныя статьи общимъ и лучшимъ отвѣтомъ можетъ служить печатаемый мною документъ для исторіи крестьянскаго дѣла: записка именовавшаго себя Корибутъ-Дашкевичемъ, озаглавленная имъ: *Нелѣпые толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ.*

Сколько мнѣ помнится, Я. И. Ростовцовъ хлопоталъ объ облегченіи участи этого арестанта, котораго дальнѣйшая судьба мнѣ неизвѣстна.

Николай Семеновъ.

25 Мая
1874 года.
Спб.

НЕЛѢПЫЕ ТОЛКИ И НАДЕЖДЫ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Великое дѣло преобразованія крестьянскаго быта близко къ концу. Какъ много добра можно ждать въ будущемъ, это знаетъ всякъ, въ комъ есть умъ, душа и сердце. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ближе подходимъ къ осуществленію начатаго, невольно возникаетъ вопросъ и вопросъ немаловажный: спокойно ли пройдетъ переломъ быта помѣщичьихъ крестьянъ, на высочайше указанныхъ началахъ, при настоящемъ броженіи умовъ простолюдиновъ?

Всякая реформа въ государствѣ всегда почти сопровождалась народными бурями и волненіями, въ большей или меньшей степени важными. Вспомнимъ, что когда только были обнародованы первые рескрипты Государя Императора объ устройствѣ Комитетовъ, толкамъ не было конца. Ложная молва взволновала многихъ крестьянъ, думавшихъ, что они уже окончательно свободны. Были и есть еще владѣльцы, не понявшіе великой, современной потребности, но прошелъ годъ—правда взяла верхъ: журналы и изустныя толкованія понимающихъ дѣло примирили приверженцевъ старины съ требованіями вѣка, если и не всѣхъ, то многихъ, и между владѣльцами несознающихъ въ душѣ истины очень мало. Но такъ ли поняли помѣщичьи крестьяне тѣ начала, на которыхъ должна упрочиться ихъ будущность? Такимъ ли представляютъ они будущій бытъ свой, какъ онъ будетъ на самомъ дѣлѣ?

Чтобъ извѣдать направленіе мыслей нашего простаго народа, чтобъ извѣдать его сужденія въ своихъ кружкахъ, сужденія откровенныя, надо сблизиться съ нимъ на долго, переходя изъ края въ край обширной земли Русской; надо умѣть скрыть разность происхожденія, что̀ дѣлалъ я, особенно въ кругу помѣщичьихъ крестьянъ, которые, какъ извѣстно всѣмъ, рѣдко, очень рѣдко бываютъ отъ души расположены къ дворянскому роду. Доказывать это не нужно, а выводить причины не мѣсто. Какъ сынъ отчизны, я хочу принести ей въ даръ плоды моихъ долгихъ наблюденій и основанное на нихъ предположеніе.

Послѣ первыхъ высочайшихъ рескриптовъ, всѣ помѣщичьи крестьяне заговорили о свободѣ полной, безусловной. Они ждали, что ихъ уволятъ со всею землей, и они будутъ жить какъ казенные и отбывать равныя съ ними повинности одной казнѣ. Ложные толки росли быстро, и во многихъ мѣстахъ начались волненія, неповиновеніе помѣщичьимъ властямъ, вслѣдствіе нелѣпыхъ толковъ, что уже свобода утверждена Государемъ, но что мѣстныя власти скрываютъ это по просьбѣ владѣльцевъ. Мало по малу волненія стали утихать, по мѣрѣ того какъ устроивались Комитеты и крестьяне знакомились съ двѣнадца-

тилѣтнимъ срокомъ выкупа усадьбъ. Этотъ срокъ только и успѣли крестьяне затвердить, но въ искаженномъ видѣ; изъ другихъ же началъ, изложенныхъ въ рескриптахъ, ровно ничего не поняли и все перетолковали по своему.

Двѣнадцатилѣтній выкупъ усадебъ крестьяне поняли такъ, что они заплатятъ владѣльцамъ выкупъ по самымъ баснословно-дешевымъ цѣнамъ, выведеннымъ изъ ложныхъ слуховъ, за дома и огороды, а полевая земля вырѣжется уже безданно-безпошлинно и будетъ навсегда ихъ собственность. Такъ думаетъ большая половина; меньшая увѣрена, что слова „двѣнадцатилѣтній выкупъ" означаютъ срокъ, въ который казна сама уплатитъ помѣщикамъ за усадьбы; а крестьяне, получа въ свое распоряженіе всю, какая есть въ имѣніяхъ, полевую землю, будутъ отбывать только повинности казнѣ, на одинхъ правахъ и условіяхъ съ казенными крестьянами. Вотъ господствующія мнѣнія крѣпостныхъ людей! Они лелѣютъ ихъ, живутъ ими и ждутъ развязки дѣла. Покойны крестьяне, покойны и власти; однѣ другими довольны до времени. Изрѣдка пролетаетъ молва, что давно уже были бы крестьяне отпущены, да господа-то все упрашиваютъ Сенатъ и Государя, чтобы отсрочить и дать время помѣщикамъ позапастись доходами, которыхъ уже послѣ получать не будутъ. Русскій простолюдинъ, правда, сильно способенъ вѣрить всему чудесному, но легковѣренъ онъ по своему. На него нескоро дѣйствуютъ самыя сильныя увѣренія, самые очевидные доводы противу вѣрованій его, хотя и ложныхъ, но такихъ, съ которыми онъ уже сроднился. Попробуйте затронуть его коренныя убѣжденія, даже причуды; попробуйте увѣрить въ истинахъ, которыя признаетъ весь свѣтъ: крестьянинъ не захочетъ и слушать. Начните же говорить что нибудь небывалое, только согласное съ вкоренившеюся идеею простолюдина,—онъ васъ будетъ считать за самаго умнаго, за самаго добраго человѣка и повѣритъ вамъ на слово, потому что въ васъ онъ вѣритъ себѣ. Къ стыду должно сказать, находятся люди изъ чиновнаго міра, конечно низшихъ разрядовъ по жизни и понятіямъ, которые за чарку вина и ковшъ браги утверждаютъ тоже самое, что̀ толкуютъ крестьяне.

Мысль о свободѣ родилась въ умахъ помѣщичьихъ крестьянъ не только прежде настоящаго времени, но даже прежде настоящаго столѣтія. Мнѣ случалось видѣть въ разныхъ краяхъ Россіи стариковъ, которые говорили, что еще во время ихъ дѣтства уже носились слухи объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. Какіе жъ это слухи? Что за предвѣдѣніе? Опредѣлить это простыми словами: „голосъ народа—голосъ Бога" мы не вправѣ, хорошо понимая, что нѣтъ слѣдствія безъ причины; а если, говоря изъ глубины души, положа руку на сердце, должно признаться, что есть очень многое, очень близкое къ намъ, чего мы еще не поняли, то никакъ не потому, чтобъ не могли понять. Изслѣдованія безпристрастныя къ какимъ разгадкамъ не доведутъ человѣка? Сто́итъ только повѣрять строго свои изысканія и скрѣплять ихъ опытами.

Въ концѣ прошлаго столѣтія народныя нужды стали усиливаться, особенно у помѣщичьихъ крестьянъ. Не будемъ разбирать теперь, какія причины уменьшили общее довольство. Это не входитъ въ предѣлы настоящей статьи. Причины тѣ давно

извѣстны и несомнѣнно вѣрны. Съ увеличеніемъ нуждъ увеличились и скорби, а человѣкъ всегда любитъ ими дѣлиться, какъ и радостями.

Изстари заведено у всѣхъ православныхъ ходить на поклоненіе св. мощамъ угодниковъ Божіихъ. Старики и особенно старухи, неспособные уже къ работамъ, давали и даютъ обѣты странствовать, особенно если въ семействѣ нѣтъ малютокъ, за которыми надзоръ въ рабочее время поручается бабушкамъ. Такія поклонницы, приходя въ Кіевъ или въ другія святыя мѣста и исповѣдываясь у схимниковъ, высказывали между прочимъ горе свое или ропотъ на судьбу. Старцы, въ духѣ вѣры и любви къ ближнему, всегда утѣшали скорбныхъ и совѣтывали молиться и не роптать, обѣщая помощь Божію: „Богъ избавитъ васъ отъ бѣдъ, освободитъ отъ горя, молитесь только и не ропщите“. Вотъ что всегда говорили и говорятъ добрые духовники. Отшельники и ихъ слова въ народѣ цѣнятся далеко выше словъ бѣлаго духовенства. Слова тѣ перетолкованы были иначе и, переходя изъ устъ въ уста, образовали вѣрованіе въ освобожденіе отъ крѣпостнаго права. Вѣрованіе это зрѣло тихо, и когда-когда чуть вырывалось за черту сердечныхъ тайниковъ. Появленіе первыхъ рескриптовъ было какъ бы будильникомъ полузаснувшихъ думъ и надеждъ народа. Человѣкъ всегда охотнѣе вѣритъ тому, чтó для него кажется лучшимъ. Въ слухахъ объ отдаленномъ горѣ онъ еще сомнѣвается, а радостную вѣсть, хоть самую нелѣпую, принимаетъ за настоящую монету. Кто изъ людей, даже хорошо образованныхъ, не испыталъ этого на себѣ? Такова людская натура. Помѣщичьи крестьяне заговорили, зашумѣли и кое-какъ остановились на тѣхъ ожиданіяхъ, о которыхъ мы говорили выше.

Впослѣдствіи, когда многіе владѣльцы сами прочитывали крестьянамъ тѣ начала, которыя изложены въ высочайшихъ рескриптахъ, когда крестьяне, посѣщая города, сами добивались свѣдѣній о будущности своей, родилось новое или, лучше сказать прибавилось еще одно нелѣпое ожиданіе: что со дня уничтоженія крѣпостнаго права каждый крестьянинъ воленъ или остаться въ своемъ домѣ жить, или переѣхать на вольныя степи, и въ обоихъ случаяхъ отъ него зависитъ заплатить за усадьбу и жить, или бросить ее и, не платя ничего, уѣхать.

Эти толки возникли изъ словъ въ высочайшемъ рескриптѣ: „крестьяне должны оставаться болѣе или менѣе крѣпкими землѣ“. Слова эти растолкованы у крестьянъ такъ: „хочешь, такъ живи на этой землѣ; а не хочешь, такъ уѣзжай и платить помѣщику не будешь“. Нельзя не сказать, хоть и съ тяжелымъ воспоминаніемъ, что были и есть чиновники, прослужившіе много-много лѣтъ въ присутственныхъ мѣстахъ низшихъ и даже вторыхъ степеней, которые также точно понимали и понимаютъ, толковали и толкуютъ слова: „болѣе или менѣе крѣпкими землѣ“.

Какъ кора на деревѣ крѣпнетъ съ лѣтами, такъ и предразсудки народа, ложныя надежды, твердѣютъ, временемъ пускаютъ корни глубже и глубже и обращаются въ застарѣлую болѣзнь разума, а застарѣлые недуги поддаются только сильнымъ средствамъ. До того дня, въ который объявится окончательно улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ, а съ нимъ уничтожится и крѣпостное право, еще

есть время приготовить заблудшіе умы къ тому, чтобъ они встрѣтили безропотно, съ благодарностью, благодѣтельную перемѣну участи, не ожидая бо́льшаго, невозможнаго. Средство для этого есть, средство простое, вѣрное и удобоисполнимое. Оно не требуетъ ни большихъ финансовыхъ пожертвованій со стороны казны, ни усилій, ни мѣръ сильныхъ. Сто́итъ только напечатать изложеніе, на полулистѣ не больше, тѣхъ началъ, на которыхъ будетъ основано улучшеніе быта крестьянъ, напечатать хоть не съ подробными, но съ самыми понятными изъясненіями, слогомъ не книжнымъ и не дѣловымъ, а простымъ Русскимъ языкомъ, языкомъ простонароднымъ понятнымъ простолюдину. Я полагаю, нѣтъ надобности увѣрять въ томъ, что изъ какой угодно вамъ превосходно изложенной дѣловой бумаги или книги, написанной самымъ лучшимъ писателемъ, крестьянинъ пойметъ сотую долю, да и то перетолкуетъ по своему. Ему понятны слова своего разговорнаго языка, и мысль, выраженная тѣми словами, также вполнѣ поймется; языкъ же письменный нашъ, книжный—для крестьянина іероглифы.

Въ изложеніяхъ этихъ должно быть означено, что они напечатаны по высочайшей волѣ. Число экземпляровъ должно быть такое, котораго бы достало во всѣ помѣщичьи имѣнія, по одному на каждое и во всѣ волостныя и сельскія расправы казенныхъ крестьянъ и государственныхъ имуществъ. Листки могли бы, для успѣшности во времени, напечататься при Губернскихъ Правленіяхъ и Палатахъ государственныхъ Имуществъ.

Вѣроятно меня спросятъ: для чего нужны тѣ листки волостнымъ и сельскимъ правленіямъ, когда дѣло до нихъ вовсе не касается? Если въ одни только помѣщичьи имѣнія будутъ высланы листки, то крестьяне начнутъ толковать, что это просто выдумка владѣльцевъ, и во все будутъ вѣрить; но когда и въ сосѣднихъ, вольныхъ слободахъ будутъ также читать, а послѣ толковать станутъ вольные съ помѣщичьими людьми при первомъ свиданіи о предстоящей свободѣ и ея основаніяхъ, то сомнѣнія уже не будетъ: всякій увидитъ, что дѣло свято, и мало по малу, хоть и съ сожалѣніемъ, станутъ прощаться приверженцы всего нелѣпаго съ своими заблужденіями и станутъ знакомиться съ правдивою будущностью; реформу встрѣтятъ приготовленные къ ней, встрѣтятъ съ благословеніями вмѣсто ропота, и черныя блудящія тучки не покажутся на горизонтѣ нашемъ въ часъ перелома участи шестнадцати милліоновъ. Тишина будетъ общая, а она дорога́ намъ. Мы всѣ знаемъ и вѣримъ, что искру легко погасить, пока она не разгорѣлась, и пренебрегать ею не должно; знаемъ и то, что ложные толки и ожиданія народа, особенно такого, какъ нашъ, — далеко важнѣе искры. Это цѣлая головня, тлѣющая подъ костромъ, до перваго порывистаго вѣтра. Я говорю это изъ за рубежа моей могилы, говорю отъ полноты желанія добра отчизнѣ, не изъ жажды славы и наградъ: онѣ ненужны уже мнѣ. Живому мертвецу осталось въ удѣлъ одно: стараться быть полезнымъ чѣмъ можно, стремиться къ этому всею силою воли, если только и это святое право человѣка не отнимутъ люди.....

Неизвѣстный, именовавшій себя

Корибутъ-Дашкевичемъ.

Саратовъ
Тюремный замокъ.
5 Апрѣля 1859 года.

РЕСКРИПТЪ.

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ БЕКЛЕШОВУ.

Александръ Андреевичь.!

Принявъ съ искреннимъ сожалѣніемъ извѣстіе о кончинѣ Петра Дмитріевича Еропкина, въ свое время ко мнѣ дошедшее, и желая засвидѣтельствовать особливое уваженіе мое къ памяти его и заслугамъ, оказаннымъ имъ наипаче Москвѣ среди бѣдствій, нѣкогда ее постигшихъ, я положилъ намѣреніе соорудить ему надгробный памятникъ, который бы знаменовалъ всегда общую признательность и потомственное уваженіе къ имени, для обывателей столицы сей столь драгоцѣнному.

Предваряя васъ о семъ намѣреніи моемъ, я поручаю вамъ извѣстить о немъ родственниковъ покойнаго, дабы въ случаѣ естьлибъ расположились они на подобное съ своей стороны устроеніе, предоставили они сіе единственно моему попеченію.

Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Въ С. П. бургѣ.
Марта 14-го 1805.

(Списано съ подлиннаго и сообщено В. В. Ильинымъ)

Петръ Дмитріевичь Еропкинъ, родившійся 24 Іюня 1724 г., скончался 7 Февраля 1805. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Михаиловнѣ Леонтьевой (1727—1800), но дѣтей не оставилъ. Сестра его, Марья Дмитріевна Татищева, перевезла тѣло покойнаго брата своего въ имѣніе его, Калужской губерніи и уѣзда, въ село Успенское, гдѣ покоится прахъ отца его. По этому случаю воля императора Александра I-го не могла быть исполнена.

Отецъ Петра Дмитріевича, Дмитрій Ѳедоровичь Еропкинъ, служилъ съ честью Петру Великому, былъ Рижскимъ губернаторомъ, дѣлалъ походъ въ Персію, участвовалъ въ занятіи Дербента 23 Августа 1723 г. Онъ былъ женатъ на Скуратовой. По выходѣ Русскихъ войскъ изъ Персіи, въ Дербентѣ былъ оставленъ гарнизонъ. (Тамъ родилась Марья Дмитріевна) Дмитрій Ѳедоровичь кончилъ жизнь 12 Ноября 1750 года, въ чинѣ генералъ-поручика. Дочь его Марья Дмитріевна, супруга Якова Аѳанасьевича Татищева, скончалась 12 Января 1813 г., и тѣло ея погребено также въ селѣ Успенскомъ.

Генералъ-лейтенантъ Василій Даниловичь Лаптевъ, служившій въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, былъ женатъ на внучкѣ Марьи Дмитріевны, княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Бѣлосельской, которая кончила жизнь 28 Декабря 1813 года, на 23-мъ году отъ рожденія, оставивъ малолѣтнаго сына, который вскорѣ также умеръ. Лаптевъ, возвратясь изъ похода въ 1815 году, построилъ въ селѣ Успенскомъ каменную церковь, во имя Адріяна и Натальи надъ гробами покойной жены своей и родныхъ ея Еропкиныхъ.

Село Успенское, Грабцово тожъ, въ 9 верстахъ отъ города Калуги, впослѣдствіи находилось во владѣніи г-на Чернова.

В. Ильинъ.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

1.

ПРІЯТЕЛЮ (СЛУЖИВШЕМУ ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ).

1834.

Надъ министромъ иль колонной *)
Ты не смѣйся! Горе тутъ:
Обнесутъ тебя короной,
Станиславомъ обойдутъ.

*

И пошлютъ тебя въ Бразилію,
А не то, чтобы въ Парижъ!
За служебныя усилія
Ты получишь только шишъ.

*

А со мною будетъ peggio!!!
Въ частный домъ меня возьмутъ
И по всѣмъ частямъ arpeggio
Rinforzando зададутъ.

*

Зададутъ мнѣ фиче-фаче,
И за тяжкіе грѣхи
Будутъ сѣчь меня тѣмъ паче,
Чѣмъ смѣшнѣй мои стихи.

2.

ПРИ ВСТРѢЧѢ СЪ ДѢВУШКОЙ, КОТОРАЯ НѢКОГДА ОЧЕНЬ ХВАЛИЛА НѢКОЕГО ВРАНГЕЛЯ.

Вы о маіорѣ Врангелѣ
Говаривали мнѣ,
Какъ будто бы объ ангелѣ. —
Чтó онъ теперь, не въ рангѣ ли
Des gens abandonnés? **)

*) Александровской, воздвигнутой подъ вѣдѣніемъ тогдашняго министра финансовъ; въ ней оказалась трещина.

**) Людей оставленныхъ.

3.

КЪ ГРАФИНѢ Р.

Ахъ, за чѣмъ вы не бульдогъ,
Только нрава нѣжнаго!
Полюбить бы я васъ могъ
Очень больше прежняго.

*

Ахъ, зачѣмъ вы не бульдогъ
Съ поступію гордою,
Съ четвернею бѣлыхъ ногъ,
Съ розовою мордою!

*

Какъ не целовать сихъ лапъ,
Бѣлыхъ какъ у кролика?
Цалованье ногъ у папъ
Счастье жъ для католика.

*

Быть графиней чтó за стать!
И съ какою ручкою
Вы посмѣете сравнять
Хвостикъ съ закорючкою?

4.

А. О. С-ВОЙ.

Не за пышныя плечи,
Не за черный вашъ глазъ,
А за умныя рѣчи
Обожаю я васъ.

*

По глазамъ вы — плутовка,
По душѣ вы — дитя;
Мнѣ влюбляться будь ловко,
Въ васъ влюбился бы я.

*

Что жъ сказать мнѣ о мужѣ?
Похвалишь, такъ солжешь;
А глупѣе и хуже
Съ фонаремъ не найдешь.

5.

НА ОСТАВЛЕНІЕ КНЯЗЕМЪ ОДОЕВСКИМЪ ДОЛЖНОСТИ ДИРЕКТОРА РУМЯНЦЕВСКА-ГО МУЗЕЯ.

Князь—твое отродье, Рюрикъ,
Черезъ двадцать пять колѣнъ!
Князь, не то что́ князь-мазурикъ,
Изъ Армянъ или Туркменъ;
Князь, не то чтобы князь нѣкій—
Русскихъ старшина князей,
Упустилъ изъ подъ опеки
Свой Румянцевскій музей:
Ротозѣй ты, ротозѣй!

6.

ЗАКАЗЪ КУШАНЬЯ СНИЗУ НА ВЕРХЪ [1].

АКРОСТИХЪ.

*Ут*ку изжарить,
*Рѣ*дко удастся!
*Ми*лый кухмистеръ,
*Фа*ршу не рѣзать,
*Соль*ю не брезгать:
*Ла*комо будетъ
*Си*це творящу.

7.

ВОПІЮЩАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Скопятъ людей у нашей братьи!
Про это свѣдавъ, на бѣду
Приказъ: всѣхъ насъ забрать, и
Немедленно предать суду.

*

Чьегожъ заступничества ради
Другимъ скопителямъ просторъ?
Не подъ судомъ до этихъ поръ
Отрѣшковъ, Анненковъ, Геннади! [2]

Плотицынъ.

ЧЕТЫРЕ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХА А. С. ПУШКИНА [3].

Въ глуши что́ дѣлать въ это время?
Гулять? Но голы всѣ мѣста,
Какъ лысое Сатурна темя
Иль крѣпостная нищета.

(Онѣгинъ, глава IV-я, стран. XLIII-я).

Сообщено покойнымъ С. А. Соболевскимъ.

---

[1]) Князь Одоевскій, великій знатокъ кулинарнаго искусства, жилъ въ Москвѣ (на Смоленскомъ бульварѣ въ домѣ князя Волконскаго), во второмъ этажѣ, надъ Соболевскимъ.

[2]) Издатели сочиненій Пушкина.

[3]) Пушкинъ передѣлалъ для печати эти, въ то время нецензурные, стихи въ слѣдующіе:

Въ глуши что̀ дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА
О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ
1831—1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.
О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ. — КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, въ домѣ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса нужно высылать адресъ прежній и 10 коп., когда городскій адресъ мѣняется на городскій или иногородный на иногородный; 64 коп. для перемѣны городскаго на иногородный и 50 к. для перемѣны иногородняго на городской, такъ какъ почтовое вѣдомство беретъ полную годовую пересылочную плату, хотя бы по какому нибудь адресу изданіе пересылалось всего одинъ разъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по **4** рубли, съ пересылкою по **4** р. **50** к.

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи—**2** р. **50** к. За полгода цѣны на пересылку за границу половинныя.

О доставленіи недосланныхъ денегъ Контора Русскаго Архива напоминаетъ тѣмъ лицамъ, которыя не сполна оплатили годовую подписку.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ.